This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

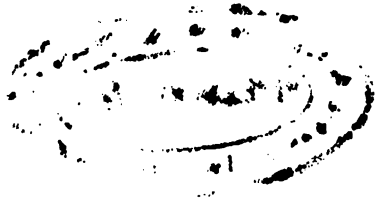
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

ЛОИЗ
Ц. 1 р. 50 к.

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES



Ист Kareev, N. I.

Н. Карѣевъ.

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ
НА
ИСТОРІЮ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ
ВЪ ПЕРВЫЯ ДВѢ ТРЕТИ
XIX вѣка.

80964

Продолженіе „Философіи культурной и соціальной исторіи новаго времени".

Библиотека им. Н. Ковальского
Передвижн. база
Ленингр. Гос. Университет

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1905.

НК

D299
K33

3438

По опредѣленію Экономическаго Отдѣленія С.-Петербургскаго Политехническаго Института печатать разрѣшается. 24-го февраля 1905 г.

Деканъ *А. Посниковъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе V

I. Вліяніе французской революціи на политическую жизнь Западной Европы въ XIX в. 1

II. Значеніе экономическаго переворота конца XVIII и начала XIX в. въ исторіи Западной Европы 19

III. Общій взглядъ на наполеоновскую эпоху 35

IV. Общій характеръ реакціонныхъ стремленій эпохи реставраціи 52

V. Общій взглядъ на либерализмъ двадцатыхъ годовъ XIX в. 67

VI. Южно-романскія революціи и конгрессы двадцатыхъ годовъ XIX в. 78

VII. Іюльская революція и ея вліяніе на Европу 86

VIII. Господство буржуазіи въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ XIX в. 96

IX. Демократическія движенія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ XIX в. 103

X. Соціальныя ученія первой половины XIX в. 116

XI. Національные вопросы первой половины XIX в. . . . 130

XII. Общеевропейскій кризисъ 1848 года и его исходъ . . . 139

XIII. Общій взглядъ на реакцію пятидесятыхъ годовъ XIX в. 153

XIV. Оживленіе политическихъ и соціальныхъ стремленій въ шестидесятыхъ годахъ XIX в. 161

XV. Примѣненіе принципа національностей къ политикѣ въ 1859—1871 гг. 171

XVI. Взглядъ на умственное развитіе въ Западной Европѣ въ первыя двѣ трети XIX в. 183

Приложеніе 192

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Окончивъ около двѣнадцати лѣтъ тому назадъ первые три тома своей „Исторіи Западной Европы“, прежде нежели начать работу надъ исторіей XIX в., первая треть котораго должна была быть изложена въ четвертомъ томѣ, я резюмировалъ содержаніе только что оконченныхъ трехъ томовъ въ небольшой книжкѣ съ нѣсколько, быть можетъ, громкимъ заглавіемъ [1]), вполнѣ, однако, со-

[1]) Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени (1300—1800). Введеніе въ исторію XIX вѣка. (Основныя понятія, главнѣйшія обобщенія и наиболѣе существенные итоги исторіи XIV—XVIII вѣковъ). Изд. 2. Спб. 1902. Въ текстѣ книжки 200 страницъ такого же формата и такого же шрифта, какъ и въ настоящей. О содержаніи ея можно судить по слѣдующему оглавленію: Вступленіе.—I. Очеркъ соціальныхъ отношеній новаго времени.—II. Политическій строй новыхъ вѣковъ.—III. Средневѣковое міросозерцаніе.—IV. Сущность гуманистическаго движенія.—V. Культурное значеніе религіозной реформаціи.—VI. Соціальная и политическая сторона реформаціи.—VII. Культурная и политическая реакція.—VIII. Старые государственные и общественные порядки. — IX. Характеристика „просвѣщенія“ XVIII в.—X. Просвѣщенный абсолютизмъ и французская

отвѣтствовавшимъ тому, что я въ ней хотѣлъ дать читателю. Когда была черезъ пять лѣтъ окончена работа и надъ слѣдующими двумя томами „Исторіи Западной Европы“, доводящими изложеніе до 1870 г., я задумалъ и ихъ содержаніе изложить въ краткомъ очеркѣ, въ которомъ à vol d'oiseau и въ самыхъ общихъ чертахъ, конечно, было бы представлено политическое, экономическое, соціальное и культурное развитіе Западной Европы въ первыя двѣ трети XIX в. Работа была даже начата [1]), но разныя обстоятельства заставили меня ее сначала бросить неоконченною, да и потомъ мѣшали мнѣ къ ней возвратиться. Только необходимость, представившаяся мнѣ съ осени 1904 г. прочесть въ Спб. Политехническомъ Институтѣ, при одной лекціи въ недѣлю, курсъ исторіи главныхъ явленій XIX в. навела меня на мысль окончить прерванную около шести лѣтъ тому назадъ работу, сдѣлавъ изъ нея на этотъ разъ нѣчто въ родѣ конспекта курса съ указаніями на §§ учебника и на главы моей большой книги, гдѣ мои слушатели могли бы находить подробности, сообщавшіяся на лекціяхъ, но оставшіяся невключенными въ текстъ книжки. Быть можетъ, опытный читатель отличитъ, гдѣ преры-

---

революція. — Нѣкоторыя главы нашего общаго обзора XIX в. болѣе или менѣе тѣсно примыкаютъ къ отдѣльнымъ главамъ „Философіи культурной и соціальной исторіи новаго времени“, что въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ и отмѣчается.

[1]) Изъ нея первыя двѣ главы были уже мною напечатаны (съ сокращеніями) въ составѣ моей книги „Общій ходъ всемірной исторіи“ (Спб. 1903), стр. 229—245.

вается написанное въ 1898 г. и начинается написанное только теперь: я, по крайней мѣрѣ, самъ чувствую разницу, но такъ какъ она не касается самаго существа дѣла, я и не старался ее сгладить.

Такимъ образомъ, этотъ „Общій взглядъ на исторію Западной Европы въ первыя двѣ трети XIX в.“, съ одной стороны, является продолженіемъ подобной же книжки, посвященной вообще новой исторіи до конца XVIII в., а съ другой—своего рода résumé IV и V томовъ „Исторіи Западной Европы въ новое время“. Надѣюсь, что ея изданіе будетъ нелишнимъ, какъ нелишнею оказалась и „Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени“, къ которой „Общій взглядъ“ примыкаетъ, какъ естественное ея продолженіе.

I. Вліяніе французской революціи на политическую жизнь Западной Европы въ XIX вѣкѣ [1]).

1. Два переворота въ началѣ новѣйшаго времени. — 2. Политическія революціи XIX в.—3. „Старый порядокъ“ и новыя идеи въ XVIII в.— 4. Идеи свободы и равенства въ законодательныхъ памятникахъ со временъ французской революціи.—5. Безсословное гражданство и паденіе крѣпостничества.—6. Атомизація общества.—7. Общественныя классы, проигравшіе и выигравшіе отъ переворота.

---

1. Исторія новѣйшаго времени на западѣ Европы начинается двумя переворотами, которые являются исходными пунктами всей общественной эволюціи XIX вѣка.

---

[1]) Исторія Западной Европы въ новое время, томъ III, гл. 26 (Принципы индивидуальной свободы и народовластія въ законодательствѣ конституанты) и гл. 27 (Преобразованіе общественнаго строя во Франціи во время революціи) и томъ IV, гл. 2 (Вліяніе французской революціи на Европу).

— Для элементарныхъ фактическихъ справокъ „Учебная книга новой исторіи“: § 232. Работы учредительнаго собранія. § 233. Декларація правъ. § 234. Реформы учредительнаго собранія. § 247. Значеніе революціонныхъ войнъ. § 248. Революціонныя войны.

— Въ книжкѣ „Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени“ настоящая глава примыкаетъ непосредственно къ послѣдней главѣ („Просвѣщенный абсолютизмъ и французская революція“).

Первымъ изъ этихъ переворотовъ была политическая революція, начавшаяся въ концѣ XVIII в. во Франціи и распространившаяся оттуда очень скоро на другія страны. Другому перевороту, который ранѣе всего испытала на себѣ Англія,—именно въ концѣ XVIII в.,—присваивается также названіе революціи, но это была революція чисто экономическая. Несомнѣнно, что на европейскомъ материкѣ политическая революція предшествовала экономической, и потому мы должны начать разсмотрѣніе главнѣйшихъ явленій общественнаго развитія въ XIX в. съ того политическаго переворота, который произошелъ во Франціи въ концѣ XVIII в. Съ другой стороны, политическія перемѣны совершаются вообще быстрѣе перемѣнъ экономическихъ и сопровождаются обыкновенно историческими событіями, которыя сильно дѣйствуютъ на воображеніе какъ современниковъ, такъ и потомства: таковы были именно событія конца XVIII и начала XIX вв. Между тѣмъ экономическая революція, совершавшаяся въ то же самое время въ Англіи, совсѣмъ не приковывала къ себѣ общественнаго вниманія, и о ней заговорили лишь тогда, когда успѣли вполнѣ обнаружиться главныя слѣдствія отдѣльныхъ экономическихъ перемѣнъ, изъ которыхъ, такъ сказать складывалась эта экономическая революція.

2. Съ 1789 года, когда во Франціи началась великая революція, въ жизни Западной Европы начался новый историческій періодъ. Французская революція, имѣвшая, повидимому, сначала чисто мѣстный характеръ, весьма быстро получила значеніе общеевропейскаго переворота. Въ 1792 г. между Франціей, только-что совершившей у себя революцію, и другими государствами, ополчившимися на защиту старыхъ порядковъ, началась война, которая почти безъ перерывовъ продолжалась чуть не

цѣлую четверть вѣка и которая для остальной Европы была своего рода распространеніемъ, въ отдѣльныхъ ея частяхъ, принциповъ французской революціи. Въ 1815 г. Западная Европа перешла въ періодъ прочнаго и долговременнаго международнаго мира, но внутри отдѣльныхъ государствъ все еще продолжалось движеніе, вызванное французской революціей. Въ 1820—21 гг. произошло нѣсколько возстаній на Пиренейскомъ и Апеннинскомъ полуостровахъ. Десять лѣтъ спустя іюльская революція въ Парижѣ повлекла за собою цѣлый рядъ новыхъ потрясеній—въ Бельгіи и въ Польшѣ, въ Германіи и въ Италіи. Въ 1848 г. опять какъ бы по сигналу, данному изъ Парижа, почти всѣ страны Западной Европы были охвачены революціонной бурей, которая улеглась не очень скоро. Всѣ эти политическія движенія на пространствѣ нѣсколькихъ десятилѣтій имѣли въ общемъ одинъ и тотъ же характеръ, совершались подъ однимъ и тѣмъ же знаменемъ. Насколько позволительно сводить крупныя историческія событія къ немногимъ основнымъ принципамъ, мы можемъ сказать, что всѣ перевороты, непосредственно вызванные революціей 1789 г., равно какъ всѣ указанныя движенія первой половины XIX в. совершались во имя двухъ идей — идеи свободы и идеи равенства. Въ самомъ дѣлѣ, французская революція 1879 года, а за нею и всѣ остальныя революціи были прежде всего направлены противъ старыхъ государственныхъ и общественныхъ порядковъ, которые были цѣликомъ основаны на отрицаніи гражданской свободы и гражданскаго равенства. Въ настоящее время въ исторической наукѣ употребляется съ весьма опредѣленнымъ смысломъ выраженіе ancien régime, и обозначаетъ оно не что иное, какъ соединеніе политическаго абсолютизма съ соціальными привилегіями, характеризующее внутрен-

ній бытъ до-революціонной Франціи и другихъ европейскихъ государствъ, еще не подвергавшихся внутреннимъ перемѣнамъ въ духѣ принциповъ французской революціи. Политическая революція, о которой вообще мы теперь говоримъ, была именно войной, объявленной абсолютизму и привилегіямъ во имя идей свободы и равенства.

3. Бросимъ въ самомъ дѣлѣ бѣглый взглядъ на государство и общество „стараго порядка“ [1]). Государство въ ту эпоху было полнымъ отрицаніемъ свободы и въ смыслѣ участія общества въ управленіи, и въ смыслѣ огражденія правъ отдѣльной личности. Это была эпоха полнаго развитія абсолютизма на развалинахъ старыхъ сословно-представительныхъ учрежденій, которыя въ XIV — XVI вв. были болѣе или менѣе общими всѣмъ европейскимъ націямъ и являлись своеобразною формою участія общества въ государственныхъ дѣлахъ. Другою особенностью государственнаго быта при старомъ порядкѣ было то, что впослѣдствіи обобщилось и выразилось въ понятіи „полицейскаго государства“, Polizeistaats, тоже получившемъ право гражданства въ исторической наукѣ: полицейское государство было принципіальнымъ врагомъ индивидуальной свободы. Въ то же время это несвободное общество цѣликомъ, такъ сказать, было основано на идеѣ неравенства. Оно расчленялось на отдѣльныя сословія съ весьма неравными правами, и сами эти сословія представляли изъ себя своего рода общественную лѣстницу, верхнимъ ступенямъ которой соотвѣтствовали всевозможныя привилегіи, низшимъ — разные виды безправія вплоть до крѣпостничества, юридически мало чѣмъ отличавшагося отъ рабства. Въ XVIII в. такому государ-

---

[1]) Ср. „Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени“, гл. VIII (Старые государственные и общественные порядки).

ственному и общественному строю сознаніе передовой части общества, главнымъ органомъ которой сдѣлалась литература, противопоставило идеи свободы и равенства, подъ знаменемъ каковыхъ и совершались политическія движенія революціонной эпохи.

Идеи равенства и свободы были главными и основными понятіями политической философіи XVIII в., которая обосновывала ихъ на понятіи такъ называемаго „естественнаго права“ [1]). Въ реформаціонную эпоху европейской исторіи, когда тоже происходили общественныя движенія во имя свободы и равенства, теоретическое оправданіе этихъ двухъ идей искали въ волѣ Божіей, познаваемой въ св. писаніи или во внутреннемъ откровеніи. Философія XVIII в. объявила источникомъ знанія истины человѣческій разумъ и замѣнила ссылку на волю Божію естественнымъ правомъ, открываемымъ дѣятельностью человѣческаго разума. Съ точки зрѣнія этой философіи исторически сложившіяся политическія и соціальныя формы должны были подвергнуться отрицанію, какъ несоотвѣтствующія требованіямъ разума, т.-е. естественному праву. За теоретическимъ отрицаніемъ господствовавшихъ государственныхъ и общественныхъ порядковъ послѣдовало практическое осуществленіе требованій естественнаго права, реализація идей свободы и равенства. Абсолютная монархія должна была уступить мѣсто народному самоуправленію, привилегированныя сословія должны были раствориться въ безсословномъ гражданствѣ. Таковы были основныя стремленія революціи 1789 года, но то же самое можно сказать и о другихъ революціонныхъ движеніяхъ политическаго характера съ конца XVIII в.

---

[1]) Тамъ же, гл. IX (Характеристика просвѣщенія XVIII в.).

4. Эти принципы были запечатлѣны именно въ цѣломъ рядѣ разнаго рода декларацій и конституцій, изданіемъ которыхъ сопровождались всѣ указанныя политическія движенія. Въ данномъ отношеніи особенно интересно сравнить между собою французскую „Декларацію правъ человѣка и гражданина", выработанную въ 1879—91 гг., съ соотвѣтственною частью германской конституціи 1849 г. Это сравненіе покажетъ намъ, что и въ началѣ, и въ концѣ періода чисто политическихъ революцій мы имѣемъ дѣло съ одними и тѣми же принципами политической свободы и гражданскаго равенства. На протяженіи 60 лѣтъ между 1789 и 1849 гг. совершился на западѣ Европы цѣлый рядъ политическихъ переворотовъ, но всѣ они имѣютъ одинъ и тотъ же характеръ. Французская „Декларація правъ человѣка и гражданина" исходитъ изъ того общаго положенія, что „единственными причинами общественныхъ бѣдствій и порчи правительствъ" являются „незнаніе, забвеніе или презрѣніе правъ человѣка", правъ, которыя декларація называетъ „естественными, неотчуждаемыми и священными". Выводы, какіе могутъ быть сдѣланы изъ этихъ правъ, декларація провозглашаетъ простыми и безспорными. „Люди рождаются и остаются свободными и равными въ правахъ". Таковъ первый и основной принципъ всей декларацiи. Права эти заключаются въ „свободѣ, собственности, безопасности и сопротивленіи угнетенію", причемъ свобода опредѣляется, какъ „возможность дѣлать все, что не вредитъ другому. Такимъ образомъ, поясняетъ декларація, пользованіе каждаго человѣка его естественными правами не имѣетъ границъ кромѣ тѣхъ, которыя обезпечиваютъ за другими членами общества пользованіе тѣми же правами". Нѣсколькими спеціальными статьями устанавливаются разные виды

индивидуальной свободы, т.-е. личная неприкосновенность, свобода совѣсти, свобода мысли, свобода слова и свобода печати. Собственность также объявляется ненарушимымъ и священнымъ правомъ, въ силу чего никто не можетъ быть лишаемъ ея, кромѣ случаевъ, когда того требуетъ общественная надобность, да и то лишь подъ условіемъ законнаго вознагражденія. Свободныя личности должны пользоваться полнымъ равенствомъ передъ закономъ: декларація допускаетъ существованіе лишь такихъ общественныхъ различій, которыя основаны на общей пользѣ. „Законъ долженъ быть равный для всѣхъ, имѣетъ ли онъ цѣлью защиту или наказаніе. Такъ какъ всѣ граждане передъ нимъ равны, то они должны быть одинаково допускаемы ко всѣмъ званіямъ, мѣстамъ и общественнымъ должностямъ по своимъ способностямъ и безъ иныхъ различій, кромѣ существующихъ въ ихъ добродѣтели и талантахъ". Вмѣстѣ съ этимъ декларація говорила и о равномѣрномъ распредѣленіи налоговъ между гражданами сообразно съ ихъ средствами. Совокупности свободныхъ и между собою равныхъ гражданъ принадлежитъ верховная власть въ государствѣ. „Принципъ всей верховной власти находится существеннымъ образомъ въ націи. Законъ есть выраженіе общей воли. Всѣ граждане имѣютъ право лично или чрезъ представителей участвовать въ изданіи законовъ", а также „право лично или чрезъ своихъ представителей опредѣлять необходимость общественныхъ налоговъ, свободно на нихъ соглашаться, слѣдить за ихъ употребленіемъ, устанавливать ихъ размѣръ, основаніе раскладки, способъ взиманія и срокъ". Поэтому декларація объявляла, что „никакое учрежденіе, никакое лицо не можетъ осуществлять власти, не происходящей прямо отъ націи", и что „общество

имѣетъ право требовать отчета у каждаго публичнаго агента своей администраціи".

Приблизительно тѣ же самые принципы мы находимъ формулированными въ томъ отдѣлѣ германской конституціи 1849 г., который носитъ заголовокъ „Основныя права нѣмецкаго народа". Подобно тому, какъ „Декларація правъ человѣка и гражданина" объявляла свои принципы стоящими выше конституціи, такъ и здѣсь провозглашалось, что упомянутыя основныя права должны „служить нормою для конституціи отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ". Въ нѣсколькихъ статьяхъ конституція 1849 г. говоритъ, какъ и декларація 1791 г., о личной неприкосновенности и о разныхъ видахъ индивидуальной свободы; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ германская конституція—только обстоятельнѣе своего прототипа, прибавляя даже особый параграфъ о правѣ народныхъ собраній. Очень подробно говорится въ конституціи и о гражданскомъ равенствѣ. „Передъ закономъ нѣтъ различія сословій. Дворянство, какъ сословіе отмѣняется. Сословныя привилегіи уничтожаются. Нѣмцы равны передъ закономъ. Всѣ титулы, поскольку они не соединены съ какою-либо должностью, отмѣняются и не должны быть возстановляемы. Общественныя должности одинаково доступны для всѣхъ, способныхъ ихъ занимать" и т. п. И въ Германіи конституція основывала государство на народномъ представительствѣ. „Каждое нѣмецкое государство, гласитъ одна статья этого законодательнаго памятника, должно имѣть конституцію съ народнымъ представительствомъ. Министры отвѣтственны передъ народнымъ представительствомъ. Народное представительство имѣетъ рѣшающій голосъ въ вопросахъ законодательства, налоговъ и государственнаго бюджета".

Мы видимъ такимъ образомъ почти полное совпа-

деніе между политическими принципами двухъ революцій, отдѣленныхъ одна отъ другой болѣе, чѣмъ полувѣкомъ. Въ обоихъ случаяхъ исходный пунктъ одинъ и тотъ же— идея свободной личности, равноправной съ другими личностями и подчиняющейся лишь закону, какъ выраженію общей воли. Разъ каждая отдѣльная личность свободна, и народъ, какъ совокупность подобныхъ личностей, долженъ управляться самъ собою. Такимъ образомъ вся разсматриваемая нами политическая программа можетъ быть выражена въ трехъ принципахъ: личная свобода, безсословное гражданство, народное самоуправленіе. Это самоуправленіе осуществляется посредствомъ представительныхъ учрежденій, которыя дѣлаются главною цѣлью политической борьбы со стороны защитниковъ индивидуальной свободы и гражданскаго равенства.

5. Представительныя учрежденія не были новостью въ исторіи западно-европейскаго государства, потому что возникли еще въ средніе вѣка, но между старыми и новыми учрежденіями этого характера есть большая разница: средневѣковое представительство было сословнымъ въ соотвѣтствіи съ сословнымъ строемъ общества, тогда какъ представительство новое является, по крайней мѣрѣ, въ теоріи представительствомъ національнымъ, общенароднымъ. Въ исторіи французской революціи можно отмѣтить весьма опредѣленно моментъ, когда произошла замѣна одного политическаго принципа другимъ. Именно, 17 іюня 1789 года сословные генеральные штаты превратились въ безсословное національное собраніе, и это превращеніе въ исторіи представительныхъ учрежденій было концомъ одного періода и началомъ другого, хотя уже раньше англійскій парламентъ утратилъ слѣды своего сословнаго происхожденія, позднѣе же начало сословности продолжало еще жить въ нѣмецкихъ представительныхъ учре-

жденіяхъ XIX в. Сословное представительство возможно только въ обществѣ, расчлененномъ на сословія, но дѣло именно въ томъ и заключается, что французская революція положила конецъ сословнымъ привилегіямъ во имя идеи гражданскаго равенства. И въ этомъ послѣднемъ отношеніи мы можемъ указать на дату, когда сразу рухнулъ весь соціальный феодализмъ, и на его развалинахъ основано было безсословное гражданство. Какъ извѣстно, это произошло въ знаменитомъ ночномъ засѣданіи четвертаго августа 1789 г. Рѣшенія, принятыя въ этомъ засѣданіи представителями французскаго народа, для соціальныхъ отношеній имѣли тотъ же смыслъ, какой въ политической области получило постановленіе 17 іюня. Впослѣдствіи эти рѣшенія вошли въ составъ конституціи 1791 г., которая на первыхъ же строкахъ своихъ объявляла „безповоротно уничтоженными всѣ учрежденія, оскорблявшія свободу и равенство правъ“: „нѣтъ больше, читаемъ мы въ этой конституціи, ни дворянства, ни пэрства, ни наслѣдственныхъ отличій, ни сословнаго раздѣленія, ни феодальнаго режима, ни патримоніальной юстиціи, ни какихъ-либо титуловъ, званій и прерогативъ, изъ всего этого возникающихъ, ни какихъ-либо рыцарскихъ орденовъ, корпорацій и украшеній, для которыхъ требовались бы доказательства дворянства или которые предполагали бы неравенство рожденія“. Поэтому конституція прямо заявляла, что впредь во Франціи будетъ существовать только одно состояніе гражданъ (l'état des citoyens). Мы видѣли, что аналогичное постановленіе было включено и въ германскую конституцію 1849 г. Естественными правами всѣхъ гражданъ конституція 1791 г. признавала одинаковое для всѣхъ право занимать разныя государственныя и общественныя должности, равномѣрность распредѣленія

между гражданами налоговъ и общую подсудность однимъ и тѣмъ же уголовнымъ законамъ.

Въ это состояніе гражданъ, благодаря революціи, вступили во Франціи и тѣ общественные классы, которые ранѣе вообще не считались полноправными гражданами государства и даже были лишены самыхъ элементарныхъ правъ свободныхъ людей. Въ такомъ положеніи находилась въ до-революціонной Франціи почти вся масса сельскаго населенія. Правда, число крѣпостныхъ здѣсь было сравнительно съ нѣкоторыми другими континентальными странами очень небольшое, но и свободная часть крестьянства все еще продолжала находиться подъ властью привилегированныхъ землевладѣльцевъ духовнаго и свѣтскаго званія. Поземельная собственность, находившаяся въ рукахъ непривилегированныхъ сословій, тоже не была свободна, такъ какъ и на нее распространялись извѣстныя права привилегированныхъ землевладѣльцевъ. Мало того: неравенство, существовавшее между лицами, переносилось и на самыя земли, тоже дѣлившіяся на благородныя и подлыя. Освобождая личность крестьянина, революція вмѣстѣ съ этимъ освобождала и его собственность; установляя равенство между людьми, она установляла равенство и между землями. Вообще нужно сказать, что и другія политическія движенія съ конца прошлаго вѣка въ большинствѣ случаевъ были связаны съ исторіей крестьянскаго вопроса тамъ, гдѣ продолжали существовать феодальные порядки и крѣпостничество. Окончательная ликвидація этихъ соціальныхъ отношеній чисто средневѣкового происхожденія была предпринята на западѣ Европы лишь подъ вліяніемъ революціи 1848 г. Это было естественное примѣненіе къ общественной жизни принциповъ юридической свободы и равенства передъ закономъ.

6. Философія естественнаго права должна была отнестись отрицательно ко всѣмъ порядкамъ и учрежденіямъ, которыя не оправдывались передъ идеями разума, и съ этой точки зрѣнія все исторически сложившееся подлежало отмѣнѣ, поскольку противорѣчило новымъ понятіямъ о правахъ личности и о происхожденіи и задачахъ государства. Когда французскому національному собранію пришлось создавать новую административную сисгему, то въ основу дѣленія государства на департаменты были положены не исторически сложившіяся границы провинцій, округовъ, бальяжей и т. п., а чисто отвлеченные принципы геометріи и ариѳметики: каждый департаментъ долженъ былъ быть по возможности равной съ другими величины и имѣть приблизительно одинаковое количество жителей. Это было полнымъ разрывомъ съ исторіей во имя чисто отвлеченнаго представленія государства, въ которомъ все должно быть основано на отвлеченныхъ принципахъ. Философія естественнаго права знала только индивидуальную свободу и общегосударственный интересъ. Все промежуточное между отдѣльною личностью и политическимъ цѣлымъ съ этой точки зрѣнія не могло и не должно было имѣть самостоятельнаго значенія. Французскіе департаменты вышли поэтому совершенно искусственными административными единицами, которыя съ удобствомъ могли уложиться лишь въ систему правительственной централизаціи. Отдѣльная личность, которой не разрѣшалось создавать общественные союзы корпоративнаго характера, равнымъ образомъ оказалась слишкомъ слабою въ сравненіи прежде всего съ государствомъ, какъ представителемъ правильно или неправильно понимаемаго общаго интереса. Принципъ личной свободы французская революція примѣнила и къ труду, къ промышленной дѣятельности человѣка. Въ этой области

индивидуумъ долженъ былъ быть свободнымъ, и притомъ не по отношенію къ одному только государству. Уничтожая крѣпостничество, барщину, разнаго рода стѣсненія, которымъ крестьянинъ подвергался въ своей хозяйственной дѣятельности, революція тѣмъ самымъ освобождала личный трудъ, но тогдашняя экономическая школа физіократовъ, опиравшаяся на идею естественнаго порядка, давно требовала отмѣны стѣсненій для свободы труда и предпріимчивости и въ области индустріи. Свободѣ въ этомъ смыслѣ препятствовала старая цеховая организація ремеслъ, въ которой притомъ начала эксплуатаціи въ значительной мѣрѣ расшатали старыя основы солидарности работниковъ одной и той же спеціальности. Во имя свободы личности революція не только отмѣнила всѣ цеховыя учрежденія, но даже и на будущее время запретила устраивать какія бы то ни было ассоціаціи на почвѣ общихъ экономическихъ интересовъ, дабы ни подъ какимъ видомъ старые цехи не могли возродиться къ жизни. Въ такомъ именно смыслѣ французское національное собраніе издало 14 іюня 1791 года спеціальный декретъ. Тогдашніе французскіе законодатели усматривали въ возможныхъ попыткахъ основанія новыхъ союзовъ нѣчто „неконституціонное и заключающее въ себѣ покушеніе на свободу и декларацію правъ человѣка". Представляя этотъ декретъ національному собранію, докладчикъ, на которомъ лежала обязанность подробно мотивировать принимаемое рѣшеніе, указывалъ на то, что въ государствѣ не должно быть иныхъ интересовъ, кромѣ частнаго интереса каждаго отдѣльнаго лица и интереса общаго: „никому, говорилъ онъ, не дозволяется внушать гражданамъ какой-то промежуточный интересъ и отдѣлять ихъ отъ общественнаго дѣла корпоративнымъ духомъ", тѣмъ болѣе, что корпораціи противо-

рѣчатъ принципу „свободныхъ соглашеній лица съ лицомъ".

Итакъ революція знала только отдѣльную личность и государство и ничего промежуточнаго между ними. Если можно такъ выразиться, революція атомизировала общество, уничтоживъ старые общественные союзы, сословія и корпораціи и поставивъ каждаго отдѣльнаго человѣка лицомъ къ лицу съ другими единичными личностями и съ государственною властью, построенною на новомъ началѣ. Самостоятельные общественные союзы стѣсняли личную свободу и мѣшали проявленію государственнаго всемогущества; но въ нихъ была и другая сторона, а именно, солидарная защита общихъ интересовъ и соединенныхъ съ ними правъ: снимая съ личности прежніе путы, революція отнимала у нея и возможность обороняться въ союзѣ съ другими. Вотъ почему въ той критикѣ революціоннаго законодательства, которая шла изъ консервативнаго лагеря, не все было результатомъ предразсудковъ и непониманія.

Кромѣ отдѣльныхъ провинцій, сословій и корпорацій, основывавшихся на историческомъ правѣ,—хотя бы такого термина тогда и не существовало, — революціи пришлось еще имѣть дѣло съ организаціей, которая ссылалась на право еще высшаго порядка—на божественное право. Съ точки зрѣнія естественнаго права личности революція отняла у католической церкви ея прежнюю власть надъ обществомъ, провозгласивъ свободу совѣсти и равноправность всѣхъ исповѣданій. Но и въ этой области національное собраніе не хотѣло допустить свободной общественной организаціи, взглянувъ на церковь, какъ на чисто государственное учрежденіе, а на служителей религіи, какъ на своего рода общественныхъ чиновниковъ. Таковъ былъ именно смыслъ такъ назы-

ваемаго гражданскаго устройства духовенства, декретированнаго 12 іюля 1790 г. И здѣсь отдѣльная личность, за которою признавалась свобода совѣсти, но не признавалась свобода религіознаго общенія, ставилась лицомъ къ лицу съ государствомъ, преобразовывавшимъ по своему усмотрѣнію и въ своихъ интересахъ внутренніе распорядки католической церкви. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ государство не разрушало старой организаціи, а приспособляло ее къ своимъ цѣлямъ, хотя вслѣдствіе этого ему и пришлось прійти въ столкновеніе съ принципомъ религіозной свободы. Вообще революціонныя правительства конца XVIII в. охотно расширяли индивидуальную свободу лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она сталкивалась съ государственнымъ интересомъ (raison d'état), который тоже обосновывался на идеѣ естественнаго права. Революція уничтожала старые порядки и учрежденія, опиравшіеся на историческомъ или божественномъ правѣ во имя права естественнаго, которое понималось не только въ смыслѣ индивидуальной свободы, но и въ смыслѣ государственнаго интереса. Права и привилегіи отдѣльныхъ мѣстностей, сословій и корпорацій приносились въ жертву не только личностей, но и государства. Нивеллируя общество, государство въ то же время его атомизировало, и это не могло не отразиться на взаимныхъ отношеніяхъ отдѣльныхъ классовъ общества: мы еще увидимъ [1]), какое значеніе получила отмѣна цеховъ въ той промышленной революціи, которая тоже положила свою печать на взаимное отношеніе соціальныхъ классовъ въ XIX столѣтіи.

7. Намъ остается еще рѣшить вопросъ о томъ, какіе общественные элементы получили наибольшую выгоду

---

[1]) См, въ слѣдующей главѣ.

отъ крушенія старыхъ порядковъ, отъ введенія безсословнаго гражданства и народнаго самоуправленія. Проиграли, конечно, оба привилегированныя сословія—духовенство и дворянство, которыя лишились своего господствующаго положенія въ обществѣ, своихъ исключительныхъ правъ, своей власти надъ сельскимъ населеніемъ и значительной части ранѣе принадлежавшихъ имъ земель и доходовъ. Эти два сословія уже въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма представляли изъ себя консервативную оппозицію противъ задумывавшихся или проводившихся тогда реформъ. Между привилегированными и революціей могла быть только борьба, и паденіе революціоннаго движенія необходимо должно было сопровождаться клерикальной и феодальной реакціей. Выиграли отъ введенія новыхъ порядковъ вообще всѣ непривилегированные, хотя въ весьма различныхъ степеняхъ и далеко не въ одинаковыхъ отношеніяхъ. Непривилегированные сами распадались на нѣсколько классовъ, различавшихся между собою и въ экономическомъ, и въ культурномъ смыслахъ. Въ общемъ, однако, мы имѣемъ право говорить о двухъ большихъ частяхъ націи, изъ которыхъ одну стали называть буржуазіей, другую—народомъ. Эти два класса были заинтересованы въ паденіи старыхъ порядковъ, но новые порядки получили для нихъ неодинаковое значеніе. Наиболѣе выиграла отъ революціи буржуазія.

Въ экономическомъ и культурномъ отношеніяхъ буржуазія при старомъ порядкѣ уже возвысилась до того уровня, на которомъ находилось дворянство, но въ отношеніяхъ юридическомъ и политическомъ между обоими классами существовала громадная разница. Зажиточный и образованный буржуа постоянно чувствовалъ приниженность своего положенія и вслѣдствіе этого дѣлался горячимъ противникомъ аристократическихъ привилегій.

Расо

Паденіе стараго сословнаго строя ставило буржуазію на верхнюю ступень общественной лѣстницы, потому что теперь положеніе человѣка въ обществѣ опредѣлялось не его происхожденіемъ, а его имуществомъ, и прежняя соціальная роль землевладѣнія распространилась и на движимое имущество. Все, что при старомъ порядкѣ могло быть достояніемъ только одного дворянства, дѣлалось доступнымъ и для буржуазіи. Разнаго рода препятствія, которыя существовали въ сословномъ строѣ для дальнѣйшаго развитія соціальнаго значенія буржуазіи, исчезли, и средніе классы могли занять первенствующее положеніе въ обществѣ. Съ другой стороны, революція и матеріально обогатила буржуазію. такъ какъ сопровождалась перемѣщеніемъ значительной части поземельной собственности изъ однѣхъ рукъ въ другія. Хотя до сихъ поръ вопросъ о распродажѣ такъ называемыхъ національныхъ имуществъ возбуждаетъ еще въ исторической наукѣ споры, въ общемъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что покупщиками этихъ имуществъ, образовавшихся изъ бывшихъ королевскихъ доменовъ, изъ секуляризованной церковной собственности и изъ имѣній, конфискованныхъ у эмигрантовъ, являлись главнымъ образомъ люди, у которыхъ были денежныя средства. Пусть въ покупкѣ національныхъ имуществъ принимали участіе и крестьяне, но это не была вся крестьянская масса, а только болѣе зажиточное меньшинство. Мы не знаемъ, какая часть земель была куплена крестьянами и какая буржуазіей, но никто не станетъ отрицать, что буржуазія очень поживилась на счетъ національныхъ имуществъ. Выигрывало отъ революціи, конечно, и крестьянство, потому что и съ него снимались феодальныя путы; однако, этотъ общественный классъ, благодаря революціи, получалъ только возможность вести болѣе человѣческую жизнь: буржуазіи

80964
Библиотека им. М. Горького
ПЕРЕДВИЖНА БАЗА
Ленингр. Гос. Университет

революція позволяла сдѣлаться общественнымъ классомъ, крестьянство она только выводила изъ приниженнаго положенія. Притомъ, и въ сельскомъ населеніи существовали крестьяне-собственники и крестьяне безземельные. Первые выигрывали отъ уничтоженія феодальныхъ правъ и церковной десятины тѣмъ болѣе, что это уничтоженіе было совершено во Франціи безвозмездно (не такъ, какъ это дѣлалось потомъ въ другихъ странахъ). Зато положеніе безземельнаго крестьянства революція мало чѣмъ измѣняла. Столь же мало измѣнила революція положеніе городскихъ рабочихъ, хотя, повидимому, низшіе классы городского населенія принимали наиболѣе дѣятельное участіе во всемъ этомъ движеніи и на нихъ преимущественно опирались вожди французской демократіи. Пролетаріатъ, сначала возлагавшій большія надежды на революцію, мало-по-малу въ ней разочаровался и охладѣлъ къ ней. Это даже было одной изъ причинъ начавшейся во Франціи реакціи, приведшей къ владычеству Наполеона. Съ другой стороны, въ самой буржуазіи движенія, происходившія въ пролетаріатѣ, вызвали реакціонное настроеніе, которое тоже содѣйствовало установленію Наполеоновскаго режима. Средніе классы общества охотно ниспровергали старый соціальный строй, поскольку онъ былъ для нихъ невыгоденъ, но вовсе не хотѣли поступиться тѣми выгодами, которыя вытекали для нея изъ ея экономическаго положенія въ новомъ строѣ. Въ разрушеніи привилегій буржуазія и народъ шли рука объ руку и дѣйствовали солидарно, но когда побѣда надъ старымъ порядкомъ была одержана, обнаружилось, что въ пониманіи свободы и равенства между буржуазіей и народомъ не было полнаго согласія. Задача буржуазіи заключалась въ томъ, чтобы консолидировать сдѣланныя ею пріобрѣтенія, въ народныхъ же массахъ существо-

вало представленіе, что совершившаяся революція есть только начало цѣлаго ряда новыхъ измѣненій.

II. Значеніе экономическаго переворота конца XVIII и начала XIX вѣка въ исторіи Западной Европы [1]).

1. Три процесса, создавшіе экономическую революцію.—2. Обезземеленіе крестьянства и образованіе пролетаріара. — 3. Паденіе цеховой организаціи обрабатывающей промышленности и возникновеніе крупной индустріи. — 4. Введеніе машиннаго производства и общее его значеніе.—5. Перепроизводство и кризисы.—6. Пауперизмъ и начало рабочаго вопроса.

---

1. Экономическая революція была результатомъ трехъ тѣсно связанныхъ между собою процессовъ, изъ которыхъ каждый можетъ быть разсмотрѣнъ независимо отъ другихъ. Однимъ изъ этихъ процессовъ было образованіе пролетаріата, которое само было результатомъ обезземеленія народной массы. Другой процессъ заключался въ разложеніи и паденіи стараго цехового устройства промышленности, препятствовавшаго развитію крупнаго производства. Наконецъ, третій процессъ, это—изобрѣ-

[1]) Исторія Западной Европы въ новое время, томъ IV, гл. 22 (Существенное содержаніе соціальной исторіи XIX в.), гл. 23 (Крестьянскій вопросъ въ первой трети XIX в.), гл. 24 (Перемѣны въ промышленномъ быту Западной Европы въ концѣ XVIII и началѣ XIX в.) и гл. 25 (Капитализмъ, пролетаріатъ, пауперизмъ и начало рабочаго вопроса). — Для этой главы въ книжкѣ „Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени“ отсылаемъ къ главѣ первой („Очеркъ соціальныхъ отношеній новаго времени“), гдѣ изображена предшествовавшая экономическому перевороту соціальная эволюція.

теніе машинъ и введеніе ихъ на фабрики. Связь между этими тремя процессами заключается въ томъ, что крупная промышленность могла достигнуть наибольшаго развитія лишь при существованіи большого количества свободныхъ рукъ, при отмѣнѣ старыхъ установленій, поддерживавшихъ мелкое производство и при тѣхъ новыхъ техническихъ изобрѣтеніяхъ, которыя выразились главнымъ образомъ въ усовершенствованныхъ механическихъ способахъ, замѣнившихъ прежній исключительно ручной трудъ.

2. Обезземеленіе народной массы на западѣ Европы имѣетъ свою длинную исторію, въ которой необходимо различать юридическую и экономическую стороны. Въ средніе вѣка, въ эпоху полнаго господства феодализма и крѣпостническихъ отношеній, между крестьянскою массою и землею существовала самая тѣсная связь. Если крестьянинъ былъ прикрѣпленъ къ землѣ, то можно сказать, что и земля была прикрѣплена къ крестьянину. Освобожденіе крестьянъ на западѣ Европы, начавшееся еще во второй половинѣ среднихъ вѣковъ, сопровождалось ослабленіемъ и даже прекращеніемъ той юридической связи, которая существовала раньше между сельскимъ населеніемъ и землей. Если, однако, свободный поселянинъ во многихъ случаяхъ переставалъ быть собственникомъ или владѣльцемъ земли, изъ этого еще не слѣдовало, чтобы онъ сразу переставалъ быть самостоятельнымъ сельскимъ хозяиномъ, хотя бы и на чужой землѣ въ качествѣ половника или фермера. Мелкое крестьянское землевладѣніе могло сокращаться, и на его счетъ могла расширяться крупная помѣщичья собственность, но этотъ процессъ не влекъ за собой уничтоженія мелкаго крестьянскаго хозяйства и замѣны его крупнымъ хозяйствомъ помѣщичьяго типа, такъ какъ круп-

ная поземельная собственность вполнѣ уживалась съ мелкимъ крестьянскимъ хозяйствомъ. Но лишь на почвѣ развитія крупной собственности въ ущербъ мелкому землевладѣнію сдѣлалось возможнымъ и развитіе крупнаго хозяйства на счетъ хозяйства мелкаго, и въ этомъ заключается другая сторона разсматриваемаго процесса. Нужно замѣтить, что юридическое состояніе лица и экономическое отношеніе къ землѣ могли находиться въ довольно различныхъ комбинаціяхъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ процессъ обезземеленія народной массы шелъ рука объ руку съ ея раскрѣпощеніемъ, но возможнымъ было и обезземеленіе крестьянъ при сохраненіи надъ ними старой помѣщичьей власти. Такой случай мы наблюдаемъ именно въ Мекленбургѣ, гдѣ въ XVII и XVIII вв. въ широкихъ размѣрахъ происходило обезземеленіе крестьянъ, остававшихся тѣмъ не менѣе до начала прошедшаго столѣтія въ крѣпостной зависимости. Юридическое отношеніе мелкихъ хозяевъ къ обрабатываемой ими землѣ могло быть также весьма различнымъ, но былъ ли крестьянинъ мелкимъ собственникомъ или чиншевикомъ, половникомъ или денежнымъ арендаторомъ, онъ былъ всетаки самостоятельнымъ хозяиномъ, хотя бы даже и не пользовался полными правами гражданства. При замѣнѣ мелкаго хозяйства какого бы то ни было вида хозяйствомъ крупнымъ крестьяне, такъ или иначе лишавшіеся участковъ, на которыхъ они сидѣли, превращались изъ самостоятельныхъ хозяевъ въ наемныхъ рабочихъ, въ батраковъ, которые уже работали въ чужихъ хозяйствахъ, велись ли послѣднія самими землевладѣльцами или посторонними предпринимателями, снимавшими у нихъ земли большими участками. Именно обезземеленіе крестьянства во второмъ смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ разрыва его хозяйственной связи съ землею главнымъ образомъ

и содѣйствовало образованію пролетаріата, безъ котораго не могла бы развиться крупная обрабатывающая промышленность.

Въ бо́льшихъ или меньшихъ размѣрахъ, съ большею или меньшею скоростью процессъ обезземеленія совершался во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ, но нигдѣ онъ не происходилъ въ такихъ размѣрахъ и съ такою быстротою, какъ въ Англіи, гдѣ уже во времена Адама Смита общество представлялось рѣзко раздѣленнымъ на три отдѣльныхъ класса: однимъ изъ нихъ были болѣе или менѣе крупные землевладѣльцы, такъ какъ въ то время мелкая крестьянская собственность почти совсѣмъ исчезла; другой классъ составляли капиталисты, которые, между прочимъ, въ качествѣ болѣе или менѣе крупныхъ фермеровъ вкладывали свои капиталы въ сельско-хозяйственныя предпріятія; наконецъ, вся остальная масса населенія состояла почти исключительно изъ рабочихъ, жившихъ продажею своего труда въ хозяйственныхъ и въ фермерскихъ предпріятіяхъ. Къ концу XVIII и началу XIX в. этотъ процессъ въ Англіи окончательно завершился. Еще за сто лѣтъ передъ тѣмъ, т.-е. въ эпоху второй революціи Англія была страною главнымъ образомъ земледѣльческою, но уже въ семидесятыхъ годахъ XVIII в. половина всего населенія страны жила въ городахъ, тогда какъ, напримѣръ, во Франціи въ эпоху великой революціи городскіе жители составляли лишь одну четвертую часть всего населенія государства. Нѣкоторыя стороны этого процесса съ особенною рѣзкостью бросаются въ глаза. Именно, въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. въ Англіи издано было множество парламентскихъ актовъ о такъ называемомъ огораживаніи, посредствомъ которыхъ поступали въ пользу лэндлордовъ общинныя земли, находившіяся раньше въ

свободномъ пользованіи сельскихъ жителей. Подобные акты издавались и прежде, но никогда это огораживаніе не производилось въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, какъ на рубежѣ XVIII и XIX столѣтій: съ 1760 по 1832 г. такихъ актовъ было издано болѣе трехъ съ половиною тысячъ, и, благодаря имъ, лэндлорды пріобрѣли безъ малаго семь милліоновъ акровъ. Рядомъ съ этимъ происходили такъ называемыя очистки имѣній, заключавшіяся въ томъ, что у мелкихъ фермеровъ по окончаніи арендняго срока отбирались ихъ участки для соединенія нѣсколькихъ мелкихъ арендъ въ одну крупную или для превращенія ихъ въ пастбище для овецъ или въ искусственные луга.

3. Другой процессъ, содѣйствовавшій экономическому перевороту, заключался въ паденіи средневѣковой цеховой организаціи промышленности. Пока существовала эта организація, поддерживавшая мелкое производство, развитіе крупной промышленности было сильно стѣснено. Правда, сами цехи, возникшіе еще во второй половинѣ среднихъ вѣковъ, переживали въ послѣднія столѣтія своего существованія процессъ внутренняго разложенія, но пока держались законы, ограждавшіе цеховую организацію, она охватывала собою множество производствъ и самымъ своимъ существованіемъ препятствовала развитію фабрикъ и заводовъ болѣе крупныхъ размѣровъ. Противъ цеховъ въ томъ видѣ, какъ они существовали въ XVIII в., раздавались въ общемъ довольно справедливыя жалобы, въ которыхъ указывалось на то, что эти ремесленныя корпораціи получили чисто олигархическій характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ, съ одной стороны, стѣсняли свободу труда, а съ другой—тормозили техническіе успѣхи производства. Новая экономическая школа физіократовъ по отношенію къ цехамъ заняла положе-

ніе весьма неблагопріятное, и величайшій представитель физіократіи, Тюрго, въ бытность свою министромъ сдѣлалъ даже попытку отмѣнить во Франціи цеховую организацію промышленности. Около того же времени англійскій родоначальникъ политической экономіи Адамъ Смитъ равнымъ образомъ высказывался въ томъ смыслѣ, что цеховыя привилегіи нарушаютъ самыя священныя права личности. Французская революція навѣки отмѣнила цехи на ряду съ другими учрежденіями, отжившими свое время, и во всѣхъ странахъ, на которыя въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в. распространилось дѣйствіе революціоннаго законодательства, эта старинная промышленная организація прекратила свое существованіе. Уничтожая въ 1791 г. прежнія ремесленныя корпораціи, учредительное собраніе запрещало вмѣстѣ съ тѣмъ какіе бы то ни было договоры и союзы между „гражданами одного и того же ремесла". Послѣ этого препятствія, которыя цеховой строй ставилъ развитію крупной промышленности, исчезли, а запрещеніемъ соглашеній между рабочими создавались въ пользу предпринимателей такія условія найма, при которыхъ трудъ вполнѣ отдавался въ жертву капиталу. Въ Англіи до середины двадцатыхъ годовъ XIX в. тоже существовали законы, воспрещавшіе коалиціи рабочихъ, поскольку послѣднія могли быть вредны интересамъ предпринимателей, но, съ другой стороны, какъ разъ въ это время рядомъ послѣдовательныхъ актовъ парламентъ отмѣнилъ старые законы, которые мѣшали развитію крупной промышленности и, регулируя взаимныя отношенія мастеровъ и подмастерьевъ, ограждали интересы послѣднихъ противъ чрезмѣрной эксплуатаціи (1803—1814). Походъ противъ цеховъ начался и въ Германіи, гдѣ тоже сторонники экономической свободы стали оказывать вліяніе

на законодательство. Напримѣръ, въ Пруссіи въ 1808—1810 гг. по вопросу о цехахъ работала особая коммиссія, которая доказывала необходимость полной отмѣны этой системы, ссылаясь при этомъ на французское законодательство. Одно изъ королевскихъ распоряженій, вводившее новый промысловый налогъ, дозволило каждому, купившему извѣстный патентъ, заниматься тѣмъ или другимъ ремесломъ въ данной мѣстности безъ всякой помѣхи со стороны какихъ бы то ни было корпорацій, вслѣдствіе чего принадлежность къ цеху для занятія какимъ бы то ни было производствомъ дѣлалась излишнею, а въ слѣдующемъ году другой королевскій указъ многія права цеховъ перенесъ на представителей полицейской власти, и въ силу этого новаго закона принадлежность къ цеху не приносила уже ремесленнику никакой особой выгоды. Подобные законы, само собою разумѣется, только облегчали во многихъ отрасляхъ промышленности переходъ отъ ремесленнаго производства къ фабричному. Мастера, которые прежде были сами подмастерьями, и подмастерья, имѣвшіе большую или меньшую возможность со временемъ сдѣлаться мастерами, стали замѣняться, съ одной стороны, фабрикантами-капиталистами, съ другой—наемными рабочими: произошла такимъ образомъ соціальная дифференціація, и трудъ былъ разлученъ съ орудіями производства. Описанный выше процессъ обезземеленія сельской массы создалъ множество свободныхъ рукъ, которыя и нашли примѣненіе въ крупной промышленности, послѣ того какъ паденіе цеховъ уничтожило послѣднія преграды для ея развитія. Равнымъ образомъ паденіе стараго цехового законодательства очищало поле и для широкаго примѣненія усовершенствованныхъ орудій производства, которыя стали изобрѣтаться въ громадномъ количествѣ въ концѣ XVIII и

началѣ XIX в. Мы и остановимся на томъ значеніи, которое принадлежитъ въ исторіи экономическаго переворота введенію новыхъ орудій производста, т.-е. машинъ—въ разныя отрасли обрабатывающей промышленности, въ чемъ и заключается третья сторона разсматриваемой нами индустріальной революціи.

9. Въ каждой машинѣ мы должны различать кромѣ механизмовъ, передающихъ движеніе, механизмы, приводящіе всю машину въ движеніе, и механизмы, непосредственно работающіе надъ матеріаломъ производства. На самыхъ раннихъ ступеняхъ техническаго развитія движущую силу представлялъ собою самъ человѣкъ или замѣнявшее его домашнее животное (лошадь, оселъ, волъ), а надъ матеріаломъ обработки оперировали руки самого человѣка, вооруженныя наиболѣе простыми орудіями. Движущіе и работающіе инструменты съ развитіемъ техники и стали заступать мѣсто силъ и рукъ человѣка. Еще въ древности была изобрѣтена водяная мельница, которая впослѣдствіи (сравнительно очень поздно) была примѣнена и къ нѣкоторымъ отраслямъ обрабатывающей промышленности. Въ серединѣ XVIII в. была придумана паровая машина, и вскорѣ послѣ этого стала примѣняться къ фабричному производству (1785 г.). Это былъ цѣлый переворотъ въ исторіи обрабатывающей промышленности. Водяная сила была, такъ сказать, прикована къ извѣстному мѣсту, зависѣла отъ атмосферическихъ условій и не могла быть произвольно увеличиваема, тогда какъ паровая машина могла быть поставлена гдѣ угодно, работать независимо отъ временъ года и отъ погоды и давать по желанію человѣка ту или другую силу. Одновременно съ этимъ переворотомъ обрабатывающая промышленность переживала эпоху изобрѣтенія цѣлаго ряда механизмовъ, замѣнявшихъ собою прежніе

ручные инструменты. Эти новыя орудія, въ сущности, исполняли тѣ же работы, какія и ранѣе производились при помощи старыхъ инструментовъ, но если прежде рабочій могъ дѣйствовать только однимъ инструментомъ, то машина стала дѣлать то же самое сразу цѣлою массою однородныхъ, а иногда и разнородныхъ инструментовъ. Подобно тому, какъ изобрѣтеніе паровой машины увеличивало во много разъ количество той силы, которою прежде пользовался человѣкъ въ разныхъ производствахъ, и это изобрѣтеніе новыхъ рабочихъ машинъ страшно ускоряло процессъ изготовленія тѣхъ или другихъ продуктовъ. Еще въ тридцатыхъ годахъ XVIII в. была изготовлена первая самопрялка, которая съ конца шестидесятыхъ годовъ стала приводиться въ движеніе водяною силою, замѣненною впослѣдствіи паромъ. Около 1770 года другое аналогичное изобрѣтеніе сдѣлало возможнымъ прясть одновременно нѣсколько нитей. Въ 1775 году въ то самое время, когда въ первый разъ сила пара была примѣнена къ бумагопрядильной промышленности, былъ изобрѣтенъ и механическій станокъ для тканья, получившій свой окончательный видъ въ 1813 году. Новыя прядильныя и ткацкія машины были наиболѣе важными изобрѣтеніями этого рода, потому что одновременно были придуманы и стали вводиться въ употребленіе и разныя другія машины подобнаго рода, какова, напримѣръ, машина для чесанія шерсти (1790). Этотъ техническій процессъ коснулся точно такъ же и добывающей промышленности. Собственно говоря, сила пара ранѣе всего была примѣнена въ горнозаводскомъ дѣлѣ, а потомъ уже на прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ. Къ числу наиболѣе раннихъ рабочихъ машинъ нужно отнести и столь важную въ сельскомъ хозяйствѣ молотилку, начало которой относится къ

1798 году. Сопоставляя между собою приведенныя даты, мы видимъ, что введеніе машиннаго производства относится какъ-разъ къ той эпохѣ, когда совершилась политическая революція конца XVIII в. Нужно только прибавить, что перечисленныя изобрѣтенія были сдѣланы и испытаны на дѣлѣ какъ разъ въ Англіи, которая не испытала на себѣ переворота, подобнаго совершившемуся на континентѣ, и что, наоборотъ, революціонная буря и послѣдовавшія за нею Наполеоновскія войны только помѣшали распространенію англійскихъ механическихъ изобрѣтеній внѣ ихъ родины. Промышленную революцію, ранѣе всего совершившуюся въ Англіи, отдѣльныя континентальныя страны переживали уже въ XIX вѣкѣ.

Разсуждая теоретически, можно было бы ожидать, что машины, увеличивая силы человѣка и ускоряя производство необходимыхъ ему предметовъ, должны были бы оказать только благопріятное дѣйствіе на жизнь рабочихъ, которые, повидимому, могли бы только съ радостью привѣтствовать всѣ эти новыя техническія изобрѣтенія. Въ дѣйствительности вышло совсѣмъ не то. Введеніе машиннаго производства имѣло своимъ слѣдствіемъ сокращеніе потребности въ ручномъ трудѣ, какъ будто на сцену явилась масса новыхъ рукъ, лишившихъ старыхъ рабочихъ ихъ обычнаго заработка. Другими словами, машины сдѣлались весьма опасными конкуррентами для людей, продававшихъ свой трудъ, и уменьшили спросъ на ихъ работу. Съ другой стороны, новыя техническія изобрѣтенія создали для рабочихъ новыхъ конкуррентовъ въ лицѣ ихъ женъ и дѣтей, которыхъ новые способы производства тоже привлекли къ фабричному труду. Раньше рабочая семья содержалась главнымъ образомъ работой своего главы, а этимъ до извѣстной степени опредѣлялась и его заработная плата,

но машины, требовавшія отъ работниковъ не столько физической силы, сколько ловкости и добросовѣстности, сдѣлали возможнымъ привлеченіе на фабрики женщинъ и дѣтей. Во многихъ случаяхъ предприниматели стали даже оказывать предпочтеніе этимъ новымъ категоріямъ рабочихъ, которымъ можно было давать гораздо меньшую плату, чѣмъ взрослымъ мужчинамъ. Уменьшивъ такимъ образомъ спросъ на физическій трудъ, машины въ то же время поставили его въ болѣе неблагопріятныя условія и въ другихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, введеніе новыхъ механическихъ способовъ производства повлекло за собою удлиненіе рабочаго времени. Владѣльцы машинъ, пріобрѣтавшіе ихъ за большія деньги, прежде всего хлопотали о томъ, чтобы эти дорого стоющія орудія производства окупали себя какъ можно скорѣе, тѣмъ болѣе, что каждая машина становилась негодною къ употребленію не только отъ работы, но и отъ времени и что новыя усовершенствованія въ машинахъ дѣлали желательнымъ наискорѣйшее извлеченіе всѣхъ выгодъ изъ старыхъ машинъ для замѣны ихъ новыми. Поэтому фабриканты заставляли машины дѣйствовать непрерывно и день, и ночь, сберегая при этомъ, вдобавокъ, значительную часть топлива, разъ паровые котлы при непрерывности работъ могли не остывать на продолжительное время. Отсюда у предпринимателей явилось стремленіе къ удлиненію рабочаго времени. Въ 1770 г. англійскій рабочій домъ, въ которомъ заставляли работать двѣнадцать часовъ въ сутки, называли домомъ ужаса, а въ 1833 г. парламентъ устанавливалъ, какъ милость, двѣнадцатичасовой рабочій день для подростковъ. Съ другой стороны, новые пріемы производства стали требовать отъ рабочихъ гораздо большей напряженности и вниманія и, слѣдовательно, сдѣлали его

1798 году. Сопоставляя между собою приведенныя даты, мы видимъ, что введеніе машиннаго производства относится какъ-разъ къ той эпохѣ, когда совершилась политическая революція конца XVIII в. Нужно только прибавить, что перечисленныя изобрѣтенія были сдѣланы и испытаны на дѣлѣ какъ разъ въ Англіи, которая не испытала на себѣ переворота, подобнаго совершившемуся на континентѣ, и что, наоборотъ, революціонная буря и послѣдовавшія за нею Наполеоновскія войны только помѣшали распространенію англійскихъ механическихъ изобрѣтеній внѣ ихъ родины. Промышленную революцію, ранѣе всего совершившуюся въ Англіи, отдѣльныя континентальныя страны переживали уже въ XIX вѣкѣ.

Разсуждая теоретически, можно было бы ожидать, что машины, увеличивая силы человѣка и ускоряя производство необходимыхъ ему предметовъ, должны были бы оказать только благопріятное дѣйствіе на жизнь рабочихъ, которые, повидимому, могли бы только съ радостью привѣтствовать всѣ эти новыя техническія изобрѣтенія. Въ дѣйствительности вышло совсѣмъ не то. Введеніе машиннаго производства имѣло своимъ слѣдствіемъ сокращеніе потребности въ ручномъ трудѣ, какъ будто на сцену явилась масса новыхъ рукъ, лишившихъ старыхъ рабочихъ ихъ обычнаго заработка. Другими словами, машины сдѣлались весьма опасными конкуррентами для людей, продававшихъ свой трудъ, и уменьшили спросъ на ихъ работу. Съ другой стороны, новыя техническія изобрѣтенія создали для рабочихъ новыхъ конкуррентовъ въ лицѣ ихъ женъ и дѣтей, которыхъ новые способы производства тоже привлекли къ фабричному труду. Раньше рабочая семья содержалась главнымъ образомъ работой своего главы, а этимъ до извѣстной степени опредѣлялась и его заработная плата,

но машины, требовавшія отъ работниковъ не столько физической силы, сколько ловкости и добросовѣстности, сдѣлали возможнымъ привлеченіе на фабрики женщинъ и дѣтей. Во многихъ случаяхъ предприниматели стали даже оказывать предпочтеніе этимъ новымъ категоріямъ рабочихъ, которымъ можно было давать гораздо меньшую плату, чѣмъ взрослымъ мужчинамъ. Уменьшивъ такимъ образомъ спросъ на физическій трудъ, машины въ то же время поставили его въ болѣе неблагопріятныя условія и въ другихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, введеніе новыхъ механическихъ способовъ производства повлекло за собою удлиненіе рабочаго времени. Владѣльцы машинъ, пріобрѣтавшіе ихъ за большія деньги, прежде всего хлопотали о томъ, чтобы эти дорого стоющія орудія производства окупали себя какъ можно скорѣе, тѣмъ болѣе, что каждая машина становилась негодною къ употребленію не только отъ работы, но и отъ времени и что новыя усовершенствованія въ машинахъ дѣлали желательнымъ наискорѣйшее извлеченіе всѣхъ выгодъ изъ старыхъ машинъ для замѣны ихъ новыми. Поэтому фабриканты заставляли машины дѣйствовать непрерывно и день, и ночь, сберегая при этомъ, вдобавокъ, значительную часть топлива, разъ паровые котлы при непрерывности работъ могли не остывать на продолжительное время. Отсюда у предпринимателей явилось стремленіе къ удлиненію рабочаго времени. Въ 1770 г. англійскій рабочій домъ, въ которомъ заставляли работать двѣнадцать часовъ въ сутки, называли домомъ ужаса, а въ 1833 г. парламентъ устанавливалъ, какъ милость, двѣнадцатичасовой рабочій день для подростковъ. Съ другой стороны, новые пріемы производства стали требовать отъ рабочихъ гораздо большей напряженности и вниманія и, слѣдовательно, сдѣлали его

трудъ гораздо болѣе утомительнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе однообразнымъ, превративъ рабочаго какъ бы въ слугу машины, обязаннаго совершать только одно какое-либо движеніе руками. Наконецъ, вслѣдствіе введенія машиннаго производства рабочіе стали скучиваться въ тѣсныхъ и душныхъ помѣщеніяхъ, въ которыхъ обречены были теперь проводить бо́льшую часть своего времени, что стало отражаться крайне неблагопріятно на ихъ здоровьѣ и настроеніи духа. Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, и породили среди рабочихъ въ эпоху введенія механическихъ способовъ производства крайнее озлобленіе противъ машинъ. Нерѣдко случалось, что машины и фабричныя зданія дѣлались жертвою раздраженныхъ рабочихъ, и въ иныхъ случаяхъ фабриканты ограждали свою собственность отъ подобнаго рода нападеній, ставя для защиты фабричныхъ зданій и машинъ настоящія пушки. Это нерасположеніе къ техническимъ изобрѣтеніямъ конца XVIII и начала XIX в. отразилось даже и на взглядахъ нѣкоторыхъ теоретиковъ, которые готовы были осудить введеніе машиннаго производства, какъ явленіе вредное и потому нежелательное. Только съ теченіемъ времени стало совершаться приспособленіе рабочихъ къ новому своему положенію.

5. Новые способы производства, ранѣе всего утвердившіеся въ Англіи, оказали громадное вліяніе на ростъ ея національнаго богатства. Машины, въ много разъ увеличивъ производительность человѣческаго труда и количество вырабатываемыхъ продуковъ, стали расти съ поразительною быстротою. Но у этого явленія была и оборотная сторона. Если раньше общество нерѣдко терпѣло отъ недостатка нужныхъ ему товаровъ, то теперь, наоборотъ, иногда можно было жаловаться на ихъ перепроизводство, которое тоже дѣлалось своего рода зломъ.

Предприниматели изготовляли слишкомъ много какого-либо товара, а потому предложеніе превышало спросъ, и масса товара оставалась нераспроданною. Это заставляло фабрикантовъ сокращать свое производство, вслѣдствіе чего многіе рабочіе или оставались совсѣмъ безъ заработка, или должны были довольствоваться уменьшенной платой. Съ періодами процвѣтанія той или другой отрасли промышленности стали чередоваться періоды угнетеннаго состоянія, и каждый разъ наступленіе кризиса вызывало цѣлый рядъ общественныхъ бѣдствій: каждый разъ промышленный кризисъ влекъ за собою банкротство торговыхъ фирмъ и банковъ, ссужавшихъ деньги предпринимателямъ, закрытіе фабрикъ или сокращеніе производства въ тѣхъ фабрикахъ, которыя могли продолжать существованіе, и уменьшеніе или полное отсутствіе заработка. Особенно частыми сдѣлались подобные кризисы къ серединѣ XIX в., и если раньше представлялась возможность объяснять возникновеніе подобныхъ явленій обстоятельствами военнаго времени, то теперь, когда въ Европѣ господствовалъ миръ, внѣшнія причины уже не могли отвѣчать за результаты того, что въ сущности вытекало изъ самыхъ внутреннихъ условій капиталистическаго производства. Можно даже сказать, что такіе кризисы сдѣлались хроническою болѣзнью англійской промышленности послѣ испытаннаго ею экономическаго переворота. При господствѣ мелкой промышленности и ручного труда производство было болѣе равномѣрнымъ, заработокъ—болѣе постояннымъ, а теперь прежней устойчивости производства и заработка наступилъ конецъ, и постоянныя колебанія того и другого, конечно, не могли не отражаться самымъ гибельнымъ образомъ на матеріальномъ благосостояніи рабочихъ. Статистика самымъ неопровержимымъ образомъ

хотя населеніе Англіи за этотъ періодъ увеличивалось съ 7.000.000 до 12.000.000; въ 1760 г. этотъ налогъ падалъ на каждаго жителя королевства въ размѣрѣ 3 шиллинговъ 7 пенсовъ, а въ 1818 г.—уже въ размѣрѣ 13 шилл. 3 пенсовъ. Интересно также измѣненіе отношенія между заработкомъ и цѣною хлѣба: въ 1770 г. средняя рабочая плата равнялась 90 пинтамъ пшеницы, въ 1797 г.—уже 65, а въ 1808 г.—только 60. Не забудемъ также, что цѣна на хлѣбъ въ эту эпоху въ Англіи удерживалась на высокихъ цифрахъ чисто искусственнымъ способомъ такъ называемыми хлѣбными законами (1815), запрещавшими, въ интересахъ землевладѣльцевъ, ввозъ иностраннаго хлѣба въ Англію, пока цѣна собственнаго хлѣба не достигала извѣстнаго максимума.

Такова была сущность индустріальной революціи, и таковы были ея непосредственныя слѣдствія. Этотъ переворотъ содѣйствовалъ небывалому дотолѣ развитію обрабатывающей промышленности, но въ то же время раздѣлялъ промышленный классъ общества на двѣ рѣзко отличающіяся одна отъ другой части—на капиталистическую буржуазію и на рабочій пролетаріатъ. Выигрывала отъ этого переворота буржуазія, а рабочіе классы оказывались въ проигрышѣ. Въ этомъ результатѣ разсмотрѣннаго экономическаго переворота уже таился зародышъ такъ называемаго рабочаго вопроса, сдѣлавшагося главнымъ соціальнымъ вопросомъ XIX в. и осложнившаго собою демократическія движенія эпохи, вызванныя политической революціей конца XVIII столѣтія.

III. Общій взглядъ на Наполеоновскую эпоху [1]).

1. Вопросъ объ отношеніи эпохи Наполеона I къ эпохѣ революціи.— 2. Двойственность роли консульства и имперіи по отношенію къ политической и соціальной сторонамъ революціи, и по отношенію къ Франціи и къ другимъ странамъ. — 3. Причины французскихъ успѣховъ въ эпоху революціи и при Наполеонѣ.—4. Организаторская роль Наполена во Франціи.—5. Перемѣны, совершавшіяся въ другихъ странахъ въ эту эпоху. — 6. Испанская конституція 1812 г. и прусскія реформы 1807 и слѣд. гг.

1. Первый вопросъ, который долженъ быть поставленъ при разсмотрѣніи Наполеоновской эпохи въ общей исторіи XIX вѣка, заключается въ опредѣленіи того отношенія, въ какомъ эта эпоха находится къ политической революціи конца XVIII в. И у современниковъ, и въ ближайшемъ потомствѣ это отношеніе понималось различнымъ образомъ. И о центральной личности этой эпохи, Наполеонѣ I, высказывались діаметрально про-

1) Исторія Западной Европы въ новое время, томъ IV, гл. 4 (Наполеоновская эпоха и ея исторіографія), гл. 7 (Внутренняя политика консульства и имперіи), гл. 8 (Господство Франціи въ Европѣ при Наполеонѣ I), гл. 9 (Внутреннія перемѣны въ западно-европейскихъ государствахъ въ Наполеоновскую эпоху), гл. 10 (Разложеніе стараго порядка и попытка реформъ въ Пруссіи), гл. 11 (Внѣшняя и внутренняя оппозиція противъ имперіи Наполеона I) и гл. 12 (Паденіе имперіи Наполеона I).

— Для элементарныхъ фактическихъ справокъ § 250 (18 брюмера) и вся XII глава „Учебной книги новой исторіи“ (§§ 251—267).

— Для лучшаго пониманія отношенія Наполеоновской эпохи къ предыдущей отсылаемъ здѣсь къ послѣдней главѣ книжки „Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени“ („Просвѣщенный абсолютизмъ и французская революція“).

тивоположныя сужденія—то какъ о человѣкѣ, обуздавшемъ революцію, то, наоборотъ, какъ о человѣкѣ, который содѣйствовалъ ея торжеству. Любопытно, что и на ту и на другую точку зрѣнія становились люди противоположныхъ лагерей. Особенно интересно также, что на Наполеона I, какъ на продолжателя революціи, смотрѣли и представители стараго порядка, для которыхъ онъ былъ исчадіемъ революціи, и либералы, видѣвшіе въ немъ спасителя принциповъ 1789 года. Съ другой стороны, для многихъ защитниковъ этихъ самыхъ принциповъ онъ являлся первымъ изъ контръ-революціонеровъ, какъ выразилась о немъ г-жа Сталь вскорѣ послѣ того, какъ онъ сошелъ съ политической сцены. Если бы мы для рѣшенія вопроса о томъ, каково же было истинное отношеніе Наполеона къ революціи, обратились къ его собственнымъ заявленіямъ, то нашли бы и въ нихъ матеріалъ для отвѣта въ двоякомъ смыслѣ. Положимъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣли бы дѣло съ заявленіями человѣка, не отличавшагося искренностью и говорившаго такъ или иначе, смотря по тому, что выгоднѣе было сказать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, но и тутъ приходится принимать въ расчетъ, что самая возможность противоположныхъ заявленій указываетъ на то, что вопросъ и не допускалъ вполнѣ простого рѣшенія. Прибавимъ, наконецъ, что и у историковъ Наполеоновской эпохи мы встрѣчаемся съ тѣмъ же противорѣчіемъ и, напримѣръ, если для Тьера Наполеонъ I былъ продолжателемъ революціи, то для Ланфре онъ являлся, наоборотъ, контръ-революціонеромъ.

2. Только-что отмѣченная двойственность взглядовъ на одну и ту же историческую личность объясняется въ общемъ и двойственнымъ характеромъ эпохи консульства и имперіи, во-первыхъ, въ ея разныхъ отношеніяхъ къ поли-

тической и соціальной сторонамъ революціи, а во-вторыхъ, несходствомъ ея значенія для самой Франціи и для остальной Европы. Мы видѣли, что все значеніе революціи для самой Франціи сводится къ установленію свободнаго государства и безсословнаго гражданства, и въ этомъ заключаются политическая и соціальная стороны революціи. Никто, конечно, не станетъ утверждать, чтобы Наполеонъ I былъ продолжателемъ революціи въ ея стремленіи къ политической свободѣ: дѣйствительность слишкомъ рѣзко и очевидно противорѣчила бы такому взгляду. Наоборотъ, владычество Наполеона I само было подготовлено реакціей противъ политической свободы, которая возникла въ среднихъ классахъ французскаго общества, напуганныхъ демократическимъ движеніемъ конца XVIII в. Эти общественные классы готовы были поступиться политической свободой, лишь бы обезопасить себя отъ новой революціи, которая, въ концѣ концовъ, направилась бы противъ нихъ самихъ. Но тѣ же самые общественные классы, конечно, не желали и возвращенія стараго порядка, т.-е. стремились къ тому, чтобы обезпечить за собою пріобрѣтеніе уже совершившейся революціи, укрѣпить то гражданское равенство, во имя котораго пали старыя сословныя привилегіи и феодальныя права. Наполеонъ I былъ для французской буржуазіи одинаково и гарантіей противъ повторенія якобинской диктатуры, опиравшейся на революціонную демократію, и противъ возвращенія стараго соціальнаго строя съ его аристократическими привилегіями и приниженнымъ положеніемъ самой буржуазіи. Такимъ образомъ эпоха консульства и имперіи уничтожала во Франціи плоды революціи 1789 года, разсматриваемой съ политической точки зрѣнія и, наоборотъ, закрѣпляла соціальныя пріобрѣтенія этой революціи. Вспомнимъ, что вторичное

господство Наполеона въ 1815 г. (такъ называемые „Сто дней") сдѣлалось возможнымъ лишь вслѣдствіе того, что возвратившіеся въ 1814 г. Бурбоны и эмигранты, „ничего не позабывшіе и ничему не научившіеся", слишкомъ очевидно стремились къ возстановленію до-революціонныхъ порядковъ, и Наполеонъ явился съ острова Эльбы во Францію, какъ защитникъ правъ французскаго народа противъ представителей стараго порядка. На этой почвѣ и могла возникнуть идеализація Наполеона I, какъ „человѣка революціи". Двойственная роль перваго консула и императора французовъ по отношенію къ революціи въ самой Франціи сдѣлается еще болѣе понятною, когда мы подведемъ консульство и имперію подъ одну общую историческую категорію. Великой революціи на западѣ Европы предшествовала эпоха просвѣщеннаго абсолютизма, когда монархи и ихъ министры въ духѣ идей философскаго просвѣщенія вѣка совершали разнаго рода реформы, наносившія ударъ средневѣковому католико-феодальному строю общества. Если мы отвлечемся отъ политическаго различія, существующаго между абсолютизмомъ и революціей, мы увидимъ, что во многихъ случаяхъ и просвѣщенные деспоты, и дѣятели революціи дѣлали одно и то же дѣло, разрушая старое католико-феодальное общество. Въ сущности, Наполеоновская система была своеобразнымъ повтореніемъ просвѣщеннаго абсолютизма, а поскольку между этимъ послѣднимъ и французской революціей существовало внутреннее родство, и наполеоновскій режимъ не былъ совершенно чуждъ стремленіямъ революціи. Недаромъ, когда послѣ паденія владычества Наполеона I въ Европѣ наступила реакція, въ которой преобладали клерикальныя и аристократическія тенденціи, то наиболѣе вѣрные выразители общаго духа этой реакціи не дѣлали большого различія

между Наполеономъ I, французской революціей и просвѣщеннымъ абсолютизмомъ. Притомъ съ точки зрѣнія защитниковъ законной династіи Наполеонъ I былъ прежде всего революціоннымъ узурпаторомъ, похитителемъ власти, которая ему не принадлежала. Такъ и создалось представленіе о Наполеонѣ I, какъ о продолжателѣ революціи съ двухъ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія, которыя, однако, обѣ имѣли въ виду только одну сторону дѣла и потому не могли дать полнаго выраженія исторической истины.

Еще болѣе бросается въ глаза революціонная роль Наполеона I при разсмотрѣніи общеевропейскаго значенія консульства и имперіи. Въ 1792 г. между обновленною Франціей и старою Европою началась война, которая съ небольшими перерывами продолжалась до 1815 г., т.-е. въ теченіе почти цѣлой четверти вѣка. Въ этой войнѣ принималъ участіе отъ начала до конца Наполеонъ I въ качествѣ простого офицера, генерала, главнокомандующаго отдѣльными арміями, перваго консула и императора. Забудемъ, однако, на время личную роль Наполеона I въ войнахъ конца XVIII и начала XIX вв.; забудемъ также и то, что въ первую половину этого періода Франція была республикой, а во вторую— имперіей; остановимся только на томъ, что̀ сближаетъ между собою въ отношеніяхъ Франціи къ другимъ государствамъ революціонныя и Наполеоновскія войны. Прежде всего и въ началѣ, и въ концѣ этого періода Франція путемъ завоеваній расширяла свои предѣлы, присоединяя къ своей государственной территоріи цѣлыя обширныя страны. Уже въ 1792 г., т.-е. въ самомъ началѣ она захватила Бельгію, лѣвый берегъ Рейна, Савойю и Ниццу. Эта завоевательная политика продолжается и въ началѣ XIX в., когда въ составъ французскаго государ-

двухъ послѣднихъ раздѣловъ Рѣчи Посполитой польскіе воины, сражавшіеся за политическую независимость своей родины, массами устремились подъ французскія знамена и сражались за Францію одинаково и при республикѣ, и при Наполеонѣ I. Сочувствіе либераловъ въ нѣкоторыхъ странахъ Западной Европы не покидало Францію и послѣ того, какъ въ ней водворился наполеоновскій режимъ, такъ какъ французскіе порядки даже въ наполеоновскую эпоху казались выше и совершеннѣе порядковъ, господствовавшихъ внѣ Франціи. Съ другой стороны, и при республикѣ, и при Наполеонѣ I Франція весьма искусно пользовалась соперничествомъ европейскихъ государей, болѣе всего заботившихся о земельныхъ пріобрѣтеніяхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ 1795 г. Пруссія первая отстала отъ монархической коалиціи и примирилась съ революціонной Франціей,—и другія государства стали искать французской дружбы для достиженія своихъ эгоистическихъ цѣлей. Наполеонъ I очень ловко пользовался этою слабою стороною европейской политики для того, чтобы господствовать надъ другими государствами. Но это господство не могло быть долговременнымъ и прочнымъ. Въ концѣ концовъ, освободители народовъ сдѣлались ихъ поработителями, и французское владычество, бывшее въ сущности для другихъ народовъ иноземнымъ деспотизмомъ, стало вызывать противъ себя національную оппозицію порабощенныхъ странъ. Любопытно, однако, что, ведя борьбу съ французами или только готовясь къ этой борьбѣ, главные представители національной оппозиціи сами считали нужнымъ совершать внутреннія преобразованія, которыя, въ сущности, такъ или иначе отражали на себѣ духъ французской революціи. Другими словами, реформы въ новомъ направленіи происходили не только по требованію и подъ прямымъ вліяніемъ фран-

цузовъ, но и съ цѣлью борьбы съ французами. Таковы именно были прусскія реформы 1807 и слѣд. годовъ, такова была и испанская конституція 1812 г. Вообще война за освобожденіе отъ наполеоновскаго деспотизма вызывала въ обществѣ самыя свѣтлыя надежды относительно преобразованій въ либеральномъ духѣ, и съ этой стороны владычество Наполеона I точно такъ же содѣйствовало распространенію новыхъ политическихъ и общественныхъ принциповъ.

4. Послѣ паденія первой имперіи во Франціи произошла реставрація, и вообще во всей Европѣ началась самая рѣшительная реакція. Но этому послѣднему направленію не удалось возстановить старыя отношенія во всей ихъ неприкосновенности. Эпоха консульства и имперіи консолидировала во Франціи новый общественный строй, т.-е. безсословное гражданство, созданное революціей, и въ 1814 г. думать о возвращеніи сословности было слишкомъ поздно. Въ исторіи политической свободы наполеоновскій режимъ былъ, конечно, временемъ задержки, и лишь въ 1814 г. Франція получила ту правительственную форму, которую пыталась организовать у себя въ началѣ революціи. Но нѣкоторыя чисто-наполеоновскія учрежденія оказались необыкновенно прочными, хотя онѣ и не могутъ считаться благодѣтельнымъ наслѣдствомъ, оставленнымъ странѣ Наполеономъ I. Въ 1789 г. французы сдѣлали попытку дать своей странѣ новую административную организацію и установить на новыхъ началахъ взаимныя отношенія церкви и государства. Къ сожалѣнію, въ обѣихъ сферахъ революціонное законодательство оказалось крайне неудачнымъ, и передъ 18 брюмера нація жила среди полной дезорганизаціи. Наполеонъ I вывелъ страну изъ этого печальнаго положенія, хотя основанный имъ порядокъ скорѣе соотвѣтствовалъ стремленіямъ

просвѣщеннаго абсолютизма, чѣмъ освободительнымъ принципамъ революціи. Тѣмъ не менѣе его административная централизація, создавшая префектовъ, какъ послушныя орудія правительственной власти, и его конкордатъ, стремившійся превратить духовенство въ „священную жандармерію“, пережили эпоху консульства и имперіи и удерживались потомъ, несмотря на всѣ перемѣны, которыя совершались въ государственномъ устройствѣ Франціи.

5. Если во Франціи Наполеонъ I являлся организаторомъ и созидателемъ, то все-таки почва, на которой ему приходилось строить, была уже ранѣе его расчищена, была для него подготовлена разрушительной работой революціи. Въ Германіи, въ Италіи, въ Испаніи ему суждено было совершать и чисто разрушительную работу, которая была непосредственнымъ продолженіемъ революціи. Многое изъ того, что въ этихъ странахъ было разрушено въ Наполеоновскую эпоху, потомъ и не могло уже быть возстановлено. Особенно много остатковъ средневѣковой старины сохранялось въ Священной Римской имперіи германской націи. Нигдѣ уже въ Европѣ въ эти времена не существовало ни духовныхъ княжествъ, ни мелкихъ феодальныхъ графствъ и сеньерій, какія еще въ большомъ количествѣ насчитывались въ Германіи. Наполеонъ I совершенно измѣнилъ политическій строй нѣмецкой націи, и когда въ 1815 г. стали разрушать результаты его работы, то уже никто серьезно не думалъ возстановлять духовныя княжества и то сословіе мелкихъ феодаловъ, которое носило названіе имперскаго рыцарства. Правда, теперь были возвращены прежнія владѣнія нѣкоторымъ нѣмецкимъ государямъ, которыхъ лишилъ власти Наполеонъ I, но и это не измѣняетъ существа дѣла. Достаточно вспомнить, что на рубежѣ XVIII

и XIX вв. въ Германіи существовало 360 отдѣльныхъ владѣній, не считая 1.500 имперскихъ рыцарей, а послѣ 1815 г. всѣхъ нѣмецкихъ государствъ было только 36, т.-е. въ десять разъ меньше. Политическій феодализмъ, духовныя княжества и имперское рыцарство въ Германіи новаго времени были настоящимъ анахронизмомъ, и только Наполеоновская эпоха положила конецъ такому устарѣлому порядку вещей, создавъ для нѣмецкой націи нѣсколько уже иныя политическія условія дальнѣйшаго существованія и развитія.

6. Вообще вездѣ, гдѣ происходило разрушеніе старины,—и въ Германіи, и въ Италіи, и въ Испаніи—при установленіи новыхъ порядковъ образцомъ служила наполеоновская Франція. Въ сущности, и здѣсь это было возобновленіе системы просвѣщеннаго абсолютизма. Главнѣйшія мѣры новаго законодательства были направлены противъ духовенства и дворянства, причемъ правительства опирались преимущественно на централизацію и бюрократію. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи въ эту эпоху еще живы были собранія земскихъ чиновъ, но это сословное представительство было настроено консервативно и партикуляристически въ то самое время, какъ новыя отношенія жизни требовали внутреннихъ реформъ, а изъ прежнихъ болѣе мелкихъ княжествъ складывались болѣе крупные политическіе организмы. Номинально правители государствъ, преобразованныхъ Наполеономъ I, основывали свою власть на конституціяхъ новаго образца, и это содѣйствовало распространенію конституціонныхъ воззрѣній въ тогдашней Европѣ, хотя, конечно, конституціи, составленныя по тогдашнему французскому образцу, не могли гарантировать политической свободы. Притомъ онѣ не были результатомъ какого-либо общественнаго движенія, такъ какъ всецѣло зависѣли отъ доброй воли

побѣдоноснаго вождя, смотрѣвшаго на всѣ эти конституціи, какъ на политическія декораціи. Было бы, однако, ошибочнымъ думать, что новыя политическія учрежденія съ характеромъ національнаго представительства возникали лишь подъ прямымъ вліяніемъ Наполеона I. Къ этой эпохѣ относится, кромѣ того, введеніе конституціоннаго устройства въ Швеціи и Финляндіи (1809), въ Испаніи и Сициліи (1812), во Франціи и Норвегіи (1814), въ Царствѣ Польскомъ (1815) и т. д.

Наполеоновская эпоха была, далѣе, временемъ уничтоженія въ нѣкоторыхъ странахъ стараго феодальнаго строя съ сословными привилегіями личнаго или имущественнаго характера. Великимъ орудіемъ, закрѣпившимъ въ самой Франціи новыя общественныя отношенія, былъ Наполеоновъ кодексъ, содержащій въ себѣ новые гражданскіе законы. Онъ вводился и внѣ Франціи и притомъ не только въ новыхъ ея пріобрѣтеніяхъ (напримѣръ, въ Иллиріи), но и въ отдѣльныхъ частяхъ Италіи и Германіи, а также и въ великомъ герцогствѣ Варшавскомъ. Въ Царствѣ Польскомъ, которое Александръ I образовалъ изъ великаго герцогства Варшавскаго, Наполеоновъ кодексъ дѣйствуетъ и въ настоящее время. Конечно, вмѣстѣ съ феодальными привилегіями должно было рухнуть и крѣпостничество. Въ сѣверо-западныхъ частяхъ Германіи, присоединенныхъ къ Франціи при республикѣ или при Наполеонѣ I, крѣпостное состояніе крестьянъ уничтожилось уже въ силу этого самого присоединенія. Поддерживать его теперь въ государствахъ Рейнскаго Союза было тѣмъ болѣе трудно, что Наполеонъ I требовалъ отъ своихъ союзниковъ такого напряженія матеріальныхъ силъ, которое было совершенно немыслимо при существованіи рабскаго труда. Въ конституцію Вестфальскаго королевства, образованнаго На-

полеономъ I для своего брата Іеронима, прямо была включена статья, уничтожавшая крѣпостничество въ этомъ новомъ государствѣ, и въ томъ же самомъ 1807 году Наполеонъ I отмѣнилъ личное рабство крестьянъ въ великомъ герцогствѣ Варшавскомъ. Въ 1808 г., кромѣ того, онъ собственною своею властью уничтожилъ крѣпостничество въ нѣкоторыхъ мелкихъ нѣмецкихъ владѣніяхъ, и около того же времени (1808 — 1809) его примѣру послѣдовало нѣсколько членовъ Рейнскаго Союза. Правда, рѣшеніе крестьянскаго вопроса въ эти годы оставляло желать весьма многаго,—напримѣръ, въ Вестфаліи само правительство стало ограничивать значеніе своей мѣры, а въ Польшѣ, получая личную свободу, крестьянинъ лишался правъ на землю, которая объявлялась полною собственностью помѣщика,—тѣмъ не менѣе старыя соціальныя отношенія были потрясены въ самыхъ своихъ основахъ и реакціи, наступившей послѣ паденія Наполеона I, уже было трудно вполнѣ возстановить старину.

Мы уже отмѣтили выше, что государственныя и общественныя реформы въ эту эпоху происходили не только по иниціативѣ Франціи, но и прямо въ направленіи, враждебномъ французскому владычеству. Въ послѣднемъ отношеніи особенно замѣчательны испанская конституція 1812 г. и реформы въ Пруссіи наканунѣ нѣмецкой войны за освобожденіе.

Когда Наполеонъ I предпринялъ завоеваніе Испаніи для своего брата Іосифа, онъ въ первый разъ встрѣтился съ настоящею народною войною. Испанцы не хотѣли подчиниться чужеземному владычеству и вступили въ борьбу съ завоевателями. Въ это время среди испанскихъ патріотовъ образовалось двѣ партіи — консервативная и либеральная. Сначала въ національномъ движеніи про-

тивъ французовъ господствовало направленіе реакціонное, но весьма скоро взяли верхъ прогрессисты, настоявшіе въ 1810 г. на созваніи въ Кадиксѣ кортесовъ. Послѣдніе въ 1812 г. и выработали свою знаменитую конституцію, которая въ эпоху реставраціи была весьма популярна среди либераловъ и внѣ Испаніи. Образцомъ для этого памятника послужила французская конституція 1791 г., основанная на идеѣ народовластія и признававшая за однимъ народомъ учредительную власть. Впрочемъ, кадикскіе кортесы воспользовались и нѣкоторыми принципами стараго арагонскаго устройства. Въ общемъ королевская власть была ограничена до послѣдней степени, такъ что конституція имѣла почти республиканскій характеръ. Какъ мы увидимъ, она была весьма недолговѣчна, но именно съ этого момента и начала дѣйствовать въ Испаніи либеральная партія, которая стремилась осуществить въ своемъ отечествѣ и другія реформы въ духѣ новыхъ требованій.

Пруссія вступила въ XIX столѣтіе со всѣми характерными признаками стараго порядка, который и здѣсь, видимо, разлагался во многихъ своихъ частяхъ. Еще за три года до французской революціи это разложеніе было отмѣчено будущимъ трибуномъ революціи Мирабо, который прямо даже предсказалъ, что монархія Фридриха Великаго не выдержитъ перваго серьезнаго испытанія. Пророчество это исполнилось. Въ 1806 г. Наполеонъ I разгромилъ Пруссію, и она не исчезла съ политической карты Европы только вслѣдствіе заступничества русскаго императора. Это и было толчкомъ для начала преобразованій въ той половинѣ прежнихъ владѣній, которая была оставлена за прусскимъ королемъ. Въ Берлинѣ уже ранѣе образовалась либеральная партія, желавшая внутреннихъ преобразованій, и одинъ изъ видныхъ пред-

ставителей этой партіи, Гарденбергъ, предложилъ королю ввести народное представительство, но въ соединеніи съ системой административной централизаціи, отмѣнить дворянскія привилегіи и крѣпостное состояніе крестьянъ и объявить свободу промышленности и торговли. Когда Наполеонъ I потребовалъ у прусскаго короля удаленія Гарденберга, во главѣ правленія сталъ знаменитый баронъ Штейнъ. Если Гарденбергъ былъ сторонникомъ новыхъ французскихъ идей, то, наоборотъ, Штейнъ, въ сущности, былъ ихъ противникомъ. Будущій прусскій реформаторъ выступилъ на общественное поприще еще до французской революціи съ идеями консервативнаго характера. Онъ одинаково былъ противникомъ и просвѣщеннаго абсолютизма, и французской революціи, и наполеоновскаго режима, но въ то же время онъ былъ защитникомъ общественной свободы въ ея старыхъ формахъ сословной группировки и мѣстнаго самоуправленія. Поэтому онъ не сочувствовалъ ни той нивеллировкѣ общества, ни той централизаціи управленія, которыя убивали дѣтельность отдѣльныхъ группъ общества, связанныхъ общими интересами, и наносили ударъ мѣстной самобытности, слишкомъ усиливая дѣйствіе государства и, наоборотъ, дѣлая отдѣльныя личности безпомощными и вредя интересамъ отдѣльныхъ областей. Но этотъ консерваторъ былъ доступенъ новымъ идеямъ. Считая нужнымъ сохранить старыя формы, онъ хотѣлъ приспособить ихъ къ новымъ потребностямъ жизни. Будучи сторонникомъ мелкаго крестьянскаго хозяйства и цехового устройства промышленности, онъ въ то же самое время думалъ о необходимости внести больше свободы въ эти традиціонныя формы. Самое униженіе Германіи онъ объяснялъ подавленіемъ въ ней свободнаго проявленія личной дѣятельности и общественныхъ силъ.

Въ общемъ программа Штейна отличалась отъ программы Гарденберга, потому что всенивеллирующая имперія Наполеона I не могла быть его идеаломъ, да и вообще оба они смотрѣли слишкомъ различно на значеніе новыхъ учрежденій. Тѣмъ не менѣе обстоятельства и духъ времени оказывали свое дѣйствіе на Штейна. Удаленный въ отставку по требованію Наполеона I, разгадавшаго его истинныя стремленія, Штейнъ уже прямо стоялъ за то, чтобы революціонировать нѣмцевъ противъ французовъ, и даже ссылался на примѣръ Комитета общественнаго спасенія. Послѣ Штейна въ главѣ правленія сталъ снова Гарденбергъ, продолжавшій реформы въ своемъ духѣ. Впрочемъ, преобразованія обоихъ государственныхъ людей, не вполнѣ согласованныя между собою, не были доведены до конца, когда въ Пруссіи наступила реакція. Въ политическомъ вопросѣ Штейнъ, давно уже покланявшійся англійской конституціи, лишь постепенно сталъ склонять къ мысли о необходимости общегосударственнаго представительства Пруссіи. Врагъ чиновничьяго завѣдованія мѣстными дѣлами, въ англійскомъ устройствѣ онъ цѣнилъ прежде всего систему мѣстнаго самоуправленія. Онъ думалъ, что съ этого и нужно начать перестройку управленія въ Пруссіи, но едва лишь онъ успѣлъ приступить къ реформамъ въ данномъ направленіи, какъ Гарденбергъ, поклонникъ французской системы централизаціи, отмѣнилъ начинанія своего предшественника и, наоборотъ, все свое вниманіе обратилъ на вопросъ о введеніи народнаго представительства. Въ 1811 и 1812 гг. въ Берлинѣ даже были созваны нотабли. Въ соціальномъ отношеніи къ этой эпохѣ относится уничтоженіе крѣпостничества и стараго цехового законодательства. Освобожденіе крестьянъ въ Пруссіи произошло въ 1807 г. при Штейнѣ, который,

кромѣ того, разрѣшилъ соободный переходъ рыцарскихъ помѣстій въ руки простыхъ бюргеровъ. Этимъ былъ нанесенъ ударъ прусскому соціальному феодализму, но реформа не была полной, потому что за владѣльцами рыцарскихъ помѣстій оставлены были еще вотчинныя полиція и юстиція. Ударъ цеховой организаціи промышленности былъ нанесенъ нѣкоторыми косвенными мѣрами Гарденберга, большого поклонника экономической свободы [1]). Вводя промысловый налогъ, какъ главное основаніе права заниматься какимъ-нибудь ремесломъ, и передавая функціи цеховыхъ властей въ руки полиціи (1810—11), прусское правительство расшатало старое устройство обрабатывающей промышленности, хотя формально и не отмѣнило цеховъ. Въ 1813 г. Пруссія, которая своими реформами пріобрѣла себѣ громадное нравственное вліяніе во всей Германіи, вступила въ войну съ чужеземными поработителями. Военное время не благопріятствовало мирной преобразовательной дѣятельности, а затѣмъ наступили времена, когда даже спасеніе сдѣланныхъ пріобрѣтеній было задачею довольно трудною, и потому мечтать о дальнѣйшемъ развитіи реформъ было почти немыслимо.

Подводя итоги подъ всѣмъ сказаннымъ, можно сказать, что въ одной своей сторонѣ Наполеоновская эпоха была нѣкоторымъ продолженіемъ революціи. Многое въ это время безвозвратно исчезло изъ общественной жизни Западной Европы, но столь же многое было тогда только начато и даже едва намѣчено. Наконецъ, съ паденіемъ имперіи многое изъ того, что было отмѣнено въ эту эпоху, было возстановлено въ слѣдующемъ періодѣ. Характерная черта эпохи, наступившей за низложеніемъ

[1]) См. выше, стр. 25.

Наполеона I, именно и заключается въ стремленіи къ возстановленію старины. Сама Наполеоновская эпоха другою своею стороною, т.-е. стороною контръ-революціонной и подготовляла эту будущую реакцію.

IV. Общій характеръ реакціонныхъ стремленій эпохи реставраціи [1]).

1. Общее значеніе реставраціи и происхожденіе реакціи.—2. Принципъ легитимиза. 3.—Рѣшенія вѣнскаго конгресса.—4. Конгрессы и Священный Союзъ.—5. Три главныя направленія реакціи.—6. Главныя черты культурной реакціи въ эту эпоху.

---

1. Пятнадцать лѣтъ, отдѣляющія паденіе Наполеоновской имперіи отъ іюльской революціи, носятъ въ исторіи названіе эпохи реставраціи. Это названіе, собственно говоря, относится къ исторіи Франціи, но оно имѣетъ и

---

[1]) Исторія Западной Европы въ новое время, томъ IV, гл. 12 (въ концѣ о вѣнскомъ конгрессѣ) и гл. 13 (Происхожденіе и характеръ реакціонныхъ стремленій эпохи реставраціи). Кромѣ того, см. о реакціи въ Германіи (гл. 16), во Франціи (гл. 17 и 18) и въ Англіи (гл. 22 и 21).

— Для элементарныхъ фактическихъ справокъ „Учебная книга новой исторіи“: § 268. Принципы вѣнскаго конгресса.—§ 269. Созданія вѣнскаго конгресса. — § 270. Значеніе вѣнскаго конгресса. — § 271. Священный союзъ.

— Для установленія связи реакціи XIX в. съ реакціей предыдущихъ періодовъ въ книжкѣ „Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени“ см. главы седьмую („Культурная и политическая реакція) и восьмую („Старые государственные и общественные порядки“). Ср. тамъ же гл. третью, посвященную характеристикѣ „Средневѣкового міросозерцанія“.

болѣе общее значеніе. Реставрація законной династіи совершилась не въ одной только Франціи, но и въ другихъ странахъ точно такъ же возстановлялись въ своихъ правахъ царствовавшія въ нихъ фамиліи. Съ другой стороны, это была эпоха реставраціи старыхъ политическихъ и соціальныхъ порядковъ, реставрація правъ духовенства и дворянства, противъ которыхъ было направлено предыдущее политическое движеніе. Въ послѣднемъ смыслѣ можно, напримѣръ, говорить о прусской реставраціи, хотя династія Гогенцоллерновъ и не удалялась въ изгнаніе, какъ то случилось съ французскими, испанскими и итальянскими Бурбонами или съ нѣкоторыми княжескими династіями Германіи. Другое названіе этого историческаго періода—эпоха реакціи. Оно также характеризуетъ особенность этого времени. Историческая жизнь вообще складывается изъ движеній впередъ и возвращеній назадъ, изъ акцій и реакцій. Движеніе впередъ всегда вызывается неудовлетворительностью даннаго положенія вещей, которая сама является лишь однимъ изъ симптомовъ разложенія стараго порядка. Застигнутые врасплохъ консервативные элементы общества оказываются не въ состояніи задержать побѣдоносное шествіе прогрессивныхъ силъ. Самое большее, что можетъ въ это время дѣлать консервативная оппозиція, это—мѣшать движенію, болѣе обороняясь, чѣмъ нападая. Мало-по-малу, однако, противники новаго движенія переходятъ въ наступленіе, когда само движеніе теряетъ прежнюю силу. Обыкновенно случается такъ, что сторонники новаго направленія или разочаровываются въ немъ, когда оно оказывается безсильнымъ исполнить всѣ возлагавшіяся на него надежды, или начинаютъ его бояться, когда оно выходитъ за извѣстныя границы, и вотъ движеніе падаетъ, потому что одни въ немъ разо-

чаровываются и отъ него отстаютъ, другіе его пугаются и мѣняютъ свое къ нему отношеніе. И то, и другое бываетъ только на руку представителямъ побѣжденной стороны, и чѣмъ значительнѣе было движеніе, тѣмъ рѣзче проявляется реакція. Такъ было въ серединѣ XVI в., когда началась реакція, получившая названіе католической. Такъ случилось и въ началѣ XIX в.

Революція не оправдала всѣхъ возлагавшихся на нее надеждъ, и это уже одно способно было ослабить ея силу. Съ другой стороны, революція своимъ демократическимъ характеромъ напугала буржуазію, которая не хотѣла, чтобы переворотъ шелъ далѣе извѣстныхъ предѣловъ. Реакціонное направленіе было уже замѣтно во французскомъ обществѣ во второй половинѣ девятидесятыхъ годовъ XVIII в. Лишь на почвѣ этой реакціи и сдѣлался возможнымъ военный деспотизмъ Наполеона I. Мы видѣли уже, что въ этомъ режимѣ существовала и своя революціонная сторона, хотя въ ней была и сторона реакціонная. Однако, ни буржуазная реакція временъ директоріи, ни милитаристическая реакція Наполеона I, зародившіяся, если можно такъ выразиться, въ лонѣ самого новаго движенія, не могли ставить цѣлью своихъ стремленій реставрацію стараго порядка во всей его неприкосновенности. Когда Наполеонъ I палъ, плодами побѣды надъ нимъ и захотѣли воспользоваться представители стараго порядка: они и выступили теперь съ весьма опредѣленными стремленіями, для оправданія которыхъ у нихъ былъ и свой принципъ.

2. Вспомнимъ, что революція оправдывала себя ссылкой на естественное право, игравшее столь видную роль въ философіи XVIII в. Это естественное право было отрицаніемъ существующихъ порядковъ. Реакція, о которой идетъ теперь рѣчь, противопоставила естественному праву

право историческое, которое было не чѣмъ инымъ, какъ возведеніемъ въ принципъ созданныхъ исторіей консервативныхъ интересовъ. Для этого историческаго права, которое было прежде всего право царствующихъ династій, было придумано и названіе — „legitimité". Объявляя незаконнымъ все, что сдѣлано было революціей во имя естественнаго права, реакція вмѣстѣ съ тѣмъ находила законнымъ лишь то, что было освѣщено вѣковыми преданіями и обычаями: легитимизмъ представлялъ собою именно такое пониманіе законнаго порядка вещей. Къ названіямъ этой эпохи, какъ реставраціи или реакціи, можно еще прибавить названіе эпохи легитимизма. Легитимистическая реакція въ общемъ была реакціей абсолютизма, клерикализма и аристократизма, противъ общественной свободы, свѣтскаго направленія культуры и гражданскаго равенства.

Наполеона I побѣдила коалиція европейскихъ правительствъ и народовъ. Государи и подданные дѣйствовали въ тѣсномъ единеніи, причемъ народы ожидали для себя всякихъ благъ отъ низверженія французскаго владычества, а правительства своими обѣщаніями поддерживали эти надежды. Ожиданія не оправдались, потому что обѣщанія не были исполнены. Побѣдивъ Наполеона I, правительства продолжали дѣйствовать въ союзѣ между собою, чтобы общими силами создать новый порядокъ вещей и общими же силами его поддерживать. Наполеоновская эпоха была неблагопріятна для самостоятельнаго дѣйствія общественныхъ силъ, но и побѣдители великаго завоевателя не хотѣли дѣлиться плодами своей побѣды съ представителями тогдашнихъ общественныхъ силъ. Французская революція дала жизнь идеѣ націи, какъ самоопредѣляющейся совокупности свободныхъ индивидуумовъ, да и наполеоновскій деспотизмъ вызывалъ въ

порабощенныхъ или угрожаемыхъ народахъ чувства національной независимости: только опираясь на это движеніе, правительства и могли выйти побѣдителями изъ борьбы. Когда, однако, они стали передѣлывать карту Европы для установленія новаго международнаго порядка, они менѣе всего принимали въ расчетъ національныя стремленія подданныхъ. На вѣнскомъ конгрессѣ, собранномъ въ 1814 г. вслѣдъ за первымъ низложеніемъ Наполеона, были установлены новыя границы государствъ послѣ немалыхъ споровъ о количествѣ квадратныхъ миль и числѣ живущихъ на этихъ квадратныхъ миляхъ душъ, но какія это были души и чего онѣ хотѣли, объ этомъ не спрашивалось. Весь вопросъ сводился къ тому, чтобы получить награду за „освобожденіе Европы", и наоборотъ—наказать тѣхъ, которые въ послѣдней борьбѣ противъ Наполеона I стояли на его сторонѣ, какъ-будто и сами побѣдители раньше никогда не содѣйствовали поработителю Европы. Съ другой стороны, Франція не только должна была быть наказана, но и поставлена въ невозможность впредь быть опасною сосѣдямъ, для чего требовались извѣстныя территоріальныя измѣненія. Наконецъ, отдана была должная дань и принципу легитимизма, такъ какъ по возможности рѣшено было возстановлять старыя правительства въ ихъ правахъ, попранныхъ революціей или Наполеономъ I, но и тутъ замѣтна была тенденція реставрировать преимущественно монархическія правительства, не очень заботясь о возстановленіи старыхъ республикъ.

3. На вѣнскомъ конгрессѣ Россія была вознаграждена присоединеніемъ къ ней большей части созданнаго Наполеономъ великаго герцогства Варшавскаго, но Александру I не удалось соединить подъ своимъ скипетромъ всѣ польскія области, между прочимъ вслѣдствіе сопротивленія Австріи

и Пруссіи, изъ которыхъ одна возвратила себѣ часть Галиціи, въ значительной мѣрѣ населенной русскимъ племенемъ, а другая присоединила къ своимъ владѣніямъ Познань. При этомъ новомъ дѣлежѣ Польши національныя права въ расчетъ не принимались, соединеніе же конституціоннаго польскаго королевства съ самодержавною имперіей указывало на то, что въ расчетъ не принимались и политическія особенности соединяемыхъ странъ. Австрія тоже получила вознагражденіе, между прочимъ, въ видѣ Ломбардо-Венеціанскаго королевства, которое охватывало почти всю Сѣв. Италію и давало монархіи Габсбурговъ возможность господствовать надъ всѣмъ полуостровомъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя второстепенныя итальянскія государства (Тоскана, Парма и Модена) были отданы членамъ австрійской династіи. Несмотря на то, что въ Италіи уже обнаружилось стремленіе къ политическому единству, въ ней рѣшено было возстановить старыя правительства, за исключеніемъ Венеціанской и Генуэзской республикъ, изъ которыхъ одна вошла въ составъ австрійскихъ владѣній, другая досталась королевству Сардинскому. Послѣ этого Италія продолжала оставаться, по знаменитому выраженію австрійскаго министра Меттерниха, географическимъ понятіемъ. Въ Германіи также былъ поставленъ вопросъ объ объединеніи, но нѣмецкая нація вынуждена была довольствоваться союзнымъ устройствомъ изъ тридцати шести государствъ со включеніемъ въ союзъ владѣній, принадлежавшихъ королямъ датскому и голландскому (Гольштейнъ и Люксембургъ). Не были приняты въ расчетъ національныя и вѣроисповѣдныя особенности Голландіи и Бельгіи, когда ихъ соединяли въ одно Нидерландское королевство, государемъ котораго былъ сдѣланъ потомокъ наслѣдственныхъ штатгальтеровъ прежней Голландской

республики. Создавая это новое королевство, вѣнскій конгрессъ руководился соображеніемъ о необходимости образовать на границахъ Франціи рядъ болѣе сильныхъ государствъ, которыя могли бы задержать завоевательныя стремленія французовъ. Съ этою же цѣлью создана была прирейнская Пруссія, усилена была Баварія присоединеніемъ къ ней Пфальца, а возстановленное королевство Сардинское увеличили отдачей ему Савойи и Генуи. Франція была наказана потерею всѣхъ областей, присоединенныхъ послѣ 1790 г. У Даніи, державшей сторону Наполеона I, на томъ же основаніи отнята была Норвегія и отдана въ видѣ награды шведскому королю, ставшему во враждебныя отношенія къ Франціи. Таковы были главныя измѣненія въ политическомъ строѣ Европы на вѣнскомъ конгрессѣ. „Трактаты 1815 г.“ сдѣлались основаніемъ международнаго порядка, и главныя державы поставили своею задачей поддерживать этотъ порядокъ и не допускать никакихъ въ немъ измѣненій. Въ этомъ и заключалась сущность всей консервативной политики. Наоборотъ, революціонныя партіи въ отдѣльныхъ странахъ, все болѣе и болѣе принимавшія національный характеръ, необходимо становились во враждебныя отношенія къ вѣнскимъ трактатамъ, не принимавшимъ въ расчетъ національныхъ и политическихъ стремленій отдѣльныхъ народовъ.

4. За вѣнскимъ конгрессомъ, окончившимъ свою работу въ 1815 г., послѣдовали на короткомъ разстояніи одинъ отъ другого новые конгрессы—въ 1818 г. въ Ахенѣ, въ 1820—въ Троппау, въ 1821 г. въ Лайбахѣ и въ 1822 г. въ Веронѣ, такъ что недаромъ время отъ 1814 по 1822 гг. носитъ названіе эпохи конгрессовъ. Европейская коалиція, которая низложила Наполеона I и передѣлала политическую карту Европы, должна была,

по мысли главныхъ членовъ союза, превратиться въ своего рода постоянное учрежденіе для поддержанія установленнаго порядка и мирнаго рѣшенія международныхъ споровъ: конгрессы и должны были быть органомъ этой коалиціи. Въ 1815 г. послѣ вторичнаго низложенія Наполеона I эта коалиція приняла своеобразную форму, превратившись въ такъ называемый Священный союзъ, который тоже даетъ свое названіе всей эпохѣ. Извѣстно, что иниціаторомъ этого международнаго учрежденія былъ Александръ I, въ то время находившійся на верху своей славы и своего могущества, какъ вождь коалиціи, освободившей Европу отъ французскаго деспотизма. Въ это время императоръ былъ сторонникомъ либеральныхъ началъ. Присоединяя въ 1809 г. Финляндію, онъ созвалъ въ новомъ великомъ княжествѣ государственный сеймъ; въ 1814 г. онъ настоялъ на томъ, чтобы возстановленный на французскомъ престолѣ Людовикъ XVIII далъ своему народу конституціонную хартію; въ 1815 г. онъ октроировалъ конституцію царству Польскому, несмотря на недовольство Австріи и Пруссіи, вовсе не желавшихъ давать политическія права своимъ польскимъ подданнымъ; открывая въ 1818 г. первый сеймъ въ Варшавѣ, онъ произнесъ рѣчь, въ которой выразилъ даже намѣреніе распространить либеральныя учрежденія и на другія подвластныя ему страны. Самый планъ Священнаго союза сначала показался австрійскому правительству слишкомъ либеральнымъ, хотя впослѣдствіи оно скоро поняло, какія выгоды представлялъ собою этотъ планъ. На самомъ дѣлѣ мысль о Священномъ союзѣ была скорѣе результатомъ мистическаго настроенія, начинавшаго въ это время овладѣвать Александромъ I. Союзъ недаромъ былъ названъ „священнымъ“, и недаромъ же Александръ I для его подписанія выбралъ 14 сент. стараго стиля, когда цер-

ковь празднуетъ Воздвиженіе Креста. Самое содержаніе акта Священнаго союза имѣетъ болѣе религіозно-нравственный, чѣмъ политико-юридическій характеръ. Взаимныя отношенія союзныхъ монарховъ, равно какъ отношенія между ними и ихъ подданными, должны были основываться на заповѣдяхъ христіанской религіи. Объявляя себя уполномоченными Провидѣнія, государи обѣщали другъ другу взаимное довѣріе и помощь. подданными же своими обѣщались управлять, какъ отцы семействъ. Народы вмѣстѣ съ этимъ приглашались упражняться въ исполненіи своихъ обязанностей, потому что въ этомъ полагалось единственное средство мира и счастія царствъ. Первоначально этотъ союзъ былъ заключенъ между государями Австріи, Пруссіи и Россіи, но къ нему предложено было примкнуть и другимъ государямъ. На этотъ призывъ откликнулись всѣ тогдашніе правители, кромѣ англійскаго принца-регента, который по закону страны не могъ присоединиться къ трактату, заключенному непосредственно государями безъ участія министровъ. Въ составъ Священнаго союза равнымъ образомъ не вошли папа и турецкій султанъ: первый считалъ для себя возможнымъ стоять лишь во главѣ христіанскаго міра, а не въ рядахъ второстепенныхъ государей, къ числу которыхъ онъ принадлежалъ по своему свѣтскому владѣнію въ Италіи, для турецкаго же султана не могло быть мѣста въ союзѣ, основывавшемъ себя на евангельскихъ заповѣдяхъ, что, впрочемъ, нисколько не помѣшало султану пользоваться потомъ поддержкою Священнаго союза противъ своихъ мятежныхъ христіанскихъ подданныхъ, т.-е. противъ грековъ, задумавшихъ свергнуть мусульманское иго. Священный союзъ дѣйствительно сдѣлался органомъ реакціи международнаго характера. Правда, политическій антагонизмъ, существовавшій между его главными

участниками, съ теченіемъ времени сталъ его расшатывать, но каждый разъ возникавшія на Западѣ революціонныя движенія вновь скрѣпляли узы, связывавшія главныхъ участниковъ союза.

5. Въ отдѣльныхъ странахъ реакція принимала не одинаковый характеръ въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, но вездѣ въ большей или меньшей степени она развивалась въ трехъ главныхъ направленіяхъ—политическомъ, соціальномъ и культурномъ. Политическая реакція была реакціей абсолютизма противъ провозглашеннаго французской революціей принципа народовластія или вообще участія общественныхъ силъ въ государственныхъ дѣлахъ. Уже самъ Наполеонъ I, основывавшій свою власть на всенародномъ избраніи, старался найти и другого рода опору для своего абсолютизма, обратившись къ старымъ принципамъ католицизма. Послѣ паденія французской имперіи эта реакція стала выражаться еще рѣзче, проявляясь, между прочимъ, съ одной стороны, въ отмѣнѣ уже введенныхъ конституцій, съ другой — въ неисполненіи конституціонныхъ обѣщаній. Кромѣ того, если имперія Наполеона I въ своей соціальной политикѣ напоминаетъ просвѣщенный абсолютизмъ, находившійся, какъ извѣстно, не въ ладахъ съ феодальными привилегіями, то послѣ 1815 г., наоборотъ, королевская власть была уже въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ привилегированными и тѣмъ самымъ только поддерживала соціальную реакцію, принявшую чисто феодальный характеръ. Буржуазная реакція, о которой выше уже шла рѣчь, подготовила почву для наполеоновскаго режима, который въ свою очередь служилъ сильнымъ препятствіемъ для реакціи дворянской, съ паденіемъ же Наполеона I и начинается именно аристократическая реакція въ союзѣ съ легитимистической королевской

властью. Въ соціальномъ отношеніи эпоха реставраціи характеризуется борьбою между реакціонной аристократіей и либеральной буржуазіей, которая въ это время стремится къ обезпеченію главныхъ результатовъ предъидущаго движенія отъ возвращенія къ старому порядку. Легитимизмъ политическій и соціальный нашли, наконецъ, поддержку и въ культурной реакціи, которая въ эту эпоху приняла рѣзко клерикальный характеръ. Просвѣщенные деспоты XVIII в., отстаивая права государственной власти и свѣтскаго общества отъ притязаній духовенства, находились большею частью въ ссорѣ съ католическою церковью. Однимъ изъ проявленій просвѣщеннаго абсолютизма было, напр., изгнаніе іезуитовъ изъ разныхъ католическихъ странъ и уничтоженіе этого ордена папою по требованію католическихъ правительствъ. Въ 1814 г. сдѣлалось возможнымъ возстановленіе ордена іезуитовъ, передъ которымъ теперь была задача борьбы съ революціей, какъ въ XVI в. его главною задачею была борьба съ реформаціей. Да и вообще католицизмъ ожилъ и усилился въ разсматриваемую эпоху. Церковь и государство, находившіяся не въ ладахъ между собою во второй половинѣ XVIII в., наоборотъ, стремились теперь къ тѣснѣйшему союзу между собою, ища другъ въ другѣ поддержки противъ революціи. Конкордатъ Наполеона I съ папою открывалъ собою эпоху такого союза церкви и государства, но все-таки Наполеонъ I стремился къ тому, чтобы главная выгода отъ конкордата была на сторонѣ государства. Въ эпоху реставраціи повсемѣстно обнаруживается тенденція противоположнаго характера, и государственная власть сама идетъ на службу къ клерикальнымъ тенденціямъ. Уже въ буржуазной реакціи конца XVIII в. сталъ вырабатываться взглядъ на религію, какъ на главную опору общественнаго порядка, но

мало-по-малу культурная реакція приняла и болѣе интимный и искренній характеръ религіознаго настроенія. Для католицизма съ его мистическими и аскетическими стремленіями такое настроеніе, пришедшее на смѣну прежнему вольнодумству, было самою удобною почвою и недаромъ въ эту эпоху было нѣсколько случаевъ перехода интеллигентныхъ протестантовъ въ католицизмъ.

Это была общая реакція противъ всего, что̀ внесено было новаго въ жизнь не только имперіей Наполеона I, революціей, просвѣщеннымъ абсолютизмомъ и философіей XVIII в., но и болѣе ранними движеніями — реформаціи и гуманизма. Другими словами, это былъ протестъ противъ всей новой исторіи во имя среднихъ вѣковъ, т.-е. во имя средневѣковыхъ феодальныхъ и католическихъ принциповъ и основанной на нихъ общественной организаціи. Главное зло въ исторіи послѣднихъ вѣковъ съ точки зрѣнія теоретиковъ реакціи заключалось въ томъ, что человѣческая личность и индивидуальный разумъ вышли изъ повиновенія богоустановленному порядку, что личная мысль и личная совѣсть потребовали себѣ свободы и что во имя той же свободы человѣкъ сталъ передѣлывать не имъ, а свыше созданныя формы жизни. Конечно, принципіальное тяготѣніе къ среднимъ вѣкамъ было лишь самымъ крайнимъ выраженіемъ реакціоннаго настроенія, но именно оно и придаетъ особый характеръ реакціи, наступившей послѣ 1815 г.

6. Культурную реакцію мы можемъ прослѣдить въ разныхъ сферахъ мысли. Въ своей философіи XVIII в. отъ раціонализма и деизма перешелъ къ сенсуализму и матеріализму, которые вызвали противъ себя идеалистическую и спиритуалистическую реакцію. Бѣдствія революціи были объявлены за результаты примѣненія ложной философіи, въ которой на первомъ планѣ стояло знаніе, тогда какъ

пропаганду своихъ идей и порядковъ у другихъ народовъ. На практикѣ осуществились, однако, не братство народовъ, не солидарность человѣческаго рода, а нѣчто иное: явилось господство одного народа надъ другими. Отвлеченный „человѣческій родъ“ XVIII в. оказался несуществующимъ, а гнетъ наложенный на европейскіе народы наполеоновской Франціей, привелъ лишь къ острому развитію въ нихъ національнаго чувства, что стало выражаться и въ особой приверженности ко всему своему родному, соединявшейся съ непріязнью ко всему чужому, и въ подчеркиваніи культурныхъ особенностей, выработанныхъ исторіей и сохранившихся въ традиціяхъ народной старины, и въ желаніи ихъ увѣковѣчить и въ будущемъ, даже прямо въ попыткахъ философскаго оправданія и поэтической идеализаціи того, что̀ признавалось за исконныя врожденныя начала той или другой національности.

Въ этихъ проявленіяхъ культурной реакціи противъ просвѣщенія XVIII в., реакція политическая и соціальная находила идейную поддержку, но она и сама поддерживала всѣ эти идейныя теченія, поскольку ихъ принципы оправдывали охрану консервативныхъ интересовъ и служили противовѣсомъ противъ всякихъ попытокъ внести въ жизнь новыя начала. Исторія не только должна была остановиться, но и попятиться назадъ, — къ средневѣковью, къ тому самому средневѣковью, въ которомъ просвѣщеніе XVIII в. видѣло только времена „готическаго“ варварства и невѣжества. Это тяготѣніе къ среднимъ вѣкамъ нашло выраженіе въ произведеніяхъ цѣлаго ряда публицистовъ, и тѣ же самыя публицистическія тенденціи проходили сверхъ того красною нитью черезъ произведенія многихъ философскихъ и историческихъ писателей. Нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались даже

настоящими оракулами реакціи, которымъ внимали, какъ носителямъ вѣчной и неизмѣнной мудрости.

V. Общій взглядъ на либерализмъ двадцатыхъ годовъ XIX вѣка [1]).

1. Либерализмъ, какъ продолженіе болѣе раннихъ прогрессивныхъ направленій. — 2. Антидемократичность либерализма эпохи. — 3. Вліяніе культурной реакціи на либерализмъ. — 4. Связь политическаго и экономическаго либерализма. — 5. Критика идеи народовластія съ индивидуалистической точки зрѣнія. — 6. Представленіе о несовмѣстимости свободы съ равенствомъ. — 7. Различія, существовавшія среди либераловъ.

1. Въ то самое время, какъ реакція стремилась задержать историческое движеніе и даже повернуть его назадъ, въ другой части общества, въ той именно, въ которой желали осуществленія новыхъ жизненныхъ прин-

[1]) Исторія Западной Европы въ новое время, т. IV, гл. 14 (Общая характеристика либерализма въ эпоху реставраціи) и 26 (Экономическія теоріи эпохи реставраціи въ связи съ моральными и политическими движеніями), а также гл. 19 (Борьба французскаго либерализма противъ реакціи) и гл. 21 (Реакція и борьба за свободу въ Англіи до 1830 г.). Ср. въ V томѣ главу 12 (Французскій либерализмъ временъ іюльской монархіи).

— О болѣе раннихъ прогрессивныхъ движеніяхъ, съ которыми либерализмъ XIX в. такъ или иначе связанъ, см. въ „Философіи культурной и соціальной исторіи новаго времени“ главы четвертую („Сущность гуманистическаго движенія“), пятую („Культурное значеніе религіозной реформаціи“) и девятую („Характеристика просвѣщенія XVIII в.). Ср. также въ главѣ шестой („Соціальная и политическая сторона реформаціи“) §§ 2, 4 и 5.

циповъ и ихъ дальнѣйшаго развитія, господствовало направленіе, которое стало называться либерализмомъ. Въ исторіи новаго времени мы различаемъ нѣсколько крупныхъ прогрессивныхъ движеній, одно съ другимъ не совпадающихъ, одно изъ другого прямо не вытекающихъ, иногда даже находившихся въ противорѣчіи между собою, но имѣющихъ одну общую черту — стремленіе впередъ во имя новыхъ началъ мысли и жизни и ради переустройства на этихъ новыхъ началахъ тѣхъ или другихъ сторонъ государственнаго и общественнаго строя. Таковы были культурныя движенія гуманизма, реформаціи и просвѣщенія XVIII в., включая въ послѣднее и „принципы 1789 г.". Либерализмъ эпохи реставраціи былъ тоже изъ этой категоріи движеній и особенно роднился съ ними своимъ индивидуализмомъ, своимъ свободолюбіемъ, которыми отличаются и всѣ передовыя проявленія возрожденія, протестантизма и философіи XVIII в. Въ этомъ смыслѣ либералы двадцатыхъ годовъ XIX в. являются наслѣдниками и продолжателями дѣла гуманистовъ, реформаторовъ и просвѣтителей.

Съ принципіальной точки зрѣнія борьба между либерализмомъ и реакціей была вмѣстѣ съ тѣмъ борьбою между стремленіемъ отстаивать во всемъ свободу личности и стремленіемъ къ возможно большему ограниченію личныхъ правъ во всѣхъ сферахъ жизни. Либералы защищали свободу совѣсти, свободу мысли, свободу научнаго изслѣдованія, свободу слова и печати, защищали личную неприкосновенность и нравственное достоинство личности, защищали, наконецъ, элементарную равноправность всѣхъ передъ закономъ и со всѣмъ этимъ соединяли еще проповѣдь политической свободы, вытекающей изъ свободы личности и гарантирующей неприкосновенность личныхъ правъ. Тамъ, гдѣ еще не

было конституціонныхъ учрежденій, либералы ихъ добивались; отстаивали ихъ тамъ, гдѣ имъ грозила опасность, и ставили своею задачею дальнѣйшее ихъ развитіе въ направленіи бо́льшаго осуществленія свободы тамъ, гдѣ эти учрежденія на ихъ взглядъ не были достаточно либеральны. Ихъ общая программа была поэтому до извѣстной степени воспроизведеніемъ принциповъ 1789 года, но только до извѣстной степени, потому что общая реакція сказалась и на характерѣ самого либерализма.

2. Французская революція была движеніемъ глубоко демократическимъ, но на практикѣ примѣненіе принципа народовластія дало совсѣмъ не тѣ результаты, которыхъ ожидали отъ демократическаго переворота. Въ сознаніи теоретиковъ и дѣятелей либерализма демократія сдѣлалась чѣмъ-то опаснымъ для политической свободы, потому что въ результатѣ примѣненія демократическихъ принциповъ получились лишь демагогія эпохи террора и деспотизмъ консульства и имперіи. Къ широкому участію народа въ государственныхъ дѣлахъ стали поэтому относиться съ недовѣріемъ, и либерализмъ получилъ чисто буржуазный характеръ. Съ другой стороны, и самая связь либерализма съ философіей XVIII вѣка можетъ быть установлена лишь съ оговорками, такъ какъ вліяніе культурной реакціи сказалась въ довольно значительной мѣрѣ и на доктринахъ либерализма. Дѣло въ томъ, что либерализмъ можетъ имѣть ту или другую соціальную окраску, т. е. быть и аристократичнымъ, и буржуазнымъ, и демократичнымъ, хотя, конечно, послѣдовательное проведеніе основныхъ принциповъ либерализма неизбѣжно приводитъ къ демократіи, такъ какъ принципъ индивидуальной свободы въ логическомъ смыслѣ можетъ быть только основою равнаго права для всѣхъ. То, что мы можемъ назвать

либерализмомъ временъ французской революціи, дѣйствительно отличалось демократическимъ характеромъ, но мы уже знаемъ, что сама буржуазія испугалась крайняго демократизма и, спасая свои классовые интересы, бросилась въ реакцію. И съ точки зрѣнія интересовъ политической свободы, которая должна была обезпечивать благосостояніе всей націи, демократія тоже пользовалась недовѣріемъ, такъ какъ готова была всегда измѣнить свободѣ и отдаться въ руки какого-нибудь демагога или деспота. Казалось, что поэтому ради блага самого народа обезпеченіе культурной и политической свободы нужно было отдать въ руки зажиточныхъ и образованныхъ классовъ общества, которые лучше съумѣютъ уберечь драгоцѣнное достояніе всѣхъ отъ грозящихъ ему опасностей. Либералы стояли на той точкѣ зрѣнія, что свобода есть единственное вѣрное средство противъ всякихъ общественныхъ золъ, и проповѣдовали невмѣшательство государства, между прочимъ, и въ экономическую жизнь страны. Послѣднее требованіе было для нихъ лишь частнымъ примѣненіемъ основного принципа: разъ личность свободна вѣрить во что ей угодно и думать какъ хочетъ, разъ ей должна быть предоставлена возможность выражать свои мысли въ устномъ и печатномъ словѣ безъ всякихъ ненужныхъ стѣсненій со стороны власти, то и въ области своихъ дѣйствій она должна была пользоваться тою же свободою отъ какой бы то ни было государственной опеки, промышленность же и торговля составляютъ одну изъ наиболѣе важныхъ сторонъ человѣческой дѣятельности. Буржуазія, какъ мы увидимъ, очень скоро поняла выгодныя для себя стороны ученія о невмѣшательствѣ государства въ экономическую сферу, гдѣ уже начиналъ въ это время рѣзко развиваться антагонизмъ ка-

питала и труда: невмѣшательство какъ разъ отдавало трудъ въ жертву капиталу.

Было бы, однако, несправедливо думать, что либерализмъ по самой природѣ своей — буржуазенъ. Основные его принципы, т. е. индивидуальная свобода и представительное правленіе не заключаютъ въ себѣ ничего спеціально буржуазнаго. Классовые интересы средняго сословія, наоборотъ, вносили въ либерализмъ нѣкоторыя тенденціи, которыя иногда становились даже въ противорѣчіе съ основными принципами либерализма. Напримѣръ, главный его теоретикъ во Франціи въ эту эпоху, Бенжаменъ Констанъ, распространялъ принципъ свободы и на мѣстную жизнь, рекомендуя самоуправленіе, а между тѣмъ громадное большинство либераловъ стояло на сторонѣ наполеоновской бюрократической централизаціи, потому что опасалось, какъ бы мѣстное самоуправленіе не усилило значеніе землевладѣльческаго дворянства, на которое упиралась партія реакціи.

3. Реакція отразилась на либерализмѣ эпохи реставраціи и въ другихъ отношеніяхъ. Въ области философскаго умозрѣнія онъ отказался отъ сенсуализма XVIII в., чтобы обосновать себя на чисто спиритуалистической доктринѣ. Французскіе философы этой эпохи, причислявшіе себя къ либеральному лагерю, говорили, что сенсуализмъ былъ исканіемъ свободы на путяхъ рабства и что только спиритуализмъ можетъ быть истинной основой свободы. Если мы вспомнимъ общую характеристику реакціонной философіи, то увидимъ, что философія либерализма стояла съ нею на одной почвѣ несогласія съ наиболѣе типическими чертами философіи XVIII в.

Мы видѣли далѣе, что въ началѣ XIX в. произошла реакція историзма противъ раціонализма предъидущаго столѣтія. Если, однако, какъ мы знаемъ, нѣмец-

кая историческая школа права отличалась крайнимъ консерватизмомъ, то во Франціи, наоборотъ, либералы создали свою замѣчательную историческую школу, которая пошла на службу прогрессивной политикѣ, поставивъ защиту ея принциповъ на почву исторіи, а не одного только умозрѣнія. Это проникновеніе историзма въ область вопросовъ, разрѣшавшихся раньше главнымъ образомъ чисто раціоналистически, тоже весьма характерно для либерализма разсматриваемой эпохи. Для тогдашнихъ прогрессивныхъ историковъ великая революція была не столько попыткою осуществленія вѣковѣчныхъ принциповъ естественнаго права, сколько одною изъ битвъ, которыя и раньше третье сословіе давало привилегированнымъ. Въ эту именно эпоху во Франціи и началось изученіе исторіи третьяго сословія, начиная съ коммунальной революціи временъ крестовыхъ походовъ. И вопросъ о представительныхъ учрежденіяхъ былъ равнымъ образомъ поставленъ теперь на почву историческаго ихъ изученія, что опять таки свидѣтельствуетъ о желаніи тоже чисто историческаго оправданія одного изъ наиболѣе важныхъ принциповъ либерализма. Съ этой же именно точки зрѣнія французскіе либеральные историки этой эпохи такъ усердно занимались прошлымъ Англіи, которая сдѣлалась для нихъ, такъ сказать, образцовою страною политической свободы. Наконецъ, тогда же предпринято было и историческое оправданіе французской революціи въ трудахъ Тьера и Минье.

Въ общей характеристикѣ реакціи мы говорили еще о романтизмѣ, который въ культурномъ отношеніи часто находился въ дружбѣ съ политическимъ и соціальнымъ тяготѣніемъ къ среднимъ вѣкамъ. Но и романтизмъ подобно историзму не всегда былъ реакціоннымъ. Во Франціи двадцатыхъ годовъ либералы и романтики даже вступили

въ довольно тѣсный союзъ, и въ то время, какъ Викторъ Гюго объявлялъ, что „романтизмъ есть либерализмъ въ литературѣ“, самъ либерализмъ отличался романтической окраской. Сопоставляя всѣ изложенныя явленія, мы и можемъ сказать, что либерализмъ эпохи реставраціи носитъ на себѣ довольно замѣтные слѣды вліянія своего реакціоннаго времени.

4. Какъ у реакціи были свои теоретики, такъ были они и у либерализма. Самая характерная особенность либеральныхъ доктринъ этой эпохи заключается въ стремленіи какъ можно болѣе ограничить предѣлы дѣятельности государства въ интересахъ наибольшаго и самаго широкаго осуществленія индивидуальной свободы. Реакціонеры рекомендовали вездѣ и всегда стѣснять личность, ставя ее подъ самую тѣсную и постоянную опеку предержащихъ властей, тогда какъ либералы, наоборотъ, проводили тотъ взглядъ, въ силу котораго государство должно было стоять лишь на стражѣ внѣшней безопасности и внутренняго мира страны, по возможности совсѣмъ не вмѣшиваясь въ личныя дѣла и взаимныя отношенія гражданъ. Политическіе писатели либерализма были проповѣдниками полной экономической свободы и въ этомъ отношеніи находили поддержку со стороны тогдашнихъ экономистовъ, которые держались того же самаго принципа. Экономическая свобода, какъ и свобода политическая, была провозглашена еще въ XVIII в. физіократами и Адамомъ Смитомъ, да и знаменитый девизъ экономической свободы „laissez passer. laissez faire“ ведетъ свое начало изъ XVIII же столѣтія. Въ общемъ это ученіе экономистовъ было протестомъ противъ той всеобъемлющей и всепоглощающей правительственной опеки, которая составляетъ одну изъ характерныхъ особенностей ста-

раго порядка. Теоретическое оправданіе государственнаго невмѣшательства заключалось именно въ томъ соображеніи, что экономическая жизнь управляется своими законами, требующими предоставленія для дѣятельности каждаго возможно наибольшей свободы. Каждый стремящійся къ тому, чтобы получить какъ можно больше при наименьшей, наоборотъ, затратѣ времени, труда и средствъ, является единственнымъ компетентнымъ судьею своей собственной выгоды, а потому какая бы то ни была опека надъ нимъ не только излишня, но и прямо даже вредна. Предоставьте, говорили либеральные экономисты, каждому осуществлять хозяйственныя цѣли, какъ ему это кажется лучшимъ, и въ результатѣ будетъ осуществленіе всѣми того, къ чему каждый въ отдѣльности стремится, потому что, прибавляли экономисты, въ мірѣ господствуетъ гармонія, проявленію которой мѣшаютъ только устарѣлые законы и учрежденія, основанные на вмѣшательствѣ въ индивидуальную дѣятельность. Подобнаго рода заявленія дѣлались не только въ теоретическихъ построеніяхъ экономистовъ, но и въ практическихъ требованіяхъ дѣятелей промышленности и торговли: самымъ рельефнымъ фактомъ такого рода является начавшаяся въ Англіи въ двадцатыхъ годахъ агитація въ пользу свободной торговли, подъ которою слѣдуетъ разумѣть вообще невмѣшательство государства въ хозяйственную жизнь страны. Весьма понятно, что экономическій либерализмъ находилъ въ лагерѣ реакціи только враговъ, которые, между прочимъ, защищали и старую средневѣковую регламентацію экономическаго быта въ формѣ, напримѣръ, цеховъ.

5. Съ точки зрѣнія индивидуальной свободы либерализмъ ставилъ своею цѣлью „торжество личности не только надъ властью, желающей управлять посредствомъ

насилія", но „и надъ массами, предъявляющими со стороны большинства право подчиненія себѣ меньшинства", какъ формулировалъ эту идею Бенжаменъ Констанъ, который одинъ изъ первыхъ высказалъ мысль о различіи въ пониманіи свободы въ античномъ мірѣ и въ новой Европѣ, какъ „дѣятельнаго участія въ общемъ властвованіи", съ одной стороны, и „спокойнаго пользованія личной независимостью", съ другой. Уже Монтескье въ XVIII в. совѣтовалъ не смѣшивать свободы народа съ властью народа, но въ ученіи Руссо о народовластіи какъ разъ произошло это смѣшеніе. Либерализмъ вооружился противъ теоріи народовластія, т.-е. „верховенства общей воли надъ всякою частною волею", указавъ на то, что здѣсь прежними борцами за свободу была допущена ошибка: они направляли свой гнѣвъ противъ обладателей власти, а не противъ нея самой, какъ-будто перенесеніе божественнаго права съ королей на народы, при сохраненіи характера самой власти, не можетъ сопровождаться такимъ же деспотизмомъ надъ отдѣльною личностью, какой былъ и прежде. „Воля цѣлаго народа не можетъ сдѣлать справедливымъ то, что несправедливо". Въ этомъ ученіи, главнымъ выразителемъ котораго былъ Бенжаменъ Констанъ, мы имѣемъ дѣло еще съ примѣромъ протеста противъ одной изъ популярнѣйшихъ идей XVIII в., противъ идей народовластія, какъ она была формулирована у Руссо, и противъ основанной на ней практической политики якобинизма въ эпоху французской революціи. Во Франціи, однако, демократизмъ и идея народовластія въ пониманіи Руссо и якобинцевъ до такой степени сливались воедино, что когда въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ возникла въ націи демократическая оппозиція противъ буржуазіи, достигшей господства въ 1830 г., въ

числѣ заблужденій послѣдней была поставлена на первый планъ забота о личной свободѣ, какъ проявленіе противообщественнаго индивидуализма. Въ свою очередь либералы отмѣчали, что демократія охотно жертвуетъ идеаломъ свободы идеалу равенства.

6. Въ сознаніи людей XVIII в. идеи свободы и равенства были неразлучны, и лишь въ эпоху выработки основныхъ идей либерализма было обнаружено, на основаніи пережитого обществомъ опыта, что свобода и равенство могутъ находиться между собою въ антагонизмѣ. Только позднѣе, уже въ эпоху іюльской монархіи, вопросъ былъ подвергнутъ особому изслѣдованію Токвилемъ, который былъ чистокровнымъ либераломъ и въ качествѣ страстнаго поклонника свободы опасался за нее при видѣ разроставшагося демократическаго движенія, которое, по его убѣжденію, никѣмъ и ничѣмъ не можетъ быть удержано. Онъ видѣлъ, что „народы въ наше время сдѣлались склонными къ безпорядку", но не видѣлъ, чтобы „они сдѣлались склонными къ свободѣ", и высказывалъ опасеніе, что „когда кончатся эти волненія, колеблющія троны, верховные правители окажутся еще сильнѣе, чѣмъ они были прежде". Зрѣлище западно-европейской исторіи приводило его къ тому выводу, что „народы хотятъ равенства со свободой, но что если это имъ недоступно, то хотятъ его даже въ рабствѣ": равенство уже успѣло войти въ мнѣнія, нравы, законы, т.-е. уже имѣло свое прошлое, когда свобода была тогда новинкою. Конечно, можно представить себѣ такое общество, въ которомъ свобода и равенство соприкасаются и сливаются, но для этого необходимы особыя историческія условія: извѣстно, что Токвиль не насадилъ ихъ у себя на родинѣ, во Франціи, и указывалъ на великую заатлантическую республику,

гдѣ демократія съумѣла организовать поистинѣ свободное правительство. x)

7. Либерализмъ не представлялъ, конечно, какой-нибудь однообразной догмы, и въ каждой странѣ онъ получалъ особую окраску въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и традицій, отъ тѣхъ или другихъ общественныхъ интересовъ и стремленій, отъ особенностей тѣхъ общественныхъ классовъ, въ которыхъ пользовался сочувствіемъ. Либералы могли быть и бывали на самомъ дѣлѣ и монархистами и республиканцами, централистами и федералистами, космополитами и націоналистами, католиками и протестантами и т. д., какъ и въ области практической политики ихъ оппозиція могла имѣть или чисто легальный конституціонный характеръ (тамъ, гдѣ существовало представительство), и, наоборотъ, характеръ революціонный (и не только тамъ, при этомъ, гдѣ не было представительства). Конечно, съ принципіальной точки зрѣнія разные оттѣнки либерализма — національные, классовые, партійные, наконецъ, индивидуальные — были далеко не одинаково послѣдовательны или, можетъ быть, непослѣдовательны по отношенію къ основному принципу и къ логическимъ изъ него выводамъ, но ихъ роднило именно тяготѣніе къ одному и тому же принципу, къ принципу индивидуальной свободы, обставленной необходимыми гарантіями въ самомъ государственномъ устройствѣ.

x) Пѣкупо, трудность ета в самомъ Сфотъ велики, ~~что~~ Гейдъ при не мо-гутъ служить нами идеалом, но и образ не лучше. Будущему историку полезно проследить трудность задачи — найти выход из этого положения и указать дорогу к идеалу. Новому строю —

числѣ заблужденій послѣдней была поставлена на первый планъ забота о личной свободѣ, какъ проявленіе противообщественнаго индивидуализма. Въ свою очередь либералы отмѣчали, что демократія охотно жертвуетъ идеаломъ свободы идеалу равенства.

6. Въ сознаніи людей XVIII в. идеи свободы и равенства были неразлучны, и лишь въ эпоху выработки основныхъ идей либерализма было обнаружено, на основаніи пережитого обществомъ опыта, что свобода и равенство могутъ находиться между собою въ антагонизмѣ. Только позднѣе, уже въ эпоху іюльской монархіи, вопросъ былъ подвергнутъ особому изслѣдованію Токвилемъ, который былъ чистокровнымъ либераломъ и въ качествѣ страстнаго поклонника свободы опасался за нее при видѣ разроставшагося демократическаго движенія, которое, по его убѣжденію, никѣмъ и ничѣмъ не можетъ быть удержано. Онъ видѣлъ, что „народы въ наше время сдѣлались склонными къ безпорядку", но не видѣлъ, чтобы „они сдѣлались склонными къ свободѣ", и высказывалъ опасеніе, что „когда кончатся эти волненія, колеблющія троны, верховные правители окажутся еще сильнѣе, чѣмъ они были прежде". Зрѣлище западно-европейской исторіи приводило его къ тому выводу, что „народы хотятъ равенства со свободой, но что если это имъ недоступно, то хотятъ его даже въ рабствѣ": равенство уже успѣло войти въ мнѣнія, нравы, законы, т.-е. уже имѣло свое прошлое, когда свобода была тогда новинкою. Конечно, можно представить себѣ такое общество, въ которомъ свобода и равенство соприкасаются и сливаются, но для этого необходимы особыя историческія условія: извѣстно, что Токвиль не насадилъ ихъ у себя на родинѣ, во Франціи, и указывалъ на великую заатлантическую республику,

гдѣ демократія съумѣла организовать поистинѣ свободное правительство. *)

7. Либерализмъ не представлялъ, конечно, какой-нибудь однообразной догмы, и въ каждой странѣ онъ получалъ особую окраску въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и традицій, отъ тѣхъ или другихъ общественныхъ интересовъ и стремленій, отъ особенностей тѣхъ общественныхъ классовъ, въ которыхъ пользовался сочувствіемъ. Либералы могли быть и бывали на самомъ дѣлѣ и монархистами и республиканцами, централистами и федералистами, космополитами и націоналистами, католиками и протестантами и т. д., какъ и въ области практической политики ихъ оппозиція могла имѣть или чисто легальный конституціонный характеръ (тамъ, гдѣ существовало представительство), и, наоборотъ, характеръ революціонный (и не только тамъ, при этомъ, гдѣ не было представительства). Конечно, съ принципіальной точки зрѣнія разные оттѣнки либерализма — національные, классовые, партійные, наконецъ, индивидуальные — были далеко не одинаково послѣдовательны или, можетъ быть, непослѣдовательны по отношенію къ основному принципу и къ логическимъ изъ него выводамъ, но ихъ роднило именно тяготѣніе къ одному и тому же принципу, къ принципу индивидуальной свободы, обставленной необходимыми гарантіями въ самомъ государственномъ устройствѣ.

*) Мысль, пожалуй, не в Росси
сдѣлать великим, ~~что~~ ~~разбудить~~ при не мы
путь служить нашим идеалам, но и Рос
не лучше. Будущему историку полез
предстоит трудная задача — найти
выход из этого положения, указать
дорогу к идеалам. Новому стро

VI. Южно-романскія революціи и конгрессы двадцатыхъ годовъ XIX вѣка [1]).

1. Событія начала двадцатыхъ годовъ. — 2. Общія черты южно-романскихъ революцій. — 3. Ихъ вліяніе на австрійскую политику.— 4. Принципъ вмѣшательства въ чужія внутреннія дѣла.

1. Средніе годы эпохи реставраціи, именно начало двадцатыхъ годовъ XIX в., были ознаменованы цѣлымъ рядомъ революціонныхъ движеній, вызвавшихъ сначала съѣзды государей и министровъ для рѣшенія вопроса, какъ съ ними быть, а потомъ и вооруженное вмѣшательство отъ имени всей Европы во внутреннія дѣла странъ, подвергшихся этимъ революціямъ. Рѣчь идетъ именно, во-первыхъ, о революціяхъ въ Испаніи, въ Неаполѣ съ Сициліей, въ Португаліи и въ Пьемонтѣ въ 1820—21 гг.; во-вторыхъ, о конгрессахъ въ Троппау, Лайбахѣ и Веронѣ въ 1820—1822 гг. и, въ третьихъ, объ австрійской репрессіи въ Италіи и французской — въ Испаніи въ 1822—1823 гг. Этотъ эпизодъ въ исторіи борьбы реакціи и либерализма заслуживаетъ особаго вниманія въ виду своего международнаго характера и однородности явленій, наблюдаемыхъ нами во внутренней исторіи южно-романскихъ странъ, гдѣ произошли эти революціонныя движенія. Къ послѣднимъ мы здѣсь не причисляемъ греческое возстаніе противъ турокъ,

[1]) Исторія Западной Европы въ новое время, томъ IV, гл. 15 (Священный союзъ, южно-романскія революціи и конгрессы).

— Для элементарныхъ практическихъ справокъ „Учебная книга новой исторіи": § 272. Южно-романскія революціи и § 273. Греческое возстаніе.

которое вспыхнуло одновременно съ южно-романскими революціями, но вызвано было совсѣмъ особыми причинами и имѣло особенный же и исходъ. Хотя сначала европейская дипломатія не дѣлала различія между греческими инсургентами и южно-романскими революціонерами, т.-е. и первыхъ считала за то же самое, чѣмъ были вторые, однако, когда нѣсколько позднѣе произошло вмѣшательство въ дѣла Балканскаго полуострова, то имѣло уже совсѣмъ иной характеръ, нежели вмѣшательство въ дѣла Апеннинскаго и Пиренейскаго полуострововъ. Въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ помощь была оказана правительствамъ противъ ихъ мятежныхъ подданныхъ, путемъ возстанія добившихся конституціи, и дѣло окончилось возстановленіемъ абсолютизма, тогда какъ въ греческомъ дѣлѣ помощь была оказана, наоборотъ, какъ-разъ мятежнымъ подданнымъ противъ ихъ государя, у котораго была даже отнята часть подвластной ему территоріи для образованія изъ нея новаго конституціоннаго королевства. Главное здѣсь — то, что на Балканскомъ полуостровѣ происходила борьба двухъ народностей и вѣръ, — грековъ и турокъ, религій Христа и Магомета, — а не двухъ политическихъ принциповъ, не двухъ государственныхъ устройствъ: легитимизма и либерализма, абсолютной монархіи и монархіи конституціонной.

2. Южно-романскія революціи двадцатыхъ годовъ были вызваны крайностями реакціи, встрѣтившими отпоръ въ образованныхъ классахъ общества, въ войскѣ и въ народѣ. Не одни французскіе Бурбоны и эмигранты „ничего не позабыли и ничему не научились“. Слишкомъ рьяное стремленіе къ возстановленію старины, обнаруженное во Франціи принцами крови, дворянствомъ и духовенствомъ въ 1814 г., только и объясняетъ намъ

болѣе консервативнымъ духомъ, но въ тѣ годы оно было сильно. Любопытно, что французскую армію примирила съ Бурбонами экспедиція въ Испанію для подавленія тамошней революціи: еще передъ самой этой экспедиціей былъ выработанъ планъ воспользоваться мобилизованной для войны въ Испаніи арміей въ цѣляхъ внутренняго переворота въ самой Франціи, но испанскій походъ покрылъ французскую армію новой славой подъ бѣлымъ знаменемъ Бурбоновъ (славой, правда, сомнительной), и при Карлѣ X французскіе генералы и офицеры уже не участвовали больше въ политическихъ заговорахъ.

Обращеніе революціонныхъ либераловъ къ войску, какъ къ главной силѣ, которая должна была осуществить ихъ политическіе планы, указывало въ сущности на то, что опоры въ народѣ для этихъ плановъ не было. Либеральныя программы двадцатыхъ годовъ были расчитаны на удовлетвореніе духовныхъ потребностей обезпеченнаго и интеллигентнаго большинства, и составители ихъ не принимали въ расчетъ удовлетворенія матеріальныхъ потребностей народныхъ массъ, продолжавшихъ коснѣть въ невѣжествѣ. Эту стихійную силу легко было взволновать, какъ то и показали событія 1820 г. на Пиренейскомъ и Апеннинскомъ полуостровахъ, но она не могла служить прочною опорою для либеральнаго политическаго режима. Народныя массы привѣтствовали военную революцію и даже принимали въ ней участіе, но не оказывали никакого противодѣйствія военной экзекуціи, произведенной иностранными войсками; онѣ даже встрѣчали восторженными криками возстановленіе абсолютизма. Сами либералы иногда ясно сознавали такое положеніе вещей. Незадолго до іюльской революціи, когда во Франціи со стороны Карла X опа-

сались государственнаго переворота, многіе политическіе дѣятели высказывались въ томъ смыслѣ, что народъ отнесется совершенно равнодушно къ удару, который будетъ нанесенъ либераламъ. Правда, они ошибались, какъ то показали іюльскіе дни 1830 г., но и самая ошибка эта характерна.

Не мало ослабляло успѣхъ южно-романскихъ революцій и возникновеніе внутреннихъ раздоровъ среди приверженцевъ новаго порядка вещей, въ Испаніи—борьба между умѣренными (модерадами) и крайними (экзальтадами), въ Южной Италіи — между неаполитанцами, стоявшими за централистическую конституцію, и сицилійцами, стремившимися къ мѣстной автономіи; изъ Неаполя было даже послано войско для усмиренія Сициліи. Испанія, кромѣ того, сдѣлалась театромъ настоящей гражданской войны, такъ какъ на защиту абсолютизма и католицизма здѣсь организовалась цѣлая „армія вѣры". Тѣ самые испанцы, которые вели геройскую партизанскую войну противъ французскаго завоеванія при Наполеонѣ, видѣли въ экзекуціонной французской арміи, являвшейся въ страну по рѣшенію веронскаго конгресса для подавленія революціи, скорѣе желанныхъ гостей, чѣмъ враговъ.

Революціонныя движенія двадцатыхъ годовъ находились въ несомнѣнной связи между собою: примѣръ одной страны дѣйствовалъ на другія, и испанская конституція 1812 г., принятая-было королемъ въ 1814 г., потомъ вскорѣ имъ отмѣненная и снова отвоеванная революціоннымъ движеніемъ 1820 г., сдѣлалась даже главнымъ лозунгомъ революціонеровъ въ другихъ странахъ. Она имѣла поклонниковъ и во Франціи, гдѣ многіе либералы были недовольны хартіей 1814 г., дарованной Людовикомъ XVIII. Послѣдняя, какъ извѣстно, была видоизмѣненнымъ сколкомъ съ англійской конституціи, тогда

какъ испанская конституція напоминаетъ намъ французскую 1791 г. съ крайне урѣзанными правами королевской власти. Въ Испаніи конституція эта была вторично отмѣнена въ 1823 г., послѣ очень кратковременнаго дѣйствія, и все ея историческое значеніе ограничивается въ эту эпоху именно тѣмъ, что она съиграла роль лозунга для либеральныхъ партій не въ одной Испаніи.

3. Испанская революція вспыхнула въ январѣ 1820 г., и ровно черезъ полгода, въ іюлѣ, произошла революція въ Неаполѣ, вскорѣ послѣ чего, позднимъ лѣтомъ и ранней осенью совершились перевороты въ Португаліи и въ Сициліи, а въ слѣдующемъ году началось движеніе и въ Пьемонтѣ. Эта одновременность и быстрота, съ какою мятежныя войска добивались провозглашенія конституціи и правительственною властью овладѣвали либералы, встревожило европейскихъ монарховъ. Болѣе другихъ встревожилась Австрія, все прошлое которой, да и международное ея положеніе, созданное вѣнскимъ конгрессомъ, особенно располагали эту державу къ тому, чтобы сдѣлаться главнымъ оплотомъ консервативной политики.

Въ Австріи всегда были сильны клерикальные и феодальные элементы, борьба съ которыми оказалась не по силамъ такому представителю просвѣщеннаго абсолютизма, какимъ былъ Іосифъ II, а при Наполеонѣ эта держава предпочитала терять одну провинцію за другою, лишь бы только не обращаться къ общественнымъ и народнымъ силамъ, въ которыхъ мерещился источникъ революцій. Вѣнскій конгрессъ создалъ для Австріи главенствующее положеніе и въ Германіи, и въ Италіи и оставилъ подъ ея властью часть польской націи, возрождавшейся для политическаго бытія въ конституціонномъ

царствѣ Польскомъ. Чтобы нѣмецкіе, итальянскіе и польскіе подданные Австріи сидѣли смирно и спокойно, нужно было добиваться спокойствія нѣмцевъ, итальянцевъ и поляковъ, состоящихъ подданными другихъ государствъ, и съ этой точки зрѣнія Австрія съ неудовольствіемъ отнеслась къ тому, что Россія не просто инкорпорировала Польшу, а создала изъ нея конституціонное королевство. Пока революціонное движеніе 1820 г. ограничивалось далекой Испаніей, Австрія еще могла не тревожиться, но когда пламя революціоннаго пожара охватило югъ Италіи, на сѣверѣ которой у Австріи были свои владѣнія, нужно было тушить пожаръ. Священный союзъ, обѣщавшій правительствамъ взаимную помощь, оказался орудіемъ пригоднымъ къ этой цѣли. Въ 1820 г. былъ созванъ конгрессъ въ Троппау, въ 1821 г. засѣданія его возобновились въ Лайбахѣ (оба города — въ Австріи), и въ этомъ послѣднемъ городѣ было рѣшено, что отъ имени всей Европы усмиреніемъ итальянской революціи займется Австрія. Въ слѣдующемъ году собирается новый конгрессъ въ итальянскомъ городѣ Веронѣ, тоже принадлежавшемъ тогда Австріи, и здѣсь „Европа“ опять настояла на томъ, чтобы усмиреніе испанской революціи взяла на себя Франція. Тутъ же греки были признаны революціонерами, бунтовщиками противъ законнаго государя, и магометанская Турція была взята подъ защиту Священнаго союза противъ христіанъ-грековъ, отстаивавшихъ свою національную свободу. Дѣло, впрочемъ, не дошло до вооруженной помощи султану, какъ не дошло до усмиренія заатлантическихъ подданныхъ Испаніи, превратившихъ теперь ея американскія колоніи въ самостоятельныя республики. Мысль объ этомъ, однако, тоже существовала.

4. Конгрессы двадцатыхъ годовъ выработали даже

цѣлую теорію, оправдывавшую вмѣшательство въ чужія внутреннія дѣла. Сущность этой теоріи заключалась въ томъ, что сосѣди имѣютъ право оберегать свой внутренній миръ и спокойствіе, если этому угрожаютъ перемѣны въ другихъ государствахъ, и это приравнивалось къ тушенію пожара у сосѣда, чтобы и у самого домъ не загорѣлся. Принципъ этотъ былъ принятъ тремя главными членами Священнаго союза, и Австрія, опираясь въ данномъ случаѣ на сочувствіе и содѣйствіе Россіи, самымъ аккуратнымъ образомъ исполняла свою миссію и въ Германіи, и въ Италіи.

Подавленіе южно-романскихъ революцій сопровождалось взрывомъ самой жестокой реакціи, умѣрить которую совѣтовали даже сами консервативныя правительства.

VII. Іюльская революція и ея вліяніе на Европу [1]).

1. Политическія перемѣны во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ.— 2. Положеніе дѣлъ во Франціи передъ 1830 г. — 3. Вліяніе іюльской революціи на другія страны.—4. Значеніе ея въ исторіи международныхъ отношеній. — 5. Вліяніе іюльской революціи на Англію.

---

1. Въ іюлѣ 1830 года въ Парижѣ произошла революція, которая низвергла старшую линію Бурбоновъ

---

[1]) Исторія Западной Европы въ новое время, томъ V, гл. 1 (Общій взглядъ на состояніе Западной Европы передъ іюльской революціей), гл. 2 (Іюльская революція), гл. 3 (Вліяніе іюльской революціи на Европу) и гл. 4 (Парламентская реформа въ Англіи).

— Для элементарныхъ фактическихъ справокъ „Учебная книга новой исторіи“: § 274. Сближеніе Россіи съ Англіей и Франціей.—§ 285.

во Франціи и оказала громадное вліяніе на обще-европейскую политику.

Во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ XIX вѣка произошло нѣкоторое ослабленіе реакціи, и либерализмомъ даже были одержаны нѣкоторыя частныя побѣды. Особенную важность имѣло то, что англійская политика въ это время порвала съ традиціями своего недавняго прошлаго. Когда во главѣ англійскаго правительства стоялъ Кестльри, оно въ общемъ шло за Священнымъ союзомъ, но какъ разъ въ годъ веронскаго конгресса Кестльри кончилъ жизнь самоубійствомъ, и вскорѣ первенствующимъ руководителемъ внѣшней политики сдѣлался Каннингъ. Онъ воспротивился осуществленію намѣренія континентальныхъ державъ вмѣшаться въ американскія дѣла съ цѣлью подчиненія испанскому королю отложившихся колоній, за которыми даже поспѣшилъ признать значеніе самостоятельныхъ республикъ. Ему въ этомъ отношеніи оказалъ содѣйствіе и президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Монро, провозгласившій принципъ невмѣшательства европейскихъ державъ въ дѣла американскаго материка. Веронскій конгрессъ и подавленіе испанской революціи французскими войсками были послѣдними успѣхами политики Священнаго союза, руководимой австрійскими дипломатами. Не менѣе важно было и то, что Англія взяла подъ свое покровительство греческое возстаніе, все болѣе и болѣе находившее сочувствія въ общественномъ мнѣніи Европы. Либералы видѣли въ грекахъ борцовъ за національную свободу, консерваторы—христіанскій

Іюльская революція.—§ 288. Эманципація католиковъ.—§ 289. Парламентская реформа.—§ 290. Вліяніе іюльской революціи на Европу.—§ 291. Германія послѣ 1830 г.

народъ, выбивавшійся изъ-подъ магометанскаго ига. Двадцатые годы были временемъ роста такъ называемаго филэлленизма, съ которымъ связано было имя великаго англійскаго поэта Байрона, рѣзкаго противника всѣхъ реакціонныхъ стремленій эпохи. Въ концѣ своего царствованія и самъ Александръ I сталъ колебаться въ своемъ взглядѣ на грековъ, какъ на опасныхъ революціонеровъ, но австрійская дипломатія по-прежнему старалась удерживать его отъ какой-бы то ни было перемѣны въ политикѣ. Преемникъ его, Николай I, вступившій на престолъ въ концѣ 1825 года, въ этомъ отношеніи не раздѣлялъ воззрѣній своего брата и съ самаго начала рѣшилъ возвратиться къ традиціонной политикѣ Россіи, какъ покровительницы турецкихъ христіанъ. Между Россіей и Англіей въ 1826 г. состоялось въ пользу грековъ даже особое соглашеніе, къ которому примкнула и Франція. Начиналась новая группировка великихъ державъ, причемъ прежній союзъ Австріи, Пруссіи и Россіи видимо разлагался, тѣмъ болѣе, что у Австріи съ Пруссіей тоже возникали разногласія изъ за вліянія на второстепенныя государства Германіи. Извѣстно, что затѣмъ произошло: флоты Россіи, Англіи и Франціи уничтожили турецкій флотъ при Наваринѣ, началась русско-турецкая война, и Турція должна была смириться, заключивъ съ Россіей аддріанопольскій миръ 1829 года. Въ слѣдующемъ 1830 году произошло образованіе изъ Греціи самостоятельнаго государства. Одновременно съ этимъ между Россіей и Франціей началось болѣе тѣсное сближеніе, которое, по мысли его руководителей, должно было повлечь за собою цѣлый рядъ новыхъ политическихъ перемѣнъ.

Вторая половина двадцатыхъ годовъ была также временемъ усиленія либерализма во Франціи и Англіи.

Уже давно либералы разныхъ странъ присматривались къ тому, что дѣлалось во Франціи, радуясь каждому новому успѣху французскихъ либераловъ и даже подражая имъ и въ палатахъ, гдѣ таковыя существовали, и въ прессѣ, гдѣ послѣдняя пользовалась нѣкоторою свободою. Что во Франціи произошло общее усиленіе и оживленіе либерализма, доказывается, напр., выборами 1827 г., бывшими весьма благопріятными для либераловъ. Аналогичныя перемѣны мы наблюдаемъ въ эти годы и во внутренней жизни Англіи. Именно, около 1825 года правительство прекратило борьбу съ митингами и прессой, которую вело въ первой четверти XIX в. подъ вліяніемъ реакціи, вызванной въ Англіи французской революціей. Къ числу важныхъ перемѣнъ во внутренней жизни Англіи нужно отнести и совершившуюся въ 1829 г. эманципацію католиковъ, т.-е. дарованіе католикамъ политическихъ правъ, которыхъ они были лишены еще со второй половины XVII вѣка.

2. Таково въ общихъ чертахъ было положеніе дѣлъ, когда во Франціи вспыхнула іюльская революція, бывшая побѣдой либерализма надъ реакціей. Съ самаго 1814 г. происходила здѣсь борьба двухъ Францій — Франціи стараго порядка и Франціи, созданной революціей, борьба въ палатахъ, въ прессѣ, въ обществѣ. Еще въ 1814 г. многіе думали, что реставрація соединитъ для Франціи тѣ выгоды, которыя для Англіи представляли реставрація 1660 г. и вторая революція 1689 г., но вскорѣ стала въ умахъ либераловъ утверждаться мысль, что и во Франціи за реставраціей должна послѣдовать новая революція. Выше уже упоминалось, что во все царствованіе Людовика XVIII во Франціи составлялись заговоры и даже дѣлались попытки возстанія съ цѣлью низверженія Бурбоновъ. Правда, въ 1824 году подобнаго

рода революціонныя движенія прекратились, но это не значило, что общество примирилось съ реакціоннымъ режимомъ Бурбоновъ. Людовикъ XVIII какъ-никакъ дѣйствовалъ все-таки болѣе умѣряющимъ образомъ, но его преемникъ, Карлъ X, былъ крайнимъ реакціонеромъ, что заставляло либераловъ особенно подозрительно къ нему относиться. Какъ-разъ именно въ эти самые годы произошло упомянутое усиленіе и оживленіе либерализма, которое стало проявляться и въ политическихъ манифестаціяхъ оппозиціоннаго характера. Такъ какъ Карлъ X отличался еще особою преданностью католической церкви, и духовенство, вслѣдствіе этого, подняло голову, то даже, среди реакціонной партіи произошелъ нѣкоторый расколъ, и часть ея готова была вступить въ борьбу съ крайностями клерикализма. Мало того: либеральныя стремленія стали иногда оказывать вліяніе на болѣе умѣренныхъ консерваторовъ. Однимъ словомъ, общее настроеніе французской націи сильно измѣнилось, и только одинъ король съ небольшою группою ультра-роялистовъ оставался неизмѣнно вѣрнымъ принципамъ старины. Даже иностранные дворы не безъ тревоги смотрѣли на такое положеніе дѣлъ, опасаясь рѣзкаго конфликта, который могъ бы имѣть очень серьезныя послѣдствія. Конфликтъ, дѣйствительно, произошелъ, и въ концѣ іюля 1830 года знаменитые указы Карла X, нарушавшіе конституцію, вызвали народное возстаніе въ Парижѣ, кончившееся низложеніемъ Бурбоновъ и возведеніемъ на престолъ герцога Орлеанскаго, Людовика-Филиппа, о которомъ уже раньше значительная и притомъ вліятельная часть либераловъ мечтала, какъ о будущемъ королѣ французовъ. Этотъ важный политическій переворотъ воскресилъ въ другой, болѣе революціонной части либераловъ идею о томъ, что Франція должна снова выступить въ роли по-

мощницы другихъ народовъ въ ихъ стремленіяхъ къ свободѣ. Въ это время и монархическія правительства Европы опасались возобновленія революціонныхъ, бурь тѣмъ болѣе, что эти опасенія стали оправдываться...

3. Прошелъ мѣсяцъ послѣ іюльскихъ дней, и въ Брюсселѣ вспыхнуло народное возстаніе, которое быстро распространилось на всю Бельгію, обнаружившую стремленіе къ отдѣленію отъ Голландіи и къ образованію самостоятельнаго государства. Прошли еще двѣ недѣли, и революціонное движеніе началось въ Брауншвейгѣ, примѣру котораго послѣдовали и нѣкоторыя другія второстепенныя государства Германіи, каковы Кургессенъ, Саксонія, Ганноверъ, Альтенбургъ и Шварцбургъ-Зондерсгаузенъ. Въ томъ же 1830 г., именно въ концѣ ноября, аналогичныя событія произошли и въ конституціонномъ царствѣ Польскомъ, въ которомъ была своя національная армія, вступившая въ вооруженную борьбу съ военными силами Россіи. Въ Италіи 1830 годъ окончился спокойно, но уже въ самомъ началѣ слѣдующаго года въ разныхъ мѣстахъ стали совершаться революціонныя попытки, именно въ Папской области и въ герцогствахъ Моденѣ и Пармѣ. Впрочемъ въ Германіи и Италіи нарушенія порядка имѣли лишь мѣстный характеръ и очень скоро были прекращены: въ Германіи правительства перечисленныхъ государствъ поспѣшили удовлетворить желанія своихъ подданныхъ или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать имъ либеральныя обѣщанія; а въ Италіи порядокъ опять былъ возстановленъ силою австрійскихъ войскъ. Иное направленіе приняли бельгійское и польское возстанія, такъ какъ и голландское и русское правительства не пошли на уступки, инсургенты же оказали сильное военное сопротивленіе. Начались двѣ настоящія войны, которыя долгое время прямо грозили общеевро-

пейскому миру, тѣмъ болѣе, что въ самой Франціи въ самые первые годы іюльской монархіи особеннымъ значеніемъ пользовалась такъ называемая „партія движенія“, желавшая, чтобы новое правительство, обязанное своимъ происхожденіемъ революціи, оказало помощь возстаніямъ въ другихъ странахъ.

4. Всѣ эти движенія имѣли своимъ результатомъ возстановленіе и закрѣпленіе пошатнувшагося—было Священнаго союза. При первомъ же извѣстіи объ іюльскомъ переворотѣ въ Парижѣ дворы Австріи, Пруссіи и Россіи сильно встревожились. Возникала уже мысль о такомъ же вмѣшательствѣ въ дѣла Франціи, какое было сдѣлано нѣсколькими годами ранѣе на Пиренейскомъ и Апеннинскомъ полуостровахъ. Бельгійская и польская революціи еще болѣе обезпокоили Священный союзъ, но въ то же время онѣ сдѣлали невозможнымъ вмѣшательство въ дѣла Франціи, тѣмъ болѣе, что Англія съ своей стороны и слышать не хотѣла о подобнаго рода предпріятіи. Кромѣ того, и польская революція,—которая была подавлена только въ концѣ лѣта 1831 г.—оказалась событіемъ весьма благопріятнымъ для стремленій Бельгіи, которыя притомъ были взяты подъ покровительство Франціи и Англіи. Такъ какъ ни та, ни другая не хотѣли допустить вмѣшательства въ дѣла страны, географически къ нимъ очень близкой, то Австрія, Пруссія и Россія должны были идти на уступки, и въ 1831 году Бельгія признана была самостоятельнымъ королевствомъ, которое вскорѣ даже получило весьма либеральную конституцію. Одновременно съ этимъ Европѣ пришлось улаживать и дѣла Греціи: эта страна тоже была превращена въ самостоятельное королевство съ либеральной конституціей. Зато царство Польское, потерпѣвшее неудачу, лишилось конституціи, дарованной ему въ 1815 г. Александромъ I.

Можно сказать, что только къ срединѣ 1832 года въ Европѣ установилось спокойствіе, которое было нарушено іюльской революціей и ея ближайшими послѣдствіями. Не разъ, въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ, европейскій миръ висѣлъ на волоскѣ, особенно пока во Франціи имѣла силу партія движенія. Мирному улаженію трудныхъ политическихъ вопросовъ немало содѣйствовало именно то обстоятельство, что во Франціи партію движенія смѣнила въ составѣ правительства „партія сопротивленія", желавшая лишь консолидировать то, что было пріобрѣтено революціей, не давая ей дальнѣйшаго развитія въ самой странѣ и распространенія за ея предѣлами.

Событія 1830 г. пробили первую брешь въ трактатахъ 1815 г. и вообще нанесли ударъ реакціоннымъ принципамъ эпохи конгрессовъ. Франція заставила признать за собою право располагать своею собственною судьбою. Бельгія сдѣлалась свободнымъ и нейтральнымъ государствомъ. Прибавимъ еще, что, по случаю итальянскихъ смутъ, Франція создала противовѣсъ прежнему исключительному преобладанію Австріи на Апеннинскомъ полуостровѣ, куда она послала свои войска съ заявленіемъ, что они останутся тамъ до тѣхъ поръ, пока австрійскіе отряды будутъ занимать усмиренные пункты Папской области.

Съ другой стороны, іюльская революція оживила конституціонное движеніе. Французская хартія 1814 года была передѣлана въ болѣе либеральномъ направленіи. Во второстепенныхъ нѣмецкихъ государствахъ тоже произошли конституціонныя измѣненія. Но особенное значеніе получило созданіе отличающейся своимъ либерализмомъ бельгійской конституціи, служившей впослѣдствіи образцомъ для конституцій иныхъ странъ, между прочимъ для Греціи, хотя въ послѣдней конституція

утвердилась только въ 1843 г. Во всякомъ случаѣ политическія движенія 1830 г. оказались болѣе успѣшными, чѣмъ тѣ, которыя происходили десятью годами раньше.

Послѣ перемѣны въ англійской политикѣ, имѣвшей мѣсто въ двадцатыхъ годахъ, и послѣ іюльской революціи во Франціи обѣ западныя великія державы болѣе сблизились въ своей политикѣ, тогда какъ, наоборотъ, три остальныя великія державы еще болѣе отъ нихъ отдѣлились, чтобы образовать свою особую группу, въ которой снова возобладали традиціи Священнаго союза. Въ 1833 году въ Теплицѣ и Мюнхенгрецѣ произошли знаменитыя свиданія государей Австріи, Пруссіи и Россіи, на которыхъ приняты были рѣшенія, напоминающія постановленія конгрессовъ начала двадцатыхъ годовъ. Свое соглашеніе Австрія, Пруссія и Россія скрѣпили еще новымъ свиданіемъ монарховъ въ Теплицѣ, гдѣ опять подтверждены были старые принципы политики Священнаго союза. Между прочимъ, три правительства заключили трактатъ, дававшій право каждому государю, угрожаемому внутренними смутами или внѣшними опасностями, искать помощи у трехъ названныхъ державъ. Вмѣстѣ съ этимъ рѣшено было дѣйствовать противъ странъ, дававшихъ у себя убѣжище революціонерамъ. Благодаря подобнымъ рѣшеніямъ, Австріи легко было снова подавить начинавшееся опять въ Германіи движеніе, несмотря на протесты со стороны правительствъ Англіи и Франціи, указывавшихъ на то, что вѣнскій конгрессъ гарантировалъ нѣмецкимъ государствамъ внутреннюю самостоятельность. Эти два правительства даже давали знать, что всякое вмѣшательство новаго союза абсолютныхъ монархій въ дѣла Бельгіи, Швейцаріи или Пьемонта будетъ отражено силою. Однако, европейскій миръ, которому нѣко-

торое время грозили революціи 1830 г. не былъ нарушенъ, несмотря на то, что и послѣ по временамъ на политическомъ горизонтѣ появлялись тучи. Вся задача внѣшней политики новаго французскаго короля заключалась въ томъ, чтобы по возможности сближаться съ монархическими дворами континента. Особенно рельефно это направленіе французской политики проявилось въ сороковыхъ годахъ, когда конституціонное министерство Людовика - Филиппа собиралось дѣйствовать заодно съ австрійской реакціей противъ демократическихъ движеній, обнаружившихся въ Италіи и въ Швейцаріи и въ извѣстной мѣрѣ поддерживавшихся революціоннымъ движеніемъ въ самой Франціи.

5. Разсмотрѣвъ вліяніе іюльской революціи на общеевропейскую политику, мы должны теперь остановиться на томъ значеніи, какое она имѣла въ исторіи борьбы либеральной торгово-промышленной буржуазіи съ консервативнымъ землевладѣльческимъ дворянствомъ и притомъ не въ одной только Франціи, но и въ Англіи, гдѣ подъ вліяніемъ іюльской революціи тоже произошло сильное политическое движеніе, одно время грозившее настоящей революціей, но окончившееся легальной парламентской реформой 1832 года. Упоминаемъ здѣсь объ этомъ обстоятельствѣ, чтобы отмѣтить еще и то вліяніе, какое іюльская революція оказала даже на Англію съ ея старою испытанною конституціей, обезпечивавшею за націей самую широкую политическую свободу. Именно, исторія парламентской реформы 1832 года показываетъ, что іюльская революція, если, конечно, не вызвала ее, то въ значительной мѣрѣ все-таки ускорила.

VII. Господство буржуазіи въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ XIX вѣка [1]).

1. Значеніе іюльской революціи и парламентской реформы 1832 г. въ исторіи французской и англійской буржуазіи.—2. Выгоды, извлеченныя изъ побѣды англійской буржуазіей. — 3. Господствующее положеніе, занятое буржуазіей во Франціи. — 4. Требованія оппозиціи во Франціи.—5. Буржуазія въ другихъ странахъ.

1. Іюльская революція во Франціи и парламентская реформа въ Англіи повели въ началѣ тридцатыхъ годовъ къ усиленію въ обѣихъ странахъ буржуазіи. Подъ политическою борьбою предыдущаго періода скрывалась борьба соціальная—между двумя общественными классами, изъ которыхъ экономическая опора одного заключалась въ землевладѣніи, экономическая опора другого—въ промышленности и торговлѣ. И во Франціи, и въ Англіи побѣда, собственно говоря, была одержана буржуазіей, лишь благодаря содѣйствію народа, но плодами побѣды воспользовалась главнымъ образомъ одна буржуазія, настоящее царство которой, особенно во Франціи, и наступаетъ послѣ 1830 года.

Однимъ изъ результатовъ іюльской революціи было пониженіе во Франціи избирательнаго ценза, вслѣдствіе чего число избирателей увеличилось съ девяноста тысячъ

[1]) Исторія Западной Европы въ новое время, томъ V, гл. 5 (Торжество буржуазіи послѣ 1830 г.) и начало гл. 19 (о французской буржуазіи сороковыхъ годовъ), а также гл. 12 (Французскій либерализмъ временъ іюльской монархіи).

— Для элементарныхъ фактическихъ справокъ „Учебная книга новой исторіи“: § 294. Іюльская монархія.—§ 295. Личность Людовика-Филиппа.—§ 296. Господство буржуазіи.

до двухсотъ тысячъ, т.-е. болѣе, чѣмъ вдвое, что, конечно, все-таки было мало для націи, насчитывавшей тогда 30 милліоновъ. Аналогичный результатъ для Англіи имѣла парламентская реформа 1832 года. Дѣло въ томъ, что избирательная система въ этой странѣ создалась еще въ средніе вѣка, и правомъ посылать представителей въ парламентъ продолжали пользоваться разныя захудалыя мѣстности, тогда какъ многіе новые города съ развитою промышленностью и торговлею этого права не имѣли. Поэтому очень значительное число капиталистовъ лишено было возможности имѣть своихъ представителей въ палатѣ депутатовъ. Первая мысль о реформѣ избирательнаго права возникла еще въ началѣ послѣдней трети XVIII в. (1770 г.) но всѣ предложенія, дѣлавшіяся въ этомъ смыслѣ парламенту, сокрушались о сопротивленіе тѣхъ, кому старая система была выгодна. Подъ вліяніемъ реакціи, охватившей правящіе классы англійскаго общества, движеніе въ пользу реформы даже заглохло, а когда возродилось, то въ ея пользу стала агитировать демократическая партія, находившая сильную поддержку въ народныхъ массахъ. Само преобразованіе 1832 г. было, однако, далеко не демократическимъ. До этого всѣхъ избирателей было около четырехсотъ сорока тысячъ, теперь ихъ число возросло тысячъ на двѣсти двадцать, то-есть только въ полтора раза. При этомъ выборы въ парламентѣ по-прежнему обходились очень дорого, и это открывало двери въ палату только весьма богатымъ людямъ.

Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, общій характеръ политики въ обѣихъ странахъ сдѣлался болѣе либеральнымъ. И во Франціи, и въ Англіи въ представительныхъ палатахъ громадное большинство депутатовъ дѣлилось на двѣ большія партіи—консервативную и либеральную (торіи и виги въ Англіи), но при этомъ почти не было ни представи-

телей крайней реакціи, ни сторонниковъ демократіи. Особенно полно было пораженіе прежнихъ реакціонеровъ во Франціи, гдѣ и вообще торжество буржуазіи было особенно безраздѣльно. Если въ обѣихъ странахъ въ эту эпоху и были очень сильны демократическія движенія, то они совершались въ самомъ обществѣ и имѣли чисто оппозиціонный характеръ по отношенію къ представительнымъ палатамъ. Въ этихъ послѣднихъ шла борьба между болѣе консервативными и болѣе прогрессивными элементами, но большею частью она не выходила за предѣлы извѣстнаго круга понятій, вопросовъ и требованій, которые спеціально интересовали буржуазію.

2. Побѣда, одержанная этимъ классомъ въ 1830 и 1832 годахъ, дала ему возможность пользоваться властью главнымъ образомъ въ своихъ интересахъ. Къ числу таковыхъ принадлежала безпрепятственная эксплуатація труда капиталомъ, что вело къ требованію невмѣшательства государства во взаимныя отношенія предпринимателей и рабочихъ. Эта идея была весьма популярна въ буржуазіи: она развивалась въ литературѣ, проповѣдовалась съ каѳедръ и даже дала начало цѣлому направленію политической экономіи, которое получило названіе манчестерства. Въ интересахъ англійской крупной промышленности было также освободить торговлю отъ старыхъ стѣсненій, и начавшаяся около 1820 года агитація въ этомъ направленіи къ серединѣ XIX вѣка увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Промышленнымъ предпринимателямъ Англіи выгоденъ былъ также дешевый хлѣбъ, и потому они вели дѣятельную агитацію въ пользу отмѣны такъ называемыхъ хлѣбныхъ законовъ, которые были изданы въ предыдущій періодъ парламентомъ въ интересахъ землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ. Сущность этихъ

законовъ состояла въ томъ, чтобы путемъ ограниченія и даже запрещенія иностраннаго ввоза держать всегда на высокомъ уровнѣ цѣны хлѣба, производившагося въ самой странѣ, въ исключительныхъ выгодахъ лэндлордовъ. Борьба изъ-за хлѣбныхъ законовъ была продолжительной и упорной, и только въ 1846 году сопротивленіе ихъ защитниковъ было окончательно сломлено.

Не всегда. однако, буржуазія выходила побѣдительницею изъ этой борьбы. Выгодный для нея старый законъ о бѣдныхъ, возлагавшій на землевладѣльцевъ прихода обязанность доплачивать бѣднякамъ то, чего имъ не хватало для своего содержанія при низкой заработной платѣ [1]), былъ отмѣненъ въ 1834 году, тѣмъ болѣе, съ другой стороны, что законъ этотъ самъ представлялъ собою одну изъ формъ вмѣшательства въ экономическую жизнь. Наконецъ, только благодаря содѣйствію представителей землевладѣнія и сельскаго хозяйства, которые нисколько не были заинтересованы въ фабричной промышленности и, наоборотъ, не прочь были нанести ущербъ торгово-промышленному классу, Англія получила начатки фабричнаго законодательства, цѣлью котораго было огражденіе труда отъ черезмѣрной эксплуатаціи со стороны капитала. Это показываетъ, что побѣда промышленно-торговой буржуазіи въ Англіи далеко не была полной и что отъ антагонизма обоихъ владѣльческихъ классовъ происходила даже нѣкоторая выгода для рабочихъ.

3. Иное дѣло — Франція тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Здѣсь господство буржуазіи въ политической жизни было полнымъ и не находило противовѣса со стороны того общественнаго класса, который игралъ

---

[1]) См. выше, стр. 33.

еще такую видную роль въ двадцатыхъ годахъ, будучи главною опорою тогдашней реакціи. Манчестерство сдѣлалось въ высшей степени популярнымъ и во Франціи, породивъ цѣлую школу буржуазныхъ экономистовъ и въ литературѣ, и въ преподаваніи. Въ тридцатыхъ годахъ господствующему классу еще приходилось отстаивать себя отъ натиска со стороны демократіи, но въ сороковыхъ годахъ установился въ странѣ прочный порядокъ, въ основѣ котораго лежало полное единодушіе короля, министровъ и подавляющаго большинства палатъ, которыя передъ 1848 годомъ представляли уже до двухсотъ сорока тысячъ избирателей. Самъ король-гражданинъ Людовикъ-Филиппъ былъ типичнымъ воплощеніемъ буржуазнаго начала и по характеру своему, и по образу дѣйствій, обнаруживавшему въ немъ большую любостяжательность. Іюльская монархія была во Франціи эпохой стремленія къ обогащенію и наживѣ, эпохой денежныхъ спекуляцій и общей продажности, принявшихъ къ концу періода скандальные размѣры. Всѣмъ въ это время верховодилъ высшій слой буржуазіи, т.-е банкиры, биржевые дѣльцы, желѣзнодорожные воротилы, владѣльцы каменно-угольныхъ копей и мѣстъ добыванія разныхъ рудъ, располагавшіе громадными денежными средствами и умѣвшіе разными путями еще болѣе ихъ увеличивать. Правда, въ палатахъ они встрѣчали противъ себя оппозицію со стороны представителей средней торгово-промышленной буржуазіи, но и она отличалась такою же алчностью и равнымъ образомъ тоже очень мало думала объ интересахъ народа. При такомъ направленіи господствующаго класса, весьма естественно, подкупъ избирателей и депутатовъ вошелъ въ систему: обѣщались и раздавались мѣста на государственной службѣ, казенные подряды, выгодныя концессіи и другія блага,

которыми пользовались отдѣльныя лица и цѣлыя группы избирателей. Нерѣдко подобные пріемы доходили до прямыхъ нарушеній уголовнаго кодекса, и не разъ въ мошенническихъ продѣлкахъ обвинялись даже государственные сановники. Нѣкоторыя предпріятія этой эпохи давали особую возможность широко обогащаться на казенный счетъ. Такова была, напримѣръ, постройка парижскихъ фортификацій, стоившая государству громадной суммы денегъ. Болѣе всего, однако, обогащались на желѣзныхъ дорогахъ и на выпускѣ займовъ. При іюльской монархіи во Франціи была построена первая сѣть желѣзныхъ дорогъ, причемъ за это дѣло брались акціонерныя компаніи подъ правительственной гарантіей: рискъ дорого стоющаго и сложнаго дѣла брало на себя государство, а всѣ барыши попадали въ карманы предпринимателей. Займы, къ которымъ вынуждено было прибѣгать государство, тоже заключались на условіяхъ, въ высшей степени выгодныхъ для финансистовъ, наживавшихъ каждый разъ большія деньги на операціяхъ этого рода.

4. Разъ палаты были представительствомъ почти исключительно одной буржуазіи, заботившейся только о себѣ, ихъ законодательная дѣятельность не могла имѣть особенно большого значенія. Въ нихъ происходили постоянные словесные турниры, особенно по вопросамъ внѣшней политики, которая часто давала поводъ къ критикѣ правительственныхъ дѣйствій, по внутреннимъ же вопросамъ иногда не было даже хотя бы и безплодныхъ премій, такъ какъ наиболѣе живые вопросы совсѣмъ не ставились на очередь. Нужно отдать справедливость парламентской оппозиціи того времени, которая во всякомъ случаѣ отличалась большою смѣлостью, но настоящее дѣло дѣлала все-таки больше печать, пользовав-

шаяся тогда очень широкою свободою. Главныя требованія оппозиціи сводились къ сокращенію числа депутатовъ изъ чиновниковъ и къ пониженію избирательнаго ценза, что на языкѣ того времени называлось реформой парламента и реформой выборовъ. Буржуазія очень боялась что-либо уступить въ послѣднемъ отношеніи, такъ какъ относилась съ недовѣріемъ къ городской демократіи съ ея революціоннымъ духомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сильно опасалась распространенія избирательныхъ правъ на широкіе круги сельскихъ жителей, которые стали-бы посылать въ палату главнымъ образомъ священниковъ и дворянъ-землевладѣльцевъ. Вотъ почему даже самыя умѣренныя предложенія отвергались господствующимъ большинствомъ, хотя среди самой же буржуазіи были, съ другой стороны, болѣе дальновидные люди, находившіе реформу необходимою прямо во избѣжаніе революціи, которая могла бы повести къ самымъ нежелательнымъ для владычества буржуазіи послѣдствіямъ. Любопытно, что реформы не желали и легитимисты, полагавшіе, что она только упрочила бы ненавистный имъ режимъ, который они страстно хотѣли свалить. Неуступчивость буржуазіи по вопросу о реформѣ объясняется и тѣмъ, что сороковые годы, по сравненіи съ тридцатыми, были очень спокойны, и потому революція казалась невозможной громадному большинству господствующаго класса.

5. Такого положенія, какимъ буржуазія пользовалась въ Англіи и во Франціи, изъ другихъ странъ она достигла только въ Голландіи и Бельгіи. Голландія была давнишнею страною развитой промышленности и торговли, а Бельгія начала особенно развиваться въ экономическомъ отношеніи послѣ революціи, которая доставила ей политическую самостоятельность. Въ остальныхъ

странахъ Западной Европы усиленію буржуазіи сильно мѣшала господствовавшая въ нихъ реакція. Старыя формы жизни, искусственная поддержка сословныхъ привилегій дворянства, систематическая задержка всякаго внутренняго развитія были причиною того, что, напримѣръ, промышленность и торговля въ Германіи продолжали стоять на сравнительно низкой ступени. Въ частности экономическому развитію Германіи много мѣшало существованіе таможенъ между отдѣльными государствами, стѣснявшихъ торговый обмѣнъ, а слѣдовательно и производство; конечно, и здѣсь, однако, было свое среднее сословіе, которое не безъ зависти смотрѣло на то, что дѣлалось у болѣе богатыхъ и культурныхъ сосѣдей. Только въ Германіи еще не выработалось той рѣзкой противоположности между буржуазіей и пролетаріатомъ, какая характеризуетъ въ тридцатые и сороковые годы въ особенности Францію.

IX. Демократическія движенія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ XIX вѣка [1]).

1. Буржуазія, крестьяне и рабочіе. — 2. Происхожденіе демократическихъ движеній XIX в. — 3. Политическая и соціальная стороны демократическаго движенія во Франціи временъ іюльской монархіи.— 4. Чартистское движеніе въ Англіи. — 5. Демократическія движенія въ другихъ странахъ и „Молодая Европа“.

---

1. Подобно тому, какъ эпоха реставраціи была временемъ буржуазной оппозиціи противъ аристократической реакціи, эпоха іюльской монархіи является временемъ

[1]) Исторія Западной Европы въ новое время, томъ V, гл. 9 (Общій очеркъ политическихъ, соціальныхъ и національныхъ движеній

возникновенія и развитія демократической оппозиціи противъ самой буржуазіи, причемъ главную силу этой оппозиціи составляли городскіе рабочіе и мелкая буржуазія. Въ тѣ времена, когда среднему сословію приходилось только завоевывать свободу и равенство, оно во многихъ отношеніяхъ само выдвигало демократическія требованія, особенно если послѣднія не задѣвали его собственныхъ интересовъ. Принципъ личной свободы, изъ котораго вытекали всѣ остальныя требованія либерализма, прежде всего былъ враждебенъ крѣпостничеству и всякимъ вообще остаткамъ соціальнаго феодализма. И въ 1789 г. во Франціи, и въ 1848 г. въ Германіи борьба за политическую свободу шла рука объ руку съ борьбою за освобожденіе личности и имущества крестьянина отъ крѣпостной зависимости и отъ феодальныхъ узъ. Въ обоихъ случаяхъ либеральной буржуазіи въ ея политическихъ стремленіяхъ очень сильную помощь оказывала сама крестьянская масса, то же возстававшая противъ старыхъ порядковъ. Когда, однако, ея желанія оказывались болѣе или менѣе удовлетворенными, она отставала отъ движенія и все болѣе и болѣе дѣлалась силою консервативною, на которую потомъ съ большимъ удобствомъ и опиралась политическая реакція. Въ культурномъ отношеніи крестьянская масса сама находилась подъ сильнымъ вліяніемъ консервативныхъ элементовъ общества, вслѣдствіе чего, напримѣръ, французскіе либералы, какъ было сказано, очень опасались расширенія избирательныхъ правъ на деревню, такъ какъ это могло бы быть вы-

---

въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ), гл. 11 (Чартистское движеніе въ Англіи), гл. 14 (Идеи и настроеніе французской демократіи временъ іюльской монархіи) и гл. 15 (Нѣмецкій литературный и философскій радикализмъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ).

годно только для духовенства и дворянства, пользовавшихся большимъ вліяніемъ среди крестьянъ. Мы видѣли также, съ какимъ недовѣріемъ еще въ эпоху реставраціи относились либералы и къ городскимъ рабочимъ, въ которыхъ видѣли людей, способныхъ поддерживать только революціонную или военную диктатуру. Когда буржуазія сама достигала власти, она ни съ кѣмъ болѣе не хотѣла ею дѣлиться, опасаясь за свое классовое господство и въ политическомъ, и въ экономическомъ отношеніяхъ. Она отстаивала и доктрину невмѣшательства государства во взаимныя отношенія предпринимателей и рабочихъ, такъ какъ только съ этой точки зрѣнія имѣла нѣкоторую возможность защищать себя отъ болѣе демократической экономической политики государства.

2. Консерватизму сельскихъ жителей далеко не соотвѣтствовалъ тотъ неспокойный духъ, который господствовалъ среди городского населенія. Годы, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, были временемъ развитія крупной промышленности и параллельнаго съ нимъ умноженія пролетаріата со всѣми послѣдствіями этихъ двухъ явленій, порождавшими массу недовольства въ рабочемъ классѣ. Съ другой стороны, и сравнительно недалекое прошлое демократической революціи конца предыдущаго столѣтія не было еще забыто, и то, что́ не удалось въ 1793 г., могло казаться возможнымъ и близкимъ къ осуществленію въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. Таково было происхожденіе демократическихъ движеній временъ іюльской монархіи,—движеній, въ которыхъ ясно различаются два главныя направленія: одно чисто политическое, не идущее далѣе государственной реформы въ болѣе или менѣе радикально-демократическомъ смыслѣ; другое, наоборотъ, соціальное, ставившее своею задачею преобразованіе всего общественнаго строя на совершенно

новыхъ экономическихъ основахъ. Эти два направленія развивались или совершенно независимо другъ отъ друга или, напротивъ того, такъ или иначе между собою соединялись. Во всякомъ случаѣ это были движенія, направленныя противъ господства буржуазіи, противъ того положенія, какое та заняла въ передовыхъ государствахъ Запада послѣ 1830 года.

Исторія демократическихъ партій, дѣйствовавшихъ въ XIX в. въ Западной Европѣ, начинается, собственно говоря, со времени двухъ великихъ демократическихъ революцій—американской 1776 г. и французской 1789 г. Извѣстно, что первая изъ нихъ не осталась безъ нѣкотораго вліянія на вторую и что, въ свою очередь вторая вызвала довольно замѣтное демократическое движеніе въ Англіи, страшно напугавшее правящіе классы въ этой странѣ. Прежнія англійскія политическія партіи торіевъ и виговъ были одинаково партіями правящихъ классовъ, одна болѣе консервативная, другая болѣе либеральная, но обѣ одинаково далекія отъ какого бы то ни было демократизма. Теперь въ Англіи зарождается и демократическая партія, которая выходитъ уже за предѣлы того круга понятій и интересовъ, въ какомъ вращались торіи и виги. Правда, англійская демократическая партія строила свои притязанія не на метафизическомъ принципѣ „естественнаго права“ XVIII в., а на принципѣ наибольшаго благополучія, наибольшаго числа людей, какъ единственной правильной основѣ законодательства, однако, практическія требованія англійской и французской демократіи между собою вполнѣ сходились. И здѣсь, и тамъ желали распространенія политическихъ правъ на весь народъ; и здѣсь, и тамъ одинаково стремились къ тому, чтобы законодательство болѣе непосредственно заботилось объ интересахъ громаднаго боль-

шинства гражданъ, составляющихъ такъ называемые низшіе классы общества. Парламентская реформа 1832 года въ Англіи получила, какъ мы знаемъ, характеръ буржуазный, но проведенію ея весьма много содѣйствовали чисто народныя движенія подъ знаменемъ демократической программы. Народное же движеніе низвергло также и старшую линію Бурбоновъ во Франціи, причемъ и здѣсь обнаружились въ нѣкоторой части парижскаго населенія республиканскія стремленія съ чисто демократическими требованіями. Но ни во Франціи, ни въ Англіи демократія ничего не выиграла отъ совершившихся перемѣнъ, чѣмъ и объясняется разочарованіе очень многихъ элементовъ общества въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ и іюльской революціей и парламентской реформой. Начавшееся движеніе и во Франціи, и въ Англіи остановиться не могло, что и выразилось въ цѣломъ рядѣ громкихъ фактовъ политической борьбы демократической оппозиціи съ господствомъ буржуазіи въ эпоху іюльской монархіи. Не нужно думать, что до начала тридцатыхъ годовъ совсѣмъ не происходило демократическихъ движеній. Наоборотъ, какъ мы видѣли, они совершались и раньше, но несомнѣнно, что послѣ 1830 г. они значительно усилились, а кромѣ того, въ нихъ произошли и двѣ важныя перемѣны. Одна изъ нихъ заключалась въ обособленіи демократическихъ движеній отъ движеній буржуазныхъ, съ которыми они раньше были слиты воедино. Правда, въ Германіи, гдѣ еще сохранялись старыя сословныя привилегіи, буржуазные и народные элементы продолжали дѣйствовать сообща, но даже и здѣсь къ концу періода стали обнаруживаться нѣкоторые признаки самостоятельнаго выступленія демократіи. Другая перемѣна состояла въ томъ, что политическая программа демократіи стала осложняться требованіями

чисто соціальнаго характера, что̀ равнымъ образомъ къ концу періода обнаруживалось уже и въ Германіи. Въ этой послѣдней странѣ, гдѣ еще далеко не началось преобразованіе государства на либеральныхъ началахъ и далеко не было завершено раскрѣпощеніе крестьянской массы, уже подготовлялись такимъ образомъ явленія, которыя во Франціи и Англіи, напротивъ, достигли уже значительнаго развитія.

3. Во Франціи среди побѣдителей 1830 года съ самыхъ же первыхъ дней послѣ побѣды образовались, какъ было упомянуто, двѣ большія партіи, изъ которыхъ одна требовала дальнѣйшаго развитія движенія, а другая находила нужнымъ оказывать этому требованію самое упорное сопротивленіе. Въ концѣ концовъ, перевѣсъ оказался на сторонѣ второй партіи, и тогда оппозиціонные элементы начали организоваться подъ знаменемъ республиканскихъ идей. Іюльская революція была объявлена недостигшею своей цѣли, и новое политическое преобразованіе Франціи должно было совершиться на основаніи всеобщаго избирательнаго права по примѣру конституціи 1793 года. Однако, уже въ 1832 году среди французскихъ республиканцевъ произошелъ знаменательный расколъ. Въ то время, какъ одни въ демократическомъ строѣ видѣли конечную цѣль своихъ стремленій и не желали никакихъ измѣненій въ самомъ устройствѣ общества, для другихъ демократическая республика должна была служить лишь средствомъ—въ достиженіи дальнѣйшей цѣли, заключавшейся въ соціальномъ переворотѣ. На сторонѣ строго политической демократіи стояли преимущественно буржуазные элементы республиканской партіи, мечтавшіе, къ тому же, добиться осуществленія своей программы путемъ мирной пропаганды въ печати. Что касается до соціальной демократіи, то она вербовала своихъ сторон-

никовъ главнымъ образомъ среди ремесленниковъ и отчасти фабричныхъ рабочихъ. Эти же общественные классы составляли и главную силу, которую стремились поднять организаторы тайныхъ обществъ, заговоровъ и возстаній, стремившіеся къ установленію революціонной диктатуры для осуществленія своихъ окончательныхъ цѣлей. Исторія тридцатыхъ годовъ наполнена цѣлымъ рядомъ попытокъ подобнаго рода, параллельно съ которыми шли многочисленныя покушенія на жизнь короля. Послѣдняя революціонная попытка сдѣлана была, однако, въ 1839 г., и затѣмъ республиканская партія болѣе не повторяла подобныхъ попытокъ. Зато въ сороковыхъ годахъ произошла новая важная перемѣна, оказавшая большое вліяніе на революцію 1848 года.

Мы еще подробнѣе остановимся на томъ важномъ фактѣ, что первые соціальные реформаторы во Франціи, предлагавшіе планы коренного переустройства общества, стояли очень далеко отъ политики и, во всякомъ случаѣ, не только не возлагали на революцію какихъ-нибудь надеждъ, но даже выступили принципіальными ея противниками. Другими словами, ранній французскій соціализмъ не былъ ни политическимъ вообще, ни революціоннымъ въ частности. Въ сороковыхъ годахъ чисто политическое движеніе безъ строго соціальной программы и исключительно соціальное движеніе безъ какой бы то ни было политической окраски начали между собою сближаться, и результатомъ этого было объединеніе ихъ въ одно общее движеніе, ставившее себѣ и политическія, и соціальныя цѣли. Что раньше этого народныя возстанія могли происходить на одной политической почвѣ или на одной почвѣ соціальной, доказательствомъ этому могутъ служить, съ одной стороны, іюльскіе дни 1830 г., на которыхъ не сказалось никакого вліянія соціалистической

пропаганды, а съ другой—знаменитое ліонское возстаніе 1831 г., возникшее на почвѣ борьбы капитала съ трудомъ и неимѣвшее рѣшительно никакой политической подкладки. Въ началѣ сороковыхъ годовъ объединеніе политическихъ соціальныхъ стремленій сдѣлало настолько явные успѣхи, что одинъ дальновидный нѣмецъ, Лоренцъ фонъ-Штейнъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ предсказывалъ, какой характеръ будетъ имѣть во Франціи новая революція: именно онъ говорилъ, что она уже не можетъ быть только политической, что она непремѣнно будетъ и соціальной.

Общее демократическое движеніе тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ отразилось во Франціи и на духовной культурѣ въ такихъ областяхъ, какъ публицистика и исторіографія, философія и даже изящная литература, гдѣ возникъ особый родъ такъ называемаго соціальнаго романа. Одна изъ особенностей тогдашняго демократическаго движенія, какъ политическаго, такъ и соціальнаго направленія, заключалась въ его рѣзко анти-индивидуалистическомъ характерѣ. Недовѣріе къ принципу свободы частныхъ соглашеній въ области промышленности было перенесено вообще на принципъ индивидуальной свободы, который и объявлялся вслѣдствіе этого анти-соціальнымъ и буржуазнымъ, требующимъ безпощаднаго искорененія. Началъ, на основаніи которыхъ можно было бы построить новое демократическое государство и общество, одни искали въ своеобразно понятомъ христіанствѣ или вѣрнѣе католицизмѣ, другіе же обращали свои взоры, въ поискахъ за этими началами, къ эпохѣ французской революціи и останавливались на якобинизмѣ, традиціи котораго съ особою силою и начали оживать во французской демократіи временъ іюльской монархіи [1]).

[1]) Это оправдывало тѣ пессимистическія предсказанія о судьбѣ свободы во Франціи, которыя дѣлалъ Токвиль (см. выше 76), разъ

4. Въ Англіи, странѣ давнишней индивидуальной свободы, гдѣ этотъ принципъ пустилъ глубокіе корни въ жизнь, демократическое движеніе тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ не имѣло подобнаго анти-индивидуалистическаго характера, но въ остальномъ сходство съ тѣмъ, что происходило во Франціи, было большое. Сначала и здѣсь области политики и соціальной реформы были рѣзко отдѣлены одна отъ другой, и каждое движеніе шло особнякомъ, но къ концу тридцатыхъ годовъ между ними, какъ и во Франціи около этого же времени, произошло объединеніе. Ранній англійскій соціализмъ не былъ ни политическимъ, ни революціоннымъ, и въ началѣ тридцатыхъ годовъ на практикѣ выражался только въ смыслѣ организаціи рабочихъ союзовъ въ цѣляхъ огражденія экономическихъ интересовъ труда. Это было совершенно мирное движеніе, стоявшее въ сторонѣ отъ какого бы то ни было вмѣшательства въ политическую жизнь, а параллельно съ нимъ развивалось другое движеніе, чисто политическое, которое передъ 1832 г. содѣйствовало парламентской реформѣ, а потомъ, не удовлетворенное тѣмъ, какъ реформа была проведена, стремилось къ болѣе радикальному преобразованію. Къ концу тридцатыхъ годовъ англійскимъ политическимъ радикаламъ удалось распространить въ широкихъ кругахъ рабочихъ мысль, что они никогда не съумѣютъ улучшить свое матеріальное положеніе, пока не добьются собственнаго представительства въ парламентѣ. Изъ происшедшаго тогда объединенія политическихъ требованій радикаловъ съ соціальными стремленіями народныхъ массъ и возникло то могучее демократическое движеніе въ Англіи,

---

индивидуальная свобода объявлялась въ наиболѣе демократическихъ ученіяхъ за главный источникъ всякаго соціальнаго зла.

которое извѣстно подъ названіемъ чартизма. Такъ именно стало называться это движеніе по „народной хартіи“, заключавшей въ себѣ требованія всеобщей подачи голосовъ, ежегоднаго производства выборовъ въ парламентъ, установленія денежнаго вознагражденія членамъ парламента во время исполненія ими своихъ обязанностей и т. п. Въ 1839 г. въ смыслѣ этихъ требованій парламенту была представлена петиція съ громаднымъ количествомъ подписей, но уже въ 1838 г. происходили въ большихъ городахъ Англіи грандіозныя народныя манифестаціи, которыя должны были показать, какія силы стоятъ на сторонѣ народной хартіи. Это движеніе заставляло о себѣ много говорить и въ сороковыхъ годахъ, но къ концу этого періода оно стало падать. Въ данномъ случаѣ въ Англіи наблюдается то же явленіе, съ какимъ мы встрѣчаемся и въ исторіи демократическихъ попытокъ, дѣлавшихся въ ту же самую эпоху во Франціи. Чартизмъ очень скоро раздробился на нѣсколько несогласныхъ между собою и даже враждебныхъ одно другому направленій. Одни стояли за мирную реформу при помощи исключительно моральнаго воздѣйствія, другіе полагались только на физическую силу и выступали, слѣдовательно, съ чисто революціонною проповѣдью. Въ самомъ составѣ чартистовъ мы находимъ, кромѣ рабочаго пролетаріата, и радикальную часть мелкой буржуазіи, которая добивалась исключительно одной политической реформы, да далеко и не весь рабочій пролетаріатъ, добивавшійся чисто экономическихъ перемѣнъ въ родѣ нормировки рабочаго времени, былъ тоже на сторонѣ чартизма, такъ какъ рабочіе, принимавшіе участіе въ профессіональныхъ союзахъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ держались далеко отъ всей этой агитаціи. Имущіе классы встрѣтили сначала чартистское движеніе насмѣшками,

но когда оно приняло болѣе бурный характеръ, его стали опасаться, и даже либеральная пресса стала высказываться о чартизмѣ съ крайнимъ раздраженіемъ. Правительство не рѣшалось запрещать митинги, какъ того требовали многіе въ правящихъ классахъ, но зато наиболѣе крайніе агитаторы сажались въ тюрьмы (какъ это происходило и во Франціи съ разными дѣятелями демократической партіи). Чартизмъ не достигъ своей цѣли, но зато страшно взволновалъ народныя массы въ Англіи и между прочимъ отразился на ея духовной культурѣ, породивъ цѣлую литературу, а также оказавъ сильное содѣйствіе развитію дешевой періодической прессы для народа. Послѣдняя вспышка чартизма относится къ веснѣ 1848 г. и, хотя чартистская организація продолжала еще существовать въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, въ народѣ она уже не имѣла никакого вліянія и въ 1854 г. окончательно закрылась.

5. Менѣе значительныя демократическія движенія происходили въ разсматриваемую эпоху и въ другихъ странахъ, особенно въ Германіи, въ Швейцаріи и въ Италіи, причемъ тамошніе демократы брали себѣ за образецъ для подражанія преимущественно французскихъ республиканцевъ, тѣмъ болѣе, что Парижъ въ эпоху іюльской монархіи былъ однимъ изъ центровъ, куда направлялись многочисленные политическіе эмигранты нѣмецкой, итальянской, польской и др. національностей. Немалое количество и французскихъ политическихъ выходцевъ искало убѣжища въ Швейцаріи и въ Бельгіи, гдѣ Цюрихъ и Брюссель были точно такъ же, центрами разноплеменной эмиграціи, поддерживавшей мѣстныхъ демократовъ. Наконецъ, съ середины сороковыхъ годовъ мѣстомъ встрѣчи демократовъ разныхъ національностей сдѣлался и Лондонъ, откуда передъ революціей 1848 года,

тоже шла поддержка демократическимъ движеніямъ на континентѣ.

Нѣмецкіе демократы уже въ началѣ тридцатыхъ годовъ не только проповѣдовали необходимость обще-германскаго парламента, но даже высказывали мысль о превращеніи всей Европы въ единую федеративную республику. Въ это время оживилась дѣятельность революціонныхъ обществъ, и въ 1833 г. даже было сдѣлано во Франкфуртѣ на Майнѣ покушеніе на союзный сеймъ. Такъ какъ противъ этого демократическаго движенія были приняты суровыя мѣры, то сторонникамъ этого движенія приходилось въ большомъ числѣ эмигрировать за границу, гдѣ они входили въ сношенія съ демократами другихъ странъ и воспринимали ихъ воззрѣнія на задачи всего движенія. Между прочимъ, и среди нѣмецкихъ революціонеровъ уже въ 1833 г. стало намѣчаться раздѣленіе на политическихъ и соціальныхъ демократовъ. Конечно, ближе всего выходцамъ изъ Германіи было переселяться въ сосѣднюю Швейцарію, въ которой въ 1830 и 1831 годахъ въ одиннадцати кантонахъ совершились конституціонныя измѣненія въ демократическомъ направленіи и пропагандировалась идея переустройства всего союза на демократическихъ же началахъ. Иностранные эмигранты находили въ Швейцаріи столь сочувственный пріемъ, и имъ воспользовалось такое большое количество политическихъ выходцевъ изъ одной Германіи, что нѣмецкія правительства поставили на очередь вопросъ о выдачѣ бѣглецовъ и лишеніи швейцарцевъ права давать убѣжище революціонерамъ. Кромѣ нѣмцевъ, послѣднимъ пользовались еще итальянцы, среди которыхъ дѣятельность тайныхъ обществъ не только не прекратилась, но скорѣе даже усилилась. Правда, старый карбонаризмъ пришелъ въ упадокъ, но зато возникла и усили-

лась организація „Молодой Италіи“, основатель которой Мадзини стремился къ республикѣ, хотя и соглашался на демократическую монархію, если бы ея пожелалъ самъ народъ и лишь бы только она не препятствовала республиканской пропагандѣ. И въ планъ Мадзини тоже входило превращеніе всей Европы въ федерацію національныхъ республикъ. Мало того: по образцу „Молодой Италіи“ начали организоваться и другія подобныя общества. Польская революція 1830 года, послѣ своей неудачи, выбросила на Западъ громадное количество эмигрантовъ, вездѣ встрѣчавшихъ сочувственный пріемъ въ демократическихъ кругахъ, и очень скоро въ польской эмиграціи образовалось особое демократическое направленіе, въ которомъ и возникла партія „Молодой Польши“. Образовались также „Молодая Германія“, „Молодая Швейцарія“, „Молодая Франція“, „Молодая Испанія“, „Молодая Ирландія“, которыя всѣ вмѣстѣ должны были составлять „Молодую Европу“. Англійскіе чартисты тоже сочувственно относились къ стремленіямъ „Молодой Европы“, такъ что демократическое движеніе все болѣе и болѣе получало международный характеръ, хотя въ каждой странѣ и ставило себѣ особыя задачи. „Молодая Италія“ и всѣ организаціи, возникшія по ея образцу, были по преимуществу союзами національно-политическаго характера, но къ концу періода стало подготовляться объединеніе подъ однимъ знаменемъ и тѣхъ разноплеменныхъ демократовъ, которые ставили себѣ и соціальныя цѣли.

X. Соціальныя ученія первой половины XIX вѣка [1]).

1. Происхожденіе термина „соціализмъ“. — 2. Недовѣріе раннихъ соціальныхъ реформаторовъ къ либерализму и къ экономистамъ. — 3. Серьезная и утопическая сторона ихъ теорій. — 4. Вліяніе ихъ на современную жизнь. — 5. Французскій соціализмъ и коммунизмъ эпохи іюльской монархіи. — 6. Нѣмецкій соціализмъ. — 7. Международный характеръ новыхъ стремленій.

---

1. Одновременно съ либерализмомъ, подъ знаменемъ идей котораго шла буржуазія, стремившаяся къ конституціонной монархіи, и съ радикализмомъ, тяготѣвшимъ къ республикѣ и во всякомъ случаѣ имѣвшимъ демократическій характеръ, развивалось въ Западной Европѣ еще одно направленіе общественной мысли, которое, возникнувъ еще до іюльской революціи въ кругахъ интеллигентной буржуазіи, только въ тридцатыхъ годахъ стало вербовать себѣ приверженцевъ въ рабочей массѣ и мало-по-малу въ ней распространяться. Около 1834 г. это новое направленіе впервые стало называться соціализмомъ, подъ именемъ котораго и играло потомъ такую важную роль въ политической жизни Западной Европы.

Примѣненіе къ этому направленію названія соціа-

---

[1]) Исторія Западной Европы въ новое время, томъ IV, гл. 27 (Соціальныя ученія первой трети XIX в.) и томъ V, гл. 13 (Французскій соціализмъ и коммунизмъ временъ іюльской монархіи) и 16 (Нѣмецкія экономическія и соціальныя ученія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ).

— Соціальныя движенія XIX в. имѣютъ свои антецеденты и въ предыдущихъ вѣкахъ, о чемъ въ книжкѣ „Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени § 3 главы шестой („Соціальная и политическая сторона реформаціи“).

лизма объясняется не тѣмъ различіемъ между понятіями „соціальнаго“ и „политическаго“, которое имѣетъ отношеніе къ категоріямъ общества и государства, но тою противоположностью, какая существуетъ въ понятіяхъ „соціальнаго“ и „индивидуальнаго“. Мы уже отмѣтили выше, что французская демократія эпохи іюльской монархіи отличалась характеромъ анти-индивидуалистическимъ, и именно эта самая черта была выдвинута впередъ въ обозначеніи, какъ соціализма, того направленія, которое поставило своею задачею замѣнить принципъ индивидуальнаго хозяйства принципомъ хозяйства общественнаго, соціальнаго. Весьма многіе при этомъ, становясь на такую точку зрѣнія, переносили требованіе соціальности и въ другія сферы жизни, объявляя всякій индивидуализмъ началомъ анти-соціальнымъ и на практикѣ ведущимъ только къ господству меньшинства въ лицѣ буржуазіи.

2. Первыя общественныя ученія, съ которыхъ начинается развитіе соціализма XIX вѣка, относятся еще къ эпохѣ реставраціи. Это именно тѣ доктрины, которыя во Франціи связаны съ именами Сенъ-Симона и Фурье, а въ Англіи—съ именемъ Оуэна. Съ тогдашнимъ политическимъ движеніемъ соціалистическія системы названныхъ общественныхъ реформаторовъ не имѣли ничего общаго: скорѣе онѣ были даже противъ либерализма, особенно по его связи съ проповѣдью свободной конкурренціи въ экономической жизни. Соціализмъ двадцатыхъ годовъ вообще не выставлялъ никакихъ политическихъ требованій, стоялъ въ сторонѣ отъ тайныхъ обществъ, осуждалъ революцію и возлагалъ всѣ свои надежды на одну мирную пропаганду новыхъ началъ жизни.

Въ эту эпоху либерализмъ какъ въ области политики, такъ и въ политической экономіи сталъ подвер-

гаться нападкамъ съ двухъ разныхъ сторонъ. Во-первыхъ на него нападали во имя старины и при томъ не только старины политической, но и старины экономической, т.-е. прежнихъ формъ хозяйственнаго быта, которыя постепенно разрушались въ дѣйствительной жизни и осуждались экономистами въ теоріи, какъ негодныя. Это былъ своего рода экономическій романтизмъ, болѣе сожалѣвшій о паденіи старыхъ формъ жизни, чѣмъ мечтавшій о созданіи новыхъ. Во-вторыхъ, тогдашняя либеральная политическая экономія подвергалась нападенію въ связи съ критикою защищавшагося ею капиталистическаго строя во имя новыхъ формъ, которыя выставлялись, какъ лучшія, нежели существующія, какъ болѣе выгодныя и справедливыя. Новаторамъ бросались въ глаза главнымъ образомъ два обстоятельства: несоотвѣтствіе политической свободы съ экономическимъ рабствомъ и противорѣчіе между ростомъ производства и національнаго богатства и бѣдственнымъ состояніемъ рабочаго класса. Либерализмъ заключалъ въ себѣ увѣренность, что для достиженія общественнаго блага достаточно одной личной свободы съ политическими ея гарантіями, но экономическая жизнь все болѣе и болѣе развивалась въ смыслѣ порабощенія труда капиталомъ, и вотъ вслѣдствіе этого въ нѣкоторыхъ умахъ совершилось разочарованіе въ благахъ свободы, и главное вниманіе стало обращаться на рѣшеніе задачи объ освобожденіи экономическомъ. Съ другой стороны, либеральные экономисты очень часто закрывали глаза на бѣдствія, сопровождавшія установленія капиталистическаго строя, и даже многіе политическіе радикалы не принимали въ расчетъ того, что при извѣстныхъ условіяхъ національное богатство покупается цѣною народной нищеты. Буржуазные тооретики, прославлявшіе невмѣшательство государства въ про-

мышленность и проповѣдовавшіе спасительность свободной конкурренціи, продолжали стоять на оптимистической точкѣ зрѣнія физіократовъ и Адама Смита, которые вѣрили во всеобщую гармонію интересовъ при господствѣ естественнаго порядка. Правда, слѣдующіе два крупные экономиста послѣ Адама Смита, Мальтусъ и Рикардо, пробили двѣ бреши въ этой теоріи гармоніи и интересовъ — одинъ, своимъ ученіемъ о томъ, что народонаселеніе растетъ гораздо быстрѣе средствъ его пропитанія, другой — обнаруженіемъ антагонизма между предпринимателями и рабочими; однако, и это отнюдь не помѣшало буржуазнымъ экономистамъ защищать существующія отношенія съ точки зрѣнія соотвѣтствія ихъ законамъ природы, противъ которыхъ, говорили они, ничего уже не подѣлаешь. Соціальные реформаторы двадцатыхъ годовъ отнеслись съ величайшимъ недовѣріемъ къ тогдашней политической экономіи, въ которой даже не хотѣли видѣть науки,—и ученію экономистовъ противопоставили поэтому свои собственныя теоріи.

3. Эти теоріи въ настоящее время принято называть утопіями въ смыслѣ несбыточныхъ мечтаній, причемъ нужно замѣтить, что обозначеніе ранняго соціализма, какъ „утопическаго", вышло изъ среды самихъ же соціалистовъ только болѣе поздняго времени, когда сами послѣдователи этого направленія овладѣли классической политической экономіей и преобразовали ее въ духѣ своихъ принциповъ. Утопіями одинаково являются теоріи и сенъ-симонистовъ, и фурьеристовъ, и послѣдователей Оуэна, потому что всѣ они стремились сразу и главнымъ образомъ путемъ одного умственнаго творчества создать тотъ новый строй общественной жизни, который долженъ былъ быть, по ихъ мнѣнію, и осуществленъ въ самое короткое время, благодаря исключительно своему внутреннему пре-

цовъ самъ объявилъ себя новой религіей и получилъ чисто сектантскій характеръ. Въ дальнѣйшемъ развитіи соціальныхъ ученій подобныя примѣси стали постепенно отпадать, и, наоборотъ, все болѣе и болѣе началъ выдвигаться на первый планъ и разрабатываться въ подробностяхъ принципъ ассоціаціи.

4. Соціальныя утопіи первой трети XIX в., конечно, не были совершенною новостью въ исторіи. И въ древности, и въ новое время, начиная съ эпохи возрожденія, творческая фантазія отдѣльныхъ писателей создавала болѣе или менѣе заманчивыя картины идеальнаго устройства общества, въ которыхъ главное значеніе принадлежало идеямъ, родственнымъ соціализму или прямо даже коммунистическимъ. То новое, что̀ отличаетъ утопистовъ эпохи реставраціи отъ ихъ предшественниковъ, заключается въ ихъ желаніи осуществленія на практикѣ придуманныхъ ими порядковъ жизни. Это уже не была простая игра ума, одно литературное упражненіе, такъ какъ дѣло заключалось теперь не въ томъ, чтобы только нарисовать въ своемъ воображеніи картину идеальнаго общественнаго строя, а именно въ томъ, чтобы этотъ строй видѣть осуществленнымъ въ дѣйствительной жизни. Сенъ-симонисты и фурьеристы затратили даже немало средствъ на попытки образованія товарищескихъ общежитій по своимъ идейнымъ планамъ, и это составляетъ весьма своеобразную сторону тогдашняго соціальнаго движенія. Пусть всѣ подобныя попытки кончались полною неудачею, вносившею въ ряды ихъ участниковъ разочарованіе, характерная особенность этого явленія какъ-разъ заключалась въ томъ, что мысль не оставалась простою мыслью, а стремилась перейти въ дѣло. Въ послѣднемъ отношеніи особенно тѣсною связью съ житейскою практикою отличалось ученіе Оуэна, который

туры, признавали естественную гармоничность всего мірозданія, и, по ихъ мнѣнію, стоило только найти принципы, при помощи которыхъ могли бы безпрепятственно проявляться добрые задатки, прирожденные человѣку, и гармонія, лежащая въ основѣ жизни, чтобы могли и легко и быстро пройти полное перевоспитаніе самихъ людей, и коренное переустройство всѣхъ порядковъ ихъ общественнаго существованія. Все дѣло заключалось въ мирной идейной проповѣди, а особенно—въ силѣ примѣра, который долженъ былъ вызвать подражаніе. Напримѣръ, Фурье думалъ, что достаточно будетъ на практикѣ осуществить придуманную имъ форму ассоціаціи, такъ называемый фаланстеръ, и тогда потребуется лишь нѣсколько лѣтъ для того, чтобы постепенно всѣ народы, населяющіе земной шаръ, перешли, исключительно путемъ подражанія поданному примѣру, отъ теперешнихъ порядковъ къ новому идеальному строю. Однимъ словомъ, утопическій соціализмъ двадцатыхъ годовъ отнюдь не былъ революціоннымъ по рекомендовавшемуся имъ способу осуществленія общественнаго идеала, но зато самый идеалъ этотъ, мысль, положенная въ его основу, требовали полнаго переворота во всей области соціальныхъ отношеній, связанной съ началами частной собственности, индивидуальнаго хозяйства, свободной конкурренціи и т. п. Съ этою основною мыслью въ соціальныхъ ученіяхъ той эпохи соединились, кромѣ того, многіе другіе, осложнявшіе ее моменты.

Фурье мечталъ, что осуществленіе придуманнаго имъ гармоническаго строя произведетъ даже переворотъ въ самой природѣ, въ родѣ того, напримѣръ, что морская вода сдѣлается столь же вкусною, какъ лимонадъ. Въ свою очередь, сенсимонизмъ до такой степени осложнился элементами религіознаго творчества, что въ концѣ кон-

цовъ самъ объявилъ себя новой религіей и получилъ чисто сектантскій характеръ. Въ дальнѣйшемъ развитіи соціальныхъ ученій подобныя примѣси стали постепенно отпадать, и, наоборотъ, все болѣе и болѣе началъ выдвигаться на первый планъ и разрабатываться въ подробностяхъ принципъ ассоціаціи.

4. Соціальныя утопіи первой трети XIX в., конечно, не были совершенною новостью въ исторіи. И въ древности, и въ новое время, начиная съ эпохи возрожденія, творческая фантазія отдѣльныхъ писателей создавала болѣе или менѣе заманчивыя картины идеальнаго устройства общества, въ которыхъ главное значеніе принадлежало идеямъ, родственнымъ соціализму или прямо даже коммунистическимъ. То новое, что отличаетъ утопистовъ эпохи реставраціи отъ ихъ предшественниковъ, заключается въ ихъ желаніи осуществленія на практикѣ придуманныхъ ими порядковъ жизни. Это уже не была простая игра ума, одно литературное упражненіе, такъ какъ дѣло заключалось теперь не въ томъ, чтобы только нарисовать въ своемъ воображеніи картину идеальнаго общественнаго строя, а именно въ томъ, чтобы этотъ строй видѣть осуществленнымъ въ дѣйствительной жизни. Сенъ-симонисты и фурьеристы затратили даже немало средствъ на попытки образованія товарищескихъ общежитій по своимъ идейнымъ планамъ, и это составляетъ весьма своеобразную сторону тогдашняго соціальнаго движенія. Пусть всѣ подобныя попытки кончались полною неудачею, вносившею въ ряды ихъ участниковъ разочарованіе, характерная особенность этого явленія какъ-разъ заключалась въ томъ, что мысль не оставалась простою мыслью, а стремилась перейти въ дѣло. Въ послѣднемъ отношеніи особенно тѣсною связью съ житейскою практикою отличалось ученіе Оуэна, который

впервые даже и выступилъ на прославившее его поприще не какъ теоретикъ, а какъ человѣкъ практическаго дѣла. Ему даже удалось сдѣлаться въ своемъ отечествѣ родоначальникомъ цѣлаго, такъ называемаго кооперативнаго движенія, выразившагося въ основаніи рабочихъ союзовъ съ чисто практическими цѣлями соединенія на почвѣ общихъ экономическихъ интересовъ.

Еще въ тридцатыхъ годахъ многіе смотрѣли на соціальныя системы Сенъ-Симона, Фурье и Оуэна, какъ на чисто литературныя явленія, подобныя которымъ существовали и раньше, но уже въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ болѣе проницательными людьми была понята жизненная связь новыхъ соціальныхъ ученій съ переживавшимся въ то время историческимъ моментомъ. Дѣйствительно, названныя соціальныя утопіи начала XIX в. заключали въ себѣ не простую игру творческой фантазіи, а, какъ думали ихъ творцы, чисто практическіе совѣты относительно уврачеванія общественныхъ золъ, порожденныхъ новыми формами экономическаго быта. Сенъ-Симонъ, въ концѣ концовъ, понялъ задачу предлагавшейся имъ реформы, какъ задачу улучшенія быта самаго многочисленнаго и самаго бѣднаго класса населенія, а дѣятельность Оуэна даже и началась прямо въ средѣ фабричныхъ рабочихъ. Правда, на первыхъ порахъ сенъ-симонисты и фурьеристы вербовали своихъ адептовъ среди интеллигентной и зажиточной буржуазіи, особенно среди учащейся молодежи изъ этого класса, но весьма скоро и тѣ и другіе стали пропагандировать свои идеи и среди рабочихъ. Іюльская революція даже оживила ихъ надежды, вслѣдствіе чего ихъ проповѣдь расширилась и стала искать для себя новыхъ формъ. Однако, въ дальнѣйшемъ соціальномъ движеніи, происходившемъ во Франціи, роль уже играли не сенъ-симонисты и не фурьеристы, а новые

соціальные реформаторы, съ самаго начала дѣйствовавшіе непосредственно на рабочую среду и притомъ не въ такомъ удаленіи отъ политической злобы дня, въ какомъ совершалась дѣятельность сенъ-симонистовъ и фурьеристовъ. Практическое значеніе проповѣди тѣхъ и другихъ выразилось въ образованіи ряда потребительныхъ и производительныхъ ассоціацій среди рабочихъ, но отъ политики обѣ школы продолжали держаться въ сторонѣ. Сенъ-симонисты даже удалились въ своего рода сектантскій монастырь въ то самое время, когда въ рабочей демократіи Парижа происходило республиканское броженіе, а фурьеристы, развившіе въ широкихъ размѣрахъ свою литературную пропаганду, высказывались очень рѣшительно противъ политическаго движенія, ставившаго своею цѣлью реформу избирательнаго права.

5. Поворотъ мысли о необходимости соціальной реформы на новую дорогу, т.-е. уже на дорогу политическаго дѣйствія совершился главнымъ образомъ благодаря тому, что къ сенъ-симонистамъ примкнули на время нѣкоторые люди, которые раньше участвовали въ чисто политической агитаціи, а теперь, усвоивъ новыя соціальныя идеи, такъ или иначе сочетали ихъ со своими прежними политическими стремленіями. Въ этомъ отношеніи особенно любопытно ученіе Бюшеза, представлявшее изъ себя своеобразную смѣсь идей сенъ-симонизма, якобинизма и католицизма, причемъ во имя соціальнаго идеала братства имъ проповѣдовалось полное поглощеніе личности обществомъ и объявлялась безпощадная война всякому индивидуализму. Тѣмъ же анти-индивидуалистическимъ характеромъ отличалась и соціальная система Леру, которому принадлежитъ самое изобрѣтеніе термина „соціализмъ“ и который придалъ своимъ идеямъ характеръ пантеистическаго мистицизма. Впрочемъ, если Бюшезу уда-

лось еще оказать нѣкоторое вліяніе на образованіе рабочихъ ассоціацій, то Леру имѣлъ лишь литературный успѣхъ. Самая же большая популярность въ рабочихъ кругахъ выпала на долю Кабе, автора коммунистическаго романа, въ которомъ изображается идеальная страна—Икарія: „икаризмъ“ въ сороковыхъ годахъ сдѣлался даже однимъ изъ самыхъ сильныхъ теченій соціальной мысли въ рабочей средѣ Франціи. Это была проповѣдь полнѣйшаго коммунизма, съ совершеннымъ отрицаніемъ личнаго начала во имя принципа братства, которое Герценъ не безъ основанія назвалъ „каторжнымъ“. Хотя въ романѣ Кабе коммунистическій строй и устанавливается, благодаря переходу демократіи къ политическому господству, однако, икарійцы стояли еще на точкѣ зрѣнія мирной пропаганды и дѣйствія примѣромъ. Въ этомъ отношеніи коммунизмъ Кабе довольно близокъ къ соціализму сенъ-симонистовъ и фурьеристовъ, и подобно имъ авторъ Икаріи тоже думалъ осуществить свою утопію основаніемъ въ Америкѣ коммунистической колоніи. Любопытно, что первая партія будущихъ икарійскихъ колонистовъ отправилась въ путь всего за три недѣли до взрыва февральской революціи, въ которой соціализму пришлось играть столь выдающуюся и притомъ далеко не мирную роль.

Прочнымъ образомъ политическія стремленія демократіи объединились въ одно цѣлое съ новыми соціальными идеями около 1840 г. — въ ученіи Луи Блана, въ которомъ, какъ въ ученіи Бюшеза, соціализмъ сливался въ одно цѣлое съ якобинизмомъ французской революціи, только безъ традицій католицизма, занимающихъ столь важное мѣсто въ доктринѣ Бюшеза. Главная особенность всей системы Луи Блана заключалась въ томъ, что силою, долженствующею осуществить новый строй, являлось у него государство, которое для осуществленія этой своей

миссіи должно было само сдѣлаться демократическимъ. Взглянувъ на исторію французской революціи, какъ на классовую борьбу буржуазіи и пролетаріата, Луи Бланъ отнесся отрицательно къ стремленіямъ буржуазіи, какъ вытекающимъ изъ индивидуализма; и, наоборотъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ взялъ подъ свою защиту пролетаріатъ, которому онъ приписывалъ желаніе осуществить въ жизни принципъ братства: якобинцы, по его мнѣнію, и были именно провозвѣстниками этого принципа, причемъ ихъ политическая программа неправильно была понята въ соціальномъ смыслѣ. Планъ его реформы состоялъ въ томъ, чтобы при помощи государственной организаціи труда постепенно вытѣснить изъ жизни всѣ частныя хозяйства для замѣны ихъ „соціальными мастерскими", т.-е. ассоціаціями. Такимъ образомъ въ системѣ Луи Блана старая якобинская идея демократической республики обновилась мыслью о превращеніи такого демократическаго государства въ главный органъ осуществленія соціальной реформы, въ ту общественную силу, которая должна и впредь заправлять всею хозяйственною жизнью страны. Имя Луи Блана сдѣлалось весьма популярнымъ во французскомъ пролетаріатѣ, и этою популярностью объясняется та выдающаяся роль, какую Луи Блану пришлось играть въ бурныхъ событіяхъ 1848 года. Выступившій одновременно съ нимъ на литературное поприще Прудонъ, заявившій себя рѣзкой критикой современнаго экономическаго строя и упразднявшій государство съ замѣною власти свободнымъ договоромъ сторонъ, въ этотъ періодъ еще не успѣлъ создать никакого положительнаго ученія, и потому въ 1848 году имя его еще ничего не говорило французскимъ рабочимъ.

6. Французскія соціалистическія и коммунистическія идеи въ тридцатыхъ и сорокахъ годахъ нашли много-

численныхъ сторонниковъ также среди нѣмцевъ. Многіе нѣмецкіе демократы стояли на той точкѣ зрѣнія, что Германіи предстоитъ пройти тотъ же путь развитія, какой уже былъ пройденъ Франціей, что отъ либерализма и даже радикализма ничего нельзя ожидать для народной массы и что политическимъ знаменемъ пролетаріата должно сдѣлаться соціализму. Либеральная политическая экономія вообще не пользовалась никогда особенною популярностью у нѣмцевъ, и хотя образовавшаяся у нихъ историческая школа въ этой наукѣ имѣла болѣе или менѣе консервативный характеръ, тѣмъ не менѣе все-таки въ ея ученіяхъ заключалось нѣчто, что могло пригодиться и для новыхъ взглядовъ на экономическія отношенія. Именно, нѣмецкая историческая школа выдвигала на первый планъ идею относительности формъ народнаго хозяйства, которая заключала въ себѣ представленіе о возможности крупныхъ перемѣнъ и въ будущемъ подобно тому, какъ онѣ уже совершались въ прошедшемъ. Но особенно важное значеніе въ развитіи новыхъ идей имѣло соединеніе ихъ съ результатами того движенія, которое происходило въ области тогдашней нѣмецкой философіи.

Это была эпоха почти безусловнаго господства философской системы Гегеля въ умственной жизни Германіи. Среди гегельянцевъ въ тридцатыхъ годахъ обнаружился, однако, расколъ и образовались два направленія въ пониманіи и примѣненіи основныхъ принциповъ школы. Въ то время, какъ „правая“ сторона принимала все болѣе и болѣе консервативный характеръ и сближалась въ дѣлахъ вѣры съ ортодоксальностью, а по государственнымъ вопросамъ — съ оффиціально принятыми взглядами, — „лѣвая“, наоборотъ, все болѣе и болѣе проникалась радикализмомъ и въ области религіи, и въ области политики. Изъ этого „лѣваго“ лагеря гегельян-

пулярностью среди тѣхъ пролетаріевъ, участіе которыхъ въ движеніи было наиболѣе сильнымъ и бурнымъ.

XI. Національные вопросы первой половины XIX в. [1])

1. Основныя особенности національныхъ стремленій въ первой половинѣ XIX в.—2. Объединительныя и освободительныя національныя движенія.—3. Междуплеменныя отношенія въ Австріи.—4. Славянское возрожденіе и панславизмъ.—5. Политическія движенія среди поляковъ.

1. Одновременно съ политическими и соціальными движеніями, которыя подготовили общеевропейскій кризисъ 1848 года, происходили во многихъ мѣстахъ Западной Европы и національныя движенія, точно также съ большою силою отразившіяся на возникновеніи, общемъ ходѣ и разрѣшеніи этого кризиса. Если, съ одной стороны, политическая и соціальная демократія разныхъ странъ объединялась нѣкоторыми изъ своихъ вождей въ международную силу, то, съ другой стороны, въ самыхъ широкихъ кругахъ народной массы значительной части западно-европейскихъ странъ пробуждались и властно заявляли себя въ жизни чисто національные инстинкты, проявленіе которыхъ приводило, наоборотъ, къ междуплеменной борьбѣ.

Въ другомъ мѣстѣ было уже отмѣчено возникновеніе національныхъ стремленій начала XIX в. [2]). Укажемъ те-

[1]) Исторія Западной Европы въ новое время, томъ V, гл. 9 (Общій очеркъ политическихъ, соціальныхъ и національныхъ движеній въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ) и гл. 17 (Славянское возрожденіе, панславизмъ и мессіанизмъ).

[2]) См. выше, стр. 66.

перь на необходимость различенія въ нихъ чисто культурной и чисто политической сторонъ. Въ культурномъ отношеніи національная идея, исходя изъ признанія за тою или другою народностью права на самостоятельное существованіе, въ громадномъ большинствѣ случаевъ соединялась съ романтическою идеализаціей традиціонной старины и бытовыхъ особенностей народности, вслѣдствіе чего обнаруживала вообще мало способности соединяться съ идеями прогрессивныхъ круговъ общества. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда тѣ или другіе сторонники какой-либо національной идеи старались придать ей значеніе одного изъ факторовъ въ достиженіи всѣмъ человѣчествомъ лучшаго будущаго, — дѣлалось это обыкновенно въ формѣ признанія за даннымъ народомъ особой провиденціальной миссіи, предназначенной ему исторіей. Въ Германіи Фихте и особенно Гегель развивали мысль о превосходствѣ нѣмецкаго національнаго духа, въ которомъ они готовы были видѣть воплощеніе самого разума исторіи. Въ Италіи о первенствѣ и превосходствѣ своей національности среди всѣхъ другихъ народовъ писалъ Джіоберти. Одновременно польскіе мессіанисты утверждали, что на долю именно ихъ народа выпало великое посланничество въ дѣлѣ всемірнаго освобожденія. Русское славянофильство той же самой эпохи было не чѣмъ инымъ, какъ подобнаго же рода превознесеніемъ всего вообще славянскаго племени и въ особенности русской его части. Какъ ни различны были по многимъ пунктамъ воззрѣнія подобнаго рода, — получавшія, наприм., разную вѣроисповѣдную окраску въ духѣ протестантизма, католицизма или православія, — всѣ они характеризуются одною основною чертою національной исключительности, культурнаго консерватизма и малаго пониманія общечеловѣческой стороны тѣхъ жизненныхъ вопросовъ,

которые ставились болѣе передовою современностью. Замѣчательно, что въ странахъ, гдѣ историческій процессъ подвинулся гораздо далѣе впередъ,—въ Англіи и во Франціи,—національизмъ никогда не получалъ такого мистическаго характера, и, наоборотъ, послѣдній особенно былъ силенъ въ построеніяхъ націоналистической мысли болѣе отсталыхъ народностей. Какую бы окраску, однако, не принимали національныя стремленія, они заключали въ себѣ элементы междуплеменной розни, которая впослѣдствіи и сдѣлалась одною изъ причинъ общей побѣды реакціи не только надъ новыми политическими и соціальными стремленіями, но и надъ самими же стремленіями національными. Особенно сильны были эти національныя стремленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и особенно глубоко было ихъ пораженіе въ разноязычной Австріи, въ которой притомъ, какъ нигдѣ въ другихъ странахъ Западной Европы, господствовали старые государственные и общественные порядки, а съ другой стороны, и само общество не было такъ далеко отъ какого бы то ни было вліянія передовыхъ политическихъ и соціальныхъ идей.

2. Останавливаясь, далѣе, на политической сторонѣ національныхъ движеній, игравшихъ столь значительную роль въ событіяхъ 1848 г., мы должны различать національныя движенія съ характеромъ объединительнымъ и съ характеромъ освободительнымъ. Всѣмъ предъидущимъ ходомъ своей исторіи Западная Европа была приведена къ тому, что установившіяся въ ней политическія границы далеко не совпадали съ границами этнографическими и что въ отдѣльныхъ государствахъ вынуждены были вмѣстѣ жить далеко между собою неравноправныя народности. Это также было одною изъ причинъ цѣлаго ряда народныхъ движеній, имѣвшихъ своею цѣлью или возсоединеніе политически разъединенныхъ національностей,

или освобожденіе однихъ народностей отъ господства другихъ или же, наконецъ, и то и другое вмѣстѣ взятое. Во второй половинѣ XVIII в. съ политической карты Европы исчезла польская національность, отдѣльныя части которой вошли въ составъ трехъ сосѣднихъ государствъ. Это было исходнымъ пунктомъ цѣлаго ряда національныхъ движеній среди поляковъ, особенно въ 1830 и 1863-хъ годахъ. Въ Германіи равнымъ образомъ съ самаго-же начала XIX в. стала расти и развиваться мысль о необходимости политическаго объединенія, вмѣсто той разрозненности, которая существовала раньше и была удержана,—хотя и въ не такой степени, какъ прежде,—вѣнскимъ конгрессомъ. Аналогичное стремленіе къ политическому объединенію возникло и стало постепенно созрѣвать и въ Италіи, которая уже давнымъ-давно фактически была простымъ географическимъ терминомъ, не смотря на культурное объединеніе ея населенія въ одну націю. Конечно, отдѣльныя національныя партіи, во всѣхъ этихъ случаяхъ, понимали свою объединительную задачу неодинаково и соединяли свои національныя мечты съ очень несходными между собою политическими принципами, но наиболѣе крайніе приверженцы національнаго объединенія шли вообще подъ знаменемъ демократическихъ идей. Таковы были „Молодая Италія“, „Молодая Германія“ и „Молодая Польша“, а то обстоятельство, что всѣ онѣ должны были составлять одну „Молодую Европу“, свидѣтельствуетъ, что здѣсь, по крайней мѣрѣ, не было національной розни. Въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, одна національная идея враждебно сталкивалась съ другою такою-же идеей, и это особенно наблюдалось всякій разъ, когда одна народность стремилась выбиться изъ-подъ господства другой народности.

3. Наиболѣе острые національные вопросы были поднаты въ эту эпоху въ разноплеменной Австріи. Внутренняя политика этой монархіи отличалась строго централистическимъ характеромъ, причемъ правительство сознательно поддерживало рознь между отдѣльными народностями, чтобы тѣмъ легче господствовать надъ всѣми. Вся предыдущая исторія Австріи привела къ тому, что господство въ ней принадлежало двумъ народностямъ: нѣмецкой въ одной половинѣ имперіи и мадьярской — въ другой. Въ теченіе всей первой половины XIX столѣтія австрійское правительство всѣми силами и средствами поддерживало нѣмецкій элементъ и, наоборотъ, всячески урѣзывало старыя права и привилегіи, принадлежавшія мадьярамъ. Это была чисто германизаціонная политика, которая страшно раздражала мадьярскую національность и толкала ее на путь политической оппозиціи, приведшей въ 1848 г. къ открытой революціи. Однако, отстаивая свою народность, мадьяры вовсе не думали о томъ, чтобы признавать національныя права тѣхъ славянскихъ племенъ, которыя входили въ составъ земель такъ называемой „короны святого Стефана". Въ данномъ случаѣ ихъ политика имѣла двойственный характеръ—борьбы за національную самобытность противъ германизаціи, съ одной стороны, и вмѣстѣ съ тѣмъ, съ другой стороны, упорной мадьяризаціи славянскаго населенія Венгріи. Какъ извѣстно, впослѣдствіи венгерскіе славяне поэтому и оказали помощь австрійскому правительству въ дѣлѣ усмиренія мятежныхъ мадьярскихъ подданныхъ.

Среди подданныхъ Австріи въ самомъ жалкомъ положеніи находились отдѣльныя славянскія народности, входившія въ составъ населенія этой имперіи. Хотя въ этомъ составѣ славяне по своей численности занимали

первое мѣсто, это отнюдь не придавало имъ никакой реальной силы. Во-первыхъ, между нимине было настоящей солидарности, и даже во многихъ случаяхъ обнаруживалась прямая рознь. Во-вторыхъ, за исключеніемъ польской части Галиціи, нигдѣ не было у славянскихъ подданныхъ Австріи своей собственной интеллигенціи, такъ что, въ сущности, на отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ въ тѣхъ или другихъ областяхъ Австріи говорилъ только одинъ простой народъ. Дворянство, высшее духовенство и частью даже духовенство низшее, а также и болѣе зажиточное мѣщанство славянскихъ земель монархіи было или нѣмецкимъ, или мадьярскимъ (въ русской же части Галиціи—польскимъ). Такому положенію дѣлъ соотвѣтствовало и печальное состояніе литературы и вообще просвѣщенія у австрійскихъ славянъ начала XIX в.

Мало-по-малу, однако, все это стало мѣняться, и въ срединѣ первой половины XIX столѣтія началось такъ вообще называемое славянское возрожденіе, которое къ сороковымъ годамъ уже сдѣлало весьма замѣтные успѣхи. Перевороты, вызванные французской революціей и наполеоновскими войнами, и тѣ послабленія, которыя волей-неволей должна была дѣлать Австрія своимъ подданнымъ, не могли не отразиться на настроеніи ея славянъ, на которыхъ сильное впечатлѣніе производили, наконецъ, и попадавшія въ имперію Габсбурговъ войска великой славянской державы, Россіи, игравшей такую важную политическую роль въ событіяхъ эпохи. Славянское возрожденіе отличалось многими романтическими чертами идеализаціи народной старины, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣрою въ лучшее будущее, въ которомъ, въ тѣхъ или другихъ формахъ, большею частью очень туманныхъ, рисовалось всеславянское единство. Сознаніе принадлежности всѣхъ славянъ къ единому великому цѣлому, равно

какъ сознаніе единоплеменности ихъ съ могущественною Россіей, занимало вообще довольно видное мѣсто въ славянскомъ возрожденіи. На этой же почвѣ выросталъ и такъ называемый панславизмъ, имѣвшій очень различные оттѣнки, бывшій, наприм., то проповѣдью общаго литературнаго языка, то неопредѣленною мечтою объ объединеніи всѣхъ славянъ въ одно великое царство. Настоящей реальной подкладки у панславизма никакой не было, да и сама оффиціальная Россія относилась крайне отрицательно къ національному броженію въ сосѣдней и притомъ союзной монархіи. Тѣмъ не менѣе призракъ панславизма пугалъ не только правящія сферы монархіи Габсбурговъ, не только австрійскихъ нѣмцевъ и мадьяръ, но и весьма многихъ въ другихъ странахъ, гдѣ также боялись славянскаго нашествія подъ главенствомъ Россіи, заключавшаго въ себѣ, какъ тамъ опасались, страшную угрозу для всей европейской цивилизаціи.

5. Совершенно особое положеніе среди славянъ занимали въ это время одни поляки. Съ самаго конца XVIII в., когда произошло паденіе Польши, они принимали болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ разныхъ политическихъ движеніяхъ и войнахъ, происходившихъ въ Западной Европѣ, надѣясь извлечь изъ нихъ какую-либо выгоду для возстановленія своей національной независимости. Послѣ подавленія въ 1831 г. польскаго возстанія происходила въ широкихъ размѣрахъ эмиграція побѣжденныхъ инсургентовъ и вообще недовольныхъ установившимся суровымъ режимомъ, а среди эмигрантовъ не прекращались заговоры для организаціи новаго возстанія. Въ либеральныхъ и радикальныхъ кругахъ польское дѣло пользовалось на Западѣ большимъ сочувствіемъ, и на поляковъ даже установился взглядъ, какъ на передовой народъ, защищающій европейскую циви-

лизацію отъ варварства. Хотя среди польскихъ эмигрантовъ были и аристократическіе, очень консервативные во всѣхъ отношеніяхъ элементы, общій тонъ, однако, задавали польскіе демократы, воспринимавшіе и своеобразно перерабатавшіе новѣйшія идеи Запада. Въ эмиграціи вообще находились лучшія умственныя силы націи, но оторванность отъ родной почвы содѣйствовала развитію среди наиболѣе страстныхъ польскихъ патріотовъ крайней экзальтаціи. Съ особенною силою послѣдняя проявилась въ мистическомъ націонализмѣ, который извѣстенъ подъ названіемъ мессіанизма: Польша представлялась послѣдователямъ этого ученія, какъ Мессія народовъ, взявшій на себя грѣхи всего міра, и возстановленіе польскаго государства понималось, какъ его воскресеніе, имѣющее освободить все человѣчество. Съ этими мессіаническими чаяніями соединялся своего рода мистическій соціализмъ, навѣянный французскою средою, въ которой, собственно, и происходило развитіе этой исторической фантазіи. Въ то время, какъ другія славянскія національности искали обновленія во взаимномъ общеніи и всѣ свои упованія возлагали на Россію, польская эмиграція, игравшая роль духовнаго правительства своего народа, наоборотъ, искала спасенія въ болѣе тѣсномъ общеніи съ Западомъ. Въ серединѣ сороковыхъ годовъ поляки сдѣлали-было новую попытку возстанія,— центромъ котораго долженъ былъ быть вольный городъ Краковъ, маленькая республика, созданная на вѣнскомъ конгрессѣ,—но эта попытка лишь обнаружила глубокую рознь между двумя главными общественными слоями польской національности, т.-е. между шляхтою и хлопами. Въ 1846 г. произошла знаменитая галиційская рѣзня, во время которой отъ возставшихъ крестьянъ погибло немало помѣщиковъ. Событіе это произвело сильное впечатлѣніе во всѣхъ частяхъ бывшей Рѣчи Посполитой, и

такъ какъ въ самомъ возникновеніи рѣзни обвинялось само австрійское правительство, то результатомъ ея была ненависть къ нѣмцамъ значительной части польскаго общества. Мало того: многіе поляки въ эти годы стали вспоминать, что и они славяне, и даже противопоставлять при этомъ германскому міру славянскій міръ съ Россіей во главѣ.

6. Во всякомъ случаѣ въ тридцатыхъ и особенно въ сорокоовыхъ годахъ возрожденіе славянскихъ народностей къ новой жизни было уже весьма замѣтнымъ явленіемъ, съ которымъ у національныхъ патріотовъ соединялись самыя свѣтлыя, хотя и не всегда достаточно опредѣленныя надежды, а у разныхъ правительствъ и въ несславянскихъ общественныхъ кругахъ—опасенія, притомъ противоположнаго свойства: то, именно, въ чемъ одни видѣли признаки революціи, другимъ казалось, наоборотъ, грозною реакціонною силою. Австрійское правительство по духу и по традиціямъ совершенно нѣмецкое, относилось крайне враждебно къ этому движенію, хотя уже и въ то время были голоса, которые рекомендовали создать особый австрійско-католическій панславизмъ, чтобы противопоставить его начинающуюся столь грозящимъ объединенію славянъ подъ русской гегемоніей. Изъ Австріи этотъ страхъ передъ славянами перешелъ и въ другія части Германскаго союза, гдѣ, между прочимъ, и въ либеральныхъ и радикальныхъ кругахъ также говорили о надвигавшейся съ Востока опасности. Заговорили о панславизмѣ даже во Франціи. Здѣсь о немъ знали главнымъ образомъ по представленіямъ польскихъ эмигрантовъ, которымъ одинъ французскій публицистъ прямо тогда совѣтовалъ соединиться съ южными и западными славянами для сокрушенія „московскаго“ панславизма. Враждебное отношеніе Западной Европы къ славянамъ только усилилось послѣ

того, какъ и собственные славянскіе подданные, и дружеская услуга славянской же Россіи помогли вѣнскому правительству подавить венгерскую революцію. Въ эти именно годы, напр., Марксъ, самъ, однако, очень хорошо понимавшій призрачность опасности отъ панславизма, взывалъ тѣмъ не менѣе къ непримиримой борьбѣ, къ борьбѣ на жизнь и смерть со славянскимъ міромъ, какъ главнымъ врагомъ демократіи, говоря, что борьба эта нужна въ интересѣ всего человѣчества.

XII. Общеевропейскій кризисъ 1848 года и его исходъ [1]).

1. Сложность и грандіозность революціи 1848 г. — 2. Сравненіе ея съ революціями 1820 и 1830 гг.—3. Взглядъ на международныя отношенія этой эпохи.—4. Междуплеменныя распри 1848 г.—5. Республиканизмъ 1848 г.—6. Буржуазія, крестьянство и рабочій классъ въ исторіи кризиса 1848 г.—7. Исходъ кризиса 1848 г.

---

1. Разсмотрѣнныя нами политическія движенія, сильно осложненныя въ однихъ случаяхъ вопросами соціальными, въ другихъ — вопросами національными, разрѣшились страшнымъ кризисомъ, потрясшемъ въ 1848 г. почти всю Европу и оказавшимъ громадное вліяніе на даль-

---

[1]) Исторія Западной Европы въ новое время, томъ V, гл. 18 (Состояніе Западной Европы наканунѣ 1848 г.), гл. 19 (Министерство Гизо и февральская революція), гл. 20 (Начало второй республики во Франціи и іюньскіе дни), гл. 21 и 22 (Нѣмецкая революція 1848 г. и франкфуртскій парламентъ), гл. 23 (Венгерская, славянская и итальянская революціи) и гл. 24 (Французская конституція 1848 г. и декабрьскій переворотъ).

— Для элементарныхъ фактическихъ справокъ „Учебная книга новой исторіи“, §§ 237—314, гдѣ дано изложеніе событій 1848—1852 гг.

нѣйшую ея исторію. Какъ нарочно, причины политическаго, соціальнаго и національнаго недовольства сплелись въ сѣть сложный и запутанный узелъ, что выходомъ изъ созданнаго такимъ образомъ положенія могло быть только общее потрясеніе, въ которомъ и столкнулись между собою самые противорѣчивые интересы и стремленія.

Обыкновенно за исходный пунктъ событій 1848 года принимается февральская революція въ Парижѣ, низвергшая іюльскую монархію и приведшая къ установленію во Франціи республики. Собственно говоря, однако, рядъ революціонныхъ движеній, ознаменовавшихъ этотъ и слѣдующіе годы, начался въ Италіи, гдѣ уже съ января 1848 г. произошли революціонныя движенія. Примѣръ подало Ломбардо-Венеціанское королевство, гдѣ австрійское правительство оказалось даже вынужденнымъ, уже въ февралѣ, объявить осадное положеніе. Въ январѣ же были сильныя волненія въ Сициліи и Неаполѣ, заставившія правительство, наоборотъ, поспѣшить съ объявленіемъ конституціи. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, еще до парижскаго взрыва, то же самое, что произошло въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій, повторилось сначала въ Сардиніи, потомъ въ Тосканѣ; тогда же движеніе передалось и въ Папскую Область. Въ Италіи парижская февральская революція поэтому только усилила, никоимъ образомъ не вызвала движеніе, которое вскорѣ охватило весь Апеннинскій полуостровъ революціоннымъ пожаромъ. Такъ какъ значительная часть Италіи была подъ властью Австріи, которая наблюдала за сохраненіемъ старины и въ остальныхъ частяхъ, то итальянская революція сразу приняла характеръ національной борьбы съ Австріей; Сардинія даже вступила съ имперіей Габсбурговъ въ открытую войну и увлекла-было своимъ примѣромъ другія итальянскія государства. И въ Германіи разыгравшіяся

въ 1848 г. событія уже подготовлялись до февральскаго переворота въ Парижѣ въ формѣ оживленія конституціонныхъ требованій и усиленія народныхъ волненій. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, именно, еще до извѣстія о томъ, что произошло въ Парижѣ, уже были мелкія возстанія, и вообще происходило сильное политическое броженіе, въ которомъ принимали участіе и либеральная буржуазія, и городскіе рабочіе, и крестьяне. Парижскій взрывъ, имѣвшій мѣсто въ самомъ концѣ февраля, былъ какъ-бы только сигналомъ къ началу цѣлаго ряда „мартовскихъ" революцій въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ. Первыя изъ нихъ вспыхнули въ мелкихъ и среднихъ государствахъ, а въ серединѣ марта взволновались и столицы обѣихъ великихъ державъ—Вѣна и Берлинъ. Побѣда революціи вскорѣ была по всей линіи. Нѣмецкія правительства должны были не только пойти на всѣ уступки, какія у нихъ были потребованы, но и дать свое согласіе на то, чтобы былъ созванъ обще-германскій парламентъ. Въ послѣдній день марта во Франкфуртѣ-на-Майнѣ уже засѣдало подготовительное собраніе, которое должно было устроить обще-германское представительство. Далѣе, въ предѣлахъ Австрійской имперіи приняли участіе въ революціономъ движеніи не одни итальянскіе и нѣмецкіе ея подданные, но и другіе подвластныя ей національности. Въ мартѣ же мѣсяцѣ, именно, произошли народныя волненія и въ Прагѣ, и въ Загребѣ, да и въ другихъ мѣстахъ со славянскимъ населеніемъ, а въ іюнѣ въ Прагѣ засѣдалъ съѣздъ представителей разныхъ славянскихъ національностей, который долженъ былъ заявить всему цивилизованному міру о томъ, что и славянскіе народы стремятся къ свободѣ и равноправности. Наконецъ, поднялась и Венгрія. Въ ней оппозиціонный духъ со значительною силою сталъ проявляться еще передъ всѣми этими событіями, и

мѣстный сеймъ уже успѣлъ предъявить вѣнскому правительству свои политическія требованія, когда извѣстіе о томъ, что дѣлалось въ другихъ мѣстахъ, подѣйствовало и на мадьярскую націю, цѣликомъ примкнувшую къ революціи. Слабо было революціонное движеніе въ 1848 г. только въ польскихъ земляхъ—послѣ неудачи возстанія 1846 г., галиційской рѣзни и совершившагося тогда же присоединенія къ Австріи вольнаго города Кракова. Тѣмъ не менѣе и въ Краковѣ, равно какъ и въ Познани, т.-е. уже въ предѣлахъ Пруссіи были польскія революціонныя вспышки. Такъ прошли первые три мѣсяца 1848 г., а въ маѣ одновременно въ разныхъ мѣстахъ засѣдали учредительныя собранія, которыя должны были выработать новыя конституціи для Франціи, для Германіи, для Пруссіи, и изъ большихъ государствъ Западной Европы только одна Австрія нѣсколько запоздала со своимъ учредительнымъ собраніемъ, которое, однако, все-таки и здѣсь было созвано въ іюлѣ того же, столь бурнаго 1848 года.

2. Событія 1848 года сами собою напрашиваются на сравненіе съ предшествовавшими имъ революціонными движеніями 1820 и 1830 гг. И въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ, какъ и теперь, перевороты совершались почти сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но никогда еще революція не охватывала такого большого района, какъ это было въ 1848 г. Притомъ въ движеніи 1820 г. не участвовала ни одна великая держава, а въ 1830 г. изъ великихъ державъ пережила внутренній переворотъ только одна Франція: несмотря на то, что іюльская революція отразилась и на Германіи, ни Австрія, ни Пруссія не были тогда затронуты. Теперь, наоборотъ, за февральской революціей во Франціи послѣдовали мартовскія революціи и въ обѣихъ великихъ нѣмец-

кихъ державахъ. Во всякомъ случаѣ въ 1830 г. и Италія, и Германія испытали на себѣ лишь слабое вліяніе парижскаго переворота, но въ 1848 г. обѣ страны подверглись страшному потрясенію, какого не испытывали со временъ великой французской революціи и Наполеона I. Большою новостью было также и то, что въ общемъ движеніи бурнаго 1848 г. приняли участіе разныя не-нѣмецкія народности Австріи: мадьяры, чехи, хорваты, сербы и т. д. Наконецъ, революція 1848 г. осложнилась еще и двумя войнами, стоявшими въ тѣсной связи съ національными движеніями стремившихся къ объединенію итальянцевъ и нѣмцевъ, именно войнами Сардиніи съ Австріей и Германіи съ Даніей. Изъ великихъ европейскихъ державъ не были затронуты только Россія и Англія, хотя въ послѣдней подъ вліяніемъ парижскихъ событій и произошла чартистская вспышка, да „Молодая Ирландія" сдѣлала неудачную попытку возстанія. Остались внѣ всякаго вліянія со стороны совершавшихся событій еще только государства Пиренейскаго и Скандинавскаго полуострововъ, такъ какъ въ другихъ второстепенныхъ странахъ — въ Бельгіи, въ Голландіи, въ Даніи, — все-таки произошли, хотя и мирнымъ путемъ, но подъ вліяніемъ общихъ политическихъ событій, нѣкоторыя важныя конституціонныя перемѣны. Ко всему этому слѣдуетъ еще прибавить, что и въ Швейцаріи 1848 годъ содѣйствовалъ введенію новой демократической конституціи, которая, впрочемъ, была уже подготовлена побѣдою радикаловъ надъ клерикалами въ междоусобіи, закончившемся незадолго до февральской революціи. Въ виду всего сказаннаго можно самымъ рѣшительнымъ образомъ утверждать, что по силѣ непосредственнаго вліянія на Европу февральская революція 1848 г. получила гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ самъ даже переворотъ 1789 г., являю-

щійся, какъ мы знаемъ, исходнымъ пунктомъ всѣхъ политическихъ движеній XIX вѣка. Понятно также, что подобнаго рода событіе,—какъ это было и въ двадцатыхъ, и въ тридцатыхъ годахъ,—не могло не произвести важныхъ перемѣнъ и въ области международной политики.

3. Еще передъ взрывомъ 1848 г. правительства великихъ державъ были сильно озабочены тѣмъ, что происходило въ нѣкоторыхъ странахъ. Польскія предпріятія попрежнему заставляли Австрію, Пруссію и Россію дѣйствовать сообща и держаться стараго союза. Обѣ великія нѣмецкія державы, а съ ними вмѣстѣ и Франція были, кромѣ того, встревожены усиленіемъ радикальной партіи въ Швейцаріи, гдѣ въ 1847 г. дѣло дошло даже до настоящей гражданской войны. Между Австріей и Франціей, далѣе, происходило сближеніе и по поводу демократическаго движенія въ Италіи, которое казалось опаснымъ не только феодально-клерикальному вѣнскому двору, но и буржуазному парижскому кабинету. Готовилось даже европейское вмѣшательство въ швейцарскія и итальянскія дѣла подобно тому, какъ это было въ двадцатыхъ годахъ, и былъ уже, пожалуй, даже поданъ примѣръ для этого, когда по соглашенію трехъ державъ, являвшихся наиболѣе заинтересованными въ польскихъ дѣлахъ, была уничтожена Краковская республика, и ея территорія непосредственно присоединена къ австрійскимъ владѣніямъ. Изъ великихъ державъ лишь одна Англія держала себя въ сторонѣ отъ такой репрессивной политики. Передъ самымъ 1848 г. между Франціей и Англіей, которыя раньше старались быть солидарными, произошелъ разрывъ, и французское буржуазное министерство начало стремиться къ сближенію съ австрійскимъ руководящимъ министромъ Меттернихомъ, который еще съ 1815 г. былъ

главнымъ дѣятелемъ европейской реакціи. Безъ противодѣйствія со стороны Англіи вмѣшательству во внутреннія дѣла Швейцаріи междоусобіе, происшедшее въ этой странѣ, могло бы кончиться крайне неблагопріятно для тамошней демократіи, а итальянскіе патріоты даже пользовались въ лондонскомъ кабинетѣ настоящей поддержкой. — Революція 1848 г. разстроила политическую комбинацію, въ основѣ которой должно было лежать сближеніе Франціи съ Австріей. Во Франціи установилась республика, и она, конечно, уже не могла идти заодно съ Австріей, въ Англіи же эта республика встрѣтила съ самаго начала своего существованія весьма сочувственный пріемъ. Съ другой стороны, могло казаться, что наступилъ часъ совершеннаго распаденія Австріи въ виду цѣлаго ряда потрясшихъ ее національныхъ революцій, да и Пруссія переживала очень трудныя минуты.

Февральскіе дни доставили во Франціи торжество демократіи, которая, какъ и въ 1830 г., стояла за революціонную пропаганду въ другихъ странахъ и громко требовала возстановленія Польши, въ чемъ заключалась угроза по адресу Австріи, Пруссіи и Россіи. Когда, подъ вліяніемъ февральскаго переворота, стали въ Германіи происходить свои революціи, въ Парижѣ многіе требовали тоже оказанія и имъ поддержки, которая должна была распространиться, кромѣ того, и на Италію. Часть революціонныхъ элементовъ въ обѣихъ названныхъ странахъ даже сама ничего не имѣла противъ вмѣшательства Французской республики въ ихъ внутреннія дѣла, но и въ Германіи, и въ Италіи большинство народа этого нисколько не желало, такъ какъ опасалось, что Франція даромъ помощи не окажетъ. Этимъ мотивомъ искусно пользовались германскіе и итальянскіе государи, чтобы устранить всякую мысль о французъ-

скомъ вмѣшательствѣ. Венгерская революція, которая особенно обезсиливала Австрію, встрѣчена была большимъ сочувствіемъ вездѣ, гдѣ ненавидѣли эту державу или ея боялись. Кризисъ прямо принималъ характеръ общеевропейской борьбы противъ всѣхъ устоевъ стараго международнаго порядка. Исходъ этого кризиса зависѣлъ, однако, въ значительной мѣрѣ отъ поведенія двухъ великихъ державъ, Россіи и Англіи, которыя оставались спокойными: въ нѣкоторыхъ пунктахъ обѣ онѣ сходились въ своихъ взглядахъ, хотя бы и по разнымъ мотивамъ. Именно, онѣ одинаково были и противъ объединенія Германіи, и противъ присоединенія къ ней принадлежавшихъ Даніи Гольштейна и Шлезвига, Россія—въ силу общаго консерватизма своей политики, Англія—изъ опасенія, какъ-бы Германія не завела свой флотъ. Въ остальномъ точки зрѣнія русскаго и англійскаго правительствъ, наоборотъ, большею частью расходились, такъ-какъ въ Англіи относились съ сочувствіемъ ко многому изъ того, что̀ въ Россіи встрѣчалось безусловнымъ неодобреніемъ. Дѣло въ томъ; что лондонскій кабинетъ стоялъ и за итальянскія, и за венгерскія національныя стремленія, и опять-таки въ Англіи же впослѣдствіи нашли убѣжище побѣжденные разныхъ національностей, когда восторжествовала реакція.

4. Повидимому, борьба противъ однихъ и тѣхъ же враговъ должна была бы сближать интересы отдѣльныхъ національностей, захваченныхъ общимъ движеніемъ, но какъ ни стремились демократы разныхъ странъ къ установленію солидарности между европейскими національностями, на практикѣ это достигалось съ великимъ трудомъ, и въ общемъ національный эгоизмъ бралъ верхъ. Особенно страстная племенная борьба происходила въ тѣхъ областяхъ Австріи, въ которыхъ жило смѣшанное населеніе:

чехи ссорились съ нѣмцами, хорваты—съ мадьярами и т. д., да и вообще габсбургскіе нѣмцы и мадьяры видѣли въ славянскихъ стремленіяхъ помѣху своимъ собственнымъ національнымъ стремленіямъ, что̀, въ свою очередь, заставляло славянъ искать поддержки у законнаго правительства и тѣмъ самымъ подготовлять побѣду реакціи. Сами нѣмцы, работавшіе надъ своимъ политическимъ объединеніемъ во имя національной идеи, и слышать, однако, не хотѣли о томъ, чтобы національныя права были предоставлены чехамъ: франкфуртскій обще-германскій парламентъ даже выразилъ свое удовольствіе, когда до него дошло извѣстіе о насильственномъ усмиреніи Праги. Поэтому національное самосохраненіе заставило австрійскихъ славянъ отдѣлить свои интересы отъ интересовъ германской и венгерской революцій, и та реакціонная роль, которую они при этомъ съиграли, еще болѣе озлобляла противъ нихъ либераловъ и радикаловъ въ Германіи. Нигдѣ, наконецъ, не обнаруживалось въ эту эпоху такой рѣзкой національной исключительности, какъ среди мадьяръ. Венгерскій революціонный сеймъ и мысли не допускалъ о какихъ-либо уступкахъ хорватамъ. Мало того: въ венгерскомъ сеймѣ до окончательнаго разрыва съ династіей Габсбурговъ готовы были даже помочь австрійскому правительству въ дѣлѣ усмиренія ломбардо-венеціанскихъ мятежниковъ. Солидарность народовъ, которую проповѣдовали демократы, оказалась, такимъ образомъ, въ 1848 г. простою мечтою, разрушившеюся при первомъ соприкосновеніи съ дѣйствительностью.

Независимо отъ дѣйствія національнаго инстинкта здѣсь обнаруживалось еще вліяніе очень большой неравномѣрности въ соціальномъ и культурномъ развитіи отдѣльныхъ народовъ. Напримѣръ, большинство венгер-

скаго сейма было проникнуто такими идеями, которыя совершенно не мирились съ демократическими стремленіями у другихъ народовъ, сочувствовавшихъ, однако, венгерской революціи.

5. Другая особенность кризиса 1848 г. въ политическомъ отношеніи, это—его республиканскій характеръ, хотя данная черта и не можетъ считаться повсемѣстной. Въ эту эпоху республика установилась не въ одной Франціи, но республиканскія попытки дѣлались также и въ другихъ странахъ. Во-первыхъ, это можно сказать о Италіи, гдѣ была цѣлая партія, стремившаяся къ политическому перевороту на началахъ народовластія и расчитывавшая при этомъ на помощь Франціи, перестроившей свой государственный бытъ на строго демократическомъ принципѣ. Въ 1848 г., пользуясь общимъ движеніемъ противъ Австріи, Венеція провозгласила у себя республику, а въ слѣдующемъ году ея примѣру послѣдовали Римъ и Тоскана, но эти республики имѣли, какъ извѣстно, эфемерное существованіе. Въ Германіи, равнымъ образомъ, сформировалась республиканская партія, и уже въ подготовительномъ франкфуртскомъ собраніи были отдѣльные политическіе дѣятели, думавшіе объ учрежденіи въ Германіи республики. Въ Баденѣ даже произошло—потерпѣвшее, впрочемъ, неудачу—республиканское возстаніе, въ которомъ приняли участіе вмѣстѣ съ нѣмецкими эмигрантами французскіе и польскіе демократы. Было республиканское меньшинство и въ самомъ франкфуртскомъ парламентѣ, да и сама конституція 1849 г., бывшая, какъ извѣстно, монархическою, отличалась все-таки большимъ демократизмомъ. Когда обнаружилось, что изъ переустройства Германіи на новыхъ началахъ ничего не выйдетъ, въ разныхъ мѣстахъ сдѣланы были новыя попытки республиканскихъ возстаній,—

такъ называемая „майская революція“ въ Саксоніи и въ юго-западной Германіи (1849). Наконецъ, и въ Венгріи сеймъ объявилъ Габсбурговъ лишенными короны св. Стефана. и страна была провозглашена самостоятельнымъ государствомъ съ народнымъ управленіемъ.

6. Сила революціоннаго движенія 1848 г. заключалась въ томъ, что первоначально въ немъ принимали одинаково участіе и буржуазія, и народъ, т.-е. городскіе рабочіе, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и крестьяне. Именно крестьянское движеніе было болѣе или менѣе значительно въ тѣхъ странахъ, гдѣ еще не были ликвидированы феодально-крѣпостническія отношенія, отмѣны которыхъ одинаково требовала притомъ и либеральная буржуазія. Когда, однако, главныя крестьянскія желанія были удовлетворены, деревенское населеніе стало отставать отъ общаго движенія и даже начало играть роль одной изъ важныхъ опоръ послѣдовавшей вскорѣ реакціи. Болѣе значительнымъ и рѣзкимъ было участіе въ движеніи со стороны городскихъ рабочихъ, которые уже предъявляли требованія соціальнаго характера. Послѣднія не только не находили сочувствія и поддержки въ буржуазіи, но даже прямо пугали ее, заставляли и ее искать сближенія съ побѣжденными правительствами или вообще поддерживать консервативную политику. Въ этомъ разъединеніи общественныхъ силъ, дѣйствовавшихъ сначала единодушно, заключается и основная причина того, что главныя идеи 1848 г. не нашли осуществленія въ жизни.

Установленіе республики во Франціи въ концѣ февраля 1848 г. сопровождалось рядомъ демократическихъ манифестацій, главнымъ же лозунгомъ народныхъ волненій, не прекращавшихся и въ слѣдующихъ мѣсяцахъ, сдѣлалось „право на трудъ“, требованіе чисто-соціаль-

наго характера. Вообще первые мѣсяцы второй республики во Франціи были временемъ наибольшаго,—во всю эту эпоху,—развитія соціализма, которое сильно напугало буржуазію и къ которому не менѣе враждебно отнеслась также крестьянская масса, боявшаяся, что рабочіе пожелаютъ произвести раздѣлъ земель. Выборы въ учредительное собраніе дали большинство, непріязненное стремленіямъ пролетаріата, и вскорѣ противъ рабочихъ началась борьба, которая привела къ катастрофѣ, извѣстной подъ названіемъ „іюнскихъ дней", когда на улицахъ Парижа произошло кровавое подавленіе войсками республики рабочаго возстанія. Побѣда буржуазіи надъ пролетаріатомъ въ концѣ іюня 1848 г. открыла собою эпоху внутренней реакціи, которая, собственно говоря, не могла не отозваться и на событіяхъ, происходившихъ внѣ самой Франціи.

Аналогичныя явленія во взаимныхъ отношеніяхъ между бюргерствомъ и рабочими наблюдаются въ 1848 г. и въ Германіи. И здѣсь рабочіе приняли съ самаго начала дѣятельное участіе въ революціи вмѣстѣ съ буржуазіей, но и здѣсь народныя волненія съ соціальнымъ характеромъ мало-по-малу склоняли буржуазію къ отпаденію отъ союза съ пролетаріатомъ. Въ германскомъ парламентѣ преобладали бюргерскіе элементы, и даже въ республиканскомъ его меньшинствѣ лишь очень немногіе вносили въ свое политическое міросозерцаніе соціальный оттѣнокъ. Побаиваясь пролетаріата и его соціальныхъ требованій, бюргерство склоняло предержащія власти къ уступчивости по отношенію къ крестьянамъ, которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ оно всячески старалось отвлечь отъ болѣе тѣснаго соединенія съ рабочими. Чѣмъ реакціоннѣе, съ теченіемъ времени, становились нѣмецкіе бюргеры, тѣмъ, наоборотъ, революціоннѣе вы-

ступалъ пролетаріатъ, все болѣе и болѣе искавшій сближенія съ демократической партіей, которая сама имѣла главную поддержку въ мелкомъ мѣщанствѣ. Движеніе продолжалось даже тогда, когда реакція побѣждала уже по всей линіи: собирались рабочіе конгрессы, основывался общій рабочій союзъ и т. п., но для дальнѣйшаго развитія этихъ явленій условія были крайне неблагопріятными.

Въ извѣстномъ выигрышѣ послѣ бурнаго 1848 г. оказались лишь крестьяне. Паденіе Наполеона I остановило ликвидацію стараго феодально крѣпостническаго строя, начавшуюся въ эпоху французской революціи. Реакція, наступившая въ 1815 г., пагубно отразилась и на эманципаціи крестьянъ. Только іюльская революція кое-гдѣ подвинула впередъ уже раньше начинавшееся, но пріостановившееся рѣшеніе крестьянскаго вопроса, а кое-гдѣ и впервые поставила его на очередь (напр., въ Саксоніи), къ окончательной же ликвидаціи старыхъ отношеній, унаслѣдованныхъ отъ среднихъ вѣковъ, привелъ центральную Европу именно только 1848 годъ. Въ Пруссіи съ 1807 г., когда здѣсь было уничтожено крѣпостное состояніе, все еще до середины XIX в. существовала въ прежнемъ своемъ объемѣ вотчинная юстиція и полиція, да и дѣло съ выкупомъ крестьянскихъ повинностей шло туго, а въ Австріи до 1848 г. даже ничего серьезнаго и не предпринималось для отмѣны феодально-крѣпостническаго режима: только 1848 годъ принесъ обѣимъ великимъ нѣмецкимъ державамъ уничтоженіе остатковъ средневѣкового помѣщичьяго режима.

7. Исходъ кризиса 1848 г., т.-е. наступленіе общей реакціи, объясняется изъ всего предыдущаго. Парижскіе іюньскіе дни были началомъ конца второй республики, ибо результатомъ побѣды буржуазіи надъ пролетаріатомъ

была репрессія по отношенію ко всѣмъ демократическимъ элементамъ націи, а въ концѣ 1848 г. президентомъ республики сдѣлался, по всенародному избранію, принцъ Людовикъ-Наполеонъ Бонапартъ, наслѣдникъ традицій и притязаній первой имперіи. Въ Германіи движеніе продолжалось еще нѣкоторое время, но и здѣсь ему готовился близкій конецъ. Австрійская монархія, повидимому, распадавшаяся на составныя части, выходила постепенно изъ своего затруднительнаго положенія, опираясь на междуплеменной антагонизмъ своего населенія и силою оружія подавляя непокорныхъ: въ апрѣлѣ 1848 г. былъ усмиренъ Краковъ, въ іюнѣ — побѣждена Прага, въ іюлѣ была отвоевана Ломбардія, а въ октябрѣ пала и мятежная столица имперіи, Вѣна. Въ началѣ 1849 г. былъ распущенъ и собранный для выработки конституціи государственный сеймъ, въ которомъ оказалось очень труднымъ столковаться отдѣльнымъ національностямъ Австріи. Правда, правительство объявило свою конституцію, но лишь для того, чтобы ее почти сейчасъ же и отмѣнить. Вскорѣ за октябрьскимъ подавленіемъ революціи въ Вѣнѣ послѣдовало и подавленіе революціи въ Берлинѣ, именно въ началѣ ноября 1848 г. И здѣсь національное собраніе было распущено, но конституцію Пруссія все-таки отъ своего короля получила (1850). Наконецъ, весною и лѣтомъ 1849 г. были подавлены демократическія и республиканскія вспышки во второстепенныхъ государствахъ Германіи, и тогда же насильственно были окончены дни франкфуртскаго парламента, задавшагося-было цѣлью объединить Германію при помощи общей имперской конституціи.

Въ Венгріи и въ Италія революція была побѣждена въ 1849 г. Въ первой изъ этихъ странъ Австрія справилась съ мятежными подданными, лишь благодаря рус-

ской арміи, пришедшей къ ней на помощь: въ августѣ произошла сдача главныхъ силъ венгерскихъ русскому полководцу, и Венгрія должна была подчиниться безусловно законному правительству. Въ Италіи репрессія началась еще раньше—съ мая 1848 г. Уже лѣтомъ этого года австрійцы были снова господами Ломбардіи, которой суждено было потерпѣть потомъ и новую неудачу весною слѣдующаго года. Въ Средней Италіи еще держались нѣкоторое время республики—въ Тосканѣ и въ Римѣ, но и онѣ были отмѣнены, причемъ задача уничтоженія республики въ Римѣ выпала на долю Франціи, въ которой реакція все сильнѣе и сильнѣе пускала корни. Во всей Италіи былъ возстановленъ прежній абсолютизмъ, кромѣ одного лишь Сардинскаго королевства, сохранившаго (даже послѣ своего пораженія въ борьбѣ съ Австріей) ту конституцію, которую получило въ 1848 г.

XIII. Общій взглядъ на реакцію пятидесятыхъ годовъ XIX вѣка [1]).

1. Повсемѣстная побѣда консервативныхъ силъ около 1850 г.—2. Роль второй французской имперіи въ эту эпоху. — 3. Реакція въ Германіи и въ Италіи.—4. Клерикальная окраска реакціи пятидесятыхъ годовъ.

---

1. Пятидесятые годы на Западѣ были эпохой общей реакціи, во многомъ напоминающей реакцію послѣ 1815 г.

---

[1]) Исторія Западной Европы въ новое время, томъ V, гл. 25 (Общая реакція пятидесятыхъ годовъ).

— Для элементарныхъ фактическихъ справокъ „Учебная книга новой исторіи“: § 316. Международныя отношенія въ серединѣ XIX в.—§ 320. Преобладаніе Франціи.—§ 325. Германія въ пятидесятыхъ годахъ.—§ 334. Внутренній бытъ Франціи при Наполеонѣ III.

Къ 1850 г. революція была повсемѣстно побѣждена—во Франціи, въ Италіи, въ Австріи съ ея нѣмецкими и не-нѣмецкими землями, въ Пруссіи, во всей остальной Германіи. Великія цѣли, которыя поставилъ себѣ 1848 годъ, не осуществились, и вездѣ,—гдѣ и какъ только оказывалось возможнымъ,—возстановлялись прежніе порядки и отношенія. Побѣда была повсемѣстно на сторонѣ консервативныхъ силъ. Отдѣльныя правительства выступили съ репрессивными мѣрами и противъ политическихъ движеній съ ихъ демократизмомъ (а иногда и республиканизмомъ), и противъ соціальныхъ стремленій, волновавшихъ городской пролетаріатъ, и противъ, наконецъ, стремленій національныхъ, осуществленіе которыхъ противорѣчило консервативной политикѣ поддержанія трактатовъ 1815 г. Двѣ большія націи—нѣмецкая и итальянская—остались, послѣ всѣхъ бурь 1848—49 гг., въ томъ положеніи, въ какое ихъ поставилъ вѣнскій конгрессъ, т.-е. остались раздробленными и обезсиленными, но зато восторжествовалъ принципъ легитимизма, который игралъ такую видную роль и въ эпоху первой общей реакціи XIX в. Политическое движеніе предыдущаго періода разрѣшилось установленіемъ во Франціи наполеоновскаго цезаризма, возвращеніемъ Австріи къ абсолютизму, возвращеніемъ къ нему и всей Италіи, и изъ новыхъ конституцій, которыя были обязаны своимъ происхожденіемъ 1848 году, удержались только сардинская да прусская, обѣ, однако, отразившія на себѣ послѣдовавшую затѣмъ реакцію. Политическій радикализмъ и соціализмъ, игравшіе столь видную роль въ событіяхъ 1848 года, сблизили съ правительственной реакціей имущіе классы общества, и консервативная политика, которая отсюда вытекала, въ свою очередь, мѣшала разрѣшенію національныхъ задачъ, поставленныхъ все тѣмъ же 1848 го-

домъ. Реакція пятидесятыхъ годовъ, какъ и реакція послѣ 1815 г., была и правительственною, и общественною, тогда какъ реакція послѣ 1830 г. главнымъ образомъ только правительственною, и какъ представители власти, такъ и общество объединялись общею борьбою противъ „враговъ собственности, порядка и религіи", какъ принято было тогда выражаться о побѣжденномъ лагерѣ. Вся задача консервативной политики опредѣлялась затѣмъ единственно желаніемъ консолидировать побѣду и предостеречь государство и общественный строй отъ повторенія страшнаго 1848 года.

2. Какъ прежде во главѣ революціоннаго движенія, такъ теперь и во главѣ движенія репрессивнаго стояла Франція. Новое правительство, въ челѣ котораго сталъ наслѣдникъ цезаристической традиціи первой имперіи, главную опору свою полагало въ двухъ силахъ—въ арміи и въ духовенствѣ. И въ самой Франціи, равно какъ и внѣ ея, сначала не вѣрили въ прочность этого правительства и опасались возобновленія революціи со всѣми ея опасными для внутренняго порядка и внѣшняго мира послѣдствіями, когда же принцъ-президентъ республики произвелъ свой знаменитый государственный переворотъ 2 декабря 1851 г. и особенно послѣ того, какъ годъ спустя новая власть, явившаяся результатомъ этого переворота, возстановила во Франціи монархическое правленіе, консервативные элементы общества не въ одной Франціи почувствовали себя вполнѣ обезпеченными противъ демагогическихъ замысловъ, хотя бы, съ другой стороны, и было опасеніе, что возобновленіе наполеоновскихъ традицій во Франціи станетъ угрозой международному миру и прочности трактатовъ 1815 г. Какъ бы тамъ ни было, новый французскій властелинъ являлся въ глазахъ реакціонно настроенныхъ политическихъ круговъ „спасителемъ общества", глав-

Къ 1850 г. революція была повсемѣстно побѣждена—во Франціи, въ Италіи, въ Австріи съ ея нѣмецкими и не-нѣмецкими землями, въ Пруссіи, во всей остальной Германіи. Великія цѣли, которыя поставилъ себѣ 1848 годъ, не осуществились, и вездѣ,—гдѣ и какъ только оказывалось возможнымъ,—возстановлялись прежніе порядки и отношенія. Побѣда была повсемѣстно на сторонѣ консервативныхъ силъ. Отдѣльныя правительства выступили съ репрессивными мѣрами и противъ политическихъ движеній съ ихъ демократизмомъ (а иногда и республиканизмомъ), и противъ соціальныхъ стремленій, волновавшихъ городской пролетаріатъ, и противъ, наконецъ, стремленій національныхъ, осуществленіе которыхъ противорѣчило консервативной политикѣ поддержанія трактатовъ 1815 г. Двѣ большія націи—нѣмецкая и итальянская—остались, послѣ всѣхъ бурь 1848—49 гг., въ томъ положеніи, въ какое ихъ поставилъ вѣнскій конгрессъ, т.-е. остались раздробленными и обезсиленными, но зато восторжествовалъ принципъ легитимизма, который игралъ такую видную роль и въ эпоху первой общей реакціи XIX в. Политическое движеніе предыдущаго періода разрѣшилось установленіемъ во Франціи наполеоновскаго цезаризма, возвращеніемъ Австріи къ абсолютизму, возвращеніемъ къ нему и всей Италіи, и изъ новыхъ конституцій, которыя были обязаны своимъ происхожденіемъ 1848 году, удержались только сардинская да прусская, обѣ, однако, отразившія на себѣ послѣдовавшую затѣмъ реакцію. Политическій радикализмъ и соціализмъ, игравшіе столь видную роль въ событіяхъ 1848 года, сблизили съ правительственной реакціей имущіе классы общества, и консервативная политика, которая отсюда вытекала, въ свою очередь, мѣшала разрѣшенію національныхъ задачъ, поставленныхъ все тѣмъ же 1848 го-

домъ. Реакція пятидесятыхъ годовъ, какъ и реакція послѣ 1815 г., была и правительственною, и общественною, тогда какъ реакція послѣ 1830 г. главнымъ образомъ только правительственною, и какъ представители власти, такъ и общество объединялись общею борьбою противъ „враговъ собственности, порядка и религіи", какъ принято было тогда выражаться о побѣжденномъ лагерѣ. Вся задача консервативной политики опредѣлялась затѣмъ единственно желаніемъ консолидировать побѣду и предостеречь государство и общественный строй отъ повторенія страшнаго 1848 года.

2. Какъ прежде во главѣ революціоннаго движенія, такъ теперь и во главѣ движенія репрессивнаго стояла Франція. Новое правительство, въ челѣ котораго сталъ наслѣдникъ цезаристической традиціи первой имперіи, главную опору свою полагало въ двухъ силахъ—въ арміи и въ духовенствѣ. И въ самой Франціи, равно какъ и внѣ ея, сначала не вѣрили въ прочность этого правительства и опасались возобновленія революціи со всѣми ея опасными для внутренняго порядка и внѣшняго мира послѣдствіями. когда же принцъ-президентъ республики произвелъ свой знаменитый государственный переворотъ 2 декабря 1851 г. и особенно послѣ того, какъ годъ спустя новая власть, явившаяся результатомъ этого переворота, возстановила во Франціи монархическое правленіе, консервативные элементы общества не въ одной Франціи почувствовали себя вполнѣ обезпеченными противъ демагогическихъ замысловъ, хотя бы, съ другой стороны, и было опасеніе, что возобновленіе наполеоновскихъ традицій во Франціи станетъ угрозой международному миру и прочности трактатовъ 1815 г. Какъ бы тамъ ни было, новый французскій властелинъ являлся въ глазахъ реакціонно настроенныхъ политическихъ круговъ „спасителемъ общества", глав-

нымъ оплотомъ противъ революціи. Вотъ почему государственный переворотъ 1851 г. привѣтствовался отдѣльными правительствами, какъ событіе, необыкновенно счастливое. Внутри Франціи оно знаменовало полную побѣду реакціонныхъ силъ націи, къ совершенному паденію политической свободы въ этой странѣ,—свободы, которая, какъ-никакъ, все-таки была обезпечена и въ эпоху реставраціи, и при іюльской монархіи. Вторая имперія почти сразу заняла въ Европѣ позицію державы, задающей тонъ политической жизни, особенно послѣ того, какъ съ успѣхомъ для себя, въ эпоху восточной войны 1853—56 гг., возобновила военную политику первой имперіи.

3. Въ числѣ государствъ, съ особенною радостью привѣтствовавшихъ наполеоновскій государственный переворотъ, одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежало Австріи. Уже въ послѣдніе годы іюльской монархіи во Франціи и меттерниховскаго режима въ Австріи между правительствами обѣихъ странъ установилась, какъ мы видѣли, солидарность въ дѣлѣ противодѣйствія демократическимъ движеніямъ въ сосѣднихъ странахъ. 1848 годъ разстроилъ этотъ союзъ, но едва въ слѣдующемъ году реакція успѣла съ достаточною ясностью обнаружить свою силу, какъ именно совокупнымъ мѣропріятіямъ французскаго и австрійскаго правительствъ удалось подавить революцію въ Италіи. Это возвратило Австріи ея прежнее положеніе въ Италіи, созданное вѣнскимъ конгрессомъ, какъ одновременно вернулось и преобладаніе Австріи въ Германіи, созданное тѣмъ же конгрессомъ. Въ послѣднемъ отношеніи существенную помощь вѣнскій дворъ получилъ отъ Россіи, которая не только возвратила подъ власть династіи Габсбурговъ мятежную Венгрію, но и подчинила политическимъ видамъ вѣнскаго правительства Пруссію, мечтавшую играть въ Германіи болѣе самостоя-

тельную роль въ ущербъ прежнему положенію Австріи. Побѣда реакціи въ Германіи и въ Италіи въ духѣ старыхъ австрійскихъ традицій была по всей линіи, причемъ лозунгомъ репрессіи въ Германіи было возвращеніе по возможности къ „до-мартовскимъ" порядкамъ. Однимъ изъ признаковъ этой побѣды было усиленіе эмиграціи политическихъ дѣятелей предыдущаго періода и вообще недовольныхъ реакціоннымъ направленіемъ внутренней политики какъ изъ Италіи, такъ и изъ Германіи. Не всѣмъ изгнанникамъ удавалось, вдобавокъ, найти пріютъ въ Швейцаріи или въ Бельгіи, и только Англія давала всѣмъ бѣглецамъ безопасное убѣжище, а многіе уѣзжали даже въ Америку. Въ этой эмиграціи участвовали также многочисленные представители побѣжденныхъ партій и изъ Франціи, и изъ Венгріи, и изъ Польши и т. п., но въ общемъ политическіе выходцы въ теченіе всѣхъ пятидесятыхъ годовъ были обречены на вынужденное бездѣйствіе, такъ какъ положеніе дѣлъ повсемѣстно было крайне неблагопріятнымъ для какихъ бы то ни было новыхъ предпріятій. Тѣмъ не менѣе и въ Италіи, и въ Германіи все-таки исподволь подготовлялось національное объединеніе, и то обстоятельство, что въ первой Сардинія, во второй Пруссія не отмѣнили у себя, какъ это дѣлалось въ другихъ мѣстахъ, введенныя въ 1848—50 гг. конституціи, уже опредѣляло будущую роль обоихъ государствъ въ дѣлѣ итальянскаго и германскаго объединенія.

4. Политическая и тѣсно съ нею соединявшаяся соціальная реакція 50-тыхъ годовъ, имѣвшая въ однихъ случаяхъ характеръ феодальный, въ другихъ—буржуазный, приняла еще повсемѣстно рѣзкую клерикальную окраску и притомъ одинаково, какъ въ католическихъ, такъ и въ протестантскихъ странахъ,—больше, конечно, въ католическихъ, меньше въ протестантскихъ. Въ первой по-

ловинѣ XIX в. въ самомъ католицизмѣ обнаруживались нѣкоторыя новыя стремленія подъ вліяніемъ не только либерализма и демократическихъ движеній эпохи, но даже и соціализма. Съ другой стороны, и въ революціи 1848 г. видную роль играли принципы невмѣшательства духовной власти въ свѣтскія дѣла и свободы церкви отъ государственной опеки. Послѣ подавленія революціи католицизмъ, очистившись отъ постороннихъ примѣсей, возвратился къ традиціямъ строгой реакціи, и какъ правительства, такъ и господствующіе классы стали смотрѣть на церковь, какъ на самую прочную опору консервативныхъ интересовъ. Папа Пій IX, который въ годы, непосредственно предшествовавшіе революціи, съумѣлъ возбудить либеральныя надежды, сдѣлался послѣ 1848 г. отчаяннымъ реакціонеромъ. Революція лишила его на время свѣтской власти, реакція ему ее вернула, и онъ, не ограничившись возстановленіемъ прежнихъ порядковъ въ Папской области, занялся реставраціей и духовнаго владычества надъ свѣтскимъ обществомъ, объявивъ настоящую войну всему духу новѣйшаго времени. Настроеніе правительствъ и правящихъ классовъ послѣ 1848 г. тоже представляло собою благопріятную почву для реставраціи католицизма въ его чисто средневѣковыхъ преданіяхъ и проявленіяхъ. Папская энциклика 1849 г. рекомендовала видѣть въ духовной власти папы спасительницу отъ всякихъ революцій, особенно же отъ пагубныхъ ученій соціализма и коммунизма. Черезъ пять лѣтъ личною своею властью Пій IX провозгласилъ новый догматъ католической церкви. Это направленіе продолжалось и въ шестидесятыхъ годахъ, въ знаменитомъ „Силлабусѣ“ (1864), осуждавшемъ всю новую европейскую цивилизацію во имя чисто средневѣковыхъ началъ, и въ провозглашеніи папской непогрѣшимости на ватиканскомъ

соборѣ 1869—70 г. Никогда въ теченіе всего XIX в. католицизмъ не занималъ такой боевой позиціи, какъ въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, и даже послѣ 1814 г. онъ не выступалъ такъ рѣзко противъ всѣхъ пріобрѣтеній человѣческой мысли и общественной жизни съ конца среднихъ вѣковъ. Это—одна изъ характернѣйшихъ чертъ реакціи, наступившей послѣ 1848 г.

На силу клерикальной реакціи въ пятидесятыхъ годахъ указываютъ и многіе акты законодательства въ разныхъ странахъ. Въ 1850 г. французское законодательное собраніе признало законъ, отдававшій въ руки духовенства народное образованіе въ странѣ, къ чему клерикалы тщетно стремились при конституціонной монархіи. Въ 1851 г. курія заключила конкордатъ съ Испаніей, формально запрещавшій въ послѣдней всякую иную религію, кромѣ католической, тоже отдававшій народное образованіе во власть клира и поручавшій ему надзоръ за изданіемъ, ввозомъ и обращеніемъ, вредныхъ книгъ. Особый интересъ представляетъ австрійскій конкордатъ 1855 г. Отношенія между государствомъ и церковью опредѣлялись въ монархіи Габсбурговъ законодательствомъ, наиболѣе существенныя черты котораго вели свое происхожденіе изъ эпохи просвѣщеннаго абсолютизма, когда государство стремилось всячески стѣснять курію и клиръ; такъ было вообще до 1848 г., даже при Меттернихѣ. Ища союзниковъ въ борьбѣ съ либерализмомъ и съ національными стремленіями подданныхъ, австрійское правительство рѣшилось идти на уступки по отношенію къ папству и къ мѣстному духовенству, и послѣдніе слѣды церковнаго законодательства Іосифа II, проникнутаго идеями просвѣщеннаго абсолютизма, были принесены въ жертву потребностямъ реакціонной политики. Школа и печать такимъ образомъ и здѣсь были

отданы подъ опеку духовенства. Папству удалось даже добиться разныхъ уступокъ въ пользу католической церкви въ протестантскихъ странахъ — въ Англіи, въ Нидерландскомъ королевствѣ и особенно въ Пруссіи, гдѣ въ предыдущемъ періодѣ правительство, наоборотъ, особенно энергично отстаивало свѣтское законодательство отъ притязаній католическаго духовенства.

Реакціонный католицизмъ середины XIX в. нашелъ отголоски и въ протестантскомъ мірѣ, гдѣ уже раньше намѣчалось теологическое направленіе, крайне враждебное всѣмъ прогрессивнымъ идеямъ. Протестантскія правительства стали оказывать ему всякое покровительство и содѣйствіе, но это не мѣшало крайнимъ представителямъ протестантскаго клерикализма становиться на сторону католической іерархіи, когда она приходила въ столкновеніе съ государственною властью, отнюдь не поддерживать послѣднюю. Послѣ 1848 г. протестантское духовенство какъ бы прямо пошло по стопамъ католическаго клира съ цѣлью подчинить своему вліянію и правительственную власть, и свѣтское общество. Въ Пруссіи, напр., всѣ низшія школы въ 1854 г. получили строго вѣроисповѣдный характеръ и были подчинены бдительному надзору духовенства.

Политическія теоріи реакціи также были проникнуты строго теологическимъ характеромъ, противополагая человѣческой волѣ, какъ источнику всякихъ революцій, волю божественную, требующую ненарушимости разъ установленнаго порядка.

XIV. Оживленіе политическихъ и соціальныхъ стремленій въ шестидесятыхъ годахъ XIX вѣка [1]).

1. Конецъ остраго періода реакціи. — 2. Конституціонныя движенія въ шестидесятыхъ годахъ.—3. Одновременное возрожденіе соціальнаго движенія въ Англіи, во Франціи и въ Германіи.—4. Попытка внесенія международности въ это движеніе.

1. Концомъ остраго періода реакціи, вызванной революціонной бурей 1848 г., нужно считать 1859 годъ, а въ шестидесятыхъ годахъ XIX в. уже происходитъ оживленіе политическихъ и соціальныхъ стремленій, хотя и въ болѣе умѣренныхъ формахъ, нежели въ исходѣ сороковыхъ годовъ.

Въ 1858 г. Франція заключила союзъ съ Сардиніей противъ Австріи, результатомъ котораго была война 1859 г., положившая начало объединенію Италіи. Съ одной стороны, этотъ союзъ разссорилъ французское правительство съ духовенствомъ, которое относилось неблагосклонно къ итальянскому національному движенію, какъ къ заключавшему въ себѣ опасность для свѣтской власти папы [2]), и какъ къ порожденію революціи, а ссора эта, въ свою очередь, мало-по-малу должна была принудить французскаго императора искать иныхъ опоръ въ обществѣ, помимо духовенства. Съ другой стороны, разгромъ Австріи въ войнѣ 1859 г., приведшій къ потерѣ Ломбардіи, заставилъ вѣнское правительство подумать о

[1]) Исторія Западной Европы въ новое время, томъ V, гл. 31 (Соціальное движеніе пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ).

[2]) Въ составъ объединенной Италіи, дѣйствительно, вошла часть папскихъ владѣній.

внутреннихъ реформахъ, безъ которыхъ габсбургская монархія должна была, такъ сказать, катиться по наклонной плоскости къ полному упадку. Въ одно время съ этимъ наступила „новая эра“ и въ Пруссіи съ переходомъ власти къ принцу-регенту за душевною болѣзнью короля Фридриха-Вильгельма IV. Такимъ образомъ въ четырехъ большихъ странахъ европейскаго контитента, т.-е. во Франціи и въ Италіи, въ Австріи и въ Пруссіи произошли нѣкоторыя перемѣны, которыя знаменовали наступленіе новой эпохи послѣ господства безпросвѣтной реакціи пятидесятыхъ годовъ. Сами правительства взялись теперь за разрѣшеніе политическихъ и національныхъ задачъ, поставленныхъ народными движеніями 1848 г., съ тою только разницею, что для достиженія своихъ цѣлей стали искать опоры не въ демократіи, а въ умѣренномъ либерализмѣ. Отношеніе правительствъ къ демократіи оставалось попрежнему неблагосклоннымъ, подозрительнымъ, хотя и обращеніе къ либерализму тоже не обозначало собою полнаго отказа отъ реакціи. Во всякомъ случаѣ, однако, это уже не была прежняя политика полнаго игнорированія общественныхъ требованій и безусловно упорнаго подавленія всѣхъ новыхъ стремленій. На первыхъ порахъ оживленіе политическихъ и соціальныхъ движеній едва давало себя сколько-нибудь замѣтно знать, но и этого было достаточно, чтобы демократическія партіи, побитыя въ 1848—49 гг., тоже начали выходить изъ того состоянія бездѣйствія, на какое были обречены успѣхами реакціи въ началѣ пятидесятыхъ годовъ. Соціальный вопросъ, считавшійся похороненнымъ въ пятидесятыхъ годахъ, тоже мало-по-малу сдѣлался предметомъ общественнаго вниманія. Въ исторіи общественнаго развитія Западной Европы пятидесятые годы были, собственно говоря, эпохою передышки послѣ на-

пряженной дѣятельности предшествовавшаго періода, и вотъ въ 1859 г. прерванная работа какъ бы снова начиналась, только не съ такимъ широкимъ идейнымъ захватомъ, какимъ отличаются тридцатые и особенно сороковые годы. Собственно, въ шестидесятыхъ годахъ на Западѣ мы не наблюдаемъ появленія какихъ-либо новыхъ творческихъ началъ,—ими обильны были именно тридцатые и сороковые годы,—но все-таки кое-что изъ того, что въ 1848 г. оказалось несбыточною мечтою, стало теперь входить въ жизнь, хотя бы и въ сильно урѣзанномъ, искаженномъ видѣ.

2. Шестидесятые годы съ концомъ предыдущаго и началомъ слѣдующаго десятилѣтій (1859—1871) были временемъ объединенія Италіи и Германіи, о чемъ у насъ будетъ еще идти рѣчь впереди. Здѣсь нужно только отмѣтить, что въ обоихъ случаяхъ національное объединеніе совершалось въ конституціонныхъ формахъ. Реакція пятидесятыхъ годовъ была крайне неблагопріятна для конституціонныхъ перемѣнъ; совсѣмъ уже другое дѣло—шестидесятые годы. Сардинія, взявшая на себя роль объединительницы Италіи, одна изъ всѣхъ итальянскихъ государствъ, сохранила у себя конституцію, которую получила въ 1848 г., да и вообще придерживалась болѣе либеральной политики, въ культурномъ отношеніи характеризующейся противодѣйствіемъ клерикализму, въ экономическомъ—подражаніемъ Англіи съ ея широкимъ и свободнымъ развитіемъ промышленности. Когда въ началѣ шестидесятыхъ годовъ бо̀льшая часть Италіи объединилась подъ властью Савойскаго дома, царствовавшаго въ Сардиніи, конституція, утвердившаяся въ послѣдней, распространилась и на другія области Италіи, какія только вошли въ составъ новаго королевства.

Объединительное движеніе въ Германіи тоже было

связано съ введеніемъ конституціонныхъ реформъ, хотя дѣло шло не безъ колебаній и отклоненій въ сторону. Въ 1848—49 гг. объединенная Германія рисовалась патріотамъ не иначе, какъ съ имперской конституціей, выработанной франкфуртскимъ парламентомъ, но затѣмъ совершилось возстановленіе прежняго Германскаго союза, и нѣмецкая конституція 1849 г. сдѣлалась лишь символомъ либеральныхъ стремленій, едва осмѣливавшихся проявляться въ пятидесятыхъ годахъ, но рѣзко выступившихъ на сцену въ шестидесятыхъ. Роль Сардиніи по отношенію къ Италіи взяла на себя здѣсь Пруссія, подобно Сардиніи сохранившая конституцію, которая и въ ней была наслѣдствомъ революціонной бури 1848 г. (хотя издана она была въ 1850 г.). Знаменательно, однако, что, готовясь выступить въ роли объединительницы Германіи, Пруссія у себя дома переживала пору рѣзкаго конфликта между правительствомъ и народнымъ представительствомъ,—періодъ цѣлаго ряда нарушеній конституціи представителями государственной власти. Въ концѣ концовъ конституція все-таки удержалась, а когда Пруссія совершила объединеніе подъ своею гегемоніей всей сѣверной Германіи въ формѣ особаго союза, то онъ получилъ конституцію, гораздо болѣе либеральную и демократическую, чѣмъ та, которая была въ самой Пруссіи. Это было въ 1867 г., а въ 1871 г. конституція Сѣверо-Германскаго союза сдѣлалась конституціей и теперешней Германской имперіи.

Австрія, выбитая въ 1859 и 1866 гг. и изъ Италіи, и изъ Германіи, равнымъ образомъ въ эту же эпоху перешла къ политической свободѣ. Уже въ 1860 г. она получила конституцію, но потомъ, правда, наступилъ періодъ колебаній, и только въ 1867 г. въ монархіи Габсбурговъ, превратившейся тогда въ нынѣшнюю Австро-

Венгрію, упрочилась та конституція, на основаніи которой дуалистическая монархія управляется и доселѣ.

Для большей полноты обзора отмѣтимъ, что и въ наполеоновской Франціи съ 1860 г. начались конституціонныя измѣненія, которыя подъ конецъ привели къ опыту съ такъ называемой „либеральной имперіей". Опытъ оказался неудачнымъ, но и его нужно поставить на счетъ шестидесятыхъ годовъ, какъ эпохи оживленія въ Западной Европѣ политической свободы. Въ исходѣ этого же десятилѣтія и Англія произвела свою вторую парламентскую реформу послѣ тридцати пятилѣтняго перерыва, въ теченіе котораго никакія усилія болѣе либеральныхъ дѣятелей и въ особенности демократической партіи не могли заставить правящіе классы внести новыя измѣненія въ порядокъ, созданный реформой 1832 г.

Исполненіе шестидесятыхъ годовъ далеко отставало отъ замысловъ сороковыхъ. Сравнительно съ эпохою іюльской монархіи политическій режимъ Франціи шестидесятыхъ годовъ былъ даже шагомъ назадъ. Германская конституція 1849 г. тоже не была вполнѣ достигнута ни союзнымъ устройствомъ 1867 г., ни имперскимъ устройствомъ 1871 г. Наконецъ, и парламентская реформа 1867 г. въ Англіи далеко не осуществляла требованій, заявлявшихся чартистами еще въ концѣ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ. Все это такъ, но стòитъ только сопоставить шестидесятые годы съ пятидесятыми, и тогда выводъ получится другой.

3. Особенно, въ послѣднемъ отношеніи, значеніе шестидесятыхъ годовъ въ исторіи Западной Европы выясняется при самомъ даже бѣгломъ взглядѣ на судьбы соціальнаго движенія. Въ 1848 г. оно болѣе всего напугало буржуазію, которая стала искать спасенія въ сильной власти

противъ соціальнаго переворота, и съ своей стороны, правительства, вообще враждебно относившіяся къ какимъ бы то ни было политическимъ движеніямъ, принимали особенно строгія мѣры противъ соціализма и рабочихъ организацій. Успѣхъ въ борьбѣ съ ними былъ, повидимому, полный, и нѣкоторые даже говорили, что соціализмъ скончался и что вспоминать его можно лишь на заупокойныхъ о немъ службахъ. Такъ прошли пятидесятые годы, и потому, когда въ шестидесятыхъ годахъ произошло возрожденіе соціализма, это явленіе многими было принято за фактъ совершенно новый. Среди самихъ соціалистовъ въ пятидесятыхъ годахъ образовался взглядъ, весьма неблагопріятный для мысли о возобновленіи соціальнаго движенія: по этому взгляду, причиною революціи 1848 г. былъ всемірный торговый кризисъ 1847 г., причиною реакціи — наступившее затѣмъ процвѣтаніе промышленности, прекратившее острыя бѣдствія пролетаріата. Нельзя утвердительно сказать, чтобы объясненіе было исчерпывающе вѣрнымъ,—какъ трудно къ аналогической же причинѣ свести цѣликомъ и переломъ въ европейской политикѣ, имѣвшій мѣсто въ 1859 г.,—но во всякомъ случаѣ оно подрывало вѣру многихъ если не въ свои идеи, то, по крайней мѣрѣ, въ возможность скораго ихъ осуществленія. Остальное сдѣлали преслѣдованія, запрещенія всякихъ собраній и союзовъ рабочихъ и самыя суровыя мѣры противъ проповѣди соціальныхъ идей въ печати.

Одновременно съ политическими движеніями оживилось въ шестидесятыхъ годахъ и соціальное, получившее въ разныхъ странахъ разный характеръ, хотя, съ другой стороны, нѣкоторыя страны въ шестидесятыхъ годахъ имъ не были еще затронуты, наприм., Италія. (Конечно, объясненія этого послѣдняго факта слѣдуетъ

искать вообще въ слабомъ промышленномъ развитіи подобныхъ странъ). Разсмотримъ вкратцѣ соціальное движеніе шестидесятыхъ годовъ въ Англіи, во Франціи и въ Германіи.

Послѣ неудачи, постигшей чартистскую агитацію, англійскій пролетаріатъ прекратилъ свои революціонныя попытки. Главною причиною этого было улучшеніе матеріальнаго быта рабочихъ Англіи, которое само являлось результатомъ промышленной монополіи, доставшейся въ удѣлъ этому государству. Англія въ своемъ экономическомъ развитіи страшно обогнала всѣ другія страны и заполонила своими товарами всѣ рынки, такъ что конкуррировать съ нею никому не было подъ силу. Въ 1846 г. изъ Англіи вывозилось товаровъ на сумму, ни въ коемъ случаѣ не превышавшую 60 милліоновъ фунтовъ; къ 1856 г. эта цифра уже почти вдвое стала большей (около 115 милліоновъ), а къ 1866 г. даже болѣе, чѣмъ утроилась (около 190 милліоновъ). Были, кромѣ господства страны на внѣшнихъ рынкахъ, и другія причины улучшенія быта англійскихъ рабочихъ (наприм., фабричное законодательство), но отъ какихъ бы причинъ оно ни происходило, оно вносило успокоеніе въ народную массу. Отсюда—стремленіе въ дальнѣйшемъ улучшать свое положеніе въ рамкахъ современнаго капиталистическаго хозяйства, разъ оно обезпечиваетъ хорошій заработокъ, именно путемъ самопомощи и профессіональныхъ союзовъ. Предприниматели, съ своей стороны, поняли выгоду и для себя въ этомъ кооперативномъ движеніи, увидѣвъ въ рабочихъ союзахъ лучшую охрану противъ революціонныхъ попытокъ и понявъ, что полюбовное разбирательство споровъ между предпринимателями и рабочими можетъ предотвращать гибельныя для промышленности стачки. Все это дѣлало

въ Англіи популярною идею „соціальнаго мира“, могущаго прекратить классовую борьбу. Эпохой выработки рабочихъ союзовъ были еще пятидесятые годы, а въ шестидесятыхъ началось ихъ объединеніе въ болѣе широкія организаціи. Англійскій „трэдъ-юніонизмъ“, какъ его называютъ, былъ вообще проникнутъ идеями либеральной буржуазіи о полной свободѣ рабочаго договора и о невмѣшательствѣ государства въ отношенія капитала и труда и вмѣстѣ съ тѣмъ далеко держался отъ всякой политики. Въ теоріи, однако, ученіе о государственномъ невмѣшательствѣ въ экономическую жизнь было въ Англіи въ это время уже поколеблено, собственно говоря, еще въ концѣ сороковыхъ годовъ Миллемъ, который, какъ извѣстно, сочеталъ въ своемъ экономическомъ ученіи принципы ортодоксальной школы съ соціалистическими требованіями.

Во Франціи, наоборотъ, все это время безраздѣльно господствовали воззрѣнія какъ-разъ старой экономической школы, и единственнымъ виднымъ писателемъ, нападавшимъ на эти воззрѣнія, былъ Прудонъ. Лишь ему одному равнымъ образомъ удалось въ шестидесятыхъ годахъ оказать значительное вліяніе на французскихъ рабочихъ. Послѣдніе, правда, не всегда его слушались, какъ не послушались, наприм., его совѣта совсѣмъ не голосовать на выборахъ, но его теорія „мутуализма“ производила сильное впечатлѣніе среди пролетаріата,—именно тотъ взглядъ, что взаимный обмѣнъ услугъ долженъ быть добровольнымъ, т.-е. основываться исключительно на обоюдномъ соглашеніи, и что лишь одно такое соглашеніе должно быть основою не только экономической, но и политической организаціи. Мутуализмъ поощрялъ основаніе всякихъ ассоціацій, кассъ, столовыхъ и т. п. и отвлекалъ отъ политики, пока въ самомъ концѣ

второй имперіи не началось во Франціи республиканско-демократическое движеніе, увлекшее мало-по-малу и рабочихъ подъ знамена воинствующаго соціализма.

Въ Англіи и во Франція связующими звеньями между буржуазіей и пролетаріатомъ были чартизмъ и радикализмъ. Въ Германіи такимъ связующимъ звеномъ еще въ 1848 г. былъ республиканизмъ, но онъ былъ совершенно побѣжденъ въ 1849 г., и когда въ странѣ началось общее оживленіе общественной жизни, рабочіе, лишенные всякой связи съ буржуазной демократіей, тотчасъ же основали свою особую политическую партію. Это было въ 1863 г., введеніе же въ 1867 г. въ Сѣверо-Германскомъ союзѣ всеобщаго избирательнаго права дало возможность рабочей партіи получить вполнѣ самостоятельное значеніе въ политической жизни націи, чего мы не видимъ ни въ Англіи, ни во Франціи, гдѣ рабочіе или сторонились отъ политики, или участвовали въ политической жизни лишь въ составѣ радикальной демократіи, объединявшей и буржуазные, и пролетарскіе элементы. Такимъ образомъ въ Германіи одновременно съ національнымъ объединеніемъ совершалось соціальное разъединеніе, — фактъ громадной важности въ исторіи самой нѣмецкой націи, а по своему вліянію въ слѣдующемъ періодѣ равнымъ образомъ и вообще въ исторіи соціальнаго движенія въ ближайшія къ намъ времена. Притомъ германская соціальная демократія въ лицѣ Маркса пріобрѣла въ это время такого крупнаго теоретика, какого не выставило соціальное движеніе ни во Франціи, ни въ Англіи. Настоящимъ организаторомъ рабочей партіи въ Германіи явился, однако, не онъ, а Лассаль, который притомъ придалъ этой партіи чисто національный характеръ, т.-е. ограничивалъ ея дѣятельность одною своею родиною, тогда какъ Марксъ стоялъ

въ этомъ отношеніи на международной, космополитической точкѣ зрѣнія.

4. Въ шестидесятыхъ же годахъ возродилась идея международности соціальной демократіи, уже высказанная въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“ 1848 г. Къ этому именно времени относится и возникновеніе Международнаго Общества рабочихъ, болѣе извѣстнаго подъ названіемъ „Интернаціонала“. Иниціатива этой организаціи вышла изъ англійскаго трэдъ-юніонизма, но мыслью, зародившеюся у руководителей англійскихъ рабочихъ союзовъ, воспользовались вожди лондонской политической эмиграціи въ цѣляхъ возобновленія союза коммунистовъ второй половины сороковыхъ годовъ. Сущность дѣла заключалась въ томъ, что, вступая между собою въ общеніе, англійскіе трэдъ-юніоны пришли къ мысли установить солидарность и съ рабочими другихъ странъ для отстаиванія общихъ интересовъ въ борьбѣ съ предпринимателями, безъ всякаго притомъ отношенія къ политикѣ. Пріѣздъ на лондонскую всемірную выставку 1862 г. многихъ рабочихъ изъ Франціи, Бельгіи и Германіи далъ первый толчекъ этому дѣлу, въ которомъ первую роль послѣ англійскихъ трэдъ-юніонистовъ играли французскіе мутуалисты, ибо это былъ періодъ наибольшаго вліянія Прудона среди французскихъ рабочихъ. Очень скоро, однако, къ предпріятію примкнули политическіе эмигранты и между ними прежде всего Мадзини, старый иниціаторъ „Молодой Италіи“, изъ которой когда-то выросла „Молодая Европа“, и Марксъ, уже за пятнадцать лѣтъ передъ тѣмъ совѣтовавшій соединеніе пролетаріевъ всѣхъ странъ. Окончательно Интернаціоналъ организовался въ 1866 г., когда былъ и первый его конгрессъ въ Женевѣ. Съ каждымъ новымъ съѣздомъ эта организація все болѣе и болѣе пріобрѣтала политиче-

скій характеръ, и, между прочимъ, особенно много сторонниковъ нашла она среди французскихъ рабочихъ, которые дѣятельно хлопотали о развитіи ея французскаго отдѣленія. Интернаціоналъ просуществовалъ всего одно десятилѣтіе: прекращенію его содѣйствовали, съ одной стороны, начавшіеся въ немъ внутренніе раздоры, а съ другой, внѣшнія мѣропріятія репрессивнаго характера, особенно послѣ того, какъ ему въ вину поставлено было возстаніе парижскаго пролетаріата въ 1871 г., извѣстное подъ названіемъ „коммуны".

XV. Примѣненіе принципа національностей къ политикѣ въ 1859—1871 гг. [1]).

1. Двѣнадцатилѣтній періодъ войнъ (1859—1871).—2. Французская политика и принципъ національностей.—3. Сходныя черты въ исторіи объединенія Италіи и Германіи.—4. Ходъ итальянскаго объединенія.—5. Ходъ объединенія Германіи.—6. Начало новаго періода въ исторіи Западной Европы послѣ 1870 г.

---

1. Послѣ вѣнскаго конгресса до начала итальянской войны 1859 г. Западная Европа наслаждалась благами международнаго мира, если не считать войнъ за

---

[1]) Исторія Западной Европы въ новое время, томъ V, гл. 27 (Объединеніе Италіи) и 28 (Объединеніе Германіи). См. также гл. 26.

— Для элементарныхъ фактическихъ справокъ „Учебная книга новой исторіи": § 321. Итальянская война. § 322. Наполеонъ III и Германія. § 324. Объединеніе Италіи. § 326. Перемѣны въ Пруссіи и въ Австріи. § 327. Конфликтъ въ Пруссіи. § 328. Датская война. § 329. Австро-прусская война. § 331. Сѣверо-Германскій союзъ. §§ 332. Австро-Венгрія. § 335. Война 1870—71 гг. § 333. Германская имперія.

предѣлами собственно Западной Европы. Эпоха оживленія политическихъ стремленій, наступившая послѣ затишья пятидесятыхъ годовъ, была въ исторіи западныхъ народовъ временемъ большихъ международныхъ войнъ, посредствомъ которыхъ были осуществлены поставленныя движеніемъ 1848 г. задачи объединенія Италіи и Германіи. Это военное время открывается 1859 годомъ и заключается 1871 годомъ, слѣдовательно, охватываетъ двѣнадцать лѣтъ. Въ указанный періодъ произошли именно войны: итальянская, датская, австро-прусская и франко-прусская, и всѣ онѣ повлекли за собою такія территоріальныя измѣненія, которыя совершенно передѣлали прежнюю карту Зап. Европы, какою она вышла изъ рукъ дипломатовъ вѣнскаго конгресса. Главными результатами ихъ были объединеніе Италіи и Германіи. Въ 1859 г. къ Сардинскому королевству была присоединена Ломбардія, а въ 1861 г. изъ этихъ двухъ областей съ присоединеніемъ къ нимъ Тосканы, Пармы, Модены, цѣлой половины Папской области и королевства Обѣихъ Сицилій образовалось теперешнее Итальянское королевство, внѣ котораго оставались только Венеціанская область до 1866 г., да Римъ съ другою частью папскихъ владѣній до 1870 г. Такъ шло объединеніе Италіи, которое потребовало двухъ войнъ съ Австріей— въ 1859 и въ 1866 гг. Начало объединенію Германіи было положено нападеніемъ въ 1864 г. Австріи и Пруссіи на Данію, у которой онѣ отняли Шлезвигъ-Гольштейнъ, но скоро обѣ эти державы разссорились, и результатомъ этого была война между ними, въ которой приняли участіе и другія нѣмецкія государства и которая повлекла за собою распаденіе Германскаго союза, образованіе, вмѣсто него, союза Сѣверо-Германскаго подъ гегемоніей Пруссіи и увеличеніе территоріи послѣд-

ней присоединеніемъ къ ней Шлезвига, Гольштейна, Ганновера, Гессенъ-Касселя, Нассау и вольнаго города Франкфурта-на-Майнѣ. Франко-прусская война 1870—1871 г. завершила объединеніе Германіи превращеніемъ „союза“ въ „имперію“, въ составъ которой вошли тогда и южно-германскія государства (Баварія, Вюртембергъ, Баденъ и Гессенъ-Дармштадтъ), и отнятыя у Франціи двѣ провинціи—Эльзасъ и Лотарингія.

2. Войны 1859—1871 гг. имѣютъ еще ближайшее отношеніе и къ тому международному положенію, которое занимала Франція въ періодъ второй имперіи. При старшей и младшей линіяхъ Бурбоновъ, т.-е. въ 1814—1848 гг. французская внѣшняя политика отличалась въ общемъ миролюбіемъ, но съ возстановленіемъ имперіи въ этомъ отношеніи произошла перемѣна, заключавшаяся въ возвращеніи къ военнымъ традиціямъ наполеонизма. Обстоятельства какъ нельзя болѣе благопріятствовали французскому правительству въ началѣ второй имперіи. Событія 1848 г. обезсилили и Австрію, съ одной стороны, а съ другой—и Пруссію съ Сардиніей, сдѣлавшія извѣстныя, но неудачныя попытки самостоятельной активной политики въ Германіи и Италіи. Въ это же время Англія и Россія,—единственныя двѣ великія державы, не бывшія затронутыми революціоннымъ движеніемъ 1848 г.,—находились въ рѣзкомъ между собою антагонизмѣ изъ-за турецкихъ дѣлъ, и вотъ когда между Россіей и Турціей началась новая война, на сторону второго изъ этихъ государствъ стали и Англія, и Франція, вступившія между собою въ союзъ. Война окончилась въ 1856 г. пораженіемъ Россіи и переходомъ первенствующей роли, какую играла Россія при Николаѣ I, особенно послѣ 1849 г., къ Франціи. Цѣлью своей политики Наполеонъ III поставилъ уничтоженіе унизитель-

ныхъ для Франціи трактатовъ 1815 г., а это ставило его внѣшнюю политику, отличавшуюся своего рода революціонностью, въ противорѣчіе съ политикой внутренней, бывшей рѣзко реакціонною. Именно политическому равновѣсію Европы, основывавшемуся со временъ вѣнскаго конгресса на братскомъ союзѣ легитимныхъ государей, императоръ французовъ въ своихъ мечтахъ противопоставлялъ гармоническое сочетаніе свободныхъ національностей. Объединеніе „латинскихъ расъ" (Италіи, Испаніи и Португаліи) подъ гегемоніей Франціи, съ предоставленіемъ возможности устроиться подобнымъ же образомъ германскимъ и славянскимъ „расамъ", было одною изъ любимыхъ фантазій, посѣщавшихъ мечтательный умъ Наполеона III. Въ его планахъ было, однако, много противорѣчиваго, и провозглашенный имъ „принципъ національностей" имъ же самимъ во многихъ случаяхъ отрицался. Тѣмъ не менѣе такая политика не могла не встрѣтить сочувствія почти вездѣ, гдѣ живы были неудовлетворенныя національныя стремленія.

Извѣстно, что объединеніе Италіи произошло при дѣятельной помощи со стороны Франціи. Свою войну съ Австріей, отторгшую отъ послѣдней Ломбардію, Сардинія вела съ Франціей. Правда, за это Сардинія должна была уступить Франціи Савойю и графство Ниццу, но воля жителей обѣихъ областей все-таки при этомъ была спрошена путемъ народнаго голосованія, что вытекало изъ принципа національностей, требовавшаго самоопредѣленія народовъ. Во время войны 1859 г. Наполеонъ III думалъ и о томъ, чтобы снова поднять революцію въ Венгріи, за десять лѣтъ передъ тѣмъ усмиренной русскими войсками. Вскорѣ послѣ этого, далѣе, произошло новое польское возстаніе противъ Россіи, и это дало поводъ императору французовъ, въ качествѣ покровителя стре-

мящихся къ свободѣ національностей, вмѣшаться дипломатическимъ путемъ въ это дѣло. Онъ даже привлекъ въ данномъ случаѣ на свою сторону Англію и Австрію, и лишь положительное нежеланіе послѣднихъ воевать изъ-за Польши предотвратило новую войну Франціи съ Россіей. Какъ въ Италіи имъ поощрялась политика Сардиніи, такъ въ Германіи онъ поддерживалъ Пруссію, стремившуюся къ объединенію нѣмецкихъ государствъ подъ своей гегемоніей. Правда, содѣйствіе образованію въ Италіи единаго королевства и тѣмъ болѣе поглощеніе Германіи Пруссіей не входило въ планы Франціи,— которые сводились лишь къ установленію и въ Италіи, и въ Германіи федеративныхъ связей,—но союзъ Сардиніи и Пруссіи въ войнѣ съ Австріей въ 1866 г. произошелъ при прямомъ участіи Франціи, и лишь ея же вмѣшательство позволило потерпѣвшей неудачу Италіи присоединить къ своимъ владѣніямъ Венеціанскую область въ то время, какъ побѣдоносная Пруссія дѣлалась госпожею всей Сѣверной Германіи, благодаря включенію въ свой составъ однихъ сѣверо-германскихъ государствъ и подчиненію другихъ своей гегемоніи. Такимъ образомъ, объединеніе Италіи совершилось при прямомъ содѣйствіи со стороны Франціи, которая до конца только не соглашалась на занятіе итальянскимъ правительствомъ Рима, да и въ Германіи Франція долго поддерживала Пруссію, пока послѣдняя не окрѣпла настолько, что сама выступила противъ Франціи. Франко-прусская война лишила Францію господствующаго положенія въ Европѣ, которое, впрочемъ, было уже поколеблено въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ, благодаря успѣхамъ Пруссіи. Отмѣтимъ еще, что соединеніе въ 1859 г. дунайскихъ княжествъ (Молдавіи и Валахіи) въ единую Румынію, совершившееся при дѣятельномъ участіи французской

дипломатіи, тоже соотвѣтствовало наполеоновскому „принципу національностей“. Наконецъ, и попытка образованія Наполеономъ III въ Америкѣ изъ „латинской“ Мексики вассальной имперіи стояла въ связи съ его общей идеей федераціи латинскихъ расъ.

Въ послѣдніе годы передъ франко-прусской войной политика Наполеона III терпѣла одну неудачу за другой, и положеніе Франціи сдѣлалось шаткимъ, между прочимъ, потому, что и въ Италіи, и въ Германіи на эту политику смотрѣли, какъ на главную помѣху для ихъ окончательнаго объединенія: свой принципъ національностей Наполеонъ III, въ своихъ интересахъ, проводилъ въ жизнь съ такими ограниченіями, на которыя не хотѣли и не могли согласиться ни итальянцы, ни нѣмцы.

3. Съ самаго начала шестидесятыхъ годовъ національное единство сдѣлалось главнымъ лозунгомъ всѣхъ живыхъ общественныхъ силъ и въ Италіи, и въ Германіи, хотя въ послѣдней, какъ было упомянуто, въ то же время зародилось и соціальное движеніе, которое не могло видѣть въ осуществленіи національной идеи панацеи отъ всѣхъ общественныхъ золъ. Во всякомъ случаѣ въ обѣихъ странахъ именно эта идея сдѣлалась главною движущею силою тогдашней исторіи. Роль объединительницъ выпала въ Италіи, какъ не разъ уже выше указывалось, на долю Сардиніи и на долю Пруссіи—въ Германіи. Въ обоихъ случаяхъ такая роль была намѣчена еще раньше. Сардинія выступала въ этой роли еще въ 1848 и 1849 гг., но тогда потерпѣла неудачу, хотя, съ другой стороны, сохраненіе ею конституціоннаго режима заставляло—и послѣ пораженія ея въ войнѣ съ Австріей—часть итальянскихъ патріотовъ возлагать свои надежды именно на Сардинію. Пруссія еще

раньше того сдѣлалась надеждой нѣмецкихъ патріотовъ, а именно со времени внутреннихъ реформъ 1807 г. Въ эпоху великаго кризиса конца сороковыхъ годовъ прусскому королю франкфуртскій парламентъ предложилъ корону Германской имперіи, но тогда она не была принята, какъ корона революціоннаго происхожденія, что не мѣшало Пруссіи работать въ эту эпоху, какъ и потомъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, надъ переустройствомъ Германіи въ интересахъ династіи Гогенцоллерновъ.

Въ исторіи объединенія Италіи и Германіи вообще наблюдается не мало сходныхъ чертъ. Въ обоихъ случаяхъ помѣхою являлись, съ одной стороны, Австрія, бывшая полнымъ отрицаніемъ принципа національностей, съ другой — мѣстныя династіи, охранявшія партикуляризмъ отдѣльныхъ частей обѣихъ странъ. Вотъ почему только войны съ Австріей могли привести и здѣсь, и тамъ къ объединенію, которое сопровождалось изгнаніемъ Австріи какъ изъ Италіи, такъ и изъ Германіи. Что касается до мѣстныхъ династій, то въ Италіи всѣ онѣ лишились своихъ владѣній, въ Германіи же это случилось только съ нѣкоторыми, но и тамъ, и здѣсь это было пораженіемъ принципа легитимизма въ столкновеніи съ національною идеею, т.-е. побѣдой того, въ чемъ непримиримые сторонники старины не могли не видѣть революціи. Правда, оба главные дѣятеля эпохи, Кавуръ въ Италіи и Бисмаркъ въ Германіи, дѣйствовали не столько въ качествѣ національныхъ патріотовъ, сколько въ особыхъ интересахъ отдѣльныхъ частей Италіи и Германіи, именно въ интересахъ Сардиніи и Пруссіи, какъ слуги двухъ мѣстныхъ династій, но оба они опирались на широкое національное движеніе и, будучи врагами демократіи и революціи, все-таки вынуждены были искать сочувствія своимъ планамъ въ народныхъ массахъ, общимъ же направленіемъ своей

политики даже способствовали революціи въ чужихъ владѣніяхъ. Оба, люди необычайно властные, они пользовались, не смотря на это, народнымъ представительствомъ для осуществленія своихъ задачъ—подчинить всю Италію Савойскому дому, а Германію—Гогенцоллернамъ; Бисмаркъ, который до 1866 г. велъ упорную борьбу съ народнымъ представительствомъ въ Пруссіи, даже не задумался ввести въ Германіи всеобщую подачу голосовъ. Выступивъ на политическое поприще въ рядахъ консерваторовъ, и Кавуръ, и Бисмаркъ, конечно, не могли хотѣть и на самомъ дѣлѣ не хотѣли дѣйствовать демократическими средствами: по ихъ мнѣнію, все должно было дѣлаться государями и ихъ арміями, но для достиженія своихъ цѣлей они должны были идти на уступки тому, что называется духомъ времени. Италья ;скій и нѣмецкій націонализмъ шестидесятыхъ годовъ былъ либеральнымъ, и кто хотѣлъ овладѣть силою народнаго движенія, бывшею столь значительною въ эти годы, обязанъ былъ, если и не быть либераломъ, то, по крайней мѣрѣ, дѣлать уступки либерализму. Послѣднія, впрочемъ, шли только до извѣстныхъ предѣловъ и въ Италіи, и въ Германіи.

4. Въ исторіи національнаго движенія въ Италіи, приведшаго къ ея объединенію, наблюдается два боровшіяся между собою теченія. Одно было создано еще мадзиніевской „Молодой Италіей“,—теченіе демократическое и республиканское, воспитавшееся въ традиціяхъ революціи, тогда какъ другое, наиболѣе виднымъ представителемъ котораго и былъ сардинскій министръ Кавуръ, расчитывало исключительно на дипломатію и военныя силы государства, принципіально враждебное революціи и стремившееся къ консолидаціи монархической конституціи для обезпеченія главнымъ образомъ интересовъ имущественныхъ классовъ. Дѣятели перваго направленія стояли

на той точкѣ зрѣнія, что Италія справится сама съ своей задачей (Italia farà da se), а ихъ противники искали помощи извнѣ, именно со стороны Франціи, надѣясь, что эта помощь не только выбьетъ Австрію изъ занятой ею въ Италіи позиціи, но и послужитъ къ обезсиленію итальянской демократіи. Ходъ итальянскаго объединенія въ общемъ былъ тотъ, что народное движеніе было создано республиканцами, воспользовалась же этимъ движеніемъ конституціонная монархія. Этотъ антагонизмъ ведетъ свое начало еще изъ эпохи революціи 1848 г., когда Сардинія, вступившая въ прямую борьбу съ Австріей, въ то же время была очень не прочь содѣйствовать замѣнѣ республиканскаго режима монархическими конституціями и въ Римѣ, и въ Тосканѣ. Итальянскіе республиканцы потерпѣли тогда пораженіе,—хотя и дѣлали еще потомъ, въ пятидесятыхъ годахъ, кое-какія слабыя попытки,—но тѣмъ болѣе выигрывала отъ этого сардинская политика, которая своимъ относительнымъ либерализмомъ и явнымъ антиклерикализмомъ привлекла на свою сторону даже часть разочаровавшихся республиканцевъ. Война 1859 г. противъ Австріи сдѣлала политику Сардиніи еще болѣе популярною, и въ вызванномъ ею повсемѣстно въ Италіи народномъ движеніи принялъ горячее участіе одинъ изъ вождей демократическаго направленія, Гарибальди. Въ Тосканѣ, Моденѣ, Пармѣ и Романьѣ (с.-в. части Папской области) произошли народныя революціи противъ мѣстныхъ правительствъ, но признаніе жителями этихъ областей власти Савойскаго дома совершилось лишь путемъ всенароднаго голосованія, т.-е. путемъ примѣненія демократическаго принципа. Національный герой, Гарибальди, низвергъ вслѣдъ за тѣмъ Бурбоновъ въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій и хотѣлъ уже распространить революцію и на Римскую область, но послѣднему Сарди-

нія сама воспротивилась, да и въ бывшемъ королевствѣ Обѣихъ Сицилій, вопреки желанію республиканцевъ не соединяться съ Сардиніей, всенародное голосованіе высказалось тоже за присоединеніе. Въ мартѣ 1861 г. первый общеитальянскій парламентъ могъ уже провозгласить сардинскаго короля — „милостію Божіею и по волѣ народа королемъ Италіи", причемъ новое королевство приняло сардинскую конституцію съ высокимъ избирательнымъ цензомъ (на 20 милліоновъ жителей 600 тысячъ избирателей). Присоединенія Венеціи и Рима были одинаково утверждены всенароднымъ голосованіемъ, но въ общемъ, не смотря на это внѣшнее торжество прямо демократическаго начала, новое королевство приняло форму чисто буржуазнаго государства, правительство и правящіе классы котораго стали затѣмъ вести борьбу на два фронта—противъ демократіи, которая не удовлетворилась такимъ исходомъ объединенія, и противъ клерикализма, который не могъ примириться съ отнятіемъ у папы свѣтской власти,—этимъ тоже громадной важности фактомъ, бывшимъ однимъ изъ слѣдствій итальянскаго объединенія.

5. Въ Германіи политическое объединеніе сопровождалось введеніемъ всеобщей подачи голосовъ при выборахъ народныхъ представителей, но присоединеніе къ Пруссіи новыхъ территорій обошлось безъ плебисцита, потому что признано было совершившимся по праву завоеванія. Правда, послѣ войны, отнявшей у Даніи Шлезвигъ-Гольштейнъ, предполагалось прибѣгнуть къ такому опросу воли жителей, но въ концѣ концовъ онъ не состоялся. Такимъ образомъ и въ Италіи, и въ Германіи демократическій принципъ народной воли былъ примѣненъ лишь на половину и притомъ различнымъ образомъ въ обѣихъ странахъ. Другое различіе состояло въ томъ, что въ Германіи не было совсѣмъ республиканскаго направленія въ

рѣшеніи вопроса объ объединеніи. Въ 1848 г. еще существовалъ антагонизмъ двухъ политическихъ міросозерцаній среди дѣятелей тогдашняго движенія, но подавленіе республиканскихъ попытокъ 1848—49 гг. были настолько полнымъ, что въ эпоху объединенія среди нѣмцевъ уже не было дѣятельныхъ республиканцевъ. Самъ организаторъ нѣмецкой рабочей партіи, Лассаль, стоялъ на точкѣ зрѣнія демократической монархіи: Бисмаркъ, знавшій его честолюбіе, даже шутилъ на счетъ сомнѣнія Лассаля, состоится ли объединеніе Германіи подъ династіей Гогенцоллерновъ или династіей Лассалей. Съ другой стороны, Италія шестидесятыхъ годовъ не знала еще соціальнаго движенія, уже проявившагося въ Германіи.

Вмѣстѣ съ этимъ объединеніе Германіи не было полнымъ. Главнымъ вопросомъ, раздѣлявшимъ нѣмцевъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, былъ вопросъ о томъ, кто станетъ во главѣ объединенной Германіи — Австрія или Пруссія. Соперничество между династіями Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ началось еще за цѣлый вѣкъ до объединенія подъ гегемоніей Пруссіи. Въ 1848—49 гг. даже образовались партіи великой и малой Германіи, изъ которыхъ одна не могла представить себѣ нѣмецкую націю безъ Австріи, другая же стремилась исключить Австрію съ ея пестрымъ этнографическимъ составомъ изъ національнаго нѣмецкаго государства. Объединеніе Германіи послѣ австро-прусской войны совершилось по программѣ мало-нѣмецкой партіи, но зато оно и не было полнымъ, такъ какъ австрійскіе нѣмцы были исключены изъ состава Германіи—къ ущербу, конечно, для самого національнаго принципа. Это было результатомъ не одной этнографической пестроты Австріи, дѣлавшей труднымъ сохраненіе ея въ составѣ Германіи, но и вмѣшательства въ дѣло объединенія со стороны династическихъ правъ. Въ

Италіи вопросъ рѣшенъ былъ просто: царствовавшія здѣсь династіи (Бурбоны и Габсбурги) были лишены своихъ владѣній; но въ Германіи лишь государи Ганновера, Нассау и Кургессена лишились своихъ престоловъ, такъ что объединенная имперія все таки осталась союзнымъ государствомъ. Благодаря этому, если Сардинія, такъ сказать, растворилась въ Италіи, то въ Германіи, наоборотъ, произошло поглощеніе значительной ея части Пруссіей. Какъ-никакъ, далѣе, въ Италіи большую роль съиграли народныя движенія, которыми только искусно воспользовалась Сардинія, привлекавшая къ себѣ итальянцевъ либерализмомъ своей политики, Пруссія же, наоборотъ, начала дѣло въ эпоху борьбы съ народнымъ представительствомъ, что заставляло многихъ призадуматься, не идти ли за Австріей, которая какъ-разъ тогда приступала къ либеральнымъ реформамъ. Самъ главный дѣятель прусской политики этой эпохи рѣзко заявлялъ, что дѣло будетъ сдѣлано не парламентскими постановленіями и народными голосованіями, но „кровью и желѣзомъ".

6. Паденіемъ второй имперіи во Франціи, завершеніемъ объединенія Италіи со столицею въ Римѣ и основаніемъ Германской имперіи, этими тремя главными результатами франко-прусской войны 1870—71 гг., оканчивается цѣлый періодъ западно-европейской исторіи XIX в., начинающійся подавленіемъ революціи 1848 г. Эти три событія до извѣстной степени осуществляли то, что было цѣлью политическихъ стремленій и во Франціи, и въ Италіи, и въ Германіи, но исполненіе оказалось много ниже прежнихъ ожиданій. Пятидесятые и шестидесятые годы были временемъ цѣлаго ряда войнъ, который,— открывшись, собственно говоря, въ 1853 г. такъ называемой крымской кампаніей, — оставилъ Европѣ въ наслѣдіе по себѣ то, что принято теперь обозначать словомъ

„милитаризмъ“. Конечно, явленіе не было совсѣмъ новымъ, да и экономическія и культурныя слѣдствія этого явленія уже раньше давали себя знать народамъ Европы, но теперь оно приняло особенно грандіозные размѣры среди матеріальныхъ и духовныхъ успѣховъ, которые, наоборотъ, все болѣе и болѣе утверждаютъ въ человѣчествѣ идею мирнаго сожительства народовъ. Другимъ наслѣдіемъ эпохи національныхъ войнъ является идущій рука объ руку съ милитаризмомъ націонализмъ, съ своей стороны, тоже разъѣдающій идею общечеловѣческой солидарности. Но Европа живетъ не одними этими двумя наслѣдствами, и прогрессивное движеніе жизни, несмотря на всѣ отклоненія, усиливаетъ, углубляетъ и упрочиваетъ все больше и больше начала истины и справедливости.

XVI. Взглядъ на умственное развитіе въ Западной Европѣ въ первыя двѣ трети XIX вѣка [1]).

1. Двоякое значеніе научныхъ успѣховъ XIX в.—2. Громадное развитіе техники.—3. Побѣда научнаго мышленія надъ „метафизикой“.—4. Главныя пріобрѣтенія научной философіи природы.—5. Примѣненіе научной точки зрѣнія и научнаго метода къ пониманію общественныхъ явленій.

---

1. Особенную славу XIX вѣку доставляетъ совершившееся въ немъ научное развитіе, безпримѣрное во всѣхъ предыдущихъ столѣтіяхъ исторіи. Это развитіе отразилось одновременно и на общественномъ міросозерцаніи,

[1]) Исторія Западной Европы въ новое время, томъ V, гл. 32 (Умственный переворотъ середины XIX в.).

и на жизненной практикѣ общества, т.-е. и на нашихъ взглядахъ, и на нашей техникѣ. Оба эти развитія, какъ теоретическое, такъ и техническое, идутъ рядомъ, одно другимъ питаясь, одно другое поддерживая, одновременно совершенствуя какъ наши знанія, касающіяся явленій, которыя происходятъ вокругъ насъ—и въ обществѣ, и въ природѣ,—такъ точно и наши способы воздѣйствія на эти явленія, способы пользованія физическими и соціальными силами для достиженія нашихъ жизненныхъ цѣлей. Самая постановка этихъ цѣлей испытываетъ на себѣ вліяніе умственнаго прогресса, который не можетъ ограничиваться лишь знаніемъ того, что есть, какъ оно есть, не соприкасаясь съ областью нашихъ идеалахъ, т.-е. того, что должно быть. Прогрессивное движеніе XIX в. вообще и въ частности,—говоря здѣсь только о первыхъ двухъ третяхъ вѣка,—идейное броженіе особенно тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ является дальнѣйшимъ развитіемъ великихъ культурныхъ движеній новаго времени, которыя мы называемъ гуманизмомъ, реформаціей, „просвѣщеніемъ" XVIII в. Въ нихъ именно зародились и получили первое свое развитіе идеи человѣческаго достоинства, свободы личности, гражданскаго равенства, общественной самодѣятельности и т. п.,—идеи, съ которыми, наоборотъ, всегда боролись всѣ реакціи, вызывавшіяся желаніемъ отстоять старые, отжившіе свое время воззрѣнія и порядки.

Объ этомъ двоякомъ значеніи научныхъ успѣховъ для идейнаго и техническаго развитія мы теперь и скажемъ нѣсколько словъ, начавъ съ прогресса техники въ первыя двѣ трети XIX в.

2. Уже не разъ высказывалась (по существу весьма справедливая) мысль, что все прошлое историческаго человѣчества до XIX в. представляетъ изъ себя одинъ

періодъ въ развитіи техники, и что именно XIX столѣтіемъ начинается другой, совершенно новый періодъ. Собственно говоря, для хронологической точности настоящее начало этого періода нужно отнести къ исходу XVIII столѣтія, когда были изобрѣтены, а главное—стали примѣняться къ промышленности первыя машины, что, какъ извѣстно, само имѣло значеніе крупнаго экономическаго переворота [1]). Все-таки, однако, и при этой оговоркѣ, приходится признать, что широкое примѣненіе машиннаго производства и главные техническіе успѣхи характеризуютъ именно только XIX вѣкъ. Двумя совсѣмъ новыми, бывшими въ XVIII столѣтіи еще неизвѣстными примѣненіями силы пара явились въ XIX в. пароходы и паровозы, первые съ 1815 г., вторые съ тридцатыхъ годовъ. Кромѣ пара, стало еще играть въ XIX в. большую роль—и въ области сношеній, и въ области производства—электричество (телеграфъ, электрическая тяга, электрическіе двигатели). Наконецъ, во многихъ отношеніяхъ цѣлый переворотъ произвело также изобрѣтеніе новыхъ взрывчатыхъ веществъ. Примѣненіе силъ пара, электричества и взрывчатыхъ веществъ дало возможность страшно умножить количество необходимыхъ для жизни издѣлій, значительно удешевить ихъ производство, во много разъ увеличить силу и скорость перевозки людей и товаровъ, облегчить до-нельзя сношенія между отдѣльными странами, проложить хорошіе пути черезъ горы (между прочимъ прорытіемъ туннелей), соорудить также большіе каналы и пр. и пр. Всѣ эти и многіе другіе успѣхи техники сдѣлались возможными, лишь благодаря развитію соотвѣтственныхъ теоретическихъ наукъ, т.-е. механики, физики и химіи, которыя въ XIX в. сильно двинулись впередъ, въ свою

---

[1]) Ср. выше, стр. 26—30.

очередь въ зависимости и отъ успѣховъ техники въ выдѣлкѣ разнаго рода приборовъ, необходимыхъ для научныхъ изслѣдованій. Нельзя, однако, не отмѣтить, что прикладныя механическія, физическія и химическія знанія пошли въ XIX в. на службу не только промышленности, созидающей новыя богатства, но и на службу милитаризму, нуждающемуся прежде всего въ средствахъ разрушенія и истребленія, и это, помимо всего прочаго, сдѣлало его особенно обременительнымъ для народовъ, изнывающихъ подъ тяжестью военныхъ бюджетовъ. Въ общемъ, какъ въ дѣлѣ созиданія, такъ и въ дѣлѣ разрушенія, развитіе прикладныхъ знаній въ XIX в. сообщило человѣку такую силу надъ природою, какая прежде никому и не снилась. Облегченіе и ускореніе сношеній между людьми, благодаря паровому транспорту, электрическому телеграфу, скоропечатной машины, не могло, конечно, не отразиться, наконецъ, и на всемъ обиходѣ общественной жизни.

3. Другимъ результатомъ развитія положительныхъ знаній, такъ блистательно оправдывавшихъ свою вѣрность въ области техническихъ изобрѣтеній и успѣховъ, была постепенная побѣда научнаго духа надъ пережитками старой мистики и схоластики. Еще въ серединѣ XVIII в., въ эпоху энциклопедистовъ, была уже высказана мысль о положительной наукѣ, какъ о преимущественномъ орудіи умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго улучшенія общества, но тогдашняя наука была еще слишкомъ несовершенна для того, чтобы сдѣлаться въ дѣйствительности такимъ орудіемъ. Опытъ и наблюденіе, въ широкомъ смыслѣ этихъ словъ, были слишкомъ слабы, чтобы съ успѣхомъ бороться противъ умственныхъ привычекъ идеологическаго раціонализма. Хотя, съ другой стороны, въ концѣ XVIII в. критическая философія

Канта и провозгласила, что нашему знанію доступенъ лишь міръ явленій, дальнѣйшее развитіе философіи пошло какъ-разъ по пути, который для нея Кантомъ закрывался. Мы знаемъ именно, что реакція начала XIX в. была крайне неблагопріятна для научнаго духа и философскаго критицизма: наоборотъ, въ міросозерцаніи этой эпохи верхъ брали элементы мистики и романтики, спиритуализма и метафизики, вполнѣ подходившія къ тогдашнимъ консервативнымъ и ретроградным стремленіямъ общественнаго характера. Впрочемъ, сообразно съ общимъ духомъ времени и прогрессивные дѣятели первыхъ десятилѣтій XIX в. отличались большою склонностью къ мистикѣ и къ романтикѣ, что, наприм., можно сказать и объ утопическомъ соціализмѣ въ такой же мѣрѣ, въ какой это относится и къ романтическому націонализму (наприм., къ панславизму, мессіанизму и т. п.). Это общее настроеніе переходитъ и въ тридцатые, даже въ сороковые годы, хотя именно въ эти два десятилѣтія въ позитивизмѣ Огюста Конта уже ясно формулируется необходимость какъ философіи, основанной на положительной наукѣ, такъ и научной теоріи общества, а въ такъ называемомъ лѣвомъ гегельянствѣ зарождаются идеи, бывшія полнымъ разрывомъ съ прежними традиціями. Оба эти направленія одинаково объявляли войну „метафизикѣ" во имя строго научнаго отношенія къ дѣйствительности.

Реакція пятидесятыхъ годовъ не въ состояніи была нанести непоправимый ударъ тому, что только было прогрессивнаго въ умственномъ движеніи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ: научное и философское мышленіе продолжало свою работу, и въ исторіи развитія реалистическаго міросозерцанія вторая половина XIX в. стояла уже неизмѣримо выше первой половины. Можно даже сказать, что именно въ серединѣ XIX столѣтія произо-

шелъ умственный переворотъ, который оказался крайне неблагопріятнымъ для спиритуализма и идеализма. Однимъ изъ симптомовъ этого переворота было быстрое развитіе и широкое развитіе, именно въ пятидесятыхъ-шестидесятыхъ годахъ, матеріализма, бывшаго въ сущности тоже метафизикой, но больше удовлетворявшей реалистическія стремленія, которыя поддерживались успѣхами естествознанія и банкротствомъ идеалистическихъ системъ. Конечно, матеріализмъ вызвалъ противъ себя полемику, въ которой уже въ шестидесятыхъ годахъ намѣтилась точка зрѣнія „возвращенія къ Канту", т.-е. признанія метафизичности одинаково и за матеріализмомъ, и за спиритуализмомъ съ провозглашеніемъ научнаго отношенія къ дѣйствительности и критическаго отношенія къ нашему знанію. Къ началу семидесятыхъ годовъ матеріализмъ сталъ сходить со сцены, умственное вліяніе стало переходить къ позитивизму Конта и критицизму Канта, и это въ достаточной мѣрѣ опредѣлило собою побѣду научнаго духа второй половины XIX в. надъ метафизикой, еще царившей надъ умами въ первой его половинѣ.

4. Міросозерцаніе, приходившее на смѣну спиритуализму и идеализму философскихъ направленій первой половины XIX в., нашло себѣ сильную поддержку въ великихъ теоретическихъ открытіяхъ естествознанія. Сороковымъ годамъ принадлежитъ возникновеніе и разработка идей единства физическихъ силъ и сохраненія энергіи, т.-е. мысли о переходѣ силъ природы одной въ другую безъ измѣненія ихъ величинъ, а спектральный анализъ, открытый въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, привелъ и къ ученію объ однородности міровой матеріи въ самыхъ отдаленныхъ отъ насъ краяхъ вселенной. Новые физическіе и химическіе принципы были примѣ-

нены къ изслѣдованію существа жизненныхъ явленій, и особое значеніе получили здѣсь открытія, которыя въ пятидесятыхъ годахъ стали дѣлаться въ области физіологіи нервныхъ процессовъ и органовъ чувствъ, что, въ свою очередь, отразилось на психологіи, которая вообще съ шестидесятыхъ годовъ начинала прямо становиться на точку зрѣнія положительной науки, основанной на наблюденіи и опытѣ. Къ самому же концу пятидесятыхъ годовъ относится и обнародованіе „Происхожденія видовъ" Дарвина, біологической теоріи, которая, какъ извѣстно, оказала громадное вліяніе на всѣ сферы научной мысли во второй половинѣ XIX в.

5. Паденіе идеалистической метафизики и успѣхи естествознанія не могли не отразиться не только на общемъ міросозерцаніи, но въ частности и на общественныхъ наукахъ. Общія теоріи права и государства были всегда одною изъ излюбленныхъ областей метафизическаго мышленія, исходившаго изъ апріорныхъ предположеній и не находившаго нужнымъ основываться на научно разработанныхъ данныхъ прошлой или настоящей дѣйствительности. Мысль о томъ, что общественныя явленія могутъ и должны изучаться совершенно такъ же, какъ и явленія природы, въ тѣхъ же самыхъ цѣляхъ открытія естественныхъ законовъ, ими управляющихъ, и въ интересахъ пользованія знаніемъ этихъ законовъ для успѣшнаго воздѣйствія на общественную жизнь, однимъ словомъ, мысль объ особой положительной общественной наукѣ съ наибольшею ясностью и силою была формулирована еще въ первой половинѣ XIX в. Ог. Контомъ, который тѣмъ самымъ ставилъ будущему великую задачу чисто научнаго отношенія къ общественнымъ явленіямъ и объявлялъ научное знаніе законовъ, управляющихъ жизнью общества, единствен-

ною вѣрною основою соціальной техники, т.-е. сознательнаго и планомѣрнаго воздѣйствія на общественную жизнь. Эта идея получила, однако, широкую популярность только къ самому концу шестидесятыхъ годовъ. Къ разсматриваемой эпохѣ середины XIX в. относятся еще и „Система логики“ Милля, въ которой особый отдѣлъ былъ посвященъ методологіи общественныхъ наукъ (1842), и „Исторія цивилизаціи въ Англіи“ (1858) Бокля, тоже стремившагося изгнать метафизику изъ изученія общественныхъ явленій и примѣнять къ нимъ исключительно научные методы, и первыя работы Спенсера, за которыми вскорѣ послѣдовало начало главнаго труда его жизни, „Системы синтетической философіи“, отличающейся духомъ научнаго реализма въ трактованіи и общественныхъ явленій. Кто хочетъ сразу и въ самыхъ общихъ чертахъ схватить разницу между философствованіемъ первой и второй половинъ XIX в., тому лучше всего сопоставить одну съ другою двѣ великія всеобъемлющія системы—Гегеля и Спенсера: одна—вся метафизическій идеализмъ, другая вся—научный реализмъ.

Особенность въ исторіи развитія общественныхъ наукъ въ XIX в. составляетъ внесеніе въ нихъ историческаго матеріала, историческаго метода и исторической точки зрѣнія. Идеологическій раціонализмъ XVIII в. былъ, какъ извѣстно, направленіемъ антиисторическимъ, и только въ началѣ XIX в. въ общественныя знанія сталъ проникать историзмъ, хотя бы на первыхъ порахъ это и дѣлалось въ духѣ царившихъ тогда реакціонныхъ стремленій. Таково было происхожденіе исторической школы права около 1810 г., а лѣтъ тридцать спустя возникла и историческая школа въ политической экономіи. Научный духъ и историческое пониманіе въ серединѣ XIX в. стали проникать и въ новыя соціальныя

теоріи: недаромъ Марксъ, наиболѣе сдѣлавшій въ этомъ отношеніи, свой соціализмъ, какъ „научный“ прямо противоположилъ прежнимъ теоріямъ, какъ „утопическимъ“. Въ этомъ ученіи только-что возникшая внѣ соціальныхъ стремленій историческая школа политической экономіи дополнялась экономическимъ направленіемъ въ исторіи, что еще больше расширило примѣненіе историзма къ обществовѣдѣнію. Все это были первые камни того научнаго зданія въ смежныхъ областяхъ соціологіи и исторіи, которое реалистическая мысль начала строить въ эту эпоху на развалинахъ старыхъ мистическихъ и метафизическихъ теорій. Умственный переворотъ, съ достаточною ясностью обрисовавшійся такимъ образомъ уже къ концу шестидесятыхъ годовъ, и опредѣлилъ собою наиболѣе жизненныя и вліятельныя теченія научной и философской мысли послѣдней трети XIX в. Какое бы направленіе ни стали принимать въ будущемъ общественныя движенія, побѣда можетъ принадлежать тѣмъ, на сторонѣ которыхъ не только право и сила, но и научная истина.

---

[1]) Ср. выше, стр. 64—65.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

I.

Въ этой своей книжкѣ авторъ вовсе не имѣлъ намѣренія дать сумму исторій отдѣльныхъ странъ, такъ какъ его намѣреніемъ было представить характеристики только *общихъ* явленій западно-европейской исторіи за первыя двѣ трети XIX в. Для тѣхъ читателей, которые желали бы прослѣдить исторію какой-либо отдѣльной страны по моему учебнику или по большой „Исторіи“ [1]), даются здѣсь необходимыя для этого указанія въ нижеслѣдующемъ перечнѣ.

Австрія. Уч. кн., §§ 258, 261, 269, 305, 309, 313, 326 и 333.
Ист. Зап. Евр., т. IV, гл. 2 и 16.—Т. V, гл. 8, 17, 18, 21—23 и 28.

Англія. Уч. кн., §§ 287—290, 315 и 336.
Ист. Зап. Евр., т. IV, гл. 20 и 21.—Т. V, гл. 4, 5, 10, 11 и 29.

Бельгія. Уч. кн., §§ 260, 261 и 291.
Ист. Зап. Евр., т. V, гл. 3.

Германія. Уч. кн., §§ 257, 258, 261, 266, 269, 275—280, 304, 311, 312, 325, 328—331 и 333.
Ист. Зап. Евр., т. IV, гл. 9, 11 и 16. — Т. V, гл. 3, 8, 15, 16, 21, 22 и 28.

Голландія. Уч. кн., §§ 260, 261 и 291.
Ист. Зап. Евр., т. V, гл. 3.

---

[1]) Впрочемъ, по „Ист. Зап. Евр.“ вполнѣ можно прослѣдить лишь исторію Англіи, Германіи (съ Австріей и Пруссіей), Италіи и Франціи.

Испанія. Уч. кн., §§ 264, 272 и 335.
Ист. Зап. Евр., т. IV, гл. 9 и 15.

Италія. Уч. кн., §§ 257, 269, 272, 291, 314, 324.
Ист. Зап. Евр., т. IV, гл. 15.—Т. V, гл. 3, 18, 23 и 27.

Португалія. Уч. кн., §§ 259 и 272.
Ист. Зап. Евр., т. IV, гл. 3.

Пруссія. Уч. кн., §§ 262, 263, 293, 294, 306, 310, 326—331 и 333.
Ист. Зап. Евр., т. IV, гл. 10 и 16.—Т. V, гл. 8, 18, 21, 22 и 28.

Франція, Уч. кн., §§ 252—255, 281—286, 294 -303, 334 и 335.
Ист. Зап. Евр., т. IV, гл. 3, 5, 6, 7, 11, 17, 18, 19. — Т. V, гл. 2, 5, 6, 12, 13, 14, 19, 20, 24 и 26. (Сокращеніе этихъ главъ представляетъ собою моя „Политическая Исторія Франціи въ XIX в.“).

II.

Подобныя же указанія считаемъ не лишнимъ сдѣлать и для a) исторіи международныхъ отношеній въ первыя двѣ трети XIX в., b) общихъ характеристикъ состоянія Западной Европы въ разныя эпохи, c) экономическаго развитія и соціальныхъ отношеній XIX в., равно какъ для d) исторіографическихъ обзоровъ, данныхъ по нѣкоторымъ вопросамъ въ „Исторіи Западной Европы“.

Международныя отношенія отъ 1800 до 1871 г. Уч. кн. §§ 256—260, 264—274, 291 и 316—323.
Ист. Зап. Евр., т. IV, гл. 8, 11, 12 и 15.—Т. V, 3, 6, 7, 18 и 26—28.

Кромѣ того, въ „Учебной книгѣ новой исторіи“ см. карты X (Имперія Наполеона I), XI (Средняя Европа послѣ вѣнскаго конгресса), XII (Средняя Европа въ 1864 — 1871 гг.) и XIII (Италія въ 1815—1870 гг.), равно какъ и объяснительный текстъ къ этимъ картамъ.

Общія характеристики состоянія Западной Европы въ разные періоды XIX в. Ист. Зап. Евр., т. IV, гл. 2, 9, 13 и 14.—Т. V, гл. 1, 5, 9, 18, 25, 32.

Экономическое развитіе и соціальныя отношенія XIX в. Ист. Зап. Евр., т. IV, гл. 23—27. — Т. V, гл. 5, 10, 13, 16, 30, 31.

Исторіографическіе обзоры. Ист. Зап. Евр., т. IV, гл. 1, 4 и 12. Указанія на литературу даны, кромѣ того, почти въ каждой главѣ.

III.

Оглавленіе IV и V томовъ „Исторіи Западной Европы въ новое время“.

Томъ IV. Исторія первой трети XIX вѣка (1800—1830). 1. Исторія XIX вѣка и ея изученіе.—2. Вліяніе французской революціи на Европу.—3. Исходъ революціи по отношенію къ внутренней жизни Франціи.—4. Наполеоновская эпоха и ея исторіографія.—5. Наполеонъ до 1799 г.—6. 18 брюмера и наполеоновскія конституціи.—7. Внутренняя политика консульства и имперіи.—8. Господство Франціи въ Европѣ при Наполеонѣ I.—9. Внутреннія перемѣны въ западно-европейскихъ государствахъ въ наполеоновскую эпоху.—10. Разложеніе стараго порядка и попытка реформъ въ Пруссіи.—11. Внѣшняя и внутренняя оппозиція противъ имперіи Наполеона I.—12. Паденіе имперіи, „сто дней“ и вѣнскій конгрессъ.—13. Происхожденіе и характеръ реакціонныхъ стремленій эпохи.—14. Общая характеристика либерализма въ эпоху реставраціи.—15. Священный союзъ, южно-романскія революціи и конгрессы.—16. Побѣда партикуляризма и реакціи въ Германіи.—17. Реставрація и установленіе конституціонной монархіи во Франціи.—18. Реакціонная политика во Франціи въ эпоху реставраціи.—19. Борьба французскаго либерализма противъ реакціи.—20. Происхожденіе англійской реакціи конца XVIII и начала XIX в.—21. Реакція и борьба за свободу въ Англіи до 1830 года.—22. Существенное содержаніе соціальной исторіи XIX вѣка и ея изученіе.—23. Крестьянскій вопросъ въ первой трети XIX в.—24. Перемѣны въ промышленномъ быту Западной Европы въ концѣ XVIII и началѣ XIX в.—25. Капитализмъ, пролетаріатъ, пауперизмъ и начало рабочаго вопроса.—26. Экономическія теоріи эпохи въ связи съ моральными и политическими ученіями.—27. Соціальныя ученія первой трети XIX вѣка.

Томъ V. Исторія среднихъ десятилѣтій XIX вѣка (1830—1870). 1. Общій взглядъ на состояніе Западной Европы передъ іюльской революціей.—2. Іюльская революція.—3. Вліяніе іюльской революціи на Европу.—4. Парламентская реформа въ Англіи.—5. Торжество буржуазіи послѣ 1830 г.—6. Борьба съ революціей во Франціи въ тридцатыхъ годахъ.—7. Внѣшняя политика іюльской монархіи.—8. Реакція тридцатыхъ годовъ въ Германіи.—9. Общій очеркъ политическихъ, соціальныхъ и національныхъ движеній въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ.—10. Англійское законодательство тридцатыхъ и

сороковыхъ годовъ.—11. Чартистское движеніе въ Англіи.—12. Французскій либерализмъ временъ іюльской монархіи.—13. Французскій соціализмъ и коммунизмъ временъ іюльской монархіи.—14. Идеи и настроеніе французской демократіи временъ іюльской монархіи.—15. Нѣмецкій литературный и философскій радикализмъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ.—16. Нѣмецкія экономическія и соціальныя ученія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ.—17. Славянское возрожденіе, панславизмъ и мессіанизмъ.—18. Состояніе Западной Европы наканунѣ 1848 г.—19. Министерство Гизо и февральская революція.—20. Начало второй республики и іюньскіе дни.—21. Нѣмецкая революція 1848 г. и франкфуртскій парламентъ.—22. Паденіе нѣмецкой революціи и конецъ франкфуртскаго парламента.—23. Славянская, венгерская и итальянская революціи.—24. Французская конституція 1848 г. и декабрьскій переворотъ.—25. Общая реакція пятидесятыхъ годовъ.—26. Господство Наполеона III въ Европѣ и во Франціи.—27. Объединеніе Италіи.—28. Объединеніе Германіи.—29. Англія до второй парламентской реформы.—30. Крестьянскія реформы середины XIX в.—31. Соціальное движеніе въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ.—32. Умственный переворотъ средины XIX вѣка.

III.

Оглавленіе IV и V томовъ „Исторіи Западной Европы въ новое время“.

Томъ IV. Исторія первой трети XIX вѣка (1800—1830). 1. Исторія XIX вѣка и ея изученіе.—2. Вліяніе французской революціи на Европу.—3. Исходъ революціи по отношенію къ внутренней жизни Франціи.—4. Наполеоновская эпоха и ея исторіографія.—5. Наполеонъ до 1799 г.—6. 18 брюмера и наполеоновскія конституціи.—7. Внутренняя политика консульства и имперіи.—8. Господство Франціи въ Европѣ при Наполеонѣ I.—9. Внутреннія перемѣны въ западно-европейскихъ государствахъ въ наполеоновскую эпоху.—10. Разложеніе стараго порядка и попытка реформъ въ Пруссіи.—11. Внѣшняя и внутренняя оппозиція противъ имперіи Наполеона I.—12. Паденіе имперіи, „сто дней“ и вѣнскій конгрессъ.—13. Происхожденіе и характеръ реакціонныхъ стремленій эпохи.—14. Общая характеристика либерализма въ эпоху реставраціи.—15. Священный союзъ, южно-романскія революціи и конгрессы.—16. Побѣда партикуляризма и реакціи въ Германіи.—17. Реставрація и установленіе конституціонной монархіи во Франціи.—18. Реакціонная политика во Франціи въ эпоху реставраціи.—19. Борьба французскаго либерализма противъ реакціи.—20. Происхожденіе англійской реакціи конца XVIII и начала XIX в.—21. Реакція и борьба за свободу въ Англіи до 1830 года.—22. Существенное содержаніе соціальной исторіи XIX вѣка и ея изученіе.—23. Крестьянскій вопросъ въ первой трети XIX в.—24. Перемѣны въ промышленномъ быту Западной Европы въ концѣ XVIII и началѣ XIX в.—25. Капитализмъ, пролетаріатъ, пауперизмъ и начало рабочаго вопроса.—26. Экономическія теоріи эпохи въ связи съ моральными и политическими ученіями.—27. Соціальныя ученія первой трети XIX вѣка.

Томъ V. Исторія среднихъ десятилѣтій XIX вѣка (1830—1870). 1. Общій взглядъ на состояніе Западной Европы передъ іюльской революціей.—2. Іюльская революція.—3. Вліяніе іюльской революціи на Европу.—4. Парламентская реформа въ Англіи.—5. Торжество буржуазіи послѣ 1830 г.—6. Борьба съ революціей во Франціи въ тридцатыхъ годахъ.—7. Внѣшняя политика іюльской монархіи.—8. Реакція тридцатыхъ годовъ въ Германіи.—9. Общій очеркъ политическихъ, соціальныхъ и національныхъ движеній въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ.—10. Англійское законодательство тридцатыхъ и

сороковыхъ годовъ.—11. Чартистское движеніе въ Англіи.—12. Французскій либерализмъ временъ іюльской монархіи.—13. Французскій соціализмъ и коммунизмъ временъ іюльской монархіи.—14. Идеи и настроеніе французской демократіи временъ іюльской монархіи.—15. Нѣмецкій литературный и философскій радикализмъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ.—16. Нѣмецкія экономическія и соціальныя ученія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ.—17. Славянское возрожденіе, панславизмъ и мессіанизмъ.—18. Состояніе Западной Европы наканунѣ 1848 г.—19. Министерство Гизо и февральская революція.—20. Начало второй республики и іюньскіе дни.—21. Нѣмецкая революція 1848 г. и франкфуртскій парламентъ.—22. Паденіе нѣмецкой революціи и конецъ франкфуртскаго парламента.—23. Славянская, венгерская и итальянская революціи.—24. Французская конституція 1848 г. и декабрьскій переворотъ.—25. Общая реакція пятидесятыхъ годовъ.—26. Господство Наполеона III въ Европѣ и во Франціи.—27. Объединеніе Италіи.—28. Объединеніе Германіи.—29. Англія до второй парламентской реформы.—30. Крестьянскія реформы середины XIX в.—31. Соціальное движеніе въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ.—32. Умственный переворотъ средины XIX вѣка.

Типологическіе курсы по исторіи государственнаго быта. V.

Н. КАРѢЕВЪ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ
СОВРЕМЕННАГО
НАРОДНО-ПРАВОВОГО
ГОСУДАРСТВА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ КОНСТИТУЦІОННЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ И УЧЕНІЙ ДО СЕРЕДИНЫ XIX ВѢКА.

Цѣна 2 р. 25 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин. 28
1908

3731

Бывшимъ товарищамъ,

членамъ первой Государственной Думы,

посвящаю эту книгу.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Это предисловіе — общее для двухъ книгъ, одновременно выходящихъ въ свѣтъ: для „Западно-европейской абсолютной монархіи XVI—XVIII вѣковъ“ и для „Происхожденія современнаго народно-правового государства“.

Обѣ эти книги стоятъ въ самой тѣсной связи между собою, прежде всего потому, что входятъ въ общую серію „Типологическихъ курсовъ по исторіи государственнаго быта“. Въ 1902 году, принявъ на себя преподаваніе всеобщей исторіи на экономическомъ отдѣленіи С.-Петербургскаго Политехническаго Института, я задумалъ прочесть, написать и издать рядъ историческихъ курсовъ, изъ которыхъ каждый былъ бы посвященъ отдѣльному типу государственнаго устройства. Приведеніемъ въ исполненіе этого моего плана было появленіе въ свѣтъ книгъ: „Государство-городъ античнаго міра“ (1903), „Монархія древняго Востока и греко-римскаго міра“ (1904) и „Помѣстье-государство и сословная монархія среднихъ вѣковъ“ (1906). Теперь появляются въ печати сразу два новыхъ „типологическихъ курса“ подъ указанными выше заглавіями. Что касается идеи типологическаго изученія исторіи, то она была мною разъяснена какъ въ самихъ этихъ курсахъ, такъ и въ особой статьѣ „Всемірно-историческая и типологическая точки зрѣнія въ изученіи исторіи“ [1]).

[1]) Появилась въ „Извѣстіяхъ Спб. Политехническаго Института“ и вышла въ свѣтъ отдѣльною брошюрою.

Первые два курса были посвящены древнему міру. Держась исторической послѣдовательности, я долженъ былъ бы посвятить третій курсъ „варварскимъ королевствамъ начала среднихъ вѣковъ“,—эта тема еще стоитъ у меня на очереди,—но я занялся въ немъ феодализмомъ („помѣстьемъ-государствомъ“) и сословною монархіею, къ которымъ теперь естественно примыкаютъ и абсолютизмъ новаго времени, и современное конституціонное государство, при чемъ исторія одного и другого въ теперь выходящихъ курсахъ поставлена въ особенно тѣсную связь и между собою: это — какъ бы лишь двѣ части общей исторіи политическихъ учрежденій и ученій новаго времени, въ то же время находящіяся одинаково въ связи съ курсомъ, вторая половина котораго имѣетъ предметомъ сословную монархію. Ближайшая связь „Абсолютной монархіи“ и „Народно-правового государства“ явствуетъ изъ разсмотрѣнія трехъ послѣднихъ главъ первой книги и III и XII главъ второй. Да и вообще, кромѣ того, нерѣдко въ одной книгѣ коротко говорится о томъ, что болѣе подробно разсматривается въ другой.

Во всѣхъ пяти курсахъ я держался одной основной идеи— разсматривать каждый политическій типъ, иллюстрируя общія положенія частными примѣрами изъ исторіи разныхъ государствъ, освѣщая исторію учрежденій исторіей идей и ставя все это въ необходимую связь съ исторіей экономическаго быта и классовыхъ отношеній. Это, однако, не вынуждало меня держаться въ построеніи отдѣльныхъ типологическихъ курсовъ какого-либо общаго для всѣхъ шаблона. И научныя, и педагогическія соображенія заставляли меня разнообразить самые планы моихъ типологическихъ курсовъ. Наприм., изъ двухъ первыхъ въ одномъ была особенно подчеркнута типологическая точка зрѣнія, тогда какъ въ другомъ я вынужденъ былъ особенно выдвинуть впередъ точку зрѣнія всемірно-историческую. Читатель увидитъ, что оба новые мои курсы составлены даже прямо по очень непохожимъ одинъ на другой планамъ.

Основная задача „Абсолютной монархіи“—дать общую ха-

рактеристику западно-европейскаго абсолютизма. Первыя четыре главы книги имѣютъ значеніе вступленія, двѣ слѣдующія — исторіи установленія и утвержденія абсолютизма, а съ седьмой главы начинается самая характеристика, распредѣленная по рубрикамъ династическихъ интересовъ, придворныхъ вліяній, формъ законодательства и суда, военнаго и финансоваго дѣла, экономической и соціальной политики, отношенія власти къ религіи и къ другимъ сторонамъ духовной культуры и, наконецъ, политическихъ теорій абсолютизма. Всему этому посвящено двѣнадцать главъ, занимающихъ 265 страницъ изъ 434. Къ нимъ можно причислить и главу XIX, дающую общую характеристику просвѣщеннаго абсолютизма, слѣдующія же три главы разсматриваютъ уже эпоху постепеннаго паденія абсолютизма, начиная съ французской революціи.

„Народно-правовое государство“ написано по другому плану. Во-первыхъ, въ этой книгѣ не дѣлается такихъ экскурсовъ изъ области политики въ области администраціи и финансовъ, сельскаго хозяйства, промышленности и торговли или экономической политики, придворныхъ нравовъ и сословнаго быта, религіи и духовной культуры, какими полна книга объ абсолютной монархіи. Въ книгѣ о конституціонномъ государствѣ все вниманіе сосредоточено на исторіи индивидуальной свободы, гражданскаго равноправія и народнаго представительства безъ экскурсовъ, за немногими лишь исключеніями, въ другія области. Задачею первой книги было дать изображеніе *результатовъ* разсматриваемой въ ней системы, задачею второй—представить *генезисъ* другой системы, смѣнившей или смѣняющей разсмотрѣнную въ первой. Если бы, далѣе, я сталъ во второй работѣ,—подобно тому, какъ это было сдѣлано въ первой,—располагать свой предметъ по такимъ, наприм., рубрикамъ, какъ гарантіи индивидуальной свободы, избирательныя системы, организація представительства, компетенція представительныхъ учрежденій и пр., и пр., то въ результатѣ получился бы курсъ конституціоннаго *права*, вродѣ „политико-морфологическаго обзора“,

изданнаго въ 1907 г. С. А. Котляревскимъ [1]), а не *исторіи* конституціоннаго государства, какъ одного изъ общихъ типовъ государственнаго устройства.

Итакъ, вотъ въ чемъ разница между обѣими книгами съ этимъ общимъ для нихъ предисловіемъ. Въ первой преобладаетъ *характеристика* даннаго политическаго строя съ его результатами, по возможности, *во всѣхъ сторонахъ* исторической жизни, во второй на первомъ планѣ — *эволюція* только *основныхъ особенностей* другого политическаго строя. Употребляя термины контовской соціологіи, я бы сказалъ, что въ одной господствуетъ *статическая* точка зрѣнія, примѣненная къ *общему consensus*'у общественныхъ явленій, въ другой — *динамическая* и въ примѣненіи лишь къ *одному изолированно* взятому вопросу. Сдѣлано мною это вполнѣ сознательно и преднамѣренно по соображеніямъ отчасти научнаго, но болѣе педагогическаго характера.

По исторіи абсолютной монархіи и конституціоннаго государства написаны мною не эти только двѣ книги: ихъ исторія заключается и въ пяти томахъ моей „Исторіи Западной Европы въ новое время", доведенной до того же момента, какъ и „Народно-правовое государство". Въ этомъ большомъ трудѣ, возникшемъ изъ университетскихъ курсовъ въ Московскомъ (1878—79 гг.), Варшавскомъ (1879—84 гг.) и Петербургскомъ университетахъ (1885—1898 гг.), прошлое абсолютизма и конституціонализма было вдвинуто, такъ сказать, въ общія рамки всего историческаго движенія новаго времени въ такихъ его проявленіяхъ, какъ гуманизмъ, реформація, просвѣщеніе XVIII вѣка и т. п., съ повѣствовательными и біографическими элементами [2]). Ни біографическихъ, ни повѣствовательныхъ эле-

---

[1]) *С. А. Котляревскій.* Конституціонное государство. Спб. 1907.

[2]) Общія рамки эти очерчены еще въ двухъ небольшихъ моихъ книжкахъ: „Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени" и „Общій взглядъ на исторію Западной Европы въ первыя двѣ трети XIX вѣка"; съ первою изъ нихъ, въ смыслѣ изображенія одной и той же эпохи, стоитъ

ментовъ совсѣмъ нѣтъ въ обоихъ типологическихъ курсахъ изъ исторіи новаго времени, но за то въ нихъ дано немало такого, что или совсѣмъ отсутствуетъ въ „Исторіи Западной Европы", или затронуто въ ней только вскользь [1]). Цѣлыя, въ высшей степени важныя стороны исторической жизни, съ другой стороны, обоими типологическими курсами совсѣмъ не разсматриваются. Особенно это приходится сказать о „Народно-правовомъ государствѣ", сосредоточенномъ, по самой своей темѣ, исключительно на одной политикѣ и потому лишь въ очень ограниченныхъ размѣрахъ касающемся исторіи экономическихъ отношеній, соціальныхъ движеній и соціалистическихъ ученій. Что авторъ придаётъ этой сторонѣ исторіи XIX в. очень важное значеніе, видно уже изъ того, что въ двухъ посвященныхъ XIX столѣтію томахъ „Исторіи Западной Европы" всему этому отведено столько мѣста, какъ ни въ одномъ подобномъ общемъ трудѣ на какомъ бы то ни было языкѣ [2]), но въ „Народно-правовомъ государствѣ" авторъ намѣренно ограничилъ себя тремя темами—индивидуальной свободы, гражданскаго равноправія и народнаго представительства—по мотивамъ, изложеннымъ въ первой же главѣ назван-

---

въ связи „Абсолютная монархія", со второю — „Народно-правовое государство". Общій характеръ обѣихъ—абстрактный, резюмирующій.

[1]) Въ „Абсолютной монархіи" (стр. 7) на это указано. Вообще, въ этой книгѣ особенно пополненъ фактическій матеріалъ, касающійся разныхъ сторонъ государственнаго и общественнаго быта въ XVI—XVIII вв., а въ „Народно-правовомъ государствѣ" фактическихъ дополненій сравнительно съ „Исторіей Западной Европы" меньше, хотя они встрѣчаются и здѣсь. Главныя изъ нихъ—вся VII глава и послѣдніе отдѣлы въ XIX и XXIII главъ.

[2]) Въ четвертомъ томѣ главы XXII—XXVII, занимающія около четверти текста (163 страницы изъ 661) и главы V (торжество буржуазіи послѣ 1830 г.), IX—XI, XIII, XVI (по соціальной исторіи между 1830 и 1848 гг.), XXX (о крестьянскихъ реформахъ) и XXXI (о соціальномъ движеніи въ шестидесятыхъ годахъ), въ общей сложности составляющія тоже около четверти текста (болѣе 200 страницъ изъ 886).

ской абсолютной монархіи". Въ каждой изъ этихъ книгъ разсматривается тотъ или другой типъ государственнаго устройства: это — или древняя городская республика, какою были, наприм., Аѳины, Спарта, Римъ, или древнія большія монархіи, начиная съ фараоновскаго Египта и кончая Римской имперіей и Ново-персидскимъ царствомъ, или феодальная сеньёрія и федерація сеньёрій, какія мы находимъ въ феодальныхъ государствахъ западно-европейскаго средневѣковья, или смѣнившая феодальную монархію монархія сословная, господствовавшая въ Западной Европѣ преимущественно въ XIV и XV вв., или, наконецъ, заступившая ея мѣсто абсолютная монархія, достигшая наибольшаго развитія въ XVII или XVIII столѣтіяхъ. Въ настоящей книгѣ та же общая идея типологическаго изученія, которая была положена въ основу перечисленныхъ историческихъ обзоровъ, примѣняется къ разсмотрѣнію новѣйшаго типа государственнаго устройства, носящаго названіе конституціоннаго съ отнесеніемъ къ нему одинаково, какъ монархій, въ которыхъ рядомъ съ властью наслѣдственнаго государя существуетъ и народное представительство, такъ и республикъ, не знающихъ никакой наслѣдственной власти, но одинаково съ конституціонными монархіями пользующихся народнымъ представительствомъ.

Для краткаго обозначенія основныхъ особенностей этого политическаго типа мы могли бы на основаніи только-что сказаннаго назвать современное конституціонное государство и государствомъ представительнымъ. Представительная система отличаетъ этотъ типъ въ одинаковой мѣрѣ и отъ монархій, и отъ республикъ прежняго времени, если только исключить изъ нихъ сословно представительныя монархіи и республики, въ которыхъ тоже было представительство, но не всей націи, а только отдѣльныхъ сословій. Говоря объ отличіи современныхъ конституціонныхъ монархій и конституціонныхъ республикъ отъ прежнихъ монархій и республикъ, я имѣю здѣсь въ виду главнымъ образомъ, съ одной стороны, абсолютныя монархіи, ни въ какой формѣ не допускавшія народъ къ участію въ государственныхъ дѣлахъ, а съ другой—республики, въ которыхъ, какъ это было въ античномъ мірѣ, весь народъ, въ политическомъ значеніи слова, принималъ участіе во власти. Признакъ представительства такимъ образомъ, отличая современное конституціонное государство какъ отъ абсолютной монархіи, такъ и отъ непосредственной респу-

ГЛАВА I.

Общая постановка вопроса.

Предметъ настоящей книги. — Значеніе представительства, какъ одного изъ основныхъ признаковъ современнаго государства. — Другой его признакъ — отсутствіе сословныхъ перегородокъ въ обществѣ. — Гарантія государствомъ личныхъ правъ, составляющая третій существенный признакъ современнаго конституціоннаго государства. — Вопросъ о различномъ пониманіи свободы въ древнемъ и въ новомъ мірѣ. — „Народность" современнаго конституціоннаго государства. — Демократическое государство въ древнемъ и новомъ пониманіи. — Отсутствіе крѣпостничества въ конституціонномъ государствѣ. — Задача и методъ изученія конституціоннаго государства въ настоящей книгѣ. — Различія въ способахъ происхожденія средневѣковыхъ и современныхъ представительныхъ учрежденій. — Вліяніе образцовъ и теорій на развитіе конституціонныхъ формъ. — Внутреннія причины въ отдѣльныхъ странахъ, приведшія ихъ къ принятію конституціоннаго строя. — Революціонное его происхожденіе. — Идеологія конституціоннаго строя и идея правового государства. — Соціальныя задачи современнаго государства.

Настоящая книга, будучи вполнѣ отдѣльнымъ сочиненіемъ, входитъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ серію работъ, объединенныхъ между собою общею задачею типологическаго изученія главныхъ государственныхъ формъ, какія только извѣстны исторической наукѣ. Первымъ изъ такихъ типологическихъ обзоровъ была книга, посвященная „государству-городу античнаго міра", вторымъ — книга о „монархіяхъ древняго Востока и греко-римскаго міра", третьимъ — о средневѣковомъ „помѣстьѣ — государствѣ" (т.-е. о феодальной сеньёріи) и о „сословной монархіи среднихъ вѣковъ" и четвертымъ — о „западно-европей-

ской абсолютной монархіи". Въ каждой изъ этихъ книгъ разсматривается тотъ или другой типъ государственнаго устройства: это — или древняя городская республика, какою были, наприм., Аѳины, Спарта, Римъ, или древнія большія монархіи, начиная съ фараоновскаго Египта и кончая Римской имперіей и Ново-персидскимъ царствомъ, или феодальная сеньёрія и федерація сеньёрій, какія мы находимъ въ феодальныхъ государствахъ западно-европейскаго средневѣковья, или смѣнившая феодальную монархію монархія сословная, господствовавшая въ Западной Европѣ преимущественно въ XIV и XV вв., или, наконецъ, заступившая ея мѣсто абсолютная монархія, достигшая наибольшаго развитія въ XVII или XVIII столѣтіяхъ. Въ настоящей книгѣ та же общая идея типологическаго изученія, которая была положена въ основу перечисленныхъ историческихъ обзоровъ, примѣняется къ разсмотрѣнію новѣйшаго типа государственнаго устройства, носящаго названіе конституціоннаго съ отнесеніемъ къ нему одинаково, какъ монархій, въ которыхъ рядомъ съ властью наслѣдственнаго государя существуетъ и народное представительство, такъ и республикъ, не знающихъ никакой наслѣдственной власти, но одинаково съ конституціонными монархіями пользующихся народнымъ представительствомъ.

Для краткаго обозначенія основныхъ особенностей этого политическаго типа мы могли бы на основаніи только-что сказаннаго назвать современное конституціонное государство и государствомъ представительнымъ. Представительная система отличаетъ этотъ типъ въ одинаковой мѣрѣ и отъ монархій, и отъ республикъ прежняго времени, если только исключить изъ нихъ сословно представительныя монархіи и республики, въ которыхъ тоже было представительство, но не всей націи, а только отдѣльныхъ сословій. Говоря объ отличіи современныхъ конституціонныхъ монархій и конституціонныхъ республикъ отъ прежнихъ монархій и республикъ, я имѣю здѣсь въ виду главнымъ образомъ, съ одной стороны, абсолютныя монархіи, ни въ какой формѣ не допускавшія народъ къ участію въ государственныхъ дѣлахъ, а съ другой—республики, въ которыхъ, какъ это было въ античномъ мірѣ, весь народъ, въ политическомъ значеніи слова, принималъ участіе во власти. Признакъ представительства такимъ образомъ, отличая современное конституціонное государство какъ отъ абсолютной монархіи, такъ и отъ непосредственной респу-

блики, въ то же время роднитъ его съ сословно-представительной монархіей (и таковой же республикой), которая исторически повсемѣстно предшествовала абсолютизму.

Мы можемъ, далѣе, назвать современное государство не просто представительнымъ, но именно народно-представительнымъ въ отличіе отъ государства сословно-представительнаго, какое выработалось къ концу среднихъ вѣковъ и въ новое время смѣнилось абсолютной монархіей. Въ сословной монархіи націю составляли отдѣльныя, рѣзко между собою разобщенныя сословія, представители которыхъ составляли въ государственныхъ сеймахъ особыя сословныя палаты, тогда какъ въ конституціонномъ государствѣ новѣйшаго времени господствуетъ антисословная тенденція, отчасти уже осуществленная, отчасти осуществляемая, и націю составляютъ не отграниченныя одно отъ другого сословія, а безсословное гражданство. Истиннымъ идеаломъ современнаго конституціоннаго государства, такъ сказать, предѣломъ его развитія изъ началъ, положенныхъ въ его основу, является всеобщее политическое равенство, никогда еще и нигдѣ раньше не осуществлявшееся, но даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ конституціонномъ государствѣ не всѣ граждане пользуются правомъ избранія представителей, въ области гражданскихъ отношеній все-таки господствуетъ принципъ равенства передъ закономъ, котораго не было въ средневѣковой сословной монархіи и въ смѣнившей ее монархіи абсолютной. Это отсутствіе въ общественномъ строѣ сословныхъ перегородокъ,— хотя бы къ представительству и были допущены только нѣкоторые общественные классы,—и составляетъ вторую основную черту современнаго конституціоннаго государства. Линія его эволюціи можетъ быть обозначена словомъ „демократизація", беря терминъ и въ смыслѣ паденія сословности, заключающейся въ неравенствѣ передъ закономъ отдѣльныхъ категорій населенія, и въ смыслѣ распространенія активнаго и пассивнаго избирательнаго права на всѣхъ совершеннолѣтнихъ гражданъ безъ какого-бы то ни было имущественнаго ценза, являющагося, въ сущности, въ современномъ конституціонномъ государствѣ лишь пережиткомъ прежняго сословнаго строя.

Третья существенная особенность современнаго конституціоннаго государства, особенность, отличающая его отъ всѣхъ государственныхъ устройствъ прежняго времени, это—то, что оно признаётъ за своими подданными извѣстныя личныя

права, которыя должны всегда оставаться священными и неприкосновенными для всякой власти. Эта черта конституціоннаго государства такъ важна, что даже сама представительная система можетъ разсматриваться, лишь какъ одинъ изъ способовъ обезпеченія личной свободы и вообще правъ личности. Дѣло въ томъ, что кому бы ни принадлежала верховная власть государства, одному ли лицу, сословію ли какому-нибудь, всей ли совокупности гражданъ, государство одинаково можетъ не признавать за отдѣльною личностью никакихъ правъ по отношенію къ самому себѣ, государству, и по отношенію къ представляющимъ его властямъ. За подданными и гражданами со стороны государства признавались личныя права лишь по отношенію къ другимъ частнымъ лицамъ, но не по отношенію къ государству, власть котораго надъ личностью и фактически была безусловною, неограниченною, и признавалась таковою въ теоріи. Въ особенности это безграничное всемогущество государства во всѣхъ проявленіяхъ его власти надъ отдѣльными индивидуумами развивалось въ абсолютныхъ монархіяхъ, какъ древняго, такъ и новаго міра, но и тамъ, гдѣ государство принимало другія формы, и народъ такъ или иначе принималъ участіе въ дѣлахъ правленія, равнымъ образомъ въ силѣ былъ принципъ неограниченности правъ государства и ничтожности правъ отдѣльной личности: участіе народа во власти отнюдь само не гарантируетъ того, что права личности не будутъ нарушены. Еще Монтескье указывалъ на необходимость не смѣшивать свободу народа съ властью народа, а критики Руссо, проповѣдовавшаго абсолютизмъ народной воли, характеризовали его ученіе, какъ перенесеніе на весь народъ той неограниченной власти, которою пользовались абсолютные монархи и которая во имя общаго блага считала себя въ полномъ правѣ дѣлать все, что только находила нужнымъ.

Только что отмѣченная черта новѣйшаго конституціоннаго государства настолько еще бросается въ глаза, что въ исторіи и въ политической наукѣ возникло и долго потомъ держалось представленіе о полной противоположности какъ въ пониманіи, такъ и въ осуществленіи свободы въ древнемъ и въ новомъ мірѣ. По этому взгляду [1]), древній міръ понималъ свободу исключительно въ смыслѣ самаго широкаго и

[1]) Государство-городъ, гл. XI и въ особенности стр. 149 и слѣд.

именно непосредственнаго участія во власти, хотя бы при этомъ права гражданъ были до-нельзя стѣснены, тогда какъ для новаго міра свобода заключается главнымъ образомъ въ безпрепятственномъ слѣдованіи личнымъ склонностямъ и въ безпрепятственномъ пользованіи личными способностями, хотя бы и при самомъ ограниченномъ, сведенномъ до призрачности участіи въ государственныхъ дѣлахъ. Конечно, для образованія такого взгляда были свои основанія, но далеко не все въ области взаимныхъ отношеній личности и государства можетъ быть подведено подъ эту формулу [1]), и исторія учитъ насъ, что и въ древнемъ мірѣ, и въ новомъ на извѣстныхъ ступеняхъ культурнаго развитія, при господствѣ извѣстныхъ формъ политическаго устройства указанныя отношенія складывались то менѣе благопріятно, то, наоборотъ, болѣе благопріятно для личности. Въ эпоху наибольшаго развитія аѳинской демократіи гражданинъ пользовался такою широкою свободою, какая не всегда встрѣчается въ иныхъ современныхъ государствахъ, называющихся конституціонными [2]), да и вообще чѣмъ менѣе государство отдѣляется отъ общества, т.-е. чѣмъ болѣе оно отдаляется отъ абсолютной монархіи, гдѣ такое отдѣленіе достигаетъ наивысшей точки своего развитія, тѣмъ скорѣе можно ожидать, что государство не будетъ претендовать на отнятіе у гражданъ всякой независимости и самостоятельности.

Таковы три основныхъ черты современнаго конституціоннаго государства: народное представительство, гражданское равноправіе и индивидуальная свобода. Въ какихъ бы фактическихъ отношеніяхъ ни находились между собою эти три черты, въ принципіальномъ смыслѣ первенство между ними, несомнѣнно, принадлежитъ той, которая названа послѣднею. Современное государство признаётъ за личностью извѣстныя, ей, какъ таковой, присущія, прирожденныя, а потому и неотъемлемыя права, откуда теоретически выводится, съ одной стороны, равенство всѣхъ передъ государствомъ, а съ другой, и право всѣхъ на участіе въ государственныхъ дѣлахъ. Выше конституціонное государство было названо народно-представительнымъ, но оно можетъ быть названо и просто народнымъ. Оно народно въ томъ смыслѣ, что не является дѣломъ

[1]) Тамъ же, стр. 152—153.

[2]) Тамъ же, стр. 334 и др.

исключительно государя и приставленныхъ имъ къ управленію чиновниковъ, а составляетъ дѣло и самого народа. Оно народно и въ томъ смыслѣ, что въ немъ есть народъ, какъ нѣкоторое національное цѣлое, а не отдѣльныя сословія, имѣющія неодинаковыя права, то надѣленныя ими сверхъ всякой мѣры, то, наоборотъ, лишенныя даже наиболѣе элементарныхъ правъ. Оно, современное государство, народно, наконецъ, и въ томъ еще смыслѣ, что постепенно осуществляетъ принципъ демократическаго равенства въ такомъ широкомъ пониманіи, какое и не снилось античнымъ народоправствамъ.

Это—сторона дѣла, которой тоже слѣдуетъ здѣсь коснуться нѣсколько подробнѣе. Только-что было отмѣчено различное, по часто высказывавшемуся мнѣнію, пониманіе свободы въ древнемъ и новомъ мірѣ. Гораздо болѣе основаній существуетъ для такого же противоположенія между античнымъ и новымъ пониманіемъ гражданскаго равенства, или демократіи, взятой въ смыслѣ именно равенства. Извѣстно, что демократическія государства-города древняго міра, даже въ періоды наибольшаго развитія въ нихъ демократіи, никогда не осуществляли принципа гражданскаго равноправія по отношенію ко всему населенію своихъ территорій [1]): рядомъ съ полноправными гражданами въ такихъ республикахъ существовали еще свободные, но политически безправные обыватели (въ Аѳинскомъ государствѣ метэки) и уже совершенно безправные рабы. Каждая античная демократія на нашу современную мѣрку была своего рода аристократіей, ибо членами государства признавался лишь одинъ классъ людей, носившій имя гражданъ [2]) и властвовавшій надъ остальнымъ населеніемъ государственной территоріи. Современное пониманіе принципа демократіи требуетъ распространенія равноправія на все населеніе государства и уже никоимъ образомъ не допускаетъ въ странѣ существованія такихъ формъ юридической зависимости однихъ людей отъ другихъ, какими были рабство и крѣпостничество. Правда, новѣйшая исторія знаетъ примѣръ долговременнаго существованія большой демократической республики, терпѣвшей на своей государственной территоріи настоящій институтъ невольничества, но, во-первыхъ, это — исключительный случай, а во-вторыхъ, въ

[1]) Тамъ же, гл. XVII.

[2]) Тамъ же стр. 123 и слѣд.

концѣ концовъ эта республика отдѣлалась отъ столь противорѣчиваго установленія, какимъ по отношенію къ ея внутреннимъ порядкамъ было рабство. Какъ общее правило, наоборотъ, можно выставить положеніе, что введеніе въ государствѣ конституціоннаго строя всегда сопровождалось паденіемъ остатковъ крѣпостничества. Средневѣковая сословная монархія была представительствомъ лишь духовенства, дворянства и верхняго слоя городского населенія, крестьянская же масса въ громадномъ большинствѣ случаевъ была исключена изъ права посылать своихъ сословныхъ представителей на собранія государственныхъ чиновъ, совсѣмъ не участвовала въ выборахъ [1]). Мало того, сословно-представительныя учрежденія не только мирились съ существованіемъ крѣпостничества, тамъ, гдѣ оно еще не исчезло, но нерѣдко и сами прикладывали руку къ тому, чтобы удерживать сельское населеніе въ состояніи безправія и неволи [2]). Другое дѣло—современное конституціонное государство: тѣ общественныя движенія, которыя приводили къ этому строю одну за другою отдѣльныя страны, не отдѣляли одного требованія отъ другого, т.-е. требованія свободныхъ государственныхъ формъ отъ требованія распространить и на крестьянскую массу блага личной свободы и гражданскаго равноправія.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній объ основныхъ чертахъ того политическаго типа, изображенію эволюціи котораго посвящена настоящая книга, мы можемъ ближайшимъ образомъ и опредѣлить ставимую въ ней задачу, равно какъ и способъ разрѣшенія этой задачи.

Задача наша заключается именно въ томъ, чтобы выяснить происхожденіе и развитіе народнаго представительства, въ связи съ вопросомъ о его составѣ и компетенціи и съ теоріями, которые на этотъ счетъ высказывались въ политической литературѣ, изобразить вмѣстѣ съ тѣмъ переходъ отъ прежняго сословнаго строя общества къ безсословному гражданству новѣйшаго времени и дать общую картину постепенныхъ завоеваній, сдѣланныхъ принципомъ индивидуальной свободы, лежащей, въ свою очередь, въ основѣ всѣхъ такъ называемыхъ общественныхъ свободъ. Подобно тому, какъ это дѣлалось въ другихъ нашихъ типологическихъ обзорахъ государственныхъ формъ,

---

[1]) Помѣстье-государство, стр. 198—199.

[2]) Тамъ же, гл. XXIII, особенно стр. 309 и слѣд.

мы, воздерживаясь отъ разсказа о событіяхъ, приводившихъ къ новымъ формамъ, будемъ слѣдить только за ихъ генезисомъ и эволюціей, беря соотвѣтственные факты изъ исторіи всѣхъ западно-европейскихъ странъ въ зависимости отъ того, гдѣ каждое явленіе, о которомъ только идетъ рѣчь, возникло и развилось раньше и полнѣе, или особенно рельефно выразилось или же, наконецъ, пріобрѣло особое значеніе по своему вліянію на другія страны. Читателю настоящей книги нужно особенно освоиться съ тою мыслью, что въ исторіи политическихъ движеній, какія только имѣли мѣсто въ прошломъ разныхъ странъ, перешедшихъ къ конституціонному режиму, весьма большую роль игралъ моментъ политическихъ заимствованій. Какое бы значеніе ни имѣли внутреннія для каждой отдѣльной страны причины ея перехода къ конституціонному строю, несомнѣнно, что страны, совершившія этотъ переходъ раньше, оказывали очень сильное вліяніе на тѣ, которыя лишь впослѣдствіи могли приступить къ внутреннему своему переустройству на новыхъ началахъ. Въ этомъ отношеніи существуетъ большая разница между средневѣковыми сословно-представительными и современными народно-представительными учрежденіями: первыя возникли, такъ сказать, параллельно въ разныхъ странахъ изъ внутреннихъ особенностей сословнаго строя, заключавшихся въ основныхъ чертахъ феодальнаго и коммунальнаго быта,—какъ это и было показано въ книгѣ о сословной монархіи [1]), тогда какъ въ исторіи новѣйшихъ конституцій наблюдается элементъ подражанія или заимствованія, позволяющаго говорить о „рецепціи“ политическихъ формъ извнѣ. Исторія этой рецепціи конституціонныхъ формъ началась для материка Западной Европы съ 1789 г., когда Франція сдѣлала первую попытку перейти отъ абсолютизма къ народному представительству, какое уже существовало въ Англіи, и тѣмъ подала первый примѣръ, которому потомъ одна за другою стали слѣдовать и остальныя страны. Эта историческая преемственность въ весьма значительной степени облегчаетъ именно типологическое изученіе современнаго конституціоннаго строя, такъ какъ здѣсь наблюдается нѣкоторое единство основной идеи, лежащей въ основѣ этого строя, разъ въ разныхъ странахъ онъ создавался по нѣкоторымъ общимъ образцамъ. Въ связи съ этою важною особенностью политическаго типа, разсматривае-

[1]) Тамъ же, стр. 192.

маго въ настоящей книгѣ, находится и другая, тоже весьма важная и даже прямо имѣющая право считаться наиболѣе существенною.

О средневѣковыхъ сословно-представительныхъ учрежденіяхъ можно сказать, что они создавались подъ натискомъ чисто практическихъ потребностей государства и общества, постепенно, одна часть за другою, на какой-либо ранѣе существовавшей основѣ, не въ силу какой бы то ни было отвлеченной теоріи, не по какому-нибудь общему плану, не на совершенно, такъ сказать, незастроенномъ мѣстѣ. Процессъ, создавшій средневѣковые государственные сеймы, если можно въ данномъ случаѣ такъ выразиться, былъ органически-эволюціонный. Эта черта особенно наблюдается въ исторіи англійскаго парламента, строившагося изъ ранѣе существовавшихъ матеріаловъ, часть за частью, безъ всякаго заранѣе придуманнаго плана, подъ непосредственнымъ давленіемъ жизненныхъ потребностей, а не какихъ-либо теоретическихъ соображеній и лишь постепенно, цѣлымъ рядомъ переходныхъ ступеней превратившагося изъ сословно-представительнаго въ народно-представительное собраніе [1]). Англія, какъ извѣстно, никогда не имѣла и до сихъ поръ не имѣетъ писанной конституціи, тогда какъ всѣ другія конституціонныя государства имѣютъ свои основные государственные акты, опредѣляющіе всѣ существенно важныя внутреннія отношенія политическаго характера въ каждой отдѣльной странѣ. Дѣло въ томъ, что Англія—одна изъ очень немногихъ западно-европейскихъ странъ, гдѣ представительство средневѣкового происхожденія не погибло, какъ это случилось въ другихъ странахъ [2]). Почти повсемѣстно на материкѣ Европы восторжествовала абсолютная монархія, истребившая почти всякую общественную самодѣятельность и тѣмъ самымъ уничтожившая какую бы то ни было возможность чисто органическаго развитія представительныхъ учрежденій [3]). Когда абсолютизмъ пережилъ самого себя, и націи стали требовать своей доли участія въ государственныхъ дѣлахъ, это участіе пришлось создавать вновь и сразу, на пустомъ, такъ сказать, мѣстѣ, пришлось воздвигать совершенно новое государственное зданіе по имѣвшимся уже образцамъ, на основаніи извѣстныхъ

---

[1]) Обо всемъ этомъ „Помѣстье-государство", гл. XX.

[2]) Тамъ же, гл. XXV.

[3]) Западно-европейская абсолютная монархія, гл. V и VI.

теоретическихъ соображеній, сколько бы обстоятельства мѣста и времени и данное для каждой страны соотношеніе реальныхъ силъ ни вносили отступленій отъ принятаго образца и отступленій отъ усвоенной теоріи. Какъ-никакъ, всѣ современныя конституціи имѣютъ свой прототипъ въ государственномъ устройствѣ Англіи и являются лишь отдѣльными случаями практическаго примѣненія, въ сущности, одной и той же конституціонной теоріи, въ основу которой была положена своего рода идеологія опять-таки англійской же конституціи. Вотъ почему исторію развитія современнаго конституціоннаго строя, намъ и приходится начинать съ изображенія англійской конституціи, какою она была наканунѣ начала рецепціи представительнаго образа правленія континентальными странами и какъ ее теоретически понимали въ это время. Съ другой стороны, кромѣ англійскаго образца, на конституціонныя движенія въ разныхъ странахъ Европы, начиная съ Франціи 1789 г., оказали немаловажное значеніе и вообще политическія и общественныя теоріи, въ которыхъ еще въ XVIII в., въ эпоху полнаго господства абсолютной монархіи, сословныхъ привилегій и порядковъ, отрицавшихъ за человѣческою личностью всякую самостоятельность, нашелъ свое наиболѣе яркое выраженіе протестъ противъ произвола, несправедливости и рабства во имя естественнаго права и отдѣльныхъ личностей, и цѣлыхъ народовъ на свободу и на равенство.

Все только-что сказанное, конечно, должно утвердить читателя въ той мысли, что, разсматривая въ настоящей книгѣ конституціонное государство, какъ особый политическій типъ, авторъ не могъ не стать на ту точку зрѣнія, въ силу которой сходство въ учрежденіяхъ отдѣльныхъ странъ въ данномъ случаѣ разсматривается, какъ результатъ не того, что одинаковыя условія создаютъ и одинаковыя формы быта, а того, что, разныя страны, перестраивая свой внутренній бытъ, подчинялись вліянію однихъ и тѣхъ же образцовъ и идей; здѣсь, въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не столько съ органически-эволюціонною стороною историческаго процесса, сколько со стороною преднамѣренно творческою, что даетъ намъ еще большее право на конструированіе даннаго политическаго типа, чѣмъ мы имѣемъ въ томъ случаѣ, когда сходство учрежденій совершенно не можетъ быть объяснено существованіемъ какого-либо прототипа, какой-либо идейной традиціи. Когда мы говоримъ о типѣ государства-города, обобщая сходныя черты Аѳинъ,

Спарты, Рима и т. п., или когда мы говоримъ о типѣ сословной монархіи, тоже обобщая сходныя черты, представляемыя англійскимъ парламентомъ, французскими генеральными штатами, нѣмецкими ландтагами, мы имѣемъ дѣло съ историческими явленіями, сходства которыхъ между собою объясняются общимъ положеніемъ о возникновеніи аналогичныхъ результатовъ изъ аналогичныхъ условій, но ни въ первомъ случаѣ государства-города, ни во второмъ — сословной монархіи и рѣчи быть не можетъ о томъ, чтобы отдѣльные города и страны устраивали свою жизнь по какому-либо образцу-прототипу и на основаніи какого-либо теоретическаго плана, сколько бы частныхъ заимствованій, можетъ быть, тамъ или здѣсь ни дѣлалось, сколько бы частныхъ измѣненій и ни было произведено на основаніи отвлеченныхъ соображеній.

Вопросъ о значеніи заимствованій извнѣ вообще и въ государственномъ быту въ частности есть вопросъ очень интересный, какъ и вопросъ о вліяніи идей на самоё жизнь, но, конечно, не здѣсь его рѣшать. Ограничусь только указаніемъ, что, наприм., исторія абсолютной монархіи, какъ въ древности, такъ и въ новое время, даетъ массу матеріала для рѣшенія этого вопроса въ положительную сторону, какими бы оговорками положительный отвѣтъ ни сопровождался [1]). Главною оговоркою по поводу вліянія иностранныхъ образцовъ и отвлеченныхъ теорій всегда будетъ указаніе на то, что всякое такое вліяніе, разъ оно дѣйствительно обнаруживается, предполагаетъ извѣстное предрасположеніе къ его воспріятію, въ свою очередь, являющееся результатомъ движенія чисто внутреннихъ и чисто практическихъ причинъ въ опредѣленномъ направленіи. Эту оговорку и мы обязаны здѣсь принять всецѣло. Если мы видимъ, что одна за другою разныя страны стали переходить къ конституціонному строю, какъ бы онъ въ отдѣльныхъ странахъ ни разнообразился, то первая мысль, которая намъ по этому поводу приходитъ въ голову, должна заключаться въ томъ, что, значитъ, на это въ каждой странѣ, въ отдѣльности взятой, были свои внутреннія причины, приблизительно одинаковыя съ внутренними причинами, дѣйствовавшими и въ другихъ странахъ. Фактическая исторія подтверждаетъ это предположеніе. Абсолютизмъ повсемѣстно, гдѣ онъ ни дѣйство-

---

[1]) Монархіи древняго Востока, стр. 66, 141 и слѣд., 258 и слѣд.— Западно-европейская абсолютная монархія, гл. II и XVIII.

валъ, приводилъ приблизительно къ одинаковымъ результатамъ собственнаго разложенія, гибельно отражавшагося на всемъ государствѣ, и возбужденія оппозиціонныхъ стремленій въ обществѣ, перераставшемъ эту политическую форму, которая только тормазила его правильное развитіе. Вотъ почему и переходъ къ конституціонному режиму почти повсемѣстно совершался приблизительно одинаковымъ образомъ.

Если мы возьмемъ исторію Западной Европы со времени образованія въ провинціяхъ западной половины Римской имперіи варварскихъ королевствъ, то во всѣхъ бывшихъ въ ней перемѣнахъ, какія только происходили въ государственномъ строѣ, мы найдемъ какъ нѣкоторое общее правило, извѣстную и притомъ медленную постепенность. Распаденіе варварскихъ королевствъ на феодальныя сеньёріи, или „помѣстья - государства" совершалось мало-по-малу, едва замѣтными переходами отъ однихъ порядковъ къ другимъ [1]), и столь же медленно и постепенно происходилъ обратный процессъ реинтеграціи государства изъ сеньёрій въ феодальную монархію [2]), въ которой опять-таки не сразу и не очень скоро выросли представительные государственные сеймы, составляющіе отличительный признакъ монархіи сословной [3]), а затѣмъ и водвореніе абсолютизма въ большинствѣ случаевъ не было результатомъ какого-либо внезапнаго государственнаго переворота [4]). Другими словами, варварскія королевства феодализировались, феодальныя сеньёріи слагались въ монархіи, въ которыхъ возникали сословно-представительныя учрежденія, уступавшія мѣсто абсолютизму, во всѣхъ этихъ своихъ измѣненіяхъ путемъ эволюціи, вѣрнѣе—путемъ болѣе или менѣе медленнаго накопленія и постепеннаго закрѣпленія мелкихъ измѣненій. Наоборотъ, замѣна абсолютной монархіи конституціоннымъ государствомъ совершалась главнымъ образомъ путемъ революцій, путемъ полнаго ниспроверженія стараго строя для воздвиженія на его развалинахъ совершенно новаго зданія. Нѣтъ нужды, что въ отдѣльныхъ случаяхъ не было насильственнаго переворота, и что цѣли, которыя ставились себѣ отдѣльными революціями, не всегда и невполнѣ достигались, революціонное происхожденіе

---

[1]) Помѣстье-государство, гл. III и IV.

[2]) Тамъ же, гл. XII.

[3]) Тамъ же, стр. 196 и слѣд.

[4]) Западно-европейская абсолютная монархія, гл. V и VI.

современнаго конституціоннаго строя не подлежитъ сомнѣнію, ибо это общій историческій фактъ. Не говоря о нидерландской революціи второй половины XVI в., о двухъ англійскихъ революціяхъ XVII в. и объ американской революціи второй половины XVIII в., имѣвшихъ свое значеніе въ общей исторіи конституціонализма, мы главнымъ образомъ имѣемъ въ виду французскую революцію 1789 г., недаромъ получившую названіе великой, и всѣ революціонныя потрясенія первой половины XIX в., которыя содѣйствовали распространенію представительнаго образа правленія по всему Западу. Русскія событія 1905 г.—лишній примѣръ того же общаго положенія.

Какъ было уже отмѣчено [1]), въ настоящемъ историческомъ обзорѣ конституціоннаго государства читатель не найдетъ изложенія прагматическихъ фактовъ, т. е. событій, и, слѣдовательно, не найдетъ изложенія фактическаго хода разныхъ революцій, о которыхъ приходится упоминать въ исторіи конституціонныхъ формъ и идей. Именно политическія формы и идеи, а не событія составляютъ главное содержаніе и этого типологическаго обзора, какъ и другихъ, ему подобныхъ, уже указанныхъ выше. Для событій мнѣ остается только отослать читателя къ другимъ пособіямъ [2]), а тутъ въ дополненіе ко всему сказанному въ этой вступительной главѣ я отмѣчу еще одну особенность настоящей книги.

Только-что было сказано, что главное содержаніе ея—политическія формы и идеи, и прибавлено, что такъ было и въ другихъ моихъ типологическихъ обзорахъ разныхъ государственныхъ устройствъ. Каждая политическая форма не только имѣетъ фактическое существованіе въ извѣстныхъ реальныхъ отношеніяхъ общества, но, кромѣ того, такъ или иначе отражается еще и въ общественномъ сознаніи, гдѣ получаетъ извѣстную идейную формулировку и принципіальное вмѣстѣ съ тѣмъ обоснованіе. Во всѣхъ своихъ типологическихъ обзорахъ, весьма естественно, я считалъ нужнымъ дополнить то, что можно, назвать политической морфологіей, соотвѣтственными данными, изъ исторіи политической идеологіи, шла ли рѣчь о государствѣ-городѣ и монархіи древности, или о сословной и абсолют-

---

[1]) См. выше, стр. 8.

[2]) Отсылаю, между прочимъ, къ тѣмъ отдѣламъ своей „Исторіи Западной Европы въ новое время“, въ которыхъ излагается исторія происходившей въ XVI—XIX вв. политической борьбы.

ной монархіи новой Европы [1]). Каждый развитой государственный строй имѣетъ свою идеологію, а конституціонный—болѣе, чѣмъ какой бы то ни было другой, ибо, какъ это уже было отмѣчено [2]), въ исторіи конституціоннаго строя очень часто (для многихъ странъ, по крайней мѣрѣ) идея задолго предшествовала факту, и само государственное устройство создавалось на основаніи теоріи. Возникши въ эпоху абсолютизма, идея государства, осуществляющаго требованія естественнаго права, стала играть въ общественномъ сознаніи роль руководящаго принципа въ дѣлѣ политическаго творчества, сама претерпѣвая, конечно, измѣненія въ этомъ процессѣ воплощенія въ политическихъ формахъ отвлеченныхъ началъ свободы и равенства. Мы называемъ нерѣдко конституціонное государство государствомъ правовымъ, такъ какъ въ основу пониманія его сущности кладется идея права, передъ которымъ должна склоняться всякая власть, хотя бы даже и власть самого народа [3]). Главнымъ признакомъ гражданина свободнаго государства является въ настоящее время не участіе во власти, какъ во времена Аристотеля [4]), а возможно наибольшей независимости отъ какой бы то ни было власти, обезпечиваемой въ свою очередь подчиненіемъ и самой власти праву. Конечно, это господство права, какъ таковое, есть только идеалъ, къ которому должно стремиться государство,—а идеалъ всегда идетъ впереди дѣйствительности, — но весьма важно, что идеологія современнаго конституціоннаго государства строится на идеѣ права, имѣющаго свой источникъ въ нравственномъ достоинствѣ человѣческой личности. Конституціонное государство, какъ мы видѣли [5]), есть государство народное, но мы можемъ сказать еще, что оно есть и государство правовое. Оно мыслится, какъ существующее для народа и черезъ народъ, причемъ народъ понимается въ смыслѣ безсословнаго гражданства,—и мыслится, какъ подчиненное праву, которое въ свою очередь понимается въ смыслѣ высшаго ре-

---

[1]) Государство-городъ, гл. XIV. — Монархіи, въ гл. XI и въ концѣ XVII.—Помѣстье-государство, гл. XVIII.—Западно-европейская абсолютная монархія, гл. XVIII.

[2]) См. выше, стр. 8.

[3]) См. въ соч. *Дайси* (*Dicey*). Государственное право Англіи.

[4]) Государство-городъ, стр. 124 и слѣд.

[5]) См. выше, стр. 5—6.

гулятора жизни, ограждающаго человѣческую личность отъ покушеній на нее хотя бы и со стороны самого государства. Въ связи съ этимъ современное народно-правовое государство— въ пониманіи передовыхъ представителей политической мысли— совершенно отказывается отъ фикціи „государства для государства", какою одинаково жили и античныя демократіи, и абсолютныя монархіи всѣхъ временъ [1]): государство всегда служитъ чьимъ-либо интересамъ, и кто распоряжается государствомъ, тотъ изъ существованія данной политической формы и извлекаетъ для себя выгоду. Въ пониманіи передовыхъ представителей политической мысли нашего времени выгодами государственности должны пользоваться всѣ, чѣмъ на государство возлагается задача соціальнаго законодательства, имѣющаго цѣлью коренное преобразованіе всей общественной жизни, начиная съ ея экономической основы и кончая ея юридическими нормами. Такой задачи не могли себѣ поставить государственныя формы былыхъ временъ: объ аристократическихъ республикахъ древняго и новаго міра, о феодальной и сословной монархіи, равно какъ и о бюрократическомъ государствѣ и говорить нечего, но то же самое относится одинаково и къ античной демократіи съ ея замкнутостью, исключительностью и властолюбіемъ, и къ просвѣщенному абсолютизму, оправдывавшему свое существованіе служеніемъ общему благу. Только народно-правовое государство, складывающееся въ наше время, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи призвано участвовать въ разрѣшеніи великой соціальной проблемы, поставленной XIX вѣкомъ.

[1]) Государство-городъ гл. XI.

ГЛАВА II.

Происхожденіе представительной системы и общественныхъ вольностей въ новой Европѣ.

Отсутствіе представительной системы въ античномъ мірѣ и начало ея во второй половинѣ среднихъ вѣковъ.—Аристократизація древне-германскихъ народныхъ вѣчъ и ихъ продолженіе въ формѣ феодальныхъ курій.—Начало участія городского сословія въ политической жизни.—Возникновеніе выборныхъ депутатовъ.—Сословный характеръ средневѣкового представительства.—Причины слабости сословныхъ сеймовъ.—Теорія сословной монархіи.—Договорный характеръ политическихъ отношеній въ сословной монархіи.—Феодальное происхожденіе этой черты.—Средневѣковая судебная гарантія личной неприкосновенности.—Отсутствіе въ средніе вѣка государственной опеки надъ общественною жизнью и образованіе общественныхъ союзовъ.—Слабость средневѣкового государства.—Абсолютизмъ средневѣкового католицизма.—Общее значеніе гуманизма и реформаціи въ эманципаціи Западной Европы.—Борьба въ XVI и XVII вв. за свободу совѣсти.—Возстанія протестантскихъ подданныхъ въ XVI в. противъ католическихъ правительствъ. — Историческій примѣръ нидерландской революціи.

Представительная система, занимающая столь важное мѣсто въ современномъ конституціонномъ государствѣ, была совершенно неизвѣстна древнему міру. Тамъ, гдѣ народъ принималъ участіе въ государственныхъ дѣлахъ, граждане являлись—каждый лично—въ тѣ собранія, въ которыхъ эти дѣла обсуждались и рѣшались, а не выбирали, какъ теперь, депутатовъ, съ значеніемъ народныхъ представителей, уполномоченныхъ народомъ дѣйствовать отъ его имени. Эти непосредственныя народныя собранія, или вѣча, какъ мы ихъ обыкновенно называемъ, существовали у грековъ еще гомеровскихъ временъ, какъ существовали потомъ у германцевъ эпохи Тацита или у славянъ въ начальную пору ихъ исторіи [1]). Когда раннія племенныя государственныя общины грековъ уступили мѣсто болѣе позднимъ государствамъ-городамъ, въ послѣд-

[1]) Государство-городъ, стр. 39.

нихъ тоже существовали непосредственныя собранія гражданъ, въ которыхъ иногда сосредоточивалась вся верховная власть, какъ это особенно было въ Аѳинахъ въ эпоху наибольшаго развитія въ нихъ демократическаго строя, т. е. въ V и IV вв. до Р. Х.: это была знаменитая экклесія [1]). Въ Римѣ, какъ государствѣ-городѣ, тоже были свои непосредственныя собранія народа, на которыя онъ созывался по существовавшимъ въ немъ дѣленіямъ на куріи, центуріи и трибы, т.-е такъ называемыя комиціи куріатныя (древнѣйшія и съ аристократическимъ составомъ), центуріатныя (тимократическаго характера) и трибутныя болѣе позднія, демократическія и въ концѣ концовъ получившія наиболѣе важное значеніе въ государственной жизни [2]). Но такое непосредственное участіе гражданъ въ государственныхъ дѣлахъ могло только существовать въ государствахъ съ небольшими территоріями и съ незначительнымъ количествомъ гражданъ, и едва государство достигало бо̀льшихъ размѣровъ, какъ такая политическая форма оказывалась для него непригодною и прямо неосуществимою. Лучше всего это видно на примѣрѣ Рима, основавшаго громадную державу вокругъ всего Средиземнаго моря и превратившагося изъ государства-города лишь въ столицу этой державы, которая, въ свою очередь, сдѣлалась абсолютной монархіей [3]). Только въ самомъ концѣ Римской имперіи на Западѣ въ ея провинціяхъ стали происходить своего рода депутатскія собранія, изъ которыхъ при благопріятныхъ условіяхъ могла бы выработаться представительная система [4]), но какъ-разъ этихъ благопріятныхъ обстоятельствъ не наступило, и представительная система такъ-таки осталась неизвѣстною всей древности.

Возникновеніемъ представительной системы исторія обязана только среднимъ вѣкамъ, да и то лишь позднему средневѣковью, самое раннее XII столѣтію, главнымъ образомъ XIII и XIV вѣкамъ [5]). У германцевъ, основавшихъ свои государства въ провинціяхъ Западной Римской имперіи, издавна существовали свои всенародныя вѣча, съ теченіемъ времени,

---

[1]) Тамъ же, стр. 275.

[2]) Тамъ же, стр. 143—144.

[3]) Тамъ же, стр. 288 и слѣд.

[4]) Монархіи, стр. 283—284.

[5]) Помѣстье-государство, стр. 192 и слѣд.

однако, все болѣе и болѣе приходившія въ упадокъ. Съ одной стороны, образованіе болѣе крупныхъ государственныхъ территорій дѣлало фактически невозможнымъ появленіе на вѣчѣ всего народа: еще мѣстные жители пункта, гдѣ происходило собраніе, могли присутствовать на такомъ вѣчѣ, но изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ могли съѣзжаться лишь болѣе обезпеченные люди, которымъ это дозволялъ досугъ, дозволяли средства. Съ другой стороны, раннее средневѣковье было эпохой соціальной феодализаціи, которая заключалась, между прочимъ, въ уменьшеніи числа свободныхъ людей, становившихся въ зависимыя отношенія къ болѣе богатымъ и сильнымъ людямъ. Оба эти обстоятельства, т. е. разростаніе государственной территоріи, вопервыхъ, и уменьшеніе количества свободныхъ людей въ странѣ, вовторыхъ, имѣли своимъ результатомъ постепенную аристократизацію прежняго всенароднаго вѣча, превращеніе его въ съѣздъ крупныхъ землевладѣльцевъ, высшаго духовенства и королевскихъ чиновниковъ [1]). Въ частности это общее положеніе примѣнимо и къ исторіи такъ называемаго витенагемота до-нормандской Англіи [2]), о которомъ здѣсь не лишнее дѣло упомянуть въ виду его значенія въ исторіи англійскаго парламента [3]). За соціальной феодализаціей, съигравшей только-что указанную роль въ процессѣ аристократизаціи непосредственныхъ народныхъ собраній, послѣдовала феодализація политическая [4]), т. е. раздробленіе государственной власти между областными правителями, сдѣлавшимися наслѣдственными, и крупными землевладѣльцами, превратившимися въ своего рода государей въ принадлежавшихъ имъ помѣстьяхъ; то же положеніе заняли въ государствѣ и высшіе чины католическаго клира, т. е. епископы и аббаты монастырей. Въ обществѣ такимъ образомъ сформировался классъ господъ, „сеньёровъ“, какъ ихъ принято называть, или помѣщиковъ-государей, которые изъ подданныхъ короля превратились въ его вассаловъ и сами могли имѣть и подданныхъ, и вассаловъ. Въ эту эпоху полнаго развитія феодализма [5]), когда и сама монархія сдѣлалась феодальнымъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 33.

[2]) Тамъ же, стр. 151.

[3]) Тамъ же, стр. 253.

[4]) О различіи соціальнаго и политическаго феодализма тамъ же, стр. 8.

[5]) Обо всемъ только-что сказанномъ см. тамъ же, глава V.

учрежденіемъ [2]), аристократическіе съѣзды, о которыхъ только-что было упомянуто, превратились въ съѣзды королевскихъ вассаловъ, духовныхъ и свѣтскихъ сеньёровъ, обладавшихъ въ той или другой мѣрѣ правами верховной власти въ своихъ владѣніяхъ. Пользуясь французскимъ терминомъ, мы можемъ назвать вообще всѣ такіе съѣзды сеньёровъ феодальными куріями, гдѣ сюзеренъ совѣщался со своими вассалами обо всѣхъ дѣлахъ, требовавшихъ ихъ согласія, какъ-то—по вопросамъ законодательства, налогового обложенія на общія нужды и т. п. [2]). Въ такую же феодальную курію превратился и англійскій витенагемотъ послѣ того, какъ нормандскій герцогъ Вильгельмъ, прозванный Завоевателемъ, овладѣлъ Англіей и ввелъ въ ней феодальные порядки: здѣсь смѣнившая витенагемотъ феодальная курія получила названіе „великаго совѣта" (magnum consilium) [3]). Особенность всѣхъ этихъ совѣтовъ-курій—та, что каждый, принимавшій въ нихъ участіе, являлся сюда по личному своему праву, не какъ выборный депутатъ, а какъ обладатель извѣстныхъ публичныхъ правъ, въ числѣ коихъ было и право (но въ то же время и обязанность) помогать королю своимъ совѣтомъ [4]).

Вотъ эти-то съѣзды феодальныхъ сеньёровъ при дворѣ сюзерена и были основою, на которой выросли потомъ сословно-представительныя учрежденія конца среднихъ вѣковъ. Существенно важнымъ моментомъ въ процессѣ превращенія феодальныхъ курій въ сословные сеймы было появленіе на этихъ собраніяхъ рядомъ съ феодальными элементами, духовнымъ и свѣтскимъ, и элемента городского. До эпохи крестовыхъ походовъ городская жизнь на Западѣ развита была чрезвычайно слабо, и въ эпоху феодализаціи города даже прямо очутились, наравнѣ съ деревнями, подъ властью феодальныхъ сеньёровъ, главнымъ образомъ графовъ (прежнихъ губернаторовъ) и епископовъ, причемъ городское населеніе иногда было низводимо на уровень крѣпостныхъ крестьянъ. Начиная съ XI в., особенно въ XII и XIII столѣтіяхъ, подъ вліяніемъ оживленія торговли и промышленности, въ городахъ началось сильное движеніе, цѣлью котораго было пріобрѣтеніе свободы путемъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 135 и слѣд.

[2]) Тамъ же, стр. 143.

[3]) Тамъ же, стр. 253.

[4]) Объ этой феодальной обязанности вассала тамъ же, стр. 123.

ли соглашенія съ сеньёрами, или съ оружіемъ въ рукахъ. Результатомъ этого движенія было освобожденіе городовъ отъ произвольной власти сеньёровъ и введеніе въ нихъ внутренняго самоуправленія, притомъ нерѣдко въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что города получали совершенную политическую самостоятельность, наравнѣ съ духовными и свѣтскими сеньёрами, дѣлаясь какъ-бы „коллективными вассалами", и заводили у себя часто республиканскіе порядки съ выборными властями. На сѣверѣ Франціи города, достигшіе такого же положенія въ королевствѣ, какое занимали феодальные сеньёры, получили названіе коммунъ, которое можно распространить, для того, чтобы имѣть какой-либо общій терминъ, и вообще на всѣ города, пользовавшіеся болѣе или менѣе широкимъ самоуправленіемъ [1]). Пріобрѣтеніе городами экономическаго и политическаго значенія весьма скоро повлекло за собою появленіе и городского элемента рядомъ съ феодальными (духовнымъ и свѣтскимъ) элементами на съѣздахъ, собиравшихся при особѣ короля для разсмотрѣнія наиболѣе важныхъ дѣлъ. такъ или иначе касавшихся всѣхъ трехъ названныхъ сословій. Періодъ постепеннаго присоединенія горожанъ къ феодальнымъ куріямъ, это — XII — XIV вѣка, такъ какъ указанное явленіе наблюдается въ однихъ мѣстахъ раньше, въ другихъ позже [2]). Наприм., появленіе городского элемента въ англійскомъ парламентѣ относится къ 1265 г., во французскихъ генеральныхъ штатахъ его пріурочиваютъ къ 1302 г. [3]).

Какъ духовенство и дворянство были представлены первоначально не выборными отъ этихъ двухъ сословій депутатами. а членами обоихъ сословій, въ отдѣльныхъ случахъ осуществлявшими лично принадлежавшее каждому изъ нихъ право, такъ и города на первыхъ порахъ посылали на сословные сеймы не нарочно для участія въ нихъ выбранныхъ депутатовъ, а носителей мѣстной муниципальной власти, т.-е. городскихъ головъ (мэровъ) или одного изъ членовъ городского совѣта (эшевеновъ), какъ это наблюдается, наприм., въ раннихъ генеральныхъ штатахъ во Франціи [4]). Замѣна участія въ сословныхъ сеймахъ въ силу личнаго права или должностнаго

---

[1]) Все, что сказано о городѣ, подробнѣе тамъ же, гл. XI.

[2]) Тамъ же стр. 192 и 198.

[3]) Тамъ же, стр. 233 и 261.

[4]) Тамъ же, стр. 243.

положенія участіемъ по уполномоченію, въ силу спеціальнаго избранія извѣстною категоріею лицъ, произошла постепенно, иногда трудно уловимыми переходами [1]) и во всякомъ случаѣ вовсе не была какимъ-либо теоретическимъ изобрѣтеніемъ, продиктованнымъ какими-нибудь принципіальными соображеніями. Напротивъ, система представительства была, такъ сказать, найдена ощупью, выработалась постепенно, безъ всякой предвзятой мысли, подъ давленіемъ практическихъ потребностей, изъ какихъ-нибудь ранѣе существовавшихъ въ жизни отношеній, какъ это особенно ясно на примѣрѣ англійскаго парламента [2]). Развитіе и распространеніе института выборнаго представительства, примѣръ чему, повидимому, главнымъ образомъ дали города, не устранило, однако, изъ сословныхъ сеймовъ участниковъ и по личному праву или по должностному положенію: примѣръ—хотя бы верхняя палата въ англійскомъ парламентѣ, въ которой засѣдаютъ по личному праву свѣтскіе лорды, по должностному положенію — лорды духовные (епископы). Наоборотъ, во французскихъ генеральныхъ штатахъ съ теченіемъ времени возобладалъ принципъ выборнаго представительства, и если въ числѣ членовъ того или другого „штата“ мы встрѣчаемъ какого-нибудь герцога или епископа, то лишь потому, что этотъ герцогъ или этотъ епископъ былъ выбранъ дворянствомъ или духовенствомъ извѣстнаго округа для того, чтобы представлять собою или дворянство, или духовенство, на то его уполномочившее [3]).

Участники средневѣковыхъ сословныхъ сеймовъ являлись вообще представителями не всей націи, а того или другого опредѣленнаго сословія. Всѣ эти собранія государственныхъ „чиновъ“ (états, estates, Stände), какъ ихъ называли, кастильскіе, арагонскіе и португальскіе кортесы, французскіе генеральные штаты (états généraux), ландтаги отдѣльныхъ германскихъ княжествъ и т. п., да и самъ англійскій парламентъ на первыхъ порахъ [4]) дѣлились на строго сословныя палаты, каждая изъ которыхъ прежде всего стояла на стражѣ именно сословныхъ интересовъ. Самымъ типичнымъ и до извѣстной степени наиболѣе обычнымъ было дѣленіе сословнаго сейма

[1]) Тамъ же, стр. 198.
[2]) Тамъ же, стр. 263.
[3]) Тамъ же, стр. 243.
[4]) Тамъ же, стр. 265.

на три чина и соотвѣтственно съ этимъ на три отдѣльныя палаты, какъ это было во Франціи, хотя существовали и другія комбинаціи [1]). Конечно, этими чинами были духовенство, дворянство и городское сословіе, „третій чинъ“ (tiers état), какъ съ конца XV в. оно стало обозначаться во Франціи, собственно же говоря, только верхній, привилегированный слой городского населенія, буржуазія, бюргерство [2]). Отсюда видно, что это было представительство главнымъ образомъ такъ называемыхъ высшихъ, имущихъ классовъ общества съ типичнымъ для сословныхъ сеймовъ исключеніемъ изъ нихъ представительства и всей крестьянской массы. Послѣднее существовало лишь кое-гдѣ въ видѣ рѣдкаго исключенія, какое, наприм., представляютъ собою шведскій риксдагъ, имѣвшій четыре сословныя палаты (четвертая—крестьянская [3]), или французскіе генеральные штаты второго періода ихъ существованія, когда выборы въ „третье сословіе“ происходили не только въ городахъ, но и въ деревняхъ [4]). Любопытно, что собранія областныхъ чиновъ во Франціи, или такъ называемые провинціальные штаты, кое-гдѣ уцѣлѣвшіе до самой революціи, такъ-таки до самаго конца сохранили свой старый составъ безъ всякаго представительства отъ деревень [5]).

Это устраненіе отъ участія въ сословныхъ сеймахъ всей народной массы и дѣленіе ихъ на сословныя палаты были главными причинами ихъ слабости и непрочности [6]). Какихъ бы успѣховъ, иногда поистинѣ весьма значительныхъ, они ни достигали по мѣстамъ и по временамъ въ ограниченіи королевской власти [7]), они не пользовались ни сочувствіемъ, ни поддержкою большинства населенія и не проявляли достаточной солидарности въ своихъ отношеніяхъ къ королевской власти. Исторія отношенія сословныхъ чиновъ, наприм., къ крестьянству [8]) вполнѣ объясняетъ, почему въ народной массѣ сеймы не пользовались популярностью и даже прямо вызывали въ ней про-

---

[1]) Тамъ же, стр. 234.

[2]) О происхожденіи термина тамъ же, стр. 169 и 171.

[3]) Тамъ же, стр. 199.

[4]) Тамъ же, стр. 244.

[5]) Тамъ же, стр. 244.

[6]) Тамъ же, стр. 338 и слѣд.

[7]) Примѣры тамъ же, въ гл. XXII.

[8]) Тамъ же, гл. XXIII.

тивъ себя нареканія. Съ другой стороны, сословная исключительность часто приводила къ ссорамъ между отдѣльными чинами [1]), что было только на руку для королевской власти, стремившейся къ абсолютизму. Эта сословность средневѣкового представительства сама была лишь естественнымъ выраженіемъ сословнаго строя, характеризующаго средневѣковое общество съ его чисто феодальными основами [2]). Первыми участниками сословныхъ сеймовъ были духовные и дворяне, владѣльцы сеньёрій съ ихъ закрѣпощеннымъ или полузакрѣпощеннымъ крестьянскимъ населеніемъ, и, конечно, не отъ нихъ можно было ожидать, что они будутъ защищать интересы этого самаго населенія, которое они угнетали на мѣстахъ, и еще менѣе—что они дадутъ рядомъ съ собою въ сеймахъ мѣсто его представителямъ. Городъ тоже до такой степени обособился отъ деревни, что и въ его представительствѣ не было такихъ элементовъ, которые имѣли бы особыя побужденія отстаивать крестьянскіе интересы. Однимъ словомъ, народная масса со стороны всѣхъ трехъ сословій, представленныхъ на сеймахъ, встрѣчала одно и то же, для себя крайне неблагопріятное отношеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе или менѣе одинаково враждебные или равнодушные къ народнымъ интересамъ представители трехъ сословій сводили на собраніяхъ членовъ свои счеты, ссорились между собою, интриговали другъ противъ друга и готовы были предать одни другихъ, тѣмъ самымъ ставя надъ собою высшимъ судьею королевскую власть.

И все-таки это была въ извѣстной степени политическая свобода въ смыслѣ общественнаго самоуправленія, которое существовало и въ мѣстной жизни, т.-е. и въ городскомъ, и въ областномъ устройствѣ. Уже на первыхъ же порахъ существованія сословныхъ сеймовъ понимали то различіе, какое существуетъ между неограниченною и ограниченною королевскою властью, различіе, сводившееся, по представленію теоретиковъ сословной монархіи, къ тому, что въ ней воля государя не была, какъ учили римскіе юристы, закономъ, и что, наоборотъ, сама королевская власть въ такомъ государственномъ устройствѣ была подзаконною. Не то, какъ они говорили, есть законъ, что благоугодно государю, а то, что принято по соглашенію между

---

[1]) Примѣры тамъ же, гл. XIX, XXII и XXV.

[2]) Тамъ же, гл. XVI.

королемъ, вельможами и народомъ. Особенно въ Англіи развилось это ученіе,—въ Англіи, гдѣ въ XIII вѣкѣ возникъ въ тяжелой борьбѣ съ королевскою властью парламентъ, и гдѣ ученіе о народномъ участіи въ возникновеніи закона тогда же, въ XIII столѣтіи, нашло такого защитника, какъ Брактонъ, а двумя столѣтіями позднѣе — такого глашатая, какимъ былъ Фортескью, авторъ „Похвалы англійскимъ законамъ", принципіально ставившій свободное устройство своей родины выше неограниченной монархіи. Когда во второй половинѣ XVI в. въ нѣкоторыхъ странахъ Западной Европы — въ Шотландіи, во Франціи, въ Нидерландахъ—произошло рѣзкое столкновеніе между государственными чинами, отстаивавшими свое право на существованіе, и королевскою властью, дѣятельно насаждавшею порядки абсолютной монархіи, цѣлый рядъ публицистовъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ „монархомаховъ", т.-е. борцовъ противъ монарховъ, каковы шотландецъ Бьюкананъ, французы Дю-Плесси-Морне, нидерландецъ Марниксъ-де-Сентъ-Альдегондъ и др., выступилъ на защиту той идеи, что верховная власть въ государствѣ принадлежитъ народу (правда, въ смыслѣ сословій, представленныхъ на сеймѣ), что государь получаетъ свои права отъ народа въ силу заключаемаго обоими между собою договора, и что нарушеніе правителемъ государства этого договора или законовъ страны снимаетъ съ народа обѣщанную имъ обязанность повиноваться [1]). Мы еще увидимъ [2]), какое развитіе получили эти „монархомахическія" идеи въ Англіи, пережившей въ XVII в. двѣ революціи въ борьбѣ представительства съ абсолютизмомъ,—въ Англіи, государственное устройство и политическая литература которой съиграли самую важную роль въ зарожденіи конституціонной теоріи новѣйшаго времени.

Когда теоретики сословной монархіи указывали на необходимость участія „народа" (правда, въ ихъ условномъ употребленіи термина), то они только отмѣчали одну изъ реальныхъ особенностей сословной монархіи, въ которой и изданіе законовъ, и установленіе налоговъ [3]) совершались по взаимному соглашенію заинтересованныхъ сторонъ, а именно: королевской власти и сословій въ лицѣ представителей послѣд-

[1]) Обо всемъ предыдущемъ тамъ же, гл. XVIII.

[2]) Ниже, въ главѣ V.

[3]) Помѣстье-государство, стр. 201—202 и др.

нихъ. Каждое постановленіе, принятое по соглашенію между главою государства и представителями общества, было такимъ образомъ своего рода договорнымъ условіемъ, обязывавшимъ обѣ стороны, устанавливавшимъ между ними договорныя отношенія. Существовали двѣ силы: съ одной стороны, государство въ лицѣ его представителя, короля, съ другой, общество въ лицѣ представительства составляющихъ его сословій,—государство не только съ извѣстными правами надъ обществомъ, сообщаемыми властью, но и съ обязанностями, ограничивающими пользованіе властью, и общество не только съ извѣстными обязанностями по отношенію къ государству, но и съ извѣстными по отношенію къ нему правами), и вотъ между этими двумя силами, между монархомъ и чинами, между государствомъ и обществомъ заключался договоръ, одинаково обязательный для обѣихъ же сторонъ [1]). Вотъ въ чемъ была внутренняя сущность сословной монархіи. Сами средневѣковыя конституціи имѣли иногда договорный характеръ и въ чисто формальномъ отношеніи. Одна изъ статей англійской „Великой хартіи вольностей“ 1215 г. прямо заключала въ себѣ разрѣшеніе подданнымъ возстать противъ своего короля въ томъ случаѣ, если бы онъ нарушилъ данныя въ хартіи обѣщанія [2]). Аналогичное условіе—право противорѣчія и сопротивленія—мы находимъ включеннымъ и въ „Золотую буллу“, изданную венгерскимъ королемъ Андреемъ II въ 1223 г. [3]). Есть въ исторіи средневѣковыхъ конституцій и другіе примѣры подобнаго же рода: вспомнимъ хотя бы знаменитую „Joyeuse entrée“ маленькаго Брабанта, гдѣ равнымъ образомъ на государя налагались извѣстныя обязанности, а въ пользу подданыхъ выговаривались извѣстныя права.

Это—очень важное явленіе въ исторіи политическихъ учрежденій и понятій. Выше власти ставился законъ, какъ результатъ ея добровольнаго соглашенія съ подвластными, а у подвластныхъ по отношенію къ власти были не одни только обязанности, но и права, нарушеніе которыхъ властью снимало съ подвластныхъ обязанность повиновенія. Правда, это была лишь привилегія сословій, представленныхъ въ государственныхъ сеймахъ, но здѣсь важно не то, кто пользовался пра-

---

[1]) Тамъ же, стр. 199 и слѣд.

[2]) Тамъ же, стр. 162.

[3]) Тамъ же, стр. 163 и 298. Другіе примѣры на стр. 201.

вомъ, а что такое право вообще существовало. Если мы ближе всмотримся въ эту характерную черту сословной монархіи, то тотчасъ же увидимъ, откуда она, эта черта, взялась въ данномъ типѣ государственнаго устройства. Мы видѣли, что фундаментомъ сословныхъ сеймовъ были съѣзды вассаловъ, на которыхъ главный государь страны договаривался съ второстепенными государями относительно всѣхъ важныхъ дѣлъ. Это разъ, а во-вторыхъ,—и это самое важное,—въ основѣ отношеній между феодальнымъ сеньёромъ (сюзереномъ) и вассаломъ лежалъ обоюдный договоръ, за обѣими сторонами признававшій извѣстныя права, на обѣ стороны налагавшій опредѣленныя обязанности. Какъ сеньёръ въ нѣкоторыхъ случаяхъ могъ лишить (однако, только по суду) своего вассала данныхъ ему въ феодальное держаніе земель, такъ и вассалъ имѣлъ право въ случаѣ нарушенія сеньёромъ взаимной вѣрности „дезавуировать" его, т.-е. отказать ему въ повиновеніи, перестать считать его своимъ сюзереномъ—вплоть до вооруженнаго противъ него возстанія [1]).

Эта политическая свобода въ сословныхъ формахъ обезпечивала въ извѣстной степени и личную неприкосновенность отъ произвола власти, хотя, конечно, и въ данномъ случаѣ на сцену опять-таки выступалъ сословный принципъ. Въ то время, какъ крѣпостной крестьянинъ находился въ совершенно рабскомъ состояніи, у его сеньёра по отношенію къ стоявшей надъ нимъ власти были свои гарантіи, обезпечивавшія отъ произвола его личность, жизнь, свободу, достояніе. Феодальное право требовало, чтобы сюзеренъ не налагалъ на своего вассала никакого наказанія иначе, какъ по суду, чтобы судъ происходилъ не иначе, какъ по закону страны, и чтобы въ постановленіи приговора участвовали товарищи подсудимаго по его общественному положенію, другіе вассалы того же сеньёра, его равные, его „пэры" (франц. pairs, лат. pares, что именно значитъ „равные"). Этотъ судъ пэровъ, считавшихся „естественными судьями" каждаго, въ чемъ-либо обвиняемаго человѣка, былъ одною изъ гарантій личной неприкосновенности, по крайней мѣрѣ, для высшихъ сословій, и въ немъ слѣдуетъ видѣть основу выработавшагося въ Англіи, а въ эпоху рецепціи конституціоннаго строя начавшаго переходить и на континентъ Европы суда присяжныхъ. Самъ этотъ судъ былъ лишь

---

[1]) Тамъ же стр. 125.

однимъ изъ видовъ общественнаго участія въ отправленіи правосудія, принимавшаго въ средніе вѣка и другія формы [1]). Какъ ставился иногда вопросъ о личной неприкосновенности въ феодальномъ обществѣ, лучше всего явствуетъ изъ знаменитой 37 статьи англійской „Великой хартіи вольностей", которая гласитъ слѣдующее: „ни одинъ свободный человѣкъ не можетъ быть задержанъ, заключенъ, лишенъ имущества, поставленъ внѣ закона, изгнанъ или утѣсненъ какимъ бы то ни было образомъ, и мы не пойдемъ на него и не пошлемъ на него, иначе, какъ по суду равныхъ ему и по закону страны".

Изъ всего явствуетъ, что средневѣковое государство было лишено абсолютной и неограниченной власти, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ высшимъ сословіямъ, а въ лучшемъ случаѣ даже и вообще по отношенію къ свободнымъ людямъ. Опека государства надъ обществомъ, развившаяся въ эпоху абсолютной монархіи, тоже не была извѣстна среднимъ вѣкамъ. Въ это время функціи государства были болѣе ограниченными, нежели впослѣдствіи, и власть лишена была возможности вмѣшиваться во всѣ отношенія общественной жизни, какъ то дѣлало позднѣйшее „полицейское" государство. Благодаря этому, общество не было лишено права на устройство всевозможныхъ союзовъ для достиженія самыхъ разнообразныхъ цѣлей. Союзы отдѣльныхъ сословій играли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень важную роль въ исторіи возникновенія представительныхъ, особенно мѣстныхъ, провинціальныхъ собраній. Въ основѣ общинной организаціи городовъ лежали тоже союзы, „conjurationes", гильдіи [2]). Вся обрабатывающая промышленность получила, какъ извѣстно, союзное устройство — въ видѣ такъ называемыхъ цеховъ, или корпорацій, въ составъ которыхъ въ каждомъ городѣ входили ремесленники одной и той же спеціальности [3]). Торговые люди равнымъ образомъ складывались въ такія же корпораціи, гильдіи [4]). Иногда союзность охватывала и нѣсколько городовъ и притомъ не только съ политическими, но и съ коммерческими цѣлями, примѣръ чего представляетъ собою знаменитая Ганза [5]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 162.

[2]) Тамъ же, стр. 172.

[3]) Западно-европейская абсолютная монархія, гл. XIII.

[4]) Тамъ же.

[5]) Исторія Западной Европы, т. I, гл. 18.

Кромѣ того, въ средніе вѣка образовывались корпораціи и другихъ категорій въ родѣ союзовъ для защиты „Божія перемирія“ въ эпоху феодальныхъ усобицъ [1]), монашескихъ и рыцарскихъ орденовъ, университетовъ и пр., и пр. Всѣ эти союзы, какъ бы они ни назывались, всѣ эти цехи, гильдіи, ганзы [2]), ордена, университеты и т. п. были болѣе или менѣе свободными общественными организаціями, имѣли ими же самими выработанные, хотя бы нерѣдко и утверждавшіеся затѣмъ высшею властью уставы, пользовались внутреннимъ самоуправленіемъ, хотя бы и подъ извѣстнымъ иногда контролемъ власти государственной, церковной или городской. Въ этихъ именно союзныхъ формахъ и проявлялась самодѣятельность средневѣкового общества, въ формахъ, правда, иногда стѣснительныхъ для отдѣльныхъ личностей, благодаря въ нѣкоторыхъ случаяхъ принудительной принадлежности къ корпораціи и существованія въ ней мелочной регламентаціи [3]), но все-таки—именно самодѣятельность общества, впослѣдствіи смѣнившаяся иными порядками, характеризующими „полицейское“ государство.

Во многихъ случаяхъ эта самодѣятельность вызывалась потребностями самопомощи, если, именно, государство было безсильно оказать покровительство и защиту. Не даромъ, напр., для обезпеченія безопасности торговыхъ путей купцы разныхъ городовъ заключали между собою союзы, пользовавшіяся собственною вооруженною силою. Въ эпоху великаго междуцарствія въ Германіи, когда въ ней царило „кулачное право“, образовались даже самочинныя тайныя судилища, „фемгерихты“, взявшія на себя функцію отправленія правосудія, недостаточно исполнявшуюся органами государственной власти. Слабость государства проявлялась и въ томъ, что даже функція защиты страны отъ внѣшнихъ враговъ отправлялась иногда при помощи частныхъ предпріятій союзнаго же характера: говоря объ этомъ, имѣемъ въ виду образованіе, въ исходѣ среднихъ вѣковъ, вольныхъ военныхъ дружинъ, или такъ называемыхъ „бандъ“ и развитіе столь характернаго для этой эпохи кондотьерства [4]).

---

[1]) Помѣстье-государство, стр. 108.

[2]) Слово это имѣло нарицательное значеніе.

[3]) Примѣръ—цеховая организація, о чемъ „Западно-европейская абсолютная монархія“, гл. XIII.

[4]) Тамъ же, гл. XI.

Средневѣковое государство по сравненію съ государствомъ новаго времени вообще является организаціей слабой, которая не въ состояніи была вездѣ и во всемъ стѣснять общественную самодѣятельность. За то въ средніе вѣка существовала другая организація, стремившаяся къ абсолютному господству (и часто осуществлявшая такое господство) и надъ отдѣльною личностью, и надъ цѣлымъ обществомъ, и надъ самимъ же государствомъ [1]). Рѣчь, разумѣется, идетъ о католической церкви, осуществлявшей идеалъ универсальной духовной монархіи съ абсолютною папскою властью во главѣ, каковой власти безусловно должны были повиноваться всѣ католическіе государи, ея ставленники и приказчики, подъ страхомъ отлученія отъ общенія съ вѣрными, анаѳемы, низложенія съ престола и отрѣшенія подданныхъ отъ данной государю присяги. Политическая теорія средневѣкового католицизма исходила изъ идеи главенства церкви надъ государствомъ, первенства духовенства среди всѣхъ сословій, образующихъ государство, и полнаго подчиненія отдѣльной личности ученіямъ и велѣніямъ церкви. Съ абсолютнымъ папою во главѣ, съ іерархически организованнымъ и строго дисциплинированнымъ клиромъ, съ цѣлою арміей монаховъ разныхъ орденовъ, обладая громадными земельными имуществами и долгое время располагая чуть не всѣми интеллектуальными силами на всемъ Западѣ, эта могущественная организація жила тою мыслью, что ея законы обязательны для государства, а законы государства, наоборотъ, для нея необязательны, что въ извѣстныхъ случаяхъ свѣтскіе люди подлежатъ ея суду и по ея законамъ, тогда какъ ея члены, духовенство, ни въ какомъ разѣ свѣтскимъ людямъ не должны быть подсудны, что она, церковь, можетъ облагать налогами всѣхъ, сама же должна быть свободна отъ налоговъ, устанавливаемыхъ государствомъ. Передъ этою властной организаціей отдѣльная личность была ничто. Церковь учила, что инстинкты человѣческой природы и радости жизни носятъ въ себѣ источникъ грѣха и сами по себѣ грѣховны, и полагала нравственный принципъ въ аскетизмѣ, въ отрѣшеніи отъ міра, въ осуществленіи монашескихъ обѣтовъ цѣломудрія, нестяжанія и послушанія, т.-е. отказа отъ своей воли, отъ матеріаль-

---

[1]) Для всего послѣдующаго (до новаго подстрочнаго примѣчанія) см. характеристику средневѣкового католицизма въ первомъ томѣ моей „Исторіи Западной Европы“, гл. 22 и 23.

ныхъ благъ, отъ плотской любви, брака и семейной жизни. Понятно, что и умъ, и совѣсть отдѣльнаго человѣка должны были находиться подъ безусловною властью церкви, иначе человѣку грозили церковныя кары вплоть до сожженія на кострѣ. Однимъ словомъ, католическая система среднихъ вѣковъ не допускала сама по себѣ никакой индивидуальной и общественной свободы.

Два историческихъ движенія на рубежѣ среднихъ вѣковъ и новаго времени положили начало освобожденію западно-европейскаго общества отъ этого абсолютизма католической церкви. Это были, какъ извѣстно, свѣтскій гуманизмъ и религіозная реформація.

Гуманизмъ [1]), соединенный съ „возрожденіемъ классической древности", былъ эманципаціей мысли и жизни отъ церковной опеки среднихъ вѣковъ, ихъ секуляризаціей, признаніемъ за человѣческою личностью ея права на слѣдованіе инстинктамъ своей природы, на пользованіе благами жизни, на свободное развитіе ея способностей, на самостоятельное исканіе истины и пониманіе добра. Гуманисты, люди новаго, свободнаго направленія въ области духовной культуры, положили начало свѣтской философіи, свѣтской наукѣ, свѣтскому искусству новыхъ вѣковъ и тѣмъ содѣйствовали духовной эманципаціи личности и общества. Вся такъ называемая просвѣтительная философія XVIII в., въ которой видную роль играютъ новыя политическія и общественныя идеи, стоитъ на плечахъ гуманистическаго возрожденія, между прочимъ, пустившаго въ обращеніе массу взглядовъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ болѣе высокой культурѣ и государственности античнаго міра.

Еще болѣе сильное и всестороннее вліяніе оказала на Западную Европу религіозная реформація [2]). Здѣсь не мѣсто анализировать сложныя причины этого грандіознаго историческаго движенія [3]). Скажемъ только, что это былъ нравственный и умственный протестъ противъ суевѣрій, злоупотребле-

---

[1]) О гуманизмѣ ср. тамъ же (главы 25—34), а также см. IV очеркъ въ моей „Культурной и соціальной исторіи новаго времени".

[2]) Въ „Исторіи Западной Европы" см. т. I, главы 38—41 и т. II, главы 5—20, а также очерки V—VI въ „Философіи культурной и соціальной исторіи". Отсылаю еще къ XVI главѣ книги „Западно-европейская абсолютная монархія".

[3]) Исторія Западной Европы, т. II, гл. 1.

ній и невѣжества въ клирѣ, его ученіяхъ, его жизни сверху до-низу, противъ такъ называвшейся тогда „порчи церкви въ главѣ и членахъ“, что, далѣе, это была оппозиція со стороны государей и отдѣльныхъ сословій общества противъ посягательствъ папы и клира на ихъ независимость и свободу и оппозиція національнаго самосознанія противъ антинаціональнаго космополитизма церкви, и что, наконецъ, подъ знаменемъ принциповъ этого протеста и этой оппозиціи шли всѣ политическія и соціальныя движенія эпохи, имѣвшія свое происхожденіе въ недовольствѣ подданныхъ правительствами и низшихъ классовъ общества угнетавшими ихъ порядками.

То, что прежде всего здѣсь должно быть теперь отмѣчено, это—та борьба, которая въ XVI и XVII вв. велась въ нѣкоторыхъ странахъ Западной Европы за свободу совѣсти. Когда съ появленіемъ новыхъ религіозныхъ ученій, извѣстныхъ подъ общими названіями протестантизма и сектантства, начались массовыя отпаденія отъ католической церкви, правительства или тоже отпадали отъ этой церкви, или, наоборотъ, оставались ей вѣрны и тогда начинали преслѣдовать тѣхъ своихъ подданныхъ, которыхъ церковь объявляла еретиками. Съ другой стороны, случалось и такъ, что правительство принимало извѣстную церковную реформу, а часть подданныхъ другую, и тогда опять инако мыслящіе въ вопросахъ вѣры тоже подвергались гоненіямъ. Это происходило вслѣдствіе того, что государственная власть,—одинаково и въ католическихъ странахъ, и въ протестантскихъ, и въ монархіяхъ, и въ республикахъ (въ швейцарскихъ кантонахъ и въ германскихъ вольныхъ городахъ),—помимо теологической ревности, стояла на точкѣ зрѣнія, для которой религія являлась своего рода орудіемъ власти, а единовѣріе подданныхъ—однимъ изъ условій внутренняго порядка. Другими словами, подданные въ дѣлахъ вѣры должны были подчиняться принятой или установленной государствомъ церкви.

Государство реформаціонной эпохи видѣло, такимъ образомъ, въ религіи установленіе политическаго порядка: „чья страна, того и вѣра“ (cujus regio, ejus religio)—такъ провозгласилъ аугсбургскій сеймъ 1555 г. въ Германіи. Но у религіи есть и другая сторона, не политическая, а личная, интимная, и съ этой точки зрѣнія она является дѣломъ индивидуальнаго убѣжденія, дѣломъ личной совѣсти. На этой именно почвѣ и произошла та великая борьба, которая въ XVI и

XVII в.в. велась между политическимъ принципомъ вѣроисповѣднаго единства государства и моральнымъ принципомъ свободы личнаго религіознаго убѣжденія, свободы совѣсти. Во время указанной борьбы впервые въ исторіи Европы былъ ребромъ поставленъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ личности и государства, поставленъ самою жизнью вслѣдствіе фактически начавшагося конфликта, что повлекло за собою и теоретическую разработку вопроса,—поставленъ по отношенію только къ дѣламъ вѣры, что не помѣшало ему впослѣдствіи обобщиться въ вопросъ о границахъ государственной власти надъ личностью и о правахъ личной свободы по отношенію къ государству. Если новыя конституціи обезпечиваютъ за гражданами свободу совѣсти, то это является лишь подведеніемъ въ пользу личности итога подъ борьбою, начатою въ эпоху религіозной реформаціи. Въ настоящее время свобода совѣсти, какъ извѣстно, считается лишь одною среди другихъ свободъ, присущихъ человѣческой личности, каковы свобода мысли, свобода философскаго и научнаго изслѣдованія, тоже нашедшихъ первое свое примѣненіе, кромѣ гуманизма, и въ религіозныхъ направленіяхъ реформаціи.

Посмотримъ теперь на ту же борьбу XVI—XVII вв. съ другой стороны. Если государственная власть преслѣдовала и карала иновѣрныхъ подданныхъ, то, въ свою очередь, иновѣрные подданные вступали въ вооруженную борьбу съ преслѣдовавшими ихъ правительствами, что и вело къ религіознымъ междоусобіямъ, длившимся иногда десятки лѣтъ. Если Лютеръ допускалъ лишь пассивное сопротивленіе власти, разъ послѣдняя требуетъ чего-либо противнаго совѣсти христіанина, то болѣе рѣшительный Кальвинъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ допускалъ сопротивленіе активное, лишь бы оно не было дѣломъ индивидуальнаго произвола, а совершалось по иниціативѣ и подъ руководствомъ государственныхъ чиновъ. Выше [1]) уже были названы нѣкоторые монархомахи второй половины XVI в.: всѣ они были кальвинисты, всѣ въ своихъ сочиненіяхъ развивали идеи своего женевскаго учителя. Ихъ сочиненія не были, однако, чисто отвлеченными трактатами: на нихъ отразилась религіозно-политическая борьба эпохи, борьба протестантскихъ подданныхъ съ католическими правительствами, борьба сословій противъ абсолютизма. Такъ было

[1]) См. стр. 24.

и въ Шотландіи, и во Франціи, и въ Нидерландахъ. Новая религія давала этой борьбѣ свои принципы и вносила въ нее духъ принципіальной убѣжденности въ правотѣ защищаемаго дѣла свободы. То же явленіе наблюдается и въ другихъ движеніяхъ подъ знаменемъ новыхъ религіозныхъ формулъ, происходившихъ въ XVI в. [1]).

Эту главу можно закончить ссылкою, въ видѣ иллюстраціи къ сказанному о значеніи религіозной реформаціи, на нидерландскую революцію второй половины XVI в. [2]).

Нидерланды, семнадцать княжествъ, находившихся въ извѣстной федеративной связи между собою, входили, какъ извѣстно, въ составъ монархіи Карла V, отъ котораго въ серединѣ XVI в. достались его сыну, испанскому королю Филиппу II. Этотъ государь былъ непоколебимый абсолютистъ, а между тѣмъ въ Нидерландахъ существовали свои штаты (мѣстные и общіе), и во всѣхъ сословіяхъ царилъ духъ свободы. Филиппъ II, кромѣ того, былъ ярый католическій фанатикъ, а между тѣмъ въ Нидерландахъ еще при жизни его отца стала распространяться „ересь". Когда королевскіе намѣстники въ этой странѣ стали нарушать мѣстныя вольности и жестоко преслѣдовать протестантскую проповѣдь и отпаденіе отъ церкви, въ Нидерландахъ вспыхнуло возстаніе, за которымъ послѣдовали жестокое усмиреніе и долголѣтняя война. Часть провинцій отстала отъ движенія и осталась вѣрною католицизму, сохранивъ, однако, старыя вольности (Бельгія), другая часть (Голландія), въ количествѣ семи областей, соединившись по утрехтской уніи 1579 г. въ одно федеративное цѣлое, въ 1581 г. отложилась отъ Испаніи и образовала самостоятельную республику „Соединенныхъ штатовъ", сдѣлавшуюся въ XVII в. самымъ свободнымъ и самымъ вѣротерпимымъ государствомъ во всей Европѣ [3]). Здѣсь именно восторжествовали принципы передового протестантизма, какъ къ концу того же столѣтія восторжествовали они и въ Англіи. Въ актѣ, которымъ генеральные штаты 26 іюля 1581 г. провозглашали низложеніе Филиппа II, заключалось такое изложеніе мотивовъ этого

---

[1]) Особенно имѣю въ виду великую крестьянскую войну въ Германіи въ 1524—1525 гг., о чемъ отсылаю къ „Исторіи Западной Европы", т. II, главы 9 и 10.

[2]) О ней „Исторія Западной Европы", т. II, глава 25.

[3]) Исторія Западной Европы, т. II, стр. 330.

политическаго шага: „Не народъ созданъ для государя, а государь для народа, ибо безъ народа не было бы государя. Государь существуетъ для того, чтобы править своими подданными по закону и справедливости и любить ихъ, какъ отецъ дѣтей, охранять ихъ, какъ отецъ стадо. Если же онъ поступаетъ съ ними не такъ, а какъ съ рабами, то перестаетъ быть государемъ, но становится тиранномъ, подданные же, когда не остается никакого средства, когда никакими представленіями о своихъ страданіяхъ не могутъ получить отъ тиранна никакого обезпеченія свободы, жизни и собственности для себя и своихъ семействъ, имѣютъ право по законному рѣшенію своихъ представителей на генеральныхъ штатахъ его покинуть".

ГЛАВА III.

Эпоха абсолютной монархіи и упадка средневѣковыхъ формъ свободы [1]).

Господство абсолютной монархіи на Западѣ въ XVI—XVIII в. — Паденіе сословно-представительныхъ учрежденій. — Сосредоточеніе законодательной власти въ рукахъ королей.—Неопредѣленность и шаткость „основныхъ законовъ" въ абсолютныхъ монархіяхъ XVI—XVIII вв.—Доктрина абсолютизма.—Общій упадокъ старыхъ вольностей въ эту эпоху.—Абсолютизмъ и церковныя дѣла.—Политическое униженіе дворянства.—Паденіе областныхъ, муниципальныхъ и корпоративныхъ вольностей.—Система бюрократической централизаціи и административной опеки и полицейское государство.—Ущербъ личной свободы.—Отрицаніе абсолютнымъ государствомъ духовной свободы личности и общества.—Культурный и соціальный консерватизмъ западно-европейской абсолютной монархіи и его историческія слѣдствія.

За немногими рѣдкими исключеніями политическая и общественная свобода въ современныхъ конституціонныхъ государствахъ вовсе не является результатомъ непосредственнаго

---

[1]) Для всей этой главы см. книгу „Западно-европейская абсолютная монархія" и въ „Исторіи Западной Европы" т. II, гл. 30—31 и 40—42 и т. III, гл. 3 и 6.

развитія свободы средневѣковой. Можно принять за общее правило для большинства этихъ государствъ то явленіе, какое мы наблюдаемъ, напр., во Франціи, гдѣ свобода ведетъ свое начало съ великой революціи, которой предшествовала цѣлая, очень длинная эпоха абсолютизма, сокрушившаго въ странѣ всѣ былыя общественныя вольности. Вѣками господства сословной монархіи были преимущественно XIII—XV столѣтія, въ XVI—XVIII в. господствующею политическою формою является монархія абсолютная, которая выставила въ эту эпоху такихъ видныхъ представителей, какъ Карлъ I, Францискъ I, Генрихъ VIII въ первой половинѣ XVI в., Филиппъ II во второй половинѣ того же столѣтія, Фердинандъ II, Максимиліанъ Баварскій, Карлъ I, Фридрихъ-Вильгельмъ (Великій курфюрстъ) и особенно Людовикъ XIV въ XVII вѣкѣ, Фридрихъ-Вильгельмъ I, Фридрихъ II, Марія-Терезія, Іосифъ II въ XVIII и т. п.

Это была эпоха паденія сословно-представительныхъ учрежденій [1]). Въ однихъ случаяхъ созывъ ихъ совершенно прекратился; такъ было во Франціи, гдѣ и безъ того генеральные штаты созывались рѣдко, и гдѣ съ 1614—1615 гг. ихъ ниразу не созывали вплоть до самаго 1789 г.; то же мы видимъ и въ маркграфствѣ Бранденбургскомъ, этомъ зернѣ Прусской монархіи, гдѣ мѣстный ландтагъ не созывался съ 1653 г.; въ Англіи также въ 1629—1641 гг. сдѣлана была попытка обходиться безъ созыва парламента. Въ другихъ странахъ чины продолжали созываться, но не играли уже никакой роли, ограничивались въ своей компетенціи, приводились, въ случаѣ чего, къ повиновенію мѣрами внушеній и репрессій, какъ это наблюдается въ государствахъ обѣихъ линій Габсбургскаго дома—и старшей (испанской), и младшей (австрійской). Кромѣ того, нужно имѣть въ виду, что ни въ одной изъ габсбургскихъ монархій, т.-е. ни въ Испаніи, ни въ Австріи не было общегосударственнаго представительства, и чины бывшихъ когда-то совершенно отдѣльными государствами Кастиліи и Арагона, эрцгерцогства Австріи, Штиріи, Тироля, Чехіи, Венгріи и т. п., являлись какъ-бы мѣстными, чисто провинціальными штатами, вліяніе которыхъ и не могло распространиться на ту или другую монархію въ ея цѣломъ. Въ однихъ случаяхъ паденіе сословно-представительныхъ учрежденій было результатомъ пораженія

[1]) Помѣстье-государство, гл. 25.

сословій въ неудачной борьбѣ съ королевскою властью, что можно сказать о кастильскихъ кортесахъ при Карлѣ I и арагонскихъ при Филиппѣ II или о чешскомъ сеймѣ послѣ злосчастной бѣлогорской битвы 1620 г., и только англійскій парламентъ изъ борьбы съ абсолютизмомъ вышелъ побѣдителемъ. Наоборотъ, въ другихъ случаяхъ и борьбы никакой не было. Дѣло сдѣлалось какъ-то само собою,—случай, наблюдаемый во Франціи начала XVII в.,—а иной разъ и сами чины прилагали руку къ установленію абсолютизма, что имѣло мѣсто во второй половинѣ XVII столѣтія въ обоихъ тогдашнихъ скандинавскихъ государствахъ. Въ Даніи въ 1660 г. произошелъ даже формальный государственный переворотъ по уговору между двумя чинами, именно—между духовенствомъ и горожанами—противъ третьяго, дворянства, которое слишкомъ уже своевольничало и безцеремонно хозяйничало въ странѣ, и здѣсь абсолютизмъ утвердился очень прочно. Нѣчто подобное произошло въ 1682 г. и въ Швеціи, но страна оказалась обреченною на колебанія между абсолютизмомъ и олигархіей: такъ, за абсолютизмомъ, смѣнившимъ дворянскую олигархію, слѣдовало опять олигархическое правленіе, противъ котораго въ 1772 г., былъ произведенъ новый монархическій переворотъ. Рѣдко гдѣ, какъ мы это видимъ въ Бельгіи, болѣе долгое время сохранялись старыя вольности, но очередь доходила раньше или позже и до нихъ: на самомъ канунѣ французской революціи Іосифъ II повторилъ здѣсь опытъ Филиппа II, приведшій къ тому же, какъ и при этомъ государѣ, результату — къ революціи.

Эта судьба сословныхъ сеймовъ, какъ мы уже знаемъ [1]), объясняется ихъ составомъ: это было представительствомъ однихъ высшихъ сословій, не пользовавшееся ни сочувствіемъ, ни поддержкою народныхъ массъ, притомъ раздѣленное на сословныя палаты, между которыми царили рознь, недоброжелательство, вражда и которыя часто обнаруживали совершенную неспособность возвыситься надъ узко-сословными традиціями, предразсудками и интересами. Къ этому нужно еще прибавить, что тамъ, гдѣ, кромѣ общегосударственныхъ чиновъ, существовали и областные, послѣдніе обнаруживали слишкомъ много провинціальнаго партикуляризма, тѣмъ самымъ подры-

---

[1]) См. выше, стр. 22.

вая политическую роль сословій въ общей жизни государства [1]).

Главными функціями сословныхъ сеймовъ было вотированіе налоговъ и участіе въ законодательствѣ. Первое значеніе болѣе или менѣе сохранилось за чинами, продолжавшими еще существовать, хотя дѣло сводилось больше къ чистой формальности, ибо законодательная власть цѣликомъ перешла въ руки государей и ихъ совѣтовъ. Знаменитое ученіе римскихъ юристовъ о томъ, что законъ есть волеизъявленіе государя, ихъ формула: „quod principi placuit legis habet vigorem" [2]), нашла полное примѣненіе къ дѣйствительности въ абсолютныхъ монархіяхъ XVI в. „То, что благоугодно государю, имѣетъ силу закона",—въ этихъ словахъ заключалась вся теорія абсолютизма, такъ какъ это изреченіе ставило монарха выше закона, разъ онъ самъ являлся источникомъ закона, разъ законъ заключался въ его собственной волѣ. Какъ фактически абсолютные государи этой эпохи осуществляли свою законодательную власть, это для насъ здѣсь не интересно: важно только то, что даже совѣта при этомъ не спрашивали ни у вельможъ, ни у народа, какъ того хотѣли Брактонъ и Фортескью [3]). Государство въ своей законодательной дѣятельности совершенно отрывалось отъ общества, которое было только объектомъ законодательныхъ мѣропріятій королевской власти, обязаннымъ безпрекословно внимать и неукоснительно подчиняться ея велѣніямъ.

Эпохѣ не чуждо было унаслѣдованное изъ временъ сословной монархіи понятіе основныхъ законовъ, или законовъ королевства, которые не могли быть измѣнены одностороннимъ актомъ королевской воли,—законовъ, между прочимъ, и самого короля дѣлавшихъ королемъ, какъ тогда выражались, но эти законы были скорѣе обычнымъ правомъ, разно толкуемымъ заинтересованными сторонами, нигдѣ точно не формулированнымъ, не опредѣленнымъ ни въ своемъ составѣ, ни въ содержаніи отдѣльныхъ своихъ положеній, ни, разумѣется, нигдѣ не записаннымъ, лишеннымъ какой бы то ни было санкціи. Въ такомъ видѣ обычнаго права и до сихъ поръ пребываетъ англійская конституція, но теперь въ ней все болѣе

---

[1]) Помѣстье-государство, стр. 233, 243 и др.

[2]) Монархія, стр. 255.

[3]) См. выше, стр. 24.

или менѣе ясно, тогда какъ въ XVII столѣтіи въ эпоху великаго конфликта между королевскою властью и парламентомъ, многіе пункты во взаимныхъ отношеніяхъ „прерогативы“ (совокупности правъ короля) и „привилегіи“ (совокупности правъ парламента) были въ высшей степени спорны: все основывалось на бывшихъ прежде случаяхъ, на прецедентахъ, а они бывали разные. Если абсолютными монархами и признавалось существованіе основныхъ законовъ, то содержаніе ихъ они готовы были полагать лишь въ такихъ вопросахъ, какъ порядокъ наслѣдованія престола, установленіе регентства на случай малолѣтства короля и т. п., а Людовикъ XIV, вообще никогда не упоминавшій объ основныхъ законахъ, своимъ духовнымъ завѣщаніемъ [1]) показалъ, что для него не существовало даже и такихъ фамильныхъ законовъ. Еще менѣе государи этой эпохи были склонны включать въ составъ основныхъ законовъ существованіе государственныхъ чиновъ. Въ Англіи первой четверти XVII в. Іаковъ I говорилъ, что если въ странѣ существуетъ парламентъ, то исключительно по королевской милости, и что если король соблюдаетъ законы, то вовсе не ради обязанности такъ поступать, а для того, чтобы давать примѣръ своимъ подданнымъ. Въ серединѣ XVIII в. въ Пруссіи Фридрихъ II объявилъ, что государь, любящій свой народъ, представляетъ собою лучшую гарантію.

Эпоха абсолютной монархіи характеризуется тѣмъ, что не только сами государи, но и ихъ подданные, само общество, проникались идеями абсолютизма, который нашелъ и цѣлый рядъ выдающихся теоретиковъ, каковы Маккіевелли, Боденъ, отчасти Ришелье, Боссюэтъ, Фильмеръ, Гоббзъ и др.; изъ самихъ монарховъ къ ихъ числу нужно отнести Іакова I въ Англіи, Людовика XIV во Франціи, Фридриха II въ Пруссіи, тоже развивавшихъ въ своихъ сочиненіяхъ идею неограниченной и безотвѣтственной королевской власти [2]). Доктрина абсолютизма сводилась къ двумъ основнымъ принципамъ—къ поглощенію государства личностью государя и къ неограниченности его власти. Главнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе старымъ аргументомъ этой доктрины было такъ называемое ученіе о „божественномъ правѣ“, другими словами, о богоустановленности королевской власти. Къ этому аргументу при-

---

[1]) О немъ „Ист. Зап. Евр.“, т. III, стр. 409.

[2]) См. главу XVIII книги „Западно-европейская абсолютная монархія“.

соединяли другіе или его ими замѣняли, становясь на свѣтскую, философскую точку зрѣнія. Эти другіе аргументы были: во-первыхъ, общественная польза, требующая единовластія и независимости государя отъ частныхъ интересовъ; во-вторыхъ, недѣлимость суверенитета, который лишь тогда и есть, дѣйствительно, высшая власть, когда остается нераздѣльнымъ въ однихъ рукахъ; въ-третьихъ, давность владѣнія, т. е. перенесеніе понятія частнаго права въ область публичныхъ отношеній. По этой теоріи предполагалось, что монархъ, какъ представитель государственнаго начала, лучше, чѣмъ „ограниченный умъ подданныхъ", видитъ и понимаетъ, въ чемъ заключается общее благо, и что потому онъ одинъ является судьею въ вопросахъ такого рода; что, далѣе, интересы монарха и народа въ сущности всегда совпадаютъ, а потому у монарха не можетъ быть иного интереса, какъ осуществленіе общаго блага, возвышающагося надъ выгодами отдѣльныхъ сословій и партій, и что, наконецъ, для осуществленія общаго блага глава государства долженъ быть снабженъ чрезвычайными полномочіями безусловной, неограниченной ни передъ кѣмъ, кромѣ Бога и собственной совѣсти, неотвѣтственной власти. „То, что благоугодно государю, имѣетъ силу закона", въ соотвѣтствіе съ чѣмъ вмѣсто мотиваціи законовъ, французскій король ссылался на свое личное желаніе („car tel est notre plaisir"), но благоугоднымъ государю должно было быть лишь то, чего требуетъ государственное благо. Правило „quod principi placuit, legis habet vigorem", или, что то же, „voluntas regis—suprema lex" (воля короля—высшій законъ) дополнялось другимъ: „salus populi suprema lex esto", „благо народа да будетъ высшимъ закономъ". Само государство понималось при этомъ, какъ нѣчто самодовлѣющее, какъ государство для государства, и главная цѣль искусства правителей полагалась въ томъ, чтобы прежде всего заботиться о внутренней крѣпости и внѣшнемъ могуществѣ государства, въ которыхъ-де и заключается вся слава государя. Это была цѣль, все остальное—лишь средства для достиженія этой цѣли, какъ будто „не суббота существовала для человѣка, а человѣкъ для субботы". Государство было, выражаясь словами англійскаго философа Гоббза, „смертнымъ богомъ", а потому государь, въ особѣ котораго государство находило свое живое воплощеніе („l'état, c'est moi", „государство, это—я" Людовика XIV) тоже дѣлался своего рода земнымъ божествомъ. И весь народъ,

и отдѣльныя личности, составляющія этотъ народъ, низводились на степень простыхъ объектовъ властвованія, простого матеріала для государственнаго строительства, простыхъ средствъ для достиженія государственной цѣли. Если справедливо обвиненіе античныхъ государствъ-городовъ въ томъ, что въ нихъ личность всецѣло приносилась въ жертву политическому цѣлому [1]), то не въ меньшей мѣрѣ заслуживаетъ той же квалификаціи абсолютизмъ XVI—XVIII вѣковъ.

Рядомъ съ такою властью въ государствѣ не могло быть ничего самостоятельнаго, независимаго отъ королевской воли. Ей должны были подчиниться всѣ средневѣковыя политическія силы, которыя нерѣдко были болѣе древняго происхожденія, чѣмъ самъ абсолютизмъ. Гдѣ раньше, а гдѣ позже, но повсемѣстно происходило одно и то же—подавленіе старинной свободы, сокращеніе и уничтоженіе всякихъ вольностей—и національныхъ, и областныхъ, и муниципальныхъ, и сословныхъ, и корпоративныхъ, и, конечно, личной свободы. Всему, что могло ограничивать верховную власть или стѣснять проявленія ея произвола, абсолютизмомъ была объявлена война. Располагая денежными средствами, которыя не зависѣли болѣе отъ свободнаго вотированія чинами, опираясь на постоянныя арміи, замѣнившія феодальныя ополченія, городскія милиціи и кондотьерскія банды, имѣя послушныхъ исполнителей правительственныхъ предписаній въ лицѣ все умножавшагося чиновничества, абсолютизмъ все болѣе и болѣе стѣснялъ общественную самодѣятельность, вездѣ вводя свой надзоръ, свою опеку, свои прямыя предписанія, а гдѣ только представлялось это возможнымъ, и замѣняя еще работу общественныхъ силъ чиновничьей работой въ канцеляріяхъ.

Все это или, по крайней мѣрѣ, многое изъ этого испытала на себѣ и церковь. Религіозная реформація XVI в. отторгла отъ католицизма цѣлую половину Западной Европы, и въ протестантскихъ странахъ установились свои особыя государственныя церкви, въ которыхъ религія дѣлалась однимъ изъ орудій власти. Реформація не только освободила государей, принявшихъ ту или другую реформу, отъ папы, но даже сдѣлала ихъ верховными правителями мѣстныхъ церквей. Англійскій король въ XVI в. даже оффиціально сталъ титуловаться „главою церкви". Нѣмецкіе протестантскіе князья сдѣлались какъ бы

[1]) Государство-городъ, гл. XI.

„высшими епископами“ въ своихъ владѣніяхъ съ признаннымъ за ними правомъ реформированія церкви и правомъ требовать отъ подданныхъ, чтобы они слѣдовали религіи своего государя („cujus regio, ejus religio“). Духовенство, у котораго была отобрана въ государственную казну его недвижимая собственность, не могло уже играть самостоятельной роли, какъ сословіе, и стало управляться бюрократическими консисторіями, канцеляріями и коммиссіями. Многія функціи, отправлявшіяся прежде церковными учрежденіями, равнымъ образомъ перешли въ завѣдованіе учрежденій государственнаго характера. Въ странахъ, оставшихся вѣрными католицизму, церковь, конечно, сохранила свою самостоятельность, но и здѣсь происходило умаленіе ея правъ, ея вліянія. Съ другой стороны, здѣсь въ эпоху католической реакціи [1]) былъ заключенъ самый тѣсный союзъ „между алтаремъ и трономъ“, и королевская власть взяла на себя охрану всей былой власти духовенства надъ обществомъ, лишь бы само оно, т. е. духовенство, признало надъ собою безусловное верховенство государства и сдѣлалось опорою абсолютизма. Самые нетерпимые гонители протестантскихъ подданныхъ, Филиппъ II и Людовикъ XIV, одинаково отстаивали свое верховенство отъ папскихъ притязаній и пріучали мѣстное духовенство къ покорности. Во второй половинѣ XVIII в. католическія правительства, не производя церковной реформы въ строгомъ смыслѣ, обнаружили прямое стремленіе установить у себя между государствомъ и церковью такія же отношенія, какія реформація осуществила въ протестантскихъ странахъ. Іосифъ II въ концѣ XVIII в. прямо хотѣлъ превратить епископовъ и священниковъ въ своего рода государственныхъ чиновниковъ.

По отношенію къ дворянству абсолютная монархія держалась двойственной политики. Всѣ права и преимущества этого сословія, тягостныя для народа и обидныя для среднихъ классовъ, королевская власть поддерживала всею своею мощью, такъ что въ силѣ оставались и привилегіи дворянскаго землевладѣнія, и разныя сеньёріальныя повинности, лежавшія на сельскомъ населеніи, а во многихъ мѣстахъ и крѣпостное право. Мало того: изъ уваженія къ существующему праву и къ давности обладанія этимъ правомъ, абсолютная монархія не считала для

---

[1]) Исторія Зап. Европы, т. II, гл. 21 и слѣд. и очеркъ VII „Философіи культурной и соціальной исторіи новаго времени“.

себя возможнымъ покончить съ этимъ видомъ личной несвободы, и въ общемъ только революція положила конецъ господству крѣпостничества. Своимъ покровительствомъ соціальнымъ привилегіямъ дворянства абсолютизмъ какъ бы вознаграждалъ это сословіе за потерю имъ государственнаго значенія и политическихъ правъ. Королевская власть на Западѣ выросла въ постоянной и неустанной борьбѣ съ феодализмомъ и именно съ политическимъ феодализмомъ, причемъ феодализмъ соціальный продолжалъ себѣ существовать, оставаясь для государственной власти какъ бы неприкосновеннымъ. Между королевскою властью и феодальными сеньёрами былъ заключенъ своего рода союзъ, подобный союзу абсолютизма съ католическимъ духовенствомъ, причемъ основнымъ условіемъ договора было такое размежеваніе — сохраненіе сословіемъ прежняго значенія въ обществѣ съ предоставленіемъ въ государствѣ власти лишь одному королю. Наиболѣе богатые и знатные дворяне въ концѣ концовъ стали наполнять собою кадры все болѣе и болѣе разроставшагося придворнаго штата. Дворъ сдѣлался при этомъ единственною общественною средою, съ какою еще соприкасались носители верховной власти въ эту эпоху, и, конечно, раболѣпствуя передъ королями и князьями, придворная знать въ то же время пользовалась своею близостью къ источнику всякихъ милостей для направленія внутренней политики въ желательномъ для себя смыслѣ.

Духовенство и дворянство были прежде двумя сословіями, на которыхъ главнымъ образомъ держались всѣ права сословныхъ сеймовъ и областныя вольности. Мы видѣли, какая была судьба вольностей національныхъ, на стражѣ которыхъ стояли сословные сеймы. Въ мѣстной жизни, въ дѣлахъ, касавшихся отдѣльныхъ областей, сословное самоуправленіе держалось дольше, и провинціальные чины сохранились лучше, чѣмъ государственные. Однако, и здѣсь абсолютизмъ центральной власти все безраздѣльнѣе овладѣвалъ почвою. Во Франціи съ середины XVII в. лишь немногія провинціи сохранили у себя мѣстные штаты, все болѣе и болѣе дѣлавшіеся вмѣстѣ съ тѣмъ простой декораціей, въ большей же части провинцій Франціи штатовъ не было. Въ Австріи мѣстные чины играли большую роль въ управленіи лишь до середины XVIII в., когда реформы сначала Маріи-Терезіи, потомъ Іосифа II и имъ нанесли ударъ. То же самое происходило и съ городскимъ самоуправленіемъ, которое замѣнялось бюрократическою опекою. Общество не

должно было завѣдовать даже своими собственными дѣлами, и государство смѣло брало на себя задачи, разрѣшеніе которыхъ обыкновенно бываетъ подъ силу лишь мѣстнымъ общественнымъ организаціямъ. Около себя абсолютное правительство не хотѣло терпѣть никакихъ самостоятельныхъ союзовъ, которые не отъ него бы получали свои полномочія и дѣйствовали бы не по его указкѣ. Провинціальное и муниципальное самоуправленіе могли еще терпѣться лишь въ качествѣ зависимаго придатка къ бюрократической машинѣ, въ качествѣ второстепеннаго, зависимаго механизма, а лучше всего было для абсолютизма, когда можно было и совсѣмъ безъ этого обходиться. И всякій союзъ, стоящій внѣ системы государственныхъ учрежденій, казался ревнивой администраціи подозрительнымъ и потому нежелательнымъ, и если уже нельзя было изъять тѣ или другіе общественные союзы изъ жизни государства, то ихъ надлежало, по крайней мѣрѣ, прибрать къ своимъ рукамъ, какъ это дѣлалось съ университетами, или какъ-нибудь иначе обезвредить, какъ найдено было нужнымъ поступать съ цехами.

Общественной самодѣятельности и свободному развитію мѣстной жизни абсолютное государство XVI—XVIII вв. противопоставило бюрократическую централизацію и административную опеку. Власть считала себя лучше знающею, что̀ нужно для подданныхъ, нежели сами они могли это знать: „ограниченный умъ подданныхъ“ дѣлалъ общество вѣчнымъ малолѣткомъ, постоянно нуждающимся въ нянькѣ. Правительство абсолютной монархіи и брало на себя роль такой няньки, удовлетворявшей нужды общества такъ, какъ сама она находила это нужнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ строго наблюдавшей и за тѣмъ, чтобы общество, поставленное подъ попечительный присмотръ администраціи, и къ собственному своему благополученію, и къ вящшей поддержкѣ установленнаго благоустройства и благочинія, не выходило изъ предначертанныхъ для его жизни рамокъ. Все это требовало большого количества оффиціальныхъ представителей власти, и потому весьма естественно, что власть плодила чиновничество съ его канцеляріями (бюро), бумажнымъ дѣлопроизводствомъ и т. п. Въ государствѣ должна была царить единая воля, соотвѣтственно съ чѣмъ вся административная машина должна была быть заключена въ систему іерархической централизаціи. Черезъ исторію всѣхъ западно-европейскихъ монархій XVI—XVIII вв., какъ красная нить,—гдѣ

раньше, гдѣ позже, во Франціи главнымъ образомъ при Ришелье и Людовикѣ XIV, въ Австріи спустя сто лѣтъ, при Маріи-Терезіи и Іосифѣ II,—проходитъ эта тенденція абсолютизма къ установленію бюрократической централизаціи и административной опеки. Государство какъ бы отдѣлялось отъ общества въ видѣ совсѣмъ обособленнаго отъ него комплекса учрежденій, цѣль которыхъ была въ томъ, чтобы общество жило не иначе, какъ по его, государства, указкѣ.

Въ нѣмецкой наукѣ, а за нею и у насъ принято обозначать это всеопекающее и во все вмѣшивающееся государство, какъ „государство полицейское" (Polizeisstaat), которому конституціонное государство противополагается, какъ „правовое" (Rechtsstaat). Въ немъ до чрезвычайности были развиты функціи полицейской власти, элементы мелочной регламентаціи жизни, надзора за дѣятельностью частыхъ лицъ, административнаго усмотрѣнія и необходимымъ образомъ соединеннаго съ нимъ произвола. Разумѣется, организація и техника полиціи были гораздо менѣе разработаны, чѣмъ въ наши времена, но компетенція ея была, несомнѣнно, болѣе широкою, и сфера вмѣшательства почти безграничною.

Конечно, разъ передъ безусловною и неограниченною властью государства въ лицѣ абсолютнаго монарха и уполномоченныхъ имъ органовъ управленія должны были склониться такія коллективности, какъ церковь, какъ сословія, какъ областныя и городскія общины, какъ профессіональныя корпораціи, и отдѣльная личность равнымъ образомъ не могла не испытать ущерба въ своихъ правахъ, въ своей свободѣ. Государственная власть разсматриваемой эпохи, какъ было уже отмѣчено выше [1]), признавала существованіе частныхъ правъ лишь по отношенію къ частнымъ же лицамъ, отнюдь не по отношенію къ себѣ, не по отношенію къ государству. Не было ни одной сферы дѣятельности подданныхъ, въ которую правительство не считало бы себя въ правѣ вмѣшиваться самымъ прямымъ образомъ: фактическія препятствія для вмѣшательства, конечно, существовали и по существу дѣла, и по техническому несовершенству органовъ надзора и руководительства, но юридическихъ препятствій не существовало, разъ вмѣшательство требовалось необычайно широко понимавшимися безопасностью государства и внутреннимъ его спокойствіемъ. Прежнія су-

---

[1]) См. стр. 4.

дебныя гарантіи личной и имущественной неприкосновенности, конечно, стояли поперекъ указанной тенденціи власти къ дѣйствіямъ, основаннымъ не на правѣ, а на усмотрѣніи, оправдываемомъ не закономъ, а государственною необходимостью, и правительства старались поэтому устранять всѣ судебныя препоны произволу. Стюарты въ Англіи совершенно не хотѣли признавать вошедшей въ обычную практику несмѣняемости судей и обходили этотъ принципъ путемъ назначенія на судейскія мѣста лишь исправляющихъ должность судьи, а не настоящихъ судей. По средневѣковому праву никого нельзя было изъять изъ подсудности его естественнымъ судьямъ, но и это правило постоянно нарушалось путемъ устройства чрезвычайныхъ судовъ. Таковы были въ Англіи верховная коммиссія и звѣздная палата, ставшія послушными орудіями деспотизма Стюартовъ и въ нарушеніе статьи 37 „Великой хартіи“ [1]) произвольно приговаривавшія подданныхъ короля къ самымъ тяжкимъ наказаніямъ, въ числѣ которыхъ для обогащенія королевской казны видное мѣсто принадлежало конфискаціямъ. Во Франціи практика чрезвычайныхъ судовъ получила особенно широкое развитіе. Здѣсь съ давнихъ поръ считалось, что всякое правосудіе имѣетъ свой источникъ въ королевской власти, „toute justice émane du roi“, а потому король воленъ былъ, по личному своему усмотрѣнію, давать каждому судебному дѣлу то или другое направленіе. А нерѣдко и суда никакого надъ провинившимся подданнымъ не было, и онъ несъ наказаніе въ административномъ порядкѣ. Характернѣйшимъ проявленіемъ подобнаго рода правительственной практики были знаменитыя бланковыя предписанія объ арестѣ, или „lettres de cachet“ (приказы съ печатью) во Франціи XVII и особенно XVIII в: это было полнѣйшее отрицаніе всякой личной неприкосновенности. Не было при этомъ и имущественной неприкосновенности. Стюарты въ Англіи практиковали такъ называемые добровольные, но въ сущности принудительные займы, во Франціи Людовикъ XIV серьезно былъ убѣжденъ, что на правахъ собственности ему принадлежитъ и все то, что находится въ шкатулкахъ и карманахъ его подданныхъ.

Вопросъ о религіозной совѣсти подданныхъ рѣшался такимъ же образомъ, т.-е. не въ пользу личной свободы подданныхъ. Реформація XVI в. ввела въ жизнь одновременно

---

[1]) См. выше, стр. 27.

два противоположные принципа. Тотъ же самый Лютеръ, который на вормскомъ сеймѣ 1521 г. смѣло отстаивалъ право личности на свободное религіозное убѣжденіе, въ серединѣ двадцатыхъ годовъ уже проповѣдовалъ ученіе о переходѣ папскихъ правъ къ государямъ. Принципъ единовѣрія подданныхъ съ государемъ въ Германіи („cujus regio, ejus religio"), принципъ богослужебнаго единообразія въ Англіи (парламентскій act of uniformity) и т. п. относятся именно ко второму толкованію реформаціи, какъ дѣла чисто государственнаго. Правительства протестантскихъ странъ, какъ и католическія правительства, считали своею обязанностью блюсти чистоту вѣры, законно существующей въ государствѣ. Если гдѣ-либо устанавливалась вѣротерпимость по закону, то лишь послѣ того, какъ государство силою вынуждалось признать существованіе иновѣрныхъ подданныхъ. Во Франціи нантскій эдиктъ Генриха IV (1598) былъ изданъ послѣ религіозныхъ войнъ, раздиравшихъ страну въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій. Ришелье, побѣдившій возстаніе протестантовъ, имѣлъ благоразуміе утвердить за ними ихъ религіозныя права, но характерно, что новый эдиктъ о вѣротерпимости (1629) получилъ названіе „эдикта милости" (édit de grâce): свобода протестантской религіи въ католическомъ государствѣ разсматривалась не какъ право вѣрующей личности, а какъ снисходительная уступка государства. Король далъ, король взялъ, и нантскій эдиктъ Людовикомъ XIV былъ отмѣненъ (1685), послѣ чего въ теченіе столѣтія во Франціи закономъ не признавалось существованія протестантовъ, и могла быть только особая категорія „плохо обращенныхъ" (mal couvertis) католиковъ. Дѣло было сдѣлано во славу Божію, на пользу государственной безопасности и для спасенія королевской души.

Полицейское государство усвоило также и все то, что было выработано католическою реакціею для борьбы съ вольномысліемъ, со свободнымъ словомъ, съ независимой печатью. Государство устанавливало и свою цензуру, поручивъ и это дѣло, большею частью, общей же полиціи. Занятіе науками и искусствами не должно было, какъ и все остальное въ государствѣ, пользоваться независимостью. Науки и искусства должны были служить лишь для пользы и украшенія государства, на славу короля. Это была ясно выраженная точка зрѣнія Ришелье и Людовика XIV, стремившихся къ тому, чтобы всю науку сдѣлать казенною, всю литературу—придворною. Въ дѣло школь-

наго преподаванія полицейское государство непосредственно вмѣшивалось мало,—здѣсь функціи надзора и руководства хорошо исполняла церковь,—но когда въ серединѣ XVIII в. въ нѣкоторыхъ странахъ и эту отрасль государство стало забирать въ свои руки (примѣры — Португалія при Помбалѣ, Австрія—при Маріи-Терезіи и Іосифѣ II), правительство взяло на себя мелочную регламентацію и школьной науки, не исключая и университетской.

Такимъ образомъ, въ общей системѣ, о которой идетъ рѣчь, не могло быть ни свободы совѣсти, ни свободы слова, ни свободы печати, ни свободы мысли, ни свободы преподаванія. Не могло быть, конечно, ни свободы собраній, равнымъ образомъ ни свободы союзовъ: уже къ старымъ корпораціямъ власти относились подозрительно и враждебно, гдѣ же было думать о возникновеніи новыхъ?

Всемогущее государство, сдѣлавшееся всѣмъ во всемъ, явилось силою, разрушавшею средневѣковыя формы и тѣмъ самымъ помогавшею нарожденію и росту новыхъ формъ, но оно шло по этому пути лишь постольку, поскольку это было въ односторонних интересахъ власти и управленія. Наоборотъ, тамъ, гдѣ разрушенія старины и исканія новыхъ формъ требовали чисто культурные и соціальные интересы, государство XVI — XVIII в.в., кромѣ періода просвѣщеннаго абсолютизма во второй половинѣ XVIII столѣтія [1]), явилось страшно консервативною силою, о которую разбивались всѣ общественныя движенія въ пользу преобразованій. Общество XVII и XVIII вв. повиновалось абсолютной монархіи не только за страхъ, но и за совѣсть. Ея доктрина была предметомъ общественной вѣры, и въ XVIII столѣтіи долгое время передовая мысль, — главнымъ образомъ въ лицѣ Вольтера, — стояла на точкѣ зрѣнія реформъ, требуемыхъ разумомъ и осуществляемыхъ неограниченною королевскою властью. Духъ политическаго фрондёрства по временамъ овладѣвалъ преимущественно одними привилегированными, которые и явились потомъ главными оппонентами просвѣщеннаго абсолютизма, среднее же сословіе и народная масса вѣрили въ монархію и ожидали отъ нея помощи, покровительства, преобразованій, тяготясь властолюбіемъ, при-

---

[1]) См. Исторію Зап. Европы, т. III, главы 19—28, Западно-европейскую абсолютную монархію, гл. XIX и очеркъ X въ „Философіи культ. и соц. исторіи новаго времени“.

вилегіями и высокомѣріемъ дворянъ. Когда эта вѣра не получала подтвержденія, когда дѣлался до очевидности яснымъ союзъ королевскаго абсолютизма съ соціальными привилегіями духовенства и дворянства, когда правительство явно обнаруживало свой культурный и соціальный консерватизмъ, идея благожелательнаго, просвѣщеннаго и прогрессивнаго абсолютизма утрачивала свою популярность, и въ умы все болѣе и болѣе проникала идея политической свободы. Тутъ вспоминались и старыя средневѣковыя вольности, тутъ дѣлались ссылки на античную свободу, съ которою со времени возрожденія классической древности знакомились изъ сочиненій греческихъ и латинскихъ авторовъ, тутъ, наконецъ, стали обращать свои взоры на свободную Англію, государственныя формы которой ставились въ примѣръ, политическая литература которой послужила источникомъ новаго теоретическаго развитія общественной мысли. Началась борьба съ абсолютизмомъ, началось созиданіе новаго конституціоннаго строя, оказавшагося одинаково враждебнымъ и королевскому абсолютизму и привилегіямъ высшихъ сословій и бюрократической опекѣ государства надъ личностью и обществомъ. Однимъ изъ слѣдствій культурнаго и соціальнаго консерватизма абсолютной монархіи было то, что она начинала застывать въ старыхъ формахъ, болѣе уже не соотвѣтствовавшихъ требованіямъ времени, откуда происходило разстройство въ дѣлахъ и вытекала полная неспособность правительствъ съ ними справиться, что тоже вызывало на сцену общественную самодѣятельность въ формахъ представительнаго участія во власти и свободнаго обсужденія обществомъ необходимыхъ преобразованій и всей дѣятельности правительства, бывшей раньше изъятою изъ какой бы то ни было критики.

Въ этомъ историческомъ процессѣ примѣръ Англіи сыгралъ громадную роль.

ГЛАВА IV.

Англійская конституція до середины XVIII вѣка.

Важность исторіи англійскаго парламента.—Происхожденіе двухъ его палатъ и ихъ состава. — Раннее паденіе въ Англіи сословнаго начала. — Борьба парламента съ королевскою властью въ средніе вѣка. — Права парламента въ вотированіи субсидій, изданіи законовъ и контролированіи королевскихъ совѣтниковъ.—Абсолютизмъ въ Англіи при Тюдорахъ.— Возобновленіе политической борьбы при Стюартахъ и осложненіе ея борьбою религіозною. — Общій ходъ англійской исторіи въ эпоху двухъ революцій XVII в.—Предметы борьбы парламента съ королевскою властью при Стюартахъ. – Политическое законодательство эпохи: „петиція о правахъ", „трехгодичный актъ", „актъ о присягѣ", „habeas-corpus-act", „билль и декларація правъ". — Значеніе второй англійской революціи. — „Актъ объ устроеніи".—Возникновеніе парламентарнаго министерства.—Ученіе Блэкстона о правахъ парламента. — Установленіе въ Англіи вѣротерпимости и свободы печати. — Принципъ господства права.—Олигархическій характеръ избирательной системы XVIII в.

Исторія англійскаго парламента заслуживаетъ величайшаго вниманія, какъ въ высшей степени важная страница въ исторіи политическихъ учрежденій вообще и свободныхъ государственныхъ формъ въ особенности. Не такъ, какъ это было съ другими средневѣковыми представительными собраніями, англійскій парламентъ благополучно въ концѣ концовъ пережилъ натискъ абсолютизма, въ борьбѣ съ которымъ только окрѣпъ и пріобрѣлъ новыя права. Уже одно это особенно выдвигаетъ его впередъ изъ ряда другихъ средневѣковыхъ представительныхъ учрежденій. Другое здѣсь, это—то, что на исторіи англійскаго парламента можно прослѣдить рѣдкій примѣръ эволюціоннаго превращенія средневѣковой, сословно-представительной формы государства въ новую народно-представительную форму, иначе говоря монархіи сословной въ монархію конституціонную, между которыми въ другихъ странахъ было еще время монархіи абсолютной, въ Англіи имѣвшей лишь временный и непрочный успѣхъ. Наконецъ,—и это соображеніе особенно важно въ настоящей книгѣ,—англійскій парламентъ сдѣлался образцомъ, по которому стали созидаться представительныя учрежденія въ другихъ странахъ,—образ-

цомъ, большею частью и до сихъ поръ еще не превзойденнымъ, даже не достигнутымъ остальными конституціонными учрежденіями [1]).

Англійскій парламентъ возникъ въ 1265 г. изъ присоединенія къ составу непосредственныхъ королевскихъ вассаловъ, или такъ называемому „великому совѣту", выборныхъ представителей отъ отдѣльныхъ областей (графствъ, шэировъ) и городовъ (бурговъ). Самъ „великій совѣтъ" былъ чисто феодальнымъ учрежденіемъ, продолжавшимъ собою прежній витенагемотъ, аристократическій съѣздъ, въ какой выродилось болѣе древнее всенародное вѣче [illegible] До сороковыхъ годовъ слѣдующаго XIV столѣтія, парламентъ не имѣлъ сколько-нибудь прочной организаціи и представителей сословій, какъ [illegible] Малъ-помалу [illegible]

дѣлилась Англія. Такимъ образомъ и дворянское сословіе оказалось лишеннымъ отдѣльной, строго дворянской палаты: высшее слилось съ высшимъ духовенствомъ, представители низшей съ представителями горожанъ. Это низшее дворянство, въ свою очередь объединяло въ себѣ два различныхъ соціальныхъ элемента: мелкихъ бароновъ (barones minores), бывшихъ непосредственными вассалами короля, и рыцарей (milites), бывшихъ вассалами крупныхъ бароновъ, т.-е. по отношенію къ главѣ феодальной лѣстницы подвассалами. Замѣтимъ, что представители графствъ и названіе носили „рыцарей отъ графствъ" (knights of shires).

Почему англійскій парламентъ получилъ именно такой составъ и такую именно организацію, объ этомъ здѣсь говорить не мѣсто. Здѣсь нужно только отмѣтить, что благодаря смѣшенію въ составѣ обѣихъ палатъ разныхъ сословій и присутствію феодальнаго элемента какъ въ верхней, такъ и въ нижней палатѣ, въ парламентѣ не развилось духа сословной исключительности, наблюдаемой въ континентальныхъ сеймахъ, что позволило обѣимъ палатамъ выступать болѣе солидарно въ отстаиваніи своихъ правъ отъ королевскаго произвола. Мало того, это повело даже къ паденію сословнаго начала, потому что менѣе, нежели черезъ сто лѣтъ послѣ сформированія двухъ палатъ, правомъ посылать своихъ представителей въ палату общинъ въ графствахъ пользовались уже всѣ лица, обладавшія извѣстнымъ поземельнымъ доходомъ, что было равносильно замѣнѣ сословнаго начала имущественнымъ, цензовымъ. Съ другой стороны, и свѣтскіе лорды не замкнулись въ особое сословіе. Право быть приглашаемымъ въ собранія „великаго совѣта" (верхней палаты) переходило отъ отца только къ старшему сыну, младшіе братья котораго, лишенные этой привилегіи, оставались простыми смертными, ничѣмъ не отличавшимися въ своихъ личныхъ правахъ отъ остального общества, постепенно сдѣлавшагося безсословнымъ и объединившаго въ себѣ прежнія отдѣльно существовавшія категоріи мелкихъ бароновъ, рыцарей, простыхъ свободныхъ держателей земли, горожанъ и т. п. Въ это общее гражданское состояніе „коммонеровъ" поднялись, съ другой стороны, по мѣрѣ своего освобожденія, и крестьяне. Сколько бы аристократизма ни было въ англійскомъ обществѣ, сословность въ смыслѣ неравенства правъ, подсудности не однимъ и тѣмъ же судамъ и т. п. въ немъ не развилось. Англійскій парла-

ментъ не сдѣлался органомъ враждебныхъ одно другому сословій, а сталъ органомъ извѣстнаго общественнаго слоя, въ которомъ сосредоточилась экономическая мощь и политическая опытность всей націи, руководящая же роль выпала на долю представителей помѣстнаго землевладѣнія, отличавшагося особымъ духомъ независимости по отношенію къ королевской власти. Съ тѣхъ поръ, какъ разрѣшено было выбирать представителей и не изъ мѣстныхъ жителей (1571), члены „джентри", какъ назывался этотъ помѣстный классъ, стали искать для себя избирателей и среди горожанъ, долгое время видѣвшихъ въ посылкѣ представителей въ парламентъ не столько право, сколько непріятную обязанность (нужно было представителей содержать на свой счетъ).

Своимъ происхожденіемъ и развитіемъ своихъ правъ средневѣковой англійскій парламентъ былъ обязанъ упорной борьбѣ съ королевскою властью. Завоеваніе Англіи, въ 1066 году, нормандцами привело ее къ установленію настоящаго абсолютизма. Своею деспотическою политикою короли какъ нормандской, такъ и слѣдовавшей за нею анжуйской династіи (Плантагенеты) вооружили противъ себя всѣ сословія. Въ 1215 г. бароны въ союзѣ съ церковью и жителями Лондона вынудили у Іоанна Безземельнаго „Великую хартію вольностей" (Magna charta libertatum), которую и самъ Іоаннъ взялъ-было обратно, и подтвержденія которой приходилось требовать какъ у его сына (Генриха III), такъ и у внука (Эдуарда I), такъ что эта борьба за хартію наполнила собою чуть не все XIII столѣтіе, ибо окончательное ея утвержденіе состоялось лишь въ 1297 г., черезъ 82 года послѣ ея изданія. Въ этомъ же самомъ XIII вѣкѣ состоялось образованіе и самого парламента, причемъ собраніе 1265 г. было созвано не по иниціативѣ короля (Генриха III), а по иниціативѣ его счастливаго побѣдителя, вождя бароновъ Симона Монфортскаго, взявшаго его въ плѣнъ. XIV в. былъ тоже вѣкомъ упорной борьбы, имѣвшей два раза неблагопріятный исходъ для королевской власти: Эдуардъ II въ 1327 г. былъ низвергнутъ съ престола и умерщвленъ, низверженіе, въ 1399 г., Ричарда II сопровождалось, по волѣ парламента, перемѣной династіи, и новый королевскій домъ Ланкастеровъ, царствовавшій въ первой половинѣ XV в., будучи обязанъ своимъ возведеніемъ на престолъ парламенту, уже отличался большою по отношенію къ нему уступчивостью.

Къ серединѣ XV в. средневѣковой парламентъ былъ во

всеоружіи своихъ правъ. Главнымъ изъ этихъ правъ было право вотированія субсидій. Оно ведетъ начало отъ 12-й и 14-й статей хартіи 1215 г., гдѣ Іоаннъ Безземельный обязался передъ своими баронами не взимать съ нихъ лежавшихъ на нихъ денежныхъ феодальныхъ повинностей иначе, какъ съ ихъ согласія, ради чего и обѣщалъ ихъ созывать на великіе совѣты, крупныхъ бароновъ личными приглашеніями, мелкихъ — циркулярно, чрезъ шерифовъ отдѣльныхъ графствъ. Съ образованіемъ парламента право назначенія налоговъ перешло къ парламенту, который имъ широко пользовался. Король могъ вести какія ему было угодно войны, но денежныя субсидіи могъ получить только съ согласія парламента, что и заставляло королей созывать парламентъ очень часто. Съ другой стороны, парламентъ, давая деньги, выговаривалъ у короля тѣ или другія уступки. Въ началѣ XV в. это право сдѣлалось привилегіей палаты общинъ. Въ 1407 г. Генрихъ IV лично переговаривался съ лордами о субсидіяхъ, и тѣ дали согласіе, но общины протестовали, указавъ на то, что плательщики налоговъ главнымъ образомъ представлены ими, и что личное участіе короля въ этомъ дѣлѣ лишало парламентъ возможности свободнаго сужденія. Этотъ протестъ былъ принятъ во вниманіе, и вопросъ о налогахъ сдѣлался исключительной компетенціей палаты общинъ.

Второе право—право участія въ законодательствѣ. Сначала палаты ограничивались подачею королю прошеній (петицій) и жалобъ. Случалось нерѣдко, что король обѣщалъ исполнить желаемое, но когда издавался соотвѣтственный законъ, то оказывалось, что давалось, какъ говорится, то да не то, т.-е. въ законъ вносились измѣненія, ограниченія, дополненія. И противъ этого дѣлались протесты, въ которыхъ указывалось, что та или другая палата есть не только сторона просящая, но и дающая свое согласіе на законы, а потому измѣненіе просимаго безъ ея вѣдома и согласія не допустимо. Чтобы избѣгать подобнаго рода случаевъ, парламентъ выработалъ форму биллей [1]), какъ стали называть готовые законопроекты. Новые билли могли возникать безразлично въ обѣихъ палатахъ, но шли на королевское утвержденіе, превращавшее ихъ въ статуты, лишь въ случаѣ согласія обѣихъ палатъ. Король, далѣе, могъ согласиться или не согласиться на новый законъ, но въ

---

[1]) Bill—сокращенное лат. libellus, книжка, тетрадка.

случаѣ согласія уже никакихъ измѣненій въ текстѣ быть не могло. Теоретически право отверженія биллей (такъ называемое „veto“) принадлежитъ коронѣ въ Англіи и понынѣ, но фактически не дѣйствуетъ уже цѣлыхъ два столѣтія. Эта система биллей дала парламенту право законодательной иниціативы и рѣшающій голосъ въ законодательствѣ.

Третье право, котораго добивался средневѣковой парламентъ, было непосредственное вліяніе на внутреннюю политику правительства. Въ самые острые моменты борьбы съ королевскою властью палаты требовали, чтобы совѣтники короны (министры) назначались и смѣнялись самимъ парламентомъ, но на это короли никоимъ образомъ не соглашались. Добился парламентъ только вотъ чего. При всей борьбѣ своей съ отдѣльными королями, англичане съ величайшимъ уваженіемъ относились къ королевской власти, мистически приписывая ей непогрѣшимость. „Король,—говорили,—не можетъ дѣлать зла“ (the king cannot wrong), а потому если король совершаетъ что-либо несправедливое, это происходитъ отъ дурного совѣта, даннаго королю какимъ-либо изъ совѣтниковъ; на послѣдняго, значитъ, и падаетъ вина. Парламентъ добился права судить дурныхъ совѣтниковъ короны: обвинительною инстанціей въ такихъ случаяхъ становилась палата общинъ, приговоръ постановляли лорды на основаніи принципа, по которому каждый долженъ былъ судиться своими пэрами, королевскіе же совѣтники по своему рангу были равными лордамъ, не говоря уже о томъ, что большею частью и фактически были ими. Судебный приговоръ парламента нуждался въ королевскомъ утвержденіи, но король могъ и помиловать осужденнаго парламентомъ, какъ это было въ процессѣ лорда-канцлера Бэкона (знаменитаго философа), обвиненнаго при Іаковѣ I въ лихоимствѣ. Иногда не было опредѣленнаго закона, подъ который можно было бы подвести преступное, по мнѣнію парламента, дѣяніе совѣтника короны, и тогда судъ совершался въ законодательномъ порядкѣ, т.-е. составлялся спеціальный билль, налагавшій извѣстное наказаніе за такое-то дѣяніе, и подъ новый законъ, которому придавалось обратное дѣйствіе, подводились поступки ненавистнаго министра. Это страшное орудіе парламента въ борьбѣ съ нелюбимыми королевскими совѣтниками носило названіе „билля объ опалѣ“ (bill of attainder). Самый знаменитый примѣръ его примѣненія—процессъ графа Страффорда при Карлѣ I. Какъ извѣстно, Страффордъ явно стре-

мился въ тридцатыхъ годахъ XVII в. къ утвержденію въ Англіи абсолютизма, совѣтуя въ этомъ отношеніи королю идти прямо „напроломъ". Карлъ I въ теченіе одиннадцати лѣтъ,—чего раньше никогда не было,—не созывалъ парламента, и вотъ, когда обстоятельства заставили его въ 1640 г. созвать парламентъ, прославившійся потомъ въ исторіи подъ названіемъ долгаго, однимъ изъ первыхъ его шаговъ было нарядить надъ Страффордомъ судъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Подсудимый зищищался тѣмъ, что подъ существующіе законы поступки, вмѣняемые ему въ вину, совершенно не подходятъ, и тогда парламентъ прибѣгъ къ bill'ю of attainder. Вынесенъ былъ смертный приговоръ, малодушно утвержденъ королемъ, обѣщавшимъ своему фавориту, что ни одинъ волосъ не упадетъ съ его головы, и вслѣдъ затѣмъ приведенъ въ исполненіе. Но этотъ фактъ относится уже къ новому періоду въ исторіи парламента.

Итакъ, къ серединѣ XV в. англійскій парламентъ обладалъ важными правами давать согласіе на налоги, предлагать изданіе новыхъ законовъ и судить королевскихъ совѣтниковъ. Съ середины XV в., однако, начался упадокъ парламента. Среди причинъ, приведшихъ его къ этому, было династическое междоусобіе, такъ называемая „война алой и бѣлой розы", когда парламентъ сдѣлался игрушкой враждебныхъ партій. Были и другія причины, разсматривать которыя здѣсь не мѣсто [1]), и когда послѣ тридцати лѣтъ смутъ на престолъ вступила новая династія Тюдоровъ, парламентъ могъ бы казаться обреченнымъ на судьбу французскихъ генеральныхъ штатовъ. Тюдоры правили абсолютно, самовластно, деспотически. Уже съ середины XV в. созывы парламента стали происходить гораздо рѣже, и это продолжалось въ XVI в. при Тюдорахъ. Они, однако, не отмѣняли парламента, потому что теперь это было послушное въ ихъ рукахъ учрежденіе, исполнявшее чуть не всѣ желанія, даже прихоти королевской власти, очень удобное для приданія законности актамъ даже величайшаго произвола. Особенно это справедливо для царствованія Генриха VIII, который вмѣшивалъ парламентъ въ свои брачныя и семейныя дѣла, прибѣгалъ къ нему, чтобы отдѣлаться отъ разонравившихся ему совѣтниковъ и пр., и пр. При немъ парламентъ даже усилилъ

[1]) См. въ „Исторіи Зап. Европы", т. II, гл. 32 и въ „Помѣстьѣ-государствѣ" концы XXI и XXV главъ.

королевскую власть, провозгласивъ государя главою церкви, вмѣсто папы, и согласившись на отобраніе имъ въ свою пользу всей монастырской собственности, равно какъ позволяя ему мѣнять по произволу церковные догматы и обряды. Но, съ другой стороны, для парламента въ будущемъ, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, все это были прецеденты и для вмѣшательства въ семейныя дѣла короля, и для преслѣдованія провинившихся министровъ, и для регулированія церковныхъ дѣлъ. Политическая смута второй половины XV в. и церковная реформа XVI столѣтія вызвали въ Англіи два учрежденія, верховную коммиссію религіозныхъ дѣлъ и судилище звѣздной палаты, противорѣчившія всѣмъ прежнимъ устоямъ законности и личной неприкосновенности въ странѣ: верховная коммиссія превратилась въ настоящую инквизицію по дѣламъ религіознымъ, звѣздная палата—по дѣламъ политическимъ. Режимъ Генриха VIII былъ полнымъ деспотизмомъ, опиравшимся на терроръ, режимъ Елизаветы (а это—двѣ главныя фигуры въ династіи Тюдоровъ) отличался большею мудростью и мягкостью, но равнымъ образомъ былъ самовластнымъ, произвольнымъ, причемъ, однако, и отецъ, и дочь одинаково остерегались поднимать острые и спорные вопросы англійскаго государственнаго права, довольствуясь фактическимъ абсолютизмомъ и не стараясь обосновать его теоретически и принципіально. Они не оспаривали наиболѣе очевидныхъ правъ парламента, хотя и нарушали ихъ на каждомъ шагу: королевскія „прокламаціи“ должны были имѣть силу законовъ, подъ видомъ „добровольныхъ займовъ“ устанавливались поборы, замѣнявшіе правильно вотированные налоги и т. п.

Въ 1603 г. англійская корона перешла къ шотландской династіи Стюартовъ, вся исторія которой на ея родинѣ прошла въ безпрерывной почти борьбѣ съ могущественной аристократіей и свободолюбивымъ народомъ. Стюарты сдѣлали прямое нападеніе на англійскую конституцію, предпринявъ формальное введеніе въ Англіи абсолютизма. Парламентъ, однако, къ этому времени сталъ выходить изъ своего вѣкового оцѣпенѣнія, и XVII вѣкъ былъ свидѣтелемъ такой же ожесточенной борьбы, какую видѣлъ XIV вѣкъ. На этотъ разъ политическая борьба осложнилась,—какъ это уже было въ серединѣ XVI в. въ Шотландіи, во Франціи, въ Нидерландахъ [1]), а въ началѣ

[1]) См. выше, стр. 32—33.

XVII столѣтія и въ Чехіи,—борьбою религіозною, которая внесла въ дѣло защиты политической свободы больше стойкости и больше принципіальности, равно какъ выдвинула на видное мѣсто вопросъ о правахъ личности, неприкосновенныхъ для какой бы то ни было власти. Англиканская церковь, установившаяся въ Англіи при Тюдорахъ, была, съ одной стороны, результатомъ созданнаго государственною властью компромисса между католическими и протестантскими началами, съ другой—учрежденіемъ монархическо-аристократическаго характера, разъ главою церкви признанъ былъ король, и въ церкви сохранилась іерархія съ епископатомъ, какъ божественнымъ учрежденіемъ. Абсолютизмъ уже перваго Стюарта, Іакова I, видѣлъ въ епископальной церкви самую надежную опору монархіи: „гдѣ нѣтъ епископа, говорилъ онъ, тамъ нѣтъ и короля". Рядомъ съ этою установленною государствомъ монархическо-аристократическою церковью, съ этою, такъ сказать, казенною реформаціей въ странѣ происходила другая реформація, чисто народная, неоффиціальная, государственною властью даже гонимая, болѣе рѣзко порывавшая съ традиціями католицизма, стремившаяся къ осуществленію болѣе демократическихъ порядковъ въ устройствѣ церковной жизни. Послѣдователей этой болѣе свободной реформаціи называли, какъ извѣстно, пуританами, и вотъ въ этой оппозиціонной по отношенію къ англиканизму реформаціи къ серединѣ XVII в. ясно обозначились два направленія: одно сохраняло принципъ государственной церкви и вѣроисповѣднаго единства подданныхъ, но замѣняло англиканизмъ кальвинизмомъ, системою, принятою въ Шотландіи подъ названіемъ пресвитеріанизма, тогда какъ другое стояло за свободу совѣсти и, вмѣсто единой національно-государственной церкви въ принципѣ, признавало лишь совершенно независимыя одна отъ другой религіозныя общины безъ постояннаго духовенства и разъ на всегда установленнаго ритуала. Послѣдователи одного направленія были пресвитеріане, другого—индепенденты.

Осложненіе политической борьбы при Стюартахъ борьбою религіозною заключалось въ объединеніи политическихъ и религіозныхъ партій. Епископальная церковь была за короля, пуритане стояли за парламентъ. Абсолютистовъ въ англійскомъ обществѣ было мало, а потому, когда произошелъ разрывъ Карла I съ парламентомъ, тѣ, которые остались вѣрными королю, такъ называемые роялисты или кавалеры, стремились

лишь къ возстановленію традиціонныхъ отношеній между королевскою властью и національнымъ представительствомъ, съ сохраненіемъ въ неприкосновенности и епископальнаго церковнаго устройства. На эту сторону стали главнымъ образомъ наиболѣе аристократическіе элементы общества. Сторонники правъ парламента больше принадлежали къ среднимъ классамъ общества какъ въ графствахъ, такъ и въ городахъ, а также и къ болѣе демократическимъ его элементамъ, каковы были фермеры, лавочники и т. п. Съ теченіемъ времени среди сторонниковъ парламента, или круглоголовыхъ, бывшихъ въ религіи пуританами, отдѣлились два главныя направленія: монархическое пресвитеріанство, понимавшее, однако, монархію въ новомъ смыслѣ—съ болѣе широкими правами и прочными гарантіями представительства и стремившееся, какъ было сказано, къ замѣнѣ англійской аристократической церкви шотландскою, болѣе демократическою, и республиканское индепендентство, въ которомъ возобладало ученіе о народовластіи, какъ объ единственномъ правильномъ государственномъ устройствѣ, и которое вмѣстѣ съ тѣмъ требовало осуществленія свободы совѣсти, какъ чисто личнаго права каждаго вѣрующаго человѣка.

Къ началу XVII в., когда вступила на престолъ династія Стюартовъ, причины, которыя за полтора вѣка передъ тѣмъ привели парламентъ къ ослабленію, болѣе уже не существовали, особенно послѣ того, какъ замѣчательный экономическій, культурный и политическій подъемъ націи въ царствованіе Елизаветы, т. е. во второй половинѣ XVI в. пробудилъ въ націи общественное самосознаніе [3]). Стюарты своею агрессивною политикою лишь разжигали новый оппозиціонный духъ въ странѣ. Конфликты парламента съ королевскою властью начались уже при Іаковѣ I, который одно время поэтому въ теченіе семи лѣтъ (1614—1621) не созывалъ парламента. Царствованіе его сына Карла I началось тоже съ столкновеній между правительствомъ и представительствомъ. Особенно оппозиціонно настроеннымъ оказался парламентъ 1628—1629 г., оставившій, какъ главный плодъ своей дѣятельности, знаменитую „петицію о правѣ", эту вторую великую хартію вольностей, важное содержаніе которой будетъ приведено ниже. Послѣ роспуска этого парламента Карлъ I рѣшилъ болѣе не

---

[3]) См. объ этомъ во II т. „Исторіи Западной Европы" (гл. 32).

созывать парламента и цѣлыя одиннадцать лѣтъ правилъ королевствомъ съ нарушеніемъ законовъ, обычаевъ и собственныхъ своихъ обѣщаній. Только возстаніе въ другомъ его королевствѣ, въ Шотландіи, гдѣ онъ задумалъ реформировать пресвитеріанскую церковь въ епископальномъ духѣ, и неуспѣшность его подавленія заставили Карла I созвать, въ 1640 г., знаменитый долгій парламентъ. Настроеніе этого единственнаго въ лѣтописяхъ Англіи собранія было крайне оппозиціоннымъ, и въ началѣ всѣ въ этомъ собраніи были солидарны: правительственная система была осуждена, виновники нарушенія законовъ подвергнуты наказанію (между прочимъ, казнь Страффорда), у короля были исторгнуты уступки, среди которыхъ особенно важнымъ было обѣщаніе созывать парламенты не рѣже раза въ три года и не распускать собранный парламентъ раньше опредѣленнаго срока („трехгодичный актъ"), и вдобавокъ само собраніе 1640 г. получило привилегію не быть иначе распущеннымъ, какъ съ собственнаго его на то согласія. Побѣда парламента была, такимъ образомъ, полная, но многіе, зная вѣроломный нравъ короля и видя его неискренность, хотѣли бо̀льшаго, добивались новыхъ и новыхъ гарантій, на что другіе не были согласны. Это и повело къ образованію въ парламентѣ партій круглоголовыхъ и кавалеровъ, между которыми раздѣлилась надолго и вся страна. Въ 1642 г. началась въ Англіи междоусобная война, и въ концѣ концовъ король былъ побѣжденъ, попалъ въ руки своихъ противниковъ, подвергся суду парламента и, по его приговору, былъ преданъ смертной казни (1649). Во время этого междоусобія, среди самихъ побѣдителей возникъ расколъ—между пресвитеріанами, воспользовавшимися побѣдою для реформы государственной церкви по шотландскому образцу, и индепендентами, видѣвшими свою миссію въ установленіи свободы совѣсти, а при этомъ одни желали сохранить монархію, другіе въ концѣ концовъ пришли къ мысли о республикѣ. Пресвитеріанизмъ былъ силенъ въ парламентѣ, индепендентство—въ парламентскомъ войскѣ, которое все сдѣлалось сектантскихъ. Суду надъ королемъ и казни надъ нимъ предшествовало военное насиліе надъ народнымъ представительствомъ, когда полковникъ Прайдъ силою удалилъ изъ нижней палаты наиболѣе видныхъ представителей пресвитеріанства. Провозглашеніе республики было дѣломъ „арміи святыхъ", но эта республика оказалась весьма непрочною. Сначала она управлялась

государственнымъ совѣтомъ и „охвостьемъ“ долгаго парламента, но когда послѣдній былъ насильно разогнанъ вождемъ индепендентской арміи Оливеромъ Кромвелемъ, его приверженцы создали для Англіи новую конституцію (1653), поставивъ во главѣ государства съ титуломъ протектора, самого Кромвеля, который вскорѣ получилъ право, назначить себѣ преемника. И это устройство оказалось равнымъ образомъ непрочнымъ: Кромвель переходилъ отъ парламентской системы къ военному деспотизму и опять къ парламентской системѣ и даже былъ не прочь возстановить старую конституцію, если бы только армія (чего не произошло) согласилась видѣть его королемъ. Смерть лорда протектора въ 1658 г. ускорила развязку на такое долгое время затянувшагося кризиса: произошли новые раздоры преемника Кромвеля (его сына Ричарда) съ парламентомъ, парламента съ войскомъ, въ войскѣ между отдѣльными генералами, пока одинъ изъ нихъ (Монкъ) не произвелъ реставраціи Стюартовъ въ лицѣ сына казненнаго короля, Карла II.

Такъ окончилась первая англійская революція или „великій мятежъ“, какъ назвали его англичане. Карлъ II былъ возстановленъ на престолѣ безъ какихъ бы то ни было условій, и все, что было сдѣлано за 18 лѣтъ, отдѣляющія возвращеніе Стюартовъ отъ начала междоусобія, было признано не имѣющимъ никакой юридической силы. Такимъ образомъ первая революція не произвела никакихъ измѣненій въ традиціонной англійской конституціи: она показала только готовность націи защищать свои права, обнаружила силу ея политическаго духа, отразилась на нѣкоторыхъ сторонахъ общественныхъ нравовъ и обычаевъ и, что для насъ здѣсь особенно важно, сильно содѣйствовала разработкѣ теоретическихъ вопросовъ конституціоннаго права. Самый урокъ, данный королевской власти событіями сороковыхъ годовъ, для сыновей Карла I, царствовавшихъ одинъ за другимъ между 1660 и 1688 гг., прошелъ, однако, даромъ. Эпоха двухъ послѣднихъ Стюартовъ была опять временемъ нарушенія со стороны королевской власти законовъ, обычаевъ и данныхъ обѣщаній, что повлекло за собою новую борьбу. При Карлѣ II парламентомъ были приняты два важныхъ закона—такъ называемый „актъ о присягѣ“ и „актъ о личной неприкосновенности“. О содержаніи ихъ больше будетъ сказано ниже. Здѣсь укажемъ лишь на то, что братъ и наслѣдникъ короля

будущій Іаковъ II, долженъ былъ въ силу перваго изъ этихъ законовъ, какъ католикъ, сложить съ себя должность генералъ-адмирала, и тогда въ части англійскаго общества возникъ вопросъ, можетъ ли въ Англіи католикъ быть королемъ и, слѣдовательно, главою церкви. Вновь образовавшаяся партія виговъ отвѣтила на этотъ вопросъ отрицательно, другая—торіевъ — высказалась въ положительномъ смыслѣ, и каждая приводила въ пользу своего мнѣнія теоретическіе аргументы, которые мы разсмотримъ въ своемъ мѣстѣ [1]). По смерти Карла II, Іаковъ II вступилъ на престолъ, но даже вѣрные принципу божественнаго права королевской власти торіи отшатнулись отъ него и не помѣшали вигамъ призвать на помощь угрожаемымъ свободѣ и протестантизму Англіи штатгальтера Голландіи Вильгельма Оранскаго. Дѣло кончилось (1688—9) бѣгствомъ Іакова II во Францію, объявленіемъ англійскаго престола вакантнымъ и возведеніемъ на престолъ Вильгельма III съ его женою Маріей, дочерью Іакова II, которые приняли составленные парламентомъ „Билль и декларацію о правахъ".

Разсмотримъ теперь, какіе были конкретные предметы этой борьбы, и какихъ результатовъ достигъ парламентъ въ этой же самой борьбѣ.

Въ эпоху ослабленія парламента единственнымъ учрежденіемъ, представлявшимъ въ Англіи реальную общественную силу, былъ такъ называемый тайный, вѣрнѣе частный совѣтъ (privy council), состоявшій изъ членовъ высшей аристократіи и государственныхъ сановниковъ и игравшій роль главнаго органа управленія. Для Тюдоровъ онъ былъ самою вѣрною и надежною опорою, но вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ и нѣкоторою сдержкою для ихъ произвола, съ которою иногда приходилось считаться даже деспотическому Генриху VIII. Какимъ политическимъ авторитетомъ пользовался тайный совѣтъ, видно изъ того, что первую санкцію воцаренія Іакова I въ Англіи дало признанію за нимъ права на престолъ именно это учрежденіе. Стюарты стремились унизить значеніе тайнаго совѣта, какъ можно менѣе прибѣгая къ его содѣйствію и предпочитая вершить всѣ дѣла съ немногими фаворитами. За то они всячески развивали дѣятельность двухъ учрежденій, которыя возникли въ эпоху, когда Англія наименѣе пользовалась по-

---

[1]) Въ слѣдующей главѣ.

литическою свободою, и находились въ полномъ противорѣчіи съ англійскими законами. Это были—упомянутыя звѣздная палата (star chamber), учрежденіе, возникшее при первомъ Тюдорѣ для внѣзаконной расправы съ его побѣжденными противниками, впослѣдствіи между прочимъ организовавшее въ Англіи цензуру (1585), и верховная коммиссія, образовавшаяся при второмъ Тюдорѣ въ видѣ подчиненнаго органа королевской суприматіи въ дѣлахъ вѣры и сдѣлавшаяся своего рода подобіемъ инквизиціоннаго судилища. Оппозиція была недовольна какъ переходомъ руководящей роли въ дѣлахъ правленія отъ тайнаго совѣта въ руки немногихъ королевскихъ фаворитовъ, такъ и тѣми беззаконіями, которыя совершались двумя чрезвычайными судилищами. Далѣе, въ Англіи судьи пользовались независимостью вслѣдствіе своей несмѣняемости, Стюарты же стали предпочитать систему временныхъ порученій (durante beneplacito), чтобы держать исправляющихъ должность судьи въ зависимости отъ себя, и это тоже вызывало неудовольствіе въ націи. На законодательное право парламента династія Стюартовъ, далѣе, дѣлала постоянныя нападенія, такъ какъ прибѣгала къ такъ называемымъ „прокламаціямъ“, установлявшимъ въ сущности новые законы, и, приписывая себѣ право временныхъ отмѣнъ дѣйствія законовъ (суспенсивное право) и частныхъ изъ него изъятій (диспенсивное право), позволяла себѣ нарушать и дѣйствующіе законы. Это равнымъ образомъ вызывало оппозицію, какъ и то, что правительство не считало себя связаннымъ даже самымъ несомнѣнымъ правомъ парламента вотировать субсидіи, налагая произвольные сборы въ видѣ „беневоленцій“ и т. п. Наконецъ, все болѣе и болѣе усиливавшіяся строгости противъ „нонконформистовъ“, т.-е. лицъ, отказывавшихся подчиняться англиканской церкви, тоже вносили раздраженіе въ общество.

Что касается до положительныхъ результатовъ борьбы парламента съ королевскою властью при Стюартахъ, то они выразились въ изданіи въ эту эпоху нѣсколькихъ важныхъ законодательныхъ актовъ, уже названныхъ выше. Это—„петиція о правахъ“ 1628 г., „трехгодичный актъ“ 1641 г., „актъ о присягѣ“ 1673 г., такъ называемый „habeas-corpus act“ 1679 г. и „билль и декларація правъ“ 1689 г. Въ исторіи англійскаго парламента особенно важное значеніе принадлежитъ первому и послѣднему изъ этихъ актовъ, а кромѣ нихъ, очень важенъ законъ о личной неприкосновенности, извѣстный подъ

именемъ акта о „habeas corpus“. Мы и разсмотримъ теперь поочередно эти важные памятники англійскаго политическаго законодательства XVII в.

Петиція о правахъ (petition of rights), вторая великая хартія, составленная парламентомъ 1628—1629 г. [1]), не вносила въ англійскую государственную жизнь ничего новаго, но была только подтвержденіемъ старыхъ правъ парламента въ предупрежденіе ложныхъ ихъ на будущеее время толкованій. Ея содержаніе можетъ быть сведено къ слѣдующимъ пунктамъ.

Въ первомъ указывается на то, что подданные англійскаго короля „унаслѣдовали свободу, по которой не могутъ быть принуждены платить какой-либо налогъ, подать, сборъ или другую подобную повинность, не установленную общимъ согласіемъ въ парламентѣ“. Пункты 2, 3, 4 заключаютъ въ себѣ жалобы на произвольные аресты и чрезвычайные суды, причемъ въ пунктѣ пятомъ отмѣчалось, что когда для освобожденія заключенныхъ безъ объясненія причинъ они были приводимы къ судьямъ по указамъ короля о „habeas corpus“ [2]), „чтобы поступить съ ними согласно распоряженію суда, тюремщики, на приказъ обозначить причину задержанія, не указывали никакой причины, кромѣ той, что лица эти содержались подъ стражей по особому повелѣнію вашего величества, удостовѣреннаго лордами тайнаго совѣта“. Пунктъ 6 содержалъ протестъ противъ военныхъ постоевъ, 7, 8 и 9—противъ судовъ по законамъ военнаго времени, а 10 и 11 резюмировали желанія, вытекавшія изъ предыдущихъ. Именно духовные и свѣтскіе лорды и общины просили короля, „чтобы впредь никто не былъ принуждаемъ платить или давать что-либо въ видѣ дара, ссуды, приношенія, налога или какого-либо иного подобнаго сбора, безъ общаго согласія, даннаго актомъ парламента; чтобы никто не былъ призываемъ къ отвѣту, приводимъ къ присягѣ, понуждаемъ къ службѣ, задерживаемъ или инымъ образомъ стѣсняемъ и безпокоимъ по поводу этихъ сборовъ или отказа платить ихъ; чтобы ни одинъ свободный человѣкъ не былъ заключаемъ въ тюрьму или содержимъ подъ стражей такъ, какъ упомянуто выше; чтобъ король соблаговолилъ удалить солдатъ и матросовъ, о

---

[1]) Русскій переводъ въ „Текстахъ конституцій“ *Ѳ. Ѳ. Кокошкина.* М. 1905. Вып. I.

[2]) См. ниже.

которыхъ было сказано выше, и чтобы народъ на будущее время не былъ отягощаемъ такимъ образомъ; чтобы вышеозначенныя уполномочія для производства суда по законамъ военнаго времени были отмѣнены и уничтожены и на будущее время никакія подобнаго рода уполномочія не выдавались какому-либо лицу или лицамъ, дабы подъ предлогомъ ихъ подданные не предавались смерти противно законамъ и вольностямъ страны". Кромѣ того, парламентъ просилъ, чтобы „рѣшенія, дѣйствія и мѣры, состоявшіяся въ ущербъ народу въ какомъ-либо изъ означенныхъ пунктовъ, не могли имѣть послѣдствій или служить впредь примѣрами", и чтобы король объявилъ свою волю и желаніе касательно чиновниковъ и должностныхъ лицъ, какъ людей, обязанныхъ служить ему согласно съ законами и статутами королевства. Въ концѣ документа значится: „по прочтеніи настоящей петиціи и по полномъ уясненіи ея содержанія названнымъ государемъ королемъ (т. е. Карломъ I) былъ данъ въ полномъ собраніи парламента такой отвѣтъ: да будетъ сдѣлано по сему желанію" [1]).

Трехгодичный актъ (triennal act) 1641 г. въ первый разъ установилъ въ Англіи принципъ, въ силу котораго королевская власть ограничивалась въ своемъ правѣ собирать парламентъ, когда ей заблагоразсудится. По этому акту, парламентъ долженъ былъ собираться, по крайней мѣрѣ, разъ въ три года, и притомъ не быть распускаемымъ ранѣе, чѣмъ черезъ пятьдесятъ дней со дня открытія засѣданій.

Актъ о присягѣ (test act) 1673 г. не допускалъ къ занятію должностей лицъ, не принесшихъ присяги королю, какъ главѣ церкви, и не принявшихъ причастія по англиканскому обряду. Что онъ былъ направленъ преимущественно противъ католиковъ, явствуетъ изъ требованія, какое еще предъявлялось при этомъ: именно желающій занять должность долженъ былъ дать и собственноручно подписанное заявленіе противъ догмата о пресуществленіи въ таинствѣ евхаристіи.

Акту о „habeas corpus", которымъ въ Англіи обезпечивается неприкосновенность личности, справедливо приписывается значеніе „третьей великой хартіи вольностей" [2]). Уже

---

[1]) Обычная формула королевской санкціи (Помѣстье — государство, стр. 277). Это не помѣшало Карлу I толковать потомъ петицію по своему.

[2]) Полный текстъ акта напечатанъ въ книгѣ проф. *В. Дерюжинскаго*

раньше у англійскихъ судей было право требовать, чтобы каждый заключенный въ тюрьму былъ представленъ судьѣ съ объясненіемъ причинъ ареста, послѣ чего задержанный могъ быть выпущенъ на свободу, если причины ареста судебною властью признавались неосновательными. Подобный приказъ о доставкѣ личности („тѣла") заключеннаго получилъ названіе „habeas corpus" (подразумѣвается „ad subjiciendum), и просить такого приказа могли не только самъ заключенный или его довѣренное лицо, но и всякій, кто считалъ арестъ несправедливымъ. При Стюартахъ эта гарантія личной неприкосновенности сплошь и рядомъ нарушалась, противъ чего протестовала еще петиція о правахъ, ибо и судьи, и тюремщики подъ всякими предлогами уклонялись отъ примѣненія этого права заключаемыхъ въ тюрьму. Законъ 1679 г. и былъ изданъ въ цѣляхъ строгаго соблюденія судьями—выдачи приказовъ „habeas corpus", а тюремщиками—ихъ исполненія подъ страхомъ отвѣтственности за нарушеніе закона. Въ актѣ 1679 г. мы находимъ еще требованіе предъявленія письменнаго объясненія причины ареста и обязанности представленія арестованнаго суду въ теченіе кратчайшаго времени съ запрещеніемъ перевода его изъ тюрьмы одного графства въ другую тюрьму, въ случаѣ же маловажныхъ проступковъ заключенный долженъ былъ выпускаться на поруки и не ждать слишкомъ долго суда въ случаѣ болѣе важныхъ преступленій.

Второю революціей, которую англичане назвали славною (glorious) и изданіемъ декларацiи 1689 г. окончилась вѣковая борьба въ Англіи между короною и національнымъ представительствомъ. Декларація правъ окончательно размежевала области ихъ компетенціи, опредѣливъ разъ навсегда „прерогативу" короны и „привилегію" парламента, перечисливъ именно то, чего король не можетъ дѣлать, и тѣмъ самымъ указавъ, въ чемъ заключаются истинныя права англійской націи и ея представителей въ парламентѣ. Попыткамъ королевской власти нарушить эти вольности страны и установить въ ней абсолютизмъ былъ такимъ образомъ положенъ конецъ послѣ того, какъ прошло триста лѣтъ послѣ перваго рѣзкаго столкновенія уже сформировавшагося и успѣвшаго пріобрѣсти извѣст-

„Habeas corpus act". 1895. Русскаго перевода не существуетъ, но отдѣльныя части въ названной книгѣ переведены.

ныя права парламента съ королевскою властью при Ричардѣ II. 1689 г. былъ повтореніемъ 1399 г., когда также произошло низложеніе короля и призваніе на престолъ новой династіи, которая, будучи обязана своимъ призваніемъ къ власти парламенту должна была съ нимъ ладить. Такъ было и послѣ 1689 г. За царствованіями Вильгельма III и Маріи (потомъ одного Вильгельма III), а затѣмъ второй дочери Іакова II Анны [1]), продолжавшимися 25 лѣтъ (1689 — 1714), въ силу особаго парламентскаго акта, за неимѣніемъ у нихъ наслѣдниковъ на англійскій престолъ, вступила новая династія, царствовавшая въ одномъ изъ нѣмецкихъ княжествъ (Ганноверѣ) и происходившая по женской линіи отъ Стюартовъ [2]). При этой династіи произошло не только полное укрѣпленіе результатовъ революціи 1689 г., но и дальнѣйшее развитіе англійской конституціи въ смыслѣ расширенія власти парламента.

Декларація правъ 1689 г. въ исторіи англійской конституціи принадлежитъ весьма важное мѣсто. Декларацією признавались прежде всего противными законамъ: 1) „существующее будто бы право пріостанавливать дѣйствіе законовъ королевскою властью безъ согласія парламента“ и 2) „существующее будто бы право королевской власти освобождать отъ дѣйствія законовъ или отъ исполненія ихъ“. Этими двумя пунктами декларація былъ положенъ конецъ притязаніямъ короны на такъ называемую суспендивную и диспенсивную власть. Далѣе, одинаково противнымъ законамъ объявлялось 3) учрежденіе новаго духовнаго или всякаго иного суда,— пунктъ, направленный противъ какихъ бы то ни было исключительныхъ или чрезвычайныхъ судовъ, въ родѣ верховной коммиссіи или звѣздной палаты. Столь же, затѣмъ, незаконнымъ было провозглашено и 4) „всякое взиманіе денегъ для надобностей короны подъ предлогомъ королевской прерогативы, безъ разрѣшенія парламента, равно какъ и на болѣе долгій срокъ, нежели было указано, и не тѣмъ способомъ, какой былъ указанъ“. Слѣдующимъ пунктомъ было объявлено противнымъ законамъ 5) „всякое заключеніе въ тюрьму или другое преслѣдованіе подданныхъ, представляющихъ королю про-

---

[1]) При ней Англія и Шотландія, имѣвшія разные парламенты, соединились въ единую Великобританію съ общимъ парламентомъ.

[2]) Ганноверъ и Англія были соединены подъ властью одного государя до 1837 г.

шенія",—пунктъ, какъ и предыдущій, не нуждающійся ни въ какихъ разъясненіяхъ. Нельзя, наоборотъ, не остановиться особо на дальнѣйшемъ пунктѣ въ перечисленіи того, что подводилось подъ категорію незакономѣрныхъ дѣйствій. Это было именно 6) „собираніе и содержаніе арміи въ королевствѣ въ мирное время безъ согласія парламента". Извѣстно, какую важную роль въ утвержденіи абсолютизма на континентѣ съиграли постоянныя арміи [1]): недаромъ главный совѣтникъ Карла I въ дѣлѣ установленія неограниченной власти, гр. Страффордъ, всѣ надежды возлагалъ на постоянное королевское войско, которое и формировалъ въ управлявшейся имъ Ирландіи, да и Іаковъ II, назначавшій, въ обходъ закона, на офицерскія мѣста католиковъ, опять-таки въ арміи же видѣлъ ту силу, на которую главнымъ образомъ можно было опереться въ борьбѣ съ націей. Съ другой стороны, намъ очень понятно и одно изъ требованій, предъявленныхъ долгимъ парламентомъ Карлу I въ 1642 г. передъ самымъ началомъ междоусобной войны,—требованіе парламентскаго контроля надъ вооруженною силою страны [2]). Теперь, въ 1689 г. было признано, что въ Англіи, когда нѣтъ войны, армія можетъ существовать лишь по спеціальному разрѣшенію парламента. Съ этого времени въ Англіи правительство было вынуждено ежегодно испрашивать у парламента согласіе на содержаніе сухопутнаго войска и военнаго флота. Правительство въ этомъ не получаетъ отказа, но согласіе дается всегда лишь на одинъ годъ посредствомъ спеціальнаго закона, носящаго названіе „mutiny-act'a", которымъ между прочимъ правительству дается право устанавливать для военныхъ особыя правила дисциплины и подвергать разнаго рода наказаніямъ за ихъ несоблюденіе, безъ чего солдаты и матросы должны были бы подчиняться только общему праву. Важность такого порядка вещей не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: если бы парламентъ не захотѣлъ когда-либо принять „mutiny-act", въ странѣ не могло бы существовать на законномъ основаніи никакой вооруженной силы, и всѣ требованія на счетъ военной субординаціи и дисциплины, къ кому-либо предъявляемыя, не имѣли бы рѣшительно никакой юридической силы.

---

[1]) Западно-европейская абсолютная монархія, гл. XI.

[2]) Аналогичное требованіе было и во время переговоровъ 1647 г. долгаго парламента съ плѣннымъ уже въ то время королемъ.

Этимъ же биллемъ 1689 г. провозглашались еще: 7) право протестантскихъ подданныхъ имѣть для самозащиты оружіе, 8) свобода выборовъ въ члены парламента. 9) подсудность самому парламенту рѣчей и поведенія его членовъ, 10) отмѣна черезъ-чуръ тяжкихъ наказаній, 11) правильное составленіе списковъ присяжныхъ, причемъ для дѣлъ по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ присяжные должны были браться изъ общинъ и 12) запрещеніе заранѣе кому-либо отдавать или обѣщать имущества, конфискованныя у обвиняемыхъ. Послѣднимъ пунктомъ принимался тотъ общій принципъ, чтобы 13) парламентъ, по возможности, былъ чаще созываемъ „для изысканія средствъ къ отвращенію всѣхъ этихъ золъ, для исправленія и утвержденія законовъ и для ихъ поддержанія.

Передавая престолъ Вильгельму, „котораго всемогущій Господь соблаговолилъ избрать славнымъ орудіемъ для освобожденія королевства отъ папизма и деспотизма“, и супругѣ его Маріи, парламентъ вмѣстѣ съ тѣмъ исключалъ изъ права престолонаслѣдія всякое лицо, которое или само исповѣдуетъ римскую вѣру, или вступитъ въ бракъ съ такимъ лицомъ [1]). Въ дополненіе къ этому условію и былъ въ 1701 г. изданъ особый „актъ объ устроеніи“, въ силу котораго послѣ кончины преемницы Вильгельма III, его свояченницы Анны, англійскій престолъ и перешелъ въ Ганноверскій домъ.

Главное значеніе только-что названнаго акта заключалось въ особыхъ дополнительныхъ статьяхъ къ закону о престолонаслѣдіи, заключавшихъ въ себѣ важныя конституціонныя постановленія. Одна изъ этихъ статей,—вскорѣ, впрочемъ, при первомъ же государѣ изъ новой династіи отмѣненная,—запрещала королю выѣзжать изъ Англіи, Шотландіи и Ирландіи безъ согласія парламента. Включая эту статью въ новый законъ, парламентъ имѣлъ въ виду предстоявшій тогда переходъ англійской короны къ одному изъ нѣмецкихъ государей и руководился при этомъ тѣмъ же соображеніемъ, которое подсказало ему и другую статью, заключавшую въ себѣ отказъ Англіи отъ всякой обязанности защищать постороннія владѣнія своего будущаго короля, курфюрста ганноверскаго, или особую еще статью, запрещавшую поручать какія бы то ни было должности не англичанамъ, но уже при первомъ же

---

[1]) Актъ объ единообразіи и актъ о присягѣ были сохранены, но нонконформистамъ была обѣщана терпимость.

Георгѣ королю было предоставлено право свободнаго выѣзда изъ страны, послужившее при этомъ государѣ лишь къ большему усиленію парламента. Недолговѣчна была также статья, не дозволявшая быть членомъ парламента всякому, кто имѣетъ отъ короля оплачиваемую жалованіемъ должность или получаетъ отъ короны содержаніе, такъ какъ уже въ 1706 г. она была замѣнена другою, въ силу которой каждый членъ парламента, получающій какую-либо коронную должность, долженъ былъ слагать съ себя депутатскія полномочія и подвергаться вторичному избранію. Если бы статья удержалась въ своемъ первоначальномъ видѣ, въ Англіи сдѣлалось бы невозможнымъ парламентарное министерство, сущность коего именно въ томъ и состоитъ, что королевскіе совѣтники, министры, берутся изъ членовъ парламента. Другія статьи, кромѣ спеціальнаго условія о необходимости для короля принадлежать къ англиканской церкви, были слѣдующія: во-первыхъ, всѣ дѣла, рѣшающіяся въ тайномъ совѣтѣ (privy council), по прежнему должны были въ немъ рѣшаться, но такъ, чтобы каждое состоявшееся въ немъ постановленіе непремѣнно подписывалось тѣмъ членомъ тайнаго совѣта, который далъ на него свой совѣтъ и согласіе; во-вторыхъ, признаны были несмѣняемость судей, хорошо исполняющихъ свою должность, ровно какъ и прочная неизмѣнность получаемаго ими жалованія, смѣщеніе же судьи въ случаѣ какихъ-либо провинностей съ его стороны могло происходить только по представленію обѣихъ палатъ парламента; въ-третьихъ, королевское помилованіе не могло имѣть мѣста въ случаѣ обвиненія кого-либо нижнею палатою. Если мы вдумаемся въ смыслъ этихъ трехъ статей, то увидимъ въ нихъ не что иное, какъ закрѣпленіе, въ законодательной формѣ, трехъ важныхъ принциповъ англійской конституціи, а именно: отвѣтственности министровъ за всѣ правительственныя дѣйствія, независимости судей отъ короны и исключительной юрисдикціи парламента по отношенію къ министрамъ и судьямъ. Правда, статья закона 1701 г., требовавшая подписи министровъ подъ всѣми актами, исходящими отъ королевской власти, не заключала въ себѣ прямого указанія на принимаемую на себя подписывающимся подъ актомъ отвѣтственность за его содержаніе, но настоящій смыслъ закона не могъ быть инымъ, а черезъ десять лѣтъ, въ 1711 г., палата лордовъ положительнымъ образомъ утвердила принципъ, что король не отвѣтствуетъ лично за прави-

тельственные акты, и прерогатива короны не подлежитъ критикѣ или совѣту парламента, но что отвѣтственными за правительственные акты, лицами являются министры. Это было лишь подтвержденіемъ старой формулы „the king cannot wrong“ [1]), новымъ было только то, что найдена была форма, при существованіи которой „дурному совѣтнику“ короля трудно было уклониться отъ отвѣтственности за состоявшійся съ его согласія или по его совѣту актъ королевской власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ другая статья закона 1701 г. лишала короля возможности покрывать своимъ авторитетомъ незаконныя распоряженія, разъ право монарха миловать преступниковъ не могло болѣе распространяться на тѣхъ, кого судилъ самъ парламентъ: случаи, подобные тому, какой связанъ съ именемъ Бэкона [2]), впредь сдѣлались невозможными. Становясь вполнѣ неотвѣтственною за свои дѣйствія, корона въ Англіи, въ сущности, лишалась всякой власти надъ министрами, такъ какъ могла теперь пользоваться своею прерогативою лишь въ зависимости отъ содѣйствія ей со стороны министровъ, бравшихъ на себя всю отвѣтственность за проявленія королевской прерогативы, въ составѣ которой отнынѣ не было уже и права покрывать своею безотвѣтственностью распоряженія министровъ и другихъ агентовъ исполнительной власти. Благодаря этому, исполнительная власть перешла всецѣло въ руки министровъ, какъ это очень хорошо понималъ уже второй король изъ Ганноверскаго дома. Именно, когда въ одномъ разговорѣ съ Георгомъ II лордъ-канцлеръ сказалъ ему, что назначенные имъ министры суть лишь орудія его власти, то Георгъ II съ горькою усмѣшкою возразилъ на это словами: „въ здѣшней странѣ королемъ состоятъ министры“. Въ аналогичное же положеніе независимости отъ королевской власти актомъ 1701 г. были поставлены и судьи: разъ назначенный короною судья, пока онъ дѣйствовалъ въ предѣлахъ закона, не подлежалъ ни смѣщенію, ни наказанію въ видѣ уменьшенія содержанія, и судьею надъ нимъ самимъ сталъ только одинъ парламентъ въ томъ случаѣ, если своимъ образомъ дѣйствій судья возбуждалъ вопросъ о возможности или невозможности для него оставаться далѣе на своемъ мѣстѣ. Судейская несмѣняемость была при-

---

[1]) См. выше, стр. 54.

[2]) Бэконъ былъ осужденъ парламентомъ и помилованъ королемъ.

знала лучшей гарантіей судейской независимости отъ усмотрѣнія правительственной власти.

Мы сейчасъ только видѣли, какія отношенія сложились между короною и ея совѣтниками, министрами, къ которымъ фактически перешла вся исполнительная власть. Король попрежнему сохранялъ право выбирать министровъ и ихъ смѣщать, но министры уже не были пассивными орудіями его власти, которымъ онъ могъ бы что-либо приказывать и дѣйствія которыхъ потомъ могъ бы покрывать своею безотвѣтственностью. Каждый министръ хорошо понималъ, что за все, совершаемое отъ имени короля, подъ чѣмъ онъ, министръ, только давалъ свою подпись, отвѣтственность падала всецѣло на него, и что ссылкою на исполненіе королевской воли оправдываться уже никоимъ образомъ не приходилось. Посмотримъ теперь, какъ сложились взаимныя отношенія между этими отвѣтственными министрами и парламентомъ въ ту же эпоху.

Извѣстно, что въ средніе вѣка парламентъ, подобно другимъ тогдашнимъ представительнымъ учрежденіямъ, время отъ времени добивался того, чтобы королевскіе совѣтники брались не иначе, какъ по его, парламента, указанію [1]). Въ послѣдній разъ подобное требованіе было предъявлено, въ 1642 г., Карлу I долгимъ парламентомъ, выразившимъ именно желаніе, чтобы никто не могъ засѣдать въ королевскомъ совѣтѣ, разъ онъ не угоденъ парламенту, и чтобы вообще назначенія на важныя государственныя должности дѣлались не иначе, какъ съ согласія парламента. Карлъ I отвергъ это требованіе вмѣстѣ съ другими подобными же условіями, находя, что исполненіе ихъ превратило бы его власть въ нѣчто совершенно призрачное, и въ этомъ отношеніи Карлъ I поступилъ совершенно такъ же, какъ поступали и всѣ его предшественники, когда отстаивали свое право быть полными хозяевами въ дѣлѣ выбора своихъ совѣтниковъ. Революція 1689 г. не лишила королевскую власть этого права, и Вильгельмъ III бралъ себѣ въ совѣтники, кого хотѣлъ. Хотя онъ и обязанъ былъ своимъ престоломъ партіи виговъ, имѣвшей при немъ постоянный перевѣсъ въ парламентѣ, это не мѣшало ему приглашать въ министерство и торіевъ болѣе умѣреннаго оттѣнка, не изъ тѣхъ, конечно, которые стремились къ новой

---

[1]) Помѣстье-государство, стр. 235, 237, 258 и 278.

реставраціи Стюартовъ. Вигамъ онъ дѣлалъ уступки во многихъ отношеніяхъ (законъ 1694 г. о выборѣ членовъ парламента лишь на три года, ежегодные созывы парламента, установленіе болѣе дѣйствительнаго парламентскаго контроля надъ государственнымъ бюджетомъ), но рѣшительнѣйшимъ образомъ отстаивалъ свободу собственнаго своего выбора въ дѣлѣ назначенія министровъ. Это нерѣдко вызывало нападенія парламентскаго большинства на неугодныхъ ему министровъ, особенно на принадлежавшихъ къ враждебной политической партіи. Преемница Вильгельма III, Анна, лично сочувствовавшая торизму, силою вещей вынуждена была опираться на виговъ. Хотя она и держалась того взгляда, что корона должна стоять выше партій и тѣмъ самымъ надъ ними господствовать, однако, обстоятельства долгое время заставляли ее брать главныхъ своихъ совѣтниковъ изъ партіи виговъ. Извѣстна та роль, какую въ первую половину ея царствованія играло министерство Мальборо. Извѣстно также, что когда Мальборо палъ,—между прочимъ, осужденный парламентомъ за утайку ввѣренныхъ ему денегъ,—королева Анна призвала на постъ перваго министра торійскаго дѣятеля Болингброка. Это случилось въ 1710 г., и это былъ первый примѣръ замѣны одного партійно однороднаго министерства другимъ такимъ же партійно однороднымъ министерствомъ,—случай, указывавшій на то, что устанавливалась фактически однородность министерства. Отмѣтимъ, что замѣна вигистскаго министерства Мальборо торійскимъ министерствомъ Болингброка не стояла еще въ исключительно причинной связи съ тѣмъ, что и въ парламентѣ около этого времени большинство образовалось торійское, но разъ сама жизнь толкала на образованіе партійно-однородныхъ министерствъ, при существованіи которыхъ только и возможна была внутренняя солидарность правительства, сообщавшая ему надлежащую силу и послѣдовательность дѣйствій, то дальнѣйшимъ шагомъ въ установленіи нормальныхъ внутреннихъ отношеній между законодательною и исполнительною властями могло быть только установленіе такой же солидарности, господствовавшей внутри партійно-однороднаго кабинета, также и внѣ его, въ его отношеніи къ національному представительству. Это и было въ дѣйствительности достигнуто путемъ образованія кабинета изъ вождей даннаго парламентскаго большинства, благодаря чему министерство сдѣлалось не чѣмъ инымъ, какъ комитетомъ парла-

ментскаго большинства, облеченнымъ исполнительною властью. Такое, парламентарное, какъ его называютъ, министерство считалось и называлось въ духѣ прежняго времени „министерствомъ его величества“, но разъ оно оказывалось вынужденнымъ уступить свое мѣсто вождямъ оппозиціи, когда большинство въ палатѣ общинъ переходило на сторону послѣднихъ, министерство переходило на положеніе своихъ соперниковъ— „оппозиціи его величества“, пока новая перемѣна въ парламентѣ не заставляла министерство его величества и оппозицію его величества опять помѣняться ролями. Существованіе въ Англіи только двухъ большихъ политическихъ партій, попеременно пріобрѣтавшихъ большинство на выборахъ, очень облегчало установленіе парламентарнаго министерства. Благодаря возникновенію такого порядка вещей, оппозиціонное меньшинство, прибѣгавшее раньше въ Англіи къ заговорамъ и возстаніямъ, стало охотнѣе обращаться къ легальнымъ способамъ борьбы, дававшимся парламентскою жизнью: рядомъ съ „министерствомъ его величества“ обезпечивалось теперь совершенно законное существованіе и „оппозиціи его величества“.

Новый политическій строй парламентарной монархіи сложился въ Англіи, конечно, не сразу. Этапами его эволюціи были установленіе министерской отвѣтственности, образованіе однородныхъ министерствъ, возникновеніе зависимости состава министерства отъ парламентскаго большинства. И то, и другое, и третье было дѣломъ главнымъ образомъ виговъ, которымъ Англія была обязана революціей 1689 г., а Ганноверскій домъ, царствовавшій въ ней съ 1714 г., — своимъ возведеніемъ на престолъ, главнымъ же моментомъ въ установленіи солидарности между кабинетомъ и парламентскимъ большинствомъ было министерство Роберта Вальполя въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ XVIII в. (1721—1742) при первыхъ двухъ Георгахъ. Георгъ I, не знавшій англійскаго языка, часто притомъ отлучавшійся въ родной Ганноверъ, боявшійся притомъ какимъ-нибудь неловкимъ шагомъ скомпрометтировать свое положеніе, какъ англійскаго короля, не находилъ для себя лучшей политики, какъ держаться виговъ, возведшихъ его на престолъ и имѣвшихъ большинство въ парламентѣ. Въ самомъ началѣ его царствованія, чтобы упрочить свое положеніе, виги замѣнили незадолго передъ тѣмъ установленный трехлѣтній срокъ депутатскихъ полномочій

семилѣтнимъ (существующимъ съ 1716 г. и по сей день). Въ 1721 г. первымъ министромъ сдѣлался Вальполь, не гнушавшійся прибѣгать къ подкупамъ членовъ парламента, чтобы постоянно имѣть большинство на своей сторонѣ. Положеніе его не пошатнулось и послѣ вступленія, въ 1727 г., на престолъ Георга II, который уже лучше зналъ англійскія отношенія, умѣлъ говорить по англійски и потому лично могъ вести дѣла со своими министрами, да и вдобавокъ самъ очень недолюбливалъ Вальполя. „Великій комонеръ" съумѣлъ и при немъ остаться господиномъ положенія, такъ какъ только онъ могъ пообѣщать новому королю, что парламентъ увеличитъ королевское содержаніе (цивильный листъ) и назначитъ хорошую вдовью пенсію королевѣ, оказывавшей вліяніе на супруга, и такъ какъ, сверхъ того, онъ велъ внѣшнюю политику по отношенію къ германскимъ дѣламъ въ спеціальныхъ интересахъ Ганновера. Однако, эта самая политика въ началѣ сороковыхъ годовъ и вызвала въ парламентѣ оппозицію противъ Вальполя. Весною 1741 г. парламентъ былъ распущенъ, а новый парламентъ, собравшійся зимою, тоже сдѣлалъ нападеніе на министерскую политику, при которомъ обнаружилось, что противъ Вальполя голосовало большинство членовъ нижней палаты. Первый министръ покинулъ тогда свой постъ, который занималъ цѣлыхъ два десятилѣтія, и это было первымъ примѣромъ министерской отставки послѣ пораженія въ парламентѣ.

Конечно, ни незнаніе Георгомъ I Англіи, ея строя, ея законовъ, даже ея языка, ни политическая ловкость и изворотливость Вальполя, ни корыстолюбіе Георга II не были рѣшающими моментами въ процессѣ образованія въ Англіи парламентарнаго министерства. Все это были факты преходящіе, которые могли лишь содѣйствовать процессу, но не они его вызвали, не они дали ему то направленіе, какое онъ получилъ. За благопріятными обстоятельствами послѣдовали обстоятельства неблагопріятныя: реакціонная политика Георга III, сближеніе при этомъ государѣ королевской власти съ торіями, переходъ въ то же время и большинства въ парламентѣ на сторону этой партіи, наконецъ, та общая реакція, которая въ исходѣ XVIII в. овладѣла всѣмъ англійскимъ обществомъ подъ вліяніемъ французской революціи [1]). Георгъ III, вступившій на

[1]) Объ этой реакціи см. ниже, въ концѣ гл. XII.

престолъ съ 1760 г., поставилъ своею задачею сломить вигистское правленіе, чтобы самому имѣть рѣшающее значеніе въ дѣлахъ внутренней и внѣшней политики, но достигнуть этого ему удалось лишь въ 1770 г., да и то на короткое время, когда образовалось министерство лорда Норта, бывшаго дѣйствительно послушнымъ орудіемъ въ рукахъ короля. Когда въ 1782 г. оно вынуждено было подать въ отставку, Георгу III опять пришлось править съ ненавистными ему вигами, пока выборы 1784 г. не доставили опять большинства торіямъ и во главѣ новаго министерства не сталъ знаменитый Питтъ Младшій, послѣ чего торіи почти безпрерывно пользовались властью до 1830 г. Эта партія, однако, и не подумала отказаться отъ введеннаго вигами перламентарнаго кабинета. Напротивъ, она усвоила его основной принципъ, такъ что выходившіе изъ ея среды министры вовсе не хотѣли быть, подобно лорду Норту, слѣпыми орудіями въ рукахъ властолюбиваго короля. Такимъ образомъ, англійскіе консерваторы явились продолжателями дѣла, начатаго англійскими либералами, дѣло утвержденія министерской самостоятельности по отношенію къ королевской власти путемъ установленія тѣснѣйшей связи между министерствомъ и наличнымъ парламентскимъ большинствомъ. Однимъ изъ обстоятельствъ, благопріятствовавшихъ въ данномъ случаѣ торіямъ, была душевная болѣзнь Георга III, постигшая его впервые въ 1788 г. и послѣ нѣсколькихъ улучшеній принявшая въ 1811 г. характеръ неизлѣчимаго помѣшательства, заставившаго учредить регенство.

Это усвоеніе своего рода изобрѣтенія виговъ, спеціальныхъ защитниковъ правъ парламента, торійскою партіею, стоявшей съ самаго начала на стражѣ королевской прерогативы, указываетъ на то, что парламентарный строй создали въ Англіи не случайныя какія-либо обстоятельства и не какія бы тамъ ни было теоріи, а вся англійская политическая обстановка, весь общій ходъ англійской исторіи послѣ 1689 г., сама историческая необходимость. Образованіе парламентарнаго министерства было логическимъ результатомъ одержанной въ 1689 г. парламентомъ побѣды. Отвѣтственное передъ парламентомъ министерство не могло не быть однороднымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ удерживаться у власти, не имѣя поддержки въ парламентѣ. Существованіе въ странѣ двухъ большихъ партій, поочередно побѣждавшихъ одна другую на выборахъ, приводило къ тому, что то одна, то другая выдѣляла изъ своей среды ми-

нистерство, остававшееся у власти лишь до тѣхъ поръ, пока оно пользовалось довѣріемъ парламента. Давали ли новые выборы неблагопріятный для министерства составъ представительства, или въ самомъ парламентѣ оно утрачивало прежнюю поддержку, ему оставалось только или выйти въ отставку, или (но во второмъ только случаѣ) распустить парламентъ для того, чтобы новые выборы рѣшили вопросъ, на чьей же сторонѣ избиратели,—съ перепективою тоже выхода въ отставку, если выборы окажутся неблагопріятными министерству. Тогда наступаетъ очередь побѣдившей на выборахъ или при голосованіи оппозиціи, вожди которой и являются естественными кандидатами въ министры: къ главному изъ нихъ и обращается король съ предложеніемъ составить кабинетъ. Нѣтъ и никогда не было въ Англіи закона, который обязывалъ бы корону поступать именно такимъ образомъ: это—только обычай, но обычай, имѣющій столь большую силу, что отступленіе отъ него невозможно, ибо министерство, составленное изъ людей, неугодныхъ парламентскому большинству, совершенно не могло бы управлять страною. Нѣтъ также и никогда не было въ Англіи закона, который обязывалъ бы, въ извѣстныхъ случаяхъ, министерство выходить въ отставку: и это тоже только обычай, и сила его зиждется равнымъ образомъ на полной невозможности существованія въ Англіи такого правительства, которое находилось бы въ конфликтѣ съ представительствомъ. Конечно, нынѣ дѣйствующій въ Англіи парламентарный режимъ сложился не сразу, и окончательно кабинетъ принялъ тотъ характеръ, какой онъ теперь имѣетъ лишь со времени вступленія на престолъ королевы Викторіи (1837 г.), но уже самый способъ возникновенія парламентарнаго министерства, чисто эволюціоннымъ путемъ накопленія и обобщенія бывшихъ прежде примѣровъ и подъ непосредственнымъ давленіемъ всей политической обстановки, указываетъ на то, что онъ не былъ порожденіемъ какой-либо отвлеченной теоріи. Теорія парламентарнаго министерства, въ силу которой даже дѣлается различіе между парламентарной и просто конституціонной [1]) монархіей, сама явилась лишь результатомъ подведенія итоговъ подъ цѣлымъ рядомъ накопившихся однородныхъ фактовъ [2]). Даже болѣе того: парламентарное министер-

---

[1]) Послѣдней дается въ настоящее время названіе „дуалистической".

[2]) Вообще значеніе кабинета, какъ постояннаго комитета палатъ,

ство возникло и развилось вопреки весьма популярной теоріи о строгомъ раздѣленіи законодательной и исполнительной власти [1]), такъ какъ оно является по существу дѣла не чѣмъ инымъ, какъ совмѣщеніемъ въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ вождей представительнаго собранія самаго дѣятельнаго и вліятельнаго участія въ законодательной власти со всею полнотою власти исполнительной.

Образованіе парламентарнаго министерства въ Англіи было послѣднимъ крупнымъ фактомъ въ исторіи ея конституціи передъ французской революціей. Какъ въ эту эпоху смотрѣли политическіе теоретики на роль парламента въ государственной жизни, лучше всего можно видѣть изъ вышедшихъ въ 1765 г. въ свѣтъ „Комментаріевъ къ законамъ Англіи" (Commentaries on the laws of England) Вильяма Блэкстона. Именно онъ училъ, что „абсолютная деспотическая власть" (absolute despotic power),—т.-е. неограниченное верховенство, которое, по словамъ автора этой книги, должно же кому-нибудь принадлежать при всякомъ государственномъ устройствѣ,—въ Англіи всецѣло находится въ рукахъ парламента. Блэкстонъ приводилъ и историческіе примѣры, и правовые прецеденты для доказательства „всемогущества" (omnipotence) парламента, за которымъ признавалъ, наприм., такія права, какъ распоряженіе порядкомъ престолонаслѣдія, измѣненіе установленной религіи, совершеніе преобразованій въ государственномъ устройствѣ и въ собственной организаціи представительства. Парламенту, по выраженію Блэкстона, недоступно лишь „невозможное по природѣ вещей" (naturally impossible), причемъ нѣтъ на землѣ силы, которая могла бы раздѣлать (no authority upon earth can undo), то, что разъ имъ сдѣлано. Блэкстонъ, далѣе, не соглашался съ ученіемъ Локка [2]), признававшимъ, что верховная власть всегда остается у народа и что тѣмъ самымъ законодательное собраніе подлежитъ его контролю. Напротивъ, у Блэкстона прямо подчеркивалось, что верховная власть парламента „безусловна и безотвѣтственна" (absolute and without control). Вмѣстѣ съ тѣмъ парламентъ является для него и безапелляціоннымъ верховнымъ судомъ. Королю въ теоріи Блэкстона

завѣдующаго всею политикою государства, выяснено только въ XIX в. и главнымъ образомъ *Bagehot*'омъ (The english constitution).

[1]) См. въ слѣдующей главѣ.

[2]) См. въ слѣдующей главѣ.

отдается „высшая исполнительная власть“ (supreme executive power) съ правомъ безотвѣтственнаго ею пользованія въ силу того, что король неспособенъ дѣлать „зла“ (the king is..... incapable doing wrong). Любопытно, что о кабинетѣ, какъ онъ образовался къ эпохѣ Блэкстона, въ его „Комментаріяхъ“ не говорится ни единаго слова. Современные знатоки англійскаго государственнаго права, вполнѣ присоединяются къ ученію о всемогуществѣ парламента, но они указываютъ и на другую основу англійской конституціи, на „господство права“, благодаря которому всемогущество парламента соединяется съ широкимъ развитіемъ личной свободы, — тема, пресвоходно разработанная въ извѣстномъ трудѣ Дайси [1]). Правъ Блэкстонъ и въ томъ, что парламенту принадлежитъ безусловное право производить преобразованія въ государственномъ устройствѣ и въ своей собственной организаціи: Англія въ своей государственной практикѣ не выработала того различія, которое стали дѣлать позднѣйшія конституціи между конституціонными (основными) и обыкновенными законами, и то, что законно постановлялъ одинъ парламентъ, что столь же законно могло быть отмѣнено другимъ [2]).

Итакъ, къ серединѣ XVIII в. парламентъ сдѣлался признаннымъ средоточіемъ верховной власти въ Англіи, и власть эта даже прямо называлась лучшимъ знатокомъ дѣйствующаго права абсолютною и деспотическою. Если на парламентъ съ давнихъ временъ привыкли смотрѣть, какъ на охрану націи отъ королевскаго деспотизма, то теперь могъ возникнуть — и на самомъ дѣлѣ возникалъ—вопросъ о томъ, кто же будетъ охранять націю отъ деспотизма самого парламента.

Всемогущій парламентъ, по совершенно вѣрному заявленію Блэкстона, могъ измѣнять установленную въ странѣ религію, да и сама государственная церковь въ Англіи была парламент-

---

[1]) *Дайси.* Государственное право Англіи.

[2]) Признаніе Блэкстономъ неограниченной власти парламента соединялось у него съ ученіемъ и о безусловныхъ правахъ личности на безопасность, свободу и собственность, какъ это формулировано въ анонимномъ „An analysis of the laws of England“ (1765), въ чемъ онъ слѣдовалъ Локку и биллю о правахъ. Эти три права каждаго англичанина были у него, такъ сказать, остаткомъ отъ вычета законныхъ ограниченій, какимъ подвергается личность въ интересахъ общества, всѣ же другія права англичанъ—суть лишь служебныя средства для обезпеченія тѣхъ трехъ.

скимъ установленіемъ. Мы видѣли, что второю англійскою революціей не были отмѣнены ни „act of uniformity“ временъ королевы Елизаветы, запрещавшій всякое публичное богослуженіе, кромѣ англиканскаго, ни „тестъ-актъ“ эпохи реставраціи Стюартовъ, лишавшій права занимать общественныя должности всѣхъ, не принадлежавшихъ къ англиканской церкви. Недаромъ, однако, въ Англіи въ эпоху первой революціи шла страстная борьба за индивидуальное право въ религіи, за свободу совѣсти. Хотя въ концѣ XVII в. и въ Англіи, и въ Шотландіи было много фанатиковъ обѣихъ установленныхъ церквей, т.-е. епископальной и пресвитеріанской, были и тамъ, и здѣсь, съ другой стороны, и люди, стоявшіе за вѣротерпимость, и они нашли дѣятельную поддержку въ Вильгельмѣ III. Поэтому, возведенными революціей на престолъ королями и парламентскимъ большинствомъ было дано обѣщаніе нонконформистамъ, что болѣе преслѣдованій за вѣру впредь не будетъ. Аналогичное обѣщаніе дано было и шотландскимъ парламентомъ [1]). Въ началѣ XVIII в. однимъ изъ характернѣйшихъ признаковъ вигизма сдѣлалось признаніе вѣротерпимости, за которую такъ прославляли въ XVIII в. Англію представители просвѣтительнаго раціонализма, напр., Вольтеръ въ своихъ „Lettres sur les anglais“ (1734) или Фридрихъ II въ „Histoire de mon temps“ (1746). Даже старые законы противъ иновѣрія въ большинствѣ случаевъ болѣе не примѣнялись, и, напр., ежегоднымъ „bill of indemnity“ парламентъ освобождалъ отъ наказаній должностныхъ лицъ, которыя въ законный срокъ по занятіи своихъ мѣстъ на государственной службѣ не причащались по англиканскому обряду въ доказательство своей принадлежности къ установленой церкви [2]). Либеральная политика вновь содѣйствовала и развитію той свободы, съ которою въ Англіи трактовались религіозные вопросы и которая немало удивляла Вольтера, посѣтившаго эту страну какъ разъ во времена Вальполя. И опять свобода въ данномъ случаѣ входила въ жизнь путемъ перемѣны въ нравахъ, путемъ обычнаго права, ибо въ Англіи никогда не было издано спеціальнаго закона, которымъ обезпечивалась бы свобода совѣсти или свобода выраженія мнѣній, какъ естественное право личности.

---

[1]) Сліяніе Шотландіи съ Англіей въ единую Великобританію произошло лишь въ 1707 г. См. выше, стр. 66, прим. 1.

[2]) Это не распространялось, впрочемъ, на выборныя должности.

Въ арсеналѣ старыхъ англійскихъ законовъ существуетъ, наоборотъ, такой, который, очень строго караетъ такъ называемое „распространеніе богохульственныхъ пасквилей“, причемъ подъ это понятіе подводится, наприм., и неуважительное отношеніе къ общему требнику (common prayer book) англиканской церкви, но этотъ законъ въ жизни остается мертвою буквою.

Столь же счастливо для общественной свободы разрѣшился въ Англіи XVIII в. и вопросъ о свободѣ печати, за которую въ эпоху первой революціи съ такимъ блескомъ ратовалъ великій англійскій поэтъ Мильтонъ [1]). Въ эпоху реставраціи цензурѣ, фактически и ранѣе существовавшей въ Англіи, было придано строго законное основаніе парламентскими статутами. При Вильгельмѣ III, однако, именно въ 1695 г. парламентъ отказался утвердить такъ называемый „разрѣшительный актъ“ (licencing act), которымъ раньше право печатать книги давалось только гильдіи книгопродавцевъ въ качествѣ королевской привилегіи. Въ данномъ случаѣ парламентъ руководился не теоретическими принципами, а чисто практическими соображеніями о неудобствахъ, соединенныхъ съ существованіемъ такого закона, въ родѣ стѣсненій при перевозкѣ ящиковъ съ товарами, въ которыхъ могли быть заподозрѣны контрабандныя книги, и особенно домашнихъ обысковъ, противорѣчившихъ общему праву жилищъ на неприкосновенность.

Изъ этого, однако, не вытекало, что парламентъ соглашался на установленіе полной свободы печати. Совсѣмъ наоборотъ, парламентъ относился весьма враждебно ко всякой оппозиціи противъ себя въ прессѣ. Къ числу парламентскихъ привилегій относилось особое право большинства запрещать опубликованіе всего, что только оно находило нужнымъ, и кто поступалъ противъ этого, тотъ совершалъ „нарушеніе привилегіи“ (breach of privilege). Въ началѣ XVIII в. одинъ членъ парламента за изданную имъ брошюру былъ преданъ торіями суду палаты общинъ, исключившему его изъ парламента, но уже тогда Вальполь, начинавшій выдвигаться впередъ среди виговъ, защищалъ провинившагося товарища, ссылаясь на свободу печати и ставя вопросъ, какъ можетъ одна часть законодательной власти наказывать за то, что вовсе не значится

---

[1]) Объ этомъ см. въ слѣд. главѣ.

преступленіемъ въ законахъ, изданныхъ всею законодательною властью. Другою привилегіей парламента было засѣдать при закрытыхъ дверяхъ, безъ постороннихъ слушателей и какихъ бы то ни было публичныхъ отчетовъ о преніяхъ и голосованіяхъ, что тоже ограждалось спеціальными постановленіями, грозившими строгою карою авторамъ, издателямъ, книгопродавцамъ и типографщикамъ, причастнымъ опубликованію какихъ бы то ни было отчетовъ о засѣданіяхъ обѣихъ палатъ. Хуже еще было то, что ненарушимость этой привилегіи отстаивала не только правящая партія, но и парламентская оппозиція. Въ 1764 г. торійское министерство въ полномъ единодушіи съ парламентомъ и въ нарушеніе всѣхъ законовъ страны подвергло преслѣдованію одного изъ членовъ парламента, Джона Вилькса, за оппозиціоную газетную статью, и онъ даже былъ самою палатою общинъ исключенъ изъ состава ея членовъ и объявленъ ею стоящимъ внѣ закона (outlawed) за то, что онъ предпочелъ уѣхать во Францію. Черезъ нѣсколько лѣтъ Вильксъ поставилъ свою кандидатуру въ члены парламента и блестяще прошелъ на выборахъ, а судъ королевской скамьи постановилъ, что объявленіе Вилькса внѣ закона (outlawry) было не законно, хотя и призналъ его виновнымъ и приговорилъ его къ тюрьмѣ и штрафу. Палата общинъ тѣмъ не менѣе рѣшительно не хотѣла пускать Вилькса въ парламентъ, и хотя онъ многократно выбирался въ своемъ округѣ, ему долго не удавалось занять мѣсто въ палатѣ общинъ. Популярность его въ обществѣ была такъ велика, что его стали выбирать на самыя почетныя должности вплоть до лорда-мэра столицы, и въ концѣ концовъ онъ вернулся въ парламентъ. Во все время этого конфликта общественное мнѣніе было противъ парламента, что выразилось, между прочимъ, въ подачѣ королю адресовъ, требовавшихъ распущенія палаты и назначенія новыхъ выборовъ. Объ этомъ недовольствѣ общественнаго мнѣнія парламентомъ свидѣтельствуетъ и громадный успѣхъ, выпавшій на долю талантливаго памфлета, вызваннаго дѣломъ Вилькса, подъ заглавіемъ „Писемъ Юнія“. Парламентъ показалъ всѣмъ своимъ поведеніемъ въ этомъ дѣлѣ, что и національное представительство можетъ быть деспотомъ по отношенію къ представляемой имъ націи, но въ Англіи народилась новая политическая сила въ лицѣ общественнаго мнѣнія, ставшаго на сторону общей свободы. Лишь путемъ тяжелой борьбы—и притомъ на этотъ разъ уже съ самимъ

парламентомъ—отстояла пресса въ Англіи свое право на свободное выраженіе мнѣній. Кромѣ привилегіи парламента, о которой шла рѣчь, и кромѣ упомянутаго уже закона противъ богохульственныхъ пасквилей, въ Англіи былъ еще законъ противъ пасквилей (libels) вообще какъ на правительство, такъ и на частныхъ лицъ. Правда, по общему праву, наказанія за преступленія путемъ печати могли налагаться только судомъ, но лишь въ 1792 г., да и то послѣ нѣкоторой борьбы былъ принятъ законъ, по которому всѣ процессы по дѣламъ печати должны были вестись не иначе, какъ передъ судомъ присяжныхъ. Съ другой стороны, въ Англіи никогда не было издано закона, разрѣшающаго обнародованіе парламентскихъ преній и голосованій, но уже во второй половинѣ XVIII в. англійскій парламентъ оказался безсильнымъ отстаивать свою привилегію передъ натискомъ общественнаго мнѣнія.

Дѣло въ томъ, что въ англійской государственной жизни рядомъ съ принципомъ верховенства парламента дѣйствуетъ еще другой принципъ—господство права. Это господство права заключается не только въ отсутствіи произвольной власти у какихъ бы то ни было правительственныхъ лицъ, но и въ томъ, что въ Англіи всякій человѣкъ подчиняется обыкновеннымъ законамъ государства и подлежитъ юрисдикціи обыкновенныхъ судовъ, каково бы ни было его званіе или положеніе и что въ силу этого всѣ должностныя лица, начиная съ перваго министра и кончая какимъ-либо городовымъ или сборщикомъ податей, подлежатъ такой же отвѣтственности, какъ и всякій другой гражданинъ, разъ только совершается что-либо противозаконное [1]). То, что позднѣйшими европейскими конституціями, начиная съ французской 1791 г., гарантируется гражданамъ въ качествѣ общихъ правъ личности, въ Англіи является не чѣмъ инымъ, какъ результатомъ дѣятельности пользующихся полною независимостью судовъ, безъ рѣшенія которыхъ никто не можетъ быть лишенъ свободы, подвергнуться какому-либо наказанію или поплатиться хотя бы малѣйшею долею своего достоянія. Поэтому можно сказать, что личныя права англійскихъ гражданъ вытекаютъ не изъ конституціи, какъ на материкѣ, гдѣ эти права лишаются защиты тот-

---

[1]) О томъ, что въ абсолютныхъ монархіяхъ держались иного порядка, см. главу X „Западноевропейской абсолютной монархіи“.

часъ же, какъ пріостанавливается дѣйствіе конституціи, а именно изъ непрерывно дѣйствующаго общаго права страны.

Въ англійскомъ государственномъ устройствѣ верховенство парламента и господство права оказались даже тѣсно связанными и одно другимъ обусловливающимися явленіями. Воля парламента, заключающаяся во взаимномъ согласіи короны и обѣихъ палатъ, можетъ быть выражена не иначе, какъ въ формѣ закона, который тотчасъ же поступаетъ подъ охрану независимаго суда, не допускающаго ни отступленій отъ закона, ни произвольныхъ его толкованій, равно какъ не допускающаго и никакого правительственнаго произвола во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о личной неприкосновенности и свободѣ гражданъ.

Такова была англійская конституція ко времени начала усвоенія конституціоннаго строя странами европейскаго материка, первый примѣръ чему былъ поданъ Франціей въ 1789 г., но въ эту же самую эпоху Англія страдала отъ одного великаго политическаго зла, заключавшагося въ томъ, что представительство приняло въ ней чисто олигархическій характеръ и что парламентскіе нравы этой эпохи достигли наивысшаго, какое только можно себѣ представить, развращенія, когда кандидаты въ члены парламента подкупали своихъ избирателей на выборахъ, а затѣмъ, занявъ свои мѣста, сами шли на подкупъ со стороны правительства во время голосованій. Болѣе подробно рѣчь объ этомъ будетъ, впрочемъ, идти впереди [1]).

---

[1]) См. ниже въ главѣ XIV.

ГЛАВА V.

Англійскія политическія ученія XVII вѣка.

Отраженіе англійской политической борьбы XVII в. въ литературѣ. — Абсолютистскія воззрѣнія Іакова I. — Англійская публицистика около 1640 г.—Государственное право англійской республики. — Политическіе трактаты Мильтона и Вэна.—Левеллерское движеніе и его литературное проявленіе. — Государственная идея Кромвеля. — Вопросъ объ исключеніи герцога Іоркскаго изъ права престолонаслѣдія. — Политическіе трактаты Фильмера и Альджернона Сиднея.—Начало раціоналистическаго вольномыслія и его вліяніе на политическія ученія.—Противоположность государственныхъ теорій Гоббса и Локка.—„Письма о вѣротерпимости“ и „Трактатъ о правительствѣ“ Локка.—Общее вліяніе Локка на философію XVIII в.

Политическая борьба, которая происходила въ Англіи въ XVII столѣтіи, нашла выраженіе и въ литературѣ. Идеи абсолютизма были представлены въ ней прежде всего трактатами самого Іакова I, а въ царствованіе Карла I начала развиваться оппозиціонная литература, особенно около 1640 г., когда былъ поставленъ ребромъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ короны и парламента и впервые было формулировано ученіе о раздѣленіи властей, которому суждено было играть весьма большую роль и въ исторіи, и въ теоріи конституціоннаго государства. Первая англійская революція, далѣе, вызвала рядъ политическихъ трактатовъ, въ которыхъ ставились вопросы о происхожденіи государственной власти, о наилучшемъ ея устройствѣ, въ частности объ избирательныхъ правахъ гражданъ и объ отношеніи между государствомъ и религіей; отвѣты, данные на эти вопросы, были неодинаковы, но общимъ въ нихъ было признаніе принциповъ народовластія и индивидуальной свободы, причемъ въ аргументаціи этихъ политическихъ трактатовъ очень важное мѣсто принадлежало соображеніямъ религіознаго, теологическаго содержанія въ полномъ соотвѣтствіи съ религіознымъ характеромъ первой революціи, котораго вторая была уже лишена. Въ эпоху реставраціи нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ тоже продолжали занимать умы, въ особенности вопросъ о происхожденіи вер-

ховной власти, но почва, на какую они ставились, была уже болѣе философская, раціоналистическая, совмѣстно съ чѣмъ наблюдается и болѣе обобщенное трактованіе вопроса объ индивидуальной свободѣ, раньше поднимавшагося главнымъ образомъ лишь по отношенію къ праву личности имѣть свои, независимыя отъ велѣній власти, религіозныя убѣжденія. Наконецъ, вторая англійская революція стала поводомъ для обнародованія одного философско-политическаго трактата, написаннаго въ защиту индивидуальной и политической свободы и оказавшаго громадное вліяніе на политическую мысль XVIII в. Въ настоящей главѣ и дѣлается общій обзоръ всей этой литературы въ связи съ политическими отношеніями и событіями, вызвавшими тѣ или другія произведенія этой литературы и даже прямо приводившими къ формулировкѣ отдѣльныхъ тезисовъ, которые въ ней развивались [1]).

Къ чему стремились въ Англіи Стюарты, очень хорошо показываютъ абсолютистическія заявленія Іакова I, находившія поддержку въ ближайшей средѣ, которая его окружала. Уже въ XVI в. нѣкоторые близкіе двору публицисты изъ итальянцевъ или „италіонатовъ", т.-е. англичанъ, увлекавшихся всѣмъ итальянскимъ, высказывали мысль о превосходствѣ абсолютной монархіи надъ другими политическими формами, повторяя идеи Маккіавелли, и даже пытались доказать, что неограниченная власть принадлежитъ и англійскимъ королямъ. Съ другой стороны, представители такъ называемой „высокой церкви" (high church), т.-е. богословы, стоявшіе за строгое монархическо-аристократическое направленіе англиканизма противъ демократическихъ тенденцій пуританъ, доказывали божественное происхожденіе королевской власти, ссылаясь на св. писаніе и проводя ту мысль, что эта власть есть не что иное, какъ продолженіе власти ветхозавѣтныхъ патріарховъ. Іаковъ I вполнѣ усвоилъ эти идеи и, получивъ самъ нѣкоторое богословское образованіе и

---

[1]) Въ извѣстной „Исторіи политическихъ ученій" *Чичерина* политическія теоріи разсматриваются скорѣе, какъ продуктъ чисто логической работы мысли внѣ ближайшаго ея отношенія къ исторической дѣйствительности, вслѣдствіе чего, кромѣ того, авторъ названнаго труда останавливается почти исключительно на наукообразныхъ трактатахъ, оставляя въ сторонѣ всѣ произведенія болѣе публицистическаго, памфлетнаго характера.

привычку писать ученые трактаты на всевозможныя темы, излагалъ письменно свои политическіе взгляды въ духѣ крайняго абсолютизма. Оригинальнаго въ нихъ, конечно, ничего не было. Это была та же самая доктрина абсолютизма, которая въ эту эпоху нашла многочисленныхъ литературныхъ выразителей и на материкѣ [1]). Въ написанномъ имъ трактатѣ подъ заглавіемъ „Истинный законъ свободной монархіи" прямо, напр., заявлялось, что королю въ Англіи принадлежитъ неограниченная власть, что король выше законовъ, что всѣ привилегіи парламента существуютъ лишь постольку, постольку того хочетъ государь, а доказывалось все это текстами св. писанія или такими богословскими соображеніями, въ силу которыхъ выходило, что короли ведутъ свое начало отъ ветхозавѣтныхъ патріарховъ, что они—намѣстники Бога на землѣ и т. п.

Противоположныя политическія воззрѣнія стали развиваться въ англійской литературѣ въ концѣ тридцатыхъ годовъ XVII в., когда уже сталъ назрѣвать конфликтъ 1640 г. Первое нападеніе сдѣлано было въ прессѣ на раболѣпный и въ то же время деспотическій епископатъ, но звѣздная палата круто стала обрывать публицистическую агитацію пуританъ рядомъ процессовъ, оканчивавшихся для наиболѣе дерзкихъ памфлетистовъ такими наказаніями, какъ отсѣченіе ушей или пожизненное заключеніе въ тюрьмѣ. Когда, наконецъ, были созваны оба парламента 1640 г., брошюрная литература политическаго содержанія хлынула на Англію, какъ изъ рога изобилія. Въ этой публицистикѣ стали все болѣе и болѣе проскакивать идеи, значительно отклонявшіяся отъ традиціонныхъ идей англійской конституціи. Повидимому, дѣло шло о возстановленіи старыхъ нормальныхъ отношеній между короной и палатами, между прерогативой первой и привилегіями вторыхъ, но въ дѣйствительности очень часто высказывались мысли, практическое осуществленіе которыхъ должно было вести къ ограниченію прерогативы, къ расширенію правъ парламента, когда, напр., доказывалось, что король никогда не можетъ отклонять билли, прошедшіе черезъ обѣ палаты, что королевскіе совѣтники должны выбираться непосредственно парламентомъ, что ему же должно принадлежать завѣдованіе военною обороною страны и т. п. Въ „Нѣкоторыхъ соображеніяхъ

[1]) См. главу XVIII „Западноевропейской абсолютной монархіи".

о взаимныхъ обязанностяхъ короля и народа", опубликованныхъ въ 1642 г., доказывалось превосходство смѣшанной формы правленія изъ монархіи, аристократіи и демократіи съ предупрежденіемъ, что перевѣсъ одного изъ трехъ элементовъ такого устройства грозитъ переходомъ къ тиранніи [1]). Въ „Привилегіяхъ палаты общинъ" изъ того же 1642 г. проводилась та мысль, что въ Англіи совершился нѣкогда переходъ отъ монархіи къ тиранніи, вызвавшій въ свою очередь узурпацію королевскихъ правъ аристократіей, но что противъ этого и были призваны къ власти общины. Въ особенности же важна была довольно часто высказывавшаяся и въ прессѣ, и въ парламентскихъ рѣчахъ мысль о томъ, что права обѣихъ палатъ важнѣе правъ короля, и что права одной палаты общинъ важнѣе правъ короля и палаты лордовъ, вмѣстѣ взятыхъ. Стюарты, толковавшіе свою прерогативу въ смыслѣ абсолютизма, сами толкнули оппозицію на пересмотръ основъ конституціи, который не могъ не происходить въ смыслѣ желанія ограничить прерогативу, разъ въ ней таилась опасность абсолютизма.

На только-что указанной точкѣ зрѣнія стоялъ Джонъ Пимъ, парламентскій боецъ еще временъ Іакова I, сдѣлавшійся главнымъ руководителемъ большинства долгаго парламента, какимъ и оставался до самой своей смерти въ 1644 г. Его теорія заключалась въ томъ, что королевская власть и народная свобода опредѣляются закономъ, и что одна является поддержкою другой, пока каждая не выходитъ изъ своей сферы: въ противномъ случаѣ государству грозитъ или тираннія, или анархія. На практикѣ, однако, Пимъ держался не столько этой теоріи равновѣсія правъ короны и парламента, сколько той идеи, что въ Англіи парламенту принадлежитъ болѣе важное значеніе, чѣмъ коронѣ, и что наиболѣе важную часть парламента составляетъ палата общинъ. Этотъ взглядъ, конечно, не соотвѣтствовалъ англійской политической дѣйствительности XVII в., но, несомнѣнно, имъ предвосхищалось то государственное устройство, какое имѣетъ Англія въ наше время. Въ сущности идея Пима и была основнымъ политическимъ стремленіемъ пресвитеріанъ въ долгомъ парламентѣ.

---

[1]) О происхожденіи этой теоріи въ древности см. „Государство-городъ", стр. 226 и слѣд., объ усвоеніи ея политическими писателями ср. кн. см. „Помѣстье-государство", стр. 209—210.

Побѣда парламента надъ Карломъ I сопровождалась не побѣдою новой формы конституціонной монархіи, къ которой стремились пресвитеріане, а побѣдою республиканской идеи индепендентовъ. Когда эта послѣдняя партія путемъ насилія надъ своими политическими противниками получила перевѣсъ въ палатѣ общинъ, то послѣдняя провозгласила 4 января 1649 г. новое государственное право Англіи, сводившееся къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) источникъ всякой власти послѣ Бога есть народъ; 2) верховная власть въ націи принадлежитъ общинамъ, какъ избраннымъ народомъ представителямъ; 3) то, что общины объявляютъ закономъ и есть законъ, хотя бы на то не было согласія короля и лордовъ [1]).

Индепендентская теорія народовластія, какъ извѣстно, не была новостью. Индепенденты шли только по стопамъ своихъ предшественниковъ, кальвинистовъ второй половины XVI в., которые боролись за свободу съ абсолютными государями и въ Шотландіи, и во Франціи, и въ Нидерландахъ, а индепендентскіе политическіе писатели только продолжали собою монархомаховъ второй половины XVI в. [2]) Главная разница была въ томъ, что борцы за свободу въ XVII в. ушли значительно впередъ сравнительно со своими предшественниками въ пониманіи религіозной свободы, и что теорію народовластія они довели до ея логическаго конца, которымъ не могло быть что-либо иное, кромѣ республики.

Главнымъ теоретикомъ народовластія въ эпоху первой англійской революціи выступилъ авторъ „Потеряннаго рая“, этой „божественной комедіи“ пуританизма, Джонъ Мильтонъ, занимавшій должность секретаря государственнаго совѣта послѣ установленія въ Англіи республики. Принципіальный противникъ епископальной церкви, одно время склонявшійся къ пресвитеріанизму, но сдѣлавшійся въ концѣ концовъ приверженцемъ индепендентства, Мильтонъ въ особомъ „Трактатѣ о вмѣшательствѣ государства въ церковныя дѣла“ доказывалъ, что никакая власть не имѣетъ права надъ религіозною совѣстью людей. Когда въ 1644 г. пресвитеріане долгаго парламента задумали установить цензуру, Мильтонъ

---

[1]) Напомнимъ, что формально въ Англіи были отмѣнены палата лордовъ и королевская власть только черезъ мѣсяцъ (первая 6 февраля, вторая 7 февраля).

[2]) См. выше, стр. 24 и 32.

ополчился на защиту печати въ своей знаменитой „Ареопагитикѣ“, до сихъ поръ представляющей собою одно изъ лучшихъ произведеній, какія только писались въ доказательство необходимости, пользы и справедливости свободы печати [1]). Самые важные, чисто политическіе, трактаты Мильтона были изданы имъ въ эпоху республики. Это были: „Защита англійскаго народа“ (Defensio pro populo anglicano), написанная противъ нападенія, сдѣланнаго на англійскую революцію французскимъ ученымъ Сомезомъ (Салмазіемъ); „Иконоборецъ“ (или „Иконокластъ“), тоже политическій трактатъ, составленный въ опроверженіе книги Гаудена „Королевскій образъ“ (Eikon basilike, откуда и названіе опроверженія), приписывавшейся народною молвою самому казненному королю; чисто теоретическое разсужденіе „О державѣ королей и сановниковъ“ (On tenure of kings and magistrates) и небольшой трактатъ, написанный уже передъ самою реставраціей, подъ заглавіемъ „О возможномъ и легкомъ пути къ установленію свободнаго правленія“. Въ своей политической теоріи Мильтонъ стоялъ на теологической точкѣ зрѣнія. Человѣкъ созданъ по образу и подобію Божію, а потому призванъ не къ повиновенію, а къ властвованію. Верховная власть принадлежитъ народу, который ставитъ надъ собою правителей, ввѣряя имъ право исполнять требованія правосудія. Отнять верховенство у народа нельзя, не нарушая тѣмъ самымъ прирожденныхъ правъ гражданъ. Подобно монархомахамъ XVI в. Мильтонъ не былъ демократомъ [2]), ибо у него народъ есть лишь совокупность высшихъ слоевъ населенія, и право избранія совѣта лучшихъ и мудрѣйшихъ людей онъ отдавалъ не „шумной и крикливой толпѣ“, а людямъ, имѣющимъ на то законную правоспособность. Онъ даже спеціально возражалъ демократамъ, стоявшимъ на точкѣ зрѣнія всеобщаго голосованія.

Другимъ представителемъ политическихъ идей индепенденства былъ Генри Вэнъ, который тоже въ своихъ сочиненіяхъ стоялъ на точкѣ зрѣнія народовластія, но особенно важенъ своею защитою свободы совѣсти. Онъ находилъ именно противнымъ закону природы, чтобы люди, создавая надъ со-

---

[1]) Русскій переводъ былъ напечатанъ въ „Современномъ Обозрѣніи“ за 1868 г. и изданъ еще недавно фирмою „Свѣточъ“.

[2]) См. выше, стр. 24.

бою власть, безусловно отказывались при этомъ въ ея пользу отъ своей свободы. Онъ требовалъ, чтобы не только правительство было ограничено въ своихъ правахъ по отношенію къ державному народу, но чтобы и у послѣдняго не было безусловной власти въ дѣлахъ совѣсти, откуда его указаніе на необходимость наложенія ограниченія на верховную власть— прежде нежели даже она будетъ организована—въ пользу личной свободы въ дѣлахъ вѣры. Свободу совѣсти онъ теологически разсматривалъ, какъ пріобрѣтеніе людей цѣною крестной смерти и воскресенія Іисуса Христа, сдѣлавшагося единственнымъ господиномъ надъ человѣческою совѣстью, у котораго никакая власть на землѣ не должна смѣть узурпировать это право.

Оффиціальные вожди англійской республики и въ ихъ числѣ Кромвель далеко не были демократами, а между тѣмъ въ индепендентской арміи въ началѣ республики поднялось болѣе радикальное, чисто демократическое движеніе, такъ называемыхъ, „левеллеровъ“ (levellers), т.-е. уравнителей, силою подавленное самимъ Кромвелемъ. Защитники, подобно другимъ индепендентамъ, самой широкой индивидуальной свободы въ дѣлахъ вѣры, они рядомъ съ такими неотъемлемыми правами личности, какъ свобода совѣсти и гарантіи неприкосновенности, ставили равенство передъ закономъ, расширявшееся ими до понятія равнаго для всѣхъ избирательнаго права. Сама верховная власть, учили они, не имѣетъ права чѣмъ бы то ни было покушаться на эту свободу, на эти неотъемлемыя права. Взаимныя отношенія между законодательною и исполнительною властями левеллеры понимали не въ смыслѣ самостоятельности обѣихъ, а рѣшительнѣйшимъ образомъ требовали подчиненія исполнительнаго органа законодательному съ тѣмъ еще условіемъ, чтобы особая коммиссія между двумя сессіями парламента надзирала за дѣйствіями исполнительной власти. Въ области суда они ограничивались одними присяжными безъ постоянныхъ государственныхъ судей. Высказываясь за то, чтобы духовенство содержалось не государствомъ, а отдѣльными общинами, они стремились къ отдѣленію церкви отъ государства. Такова была политическая программа крайняго лѣваго крыла индепендентства, тоже получившая выраженіе въ тогдашней публицистикѣ, въ которой главное мѣсто принадлежало памфлетамъ Лильбёрна и самому важному между ними — „Разоблаченію новыхъ цѣпей Англіи“ (Englands new

chaines discovered). Свои идеи левеллеры съ Лильбёрномъ во главѣ думали осуществить посредствомъ вооруженнаго возстанія (въ 1649 г.), но оно не удалось. Но прежде чѣмъ левеллеры сошли со сцены, они все-таки успѣли создать цѣлую систематическую программу политическаго радикализма, которая полнѣе всего была изложена въ трактатѣ подъ заглавіемъ „Основные законы и вольности Англіи“ (The fundamental laws and liberties of England).

Намъ будетъ понятно, почему Кромвель, будущій лордъ-протекторъ, вооружился противъ левеллеровъ, если принять въ расчетъ, что онъ, какъ и другіе члены долгаго парламента, принадлежалъ къ тому самому классу „сквайровъ“ (помѣщиковъ), противъ господства котораго было направлено все движеніе, руководимое Лильбёрномъ. Левеллеры не прикасались къ вопросамъ собственности, но въ политическомъ отношеніи были радикалами, что очень встревожило тогдашній правящій классъ Англіи. Кромвель, самъ къ нему принадлежавшій, и выступилъ на его защиту: онъ упрекалъ левеллеровъ въ томъ, что они хотятъ приравнять арендатора (tenant) къ землевладѣльцу (landlord). Искренній поборникъ религіозной свободы и въ этомъ отношеніи одинъ изъ лучшихъ представителей индепендентства, вознесенный своей партіей на высоту правителя государства, Кромвель не раздѣлялъ, однако, политическихъ воззрѣній этой партіи, будучи противникомъ не только абсолютизма, но и чистой демократіи. Его идеаломъ, какъ и многихъ другихъ круглоголовыхъ, была смѣшанная форма правленія, при которой только и могла, по ученію того времени, сочетаться свобода съ властью, раздѣленною притомъ между правительствомъ и народомъ на началахъ извѣстнаго равновѣсія. Въ то время, какъ англійская республика основывалась на принципѣ сосредоточенія всей верховной власти въ палатѣ общинъ, Кромвель былъ сторонникомъ существованія самостоятельной и независимой исполнительной власти, дабы между обѣими властями, законодательною и исполнительною, одна отъ другой независимыми, было извѣстное равновѣсіе, которое не давало бы перевѣса одной надъ другою. На почвѣ разнаго пониманія взаимныхъ отношеній между обѣими властями у Кромвеля, когда онъ былъ протекторомъ, и происходили столкновенія съ собиравшимися имъ парламентами, и одно время онъ уже думалъ о возстановленіи старой конституціи. Это совершила лишь реставрація Стюартовъ, но отъ

эпохи революціи осталась идея о необходимости раздѣленія властей—законодательной въ рукахъ народнаго представительства и исполнительной въ рукахъ единаго главы государства. Собственно говоря, эта самая политическая комбинація была положена въ основу конституціи 1653 г., сдѣлавшей Кромвеля протекторомъ, но настоящее свое осуществленіе она получила лишь черезъ полтора вѣка въ конституціи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ [1]).

Въ эпоху реставраціи Стюартовъ новую пищу для обсужденія вопроса о происхожденіи королевской власти и о взаимныхъ отношеніяхъ между государемъ и народомъ далъ уже извѣстный намъ споръ о правѣ герцога Іоркскаго, брата Карла II, занять престолъ по его смерти [2]). Мы видѣли, что по этому поводу образовались партіи виговъ и торіевъ. Виги, не желавшіе видѣть королемъ паписта, утверждали, что между государемъ и народомъ существуетъ обязательный для обѣихъ сторонъ договоръ, нарушеніе котораго королемъ даетъ народу право сопротивляться,—и подводили подъ это правило случай съ наслѣдникомъ престола, нарушавшимъ договоръ, состоявшійся въ формѣ извѣстнаго акта о присягѣ. Другая партія, торіи, стояла, напротивъ, на точкѣ зрѣнія теоріи божественнаго происхожденія королевской власти. Виги составили-было заговоръ противъ герцога Іоркскаго, но жестоко за него поплатились, а оксфордскіе богословы торжественно провозгласили осужденіе доктрины о договорномъ происхожденіи власти, какъ ученія, противнаго христіанской вѣрѣ. Въ духѣ этого богословскаго мнѣнія, еще во времена республики, нѣкто Фильмеръ написалъ особое сочиненіе „Патріархъ или естественная власть королей“ (Patriarcha or the natural power of kinds), въ которомъ выводилъ королевскую власть изъ патріархальной власти, данной Богомъ Адаму надъ женою и дѣтьми, и дѣлалъ отсюда заключеніе о неограничимости королевской власти какими бы то ни было человѣческими узаконеніями. Опубликованіе этой книги во время спора о правѣ герцога Іоркскаго на занятіе престола вызвало противъ нея опроверженіе со стороны Альджернона Сиднея, одного изъ дѣятелей первой революціи, вскорѣ послѣ того казненнаго за участіе въ упомянутомъ вигистскомъ заговорѣ. Въ своихъ „Разсужденіяхъ о пра-

---

[1]) См. ниже въ главѣ VII.

[2]) См. выше, стр. 61.

вительствѣ“ (Discourses concerning government) онъ обратилъ аргументъ Фильмера противъ него самого: если Богъ далъ власть Адаму, то она послѣ Адама должна была раздѣлиться по-ровну между всѣми отцами семействъ, т.-е. каждый изъ нихъ былъ королемъ, пока всѣ они не сошлись вмѣстѣ и не договорились между собою подчиниться общему закону. Верховная власть, такимъ образомъ, принадлежитъ народу, который, передавая ее государю, не обязанъ терпѣть отъ него насилія; наоборотъ, нарушая законы, основанные на договорѣ съ народомъ, король заслуживаетъ наказанія. Кромѣ Сиднея, Фильмеру на его теорію о божественномъ правѣ королей возражалъ также знаменитый философъ Джонъ Локкъ, политическія идеи котораго заслуживаютъ особаго вниманія.

Прежде, однако, чѣмъ мы разсмотримъ ученіе Локка, необходимо указать на тотъ культурный переворотъ, который произошелъ въ Англіи въ промежутокъ между обѣими ея революціями XVII в. Какъ и въ XVI столѣтіи на материкѣ, въ Англіи въ серединѣ XVII в. политическое движеніе совершалось подъ знаменемъ идей религіозныхъ, или богословскихъ [1]). Въ эпоху реставраціи произошло въ Англіи развитіе естествознанія и свѣтскаго философскаго мышленія. Это была пора возникновенія столь характернаго и для всего XVIII в. раціонализма, который выдвигалъ на первый планъ авторитетъ человѣческаго разума, заступившаго мѣсто вѣры въ откровеніе и искавшаго критерія должнаго не въ волѣ Божіей, а въ природѣ вещей и ея законахъ. Это новое направленіе, представители котораго прослыли „свободными мыслителями“ (freethinkers), принципіально отстаивало свободу мысли, какъ врожденное право человѣка, какъ требованіе самой мысли, по самой природѣ своей свободной и не терпящей надъ собою никакого гнета, что между прочимъ мы находимъ и у знаменитаго голландскаго философа Спинозы, жившаго въ эту эпоху [2]). Въ примѣненіи къ религіи раціоналистическое воль-

---

[1]) См. выше, стр. 30 и слѣд.

[2]) Цѣлью своего вышедшаго въ свѣтъ въ 1670 г. „Богословско-политическаго трактата“, недавно изданнаго и въ русскомъ переводѣ (г. Лопаткина въ Казани въ 1907 г.)., Спиноза поставилъ защитить „свободу философствованія“, т.-е. свободу мысли путемъ доказательства, что она „можетъ быть допущена не только безъ вреда для благочестія и спокойствія государства, но только съ благочестіемъ и спокойствіемъ государства и

нодумство второй половины XVII в. породило такъ называемый деизмъ, объявлявшій себя „естественной религіей“, а въ примѣненіи къ политикѣ—философію „естественнаго права“, или теорію государства, объяснявшую происхожденіе государства изъ естественныхъ причинъ и построявшаго идеалъ государства изъ началъ разума. Однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ свободныхъ мыслителей эпохи и былъ Локкъ.

Раціонализмъ оказалъ громадное вліяніе на исторію политическихъ ученій, но въ политикѣ онъ былъ скорѣе методомъ, чѣмъ доктриной. Подобно тому, какъ писатели, стоявшіе на теологической точкѣ зрѣнія, пользовались одинаково авторитетомъ Библіи и для обоснованія божественнаго права королей, и для доказательства правоты народовластія, такъ и политики-раціоналисты, орудуя однимъ и тѣмъ же методомъ логическихъ разсужденій, приходили къ выводамъ діаметрально-противоположнымъ. Мы наблюдаемъ это въ исторіи англійскихъ политическихъ идей XVII в., сравнивая между собою ученія Гоббза и Локка [1]). Оба они признавали особое догосударственное, или, какъ оно называлось, естественное состояніе, въ которомъ находились люди до образованія государства, и оба объясняли происхожденіе государства изъ общественнаго договора, заключеннаго между собою людьми, но въ то время, какъ Гоббзъ училъ о всевластіи государства, о полномъ поглощеніи имъ личности гражданина и о подчиненіи политикѣ и религіозной и нравственной сферъ жизни человѣка, Локкъ

можетъ быть уничтожена“. Именно, Спиноза указывалъ на то, что угнетеніе личности церковью, которая наказываетъ за взгляды, отступающіе отъ правовѣрія, является однимъ изъ условій, угрожающихъ внутреннему спокойствію государства, и что потому послѣднее въ своихъ же собственныхъ интересахъ должно лишить церковь ея опасной для него власти, сдѣлавъ споръ мнѣній совершенно безопаснымъ, т.-е. предоставивъ каждому полную свободу выражать свои мнѣнія безъ какихъ бы то ни было непріятныхъ для себя послѣдствій. Защищая свободное государство, признающее общею свободу и потому не имѣющее права „стѣснять предразсудками или инымъ образомъ обуздывать свободное сужденіе всякаго человѣка“, философъ отмѣчалъ, что лишь деспотизму можетъ быть выгоднымъ „держать людей въ обманѣ и прикрывать громкимъ именемъ религіи страхъ, которымъ они должны быть сдерживаемы“.

[1]) Болѣе подробно о Гоббзѣ, какъ теоретикѣ абсолютизма, см. въ гл. XVIII „Западно-европейской абсолютной монархіи“.

строилъ свой политическій идеалъ на идеѣ самой широкой, какая только можетъ быть, свободы личности. Онъ во всемъ отстаивалъ эту свободу, какъ Гоббзъ во всемъ отстаивалъ власть государства. Живя въ эпоху реставраціи Стюартовъ въ Голландіи, Локкъ обнародовалъ здѣсь въ 1785 г. небольшой трактатъ „О вѣротерпимости", который и издалъ вторично въ Англіи, вернувшись туда съ Вильгельмомъ III, дополнивъ потомъ первое свое „письмо" объ этомъ предметѣ еще двумя новыми (1690 и 1692), но тема эта занимала его и раньше, какъ это видно изъ его же „Опыта о терпимости", написаннаго имъ еще до переѣзда въ Голландію и изданнаго лишь недавно однимъ изъ его біографовъ. Локку приписываютъ также составленіе доклада объ уничтоженіи въ Англіи книжной цензуры въ 1695 г. [1]).

Главное политическое сочиненіе Локка называется „Трактатомъ о правительствѣ" (Treatise on government). Къ первой части этого трактата, написаннаго еще въ Голландіи въ видѣ опроверженія теоріи Фильмера, Локкъ присоединилъ въ 1689 г. вторую, цѣлью которой было, по собственному его заявленію, „утвердить престолъ великаго возстановителя англійской свободы, короля Вильгельма, вывести его права изъ воли народа и защитить передъ свѣтомъ англійскую націю за ея новую революцію". Сущность изложенной здѣсь политической теоріи сводится къ слѣдующему.

Въ естественномъ состояніи всѣ люди свободны и равны, но эта свобода не есть произволъ, такъ какъ подчинена естественному закону (разумному и нравственному), ограждающему чужую личность и свободу отъ всякихъ на нихъ посягательствъ. Каждое нарушеніе естественнаго закона должно влечь за собою наказаніе, право на наложеніе каковаго въ естественномъ состояніи принадлежитъ каждому. Такъ какъ это влечетъ за собою войну, то люди заключаютъ между собою договоръ, въ силу котораго отказываются отъ своего права наказывать нарушителей естественнаго закона. Если у Гоббза, заключая договоръ, люди отказываются отъ всѣхъ правъ, какія у нихъ были въ естественномъ состояніи, то Локкъ, наоборотъ, всѣ эти права за ними сохраняетъ, кромѣ только одного. Въ государственное существованіе у Локка человѣкъ вступаетъ со всѣми правами свободы и равенства,

---

[1]) См. выше, стр. 80.

равно какъ съ правомъ на свое достояніе, ибо, по его теоріи, собственность существовала въ естественномъ состояніи, какъ результатъ права на трудъ своего тѣла, на произведеніе своихъ рукъ, тогда какъ у Гоббза собственность являлась лишь созданіемъ государства, могущаго ее и отнять. При такомъ взглядѣ на происхожденіе государства Локкъ, конечно, долженъ былъ до-нельзя ограничивать его компетенцію, какъ, наоборотъ, Гоббзъ до-нельзя ее расширялъ, уча, наприм., что нѣтъ добра и зла самихъ по себѣ, а что они могутъ быть добромъ и зломъ лишь по признанію ихъ таковыми со стороны государства, и распространяя то же разсужденіе и на предметы религіозной вѣры. Государство Локка пользуется лишь правомъ наказывать нарушителей естественнаго закона, опредѣляя, что должно почитаться преступленіемъ, и какъ оно должно караться (власть законодательная), приводя эти законы въ исполненіе въ отдѣльныхъ случаяхъ (власть исполнительная) и защищая общество отъ посягательствъ на него со стороны другихъ обществъ (власть союзная, federative power, какъ ее обозначаетъ Локкъ). Какъ всѣ абсолютисты, а въ ихъ числѣ и Гоббзъ, стояли на точкѣ зрѣнія необходимости, чтобы верховная власть въ государствахъ была едина, такъ Локкъ, наоборотъ, находитъ возможнымъ раздѣленіе властей. Онъ не могъ считать эту верховную власть государства и неограниченною: разъ человѣкъ въ естественномъ состояніи не имѣлъ абсолютнаго права на все, онъ и государству не могъ передать такого права. Граница государственной власти у Локка опредѣляется ея обязанностью охранять жизнь, свободу и имущество каждаго, и власть, которая сдѣлала бы нападеніе на эти блага личности, противорѣчила бы причинѣ собственнаго своего существованія. Между прочимъ, къ числу сферъ личной жизни, не подлежащихъ вмѣшательству со стороны государства, онъ относилъ и религію, какъ дѣло индивидуальной совѣсти — опять-таки въ противоположность ученію Гоббза, стоявшаго на точкѣ зрѣнія государственной религіи.

Различая въ государствѣ законодательную и двоякаго рода исполнительную власть,—классификація, которую въ XVIII в. по своему передѣлалъ Монтескье [1]),—Локкъ отдаетъ первенство въ государствѣ первой изъ названныхъ властей, и ея

[1]) См. въ слѣдующей главѣ.

установленіе является у него основнымъ закономъ общества. Однако, эта власть не имѣетъ права посягать на прирожденныя права гражданъ, отнимать у нихъ жизнь, лишать свободы, брать безъ ихъ согласія малѣйшую часть ихъ имущества на общія нужды, равно какъ нарушать ихъ равенство путемъ частныхъ законовъ или привилегій, изъятій и т. п. Взаимныя отношенія законодательной власти (парламента) и исполнительной (короля) Локкъ понималъ въ смыслѣ ихъ обоюдной независимости, но обѣ эти власти у него имѣютъ надъ собою высшаго судью въ лицѣ народа, обладающаго правомъ требовать къ отвѣту всякую власть, разъ она злоупотребляетъ своими правами, когда, наприм., глава исполнительной власти, участвующій въ законодательствѣ только посредствомъ своего *veto*, захватываетъ всю законодательную власть, не созываетъ законодательнаго собранія или покушается на свободу его засѣданій, устраняетъ избирателей отъ пользованія ихъ правомъ или измѣняетъ порядокъ выборовъ и т. п. Въ подобнаго рода случаяхъ Локкъ предоставляетъ народу право возстанія на защиту свободы, — примѣромъ чего для него и служила вторая революція: въ оправданіе ея какъ-разъ и была написана вторая часть трактата. Защищая право сопротивленія угнетенію, онъ прибавляетъ, что революціи не такое легкое дѣло, чтобы народъ бросался въ нихъ, очертя голову.

Дальнѣйшее развитіе англійскихъ политическихъ идей XVII в. совершилось во французской литературѣ XVIII столѣтія, на которую Локкъ вообще оказалъ громадное вліяніе всѣми своими идеями въ областяхъ гносеологіи („Опытъ о человѣческомъ пониманіи"), религіи (деистическій трактатъ „Разумность христіанства"), педагогики („Мысли о воспитаніи"), морали и политики. Его политическая теорія была, такъ сказать, философскимъ итогомъ подъ индивидуалистическими и народовластническими стремленіями боевого протестантизма въ лицѣ кальвинистовъ XVI в., выставившихъ рядъ монархомаховъ, и въ лицѣ индепендентовъ XVII столѣтія, политическими теоретиками которыхъ были такіе люди, какъ Мильтонъ, Вэнъ, Лильбёрнъ. Несомнѣнна связь политическаго ученія Локка не только съ этимъ прошлымъ, но и съ современной ему политической борьбой, разрѣшившейся переворотомъ 1689 г.: его „Трактатъ о правительствѣ" былъ въ XVIII в. даже понятъ авторомъ „Духа законовъ", какъ изложеніе принциповъ англійской конституціи, которую на самомъ дѣлѣ го-

раздо вѣрнѣе дѣйствительности изобразили „Комментаріи“ Блэкстона.

ГЛАВА VI.

Французскія политическія ученія XVIII вѣка.

Важное значеніе французской литературы XVIII в. — Начало оппозиціоннаго теченія во французской литературѣ XVIII в.—Англійскія вліянія въ „философіи“ XVIII в. — Французскіе сторонники просвѣщеннаго абсолютизма и ихъ программа. — Конституціонная теорія „Духа законовъ“ Монтескье.—„Общественный договоръ“ Руссо.—Сравненіе между ученіями Монтескье и Руссо.—Политическіе взгляды Мабли и д'Аржансона.— Мемуаръ Тюрго о муниципалитетахъ.—Публицистическія сочиненія Мирабо.—Брошюрная литература 1789 г. — Американофильство въ эпоху французской революціи. — Экономическая теорія физіократовъ. — Крестьянскій и рабочій вопросы въ публицистикѣ XVIII в. — Наказы 1789 года и вліяніе политическихъ и экономическихъ идей французской литературы XVIII в. на революцію 1789 г.

Дальнѣйшее развитіе политическихъ идей, заключавшихся въ англійской литературѣ XVII в., мы находимъ, какъ только что было сказано, во французской литературѣ слѣдующаго столѣтія, получившаго названіе философскаго вѣка или эпохи просвѣщенія. Во Франціи была своя политическая традиція свободы, именно въ XVI в., когда выступали монархомахи [1]), но XVII вѣкъ, эпоха Ришелье, Людовика XIV, Боссюета съ его „Политикой, извлеченной изъ священнаго писанія“ [2]), былъ временемъ строго монархическимъ. И въ общей культурной исторіи, притомъ не одной Франціи, но и другихъ европейскихъ странъ, и спеціально въ исторіи политическихъ идей въ широкомъ смыслѣ этого слова французской литературѣ XVIII в. принадлежитъ, какъ извѣстно, очень важное мѣсто. Эта литература, произведенія которой читались и за границами ея родины—и читались между прочимъ государями и министрами, черпавшими изъ нея аргументы для своихъ

---

[1]) См. выше, стр. 24.

[2]) Западно-европейская абсолютная монархія, гл. XVIII.

преобразованій,—отличалась въ высшей степени общественнымъ, строго освободительнымъ, прогрессивнымъ характеромъ, такъ какъ была проповѣдью естественнаго права, правъ человѣческаго ума, правъ личной и общественной жизни на освобожденіе отъ устарѣлыхъ традицій, отъ всего, что не оправдывается разумомъ, и потому она была исполнена духа критики по отношенію ко всему, что можно было подвести подъ категоріи предразсудковъ и злоупотребленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ это было исканіе новыхъ путей для дальнѣйшаго развитія общества, и какъ разъ въ XVIII в. въ умахъ философовъ зародилась мысль объ историческомъ прогрессѣ, о движеніи общества впередъ къ идеальной цѣли, о совершенствованіи человѣчества не только въ умственномъ, но и въ нравственномъ и въ соціальномъ, политическомъ отношеніяхъ,—мысль, главными провозвѣстниками которой были Тюрго, Гердеръ, Кантъ, Кондорсе [1]). Въ этомъ просвѣщеніи XVIII в., главнымъ выраженіемъ котораго и была тогдашняя французская литература, мы должны видѣть продолженіе прежнихъ освободительныхъ культурныхъ движеній, въ которомъ происходило сліяніе традицій свѣтскаго гуманизма съ наиболѣе прогрессивными результатами религіозной реформаціи [2]).

Начало оппозиціоннаго направленія во французской литературѣ относится къ концу царствованія Людовика XIV. Времена кардинала Ришелье и первая половина царствованія Людовика XIV были эпохой процвѣтанія во Франціи строгаго монархизма, выражавшагося различнымъ образомъ не только въ сочиненіяхъ придворныхъ льстецовъ, но и въ тѣхъ литературныхъ произведеніяхъ, которыя выходили изъ-подъ пера людей, искренне убѣжденныхъ въ спасительности абсолютной королевской власти. Къ концу XVII в., особенно послѣ отмѣны Людовикомъ XIV нантскаго эдикта, бывшей послѣднимъ ударомъ, нанесеннымъ вѣротерпимости во Франціи, прежній хвалебный тонъ литературы сталъ смѣняться совсѣмъ другимъ, рѣзко-оппозиціоннымъ тономъ. Правда, свободная критика абсолютизма была возможна лишь за предѣлами Франціи, пре-

---

[1]) Ср. въ моихъ „Соціологическихъ и историко-философскихъ этюдахъ“ статью подъ заглавіемъ „Идея прогресса въ ея историческомъ развитіи“.

[2]) Ср. Ист. Зап. Евр., т. III, гл. 11, гдѣ подробно развита эта мысль объ отношеніи просвѣщенія XVIII вѣка къ гуманизму и реформаціи.

имущественно въ Голландіи, куда переселялись гонимые гугеноты, пылавшіе ненавистью къ своему притѣснителю, но и въ самой странѣ тѣмъ не менѣе находились люди, преданные монархіи, въ родѣ Фенелона, Расина, Буагильбера, Вобана, которые стремились раскрыть глаза королю на бѣдствія Франціи, но, конечно, безъ иного результата, кромѣ королевской немилости. Эмигрантская литература была сплошнымъ обличеніемъ деспотизма и фанатизма французскаго правительства, и одно уже заглавіе, наприм., „Вздоховъ порабощенной Франціи, стремящейся къ свободѣ“ (1687) даетъ понятіе о духѣ, какимъ было проникнуто это обличеніе абсолютизма [1]). Кромѣ того, во французской литературѣ всегда была извѣстная струя философскаго скептицизма, но прежде онъ въ политическомъ отношеніи былъ почти всегда болѣе или менѣе благонамѣреннымъ, теперь же сталъ, наоборотъ, направлять свои стрѣлы и на государственные порядки. Въ 1696 г. французскій эмигрантъ изъ гугенотовъ Бэйль издалъ въ Голландіи сдѣлавшійся въ XVIII вѣкѣ одною изъ наиболѣе вліятельныхъ книгъ „Историческій и философскій словарь“ (Dictionnaire historique et philosophique), въ которомъ, по собственному его выраженію, онъ „анатомировалъ“ съ чисто скептической точки зрѣнія и религію, и государство, и другія проявленія общественной жизни человѣка.

На почву, уже достаточно подготовленную предыдущимъ развитіемъ, въ XVIII в. пали сѣмена философской, религіозной и политической мысли англичанъ, въ частности же на политическую мысль французовъ оказалъ большое вліяніе Локкъ. Еще въ первыя десятилѣтія XVIII в. французское общество было очень мало знакомо или, вѣрнѣе говоря, совсѣмъ даже не знакомо съ самыми выдающимися явленіями умственной и общественной жизни англичанъ, но съ двадцатыхъ годовъ вѣка начались поѣздки въ Англію французовъ (одними изъ первыхъ были Вольтеръ и Монтескье), которые потомъ знакомили соотечественниковъ съ новыми для нихъ идеями, проповѣдовавшимися по ту сторону Ламанша. Англійскій деизмъ вошелъ во Франціи въ настоящую моду, и бо̀льшая часть корифеевъ французской философіи XVIII в. были деисты. Вольтеръ прославлялъ англійскую конституцію, но особенно восторгался

---

[1]) Кое-что изъ этого памфлета приведено въ „Западно-европейской абсолютной монархіи“.

духовною свободою, господствовавшею въ Англіи. Монтескье изобразилъ англійское государственное устройство, какъ образцовое и единственно способное обезпечить дѣйствительную свободу гражданъ. И позднѣе, во второй половинѣ XVIII в. не прекращалось англійское вліяніе во Франціи, выразившееся, напр., въ томъ, что экономическая школа физіократовъ рекомендовала Франціи англійскіе аграрные порядки, или въ томъ, что въ эпоху революціи, среди ея дѣятелей, было не мало англомановъ. Только передъ самой революціей съ французскимъ англоманствомъ стало соперничать американофильство, но въ сущности и оно было не чѣмъ инымъ, какъ данью уваженія къ идеямъ и учрежденіямъ, родиной которыхъ была все та же самая Англія.

Идеи англійской конституціи, впрочемъ, не сразу проложили себѣ путь въ сознаніе французскаго общества. Вольтеръ хвалилъ англійскіе порядки, при которыхъ „у короля руки свободны, чтобы дѣлать добро, и связаны, чтобы дѣлать зло“, но по существу своихъ политическихъ идей онъ былъ сторонникомъ просвѣщеннаго абсолютизма, т.-е. неограниченной монархіи, умѣряемой терпимостью и просвѣщеніемъ, или королевской власти, находящейся въ союзѣ съ философами и совершающей реформы, которыхъ требовали разумъ и справедливость. На той же самой точкѣ зрѣнія просвѣщеннаго абсолютизма стояли и экономисты-физіократы, сторонники, какъ выразился одинъ изъ нихъ, „легальнаго деспотизма“. И Вольтеръ, и физіократы заимствовали изъ Англіи многія идеи свободы. Программа просвѣщеннаго абсолютизма включала въ себя и вѣротерпимость, и свободу печати, и отмѣну какъ остатковъ крѣпостничества, такъ и феодальныхъ правъ, и свободу промышленности и торговли, равно какъ реформу законодательства на началахъ равенства и бо̀льшаго уваженія къ личности, но все это должно было быть сдѣлано абсолютною королевскою властью, пекущеюся о благѣ подданныхъ. „Дайте мнѣ, говорилъ физіократъ Тюрго, бывшій въ 1774—1776 гг., въ началѣ царствованія Людовика XVI, министромъ въ духѣ просвѣщеннаго абсолютизма,—дайте мнѣ пять лѣтъ деспотизма, и я сдѣлаю Францію счастливою“ [1]).

---

[1]) О просвѣщенномъ абсолютизмѣ см. главу XIX „Западно-европейской абсолютной монархіи“, но особенно въ III т. „Исторіи Западной Европы“ третій отдѣлъ (гл. 19—28).

Главнымъ проводникомъ идей англійской конституціи во французской литературѣ былъ авторъ „Духа законовъ“, Монтескье. Въ молодости человѣкъ съ республиканскимъ оттѣнкомъ политическаго міросозерцанія подъ вліяніемъ изученія классической древности, — черта, свойственная многимъ французамъ XVIII в. вплоть до самой революціи,—Монтескье, самъ побывавшій въ Англіи, съ теченіемъ времени сдѣлался рьянымъ защитникомъ конституціонной монархіи, какую нашелъ въ Англіи, увидѣвъ именно въ ней самую благопріятную государственную форму для осуществленія гражданской свободы. Не разсматривая здѣсь политическаго ученія Монтескье въ его цѣломъ [1]), мы остановимся лишь на его пониманіи англійской конституціи, оказавшемъ громадное вліяніе на исторію конституціонныхъ идей и учрежденій. Долгое время, даже у самихъ англичанъ, это пониманіе принималось за самую вѣрную теорію англійскаго политическаго строя, но еще бо̀льшимъ былъ авторитетъ этой теоріи на материкѣ.

Для насъ здѣсь, собственно говоря, важны лишь двѣ, XI и XII, книги „Духа законовъ“, въ которыхъ идетъ рѣчь о „законахъ, образующихъ политическую свободу“; въ первой—въ отношеніи этой свободы къ государственному устройству, во второй—въ ея отношеніи къ гражданину, въ особенности же 6 глава XI книги, посвященная цѣликомъ англійской конституціи [1]). Свобода въ отношеніи къ гражданину, по опредѣленію Монтескье, заключается въ личной безопасности (sûrreté) или въ мнѣніи (увѣренности, opinion) касательно этой безопасности, въ отношеніи же къ государственному устройству онъ рѣшительнѣйшимъ образомъ предостерегалъ отъ смѣшенія „власти народа“ (le pouvoir de peuple) со „свободою народа“ (la liberté du peuple). Въ „Духѣ законовъ“ вообще у Монтескье немало сильныхъ мѣстъ, напра-

[1]) См. анализъ его въ гл. XIII третьяго тома „Исторіи Западной Европы“, а разсмотрѣніе нѣкоторыхъ его сторонъ еще въ „Помѣстьѣ-государствѣ“ стр. 219 и слѣд. и „Западно-европейской абсолютной монархіи“, гл. XVIII.

[2]) Новый русскій переводъ „Духа законовъ“, сдѣланный *А. Г. Горнфельдомъ*, былъ изданъ въ 1900 г. *Л. Ѳ. Пантелѣевымъ*. Нашъ переводъ почти всей 6 гл. XI книги въ „Исторіи Западной Европы“ (т. III, гл. XIII), а съ дополненіемъ пропусковъ въ книгѣ *Сореля* о Монтескье въ перев. *М. Васильевскаго*.

вленныхъ противъ абсолютизма, или, по его терминологіи, деспотіи, которой онъ противополагаетъ монархію, какъ образъ правленія, не только совмѣстимый со свободою, но даже единственно могущій ее обезпечить подъ условіемъ правильнаго раздѣленія въ ней властей, въ ученіи о которомъ—вся сущность политической теоріи Монтескье. Его монархія не монархія вообще, а средневѣковая сословная монархія съ основными, обязательными и для государя законами, съ посредствующими властями въ видѣ сословій, съ учрежденіями, охраняющими законность управленія [1]). Англійская конституція была только частнымъ случаемъ такой монархіи. Знакомый съ республиками лишь античнаго и средневѣкового типа, въ которыхъ не было раздѣленія властей, Монтескье находилъ, что „демократіи и аристократіи не суть государства свободныя по самой своей природѣ", что „политическая свобода встрѣчается лишь въ умѣренныхъ правленіяхъ", да и то лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда „не происходитъ злоупотребленія властью".

Главный пунктъ теоріи Монтескье—тотъ, что злоупотребленія властью устранимы лишь въ томъ случаѣ, если „одна власть сдерживаетъ другую" (le pouvoir arrête le pouvoir). Осуществленіе этого требованія онъ и усматривалъ въ государственномъ устройствѣ англійской націи, по мнѣнію Монтескье, даже ставящей прямою цѣлью своего политическаго строя осуществленіе свободы. Заимствовавъ изъ англійской политической литературы, ближайшимъ же образомъ, повидимому, у Локка, ученіе о существованіи въ государствѣ троякаго рода власти [2]), но нѣсколько его видоизмѣнивъ (два вида исполнительной власти онъ передѣлалъ во власть исполнительную и судебную), авторъ „Духа законовъ" проводилъ ту мысль, что политическая свобода въ смыслѣ „спокойствія духа, происходящаго отъ увѣренности каждаго въ своей безопасности" (неприкосновенности), возможна лишь тогда, когда всѣ три власти или двѣ какія-либо изъ нихъ не соединены въ рукахъ одного лица или учрежденія. Ни законодательная власть не должна быть соединена съ исполнительной, ни судебная съ законодательною или исполнительною, ни всѣ три власти

---

[1]) Ср. „Помѣстье-государство", стр. 219 и слѣд., гдѣ теорія Монтескье разсматривается въ этой своей сторонѣ.

[2]) См. выше, стр. 96.

вмѣстѣ; въ послѣднемъ случаѣ „все было бы потеряно“, какъ выражается самъ Монтескье.

Не касаясь здѣсь мѣста о правильной, по мнѣнію Монтескье, организаціи судебной власти, гдѣ онъ совсѣмъ невѣрно передалъ англійскіе порядки [1]), остановимся лишь на организаціи двухъ другихъ властей. Въ послѣднемъ отношеніи авторъ „Духа законовъ“ былъ вѣрнымъ послѣдователемъ тѣхъ англійскихъ политиковъ, которые производили такой раздѣлъ между королемъ и парламентомъ, въ силу котораго первому отдавалась исполнительная власть, второму—законодательная [2]).

Вотъ какъ, во-первыхъ, мотивируетъ Монтескье необходимость предоставленія законодательной власти представительному собранію. „Такъ какъ, говоритъ онъ, въ свободномъ государствѣ всякій, имѣющій свободную душу, долженъ былъ бы управляться самъ собою, то слѣдовало бы, чтобы весь народъ въ полномъ своемъ составѣ обладалъ законодательною властью; но такъ какъ это не возможно въ большихъ государствахъ, а въ малыхъ сопряжено со множествомъ неудобствъ, то нужно, чтобы народъ при посредствѣ своихъ представителей дѣлалъ то, чего самъ дѣлать не въ состояніи“. И такъ, законодательная власть у Монтескье принадлежитъ народнымъ представителямъ, но изъ этого авторомъ „Духа законовъ“, настроенномъ вообще весьма аристократически (онъ защищалъ существованіе и дворянскихъ привилегій, и феодальныхъ правъ), далеко не дѣлалось демократическаго вывода. Именно, изъ права избирать представителей, онъ исключалъ людей, которые „находятся въ столь низкомъ состояніи (dans un tel état de bassesse), что не могутъ считаться имѣющими собственную волю“.

Мало того, Монтескье оправдывалъ существованіе въ Англіи и верхней палаты, состоящей изъ наслѣдственныхъ законодателей. „Въ каждомъ государствѣ, говоритъ онъ, есть люди, отличающіеся своимъ происхожденіемъ, богатствомъ и почестями: если бы они были смѣшаны съ народомъ, и если бы у нихъ, наравнѣ со всѣми другими, былъ только одинъ голосъ, общая свобода сдѣлалась бы ихъ рабствомъ, и у нихъ не было бы никакого интереса ее защищать, такъ какъ боль-

---

[1]) Онъ говоритъ, въ сущности, лишь о присяжныхъ, совершенно забывая о постоянныхъ коронныхъ судьяхъ.

[2]) См. выше, стр. 86—87 и 91—92.

шая часть рѣшеній была бы противъ нихъ". Поэтому онъ находилъ нужнымъ, чтобы „ихъ участіе въ законодательствѣ было въ соотвѣтствіи съ прочими преимуществами, которыми они пользуются въ государствѣ", а для этого они и должны образовать „особое учрежденіе, которое имѣло бы право останавливать предпріятія народа", какъ, впрочемъ, и народъ долженъ имѣть право останавливать предпріятія этой „корпораціи знати". Сама корпорація эта должна, говоритъ Монтескье, быть наслѣдственной: „во-первыхъ, она наслѣдственна по самому своему существу, а во-вторыхъ, необходимо, чтобы она имѣла очень большой интересъ въ сохраненіи своихъ привилегій, ненавистныхъ самихъ по себѣ,—соглашается онъ,— а въ свободномъ государствѣ тѣмъ болѣе подверженныхъ постоянной опасности".

Вручивъ законодательную власть двумъ палатамъ, Монтескье отдаетъ власть исполнительную монарху, мотивируя свой взглядъ на дѣло тѣмъ, что „эта часть правленія, требуя почти всегда быстраго дѣйствія, завѣдуется однимъ человѣкомъ лучше, чѣмъ многими, тогда какъ то, что зависитъ отъ законодательной власти, часто лучше ведется многими, чѣмъ однимъ". Разсуждая такимъ образомъ, Монтескье совершенно игнорировалъ уже начавшій въ ту эпоху формироваться кабинетъ и даже высказывалъ мысль, которая идетъ совершенно въ разрѣзъ съ образованіемъ парламентарнаго министерства. Съ точки зрѣнія строгаго раздѣленія властей имъ ни подъ какимъ видомъ не допускалось участіе кого бы то ня было и въ законодательной, и въ исполнительной властяхъ. „Если бы, читаемъ мы у него самого, не было монарха, и исполнительная власть была вручена извѣстному числу лицъ, взятыхъ изъ законодательнаго учрежденія, свободы бы больше не существовало, такъ какъ обѣ власти были бы соединены вслѣдствіе того, что одни и тѣ же лица принимали бы иногда и всегда могли принимать участіе въ обѣихъ".

Указавъ далѣе на необходимость періодическихъ созывовъ законодательнаго учрежденія и періодическихъ обновленій его состава, Монтескье разсматриваетъ тѣ отношенія, какія, по его мнѣнію, должны существовать между обѣими властями. Прежде всего, онъ предоставляетъ исполнительной власти право созыва и роспуска собраній. Право созыва онъ мотивировалъ тѣмъ, что „всякое учрежденіе лишь тогда считается имѣющимъ волю, когда оно находится въ сборѣ", безъ чего

нельзя сказать, въ случаѣ отсутствія единодушія среди представителей, какая часть ихъ составила бы настоящее учрежденіе, та ли, которая собралась, или другая, которая отсутствовала бы; что же касается прекращенія собраній, то будь право отсрочекъ у самого собранія, послѣднее могло бы никогда себя не распускать, а это было бы опасно, если бы оно вздумало сдѣлать покушеніе на права исполнительной власти. Во-вторыхъ, Монтескье предоставляетъ исполнительной власти „право останавливать предпріятія законодательнаго учрежденія". Понятно, что здѣсь идетъ рѣчь о королевскомъ *veto*, и до сихъ поръ входящемъ въ составъ коронной прерогативы въ Англіи, хотя фактически и вышедшемъ изъ употребленія [2]), разъ образовалось парламентарное министерство, безъ котораго король не можетъ пользоваться своей прерогативой и которое, будучи органомъ парламентскаго большинства, не можетъ же идти противъ этого самаго большинства, отвергая его рѣшенія. Королевское *veto* Монтескье теоретически защищалъ тѣмъ соображеніемъ, что безъ этого ограниченія своей власти законодательное учрежденіе „будетъ деспотическимъ", ибо оно было бы „въ состояніи дать себѣ всю ту власть, какая ему вздумается" и потому „уничтожить всѣ остальныя власти". Въ третьемъ пунктѣ, касающемся взаимныхъ отношеній обѣихъ властей, Монтескье говоритъ объ отвѣтственности министровъ при безотвѣтственности монарха. Онъ не находилъ нужнымъ, чтобы законодательная власть имѣла право останавливать исполнительную, полагая, что нечего еще ограничивать власть, самоё по себѣ ограниченную, тѣмъ болѣе еще, что она дѣйствуетъ только по отношенію къ „вещамъ преходящимъ", но зато онъ признавалъ необходимымъ, чтобы въ свободномъ государствѣ законодательная власть пользовалась правомъ и имѣла возможность „слѣдить за тѣмъ, какимъ образомъ приводятся въ исполненіе законы, которые она создала". Однако, оговаривается при этомъ Монтескье, „законодательное учрежденіе ни въ какомъ случаѣ не должно имѣть право судить личность, а слѣдовательно и поведеніе того, который исполняетъ. Его особа, продолжаетъ онъ, должна быть священна, ибо необходима государству для того, чтобы законодательное собраніе не сдѣлалось въ немъ тиранническимъ: съ того момента, когда она была бы предана обвиненію и

---

[1]) См. выше, стр. 54.

суду, свободы больше не существовало бы", и „государство, по его выраженію, было бы не монархіей, а несвободной республикой". Но, тотчасъ же прибавляетъ Монтескье, тотъ, кто исполняетъ, не можетъ ничего дурно исполнять безъ дурныхъ совѣтниковъ, и потому послѣдніе могутъ разыскиваться и наказываться. Останавливаясь еще на участіи монарха въ законодательствѣ чрезъ право останавливать, безъ котораго исполнительная власть скоро была бы лишена своихъ прерогативъ,—на участіи, слѣдовательно, для своей защиты,—Монтескье очень рѣшительно высказывается противъ участія монарха въ законодательствѣ черезъ право постановлять, ибо при этомъ „свободы болѣе не существовало бы". Равнымъ образомъ, онъ находилъ, что исполнительная власть „не можетъ входить въ обсужденіе дѣлъ", такъ какъ всегда имѣетъ возможность отклонить непріятныя ей рѣшенія, да и нѣтъ, думаетъ онъ, надобности, чтобы она предлагала,—два пункта, которымъ какъ-разъ не соотвѣтствуетъ практика парламентарнаго министерства, берущаго на себя иниціативу законовъ и принимающаго на себя участіе въ ихъ обсужденіи въ видѣ хотя бы защиты имъ же самимъ предлагаемыхъ законопроектовъ. Наконецъ, — и въ этомъ отношеніи Монтескье совершенно вѣрно схватилъ сущность дѣла,—за законодательнымъ учрежденіемъ признаётся право ежегоднаго вотированія налоговъ и военнаго закона [1]). „Если, читаемъ мы у него, исполнительная власть дѣлаетъ постановленія о взиманіи налоговъ иначе, какъ въ силу согласія народа, свободы больше не будетъ, ибо исполнительная власть сдѣлается законодательной въ самомъ важномъ пунктѣ законодательства. Если, говорится далѣе, законодательная власть дѣлаетъ постановленіе о наложеніи податей не изъ года въ годъ, а навсегда, то она рискуетъ лишиться свободы, потому что исполнительная власть не будетъ болѣе зависѣть отъ нея; а когда пользуются подобнаго рода правомъ навсегда, то довольно безразлично, пользуются ли имъ въ силу собственной власти, или въ силу чужой. То же самое, заключаетъ Монтескье, будетъ и въ томъ случаѣ, когда законодательная власть постановляетъ не изъ года въ годъ, а разъ навсегда касательно сухопутныхъ и морскихъ силъ, которыя она должна ввѣрить исполнительной власти".

Монтескье самъ резюмировалъ основныя черты изображенной

---

[1]) Mutiny act, о чемъ выше, стр. 67.

имъ конституціи: „законодательное учрежденіе составлено изъ двухъ частей, которыя, въ силу права останавливать одна другую, будутъ одна другую удерживать. Обѣ будутъ связаны исполнительною властью, которая, съ своей стороны, будетъ связана законодательною“. По мнѣнію, также высказанному авторомъ „Духа законовъ“, „эти три власти должны были бы находиться въ состояніи покоя или бездѣйствія, но такъ какъ неизбѣжнымъ ходомъ вещей онѣ будутъ принуждены идти впередъ, онѣ будутъ принуждены идти въ согласіи“.

Отмѣтимъ еще, что въ современныхъ ему монархіяхъ, кромѣ Англіи, Монтескье не находилъ распредѣленія властей по способу изображенной имъ конституціи. „Въ каждомъ государствѣ, говоритъ онъ, существуетъ свое особое распредѣленіе, вслѣдствіе чего они болѣе или менѣе приближаются къ политической свободѣ, и если бы они не приближались, монархія выродилась бы въ деспотію“.

„Духъ законовъ“ вышелъ въ свѣтъ въ 1748—9 г., и менѣе пятнадцати лѣтъ отдѣляютъ его отъ появленія въ печати другого вліятельнаго политическаго трактата XVIII в., „Общественнаго договора“ (Du contrat social) Жанъ-Жака Руссо (1762). Еще за двѣнадцать и за восемь лѣтъ передъ тѣмъ Руссо прославился своими „диссертаціями“ о наукахъ и искусствахъ и о происхожденіи неравенства между людьми [1]), въ которыхъ онъ обрушился на всю духовную культуру своего времени во имя счастливаго невѣжества (l'heureuse ignorance) и завидной невинности, въ каковыхъ находился человѣкъ въ естественномъ состояніи до пагубнаго перехода его въ состояніе гражданскаго общества. Этою стороною своего міросозерцанія Руссо былъ несомнѣннѣйшимъ реакціонеромъ, но за то другая сторона его міросозерцанія, не культурная, а политическая, имѣла рѣзко выраженный революціонный характеръ. Началомъ зла было установленіе собственности, приведшее къ раздѣленію людей на богатыхъ и бѣдныхъ. Такъ какъ богатые чувствовали себя не совсѣмъ обезпеченными въ своемъ обладаніи благами міра, то они, подъ предлогомъ общаго блага для всѣхъ, и придумали общественный договоръ, создавшій государство, только увеличившее ихъ силу

[1]) Первая переведена въ приложеніи къ русскому переводу біографіи Руссо, написанной *Грагамомъ*, вторая въ русскомъ переводѣ подъ ред. *С. Н. Южакова* была издана фирмою „Свѣточъ“ въ 1907 г.

и давшее еще бо̀льшую возможность угнетать слабыхъ. Первымъ шагомъ въ отклоненіи отъ свободы, равенства, добродѣтели и счастья, господствовавшихъ въ естественномъ состояніи, было узаконеніе различія между богатыми и бѣдными, вторымъ — между сильными и слабыми, третьимъ—между господами и рабами, послѣднее въ качествѣ результата отъ превращенія законной власти выборнаго начальства въ произвольную власть наслѣдственныхъ правителей. Общимъ выводомъ изъ трактата о поисхожденіи неравенства было то, что совершенно „противорѣчитъ законамъ природы состояніе, при которомъ возможно, чтобы ребенокъ повелѣвалъ старцу, глупецъ управлялъ мудрымъ, и чтобы небольшая часть людей утопала въ изобиліи, когда голодная масса нуждается въ самомъ необходимомъ“.

Итакъ, въ трактатѣ о неравенствѣ общественный договоръ, которымъ создаётся государство, является своекорыстнымъ изобрѣтеніемъ богачей, исполненіемъ, какъ выражается самъ Руссо, „самаго обдуманнаго, какой только когда-либо приходилъ въ человѣческую голову, плана употребить въ свою пользу силы какъ-разъ людей, на нихъ, богачей, нападавшихъ, превратить въ своихъ защитниковъ прежнихъ противниковъ, внушить имъ иныя правила и дать иныя учрежденія, которыя были бы настолько же благопріятны для богатыхъ, насколько, наоборотъ, было противъ нихъ естественное право“. Совсѣмъ иначе представляетъ Руссо цѣль общественнаго договора въ главномъ своемъ политическомъ трактатѣ, носящемъ это названіе и содержащемъ въ себѣ политическій идеалъ Руссо [1]). Именно въ „Общественномъ договорѣ“ эта цѣль опредѣляется слѣдующими словами: „найти такую форму соединенія (association), которая бы защищала и охраняла совокупною общею силою личность и имущество каждаго участника (associé) и посредствомъ которой каждый, соединяясь со всѣми, повиновался бы, однако, лишь самому себѣ, оставаясь столь же свободнымъ, какъ и раньше“. Въ этихъ словахъ заключался цѣлый идеалъ демократическаго государства, осуществляющаго естественное право каждой личности на сво-

---

[1]) „Общественный договоръ“ существуетъ въ трехъ русскихъ переводахъ подъ ред. *Дживелегова*, *Когена* и *Жуковскаго*; послѣдній изданъ съ примѣчаніями, заимствованными изъ новѣйшаго французскаго изданія *Болавона*.

боду и равенство. Для общества, жившаго въ государствѣ, въ которомъ не было ни свободы, ни равенства, въ этой формулѣ содержалась цѣлая радикальная революція.

Уча о договорномъ происхожденіи государства, Руссо не только шелъ по стопамъ Гоббза и Локка, но и раздѣлялъ вообще взглядъ своихъ современниковъ, среди которыхъ даже теоретики абсолютизма пользовались для своихъ политическихъ построеній этою договорною теоріею [1]). Какъ теоретикъ народовластія, Руссо, далѣе, отличался, однако, отъ своихъ предшественниковъ тѣмъ, что полагалъ въ народѣ не только источникъ верховной власти, передаваемой имъ правителямъ, но самоё верховную власть и непосредственное пользованіе ею. Если абсолютистъ-государственникъ Гоббзъ въ своей теоріи заставляетъ народъ передать надъ собою неограниченную власть правительству, то и конституціоналистъ-индивидуалистъ Локкъ видитъ въ установленіи властей всетаки передачу имъ народомъ своихъ правъ, хотя бы и подъ извѣстными условіями, и только въ случаѣ нарушенія правительствомъ договора народъ пользуется непосредственно своимъ верховенствомъ [2]). У Руссо верховная власть народа всегда всецѣло остается у самаго народа, и между нимъ, народомъ, истиннымъ сувереномъ, и правительствомъ не можетъ и не должно быть никакого договора, ибо есть, по Руссо, только одинъ первоначальный договоръ, и потому всякій другой могъ бы быть только его нарушеніемъ. Отношеніе между державнымъ народомъ и правительствомъ въ „Общественномъ договорѣ“ мыслится не какъ условіе, заключенное между двумя самостоятельными и равными сторонами, а какъ отношеніе настоящаго хозяина, дающаго приказанія, и приказщика, обязаннаго выполнять хозяйскую волю.

Этому непосредственному народному суверенитету Руссо приписываетъ предикаты неотчуждаемости, недѣлимости, непогрѣшимости и неограничимости.

Съ неотчуждаемостью верховной власти соединяется или изъ нея вытекаетъ ея непредставляемость. „Верховная власть, будучи лишь проявленіемъ (exercice) общей воли, никогда не можетъ быть отчуждаема, и суверенъ (т.-е. самъ народъ), какъ существо собирательное, можетъ быть представляемъ

---

[1]) См. въ гл. XVIII „Западно-европейской абсолютной монархіи“.

[1]) См. выше, стр. 97.

только самъ собою".—„Верховная власть, говоритъ Руссо въ другомъ мѣстѣ, не можетъ быть представляема", и потому „депутаты народа не могутъ быть его представителями, ибо они суть только его прикащики (commissaires), не имѣющіе права дѣлать окончательныхъ постановленій". Отсюда Руссо выводилъ, что „всякій законъ, не утвержденный непосредственно народомъ, не имѣетъ силы: это и не законъ вовсе". Руссо указывалъ на англійскій народъ, какъ на заблуждающійся, воображая себя свободнымъ, ибо, по мнѣнію Руссо, „онъ свободенъ лишь во время выборовъ въ парламентъ, но едва только выборы кончаются, онъ дѣлается рабомъ, онъ ничто. Въ короткія минуты своей свободы, сказано еще объ англійскомъ народѣ въ „Общественномъ договорѣ", онъ пользуется ею такъ, что заслуженно ее теряетъ". Идеаломъ Руссо было непосредственное народовластіе античныхъ республикъ, а не новая представительная система, которую какъ-разъ находилъ разумною Монтескье.

Верховная власть не только не отчуждаема, но и не дѣлима, ибо, аргументируетъ здѣсь Руссо, „воля есть общая или ея нѣтъ, т.-е. она есть воля всего народа или его части". Теорія Монтескье о раздѣленіи властей встрѣтила въ его лицѣ рѣзкаго оппонента. „Наши политики, говоритъ онъ, дѣлаютъ изъ суверена какое-то фантастическое существо, составленное изъ разныхъ кусковъ, какъ если бы они стали составлять человѣка изъ многихъ тѣлъ, изъ которыхъ у одного были бы лишь глаза, у другого руки, у третьяго ноги и больше ничего". Такой взглядъ Руссо сравнивалъ съ ярмарочнымъ фокусомъ въ родѣ того, какой въ ходу у японскихъ фокусниковъ, разрубающихъ ребенка на части, бросающихъ эти части въ воздухъ и получающихъ ребенка обратно цѣлымъ и невредимымъ.

Третій признакъ народнаго верховенства у Руссо—его непогрѣшимость: „общая воля всегда права и постоянно стремится къ общественной пользѣ. Народъ всегда желаетъ собственнаго блага, но не всегда его видитъ. Никогда нельзя подкупить народъ, но его можно обмануть, и лишь тогда кажется, будто онъ желаетъ того, что дурно".

Наконецъ, Руссо считаетъ верховную власть неограничимой. „Какъ природа, говоритъ онъ, даетъ человѣку абсолютную власть надъ всѣми его членами, такъ общественный договоръ (le pacte social) даетъ политическому тѣлу надъ всѣми

его членами такую же абсолютную власть, и она-то, прибавляетъ онъ, направляемая общею волею, носитъ названіе верховной власти". У Руссо даже считается прямо основнымъ условіемъ общественнаго договора „совершенное отчужденіе личностью всѣхъ своихъ правъ въ пользу общества (l' aliénation totale de chaque associé avec tous ses droits à toute la communauté") и притомъ отчужденіе безъ какихъ бы то ни было ограниченій (sans reserve), такъ какъ, думаетъ Руссо. „разъ каждый отдаетъ себя въ распоряженіе всѣхъ, онъ въ сущности не отдается никому", а съ другой стороны, „разъ суверенъ состоитъ изъ образующихъ его частныхъ лицъ, у него нѣтъ и быть не можетъ интересовъ, противоположныхъ его интересамъ, и, слѣдовательно, нѣтъ надобности, чтобы верховная власть была обставлена гарантіями со стороны подданныхъ, ибо невозможно, чтобы тѣло захотѣло вредить всѣмъ своимъ членамъ". Не подвергая здѣсь критикѣ эти аргументы Руссо, укажемъ лишь на то, что для своего идеальнаго государства онъ желаетъ особой „гражданской религіи" (въ сущности, деизма), установляемой верховною властью: кто не станетъ вѣровать въ ея заповѣди, долженъ быть изгнанъ изъ государства, какъ человѣкъ, непригодный къ общественной жизни, а „если, прибавляетъ Руссо, кто-либо. публично признавъ догматы этой религіи, будетъ вести себя такъ, какъ будто онъ въ нихъ не вѣритъ, то долженъ быть наказанъ смертью, какъ человѣкъ, совершившій величайшее преступленіе, солгавъ передъ законами".

Резюмируя все сказанное о теоріи верховной власти у Руссо, нельзя не согласиться съ тѣми ея критиками, которые находятъ, что онъ лишь перенесъ на суверенный народъ всѣ права, приписывавшіяся абсолютистами королямъ Божіею милостью. Другая сторона его политической теоріи, это—отнятіе у исполнительной власти всякой самостоятельности. Въ настоящее время мы привыкли различать между понятіями верховной власти и правительства, не зная въ большинствѣ случаевъ, что этимъ важнымъ различеніемъ мы обязаны Руссо, который, въ сущности, однако, суверенитетъ полагаетъ главнымъ образомъ въ законодательной власти, а подъ правительствомъ разумѣетъ власть исполнительную. Одну другой онъ противополагаетъ, какъ волю и силу, при чемъ силу подчиняетъ волѣ. „Правительство, или высшая администрація" у него опредѣляется, какъ „законное пользованіе исполнитель-

ною властью". Смотря по тому, кому ввѣряется суверенным народомъ исполнительная власть, онъ классифицируетъ всѣ возможныя республики на монархіи, аристократіи и демократіи. Именно его классификація формъ правленія отличается отъ общепринятой тѣмъ, что въ основу ея кладется не то, кому принадлежитъ верховная власть, а то, кто является исполнительнымъ ея органомъ. У Руссо всякое государство, въ которомъ верховная власть не принадлежитъ народу, есть деспотія, всякое же государство, гдѣ суверенъ—народъ, называется республикой, при чемъ это будетъ или монархія, если высшая администрація возложена на одно лицо, или аристократія, если это будетъ учрежденіе, состоящее изъ нѣсколькихъ лицъ. То, что Руссо называетъ монархіей, есть, слѣдовательно, не что иное, какъ республика съ единымъ главою государства, республиканская монархія, въ которой монархъ лишь высшій сановникъ республики, простой исполнитель воли державнаго народа. Въ такомъ словоупотребленіи демократіей было бы государство, въ которомъ всѣ граждане поголовно пользовались бы и исполнительною властью,—форма, которую самъ Руссо считаетъ слишкомъ совершенною и потому „неподходящею для людей": „если бы существовалъ народъ боговъ, то онъ управлялся бы демократически", но это недоступно людямъ. Для республики съ народовластіемъ остаются у Руссо, такимъ образомъ, или монархія, или аристократія, но и та, и другая форма находятся ежечасно въ распоряженіи державнаго народа, который постоянно можетъ измѣнять свою правительственную организацію по произволу. Въ ней, другими словами, у Руссо нѣтъ ничего постояннаго, устойчиваго, независимаго отъ временныхъ настроеній народа. Чтобы правительство не могло узурпировать принадлежащее народу верховенство и такимъ образомъ сдѣлаться деспотическимъ, „Общественный договоръ" заключаетъ въ себѣ совѣтъ, чтобы народъ время отъ времени самъ собою собирался, и чтобы на его собраніяхъ непремѣннѣйшимъ образомъ ставились и пускались на голоса два вопроса: желаетъ ли державный народъ удержать данную правительственную форму, и желаетъ ли онъ оставить исполнительную власть въ рукахъ лицъ, которымъ она ввѣрена. Такимъ образомъ, выборная исполнительная власть какъ аристократическаго, такъ и монархическаго (по классификаціи Руссо) типа лишена даже какой-либо опредѣленной срочности, что же касается прави-

тельственной формы, то и она не имѣетъ у Руссо никакой прочности, да оно и понятно, разъ у него народъ можетъ всегда нарушить даже и самой договоръ, на которомъ основано государство. Если, значитъ, съ одной стороны, „Общественный договоръ“ узаконялъ деспотизмъ государства надъ личностью гражданина, то, съ другой стороны, имъ вводилось въ государство и начало анархіи. Вотъ почему Руссо очень сочувственно относился къ польскому государственному строю, въ которомъ сильна была анархичность, и вотъ почему вмѣстѣ съ тѣмъ всю теорію Руссо не разъ характеризовали, какъ теорію не государства, а революціи.

Сравнивая политическія теоріи „Духа законовъ“ и „Общественнаго договора“, обѣ оказавшія громадное вліяніе на выработку первой французской конституціи, мы не можемъ не признать, что между ними была громадная разница. Въ одномъ обѣ онѣ сходятся: и Монтескье, и Руссо были противниками абсолютизма, основу котораго одинаково видѣли въ присвоеніи себѣ законодательной власти властью исполнительною, одинъ въ ущербъ правамъ сословій [1]), другой — въ ущербъ правамъ народа, причемъ оба они полагали, что монархическая власть по существу своему есть только власть исполнительная. Въ остальномъ между обоими теоретиками свободнаго государства можно будетъ провести параллель по всѣмъ наиболѣе важнымъ пунктамъ ихъ несходныхъ между собою теорій. Монтескье былъ убѣжденнымъ сторонникомъ представительной системы, Руссо горячо стоялъ за непосредственное народовластіе; Монтескье признавалъ необходимость для пользованія политическими правами нѣкотораго ценза и оправдывалъ существованіе второй, аристократической палаты, Руссо проповѣдовалъ чисто демократическую идею; Монтескье требовалъ раздѣленія властей, устанавливая двѣ, одна отъ другой независимыя и находящіяся въ равновѣсіи, законодательную и исполнительную власти, Руссо рѣзко ополчался противъ теоріи раздѣленія властей и всецѣло подчинялъ власть исполнительную законодательной; когда Монтескье говоритъ о монархѣ, онъ имѣетъ въ виду наслѣдственнаго государя, съ вполнѣ незави-

[1]) „Какъ демократіи гибнутъ, когда народъ лишаетъ сенатъ, сановниковъ и судей ихъ должностей, такъ и монархіи портятся, когда постепенно отнимаютъ прерогативы сословій и привилегіи городовъ“. Духъ законовъ, кн. VIII, гл. 6.

симой прерогативой, когда же рѣчь о монархѣ заходитъ у Руссо, подъ нимъ нужно разумѣть республиканскаго сановника, получающаго отъ народа очень ограниченныя полномочія, которыми пользуется лишь до тѣхъ поръ, пока это угодно державному народу; Монтескье всякую неограниченную власть приравниваетъ къ отсутствію свободы, совѣтуя не смѣшивать свободу народа съ властью народа, Руссо какъ-разъ допускаетъ это смѣшеніе, настаивая на неограничимости верховной власти въ рукахъ народа. Однимъ словомъ, это—двѣ совершенно различныя теоріи, и если для XIX в. мы дѣлаемъ различіе между направленіями либерализма и радикализма, то вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаемъ, что долгое время либералы находились главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Монтескье, радикалы—подъ вліяніемъ Руссо—не по всѣмъ, конечно, отдѣльнымъ пунктамъ, а по общему направленію ихъ ученій [1]).

Все это, однако, отнюдь не обязываетъ насъ думать, что громадное большинство читателей „Духа законовъ" и „Общественнаго договора" понимало всю разницу между обѣими теоріями. Во французскомъ обществѣ второй половины XVIII в. обѣ были одинаково авторитетны вслѣдствіе своего несоотвѣтствія съ порядками королевскаго абсолютизма, и каждый вырабатывалъ себѣ собственное міросозерцаніе, по-своему комбинируя отдѣльные элементы изъ теоріи Монтескье и Руссо. Въ тогдашней Франціи былъ даже очень вліятельный (и въ свое время, и впослѣдствіи, въ эпоху революціи) политическій писатель, создавшій, такъ сказать, нѣчто среднее между теоріями „Духа законовъ" и „Общественнаго договора". Это былъ аббатъ Мабли, историкъ, доказывавшій, что во Франціи изначала и во всѣ времена народъ участвовалъ во власти" [2]), моралистъ, видѣвшій причину всякаго общественнаго зла въ

---

[1]) Въ „Происхожденіи современной демократіи" *М. М. Ковалевскаго* проводится, между прочимъ, та мысль, что между ученіемъ Руссо о народовластіи и ученіемъ Монтескье о равновѣсіи властей нѣтъ никакого принципіальнаго различія, и что между ними существуетъ даже согласіе по взглядахъ на взаимныя отношенія законодательной и исполнительной властей. Опроверженію такого мнѣнія посвящена брошюра (изъ „Вѣстника права" за 1905 г.) проф. *А. С. Алексѣева* „Политическая доктрина Ж. Ж. Руссо въ ея отношеніи къ ученію Монтескье о равновѣсіи властей и въ освѣщеніи одного изъ новѣйшихъ ея истолкователей".

[2]) Considérations sur l'histoire de France. 1765.

эгоизмѣ и думавшій, что для искорененія его нужна отмѣна частной собственности, и, наконецъ, публицистъ, теорію котораго мы сейчасъ изложимъ [1]).

Мабли подобно Руссо стоялъ на демократической точкѣ зрѣнія, что отличало его отъ аристократическаго Монтескье, но его демократія не непосредственная, какъ у Руссо, а представительная, въ чемъ Мабли стоитъ уже ближе къ автору „Духа законовъ". Обосновывая право народа на законодательную власть, онъ полемизировалъ съ физіократомъ Мерсье-де-ля-Ривьеромъ, доказывавшимъ, что естественная склонность людей къ несправедливости и тиранніи мѣшаетъ имъ быть законодателями, но находилъ неудобнымъ въ интересахъ политической свободы, чтобы народъ пользовался законодательною властью непосредственно. Когда, думаетъ Мабли, народъ самъ создаетъ свои законы, ему ничего не стоитъ относиться къ нимъ съ презрѣніемъ, и „на площади создаются постановленія столь же несправедливыя и нелѣпыя, какъ и въ турецкомъ диванѣ". Въ чистой демократіи, говоритъ еще Мабли, каждый гражданинъ можетъ предлагать свои фантазіи (rêveries) для превращенія ихъ въ законы, а свойства толпы таковы, что всѣ дѣла рѣшаются въ ней безразсуднымъ порывомъ (par vertige). Здѣсь „гражданинъ, всегда склонный къ смѣшенію своеволія и свободы, боится наложить на себя слишкомъ тяжелое ярмо посредствомъ собственныхъ же законовъ и видитъ въ сановникахъ лишь слугъ (ministres) своихъ собственныхъ страстей. Народъ знаетъ, что ему дѣйствительно принадлежитъ верховная власть, и у него будутъ потакатели и льстецы и, слѣдовательно, всѣ предразсудки и пороки деспота. Не ищите, говоритъ онъ еще, у этого народа-государя характера, ибо у него найдете только легкомысліе и непостоянство. Всѣ установленія, всѣ законы, которыми онъ будетъ стараться сохранить свою свободу, въ сущности будутъ лишь новыми ошибками, которыми онъ будетъ поправлять старыя ошибки, а потому онъ всегда рискуетъ быть обманутымъ ловкимъ тиранномъ или подпасть подъ власть сената съ введеніемъ аристократіи въ перспективѣ". Итакъ, Мабли вмѣстѣ съ Монтескье—

[1]) Entretiens de Phocion. 1763. — Doutes proposées aux philosophes économistes sur l'ordre naturel et essentiel des sociéts politiqueés. 1768.— De la législation ou principes des lois. 1776.—Principes de morale. 1785.— Les droits et les devoirs du citoyen. 1789.

за представительную систему, но подъ условіемъ полученія депутатами повелительныхъ инструкцій (mandats impératifs) отъ своихъ избирателей. Одновременно съ этимъ и опять-таки скорѣе въ согласіи съ Монтескье, чѣмъ съ Руссо, Мабли хотѣлъ бы, чтобы политическими правами пользовались лишь люди, причастные къ земельной собственности, и имъ прямо дѣлалась ссылка на упадокъ Аѳинъ, когда онѣ стали „республикой, управляемой рабочими" (la république gouvernée par les ouvriers).

Въ вопросѣ объ организаціи исполнительной власти Мабли былъ сторонникомъ раздѣленія и равновѣсія властей, ссылаясь для доказательства ихъ возможности на англійскую конституцію, что приближало его ко взгляду Монтескье, но на самомъ дѣлѣ онъ понималъ данное отношеніе въ смыслѣ подчиненія, какъ и у Руссо, исполнительной власти законодательному органу, дабы тѣмъ достигнуть полнаго согласія между обѣими властями, безъ чего, по его мнѣнію, была бы въ результатѣ лишь анархія. Поэтому ему не нравилась англійская конституція [1]), и онъ даже ей пророчилъ гибель, восхваляя, наоборотъ, государственное устройство Швеціи, сеймъ которой, болѣе мудрый, чѣмъ англійскій парламентъ, присвоилъ себѣ всю законодательную власть, а исполнительную, дабы ее ослабить, раздѣлилъ между королемъ съ очень призрачными правами и сенатомъ. Вообще онъ совѣтовалъ раздѣлять исполнительную власть между нѣсколькими независимыми однѣ отъ другихъ администраціями. При всемъ томъ Мабли рекомендовалъ наслѣдственную монархію, какъ гарантію противъ господства какого-либо сословія или партіи. Особа монарха, какъ и у Монтескье, должна была быть священной и неприкосновенной, но монархъ долженъ былъ быть рѣшительно устраненъ отъ участія въ законодательствѣ даже въ формѣ *veto*: „всякій законодатель, говоритъ Мабли, долженъ исходить изъ того принципа, что исполнительная власть всегда была, есть и вѣчно будетъ врагомъ власти законодательной",—точка зрѣнія, сквозящая и черезъ теорію Руссо.

Мабли всячески, какъ и Монтескье, хотѣлъ охранить личную свободу отъ произвола и потому въ извѣстныхъ случаяхъ разрѣшалъ гражданамъ оказывать сопротивленіе несправедливымъ законамъ и своеволію властей, но въ то же самое время,

---

[1]) Critique du gouvernement d'Angleterre.

какъ моралистъ, желавшій установленія въ обществѣ господства строго нравственныхъ началъ, онъ думалъ, что и законодательная власть, въ своемъ стремленіи сдѣлать гражданъ добродѣтельными, а общество счастливымъ, имѣетъ въ случаѣ надобности право прибѣгать къ „священному насилію“ (la sainte violence), исторгающему ихъ противъ ихъ воли (par la force) изъ-подъ власти ихъ дурныхъ страстей и пороковъ. Это сочетаніе анархическихъ и деспотическихъ началъ въ теоріи Мабли сближаетъ ее съ ученіемъ Руссо.

Мабли тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія историка конституціонныхъ идей и учрежденій, что ближе всего къ его теоріи подходитъ первая конституція, какую дала себѣ Франція въ первую свою революцію. Съ той же точки зрѣнія заслуживаютъ вниманіе „Разсужденія о прежнемъ и нынѣшнемъ правительствѣ Франціи“ (Considérations sur le gouvernement ancien et présent de la France. 1764) маркиза д'Аржансона, когда-то занимавшаго министерскій постъ. Монтескье въ своей теоріи англійской конституціи совершенно не обратилъ вниманія на существованіе въ Англіи мѣстнаго самоуправленія [1]), а это вообще очень важная сторона свободнаго государственнаго строя. Д'Аржансонъ, собственно говоря, не былъ конституціоналистомъ, но ратовалъ за то, чтобы „въ монархіи была демократія“ (la démocratie dans la monarchie) въ смыслѣ предоставленія обществу наибольшей свободы въ завѣдованіи своими дѣлами. „Чтобы лучше управлять, по его словамъ, нужно управлять какъ можно менѣе (pour gouverner mieux il faut gouverner moins): вся власть въ рукахъ одного (toute autorité à un seul homme), все дѣйствіе въ рукахъ многихъ, демократія въ монархіи; всѣ власти выборныя, временныя, отнюдь не пожизненныя, еще того менѣе наслѣдственныя,— вотъ какимъ образомъ, заявляетъ д'Аржансонъ, я представляю себѣ хорошее правленіе“, предвосхищая въ этой общей картинѣ, какъ мы увидимъ [2]), административное устройство по конституціи 1791 г. Съ этимъ проектомъ широкаго самоуправленія авторъ соединялъ желаніе слить знать съ народомъ въ одну націю путемъ отмѣны сословныхъ привилегій для осуществленія гражданскаго равенства (égalité entre citoyens) и превращенія всѣхъ земель въ алоды (т.-е. освобожденія ихъ

[1]) О немъ см. „Помѣстье-государство“, стр. 151, 156, 251, 268 и 269.

[2]) Въ главѣ X.

отъ феодальныхъ правъ). Въ равенствѣ онъ видѣлъ врожденную людямъ силу (un pouvoir inné) и источникъ истинной свободы. Разъ облагодѣтельствованный народъ будетъ на сторонѣ правительства, оппозиція дворянства легко могла бы быть приведена къ молчанію [1]).

Эта идея о демократической монархіи, отличная отъ теорій и Руссо, и Мабли, была гораздо старше послѣднихъ, такъ какъ сочиненіе д'Аржансона было написано еще въ тридцатыхъ годахъ XVIII в. и, что особенно любопытно, въ видѣ плана государственныхъ реформъ, составленнаго авторомъ для тогдашняго перваго министра, кардинала Флёри. Такое же происхожденіе проекта, предназначеннаго для высшей власти, имѣетъ и написанный для Людовика XVI мемуаръ, авторомъ котораго былъ экономистъ-физіократъ и въ то время министръ финансовъ Тюрго. Въ немъ тоже проводится идея о необходимости введенія во Франціи самоуправленія общинъ и областей взамѣнъ системы строгой бюрократической централизаціи [2]). Тюрго былъ, какъ и всѣ физіократы, сторонникомъ просвѣщеннаго абсолютизма. Онъ думалъ, что „равновѣсіе властей" можетъ сдѣлаться источникомъ еще бо́льшаго зла, нежели то, противъ котораго его хотятъ направить, но, вооружая короля всѣми „правами государства", онъ рекомендовалъ умѣренное пользованіе ими, ибо противное приводитъ къ тиранніи, и потому онъ хотѣлъ, чтобы власть прежде всего уважала личную свободу. „Правительства, по его собственнымъ словамъ, слишкомъ привыкли приносить счастье отдѣльныхъ лицъ въ жертву такъ называемымъ правамъ общества, забывая, что какъ-разъ оно само существуетъ для отдѣльныхъ лицъ". Для достиженія такимъ образомъ поставленной цѣли онъ считалъ совершенно достаточнымъ, если общество будетъ пользоваться правомъ свободнаго и громкаго заявленія своихъ желаній, рѣшать же всѣ дѣла будетъ правительство неограниченнаго монарха. До занятія министерской должности Тюрго нѣсколько лѣтъ пробылъ интендантомъ одной провинціи и, въ качествѣ ея правителя, облеченнаго большими правами, на опытѣ узналъ всѣ недостатки централизаціи. Зло

---

[1]) Теорія д'Аржансона — одно изъ проявленій идеи „просвѣщеннаго абсолютизма", соединеннаго съ мѣстнымъ самоуправленіемъ.

[2]) Отрывки изъ этого мемуара и изложеніе заключающагося въ немъ плана см. въ гл. XXXI третьяго тома „Исторія Западной Европы".

современной ему Франціи онъ видѣлъ въ разрозненности и пассивности общественныхъ силъ, отъ чего страшно страдали и все государство, и отдѣльныя мѣстности. Планъ Тюрго состоялъ въ учрежденіи въ отдѣльныхъ общинахъ, округахъ, провинціяхъ особыхъ, какъ онъ ихъ называлъ, муниципалитетовъ, т.-е. органовъ мѣстнаго самоуправленія для распредѣленія налоговъ, завѣдованія общественными работами и сооруженіями, помощи неимущимъ и ходатайствованія передъ высшею властью о мѣстныхъ нуждахъ. Лѣстница этихъ муниципалитетовъ должна была завершаться „великимъ" или „королевскимъ", „общимъ для всего королевства" муниципалитетомъ, „національнымъ собраніемъ", какъ его еще называлъ Тюрго, имѣя въ виду, однако, учрежденіе строго совѣщательнаго значенія и по дѣламъ лишь административнаго и хозяйственнаго характера. Министръ - реформаторъ ожидалъ отъ этой системы и лучшаго распредѣленія налоговъ, и болѣе вѣрнаго ознакомленія съ нуждами населенія, и болѣе совершеннаго удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ при помощи самихъ заинтересованныхъ, и болѣе тѣсной связи между правительствомъ и народомъ, и, наконецъ, развитія въ націи „общественнаго духа". Муниципалитеты низшихъ ступеней должны были выбирать депутатовъ въ муниципалитеты высшихъ (общинные въ окружные, окружные—въ провинціальные, провинціальные—въ королевскій), но это должно было быть представительствомъ одной только поземельной собственности въ согласіи съ физіократической теоріей, по которой только одно сельское хозяйство было занятіемъ производительнымъ и давало чистый доходъ [1]) Всѣ сословныя перегородки при этомъ, какъ и у д'Аржансона, уничтожались.

Извѣстно, что какъ этотъ планъ, такъ и другіе проекты и уже произведенныя реформы Тюрго не нашли осуществленія въ жизни, и черезъ десять съ небольшимъ лѣтъ послѣ отставки министра-реформатора во Франціи началась революція.

Послѣдніе годы царствованія Людовика XV и царствованіе Людовика XVI были вообще временемъ сильнаго развитія во Франціи оппозиціонной литературы, однимъ изъ органовъ ко-

[1]) Общинный муниципалитетъ долженъ былъ состоять изъ всѣхъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, причемъ 600 ливровъ (франковъ) дохода давали право на одинъ, голосъ, 1200—на два, 300—на полголоса и т. д.

торой была и знаменитая „Энциклопедія“, не выработавшая, впрочемъ, никакого опредѣленнаго политическаго ученія, хотя и дышавшая вообще „республиканскимъ духомъ“. Изъ сочиненій политическаго содержанія въ болѣе близкое къ революціи время особенно выдвигаются памфлеты Мирабо, которому пришлось играть первенствующую роль въ первые два года революціи. Человѣкъ, необыкновенно отзывчивый на событія дня, самъ много претерпѣвшій отъ царившаго въ странѣ произвола властей, онъ въ цѣломъ рядѣ сочиненій („Опытъ о деспотизмѣ“, „Опытъ о вѣротерпимости“, мемуаръ о lettres de cachet и др.) нападалъ на деспотизмъ и защищалъ свободу. Въ своихъ воззваніяхъ во время выборовъ въ генеральные штаты онъ указывалъ на необходимость реформъ, одно торжественное объявленіе которыхъ правительствомъ успокоило бы народъ, сильно опасаясь, что „правительство сегодня не дастъ того, что у него завтра исторгнутъ силой“. Это была вообще пора страшнаго развитія брошюрной прессы, въ которой особенно въ 1789 г. выдвинулась брошюра аббата Сійеса. „Что такое третье сословіе?“ (Qu' est ce que le tiers état? [1]), содержаніе которой резюмируется тремя вопросами съ тремя на нихъ отвѣтами: „Что такое третье сословіе?— Все.—Чѣмъ оно было до сихъ поръ? Ничѣмъ.—Чѣмъ оно желаетъ быть?—Быть чѣмъ-нибудь“. Тому же автору принадлежали „Опытъ о привилегіяхъ“ и „Признаніе и изложеніе правъ человѣка и гражданина“. Особую струю въ этой политической прессѣ представляетъ собою восторженное отношеніе къ только-что завершившейся американской революціи. Ее прославляли Рэйналь, Мабли, Мирабо, Бриссо, Кондорсе и др. Знаменитая декларація о независимости, изданная возставшими американцами въ 1776 г., и пенсильванская конституція, особенно проникнутая духомъ демократической свободы [2]), подали нѣсколькимъ французскимъ писателямъ поводъ поднять въ печати теоретическіе вопросы конституціоннаго устройства. Бриссо, написавшій въ 1788 г. книгу о своемъ путешествіи въ Америку (Nouveau voyage dans les États-Unis de l'Amérique), выражалъ надежду, что въ Европѣ послѣдуютъ образцамъ, даннымъ конституціями отдѣльныхъ американскихъ

[1]) Переиздана „Обществомъ французской революціи“, а русскій переводъ имѣется въ изданіи „Голоса“.

[2]) Ср. слѣд. главу.

штатовъ, хотя въ Америкѣ ему и высказывали сомнѣніе, чтобы Франція была достаточно подготовлена къ такой свободѣ, какою пользуются Америка и (въ меньшей степени) Англія. Кондорсе въ „Мысляхъ о деспотизмѣ“ (Pensées sur le despotisme), вышедшихъ въ свѣтъ уже послѣ того, какъ рѣшено было созвать генеральные штаты, проводилъ ту идею, что знакомство съ американскими учрежденіями должно помочь возрожденію Франціи, и совѣтовалъ начать съ декларацiи правъ человѣка, на которыхъ покоятся права націи. Нѣкоторые американцы, интересовавшіеся тѣмъ, что дѣлалось во Франціи, сами давали совѣты французамъ; это особенно относится къ одному изъ авторовъ декларацiи 1776 г., Джефферсону, бывшему посланникомъ въ Парижѣ и собиравшему въ своемъ домѣ всѣхъ видныхъ представителей французскаго американофильства.

Въ общемъ французская политическая литература второй половины XVIII в. противополагала „естественное право“, какъ нѣчто разумное и справедливое, и „права человѣка и гражданина“, какъ нѣчто, властно требующее своего осуществленія, всякому праву, основанному лишь на давности, на традиціи, на исторіи безъ какого бы то ни было раціональнаго и моральнаго оправданія. Въ родствѣ съ этою идеей естественнаго права находилась и идея „естественнаго порядка“ хозяйственной жизни, совершенно аналогичнымъ образомъ противополагавшагося всѣмъ унаслѣдованнымъ изъ прошлаго экономическимъ порядкамъ. Въ серединѣ XVIII в. во Франціи образовалась цѣлая школа, получившая названіе „физіократіи“ (la physiocratie), что значитъ „природовластіе“ или „господство, правленіе природы“, господство именно того „естественнаго порядка“, который былъ сродни естественному праву. Экономическое ученіе физіократовъ было реакціей противъ господствовавшаго раньше абсолютистическаго меркантилизма [1]). Меркантилисты полагали національное богатство въ деньгахъ, привлекаемыхъ въ страну торговлею, требовали поощренія государствомъ торговли и работающей на вывозъ обрабатывающей промышленности, выдвигали при этомъ на первый планъ интересы казны и во имя этихъ интересовъ устанавливали правительственную опеку надъ экономическою дѣятельностью населенія. Физіократія по всѣмъ этимъ пунк-

---

[1]) О немъ см. въ гл. XIV „Западно-европейской абсолютной монархіи“.

тамъ совершенно расходилась съ меркантилизмомъ. Богатство страны не въ деньгахъ, не въ благородныхъ металлахъ, а въ землѣ, въ силахъ природы, а потому не торговля и не обрабатывающая промышленность, но сельское хозяйство, т.-е. земледѣліе и скотоводство, одно даетъ „чистый доходъ", и производительнымъ классомъ (остальные „безплодные", stériles) могутъ быть названы только люди, стоящіе близко къ землѣ, работающіе на ней, именно—землевладѣльцы, фермеры, крестьяне, сельскіе рабочіе. Первое дѣло—богатство самой націи, самого общества, а богатство казны будетъ уже результатомъ народнаго благосостоянія: „бѣденъ мужикъ, бѣдно и королевство; бѣдно королевство, бѣденъ и король". Въ хозяйственной жизни страны не только главная роль должна принадлежать природѣ и ея силамъ, вложеннымъ въ землю, но и все должно проходить своимъ путемъ, „естественнымъ порядкомъ", который только ко вреду для общества можетъ нарушаться всякой опекой, регламентаціей, вмѣшательствомъ правительства. Представители абсолютизма, хотя бы и просвѣщеннаго, въ политической жизни, физіократы стояли за полнѣйшую экономическую свободу. Не изъ среды чистыхъ физіократовъ раздался лозунъ „laisser faire, laisser passer" (въ смыслѣ предоставленія свободы промышленности и торговли, „faire" и „passer"), но какъ нельзя болѣе именно къ ученію физіократовъ подходила эта формула, роднившая ихъ требованіе касательно свободы съ требованіями другихъ свободъ, каковы свобода вѣры, свобода мысли, свобода слова, свобода печати и т. п. „Природа" такимъ образомъ должна была, по ученію физіократовъ, „властвовать" и всѣми своими силами, вложенными въ землю, и своими законами, опредѣляющими естественный порядокъ хозяйственной жизни человѣка. Все, что препятствуетъ свободному дѣйствію этихъ силъ и проявленію этихъ законовъ, должно было поэтому быть отмѣнено, и надежду на эту отмѣну физіократы возлагали именно на „легальный деспотизмъ", на „экономическую монархію". Подлежали съ этой точки зрѣнія отмѣнѣ не только меркантилистическая политика самого государства съ его поощреніями торговли и промышленности, съ его ихъ регламентаціей, съ его системой опеки, но подлежали отмѣнѣ и всѣ препоны, какія ставились свободной дѣятельности человѣка установленіями стараго права, неразумнаго и несправедливаго, отрицавшаго за человѣкомъ свободу передвиженія, свободу выбора занятій, свободу

труда, свободу распоряженія своею собственностью, свободу земли.

Физіократы были именно врагами крѣпостничества, врагами монопольныхъ правъ цеховъ и ихъ внутренней регламентаціи, врагами феодальныхъ стѣсненій, лежавшихъ на земельной собственности, врагами, наконецъ, и сословныхъ привилегій. Въ ихъ глазахъ все это противорѣчило естественному праву и находилось въ вопіющемъ несоотвѣтствіи съ естественнымъ порядкомъ, одно свободное проявленіе котораго въ жизни можетъ создать общественное благополучіе. Въ ихъ пониманіи естественный порядокъ не исключалъ существованія въ обществѣ разныхъ классовъ, скорѣе даже оправдывалъ его потребностями національнаго производства, агрономическія же соображенія толкали ихъ на мысль о необходимости для Франціи перехода отъ мелкаго крестьянскаго хозяйства къ болѣе крупному фермерскаго типа на англійскій манеръ [1]).

Общественныя идеи XVIII в., политическія и экономическія, не могли не затронуть вопросовъ, касавшихся жизни трудящихся классовъ общества, т.-е. крестьянства и рабочаго сословія. Во Франціи передъ революціей были еще, хотя и въ очень ограниченномъ количествѣ, крѣпостные, и публицистика возвысила свой голосъ въ ихъ защиту. Особенно прославился на этомъ поприщѣ Вольтеръ своей агитаціей по поводу притѣсненія сервовъ монастыря св. Клавдія въ Юрѣ, но и онъ, представитель просвѣщеннаго абсолютизма, говорившій, что лишь тогда повѣритъ въ божественное право рыцарей, когда увидитъ, что они родятся со шпорами на ногахъ, а крестьяне съ сѣдлами на спинахъ, думалъ, что король не имѣетъ права освобождать частновладѣльческихъ крестьянъ. Даже Руссо находилъ, что нужно освобождать лишь тѣхъ крѣпостныхъ, которые заслужатъ этого хорошимъ поведеніемъ. Рѣшительнѣе въ этомъ отношеніи высказывалась физіократія, въ лицѣ Тюрго, другъ котораго Бонсерфъ въ своей брошюрѣ „О неудобствѣ феодальныхъ правъ“ (1776) изложилъ его идеи насчетъ ликвидаціи соціальнаго феодализма. Сущность плана Тюрго заключалось въ томъ, что крѣпостное состояніе и всѣ крестьянскія повинности, какія только

---

[1]) Главные физіократы: Кенэ, Мирабо-отецъ, Мерсье де-ла-Ривьеръ, Дюпонъ-де-Немуръ, Тюрго.

объясняются узурпаціей государственной власти или нарушеніемъ естественнаго права, должны были быть уничтожены безвозмездно, всѣ же другія повинности, объяснявшіяся по тогдашней юридической теоріи уступкою сеньерами земель крестьянамъ, должны были подлежать выкупу. Отстаивая свободу личности крестьянина и его земли отъ феодальныхъ правъ, физіократы были, однако, противниками мелкаго крестьянскаго хозяйства и, слѣдовательно, мелкаго землевладѣнія. Ихъ идеаломъ были большія фермы въ рукахъ „богатыхъ земледѣльцевъ", обрабатываемыя трудомъ наемныхъ батраковъ. Жалкое состояніе крестьянскихъ хозяйствъ въ тогдашней Франціи приводило ихъ къ этому выводу, при чемъ они имѣли въ виду Англію, гдѣ агрономическая техника при системѣ крупныхъ фермъ стояла неизмѣримо выше чуть все еще не средневѣковой сельскохозяйственной рутины, сохранившейся въ Франціи передъ революціей.

Въ области обрабатывающей промышленности физіократы явились рѣшительнѣйшими противниками цеховъ [1]), а Тюрго, будучи министромъ, сдѣлалъ-было даже попытку ихъ отмѣнить. Главные аргументы противъ цеховъ были въ ихъ привилегированности, въ стѣсненіи ими естественной свободы личнаго труда, въ рутинномъ затормаживаніи техническаго совершенствованія ремеслъ. Ревностные вообще защитники частной собственности, физіократы не останавливались передъ нарушеніемъ этого права, когда оно противорѣчило общественному интересу, и во имя послѣдняго они требовали уничтоженія цеховыхъ привилегій, составлявшихъ собственность мастеровъ, съ такою же послѣдовательностью, съ какою возставали противъ феодальныхъ правъ, бывшихъ собственностью сеньеровъ. Защита свободы труда сопровождалась у физіократовъ доказательствами одного тезиса, весьма близкаго къ ученію о „правѣ на трудъ" (le droit au travail), возникшему въ серединѣ XIX в. [2]). Въ эдиктѣ 1776 г., которымъ отмѣнялись цехи, Тюрго прямо употребилъ выраженіе „право работать" (droit de travailler), которое онъ вмѣстѣ съ тѣмъ объявлялъ „собственностью каждаго человѣка", притомъ „собственностью первою, самою священною и самою неотъемлемою

[1]) О цехахъ см. въ гл. XIII „Западно-европейской абсолютной монархіи".

[2]) См. ниже въ гл. XVII.

изъ всѣхъ". Онъ прямо выставлялъ въ видѣ общаго принципа требованіе, чтобы государство „особенно заботилось объ этомъ классѣ общества, у котораго нѣтъ иной собственности, кромѣ труда и ремесла" (industrie). Бонсерфъ, которому Тюрго внушилъ главную идею брошюры о феодальныхъ правахъ, въ другой брошюрѣ (De la nécessité et des moyens d'occuper avantageusement tous les gros ouvriers) проводилъ ту мысль, что каждый имѣетъ право на существованіе, соединенное съ обязанностью трудиться, и что общество должно помогать своимъ членамъ пользоваться этимъ правомъ и исполнять эту обязанность, разъ тѣ или другіе члены общества сами этого не могутъ сдѣлать.

Насколько политическія и соціальныя идеи французской публицистики XVIII в. получили распространеніе въ обществѣ, лучше всего о томъ свидѣтельствуютъ такъ называемые „cahiers des doléances", или наказы депутатамъ, составлявшіеся во время выборовъ въ генеральные штаты 1789 г. Среди нихъ нѣтъ ни одного, который выражалъ бы желаніе сохранить во Франціи абсолютизмъ. Наоборотъ, въ нихъ высказывается мысль о необходимости участія во власти самой націи, причемъ cahiers третьяго сословія очень часто приписываютъ націи верховную власть, а въ генеральныхъ штатахъ иногда видятъ какъ бы всю „націю въ сборѣ" (la nation assemblée) и называютъ ихъ національнымъ собраніемъ. Нѣкоторые наказы третьяго сословія прямо утверждали, что оно-то и есть сама нація. Передовые наказы, кромѣ того, высказывались за отмѣну сословныхъ привилегій, за выкупъ феодальныхъ правъ, вытекавшихъ изъ уступки земель, за безвозмездное уничтоженіе крѣпостного права и повинностей, имѣвшихъ въ немъ происхожденіе, и т. п. Въ подобныхъ же наказахъ мы читаемъ требованія вѣротерпимости и равенства всѣхъ исповѣданій передъ закономъ, неприкосновенности личности и имущества, уничтоженія произвольныхъ арестовъ и исключительныхъ судовъ, ненарушимости тайны частной переписки, свободы слова, свободы печати. Встрѣчаются и такіе, которые выражаютъ мысль о необходимости изданія деклараціи правъ человѣка и гражданина и говорятъ о задачѣ генеральныхъ штатовъ, какъ о задачѣ возродить націю путемъ пріобрѣтенія ею всей полноты естественныхъ правъ. Однимъ словомъ, въ отдѣльныхъ пожеланіяхъ наказовъ мы, то и дѣло, находимъ идеи Вольтера (напр., о вѣротерпимости),

Монтескье (въ частности о раздѣленіи властей, объ отвѣтственности министровъ и т. п.), Руссо (объ общественномъ договорѣ, о верховенствѣ націи и т. д.), Мабли, Тюрго (напр., объ отмѣнѣ феодальныхъ правъ) и другихъ писателей XVIII в. Это все были идеи, подъ знаменемъ которыхъ потомъ и совершилась безпримѣрная въ исторіи революція 1789 г. Въ этихъ идеяхъ и современники ея, и ближайшее потомство готовы были даже видѣть и самый источникъ революціи и утверждать поэтому, что революцію сдѣлала философія XVIII в. Въ настоящее время историческая наука отказывается отъ исключительно идеологическаго объясненія общественныхъ перемѣнъ, ища источника ихъ и въ самихъ условіяхъ и обстоятельствахъ жизни, вплоть до экономическаго состоянія общества, но это нисколько не умаляетъ роли идей въ созданіи новыхъ формъ и политической, и соціальной жизни. Когда сама эта жизнь потребовала коренной перестройки вслѣдствіе обнаружившейся внутренней несостоятельности стараго порядка и полнаго несоотвѣтствія его съ нуждами, стремленіями, желаніями и воззрѣніями общества, то началось созданіе новыхъ формъ, и въ этой творческой работѣ съиграли громадную, хотя и далеко не всегда успѣшную роль новыя идеи общественной философіи XVIII вѣка.

ГЛАВА VII.

Основаніе великой демократической республики въ Сѣверной Америкѣ.

Недемократичность европейскихъ республикъ въ средніе вѣка и въ новое время.—Занесеніе въ Сѣверную Америку англійскими эмигрантами XVII в. демократическихъ порядковъ.—Связь ихъ съ политическими ученіями первой англійской революціи. Устройство сѣверо-американскихъ колоній Англіи.—Причины ихъ возстанія.—Виргинская и другія декларацiи правъ.—Сѣверо-американская декларація независимости —Конституціи отдѣльныхъ штатовъ и конституція всего союза.—Вліяніе американской революціи на французскую 1789 года.

Первымъ государствомъ, въ которомъ нашли свое осуществленіе новыя политическія идеи, были образовавшіеся въ

послѣдней четверти XVIII в. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, гдѣ именно осуществилось многое изъ того, что въ Англіи въ эпоху первой революціи было только предметомъ стремленій, а въ дореволюціонной Франціи—лишь своего рода игрою ума. Сѣверо-Американскіе Штаты сдѣлалась первымъ по времени въ новомъ мірѣ демократическимъ государствомъ.

Античныя демократіи были, такъ сказать, разсчитаны только на государства очень малаго объема, на государства-города. Въ средніе вѣка тоже существовали городовыя республики, въ которыхъ равнымъ образомъ дѣлались демократическія попытки, не увѣнчивавшіяся, однако, успѣхомъ, а въ Италіи, въ частности, приводившія къ тиранніи. Вообще политическій бытъ средневѣковыхъ городовъ, сохранившихъ независимость и XVI—XVIII вв., былъ бытъ аристократическій, ибо власть въ этихъ городахъ-республикахъ принадлежала патриціату, землевладѣльческой и купеческой знати, одинаково угнетавшей какъ городское простонародье, такъ и сельское населеніе подвластныхъ городамъ округовъ. Особенно аристократическимъ характеромъ отличалась Венеціанская республика, владѣвшая довольно значительной для государства-города территоріей и даже игравшая въ XVI—XVII вв. видную роль въ международной политикѣ. Что рядомъ съ аристократизмомъ, въ Венеціи процвѣталъ крайній государственный гнетъ надъ обществомъ, тоже хорошо извѣстно. Недалеко отъ Венеціи въ обоихъ отношеніяхъ, т.-е. и въ аристократизмѣ, и въ отсутствіи внутренней свободы ушла и другая итальянская республика, соперничавшая съ Венеціей,—Генуя. Въ имперскихъ городахъ Германіи,—а ихъ было въ XVIII столѣтіи около полусотни,—власть тоже была въ рукахъ привилегированнаго бюргерства, равнымъ образомъ державшагося принциповъ полицейскаго государства. Кромѣ всѣхъ этихъ городовыхъ республикъ, въ Европѣ временъ стараго порядка были двѣ небольшія страны съ республиканскимъ федеративнымъ устройствомъ, Швейцарія, образовавшаяся въ XIV в., и Нидерландскіе Соединенные Штаты, возникшіе въ концѣ XVI в. изъ соединенія семи бывшихъ когда-то отдѣльными владѣніями княжествъ, но и въ этихъ обоихъ союзныхъ государствахъ, за очень немногими исключеніями [1]), господствовали олигархическіе порядки. Великая

---

[1]) Здѣсь имѣются въ виду крестьянскія демократіи такъ называемыхъ

заатлантическая республика, тоже федеративная, какъ и двѣ ея старшія сестры въ Европѣ, была первою, которая образовала въ новомъ мірѣ настоящее демократическое государство и притомъ на территоріи, во много разъ большей, чѣмъ представляли собою Швейцарія или Голландія. Что касается до внутренней свободы, то равнымъ образомъ нигдѣ раньше въ существовавшихъ въ то время свободныхъ государствахъ не была она осуществлена въ такой мѣрѣ, какъ опять-таки въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ, между прочимъ, впервые произошло отдѣленіе церкви отъ государства, какъ естественный результатъ полнаго принятія государствомъ принципа религіозной свободы.

Наблюдая за развитіемъ въ Сѣверной Америкѣ политической свободы въ демократическихъ формахъ и широкой свободы религіозной съ отдѣленіемъ церкви отъ государства, а также всѣхъ другихъ свободъ, мы невольно обращаемъ вниманіе на тотъ крупный фактъ, что въ американскихъ порядкахъ нашли свое осуществленіе многія идеи англійской политической литературы XVII в., а потомъ и литературы французской XVIII столѣтія. Французамъ наканунѣ ихъ великой революціи казалось даже, что американскіе колонисты Англіи, возставшіе противъ деспотизма своей метрополіи и провозгласившіе свою отъ нея независимость въ качествѣ самостоятельной союзной республики, положили въ основу устройства какъ отдѣльныхъ штатовъ, такъ и всей федераціи, именно тѣ самые отвлеченные принципы, которые развивала и проповѣдовала французская политическая литература XVIII в. На дѣлѣ, однако, было совсѣмъ не такъ. Въ сущности, не американскіе порядки слѣдовали во времени за французскими идеями, а какъ-разъ наоборотъ, первые были старше вторыхъ, потому что если уже говорить о вліяніи какихъ-либо идей на американскую жизнь, то это были идеи, которыя нашли свое выраженіе еще въ англійской публицистикѣ XVII в., коренились же въ воззрѣніяхъ и во всемъ складѣ жизни англійскихъ сектантовъ той эпохи. Настоящая колонизація новыхъ владѣній Англіи въ Сѣверной Америкѣ началась еще въ первые годы династіи Стюартовъ, и большую массу эмигрантовъ составляли всѣ, бѣжавшіе отъ религіозныхъ преслѣдо-

лѣсныхъ кантоновъ въ Швейцаріи и нѣкоторыя мѣстности въ Нидерландахъ, гдѣ былъ силенъ крестьянскій элементъ.

ваній, испытываемыхъ на родинѣ, всѣ недовольные царившими въ ней политическими порядками. Здѣсь, на совершенно дѣвственной почвѣ, вдалекѣ отъ королевской власти, утверждавшей въ метрополіи свой абсолютизмъ, въ странѣ, гдѣ не было ни старой аристократіи, ни установленной церкви, колонисты имѣли гораздо бо̀льшую возможность, чѣмъ на родинѣ, жить и устраивать жизнь по своимъ убѣжденіямъ— религіознымъ и политическимъ. Старые англійскіе законы и обычаи свободы и самоуправленія, которымъ деспотическія стремленія Стюартовъ грозили гибелью, пересаживаясь на новую почву, не только спасались отъ ожидавшей ихъ участи, но и очищались еще, такъ сказать, отъ разныхъ противорѣчившихъ ихъ принципамъ примѣсей, обобщались и развивались далѣе въ направленіи бо̀льшаго общественнаго равенства, бо̀льшей общественной свободы. Новыя стремленія, обнаружившіяся въ англійской націи въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ XVII в., не нашли почвы для себя въ метрополіи, но зато въ Сѣверной Америкѣ они прижились, вошли постепенно въ плоть и кровь вновь сложившейся разновидности англійской націи и дали блестящіе результаты. Когда французы конца XVIII в. съ восторгомъ смотрѣли на образованіе новаго государства, проводившаго въ жизнь идеи свободы и равенства, имъ и могло казаться, что источникъ новыхъ порядковъ былъ въ ихъ философіи естественнаго права. Они, конечно, не ошибались, когда констатировали родство сѣверо-американскаго государственнаго строя съ принципами французской политической теоріи, но глубоко заблуждались, когда думали, что англійскіе колонисты Сѣверной Америки уже не съ самаго начала осуществляли въ своей жизни и свободу, и равенство, а только нашли ихъ въ книгахъ и сразу и вновь стали вводить ихъ въ жизнь.

И отношеніе сѣверо-американскихъ порядковъ къ еще болѣе родственной имъ англійской политической литературѣ нужно понимать не иначе. И эти порядки, и эта литература были одинаково порожденіемъ однихъ и тѣхъ же воззрѣній, однихъ и тѣхъ же стремленій, возникшихъ въ жизни извѣстныхъ общественныхъ группъ и выражавшихъ господствовавшія въ нихъ настроенія. Политическая литература только выясняла эти настроенія, воззрѣнія и стремленія, придумывала для нихъ извѣстное обоснованіе, формулировала вытекавшія изъ нихъ требованія, и отнюдь не по ея рецептамъ, а своею собствен-

ною силою и изъ самихъ себя свободолюбіе переселенцевъ, то пониманіе вопросовъ политики и религіи, какое у нихъ сложилось въ головахъ, тѣ задачи, разрѣшеніе которыхъ они себѣ ставили,—дали, благодаря благопріятнымъ условіямъ, въ результатѣ и соотвѣтственные жизненные порядки. На родинѣ переселенцевъ новыя настроенія, воззрѣнія и стремленія, породившія богатую политическую литературу, были все-таки явленіями болѣе или менѣе исключительными, и когда сила движенія изсякла, то вмѣстѣ съ реставраціей Стюартовъ возобладали болѣе традиціонныя настроенія, воззрѣнія и стремленія большинства націи, представлявшія собою опору для всѣхъ тѣхъ консервативныхъ силъ общества, противъ которыхъ совершалось новое движеніе и которыя были поэтому принципіальными его врагами. На новой почвѣ, въ Америкѣ, не было ни короля, ни установленной церкви, ни феодальной знати, не было, значитъ, и преградъ, съ которыми пришлось бы бороться за свободу и равенство, и не было той традиціонно и консервативно настроенной національной массы, которая, хотя бы только инертностью и пассивностью своею, мѣшала осуществленію новыхъ стремленій. То, что въ метрополіи оставалось простою теоріей, скоро притомъ утратившею свою силу надъ умами, въ колоніяхъ сдѣлалось практикою, т.-е. и народовластіе, и политическое равенство, и отдѣленіе церкви отъ государства, и раздѣленіе властей. Не будь указанныхъ условій, дѣло, конечно, пошло бы не такъ гладко: примѣръ противнаго—Франція, гдѣ, дѣйствительно, перестройка всей жизни была предпринята на основаніи началъ, существовавшихъ только въ теоріи, и притомъ такой теоріи, которой кореннымъ образомъ противорѣчили всѣ унаслѣдованные отъ прежней исторіи порядки, всѣ окрѣпшія въ эпоху абсолютной монархіи традиціи, всѣ вошедшія въ плоть и кровь націи и сдѣлавшіяся ея второю натурою привычки.

Съ самаго же начала своего существованія тѣ демократическіе порядки, которые завелись въ англійскихъ колоніяхъ, во многихъ отношеніяхъ находились въ противорѣчіи съ порядками, господствовавшими въ самой метрополіи, но долгое время колонисты не сознавали этого противорѣчія и смотрѣли на свои поселенія, какъ на одну изъ составныхъ частей королевства, на себя—какъ на вѣрноподданныхъ англійскаго короля. Въ своихъ правахъ и вольностяхъ, общихъ всей англійской націи и сохранявшихъ свою силу за океаномъ, они ви-

дѣли не что иное, какъ права и привилегіи, принадлежащія имъ, какъ именно прирожденнымъ англичанамъ, тѣмъ болѣе, что и колоніальныя хартіи англійскихъ королей утверждали равноправіе переселенцевъ и ихъ потомковъ со всѣми остальными англійскими подданными. Однако, съ другой стороны, колонисты къ этой старой основѣ своего быта должны были прибавить и нѣкоторыя новыя, бывшія результатомъ самаго факта основанія новыхъ общинъ и притомъ изъ людей, принадлежавшихъ къ разнымъ вѣрамъ. Воспроизводя въ своихъ мѣстныхъ законахъ принципы старыхъ англійскихъ вольностей, вмѣстѣ съ тѣмъ они пріучались смотрѣть на самое установленіе этихъ законовъ, какъ на результатъ договоровъ между собою, а не съ королемъ, и изымать изъ области вѣдѣнія этихъ законовъ дѣла вѣры, въ Англіи подлежавшія компетенціи парламента. Въ жизни водворялись новые порядки, а съ ними и новыя понятія, заключавшіяся во взглядѣ на существующія права, не какъ на дарованныя какими бы то ни было людьми, а какъ на идущія отъ самого Бога и отъ природы. За десять лѣтъ до начала американской революціи, т.-е. въ 1764 г. нѣкто Джемсъ Отисъ издалъ сочиненіе „Права британскихъ колоній“ (The rights of the british colonies), гдѣ доказывалъ, что есть права, которыя никакое лицо и никакое собраніе, не исключая и парламента, не могутъ уничтожить, не нарушая справедливости и не выходя изъ предѣловъ своей компетенціи. Парламентъ, пожалуй, когда-нибудь отмѣнитъ всѣ колоніальныя грамоты, но этимъ онъ отнюдь не уничтожитъ права отдѣльныхъ колонистовъ, какъ людей и гражданъ, полученныя ими отъ самой природы и совершенно отъ нихъ потому неотдѣляемыя. Законодательная власть, по мнѣнію Отиса, имѣетъ свои границы, „установленныя закономъ Божіимъ и законами природы для каждаго государства и при какой бы то ни было формѣ правленія“. На трактатѣ Отиса сказалось вліяніе Локка, но вмѣстѣ съ тѣмъ на немъ отразилось и то политическое міросозерцаніе, которое подъ вліяніемъ особыхъ историческихъ условій выработалось и въ самомъ американскомъ обществѣ.

Англійскіе колонисты, основывая свои поселенія, дѣйствительно, заключали между собою договоры относительно тѣхъ началъ, на которыхъ должна была устраиваться ихъ политическая и религіозная жизнь. Въ 1620 г. сорокъ съ небольшимъ эмигрантовъ, бывшихъ основателями Нью-Плимута, всѣ

сектанты, вынужденные покинуть родину, подписали еще на кораблѣ особый актъ объ образованіи гражданскаго союза во славу Божію и въ честь короля и отечества, съ тѣмъ чтобы ради добраго порядка и достиженія своихъ цѣлей члены союза издавали законы, выбирали должностныхъ лицъ и подчинялись ихъ управленію. Это былъ одинъ изъ первыхъ, если не прямо первый переселенческій договоръ подобнаго рода, и въ нихъ иногда прямо оговаривалось, что колонисты будутъ повиноваться изданнымъ ими самими по большинству голосовъ законамъ лишь въ дѣлахъ гражданскихъ, отнюдь не въ дѣлахъ вѣры, которая должна оставаться свободною. Само англійское правительство, которое у себя въ метрополіи боялось религіозной свободы, тамъ, въ отдаленныхъ колоніяхъ, наоборотъ, на нее соглашалось, лишь бы люди жили мирно между собою. Только позднѣе по аналогіи, такъ сказать, со свободою совѣсти созданы были и другія прирожденныя, неотчуждаемыя и священныя права личности, которыя потомъ и начали устанавливаться законодательнымъ путемъ, такъ что настоящій источникъ законодательнаго установленія индивидуальной свободы былъ религіозный, а не чисто политическій, какъ можно было бы подумать, имѣя въ виду только политическую философію XVIII в. и революціонную декларацію правъ человѣка и гражданина.

Чѣмъ ближе мы подходимъ къ эпохѣ разрыва американскихъ колоній со своей метрополіей, тѣмъ все болѣе и болѣе даетъ себя знать это отличное отъ старыхъ англійскихъ традицій политическое міросозерцаніе. Въ 1772 г., наприм., почти наканунѣ этого разрыва, собраніе бостонскихъ гражданъ приняло декларацію правъ колонистовъ, какъ людей, христіанъ и гражданъ. Въ этомъ документѣ мы имѣемъ дѣло уже съ цѣлою, такъ сказать, теоріею, исходнымъ пунктомъ которой является ученіе Локка, а конечный выводъ сводится къ тому, что, вступая въ государство лишь по добровольному соглашенію, люди тѣмъ самымъ уже пользуются правомъ опредѣлять условія этого договора, включая въ него и извѣстныя ограниченія государственной власти и сохраняя за собою также право слѣдить за тѣмъ, какъ эти ограниченія будутъ властью соблюдаться. Какъ люди, бостонцы приписывали себѣ права личной свободы и собственности, какъ христіане — свободу совѣсти, какъ граждане—всѣ тѣ вольности, которыя подтверждены великой хартіей и декларацiей 1689 г.

Еще болѣе отошло отъ англійской традиціи политическое міросозерцаніе Томаса Пэна въ его знаменитомъ, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1776 г. памфлетѣ подъ заглавіемъ „Здравый смыслъ“ [1]). Вникая въ одномъ мѣстѣ въ то, что онъ называетъ „основными устоями англійской конституціи“, Пэнъ заявляетъ, что „эти устои не болѣе, какъ только остатки двухъ древнихъ формъ тираннической власти вмѣстѣ съ нѣкоторой долей новыхъ республиканскихъ элементовъ“. Именно, говоритъ онъ, остатки, во-первыхъ, монархической тиранніи продолжаютъ существовать въ лицѣ короля, а во-вторыхъ, остатки тиранніи аристократовъ—въ лицѣ пэровъ. Что же касается республиканскихъ элементовъ, то ихъ Пэнъ видѣлъ въ лицѣ членовъ палаты общинъ, „отъ добропорядочности которыхъ, говоритъ онъ, и зависитъ въ сущности свобода Англіи“. „Король и пэры, пользуясь своими правами по наслѣдству, не зависятъ отъ народа, а потому въ конституціонномъ смыслѣ нисколько не содѣйствуютъ народной свободѣ“. За этимъ заявленіемъ слѣдуетъ рѣзкая критика англійской конституціи, въ которой авторъ не скупится на такія выраженія, какъ „вздоръ“, „безсмыслица“, „абсурдъ“ и т. п.

Каждая англійская колонія обладала широкой политической свободой, принимавшей иногда такой характеръ, что можно прямо говорить о существованіи у нѣкоторыхъ колоній (Коннектикута и Родъ-Айленда) чисто республиканской автономіи. Во главѣ колоніи находился англійскій губернаторъ, какъ представитель центральной власти, и почти вездѣ было по два законодательныхъ собранія, своего рода маленькіе двухпалатные парламенты: функція верхней палаты принадлежала „исполнительному совѣту“ при губернаторѣ, назначавшемъ его членовъ, роль нижней — играли представительныя собранія, называвшіяся въ отдѣльныхъ колоніяхъ различно, при чемъ правомъ посылать представителей пользовались люди, обладавшіе небольшимъ имущественнымъ цензомъ (въ южныхъ колоніяхъ непремѣнно поземельнымъ), обстоятельство, не особенно отражавшееся на демократичности учрежденія въ виду обилія и дешевизны земель. Въ большемъ противорѣчіи съ основнымъ характеромъ американскихъ порядковъ было суще-

---

[1]) Common sense, изъ котораго большое извлеченіе составляетъ главу XVI книги *П. Г. Мижуева* „Великій расколъ англо-саксонской расы“, стр. 118—138.

ствовавшее въ южныхъ колоніяхъ рабство негровъ. Исторія взаимныхъ отношеній между обѣими этими палатами сводится къ тому, что нижнія съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе получали перевѣсъ надъ верхними, особенно благодаря тому, что постепенно къ нимъ перешелъ главный контроль надъ мѣстными финансами и вообще исключительное право рѣшенія вопросовъ, касающихся расходованія собираемыхъ съ народа денегъ. Судейская независимость ограждалась пожизненностью занятія судебныхъ должностей по губернаторскому, правда, назначенію. Что касается до личной неприкосновенности и разныхъ свободъ, то и на колоніи распространялось дѣйствіе habeas-corpus-act'a, и въ нихъ былъ судъ присяжныхъ. О религіозной свободѣ рѣчь уже шла, но сверхъ того колонисты пользовались свободой печати, собраній и союзовъ и даже въ гораздо большей степени, чѣмъ въ самой Англіи. Центральное правительство мало вмѣшивалось во внутреннія дѣла этихъ самоуправляющихся областей съ ихъ привыкшимъ къ свободной жизни населеніемъ и не требовало отъ нихъ никакихъ матеріальныхъ средствъ на свои надобности. Только въ области промышленныхъ и торговыхъ интересовъ существовали нѣкоторыя узаконенія, имѣвшія въ виду преимущественныя выгоды метрополіи и тѣмъ причиняли ущербъ колоніямъ, хотя и тутъ приходится отмѣтить, что очень часто колонисты умѣли обходить невыгодныя для нихъ постановленія, и что центральное правительство въ большинствѣ случаевъ считало нужнымъ мириться съ отступленіями отъ закона. Притомъ это единственное для колоній неудобство, вытекавшее отъ связи съ Англіей, окупалось тѣмъ, что послѣдняя своимъ сильнымъ флотомъ охраняла ихъ береговую линію отъ иностраннаго нападенія.

Эти хорошія отношенія стали портиться послѣ того, какъ съ переходомъ, по парижскому миру 1763 г., Канады отъ Франціи къ Англіи была устранена опасность французскаго нападенія на колоніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ англійское правительство для покрытія тяжелыхъ издержекъ на войну съ Франціей стало требовать и отъ колонистовъ участія въ общихъ государственныхъ расходахъ. Извѣстно, что именно на этой почвѣ и произошелъ конфликтъ между метрополіей и колоніями, приведшій къ возстанію послѣднихъ и отложенію ихъ отъ метрополіи для образованія самостоятельной политической федераціи. Едва въ Америкѣ распространилась вѣсть о намѣреніи правительства

обложить особымъ гербовымъ сборомъ разные дѣловые документы, какъ въ населеніи и въ законодательныхъ палатахъ колоній стали раздаваться протестующіе голоса, ссылавшіеся на англійскій же правовой принципъ, по которому установленіе налоговъ можетъ быть совершаемо только представителями ихъ плательщиковъ. Когда намѣреніе это приняло законодательную форму (1765), волненіе въ Америкѣ только усилилось, и первымъ протестовало противъ нововведенія законодательное собраніе Виргиніи, объявившее новый законъ узурпаціей права, принадлежащаго лишь этому собранію, и попыткою уничтожить какъ британскую, такъ и американскую свободу. Вслѣдъ за этимъ съѣздъ делегатовъ отъ отдѣльныхъ колоній въ Нью-Іоркѣ составилъ особую „декларацію правъ колонистовъ и причинъ ихъ неудовольствій“ съ протестомъ противъ нарушенія вольностей колонистовъ.

Разсказъ о самыхъ событіяхъ этой эпохи не входитъ въ планъ нашего изложенія, и намъ достаточно лишь остановиться на выясненіи истиннаго характера американской революціи.

Въ Европѣ съ самаго начала американской революціи стало складываться такое мнѣніе, будто революція эта была вызвана страшнымъ угнетеніемъ колоній со стороны ихъ метрополіи, приведшимъ къ стихійному взрыву во всей малодой націи будущихъ Соединенныхъ Штатовъ. Изъ предыдущаго изложенія явствуетъ вся ошибочность подобнаго взгляда, потому что на самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли, англійскіе колонисты въ Сѣверной Америкѣ пользовались, наоборотъ, въ своей внутренней жизни величайшею свободою, какая только гдѣ-либо существовала въ это время, во многихъ отношеніяхъ даже болѣе широкою, чѣмъ та, которая характеризируетъ внутреннія отношенія самой Англіи. Въ исторической наукѣ сдѣлалось прямо общимъ мѣстомъ сравненіе между американской и французской революціями, изъ которыхъ первая началась во имя защиты уже имѣвшихся вольностей отъ малѣйшаго ихъ нарушенія, тогда какъ вторая началась именно для завоеванія вольностей націей, бывшей до того времени подъ угнетавшею ее опекою абсолютизма. Въ сущности разрывъ колоній съ метрополіей былъ вызванъ желаніемъ первыхъ не поступаться основнымъ принципомъ политической свободы, въ силу котораго, по мнѣнію американцевъ, англійскій парламентъ не имѣлъ ни малѣйшаго права облагать колоніи хотя бы самыми мелкими на-

логами, разъ въ немъ не было представителей отъ колоній и разъ такимъ образомъ на это обложеніе со стороны самихъ колонистовъ не было дано согласія. Иначе говоря, американцы начали свою революцію не послѣ того, какъ лишились самыхъ послѣднихъ вольностей свободнаго народа, а послѣ того, какъ на политическомъ горизонтѣ появились первые признаки возможной опасности утратить прежнюю свободу. Эта мысль особенно въ настоящее время подчеркивается самими американскими историками, настойчиво указывающими на то, что настоящимъ оправданіемъ революціи является не списокъ правонарушеній, совершенныхъ англійскимъ правительствомъ, какой мы находимъ въ декларацiи независимости, а въ томъ, что американцы отстаивали то же самое, что отстаивалось и тогдашней оппозиціей въ самомъ англійскомъ парламентѣ противъ попытокъ къ захвату произвольной власти со стороны Георга III и его реакціонныхъ министровъ. Вмѣстѣ съ этимъ отстаиваніемъ уже существовавшихъ вольностей американцы защищали и свои матеріальные интересы, такъ какъ ихъ торговля, все болѣе и болѣе развивавшаяся, подвергалась разнымъ стѣсненіямъ, цѣль которыхъ заключалась въ огражденіи своекорыстныхъ выгодъ промышленно-торговаго класса въ метрополіи.

Не слѣдуетъ, съ другой стороны, представлять себѣ дѣло такъ, будто американская революція была настоящимъ стихійнымъ взрывомъ, сразу охватившимъ всю націю, подобно тому, какъ это было позднѣе, въ 1789 г., во Франціи. Наоборотъ, узы были сброшены не сразу, и американскимъ колонистамъ не такъ-то было легко порвать свои связи съ страною, съ которою они были соединены столькими культурными, экономическими и политическими отношеніями, созданными самою исторіею. Разрывъ съ метрополіей подготовлялся исподволь за цѣлый рядъ лѣтъ, и все это время въ колоніяхъ существовало весьма значительное теченіе въ пользу полюбовнаго улаженія возникшихъ споровъ для сохраненія старыхъ связей, теченіе, имѣвшее довольно многочисленныхъ представителей въ населеніи, которые не теряли надежды на возможность какого-либо соглашенія даже послѣ того, какъ разрывъ сдѣлался фактомъ, получившимъ и формальное признаніе въ знаменитой декларацiи независимости. Это были такъ называемые „лойялисты“ (loyalists), защищавшіе путь компромиссовъ съ метрополіей въ прессѣ и даже иногда прямо становившіеся на сто-

рону Англіи во время возстанія, иначе „торіи“, какъ ихъ обозначали еще ихъ противники [1]). Нерѣдко они прямо указывали на то, что колоніи вовсе не находятся въ порабощеніи, которое оправдывало бы возстаніе. „Вѣдь признаки униженнаго рабскаго состоянія народовъ,—говорилось, наприм., въ одномъ „торійскомъ“ памфлетѣ,—дѣйствительно находящихся въ такомъ положеніи, столь же очевидны, такъ же всѣмъ бросаются въ глаза, какъ слѣды войны, чумы и голода. Мы не ходимъ въ деревянныхъ башмакахъ (сабо̀), какъ жалкіе крестьяне Франціи, нашъ народъ не похожъ на одичалое населеніе Польши. Гдѣ у насъ пытки, инквизиція? Кого у насъ безнаказанно мучатъ или убиваютъ? Всѣмъ, наоборотъ, извѣстна мягкость нашего уголовнаго законодательства. Кто у насъ былъ когда-нибудь по произволу заключенъ въ тюрьму, лишенъ имѣнія или какого-либо имущества вообще? И вообще, развѣ вы не наслаждаетесь всѣми благами жизни, какія можетъ доставить гражданину благоустроенное государство?“ Лойялисты желали только, чтобы были выработаны какія-нибудь границы для компетенціи парламента и какія-либо мѣры для предотвращенія возможныхъ съ его стороны злоупотребленій. Англійское правительство само сдѣлало невозможнымъ примиреніе, и лишь среди членовъ тогдашней оппозиціи были люди, указывавшіе на справедливость дѣла американскихъ колонистовъ.

Во все время конфликта происходили въ колоніяхъ собранія и съѣзды уполномоченныхъ, въ которыхъ колонисты совѣщались о событіяхъ дня, принимали тѣ или другія рѣшенія и между прочимъ составляли декларацiи, выражавшія взгляды и настроенія, желанія и стремленія большинства населенія въ разные моменты этого конфликта. Выше уже была указана одна такая декларація 1765 г. [2]). Въ ней колонисты стоятъ еще на вѣрноподданнической точкѣ зрѣнія по отношенію къ королю и ссылаются на свои права, какъ главнымъ образомъ британскихъ подданныхъ, но въ послѣдующихъ декларацiяхъ все болѣе и болѣе выдвигается на первый планъ точка зрѣнія политической независимости во имя принциповъ естественнаго права. Вторая декларація правъ колонистовъ, со-

---

[1]) Сторонники разрыва у лойялистовъ, наоборотъ, обозначались, какъ „виги“.

[2]) См. стр. 136. Переводъ ея составляетъ первое приложеніе къ книгѣ *П. Г. Мижуева* „Великій расколъ англо-саксонской расы“ стр. 230—233.

ставленная въ 1774 г. была уже протестомъ противъ „систематическаго стремленія Англіи поработить (enslave) Америку“ и ставила болѣе рѣшительныя требованія. Но особенно важны декларацiи, составлявшіяся въ отдѣльныхъ колоніяхъ, потому что въ нихъ мы находимъ уже прямую формулировку чисто американскихъ политическихъ принциповъ безъ ссылокъ на старые англійскіе законы. Особенно въ этомъ отношеніи замѣчательна декларація, принятая въ іюнѣ 1776 г. Виргиніей и включенная въ составъ ея новой конституціи. Виргинская декларація правъ, которыя, какъ сказано въ ея заголовкѣ, были „должны навсегда служить для населенія колоніи и ея потомства основой организаціи правительственной власти“, какъ документъ, заслуживающій величайшаго вниманія, должна быть здѣсь передана съ наибольшею полнотою [1]). Въ декларацiи 16 параграфовъ, которые далѣе приводятся или полностью и дословно, или съ сокращеніями и въ пересказѣ.

1, „Всѣ люди отъ природы одинаково свободны и независимы и имѣютъ извѣстныя прирожденныя права, каковыхъ они, вступая между собою въ какое-либо соглашеніе для образованія общества, не могутъ никоимъ образомъ лишить своего потомства“. Это—права на жизнь, свободу, безопасность, собственность и счастье.

2. „Народъ есть верховный обладатель всякой власти... Лица, располагающія правительственной властью во всѣхъ ея формахъ, представляютъ собою довѣренныхъ лицъ и слугъ народа и всегда могутъ быть призваны народомъ къ отвѣту“.

3. Правительство должно существовать только для общаго блага, и наилучшая его форма та, „которая вѣрнѣе всего обезпечиваетъ народное счастье и безопасность и которая представляетъ наиболѣе гарантій противъ дурного управленія“, причемъ „большинство народа имѣетъ несомнѣнное, неотъемлемое и безспорное право реформировать, измѣнить и даже отмѣнить правительство“ въ случаѣ его несоотвѣтствія указанной цѣли.

4. „Ни одинъ человѣкъ и ни одна группа лицъ не имѣютъ права на какія-либо преимущества или привилегіи, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда таковыя получаются въ награду за общественныя заслуги; такъ какъ, однако, заслуги не могутъ переда-

---

[1]) Пользуюсь русскимъ переводомъ декларацiи въ книгѣ *П. Г. Мижуева* „Великій расколъ англо-саксонской расы“, стр. 100—104.

ваться потомству, то не могутъ передаваться потомству и какія-либо должности—административныя, судебныя и законодательныя".

5. „Законодательная, исполнительная и судебная власти должны быть раздѣлены", для удержанія же должностныхъ лицъ „отъ всякихъ попытокъ притѣснять народъ" надлежитъ облекать ихъ властью лишь на опредѣленные промежутки времени.

6. „Всѣ выборы должны быть свободны, и всѣ лица, относительно которыхъ можно съ очевидностью считать, что они имѣютъ прочные общіе интересы и прочную связь съ общиной, должны имѣть право голоса. Они не могутъ быть облагаемы налогами, какъ и не могутъ быть лишаемы той или другой части своего достоянія на общественныя нужды, безъ ихъ на то согласія, даннаго лично или черезъ посредство избранныхъ ими представителей. Равнымъ образомъ эти лица не могутъ быть обязываемы къ повиновенію законамъ, на которые они не дали указаннымъ способомъ своего согласія".

Статья 7 объявляетъ посягательствомъ на народныя права всякое произвольное распоряженіе, отмѣняющее или пріостанавливающее какой-либо законъ, а статьи 8—11 заключаютъ въ себѣ гарантіи личной и жилищной неприкосновенности, равно какъ правильности и справедливости судебныхъ разбирательствъ и спеціальную рекоменданцію „стариннаго суда двѣнадцати присяжныхъ", который „долженъ считаться священнымъ правомъ человѣка".

12. „Свобода печати есть одинъ изъ величайшихъ устоевъ свободы политической, почему всякое ограниченіе печати слѣдуетъ считать актомъ тиранніи".

13. „Наиболѣе подходящей, естественной и надежной опорой свободнаго государства" является народная милиція, а потому „слѣдуетъ избѣгать содержанія постоянной арміи въ мирное время въ виду представляемой ею опасности для народной свободы". Необходимо всегда подчинять военную власть гражданской.

14. „Все населеніе той или другой страны (отдѣльныхъ областей штата) должно въ отношеніи политическомъ имѣть одинаковыя права и подлежать вѣдѣнію общихъ властей".

15. Для наслажденія благами свободы нужно „твердо держаться принциповъ справедливости, умѣренности, простоты и добродѣтели".

16. „Религія, обязанности наши къ Творцу и способы выполненія этихъ обязанностей суть дѣла разума и убѣжденія, а не силы или насилія, а посему всѣ люди имѣютъ одинаковое право исполнять свои религіозныя обязанности согласно указаніямъ своей совѣсти. Въ то же время всѣ должны помнить свой долгъ относиться другъ къ другу съ христіанской терпимостью, любовью и милосердіемъ".

Кромѣ виргинской конституціи, введеніемъ къ которой служилъ этотъ „билль о правахъ", подобныя же торжественныя декларацiи въ томъ же 1776 г. были включены въ конституціи Пенсильваніи, Мэриленда, Делавера и Сѣверной Каролины, въ слѣдующемъ году—въ конституцію Вермонта, въ 1780—въ конституцію Массачусетса, въ 1783—въ конституцію Нью-Гэмпшира. Общій характеръ всѣхъ этихъ декларацій, болѣе или менѣе совпадающихъ съ виргинской, но иногда ее и дополняющихъ [1]), таковъ, что высказанныя въ нихъ положенія признаются стоящими выше обыкновеннаго законодательства. „Американскіе bills of rights, говоритъ о нихъ одинъ изслѣдователь [2]), не только стремятся установить извѣстныя основы государственнаго строя, но прежде всего они хотятъ провести демаркаціонную линію между государствомъ и индивидуумомъ. Согласно этимъ декларацiямъ, индивидуумъ не становится субъектомъ правъ только благодаря государству; онъ по самой природѣ своей имѣетъ неотчуждаемыя, неприкосновенныя права". Такого рода принципъ не могъ быть заимствованъ американцами изъ англійскаго права, которое все основано на „древнихъ правахъ и вольностяхъ" и притомъ не человѣка вообще, а именно англійскаго подданнаго. Настоящій идейный источникъ американскихъ декларацій заключался въ индепендентскомъ индивидуализмѣ XVII вѣка [3]), относившемъ свободу совѣсти къ числу прирожденныхъ правъ личности и потому изымавшемъ дѣла вѣры изъ компетенціи законодательной власти.

Въ сравненіи съ виргинской и другими ей подобными декларацiями отдѣльныхъ штатовъ общая декларація независимости, принятая конгресомъ 4 іюля 1776 г. (день возникно-

---

[1]) Пенсильванская декларація признаетъ права собраній, петицій и эмиграціи, которыхъ виргинская не знаетъ.

[2]) *Еллинекъ*. Декларація правъ человѣка и гражданина (М. 1905), стр. 38. Ср. то, что объ этой книгѣ говорится ниже, въ главѣ IX.

[3]) См. выше, стр. 89—90.

венія новаго свободнаго государства), представляется намъ менѣе содержательной въ идейномъ отношеніи, такъ какъ она говоритъ объ основныхъ, неотъемлемыхъ правахъ человѣка лишь въ видѣ мотивировки тѣхъ обвиненій противъ англійскаго короля, изъ которыхъ и состоитъ главнымъ образомъ вся эта декларація.

Декларація независимости [1]) заключаетъ въ себѣ именно оправданіе передъ „человѣчествомъ" разрыва колоній съ ихъ метрополіей путемъ объясненія причинъ, побудившихъ колоніи совершить такой шагъ. „Слѣдующія истины, говорится въ этомъ документѣ, мы считаемъ самоочевидными. Всѣ люди рождаются равными, всѣ они одарены Творцомъ нѣкоторыми неотъемлемыми правами, къ числу которыхъ относится право на жизнь, свободу и на стремленіе (или добываніе) къ счастью. Правительство существуетъ для того, чтобы болѣе вѣрно обезпечивать людямъ осуществленіе этихъ правъ, причемъ справедливость требуетъ, чтобы авторитетъ правительства имѣлъ въ основѣ согласіе народа. Когда же правительство является помѣхой для достиженія указанныхъ выше цѣлей, народу принадлежитъ право измѣнить форму правительства или даже вовсе его уничтожить и учредить, вмѣсто него, новое правительство, положивъ въ основу его такіе принципы и придавъ ему такую форму, которые наиболѣе обезпечивали бы безопасность и благоденствіе народа". За этимъ краткимъ изложеніемъ самыхъ общихъ началъ народнаго права идетъ указаніе на то, что изъ-за пустыхъ и преходящихъ причинъ люди обыкновенно не ломаютъ вѣками установившихся порядковъ, но что разъ „длинный рядъ злоупотребленій и правонарушеній, преслѣдующихъ одну и ту же цѣль, обнаруживаетъ желаніе правительства захватить чисто деспотическую власть, народу принадлежитъ право, можно даже сказать, народъ обязанъ — низвергнуть такое правительство, для замѣны его такимъ, при которомъ было бы больше гарантій въ невозможности дальнѣйшаго повторенія злоупотребленій". Американскіе колонисты именно считали себя находящимися какъ-разъ въ такомъ положеніи, въ доказательство чего декларація и перечисляла всѣ попытки Георга III „нанести ущербъ американскимъ колоніямъ и захватить власть, принадлежащую по праву самимъ колонистамъ",—попытки, какъ сказано далѣе

---

[1]) См. русскій переводъ въ „Великомъ расходѣ англо-саксонской расы", стр. 149—154.

въ декларацiи, „имѣющiя прямою и очевидною цѣлью установленiе абсолютной тираннiи надъ здѣшними государствами“, т.-е. отдѣльными штатами. Длинный списокъ всѣхъ провинностей царствовавшаго въ то время въ Англiи государя долженъ былъ убѣдить весь цивилизованный мiръ въ томъ, что, „начавъ войну съ колонiями, англiйскiй король тѣмъ самымъ отказался (abdicated), отъ всякой верховной надъ ними власти“, и что вообще, какъ человѣкъ, „обличающiй во всѣхъ своихъ дѣйствiяхъ свойства тиранна, онъ недостоенъ быть правителемъ свободнаго народа“. Рядомъ съ этимъ колонисты жаловались на своихъ „англiйскихъ братьевъ“, остававшихся „глухими къ голосу справедливости и къ родственнымъ чувствамъ“. Въ виду всего изложеннаго, въ заключительной части декларацiи „представители Соединенныхъ Штатовъ Америки, собравшись на общiй конгрессъ и призывая въ свидѣтели правоты своихъ намѣренiй Верховнаго Судью вселенной, отъ имени американскаго народа и въ силу дарованной имъ народомъ власти торжественно объявили и провозгласили, что американскiя соединенныя колонiи въ дѣйствительности и по праву суть свободныя и независимыя государства (штаты)“ со всѣми вытекающими отсюда послѣдствiями.

Новое государство, днемъ основанiя котораго было 4 iюля 1776 г., получило прочное устройство только черезъ тринадцать лѣтъ, въ 1789 г., т. е. черезъ шесть лѣтъ послѣ того, какъ окончилась война за независимость, и Англiя признала право своихъ прежнихъ колонiй на самостоятельное политическое существованiе. Составленiю общей конституцiи Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки предшествовала выработка конституцiй отдѣльными колонiями, пользовавшимися въ этомъ дѣлѣ совершенною свободою отъ какой бы то ни было внѣшней власти. Еще въ маѣ 1776 г., т.-е. за нѣсколько недѣль до декларацiи независимости, конгрессъ делегатовъ, обратился къ отдѣльнымъ колонiямъ съ предложенiемъ организовать у себя новыя правительства. Первымъ отвѣтомъ на это предложенiе и была выработка виргинскимъ конвентомъ конституцiи, въ составѣ которой мы находимъ уже извѣстную намъ декларацiю правъ. Двумъ колонiямъ (Коннектикуту и Родъ-Айленду) даже оказалось ненужнымъ сочинять новыя конституцiи, такъ какъ онѣ уже имѣли старыя хартiи 1662 и 1663 г., дававшiя ихъ населенiю широкiя права внутренняго самоуправленiя. До 1789 г. изъ тринадцати штатовъ, вошедшихъ въ со-

ставъ союза, уже одиннадцать имѣли свои конституціи. Конгрессъ, провозгласившій независимость штатовъ, состоялъ изъ делегатовъ, выбранныхъ отдѣльными законодательными собраніями и получившихъ отъ нихъ опредѣленныя инструкціи. Если конгрессъ рѣшился заявить о разрывѣ съ Англіей, то лишь потому, что прямо былъ къ этому уполномоченъ отдѣльными законодательными собраніями. У конгресса не было даже никакого исполнительнаго органа, такъ что всѣ принимавшіяся имъ рѣшенія должны были приводиться въ исполненіе властями отдѣльныхъ штатовъ. Общій проектъ „конфедераціи или союза, который слѣдовало образовать между колоніями", былъ составленъ конгрессомъ лишь къ осени 1777 г., но онъ далеко не сразу былъ принятъ всѣми колоніями (Мэрилендъ далъ свое согласіе только въ 1781 г.), причемъ, однако, у конфедераціи по-прежнему не было ни принудительной власти, ни исполнительнаго органа. Каждая колонія была вполнѣ самостоятельнымъ государствомъ во всѣхъ своихъ внутреннихъ дѣлахъ, и для дѣйствительности постановленій конгресса требовалось принятіе ихъ девятью голосами изъ тринадцати. Отдѣльные штаты столь же ревниво отстаивали теперь свою автономію отъ федераціи, какъ дѣлали это прежде по отношенію къ метрополіи.

Неудобства такого порядка вещей весьма скоро дали себя знать, и въ 1787 г. конгрессъ конфедераціи сдѣлалъ предложеніе отдѣльнымъ штатамъ назначить всенародные выборы въ особый конгрессъ, который пересмотрѣлъ бы статьи конфедераціи и внесъ бы въ нихъ необходимыя измѣненія для усиленія федеральнаго правительства. Новое собраніе, извѣстное подъ названіемъ „конституціоннаго конвента" (constitutional convention), состоялось въ Филадельфіи въ томъ же 1787 г. и довольно скоро составило проектъ конституціи, поступившій потомъ на разсмотрѣніе сначала конгресса, а потомъ спеціально избранныхъ для этого конвентовъ отдѣльныхъ колоній. Сравненіе способа, какимъ была принята конфедерація 1777 г., и способа возникновенія и утвержденія окончательной конституціи показываетъ, что въ примѣненіи на практикѣ демократическихъ принциповъ американцы за десять лѣтъ сдѣлали еще бóльшій шагъ впередъ. Когда къ лѣту 1788 г. набралось девять штатовъ, давшихъ свое согласіе на новую конституцію, послѣдняя была признана дѣйствующею, но въ общемъ на утвержденіе конституціи всѣми штатами потребовалась

около трехъ лѣтъ. Цѣль, какую ставили себѣ творцы союзной конституціи, заключалась въ созданіи сильнаго федеральнаго правительства, но съ строго опредѣленной компетенціей и съ огражденіемъ внутренней независимости отдѣльныхъ штатовъ. Законодательство, какъ гражданское, такъ и уголовное, администрація, полиція, судъ, финансы, учебная часть, милиція и пр., все это было предоставлено въ распоряженіе отдѣльныхъ штатовъ, федеральному же правительству было предоставлено исключительное право веденія всѣхъ дѣлъ съ иностранными государствами, т.-е. право заключать съ ними торговые и другіе договоры, облагать пошлинами ввозимые изъ-за границы товары, объявлять войну, заключать миръ, причемъ вооруженныя силы страны, монетное дѣло и почта тоже были поставлены въ зависимость отъ федеральнаго правительства.

Что касается до организаціи власти въ союзной конституціи, то за основной ея принципъ принято было раздѣленіе властей. Законодательная власть была отдана конгрессу, состоящему, какъ и англійскій парламентъ, изъ двухъ палатъ: палатѣ общинъ соотвѣтствуетъ палата депутатовъ, палатѣ лордовъ—сенатъ. Разница была только въ томъ, что избирательные законы отдѣльныхъ штатовъ были неизмѣримо демократичнѣе англійской выборной системы, и что американскій сенатъ былъ составленъ тоже изъ выборныхъ представителей, именно—изъ делегатовъ отъ отдѣльныхъ законодательныхъ собраній, по два на штатъ (тогда какъ въ палату представителей выбираетъ непосредственно населеніе и притомъ въ количествѣ, зависящемъ отъ его численности). Исполнительную власть конституція вручала президенту республики, выбираемому на четыре года населеніемъ союза при посредствѣ особой коллегіи выборщиковъ въ количествѣ, равномъ числу представителей каждаго штата въ обѣихъ палатахъ конгресса. Своего президента новая демократическая республика облекла очень большими полномочіями, начиная отъ права veto [1]) по отношенію къ принятымъ конгрессомъ законамъ и права назначать не только министровъ, но даже и многихъ менѣе важныхъ представителей исполнительной власти и кончая правами представителя федеральной власти въ сно-

[1]) Чтобы противъ veto президента законъ все-таки осуществился, нужно вторичное принятіе его обѣими палатами и притомъ большинствомъ двухъ третей.

ставъ союза, уже одиннадцать имѣли свои конституціи. Конгрессъ, провозгласившій независимость штатовъ, состоялъ изъ делегатовъ, выбранныхъ отдѣльными законодательными собраніями и получившихъ отъ нихъ опредѣленныя инструкціи. Если конгрессъ рѣшился заявить о разрывѣ съ Англіей, то лишь потому, что прямо былъ къ этому уполномоченъ отдѣльными законодательными собраніями. У конгресса не было даже никакого исполнительнаго органа, такъ что всѣ принимавшіяся имъ рѣшенія должны были приводиться въ исполненіе властями отдѣльныхъ штатовъ. Общій проектъ „конфедераціи или союза, который слѣдовало образовать между колоніями", былъ составленъ конгрессомъ лишь къ осени 1777 г., но онъ далеко не сразу былъ принятъ всѣми колоніями (Мэриландъ далъ свое согласіе только въ 1781 г.), причемъ, однако, у конфедераціи по-прежнему не было ни принудительной власти, ни исполнительнаго органа. Каждая колонія была вполнѣ самостоятельнымъ государствомъ во всѣхъ своихъ внутреннихъ дѣлахъ, и для дѣйствительности постановленій конгресса требовалось принятіе ихъ девятью голосами изъ тринадцати. Отдѣльные штаты столь же ревниво отстаивали теперь свою автономію отъ федераціи, какъ дѣлали это прежде по отношенію къ метрополіи.

Неудобства такого порядка вещей весьма скоро дали себя знать, и въ 1787 г. конгрессъ конфедераціи сдѣлалъ предложеніе отдѣльнымъ штатамъ назначить всенародные выборы въ особый конгрессъ, который пересмотрѣлъ бы статьи конфедераціи и внесъ бы въ нихъ необходимыя измѣненія для усиленія федеральнаго правительства. Новое собраніе, извѣстное подъ названіемъ „конституціоннаго конвента" (constitutional convention), состоялось въ Филадельфіи въ томъ же 1787 г. и довольно скоро составило проектъ конституціи, поступившій потомъ на разсмотрѣніе сначала конгресса, а потомъ спеціально избранныхъ для этого конвентовъ отдѣльныхъ колоній. Сравненіе способа, какимъ была принята конфедерація 1777 г., и способа возникновенія и утвержденія окончательной конституціи показываетъ, что въ примѣненіи на практикѣ демократическихъ принциповъ американцы за десять лѣтъ сдѣлали еще бо́льшій шагъ впередъ. Когда къ лѣту 1788 г. набралось девять штатовъ, давшихъ свое согласіе на новую конституцію, послѣдняя была признана дѣйствующею, но въ общемъ на утвержденіе конституціи всѣми штатами потребовалась

около трехъ лѣтъ. Цѣль, какую ставили себѣ творцы союзной конституціи, заключалась въ созданіи сильнаго федеральнаго правительства, но съ строго опредѣленной компетенціей и съ огражденіемъ внутренней независимости отдѣльныхъ штатовъ. Законодательство, какъ гражданское, такъ и уголовное, администрація, полиція, судъ, финансы, учебная часть, милиція и пр., все это было предоставлено въ распоряженіе отдѣльныхъ штатовъ, федеральному же правительству было предоставлено исключительное право веденія всѣхъ дѣлъ съ иностранными государствами, т.-е. право заключать съ ними торговые и другіе договоры, облагать пошлинами ввозимые изъ-за границы товары, объявлять войну, заключать миръ, причемъ вооруженныя силы страны, монетное дѣло и почта тоже были поставлены въ зависимость отъ федеральнаго правительства.

Что касается до организаціи власти въ союзной конституціи, то за основной ея принципъ принято было раздѣленіе властей. Законодательная власть была отдана конгрессу, состоящему, какъ и англійскій парламентъ, изъ двухъ палатъ: палатѣ общинъ соотвѣтствуетъ палата депутатовъ, палатѣ лордовъ—сенатъ. Разница была только въ томъ, что избирательные законы отдѣльныхъ штатовъ были неизмѣримо демократичнѣе англійской выборной системы, и что американскій сенатъ былъ составленъ тоже изъ выборныхъ представителей, именно—изъ делегатовъ отъ отдѣльныхъ законодательныхъ собраній, по два на штатъ (тогда какъ въ палату представителей выбираетъ непосредственно населеніе и притомъ въ количествѣ, зависящемъ отъ его численности). Исполнительную власть конституція вручала президенту республики, выбираемому на четыре года населеніемъ союза при посредствѣ особой коллегіи выборщиковъ въ количествѣ, равномъ числу представителей каждаго штата въ обѣихъ палатахъ конгресса. Своего президента новая демократическая республика облекла очень большими полномочіями, начиная отъ права veto [1]) по отношенію къ принятымъ конгрессомъ законамъ и права назначать не только министровъ, но даже и многихъ менѣе важныхъ представителей исполнительной власти и кончая правами представителя федеральной власти въ сно-

[1]) Чтобы противъ veto президента законъ все-таки осуществился, нужно вторичное принятіе его обѣими палатами и притомъ большинствомъ двухъ третей.

шеніяхъ съ иностранными государствами и главнокомандующаго вооруженными (сухопутными и морскими) силами союза. Сѣверная Америка не знаетъ парламентарнаго министерства, строго проводя въ своей конституціи принципъ раздѣленія властей и ставя министровъ, какъ исполнителей воли исключительно лишь главы исполнительной власти, въ полную независимость отъ конгресса.

Очень оригинальную часть сѣверо-американской конституціи составляетъ, наконецъ, организація федеральной судебной власти. Высшая судебная инстанція республики, ея федеральный судъ, разбираетъ не только споры между отдѣльными штатами или гражданами разныхъ штатовъ, но и имѣетъ еще право толковать федеральную конституцію, законы, изданные федеральною властью, и заключенные ею трактаты. Федеральный судъ прямо можетъ объявлять несогласными съ конституціей и вслѣдствіе этого недѣйствительными сами законы, изданные союзною законодательною властью. Вообще федеральная конституція является верховнымъ закономъ республики, поставленнымъ выше всѣхъ ея государственныхъ властей (чего въ Англіи по отношенію къ ея конституціи мы не видимъ [1]), и сама конституція установляетъ весьма сложный и трудный путь для внесенія въ нее поправокъ [2]).

Эта конституція, которая и теперь управляетъ великою заатлантическою республикою, была приведена въ дѣйствіе въ одномъ году съ началомъ французской революціи. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію,—ибо это подтверждается многими фактами,—что американская революція оказала сильное вліяніе на французскую. Въ сочувствіи къ войнѣ колоній противъ Англіи, въ которомъ видную роль играла національная нелюбовь французовъ къ своимъ сосѣдямъ, сказывалось и находило для себя новую пищу революціонное настроеніе общества, получившее полное свое развитіе въ 1789 г., но особенно важно то, что политическая мысль французовъ испытывала на себѣ непосредственное вліяніе многихъ американскихъ политическихъ принциповъ и образцовъ. Между прочимъ, на одномъ частномъ примѣрѣ, именно на примѣрѣ французской декларацiи правъ человѣка и гражданина, мы

---

[1]) См. выше, стр. 78.

[2]) Для изученія государственнаго строя Сѣв.-Амер. Соединенныхъ Штатовъ см. извѣстное соч. *Брайса*.

увидимъ, какъ на самихъ принципахъ 1789 г. сказалось американское вліяніе [1]).

ГЛАВА VIII.

Историческое значеніе французской революціи.

Мѣстное и общеевропейское значеніе французской революціи. – Роль стремленія къ свободѣ въ исторіи ея возникновенія, общаго хода и исхода.— Ея общія причины и причины болѣе позднихъ европейскихъ революцій.— Непосредственные результаты революціи для самой Франціи и для остальной Европы.—Неудача конституціонно-монархическаго и республиканскаго опытовъ во Франціи конца XVIII в.—Политическія партіи французской революціи.—Жирондисты и якобинцы.—Классовыя отношенія этой эпохи.— Начало реакціи послѣднихъ лѣтъ XVIII в. и государственный переворотъ 18 брюмера.—Двойственное значеніе наполеоновской эпохи для Франціи и для Европы.

Слѣдующимъ за американской революціей этапомъ въ исторіи современнаго конституціоннаго государства является французская революція 1789 г.

Въ этомъ историческомъ фактѣ первостепенной важности, бывшемъ, въ сущности, однимъ изъ крупнѣйшихъ переворотовъ, какіе только извѣстны исторіи, необходимо отличать двѣ стороны—по значенію, во-первыхъ, этого событія для самой Франціи, во-вторыхъ, для остальной Европы. Въ настоящей книгѣ, по самой ея задачѣ, несомнѣнно, должно быть выдвинуто на первый планъ не чисто мѣстное, а общеевропейское значеніе французской революціи, не то, что было въ ней индивидуальнымъ, а то, что является въ ней типичнымъ, и слѣдствія ея не для самой Франціи, а для исторіи конституціоннаго государства новѣйшаго времени. Что значеніе революціи 1789 г. далеко выходитъ за предѣлы самой Франціи, что событіе это заслуживаетъ разсматриваться, какъ міровое,—такая мысль уже тогда же, въ разгарѣ событій, высказывалась очень многими и притомъ не самими французами только, а равнымъ образомъ англичанами, нѣмцами и т. п. Историческая наука вполнѣ раз-

[1]) См. ниже, въ началѣ главы IX.

дѣляетъ эту точку зрѣнія [1]), вполнѣ оправдывая тѣмъ самымъ и опасенія, и упованія, какія высказывались только иностранными современниками революціи,—опасенія относительно заразительности примѣра, упованія на то, что Франція двинетъ весь міръ на новую дорогу. Французская революція была только началомъ и первымъ примѣромъ цѣлаго ряда революцій въ другихъ европейскихъ странахъ, каковыя революціи всѣ, вмѣстѣ съ французскою, вызваны были приблизительно одними и тѣми же причинами, совершались подъ знаменемъ однихъ и тѣхъ же политическихъ идей, боролись съ аналогичными повсемѣстно препятствіями, мѣшавшими осуществленію новаго государственнаго и общественнаго строя, и приводили къ довольно сходнымъ между собою результатамъ. На то, чтобы эта общеевропейская, въ концѣ концовъ, революція началась именно во Франціи и лишь оттуда распространилась по другимъ странамъ, были свои особыя причины, какъ были онѣ и на то, чтобы во Франціи со времени революціи такъ часто мѣнялись политическіе режимы: все это относится къ проявленію особенныхъ мѣстныхъ причинъ и къ порожденію ими особенныхъ, тоже чисто мѣстныхъ результатовъ, но то же самое можно найти и въ исторіи всякой другой страны, гдѣ только совершалась революція въ общемъ духѣ и направленіи революціи французской.

Конечно, въ такомъ краткомъ обзорѣ, какимъ по необходимости является настоящая книга, мы не можемъ подробно останавливаться ни на причинахъ, ни на ходѣ, ни на посредственныхъ результатахъ переворота, происшедшаго во Франціи въ 1789 г., и должны ограничиться лишь наиболѣе важнымъ въ вопросахъ какъ о причинахъ, такъ и о ходѣ и слѣдствіяхъ революціи. Уже очень многіе историки, занимавшіеся этими вопросами, тѣсно, въ сущности, связанными между собою и составляющими какъ бы три части одного болѣе общаго вопроса, высказывали и развивали въ подробностяхъ ту мысль, что во всемъ движеніи 1789 г. стремленіе къ политической свободѣ, возникшее въ обществѣ гораздо позже, чѣмъ желаніе другихъ

---

[1]) Съ этой точки зрѣнія исторія французской революціи разсмотрѣна въ книгѣ *Сореля* „L'Europe et la révolution française“ (есть въ русск. пер.), о которой см. мою брошюру „Альбертъ Сорель, какъ историкъ французской революціи“. Спб. 1907. (Отд. оттискъ изъ „Извѣстія Спб. Политехническаго Института“.

реформъ, играло и роль гораздо меньшую, чѣмъ стремленія, связанныя съ отношеніями не строго политическаго характера. Разными историками мысль эта формулировалась различнымъ образомъ—то въ смыслѣ противоположности между желаніемъ равенства и желаніемъ свободы, то въ смыслѣ подобнаго же противопоставленія гражданскихъ преобразованій чисто политической реформѣ и т. п., но смыслъ всѣхъ этихъ указаній былъ одинъ. Въ доказательство этой общей мысли приводится обыкновенно и цѣлый рядъ соображеній, основанныхъ на выводахъ изъ изученія всей исторіи Франціи въ XVIII и началѣ XIX в. Прежде всего отмѣчается тотъ фактъ, что французы стали требовать реформъ, которыя измѣнили бы прежній общественный строй, много раньше, чѣмъ потребовали политической свободы. Мало того, долгое время общество ждало совершенія необходимыхъ съ его точки зрѣнія преобразованій со стороны самой королевской власти, чему въ области политической мысли соотвѣтствовала идея просвѣщеннаго абсолютизма, представителями которой были Вольтеръ и физіократы. Только извѣрившись въ томъ, чтобы монархія была способна дать ожидаемое, французы стали приходить къ мысли о необходимости самой же націи взять въ свои руки сознанное, какъ потребность времени, преобразованіе внутреннихъ отношеній, такъ что политическая свобода стала дѣлаться объектомъ желаній не въ качествѣ чего-то такого, что въ самомъ себѣ можетъ носить цѣль своего существованія, а въ качествѣ средства, ведущаго къ достиженію другихъ цѣлей. Кто вообще дорожитъ свободой не ради ея самой, не въ силу того, что сама по себѣ она уже есть великое благо, тотъ и не обнаруживаетъ большой склонности, а главное способности осуществлять свободу въ жизни. Правда, подъ вліяніемъ общаго возбужденія, охватившаго французскую націю при приближеніи къ 1789 г. и особенно въ этомъ году, увлеченіе идеей свободы во Франціи было въ высшей степени искреннимъ, но старая монархія воспитала во французской націи все, что угодно, кромѣ надлежащаго пониманія свободы, кромѣ дѣйствительныхъ любви и уваженія къ ней, кромѣ настоящей способности устраивать свою жизнь согласно съ требованіями, заключающимися въ идеѣ свободы. Старый порядокъ пріучилъ французовъ, наоборотъ, мало уважать человѣческую личность, всего ожидать отъ благодѣтельной власти, подчиняться произволу и силѣ, преклоняться передъ тѣмъ, что называлось „la raison d'état“,

т.-е. государственною необходимостью и т. п. Обстоятельства времени, страхъ передъ внутренней контръ-революціей и передъ иностраннымъ нашествіемъ и т. п. заставили націю создать крѣпкую власть съ чрезвычайными полномочіями, которая сдѣлалась настоящею диктатурою, и дѣло кончилось быстрымъ крушеніемъ едва начавшейся свободы. Сначала это была диктатура одной изъ наиболѣе революціонныхъ партій, потомъ диктатура геніальнаго полководца, на пятнадцать лѣтъ поработившаго страну своей деспотической волѣ.

Когда впослѣдствіи, послѣ двухъ революцій, пережитыхъ Франціей въ 1830 и 1848 гг., имперія Наполеона III еще разъ вернула страну къ деспотизму, и былъ поставленъ историками [1]) вопросъ, почему Франція послѣ столькихъ жертвъ во имя свободы, въ концѣ концовъ, ея не достигла, вотъ и тутъ данъ былъ такой отвѣтъ, что французы и раньше начали желать, и гораздо сильнѣе желали реформъ гражданскихъ, чѣмъ политическихъ, что общественнымъ равенствомъ они дорожили неизмѣримо больше, чѣмъ свободою, и что надъ ними тяготѣетъ въ этомъ отношеніи рокъ извѣстнаго воспитанія, какое имъ дала старая монархія съ ея неуваженіемъ къ человѣческой личности и къ праву, съ ея политикой произвола и насилій во имя государственной необходимости. Отсюда—выводъ, что желаніе политической свободы не было главнымъ источникомъ переворота 1789 г. Мало того: когда разные классы общества, принявшіе участіе въ движеніи 1789 г., почувствовали себя удовлетворенными въ своихъ соціальныхъ требованіяхъ или, наоборотъ, убѣдились, что свобода, или режимъ, принимавшійся ими за свободу, не осуществляетъ ихъ стремленій, они быстро стали охладѣвать къ свободѣ и обнаружили готовность пожертвовать свободою, чтобы спасти соціальныя пріобрѣтенія отъ революціи, прочности которыхъ грозило ея продолженіе, или чтобы инымъ путемъ добиться тѣхъ благъ, которыхъ имъ не дала свобода. Поэтому въ націи началась даже реакція противъ свободы, реакція на почвѣ достаточнаго использованія ея одними въ своихъ цѣляхъ и неполученія другими отъ нея ожидавшихся благъ, на почвѣ равнодушія, страха, разочарованія, и Франція примирилась съ

---

[1]) *A. Tocqueville.* L'ancien régime et la révolution. 1856 (есть русск. пер.).—*E. Quinet.* La révolution. 1865. Ср. такой же взглядъ у Сореля, о чемъ см. въ указанной статьѣ нашей о немъ.

увидимъ, какъ на самихъ принципахъ 1789 г. сказалось американское вліяніе [1]).

ГЛАВА VIII.

Историческое значеніе французской революціи.

Мѣстное и общеевропейское значеніе французской революціи. – Роль стремленія къ свободѣ въ исторіи ея возникновенія, общаго хода и исхода.— Ея общія причины и причины болѣе позднихъ европейскихъ революцій.— Непосредственные результаты революціи для самой Франціи и для остальной Европы.—Неудача конституціонно-монархическаго и республиканскаго опытовъ во Франціи конца XVIII в.—Политическія партіи французской революціи.—Жирондисты и якобинцы.—Классовыя отношенія этой эпохи.— Начало реакціи послѣднихъ лѣтъ XVIII в. и государственный переворотъ 18 брюмера.—Двойственное значеніе наполеоновской эпохи для Франціи и для Европы.

Слѣдующимъ за американской революціей этапомъ въ исторіи современнаго конституціоннаго государства является французская революція 1789 г.

Въ этомъ историческомъ фактѣ первостепенной важности, бывшемъ, въ сущности, однимъ изъ крупнѣйшихъ переворотовъ, какіе только извѣстны исторіи, необходимо отличать двѣ стороны—по значенію, во-первыхъ, этого событія для самой Франціи, во-вторыхъ, для остальной Европы. Въ настоящей книгѣ, по самой ея задачѣ, несомнѣнно, должно быть выдвинуто на первый планъ не чисто мѣстное, а общеевропейское значеніе французской революціи, не то, что было въ ней индивидуальнымъ, а то, что является въ ней типичнымъ, и слѣдствія ея не для самой Франціи, а для исторіи конституціоннаго государства новѣйшаго времени. Что значеніе революціи 1789 г. далеко выходитъ за предѣлы самой Франціи, что событіе это заслуживаетъ разсматриваться, какъ міровое,—такая мысль уже тогда же, въ разгарѣ событій, высказывалась очень многими и притомъ не самими французами только, а равнымъ образомъ англичанами, нѣмцами и т. п. Историческая наука вполнѣ раз-

[1]) См. ниже, въ началѣ главы IX.

съ культурнымъ и экономическимъ развитіемъ общественныхъ классовъ, бывшихъ наиболѣе обдѣленными при господствѣ стараго порядка, но всячески тормазила это развитіе для сохраненія отжившихъ свое время традицій и привилегій, правительственной рутины, особаго положенія въ обществѣ духовенства и дворянства, а это не могло не отражаться на общемъ разстройствѣ всей національной жизни и самой же административной машины, самого же государственнаго хозяйства. Во Франціи наканунѣ XVIII в. все было въ плохомъ состояніи, т.-е. и земледѣліе, и промышленность, и государственные финансы, откуда нищета крестьянской массы, безработица въ городахъ, частыя голодовки, вздорожаніе средствъ къ жизни, увеличеніе налоговъ, возростаніе государственной задолженности, постоянные дефициты въ бюджетѣ государства и т. п. Нація непосредственно чувствовала тяжесть прежнихъ порядковъ, ихъ несоотвѣтствіе съ новыми условіями и требованіями жизни и потому желала преобразованій. Когда абсолютизмъ оказался, вопреки прежнимъ надеждамъ, неспособнымъ осуществить общую реформу жизни, въ необходимости которой до извѣстной степени была подъ конецъ убѣждена и сама власть, въ обществѣ все болѣе и болѣе крѣпло убѣжденіе, что лишь сама нація въ лицѣ своихъ представителей будетъ способна совершить эту работу. Подъ давленіемъ настоятельной необходимости, вызванной полнымъ разстройствомъ всей государственной машины, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, все болѣе и болѣе высказывавшагося за созывъ генеральныхъ штатовъ, Людовикъ XVI послѣ долгаго нежеланія и нѣкоторой попытки оттянуть срокъ этого непріятнаго, но неизбѣжнаго событія, созвалъ наконецъ сословныхъ представителей (5 мая 1789 г.). Этотъ созывъ генеральныхъ штатовъ и былъ тою искрою, которая взорвала общественное недовольство. Подъ руководствомъ буржуазіи, бывшей наиболѣе зажиточнымъ, независимымъ и образованнымъ классомъ общества, и началась революція, въ рѣшеніяхъ 17 іюня и 4 августа 1789 г. уничтожившая старый сословный строй общества, около того же времени поставившая на очередь вопросъ о правахъ человѣка и гражданина и приступившая вмѣстѣ съ тѣмъ къ выработкѣ новой конституціи на основахъ ограниченной монархіи. Пока національное собраніе, образовавшееся изъ созванныхъ Людовикомъ XVI генеральныхъ штатовъ, рѣшало эти вопросы путемъ парламентскаго законодательства, народная масса при-

реформъ, играло и роль гораздо меньшую, чѣмъ стремленія, связанныя съ отношеніями не строго политическаго характера. Разными историками мысль эта формулировалась различнымъ образомъ—то въ смыслѣ противоположности между желаніемъ равенства и желаніемъ свободы, то въ смыслѣ подобнаго же противопоставленія гражданскихъ преобразованій чисто политической реформѣ и т. п., но смыслъ всѣхъ этихъ указаній былъ одинъ. Въ доказательство этой общей мысли приводится обыкновенно и цѣлый рядъ соображеній, основанныхъ на выводахъ изъ изученія всей исторіи Франціи въ XVIII и началѣ XIX в. Прежде всего отмѣчается тотъ фактъ, что французы стали требовать реформъ, которыя измѣнили бы прежній общественный строй, много раньше, чѣмъ потребовали политической свободы. Мало того, долгое время общество ждало совершенія необходимыхъ съ его точки зрѣнія преобразованій со стороны самой королевской власти, чему въ области политической мысли соотвѣтствовала идея просвѣщеннаго абсолютизма, представителями которой были Вольтеръ и физіократы. Только извѣрившись въ томъ, чтобы монархія была способна дать ожидаемое, французы стали приходить къ мысли о необходимости самой же націи взять въ свои руки сознанное, какъ потребность времени, преобразованіе внутреннихъ отношеній, такъ что политическая свобода стала дѣлаться объектомъ желаній не въ качествѣ чего-то такого, что въ самомъ себѣ можетъ носить цѣль своего существованія, а въ качествѣ средства, ведущаго къ достиженію другихъ цѣлей. Кто вообще дорожитъ свободой не ради ея самой, не въ силу того, что сама по себѣ она уже есть великое благо, тотъ и не обнаруживаетъ большой склонности, а главное способности осуществлять свободу въ жизни. Правда, подъ вліяніемъ общаго возбужденія, охватившаго французскую націю при приближеніи къ 1789 г. и особенно въ этомъ году, увлеченіе идеей свободы во Франціи было въ высшей степени искреннимъ, но старая монархія воспитала во французской націи все, что угодно, кромѣ надлежащаго пониманія свободы, кромѣ дѣйствительныхъ любви и уваженія къ ней, кромѣ настоящей способности устраивать свою жизнь согласно съ требованіями, заключающимися въ идеѣ свободы. Старый порядокъ пріучилъ французовъ, наоборотъ, мало уважать человѣческую личность, всего ожидать отъ благодѣтельной власти, подчиняться произволу и силѣ, преклоняться передъ тѣмъ, что называлось „la raison d'état“,

лись низы общества. Въ своемъ возстаніи противъ привилегій эти низы должны были имѣть на своей сторонѣ средніе классы, въ которыхъ къ недовольству властью за отстаиваніе ею старыхъ порядковъ присоединялось еще недовольство ея тенденціей продолжать политику административной опеки надъ обществомъ, желаніе эту власть ограничить, принять самимъ участіе во власти. Наконецъ, въ интеллигенціи, состоящей изъ духовныхъ вождей общества, изъ общественныхъ дѣятелей, способныхъ возвышаться надъ чисто матеріальными и своекорыстными интересами отдѣльныхъ классовъ, къ тѣмъ мотивамъ отрицательнаго отношенія къ старой власти, какіе дѣйствовали въ низшихъ и среднихъ классахъ, присоединялись мотивы и чисто идейные—отстаиванія свободы, какъ блага самого въ себѣ, безотносительно къ тѣмъ выгодамъ, которыя она можетъ приносить.

Изъ всѣхъ революцій, какія только потомъ были, по сложности своихъ причинъ и по размаху своихъ преобразовательныхъ плановъ, наиболѣе подходятъ къ великой французской революціи такъ называемая мартовская революція (или мартовскія революціи) въ Германіи въ 1848 г. и событія, происходящія въ Россіи съ 1905 г. Послѣднія остаются внѣ рамокъ, настоящей книги, о первой рѣчь будетъ идти особо [1]). То, что есть въ нихъ наиболѣе сходнаго съ французской революціей, это—соединеніе государственнаго переустройства съ переустройствомъ общественнымъ, политическое выступленіе верховъ общества съ сильнымъ броженіемъ въ народной массѣ на почвѣ соціально-экономическихъ вопросовъ.

Французская революція не достигла своей непосредственной цѣли въ области политики. За періодомъ выработки свободной конституціи и кратковременнаго ея примѣненія наступила эпоха революціонной диктатуры, за которою послѣ новый попытки организовать государство на началахъ свободы послѣдовалъ періодъ военнаго деспотизма. Конституція 1791 г. не просуществовала и полныхъ одинадцати мѣсяцевъ со дня принятія ея Людовикомъ XVI; конституція 1793 г. осталась актомъ политическаго законодательства, такъ и не получившимъ примѣненія ни на одинъ день; конституція 1795 (или III) года, хотя и дѣйствовала четыре года, однако, то и дѣло нарушалась самими же правителями, пока не была насиль-

---

[1]) См. главы XXI и XXIII.

единовластіемъ Наполеона I, лишившаго ее свободы, но сохранившаго за нею всѣ соціальныя пріобрѣтенія революціи, какъ-то: уничтоженіе сословныхъ привилегій, равенство всѣхъ передъ закономъ, отмѣну феодальныхъ повинностей и остатковъ крѣпостничества, перемѣщеніе въ руки новыхъ владѣльцевъ массы земель, принадлежавшихъ раньше коронѣ, церкви и дворянству, и т. п. Съ крушеніемъ свободы примирилась и буржуазія, наиболѣе выигравшая отъ революціи и только опасавшаяся все потерять отъ участія народа во власти, и крестьянство, никогда, въ сущности, къ политической свободѣ не стремившееся, даже ея не понимавшее, а волновавшееся лишь до удовлетворенія революціей его главныхъ требованій, и, наконецъ, городской рабочій классъ, наиболѣе увѣровавшій въ свободу, какъ въ путь, ведущій къ улучшенію его положенія, но понимавшій свободу въ смыслѣ своего господства и разочаровавшійся въ такой свободѣ, когда она не дала ожидавшихся отъ нея результатовъ.

Въ сущности, все это, mutatis mutandis, наблюдается и въ исторіи другихъ европейскихъ революцій. Стремленіе къ свободѣ ради того, что она сама есть великое благо, а не ради только другихъ благъ, которыя она съ собою можетъ принести, стремленіе къ свободѣ въ смыслѣ уваженія къ человѣческой личности и огражденія ея правъ, а не въ смыслѣ только участія во власти для властнаго же осуществленія своихъ цѣлей,— такое стремленіе къ свободѣ есть вообще удѣлъ меньшинства въ самомъ культурномъ меньшинствѣ общества, и чѣмъ менѣе свободы въ государствѣ, тѣмъ менѣе общество можетъ считаться приготовленнымъ къ такому пониманію и пользованію свободою. Тотъ переворотъ во внѣшнихъ отношеніяхъ и порядкахъ, который мы называемъ французской революціей, былъ и цѣлымъ переворотомъ въ умахъ: прежнія довѣріе и уваженіе къ старой власти смѣнились недовѣріемъ и ненавистью, прежняя покорность—возмущеніемъ во имя попранной свободы, но главное въ завоевываемой свободѣ, это было то, что она могла установить иные порядки жизни, въ которыхъ, однако, люди на самомъ дѣлѣ продолжали жить съ прежними привычками во всѣхъ отношеніяхъ къ власти и т. п.

Французская революція была порожденіемъ неудовлетворенности націи своимъ правительствомъ, не умѣвшимъ или не хотѣвшимъ идти на встрѣчу новымъ, народившимся въ націи потребностямъ. Старая монархія не только не шла въ уровень

Наполеона,—но за то для будущаго кодекса она подготовила нѣкоторые важные законы, каковы равенство правъ всѣхъ дѣтей однихъ и тѣхъ же родителей на наслѣдство, свобода духовнаго завѣщанія и т. п. Тамъ, гдѣ права личности сталкивались лишь съ частными привилегіями, законодательство становилось всецѣло на сторону личности противъ всякихъ ограниченій и изъятій изъ общаго, равнаго для всѣхъ права. На эту же точку зрѣнія оно стремилось стать и въ сферѣ публичныхъ отношеній, но скоро принципъ государственной необходимости восторжествовалъ, и сама революція, особенно въ эпоху якобинской диктатуры, подготовила почву для того пренебреженія къ личной неприкосновенности и ко всѣмъ общественнымъ свободамъ, которое характеризуетъ наполеоновское время.

Итакъ непосредственнымъ результатомъ революціи, прочно утвердившимся во Франціи, было установленіе безсословнаго гражданства съ равнымъ для всѣхъ правомъ [1]).

На первыхъ же порахъ французская революція оказала и большое вліяніе на Европу. Начало революціи, особенно разрушеніе Бастиліи, бывшей символомъ деспотизма, привѣтствовалось прогрессивными общественными элементами Европы, какъ величайшее событіе, открывающее новую эпоху свободы, равенства и братства. Среди угнетенныхъ національностей, среди ирландцевъ и поляковъ, на французскую революцію стали возлагать болѣе конкретныя надежды. Сами французы скоро захотѣли превратить свою національную революцію въ революцію европейскую, міровую и объявили войну монархической Европѣ. Начавшись въ 1792 г. война съ Европою кончилась только въ 1814 г. Съ самаго же почти начала войны Франція имѣла успѣхъ и въ Бельгіи, и на лѣвомъ берегу Рейна, и въ Савойѣ, гдѣ населеніе встрѣчало революціонныя войска, какъ избавителей отъ стараго гнета. Франціи не стоило особенно большого труда присоединить названныя области къ своей государственной территоріи и распространить на нихъ новые порядки. Во второй половинѣ послѣдняго десятилѣтія XVIII в., между 1795 и 1799 г., французы создали при помощи мѣстныхъ демократическихъ силъ цѣлый рядъ республикъ съ чисто демократическимъ устройствомъ: Батавскую изъ прежнихъ Нидерландскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Гельветическую изъ прежняго Швейцарскаго союза, Лигурійскую

[1]) Обо всемъ сказанномъ подробнѣе см. въ трехъ слѣдующихъ главахъ.

ступила къ фактическому упраздненію наиболѣе ненавистныхъ остатковъ стараго режима, каковы были главнымъ образомъ феодальныя права. Со стороны двора предприняты были тогда попытки вернуть все къ прежнему положенію, только подлившія масла въ огонь, сдѣлавшія революцію только болѣе кровавою, болѣе насильственною, особенно послѣ того, какъ въ странѣ стали извѣстными сношенія двора съ иностранными правительствами съ цѣлью подавленія во Франціи свободы и возстановленія стараго режима.

Въ томъ, что вызывало революцію въ другихъ странахъ, гдѣ абсолютизмъ находился въ тѣсномъ союзѣ съ сословными привилегіями, было тоже много сходнаго съ тѣмъ, что вызвало переворотъ 1789 г. во Франціи. Идеи свободы были обыкновенно достояніемъ очень незначительнаго, болѣе культурнаго слоя общества, который былъ безсиленъ осуществить ихъ въ жизни, масса же населенія жила традиціонною вѣрою въ абсолютную монархію. Сама монархія твердо вѣрила въ свою прочность, въ вѣчность своего господства надъ умами и сердцами подданныхъ, видя въ проявленіяхъ свободы лишь временное и легко устранимое соотвѣтствующими мѣрами зло. Временами тамъ и здѣсь она выступала на путь реформъ, но въ общемъ была организаціей соціальнаго и культурнаго застоя, еще болѣе и болѣе только увеличивавшаго несоотвѣтствіе старыхъ формъ жизни съ новымъ ея содержаніемъ. Дѣло кончалось тѣмъ, что между государствомъ съ его омертвѣлыми формами и обществомъ съ его живыми стремленіями происходилъ разрывъ, вредно отражавшійся на обѣихъ сторонахъ бо́льшимъ или меньшимъ разстройствомъ основныхъ функцій государства и существеннѣйшихъ интересовъ общества. Все это приводило къ внутреннему кризису, во время котораго на первый планъ выдвигалась идея свободы, какъ вѣрнѣе всего дѣйствующее врачебное средство. Прежнее довѣріе и уваженіе къ власти колебались, и это было не временное и случайное, какъ бывало раньше, отрицательное отношеніе къ тому или другому лицу, къ той или другой мѣрѣ, а къ самой идеѣ, къ самому учрежденію абсолютной монархіи. Въ народныхъ массахъ она утрачивала свой престижъ не въ силу какихъ-либо теоретическихъ идей о власти, не вслѣдствіе даже вообще произвольности своихъ дѣйствій, а въ силу того, что неразрывно соединяла себя съ привилегированными, съ тѣми порядками, противъ которыхъ главнымъ образомъ и поднима-

лись низы общества. Въ своемъ возстаніи противъ привилегій эти низы должны были имѣть на своей сторонѣ средніе классы, въ которыхъ къ недовольству властью за отстаиваніе ею старыхъ порядковъ присоединялось еще недовольство ея тенденціей продолжать политику административной опеки надъ обществомъ, желаніе эту власть ограничить, принять самимъ участіе во власти. Наконецъ, въ интеллигенціи, состоящей изъ духовныхъ вождей общества, изъ общественныхъ дѣятелей, способныхъ возвышаться надъ чисто матеріальными и своекорыстными интересами отдѣльныхъ классовъ, къ тѣмъ мотивамъ отрицательнаго отношенія къ старой власти, какіе дѣйствовали въ низшихъ и среднихъ классахъ, присоединялись мотивы и чисто идейные—отстаиванія свободы, какъ блага самого въ себѣ, безотносительно къ тѣмъ выгодамъ, которыя она можетъ приносить.

Изъ всѣхъ революцій, какія только потомъ были, по сложности своихъ причинъ и по размаху своихъ преобразовательныхъ плановъ, наиболѣе подходятъ къ великой французской революціи такъ называемая мартовская революція (или мартовскія революціи) въ Германіи въ 1848 г. и событія, происходящія въ Россіи съ 1905 г. Послѣднія остаются внѣ рамокъ, настоящей книги, о первой рѣчь будетъ идти особо [1]). То, что есть въ нихъ наиболѣе сходнаго съ французской революціей, это—соединеніе государственнаго переустройства съ переустройствомъ общественнымъ, политическое выступленіе верховъ общества съ сильнымъ броженіемъ въ народной массѣ на почвѣ соціально-экономическихъ вопросовъ.

Французская революція не достигла своей непосредственной цѣли въ области политики. За періодомъ выработки свободной конституціи и кратковременнаго ея примѣненія наступила эпоха революціонной диктатуры, за которою послѣ новый попытки организовать государство на началахъ свободы послѣдовалъ періодъ военнаго деспотизма. Конституція 1791 г. не просуществовала и полныхъ одинадцати мѣсяцевъ со дня принятія ея Людовикомъ XVI; конституція 1793 г. осталась актомъ политическаго законодательства, такъ и не получившимъ примѣненія ни на одинъ день; конституція 1795 (или III) года, хотя и дѣйствовала четыре года, однако, то и дѣло нарушалась самими же правителями, пока не была насиль-

[1]) См. главы XXI и XXIII.

ственно низвергнута новымъ Цезаремъ. Правда, и онъ вынужденъ былъ править Франціею на основаніи новой конституціи, но эта была лишь простая декорація, за которою скрывался настоящій абсолютизмъ главы государства. Прочнѣе оказались соціальныя измѣненія, произведенныя во Франціи революціей 1789 г. Она, какъ бурный ураганъ, снесла съ лица земли все старое зданіе, въ которомъ играли такую важную роль всякаго рода привилегіи сословій, корпорацій, провинцій, чтобы на совершенно освободившейся отъ старины почвѣ возвести новое зданіе общественнаго равенства, безсословнаго гражданства, всеобщей нивеллировки. Духовенство и дворянство перестали быть сословіями, ибо законъ призналъ во Франціи существованіе лишь одного состоянія гражданъ, равныхъ передъ закономъ въ несеніи государственныхъ тягостей, въ правѣ къ занятію общественныхъ должностей. За духовенствомъ, подвергнутымъ коренной реформѣ, было признанно значеніе служителей религіи, состоящихъ на государственномъ жалованіи, но дворянство, какъ особое званіе, со всѣми своими титулами и отличіями было отмѣнено. Всѣмъ слѣдамъ былого феодализма тоже пришелъ конецъ: были уничтожены остатки крѣпостничества и всѣ сеньёрьяльныя права, что, между прочимъ, было равносильнымъ и освобожденію земли отъ всѣхъ лежавшихъ на ней ограниченій въ правѣ распоряженія ею, всѣхъ платежей и повинностей въ пользу сеньёровъ. Ударъ сословному строю былъ нанесенъ секуляризаціей собственности, принадлежавшей духовенству, и конфискаціей имѣній дворянъ, эмигрировавшихъ за границу. Вмѣстѣ съ бывшими королевскими доменами отобранныя у духовенства и дворянства земли образовали такъ называемыя національныя имущества, продававшіяся потомъ государствомъ въ частныя руки. Средневѣковыя промышленныя корпораціи, цехи, въ которыхъ тоже были свои привилегированные и свои обдѣленные, были равнымъ образомъ отмѣнены, и объявлена была свобода труда. Неравенство правъ, какими пользовались при старомъ режимѣ отдѣльныя провинціи, неодинаковость законовъ, въ нихъ дѣйствовавшихъ, точно также перестали существовать. Революція даже отмѣнила старыя провинціи съ ихъ историческими границами и раздѣлила вновь всю государственную территорію на приблизительно равновеликіе и по возможности съ близкими цифрами населенія департаменты. Общаго гражданскаго кодекса революція Франціи дать не успѣла,—это было уже дѣломъ

Наполеона,—но за то для будущаго кодекса она подготовила нѣкоторые важные законы, каковы равенство правъ всѣхъ дѣтей однихъ и тѣхъ же родителей на наслѣдство, свобода духовнаго завѣщанія и т. п. Тамъ, гдѣ права личности сталкивались лишь съ частными привилегіями, законодательство становилось всецѣло на сторону личности противъ всякихъ ограниченій и изъятій изъ общаго, равнаго для всѣхъ права. На эту же точку зрѣнія оно стремилось стать и въ сферѣ публичныхъ отношеній, но скоро принципъ государственной необходимости восторжествовалъ, и сама революція, особенно въ эпоху якобинской диктатуры, подготовила почву для того пренебреженія къ личной неприкосновенности и ко всѣмъ общественнымъ свободамъ, которое характеризуетъ наполеоновское время.

Итакъ непосредственнымъ результатомъ революціи, прочно утвердившимся во Франціи, было установленіе безсословнаго гражданства съ равнымъ для всѣхъ правомъ [1]).

На первыхъ же порахъ французская революція оказала и большое вліяніе на Европу. Начало революціи, особенно разрушеніе Бастиліи, бывшей символомъ деспотизма, привѣтствовалось прогрессивными общественными элементами Европы, какъ величайшее событіе, открывающее новую эпоху свободы, равенства и братства. Среди угнетенныхъ національностей, среди ирландцевъ и поляковъ, на французскую революцію стали возлагать болѣе конкретныя надежды. Сами французы скоро захотѣли превратить свою національную революцію въ революцію европейскую, міровую и объявили войну монархической Европѣ. Начавшись въ 1792 г. война съ Европою кончилась только въ 1814 г. Съ самаго же почти начала войны Франція имѣла успѣхъ и въ Бельгіи, и на лѣвомъ берегу Рейна, и въ Савойѣ, гдѣ населеніе встрѣчало революціонныя войска, какъ избавителей отъ стараго гнета. Франціи не стоило особенно большого труда присоединить названныя области къ своей государственной территоріи и распространить на нихъ новые порядки. Во второй половинѣ послѣдняго десятилѣтія XVIII в., между 1795 и 1799 г., французы создали при помощи мѣстныхъ демократическихъ силъ цѣлый рядъ республикъ съ чисто демократическимъ устройствомъ: Батавскую изъ прежнихъ Нидерландскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Гельветическую изъ прежняго Швейцарскаго союза, Лигурійскую

---

[1]) Обо всемъ сказанномъ подробнѣе см. въ трехъ слѣдующихъ главахъ.

изъ старой республики Генуэзской, Цизальпинскую изъ отнятой у Австріи Ломбардіи, Римскую изъ свѣтскихъ владѣній папы, лишеннаго вѣковой свѣтской власти, Партенопейскую изъ материковой части королевства Обѣихъ Сицилій. Французская революція, такимъ образомъ, на родинѣ уже шедшая съ 1794 г. на убыль, подобно рѣкѣ вышедшей изъ береговъ, залила своимъ движеніемъ ближайшія страны, чѣмъ заставила монархическія правительства Европы сплотиться между собою на защиту своихъ владѣній и угрожаемыхъ со стороны революціи старыхъ устоевъ государственнаго и общественнаго строя.

Но, повторяю, свободное государство во Франціи въ эту эпоху не удалось. Мы еще разсмотримъ [1]) ту конституцію 1791 г., которою во Франціи вводилась ограниченная монархія, и увидимъ какія несовершенства открываетъ въ созданномъ, ею для Франціи государственномъ устройствѣ современная критика исторической науки. Главное—въ томъ, что создавали конституціонную монархію при крайнемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно основательномъ недовѣріи къ тому самому монарху, который долженъ былъ ее осуществлять, и что, съ другой стороны, принявъ эту конституцію, монархъ менѣе всего думалъ о слѣдованіи ей, болѣе всего мечтая лишь о томъ, чтобы при помощи иностранной силы вернуть все къ прежнему порядку. Этого одного было достаточно для того, чтобы конституція 1791 г. оказалась не прочной, а тутъ, кромѣ того, продолжающіяся народныя волненія, отчасти вызывавшіяся еще дѣйствіемъ старыхъ причинъ, отчасти разными неудачными законами учредительнаго собранія, отчасти политической агитаціей людей, которые шли дальше учредительнаго собранія въ своихъ планахъ общаго переустройства жизни, отчасти, наконецъ, тревожными слухами объ опасности изъ-за границы и о внутренней измѣнѣ. 10 августа 1792 г. монархія во Франціи пала, а шесть недѣль спустя національный конвентъ объявилъ Францію республикой, каковою она продолжала именоваться даже послѣ того, какъ такъ называемый сенатусъ-консультъ XII года (1804) вручилъ управленіе французской республикой императору французовъ.

Республика, какъ и конституціонная монархія, во Франціи тогда не удержалась, какъ не удержалась и республика въ Англіи за полтора вѣка передъ тѣмъ. Въ обоихъ случаяхъ это одинаково были республики безъ республиканцевъ, основанныя энергич-

---

[1]) См. главу X.

нымъ меньшинствомъ, доведеннымъ до низверженія монархіи вслѣдствіе тѣхъ ошибокъ, которыя сама же она дѣлала вслѣдствіе своего упорнаго сопротивленія желаніямъ большинства націи. Монархія была низвергнута, но республику нужно было еще основать и организовать. Кто это сдѣлаетъ? Прежніе привилегированные, значительная часть которыхъ эмигрировала и соединилась съ врагами Франціи, внутри страны должны были сидѣть смирно, если не хотѣли подвергнуться репрессіямъ со стороны народа, и, конечно, не изъ нихъ, не изъ духовенства и дворянства должны были явиться основатели и организаторы республики. Болѣе всего выиграла отъ революціи буржуазія, но въ ней охладѣло стремленіе къ политической свободѣ, когда она сама заняла привилегированное положеніе и стала косо смотрѣть на демократическое движеніе въ рабочей массѣ, поддерживавшее республику. Она тяготилась революціонной диктатурой, а когда конституція III (1795) года вернула среднему сословію вліяніе и власть, среди него обнаружилось тяготѣніе къ роялизму, къ возстановленію монархіи, лишь бы только она обезпечила соціальныя пріобрѣтенія революціи. Въ эту эпоху, извѣстную подъ именемъ эпохи директоріи, самоё республику приходилось спасать путемъ нарушенія конституціи и при помощи военной силы, что и прокладывало путь къ реставраціи монархіи въ формѣ военнаго деспотизма. Что касается сельскаго населенія, то оно продолжало волноваться лишь до окончательной ликвидаціи соціальнаго феодализма при конвентѣ, а потомъ совершенно устранилось, и опять не здѣсь, въ этой народной массѣ, воспитанной въ преданіяхъ монархизма, республика могла найти свою опору. Оставался рабочій людъ городовъ, самый подвижной, самый дѣятельный соціальный классъ, принимавшій участіе въ революціи, но и онъ оказался плохою опорою республики. Правда, республиканская партія въ этомъ классѣ пользовалась наибольшею поддержкою, и здѣсь, въ классѣ этомъ, возлагали на республику наибольшія надежды, но и онъ былъ только орудіемъ въ рукахъ вождей изъ другихъ классовъ общества, не выставившимъ ни одного вождя изъ своей собственной среды, и шелъ за своими вождями, лишь пока вѣрилъ въ нихъ, пока не разочаровался въ республикѣ, ничуть не облегчившей его участи: потомъ и тутъ стала царствовать апатія, равнодушное отношеніе къ политической формѣ. Еще менѣе поддержку республикѣ могла оказать армія съ ея культомъ силы, побѣды, славы и счастливаго полководца, въ ко-

торомъ какъ бы воплотился богъ войны. Армія, при всеобщемъ молчаніи и даже одобреніи со стороны многихъ, низвергла первую республику во Франціи. Къ попыткѣ основанія конституціонной монархіи Франція вернулась лишь въ 1814 г., когда пала въ ней военная диктатура Наполеона.

Ни нація, взятая въ цѣломъ, ни отдѣльныя ея части, сословія, классы, группы, никогда не могутъ дѣйствовать планомѣрно безъ организаціи и безъ вождей, безъ опредѣленныхъ программъ и болѣе или менѣе установившихся пріемовъ дѣйствія и борьбы, которые носятъ названіе тактики. Роль организацій, объединяющихъ подъ руководствомъ извѣстныхъ вождей, около однихъ и тѣхъ же требованій и одинаковыхъ взглядовъ на способъ ихъ проведенія въ жизнь, играютъ въ свободномъ государствѣ политическія партіи. Политическая борьба въ Англіи XVII в. расколола всѣхъ, принимавшихъ въ ней участіе, на партіи, на кавалеровъ и круглоголовыхъ, а послѣ побѣды своей надъ кавалерами сами круглоголовые распались на пресвитеріанъ и индепендентовъ, среди которыхъ обособились еще левеллеры [1]). Въ эпоху реставраціи, которая вернула Англію къ положенію 1640 года, кавалеры и круглоголовые возродились въ видѣ торіевъ и виговъ [2]), двухъ политическихъ партій, непрерывно существующихъ въ Англіи до настоящаго времени, со времени же возникновенія въ Англіи парламентарнаго министерства обѣ эти партіи стали поочередно смѣняться у власти [3]). Конечно, и во время французской революціи должны были образоваться разныя теченія политической мысли, разныя группировки вождей общественнаго мнѣнія, разныя организаціи единомышленниковъ по вопросамъ, стоявшимъ на очереди дня. Уже въ наказахъ 1789 г. обнаруживалось различіе въ мнѣніяхъ о томъ, въ чемъ должна была заключаться общая реформа національной жизни, различіе, отражавшее на себѣ главнымъ образомъ, почти исключительно даже, сословные интересы и классовыя стремленія ихъ составителей съ примѣсью, конечно, разногласій, вытекавшихъ изъ неодинакового пониманія путей, ведущихъ къ достиженію однихъ и тѣхъ же цѣлей [4]). Когда генеральные штаты собрались,

---

[1]) См. выше, стр. 57 и слѣд.

[2]) См. выше, стр. 61.

[3]) См. выше, стр. 72 и слѣд.

[4]) См. выше, стр. 126—127.

въ нихъ тотчасъ же обнаружилось раздвоеніе реакціонныхъ и прогрессивныхъ элементовъ, а когда генеральные штаты съ побѣдою третьяго сословія превратились въ національное собраніе, въ немъ образовалось нѣсколько группъ, расходившихся между по основнымъ вопросомъ будущей конституціи. Но, — замѣчательная черта,—особенно выдвинутая впередъ однимъ изъ новѣйшихъ историковъ революціи, Оларомъ [1]),—дѣятели учредительнаго собранія всякими правдами и неправдами открещивались отъ принадлежности къ тѣмъ или другимъ партіямъ, считая, что такая принадлежность несовмѣстима съ истиннымъ патріотизмомъ, т.-е. съ служеніемъ только одной родинѣ, одному общему благу. Это, однако, не мѣшало единомышленникамъ организоваться въ политическія общества, клубы, на первыхъ порахъ, впрочемъ, бывшіе скорѣе безпартійными союзами, допускавшими большое разногласіе во мнѣніяхъ своихъ членовъ, нежели строго опредѣленными партіями. Новѣйшія изслѣдованія о возникновеніи во Франціи республиканской партіи приводятъ насъ къ тому выводу, что республиканизмъ, какъ ясно выраженное и достаточно опредѣлившееся въ своихъ практическихъ стремленіяхъ направленіе, возникъ только въ исходѣ 1790 г. [2]). Сначала всѣ прогрессивные дѣятели эпохи были или, по крайней мѣрѣ, искренно считали себя монархистами, даже тогда, когда настаивали на включеніе въ конституцію чисто республиканскихъ пунктовъ, но потомъ мало-по малу сталъ возникать разрывъ между приверженцами конституціонной монархіи и сторонниками республики. Однимъ изъ первыхъ признаковъ такого расхожденія политическихъ вождей въ разныя стороны былъ выходъ болѣе умѣренно настроенныхъ членовъ изъ клуба якобинцевъ, бывшаго наиболѣе обширною и самою вліятельною организаціею для руководства общественнымъ мнѣніемъ столицы и всей страны [3]), причемъ отколовшіеся образовали свой особый клубъ фельяновъ. Въ законодательномъ собраніи уже и самыя мѣста были заняты въ залѣ засѣданій по партіямъ. Здѣсь все еще было великое множество безпартійныхъ, составлявшее даже большинство собранія, размѣстив-

---

[1]) *A. Aulard.* Histoire politique de la revolution française.

[2]) Этимъ вопросомъ тоже занимался *Оларъ.*

[3]) Подробности о клубѣ якобинцевъ см. въ III т. моей „Исторіи Западной Европы“, стр. 500 и слѣд. Поводомъ для выхода изъ него будущихъ фельяновъ послужило усиленіе въ немъ республиканскихъ тенденцій.

шесся по-серединѣ, а правую и лѣвую сторону заняли депутаты партійной окраски: правую—приверженцы конституціонной монархіи, фельяны, лѣвую—сторонники конституціонныхъ измѣненій въ болѣе демократическомъ направленіи, всецѣло проникнутые ученіемъ Руссо, сами распадавшіеся на жирондистовъ и монтаньяровъ. Съ паденіемъ конституціи 1791 г., въ національномъ конвентѣ, первымъ дѣломъ котораго было провозглашеніе республики, правую сторону въ залѣ засѣданій, сдѣлавшуюся съ легкой руки законодательнаго собранія мѣстами болѣе консервативныхъ депутатовъ, уже занимали жирондисты, а сдѣлавшіеся очень скоро ихъ политическими противниками монтаньяры заняли мѣста на лѣвой сторонѣ, ставшія и на будущія времена и не въ одной только Франціи достояніемъ партій, требованія которыхъ наиболѣе отклоняются отъ старыхъ порядковъ и установившихся отношеній. Первые мѣсяцы существованія во Франціи республики прошли въ борьбѣ этихъ двухъ республиканскихъ партій, пока въ концѣ мая и началѣ іюня 1793 г. не произошелъ полный разгромъ жирондистовъ, и монтаньяры, сдѣлавшіеся полновластными распорядителями якобинскаго клуба, не организовали въ конвентѣ свою диктатуру.

Французскіе соціалистическіе историки революціи, писавшіе въ эпоху іюльской монархіи, когда вполнѣ выяснилась соціальная противоположность буржуазіи и пролетаріата [1]), создали такое представленіе объ основномъ различіи между жирондистами и якобинцами (монтаньярами), что первые-де были представителями буржуазіи съ ея эгоистическимъ индивидуализмомъ, а вторые, наоборотъ, представителями пролетаріата и его стремленій къ братской солидарности [2]). Современная историческая наука не раздѣляетъ такого взгляда на различіе, существовавшее между обѣими республиканскими партіями французской революціи [3]). Это не была противоположность буржуазнаго либерализма и пролетарскаго соціализма, какъ представляли дѣло соціалистическіе писатели тридцатыхъ и

---

[1]) См. ниже, въ главѣ XVIII.

[2]) Въ V т. моей „Исторіи Западной Европы", именно въ главѣ XIV, разсматривающей демократическія стремленія во Франціи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, изложены историко-философскіе взгляды Бюшеза и Луи Блана, которые здѣсь имѣются въ виду.

[3]) Для дальнѣйшаго ср. главу третьяго тома „Исторіи Западной Европы".

сороковыхъ годовъ XIX в., даже невполнѣ та разница, какую дѣлаютъ между либерализмомъ и радикализмомъ въ чисто политической сферѣ. Жирондисты и якобинцы были, въ сущности, представители одного и того же класса общества (современные марксисты и тѣхъ, и другихъ одинаково считаютъ идеологами мелкой буржуазіи), одинаково стояли на почвѣ существующаго экономическаго строя и, одинаково будучи послѣдователями Руссо, очень сходно понимали республиканско-демократическое устройство государства, что видно хотя бы изъ составленныхъ тѣми и другими декларацій правъ и конституцій [1]). Главная разница между ними была и не въ тактикѣ, такъ какъ обѣ партіи одинаково не брезгали демагогическими способами веденія борьбы. Наконецъ, и не въ томъ заключалось отличіе жирондистовъ отъ якобинцевъ, что у первыхъ не было такой организованности и партійной дисциплины, какія были присущи послѣднимъ. Нѣтъ, самое главное было въ томъ, что въ жирондизмѣ и якобинизмѣ какъ бы воплотились тѣ самыя двѣ противоположныя тенденціи, которыя такъ-таки и оставались непримиренными въ „Общественномъ договорѣ“ Руссо, бывшемъ политическимъ евангеліемъ одинаково обѣихъ партій [2]).

Руссо хотѣлъ, чтобы человѣкъ послѣ заключенія общественнаго договора оставался такимъ же свободнымъ, какъ и до заключенія договора, и въ то же время находилъ нужнымъ, чтобы всѣ свои права онъ передалъ обществу, т.-е. въ распоряженіе неограниченной и непогрѣшимой верховной власти державнаго народа. Жирондисты усвоили и развили одну сторону ученія Руссо, якобинцы — другую. Одни были индивидуалисты, другіе—государственники, стоявшіе на точкѣ зрѣнія Ришелье и Гоббза. Для якобинцевъ государство было предметомъ своего рода религіознаго культа, но непремѣнно въ формѣ „единой и нераздѣльной республики“, осуществляющей демократическій принципъ народовластія; истинный гражданинъ долженъ былъ, съ ихъ точки зрѣнія, всего себя отдавать служенію отечеству, и лишь себя они называли „патріотами“, во всякомъ поползновеніи къ индивидуальной свободѣ видя „инцивизмъ“, преступленіе противъ гражданскаго долга: они, находясь у власти, задумали даже осуществить гражданскую религію по рецепту Руссо, добившись конвентскаго декрета о

---

[1]) См. въ обѣихъ слѣдующихъ главахъ.

[2]) См. выше, стр. 112.

признаніи республикой бытія Верховнаго Существа; они составили республиканскую конституцію, введеніе которой, однако, отложили до неопредѣленнаго срока окончательной побѣды своихъ принциповъ, на дѣлѣ организовавъ настоящую диктатуру, пользовавшуюся тѣми же орудіями и пріемами власти, какія были выработаны старою монархіей; въ борьбѣ за свой политическій идеалъ они возводили въ систему терроръ, бывшій не чѣмъ инымъ, какъ примѣненіемъ „священнаго насилія", о которомъ говорилъ Мабли [1]), а тѣхъ, которые были противъ этой системы, они обвиняли въ тяжкомъ грѣхѣ „модерантизма", стоявшемъ въ ихъ глазахъ на одномъ уровнѣ съ другимъ грѣхомъ противъ государства, грѣхомъ „инцивизма". Политическій идеалъ якобинцевъ, — это было античное государство, въ которомъ совершенно поглощалась личность гражданина.

Борьба жирондистовъ съ якобинцами была борьбою двухъ разныхъ пониманій свободы, о которыхъ говорилъ еще Монтескье, рекомендовавшій не смѣшивать „свободы народа" съ „властью народа". Въ этой борьбѣ побѣда выпала на долю якобинцевъ. Они были лучше организованы; въ ихъ рядахъ было больше партійной дисциплины; ихъ тактика была болѣе послѣдовательной и менѣе разборчивой по отношенію къ средствамъ; народнымъ массамъ были болѣе понятны и пріятны демагогическія рѣчи ихъ ораторовъ, дышавшія бо́льшей ненавистью къ старому порядку, заключавшія въ себѣ больше льстивыхъ похвалъ и заманчивыхъ обѣщаній, и жирондистовъ именно низвергло непосредственное вмѣшательство народныхъ массъ, видѣвшихъ въ этой партіи злокозненный заговоръ противъ народа. Съ другой стороны, якобинская политика всепоглощающей и всеуравнивающей государственности была для большинства французской націи привычнѣе, чѣмъ то, къ чему звали ее жирондисты: старая монархія пріучила французовъ къ повиновенію велѣніямъ власти, а на этотъ разъ велѣнія власти совпадали съ желаніемъ націи во что бы то ни стало покончить съ роялистической и аристократическою крамолою и спасти страну отъ иноземнаго нашествія. Положеніе дѣлъ и внутри, и внѣ Франціи требовало концентраціи власти, и единственною общественною силою, которая по своимъ принципамъ, по своей сплоченности и энергичности, по своему умѣнію двигать массами ока-

[1]) См. выше, стр. 118.

залась способною организовать диктатуру, была партія якобинцевъ. Борьба, которую эта партія вела за свободу, въ сущности, однако, была борьбою за власть, перешедшею въ усобицу отдѣльныхъ группъ и лицъ въ самой партіи, такъ что началось самоистребленіе партіи, пользованіе терроромъ одними противъ другихъ. Выходъ изъ тупика, въ какой завелъ якобинскій режимъ, заключался въ попыткѣ основать республику на началахъ, болѣе близкихъ къ конституціи 1791 г.

Отрицая за якобинизмомъ значеніе сколько-нибудь соціалистическаго направленія, мы, конечно, должны признать, что онъ,—какъ, впрочемъ, и жирондизмъ,—былъ гораздо демократичнѣе того общественнаго движенія, которое выразилось въ созданіи конституціи 1791 г., что мы еще увидимъ изъ сравненія французскихъ конституцій этой эпохи [1]). Далѣе, не считая возможнымъ сдѣлать изъ жирондистовъ и якобинцевъ двѣ партіи, изъ которыхъ одна защищала бы интересы буржуазіи, другая—интересы пролетаріата, мы, конечно, не станемъ отрицать той классовой борьбы, какая совершалась въ эпоху французской революціи. Соединенными усиліями среднихъ и низшихъ классовъ общества въ 1789 г. было низвергнуто соціальное господство привилегированныхъ, низвергнуто во имя идеи общественнаго равенства, но результатами побѣды воспользовалась главнымъ образомъ буржуазія, противъ которой въ 1793 г. сдѣлалъ новую революцію народъ. Такъ понято было дѣло еще первыми историками французской революціи въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія [2]), а къ серединѣ вѣка это выступленіе народныхъ массъ, принявшее угрожающій характеръ по отношенію къ буржуазіи, было понято историками и публицистами въ смыслѣ борьбы буржуазнаго либерализма и пролетарскаго соціализма, о которыхъ для конца XVIII в. во Франціи не можетъ быть и рѣчи. Народныя массы, выступившія на сцену въ 1793 г., обнаружили мало интереса къ дѣлу индивидуальной свободы, но за то въ нихъ нашла себѣ поддержку партія революціонной диктатуры, какъ потомъ на той же широко-демократической основѣ воздвигнуто было зданіе диктатуры счастливаго и популярнаго полководца. Такъ называемая конституція III года, созданная для Франціи конвентомъ послѣ паденія якобинцевъ, была реакціей противъ

---

[1]) Въ главѣ X.

[2]) Имѣю въ виду особенно *Минье*.

только-что пережитого времени, реакціей, въ которой нужно различать двѣ стороны, не имѣющія между собою ничего общаго: возвращеніе отъ якобинскаго „этатизма“ къ „либертатизму“ жирондистовъ и дѣятелей 1789 г., съ одной стороны, и классовой страхъ буржуазіи за выгоды своего положенія, бывшія результатомъ революціи 1789 г., съ другой.

Съ паденіемъ якобинцевъ въ 1794 г. французская революція пошла на убыль. Вторая половина послѣдняго десятилѣтія XVIII в. была эпохою всеобщаго утомленія, разочарованія, скептицизма, эпохою полной неопредѣленности въ настоящемъ и неизвѣстности относительно завтрашняго дня, эпохою внутреннихъ колебаній и частыхъ государственныхъ переворотовъ. Опытъ основанія свободнаго государства, сдѣланный Франціей въ 1789 г., окончился полной неудачей: конституціонную монархію быстро смѣнила революціонная диктатура, конституціонная республика III года, поддерживавшая себя главнымъ образомъ государственными переворотами при помощи военной силы, этою же военною силою и была низвергнута. Послѣдняго не могло бы произойти, если бы націей не овладѣла реакція страха передъ повтореніемъ якобинскаго режима и реакція разочарованія вслѣдствіе неосуществившихся надеждъ. 18 брюмера Наполеонъ лишь пожалъ плоды общественной реакціи.

Но французская революція оставила послѣ себя прочные слѣды въ исторіи—и притомъ не для одной только Франціи. Эпоха консульства и имперіи была временемъ консолидаціи во Франціи новаго общественнаго строя, безсословнаго гражданства, переросшаго старыя сословныя рамки, въ которыхъ держала общество старая монархія, и сбросившаго съ себя ихъ, какъ ненужныя и вредныя путы. Остались отъ революціи еще идеи, принципы, традиціи индивидуальной свободы, общественной самодѣятельности, участія народнаго представительства въ государственныхъ дѣлахъ. Революція подняла цѣлый рядъ новыхъ вопросовъ, получившихъ новую теоретическую постановку и новые отвѣты отъ самой практики жизни, благодаря тому, что многое было извѣдано и на опытѣ, раньше даже и небываломъ. Во внутренней своей жизни, несмотря на все распространеніе своей мощи извнѣ, Франція, такъ сказать, вошла въ самоё себя, занявшись упроченіемъ оставшихся цѣлыми пріобрѣтеній революціи и подведеніемъ итоговъ подъ результатами жизненнаго опыта пережитыхъ лѣтъ. Съ другой сто-

роны, реакціонная по отношенію ко Франціи наполеоновская эпоха была продолженіемъ революціи по отношенію къ остальной Европѣ. За эти 14—15 лѣтъ Франція у сосѣдей произвела цѣлый рядъ переворотовъ, разрушившихъ множество устарѣлыхъ учрежденій и расчистившихъ почву для новыхъ зданій, планы и фасады которыхъ пришлось брать все у той же французской революціи.

Мы и разсмотримъ теперь законодательство французской революціи со стороны его принципіальнаго содержанія въ интересахъ лучшаго пониманія исторіи конституціоннаго движенія XIX в. въ остальной Европѣ.

ГЛАВА IX.

Французскія деклараціи правъ человѣка и гражданина.

Вліяніе идеи естественнаго права на законодательство французской революціи.—Происхожденіе первой „Деклараціи правъ человѣка и гражданина".—Текстъ самой деклараціи.—Анализъ ея содержанія по категоріямъ индивидуальной свободы, гражданскаго равенства и народнаго верховенства.—Деклараціи въ жирондистскомъ проектѣ и въ якобинской конституціи 1793 г.—Декларація въ конституціи III года.—Отдѣлы объ основныхъ правахъ гражданъ въ позднѣйшихъ конституціяхъ.

Французское законодательство въ эпоху революціи находилось подъ сильнымъ вліяніемъ философіи естественнаго права. Старый, вѣками исторически сложившійся порядокъ дольше существовать не могъ и не долженъ былъ существовать: на мѣстѣ этого стараго зданія, обреченнаго на сломъ, должно было быть воздвигнуто совершенно новое зданіе, и въ его основу должны были лечь идеи разума, принципы естественнаго права для осуществленія той свободы и того равенства, которыя прирождены человѣческой личности. Двѣ основныя идеи философіи естественнаго права проходятъ красною нитью черезъ законодательство учредительнаго собранія, идея того права, которое личность человѣка и гражданина носитъ

въ себѣ самой, и идея той верховной власти, которая должна принадлежать всему народу. Эти два основные принципа представляютъ собою двѣ главныя категоріи, подъ какія только можно подвести отдѣльныя статьи знаменитой декларацiи правъ человѣка и гражданина. Составленіе этого характернаго для всей французской революціи документа не было однимъ лишь изъ частныхъ эпизодовъ французской революціи, не было дѣломъ чьей-либо индивидуальной иниціативы. Составленія такой декларацiи требовали многіе во Франціи въ послѣдніе годы передъ началомъ революціи, и это требованіе повторялось въ извѣстномъ количествѣ наказовъ въ 1789 г. Само національное собраніе считало это составленіе дѣломъ первостепенной важности, и около декларацiи образовалась цѣлая литература, начиная съ ея опроверженій и защитъ въ эпоху ея появленія и кончая изслѣдованіями новѣйшихъ ученыхъ. Съ другой стороны, за декларацiей 1789—1791 г. послѣдовали двѣ декларацiи 1793 г. и декларація 1795 г., а въ XIX столѣтіи—цѣлые отдѣлы въ разныхъ конституціяхъ, посвященные основнымъ правамъ гражданъ. Черезъ декларацію 1791 г. не только для Франціи, но и для остальныхъ европейскихъ странъ идеи естественнаго права были реализованы въ формѣ нормъ положительнаго права, и въ исторіи конституціоннаго государства поэтому документу, которому посвящена эта глава, принадлежитъ весьма важное мѣсто.

Господствовавшій прежде взглядъ на происхожденіе декларацiи заключался въ томъ, что толчкомъ къ ея составленію послужило ученіе Руссо, а образцомъ для нея была американская декларація 1776 г. Недавно вопросъ о происхожденіи декларацiи былъ подвергнутъ пересмотру извѣстнымъ государствовѣдомъ Еллинекомъ въ небольшой, но очень содержательной работѣ, обратившей на себя большое вниманіе въ литературѣ.

Еллинекъ оспариваетъ приведенное мнѣніе о „Contrat social", какъ источникѣ декларацiи, правильно указывая на то, что ученіе Руссо „сводится къ одному пункту, именно къ полному отчужденію всѣхъ правъ индивидуума въ пользу общества" [1]) и рядомъ выдержекъ изъ „Общественнаго договора"

[1]) *G. Jellinek.* Die Erklärung der Menschen- und Bürgerrechte. 1895. Въ 1905 г. вышелъ въ свѣтъ русскій переводъ этой книжки подъ ред. *А. В. Вормса.*

иллюстрируя свое положеніе [1]). Нѣмецкій ученый не соглашается и съ тѣмъ взглядомъ, по которому собственно образцомъ для французской декларацiи послужила сѣверо-американская, ибо между обѣими онъ находитъ только одно сходство, касающееся существованія нѣкоторыхъ самоочевидныхъ истинъ и ихъ общаго содержанія [2]). Въ доказательство зависимости французской декларацiи отъ американской обыкновенно указываютъ на то, что ее предложилъ герой американской войны за независимость Лафайетъ, но самъ же Лафайетъ разъясняетъ, что конгрессъ въ 1776 г. не имѣлъ возможности издавать нормы, обязательныя для отдѣльныхъ колоній, и что потому декларацiей независимости устанавливается одно лишь начало верховенства народа и его право измѣнять организацію правительственной власти. За то, какъ поясняетъ опять-таки самъ Лафайетъ, конституціямъ отдѣльныхъ штатовъ, „были предпосланы декларацiи правъ, принципами которыхъ должны были руководствоваться народные представители какъ въ законодательныхъ собраніяхъ, такъ и при осуществленіи другихъ властей". Еллинекъ именно и обращается къ этому послѣднему источнику, ссылаясь, между прочимъ, на тотъ фактъ, что уже въ 1778 г. въ Швейцаріи появился французскій переводъ американскихъ конституцій, а въ 1783 г. вышелъ въ свѣтъ и еще одинъ переводъ. „Французская декларація правъ, говоритъ онъ, составлена въ общихъ чертахъ по образцу этихъ американскихъ bills of rights или declarations of rights", и это положеніе подтверждается у него прямымъ сравненіемъ текстовъ. Мнѣніе Еллинека было встрѣчено сочувственно большинствомъ историковъ, исключая нѣсколькихъ французскихъ писателей, которые стали его оспаривать, да и вообще работа Еллинека вызвала цѣлую полемику [3]). Основную мысль нѣмецкаго ученаго во всякомъ случаѣ мы должны признать вѣрною.

Разсмотримъ теперь самое содержаніе декларацiи, кото-

---

[1]) Ср. выше, стр. 111—112. Еще раньше Еллинека въ своей „Исторіи Западной Европы" къ „Contrat social", какъ источнику, я сводилъ только положенія декларацiи о народовластіи, т. III, стр. 523.

[2]) Ср. выше, стр. 142.

[3]) Напр., *Marcuggi* въ работѣ „Les origines de la déclaration des droits de l'homme de 1789" (1904) видитъ источникъ декларацiи въ ученіи физіократовъ.

рая вслѣдствіе своей краткости приводится здѣсь текстуально [1]).

„Представители французскаго народа, — такъ начинается этотъ документъ, — составляющіе національное собраніе, принимая во вниманіе, что незнаніе, забвеніе или презрѣніе правъ человѣка суть единственныя причины общественныхъ бѣдствій и порчи правительствъ, рѣшились изложить въ торжественномъ объявленіи естественныя, неотчуждаемыя и священныя права человѣка, дабы объявленіе это, будучи постоянно въ виду всѣхъ членовъ общественнаго тѣла, непрерывно напоминало имъ объ ихъ правахъ и обязанностяхъ; дабы дѣйствія властей законодательной и исполнительной, будучи ежеминутно сравниваемы съ цѣлью всякаго политическаго установленія, были чрезъ это болѣе уважаемы; дабы требованія гражданъ, основанныя отнынѣ на началахъ простыхъ и безспорныхъ, обращались всегда къ поддержанію конституціи и къ общему счастію“.

„Въ силу этого національное собраніе признаётъ и объявляетъ, предъ лицомъ и подъ покровительствомъ Верховнаго Существа, слѣдующія права человѣка и гражданина:

1. „Люди рождаются и остаются свободными и равными въ правахъ. Общественныя различія могутъ быть основаны только на общей пользѣ“.

2. „Цѣль всякаго политическаго союза есть охрана естественныхъ и неотчуждаемыхъ правъ человѣка. Права эти суть: свобода, собственность, безопасность и сопротивленіе угнетенію“.

3. „Принципъ всей верховной власти находится существеннымъ образомъ въ націи. Никакое учрежденіе, никакое лицо не можетъ осуществлять власти, не происходящей прямо отъ націи“.

4. „Свобода состоитъ въ возможности дѣлать все, что не вредитъ другому; такимъ образомъ, пользованіе каждаго человѣка его естественными правами не имѣетъ границъ, кромѣ тѣхъ, которыя обезпечиваютъ за другими членами общества пользованіе тѣми же правами. Эти границы могутъ быть опредѣлены только закономъ“.

5. „Законъ можетъ запрещать лишь дѣйствія, вредныя для общества. Все, что не воспрещено закономъ, не можетъ

---

[1]) Переводъ декларацiи изъ III т. „Исторіи Западной Европы“ съ нѣкоторыми измѣненіями.

быть возбранено, и никто не можетъ быть принужденъ къ тому, чего законъ не предписываетъ".

6. „Законъ есть выраженіе общей воли. Всѣ граждане имѣютъ право лично или черезъ представителей участвовать въ созданіи законовъ. Законъ долженъ быть равный для всѣхъ, имѣетъ ли онъ цѣлью защиту или наказаніе. Такъ какъ всѣ граждане передъ нимъ равны, то они должны быть одинаково допускаемы ко всѣмъ званіямъ, мѣстамъ и общественнымъ должностямъ по своимъ способностямъ и безъ иныхъ различій, кромѣ существующихъ въ ихъ добродѣтели и талантахъ".

7. „Никто не можетъ быть привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго, задержанъ или заключенъ иначе, какъ въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ, и по предписаннымъ имъ формамъ. Тѣ, которые испрашиваютъ, отдаютъ, исполняютъ или заставляютъ исполнять произвольныя повелѣнія, подлежатъ наказанію, но каждый гражданинъ, вызванный или задержанный въ силу закона, долженъ немедленно повиноваться: онъ дѣлается виновнымъ, оказывая сопротивленіе".

8. „Законъ долженъ устанавливать наказанія только строго и очевидно необходимыя, и никто не можетъ быть наказанъ иначе, какъ въ силу закона, установленнаго и обнародованнаго раньше преступленія и законно примѣненнаго".

9. „Такъ какъ каждый человѣкъ предполагается невиновнымъ, пока судъ не признаетъ его виновнымъ, то въ случаѣ необходимости его ареста всякая мѣра, которая не нужна для пресѣченія возможности уклоненія отъ суда, должна быть строго возбраняема закономъ".

10. „Никто не долженъ быть тревожимъ за свои мнѣнія, даже религіозныя, лишь бы ихъ проявленіе не нарушало общественнаго порядка, установленнаго закономъ".

11. „Свободное сообщеніе мыслей и мнѣній есть одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ правъ человѣка: каждый гражданинъ можетъ, слѣдовательно, свободно говорить, писать, печатать, подъ условіемъ отвѣтственности за злоупотребленія этою свободою въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ закономъ".

12. „Для обезпеченія правъ человѣка и гражданина нужна общественная власть; такимъ образомъ, эта власть установлена для счастья всѣхъ, а не для частной выгоды тѣхъ, кому она ввѣрена".

13. „Для содержанія общественной власти и для расхо-

довъ по управленію необходимо общее обложеніе; налоги должны быть распредѣлены равномѣрно между гражданами сообразно съ ихъ средствами".

14. „Всѣ граждане имѣютъ право лично или чрезъ своихъ представителей опредѣлять необходимость общественныхъ взносовъ, свободно на нихъ соглашаться, слѣдить за ихъ употребленіемъ, устанавливать ихъ размѣръ, основанія раскладки, способъ взиманія и срокъ".

15. „Общество имѣетъ право требовать отчета у каждаго публичнаго агента своей администраціи".

16. „Каждое общество, въ которомъ не установлено способовъ обезпеченія правъ и не проведено раздѣленія властей, не имѣетъ конституціи" (n'a point de constitution).

17. „Такъ какъ собственность есть ненарушимое и священное право, то никто не можетъ быть ея лишаемъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда того требуетъ общественная надобность, законнымъ образомъ засвидѣтельствованная, и подъ условіемъ предварительнаго и справедливаго вознагражденія".

Таково содержаніе знаменитой декларацiи. Сравнивая ее съ виргинской и другими американскими bills of rights [1]), мы находимъ, что составители французской декларацiи усвоили не только идеи американскихъ биллей, но даже и самую форму ихъ выраженія. Кое-что французы, впрочемъ, добавили, именно въ статьяхъ о равенствѣ передъ закономъ, о чемъ американцамъ, давнымъ давно пользовавшимся равноправностью, не было надобности особенно распространяться, а кое-что, наоборотъ, смягчили или даже опустили. Смягченію подверглась статья о религіозной свободѣ, о чемъ будетъ еще сказано ниже, а совсѣмъ не вошли въ составъ декларацiи упоминаемыя въ нѣкоторыхъ американскихъ перечисленіяхъ правъ такія свободы, какъ свобода собраній, союзовъ, петицій, передвиженія.

Основными принципами приведеннаго документа мы должны, далѣе, признать идею личности, какъ обладающей прирожденною и неотъемлемою свободою, и идею націи, какъ обладательницы всей верховной власти въ государствѣ, другими словами, идеи индивидуальной свободы и народовластія, чѣмъ де-

---

[1]) См. выше, стр. 139 — 141. Въ работѣ *Еллинска* (стр. 18—31) текстъ декларацiи прямо напечатанъ параллельно съ отрывками изъ этихъ биллей.

кларація примыкаетъ къ основнымъ политическимъ воззрѣніямъ Монтескье о свободѣ гражданина и Руссо о суверенитетѣ совокупности гражданъ. Отъ политическаго міросозерцанія Руссо, взятаго въ его цѣломъ, декларація отличается тѣмъ, что беретъ индивидуальную свободу подъ защиту противъ прежняго всевластія государства, признаётъ представительную систему и возводитъ въ своего рода конституціонный догматъ принципъ раздѣленія властей, и въ этомъ смыслѣ декларація по общему своему духу была ближе къ ученію Монтескье, нежели къ ученію Руссо. Зато своимъ осужденіемъ общественнаго неравенства она примыкаетъ къ демократизму Руссо и потому очень далека отъ аристократическихъ симпатій автора „Духа законовъ“.

Принципъ индивидуальной свободы довольно полно былъ проведенъ въ отдѣльныхъ статьяхъ деклараціи, но все-таки можно отмѣтить и нѣкоторые недостатки деклараціи въ этомъ отношеніи. Выше только-что было указано на пробѣлы относительно нѣкоторыхъ свободъ, перечисляемыхъ кое-какими американскими биллями. Далѣе, обезпечивая гражданъ за произвольные аресты угрозою наказанія виновныхъ въ такихъ арестахъ, законодательство учредительнаго собранія не создало во Франціи болѣе реальной судебной защиты личной неприкосновенности вродѣ англійскаго „habeas corpus“ [1]), по которому судебная власть имѣетъ право немедленно отмѣнять незаконные аресты; въ данномъ случаѣ учредительное собраніе стояло на точкѣ зрѣнія раздѣленія властей, считая, именно, недопустимымъ непосредственное вмѣшательство судебной власти въ распоряженія власти исполнительной. Въ статьѣ о религіозной свободѣ тоже крупнымъ недостаткомъ было внесеніе въ нее оговорки о томъ, что проявленіе религіозныхъ мнѣній не должно нарушать общественнаго порядка. При обсужденіи этого параграфа одинъ депутатъ настаивалъ, чтобы въ нее были еще внесены слова: „и никто не долженъ встрѣчать препятствій въ отправленіи своего культа“, и Мирабо горячо поддерживалъ эту поправку, но она была отклонена, вслѣдствіе чего параграфъ вышелъ гораздо менѣе либеральнымъ, нежели соотвѣтствующіе ему въ американскихъ деклараціяхъ.

Въ общемъ, учредительное собраніе стояло совершенно ис-

---

[1]) См. выше, стр. 65.

кренно на точкѣ зрѣнія индивидуальной свободы и проводило этотъ принципъ въ своемъ законодательствѣ, тѣмъ самымъ не только снимая съ личности разнаго рода стѣсненія, налагавшіяся на нее старымъ правомъ, но и уравнивая ея правовое положеніе въ государствѣ. Всѣ ограниченія въ правахъ, вытекавшія изъ происхожденія и вѣроисповѣданія человѣка, отмѣнялись, но, какъ мы увидимъ, конституція 1791 г. все-таки дѣлала различіе между гражданами по ихъ имущественному положенію, исходя въ данномъ случаѣ изъ соображеній „общей пользы", которая по параграфу первому декларацiи могла требовать установленія „общественныхъ различій". Особенно принципы индивидуальной свободы и равноправія были проведены законодательствомъ французской революціи въ области гражданскаго права: гражданское совершеннолѣтіе дѣтей (въ 21 г.) эманципировало ихъ отъ родительской власти въ смыслѣ римской „patriae potestatis"; право наслѣдованія имущества родителей признавалось за дѣтьми одинаковымъ, безъ всякихъ преимуществъ старшаго передъ младшими и сыновей передъ дочерьми; вмѣстѣ съ тѣмъ собственность была сдѣлана совершенно индивидуальною, такъ какъ признана была полная свобода посмертнаго распоряженія своимъ имуществомъ (посредствомъ духовнаго завѣщанія), и уничтожалось право наслѣдниковъ на родовой выкупъ проданнаго имѣнія. Всѣ эти измѣненія въ семейномъ, имущественномъ и наслѣдственномъ правѣ впослѣдствіи были закрѣплены въ гражданскомъ кодексѣ, изданномъ уже при Наполеонѣ. Извѣстно, однако, что во французскомъ законодательствѣ до сихъ поръ еще не устранено въ области гражданскихъ отношеній неравноправіе половъ. Какъ-ни-какъ, подъ „человѣкомъ и гражданиномъ" составители декларацiи и законовъ, касающихся личныхъ правъ, разумѣли, главнымъ образомъ, мужчину. Эту оговорку, впрочемъ, вообще нужно имѣть въ виду въ исторіи общественныхъ идей, движеній и учрежденій, такъ какъ вопросъ о женскомъ равноправіи выдвинулся впередъ лишь во второй половинѣ XIX вѣка, раньше же у распространенія на женскій полъ всѣхъ правъ человѣка и гражданина не было ни большого количества сторонниковъ среди мужчинъ, ни сильной поддержки среди самихъ женщинъ, ни, наконецъ, вообще сколько-нибудь настойчивой и организованной пропаганды.

Въ пользованіи „человѣка и гражданина" его естественными правами декларація не признавала законности иныхъ

стѣсненій, кромѣ тѣхъ, „которыя обезпечиваютъ за другими членами общества пользованіе тѣми же правами“, или которыя могутъ быть потребованы необходимостью огражденія общества отъ дѣйствій, приносящихъ ему вредъ. При старомъ порядкѣ индивидуальная свобода именно большею частью и стѣснялась требованіями такъ называемой „государственной необходимости“ (raison d'état). Сначала учредительное собраніе всячески старалось не давать себѣ увлекаться соображеніями подобнаго рода, хотя, какъ мы видѣли, и внесло въ декларацію оговорку, въ сущности угрожавшую свободѣ культовъ. По мѣрѣ того, однако, какъ, съ одной стороны, эксцессы самой революціи, а съ другой, козни ея враговъ стали принимать все болѣе и болѣе грозный характеръ и по отношенію къ общественному порядку съ стоявшими на его стражѣ властями, и по отношенію къ пріобрѣтеніямъ самой революціи,— соображенія „государственной необходимости“, или „общей пользы“ начинали все болѣе и болѣе проявлять себя въ дѣятельности учредительнаго собранія. Напр., когда послѣ разрушенія Бастиліи началась изъ Франціи эмиграція дворянъ, собраніе не ставило ей никакихъ препятствій, но потомъ, послѣ того, какъ эмигранты стали интриговать при иностранныхъ дворахъ противъ новыхъ порядковъ во Франціи, въ собраніи былъ поднятъ вопросъ о необходимости запретить самовольное оставленіе отечества, какъ своего рода государственное преступленіе. Въ декларацiи не было оговорено право эмиграціи, но какъ-разъ въ духѣ такого права возражалъ противъ его ограниченія Мирабо, заявившій, что если бы собраніе издало законъ, запрещающій эмиграцію, то первымъ его нарушителемъ во имя индивидуальной свободы былъ бы онъ, депутатъ графъ Мирабо. Какъ извѣстно, законодательное собраніе потомъ и приравняло эмиграцію къ государственнымъ преступленіямъ, наказываемымъ тягчайшими карами. Безграничная свобода царствовала въ первыя времена и по отношенію къ печати, петиціямъ, собраніямъ и союзамъ, но и здѣсь наблюдается извѣстный поворотъ въ сторону ограниченій и стѣсненій, причемъ по старой привычкѣ абсолютной монархіи, нашедшей подражателей и въ правительствѣ новой Франціи, въ ходъ пускались нерѣдко чисто административныя мѣропріятія, плохо согласованныя съ провозглашеннымъ въ декларацiи принципомъ закономѣрности. Старый порядокъ, конечно, не могъ воспитать во французской націи того уваженія къ законности, ко-

торое въ Англіи поддерживало господство права [1]) и имъ самимъ поддерживалось, и многія обѣщанія декларацiи въ жизни остались мертвою буквою. Между прочимъ, нельзя здѣсь не отмѣтить религіозныхъ преслѣдованій въ эпоху революціи, вызванныхъ нежеланіемъ значительной части духовенства и мірянъ подчиниться вновь введенному учредительнымъ собраніемъ „гражданскому“ устройству католической церкви [2]).

Разсматривая декларацію 1791 г. въ связи отчасти съ законодательствомъ учредительнаго собранія, отчасти съ общимъ направленіемъ его политики, и въ частности выдвигая на первый планъ проведеніе въ жизнь французской революціей принципа индивидуальной свободы, мы не можемъ не коснуться здѣсь еще законодательства, которымъ осуществлялась во Франціи свобода труда и промышленности. При старомъ порядкѣ ея не существовало какъ въ силу средневѣковыхъ цеховыхъ стѣсненій, такъ и въ силу системы государственной опеки, имѣвшей происхожденіе въ новое время. Противниками и корпоративнаго строя ремесла, и государственнаго вмѣшательства въ экономическую дѣятельность общества были уже физіократы [3]), и учредительное собраніе въ полномъ соотвѣтствіи съ ихъ ученіемъ, отмѣнило весь цеховой строй („корпораціи, метризы и жюранды“) съ его монополіями, съ его привилегіями для однихъ, стѣсненіями для другихъ, противными личной свободѣ и равноправію. Въ данномъ случаѣ учредительное собраніе пошло даже дальше, запретивъ тѣмъ же декретомъ, который уничтожилъ старые цехи, образованіе впредь какихъ бы то ни было ассоціацій этого рода. Читая этотъ декретъ (14 іюня 1791 г.), уничтожающій, какъ въ немъ было сказано, „всякаго рода корпораціи гражданъ одного и того же состоянія и профессіи“ и запрещающій „возстановлять ихъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ и подъ какимъ бы то ни было видомъ“, мы видимъ, что собраніе прямо усматривало въ возможныхъ попыткахъ основанія новыхъ ремесленныхъ ассоціацій нѣчто „неконституціонное и заключающее въ себѣ покушеніе на свободу и декларацію правъ человѣка“, ибо, какъ пояснялъ докладчикъ декрета, въ государствѣ не должно быть иныхъ интересовъ, кромѣ частнаго интереса каждаго от-

---

[1]) См. выше, стр. 78.

[2]) См. о немъ въ слѣд. главѣ.

[3]) См. выше, стр. 123.

дѣльнаго лица и интереса общаго: „никому не дозволяется внушать гражданамъ какой-то промежуточный интересъ, отдѣлять ихъ отъ общаго дѣла корпоративнымъ духомъ", съ другой же стороны корпораціи противорѣчатъ принципу свободныхъ соглашеній лица съ лицомъ. Такимъ образомъ учредительное собраніе не хотѣло знать ничего промежуточнаго между государствомъ и отдѣльнымъ лицомъ и во имя индивидуальной свободы лишало отдѣльныя лица права соединяться между собою ради достиженія общихъ профессіональныхъ цѣлей. Отмѣтимъ еще, что декретъ запрещалъ ассоціаціи не однихъ рабочихъ, но и предпринимателей, какъ это было прямо заявлено въ декретѣ [1]). Все, что становилось между личностью и государствомъ въ видѣ старыхъ сословій и прежнихъ корпорацій съ ихъ особыми интересами, должно было исчезнуть во имя правъ государства и свободы личности, хотя въ современномъ намъ пониманіи право союзовъ является какъ-разъ однимъ изъ средствъ обезпеченія личности въ ея жизненной борьбѣ.

Рядомъ съ принципами личной свободы и равноправія въ декларацiи правъ человѣка и гражданина видное мѣсто занимаетъ, какъ сказано было выше, принципъ народовластія. Параграфъ третій декларацiи прямо заявляетъ, что въ государствѣ не можетъ быть никакой власти, которая не имѣла бы свой непосредственный источникъ въ націи. Въ сущности, это—принципъ республиканскій, и мы еще увидимъ, какъ проведеніе его въ конституціи 1791 г. придало ей отъ начала до конца республиканскій характеръ, несмотря на сохраненіе ею наслѣдственной королевской власти. Въ декларацiи даже подчеркнуто, что „никакое лицо" не можетъ осуществлять власти, не происходящей прямо отъ націи. Далѣе, декларація принимаетъ принципъ участія всѣхъ гражданъ „лично или черезъ представителей" какъ въ составленіи законовъ (статья 6), такъ и въ установленіи налоговъ (статья 14), но мы увидимъ, что конституція 1791 г. была представительной, и только въ 1793 г. жирондисты и якобинцы составили такіе проекты, въ которыхъ

---

[1]) Позднѣйшіе историки объясняли иногда такое распоряженіе конституанты не одностороннимъ примѣненіемъ принципа,—да еще подъ вліяніемъ боязни, какъ бы не возродились старыя привилегированныя корпораціи, нарушавшія свободу труда и бывшія орудіемъ эксплоатаціи, — а тонкимъ буржуазнымъ расчетомъ, хотя именно часть буржуазіи (мастера) и теряла отъ уничтоженія цеховъ.

сдѣланы были попытки осуществить требованіе теоріи Руссо о необходимости непосредственнаго участія народа въ законодательной дѣятельности государства. Наконецъ, въ связь съ указанными статьями нужно поставить и ту (12), гдѣ говорится объ учрежденіи власти „не ради частной выгоды тѣхъ, кому она ввѣряется". Съ перваго взгляда можетъ показаться, что это заявленіе сдѣлано спеціально для устраненія стараго взгляда на власть, какъ на учрежденіе, имѣющее характеръ частнаго достоянія того, кто ею обладалъ, но на самомъ дѣлѣ здѣсь было простое заимствованіе изъ пенсильванской декларацiи.

Послѣ паденія во Франціи демократической монархіи и провозглашенія въ ней республики, когда явилась необходимость въ выработкѣ новой конституціи, декларація 1791 г. подверглась переработкѣ сначала въ жирондистскомъ проектѣ, потомъ въ якобинской конституціи 1793 г. Обѣ новыя „декларацiи естественныхъ гражданскихъ и политическихъ правъ человѣка" (заголовокъ, придуманный жирондистами) въ общемъ мало чѣмъ отличаются отъ первой декларацiи. Онѣ только сильнѣе подчеркиваютъ принципъ народовластія, вводя въ декларацію неограниченное право пересмотра конституціи народомъ, отрицавшееся конституціей 1791 г., рѣзче заявляютъ о правѣ сопротивленія угнетенію [1]), превращающемуся у якобинцевъ въ право возмущенія въ духѣ ученія Мабли объ этомъ предметѣ [2]). Что касается до другихъ правъ личности, то обѣ декларацiи дополняютъ ихъ списокъ двумя новыми, которыхъ мы не находимъ въ декларацiи, принятой учредительнымъ собраніемъ. Именно, статья 23 жирондистскаго проекта провозглашаетъ, „что образованіе есть общая потребность" и что „общество должно давать его всѣмъ своимъ членамъ", а статья 24 гласитъ, что „общественная помощь есть священный долгъ общества", въ силу чего „законъ долженъ опредѣлить ея размѣръ и способъ примѣненія". Обѣ эти статьи приняты были въ якобинскую декларацію въ такой формѣ: „Общественная помощь есть священный долгъ. Общество обязано давать средства къ существованію несчастнымъ гражданамъ чрезъ доставленіе имъ работы или обезпечивая ихъ пропитаніе, если они не въ состояніи работать (ст. 21). Образованіе есть общая потребность. Общество всею своею властью должно содѣйствовать

---

[1]) См. объ этомъ еще въ слѣд. главѣ.

[2]) См. выше, стр. 117.

успѣхамъ общественнаго разума и сдѣлать образованіе доступнымъ всѣмъ гражданамъ" (ст. 22). Между прочимъ, первая изъ приведенныхъ статей якобинской декларацiи давала иногда поводъ говорить также о соціализмѣ и чуть не коммунизмѣ якобинцевъ, въ противоположность индивидуалистамъ-жирондистамъ, но дѣло въ томъ, что совершенно такая же статья была и въ жирондистскомъ проектѣ. Далѣе, и тѣ, и другіе, подобно авторамъ декларацiи 1791 г., включали въ число естественныхъ правъ и собственность (ст. 1 у жирондистовъ, ст. 2 у якобинцевъ), и якобинская декларація не менѣе жирондистской, равно какъ и декларацiи 1791 г., обезпечивала полное право собственности. „Право собственности, сказано прямо въ декларацiи 1793 г., есть право каждаго гражданина пользоваться и располагать, по собственному усмотрѣнію, своими доходами, плодами своихъ трудовъ и своихъ занятій (ст. 16). Никто не можетъ быть лишаемъ ни малѣйшей части своего имущества безъ собственнаго на то согласія, кромѣ случаевъ, когда того требуетъ общественная надобность, легально установленная, и подъ условіемъ предварительнаго и справедливаго вознагражденія (ст. 17)". Наконецъ, статья 18 якобинской декларацiи прямо признаётъ существованіе законнаго отношенія между наемщикомъ и наймитомъ.

Такъ называемой конституціи III года была тоже предпослана декларація правъ человѣка и гражданина. На этотъ разъ составители декларацiи не хотѣли сдѣлать изъ нея, какъ выразился одинъ изъ членовъ конвента, „арсеналъ для бунтовщиковъ", и изъ перечисленія правъ личности было выкинуто право сопротивленія угнетенію. Естественными правами объявлялись теперь свобода, равенство, безопасность и собственность, причемъ личная безопасность обезпечивалась цѣлымъ рядомъ спеціальныхъ статей, безъ всякаго, однако, намека на что-либо, аналогичное англійской судебной защитѣ. Законъ и въ этой декларацiи объявлялся, какъ выраженіе общей воли, а верховная власть — заключающеюся въ совокупности гражданъ съ прибавкою на этотъ разъ, что „частныя соединенія гражданъ не имѣютъ права присваивать себѣ верховной власти", и что потому „никто безъ законной делегаціи не можетъ пользоваться какою-либо властью или исполнять какую-либо общественную должность". Эта оговорка станетъ намъ вполнѣ понятною, если мы вспомнимъ, какъ часто въ эпоху террора и анархіи отдѣльныя группы гражданъ дѣйствовали какъ бы за

весь народъ или отъ его имени или же по захватному праву исполняли какія-либо функціи общественной власти. Наконецъ, и декларація III года называетъ раздѣленіе властей и отвѣтственность должностныхъ лицъ необходимыми условіями обезпеченія правъ.

Составленіе этой декларации относится къ эпохѣ начавшейся въ націи реакціи противъ якобинскаго режима, что и сказалось на исключеніи права сопротивленія угнетенію и на непринятіи въ составъ правъ человѣка и гражданина двухъ обязанностей, налагаемыхъ на общество потребностью каждаго его члена имѣть матеріальное обезпеченіе и получать извѣстное образованіе. Такой общественной обязанности декларація III года не знаетъ, но зато къ перечисленію правъ гражданина она присоединяетъ перечисленіе обязанностей, что было отмѣчено и въ самомъ ея заголовкѣ. Изложеніе обязанностей гражданина имѣетъ, впрочемъ, характеръ преимущественно моральный, въ политическомъ же отношеніи обращаютъ на себя вниманіе лишь требованіе подчиненія законамъ и законнымъ властямъ и требованіе поддерживанія собственности, какъ основы всего общественнаго порядка.

Декларація III года была послѣднею, и конституція VIII года уже не была соединена съ подобнымъ документомъ. То же самое можно сказать и обо всѣхъ послѣдующихъ конституціяхъ. Но это отнюдь не значитъ, что изъ содержанія деклараций 1791—1795 г. ничего не вошло въ эти послѣдующія конституціи. Лишь подъ вліяніемъ общихъ положеній декларации правъ человѣка и гражданина, по вѣрному замѣчанію Еллинека, „развилось въ положительномъ правѣ конституціонныхъ государствъ представленіе о субъективныхъ правахъ индивидуума. Раньше,—поясняетъ онъ свою мысль,—литература государственнаго права знала права́ главы государства, сословныя привилегіи, права́ и преимущества отдѣльныхъ лицъ или извѣстныхъ корпорацій; но общія права подданныхъ мыслились, въ сущности, только въ видѣ обязанностей государства, но не какъ отчетливо сознаваемыя юридическія притязанія отдѣльныхъ лицъ. Лишь декларація правъ человѣка создала въ полномъ его объемѣ въ области положительныхъ нормъ понятіе субъективнаго права отдѣльнаго члена государства по отношенію къ государству, какъ цѣлому, — понятіе, которое раньше знало только естественное право“ [1]). Уже конституція

[1]) См. въ указанной выше (стр. 167) работѣ.

1791 г., основываясь на декларацiи, ей предпосланной, заключаетъ въ себя перечисленiе естественныхъ и гражданскихъ правъ, гарантированныхъ основнымъ государственнымъ актомъ. Въ данномъ случаѣ конституцiя 1791 г. послужила образцомъ для многихъ позднѣйшихъ конституцiй, которыя тоже содержатъ въ себѣ отдѣлы объ основныхъ правахъ гражданъ. Въ дальнѣйшемъ изложенiи они намъ будутъ еще встрѣчаться, и мы будемъ нерѣдко узнавать въ нихъ отголоски декларацiи 1791 г. Впрочемъ, уже тутъ нужно сдѣлать оговорку въ томъ смыслѣ, что отголоски декларацiи 1791 г. встрѣчаются въ позднѣйшихъ конституцiяхъ главнымъ образомъ только по отношенiю къ индивидуальной свободѣ и равноправiю, потому что бóльшая часть конституцiй, о которыхъ будетъ идти рѣчь въ дальнѣйшемъ изложенiи, относится къ монархическимъ, тогда какъ послѣдовательное развитiе принципа народовластiя приводитъ къ республикѣ. Замѣною народовластiя республиканскихъ конституцiй является участiе народа въ законодательствѣ, установленiи налоговъ и контролѣ надъ дѣйствiями администрацiи черезъ представителей [1]).

---

[1]) Конституцiя VIII года совершенно молчитъ по вопросу о томъ, кому принадлежитъ верховная власть, да и вопросъ о правахъ человѣка и гражданина въ ней почти не разработанъ. Въ этой конституцiи говорится только объ условiяхъ пользованiя правами гражданина въ смыслѣ права выбирать и быть выбраннымъ въ законодательныя учрежденiя, а также объ условiяхъ, при которыхъ могутъ быть совершены домашнiе обыски, аресты и содержанiе подъ стражей; что же касается разныхъ свободъ, то конституцiя о нихъ умалчиваетъ, кромѣ почему-то оговореннаго права „каждаго гражданина обращаться съ индивидуальными петицiями ко всѣмъ установленнымъ властямъ“. Въ первый разъ затѣмъ разныя свободы включаются во Францiи въ конституцiю только въ сенатскомъ проектѣ 6 апрѣля 1814 г. и въ конституцiонной хартiи Людовика XVIII, о чемъ см. ниже (въ гл. XIII).

ГЛАВА X.

Французскія конституціи конца XVIII вѣка.

Конституція 1791 г., какъ первая писанная конституція въ Европѣ и прототипъ всѣхъ послѣдующихъ.—Отношеніе ея къ политическимъ теоріямъ эпохи.—Положенныя въ ея основу начала народовластія, представительства и раздѣленія властей.—Недовѣріе составителей монархической конституціи къ королевской власти.—Избирательное право по конституціи 1791 г.—Права законодательнаго корпуса.—Положеніе королевской власти и организація власти исполнительной.—Проведеніе основныхъ началъ конституціи въ областяхъ администраціи, суда и церковнаго устройства.—Вопросъ о пересмотрѣ конституціи.—Причины неудачи конституціонной монархіи во Франціи.—Республиканскія конституціи жирондистовъ и якобинцевъ.—Неудача опыта съ республикой.—Конституція III года.

Французская конституція 1791 г. заслуживаетъ особаго вниманія, какъ первая писанная конституція новаго типа въ Европѣ, послужившая, въ большей или меньшей мѣрѣ, образцомъ отчасти по содержанію, главнымъ же образомъ по формѣ для всѣхъ почти конституцій, издававшихся послѣ нея въ отдѣльныхъ государствахъ. Правда, одновременно съ нею польскій конституціонный сеймъ, извѣстный подъ названіемъ „четырехлѣтняго" (1788—1792), собравшійся нѣсколько раньше, нежели учредительное собраніе во Франціи, тоже выработалъ конституцію, которая была даже провозглашена четырьмя мѣсяцами раньше окончательнаго принятія французской конституціи 1791 г.[1]). Дѣло въ томъ, однако, что сама польская конституція складывалась подъ вліяніемъ французскихъ же политическихъ идей, и это было чистою случайностью, что ее обнародовали раньше, чѣмъ французскую. Кромѣ того, задача во Франціи и въ Польшѣ была не одна и таже, такъ какъ въ первой изъ этихъ странъ долженъ былъ совершиться переходъ отъ абсолютизма къ политической свободѣ,—и это же потомъ происходило въ прочихъ неограниченныхъ монархіяхъ,—тогда какъ въ другой странѣ оказалось необходимымъ возсоздать центральную власть, пришедшую въ полное разстройство, и тѣмъ прекратить внутрен-

[1]) Польская конституція 3 мая, французская—въ началѣ сентября.

нюю анархію, приводившую государство къ совершенной гибели [1]). Наконецъ, и то нужно принять въ расчетъ, что вслѣдъ за принятіемъ конституціи 3 мая произошли второй и третій раздѣлы Польши, и отъ этой конституціи не осталось ничего, кромѣ воспоминанія, тогда какъ дѣло, начатое хотя бы неудачно французской конституціей 1791 г., имѣло дальнѣйшее продолженіе въ самой Франціи, въ свою очередь оказавшее вмѣстѣ съ своимъ началомъ большое вліяніе на остальную Европу.

Конституція 1791 г. не просуществовала во Франціи и одного года, да и конституціи, которыя потомъ составлялись по ея образцу, далеко не были воспроизведеніемъ того, что составляетъ ея особенность, и тѣмъ не менѣе она привлекаетъ къ себѣ и теоретиковъ государственнаго права, и историковъ конституціонныхъ движеній, какъ своеобразная попытка осуществить совершенно новую для того времени идею народной или демократической монархіи, сложившуюся во Франціи въ эпоху революціи. Мы уже знакомы съ политическими ученіями Монтескье, Руссо, Мабли, и большой интересъ представляетъ вопросъ, какъ воплотились эти ученія въ первомъ же крупномъ памятникѣ политическаго законодательства французской революціи. Совершенно не соглашаясь съ проф. Ковалевскимъ, будто между Монтескье и Руссо нѣтъ существенной разницы въ пониманіи ими основныхъ принциповъ правильнаго государственнаго устройства [2]), тѣмъ не менѣе нельзя не принять высказанной имъ въ „Происхожденіи современной демократіи“ мысли о томъ, что современники революціи изъ идей политическихъ и экономическихъ писателей XVIII в. создали свою собственную доктрину, которую и положили въ основу законодательства эпохи. По совершенно вѣрному замѣчанію автора этого труда, разнорѣчія экономистовъ и политиковъ XVIII в. „были сглажены ближайшими послѣдователями и популяризаторами, болѣе или менѣе ихъ обезличившими, что, въ свою очередь, сдѣлало возможнымъ установленіе своего рода соціальнаго и политическаго катехизиса, въ которомъ давались согласованные отвѣты на всѣ важнѣйшіе вопросы времени. Изъ противорѣчивыхъ частей, изъ фритредерства и протек-

---

[1]) Ср. мои книги „Историческій очеркъ польскаго сейма“ и „Польскія реформы XVIII в.“.

[2]) См. выше, стр. 115.

ціонизма, теорій вмѣшательства и невмѣшательства государства, преклоненія предъ народнымъ суверенитетомъ и желанія раздѣлить послѣдній между королемъ, аристократіей и земельными собственниками, сложилась та революціонная доктрина, отраженіе которой можно найти въ наказахъ" [1]). Не только въ наказахъ, прибавимъ здѣсь отъ себя, но и въ законодательствѣ, какъ это въ другихъ мѣстахъ отмѣчаетъ проф. Ковалевскій. Новое политическое зданіе, возведеніе котораго началось во Франціи въ 1789 г., было дѣйствительно попыткою примирить требованія народовластія съ сохраненіемъ вѣками сложившейся монархіи. Интересъ книги проф. Ковалевскаго именно въ томъ и заключается, что онъ старается выяснить самый генезисъ доктрины демократической монархіи и представить исторію разработки конституціи 1791 г., какъ опыта осуществленія этой доктрины на практикѣ. Онъ останавливается на этомъ предметѣ въ виду того, что теперь, спустя болѣе столѣтія, мы можемъ говорить о почти повсемѣстномъ торжествѣ на Западѣ новой формы государственнаго устройства, бывшей сочетаніемъ противоположныхъ началъ народовластія и монархіи: „торжествующая демократія, говоритъ онъ, не разрываетъ союза съ наслѣдственнымъ представителемъ національнаго единства; съ своей стороны, этотъ послѣдній все болѣе и болѣе отрѣшается отъ характера главы феодальной іерархіи, перваго дворянина своего государства; онъ признаётъ за собою новую миссію верховнаго посредника между классами и защитника интересовъ народныхъ массъ" [2]). Для проф. Ковалевскаго королевская демократія конституціи 1791 г., такимъ образомъ, является политическою формою, которая, хотя во Франціи и потерпѣла неудачу, но потомъ нашла примѣненіе въ конституціяхъ другихъ странъ [3]).

Въ основу конституціи 1791 г. были положены извѣстныя уже намъ начала представительнаго народовластія и раздѣле-

---

[1]) *М. Ковалевскій.* „Происхожденіе современной демократіи", т. I, стр. VII—VIII.

[2]) Тамъ же, т. II, стр. VII.

[3]) Другую оцѣнку примиренію народовластія и монархіи дѣлаетъ проф. *Герье* въ своей книгѣ „Идея народовластія и французская революція 1789 г.". Объ обоихъ историкахъ см. мою брошюру „Работы русскихъ ученыхъ по исторіи французской революціи". Спб. 1904 (отдѣльный оттискъ изъ „Извѣстій Спб. Политехническаго Института", т. I).

нія властей, о которыхъ говоритъ и декларація правъ человѣка и гражданина. Авторы конституціи руководствовались и теоріями политическихъ писателей, комбинируя ихъ по своему, но ближе всего воспроизводя взгляды Мабли [1]), и образцами, какіе представляли собою для нихъ англійское и американское устройство, конечно, въ томъ ихъ пониманіи, которое находили у теоретиковъ, начиная съ Монтескье [2]). Принципъ народовластія они заимствовали у Руссо, у Мабли и у американцевъ, представительную систему и раздѣленіе властей—у Монтескье, у Мабли и у тѣхъ же американцевъ; идея раздѣленія властей вслѣдъ за Монтескье казалась имъ осуществленной въ англійской конституціи и дѣйствительно была положена въ основу конституціи Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Они только не нашли нужнымъ и даже прямо признали противнымъ основному принципу своей основной теоріи создать не только какое бы то ни было подобіе англійской верхней палаты, какъ учрежденія аристократическаго, но и вообще какую бы то ни было вторую палату, исходя изъ того соображенія, что единая народная воля не должна выражаться посредствомъ двухъ различныхъ органовъ. Другими словами, представительство законодательной власти народа должно было быть единымъ, и сдерживать проявленіе народной воли въ такой формѣ не должно было никакое другое учрежденіе. Мирабо соглашался на однопалатную систему лишь подъ условіемъ предоставленія королю абсолютнаго *veto*, какъ того требовала теорія Монтескье [3]). Онъ опасался ввѣрить всю власть одному всемогущему собранію, говоря, что „не знаетъ ничего ужаснѣе, какъ суверенная аристократія изъ шестисотъ лицъ, которыя могли бы завтра объявить себя несмѣняемыми, послѣ завтра—наслѣдственными и кончили бы, какъ всѣ аристократіи всѣхъ странъ, захватомъ всего въ свои руки“, но въ учредительномъ собраніи господствовало недовѣріе къ королевской власти отчасти, какъ отголосокъ ученія о томъ, что исполнительная власть будетъ всегда врагомъ власти законодательной [4]), отча-

[1]) На спеціальное родство конституціи 1791 г. и ученія Мабли указываетъ проф. *Герье*.

[2]) Выясненіе американскаго вліянія составляетъ одну изъ важныхъ сторонъ книги проф. *Ковалевскаго*.

[3]) См. выше, стр. 106.

[4]) См. выше, стр. 117.

сти и болѣе всего, какъ результатъ неискренней политики Людовика XVI. По той же причинѣ и во исполненіе требованія, заключавшагося въ ученіи Монтескье о раздѣленіи властей [1]), не прошло и предложеніе Мирабо о томъ, чтобы король могъ назначать министровъ изъ членовъ національнаго собранія: „Я не могу, говорилъ онъ, допустить, чтобы довѣріе, оказанное націей гражданину, служило основаніемъ для лишенія его довѣрія со стороны монарха. Я не хочу думать, чтобы желали сдѣлать такую несправедливость по отношеніи къ министерству, какъ бы объявляя, что разъ кто-либо входитъ въ его составъ, тѣмъ самымъ долженъ быть подозрительнымъ собранію. Неужели, спрашивалъ Мирабо, лучше будетъ, если король станетъ выбирать своихъ министровъ среди своихъ придворныхъ, а не среди избранниковъ народа?"

Рѣшая вопросъ, почему конституція 1791 г. вышла такою, а не иною, нужно постоянно имѣть въ виду, кромѣ теоріи раздѣленія властей, и постоянно дѣйствовавшее недовѣріе къ исполнительной власти, вообще считавшейся по самой природѣ своей склонною къ узурпаціи, и въ частности къ Людовику XVI, все поведеніе котораго внушало подозрѣніе собранію. Не забудемъ, наприм., бѣгство короля въ іюнѣ 1791 г., повлекшее за собою кое-какія важныя измѣненія въ параграфахъ конституціи, которые касались положенія самого монарха въ его государствѣ. Попытка сочетать въ одномъ и томъ же государственномъ устройствѣ принципы народовластія и наслѣдственной монархіи могла-бы привести къ чему-либо положительному лишь при условіи обоюднаго довѣрія, а его-то и не было. Въ эпоху выработки конституціи 1791 г. въ собраніи всѣ еще были монархистами, но монархистами, въ то же время не довѣрявшими ни монархическому началу, ни лично королю. Результатомъ было то, что монархическая по формѣ конституція имѣла совершенно республиканскую сущность.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній познакомимся ближе съ самою конституціею 1791 г.

„Верховная власть, гласила эта конституція, едина, нераздѣльна, неотчуждаема и неотъемлема; она принадлежитъ націи; никакая часть народа и никакое отдѣльное лицо не можетъ приписывать себѣ пользованіе ею. Нація, отъ которой

---

[1]) Ср. у Монтескье (выше, стр. 105) мѣсто противъ передачи исполнительной власти лицамъ, взятымъ изъ законодательнаго учрежденія.

единственно происходятъ всѣ власти, можетъ пользоваться ими лишь посредствомъ делегаціи. Французская конституція есть представительная: представители націи суть законодательный корпусъ и король". Такимъ образомъ по конституціи 1791 г. державная нація проявляла свою верховную власть черезъ двухъ своихъ уполномоченныхъ, изъ которыхъ однимъ былъ наслѣдственный король; такъ какъ, однако, традиціонная монархическая власть не была властью делегированною, и потому самое понятіе делегаціи несовмѣстимо съ представленіемъ о монархіи, то по существу дѣла конституція 1791 г. и была республиканской, имѣя лишь монархическую форму: она превращала королевское достоинство въ наслѣдственную республиканскую магистратуру совершенно въ духѣ политической теоріи Мабли. Между этими двумя уполномоченными націи, т.-е. законодательнымъ корпусомъ и королемъ, согласно ученіямъ Монтескье и Мабли, произведено было раздѣленіе власти законодательной и исполнительной. Первая „поручается (est délégué) національному собранію, составленному изъ временныхъ представителей, свободно избранныхъ народомъ, дабы собраніе это пользовалось ею съ королевской санкціей". „Правительство есть монархическое: исполнительная власть делегируется королю, чтобы отправляться отъ его имени министрами и другими отвѣтственными агентами". Наконецъ, судебная власть, совсѣмъ какъ у Монтескье, делегировалась судьямъ, на время выбраннымъ народомъ. Вообще, по конституціи 1791 г. для замѣщенія должностныхъ лицъ широкое значеніе давалось принципу народнаго избранія, совершавшагося въ первичныхъ собраніяхъ самихъ гражданъ или въ департаментскихъ собраніяхъ выборщиковъ, выбранныхъ первичными.

Вопреки деклараціи правъ человѣка и гражданина, объявившей общее равенство въ правахъ, конституція 1791 г. раздѣлила гражданъ на активныхъ и пассивныхъ, признавъ значеніе первыхъ лишь за тѣми природными или натурализованными французами, которые достигли двадцатипятилѣтняго возраста, имѣли осѣдлость въ городѣ или кантонѣ въ теченіе извѣстнаго времени, платили прямой налогъ, по крайней мѣрѣ, не менѣе, чѣмъ трехдневная заработная плата, не состояли ни у кого въ услуженіи за жалованье, числились на мѣстѣ жительства въ спискахъ національной гвардіи и принесли гражданскую присягу. Этою статьею конституціи устранялась изъ пользованія политическими правами бѣднѣйшая часть націи,

что вполнѣ соотвѣтствовало теоріямъ Монтескье и Мабли [1]). Въ собраніи была даже группа лицъ, желавшая, чтобы цензъ былъ опредѣленъ въ смыслѣ уплаты въ годъ шестидесяти франковъ прямыхъ налоговъ, но возобладало болѣе демократическое мнѣніе, вслѣдствіе чего для зачисленія въ активные граждане достаточно было уплачивать отъ 3 до 6 франковъ въ годъ. Благодаря этому, можно предполагать, что активныхъ гражданъ во Франціи насчитывалось до четырехъ милліоновъ на два милліона гражданъ пассивныхъ, что все-таки позволяетъ намъ называть конституцію 1791 г. демократической, особенно по сравненію съ дѣйствительно буржуазными конституціями 1814 и 1830 гг., когда число избирателей во Франціи было отъ 90 тысячъ (въ эпоху реставраціи) до 200—240 тысячъ (въ эпоху іюльской монархіи). Во всякомъ случаѣ, принятая учредительнымъ собраніемъ система ценза не могла расположить въ пользу конституціи народныя массы, тѣмъ болѣе, что сама незначительность ценза постоянно грозила множеству бѣднѣйшихъ гражданъ, пользовавшихся политическими правами, ихъ потерею при малѣйшихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Поэтому нельзя, конечно, отрицать за установленіемъ избирательнаго ценза симптоматическаго значенія, какъ признака, характеризующаго общее, выражаясь современнымъ терминомъ, „буржуазное" настроеніе учредительнаго собранія. Въ немъ, однако, все-таки раздавалась и защита всенароднаго избирательнаго права [2]).

Идемъ далѣе. Активные граждане, по конституціи 1791 г., должны были составлять такъ называемыя первичныя собранія, гдѣ происходили выборы муниципальныхъ должностныхъ лицъ и особыхъ выборщиковъ (électeurs)—съ болѣе уже значительнымъ имущественнымъ цензомъ — для образованія въ каждомъ департаментѣ, на какіе была раздѣлена Франція, особаго избирательнаго собранія (assemblée électorale). Это послѣднее выбирало, кромѣ департаментской администраціи, представителей въ національное собраніе, каковыми могли уже быть вообще активные граждане. Представители выбирались на два года (на одну легислатуру) съ правомъ переизбранія безъ перерыва лишь еще на два года и считались представителями

---

[1]) См. выше, стр. 104 и 117.

[2]) Ср. рѣчь Робеспьера, произнесенную 22 окт. 1789 г. Русскій ея переводъ подъ ред. *Южакова* былъ изданъ въ 1905 г. фирмою „Голосъ".

не отдѣльныхъ департаментовъ, а всей націи, которыхъ притомъ не могли связывать никакія повелительныя инструкціи.

Законодательный корпусъ, состоявшій лишь изъ одной палаты, долженъ былъ непрерывно засѣдать два года,—что и называлось одной легислатурой,—обновляясь лишь на основаніи закона (de plein droit), т.-е. безъ созыва королемъ, который не могъ также и распускать законодательнаго корпуса. Конституція одному этому собранію предоставляла право предлагать и декретировать законы; въ его распоряженіе отдавались также финансы, національныя имущества, сухопутныя и морскія силы; объявленіе войны могло произойти также не иначе, какъ въ силу декрета національнаго собранія, изданнаго по формальному предложенію короля. Правда, королю давалось право отказывать въ своемъ согласіи на декреты законодательнаго корпуса, но это *veto* было только отсрочивающимъ: „разъ двѣ легислатуры, слѣдующія за тою, которая представила декретъ (на королевскую санкцію), одна за другою снова представятъ тотъ же самый декретъ и въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ такомъ случаѣ будетъ считаться, что король далъ свою санкцію“.

Стоя на точкѣ зрѣнія необходимости раздѣленія властей съ предоставленіемъ королю власти исполнительной, учредительное собраніе понимало, однако, значеніе „монархическаго правительства“ въ смыслѣ простого исполненія народной воли. Облекая „короля французовъ“ такою исполнительною властью, конституція 1791 г, такъ сказать, требовала отъ него, чтобы онъ немедленно уже передалъ ее министрамъ и другимъ отвѣтственнымъ агентамъ; но конституція не допускала парламентарнаго министерства, т.-е. такого органа исполнительной власти изъ членовъ самого же законодательнаго корпуса, какимъ былъ англійскій кабинетъ, и какого добивался Мирабо,— и тѣмъ мѣшала образованію связующаго звена между королевскою властью и народнымъ представительствомъ; въ законодательномъ корпусѣ отвѣтственные министры короля могли встрѣчать только критику и оппозицію, ни въ коемъ случаѣ не поддержку и не содѣйствіе. Итакъ, положеніе короля въ государствѣ по конституціи 1791 г. характеризуется тѣмъ, что онъ не созывалъ и не распускалъ законодательный корпусъ, не пользовался законодательною иниціативою, имѣлъ право лишь отсрочивающаго *veto* и долженъ былъ дѣйствовать не иначе, какъ чрезъ посредство отвѣтственныхъ ми-

нистровъ, которые, однако, не были членами законодательнаго собранія. Правда, конституція 1791 г. объявляла, въ духѣ теоріи Монтескье, „личность короля священной и неприкосновенной“, и, тѣмъ не менѣе, по той же конституціи, король долженъ былъ считаться отказавшимся отъ престола (sera censé voir abdiqué la royauté), если не присягнетъ конституціи или возьметъ назадъ данную присягу, если станетъ во главѣ арміи противъ націи или формальнымъ актомъ не воспротивится такому предпріятію, задуманному отъ его имени, и если, удалившись изъ королевства, не вернется въ назначенный срокъ по приглашенію законодательнаго корпуса (эти пункты явились въ конституціи подъ вліяніемъ всего поведенія Людовика XVI и особенно подъ вліяніемъ его попытки бѣгства).

Принципъ народовластія, такимъ образомъ, былъ вполнѣ осуществленъ въ организаціи законодательной власти, которая была почти безраздѣльно ввѣрена національному собранію, да и своимъ отсрочивающимъ *veto* король пользовался опять-таки лишь въ силу делегированнаго ему народомъ же права. На томъ же принципѣ была основана и вся организація исполнительной и судебной властей. Конституція 1791 г., въ сущности, не давала монарху органовъ для отправленія этой функціи: ни король, ни министры не участвовали въ замѣщеніи административныхъ должностей и не могли смѣщать чиновниковъ, такъ какъ вся администрація была построена на началѣ народнаго избранія. Учредительное собраніе дало Франціи новое административное дѣленіе на департаменты, дистрикты и муниципалитеты, при чемъ не только не было сдѣлано различія между органами центральнаго управленія и мѣстнаго самоуправленія, но еще былъ введенъ принципъ замѣщенія административныхъ должностей путемъ народнаго избранія въ первичныхъ и департаментскихъ собраніяхъ. Отдѣливъ строжайшимъ образомъ, въ силу теоріи Монтескье, администрацію отъ суда и сдѣлавъ первую совершенно независимою отъ контроля со стороны второго (къ ущербу гарантій личной свободы [1]), учредительное собраніе построило всѣ органы администраціи по одному типу: вездѣ были совѣщательныя коллегіи и исполнительные комитеты. Мѣстныя и притомъ именно выборныя власти вѣдали и общегосударственныя дѣла, оставаясь, однако, совершенно не-

[1]) См. выше, стр. 172.

зависимыми отъ центральнаго правительства, мало того,—считая себя даже въ правѣ ему при случаѣ не повиноваться. Организовавъ законодательную власть, учредительное собраніе совершенно такимъ образомъ дезорганизовало власть исполнительную: то, что давалось королю или вообще центральному правительству подъ именемъ такой власти, было, въ сущности, фикціей, ибо у короля не было даже органовъ для контроля надъ дѣйствіями административныхъ лицъ и учрежденій. Составители конституціи понимали всѣ недостатки старой централизаціи, но вмѣсто того, чтобы сочетать управленіе изъ центра съ мѣстнымъ самоуправленіемъ, построили всю администрацію на началахъ самой крайней децентрализаціи, какъ бы осуществляя старую мысль д'Аржансона о королевской демократіи [1]). Недовѣріе къ королевской власти, къ ея прежнимъ органамъ въ провинціяхъ, къ административной централизаціи вообще склонило учредительное собраніе къ тому, чтобы не только ввести въ жизнь Франціи мѣстное самоуправленіе, но и передать въ вѣдѣніе его органовъ то, что̀ должно было бы остаться въ рукахъ центральнаго правительства и его органовъ на мѣстахъ.

Въ судебной организаціи произошло то же самое; не довѣряя старому судейскому сословію, учредительное собраніе не только не установило особыхъ апелляціонныхъ палатъ, подъ видомъ которыхъ могли бы возродиться старые парламенты, но даже и не требовало, чтобы судьи обладали необходимыми юридическими знаніями, опасаясь, какъ бы не возродилось старое судейское сословіе. Введши институтъ присяжныхъ засѣдателей для уголовныхъ дѣлъ (большое jury для преданія суду и малое для произнесенія приговора), учредительное собраніе сдѣлало выборными и судейскія должности, какъ мировыхъ судей, такъ и членовъ департаментскихъ трибуналовъ (окружныхъ судовъ), т.-е. и здѣсь былъ примѣненъ принципъ народовластія.

Тому же принципу народовластія революція подчинила и церковную жизнь націи въ такъ называемомъ гражданскомъ устройствѣ духовенства, что было одною изъ величайшихъ политическихъ ошибокъ національнаго собранія. Епархіи должны были совпадать съ департаментами, и, кромѣ епископовъ и настоятелей приходовъ (curés), не должно было существовать

---

[1]) См. выше, стр. 118.

никакихъ другихъ духовныхъ титуловъ. Епископы и кюре были объявлены общественными должностными лицами, независимыми отъ папы, находящимися на государственной службѣ за жалованье отъ казны и занимающими свои мѣста по выбору въ соотвѣтственныхъ собраніяхъ гражданъ (именно гражданъ вообще, а не однихъ католиковъ), гдѣ вообще выбирались какъ выборщики и депутаты, такъ и члены административныхъ и судебныхъ учрежденій. Другими словами, гражданскимъ устройствомъ духовенства государство приравнивало церковь къ одному изъ своихъ вѣдомствъ, что въ корнѣ противорѣчило идеѣ религіозной свободы, т.-е. предоставленія каждому вѣроисповѣданію устраивать свои внутреннія отношенія по-своему, лишь бы только при этомъ не нарушались общіе законы государства. Нежеланіе значительной части населенія подчиниться новому церковному строю, созданному государствомъ, вызвало со стороны послѣдняго репрессіи, которыя повели къ религіозному междоусобію. Вообще, гражданское устройство духовенства (не своимъ демократическимъ обликомъ, конечно, а своимъ основнымъ взглядомъ на церковь, какъ на одно изъ гражданскихъ вѣдомствъ, обслуживающихъ государственныя нужды), гораздо болѣе соотвѣтствовало теоріи и практикѣ стараго порядка, нежели новому строю, который долженъ былъ быть основанъ на свободѣ вообще и въ частности установить религіозную свободу,—одинъ изъ примѣровъ того, какъ сама революція иногда, сама того не замѣчая, вступала на пути, проложенные старымъ порядкомъ. Только идя по этимъ путямъ, революція могла въ эпоху конвента дойти до установленія во Франціи законодательнымъ порядкомъ новыхъ культовъ.

Конституція 1791 г. просуществовала не долго, хотя ея составители проявили большую заботливость объ упроченіи ея существованія особымъ конституціональнымъ же закономъ [1]). Признавъ за націей неотъемлемое право измѣнять конституцію, но въ то же время считая въ интересѣ націи пользоваться своимъ правомъ реформировать статьи, неудобства которыхъ укажетъ опытъ, лишь способомъ, указаннымъ въ самой же конституціи, учредительное собраніе обставило „пересмотръ конституціонныхъ декретовъ“ такими формальностями.

---

[1]) Англія не знаетъ различія между простыми и конституціонными законами, но французская революція установила такое различіе.

что первымъ двумъ легислатурамъ не давалось вообще права поднимать этотъ вопросъ, а затѣмъ требовалось, чтобы то или другое измѣненіе было предложено одинаковымъ образомъ тремя послѣдовательными легислатурами, лишь послѣ чего четвертая, да и то усиленная 249 новыми членами (всѣхъ было 743), могла приступить къ самому пересмотру. При соблюденіи этихъ условій конституція 1791 г. должна была бы просуществовать неизмѣнною, по крайней мѣрѣ, десять лѣтъ, но она просуществовала лишь съ небольшимъ десять мѣсяцевъ.

Кромѣ крайне неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій, среди которыхъ приходилось осуществлять конституцію 1791 г., крушенію ея содѣйствовали причины, лежавшія и въ ней самой. Декларація правъ поставила естественныя права человѣка и гражданина выше всякаго положительнаго закона, а между тѣмъ конституціонный актъ 1791 г. въ одномъ отношеніи (по вопросу о пересмотрѣ) долженъ былъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ связывать національную волю, а въ другомъ (въ раздѣленіи гражданъ на активныхъ и пассивныхъ) противорѣчилъ декларацiи, объявлявшей общее равноправіе. Нѣсколько параграфовъ конституціоннаго акта оказались плохой гарантіей противъ новаго проявленія національной воли, какъ бы послѣднее ни было случайно, а установленіе имущественнаго ценза, притомъ такого низкаго, при которомъ гражданинъ очень легко могъ лишаться политическихъ правъ въ силу какихъ-либо случайностей, вооружало противъ конституціи массу гражданъ. Въ этомъ заключалось одно внутреннее противорѣчіе конституціи. Другимъ противорѣчіемъ было то, что въ ней монархическая форма совсѣмъ не соотвѣтствовала республиканскому содержанію: первая показалась впослѣдствіи помѣхою людямъ, настроеннымъ на республиканскій ладъ, тогда какъ второе было причиной оппозиціи, въ какую стали къ ней не только дворъ, но и многіе конституціонные монархисты. Наконецъ, конституція 1791 г. совершенно разрушала всякую возможность управленія Франціей законною центральною властью, хотя и подготовила почву для еще большей, чѣмъ прежде, централизаціи полнымъ уничтоженіемъ всѣхъ областныхъ особенностей, но такъ какъ нація привыкла къ повиновенію приказамъ, которые исходили изъ центра, то мѣсто центральнаго правительства, оставленное въ конституціи 1791 г. въ сущности незанятымъ, занято было впослѣд-

ствіи якобинскимъ клубомъ, стоявшимъ во главѣ цѣлыхъ сотенъ филіальныхъ отдѣленій въ провинціяхъ.

Крушеніе монархіи во Франціи подъ натискомъ народнаго возстанія въ Парижѣ 10 августа 1792 г. было въ то же время и крушеніемъ конституціи 1791 г. Судьбу страны долженъ былъ рѣшить національный конвентъ, выборы въ который производились уже безъ цензовыхъ ограниченій, т. е. всенароднымъ голосованіемъ. Одною изъ задачъ конвента было организовать во Франціи республику. За это дѣло взялись сначала жирондисты, выработавшіе проектъ новой конституціи, а послѣ ихъ паденія въ борьбѣ съ якобинцами составленіе конституціи перешло въ руки этой послѣдней партіи. Конвентъ принялъ ея проектъ въ іюнѣ 1793 г., послѣ чего представилъ его на утвержденіе первичныхъ собраній въ департаментахъ, оставшихся въ междоусобіи, которое тогда раздирало страну, вѣрными конвенту. Это было во Франціи первымъ плебисцитомъ, давшимъ въ данномъ случаѣ около 1.800.000 утвердительныхъ голосовъ на $11^1/_2$ т. отрицательныхъ. Впослѣдствіи этимъ же способомъ народнаго утвержденія правительственныхъ предложеній пользовались оба Наполеона, когда чувствовали надобность въ полученіи санкціи для совершенной ими обоими узурпаціи власти или для найденныхъ ими необходимыми измѣненій въ конституціи. Извѣстно, что, не смотря на принятіе народомъ, конституція 1793 г. въ дѣйствіе не была приведена: пока длилась внѣшняя война, и происходила война гражданская, конвентъ долженъ былъ управлять Франціей на правахъ настоящей диктатуры. Только послѣ паденія главнаго революціоннаго диктатора, Робеспьера, 9 термидора, т.-е. 28 іюля 1794 г., конвентъ выработалъ конституцію, которая подъ названіемъ конституціи III года была, дѣйствительно, приведена въ исполненіе и просуществовала до конца 1799 г.

Конституціи жирондистовъ и якобинцевъ имѣли много родственныхъ чертъ. Обѣ онѣ, составленныя горячими приверженцами ученія Руссо, стремились осуществить во Франціи, насколько это казалось возможнымъ, принципъ непосредственнаго участія народа въ законодательствѣ. Именно съ этой стороны оба проекта 1793 г. и заслуживаютъ быть разсмотрѣнными, хотя ни проектъ жирондистовъ, ни якобинская конституція,—которая тоже, въ сущности, осталась проектомъ, — не были приводимы въ исполненіе и потому не оказали никакого вліянія на судьбы Франціи. Главное различіе между обоими

планами заключалось въ томъ, что якобинскій былъ болѣе практичнымъ, болѣе удобоисполнимымъ.

Отмѣтимъ, прежде всего, революціонный духъ, которымъ отличаются оба проекта. При разсмотрѣніи жирондистской и якобинской декларацій было упомянуто о признаніи въ нихъ права возмущенія противъ тиранніи [1]). „Въ каждомъ свободномъ правленіи, обѣщала жирондистская декларація, способъ сопротивленія различнымъ актамъ угнетенія долженъ быть упорядоченъ закономъ". Якобинцы въ своей декларацiи прямо объявляли самымъ священнымъ правомъ и самою неуклонною обязанностью каждой фракціи народа инсуррекцію противъ нарушенія правительствомъ народныхъ правъ и даже рекомендовали „свободнымъ людамъ" немедленно умерщвлять всякаго, кто узурпировалъ бы принадлежащую народу верховную власть.

Сущность самого жирондистскаго проекта заключалась въ слѣдующемъ. Исполнительная власть должна была принадлежать семи министрамъ, непосредственно выбираемымъ всѣмъ народомъ на первичныхъ собраніяхъ, которыя непосредственно же должны были выбирать на одинъ годъ и законодательный корпусъ. Первичнымъ собраніямъ, далѣе, предоставлялось право принимать и отвергать конституцію или конституціонныя измѣненія, отвѣчать на вопросы законодательнаго корпуса касательно желаній гражданъ и предлагать законодательному корпусу на обсужденіе разные вопросы, по собственной иниціативѣ. Проектъ дѣлилъ всѣ законодательные акты на законы въ собственномъ смыслѣ и на декреты. Каждому гражданину предоставлялось предлагать новые законы или измѣненія въ старыхъ, разъ онъ находилъ пятьдесятъ человѣкъ въ своемъ первичномъ собраніи, которые подписывали его предложеніе: принятый большинствомъ голосовъ проектъ поступалъ бы на разсмотрѣніе всѣхъ первичныхъ собраній того же департамента, наконецъ въ законодательный корпусъ (каждый разъ, въ случаѣ принятія большинствомъ). Если бы законодательный корпусъ отвергъ такой законъ, то долженъ былъ бы отправить его на разсмотрѣніе первичныхъ собраній всей Франціи и т. д. Той же процедурѣ должны были подвергаться и конституціонныя измѣненія, для разсмотрѣнія которыхъ законодательный корпусъ, не расходясь самъ, обязанъ былъ бы созвать особый національный конвентъ. Если бы предложеніе, отвергнутое законодательнымъ

[1]) См. выше, стр. 177.

корпусомъ, было принято большинствомъ голосовъ во всѣхъ первичныхъ собраніяхъ Франціи, то должно было бы совершиться обновленіе законодательнаго корпуса безъ права переизбранія тѣхъ его членовъ, которые вотировали противъ предложенія. По жирондистскому проекту, только декреты не подлежали такой „цензурѣ народа надъ актами національнаго представительства".

Проектъ былъ, конечно, весьма непрактиченъ, но въ немъ тѣмъ не менѣе была и серьезная мысль, нашедшая впослѣдствіи и практическое осуществленіе—только не во Франціи—въ такъ называемыхъ народной иниціативѣ и референдумѣ. Исходя изъ той же идеи, якобинская конституція была въ сущности гораздо болѣе удобоисполнимою. Конституція 1793 г. въ принципѣ также объявляла непосредственный суверенитетъ народа: „верховный народъ есть совокупность (universalité) французскихъ гражданъ", и ему принадлежитъ право законодательныхъ рѣшеній. Но рядомъ съ суверенным народомъ признавалось существованіе и представительнаго учрежденія—законодательнаго корпуса, единаго, нераздѣльнаго и непрерывнаго, выбираемаго на годъ съ правомъ издавать декреты и только предлагать законы. Проекты законовъ, принятые законодательнымъ корпусомъ, должны были печататься и разсылаться во всѣ общины республики. Если въ теченіе сорока дней одна десятая часть первичныхъ собраній въ половинѣ общаго числа департаментовъ *плюсъ* одинъ департаментъ не опротестуетъ предложенія, проектъ дѣлается закономъ, и лишь въ противномъ случаѣ созываются первичныя собранія, на которыхъ, впрочемъ, народъ могъ вотировать только *да* или *нѣтъ*. Что касается до исполнительной власти, то конституція 1793 г. вручила ее особому комитету изъ двадцати четырехъ членовъ, назначаемыхъ законодательнымъ корпусомъ изъ лицъ, представленныхъ департаментскими собраніями. Наконецъ, десятая часть первичныхъ собраній въ половинѣ общаго числа департаментовъ *плюсъ* одинъ въ каждый моментъ могла требовать пересмотра конституціи. Административная система сохранялась въ конституціи 1793 г. та же, которая была установлена учредительнымъ собраніемъ, т.-е. оставлялась полнѣйшая децентрализація, которой на дѣлѣ, впрочемъ, не было, такъ какъ конвентъ разсылалъ по странѣ своихъ коммиссаровъ съ неограниченными полномочіями [1]).

[1]) Замѣтимъ еще, что въ конституціи 1793 г. были статьи, касавшіяся

Если жирондисты и якобинцы составляли свои конституціи подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ идей „Общественнаго договора“, то конституція III года, составленная низвергшими якобинское владычество термидоріанцами, была во многомъ возвращеніемъ къ принципамъ автора „Духа законовъ“. Новая республиканская конституція была принята конвентомъ въ августѣ 1795 г., послѣ чего была утверждена первичными собраніями (милліономъ голосовъ противъ 50 т.). При составленіи этой конституціи имѣлись въ виду не только отвлеченныя теоріи и иностранные образцы, но и свой собственный историческій опытъ. Докладчикъ проекта конституціи въ конвентѣ (Буасси д' Англа) особенно настаивалъ на опасности одного собранія безъ плотины, которая его сдерживала бы, т.-е. безъ раздѣленія представительства на двѣ палаты, дабы одна, подлежа контролю другой, была осмотрительнѣе въ своихъ рѣшеніяхъ, а другая могла предупреждать ошибки первой. „Всѣ власти, прибавлялъ къ этому докладчикъ, происходятъ отъ народа, но такъ какъ онъ не можетъ самъ ими пользоваться, ему нужно делегировать ихъ такимъ образомъ, чтобы ни одна власть не могла его угнетать“. Это было прямо возвращеніемъ къ теоріи Монтескье. Мы уже видѣли, что вопросъ о двухпалатной системѣ представительства ставился въ учредительномъ собраніи, но верхняя палата была тогда отвергнута даже Мирабо, думавшимъ, что достаточно будетъ королевскаго *veto* противъ злоупотребленій властью со стороны собранія. То, чего, однако, опасался Мирабо, случилось, и единое собраніе сдѣлалось, дѣйствительно, деспотическимъ. Составители конституціи III года, какъ разъ во избѣжаніе повторенія тираніи со стороны національнаго представительства, и нашли нужнымъ раздѣлить его на двѣ палаты, или „совѣта“—совѣтъ пятисотъ и совѣтъ старѣйшинъ изъ 250 членовъ: первый „предлагалъ“ законы, второй ихъ „одобрялъ“. Этой конституціей, далѣе, исполнительная власть поручалась пяти директорамъ, составлявшимъ директорію, при чемъ ея составъ обновлялся еже-

---

и международныхъ отношеній: „Французскій народъ — другъ и естественный союзникъ свободныхъ народовъ; онъ не вмѣшивается въ дѣла правленія другихъ націй и не терпитъ, чтобы другія націи вмѣшивались въ его собственныя дѣла; онъ даетъ убѣжище иностранцамъ, изгнаннымъ изъ отечества за дѣло свободы, но отказываетъ въ убѣжищѣ тираннамъ; онъ не заключаетъ мира съ непріятелемъ, занимающимъ его территорію“.

годно выходомъ (по жребію) одного изъ ея членовъ и замѣщеніемъ вакансіи совѣтомъ старѣйшинъ по списку десяти кандидатовъ, представлявшемуся совѣтомъ пятисотъ. Директорія назначала министровъ, посланниковъ, генераловъ и всѣхъ чиновниковъ, которые не были выборными. Раздѣленіе властей было полное: депутаты не могли быть министрами; директоріи не было дано ни малѣйшаго участія въ законодательствѣ; какъ директорія не имѣла права распустить или отсрочить совѣты, такъ и послѣдніе не были въ правѣ отставить директоровъ. Въ этомъ былъ большой недостатокъ: двѣ власти ставились рядомъ, но безъ всякой связи между собою; въ случаѣ же столкновенія между ними, не существовало средства разрѣшить кризисъ (напримѣръ, или роспускомъ совѣтовъ и обращеніемъ къ націи, или выходомъ въ отставку министровъ), что повело впослѣдствіи къ ряду государственныхъ переворотовъ [1]). Мало того, раздѣленіе исполнительной власти между пятью директорами вело къ конфликтамъ и между ними, выходомъ изъ которыхъ опять являлось простое правонарушеніе. Все это дѣлало конституцію III года весьма неустойчивою, и низверженіе ея Наполеономъ Бонапартомъ было лишь завершеніемъ тѣхъ ея нарушеній, которыя начаты были самими конституціонными властями (да и въ заговорѣ Бонапарта участвовали два директора). Наконецъ, въ принципѣ конституція III года удерживала всеобщую подачу голосовъ на выборахъ, но возвращалась къ двухстепенной системѣ выборовъ 1791 г. съ значительнымъ цензомъ для выборщиковъ. Что касается до администраціи, то въ конституціи III года замѣтно уже нѣкоторое стремленіе подчинить мѣстныя власти центральному правительству. Это выразилось въ дарованіи послѣднему права временно отрѣшать отъ должности или смѣщать эти власти (выборныя департаментскія и муниципальныя директоріи) и въ учрежденіи при нихъ особыхъ правительственныхъ коммиссаровъ въ роли контролеровъ, наблюдавшихъ за исполненіемъ законовъ.

Опытъ съ введеніемъ во Франціи республиканскаго строя окончился неудачей. Сначала страна управлялась своего рода диктатурой конвента, а когда, наконецъ, была приведена въ дѣйствіе республиканская конституція, то за однимъ ея нару-

---

[1]) 18 фрюктидора и 22 флореаля противъ совѣтовъ и 30 преріяля противъ директоріи.

шеніемъ со стороны республиканскихъ властей слѣдовало второе, третье, пока переворотъ 18 брюмера не отдалъ Францію подъ власть счастливаго полководца. Такъ называемая консульская конституція (VIII г.) лишь по формѣ была республиканской, по существу же — монархической, и мало-по-малу представительныя учрежденія превратились въ простую декорацію, за которою скрывался настоящій абсолютизмъ. Принципъ народнаго представительства былъ, однако, консульствомъ и имперіей сохраненъ, а введеніе конституціи VIII г., равно какъ и произведенныя въ ней въ 1802 и 1804 гг. измѣненія были утверждены всенароднымъ голосованіемъ. Въ общемъ, однако, исторія Франціи той эпохи показала, что одного голаго признанія народовластія было еще не достаточно для основанія дѣйствительно свободнаго, дѣйствительно народнаго и дѣйствительно правового государства.

ГЛАВА XI.

Введеніе во Франціи безсословнаго гражданства.

Связь абсолютизма съ привилегіями при старомъ порядкѣ.—Популярность во французской націи идеи объ отмѣнѣ привилегій.—Историческое значеніе ночи 4 августа 1789 г.—Паденіе во Франціи сословнаго строя.—Отмѣна крѣпостничества и феодальныхъ правъ. — Лишеніе духовенства правъ особаго сословія въ государствѣ. — Распродажа національныхъ имуществъ.—Уничтоженіе старыхъ корпорацій.—Выработка новаго гражданскаго права. — Значеніе Наполеонова кодекса. — Прочность соціальныхъ пріобрѣтеній революціи во Франціи.

Разсмотрѣвъ въ двухъ предыдущихъ главахъ провозглашеніе французской революціей индивидуальной свободы и сдѣланные ею опыты привлеченія народа къ участію въ государственной власти, остановимся теперь болѣе подробно и на третьей сторонѣ переворота, на введеніи въ жизнь французской націи гражданскаго равноправія.

Одна изъ основныхъ особенностей стараго порядка заключалась въ тѣсномъ соединеніи, установившемся между абсолютизмомъ и сословными привилегіями высшихъ классовъ

общества, т.-е. духовенства (высшаго) и дворянства [1]). Образовавшійся между государствомъ и церковью союзъ дѣлалъ короля особымъ защитникомъ правъ и преимуществъ духовенства, которое не платило многихъ государственныхъ налоговъ, владѣло большимъ количествомъ земли, обладало равнымъ образомъ разными сеньёрьяльными правами и взимало десятину со всѣхъ сельскихъ хозяйствъ страны. Духовенство, въ свою очередь, всячески поддерживало въ населеніи авторитетъ королевской власти, тѣмъ болѣе, что, по болонскому конкордату 1516 г., право назначенія епископовъ находилось въ рукахъ королевской власти. Въ высшемъ клирѣ Франціи, кромѣ того, господствовалъ аристократическій духъ, тѣмъ болѣе, что всѣ особенно почетныя и доходныя должности въ церкви замѣщались обыкновенно младшими отпрысками дворянскихъ фамилій, и доступъ плебеевъ въ этотъ замкнутый кругъ былъ до чрезвычайности затрудненъ. Еще одна особенность до-революціонной Франціи—та, что нерѣдко въ ней министерскіе посты занимались кардиналами, епископами, аббатами. Тѣсная связь существовала также между монархіей и дворянствомъ. Французская династія не забывала своего феодальнаго происхожденія, и король, сдѣлавшійся живымъ воплощеніемъ націи, вмѣстѣ съ тѣмъ продолжалъ считать себя первымъ дворяниномъ своего государства. Королевскіе домены были только разновидностью дворянскаго землевладѣнія, и въ нихъ еще до конца семидесятыхъ годовъ XVIII в. существовалъ серважъ [2]). Потомки средневѣковыхъ феодальныхъ сеньёровъ перестали играть политическую роль въ качествѣ самостоятельнаго и независимаго сословія, но за то королевская власть взяла на себя охрану всѣхъ соціальныхъ привилегій, унаслѣдованныхъ дворянствомъ отъ вѣковъ его политическаго могущества. Наиболѣе важныя должности въ церкви и въ арміи а также и въ администраціи доставались по общему правилу только дворянамъ. Съ середины XVII в. все, что было въ дворянствѣ наиболѣе родовитаго и богатаго, служило при королевскомъ дворѣ, который былъ центромъ всей государственной жизни [3]). Дворъ

---

[1]) Ср. выше, стр. 41, въ особенности же главъ, I и XV „Западно-европейской абсолютной монархіи“, а также главу XXVI „Помѣстья-государства“.

[2]) Объ этой сторонѣ дѣла см. „Помѣстье-государство“, стр. 307.

[3]) Западно-европейская абсолютная монархія, гл. VIII.

былъ тою средою, въ которой протекала вся жизнь монарха, и вліяніе этой среды сказывалось на всемъ его міросозерцаніи и политическомъ поведеніи. При дворѣ дворяне дѣлали свою карьеру и пользовались щедротами короля въ формѣ большихъ окладовъ за исполненіе фиктивныхъ службъ, въ формѣ пенсій, воспособленій и подарковъ, не говоря уже о томъ, что и жилось здѣсь спокойно, беззаботно и весело среди вѣчнаго праздника баловъ, маскарадовъ и другихъ увеселеній. Старая монархія такъ сжилась съ придворнымъ бытомъ и съ дворянскими привилегіями, что попытка учредительнаго собранія придать королевской власти иной, демократическій характеръ уже по одному этому должна была потерпѣть крушеніе.

Въ то время, какъ въ большей части континентальныхъ государствъ просвѣщенный абсолютизмъ сталъ ограничивать привилегіи духовенства и дворянства, вызвавъ ихъ тѣмъ самымъ на болѣе или менѣе рѣзкую оппозицію, во Франціи власть отличалась величайшимъ консерватизмомъ по отношенію къ сословному строю, а если и здѣсь случалось, что привилегированные могли считать себя обиженными правительствомъ, они тоже были не-прочь фрондировать противъ деспотизма. Первый примѣръ неповиновенія правительству передъ началомъ революціи подали высшія сословія, и любопытно,что въ наказахъ духовенства и дворянства не встрѣчается ни одного, въ которомъ выражалось бы желаніе сохранить во Франціи неограниченную королевскую власть. Привилегированные сами были за введеніе представительства, но съ сохраненіемъ старой его сословной формы и подъ условіемъ неприкосновенности привилегій. Въ этомъ послѣднемъ желаніи духовной и свѣтской знати была вся суть дѣла. Дворъ и привилегированные выжили министра-реформатора Тюрго, и то же самое случилось позднѣе съ Неккеромъ. Кто хоть поверхностно знакомъ съ событіями французской революціи, долженъ хорошо знать также, какую оппозицію всѣ начинанія національнаго собранія встрѣчали при дворѣ; самъ Людовикъ XVI во многихъ отношеніяхъ поступалъ такъ, а не иначе лишь подъ вліяніемъ придворныхъ сферъ и защищая старыя привилегіи. При дворѣ устраивались заговоры противъ революціи, не останавливавшіеся передъ призывомъ во Францію иностранныхъ войскъ для возстановленія стараго порядка. Можно прямо даже сказать, что монархія себя погубила именно вслѣдствіе упорной поддержки той связи, которая образовалась между королев-

ской властью и привилегированными сословіями: Людовикъ XVI поплатился не только за грѣхи своихъ предшественниковъ, но и за грѣхи эмигрантовъ. Страстность республиканской партіи въ ея нападкахъ на монархію была въ значительной степени результатомъ ненависти къ привилегированнымъ, особенно послѣ того, какъ послѣдніе рѣзко заявили себя врагами всего того новаго, что должно было установиться во Франціи для осуществленія гражданскаго равенства [1]).

Если былъ какой-либо общій лозунгъ, который пользовался особою популярностью во всей французской націи, кромѣ привилегированныхъ, то это былъ именно лозунгъ: „отмѣна привилегій, гражданское равенство", и изъ всѣхъ пріобрѣтеній революціи это было, какъ извѣстно, пріобрѣтеніе самое прочное. Политическіе результаты мѣнялись, какъ мѣнялось и политическое настроеніе общества, нація готова была подчиниться всякому правительству, которое обезпечивало за нею гражданское равенство, лишь бы только не возвращался старый сословный строй со всѣми своими привилегіями и сеньёріальными правами. Въ этомъ были заинтересованы какъ средніе классы общества, такъ и крестьянская масса. То, что рушилось во Франціи въ знаменитомъ ночномъ засѣданіи 4 августа 1789 г., болѣе никогда уже подняться не могло: это былъ самый коренной переворотъ въ соціальномъ строѣ, замѣна сословно-фео-

---

[1]) Въ новѣйшей, написанной съ соціалистической точки зрѣнія „Исторіи великой французской революціи" *Жореса* мы читаемъ такія соображенія: „Весьма вѣроятно, что если бы короли Франціи имѣли возможность дѣйствовать помимо дворянства и противъ него, если бы они смогли стать просто королями буржуазіи и крестьянъ, и если бы они воспользовались этой свободой дѣйствій для того, чтобы искоренить послѣдніе слѣды феодализма въ деревняхъ и чтобы обезпечить промышленной, торговой и живущей рентою буржуазіи безопасность труда, добросовѣстное соблюденіе публичныхъ контрактовъ и строгій порядокъ въ государственныхъ финансахъ, то не разразилась бы революція 1789 г.... Если бы старинная французская монархія съ ея вѣковою мощью и чуть не священнымъ престижемъ сыграла въ новой Франціи новую роль, то она, вѣроятно, продолжала бы руководить Франціей вплоть до пролетарской революціи. Она стала бы капиталистической и буржуазной монархіей и изчезла бы лишь съ исчезновеніемъ послѣдняго изъ авторитетовъ, авторитета капитала". Рус. перев. въ изд. Глаголева, т. I, стр. 17. Это очень интересное предположеніе въ книгѣ такого историка, какъ Жоресъ.

дальнаго общества безсословнымъ гражданствомъ, въ которомъ первенствующая роль перешла къ буржуазіи.

Само это ночное засѣданіе національнаго собранія было только санкціонированіемъ фактической отмѣны феодализма, совершенной народнымъ движеніемъ въ деревняхъ, бывшимъ повтореніемъ жаккеріи 1358 г. [1]). Сигналъ былъ данъ парижскимъ возстаніемъ 12—14 іюля, когда взята была инсургентами Бастилія. Въ это время въ странѣ происходила жатва, и крестьяне отказывались платить шампаръ, десятину и др. подобные сборы, а вмѣстѣ съ ними и налоги. Они нападали на замки, разграбляли феодальные архивы, жгли и тѣ, и другіе и даже совершали насилія надъ людьми. Въ національное собраніе стали приходить грозныя извѣстія изъ провинцій, и оно наконецъ должно было обратить вниманіе на то, что̀ творилось въ деревняхъ. „Деревни, говорилъ въ засѣданіи 4 августа виконтъ де-Ноайль. высказывали свои желанія: не конституціи просили онѣ, ибо эта просьба высказывалась только въ бальяжахъ [2]),—онѣ требовали облегченія или измѣненія феодальныхъ повинностей. Уже болѣе трехъ мѣсяцевъ онѣ видятъ одно—какъ ихъ представители занимаются тѣмъ, что̀ мы называемъ и что̀ въ дѣйствительности является общественнымъ дѣломъ, но для нихъ общественнымъ дѣломъ кажется то, чего онѣ сами желаютъ и чего страстно хотятъ добиться. Онѣ уже распознали людей, имъ преданныхъ, стремящихся къ ихъ счастью, и могущественныхъ лицъ, наоборотъ, противящихся этому; онѣ уже нашли нужнымъ вооружиться противъ силы, и теперь онѣ уже не знаютъ болѣе никакой сдержки“. Такимъ образомъ „жаккерія“ была понята, какъ напоминаніе со стороны народа національному собранію о главномъ содержаніи сельскихъ наказовъ. Для успокоенія провинцій ничего не оставалось болѣе, какъ узаконить оффиціальною волею націи то, что фактически уже было сдѣлано дѣйствительною волею народа, начавшаго войну противъ феодальныхъ правъ. Де-Ноайль заключилъ свою рѣчь предложеніемъ возвести въ законъ равенство въ налогахъ, уничтоженіе тяжелыхъ для народа привилегій, выкупъ феодальныхъ повинностей, отмѣну безъ выкупа крѣпостничества и барщинъ и т. п. Его поддержалъ герцогъ д'Эгильонъ. Цѣлый рядъ предложеній слѣдовалъ за ихъ рѣчами, — предло-

---

[1]) Помѣстье-государство, стр. 334.

[2]) Т.-е. въ сводныхъ наказахъ отъ цѣлыхъ судебныхъ округовъ.

женій, въ которыхъ отдѣльные депутаты отказывались отъ разныхъ сословныхъ, корпоративныхъ и провинціальныхъ привилегій. Появленіе на трибунѣ новыхъ и новыхъ ораторовъ встрѣчалось рукоплесканіями, и засѣданіе затянулось далеко за полночь (откуда его названіе „ночного"). Въ теченіе немногихъ часовъ національное собраніе отмѣнило серважъ, сеньеріальную юстицію, исключительныя права охоты, голубятенъ и гареннъ [1]), всѣ финансовыя привилегіи и податныя льготы, объявило выкупаемость феодальныхъ правъ и десятины и декретировало равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ и въ налогахъ, равный также для всѣхъ доступъ къ гражданскимъ и военнымъ должностямъ и т. п. Потребовалось еще нѣсколько дней, чтобы общіе принципы, принятые въ ночномъ засѣданіи 4 августа, формулировать въ отдѣльныхъ декретахъ, былъ назначенъ особый феодальный комитетъ дляразработки подробностей и частностей всего законодательства о ликвидаціи соціальнаго феодализма.

Передъ тою высшею государственною идеею, которую выработала общественная философія XVIII в., не должно было быть неравенства между гражданами одного и того же, всѣмъ имъ общаго отечества. Уже превращеніе генеральныхъ штатовъ, съ ихъ сословнымъ раздѣленіемъ, въ національное собраніе, какъ собраніе представителей всего народа (17 іюня 1791 г.), было первымъ шагомъ на пути демократизаціи французской націи, а въ концѣ своей дѣятельности учредительное собраніе отмѣнило и всѣ аристократическіе титулы (titres nobiliaires) съ наслѣдственнымъ дворянствомъ. Конституція 1791 г. съ первыхъ же строкъ своихъ объявляла „безповоротно уничтоженными всѣ учрежденія, оскорблявшія свободу и равенство правъ": „нѣтъ больше, сказано было въ ней, ни дворянства, ни пэрства, ни наслѣдственныхъ отличій, ни сословнаго раздѣленія, ни феодальнаго режима, ни патримоніальной юстиціи, ни какихъ-либо титуловъ, званій и прерогативъ, изъ всего этого возникающихъ, ни какихъ-либо рыцарскихъ орденовъ, корпорацій и украшеній, для которыхъ требовались бы доказательства дворянства, или которые предполагали бы неравенство рожденія, ни какихъ бы то ни было другихъ случаевъ превосходства, кромѣ того, которое принадлежитъ представителямъ общественной власти при исполненіи ими своихъ обя-

---

[1]) Заповѣдныхъ лѣсовъ.

занностей". Содержаніе декретовъ 4 августа 1789 г. тоже было резюмировано въ самой конституціи, „гарантировавшей въ качествѣ естественныхъ и гражданскихъ правъ: 1) что всѣ граждане могутъ быть допускаемы ко всѣмъ мѣстамъ и должностямъ безъ какихъ бы то ни было другихъ отличій, кромѣ добродѣтели и таланта; 2) что всѣ налоги будутъ распредѣляться между всѣми гражданами равномѣрно, въ соотвѣтствіи съ ихъ средствами; 3) что одни и тѣ же преступленія будутъ наказываться одинаковымъ образомъ безъ всякаго различія лицъ". Наконецъ, конституція прямо признавала только одно „состояніе гражданъ" (état des citoyens), при чемъ для всѣхъ безъ различія жителей устанавливался одинъ и тотъ же способъ удостовѣренія своей личности.

Сословный строй старой Франціи былъ замѣненъ демократическимъ равенствомъ въ политическомъ и юридическомъ смыслахъ, но это не касалось непосредственно отношеній экономическихъ, которыми опредѣляется и въ безсословномъ обществѣ существованіе разныхъ соціальныхъ классовъ. Если теперь мы поставимъ вопросъ, какой же общественный классъ наиболѣе выигралъ отъ этого переворота, то должны будемъ отвѣтить, что это была прежде всего буржуазія, на долю которой пришлись самыя крупныя выгоды, а затѣмъ та часть крестьянства, которая имѣла земельное обезпеченіе (не касаясь, конечно, тѣхъ выгодъ, какія давались новыми порядками безразлично всѣмъ гражданамъ, и не говоря о томъ, что уничтоженіе феодальнаго режима было однимъ изъ главныхъ пріобрѣтеній вообще всего сельскаго населенія Франціи).

Декретъ 4 августа, уничтожая безвозмездно лишь тѣ сеньеріальныя права, которыя имѣли происхожденіе въ крѣпостничествѣ, объявлялъ, какъ мы видѣли, что всѣ остальныя будутъ подлежать выкупу. Этотъ общій принципъ предстояло примѣнить къ отдѣльнымъ категоріямъ и видамъ сеньёріальныхъ правъ, что и вызвало необходимость образованія особаго феодальнаго комитета, который долженъ былъ заняться подробной разработкой соотвѣтственнаго законодательства. Привилегированные члены собранія и землевладѣльцы старались, конечно, рѣшить всѣ возникавшія въ этой области вопросы въ наиболѣе благопріятномъ для себя смыслѣ, да интересы поземельной собственности вообще нашли многочисленныхъ защитниковъ среди членовъ собранія. 4 августа рѣшено было покончить и съ церковною десятиною, но весь вопросъ заклю-

чался въ томъ, должны ли будутъ земельные собственники освободиться отъ нея посредствомъ выкупа, или же она будетъ уничтожена безвозмездно, а тѣ средства, какія она давала на содержаніе клира, будутъ приняты на счетъ государственнаго казначейства. Первый способъ былъ, несомнѣнно, наиболѣе выгоднымъ для землевладѣльцевъ, освобождая ихъ отъ тяжелаго налога. но онъ былъ менѣе выгоденъ для всей націи, со включеніемъ въ нее и такихъ плательщиковъ налоговъ, у которыхъ не было никакой собственности, такъ какъ то, что духовенство имѣло отъ десятины, приходилось теперь возмѣщать изъ средствъ всей націи. Такъ дѣло и было рѣшено, при чемъ отъ безвозмезднаго уничтоженія десятины выиграли одинаково всѣ землевладѣльцы свѣтскаго званія безъ различія сословій—дворяне, буржуа, крестьяне, а средства на содержаніе духовенства должна была давать вся нація.

Что касается до феодальнаго комитета, то въ немъ тоже оказалась довольно сильною собственническая тенденція. Это прямо и отразилось на феодальномъ законодательствѣ учредительнаго собранія. Декреты 15 мая и 3 марта 1790 г. устанавливали очень тяжелыя условія для выкупа сеньеріальныхъ правъ: во-первыхъ, очень много правъ было отчислено къ подлежащимъ выкупу; во-вторыхъ, отъ сеньера не требовалось документа на пользованіе извѣстнымъ правомъ, но крестьянинъ какъ-разъ лишь документально приглашался доказывать, что онъ не долженъ былъ платить; въ третьихъ, до окончательнаго выкупа всѣ повинности должны были продолжать существовать на прежнихъ основаніяхъ; въ-четвертыхъ, во многихъ случаяхъ одинъ крестьянинъ безъ своихъ товарищей не могъ выкупать своего участка, да и самый выкупъ объявлялся лишь факультативнымъ; въ-пятыхъ, всѣ повинности должны были выкупаться разомъ и т. п. При такихъ условіяхъ выкупъ дѣлался совершенно невозможнымъ.

Рѣшенія 4 августа встрѣтили оппозицію со стороны короля и привилегированныхъ. Отношенія между дворянами и крестьянами были самыя обостренныя въ теченіе всего этого времени (съ лѣта 1789 г.), и это не мало способствовало продолженію народныхъ волненій. Въ большинствѣ случаевъ крестьяне, ожидавшіе отъ учредительнаго собранія гораздо бо́льшаго, чѣмъ получили въ силу декретовъ 15 марта и 3 мая 1790 г., отказывались платить всякія феодальныя повинности, захватывали сеньеріальную собственность, рубили лѣса, истребляли

дичь, а потомъ по-своему толковали декреты, передѣлывая въ то же время свои наказы въ болѣе радикальномъ смыслѣ, отправляя въ національное собраніе петиціи, жалобы, протесты и т. п. Когда учредительное собраніе уступило свое мѣсто собранію законодательному, въ послѣднее тоже посыпались крестьянскія петиціи, заключавшія въ себѣ уже прямыя угрозы. Составители этихъ просьбъ указывали на то, что дворяне, которымъ хотѣли „угодить" декретами 15 марта и 3 мая, находятся въ эмиграціи и угрожаютъ отечеству войной, и что представителями третьяго сословія являются большею частью горожане, позабывшіе крестьянъ, такъ какъ сами непосредственно они не страдали отъ феодальныхъ правъ. Законодательное собраніе назначило для пересмотра вопроса новый комитетъ, признавъ, что первое собраніе не исполнило даннаго имъ обѣщанія помочь освобожденію почвы отъ феодальнаго гнета, и этотъ комитетъ въ апрѣлѣ 1792 г. внесъ въ собраніе проектъ декрета, которымъ безвозмездно уничтожались феодальныя пошлины, разрѣшался индивидуальный выкупъ, а сеньеры обязывались доказывать документами существованіе своихъ правъ на отдѣльныя повинности; вслѣдъ затѣмъ сдѣлано было и еще нѣсколько облегчительныхъ предложеній, хотя старый принципъ различенія между двумя категоріями правъ и былъ оставленъ въ силѣ съ перенесеніемъ, впрочемъ, наиболѣе сомнительныхъ случаевъ въ категорію правъ, отмѣняемыхъ безвозмездно. Своими декретами 18 іюня и 25 августа 1792 г. законодательное собраніе объявило всякую собственность вольною и свободною отъ какихъ бы то ни было феодальныхъ повинностей, если лица, имѣющія на нихъ какія-либо притязанія, не докажутъ противнаго, чѣмъ безповоротно уничтожалось одно изъ главныхъ и основныхъ правилъ французскаго соціальнаго феодализма: „nulle terre sans seigneur" [1]). Конвентъ пошелъ еще далѣе: изданный имъ 17 іюля 1793 г. декретъ уничтожалъ безъ вознагражденія даже то, что должно было выкупаться по закону 25 августа 1792 г., и повелѣвалъ подъ страхомъ пятилѣтняго тюремнаго заключенія всѣмъ владѣльцамъ феодальныхъ документовъ передать таковые муниципальнымъ властямъ для сожженія.

Революція 1789 г. (подобно религіозной реформаціи XVI в. въ протестантскихъ странахъ) наносила ударъ и соціальному

[1]) Помѣстье-государство, стр. 81 и слѣд.

могуществу католическаго духовенства, превращая его изъ особаго сословія (ordre или état) въ простой классъ служителей религіи и отнимая у него земли и десятину, чтобы замѣнить такую форму его матеріальнаго обезпеченія жалованіемъ отъ государства.

Уже 6 августа 1789 г. было сдѣлано въ національномъ собраніи заявленіе, что церковныя имущества принадлежатъ націи, а 8-го предложено было однимъ членомъ объявить ихъ гарантіей государственныхъ займовъ и оплачивать жалованіемъ (salarier) „своихъ наставниковъ морали" (ses officiers de morale et d'instruction). Черезъ четыре дня послѣ этого (12 авг.) была отмѣнена десятина. Зимою 1789 г. реформа внѣшняго положенія церкви была окончательно завершена: декретъ 2 ноября отдавалъ церковныя имущества въ распоряженіе націи, дабы они служили гарантіей для „ассигнацій" (assignats), т.-е. новыхъ бумажныхъ денегъ, опредѣливъ вмѣстѣ съ тѣмъ духовенству жалованье, а декретъ 19 декабря назначилъ въ продажу церковныхъ имуществъ на 400 милліоновъ. Разрушая корпоративное устройство клира, секуляризируя церковную собственность, уничтожая десятину, принимая на счетъ государства содержаніе служителей алтаря, учредительное собраніе, дѣйствительно, вводило во Франціи тѣ порядки, которые создавались въ протестантскихъ странахъ реформаціей XVI в.: во всѣхъ этихъ отношеніяхъ уже въ первый годъ революціи установлялось то внѣшнее положеніе католической церкви во Франціи, которое сохранилось въ ней и впослѣдствіи. Дополненіемъ къ этому законодательству было уничтоженіе во Франціи и монашества съ его безповоротными обѣтами.

Благодаря секуляризаціи церковной и монастырской собственности, образовавшей такъ называемыя національныя имущества (biens nationaux), въ составъ которыхъ вошли помимо ея еще домены и позднѣе конфискованныя имѣнія эмигрантовъ, во Франціи въ распоряженіи государства образовался громадный земельный фондъ, которымъ обезпечивались теперь государственные долги и новыя бумажныя деньги. Для уничтоженія дефицита и уплаты долговъ учредительное собраніе предприняло распродажу части національныхъ имуществъ. Многіе совѣтовали при этомъ продавать землю по возможности мелкими участками для того, чтобы увеличить число собственниковъ и уменьшить число нищихъ, но никому въ голову не приходило организовать для этого какой-либо кредитъ. По-

купщиками національныхъ имуществъ являлись поэтому очень часто люди, у которыхъ уже и безъ того была земельная собственность, или спекулянты, покупавшіе (иногда цѣлыми компаніями) очень большія помѣстья для перепродажи ихъ по частямъ. Если, однако, и крестьяне покупали эти земли, то отнюдь нельзя говорить, какъ это дѣлалось прежде, что мелкая собственность во Франціи ведетъ свое происхожденіе отъ революціи и обязана своимъ существованіемъ распродажѣ національныхъ имуществъ. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что въ новыхъ земельныхъ собственникахъ, кто бы они ни были, революція пріобрѣла многочисленный классъ защитниковъ, у которыхъ былъ спеціальный интересъ не желать и бояться возвращенія стараго порядка и связанныхъ съ нимъ сословныхъ привилегій и сеньеріальныхъ правъ. Впослѣдствіи новыя правительства должны были особливо оговаривать въ составлявшихся ими конституціяхъ, что покупщики національныхъ имуществъ могутъ спокойно владѣть своею собственностью, какъ вполнѣ законною и защищаемою государственною властью.

Къ числу привилегій, отмѣненныхъ учредительнымъ собраніемъ, слѣдуетъ отнести и тѣ, которыя были связаны съ существованіемъ цеховой организаціи промышленности. Мы уже видѣли, какими мотивами руководилось учредительное собраніе, уничтожая цехи, но той же самой судьбѣ и по тѣмъ же мотивамъ подверглись и вообще всякія привилегированныя корпораціи, какія только существовали во Франціи. Великая революція относилась недружелюбно даже къ самому принципу корпорацій, какъ къ принципу, таящему въ себѣ привилегіи, какъ къ принципу, создающему какіе-то промежуточные интересы въ ущербъ двумъ единственно законнымъ, по мнѣнію дѣятелей той эпохи, интересамъ—общему, государственному, съ одной стороны, и частному, личному, съ другой. Во Франціи должны были существовать только нація и отдѣльный гражданинъ, ничего промежуточнаго между ними, и въ этомъ была одна изъ односторонностей французской революціи. Нивеллируя общество, она создавала гражданское равенство, но въ то же время атомизировала, распыляла это общество, не давая въ немъ мѣста союзнымъ организаціямъ, въ которыхъ отдѣльный гражданинъ и можетъ только почерпать силы для жизненной борьбы. Устраняя всѣ мѣстныя, провинціальныя и коммунальныя привилегіи и совершенно искусственно выкраивая съ странѣ новыя административныя единицы, революція подготовляла

почву для того зданія административной централизаціи, которое было возведено Наполеономъ. Дезорганизованное безсословное гражданство оказалось безсильнымъ передъ государствомъ, наоборотъ, укрѣпившимъ себя новыми порядками, а результатъ былъ тотъ, что гражданское равноправіе сохранилось, но свобода такъ-таки и не утвердилась.

Гражданское равноправіе и государственное единство требовали во Франціи замѣны сотенъ мѣстныхъ правъ, унаслѣдованныхъ изъ временъ феодальнаго раздробленія, однимъ общимъ правомъ для всѣхъ французовъ и для всѣхъ областей Франціи. До революціи въ странѣ царствовала страшная юридическая пестрота, и созданіе общаго гражданскаго кодекса, который замѣнилъ бы всю эту массу мѣстныхъ кутюмъ, было однимъ изъ очередныхъ дѣлъ революціи. Объ этомъ говорили наказы 1789 г., объ этомъ думали и революціонныя собранія. Революціи, однако, не было суждено исполнить эту задачу, хотя и удалось подготовить очень много для будущаго ея осуществленія. Еще въ 1793 г. Камбасересъ, будущій второй консулъ, представлялъ конвенту проектъ гражданскаго кодекса, но только Наполеонъ, сдѣлавшись первымъ консуломъ, назначилъ особую коммиссію, которой и было поручено составить гражданскій кодексъ, примѣнивъ къ новому общественному быту отдѣльныя положенія римскаго и каноническаго права и мѣстныхъ кутюмъ, мнѣнія юристовъ XVII и XVIII вв. и новые революціонные законы. Вскорѣ проектъ былъ готовъ, прошелъ всѣ законодательныя инстанціи и въ 1804 г. былъ принятъ законодательнымъ корпусомъ подъ названіемъ „Code civil“, замѣненнымъ въ 1807 г. названіемъ „Наполеонова кодекса“ (Code Napoléon), которымъ до сихъ поръ для его обозначенія пользуются историки, хотя оффиціально во Франціи это названіе отмѣнено. Этотъ важный законодательный памятникъ вполнѣ отразилъ на себѣ какъ „классическій духъ“ XVIII в., отличаясь по формѣ простотою, ясностью и законченностью, такъ и принципы французской революціи, поскольку въ основу его содержанія были положены равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ и уваженіе къ волѣ отдѣльныхъ лицъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ частнаго характера, особенно въ дѣлахъ имущественныхъ. Гражданскій кодексъ, другими словами, былъ приспособленъ къ отношеніямъ и потребностямъ такого общественнаго строя, въ которомъ уже не было никакихъ сословныхъ перегородокъ, и въ своей частной дѣятельности отдѣль-

[illegible]

[illegible]

[illegible]

ГЛАВА XII.

Общій взглядъ на реакцію противъ французской революціи.

Противодѣйствіе французской революціи со стороны французскаго двора, эмигрантовъ и иностранныхъ державъ.—Начало идейной борьбы противъ революціи въ концѣ XVIII в. — Реакція при Наполеонѣ I. — Принципы вѣнскаго конгресса и Священнаго союза.—Феодально-клерикальная реакція эпохи реставраціи.—Международная борьба съ революціей въ двадцатыхъ годахъ XIX вѣка. — Реакція противъ французской революціи въ Англіи.

Борьба противъ французской революціи началась съ первыхъ же дней ея успѣховъ. Когда 17 іюня 1789 г. третье сословіе объявило себя національнымъ собраніемъ, версальскій дворъ отвѣтилъ на это закрытіемъ дверей въ залу, гдѣ происходили засѣданія, и торжественнымъ королевскимъ засѣданіемъ, въ которомъ сословіямъ было предписано собраться каждому отдѣльно, чѣмъ отмѣнялось рѣшеніе 17 іюня. Въ началѣ іюля дворъ прямо сталъ подготовлять государственный переворотъ противъ національнаго собранія, съ каковою цѣлью стали стягиваться къ Версалю и Парижу въ большомъ количествѣ военныя силы, при чемъ популярному въ то время министру Неккеру, настоявшему на созывѣ генеральныхъ штатовъ, дана была отставка съ предписаніемъ немедленно покинуть Францію. Замыселъ придворныхъ былъ, однако, какъ извѣстно, предотвращенъ народнымъ возстаніемъ въ Парижѣ 12—14 іюля, имѣвшимъ своимъ слѣдствіемъ взятіе и разрушеніе знаменитой Бастиліи, главной государственной тюрьмы стараго режима. Это событіе и послѣдовавшее за нимъ возстаніе въ деревняхъ такъ напугали французскую аристократію, что послужили сигналомъ къ началу эмиграціи, въ которой приняли участіе, между прочимъ, братья короля и другіе принцы крови. Своею цѣлью аристократическіе эмигранты поставили организовать за границами Франціи вооруженныя силы для борьбы съ бунтомъ и втянуть въ эту борьбу иностранныя державы. Между тѣмъ оставшіеся въ самой Франціи защитники стараго порядка не оставляли надежды на

его возстановленіе собственными военными силами, находившимися въ распоряженіи монархіи. Новая попытка, сдѣланная дворомъ въ этомъ направленіи около 1 октября 1789 г., окончилась, однако, новою неудачею, только вызвавъ въ столицѣ сильное народное движеніе, знаменитые дни 5—6 октября, слѣдствіемъ которыхъ было переселеніе короля и перенесеніе засѣданій національнаго собранія въ Парижъ. И это, въ свою очередь, не остановило составленія при дворѣ контръ-революціонныхъ плановъ. Главный заключался въ томъ, чтобы королю уѣхать изъ Парижа, уѣхать къ восточной границѣ королевства, гдѣ еще были не затронутыя революціоннымъ движеніемъ военныя силы. Въ апрѣлѣ 1791 г. Людовикъ XVI попробовалъ-было оставить столицу подъ предлогомъ временнаго выѣзда въ близлежащій городокъ С.-Клу, но когда это не удалось, во второй половинѣ іюня было предпринято, тоже не удавшееся, какъ извѣстно, тайное бѣгство, смыслъ котораго былъ объясненъ самимъ королемъ въ письмѣ, оставленномъ имъ на имя національнаго собранія. Результатомъ этой попытки была новая лишь урѣзка правъ короля въ разрабатывавшейся въ то время конституціи [1]) и только еще большее недовѣріе къ королю въ націи. Это недовѣріе только усиливали, конечно, козни и угрозы эмигрантовъ, продолжавшихъ поддерживать дѣятельныя сношенія съ дворомъ и хлопотать передъ иностранными правительствами о крестовомъ походѣ противъ революціи.

Политическая агитація принцевъ въ данный моментъ уже успѣла принести свои плоды. Сначала европейскіе дворы относились къ событіямъ, совершавшимся во Франціи, каждый съ своей точки зрѣнія, смотря по тому, выгодно было или не выгодно данному правительству ослабленіе Франціи вслѣдствіе постигшей ее внутренней смуты, но довольно скоро отношеніе къ вопросу измѣнилось, и во французской революціи вся оффиціальная Европа почуяла для себя общую опасность, съ которою нужно было бороться. Французскія событія съ этой точки зрѣнія сдѣлались предметомъ дипломатическихъ переговоровъ, и, недолго спустя, въ саксонскомъ загородномъ дворцѣ Пильницѣ произошло свиданіе австрійскаго и прусскаго государей, опубликовавшихъ противъ революціи манифестъ уже съ угрозами противъ мятежной Франціи. Принятіе Людовикомъ XVI въ сен-

---

[1]) См. выше, стр. 189.

тябрѣ конституціи, повидимому, дѣлало иностранное вмѣшательство во французскія дѣла излишнимъ, но, извѣщая иностранные дворы оффиціально объ этомъ принятіи конституціи, онъ секретно сообщалъ другимъ правительствамъ, что шагъ, имъ сдѣланный, былъ вынужденнымъ, и что, какъ вынужденная уступка, онъ не имѣетъ силы. Въ эпоху законодательнаго собранія мысли о контръ-революціи не покидали Людовика XVI и дворъ: тайныя сношенія съ иностранными правительствами продолжались, какъ продолжались и съ эмигрантами; вмѣсто того, чтобы совѣтоваться съ конституціонными министрами, король слѣдовалъ внушеніямъ довѣренныхъ лицъ изъ придворныхъ сферъ; когда противъ эмигрантовъ собраніемъ было рѣшено принять репресивныя мѣры, со стороны короля послѣдовалъ отказъ утвердить соотвѣтственный декретъ. Ослѣпленіе двора и эмигрантовъ было при этомъ такъ велико, что они не видѣли, какъ своими дѣйствіями они только губили во Франціи и лично короля, и вообще монархію. Въ апрѣлѣ 1792 г. была объявлена война Австріи, къ которой скоро примкнула Пруссія, и когда вождь союзной арміи, герцогъ Брауншвейгскій, обратился къ французамъ съ грознымъ манифестомъ, требовавшимъ, чтобы они просили прощенія у короля, и открывавшимъ передъ ними перспективу безпощадной мести за бунтъ, то участь и монархической власти, и самого Людовика XVI была рѣшена: отвѣтомъ на манифестъ герцога было возстаніе 10 августа, низвергшее монархію. Въ свою очередь провозглашеніе во Франціи республики въ сентябрѣ 1792 г., послѣдовавшіе за тѣмъ французскіе успѣхи въ Бельгіи, на Рейнѣ и въ Савойѣ, указывавшіе на возможность и дальнѣйшей вооруженной пропаганды революціи у сосѣдей, а въ довершеніе преданіе Людовика XVI казни во второй половинѣ января 1793 г. вызвали въ иностранныхъ дворахъ еще большее озлобленіе противъ Франціи и повели къ образованію противъ нея большой коалиціи, въ составъ которой, кромѣ Австріи и Пруссіи, входили и другія германскія государства (вся имперія), Испанія, Англія, итальянскія государства, позднѣе же къ этой борьбѣ съ революціонной и побѣдоносной Франціей примкнула и Россія. Тогда, впрочемъ, одолѣть Францію не удалось и даже пришлось вступать съ нею въ сдѣлки—какъ въ эпоху республики, такъ и при Наполеонѣ, и только въ 1814—1815 г. монархическою Европою были достигнуты нѣкоторыя цѣли, ставившіяся союзниками 1793 и слѣдующихъ годовъ.

Въ этой борьбѣ противъ французскаго революціоннаго движенія, начавшейся одновременно съ возникновеніемъ самого движенія, заключались сѣмена той реакціи, какая овладѣла Европою послѣ побѣды надъ Франціей въ 1814 — 1815 гг. Вмѣстѣ съ союзными войсками, побѣдившими Наполеона, возвратились во Францію самые непримиримые эмигранты, ничему въ изгнаніи не научившіеся и ничего не позабывшіе. Своею задачею они поставили возвратить что только было можно изъ потеряннаго за протекшую четверть вѣка.

Эмигрантская реакція была реакціей клерикально-аристократической, стремленіемъ къ возстановленію стараго порядка въ его феодальныхъ и католическихъ основахъ. Помимо этой реакціи и прежде, чѣмъ она получила возможность проявить свои тенденціи во внутренней жизни Франціи, въ странѣ происходила другая реакція, овладѣвшая наиболѣе вліятельнымъ классомъ новой Франціи, буржуазіей. Выше у насъ уже шла объ этомъ рѣчь [1]). Мы видѣли, что среди участниковъ революціи одни были ею же самою напуганы, другіе въ ней разочарованы, и что это однихъ заставляло поворачивать назадъ, другихъ—отставать отъ движенія; исторія послѣдняго пятилѣтія XVIII в. цѣлымъ рядомъ фактовъ указываетъ на совершившуюся въ это время во Франціи общественную реакцію, подготовившую, въ свою очередь, почву для переворота 18 брюмера со всѣми его послѣдствіями [2]). Не только въ самой Франціи, но и за ея предѣлами первоначально восторженное, крайне оптимистическое отношеніе къ революціи довольно быстро стало смѣняться совсѣмъ другими настроеніями—разочарованіемъ, пессимизмомъ, озлобленіемъ. Насилія и кровавые ужасы революціи, всѣ эти убійства и казни, весь этотъ терроръ, возведенный на степень порядка дня, конечно, совсѣмъ не соотвѣтствовали тѣмъ радужнымъ мечтаніямъ, какимъ предавались люди по поводу паденія деспотизма и торжества свободы въ первые мѣсяцы революціи. Переворотъ сулилъ свободу, но свобода не пришла,—уваженіе къ личности, но уваженія и въ поминѣ не было,—правильное участіе націи въ государственныхъ дѣлахъ, но его замѣняла та или другая диктатура, да и сосѣдямъ Франція обѣщала освобожденіе, вмѣсто котораго приносила иностранное порабощеніе.

---

[1]) См. выше, стр. 158.

[2]) См. выше, стр. 165.

Все это должно было, конечно, найти и свое отраженіе въ мірѣ идей, главнымъ зеркаломъ котораго является литература. Когда послѣ паденія имперіи Наполеона I реакція раскрыла свои настоящія карты, оказалось, что въ общемъ реакціонномъ теченіи эпохи участвовали не только ничему не научившіеся и ничего не позабывшіе представители стараго порядка, но и люди новой формаціи, которые, наоборотъ, извлекли для себя изъ протекшихъ событій болѣе или менѣе важные уроки и съумѣли кое-что, съ другой стороны, подъ ихъ вліяніемъ и позабыть. Та культурная реакція противъ философскихъ, моральныхъ, соціальныхъ и политическихъ идей XVIII в., которая особенно характеризуетъ эпоху, наступившую послѣ низверженія имперіи Наполеона I, уже въ достаточной мѣрѣ обнаружилась во времена директоріи и въ первые годы консульства, составляющіе переходъ отъ XVIII в. къ XIX столѣтію. Именно, уже во второй половинѣ послѣдняго десятилѣтія XVIII в. и въ самомъ началѣ XIX в. мы наблюдаемъ очень яркіе случаи рѣзкаго осужденія „философіи" XVIII в., въ счетъ и въ вину которой ставились всѣ ошибки, всѣ бѣдствія, всѣ ужасы революціи, и цѣлыя теоріи объявлялись фальшивыми не столько въ силу доказательствъ ихъ теоретической несостоятельности, сколько вслѣдствіе испытанной, какъ въ томъ были увѣрены, на практикѣ ихъ опасности и вредоносности.

Владычество Наполеона, подготовленное реакціонными теченіями въ самой французской націи, съ своей стороны, тоже подбавляло къ совершавшейся реакціи многое и отъ себя. Имперія, бывшая цезаристской диктатурой революціоннаго происхожденія и носившая на себѣ демократическую вывѣску избранія главы государства всѣмъ народомъ, хотѣла въ то же время сравняться со старыми монархіями „Божіею милостью". Еще до провозглашенія себя императоромъ, Наполеонъ заключилъ съ папствомъ выгодный для себя конкордатъ, отдававшій въ его распоряженіе все духовенство Франціи, а потомъ заставилъ папу совершить надъ нимъ, новымъ монархомъ Франціи, обрядъ священнаго вѣнчанія на царство, духовенство же принудилъ обучать въ школахъ катехизису, заключавшему въ себѣ ученіе о новой имперіи, какъ о чемъ-то, непосредственно установленномъ свыше.

Въ странѣ, гдѣ революція смела съ лица земли аристократію древняго происхожденія, была создана затѣмъ новая

аристократія, и возстановлены старые феодальные титулы герцоговъ и графовъ. Вмѣсто мѣстнаго самоуправленія, къ которому стремилась, но котораго не съумѣла осуществить революція [1]), введена была строжайшая административная централизація, болѣе единообразная, болѣе стройная, болѣе технически совершенная, чемъ при старой монархіи. Возвратившіеся въ 1814 году Бурбоны очень хорошо поняли, что имъ давали конкордатъ и административная централизація, и оставили неприкосновенными оба эти наслѣдія ненавистнаго имъ узурпатора. Наконецъ, въ другихъ иногда только формахъ и подъ другими названіями, возстановлены были при Наполеонѣ и Бастилія, и lettres de cachet, и чрезвычайные суды, и цензура, бывшіе обычными орудіями стараго деспотизма. Отъ этихъ мѣръ правительственнаго воздѣйствія на общество и послѣдующая эпоха, и сами правительства, низложившія Наполеона, не только не думали отказываться, но даже сами воспользовались кое-чѣмъ изъ этого въ борьбѣ со стремленіями къ политической свободѣ.

Послѣдняя борьба съ Наполеономъ правительствъ и народовъ велась во имя свободы, но тѣ, которые вышли настоящими побѣдителями изъ этой борьбы, дали потомъ своимъ народамъ нѣчто, очень далекое отъ свободы. Извѣстно, какими принципами руководствовался вѣнскій конгрессъ, занявшійся передѣлкою карты Европы и установленіемъ въ ней опредѣленнаго международнаго порядка [2]): они были очень далеки отъ принциповъ 1789 г.

Главнымъ изъ этихъ принциповъ былъ принципъ легитимизма, историческаго права династій на ихъ наслѣдственныя владѣнія, причемъ въ расчетъ не принимались стремленія тѣхъ человѣческихъ душъ, которыя дѣлились и передѣлялись между отдѣльными государствами, т.-е. не принимались въ расчетъ ни національныя, ни культурныя, ни вѣроисповѣдныя особенности населенія территорій, которыя отходили къ тому или другому государству. Конституціонная идея тоже не нашла поощренія на конгрессѣ, собравшемся въ Вѣнѣ, и когда, напр., создавался для Германіи союзный актъ, то въ немъ не рѣшились поставить, что въ отдѣльныхъ ея государствахъ „должны быть“ введены представительныя учрежденія, а огра-

[1]) См. выше, стр. 189—190.

[2]) Ист. Зап. Евр., т. IV, стр. 240 и слѣд.

ничились болѣе неопредѣленнымъ обѣщаніемъ, заключающимся въ словѣ—„будутъ“ [1]). Возстановляя прежнія правительства, конгрессъ при этомъ дѣлалъ исключенія для нѣкоторыхъ прежнихъ республикъ, которыя не возстановлялись.

Тѣмъ же духомъ монархическаго легитимизма отличается и актъ Священнаго союза, заключеннаго въ 1815 г. государями Австріи, Пруссія и Россіи и признаннаго затѣмъ формально всѣми государями, кромѣ англійскаго короля, папы и султана. Читая этотъ небольшой историческій документъ [2]), мы поражаемся отсутствіемъ въ немъ политическихъ понятій и юридическихъ опредѣленій: это — рядъ религіозно-нравственныхъ сентенцій о томъ, что государи суть уполномоченные Провидѣнія, долженствующіе относиться другъ къ другу, какъ братья, и потому оказывать другъ другу поддержку, помощь и содѣйствіе, а къ своимъ подданнымъ—какъ отцы, любящіе своихъ дѣтей, и править ими по завѣтамъ святой религіи, единственной прочной опоры царствъ и ихъ благополучія. Сначала тогдашнему руководителю австрійской политики, Меттерниху, даже эти заявленія показались опаснымъ либерализмомъ, но потомъ онъ очень хорошо приспособилъ этотъ, по его же опредѣленію, „пустой, но широковѣщательный документъ“ къ цѣлямъ реакціи и политической репрессіи.

Послѣ 1815 года реакція противъ всего, что напоминало французскую революцію, съ каждымъ годомъ дѣлала все большіе и большіе успѣхи и заходила все далѣе и далѣе, захватывая въ кругъ предметовъ своей ненависти и имперію Наполеона I, и просвѣщенный абсолютизмъ, и философію XVIII в. вплоть до реформаціи и гуманизма, съ которыхъ, по убѣжденію идеологовъ реакціи, и начались всѣ бѣды, завершившіяся самою ужасною бѣдою — французскою революціею. Идеалъ крайнихъ реакціонеровъ былъ въ возвращеніи къ среднимъ вѣкамъ, въ полной реставраціи католицизма, въ былой силѣ и славѣ, въ возстановленіи сословнаго строя общества съ его чисто феодальными основами; эта политическая философія соотвѣтствовала, такимъ образомъ, общему клерикально-аристократическому характеру реакціи, наложившему свою печать и на тогдашній абсолютизмъ,

---

[1]) См. въ слѣд. главѣ.

[2]) Приведенъ цѣликомъ на стр. 315—316 четвертаго тома „Ист. Западн. Европы“.

который рѣзко порвалъ съ недавнимъ еще направленіемъ просвѣщеннаго абсолютизма. Политическіе писатели реакціи учили, что все зло въ личной свободѣ и во взглядѣ на государство, какъ на дѣло рукъ человѣческихъ [1]). Человѣческую личность нужно обуздывать, стѣснять; людей безнаказанно собирать можно только въ церкви, да въ казармѣ, гдѣ царствуетъ дисциплина; гражданское равенство—опасная мечта, противорѣчащая законамъ природы, надѣляющей властью сильнаго; государство создается не общественнымъ договоромъ, а является естественнымъ произведеніемъ народной жизни, и люди не имѣютъ никакого права переиначивать то, что природа создала такимъ, а не этакимъ; государственная власть не можетъ и не должна знать никакихъ ограниченій, кромѣ тѣхъ, какія заключаются въ заповѣдяхъ Божіихъ, и если уже нужны въ дѣлахъ правленія представители, то пусть это будутъ представители сословныхъ группъ, а не суверенного яко-бы народа и притомъ лишь суверенного народа; французская революція, увлекшаяся ложными ученіями безбожныхъ философовъ, была допущена Богомъ, какъ наказаніе за грѣхи, и должна быть вѣчнымъ напоминаніемъ, къ какимъ пагубнымъ послѣдствіямъ ведутъ дерзновенныя измышленія лжеименнаго разума.

Такова была, въ общихъ чертахъ, идеологія реакціи, наступившей послѣ крушенія имперіи. Европейскія правительства,—въ особенности тѣ, которыя получили отобранныя у нихъ въ предыдущую эпоху владѣнія,—вмѣстѣ съ духовенствомъ и дворянствомъ, среди котораго было не мало эмигрантовъ, занялись укрѣпленіемъ своей власти и возстановленіемъ старины. Бурбоны были возстановлены, кромѣ Франціи, еще въ Испаніи и въ Неаполѣ; въ Сардинское королевство возвратилась Савойская династія, въ Португалію—Браганцская; въ Германіи были возвращены въ свои владѣнія государи Ольденбурга, Ганновера, Гессенъ-Касселя и т. п., — вездѣ происходила реакція, иногда принимавшая по-истинѣ чудовищные размѣры и формы. Католическая церковь снова стала пользоваться услугами ордена іезуитовъ, отмѣненнаго въ 1773 г. и возстановленнаго въ 1814 г. Дворянство особенно усердно занялось возстановленіемъ своей прежней власти надъ сельскимъ населеніемъ и стало тормазить проведеніе начатыхъ въ предыдущемъ періодѣ крестьянскихъ реформъ, а гдѣ представлялось возможнымъ, тамъ и

---

[1]) Исторія Зап. Евр., т. IV, гл. XIII, особенно стр. 276 и слѣд.

прямо сводило ихъ совсѣмъ на-нѣтъ. Оба эти сословія въ абсолютизмѣ видѣли лучшую гарантію общественнаго порядка и соглашались, самое большее, на такое представительство, при которомъ рѣшающее значеніе принадлежало бы только имъ, въ качествѣ лучшей опоры легитимной власти и существующаго строя.

Эта реакція происходила въ отдѣльныхъ странахъ, но она организовала свои силы и для международнаго дѣйствія. Священный союзъ очень быстро превратился въ органъ общеевропейской реакціи, и конгрессы государей и ихъ министровъ, собиравшіеся по примѣру вѣнскаго въ Ахенѣ (1818), въ Троппау (1820), въ Лайбахѣ (1821), въ Веронѣ (1822), все болѣе и болѣе переходили на ту точку зрѣнія, что соединенная Европа имѣетъ право вмѣшиваться въ дѣла отдѣльныхъ государствъ, разъ въ нихъ происходятъ революціи, опасныя для сосѣдей. Въ этомъ смыслѣ на конгрессѣ въ Троппау былъ подписанъ главными участниками Священнаго союза знаменитый протоколъ, заключавшій въ себѣ слѣдующіе пункты. Во-первыхъ, объявлялось исключеніе изъ „европейскаго союза" всѣхъ государствъ, которыя вслѣдствіе мятежа подверглись внутреннимъ перемѣнамъ, могущимъ угрожать своими послѣдствіями другимъ государствамъ. Во-вторыхъ, тѣмъ самымъ европейскій союзъ обязывался, изъ уваженія къ каждому законному (légitime) правительству, не признавать государственныхъ перемѣнъ, совершенныхъ незаконными способами. Въ-третьихъ, объявлялось, что въ случаѣ непосредственной опасности отъ революціи для сосѣдняго государства можетъ быть противъ нея употреблена и принудительная сила, если бы неудача предварительнаго „дружескаго усилія" сдѣлала это неизбѣжнымъ.

Таковы были принципы, въ силу которыхъ лайбахскій конгрессъ 1821 г. уполномочилъ австрійское правительство послать свои войска въ Неаполитанское королевство для подавленія вспыхнувшей тамъ въ 1820 г. революціи, а веронскій конгрессъ 1822 г. навязалъ такое же порученіе французскому правительству по отношенію къ Испаніи, гдѣ въ томъ же самомъ 1820 г., что и въ Неаполѣ, даже еще шестью мѣсяцами раньше, тоже произошла революція. Въ силу того же права вмѣшательства, вытекавшаго изъ обязанности членовъ Священнаго союза помогать другъ другу, въ 1830 г., когда во Франціи, а за нею и въ Бельгіи произошли политиче-

скіе перевороты, и на этотъ разъ возникала мысль о вооруженной борьбѣ Священнаго союза съ революціей; этому помѣшали тогда только неблагопріятно сложившіяся для него обстоятельства (между прочимъ, польское возстаніе, отвлекшее силы Россіи). Только въ 1849 г., по примѣру двадцатыхъ годовъ, было оказано Россіей вооруженное содѣйствіе австрійскому правительству противъ мятежной Венгріи. Всѣ эти и многіе другіе подобнаго рода факты свидѣтельствуютъ, что правительства первой половины XIX в. не только у себя противились введенію конституціонныхъ учрежденій, но не останавливались даже передъ разнаго рода мѣрами, цѣлью которыхъ было не допускать введенія таковыхъ и у сосѣдей. Напр., едва только произошла реставрація легитимнаго короля въ Неаполѣ, какъ тотчасъ же Австрія, для которой вѣнскій конгрессъ создалъ доминирующее положеніе въ Италіи (отдачей Австріи Ломбардо-Венеціанскаго королевства, а членамъ австрійскаго императорскаго дома Тосканы и Пармы), поспѣшила взять съ него обязательство не вводить у себя конституціи. Та же самая Австрія всячески вліяла на прусское правительство, отговаривая и его отъ подобнаго шага, и очень косо смотрѣла на введеніе конституціи въ Царствѣ Польскомъ, боясь, что это дурно отзовется на ея собственныхъ польскихъ подданныхъ. Изъ всѣхъ европейскихъ странъ въ эту эпоху наиболѣе опасною казалась Франція, и реакція принимала поэтому преимущественно антифранцузскій характеръ, будучи въ этомъ отношеніи непосредственнымъ продолженіемъ той борьбы противъ революціи, которая началась еще во время самой революціи. На Францію смотрѣли, какъ на родину ложныхъ и вредныхъ идей, приведшихъ къ бунту, какъ на очагъ безначалія и насилій, какъ на вѣчную опасность, грозящую существующему строю и установленному порядку въ другихъ странахъ, откуда въ иныхъ случахъ, какъ, напр., въ Германіи, реакція принимала характеръ націоналистической оппозиціи противъ всего французскаго, какъ чужого и прямо противнаго традиціямъ родной старины. Конституціонныя идеи и учрежденія уже потому были не хороши, что приходили отъ безбожныхъ французовъ, къ которымъ другія націи, конечно, отнюдь не могъ расположить періодъ наполеоновскихъ войнъ и наполеоновскаго деспотизма. Народная ненависть къ французамъ была какъ нельзя болѣе на руку реакціи, и послѣдняя поддерживала эту ненависть, чтобы пользоваться ею, какъ своего рода

силою, весьма пригодною для поддержанія реакціоннаго настроенія въ массахъ.

Этой реакціонной ненависти къ революціонной Франціи не избѣжала даже Англія. Въ народныхъ массахъ нерасположеніе къ французамъ имѣло источникъ сначала въ томъ представленіи, что это — безбожная нація, которое возникло на почвѣ антирелигіозныхъ проявленій революціи, потомъ въ тѣхъ бѣдствіяхъ, какія для англичанъ приносила съ собою затянувшаяся на двѣнадцать слишкомъ лѣтъ война съ Франціей, въ увеличеніи налоговъ, вздорожаніи хлѣба и т. п. Когда началась французская революція, среди образованныхъ людей Англіи нашлось не мало такихъ, которые проявили по отношенію къ ней величайшее сочувствіе, признавъ въ ней извѣстное сходство и родство съ борьбою за свободу, какая велась на ихъ собственной родинѣ въ предыдущемъ вѣкѣ. Какъ и вездѣ, такъ и въ Англіи, защитникамъ революціи становилось, однако, все труднѣе вести свою линію по мѣрѣ того, какъ революція все болѣе и болѣе принимала террористическій характеръ, и, наоборотъ, тѣмъ все болѣе и болѣе общественное мнѣніе переходило на сторону писателей, съ самаго же начала ставшихъ къ революціи въ отрицательное и даже прямо враждебное отношеніе.

Никто, быть можетъ, идейно такъ много не повредилъ французской революціи въ общественномъ мнѣніи не только своей родины, но и всей Европы, какъ знаменитый англійскій политическій дѣятель, парламентскій ораторъ и публицистъ, принадлежавшій притомъ къ либеральному лагерю, Эдмундъ Бёркъ [1]), авторъ „Размышленій о французской революціи", вышедшихъ въ свѣтъ въ 1790 г. и сдѣлавшихся сразу весьма популярными въ англійскомъ обществѣ. Своею цѣлью Бёркъ поставилъ доказать соотечественникамъ, что тѣ изъ нихъ, которые болѣе или менѣе сочувствовали французской революціи, тѣмъ самымъ относились съ одобреніемъ къ идеямъ и поступкамъ, находившимся въ совершеннѣйшемъ противорѣчіи съ принципами „славной" революціи 1689 г., и этимъ способомъ онъ хотѣлъ возстановить англичанъ противъ увлеченія новизною. Бёркъ достигъ своей цѣли. Хотя противъ его книги было написано нѣсколько возраженій, изъ которыхъ нѣкоторыя отличались значительною силою, тѣмъ не менѣе его „Размышле-

---

[1]) См. „Ист. Зап. Европы", т. IV, стр. 449 и слѣд.

нія“ сдѣлались руководящею книгою не только для торіевъ, но и для многихъ виговъ; послѣдніе начали даже подъ ея вліяніемъ переходить на сторону явной реакціи. Въ концѣ концовъ почти все англійское общество стало смотрѣть на французскую революцію глазами Бёрка, такъ что его взглядъ надолго утвердился въ англійскихъ правящихъ классахъ. Дѣло въ томъ, что въ Англіи въ 1789 г. не было недостатка въ либералахъ, указывавшихъ на то, что и англійская конституція основывается на народовластіи, и Бёркъ съ особенною силою вооружился именно противъ такого мнѣнія. Самымъ соблазнительнымъ аргументомъ защитниковъ французской революціи была, далѣе, ссылка на вторую англійскую революцію, но Бёркъ старался отстранить эту ссылку, самъ, впрочемъ, отнюдь не опираясь на старо-торійскіе принципы божественнаго права королей и пассивнаго повиновенія. Пусть, говорилъ онъ, въ 1689 г. возведеніе на престолъ Вильгельма III было нарушеніемъ правильнаго порядка престолонаслѣдія, но это случайное уклоненіе никакъ не должно быть возводимо въ принципъ. Притомъ, въ данномъ случаѣ измѣненіе правильнаго порядка было примѣнено лишь къ виновной сторонѣ безъ какого бы то ни было переворота въ цѣломъ политическаго бытія Англіи—подъ предлогомъ созданія совершенно новаго порядка вещей изъ первичныхъ элементовъ общества. Признавая въ обществѣ дѣйствіе закона сохраненія, Бёркъ допускалъ въ немъ и существованіе начала исправленія, но лишь подъ условіемъ крайней необходимости и по возможности съ наименьшимъ отклоненіемъ отъ установленнаго порядка. Самая мысль о „фабрикаціи“ новаго правительства наполняла Бёрка „отвращеніемъ и ужасомъ“, ибо все, чѣмъ народъ владѣетъ, есть достояніе его предковъ: вѣдь и основнымъ принципомъ англійской конституціи всегда было поддерживать свободу, завѣщанную предками, дабы передавать ее потомству вмѣстѣ съ жизнью и собственностью. Лишь это уваженіе къ предкамъ умѣряетъ пользованіе свободою, которая сама по себѣ стремится выйти изъ законныхъ своихъ границъ, и лишь оно же охраняетъ пользующихся ею отъ наглости выскочекъ, сдѣлавшихся свободными лишь со вчерашняго дня; такимъ образомъ, прибавляетъ Бёркъ, англійская свобода становится настоящимъ благородствомъ. Французы тѣмъ и виноваты, что отказались отъ благороднаго наслѣдія предковъ. Бёркъ, впрочемъ, сознается, что государственное устройство Франціи находилось въ упадкѣ, но не раз-

рушать его было нужно, а лишь произвести починку этого стариннаго и почтеннаго зданія, тогда какъ, вмѣсто этого, французы стали строить зданіе совершенно новое — на началахъ метафизической и отвлеченной свободы, дѣлающей невозможнымъ какое бы то ни было общество. „Мы, говоритъ Бёркъ, требуемъ своихъ вольностей, не какъ правъ людей вообще, а какъ правъ людей Англіи [1]). Мы рѣшились беречь установленную церковь, установленную монархію, установленную демократію, каждую въ той степени, въ какой она существуетъ, но отнюдь не въ большей". Вмѣстѣ съ этимъ Бёркъ ополчился и противъ вѣры XVIII в. въ силы индивидуальнаго разума. „Доля разума, говоритъ онъ, отпущенная на каждаго человѣка, весьма ничтожна, и каждый сдѣлалъ бы лучше, если бы сталъ черпать изъ общей сокровищницы, изъ достоянія, накоплявшагося вѣками. Многіе изъ нашихъ философовъ, вмѣсто того, чтобы разрушить предразсудки толпы, стараются постигнуть мудрость предразсудковъ, въ нихъ заключающуюся. Разъ они ее открываютъ, они считаютъ болѣе благоразумнымъ сохранить предразсудокъ вмѣстѣ съ истиною, въ немъ скрытою, нежели отбросить въ сторону скорлупу предразсудка для того, чтобы оставить при себѣ только чистую истину".

Въ этой опозиціи Бёрка противъ революціи, во многомъ бывшей лишь повтореніемъ и продолженіемъ англійской борьбы за политическую свободу въ XVII в., сказалась настоящая сущность тогдашняго англійскаго либерализма, именно либерализма съ консервативной и далеко не демократической складкой. Конечно, французская революція стремилась къ тому же самому, къ чему стремились и англчане во время борьбы со Стюартами и чего достигли, благодаря революціи 1689 г., но вмѣстѣ съ тѣмъ она шла и дальше, съ одной стороны вслѣдствіе характеризующаго поколѣніе 1789 г. радикализма въ разрушеніи старины и вслѣдствіе ясно выраженнаго въ немъ демократизма. Бёркъ упрекалъ французовъ за то, что они предпочли внезапный и полный переворотъ политическому методу постепенныхъ и частичныхъ преобразованій, въ чемъ до извѣстной степени сошлась съ нимъ возникшая въ Германіи въ началѣ

---

[1]) Здѣсь, дѣйствительно, проходитъ демаркаціонная черта между двумя политическими міросозерцаніями; она уже была отмѣчена нами при сопоставленіи англійскихъ и американскихъ взглядовъ въ эпоху возникновенія Соединенныхъ Штатовъ. Ср. выше, стр. 138 и слѣд.

XIX в. историческая школа права, также приглашавшая уважать традиціи и предостерегавшая отъ нововведеній, которыя не были бы постепенными результатами медленныхъ процессовъ въ мистическихъ глубинахъ народнаго самосознанія. Для большинства англичанъ, изъ сужденій которыхъ складывалось тогда общественное мнѣніе въ странѣ, главнымъ аргументомъ противъ французской революціи былъ ея демократическій духъ. Правящіе классы Англіи опасались, что этотъ демократическій духъ перекинется и черезъ Ламаншъ и произведетъ въ Англіи то же, чего свидѣтелями эти классы были у своей сосѣдки, въ революціонной Франціи. Событія, происходившія во Франціи съ 1789 г., вызвали въ англійскихъ правящихъ классахъ сильно реакціонное настроеніе, бывшее на руку прежде всего торіямъ, такъ какъ создавали благопріятную почву для пріобрѣтенія ими вліянія на выборахъ и большинства въ парламентѣ, что при установившейся въ Англіи зависимости кабинета отъ большинства передовало и власть въ руки вождей этой партіи. Война, объявленная въ 1793 г. Франціи, была для Англіи не только войною съ враждебнымъ государствомъ, но и войною съ самою революціею, какъ таковою. Это реакціонное настроеніе продолжало чувствоваться въ обществѣ и по окончаніи войны съ Наполеономъ, когда англійское правительство шло на буксирѣ политики Священнаго союза, къ которому не могло примкнуть оффиціально только по чисто формальному соображенію: основной документъ этого союза былъ заключенъ и подписанъ непосредственно самими государями безъ участія министровъ, чего не могла бы сдѣлать королевская власть въ Англіи.

Не смотря на эту реакцію, царившую въ Англіи и лишь въ двадцатыхъ годахъ начавшую уступать мѣсто болѣе свободному направленію, Англія въ началѣ XIX вѣка для прогрессивныхъ круговъ континентальной Европы была все-таки образцовою страною конституціонной свободы.

ГЛАВА XIII.

Начало распространенія конституціонныхъ учрежденій.

Три момента въ первомъ распространеніи въ Европѣ конституціонныхъ учрежденій.—Основаніе французами въ концѣ XVIII в. новыхъ демократическихъ республикъ.—Формальное признаніе представительства въ наполеоновскую эпоху.—Сохраненіе Александромъ I сейма въ Финляндіи.—Испанская конституція 1812 г. и ея особое значеніе. — Норвежская конституція 1814 г.—Введеніе конституціи въ Сициліи.—Французская конституціонная хартія 1814 г.—Дополнительный актъ 1815 г.—Конституція вновь образованнаго Царства Польскаго.—Конституціонный принципъ на вѣнскомъ конгрессѣ.—Конституціи южно-германскихъ государствъ.—Вопросъ о конституціи въ Пруссіи.

И сторонники, и противники французской революціи на континентѣ чуть не съ самаго ея начала стали предсказывать, что она окажетъ свое вліяніе на Европу, и, дѣйствительно, это событіе сдѣлалось исходнымъ пунктомъ для распространенія на другія страны и правъ человѣка и гражданина, и народнаго представительства, и гражданскаго равноправія. Въ этомъ первомъ распространеніи на Западѣ свободныхъ политическихъ формъ нужно различать три момента, а именно: образованіе Франціей „республикъ-дочерей“ въ эпоху директоріи, наполеоновское время въ самой Франціи и внѣ Франціи и первые годы реставраціи, эпоху Священнаго Союза и конгрессовъ. Въ настоящей главѣ мы и разсмотримъ эти три періода, въ общей сложности охватывающіе около четверти вѣка (1795—1820).

Выше [1]) уже было упомянуто о республикахъ, основанныхъ французами въ 1795—1799 г. Три изъ нихъ (Голландія, Швейцарія и Генуя) и раньше были республиками, но не демократическими, а двѣ изъ нихъ представляли собою федераціи. Теперь послѣднія должны были быть республиками едиными и нераздѣльными и всѣ—демократическими по образцу своей „матери“, Франціи, съ учрежденіями, похожими на конституцію III года. Въ республики же были преобразованы Лом-

[1]) Стр. 156—157.

бардія, Папская область и Неаполитанское королевство. Почти всѣ эти созданія были, однако, не долговѣчны. Отчасти въ нихъ очень скоро возстановлялся старый порядокъ (въ Папской области, въ Неаполѣ), отчасти онѣ превращались въ монархіи (Ломбардія, Голландія) послѣ того, какъ сама Франція сдѣлалась имперіей. Вообще основы республиканскихъ конституцій этой эпохи слѣдовали за тѣмъ, что было въ самой Франціи. Когда въ Ломбардіи основывалась Цизальпинская республика, въ прокламаціи, изданной французскимъ главнокомандующимъ Бонапартомъ, было сказано, что „директорія Французской республики даруетъ цизальпинскому народу свою собственную конституцію". Когда послѣ временнаго отвоеванія Ломбардіи Австріей Цизальпинская республика была уничтожена, то Наполеонъ, будучи первымъ консуломъ, вторично овладѣлъ Ломбардіей, но возстановленная здѣсь республика уже названа была Итальянской и получила конституцію, бывшую сколкомъ съ французской конституціи VIII г., превращеніе же Франціи въ имперію повлекло за собою и превращеніе названной республики въ королевство.

Переходъ Франціи въ 1804 г. къ монархическому режиму отнюдь не сопровождался отмѣною конституціи, созданной Наполеономъ послѣ переворота 18 брюмера. Конституціями имперіи, какъ назывались основные законы, считались консульская конституція VIII года и сенатусъ-консульты X и XII годовъ, внесшіе въ нее новыя измѣненія, вплоть до „передачи правительства Французской республики императору французовъ". Даже принципъ народовластія торжественно признавался въ тѣхъ народныхъ голосованіяхъ, которымъ подвергались всѣ три названные акта: конституція VIII года была принята тремя слишкомъ милліонами голосовъ противъ только полуторы тысячъ, имперія утверждена тремя съ половиною милліонами голосовъ. Все это время, отъ 1800 до 1814 г., Франція имѣла представительныя учрежденія—государственный совѣтъ, трибуналъ (уничтоженный, впрочемъ, въ 1807 г.), законодательный корпусъ и сенатъ, но въ сущности ими маскировалась лишь абсолютная власть императора, такъ какъ уже консульская конституція только по названію была республиканской, въ существѣ же дѣла монархическою съ сильнымъ преобладаніемъ исполнительной власти надъ законодательною, т.-е. безъ того равновѣсія властей, къ которому стремились конституціи 1791 и 1795 (III) гг.: вся сила власти была въ рукахъ пер-

ваго консула, которому принадлежала и законодательная инициатива съ правомъ обнародованія законовъ, послѣ котораго они только и вступали въ дѣйствіе, законодательныя же учрежденія были обезсилены, съ одной стороны, системою назначенія ихъ членовъ правительствомъ только изъ кандидатовъ, избранныхъ народомъ, а съ другой, раздробленіемъ законодательныхъ функцій между нѣсколькими учрежденіями, вѣдавшими или выработку законопроектовъ, или ихъ обсужденіе, или ихъ вотированіе, или ихъ толкованіе. Всѣ они, вмѣстѣ взятыя, эти представительныя учрежденія, въ дѣйствительности были лишь простой декораціей, но формально народное представительство продолжало въ принципѣ признаваться государственнымъ правомъ имперіи, и Наполеонъ вводилъ аналогичныя учрежденія въ другихъ королевствахъ, которыя находились подъ его владычествомъ. Королевство Италія, гдѣ государемъ былъ самъ Наполеонъ, Голландія, получившая своего короля въ лицѣ Наполеонова брата Людовика, Неаполь, гдѣ сначала царствовалъ его другой братъ, Іосифъ, а потомъ зять, Мюратъ, Вестфальское королевство, отданное Наполеономъ еще одному брату, Іерониму, Испанія, куда онъ перевелъ изъ Неаполя Іосифа,—всѣ эти бонапартовскія королевства должны были управляться по образцу самой Франціи, съ введеніемъ въ нихъ тоже своего рода представительныхъ учрежденій чисто декоративнаго характера. Бонапартовскія конституціи не были результатами какихъ-либо общественныхъ движеній, являясь лишь подаркомъ побѣдоноснаго полководца, любившаго представлять себя по временамъ „сыномъ революціи". Въ этомъ отношеніи, какъ-никакъ, наполеоновскій режимъ игралъ внѣ Франціи революціонную роль, и если конституціи, о которыхъ идетъ рѣчь, имѣли чисто призрачное значеніе, то важное значеніе все-таки имѣло и самое распространеніе этимъ режимомъ идеи представительства и притомъ въ его новой, несословной формѣ.

Къ концу эпохи имперіи, кромѣ того, можно отмѣтить еще нѣсколько конституціонныхъ преобразованій. Во время русско-шведской войны противъ шведскаго короля Густава IV составился среди его подданныхъ заговоръ, вслѣдствіе котораго этотъ король долженъ былъ отречься отъ престола въ пользу своего дяди (Карла XIII), и вводилось измѣненіе въ государственное устройство въ смыслѣ большей самостоятельности сословнаго сейма. Это было въ 1809 г., и въ томъ же году Але-

ксандръ I, завоевавъ Финляндію, призналъ въ ней шведское государственное устройство съ сеймомъ, представлявшимъ собою дворянское, духовное, городское и крестьянское сословія. Это, впрочемъ, было въ сущности лишь реставраціей средневѣкового, сословнаго представительства, но вскорѣ послѣ этого въ двухъ государствахъ были самими же народами созданы совершенно новыя, демократическія конституціи.

Одна изъ нихъ была создана въ Испаніи въ 1812 г., интересная въ исторіи конституціонныхъ движеній своимъ происхожденіемъ во время національной борьбы противъ иноземнаго владычества, своимъ содержаніемъ, на которомъ сказались вліяніе и средневѣковой арагонской конституціи [1]), и французской конституціи 1791 г., наконецъ, по той популярности, какую она пріобрѣла и внѣ Испаніи среди либераловъ около 1820 г.

Когда Наполеонъ I посадилъ своего брата Іосифа на испанскій престолъ, противъ французскаго владычества въ странѣ началось сильное національное движеніе, которое объединило какъ консервативные, такъ и либеральные элементы населенія. На первыхъ порахъ во главѣ этого движенія стали прогрессисты, которые организовали въ Кадиксѣ собраніе кортесовъ, выработавше конституцію 1812 г. Учредительная власть была объявлена принадлежащею всему народу, который долженъ былъ посылать въ единую представительную палату по одному депутату на 70 тысячъ населенія. Этой палатѣ, сохранявшей старое названіе кортесовъ, конституція предоставляла самыя большія права и въ законодательствѣ, и въ финансовомъ управленіи, равно какъ широкій контроль надъ министрами и участіе въ ратификаціи договоровъ съ иностранными государствами. Особенностью конституціи 1812 г. была заимствованная изъ арагонскаго устройства постоянная депутація кортесовъ изъ семи членовъ, которая должна была блюсти неприкосновенность конституціи и законовъ и имѣла право созывать кортесы на чрезвычайныя сессіи во всѣхъ важныхъ случаяхъ государственной жизни. Король не имѣлъ права ни распускать кортесы, ни отстрочивать ихъ засѣданія, а кто посовѣтовалъ бы королю это сдѣлать или помогъ бы ему въ этомъ, тотъ долженъ былъ подвергнуться преслѣдованію въ качествѣ государственнаго преступника. Королю должна

[1]) Помѣстье-государство, стр. 286 и слѣд.

была принадлежеть исполнительная власть, и, хотя онъ не былъ лишенъ законодательной иниціативы, однако, у него не было абсолютнаго *veto*. Король, вступившій въ бракъ безъ согласія кортесовъ, долженъ былъ считаться отказавшимся отъ престола, и кортесы сохраняли еще за собою право даже отрѣшать, въ извѣстныхъ случаяхъ, членовъ королевской фамиліи отъ права престолонаслѣдія. Королевская власть могла дѣйствовать не иначе, какъ чрезъ отвѣтственное министерство, и, кромѣ того, при королѣ долженъ былъ состоять государственный совѣтъ изъ сорока членовъ по королевскому назначенію изъ тройного числа кандидатовъ, указанныхъ кортесами, причемъ только приговоръ верховнаго суда могъ лишить должности разъ назначеннаго королемъ члена государственнаго совѣта. Мнѣнія этого совѣта король обязанъ былъ выслушивать во всѣхъ наиболѣе важныхъ случаяхъ, каковы санкціонированіе законовъ, объявленіе войны, заключеніе договоровъ и т. п., и ему же, совѣту этому, принадлежало право представлять трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ король обязанъ былъ выбирать при всѣхъ назначеніяхъ на разныя высшія государственныя должности. Такимъ образомъ, въ основу конституціи 1812 г. были положены принципы народовластія и раздѣленія властей съ крайнимъ ослабленіемъ собственно королевской власти, какъ исполнительнаго органа королевства. Этимъ испанская конституція 1812 г. и примыкаетъ къ принципамъ французской 1791 г., а постоянная депутація и верховный судъ съ довольно значительною политическою компетенціею являются отголосками прежняго арагонскаго устройства.

Кадикскіе кортесы 1812 г. очутились въ положеніи настоящаго учредительнаго собранія, рѣшавшаго конституціонный вопросъ безъ короля. Только въ 1814 г. въ Испаніи произошла реставрація легитимной династіи въ лицѣ Фердинанда VII, который сначала далъ согласіе править страною на основахъ новаго государственнаго строя, но очень скоро потомъ объявилъ себя королемъ абсолютнымъ.

Въ подобномъ же положеніи народа, не имѣющаго государя, очутились въ 1814 г. и норвежцы. До этого времени Норвегія была провинціей Даніи, но когда въ наказаніе датскаго короля за его союзъ съ Наполеономъ такъ называемый кильскій договоръ рѣшилъ присоединить Норвегію къ Швеціи въ награду ея королю за его помощь въ борьбѣ съ Наполеономъ, норвежцы пожелали образовать отдѣльное государство,

заявивъ, что они — самостоятельный народъ, а не стадо, которымъ можно распоряжаться по произволу. Въ Эйдсфольдѣ (около Христіаніи) собрались представители норвежской націи и выработали для страны конституцію, вскорѣ послѣ этого пригласивъ на норвежскій престолъ одного изъ датскихъ принцевъ. Шведскій король предпринялъ-было завоеваніе Норвегіи, но война быстро окончилась соглашеніемъ, въ силу котораго Швеція и Норвегія должны были оставаться двумя раздѣльными государствами, и еще, разъ въ силу этого поворота дѣлъ пересмотрѣнная конституція 1814 г. была принята шведскимъ королемъ.

Норвежская конституція, дѣйствующая съ нѣкоторыми измѣненіями и понынѣ, отличается тоже демократизмомъ и значительною ограниченностью исполнительной власти. Законодательную власть, какъ сказано въ этой конституціи, осуществляетъ народъ при посредствѣ стортинга, который самъ раздѣляетъ себя на двѣ палаты (лагтингъ и адельстингъ). „Стортингъ обыкновенно собирается въ первый присутственный день послѣ 10 октября каждаго года", если только король не созоветъ его на чрезвычайную сессію. Права стортинга — законодательство, установленіе налоговъ, заключеніе займовъ, контроль за финансами, опредѣленіе бюджета, разсмотрѣніе всѣхъ правительственныхъ дѣйствій и протоколовъ засѣданій разныхъ коллегіальныхъ учрежденій, равно какъ договоровъ съ иностранными государствами, призывъ къ отвѣту по дѣламъ государства всѣхъ лицъ, за исключеніемъ короля и членовъ королевской семьи и пр. Исполнительная власть вручалась конституціей королю, обязанному присягою по отношенію къ этому основному закону; отвѣтственность за всѣ дѣйствія короля долженъ былъ принимать на себя его совѣтъ. Для дѣйствительности актовъ, исходящихъ отъ короля, требовалась скрѣпа министра. Въ законодательной области за монархомъ признавалось только отсрочивающее *veto*. Этихъ немногихъ чертъ совершенно достаточно для характеристики общаго духа норвежской конституціи.

Къ послѣднимъ же годамъ имперіи относится и введеніе конституціи въ Сициліи. Въ 1807 г. Наполеонъ I свергъ съ неаполитанскаго престола Фердинанда IV, который, однако, пользуясь защитою англійскаго флота, удержалъ за собою Сицилію. Такъ какъ этотъ король все-таки продолжалъ вести здѣсь крайне произвольную и ожесточавшую народъ поли-

тику, то англійскій посланникъ, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ начальникомъ англійскихъ гарнизоновъ въ сицилійскихъ городахъ, лордъ Бентингъ, настоялъ на томъ, чтобы были созваны государственные чины для выработки новой конституціи. Фердинанду IV пришлось подчиниться, и въ 1812 г. Сицилія получила конституцію, составленную по образцу англійской.

Въ самой Франція паденіе Наполеона I сопровождалось тоже введеніемъ конституціи по англійскому же образцу, но хотя для Людовика XVIII, возстановленнаго на французскомъ престолѣ въ 1814 г., это было вынужденнымъ, въ сущности, актомъ, своей „хартіи", содержавшей новые основные законы Франціи, новый государь придалъ характеръ высочайшаго пожалованія по собственной иниціативѣ и въ силу принадлежащей монарху полноты власти. Исторія введенія этой конституціи, какъ и самое содержаніе хартіи, заслуживаютъ нѣсколько болѣе подробнаго разсмотрѣнія.

Къ концу имперіи во французскомъ обществѣ снова зародилось стремленіе къ политической свободѣ, выразившееся въ возникновеніи либеральной оппозиціи. Низложеніе Наполеона въ 1814 г. сенатомъ и законодательнымъ корпусомъ прямо мотивировалось тѣмъ, что онъ нарушалъ свободу французскаго народа и „конституціонный договоръ". Временное правительство, образовавшееся послѣ этого низложенія, немедленно выработало проектъ монархической конституціи, который 6 апрѣля 1814 г. и былъ принятъ и обнародованъ сенатомъ, желавшимъ, чтобы Людовикъ XVIII, „свободно призываемый на тронъ Франціи", былъ тѣмъ самымъ вынужденъ признать новыя учрежденія. Отдавая исполнительную власть въ руки короля, эта конституція постановляла, что законы будутъ издаваться съ общаго согласія короля, сената,—члены котораго объявлялись несмѣняемыми и наслѣдственными,—и законодательнаго корпуса, который долженъ былъ впредь ежегодно собираться самъ собою (de droit) каждую осень, хотя и съ возможностью быть распускаемымъ подъ условіемъ, однако, назначенія новыхъ выборовъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Эта конституція гарантировала неприкосновенность сенаторовъ и членовъ законодательнаго корпуса и независимость судебной власти и разрѣшала членамъ обѣихъ палатъ дѣлаться министрами. Объявляя особу короля священной и неприкосновенной, она требовала, чтобы всѣ правительственные акты подписывались

министромъ, который и отвѣчалъ бы за всякое посягательство на законы, на общественную и индивидуальную свободу, равно какъ на права отдѣльныхъ гражданъ. Въ особыхъ статьяхъ гарантировались свобода культовъ и свобода совѣсти, полная свобода печати, спокойное обладаніе національными имуществами, право личныхъ петицій къ властямъ, одинаковый для всѣхъ доступъ къ разнымъ гражданскимъ и военнымъ должностямъ. Мало того, предполагалось, что эта конституція будетъ подвергнута народному принятію: лишь послѣ этого Людовикъ XVIII долженъ былъ бы объявить, что и онъ принимаетъ конституцію, принести ей присягу въ вѣрности и быть провозглашеннымъ королемъ французовъ. Людовикъ XVIII, однако, отвергъ мысль о призваніи его на престолъ свободнымъ актомъ французскаго народа подъ условіемъ принятія конституціи, и самъ, собственною своею властью далъ („октроировалъ") конституціонную хартію (4 іюня 1814 г.), въ сущности очень мало отличавшуюся отъ обнародованной сенатомъ. Людовикъ XVIII не принялъ въ свою конституцію лишь демократическихъ заявленіи о призваніи короля на престолъ національною волею и объ утвержденіи конституціи народомъ.

Въ своей хартіи, помѣченной девятнадцатымъ годомъ царствованія [1]), „Людовикъ, Божіею милостью король Франціи и Наварры", объявлялъ, что „Божественное Провидѣніе, призвавъ его снова въ его владѣнія послѣ долгаго отсутствія, возложило на него великія обязательства". „Конституціонная хартія, сказано было далѣе въ документѣ, требовалась современнымъ состояніемъ государства; мы ее обѣщали и теперь публикуемъ. Мы принимали во вниманіе, что, хотя во Франціи вся власть вполнѣ заключалась въ особѣ короля, наши предшественники никогда не отказывались вносить измѣненія въ пользованіе ею, смотря по мѣнявшимся обстоятельствамъ". — и въ доказательство этой мысли въ хартіи сдѣланы были историческія ссылки на разныя учрежденія прежнихъ королей, отнюдь не имѣвшія сами по себѣ конституціоннаго значенія, между прочимъ, и на ордонпансы Людовика XIV, „мудрость которыхъ ничто еще не могло превзойти". Т.-е. Людовикъ XVIII связывалъ свою хартію не съ конституціонными законами, ве-

[1]) Людовикъ XVIII начиналъ счетъ годовъ своего царствованія со смерти маленькаго сына Людовика XVI, котораго роялисты называли Людовикомъ XVII.

душими свое начало отъ революціи, а съ разными старинными учрежденіями, на дѣлѣ съ хартіей не имѣвшими ничего общаго. „Мы,—даже прямо заявлялъ Людовикъ XVIII,—искали принциповъ конституціонной хартіи во французскомъ характерѣ и въ достопочтенныхъ памятникахъ вѣковъ минувшихъ. Такъ, мы увидѣли въ возобновленіи пэріи учрежденіе истинно-національное, которое должно быть посредствующимъ звеномъ между всѣми воспоминаніями и всѣми упованіями, служа связью между старыми и новыми временами. Мы замѣнили палатою депутатовъ прежнія мартовскія и майскія поля и палаты третьяго сословія [1]). Стремясь, такимъ образомъ, снова соединить звенья цѣпи временъ, разорванной вслѣдствіе печальныхъ уклоненій, мы изгладили изъ нашей памяти—какъ хотѣли бы, чтобы можно было изгладить и изъ исторіи — всѣ бѣдствія, удручавшія наше отечество во время нашего отсутствія". На самомъ дѣлѣ, однако, хартія 1814 г. являлась продуктомъ какъ-разъ тѣхъ самыхъ событій, изгладить которыя изъ своей памяти такъ желалъ бы Людовикъ XVIII, и отнюдь не была естественнымъ продолженіемъ ордоннансовъ Людовика XIV. Съ другой стороны, въ хартіи подчеркивалось, что давалась она „добровольно и въ силу свободнаго проявленія королевской власти". Въ первыхъ же двѣнадцати статьяхъ, названныхъ изложеніемъ „публичнаго права французовъ", были провозглашены главныя начала гражданскаго равенства и личной свободы, какъ разъ установленныя учредительнымъ собраніемъ 1789—1791 гг.

Хартія 1814 г. учреждала во Франціи конституціонную монархію по образцу англійской. „Особа короля священна и неприкосновенна. Его министры отвѣтственны. Королю одному принадлежитъ исполнительная власть. Король есть верховный глава государства, начальствуетъ сухопутными и морскими силами, объявляетъ войну, заключаетъ мирные, союзные и торговые договоры, назначаетъ на всѣ должности государственнаго управленія и издаетъ регламенты и ордоннансы для исполненія законовъ и безопасности государства [2]). Законодательная власть отправляется совмѣстно королемъ, палатой

[1]) Объ учрежденіяхъ, на которыя сдѣланы ссылки, см. „Помѣстье-государство", стр. 226 и слѣд.

[2]) Послѣдній пунктъ составляетъ знаменитую 14 статью, о которой см. въ гл. XV по поводу революціи 1830 г.

пэровъ и палатой депутатовъ отъ департаментовъ. Король одинъ предлагаетъ законы", но и „палаты имѣютъ право просить короля предложить законъ". „Король одинъ санкціонируетъ и обнародываетъ законы. Назначеніе пэровъ Франціи принадлежитъ королю. Ихъ число не ограниченно: онъ можетъ измѣнять ихъ званія, назначать ихъ пожизненно или наслѣдственно, по своему усмотрѣнію", но по праву своего рожденія члены королевской фамиліи и принцы крови суть непремѣнно пэры. Хартія 1814 г. предоставляла лишь будущему закону опредѣлить организацію выборовъ въ палату депутатовъ, но установляла срокъ полномочій въ пять лѣтъ съ обновленіемъ состава палаты каждый годъ посредствомъ выхода изъ нея одной пятой части членовъ. Отъ депутата требовалось два условія: по крайней мѣрѣ, сорокалѣтній возрастъ и платежъ прямого налога въ размѣрѣ тысячи франковъ. „Если бы, говорится далѣе, въ департаментѣ не нашлось пятидесяти лицъ означеннаго возраста и платящихъ, по крайней мѣрѣ, по тысячѣ франковъ прямыхъ налоговъ, то это число будетъ дополнено наиболѣе обложенными лицами (les plus imposés), хотя бы и ниже указанной нормы, и они будутъ имѣть право быть избираемыми наравнѣ съ первыми". Этотъ депутатскій цензъ былъ такъ высокъ, что во всей Франціи было лишь около 15 тысячъ человѣкъ, удовлетворявшихъ этому требованію, и вмѣстѣ съ тѣмъ лишь около 90 тысячъ человѣкъ, которые могли быть избирателями, такъ какъ хартія 1814 г. давала избирательное право только такимъ лицамъ, которыя достигли тридцатилѣтняго возраста и платили, по крайней мѣрѣ, триста франковъ въ видѣ прямыхъ налоговъ [1]). По меньшей мѣрѣ, половина депутатовъ должна была быть непремѣнно изъ мѣстныхъ жителей департамента. „Засѣданія палаты депутатовъ, говорилось далѣе въ хартіи, публичны, но достаточно желанія пяти членовъ, чтобы палата превратилась въ

[1]) Законъ 1820 г. установилъ двойное голосованіе, le double vote, бывшее особенно выгоднымъ для наиболѣе богатыхъ: окружныя коллегіи выбирали 258 депутатовъ, а затѣмъ коллегіи департаментскія, состоявшія изъ четвертой части всѣхъ избирателей, платившихъ наивысшія подати, выбирали еще 172 депутата. Такъ какъ по тому же закону 1820 г. депутаты должны были безвозмездно исполнять свои обязанности, то участіе въ законодательствѣ сдѣлалось настоящею монополіею богатства.

секретный комитетъ. Ни одинъ налогъ не можетъ быть установленъ или взимаемъ, если на него не было дано согласія обѣихъ палатъ и королевской санкціи. Король ежегодно созываетъ обѣ палаты; онъ ихъ отсрочиваетъ и можетъ распустить палату депутатовъ отъ департаментовъ, но въ такомъ случаѣ онъ долженъ созвать новую въ теченіе трехъ мѣсяцевъ". Министры могли быть членами какъ палаты пэровъ, такъ и палаты депутатовъ. Палата депутатовъ имѣла право обвинять министровъ передъ палатою пэровъ, которой принадлежало право ихъ судить. Особый отдѣлъ конституціи былъ посвященъ судебному устройству, въ которомъ сохранялись судъ присяжныхъ и гражданскій кодексъ, и объявлялась несмѣняемость судей, „назначенныхъ королемъ". Наконецъ, въ отдѣлѣ хартіи „объ особыхъ правахъ, гарантированныхъ государствомъ", обѣщалось, что военные, находящіеся на службѣ и въ отставкѣ, сохранятъ свои чины и содержаніе, что прежнему дворянству возвратятся, а за новымъ (т.-е. наполеоновскимъ) сохранятся титулы безъ всякихъ, однако, привилегій и т. п. Первая палата депутатовъ должна была состоять изъ членовъ послѣдняго законодательнаго корпуса.

Не прошло и года со времени введенія въ дѣйствіе этой конституціи, какъ Наполеонъ оставилъ островъ Эльбу и явился снова во Франціи. Извѣстіе было принято буржуазіей со страхомъ и негодованіемъ и примирило ее съ Бурбонами, такъ какъ за возвращеніемъ Наполеона ожидалось возобновленіе войны. Настроеніе этого класса рельефнѣе всего выражалось въ палатѣ депутатовъ, которая рѣшилась поддерживать Людовика XVIII, но въ то же время хлопотала объ утвержденіи либеральныхъ принциповъ. Въ защиту Бурбоновъ и конституціонной свободы стали также появляться газетныя статьи и брошюры. Одна изъ нихъ называлась „О невозможности установленія конституціоннаго правленія съ военнымъ вождемъ и въ особенности съ Наполеономъ". Въ провинціяхъ, наоборотъ, большинство радовалось возвращенію императора, хотя и здѣсь къ радости примѣшивался страхъ передъ повтореніемъ иностраннаго нашествія. Быстро затѣмъ совершившееся возстановленіе имперіи было не только дѣломъ арміи, перешедшей на сторону Наполеона, но и народа, который видѣлъ въ возвращеніи императора гарантію того, что главныя пріобрѣтенія революціи будутъ сохранены за страною. Въ сущности, почти вездѣ на пути Наполеона въ Парижъ крестьяне и рабочіе пе-

реходили на его сторону ранѣе солдатъ. Да и самъ Наполеонъ заговорилъ теперь языкомъ революціи: его обращенія къ населенію городовъ, лежавшихъ на пути въ Парижъ, были направлены противъ эмигрантовъ, желавшихъ возвращенія себѣ національныхъ имуществъ, и противъ дворянъ, мечтавшихъ о возстановленіи привилегій и феодальныхъ правъ, и содержали въ себѣ заявленія о томъ, что его, наполеоновы, права покоятся на правахъ народныхъ, что самъ онъ — только первый гражданинъ, что онъ — сынъ революціи. Съ другой стороны, въ 1815 г. онъ со всѣхъ сторонъ—и въ частныхъ разговорахъ, и въ оффиціальныхъ адресахъ — слышалъ постоянно совѣтъ или даже приглашеніе отказаться отъ абсолютной власти. Ему говорили объ этомъ такъ настойчиво, что приходилось прямо выбирать только между демократической диктатурой и конституціонной монархіей. Теперь, послѣ хартіи 1814 г., Наполеону нельзя было выступить съ чѣмъ-нибудь менѣе либеральнымъ. Для выработки проекта конституціи имъ былъ выбранъ Бенжаменъ Констанъ, одинъ изъ главныхъ вождей либеральной партіи, къ голосу котораго прислушивались всѣ сторонники конституціоннаго режима. Бенжаменъ Констанъ принялъ предложеніе и выработалъ проектъ, который былъ только улучшенной хартіей Людовика XVIII.

Образцомъ предположеннаго государственнаго строя была англійская конституція. Законодательная власть вручалась императору и двумъ палатамъ—наслѣдственной палатѣ пэровъ и выборной палатѣ представителей, и обѣимъ палатамъ предоставлялся широкій контроль надъ властью исполнительною, въ лицѣ отвѣтственныхъ министровъ, причемъ лишь палаты въ случаѣ внутреннихъ смутъ могли объявлять осадное положеніе. Спеціальныя статьи конституціи гарантировали личную неприкосновенность, свободу культовъ, свободу прессы, право петицій и т. п. Въ своемъ проектѣ Бенжаменъ Констанъ счелъ нужнымъ совершенно умолчать о прежнихъ наполеоновскихъ конституціяхъ, но императоръ настоялъ на томъ, чтобы новая конституція была издана, какъ „дополнительный актъ“ (acte additionnel) къ конституціямъ VIII, X и XII г.г., съ которыми она, конечно, не имѣла ничего общаго. Во вступленіи къ этому документу Наполеонъ ссылался на то, что и раньше въ его учрежденія вносились усовершенствованія, но что лишь въ виду необходимости ихъ упроченія онъ откладывалъ введеніе „установленій, болѣе спеціальнымъ образомъ предназначенныхъ

для охраны свободы гражданъ" [1]). Цѣлью „дополнительнаго акта" въ этомъ вступленіи прямо ставилось „сообщить правамъ гражданъ всѣ необходимыя гарантіи, дать самое широкое примѣненіе представительной системѣ, облечь посредствующія учрежденія желательнымъ вліяніемъ и властью, однимъ словомъ— соединить высочайшую степень политической свободы и личной безопасности съ силою и централизаціей, необходимыми для внѣшней безопасности государства и для достоинства короны". Въ заключеніи отъ имени французскаго народа объявлялось, что онъ не допуститъ „ни возвращенія Бурбоновъ, ни возстановленія феодальнаго дворянства, сеньерьяльныхъ правъ, десятинъ, привилегированнаго и господствующаго культа, ни какого бы то ни было покушенія на безповоротность продажи національныхъ имуществъ". И Наполеонъ, не желавшій созванія собранія, которое сдѣлало бы „дополнительный актъ" предметомъ обсужденія, и члены конституціонной коммиссіи, находившіе нужнымъ скорѣйшій переходъ отъ диктатуры къ конституціонному режиму, признали необходимымъ по бывшимъ уже примѣрамъ [2]) немедленно обнародовать новую конституцію (22 апрѣля 1815 г.) и пригласить народъ ее вотировать. Результаты этого голосованія были объявлены 1 іюня: 1.532.257 голосовъ утвердительныхъ, 4.802 — отрицательныхъ, но особенно велико было число воздержавшихся отъ подачи голоса. Выборы представителей народа оказались для Наполеона менѣе благопріятными: среди 629 членовъ палаты было наполеонистовъ человѣкъ 80, радикаловъ около 30 или 40, а всѣ остальные 500 человѣкъ были либералы разныхъ оттѣнковъ, противники Бурбоновъ, но въ то же время сторонники имперіи лишь подъ условіемъ отнятія у Наполеона всякой власти. Вторичное крушеніе имперіи возвратило Францію къ хартіи 1814 г., и дополнительный актъ имѣетъ значеніе лишь эпизода, весьма характернаго для тогдашняго настроенія правящихъ классовъ во Франціи.

Къ этому фактическому изложенію исторіи введенія во Франціи конституціи 1814 г. прибавимъ нѣсколько общихъ выводовъ. Прежде всего отмѣтимъ, что дѣло обошлось не безъ

---

[1]) Другими словами, и Наполеонъ стремился связать свою новую конституцію съ учрежденіями прошлаго, хотя и не такого отдаленнаго, какъ въ хартіи Людовика XVIII.

[2]) См. выше, стр. 193, 196, 198 и 226.

колебаній въ разныя стороны, выражающихся въ возникновеніи въ эту эпоху трехъ проектовъ (сенатской конституціи, хартіи Людовика XVIII и дополнительнаго акта), изъ которыхъ только одному суждено было осуществиться—въ зависимости, какъ это всегда бываетъ, отъ реальнаго соотношенія общественныхъ силъ. Въ 1814—1815 гг. Франція была дважды побѣждена европейской коалиціей, и не самой странѣ пришлось въ концѣ концовъ рѣшать свою судьбу. Между всѣми тремя конституціями существовало много общаго, но первая и третья, какъ-никакъ, въ принципѣ, по крайней мѣрѣ, признавали учредительную власть за народомъ: сенатскій проектъ долженъ былъ быть подвергнутъ всенародному голосованію, а дополнительный актъ Наполеона и на самомъ дѣлѣ былъ сдѣланъ предметомъ плебисцита. Наполеоновскій сенатъ полагалъ, что Людовикъ XVIII свободно призывается народомъ на французскій престолъ, но это совершенно не соотвѣтствовало дѣйствительности, такъ какъ обязанный фактически своимъ воцареніемъ арміямъ союзниковъ, низвергнувшимъ Наполеона, новый король Франціи за высшей санкціей своей власти обратился къ своему наслѣдственному праву, понятому притомъ въ духѣ неограниченнаго монархизма: мы видѣли, именно, что Людовикъ XVIII въ своей хартіи прямо заявлялъ о пребываніи всей верховной власти въ особѣ короля (bien que l'autorité tout entière résidât en France dans la personne du roi). Фактически дѣло стояло такъ, что всѣми условіями момента и даже особыми настояніями Александра I Людовикъ XVIII вынужденъ былъ дать Франціи конституцію, но юридически она была лишь добровольнымъ даромъ королевской власти, которая-де и прежде вносила разныя измѣненія въ способы пользованія своими верховными правами. Въ неприведенной нами части вступленія въ хартію 1814 г. Людовикъ XVIII даже объявилъ „первымъ своимъ долгомъ передъ народомъ сохранять, въ собственныхъ же его интересахъ, права и прерогативы короны. Верховная власть (l' autorité suprême),—сказано было въ ней далѣе,—одна можетъ дать учрежденіямъ, которыя она создаетъ (qu'elle établit), силу, постоянство и величіе, которыми облечена сама она". Нельзя было болѣе недвусмысленнымъ образомъ подчеркнуть учредительную власть за самою верховною властью, покоящеюся въ особѣ короля, и въ хартіи, кромѣ того, дѣлалась еще ссылка на опасности какъ для престола, такъ и для

свободы отъ всякихъ уступокъ, вырываемыхъ насиліемъ у слабыхъ правительствъ.

Такое заявленіе „монархическаго принципа", пользуясь для его обозначенія тогдашнимъ же терминомъ, имѣло значеніе не для одной только Франціи, но, какъ мы увидимъ ниже, и для другихъ государствъ, гдѣ только вводились конституціонныя учрежденія самою же верховною властью, а потомъ этотъ же принципъ былъ усвоенъ и многими теоретиками конституціоннаго права, утверждавшими, что не власть государя основывается на конституціи, а, наоборотъ, сила конституціи—на власти государя. Отсюда нельзя не сдѣлать того вывода, что хартія Людовика XVIII, въ сущности давая то, что было результатомъ революціи 1789 г., выводила новыя права гражданъ и государственныя учрежденія не изъ естественной свободы личности и не изъ принадлежности верховенства самой націи, а изъ воли монарха, по собственной иниціативѣ регулирующаго пользованіе, въ сущности, всецѣло ему одному принадлежащею верховною властью.

Въ этомъ смыслѣ, конечно, хартія 1814 г. была полною противоположностью и испанской, и норвежской конституціямъ, что и отразилось прежде всего въ болѣе властномъ характерѣ королевскихъ правъ въ хартіи 1814 г. и сильно урѣзанныхъ функціяхъ монархіи въ испанской и норвежской конституціяхъ. Какъ Людовикъ XVIII хотѣлъ связать конституціонную хартію съ прежними монархическими учрежденіями Франціи, такъ и Наполеонъ въ своей новой конституціи предпочиталъ видѣть не что иное, какъ только дополнительный актъ къ прежнимъ, но онъ лишенъ былъ возможности ссылаться, какъ это дѣлалъ Людовикъ XVIII, на монархическій принципъ, и въ концѣ концовъ ему оставалось только, слѣдуя примѣрамъ революціи, обратиться къ народному утвержденію новаго политическаго строя. Уже въ прокламаціи, съ какою онъ обратился къ націи по возвращеніи своемъ съ острова Эльбы, онъ ссылался на то, что былъ возведенъ на престолъ по народному выбору, и что потому все, сдѣланное безъ него, не законно. Наполеонъ даже выражалъ прямой протестъ противъ „принциповъ феодальнаго права", на которые ссылается государь, посаженный на престолъ силою иностранныхъ армій.

Въ дальнѣйшей исторіи введенія въ отдѣльныхъ государствахъ представительныхъ учрежденій восторжествовала точка зрѣнія не испанской или норвежской конституцій, даже не

наполеоновская точка зрѣнія, а та, которую мы находимъ въ хартіи Людовика XVIII, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и съ тѣмъ измѣненіемъ, въ силу котораго конституція разсматривалась не какъ простое пожалованіе монарха, а какъ результатъ его соглашенія съ подданными. Въ сущности, этотъ послѣдній способъ введенія конституціи былъ какъ бы возвращеніемъ къ англійской традиціи [1]). Пожалуй, характеръ соглашенія между монархомъ и народомъ имѣло даже введеніе конституціи въ Норвегіи, поскольку первоначальный ея проектъ былъ пересмотрѣнъ совмѣстно съ уполномоченными шведскаго короля, и равнымъ же образомъ введеніе въ завоеванной русскими войсками Финляндіи прежняго шведскаго государственнаго устройства сопровождалось созывомъ въ Борго земскихъ чиновъ, которые выслушали обѣщаніе Александра I сохранять конституцію страны и сами принесли присягу въ вѣчной вѣрности великому князю и конституціи. Совершенно уже характеръ односторонняго акта пожалованія имѣла конституція, данная Александромъ I въ 1815 г. образованному на вѣнскомъ конгрессѣ Царству Польскому. Не входя здѣсь въ подробности этой конституціи [2]), упомянемъ только, что для своего времени она была очень либеральной и въ наиболѣе существенныхъ своихъ пунктахъ выдерживала сравненіе съ французской хартіей 1814 г.: ею установливались и отвѣтственность министровъ, и независимость судебной власти, и свобода вѣроисповѣданій и печати и т. д., при чемъ преемники новаго короля польскаго должны были короноваться въ Варшавѣ и давать присягу въ соблюденіи конституціи. Какъ и французская хартія 1814 г., „конституціонный уставъ Царства Польскаго" вводилъ избирательный цензъ въ видѣ уплаты прямого налога не менѣе ста злотыхъ [3]), но представительство носило на себѣ слѣды былой сословности, отмѣненной въ жизни страны введеніемъ въ нее кодекса Наполеона: въ составъ „посольской избы" [4]) входило 77 пословъ отъ шляхетскихъ сеймиковъ и 51 депутатъ отъ гминъ, т.-е. общинъ. Эта особенность тоже характерна для эпохи реставраціи, такъ какъ

[1]) См. выше, стр. 24—25, 52 и др.

[2]) См. о ней въ „Исторіи Западной Европы", т. V, стр. 20 и слѣд.

[3]) Злотый = 15 коп.

[4]) Такъ старымъ польскимъ терминомъ была названа палата депутатовъ.

нѣчто подобное мы встрѣчаемъ и въ германскихъ конституціяхъ [1]).

Мы не будемъ останавливаться на введеніи конституціи въ Нидерландскомъ королевствѣ (1814—1815 гг.), имѣвшей рѣзко выраженный монархическій характеръ, и посвятимъ конецъ настоящей главы исторіи конституціоннаго вопроса въ Германіи вообще, а въ частности въ южно-германскихъ государствахъ, гдѣ были введены новыя представительныя учрежденія, и въ Пруссіи, гдѣ вопросъ тоже былъ поставленъ, но послѣ нѣкотораго колебанія не получилъ положительнаго рѣшенія.

На вѣнскомъ конгрессѣ, какъ извѣстно, прежняя Священная Римская имперія нѣмецкой націи, разрушенная Наполеономъ, была превращена въ Германскій союзъ изъ тридцати слишкомъ отдѣльныхъ государствъ. Въ связи съ этимъ преобразованіемъ былъ поставленъ на вѣнскомъ конгрессѣ и вопросъ о введеніи въ странѣ національнаго представительства. Прусскій проектъ (Гарденберга съ дополненіями Штейна) заключалъ въ себѣ мысль объ организаціи для всей Германіи общаго законодательнаго собранія изъ владѣтельныхъ князей, имперскихъ чиновъ, представителей вольныхъ и медіатизированныхъ городовъ [2]) и даже, какъ хотѣлъ Штейнъ, земскихъ чиновъ; въ отдѣльныхъ же государствахъ предполагалось ввести земскіе чины съ правомъ участія въ законодательствѣ и вотированія налоговъ; за подданными при этомъ должны были быть обезпечены личная свобода, свобода переселенія изъ государства въ государство, свобода собственности, общее гражданское и уголовное право, свобода печати, свобода преподаванія и т. п. Австрія была недовольна либерализмомъ этого проекта, и Пруссія не настаивала на подробностяхъ своего плана. Представители другихъ королевствъ тоже возражали противъ статей о земскихъ чинахъ. На ихъ сторону, повиди-

[1]) Укажемъ еще на то, что въ эпоху наполеоновскаго Великаго Герцогства Варшавскаго, организованнаго въ 1807 г., въ немъ равнымъ образомъ была своя конституція.

[2]) Въ старой Германіи были непосредственные (immediati) чины имперіи и посредственные (mediati), т.-е. входившіе въ составъ отдѣльныхъ княжествъ. Медіатизація въ началѣ XIX в. заключалась въ превращеніи мелкихъ княжествъ и многихъ вольныхъ городовъ изъ иммедіатныхъ чиновъ въ медіатные.

мому, готовы были стать и мелкіе государи. Когда, наконецъ, былъ выработанъ союзный актъ, въ него была внесена коротенькая статья (§ 13) о земскихъ чинахъ. Первоначально она была редактирована такимъ образомъ, что „во всѣхъ странахъ союза должно быть введено земское представительство“, окончательно же явилась въ такой редакціи, что это представительство во всѣхъ странахъ союза „будетъ существовать“. Благодаря замѣнѣ слова „должно“ словомъ „будетъ“, статья утрачивала характеръ обязательности. Нужно замѣтить, что самое выраженіе „landesständische Verfassung“ могло быть истолковано различно по своей недостаточной опредѣлительности: оно могло значить и введеніе конституціи въ новомъ смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ народнаго представительства, могло значить и возстановленіе старыхъ земскихъ чиновъ, т.-е. представительства сословнаго [1]), и могло, наконецъ, значить только простое установленіе областного представительнаго самоуправленія, какъ кому было угодно понимать слишкомъ неясно выраженное обѣщаніе § 13 союзнаго акта. Изъ 34 (съ 1817 г. изъ 35) монархическихъ государствъ Германіи двадцать—и между ними Австрія, Пруссія и Саксонія—не ввели у себя представительства, изъ остальныхъ пятнадцати, исполнившихъ обѣщаніе указаннаго параграфа, больше половины ограничилось лишь возстановленіемъ старыхъ земскихъ чиновъ. Притомъ парламентарныя и сословныя конституціи вводились въ этихъ пятнадцати государствахъ въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ (1814—1824), послѣ чего наступилъ перерывъ въ шесть-семь лѣтъ (1824—1831) до взрыва іюльской революціи, которая, какъ извѣстно, не прошла совсѣмъ безслѣдно и для Германіи. Въ сущности, въ Германіи по конституціонному вопросу была усвоена точка зрѣнія французской хартіи 1814 г., какъ это видно изъ § 57 такъ называемаго вѣнскаго заключительнаго акта 1820 г., гласившаго: „Такъ какъ Германскій союзъ состоитъ, за исключеніемъ вольныхъ городовъ, изъ суверенныхъ государей, то, согласно вытекающему отсюда основному принципу, вся государственная власть должна оставаться соединенной въ главѣ государства, и лишь при осуществленіи нѣкоторыхъ опредѣленныхъ правъ можетъ быть связана содѣйствіемъ сословій при посредствѣ сословнаго представительства“.

[1]) О земскихъ чинахъ прежней Германіи см. „Помѣстье-государство“, стр. 291 и слѣд.

Замѣчательно, что конституціи въ новомъ смыслѣ были введены главнымъ образомъ въ юго-западной Германіи. Баварія, Вюртембергъ, Баденъ и Гессенъ-Дармштадтъ представляли собою компактную территорію съ конституціоннымъ устройствомъ, по сосѣдству съ Франціей (на западѣ) и Швейцаріей (на югѣ), тогда какъ на востокъ и на сѣверъ отъ этой территоріи продолжалъ господствовать абсолютизмъ. Притомъ въ этихъ четырехъ нѣмецкихъ государствахъ конституціи были введены почти одновременно въ какіе-нибудь три-четыре года (1818—1820), и внѣ указанной территоріи новое устройство получили лишь три небольшихъ саксонскихъ герцогства (Саксенъ-Веймаръ, Саксенъ-Кобургъ и Саксенъ-Мейнингенъ). Юго-западная Германія, находясь по сосѣдству съ Франціей, подвергалась всегда болѣе или менѣе ея вліянію, и ея государства въ началѣ XIX в. произвели у себя полнѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ Германіи, внутреннія преобразованія въ духѣ французскихъ учрежденій. И на вѣнскомъ конгрессѣ болѣе, нежели другія государства, Баварія и Вюртембергъ отстаивали неприкосновенность суверенитета отдѣльныхъ нѣмецкихъ государей, противясь въ то же время обязательному введенію земскихъ чиновъ, такъ какъ предпочитали рѣшить потомъ этотъ вопросъ, хотя бы и въ болѣе либеральномъ смыслѣ, но только по собственной иниціативѣ. Оберегая свою самостоятельность, уже ради простого противодѣйствія объединительнымъ стремленіямъ, южно-германскія правительства захотѣли выдѣлиться изъ остальной Германія и противопоставить Австріи и Пруссіи съ ихъ абсолютизмомъ свои конституціонныя учрежденія, дабы заставить своихъ подданныхъ еще болѣе дорожить мѣстною независимостью. Съ другой стороны, не приходилось возстановлять старые земскіе чины и по той еще причинѣ, что они находились бы въ полномъ противорѣчіи съ разными преобразованіями, какія въ этихъ государствахъ были произведены въ наполеоновскую эпоху. Земскіе чины представляли собою феодализмъ и областной партикуляризмъ, а въ южно-германскихъ государствахъ въ 1807—1813 гг. по образцу Франціи нанесенъ былъ ударъ аристократическимъ притязаніямъ, и введена была строгая централизація, что не допускало возвращенія къ старымъ чинамъ, съ которыми сами же эти правительства находились прежде въ борьбѣ. Государи юго-западной Германіи, расширившіе свои владѣнія и повысившіеся въ рангѣ, благодаря Наполеону, вообще не могли

сочувствовать реставраціи старины, такъ какъ послѣдняя была бы равносильна для нихъ отказу отъ сдѣланныхъ пріобрѣтеній на счетъ всѣхъ медіатизированныхъ имперскихъ чиновъ, и лучшимъ средствомъ противъ всякихъ притязаній со стороны послѣднихъ казалось этимъ государямъ опереться на народное представительство, котораго притомъ требовало и болѣе развитое общественное мнѣніе юго-западной Германіи. Если выключить великія державы, входившія въ составъ Германскаго союза, т.-е. Австрію и Пруссію, то вся Германія представится намъ послѣ 1815 г. рѣзко раздѣленною на двѣ части: на югѣ сохранились перемѣны, совершенныя подъ вліяніемъ Франціи, и были введены новыя конституціи, на сѣверѣ произошла реакція, и возстановленъ былъ абсолютизмъ. При поддержкѣ Австріи и Пруссіи, конечно, сѣверная Германія должна была получить перевѣсъ надъ южною, и конституціонныя учрежденія, введенныя въ послѣдней, не получили поэтому надлежащаго развитія.

Баварская конституція, введенная въ 1818 г., дѣйствуетъ съ нѣкоторыми измѣненіями и въ настоящее время. Она объявляла свободу совѣсти съ точнымъ разграниченіемъ сферъ вѣдѣнія государства и церкви, свободу мнѣній съ закономѣрными ограниченіями возможныхъ злоупотребленій ею, равноправность всѣхъ подданныхъ по отношенію къ занятію государственныхъ должностей, всеобщую воинскую повинность, равенство всѣхъ передъ закономъ, безпристрастіе и скорость судопроизводства, равномѣрность въ платежѣ налоговъ, возстановленіе общиннаго самоуправленія, представительство всѣхъ классовъ гражданъ съ правомъ участія въ законодательствѣ и вотированіи налоговъ и, наконецъ, гарантію конституціи противъ произвольныхъ измѣненій, хотя и съ возможностью внесенія въ нее улучшеній. Конституція эта устанавливала въ Баваріи собраніе государственныхъ чиновъ, состоящее изъ палаты государственныхъ совѣтниковъ и палаты депутатовъ. Въ составъ первой входили достигшіе совершеннолѣтія принцы, высшіе сановники, два архіепископа, главы княжескихъ и графскихъ фамилій, бывшихъ прежде имперскими, одинъ епископъ, назначенный королемъ, президентъ протестантской генеральной консисторіи и другіе наслѣдственно или пожизненно назначенные королемъ члены, членами же второй палаты должны были быть землевладѣльцы съ вотчиной юстиціей и депутаты отъ университетовъ, отъ католическаго духовенства, отъ го-

родовъ и мѣстечекъ и землевладѣльцевъ по одному депутату на 700 семействъ. Король обязывался созывать собранія государственныхъ чиновъ, по крайней мѣрѣ, разъ въ три года, въ случаѣ же роспуска собранія долженъ былъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ назначить новые выборы.

Аналогичную конституцію получилъ и Вюртембергъ. Король вюртембергскій Фридрихъ I въ эпоху имперіи отличался крайнимъ деспотизмомъ и послѣ низложенія Наполеона примкнулъ съ большою неохотою и позже другихъ къ Германскому союзу. Теперь у него уже не было той могущественной поддержки, какую онъ имѣлъ въ Наполеонѣ, и, чувствуя, что недовольство подданныхъ противъ него все возрастаетъ, онъ еще въ январѣ 1815 г. издалъ манифестъ, заключавшій обѣщаніе въ скоромъ времени дать странѣ представительную конституцію. Несмотря на то, что эта конституція была довольно либеральна (особенно принимая въ расчетъ деспотическій нравъ короля), старые земскіе чины ее отвергли, требуя возстановленія прежняго устройства. Тогда Фридрихъ I въ августѣ того же 1815 г. составилъ второй проектъ конституціи, еще болѣе либеральный, но такъ до самой смерти (въ 1816 г.) ему и не удалось придти къ соглашенію со своими подданными, и лишь при его сынѣ, Вильгельмѣ, введена была (1819) наконецъ новая конституція. Она устанавливала двѣ палаты — господъ и депутатовъ—съ составомъ, довольно близкимъ къ составу палатъ баварскихъ.

Самою либеральною была конституція баденская, октроированная въ 1818 г. Между Баваріей и Баденомъ было не мало счетовъ, и великій герцогъ Карлъ, не желая оставаться позади сосѣда, далъ своимъ подданнымъ конституцію, составленную вполнѣ по образцу хартіи Людовика XVIII. Она провозглашала принципы личной свободы и гражданскаго равенства и давала сравнительно широкія права представительству, организованному по двухпалатной системѣ. Въ первой палатѣ должны были засѣдать, кромѣ принцевъ и главъ аристократическихъ фамилій, католическій епископъ, одно протестантское духовное лицо, восемь выборныхъ депутатовъ дворянства, два депутата отъ университетовъ и лица, приглашенныя великимъ герцогомъ, а вторую палату должны были составлять депутаты городовъ и округовъ. Для выборовъ депутатовъ устанавливалась двустепенная система. Право избранія—активное и пассивное—для выборщиковъ въ депутаты было предоставлено всѣмъ баден-

цамъ, достигшимъ двадцатипятилѣтняго возраста, значащимся въ числѣ гражданъ и занимающимъ какую-либо должность въ избирательномъ округѣ: но для того, чтобы быть выбраннымъ въ депутаты, требовался отъ избираемаго извѣстный цензъ. Въ Гессенъ-Дармштадтѣ конституція была результатомъ народнаго требованія, хотя по формѣ и вводилась какъ бы по собственному изволенію великаго герцога. Двухпалатное представительство было принято и здѣсь, но дармштадтская вторая палата состояла лишь изъ представителей дворянства и шести наиболѣе важныхъ городовъ. Очень либеральную конституцію получилъ и маленькій Саксенъ-Веймаръ.

Въ этой исторіи введенія конституціи въ Германіи наиболѣе характерными фактами являются ограниченность территоріи, на которой были сдѣланы первые конституціонные опыты, стремленіе удержать главное существо власти въ рукахъ правительства и сохраненіе въ представительствѣ старыхъ сословныхъ началъ при отрицаніи сословнаго представительства въ собственномъ смыслѣ. Эпоха введенія этихъ конституцій тоже была крайне ограниченною: Саксенъ-Веймаръ получилъ конституцію въ 1816 г., Баварія и Баденъ ввели у себя представительство въ 1818 г., Вюртембергъ—въ 1819 г., Гессенъ-Дармштадъ—въ 1820 г., Саксенъ-Кобургъ и Саксенъ-Мейнингенъ—въ 1821 г., на чемъ дѣло надолго и остановилось вслѣдствіе усилившейся во всей Германіи реакціи. Та же реакція была причиною того, что въ эту эпоху не получила конституціи Пруссія, гдѣ вопросъ о введеніи представительства имѣетъ довольно длинную и весьма любопытную исторію.

Первая мысль о введеніи въ Пруссіи народнаго представительства возникла въ связи съ общею преобразовательною дѣятельностью правительства и подъ вліяніемъ французскихъ политическихъ идей въ исходѣ перваго десятилѣтія XIX в. За двадцать еще лѣтъ до іенскаго пораженія 1806 г., послѣ котораго Наполеону ничего не стоило бы совершенно уничтожить монархію Гогенцоллерновъ, великій трибунъ французской революціи Мирабо высказывался въ томъ смыслѣ, что внутренніе порядки въ Пруссіи до такой степени плохи, что не выдержатъ перваго серьезнаго толчка. Предсказаніе исполнилось, и, какъ это нерѣдко повторяется въ исторіи, внѣшнее пораженіе сдѣлалось исходнымъ пунктомъ для своего рода эпохи великихъ реформъ въ Пруссіи, съ которою связаны имена

Штейна и Гарденберга. Достаточно упомянуть, что первымъ дѣломъ министра-реформатора Штейна по вступленіи его въ должность было освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Актомъ 9-го октября 1807 г. и открылась въ Пруссіи эпоха великихъ реформъ, къ числу которыхъ должно было относиться и введеніе представительства. Мысль о послѣднемъ принадлежала, однако, не Штейну, который въ эту эпоху мечталъ только о введенія земскаго, городского и сельскаго самоуправленія, а его преемнику Гарденбергу. Впрочемъ, и Штейнъ не былъ принципіальнымъ противникомъ общегосударственнаго представительства: онъ только думалъ, что ему должно предшествовать представительство мѣстное, да и понималъ онъ первое лишь въ формѣ старыхъ сословныхъ „чиновъ" съ чисто совѣщательной компетенціей и безъ права вотировать налоги. Онъ вообще не былъ другомъ новыхъ политическихъ идей, шедшихъ изъ Франціи. Гарденбергъ, наоборотъ, былъ именно сторонникомъ французскихъ идей временъ революціи и Наполеона, I, и, собственно говоря, подъ его вліяніемъ Фридрихъ-Вильгельмъ III эдиктомъ 27-го октября 1810 г. самымъ положительнымъ образомъ пообѣщалъ дать странѣ національное представительство общегосударственнаго характера. Итакъ, первый приступъ къ осуществленію въ жизни Пруссіи новаго политическаго принципа былъ результатомъ не общественнаго движенія, а правительственной иниціативы подъ вліяніемъ либеральнаго министра-реформатора. Не общество предъявляло правительству извѣстныя требованія, а само правительство находило нужнымъ измѣнить внутренніе порядки, признавая старые совершенно неудовлетворительными.

Для осуществленія своего плана и проведенія невыполненныхъ еще преобразованій Гарденбергъ въ февралѣ 1811 г. собралъ въ Берлинѣ особое совѣщаніе земскихъ депутатовъ, т.-е. своего рода нотаблей, среди которыхъ рѣшительно преобладали дворяне, представители сословія, относившагося прямо враждебно къ либеральнымъ реформамъ, вродѣ освобожденія крестьянъ, отмѣны сословныхъ привилегій и т. п. Вмѣсто поддержки правительству, такое собраніе могло оказать только одно противодѣйствіе, что и случилось. Правительство, однако, не отказывалось отъ своего намѣренія: эдиктъ 7-го сентября 1811 г. еще разъ повторилъ королевское обѣщаніе, и въ апрѣлѣ 1812 г. снова было собрано особое совѣщаніе нотаб-

лей въ качествѣ „интеримистическаго національнаго представительства“, т.-е. временной его замѣны. Военныя событія прервали на время эти попытки, главный недостатокъ которыхъ былъ тотъ, что крупную государственную реформу, необходимость которой сознавало тогда само же правительство, думали осуществить при помощи завѣдомо консервативныхъ сословныхъ силъ.

Окончилась война за освобожденіе, окончился вѣнскій конгрессъ, увеличившій прусскую государственную территорію, и наступила эпоха реакціи—и общеевропейской, и германской. и въ частности прусской. Въ 1813 г., когда Пруссія поднялась и подняла Германію на Наполеона, либеральныя обѣщанія опять были повторены: въ нихъ правительство видѣло лучшее средство воодушевить подданныхъ. Но общее направленіе внутренней политики было крайне неблагопріятно для проведенія обѣщанной реформы. Тѣмъ не менѣе 22-го мая 1815 г. Фридрихъ-Вильгельмъ III издалъ новый декретъ, въ которомъ уже прямо говорилось о „письменномъ документѣ, опредѣляющемъ устройство прусскаго государства“. Рѣчь въ частности шла о введеніи провинціальныхъ чиновъ (Provinzialstände), которые выбирали бы членовъ палаты представителей (Repräsentantenkammer), при чемъ дѣятельность этихъ представителей страны (Landesrepräsentanten) должна была распространяться на совѣщанія по предметамъ законодательства, касающимся личныхъ и имущественныхъ правъ гражданъ со включеніемъ обложенія. Это даже было уже нѣчто опредѣленное. и декретъ прямо предписывалъ немедленно образовать правительственную комиссію для выработки избирательнаго закона и самой хартіи государственнаго устройства. Привести въ исполненіе декретъ 22-мая долженъ былъ Гарденбергъ, бывшій въ то время государственнымъ канцлеромъ. Срокомъ для созыва комиссіи назначалось 1-ое сентября 1815 г.

На этотъ разъ намѣренія правительства, повидимому, должны были найти поддержку и въ обществѣ: по крайней мѣрѣ, упомянутое „интеримистическое національное представительство“, распущенное лишь лѣтомъ 1815 г., тоже торопило короля поскорѣе ввести конституцію. Вышло, однако, не такъ. Понадобился для чего-то опросъ мѣстныхъ людей, и съ этою цѣлью были отправлены въ отдѣльныя провинціи королевства разные сановники, которые привезли изъ этого объѣзда очень противорѣчивыя показанія: одни хотѣли, другіе не хотѣли

народнаго представительства. Между тѣмъ при дворѣ образовалась и стала дѣйствовать на короля строго консервативная партія, которую поддерживало и вліяніе извнѣ, главнымъ образомъ со стороны Меттерниха. Фридрихъ-Вильгельмъ III все болѣе и болѣе колебался, и дѣло откладывалось въ долгій ящикъ. Объявленная королевскимъ декретомъ комиссія собралась только черезъ два года, 7-го іюля 1817 года, вмѣсто того, чтобы собраться 1-го сентября 1815 г. Въ самой этой комиссіи возникло два мнѣнія: одно (Гарденбергъ) было за представительство отъ провинціальныхъ сеймовъ съ совѣщательнымъ голосомъ по довольно ограниченному кругу дѣлъ, другое (Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ)—за непосредственные выборы, за рѣшающій голосъ и за болѣе широкую компетенцію. Внутренніе разногласія въ правительствѣ привели даже къ отставкѣ Гумбольдта.

Дѣло въ правительственной коммиссіи впередъ не двигалось, но король все-таки продолжалъ заявлять, что представительство введено будетъ. Мы находимъ новое подтвержденіе этого обѣщанія, напримѣръ, въ указѣ 2-го января 1819 г., гдѣ, однако, съ другой стороны, говорилось о необходимости строгихъ мѣръ противъ печати и противъ несоотвѣтственнаго преподаванія въ школахъ. Но самымъ важнымъ актомъ былъ декретъ 17-го января 1820 г., въ которомъ объявлялось, что правительство не будетъ совершать новыхъ займовъ, буде же когда-либо государству понадобится сдѣлать заемъ, то произойдетъ это не иначе, „какъ лишь при участіи и съ гарантіей будущаго собранія государственныхъ чиновъ“ (reichsständische Versammlung). Между тѣмъ произошли революціи въ Испаніи, Неаполѣ, Сициліи, Португаліи, король побывалъ на конгрессѣ въ Троппау, гдѣ на него оказалъ сильное давленіе Меттернихъ, и, вернувшись въ Берлинъ, образовалъ новую комиссію для разсмотрѣнія все того же нерѣшеннаго вопроса о представительствѣ, включивъ въ ея составъ противниковъ Гарденберга и поставивъ во главѣ всего дѣла консервативно настроеннаго кронпринца. Новая коммиссія нашла, что введеніе общегосударственнаго представительства въ Пруссіи пока преждевременно, но что странѣ нужны провинціальные чины, для рѣшенія вопроса о которыхъ и просили теперь короля образовать особое совѣщаніе со свѣдущими людьми отъ каждой провинціи. Фридрихъ-Вильгельмъ III на это далъ свое согласіе, и результатомъ работъ новой коммиссіи былъ законъ 5-го

іюня 1823 года, вводившій провинціальные чины, въ которыхъ нація и приглашалась видѣть исполненіе прежнихъ королевскихъ обѣщаній. Это была чисто сословная организація съ преобладаніемъ дворянства надъ горожанами и крестьянами: во всѣхъ 8 провинціяхъ тогдашней Пруссіи насчитывалось около 625 такихъ „земцевъ", среди которыхъ дворянъ было около 300, горожанъ—200, крестьянъ—125. Значеніе провинціальныхъ сеймовъ въ нѣкоторыхъ дѣлахъ было только совѣщательнымъ, въ другихъ — рѣшающимъ съ правительственнымъ, впрочемъ, утвержденіемъ дѣлаемыхъ постановленій.

Мы позволили себѣ нѣсколько подробнѣе разсказать эту исторію правительственныхъ колебаній, такъ какъ она характерна не для одной Пруссіи эпохи реставраціи. Правительства и въ другихъ мѣстахъ не разъ поднимали вопросъ о введеніи представительныхъ учрежденій, но точно такъ же колебались и въ концѣ концовъ оставляли все по-прежнему, какъ только убѣждались, что со стороны націи не будетъ сдѣлано натиска, и что, наоборотъ, извѣстные общественные круги будутъ стоять за абсолютизмъ, какъ за оплотъ ихъ привилегій. Король для привилегированныхъ могъ хорошо оставаться абсолютнымъ, лишь бы при этомъ творилъ ихъ волю („Und der König absolut, wenn er unsern Willen thut"), и подъ этимъ условіемъ они не протестовали противъ презрѣнія со стороны бюрократіи къ „ограниченному уму подданныхъ" [1]).

---

[1]) Прусская реакція нашла свое наукообразное выраженіе въ философіи права Гегеля, сравнивавшаго Пруссію, управляемую чиновниками, съ государствомъ Платона, которымъ должны были управлять философы. Гегель допускалъ возможность представительства, но понималъ его весьма своеобразно. Народъ онъ считалъ частью государства, наименѣе понимающею то, что нужно для государства, и чисто совѣщательное представительство съ публичностью преній уподоблялъ правительственной газетѣ, которая должна показывать народу, что имъ хорошо правятъ, представляться же долженъ не народъ, а интересы сельскаго хозяйства, промышленности и торговли.

ГЛАВА XIV.

Политическая борьба въ эпоху реставраціи и сущность либерализма.

Борьба реакціи и либерализма въ двадцатыхъ годахъ XIX вѣка.—Южно-романскія революціи этой эпохи. — Классовая подкладка борьбы либерализма и реакціи.—Политическая борьба во Франціи при Людовикѣ XVIII и Карлѣ X. — Торіи и виги въ началѣ XIX в. и образованіе демократической партіи въ Англіи. — Вопросъ о парламентской реформѣ, свободѣ печати и собраній и равноправіи католиковъ.—Общая характеристика либерализма эпохи.—Политическое ученіе Бенжамена Констана.—Политическая теорія Бентама.—Взаимныя отношенія либерализма и демократіи.—Политическіе взгляды Токвиля.—Экономическій либерализмъ школы Адама Смита.—Соединеніе экономическаго либерализма съ политическимъ.—Движеніе въ пользу государственнаго невмѣшательства въ экономическую жизнь.

Разсмотрѣвъ исторію введенія представительныхъ учрежденій въ нѣкоторыхъ государствахъ Западной Европы въ концѣ эпохи первой французской имперіи и въ началѣ эпохи реставраціи, мы остановимся теперь на общей характеристикѣ политической борьбы, происходившей въ эпоху реставраціи между реакціей и либерализмомъ, и познакомимся съ основными политическими идеями прогрессивной части общества того времени, стоявшей за свободу, равноправіе и народное представительство, какъ главныя цѣли всѣхъ либеральныхъ стремленій эпохи. Эта борьба происходила какъ въ отдѣльныхъ странахъ, такъ и на болѣе обширной аренѣ общеевропейской международной политики.

Послѣдняя особенность реакціонной эпохи главнымъ образомъ связана съ тѣми революціями, которыя произошли въ началѣ двадцатыхъ годовъ въ южно-романскихъ странахъ и вызвали вскорѣ же репрессіи со стороны европейскаго союза.

Первый взрывъ революціи произошелъ въ Испаніи. Здѣсь еще при Іосифѣ Бонапартѣ, начавшемъ вводить въ странѣ новые порядки, произошло рѣзкое раздѣленіе между ярыми приверженцами старины, во главѣ которыхъ стояло духовенство, и сторонниками внутреннихъ преобразованій въ духѣ принциповъ французской революціи. Въ 1812 г. прогрессисты

взяли верхъ и создали знаменитую конституцію, съ общими очертаніями которой мы знакомы [1]). Возстановленный въ 1814 г. на испанскомъ престолѣ легитимный наслѣдникъ Фердинандъ VII сначала объявилъ-было, что признаётъ все сдѣланное кортесами 1812 г., но скоро абсолютисты и клерикалы убѣдили его въ томъ, что и народъ, и войско страстно желаютъ возстановленія старыхъ порядковъ въ государствѣ и церкви, вмѣсто нечестивыхъ и вредныхъ нововведеній враговъ религіи и отечества. За послѣдовавшею затѣмъ отмѣною конституціи началось полное возстановленіе стараго порядка, и на всѣхъ „офранцуженныхъ" и либераловъ были подняты страшныя гоненія, сопровождавшіяся казнями, конфискаціями, заключеніемъ въ тюрьму, истязаніями и т. п. Аналогичныя явленія происходили и въ Португаліи, и особенно въ разныхъ итальянскихъ государствахъ, гдѣ пальму первенства въ этомъ отношеніи заслужило, по всей справедливости, неаполитанское правительство. Въ одной части Италіи непосредственно распоряжалась Австрія, на другія части она оказывала несомнѣнное вліяніе, и, между прочимъ, съ неаполитанскаго короля Фердинанда IV австрійскимъ правительствомъ было взято обѣщаніе, что онъ ни въ какомъ случаѣ не введетъ въ своемъ государствѣ конституціи. Одновременно же этимъ королемъ была отмѣнена данная имъ въ 1812 г., по настоянію Англіи, острову Сициліи конституція [2]). Всѣ вообще правительства южно-романскихъ странъ дѣйствовали въ духѣ крайней реакціи, отмѣняли французскія нововведенія, возстановляли старые законы, преслѣдовали всякаго, кто только заподозрѣвался въ неблагонадежности, давили всякое свободное проявленіе общественной мысли и т. п., доводя репрессіи до того, что даже самыя консервативныя изъ иностранныхъ правительствъ совѣтовали государямъ обоихъ южныхъ полуострововъ нѣсколько умѣрять совершавшіяся неистовства. Въ свою очередь эти репрессіи вызывали сторонниковъ новыхъ началъ политической жизни на образованіе тайныхъ обществъ (среди которыхъ особенно прославились итальянскіе карбонаріи), на устройство заговоровъ, на прямыя даже попытки возстаній. Недовольными были, главнымъ образомъ, средніе классы, болѣе сильные въ городскомъ населеніи, слабые въ деревняхъ, гдѣ слишкомъ

[1]) См. выше, стр. 228—229.

[2]) См. выше, стр. 231.

было значительно вліяніе фанатически настроеннаго духовенства. Къ числу недовольныхъ принадлежали также и весьма многіе среди военныхъ, преимущественно офицеры, которымъ нетрудно было настраивать противъ правительства и солдатъ, тоже имѣвшихъ не мало причинъ быть недовольными начальствомъ.

Революціи, разразившіяся въ январѣ 1820 г. въ Испаніи, въ іюлѣ того же года въ Неаполѣ и въ Сициліи, въ августѣ въ Португаліи, а въ мартѣ слѣдующаго года въ Пьемонтѣ (т.-е. въ Сардинскомъ королевствѣ), были именно военными возстаніями. Примѣръ подала испанская армія, собранная около Кадикса, откуда она должна была отправиться въ Америку для усмиренія тамошнихъ испанскихъ колоній, задумавшихъ отложиться отъ метрополіи. Лозунгомъ этого „пронунсіаменто" было возстановленіе конституціи 1812 г., и вотъ при помощи войска въ разныхъ мѣстахъ стали устраиваться либеральные союзы, которые прогоняли реакціонныхъ чиновниковъ, стали назначать на ихъ мѣсто своихъ приверженцевъ и т. д. Волненіе умовъ и въ самой столицѣ заставило короля присягнуть конституціи, замѣстить важнѣйшія государственныя должности либералами и созвать кортесы, въ которыхъ образовалось либеральное большинство, вскорѣ, впрочемъ, распавшееся на умѣренныхъ и крайнихъ (экзальтированныхъ). Съ своей стороны, духовенство объявило вѣру въ опасности, короля плѣнникомъ у безбожныхъ либераловъ и начало организовать для вооруженной борьбы съ „врагами религіи и отечества" партизанскіе отряды, скоро образовавшіе цѣлую „армію вѣры". Потомъ составилось реакціонное временное правительство подъ названіемъ регентства, и дѣло окончилось ожесточенной междоусобной войной.

При первомъ же извѣстіи объ испанской революціи возникла и мысль объ оказаніи помощи Фердинанду VII противъ его мятежныхъ подданныхъ, но сначала въ европейскомъ союзѣ на этотъ счетъ не состоялось соглашенія между великими державами. Иниціаторомъ вмѣшательства въ испанскія дѣла былъ Александръ I, еще раньше думавшій помочь Фердинанду VII противъ возмутившихся въ Америкѣ колоній Испаніи, причемъ дѣйствовать въ соединеніи съ Россіей должна была Франція, но противъ этой комбинаціи возстала даже сама реакціонная Австрія, не желавшая усиленія франко-русскаго вліянія. Когда, однако, военная революція вспыхнула и въ

Неаполѣ, гдѣ тоже у короля было вынуждено введеніе конституціи (и именно испанской), то австрійское правительство перемѣнило свою точку зрѣнія, такъ какъ стало бояться за спокойствіе собственныхъ итальянскихъ подданныхъ. На счастье Австріи въ Неаполитанскомъ королевствѣ произошло междоусобіе, ослабившее силу революціи. За материковою частью государства поднялась и островная, т.-е. Сицилія, проявившая при этомъ стремленіе къ автономіи, сурово встрѣченное въ Неаполѣ, откуда въ Сицилію было даже послано войско для усмиренія. Монархическіе дворы еще болѣе всполошились. Примѣрамъ Испаніи и Обѣихъ Сицилій послѣдовала Португалія, кортесы которой весною 1821 г. выработали тоже конституцію на началахъ, аналогичныхъ съ испанскою 1812 г. Эта же испанская конституція была лозунгомъ и пьемонтскихъ революціонеровъ, которые равнымъ образомъ весною 1821 г. произвели военное возстаніе съ цѣлью ни болѣе ни менѣе, какъ объединенія Италіи въ видѣ единаго конституціоннаго государства. Достигнуть этого можно было бы только войной съ Австріей, и пьемонтскіе либералы были не прочь начать съ этою цѣлью и войну.

Вотъ всѣ эти революціи и были причиною созыва конгрессовъ въ Троппау, Лайбахѣ и Веронѣ, на которыхъ, какъ мы знаемъ, было выработано цѣлое ученіе о необходимости и законности подавленія революцій у сосѣдей [1]). Главными сторонницами этого принципа, встрѣтившаго протестъ, но чисто теоретическій, только со стороны Англіи и Франціи, были Австрія, Пруссія и Россія. Лайбахскій конгрессъ, въ которомъ приняли участіе и итальянскіе государи, уполномочилъ Австрію произвести экзекуцію въ Неаполитанскомъ королевствѣ, и, уже весною 1822 г., австрійскія войска заняли Неаполь, а затѣмъ ими же была подавлена и пьемонтская революція. Въ томъ же году веронскій конгрессъ почти насильно заставилъ французское правительство совершить такую же экзекуцію и въ Испаніи, раздиравшейся въ это время гражданскою войною. Въ 1823 г. совершилось полное подавленіе испанской революціи французскимъ войскомъ, которому помогла въ этомъ дѣлѣ и реакціонная „армія вѣры“. Въ этомъ же году пала и португальская конституція, низвергнутая внутреннею военною контръ-революціею. Во всѣхъ южно-романскихъ коро-

---

[1]) См. выше, стр. 219.

левствахъ послѣ побѣды надъ революціей началась самая отчаянная реакція, на весьма продолжительное время убившая всякую общественную жизнь въ этихъ странахъ.

Итальянская и испанская революціи были подавлены не только вслѣдствіе военнаго превосходства Австріи и Франціи, за которыми стоялъ Священный союзъ, но и потому, что сами не имѣли достаточной внутренней силы. Либералы и на Апеннинскомъ, и на Пиренейскомъ полуостровахъ дѣйствовали въ двадцатыхъ годахъ, главнымъ образомъ, путемъ тайныхъ обществъ и опирались преимущественно на войско, но событія показали, что армія была плохой опорой политической свободы, и что одни тайныя общества безъ поддержки со стороны народныхъ массъ не въ состояніи были упрочить конституціонный образъ правленія. Народъ обнаруживалъ, правда, признаки недовольства, принималъ участіе въ движеніи, но безъ ясно сознанной цѣли, а потомъ даже привѣтствовалъ возстановленіе привычнаго ему абсолютизма, недовольный, въ большинствѣ случаевъ, либералами за антиклерикальное направленіе ихъ политики. Въ народныхъ массахъ, руководимыхъ духовенствомъ, политическая и культурная реакція находила поэтому весьма прочную опору, и лишь благодаря равнодушію массъ, австрійцамъ въ Италіи и французамъ въ Испаніи не представляло большого труда привести въ исполненіе рѣшенія Священнаго союза. Совершенно вѣрную характеристику всего этого движенія сдѣлалъ главный вдохновитель реакціи, австрійскій министръ Меттернихъ, въ мемуарѣ, представленномъ Александру I. „Зло, писалъ онъ, распространялось, главнымъ образомъ, между средними классами общества; настоящій народъ вынужденъ къ заботамъ, слишкомъ продолжительнымъ и положительнымъ, чтобы могъ броситься въ отвлеченности и горделивыя мечты“.

Вообще въ двадцатыхъ годахъ XIX в. общественною средою, въ которой, главнымъ образомъ, распространялся либерализмъ, — тогда же, замѣтимъ, получившій это свое названіе [1]),—и преимущественною общественною силою, на которую онъ опирался, были такъ называемые средніе классы общества, состоявшіе изъ людей, болѣе или менѣе матеріально обезпе-

[1]) Терминъ „либералы“ утвердился въ двадцатыхъ годахъ, а раньше встрѣчается для обозначенія того же понятія другой („индепенденты“, т.-е. независимые). Въ Испаніи либераламъ противополагали „сервиловъ“.

ченныхъ и съ достаточно развитыми духовными запросами. Особенно эта характеристика примѣнима къ тогдашней Франціи, гдѣ соціальная сторона политической борьбы, происходившей въ этой странѣ, сводилась къ антагонизму между бывшими привилегированными и духовенствомъ, съ одной стороны, и буржуазіей, съ другой, относя къ послѣднему классу и людей либеральныхъ профессій, или интеллигенцію страны. Такъ понимали дѣло и сами представители французскаго либерализма эпохи реставраціи.

„Нашими предками, писалъ въ 1817 г. Огюстенъ Тьерри, были тѣ ремесленники, которые основали городскія общины и создали первое представленіе о новой свободѣ". „Мы, писалъ онъ въ другой разъ (1820), мы — сыны третьяго сословія: третье сословіе вышло изъ городскихъ общинъ; городскія общины были убѣжищемъ сервовъ; сервы были побѣжденные во время завоеванія" (т.-е. завоеванія Галліи франками). „Въ теченіе тринадцати вѣковъ, писалъ также Гизо въ „Du gouvernement de la France depuis la restauration" (1820),—Франція заключала въ собѣ два народа, народъ побѣдителей и народъ побѣжденныхъ. Въ теченіе тринадцати вѣковъ народъ побѣжденныхъ боролся, чтобы сбросить съ себя иго народа побѣдителей. Наша исторія есть исторія борьбы. Въ наши дни была дана рѣшительная битва. Она называется революціей. Результатъ революціи не подлежитъ сомнѣнію: прежній побѣжденный народъ сдѣлался народомъ-побѣдителемъ. Въ свою очередь онъ покорилъ Францію... Но, продолжаетъ Гизо, можно было предвидѣть, что народъ, побѣжденный во время революціи, не примирится со своимъ пораженіемъ и не потому, чтобы пораженіе это заставляло его самого подчиниться положенію, которое онъ нѣкогда навязалъ побѣжденнымъ. Теряя привилегіи, онъ находилъ право и, лишаясь господства, могъ найти вознагражденіе въ равенствѣ. Но большимъ массамъ людей не дано такимъ образомъ отказываться отъ людской слабости, и ихъ мысль всегда на очень далекое разстояніе отстаетъ отъ необходимости. Все, что сохраняло или возвращало прежнимъ обладателямъ привилегій лучъ надежды, должно было толкать ихъ къ попыткѣ возвращенія себѣ этихъ привилегій. Реставрація не могла не произвести такого дѣйствія. Старыя привилегіи въ паденіи своемъ увлекли и тронъ, и вотъ явилась мысль, что возстановленный тронъ подниметъ вмѣстѣ съ собой и привилегіи. Этотъ народъ привилегій существуетъ между нами;

онъ живетъ, говоритъ, движется, дѣйствуетъ, оказываетъ вліяніе отъ одного конца Франціи до другого. Сильно уменьшенный и разсѣянный конвентомъ, то обольщаемый, то сдерживаемый Наполеономъ, лишь только прекращается терроръ или деспотизмъ, онъ снова появляется на сцену, занимаетъ свое мѣсто и начинаетъ работать надъ возвращеніемъ себѣ всего, что было имъ потеряно... Мы, замѣчаетъ еще Гизо, побѣдили старый порядокъ, и побѣда всегда будетъ на нашей сторонѣ, но намъ еще долго придется вести борьбу. Кто желаетъ во Франціи конституціоннаго порядка, выборовъ, палатъ, публичной трибуны, свободы печати, всѣхъ видовъ общественной свободы, долженъ отказаться отъ мысли, будто въ этомъ безпрерывномъ и столь оживленномъ проявленіи всего общества контръ-революція можетъ остаться нѣмой и бездѣйствовать" [1]).

Представители старой Франціи думали сначала достигнуть возстановленія своего прежняго положенія посредствомъ реставраціи абсолютизма. „Оппоненты французской революціи 1789 г., писала въ 1817 г. г-жа Сталь въ своихъ „Considérations sur la révolution française",—дворяне, духовные, магистратура не уставали твердить, что не нужно было никакого измѣненія въ правительствѣ, ибо существовавшія тогда посредствующія корпораціи хорошо исполняли свою роль, не допуская деспотизма, а теперь они за деспотизмъ, какъ за возстановленіе будто бы стараго порядка. Эта непослѣдовательность въ принципахъ есть послѣдовательность въ интересахъ. Когда,— объясняетъ г-жа Сталь свою мысль, — привилегированные ограничивали королевскую власть, они были противъ произвольной власти короны, но когда нація съумѣла занять мѣсто привилегированныхъ, они соединились съ королевскою прерогативою и выставляютъ всякую конституціонную оппозицію, всякую политическую свободу въ видѣ какого-то бунта". Знаменитая писательница очень вѣрно подмѣтила стремленія, существовавшія въ реакціонной партіи въ первые годы реставраціи, но, въ сущности, весьма скоро и роялисты увидѣли, какую силу они будутъ имѣть, благодаря конституціи, если только палаты, а чрезъ нихъ и правительство будутъ въ ихъ рукахъ. Напр., одинъ изъ видныхъ дѣятелей эпохи реставраціи,

---

[1]) Огюстенъ Тьерри и Гизо, какъ извѣстно, были историками, особенно много сдѣлавшими для выясненія прошлыхъ судебъ и роли третьяго сословія въ средневѣковой Франціи.

Виллель, въ 1814 г. написавшій по поводу обѣщанія Людовика XVIII дать конституцію очень рѣзкую брошюру, гдѣ доказывалась необходимость возстановленія абсолютной монархіи, попавъ въ 1815 г. въ палату депутатовъ, очень скоро понялъ, что при помощи конституціи можно будетъ еще лучше достигнуть цѣлей своей партіи, а потому и сдѣлался однимъ изъ приверженцевъ конституціоннаго режима, какъ отличнаго орудія въ политической борьбѣ; въ 1822—1827 гг. онъ даже занималъ постъ перваго министра. И вообще, добиваясь власти, реакціонеры пользовались какъ-разъ тою самою хартіей, въ которой видѣли сначала лишь опасную уступку революціоннымъ началамъ; нерѣдко они даже становились въ прямую оппозицію къ королевской власти, если она не раздѣляла всѣхъ ихъ стремленій.

Занятіе такой позиціи реакціонною партіею заставляло и либераловъ также, главнымъ образомъ, стремиться къ захвату власти путемъ парламентскихъ выборовъ (хотя въ первые годы реставраціи не отвергались и революціонные пути). Такъ какъ при весьма высокомъ цензѣ для избирателей и еще болѣе высокомъ для депутатовъ въ палату могли попадать лишь самые богатые люди, крупные землевладѣльцы и капиталисты, то вся эта парламентская борьба была лишь отраженіемъ антагонизма, существовавшаго въ жизни между аристократіей и буржуазіей. Либеральные публицисты и историки такъ и понимали происходившую тогда борьбу. „Въ теченіе тринадцати вѣковъ, писалъ еще Гизо, во Франціи существовало всегда два положенія, два общественныхъ класса, глубоко различные и неодинаковые, которые никогда не смѣшивались между собою и никогда не находились другъ съ другомъ въ состояніи единства и мира, которые, наконецъ, никогда не прекращали своей борьбы, одинъ — для завоеванія правъ, другой — для удержанія за собой привилегій“. Совершенно въ томъ же смыслѣ Огюстенъ Тьерри говорилъ, что во Франціи существуютъ два класса людей: „люди пергаменовъ“ и „люди индустріи“.

Буржуазія вовсе не стремилась къ тому, чтобы понизить высокій избирательный цензъ, и вся политическая борьба по вопросу о цензѣ въ эту эпоху сводилась къ желанію реакціонной партіи дать преобладаніе землевладѣнію надъ промышленностью и торговлею. Противополагая себя аристократіи, буржуазія въ то же время отдѣляла себя и отъ народа. Одинъ изъ видныхъ представителей либерализма двадцатыхъ годовъ,

Арманъ Каррель, упрекалъ крайнюю правую за то, что она „ищетъ какую-то націю, помимо той, которая читаетъ газеты, возбуждается парламентскими дебатами, владѣетъ капиталами, управляетъ промышленностью, имѣетъ въ своихъ рукахъ землю“, и самъ онъ этой „націи“ противополагаетъ массу, „которая мало что смыслитъ“.

Главное ядро французскихъ либераловъ эпохи реставраціи относилось съ недовѣріемъ къ демократіи, на которую до того времени опирались лишь республиканская диктатура якобинцевъ да цезаризмъ Наполеона, два режима, дѣлавшіе невозможною какую бы то ни было общественную свободу. Конечно, во французскомъ либерализмѣ были разные оттѣнки, но люди, задававшіе тонъ и въ національномъ представительствѣ, и въ періодической прессѣ, и въ литературѣ, были сторонниками конституціи англійскаго типа съ преобладаніемъ въ политической жизни имущихъ и образованныхъ классовъ общества. Въ эту эпоху въ извѣстныхъ кругахъ общества любили даже сопоставлять французскую исторію съ англійской и дѣлать отсюда политическіе выводы. Внѣшнее сходство между обѣими странами дѣйствительно существовало и какъ бы само собою бросалось въ глаза. И въ Англіи, и во Франціи была совершена казнь короля (1649 и 1793); и тамъ, и здѣсь устанавливалась на время республика, и тамъ, и здѣсь, однако, власть захватывалась полководцами (Кромвелемъ и Наполеономъ), и вводился военный деспотизмъ; и тамъ, и здѣсь, наконецъ, происходили реставраціи. Либералы и буржуазія, довольные хартіей 1814 г., думали сначала, что французская реставрація должна содержать въ себѣ тѣ выгоды, которыя Англіи доставлены были реставраціей Стюартовъ въ 1660 г. и революціей 1689 г., т.-е. возвращеніе законнаго порядка и упроченіе политической свободы, но послѣ того, какъ Бурбоны показали, что они „ничему не научились и ничего не позабыли“, аналогію между англійской и французской исторіей стали проводить и дальше: англійскую конституцію упрочила лишь вторая революція, имѣвшая своимъ послѣдствіемъ перемѣну династіи, и того же самаго стали ожидать и желать для Франціи. „Мы, признаётся, напр., Гизо, самъ изучавшій исторію англійской революціи,—мы только и думали о революціи 1689 г., объ ея успѣхѣ, о прекрасномъ и свободномъ правительствѣ, которое она основала“. Несомнѣнно, въ виду современныхъ отношеній и Арманъ Каррель написалъ въ 1827 г.

свою „Исторію контръ-революціи въ Англіи“. Онъ тоже прославлялъ переворотъ 1689 г. и оправдывалъ его тою именно „контръ-революціей“, которая началась въ Англіи съ реставраціей Стюартовъ, и съ которою реакція во Франціи представляла много родственныхъ чертъ. Вообще, примѣръ Англіи, какъ страны, политическія учрежденія которой доказали свою пригодность на вѣковомъ опытѣ, оказывалъ большое вліяніе на политическую жизнь Франціи въ первой половинѣ XIX в. [1]).

Если при первой реставраціи еще были основанія надѣяться, что для Франціи 1814 г. соединитъ въ себѣ значеніе 1660 и 1689 г. для Англіи, то послѣ „ста дней“ все больше и больше надѣялись на то, что и во Франціи будетъ свой 1689 годъ. Общій фонъ либеральнаго настроенія составляла ненависть къ династіи, возстановленной силою иностранныхъ войскъ. „По отношенію къ правительству Бурбоновъ, пописалъ въ сентябрѣ 1830 г. Арманъ Каррель, поклонникъ второй англійской революціи,—у всѣхъ независимыхъ людей было только одно поведеніе — враждебное. Вся политика, какъ для прессы, такъ и для оппозиціи въ палатѣ всегда состояла въ томъ, чтобы хотѣть того, чего правительство не желало, отвергать всякое предлагаемое имъ благодѣяніе, какъ нѣчто, скрывающее измѣну, словомъ—сдѣлать для него невозможнымъ какое бы то ни было управленіе, дабы оно пало, и дѣйствительно такова была причина его паденія“. Хотя поведеніе либераловъ въ палатѣ рисуется здѣсь, какъ мы увидимъ, не совсѣмъ точно, тѣмъ не менѣе слова эти въ общемъ довольно вѣрно передаютъ то чувство, какое внушали къ себѣ Бурбоны либерально настроеннымъ кругамъ общества. Лишь при такомъ настроеніи и возможны были тѣ заговоры и попытки возстаній, которыми полна исторія царствованія Людовика XVIII. Нужно вообще имѣть въ виду, что между либералами образовалось въ это время два разныхъ оттѣнка: конституціонный и революціонный. Такъ

---

[1]) Нужно, впрочемъ, прибавить, что среди либераловъ образовалась небольшая фракція такъ называемыхъ „доктринеровъ“ (Ройе-Колларъ, Гизо и др.), которые, сравнивая французскую конституцію съ англійской, отдавали предпочтеніе своей. Напр., Ройе-Колларъ думалъ, что правительственная власть во Франціи сосредоточивается въ рукахъ короля, и что установленіе министерства, которое было бы отвѣтственно передъ большинствомъ палаты, равносильно упраздненію монархическаго принципа.

какъ конституціонные либералы сами нерѣдко сознавали свое безсиліе, то не пренебрегали помощью либераловъ революціонныхъ, а эти послѣдніе, тоже не вполнѣ довѣряя своимъ собственнымъ силамъ, искали подержки и у первыхъ. И либеральныя газеты эпохи реставраціи постоянно проповѣдовали необходимость единенія всѣхъ антиреакціонныхъ группъ, между прочимъ, настаивая на томъ, чтобы лѣвый центръ и крайняя лѣвая держались заодно, и чтобы лѣвый центръ не отпадалъ къ правому центру, т.-е. къ умѣреннымъ консерваторамъ. Нѣкоторые изъ либераловъ палаты (особенно Лафайетъ) даже лично принимали участіе въ тайныхъ обществахъ, ставившихъ себѣ цѣлью низверженіе Бурбоновъ. Заговоры, составлявшіеся въ эту эпоху, весьма напоминаютъ какъ итальянскій карбонаризмъ,—который даже прямо былъ перенесенъ во Францію,—такъ и военныя революціи южно-романскихъ странъ, ибо и во французскомъ политическомъ движеніи также участвовало немало и недовольныхъ военныхъ наполеоновской эпохи. Сами революціонеры раздѣлялись еще на конституціонныхъ монархистовъ, желавшихъ только перемѣны династіи и измѣненій въ хартіи, на наполеонистовъ и на республиканцевъ. Нерѣдко, однако, они дѣйствовали сообща, лишь бы только добиться низверженія Бурбоновъ, не загадывая слишкомъ далеко впередъ.

Въ общемъ, выступленіе значительной части недовольныхъ на путь заговоровъ объясняется ихъ невѣріемъ въ то, что чего-либо можно было бы достигнуть парламентскою дѣятельностью при явномъ перевѣсѣ, какой имѣли въ палатѣ роялисты или ультра-роялисты, какъ называли наиболѣе рьяныхъ реакціонеровъ. Только цѣлый рядъ неудачъ, постигшихъ заговоры и попытки возстаній, заставилъ оппозицію отказаться отъ этого пути, тѣмъ болѣе, что военные, сначала охотно принимавшіе участіе въ подобныхъ замыслахъ, стали къ нимъ потомъ охладѣвать, особенно послѣ того, какъ побѣдоносный походъ французской арміи въ Испанію примирилъ эту армію съ бѣлымъ знаменемъ Бурбоновъ. Частичныя побѣды, какія стали одерживать либералы на выборахъ во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ, тоже отчасти содѣйствовали прекращенію революціонныхъ попытокъ.

На первыхъ порахъ французскіе реакціонеры заявили себя непримиримыми врагами хартіи 1814 г., но впослѣдствіи сами стали пользоваться ею для достиженія своихъ реставраціонныхъ цѣлей. „Сто дней“ показали Людовику XVIII, что значило не да-

вать отпора притязаніямъ ультра-роялистовъ, и его сознательно болѣе умѣренная политика послѣ второй реставраціи даже вооружила противъ него наиболѣе непримиримыхъ реакціонеровъ. Новый разгромъ Франціи въ 1815 г. былъ очень благопріятенъ для реакціонной партіи, устроившей цѣлый рядъ погромовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „бѣлаго террора", и получившей преобладаніе въ палатѣ 1815—1816 г. Эта знаменитая палата, на первыхъ порахъ, повидимому, шедшая всегда навстрѣчу правительству, заслуживала у Людовика XVIII названіе безподобной, незамѣнимой, рѣдкостной, какъ у насъ переводятъ французское „introuvable", но когда она слишкомъ явно стало стремиться къ „возстановленію всего, что было низвергнуто учредительнымъ собраніемъ", самъ Людовикъ XVIII призналъ ее опасной и рѣшилъ ее распустить. Ультра-роялисты по этому случаю пришли въ крайнее негодованіе и въ слѣдующихъ палатахъ очень часто проявляли по отношенію къ правительству самую рѣзкую оппозицію, тогда какъ либералы, наоборотъ, нерѣдко становились на сторону правительства. Обѣ партіи одинаково стремились къ тому, чтобы имѣть правительство на своей сторонѣ, и боролись на выборахъ за мѣста въ палатѣ. Сначала либералы попадали въ палату лишь въ ограниченномъ числѣ, но постепенно оно стало расти, пока реакціонеры не добились измѣненія избирательнаго закона въ смыслѣ, особенно благопріятномъ для обладателей поземельнаго ценза. Пользуясь постояннымъ большинствомъ въ палатѣ, роялисты проводили и другіе реакціонные законы, отмѣнявшіе неприкосновенность личности, свободу печати и т. п. То, что Франція вынуждена была послать свое войско въ Испанію для подавленія революціи, также было дѣломъ реакціонной партіи. Солидарныя съ роялистами министерства, сдерживая лишь наиболѣе рѣзкія проявленія реакціи, много содѣйствовали торжеству реакціонеровъ на выборахъ путемъ разнаго рода административныхъ воздѣйствій и подтасовокъ, но именно во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда правительство желало оставаться независимымъ по отношенію къ ультра-роялистамъ, оно дѣлалось объектомъ ихъ нападеній и находило тогда поддержку у либераловъ. Такимъ образомъ роялисты вовсе не были партіей, во что бы то ни стало отстаивавшей правительство, равно какъ либералы вовсе не были постоянными оппонентами власти. Обѣ партіи въ концѣ концовъ стояли на почвѣ конституціи и одинаково видѣли въ представительствѣ средство для проведенія

въ жизнь своихъ политическихъ принциповъ и защиты своихъ классовыхъ интересовъ. Онѣ постоянно сталкивались между собою по разнымъ вопросамъ, между которыми особенно важную роль играли вопросы о свободѣ прессы и объ избирательномъ законѣ. Но борьба шла и изъ-за другихъ предметовъ. Въ 1817 г. ультра-роялисты добивались наприм., возвращенія духовенству оставшихся непроданными прежнихъ церковныхъ и монастырскихъ имуществъ. Въ 1818 г. они очень волновались по поводу реорганизаціи арміи, при которой военный министръ принялъ на службу до тысячи бывшихъ наполеоновскихъ солдатъ и уволилъ многихъ офицеровъ изъ эмигрантовъ по ихъ неспособности къ службѣ. Когда крайняя правая въ 1822 г. достигла торжества, она поставила себѣ задачей отдать народное образованіе въ руки духовенства; городскія и сельскія школы, по ея настояніямъ, были переданы въ руки монаховъ.

Съ перемѣною въ 1824 г. царствованія реакціонное направленіе въ высшихъ сферахъ только усилилось, такъ какъ Карлъ X былъ лично солидаренъ съ наиболѣе крайними роялистами и въ особенности съ клерикалами, но за то при немъ и либеральная партія начала одерживать частичныя побѣды на выборахъ, что стало приводить къ нѣкоторому смягченію реакціи.

Въ двадцатыхъ годахъ XIX в. Франція на материкѣ Европы была главнымъ государствомъ, гдѣ шла борьба либерализма противъ реакціи. Подавленіе революцій въ южно-романскихъ странахъ, какъ мы видѣли, совсѣмъ убило въ нихъ всякій общественный духъ. Въ Германіи послѣ нѣсколькихъ быстро подавленныхъ вспышекъ общественнаго неудовольствія царила реакція, вооруженная всевозможными репрессіями противъ прессы, университетовъ, тайныхъ обществъ и т. п., и даже въ конституціонныхъ нѣмецкихъ государствахъ правительства дѣйствовали совершенно такъ же, какъ правительства, пользовавшіяся абсолютною властью. Таково было положеніе дѣлъ на континентѣ, и, кромѣ Франціи, въ эту эпоху только въ Англіи еще бился настоящій пульсъ общественной жизни.

Въ своемъ мѣстѣ было указано на то, что и Англія не избѣжала реакціи, вызванной вообще на Западѣ французской революціей [1]). Демократическій характеръ этого событія бросилъ въ объятія торійской партіи большинство въ правящихъ

---

[1]) См. выше, стр. 221 и слѣд.

классахъ Англіи, и отъ виговъ даже прямо откололись очень и очень многіе приверженцы этой партіи. Самый характеръ обѣихъ партій измѣнился: до французской революціи торіи были защитниками прерогативы короны, виги поддерживали въ принципѣ права парламента, а фактически правившую тогда Англіей олигархію, съ конца же XVIII в. главнымъ признакомъ торизма сдѣлался самый упорный консерватизмъ во всѣхъ отношеніяхъ, тогда какъ виги превратились въ защитниковъ реформъ, хотя большею частью довольно умѣреннаго характера. Во все время вооруженной борьбы съ революціей и Наполеономъ политическое преобладаніе въ Англіи принадлежало торіямъ, которые оставались господами положенія и въ началѣ эпохи реставраціи. Только къ концу періода въ англійской внутренней политикѣ стало усиливаться либеральное теченіе. Но особенно для насъ здѣсь важнымъ будетъ отмѣтить, что въ разсматриваемую эпоху въ Англіи возродилось демократическое теченіе, совершенно не дававшее себя чувствовать послѣ паденія индепендентской республики.

Дѣло именно въ томъ, что теперь рядомъ съ двумя старыми и большими партіями торіевъ и виговъ въ Англіи образовалась еще новая и очень небольшая партія, получившая названіе демократической. Начало ея относится еще ко времени сѣверо-американской войны за независимость. Въ 1780 г. въ Англіи образовалась большая ассоціація (society for promoting constitutional information), поставившая своею цѣлью распространеніе въ народѣ политическаго образованія посредствомъ изданій, въ которыхъ уже проводилась идея всеобщаго голосованія. Французская революція тоже нашла откликъ въ наиболѣе прогрессивныхъ элементахъ англійскаго общества, и уже въ 1789 г. было основано особое „общество революціи“, которое на первыхъ же порахъ своего существованія вотировало привѣтственный адресъ французскому національному собранію. Нѣсколько позднѣе въ Англіи образовались республиканскіе кружки, вступившіе въ сношенія съ конвентомъ. Даже крайности революціи не отшатнули отъ защиты народныхъ правъ и проведенія либеральныхъ реформъ нѣкоторую часть виговъ въ то самое время, какъ другая, большая часть ударилась въ реакцію. У демократическаго движенія нашлись въ Англіи и защитники въ литературѣ, каковы были Томасъ Пэнъ, авторъ трактата о правахъ человѣка, и Макинтошъ, написавшій книгу (Vindiciae Galliae) въ защиту фран-

цузской революціи, оба главнымъ образомъ возражавшіе на нападки Бёрка. Кромѣ нихъ, апологетами французскаго переворота выступили Пристлей и Прайсъ, равно какъ Бентамъ, о которомъ рѣчь будетъ идти еще въ настоящей главѣ. Успѣхи реакціи послѣ 1792 г. нанесли сильный ударъ этому движенію, но оно снова возродилось послѣ паденія Наполеона, когда, съ одной стороны, реакціонное господство торіевъ оживило въ вигахъ оппозиціонный духъ, и они стали искать себѣ союзниковъ, а съ другой, экономическія бѣдствія, поддерживавшія въ народныхъ массахъ недовольство существующимъ, мало-по-малу создали благопріятную почву для демократической агитаціи. Конечно, вслѣдствіе крайней ограниченности того круга лицъ, который пользовался въ странѣ избирательными правами, демократическая партія не могла играть роли въ парламентѣ, но въ странѣ у нея было не мало приверженцевъ, что заставляло виговъ по временамъ искать сближенія съ ея вождями, принявшими въ эпоху реставраціи названіе радикальныхъ реформаторовъ, не смотря на то, что они большею частью не довѣряли вигамъ, находя ихъ слишкомъ умѣренными и своекорыстными. Главными предметами демократической пропаганды были парламентская реформа и завоеваніе полной свободы для выраженія общественнаго мнѣнія.

Избирательная система, дѣйствовавшая въ Англіи, вела свое происхожденіе еще изъ среднихъ вѣковъ. Попытка ее реформировать въ эпоху первой революціи пала вмѣстѣ съ республикой, такъ какъ реставрація вообще вернула Англію къ прежнимъ порядкамъ. Главное зло системы заключалось въ томъ, что избирательныя права, вообще принадлежавшія незначительному меньшинству, были вдобавокъ распредѣлены до крайности неравномѣрно, и что при избраніи представителей широко практиковались всякаго рода незаконныя вліянія и прямая купля-продажа голосовъ. Многіе большіе города, въ средніе вѣка еще не существовавшіе, не имѣли особаго представительства въ парламентѣ, и имъ, наоборотъ, пользовались разныя мелкія мѣстечки, пришедшія въ полный упадокъ и потому называвшіяся „гнилыми“ (rotten borough). Въ этихъ гнилыхъ мѣстечкахъ обыкновенно избирателей было очень мало, и большею частью они находились въ полной зависимости отъ мѣстныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Избирательные порядки въ большихъ городахъ, имѣвшихъ свое представительство въ нижней палатѣ, отличались большимъ разнообра-

зіемъ, и нерѣдко избирательныя права принадлежали только городскимъ совѣтамъ изъ дюжины или нѣсколькихъ десятковъ лицъ. Въ графствахъ съ начала XV в. избирательное право принадлежало всѣмъ, обладавшимъ сорока шиллингами дохода [1]), но вслѣдствіе почти полнаго исчезновенія въ Англіи мелкаго крестьянскаго хозяйства фактически число избирателей сильно сократилось, а кромѣ того, большинство этихъ избирателей находилось въ полной экономической зависимости отъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Въ 1780 г. цѣлая половина нижней палаты была выбрана менѣе, нежели шестью тысячами избирателей. Въ 1793 г. 70 членовъ парламента, представляли 35 мѣстностей почти безъ избирателей, 90—отъ 45 мѣстностей съ числомъ избирателей, меньшимъ, чѣмъ 50, и 38—отъ мѣстностей, гдѣ цифра избирателей не доходила до ста. Масса членовъ парламента посылалась отъ избиравшихъ ихъ мѣстностей по желанію тѣхъ или другихъ богатыхъ и вліятельныхъ лицъ. Въ 1793 г. нѣкоторые лорды имѣли въ нижней палатѣ по шести, по десяти, по одиннадцати зависѣвшихъ отъ нихъ членовъ, благодаря чему въ парламентѣ было 157 членовъ, безусловно „назначенныхъ" 84 лицами, да почти столько же обязанныхъ своимъ избраніемъ покровительству 70 патроновъ. Въ 1816 г. среди 658 членовъ независимыхъ было только 171, остальные же 481 попали по протекціи разныхъ патроновъ, а въ 1821 г. 350 членовъ получили свои мѣста вслѣдствіе вліянія и денегъ 180 лицъ. Вообще, въ выборахъ деньги играли большую роль, потому что даже независимые люди, желавшіе попадать въ парламентъ, не могли обходиться безъ подкупа избирателей. Голосами прямо торговали, и избраніе одного лица могло стоить тысячи и десятки тысячъ фунтовъ. Потомъ депутаты наверстывали свое, торгуя своими голосами въ палатѣ, и знаменитый Вальполь держался долго у власти въ качествѣ перваго министра [2]) главнымъ образомъ посредствомъ прямыхъ подкуповъ или разныхъ подачекъ въ видѣ монополій, концессій, подрядовъ и т. п.

Вотъ эти-то печальныя явленія и вызвали идею парламентской реформы. Первое предложеніе въ этомъ смыслѣ было сдѣлано еще въ 1770 г., и въ теченіе двадцати семи лѣтъ семь разъ возобновлялся въ парламентѣ вопросъ о реформѣ

---

[1]) См. выше, стр. 51.

[2]) См. выше, стр. 74.

каждый разъ съ полнымъ приваломъ, потому что не могъ же такой составъ парламента самъ на себя наложить руки. Подъ вліяніемъ реакціи, вызванной французской революціей, двѣнадцать лѣтъ (1797 — 1809) вопросъ даже ни разу не поднимался, да и потомъ если его и ставили на очередь иногда чуть не ежегодно, то только для того, чтобы каждое такое предложеніе снова проваливалось подавляющимъ большинствомъ. Общественное мнѣніе, однако, все болѣе и болѣе волновалось этимъ вопросомъ, и требованіе реформы парламента сдѣлалось однимъ изъ главныхъ лозунговъ демократической партіи.

Агитація въ пользу парламентской реформы, разумѣется, велась въ народѣ путемъ печатнаго слова, союзовъ и собраній. Французская революція сильно оживила эту агитацію, и именно послѣднее обстоятельство бросило правящіе классы въ объятія реакціи. Первые публичные митинги въ Лондонѣ подъ открытымъ небомъ были собраны въ 1793 г., и примѣру столицы скоро послѣдовали провинціальные города. Отвѣтомъ на это была пріостановка парламентомъ на годъ habeas-corpus-act'a, т.-е. закона, обезпечивающаго личную неприкосновенность гражданъ. Это было въ 1794 г., и потомъ изъ года въ годъ возобновлялась эта пріостановка вплоть до 1801 г., когда наконецъ дѣйствіе закона было возстановлено. Правда, министрамъ грозилъ судъ по окончаніи срока пріостановки за всѣ возможныя злоупотребленія дававшимися имъ полномочіями, но каждый разъ парламентъ посредствомъ особаго акта (bill of indemnity) снималъ огуломъ съ исполнительной власти всякую отвѣтственность за весь періодъ, на который пріостанавливалось дѣйствіе habeas-corpus-act'a.

Другимъ средствомъ борьбы противъ демократическихъ идей было привлеченіе къ суду за „возмутительныя" сочиненіями, тѣмъ болѣе, что сами присяжные были заражены реакціоннымъ духомъ и охотно приговаривали подсудимыхъ къ тюрьмѣ и къ очень большимъ денежнымъ штрафамъ. Составлялись, къ тому же, добровольческія ассоціаціи для преслѣдованія дурной печати. Въ 1795 г. парламентъ даже издалъ рядъ репрессивныхъ законовъ (правда, временныхъ) противъ мятежныхъ сочиненій, рѣчей и скопищъ. Эти законы были приняты не безъ ожесточенной борьбы, потому что вигская оппозиція указывала на то, что подобныя мѣропріятія противорѣчатъ всему духу англійской конституціи. Однажды виги въ негодованіи даже покинули залъ засѣданій. „Мы,—сказалъ въ

одной изъ своихъ рѣчей по этому поводу Фоксъ,—мы видѣли революціи въ другихъ государствахъ, мы слышали о томъ, какъ онѣ происходятъ! Развѣ онѣ были вызваны свободой выраженія общественнаго мнѣнія? Развѣ ихъ производила свобода народныхъ собраній? Нѣтъ, онѣ обязаны были своимъ происхожденіемъ совершенно иной политикѣ, и вотъ я прямо говорю: если мы только желаемъ избѣжать опасности подобныхъ революцій, мы должны,по возможности, поставить себя въ положеніе, наиболѣе несходное съ положеніемъ нашихъ сосѣдей". Протестовали противъ репрессивныхъ биллей, впрочемъ, не одни парламентскіе виги. Въ столицѣ государства и во всей странѣ шла сильная агитаціи противъ стѣсненій свободы общественнаго мнѣнія и его проявленій путемъ печати и народныхъ сходокъ. Уже въ 1797 г. Фоксъ началъ настаивать въ парламентѣ на необходимости немедленнаго возвращенія народу его права собираться и обсуждать общія дѣла, краснорѣчиво защищая принципъ свободы выраженія общественнаго мнѣнія. „Чѣмъ свободнѣе, говорилъ онъ, между прочимъ, могутъ выражаться мнѣнія, тѣмъ менѣе они могутъ представлять опасности. Лишь тогда мнѣнія становятся опасными для государства, когда преслѣдованія вынуждаютъ его жителей высказывать свои мысли подъ величайшею тайною. Что за насмѣшка говорить народу: вы имѣете право рукоплескать, право радоваться и веселиться, право собираться, когда чувствуете себя счастливыми, но у васъ нѣтъ права порицать, нѣтъ права жаловаться на свои бѣдствія, нѣтъ права указывать на средства для устраненія зла!" Оппозиція Фокса не имѣла успѣха, и правительство съ парламентомъ продолжали придумывать новыя и новыя мѣры противъ свободнаго проявленія общественнаго мнѣнія, поскольку оно казалось опаснымъ въ смыслѣ развитія и распространенія демократическихъ идей. Напр., на газеты былъ наложенъ высокій штемпельный налогъ съ цѣлью воспрепятствовать успѣхамъ дешевой политической прессы, расчитанной на читателей изъ низшихъ классовъ общества [1]). Въ эти годы вообще реакція достигла своей непосредственной цѣли: въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ общественной жизни Англіи господствовало почти полное затишье, и даже многіе высказывали мнѣніе объ опасности свободнаго выраженія политическихъ мнѣній. „Го-

---

[1]) Аналогичное явленіе было и во Франціи.

ворятъ, заявлялъ одинъ судья, разбиравшій одно изъ многочисленныхъ дѣлъ о пасквиляхъ,—говорятъ, будто мы имѣемъ право обсуждать акты нашего законодательства, но такое позволеніе завело бы насъ слишкомъ далеко. Неужели народъ имѣетъ право становиться поперекъ актамъ парламента? Неужели пасквилянтъ можетъ сѣять неудовольствіе среди народа противъ правительства, подъ властью котораго народъ живетъ? Нѣтъ, этого никому нельзя дозволить, ибо это противно конституціи и приводитъ къ мятежу". Конечно, только отвѣтомъ на подобныя мнѣнія были знаменитыя слова, сказанныя въ парламентѣ однимъ изъ вождей оппозиціи въ 1810 г.: „Дайте мнѣ только одну свободу печати, и я готовъ предоставить въ распоряженіе министерства продажную палату пэровъ, раболѣпную и подкупленную палату общинъ, свободное распоряженіе должностями, всѣ средства, какими могутъ располагать высокопоставленныя лица, чтобы купить полную покорность и сломить всякое сопротивленіе. Вооруженный свободою печати, я смѣло пойду ему навстрѣчу; я сдѣлаю нападеніе на воздвигнутую имъ твердыню; я начну колебать порочную основу его могущества, и я заставлю его пасть и погибнуть подъ обломками того зла, которое должна была охранять эта твердыня".

Въ XIX в. борьба за парламентскую реформу возобновилась только по окончаніи борьбы съ Наполеономъ. Въ 1816 г. парламенту въ этомъ смыслѣ было подано нѣсколько петицій съ полумилліономъ подписей, а въ слѣдующихъ годахъ стали происходить бурные митинги, что повлекло за собою снова изданіе репрессивныхъ законовъ и пріостановку на годъ habeas-corpus-act'а. Въ 1819 г. грандіозный митингъ въ Манчестерѣ даже подвергся вооруженному нападенію, по приказанію властей, со стороны большого военнаго отряда. Общественное мнѣніе, однако, съ такою силою высказывалось противъ репрессій, что когда кончился срокъ дѣйствія одного изъ репрессивныхъ законовъ („акта о предупрежденіи мятежныхъ собраній и скопищъ"), то больше уже не думали о запрещеніи митинговъ. Это было въ 1825 г., а въ 1830 г. правительство отказалась и отъ репрессій по отношенію къ печати.

Кромѣ того, путемъ митинговъ, союзовъ и печати шла въ Англіи агитація за отмѣну ограниченій въ политическихъ правахъ католиковъ [1]). Какъ извѣстно, такъ называемая эман-

[1]) См. выше, стр. 64. Рѣчь идетъ о такъ называемомъ test-act'ѣ.

ципація католиковъ была вотирована парламентомъ послѣ долгой борьбы только въ 1829 г.

Основнымъ принципомъ либерализма во всѣхъ странахъ, гдѣ только мы встрѣчаемся съ этимъ направленіемъ, и какіе бы оттѣнки онъ ни принималъ, была свобода и прежде всего именно свобода личности. Индивидуалистическая основа либерализма дѣлаетъ его прямымъ продолженіемъ всѣхъ болѣе раннихъ культурныхъ движеній, въ которыхъ совершалась эманципація человѣческой личности отъ всѣхъ культурныхъ традицій и общественныхъ порядковъ, заключавшихъ въ себѣ отрицаніе личности или налагавшихъ на нее стѣсненія. Свои историческіе корни либерализмъ имѣетъ поэтому и въ гуманизмѣ, и въ реформаціи, особенно въ сектантствѣ, подобномъ индепендентству, и въ раціоналистической философіи XVIII в., и въ принципахъ 1789 г., запечатлѣнныхъ въ декларацiи правъ человѣка и гражданина. Наоборотъ, реакція[1]) исходила какъ-разъ изъ идей, заключавшихъ въ себѣ отрицаніе свободной человѣческой личности во имя ли правъ церкви и государства, или во имя какихъ-либо вообще традицій и интересовъ какихъ-либо привилегированныхъ группъ. Крайніе реакціонеры начала XIX в. проклинали всю новую культуру, начиная съ гуманизма и реформаціи. Ихъ идеалы были позади, въ среднихъ вѣкахъ, и порчу того, что имъ казалось истинными основами жизни, они приписывали именно личной свободѣ, какъ источнику всякаго буйства. Либераламъ цѣль ихъ стремленій рисовалась, напротивъ, впереди, и они вѣрили, что прогрессъ свободы одинъ только будетъ въ состояніи ее осуществить. Все современное зло они полагали тамъ же, гдѣ видѣли его составители декларацiи правъ человѣка и гражданина, для которыхъ „единственными причинами общественныхъ бѣдствій и порчи правительствъ были незнаніе, забвеніе или пренебреженіе правъ человѣка“ [2]). Все дѣло, значитъ, заключалось въ томъ, чтобы установить въ жизни свободу путемъ соотвѣтственной политической реформы, и свобода сама все уладитъ, устранитъ изъ жизни всякое зло. Въ либерализмѣ разсматриваемой эпохи былъ такимъ образомъ весьма силенъ политическій моментъ и очень слабъ, даже совсѣмъ отсутствовалъ элементъ соціальный. Либералы стояли на точкѣ зрѣнія существующаго соціальнаго строя, основаннаго на

---

[1]) Ср. выше, стр. 218.

[2]) См. выше, стр. 169.

экономическомъ неравенствѣ, полагая, что всѣ соединенныя съ нимъ неудобства сами собою начнутъ исчезать, когда свобода утвердится въ обществѣ въ полной мѣрѣ. Въ противоположность старому полицейскому государству, державшему въ своей опекѣ всѣ проявленія національной жизни, они мыслили государство съ самымъ ограниченнымъ числомъ функцій, какъ это мы находимъ еще у Локка [1]) или въ извѣстномъ трактатѣ прусскаго мыслителя и государственнаго человѣка Вильгельма Гумбольдта, еще въ 1792 г. написавшаго напечатанный только въ пятидесятыхъ годахъ XIX в. трактатъ подъ заглавіемъ „Идеи для попытки опредѣленія дѣятельности государства".

Далѣе, либерализмъ былъ общественной философіей, главнымъ образомъ людей обезпеченныхъ и достаточно интеллигентныхъ, чтобы понимать цѣну свободы, заключающуюся въ ней самой. Принадлежа преимущественно къ среднимъ классамъ, либералы эпохи реставраціи были далеки и отъ того аристократизма, какимъ отличался либерализмъ Монтескье, и отъ демократическаго духа французской революціи. Мы видѣли, почему либералы относились съ недовѣріемъ къ народнымъ массамъ [2]), и для ихъ же собственнаго блага теоретики либерализма считали нужнымъ ограничивать пользованіе политическими правами посредствомъ извѣстнаго имущественнаго и образовательнаго ценза. Это не значитъ, что либерализмъ самъ по себѣ, въ своемъ основномъ, что ли, принципѣ, былъ враждебенъ демократіи. Дѣло въ томъ, что въ зависимости отъ своей среды или отъ большей или меньшей умственной широты отдѣльныхъ своихъ представителей либерализмъ можетъ быть—и притомъ въ разныхъ степеняхъ—или аристократическимъ, или буржуазнымъ, или демократическимъ. Въ сущности, англійская демократическая партія, поскольку она стояла за свободу вообще и за политическія реформы въ интересахъ свободы, была партіей либеральной въ болѣе широкомъ смыслѣ этого слова. Конечно, демократическій либерализмъ, идеалы котораго дальше отстояли отъ дѣйствительности, чѣмъ идеалы либерализма среднихъ классовъ, отличался бо́льшимъ радикализмомъ основныхъ требованій, но и это не значитъ, чтобы въ самомъ буржуазномъ либерализмѣ не было цѣлой гаммы оттѣнковъ отъ значительной политической умѣренности и сдержан-

---

[1]) См. выше, стр. 96.

[2]) См. выше, стр. 165, 214, особенно 259.

ности до довольно яркой революціонности. Наоборотъ, мы еще увидимъ, что самые радикальные планы переустройства общества у тогдашнихъ утопическихъ соціалистовъ были очень и очень далеки отъ какого бы то ни было политическаго радикализма.

Чтобы лучше представить себѣ, чѣмъ былъ либерализмъ не только эпохи реставраціи, но и всей вообще первой половины XIX в. мы познакомимся теперь съ наиболѣе характерными и вліятельными политическими теоретиками во Франціи и въ Англіи, идеи которыхъ были очень популярны, притомъ далеко за предѣлами обѣихъ этихъ странъ [1]).

Остановимся прежде всего на французскомъ политическомъ дѣятелѣ (еще съ конца революціи) и писателѣ Бенжаменѣ Констанѣ.

„Курсъ конституціонной политики" Бенжамена Констана [2]), который однимъ изъ позднѣйшихъ его издателей (Лабуле) совершенно справедливо названъ „учебникомъ свободы" (manuel de la liberté), въ пониманіи свободы примыкаетъ къ ученію Монтескье и стоитъ въ полномъ противорѣчіи съ ученіемъ Руссо. Извѣстно, какое сильное вліяніе на послѣдняго оказывали образцы республикъ классической древности, тогда какъ Бенжаменъ Констанъ, самъ хорошій знатокъ античности, въ „стремленіи возстановить системы Греціи и Рима", столь характерномъ для XVIII в., видѣлъ причину ошибокъ и крайностей революціи. Бенжаменъ Констанъ былъ однимъ изъ первыхъ, высказавшихъ ту мысль, что сущность свободы въ античномъ мірѣ и въ новой Европѣ не одна и та же: свобода въ античномъ мірѣ, по его представленію, „состояла болѣе въ дѣятельномъ участіи въ общемъ властвованіи, нежели въ спокой-

---

[1]) Между прочимъ и въ тогдашней Россіи, о чемъ см. статью *В. И. Семевскаго* „Очерки изъ исторіи политическихъ идей декабристовъ" (Рус. Богатство", 1907, октябрь, стр. 60—84), гдѣ собраны свѣдѣнія о книгахъ, особенно читавшихся декабристами и повліявшихъ на ихъ политическое міросозерцаніе.

[2]) Полное его заглавіе—„Collection des ouvrages publiés sur le gouvernement représentatif et la constitution actuelle, ou Cours de politique constitutionelle", ибо составился онъ изъ прежнихъ отдѣльныхъ работъ Б. Констана. Вышелъ онъ въ свѣтъ въ 1816—1820 гг. Отрывки изъ него въ рус. пер. приведены въ гл. XIV и XXVI четвертаго тома „Исторіи Западной Европы".

номъ пользованіи личной независимостью"; и онъ находилъ, что „для обезпеченія этого участія чувство личной независимости приносилось въ жертву. Новыя государства, говоритъ онъ еще, замѣнили непосредственное народовластіе народнымъ представительствомъ, въ силу чего каждый, не пользуясь непосредственно властью, ею и не наслаждается, но зато люди новаго времени, чтобы быть счастливыми, не нуждаются ни въ чемъ, кромѣ полной независимости во всемъ, что относится къ сферѣ ихъ дѣятельности, къ ихъ занятіямъ, предпріятіямъ и фантазіямъ" [1]).

Индивидуальная свобода, вотъ главное, что стремится обезпечить Бенжаменъ Констанъ своей политической системой. Онъ разсматриваетъ и защищаетъ въ отдѣльности всѣ виды этой свободы — свободу совѣсти и свободу мысли, свободу воспитанія и обученія, свободу слова и печати, свободу собственности и промышленности. Подобно современнымъ ему экономистамъ, Бенжаменъ Констанъ проповѣдовалъ строгую экономическую свободу. „Такъ какъ, разсуждалъ онъ, общество не имѣетъ иныхъ правъ надъ индивидуумами, кромѣ права препятствовать имъ вредить другъ другу, то оно имѣетъ право вмѣшиваться въ промышленность лишь въ предположеніи происходящаго отъ нея вреда, промышленность же отдѣльнаго лица не можетъ вредить его ближнимъ до тѣхъ поръ, пока это лицо не призываетъ на помощь своему предпріятію и во вредъ предпріятіямъ чужимъ какія-либо постороннія силы".

Эти постороннія силы, противъ которыхъ онъ вооружался, онъ видѣлъ въ привилегіяхъ, монополіяхъ, запрещеніяхъ, поощреніяхъ и т. п., полагая „сущность индустріи въ борьбѣ съ соперниками путемъ совершенно свободной конкуренціи и при помощи усилій добиться внутренняго превосходства". Въ частности онъ вооружался противъ регламентаціи государствомъ заработной платы,—регламентаціи, которая прежде всегда была не въ пользу рабочихъ [2]),—и возставалъ противъ правительственныхъ воспособленій промышленникамъ, убивающихъ ихъ самодѣятельность. „Хорошо ли, спрашиваетъ онъ, чтобы правительство привязывало къ себѣ извѣстные классы управляемыхъ посредствомъ щедротъ, по существу своему произвольныхъ, хотя бы и распредѣляемыхъ вполнѣ разумно? Развѣ

---

[1]) Объ этой мысли см. гл. XI книги „Государство-городъ".

[2]) „Западно-европейская абсолютная монархія", гл. XIII.

нельзя опасаться, что эти классы, соблазненные непосредственною и положительною выгодою, могутъ сдѣлаться равнодушными къ нарушеніямъ индивидуальной свободы и справедливости?“ Прежнее вмѣшательство государства въ промышленность, главнымъ образомъ, и выражалось въ формѣ поощреній и воспособленій промышленникамъ и въ пониженіи въ ихъ же пользу заработной платы. Такимъ образомъ, на экономическую сферу жизни Бенжаменъ Констанъ распространялъ тотъ же принципъ свободы, котораго требовалъ для религіи, для науки, для выраженія общественнаго мнѣнія. Власть, по его словамъ, никогда не должна возбуждать преслѣдованій противъ религіи, даже считая ее опасною, и имѣетъ право карать только за уголовныя преступленія, обязанныя происхожденіемъ какому-либо вѣроученію. Онъ не требовалъ, однако, отдѣленія церкви отъ государства, находя правильнымъ, чтобы государство оплачивало духовенство всѣхъ исповѣданій, имѣющихъ многочисленныхъ послѣдователей, подобно тому, какъ оно содержитъ на свой счетъ большія дороги, лишь бы при этомъ не стѣснялось право отдѣльныхъ лицъ, кому это нравится, ходить своими тропинками. Въ дѣлѣ воспитанія онъ требовалъ полнаго простора, предоставляя государству лишь право охраны и надзора, устраненія препятствій и проложенія путей. Особенно горячо отстаивалась Бенжаменомъ Констаномъ свобода печати, какъ одной изъ главныхъ гарантій свободы личности, а для преступленій, совершаемыхъ путемъ печатнаго слова, онъ допускалъ только судъ присяжныхъ, какъ лучшую гарантію того, чтобы печать, дѣйствительно, пользовалась свободой.

Для того, чтобы такая свобода существовала въ обществѣ, прежде всего, по мнѣнію Бенжамена Констана, люди должны отказаться отъ понятія неограниченной верховной власти. Въ этомъ пунктѣ онъ особенно рѣзко критиковалъ „ложную метафизику“ Руссо, проповѣдовавшаго „суприматію общей воли надъ всякою частною волею“ [1]). „Когда говорятъ, писалъ Бенжаменъ Констанъ, что верховенство народа не ограничимо, то создаютъ и помѣщаютъ въ человѣческомъ обществѣ степень власти, которая слишкомъ обширна сама по себѣ, и которая есть зло, въ чьихъ бы рукахъ она ни находилась“. Онъ совершенно вѣрно усматривалъ ошибку людей, вслѣдствіе любви къ свободѣ передававшихъ державному народу неограниченную

[1]) См. выше, стр. 111—112.

власть, въ томъ, что, справедливо негодуя на злоупотребленія властью со стороны немногихъ или одного, они направляли это свое негодованіе противъ обладателей власти, а не противъ нея самой. „Вмѣсто того, чтобы ее разрушить, говоритъ Бенжаменъ Констанъ, они постарались только ее перемѣстить... Есть сторона человѣческаго бытія, которая, по необходимости, остается личной (individuelle) и независимой, и которая по праву не подлежитъ общественной компетенціи". Поэтому у него верховная власть вообще допускается „лишь въ ограниченномъ и относительномъ смыслѣ", и „власти должны быть поставлены границы справедливостью и правами отдѣльныхъ лицъ. Воля цѣлаго народа, прибавляетъ онъ, не можетъ сдѣлать справедливымъ то, что не справедливо", и „представители націи не имѣютъ право дѣлать то, чего не имѣетъ права дѣлать сама нація". На этой сторонѣ своего ученія Бенжаменъ Констанъ особенно настаивалъ, надѣясь, что въ концѣ концовъ его основная мысль сдѣлается общимъ достояніемъ: „разъ будетъ признано, что верховная власть не безпредѣльна, т.-е. что на землѣ не существуетъ безграничной власти, никто и никогда не станетъ требовать этой власти".

Итакъ, индивидуальная свобода—выше всего, а отсюда отрицаніе за кѣмъ бы то ни было, даже за цѣлымъ народомъ, права на неограниченную власть. Недостаточно было, однако, какъ это признавалъ самъ Бенжаменъ Констанъ, провозгласить принципъ, а нужно было еще найти такую организацію власти, при которой обладатели ея оставались бы въ извѣстныхъ границахъ, находя прямо невыгоднымъ для собственной же своей прочности ихъ переступать. Въ сущности, въ этомъ пунктѣ Бенжаменъ Констанъ приводитъ своего читателя къ теоріи Монтескье о раздѣленіи властей, какъ лучшей гарантіи свободы [1]). Только теоретикъ либерализма начала XIX в. насчитываетъ уже не три вида власти, какъ это было у Монтескье, а цѣлыхъ пять. Такое увеличеніе числа видовъ власти произошло потому, что Бенжаменъ Констанъ расчленилъ исполнительную власть на два отдѣльныхъ вида („королевскую" и „исполнительную") и прибавилъ ко всему этому еще особый видъ власти—„муниципальной".

Законодательную власть Бенжаменъ Констанъ въ своей политической теоріи переименовываетъ въ представительную,

---

[1]) См. выше, стр. 103—104.

причемъ онъ стоитъ за двухпалатную систему, т.-е. за существованіе одной палаты изъ наслѣдственныхъ членовъ [1]), другой—изъ выборныхъ депутатовъ. Повторяя въ этомъ отношеніи Монтескье, онъ, далѣе, вносилъ въ свою политическую теорію совершенно буржуазный оттѣнокъ, высказываясь за то, чтобы правомъ избранія представителей пользовались лишь обладатели земельной и промышленной собственности, которымъ, по его мнѣнію, досугъ, независимость и образованіе только и даютъ возможность дѣлать хорошій выборъ представителей. Правда, онъ не стоялъ за слишкомъ высокій имущественный цензъ, но все-таки допускалъ къ представительству лишь такихъ людей, которые могли бы обходиться безъ денежнаго вознагражденія (salaire) за свой трудъ, дабы плата депутатамъ не сдѣлалась главною приманкою сама по себѣ. Такъ какъ представительное собраніе должно выражать народныя нужды, то необходимо, чтобы ему принадлежало право законодательной иниціативы. Наконецъ, помня уроки революціи, Бенжаменъ требовалъ, чтобы депутаты не могли быть изгоняемы или исключаемы изъ собранія даже при согласномъ дѣйствіи всѣхъ властей, еще не узаконяющихъ своимъ согласіемъ нарушенія судебныхъ гарантій.

Только-что было сказано о расчлененіи у Бенжамена Констана монархической власти на двѣ: на „власть, какъ самъ онъ выражается, исполнительную, облеченную положительными прерогативами“, и „власть королевскую, которая, опять-таки по собственному его выраженію, покоится на воспоминаніяхъ и религіозныхъ преданіяхъ“. Именно, онъ находилъ нужнымъ существованіе особой силы, устанавливающей согласіе между исполнительною, представительною и судебною властями, притомъ находящейся внѣ этихъ трехъ властей и по отношенію къ нимъ занимающей нейтральное положеніе. Эту нейтральную власть онъ и видѣлъ въ „особѣ короля, окруженной воспоминаніями и традиціями и облеченной силою общественнаго мнѣнія“, въ которомъ имъ и усматривалась „основа политическаго значенія“ этой власти. Среди остальныхъ властей „король занимаетъ нейтральное и посредствующее положеніе безъ всякаго прямого интереса разстраивать равновѣсіе и, наоборотъ, имѣя интересъ его поддерживать“. Всю разницу между

---

[1]) Позднѣе (въ „Мемуарахъ о ста дняхъ“ въ 1829 г.) онъ высказался, впрочемъ, о непримѣнимости этой системы во Франціи.

абсолютною и конституціонною монархіями Бенжаменъ Констанъ полагалъ въ томъ, что во второй принимаются „извѣстныя предосторожности, чтобы королевская власть не могла дѣйствовать на другія власти. Права конституціоннаго монарха сводятся къ назначенію и смѣщенію исполнительной власти, къ санкціонированію постановленій представительнаго собранія, къ отсрочкѣ и роспуску собраній, къ назначенію судей, объявленію войны и заключенію мира, помилованію преступниковъ". Королевскому *veto* Бенжаменъ Констанъ, слѣдуя за Монтескье и Мирабо [1]), приписывалъ громадное значеніе: „Если, говоритъ онъ, не положить предѣловъ власти представителей народа, они уже не защитники свободы, а кандидаты въ тиранны", и „нація лишь тогда свободна, когда существуетъ сдержка для ея депутатовъ". Но королевское *veto* можетъ имѣть силу только по отношенію къ общей тенденціи собранія. Король можетъ его распустить, но подъ условіемъ новыхъ выборовъ; и въ данномъ случаѣ происходитъ лишь аппелляція къ правамъ народа во имя его интересовъ, конечно, подъ условіемъ свободы выборовъ, ибо безъ нея нѣтъ и представительной системы.

Признавая вмѣстѣ съ англійскимъ государственнымъ правомъ безотвѣтственность монарха, Бенжаменъ Констанъ передавалъ исполнительную власть отвѣтственнымъ министрамъ, распространяя принципъ отвѣтственности и на всѣхъ другихъ агентовъ администраціи, что, по его словамъ, особенно нужно было имѣть въ виду во Франціи. За министрами онъ признавалъ тоже право законодательной иниціативы, ибо у правительства есть свои нужды, и безъ такой иниціативы они были бы рабами. Въ особенности онъ настаивалъ на томъ, что „министры могутъ быть членами представительныхъ собраній, и члены этихъ собраній могутъ дѣлаться министрами, подчиняясь переизбранію" [2]), т.-е., говоря другими словами, былъ сторонникомъ парламентарнаго министерства. Въ этой системѣ онъ видѣлъ большія выгоды и даже высказывалъ ту мысль, что лишь она и сохранила англійскую конституцію. „Если члены представительныхъ собраній, говоритъ онъ, не будутъ имѣть возможности участвовать въ правительствѣ, какъ министры, нужно опасаться, чтобы они не стали смотрѣть на пра-

---

[1]) См. выше, стр. 106 и 188.

[2]) О значеніи переизбранія см. выше, стр. 69.

вительство, какъ на своего врага: соединяя лицъ, но не переставая различать власти, устанавливаютъ гармоническое правленіе, вмѣсто того, чтобы создавать два враждебныхъ лагеря".

Что касается судебной власти, то Бенжаменъ Констанъ требовалъ ея независимости и разсмотрѣнія всѣхъ уголовныхъ дѣлъ, не исключая и дѣлъ печати, только судомъ присяжныхъ.

Важную особенность политической теоріи Бенжамена Констана составляетъ указаніе на необходимость мѣстнаго самоуправленія: это-то и есть его „муниципальная" власть. Монтескье о ней молчалъ, требовали самоуправленія въ дореволюціонной Франціи д'Аржансонъ и Тюрго [1]), и конституція 1791 г. думала ее осуществить своею административною системою [2]). Не это, однако, утвердилось во Франціи, а самая страшная бюрократическая централизація. Любопытно, что во Франціи за нее въ эпоху реставраціи ухватилась либеральная буржуазія, опасаясь, что самоуправленіе послужитъ только на пользу представителямъ крупнаго землевладѣнія и реакціи. Аналогичное отношеніе къ централизаціи продолжало существовать и въ эпоху іюльской монархіи, и, напр., Тьеръ искренне былъ убѣжденъ въ томъ, что это — такая система, которой должна завидовать вся Европа. Давая мѣсто муниципальной власти въ своей теоріи, Бенжаменъ Констанъ дѣлалъ только логическій выводъ изъ своего основного принципа свободы для всѣхъ и во всемъ.

За установленными конституціонными властями во всей ихъ совокупности Бенжаменъ Констанъ не признавалъ той деспотической власти, какую Блэкстонъ приписывалъ англійскому парламенту [3]). Конституція должна была стоять выше конституціонныхъ властей, которыя сами существуютъ только въ силу конституціи. „Во время нашей революціи, говоритъ онъ,—наши правительства часто высказывали притязаніе на право нарушать конституцію ради ея спасенія", но конституціонное правительство тотчасъ же перестаетъ существовать, какъ только перестаетъ существовать конституція, а ея болѣе нѣтъ, разъ она нарушена. Конституціонными законами, въ отличіе отъ обыкновенныхъ, или простыхъ, онъ называлъ тѣ, въ силу которыхъ существуютъ сами власти, находя, однако, нужнымъ,

---

[1]) См. выше, стр. 118 и 120.

[2]) См. выше, стр. 189—190.

[3]) См. выше, стр. 77—78.

чтобы установленіе подробностей управленія совершалось свободнымъ дѣйствіемъ самихъ властей, т.-е., чтобы конституція ограничивалась только самыми необходимыми постановленіями и не заключала въ себѣ мелочей, которыя вѣчно потомъ нарушались бы. „Конституціи, по мнѣнію Бенжамена Констана, рѣдко создаются волею людей“, ибо „ихъ создаетъ время, и онѣ входятъ въ жизнь постепенно и незамѣтнымъ образомъ“. Указывая на это, онъ, впрочемъ, оговаривался, что бываютъ обстоятельства,—и Франція именно находилась въ подобномъ положеніи въ 1814 г.,—которыя дѣлаютъ неизбѣжнымъ созданіе конституціи, но и въ подобнаго рода случаяхъ онъ рекомендовалъ ограничиваться самымъ необходимымъ и существеннымъ, предоставляя выработку деталей времени и жизненной практикѣ народа, лишь бы не нарушались принципы личной неприкосновенности, свободнаго проявленія мысли, народнаго представительства и независимости судебной власти.

Издавая незадолго до своей смерти сборникъ статей подъ заглавіемъ „Mélanges de littérature et de politique“ (1829), Бенжаменъ Констанъ въ полномъ соотвѣтствіи съ фактической истиной писалъ, что „цѣлыя сорокъ лѣтъ защищалъ одно и то же, а именно—свободу, свободу во всемъ: въ религіи, въ философіи, въ литературѣ, въ промышленности, въ политикѣ“, понимая свободу, какъ „торжество личности надъ властью, желающею управлять посредствомъ насилія, и надъ массами, предъявляющими со стороны большинства право подчиненія себѣ меньшинства“. Но въ этой формулировкѣ именно и заключалась основная идея чистаго либерализма.

Другимъ яркимъ и популярнымъ политическимъ писателемъ разсматриваемой эпохи былъ Іеремія Бентамъ, въ которомъ мы должны признать главнаго идеолога демократической партіи въ Англіи. Его сочиненія переводились на французскій языкъ, что особенно способствовало ихъ распространенію и внѣ родины ихъ автора.

Бентамъ выступилъ на литературное поприще еще въ 1776 г. съ анонимнымъ „Fragment of governement“, гдѣ подвергъ довольно-таки ѣдкой критикѣ сочиненіе Блэкстона о „счастливой конституціи“ Англіи, а потомъ, въ 1780 г., онъ изложилъ основы своего нравственнаго и общественнаго міросозерцанія во „Введеніи къ основамъ морали и законодательства“ (Introduction of moral and legislation). Французская революція заставила Бентама поднять цѣлый рядъ вопросовъ,

разрѣшеніемъ которыхъ онъ занялся въ такихъ сочиненіяхъ, какъ „Опытъ о политической тактикѣ“ (Essay on political tactics) и особый трудъ, посвященный организаціи во Франціи судебной власти (On the cod for the organisation of the judicial establishment of France), за что законодательное собраніе дало ему почетное право французскаго гражданства. На родинѣ въ это время онъ оставался сравнительно мало извѣстнымъ и не пользовался большимъ вліяніемъ, тогда какъ на материкѣ, благодаря французскимъ переводамъ его сочиненій, сдѣланнымъ Дюмономъ, онъ пріобрѣлъ громадную популярность (между прочимъ, и въ русскомъ обществѣ при Александрѣ I).

Исходя, какъ и громадное большинство политическихъ писателей XVIII в. изъ раціоналистическихъ основаній, Бентамъ отвергалъ, однако, ученіе Руссо съ его идеалистическимъ принципомъ естественнаго права, замѣнивъ послѣдней реалистическимъ принципомъ общей пользы, который онъ заимствовалъ у одного изъ французскихъ же „философовъ“ XVIII в., Гельвеція, автора книги „De l'esprit“ (1758). Принципіальный врагъ всякой метафизики, онъ считалъ идею естественнаго права совершенно ложною и, вдобавокъ, вредною. Съ этой точки зрѣнія онъ даже подвергъ, въ своихъ „Анархическихъ софизмахъ“, весьма суровой критикѣ декларацію правъ человѣка и гражданина, говоря что никогда никакихъ такихъ правъ не существовало, что они не совмѣстимы ни съ какимъ государственнымъ устройствомъ, что требованіе ихъ равносильно проведенію въ жизнь анархическихъ стремленій, и что признаніе ихъ могло бы только сбить съ толку и законодательную, и исполнительную, власть. Собственная философія Бентама вытекала изъ того положенія, что руководящіе мотивы человѣческой дѣятельности слѣдуетъ искать въ удовольствіи и страданіи, въ стремленіи людей къ первому, въ отвращеніи ихъ отъ второго. „Природа, писалъ Бентамъ, поставила человѣка подъ власть удовольствія и страданія. Имъ мы обязаны всѣми нашими понятіями; къ нимъ мы относимъ всѣ наши сужденія, всѣ дѣйствія нашей жизни. Эти вѣчныя и неодолимыя чувства должны быть главнымъ предметомъ моралиста и законодателя. Начало пользы все подчиняетъ этимъ двумъ побужденіямъ“. Извѣстно, что въ исторіи теорій нравственности Бентамъ прославился, какъ основатель утилитаризма, ученія, сводящаго моральное къ полезному: этотъ же самый принципъ пользы онъ

положилъ и въ основу своего общественнаго міросозерцанія. „Общее счастье, признавалъ онъ, должно быть цѣлью законодателя; общая польза должна быть основаніемъ сужденій о законодательствѣ“. Другими словами, онъ находилъ что дѣйствіе должно „считаться хорошимъ или дурнымъ и заслуживать похвалы или порицанія соразмѣрно съ его стремленіемъ увеличить или уменьшить сумму общественнаго счастья“. Съ теченіемъ времени слишкомъ неопредѣленное и растяжимое понятіе общей пользы Бентамъ замѣнилъ болѣе точной формулой „наибольшаго счастья наибольшаго количества людей“ или, еще позднѣе, принципомъ максимаціи счастья, т.-е. доведенія его до высшей степени гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было.

Этотъ бентамовскій принципъ „наибольшаго счастья наибольшаго количества людей“ по существу своему глубоко демократиченъ. Подъ вліяніемъ его разработки самъ Бентамъ долженъ былъ притти къ демократическому выводу, который онъ и сдѣлалъ въ своихъ, изданныхъ въ 1882 г., „Руководящихъ началахъ для конституціоннаго кодекса, приложимаго ко всякому государству“. Основная мысль этого трактата явствуетъ изъ слѣдующаго заявленія самого автора: „Числительный алфавитъ служилъ мнѣ руководителемъ, и имъ я измѣрялъ ту степень покровительства, которую мой кодексъ оказываетъ людямъ. Мнѣ показалось, что два человѣка имѣютъ вдвое болѣе права на это покровительство, чѣмъ одинъ, три—втрое, четыре—вчетверо и т. д. Отсюда я заключилъ, что главнымъ предметомъ моей заботы должны быть масса гражданъ и безопасность и благосостояніе цѣлаго народа“. Конечно, это была чисто демократическая идея, но изъ принципа тѣмъ бо́льшаго оказыванія покровительства, чѣмъ на бо́льшое количество лицъ оно можетъ распространиться, Бентамъ, раздѣляя въ этомъ отношеніи воззрѣнія другихъ либераловъ эпохи,—отнюдь не дѣлалъ вывода въ смыслѣ необходимости государственнаго вмѣшательства въ экономическія отношенія гражданъ. Благотворительныя мѣропріятія казались ему обложеніемъ труда въ пользу лѣни, вообще же, онъ раздѣлялъ ходячій въ то время взглядъ, что личный интересъ лучше всего можетъ регулировать—ко всеобщему благополучію—всѣ отношенія экономическаго характера.

Каждый человѣкъ, училъ Бентамъ, стремится къ личному счастью, и потому главный предметъ заботы человѣка, это—онъ

самъ, вслѣдствіе чего собственный интересъ для него важнѣе какихъ-бы то ни было другихъ интересовъ. Это, по мнѣнію Бентама, отнюдь не можетъ препятствовать добродѣтели, ибо, спрашиваетъ онъ, что такое общее благо, какъ не простая сумма индивидуальныхъ благъ? Человѣкъ служитъ другому человѣку лишь постольку, поскольку находитъ въ этомъ выгоду для себя, и есть масса случаевъ, гдѣ людская солидарность сама по себѣ выгодна для всѣхъ. Единственнымъ компетентнымъ судьей своей собственной пользы можетъ быть только самъ человѣкъ, а потому и слѣдуетъ предоставить человѣку, достигшему извѣстнаго возраста и находящемуся въ здравомъ умѣ, свободу сужденія и дѣйствія во всѣхъ вопросахъ, касающихся его собственной пользы. Эти общія соображенія о невмѣшательствѣ государства во взаимныя отношенія гражданъ Бентамъ развилъ въ примѣненіи къ денежному росту, запрещавшемуся старымъ законодательствомъ, написавъ въ защиту его особое сочиненіе (Defence of usury).

Какъ теоретикъ демократическаго государства, Бентамъ рѣзко отличался отъ Руссо не только тѣмъ, что отрицалъ идею естественнаго права и во главу угла ставилъ сохраненіе наибольшей индивидуальной свободы, но и тѣмъ, что былъ защитникомъ представительной системы. „Вездѣ, находилъ онъ, за исключеніемъ хорошо устроенной представительной демократіи, немногіе правящіе и имѣющіе вліяніе суть враги многихъ, состоящихъ въ подчиненіи, враги въ мысляхъ такъ же, какъ и въ дѣйствіяхъ. И по самой природѣ человѣка, прибавлялъ Бентамъ, пока правительство, каково бы оно ни было, не уступитъ мѣсто представительной демократіи, они останутся вѣчными и непримиримыми врагами“. Признавая верховенство за народомъ и потому отрицая раздѣленіе властей, только ограничивающее верховную власть народа, которая притомъ и не имѣетъ прямого отношенія къ наибольшему счастью наибольшаго количества людей,—Бентамъ оставлялъ непосредственно въ рукахъ народа лишь учредительную власть, дабы все остальное дѣлалось посредствомъ повѣренныхъ народа. Выборы должны были быть, по его теоріи, всеобщими, тайными, для всѣхъ равными и происходить ежегодно, причемъ Бентамъ не находилъ никакихъ основаній, кромѣ предразсудка, лишать избирательныхъ правъ и женскій полъ, тѣмъ болѣе, что. быть можетъ, женщины нуждаются еще въ бо́льшей защитѣ, чѣмъ мужчины. Въ этомъ демократическомъ на-

правленіи онъ агитировалъ и за парламентскую реформу. Онъ вооружался и противъ двухпалатной системы, находя, что собраніе, выбираемое и смѣняемое большинствомъ гражданъ, не должно встрѣчать помѣхи со стороны собранія, не зависящаго отъ этого большинства. Такой же радикальный выводъ дѣлался Бентамомъ и по отношенію къ королевской власти.

Нѣтъ надобности долго останавливаться на выясненіи разницы между взглядами Бенжамена Констана и Бентама. Если грубо подвести политическіе принципы, высказанные обѣими писателями, подъ категоріи „свободы" и „равенства", то у перваго изъ нихъ мы найдемъ наибольшее количество аргументовъ въ пользу свободы, у другого—въ пользу равенства. Мы увидимъ еще, что во Франціи сразу явилось нѣсколько демократическихъ писателей, которые готовы были во имя равенства жертвовать свободою; конечно, Бентамъ былъ далекъ отъ чего бы то ни было подобнаго, да и странно было бы въ Англіи встрѣтить со стороны какого-либо виднаго дѣятеля антииндивидуалистическую проповѣдь. Напротивъ, Бентамъ былъ типичнѣйшимъ индивидуалистомъ и въ морали, и въ политикѣ, и въ экономикѣ, выводя всю нравственность изъ стремленія человѣка къ личному счастью, отрицая государственное вмѣшательство въ частную жизнь, а съ нею и въ экономическую дѣятельность общества и защищая какъ полную свободу и неприкосновенность частной собственности, такъ и право каждаго безпрепятственно осуществлять свой хозяйственный интересъ. Въ послѣднемъ отношеніи характерно для Бентама и то, что онъ написалъ особый трактатъ въ защиту отдачи денегъ въ ростъ. Съ глубокимъ индивидуализмомъ Бентамъ соединялъ широкій демократизмъ, составлявшій его отличительную черту въ эпоху, когда съ точки зрѣнія свободы другіе политическіе писатели относились къ демократіи недовѣрчиво. Мы уже знаемъ чѣмъ вызвано было это недовѣріе во Франціи [1]), и оно-то отразилось на политической теоріи Бенжамена Констана, какъ друга свободы, боявшагося, что народныя массы, не дорожа ею, не съумѣютъ ее защищать и даже, въ случаѣ чего, готовы будутъ принести ее въ жертву. Конечно, у многихъ представителей французскаго либерализма, въ этомъ отношеніи стоявшихъ на точкѣ зрѣнія англійскихъ виговъ, недовѣріе къ де-

---

[1]) См. выше, стр. 165, 258—259 и др.

мократіи шло и изъ другого источника, т.-е. изъ чисто классового чувства, подсказывавшаго имъ желаніе не дѣлиться властью съ общественными элементами, у которыхъ были противоположные соціально-экономическіе интересы, но не у чистыхъ идеологовъ либерализма, не у искреннихъ друзей свободы. Вообще, они видѣли, что далеко не всегда свобода держится равенствомъ, и равенство не всегда влечетъ за собою свободу, что, напротивъ, очень часто при свободѣ нѣтъ равенства, какъ при равенствѣ нѣтъ свободы, и что, слѣдовательно, свобода и равенство были какъ-бы не совмѣстимы, а потому между ними приходилось выбирать. Главнымъ аргументомъ такого пониманія взаимныхъ отношеній свободы и равенства была ссылка на демагогическую диктатуру якобинцевъ и на демократическій цезаризмъ Наполеона, но противъ этого взгляда зато говорила вся политическая жизнь Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, гдѣ не только уживались между собою, но и другъ друга поддерживали величайшая свобода съ величайшимъ равенствомъ.

Среди молодого поколѣнія, едва достигшаго гражданскаго совершеннолѣтія въ послѣдніе годы реставраціи, былъ одинъ будущій писатель, публицистъ и историкъ, который нарочно предпринялъ въ тридцатыхъ годахъ путешествіе въ Соединенные Штаты, чтобы на мѣстѣ изучить, какъ происходитъ тамъ это сочетаніе свободы и равенства, казавшееся многимъ его современникамъ неосуществимымъ. Это былъ Алексисъ Токвиль, съ молодыхъ лѣтъ до конца жизни остававшійся прежде всего вѣрнымъ другомъ свободы, именно той личной свободы, которая была исходнымъ пунктомъ всего политическаго ученія либераловъ. Человѣкъ аристократическаго происхожденія и воспитанія, онъ тѣмъ менѣе былъ склоненъ къ какому бы то ни было демократизму, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ видѣлъ, что демократія представляетъ собою историческую неизбѣжность, и потому его сильно волновалъ вопросъ о судьбѣ свободы въ будущемъ демократическомъ государствѣ. Онъ и поѣхалъ въ Америку, чтобы изучить тамошнюю свободную демократію, тамошнюю демократическую свободу, сочетаніе широкой личной независимости съ широкимъ политическимъ равенствомъ, даже съ народовластіемъ, признававшимся либералами его родины страшною опасностью для свободы. Результатомъ этой поѣздки Токвиля была его знаменитая книга „Демократія въ Америкѣ“,

сдѣлавшая своего автора однимъ изъ авторитетовъ въ области политики для его современниковъ.

Токвиль указывалъ въ „Демократіи въ Америкѣ“ [1]) на „великій демократическій переворотъ, совершающійся между нами“, называя его „самымъ непрерывнымъ и постояннымъ изъ фактовъ, извѣстныхъ въ исторіи“. „Можно ли думать, спрашиваетъ онъ, что, разрушивши феодальный строй и побѣдивши королей, демократія отступитъ передъ буржуазіей и богатымъ классомъ“? Конечно, нѣтъ, и, по мнѣнію Токвиля, люди, понимающіе неизбѣжность демократіи, обязаны заранѣе позаботиться о томъ, чтобы надлежащимъ образомъ направить это движеніе для устраненія заключающихся въ немъ опасностей. „Демократическая революція, говоритъ онъ, произошла въ составѣ общества, а между тѣмъ ни въ законахъ, ни въ понятіяхъ, ни въ нравахъ и обычаяхъ не произошло перемѣны, необходимой для того, чтобы сдѣлать эту революцію полезной“. Не считая себя противникомъ этого переворота, онъ предоставлялъ говорить о приносимыхъ имъ благахъ другимъ, взявъ на себя разсмотрѣніе опасностей, сопряженнымъ съ торжествомъ демократіи надъ ея врагами. Для современныхъ европейскихъ націй Токвиль считалъ возможными въ будущемъ „или демократическую свободу, или тираннію цезарей“, и въ послѣдней для него заключалась великая опасность, относительно которой онъ и предостерегалъ общество.

По его мнѣнію, не только лучшимъ, но прямо единственнымъ средствомъ быть свободными является „постепенное развитіе демократическихъ учрежденій и нравовъ“. Если при общемъ стремленіи къ равенству „скоро не будетъ ничего средняго между господствомъ демократіи и владычествомъ одного“, то „не лучше ли предоставить уравнивать себя свободѣ, чѣмъ деспоту? Я предвижу, прибавляетъ Токвиль, что если намъ не удастся основать у себя мирное господство большинства, мы рано или поздно придемъ къ неограниченному господству одного“. Токвиля пугало то явленіе, что въ европейскихъ государствахъ происходило усиленіе государственной власти, хотя бы сами правительства при этомъ становились менѣе прочными. Пока демократическая революція боролась со старымъ порядкомъ, она была сильно проникнута духомъ независимости, но по

---

[1]) Рус. пер. 1897 г. Большія выдержки въ гл. XII пятаго тома „Исторіи Западной Европы“.

мѣрѣ того, какъ побѣда равенства дѣлалась болѣе полною, люди усиливали и централизовали общественную власть: „они хотѣли быть свободными для того, чтобы сдѣлаться равными, и по мѣрѣ того, какъ равенство все болѣе утверждалось посредствомъ свободы, оно же затрудняло для нихъ пользованіе свободою“. Исторія Франціи конца XVIII и начала XIX в. показала міру примѣръ „и того, какимъ способомъ пріобрѣтается независимость, и того, какъ она теряется“. Токвиль поэтому выражалъ сильное опасеніе, что „когда кончатся эти волненія, колеблющія троны, верховные правители окажутся еще сильнѣе, чѣмъ они были доселѣ“. Дѣло въ томъ, что демократическія учрежденія сами по себѣ далеко не являются гарантіей политической свободы, если съ ними не соединены весьма важныя условія, которыя только и создаютъ и поддерживаютъ свободу при какомъ бы то ни было строѣ. У себя на родинѣ Токвиль не находилъ этихъ условій, но зато нашелъ ихъ въ Сѣверной Америкѣ, демократію которой описалъ въ своей книгѣ. Однимъ изъ главныхъ тезисовъ этого труда и было признаніе того, что понятія равенства и свободы не совпадаютъ, и что потому демократическое равенство во власти отнюдь не есть еще истинная основа политической свободы [1]). Для того, чтобы свобода и равенство соприкасались и сливались воедино, нужны особыя условія, которыя парализовали бы дѣйствіе причинъ, во всѣ времена побуждающихъ людей ставить равенство выше свободы, и дѣйствіе причины, особенно обнаруживающейся въ наше время, когда люди, разрушивъ старое неравенство, „бросаются на равенство, какъ на добычу, и привязываются къ нему, какъ къ сокровищу, у нихъ теперь отнимаемому“. Своихъ современниковъ Токвиль характеризовалъ, какъ людей, желающихъ равенства при свободѣ, но готовыхъ его имѣть и въ рабствѣ, разъ желаніе ихъ не осуществимо.

Самымъ важнымъ условіемъ для сочетанія демократическаго равенства съ политической свободой Токвиль считалъ въ Америкѣ отсутствіе централизаціи. Онъ былъ принципіальнымъ противникомъ централизаціи, господствовавшей на его родинѣ. „Между всѣми видами свободы, говоритъ онъ,—свобода общины, такъ трудно устанавливаемая, есть въ то же время и наиболѣе подверженная вмѣшательству власти. Предоставленныя са-

[1]) Ср. различіе у Монтескье между властью народа и свободою народа (стр. 102).

мимъ себѣ, общинныя учрежденія совершенно не могли бы бороться съ сильнымъ и предпріимчивымъ правительствомъ. Чтобы успѣшно защищаться, имъ необходимо достичь полнаго развитія и войти въ народныя понятія и привычки". Отсюда онъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что общинную свободу легко уничтожить, пока она не вошла въ нравы, но, оговаривается Токвиль, „войти въ нравы она можетъ лишь тогда, когда она уже давно существовала въ законахъ". Онъ готовъ былъ допустить, что „безъ общинныхъ учрежденій нація можетъ дать себѣ правительство, но въ ней не будетъ духа свободы", и „деспотизмъ, вогнанный внутрь общественнаго организма, рано или поздно проявится наружу". Что касается до происхожденія общинной свободы въ Америкѣ, то Токвиль видѣлъ его въ принятомъ этою страною догматѣ народовластія, но совсѣмъ не въ томъ его пониманіи, какое было у Руссо. Только въ томъ, по его словамъ, что касается взаимныхъ отношеній гражданъ, отдѣльный гражданинъ становится въ положеніе подданнаго, во всемъ же остальномъ, что касается только его самого, онъ остается господиномъ. „Каждый отдѣльный человѣкъ есть лучшій и единственный судья своихъ частныхъ интересовъ", и „общество лишь тогда имѣетъ право направлять его дѣйствія, когда отъ этихъ дѣйствій оно чувствуетъ для себя ущербъ, или когда оно имѣетъ нужду въ его помощи". Это разсужденіе о свободѣ отдѣльнаго гражданина Токвиль примѣнялъ и къ общинѣ, какъ къ цѣльной единицѣ, взятой въ ея отношеніи къ центральному правительству. Свободная общинная жизнь—лучшая школа политической свободы, это тоже былъ одинъ изъ основныхъ тезисовъ Токвиля.

Кромѣ централизаціи, свободѣ въ демократіяхъ грозитъ господство большинства, внѣ котораго, однако, „въ демократіяхъ нѣтъ ничего устойчиваго". Самъ Токвиль считалъ „нечестивымъ и отвратительнымъ то правило, что въ дѣлѣ управленія большинство можетъ дѣлать все, что вздумается", и однако, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ видѣлъ въ волѣ большинства источникъ всякой власти. Не вѣря въ такъ называемое смѣшанное правленіе, и потому полагая, что верховная власть должна же гдѣ-нибудь пребывать, онъ находилъ весьма опаснымъ для свободы, когда эта власть не встрѣчаетъ передъ собою никакихъ препятствій, которыя могли бы задержать ея ходъ и дать ей время умѣрить самоё себя. Всемогущество казалось Токвилю по существу своему „дѣломъ нехорошимъ и опаснымъ".

Онъ, по собственнымъ его словамъ, не находилъ „на землѣ такой власти,—какъ бы она ни была достойна уваженія сама по себѣ и какими бы священными правами она ни была облечена“,—которой бы онъ „пожелалъ предоставить возможность дѣйствовать безконтрольно и господствовать безпрепятственно“, будетъ ли то народъ или король, демократія или аристократія, ибо въ такой власти—„зародышъ тиранніи“. Общинныя учрежденія умѣряютъ деспотизмъ большинства, давая въ то же время людямъ склонность къ свободѣ и умѣніе быть свободными. Кромѣ этого условія, поддерживающаго свободу въ американской демократіи, Токвиль указывалъ на ея федеративную форму и на своеобразное устройство въ ней судебной власти [1]).

Одну изъ опасностей для свободы въ демократіяхъ Токвиль видѣлъ еще въ воинственномъ настроеніи, которое ими овладѣваетъ. Онъ признавалъ, что сами по себѣ демократическіе народы хотятъ мира, но не то думалъ онъ о демократическихъ арміяхъ, стремящихся къ войнѣ. „Военные перевороты, говоритъ Токвиль, почти никогда не бываютъ страшны для аристократій, но демократическимъ народомъ всегда приходится ихъ опасаться“.

Какъ одно изъ частныхъ мнѣній автора „Демократіи въ Америкѣ“, отмѣтимъ его опасенія, какъ бы крупная промышленность, концентрируя рабочій классъ, не повлекла за собою такого правительственнаго надъ нимъ надзора, который только чрезмѣрно расширитъ сферу дѣятельности правительства. Съ другой стороны, развитіе промышленности требуетъ постройки и улучшенія дорогъ, каналовъ, портовъ, а все это—только новые поводы для государства расширять сферу своей дѣятельности, перспектива, которая заставляла Токвиля и тутъ опасаться за свободу.

Нельзя не прибавить, что многія опасенія, высказанныя Токвилемъ во времена іюльской монархіи, сбылись послѣ революціи 1848 г., когда „демократическая свобода“ второй республики уступила мѣсто „тиранніи цезаря“ въ лицѣ Наполеона III, обстоятельство, которое заставило Токвиля написать одно изъ глубокомысленнѣйшихъ историческихъ сочиненій XIX в., знаменитую книгу о „Старомъ порядкѣ и революціи“: въ ней ставится вопросъ, почему французы не пріобрѣли свободы, и рѣшается этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что

---

[1]) См. выше, стр. 144—146.

старый порядокъ могъ воспитать въ нихъ только чувство равенства, но не могъ создать въ нихъ ни настроеній, ни привычекъ, необходимыхъ для политической свободы.

Токвиль принадлежалъ уже къ тому поколѣнію, которому пришлось дѣйствовать послѣ іюльской революціи, но его основные взгляды стоятъ въ тѣсной связи со всѣми главными идеями и опасеніями либерализма еще двадцатыхъ годовъ XIX в. Возвращаясь къ этому направленію, какъ оно сложилось къ концу эпохи реставраціи, мы должны теперь дать общую характеристику, рядомъ съ политическимъ либерализмомъ, и либерализма экономическаго. Вообще, въ развитіи идеи личной свободы замѣчается нѣкоторая послѣдовательность и преемственность сферъ, по отношенію къ которымъ провозглашался и утверждался принципъ свободы. Ранѣе всего это была сфера религіи, и личная свобода мыслилась тогда, главнымъ образомъ, какъ свобода совѣсти [1]). Въ эпоху декларацiи правъ человѣка и гражданина во Франціи, а въ Америкѣ и раньше того, была провозглашена и свобода личности по отношенію къ государству. Власть, вмѣшательству которой былъ поставленъ предѣлъ по отношенію къ вѣрѣ, должна была признать за личностью и другія права, ограждавшія ее отъ тиранніи и произвола. Однимъ изъ частныхъ случаевъ этого невмѣшательства было то, которое должно было простираться и на область экономическихъ отношеній. Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ XIX в. особенно энергично велась проповѣдь промышленной свободы, свободной торговли, правительственнаго невмѣшательства въ хозяйственную жизнь населенія, и это былъ спеціально экономическій либерализмъ, который мы находимъ одинаково и у такихъ политическихъ писателей, какъ Бенжаменъ Констанъ или Бентамъ, и у современныхъ имъ экономистовъ. Политическій и экономическій либерализмы такъ тѣсно переплетались одинъ съ другимъ, что когда противъ промышленной свободы началась реакція, то со стороны ея противниковъ нерасположеніе къ индивидуализму стало переноситься изъ экономической сферы, гдѣ оно зародилось, и въ сферу политическую, что и привело къ нѣкоторымъ ученіямъ эгалитаризма, усматривавшимъ въ личной свободѣ источникъ чуть не всякаго общественнаго зла. Настоящую главу мы и закончимъ разсмотрѣніемъ экономическаго либерализма.

---

[1]) См. выше, стр. 31—32, 90 133 и др.

Мы видѣли [1]), что уже физіократы въ своей оппозиціи противъ устарѣлыхъ экономическихъ формъ, поддерживавшихся законодательствомъ, и противъ правительственной опеки, соединенной съ мелочнымъ вмѣшательствомъ и безграничнымъ произволомъ, проповѣдовали идею „естественнаго порядка" экономической жизни, устанавливаемаго „властью природы", ожидая отъ господства этого естественнаго порядка гармоніи интересовъ. Основатель классической школы политической экономіи, Адамъ Смитъ, находившійся подъ весьма сильнымъ вліяніемъ многихъ физіократическихъ взглядовъ, въ своемъ „Опытѣ о богатствѣ народовъ" (1776) стоялъ на той же точкѣ зрѣнія экономической свободы. Если въ своей „Теоріи нравственныхъ чувствъ" (1759) онъ выводилъ мораль изъ симпатіи, т.-е. изъ любви къ ближнему, столь противоположной эгоизму, то для объясненія хозяйственной дѣятельности человѣка онъ какъ-разъ бралъ себялюбіе человѣка за исходный пунктъ своихъ разсужденій, ибо вся хозяйственная дѣятельность личности, дѣйствительно, прежде всего направляется стремленіемъ къ матеріальному благосостоянію. Усвоивъ ходячее въ XVIII вѣкѣ представленіе о мудрости природы, невидимою рукою направляющей всѣхъ къ благу, лишь бы своимъ неумѣлымъ вмѣшательствомъ человѣкъ его не портилъ, Адамъ Смитъ рисовалъ себѣ весь міръ народнаго хозяйства, какъ основанный на нѣкоторомъ внутреннемъ порядкѣ, который самъ собою, безъ вмѣшательства государственной власти, создаетъ гармонію между усиліями отдѣльныхъ лицъ, разъ имъ только предоставлена свобода безпрепятственно проявлять свои стремленія и достигать своихъ цѣлей. По его представленію, мудрая природа вкладываетъ въ каждое человѣческое существо стремленіе къ улучшенію своего матеріальнаго быта, вслѣдствіе чего въ своей хозяйственной жизни люди прежде всего добиваются выгоды, т.-е. наибольшихъ результатовъ при наименьшей затратѣ труда и средствъ. Самъ человѣкъ — наилучшій судья того, что ему выгодно, а потому какая бы то ни было внѣшняя регламентація его дѣятельности излишня. Поведеніе человѣка, руководимое хозяйственнымъ расчетомъ, по мнѣнію Адама Смита, выгодно и для всего общества, ибо та же „невидимая рука" наилучшимъ образомъ согласуетъ интересы отдѣльныхъ лицъ и создаетъ изъ видимой борьбы этихъ инте

[1]) См. выше, стр. 122 и слѣд.

ресовъ дѣйствительную ихъ гармонію. Каждый человѣкъ лучше всякаго законодателя знаетъ, что ему нужно, вслѣдствіе чего государственное вмѣшательство оказывается или безполезнымъ, или вреднымъ.

Такова была теорія, въ практической же своей экономикѣ Адамъ Смитъ принималъ во вниманіе интересы морали, воспитанія, политики и т. п., тогда какъ многіе его послѣдователи придали безусловное значеніе, какого у Адама Смита совсѣмъ не было, положеніямъ, будто хозяйственный интересъ есть единственный и исключительный мотивъ человѣческой дѣятельности, и будто безграничная хозяйственная свобода человѣка есть единственное и исключительное средство бороться съ бѣдствіями, удручающими человѣчество въ его матеріальной жизни. Эти положенія поддерживались, однако, даже тогда, когда въ теоріи естественной гармоніи интересовъ пробиты были бреши. Одна изъ нихъ сдѣлана была еще въ 1798 г. „Опытомъ о народонаселеніи" Мальтуса, написаннымъ въ опроверженіе „Изслѣдованія о политической справедливости" (1793) Годвина, находившаго причину матеріальныхъ бѣдствій въ дурномъ устройствѣ общества, при которомъ матеріальныя блага неправильно распредѣляются. Мальтусъ возражалъ въ томъ смыслѣ, что дѣло тутъ не въ дурномъ общественномъ устройствѣ, а въ законѣ природы, съ которымъ ничего не подѣлаешь: законъ этотъ въ томъ, что народонаселеніе растетъ въ геометрической прогрессіи, а средства для существованія— только въ ариѳметической. Другую брешь въ теоріи гармоніи интересовъ пробилъ Рикардо своимъ сочиненіемъ „Принципы политической экономіи и налоговъ", гдѣ формулировалъ свой „желѣзный законъ заработной платы": каждый продуктъ, являющійся результатомъ затраты капитала и труда, раздѣляется между представителями того и другого такимъ образомъ, что чѣмъ меньше получаетъ одинъ, тѣмъ больше остается на долю другого, а потому разъ существуетъ извѣстная степень производительности труда, прибыль капиталиста ничѣмъ уменьшена быть не можетъ, кромѣ одного только увеличенія рабочей платы, какъ, съ другой стороны, нѣтъ никакихъ средствъ повысить прибыль, помимо пониженія рабочей платы. Оба „закона", т.-е. и „законъ" Мальтуса, и „законъ" Рикардо разрушали теорію гармоніи интересовъ, но это не оказывало никакого вліянія на принципъ невмѣшательства. Напротивъ, для послѣдняго усматривалось новое основаніе: про-

тивъ законовъ природы ничего не подѣлаешь. Рикардо даже попрежнему продолжалъ утверждать, что преслѣдованіе индивидуальной пользы удивительно какъ совпадаетъ съ пользою всѣхъ. Но особенно обобщилъ и возвелъ въ основной принципъ идею невмѣшательства французскій послѣдователь англійской школы Жанъ-Батистъ Сэй, авторъ „Трактата политической экономіи“ (1803) и „Полнаго курса практической политической экономіи“ (1828). Въ Англіи около того же времени образовалась цѣлая школа политической экономіи, получившая названіе „манчестерской“, которая прямо сдѣлала изъ идеи государственнаго невмѣшательства въ экономическую дѣятельность свой главный и основной догматъ.

Политическіе писатели эпохи раздѣляли подобныя воззрѣнія, ставя, какъ мы видѣли [1]), въ перечисленіи свободъ, рядомъ со свободой совѣсти, мысли, печати и т. п., и свободу промышленности. Въ дополненіе къ тому, что у насъ уже было приведено по этому поводу изъ взглядовъ Бенжамена Констана, приведемъ еще нѣкоторыя его соображенія.

Мы уже знаемъ, съ какой точки зрѣнія Бенжаменъ Констанъ возставалъ противъ всякихъ запрещеній и монополій (между прочимъ, и цеховыхъ), равно какъ противъ всякихъ поощреній, находя ихъ несправедливыми и нелѣпыми, такъ какъ, именно, они создаютъ препятствія для свободной конкурренціи, этого наиболѣе дѣйствительнаго средства совершенствованія всѣхъ производствъ. Бенжаменъ Констанъ высказывался и противъ регламентаціи заработной платы, которая въ былыя времена всегда имѣла въ виду ея пониженіе. „Не думайте, говоритъ онъ, будто установленіе заработной платы нужно для того, чтобы подавлять чрезмѣрную требовательность работниковъ и вздорожаніе рабочихъ рукъ. Бѣдность имѣетъ очень скромныя желанія. Развѣ простой голодъ не заставляетъ рабочаго, оставивъ въ сторонѣ всякія разсужденія о своихъ правахъ, продавать свое время и свои силы ниже дѣйствительной ихъ стоимости? Къ чему регламентація, когда сама природа вещей устанавливаетъ законъ безъ какихъ бы то ни было прижимокъ и насилія?“ Съ точки зрѣнія интересовъ потребителей она тоже не нужна: „между публикой и рабочимъ существуетъ безжалостный классъ хозяевъ. Насколько лишь возможно, онъ даетъ наименьшую плату и стремится получать какъ можно

---

[1]) См. выше, стр. 273.

больше, извлекая одновременно выгоду и изъ нуждъ рабочаго класса, и изъ потребностей зажиточной части общества. Есть вѣчная причина равновѣсія между цѣною и стоимостью труда, причина, дѣйствующая безъ принужденія и такъ, чтобы всѣ расчеты были благоразумны, и всѣ интересы удовлетворены. Эта причина заключается въ конкурренціи, а ее-то и отвергаютъ". Въ числѣ аргументовъ противъ поощреній Бенжаменъ Констанъ указывалъ на то, что они убиваютъ предпріимчивость населенія и заставляютъ его слишкомъ полагаться на правительственную помощь. Каждый лучше другихъ знаетъ собственный свой интересъ. „Истинное поощреніе для всѣхъ родовъ труда заключается въ потребности, какую въ немъ чувствуютъ. Достаточно одной свободы, чтобы поддерживать ихъ всѣ въ спасительной и надлежащей пропорціи". По мнѣнію Бенжамена Констана, писатели, указывавшіе на бѣдственное положеніе трудящихся классовъ общества при произвольныхъ правительствахъ, напрасно думали, что прямымъ дѣйствіемъ власти можно было бы облегчить ихъ положеніе: причина бѣдствія—въ дурномъ политическомъ устройствѣ, лекарство — только въ свободѣ и справедливости.

Это было искреннее мнѣніе французскаго либерала, думавшаго, что и противъ экономическихъ неустройствъ общества лучшее лекарство — все та же свобода, „свобода во всемъ", какъ выражается Бенжаменъ Констанъ въ другомъ мѣстѣ [1]). Во всякомъ случаѣ не классовая точка зрѣнія руководила здѣсь идеологомъ либеральной партіи: защитникъ одностороннихъ интересовъ буржуазіи не говорилъ бы о „безжалостномъ классѣ хозяевъ" и не сталъ бы, какъ мы это видѣли въ другомъ мѣстѣ [2]), высказывать опасеній по поводу спеціальнаго союза правительства съ промышленными классами, готовыми ради матеріальныхъ выгодъ продать и свободу, и справедливость.

Съ другой стороны, однако, принципъ невмѣшательства въ экономическую жизнь въ своемъ практическомъ примѣненіи къ жизни оказался въ высшей степени выгоднымъ для буржуазіи, такъ какъ невмѣшательство государства въ эту сферу было равносильно предоставленію капиталу права эксплуатировать трудъ рабочаго безъ какихъ бы то ни было стѣсненій,

---

[1]) См. выше, стр. 219.

[2]) См. выше, стр. 274.

на полной своей волѣ [1]). Буржуазія сразу поняла выгодность для ея классовыхъ интересовъ проповѣди промышленной свободы, и отсюда „манчестерская школа“ политической экономіи весьма быстро сдѣлалась популярною въ обществѣ. Можно даже сказать, что изъ двухъ либерализмовъ — политическаго и экономическаго—особеннымъ расположеніемъ въ извѣстныхъ кругахъ пользовался именно послѣдній, и въ политикѣ этихъ круговъ интересы пошли, собственно говоря, впереди принциповъ.

Въ Англіи 1820 годъ былъ временемъ начала наиболѣе сильной и горячей агитаціи въ пользу свободной торговли [2]), и съ этого же момента, по отзыву самихъ экономистовъ, ихъ наука, интересовавшая прежде только „философовъ“, стала распространяться въ широкихъ общественныхъ кругахъ и претендовать на завѣдованіе общественными дѣлами и руководительство самимъ законодательствомъ [3]). Своею политическою властью, основывавшеюся на цензовомъ избирательномъ правѣ, промышленная буржуазія и пользовалась потомъ для законодательнаго проведенія мѣръ, бывшихъ выгодными для ея классовыхъ интересовъ, а потому часто вредными для народныхъ массъ. Быть полными господами положенія мѣшала либеральной буржуазіи реакція, но іюльская революція 1830 года во Франціи и парламентская реформа 1832 года въ Англіи, въ обѣихъ этихъ странахъ, но въ особенности въ первой, широко открыли двери передъ политическимъ преобладаніемъ буржуазіи и передъ ея политикой въ духѣ экономическаго либерализма.

---

[1]) См. ниже, въ гл. XVII.

[2]) Free trade, откуда „фритредеръ“, защитникъ невмѣшательства государства въ экономическую жизнь.

[3]) Современники сами отмѣчаютъ эту перемѣну въ обществѣ въ отношеніи къ сочиненіямъ экономистовъ, что впослѣдствіи было отмѣчено, между прочимъ, и такимъ экономистомъ, какъ Джонъ Стюартъ Милль. Съ 1822 г. фритредерская агитація въ Англіи усилилась, причемъ, кромѣ теоретическихъ соображеній, ссылались и на практическія требованія англійской промышленности.

ГЛАВА XV.

Революціонныя движенія 1830 года.

Оживленіе либерализма въ концѣ двадцатыхъ годовъ XIX вѣка.—Іюльская революція во Франціи.—Измѣненія во французской конституціонной хартіи.— Общее значеніе этого переворота.— Отпаденіе Бельгіи отъ Нидерландскаго королевства.—Бельгійская конституція.— Революціонныя движенія въ Германіи и въ Италіи. — Новыя конституціи въ первой изъ этихъ странъ.—Польское возстаніе 1830 г. и отмѣна конституціи въ Польшѣ. — Вліяніе іюльской революціи на Англію. — Проведеніе первой парламентской реформы въ Англіи и ея слѣдствія. — Конституціонный вопросъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ XIX вѣка.

Вторая половина двадцатыхъ годовъ,—по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ странахъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ,—характеризуется ослабленіемъ реакціи и даже кое-какими успѣхами либерализма. Веронскій конгрессъ и подавленіе испанской революціи французскими войсками были послѣдними проявленіями реакціонной политики Священнаго союза. Сама эта комбинація начала, видимо, разлагаться. Если на веронскомъ конгрессѣ Александръ I отказалъ въ помощи греческому возстанію, какъ революціонному бунту подданныхъ противъ законнаго своего государя, то преемникъ его, Николай I, въ греческомъ вопросѣ сталъ на противоположную точку зрѣнія и въ самомъ же началѣ своего царствованія вошелъ въ соглашеніе относительно грековъ съ Англіей и Франціей. Вскорѣ затѣмъ флоты трехъ державъ сожгли турецкій флотъ при Наваринѣ, и началась русско-турецкая война, приведшая къ освобожденію Греціи. Сочувствіе либераловъ всѣхъ странъ было на сторонѣ грековъ, но кое-кому помощь, имъ оказанная, приходилась не по душѣ. Прежде всего, это была Австрія, державшаяся прежней реакціонной политики, и несогласіе съ нею, въ греческомъ вопросѣ, Николая I, вообще тяготившагося притомъ опекой Меттерниха, внесло охлажденіе во взаимныя отношенія петербургскаго и вѣнскаго дворовъ. Австро-прусскія отношенія тоже разлаживались изъ-за вліянія обѣихъ великихъ державъ на среднія и мелкія государства Германіи. За то греческое дѣло сблизило Россію съ западными державами, и намѣчался уже болѣе тѣсный союзъ ея съ Франціей. Перемѣ-

нилась къ тому же времени и англійская политика. При первомъ министрѣ Кэстльри она шла на буксирѣ Священнаго союза, и со стороны Англіи не было оказано никакого сопротивленія реакціонной расправѣ европейскаго союза въ Италіи и Испаніи. Новый руководитель иностранной политики въ Англіи, Каннингъ, уже не допустилъ вмѣшательства Европы въ американскія дѣла съ цѣлью насильственнаго возвращенія отпавшихъ отъ Испаніи колоній подъ власть легитимнаго короля. Внутри самой Англіи вторая половина двадцатыхъ годовъ была временемъ ослабленія прежней реакціи, о чемъ свидѣтельствуетъ прекращеніе правительственной борьбы въ эту эпоху съ митингами и прессою, равно какъ и эманципація католиковъ. Нѣкоторое оживленіе либерализма наблюдалось въ эти годы и во Франціи, гдѣ, правда, съ 1824 г. прекратились революціонные заговоры и попытки возстанія, но за то чаще и рѣшительнѣе стали происходить либеральныя манифестаціи, сознательнѣе и энергичнѣе — организовываться общественныя силы для вліянія на выборы, и сами выборы начали оказываться болѣе благопріятными для оппозиціи. Въ другихъ, второстепенныхъ странахъ тоже кое-гдѣ начиналось общественное броженіе, которое легко могло перейти въ настоящій взрывъ при первой же надеждѣ на то, что на этотъ разъ такого пораженія, какое испытали въ началѣ двадцатыхъ годовъ южно-романскія страны, уже не будетъ. Въ эту эпоху взоры всѣхъ либераловъ и, въ частности, оппозиціонныхъ депутатовъ представительныхъ собраній были обращены на Францію. Понятно, что при такомъ настроеніи взрывъ революціи въ Парижѣ въ іюлѣ 1830 г. долженъ былъ сыграть роль своего рода сигнала къ цѣлому ряду революцій — въ Бельгіи (въ августѣ), въ Брауншвейгѣ, Гессенъ-Касселѣ, Саксоніи, Ганноверѣ, Альтенбургѣ, Шварцбургъ-Зондерсгаузенѣ (въ сентябрѣ), въ Царствѣ Польскомъ (въ ноябрѣ), а въ началѣ 1831 г. въ Папской области и въ герцогствахъ Пармѣ и Моденѣ, не считая еще сильнаго народнаго движенія въ Англіи, вызваннаго извѣстіемъ о французскомъ переворотѣ и грозившаго перейти въ настоящую революцію. Однимъ словомъ, въ 1830 г. борьба либерализма съ реакціей въ нѣкоторыхъ странахъ Европы вступала въ новый фазисъ, и, по крайней мѣрѣ, до середины 1832 г. у государственныхъ людей и въ обществѣ не было увѣренности въ томъ, что дѣло обойдется безъ новой общеевропейской войны. Подъ вліяніемъ револю-

ціонной опасности распадавшійся-было союзъ Австріи, Пруссіи и Россіи снова сплотился для борьбы съ нарушителями установленнаго порядка, тогда какъ, наоборотъ, и Франція, и Англія, въ которыхъ восторжествовали начала свободы, стали совокупною своею силою отстаивать отъ реакціоннаго вмѣшательства, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя страны, которыя имъ легче было и защитить въ случаѣ нападенія на нихъ. Для Франціи результатами революціи 1830 г. были перемѣна династіи, нѣкоторыя измѣненія въ конституціи и переходъ власти къ буржуазіи, для Англіи — парламентская реформа, доставившая перевѣсъ вигамъ и расширившая вліяніе буржуазіи, для Бельгіи — превращеніе въ самостоятельное королевство съ очень либеральной конституціей, для нѣкоторыхъ второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ — частью введеніе, частью обѣщаніе введенія прогрессивныхъ преобразованій съ народнымъ представительствомъ; все это и дѣлаетъ вообще 1830 годъ весьма важнымъ моментомъ въ исторіи конституціонализма. Поплатились только названныя итальянскія земли и особенно Польша, въ которыхъ революціи были подавлены австрійскими и русскими войсками. Не входя въ изложеніе событій 1830 г., мы и сдѣлаемъ теперь общій ихъ обзоръ съ точки зрѣнія исторіи конституціонныхъ учрежденій.

Исходнымъ пунктомъ событій, приведшихъ Францію къ іюльскому перевороту, слѣдуетъ считать назначеніе, въ августѣ 1829 г., первымъ министромъ Полиньяка, крайняго реакціонера, прославившагося въ 1814 г. отказомъ присягнуть, въ качествѣ пэра, конституціонной хартіи. Это назначеніе совпало со временемъ усиленія въ столицѣ и во всей странѣ оппозиціоннаго настроенія. Еще осенью 1827 г., когда въ Парижѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что въ немъ на выборахъ одержали побѣду все либеральные кандидаты, это было отпраздновано населеніемъ съ шумнымъ восторгомъ: парижане не ограничились иллюминаціей, во время которой выбивали стекла во всѣхъ неосвѣщенныхъ окнахъ, но даже стали-было строить баррикады и вступать въ схватки съ полиціей и войсками. Тогдашнее министерство (Мартиньяка) съумѣло нѣсколько поуспокоить разыгравшіяся страсти, но едва только министромъ былъ назначенъ Полиньякъ, какъ тотчасъ же не только въ Парижѣ, но и въ провинціи все болѣе и болѣе сталъ проявляться оппозиціонный духъ. Въ разныхъ городахъ стали основываться общества сопротивленія взиманію налоговъ на

случай уничтоженія хартіи, а проѣздъ Лафайета черезъ нѣкоторыя мѣстности превратился въ настоящій тріумфъ: во время его чествованія говорились рѣчи, и предлагались тосты, заключавшіе въ себѣ уже угрозы. Правительство начало рядъ процессовъ противъ обществъ сопротивленія, но суды, большею частью, оправдывали эти общества, не находя ихъ противными конституціи, или же налагали на ихъ членовъ самыя легкія наказанія—за оскорбленіе правительства заподозрѣваніемъ его въ противоконституціонныхъ замыслахъ. Въ 1830 г. дѣло дошло наконецъ и до настоящаго конфликта между династіей и націей. 2 марта Карлъ X открылъ сессію палатъ тронною рѣчью, въ которой заключалась несомнѣнная угроза представительству. Палата депутатовъ отвѣчала на нее адресомъ, содержавшимъ въ себѣ горькіе упреки королю и принятымъ, несмотря на свое содержаніе, 221 голосомъ противъ 181. Карлъ X на другой день послѣ представленія ему адреса (18 марта) объявилъ отсрочку засѣданій палатъ до 3 сентября, но черезъ два мѣсяца (16 мая) былъ обнародованъ королевскій ордоннансъ, распускавшій палату и назначавшій новые выборы, при чемъ самъ король обратился къ націи съ жалобой на распущенную палату. Бóльшая часть 221 депутата тѣмъ не менѣе были переизбраны, и къ нимъ прибавилось еще нѣсколько оппозиціонныхъ депутатовъ. Карлъ X рѣшился тогда распустить и эту новую палату, прежде нежели даже она собралась, и назначить новые выборы, своею властью измѣнивъ при этомъ избирательный законъ въ пользу представителей крупнаго землевладѣнія и, сверхъ всего, уничтоживъ свободу печати. 26 іюля съ такимъ именно содержаніемъ были обнародованы королевскіе ордоннансы, вызвавшіе въ слѣдующіе дни (27, 28, 29 іюля) народное возстаніе, за которымъ послѣдовало паденіе легитимной монархіи и возведеніе на престолъ герцога Орлеанскаго подъ именемъ Людовика-Филиппа.

Іюльскіе ордоннансы, приведшіе къ потерѣ Карломъ X трона, и касались какъ-разъ тѣхъ двухъ пунктовъ, изъ-за которыхъ, главнымъ образомъ, шла борьба между роялистами и либералами въ эпоху реставраціи. Реакціонеры всегда, какъ только особенно забирали силу, стремились къ тому, чтобы тѣми или другими измѣненіями въ избирательномъ законѣ дать перевѣсъ бывшимъ привилегированнымъ и чтобы, такъ или иначе, наложить ограниченія на періодическую прессу.

Теперь эти двѣ завѣтныя цѣли реакціи достигались простымъ королевскимъ распоряженіемъ, что было явнымъ нарушеніемъ хартіи, какъ и неслыханное распущеніе палаты, еще не успѣвшей даже собраться. Реакціонеры уже давно указывали королю на тотъ параграфъ хартіи, который давалъ ему право „издавать регламенты и ордоннансы для исполненія законовъ и безопасности государства“ [1]), и Карлъ X наконецъ рѣшился воспользоваться этимъ параграфомъ для изданія ордоннансовъ, которые ему такъ дорого обошлись. Паденіе старшей линіи Бурбоновъ совершилось необычайно быстро и въ такой моментъ, когда никто этого не ожидалъ, и на защиту падшей династіи не поднялась никакая общественная сила. Переворотъ былъ совершенъ парижскимъ населеніемъ, смыслъ происшедшаго событія былъ выясненъ либеральными журналистами, и депутатамъ, уже начавшимъ съѣзжаться въ Парижъ, оставалось только санкціонировать то, что было сдѣлано народомъ. Іюльскими событіями задумала-было воспользоваться численно въ то время слабая, не имѣвшая ни прочной организаціи, ни вліянія въ странѣ республиканская партія, но палата стояла за сохраненіе конституціонной монархіи и поспѣшила возвести на вакантный тронъ герцога Орлеанскаго, давно уже бывшаго кандидатомъ на престолъ въ умахъ наиболѣе вліятельныхъ круговъ буржуазіи. Палата 1830 г., конечно, не имѣла полномочій совершить столь важный шагъ, и въ эпоху іюльской монархіи на это обстоятельство всегда ссылались ея оппоненты, мечтавшіе о возстановленіи республики, но громадное большинство французовъ внутренно примирилось съ такимъ исходомъ революціи, и въ то время, когда одни изъ нихъ охотно признали Людовика-Филиппа королемъ, „несмотря на то, что онъ Бурбонъ“, другіе сдѣлали то же, „потому что онъ все-таки былъ Бурбонъ“ (только младшей линіи). Эта замѣна одного короля другимъ, одной династіи другою была какъ бы подтвержденіемъ той аналогіи, которую французы проводили между своею и англійскою исторіями [2]): 1830 годъ долженъ былъ быть для Франціи тѣмъ же самымъ, чѣмъ для Англіи былъ 1689 годъ. Іюльская революція спасала во Франціи политическую свободу отъ грозившей ей опасности со стороны реакціонно настроеннаго главы государства, спасала конститу-

---

[1]) См. выше, стр. 233.

[2]) См. выше, стр. 259.

цію путемъ при этомъ не только замѣны Карла X Людовикомъ-Филиппомъ, но и внесеніемъ въ хартію измѣненій, которыя были признаны необходимыми для лучшаго обезпеченія свободы. И въ Англіи вторая революція сопровождалась изданіемъ такого важнаго акта, какъ „билль и декларація правъ“ [1]).

Конституція, которою управлялась Франція съ 1830 по 1848 г., въ сущности была лишь видоизмѣненіемъ хартіи 1814 г. 7 августа 1830 г. палата (219 голосами противъ 33) приняла декларацію, въ которой говорилось о вакантности трона вслѣдствіе удаленія Карла X изъ Франціи, и тутъ же заявлялось объ уничтоженіи, „по желанію и въ интересѣ французскаго народа“, вступленія въ хартію 1814 г., такъ оскорбительнаго для національнаго достоинства, поскольку въ этомъ вступленіи дѣло представлено такъ, „будто французамъ дарованы были права, на самомъ дѣлѣ имъ самимъ принадлежащія“ [2]). Декларацiей 7 августа, далѣе, герцогъ Орлеанскій „призывался“ на французскій тронъ, т.-е. говорилось, что онъ будетъ царствовать не по наслѣдственному праву, а по приглашенію французскаго народа, и къ этому прибавлялось, что онъ долженъ „утвердить своею присягою условія и обязательства, изложенныя въ декларацiи, и соблюденіе конституціонной хартіи со сдѣланными въ ней измѣненіями“. (Эта королевская присяга должна была замѣнить прежній религіозный обрядъ коронаціи). Въ измѣненной хартіи возстановленіе цензуры запрещалось самымъ положительнымъ образомъ, и давалось обѣщаніе, что по дѣламъ печати и политическимъ будетъ дѣйствовать судъ присяжныхъ. Статья, опираясь на которую Карлъ X издалъ іюльскіе ордоннансы, была измѣнена въ томъ смыслѣ, что король могъ „издавать регламенты и ордоннансы, необходимые для исполненія законовъ“ (прежде было еще: „и для безопасности государства“), „но безъ права когда-либо останавливать дѣйствіе самихъ законовъ и разрѣшать ихъ неисполненіе“. Законодательная инициатива, признававшаяся хартіей 1814 г. только за королемъ, была распространена на обѣ палаты. Наконецъ, хартія понижала возрастъ избирателей съ 30 до 25 лѣтъ, депутатовъ—съ 40 до 30, а избирательный законъ понизилъ цензъ для избирателей

---

[1]) См. выше, стр. 65 и слѣд.

[2]) См. объ этомъ вступленіи выше, стр. 232—233.

съ 300 до 200 франковъ, а для избираемыхъ съ 1000 до 500, благодаря чему число избирателей сразу повысилось съ 90 тысячъ до 200 тысячъ [1]).

Общее значеніе іюльской революціи для Франціи явствуетъ уже изъ сказаннаго выше. Принципъ легитимизма былъ ею окончательно отвергнутъ, но не былъ ясно формулированъ и принципъ народовластія: декларація 7 августа 1830 г. больше ссылалась на „настоятельную необходимость“ и „общій интересъ французской націи“, чѣмъ на какую-либо теорію. Возведеніе на престолъ „короля-гражданина“ ограждало хартію отъ опасности быть низвергнутой и разлучало монархію отъ исключительной связи съ бывшими привилегированными. Пониженіе избирательнаго ценза и устраненіе прежнихъ преимуществъ въ пользу обладателей поземельнаго ценза передавало вліяніе и власть въ руки буржуазіи, царство которой и началось въ 1830 г. въ полномъ единодушіи съ „королемъ-гражданиномъ“, оказавшимся настоящимъ „королемъ-буржуа“. Монархическіе дворы Европы называли Людовика-Филиппа „королемъ баррикадъ“, но онъ сразу же поспѣшилъ успокоить иностранныя державы увѣреніями въ своемъ желаніи быть на сторонѣ порядка, а во второй половинѣ своего царствованія онъ даже вошелъ въ соглашеніе съ Австріей о необходимости дѣйствовать сообща противъ демократическихъ движеній, происходившихъ въ Швейцаріи и въ Италіи. Въ общемъ, іюльская монархія была во Франціи эпохою безраздѣльнаго господства буржуазіи, которой теперь приходилось вести борьбу уже не съ клерикально-аристократической реакціей, а съ демократической революціей, повторявшей свои попытки довольно часто въ тридцатыхъ годахъ. Это было время, когда вся власть находилась въ рукахъ банкировъ, биржевиковъ, желѣзнодорожниковъ, владѣльцевъ каменноугольныхъ и всякихъ иныхъ копей, и оппозицію въ палатѣ эта крупная буржуазія встрѣчала лишь со стороны средней торгово-промышленной буржуазіи, столь же мало, впрочемъ, заботившейся о народѣ, какъ и крупная. Лозунгомъ правящаго класса („pays légal“), число избирателей въ которомъ къ 1848 г. выросло до 240 тысячъ, была нажива всѣми дозволенными и недозволенными средствами, вплоть до

---

[1]) Прибавимъ, что законъ 1831 г. ограничилъ право короля назначать пэровъ лишь извѣстными категоріями лицъ и сдѣлалъ званіе пэра только пожизненнымъ.

системы подкуповъ какъ избирателей, такъ и депутатовъ, по старому примѣру Англіи. Расплатою за это была для іюльской монархіи и взлелѣянной ею буржуазіи февральская революція 1848 г. Если, однако, сравнить режимъ конституціонной монархіи во Франціи послѣ (и даже до) 1830 г. съ режимомъ двухъ Наполеоновъ, до 1814 г. и послѣ 1851 г., то придется сказать, что въ исторіи Франціи это все-таки было время значительной политической свободы и законности. Въ правящей буржуазіи были свои консерваторы и свои либералы, и между тѣми и другими шла парламентская борьба, сопровождавшаяся министерскими кризисами, благодаря чему во Франціи входили въ обычай порядки настоящаго парламентаризма, при которомъ считалось, что „король царствуетъ, но не управляетъ". Съ другой стороны, господствующій классъ отличался въ эту эпоху антиклерикальнымъ направленіемъ, обезпечивавшимъ во Франціи и за философскою и научною мыслью, и за преподаваніемъ, и за публицистикой широкую свободу. Не даромъ, между прочимъ, времена іюльской монархіи ознаменованы развитіемъ во Франціи соціалистическихъ ученій. Въ этихъ ученіяхъ, замѣтимъ кстати, мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ проявленій той демократической оппозиціи, какую противъ себя вызывало господство буржуазіи. Сама она твердо стояла на точкѣ зрѣнія невмѣшательства государства въ экономическую жизнь, и манчестерство въ политической экономіи сдѣлалось необычайно популярнымъ какъ въ литературѣ, такъ и въ преподаваніи.

Таковы были результаты революціи 1830 г. во Франціи. Разсмотримъ теперь, что дала революція 1830 г. другимъ странамъ, которыхъ она только коснулась.

Раньше всего іюльская революція отозвалась на сосѣдней съ Франціей Бельгіи. Вѣнскій конгрессъ соединилъ эту страну съ Голландіей въ одно Нидерландское королевство. Когда-то обѣ эти части названнаго государства находились, въ качествѣ соединенныхъ провинцій, подъ властью Испаніи, но во второй половинѣ XVI в. Голландія освободилась отъ Германіи, приняла протестантизмъ и образовала самостоятельную республику [1]), Бельгія же сохранила католическую вѣру и осталась подъ управленіемъ испанскаго короля, пока война за испанское наслѣдство въ началѣ XVIII в. не отдала страну

---

[1]) См. выше, стр. 33—34.

Австріи. За все это время бельгійцы сохраняли свои вольности и мѣстные штаты, пока абсолютистическая политика Іосифа II не вызвала въ Бельгіи революцію, слившуюся, такъ сказать, очень скоро съ великой французской революціей. Въ эпоху республики и имперіи Бельгія входила въ составъ Франціи, которой была родственна и по господствовавшему въ странѣ языку, и по культурѣ. Вѣнскій конгрессъ связалъ бельгійскую націю съ совершенно чуждой ей націей голландской. Все въ нихъ было различно—и языкъ, и религія, и историческія традиціи, и интересы, и новое правительство, вмѣсто того, чтобы поддерживать между Голландіей и Бельгіей извѣстное равновѣсіе, смотрѣло на вторую изъ нихъ, какъ на завоеванную провинцію въ исключительныхъ интересахъ другой половины. Своими деспотическими замашками король Вильгельмъ I вооружалъ противъ себя либеральную часть бельгійцевъ, издавна привыкшихъ къ свободѣ, возстававшихъ еще противъ просвѣщеннаго абсолютизма Іосифа II и содѣйствовавшихъ торжеству въ странѣ принциповъ французской революціи. Бельгійскіе либералы 1830 г. могутъ быть названы горячими учениками Бенжамена Констана, чѣмъ достаточно сказано для характеристики ихъ политическихъ стремленій. Другую часть недовольныхъ составляли католики, оскорблявшіеся узко-протестантскимъ направленіемъ королевской политики. Извѣстно, что подъ вліяніемъ парижскихъ іюльскихъ событій достаточно было одной случайной искры, чтобы зажечь въ Бельгіи цѣлый пожаръ. Голландское правительство пошло-было на разныя уступки, но бельгійцы ихъ не приняли. Началась война, въ которой инсургентамъ была оказана помощь французами. Обстоятельства, вообще, сложились въ пользу бельгійцевъ, и лондонская конференція великихъ державъ оффиціально признала независимость Бельгіи. Вскорѣ за тѣмъ собрался въ Брюсселѣ „національный конгрессъ“, состоявшій изъ 200 депутатовъ, избранныхъ націей [1]), и 7 февраля 1831 г. вотировалъ конституцію, являющуюся старѣйшею въ настоящее время изъ всѣхъ существующихъ на континентѣ конституцій.

Бельгійская конституція 1831 г., впослѣдствіи послужившая образцомъ для нѣкоторыхъ другихъ, можетъ разсматриваться, какъ наиболѣе типическая изъ особенно либеральныхъ

---

[1]) Избирателями были граждане, достигшіе 25 лѣтъ, имѣвшіе какую-либо либеральную профессію или платившіе извѣстнаго размѣра налогъ.

конституцій [1]). Извѣстный знатокъ англійскаго государственнаго права, Дайси [2]), сравнивая по разнымъ вопросамъ англійскіе порядки съ континентальными, чаще всего обращается для характеристики послѣднихъ къ отдѣльнымъ статьямъ именно бельгійской конституціи, въ которыхъ особенно ясно формулированы разныя свободы. Одинъ изъ новѣйшихъ авторовъ по государственному праву и теперь еще находитъ, что „въ отношеніи общихъ принциповъ публичнаго права бельгійская конституція, безспорно, является одною изъ тѣхъ, которыя обнаруживаютъ наибольшую обстоятельность въ дѣлѣ обезпеченія за гражданами возможно большаго количества свободъ". Онъ даже называетъ „смѣлымъ новшествомъ" провозглашеніе ею, въ 1831 г., полнѣйшей свободы культовъ, преподаванія, печати, собраній, союзовъ и т. п. въ самыхъ опредѣленныхъ и твердыхъ выраженіяхъ [3]). Вотъ нѣсколько отдѣльныхъ пунктовъ, взятыхъ изъ разныхъ ея параграфовъ, безъ сопровождающихъ общія положенія разъясненій: „Въ государствѣ нѣтъ различія по сословіямъ. Личная свобода гарантирована. Жилище неприкосновенно. Гражданская смерть отмѣняется. Свобода вѣроисповѣданій и публичнаго отправленія религіозныхъ обрядовъ, равно какъ и право выражать свои мнѣнія по поводу чего бы-то ни было, гарантированы. Государство не имѣетъ права вмѣшиваться ни въ назначеніе, ни въ допущеніе къ должности священнослужителей какой бы-то ни было религіи. Обученіе свободно, и всякія предупредительныя противъ него мѣры воспрещаются. Печать свободна, и цензура никогда не можетъ быть установлена. Бельгійцы имѣютъ право собираться мирно и безъ оружія, сообразуясь съ законами, которые могутъ опредѣлить пользованіе этимъ правомъ, не обусловливая его, однако, предварительнымъ разрѣшеніемъ. Бельгійцы имѣютъ право составлять ассоціаціи; осуществленіе этого права не можетъ быть подчинено какимъ-либо предупредительнымъ мѣрамъ. Тайна переписки неприкосновенна. Пользованіе языками, распространенными въ Бельгіи, факультативно. Не требуется предварительнаго дозволенія для возбужденія

---

[1]) См. ея текстъ въ „Современныхъ конституціяхъ", изд. подъ ред. *В. М. Гессена* и *Б. Э. Нольде* (Спб. 1905), т. I, стр. 117 и слѣд.

[2]) Основы государственнаго права Англіи.

[3]) *E. Flandin.* Institutions politiques de l'Europe contemporaine (1907). I, 166.

преслѣдованія противъ должностныхъ лицъ за дѣйствія ихъ по службѣ". Прибавимъ, что для политическихъ дѣлъ и по преступленіямъ, совершаемымъ путемъ прессы, бельгійская конституція устанавливала только судъ присяжныхъ. На основаніи всего сказаннаго, можно вполнѣ согласиться съ тѣми, которые резюмируютъ существо бельгійской конституціи въ девизѣ: „свобода во всемъ и для всѣхъ".

Конгрессъ, выработавшій для новаго королевства этотъ основной его законъ, опредѣлилъ данное имъ странѣ устройство, какъ „представительную монархію съ наслѣдственнымъ главою" (sous un chef héréditaire). Въ отличіе отъ большей части дѣйствовавшихъ въ то время конституцій, бельгійская подчеркиваетъ то положеніе, что сувереномъ въ странѣ является не король, а народъ: „всѣ власти, гласитъ статья 25, исходятъ (émanent) отъ народа", а статья 78 прибавляетъ къ этому, что „король не имѣетъ другихъ полномочій (d'autres pouvoirs), кромѣ тѣхъ, которыя принадлежатъ ему формально, согласно конституціи и особымъ законамъ, изданнымъ въ силу той же конституціи". Бельгійскій король, далѣе, пользуется своими правами только при посредствѣ отвѣтственныхъ министровъ, причемъ „ни въ какомъ случаѣ словесный или письменный приказъ короля не можетъ избавлять министра отъ отвѣтственности". Съ самаго же начала дѣйствія конституціи министерская отвѣтственность стала толковаться въ Бельгіи въ смыслѣ необходимости министрамъ, потерявшимъ довѣріе представительства страны, выходить въ отставку. Что касается до представительства, то оно было раздѣлено въ Бельгіи на палату представителей и на выборный же сенатъ (кромѣ наслѣдника престола и другихъ принцевъ, которые дѣлаются сенаторами по праву рожденія). Права представительныхъ учрежденій были установлены конституціей 1831 г. въ очень широкомъ объемѣ. „Налоги въ пользу государства вотируются ежегодно", а потому „законы, ихъ установившіе и вторично не возобновленные, имѣютъ силу только одинъ годъ". Тотъ же принципъ конституція примѣняетъ и къ вооруженной силѣ: „численный составъ арміи вотируется ежегодно", и „законъ, опредѣляющій его, если онъ не возобновленъ, имѣетъ силу только на одинъ годъ". Независимость судебной власти была гарантирована слѣдующею (100) статьею: „судьи назначаются пожизненно. Ни одинъ судья не можетъ быть лишенъ своего мѣста или отрѣшенъ на время отъ своей должности иначе,

конституцій [1]). Извѣстный знатокъ англійскаго государственнаго права, Дайси [2]), сравнивая по разнымъ вопросамъ англійскіе порядки съ континентальными, чаще всего обращается для характеристики послѣднихъ къ отдѣльнымъ статьямъ именно бельгійской конституціи, въ которыхъ особенно ясно формулированы разныя свободы. Одинъ изъ новѣйшихъ авторовъ по государственному праву и теперь еще находитъ, что „въ отношеніи общихъ принциповъ публичнаго права бельгійская конституція, безспорно, является одною изъ тѣхъ, которыя обнаруживаютъ наибольшую обстоятельность въ дѣлѣ обезпеченія за гражданами возможно большаго количества свободъ". Онъ даже называетъ „смѣлымъ новшествомъ" провозглашеніе ею, въ 1831 г., полнѣйшей свободы культовъ, преподаванія, печати, собраній, союзовъ и т. п. въ самыхъ опредѣленныхъ и твердыхъ выраженіяхъ [3]). Вотъ нѣсколько отдѣльныхъ пунктовъ, взятыхъ изъ разныхъ ея параграфовъ, безъ сопровождающихъ общія положенія разъясненій: „Въ государствѣ нѣтъ различія по сословіямъ. Личная свобода гарантирована. Жилище неприкосновенно. Гражданская смерть отмѣняется. Свобода вѣроисповѣданій и публичнаго отправленія религіозныхъ обрядовъ, равно какъ и право выражать свои мнѣнія по поводу чего бы-то ни было, гарантированы. Государство не имѣетъ права вмѣшиваться ни въ назначеніе, ни въ допущеніе къ должности священнослужителей какой бы-то ни было религіи. Обученіе свободно, и всякія предупредительныя противъ него мѣры воспрещаются. Печать свободна, и цензура никогда не можетъ быть установлена. Бельгійцы имѣютъ право собираться мирно и безъ оружія, сообразуясь съ законами, которые могутъ опредѣлить пользованіе этимъ правомъ, не обусловливая его, однако, предварительнымъ разрѣшеніемъ. Бельгійцы имѣютъ право составлять ассоціаціи; осуществленіе этого права не можетъ быть подчинено какимъ-либо предупредительнымъ мѣрамъ. Тайна переписки неприкосновенна. Пользованіе языками, распространенными въ Бельгіи, факультативно. Не требуется предварительнаго дозволенія для возбужденія

---

[1]) См. ея текстъ въ „Современныхъ конституціяхъ", изд. подъ ред. *В. М. Гессена* и *Б. Э. Нольде* (Спб. 1905), т. I, стр. 117 и слѣд.

[2]) Основы государственнаго права Англіи.

[3]) *E. Flandin.* Institutions politiques de l'Europe contemporaine (1907). I, 166.

преслѣдованія противъ должностныхъ лицъ за дѣйствія ихъ по службѣ". Прибавимъ, что для политическихъ дѣлъ и по преступленіямъ, совершаемымъ путемъ прессы, бельгійская конституція устанавливала только судъ присяжныхъ. На основаніи всего сказаннаго, можно вполнѣ согласиться съ тѣми, которые резюмируютъ существо бельгійской конституціи въ девизѣ: „свобода во всемъ и для всѣхъ".

Конгрессъ, выработавшій для новаго королевства этотъ основной его законъ, опредѣлилъ данное имъ странѣ устройство, какъ „представительную монархію съ наслѣдственнымъ главою" (sous un chef héréditaire). Въ отличіе отъ большей части дѣйствовавшихъ въ то время конституцій, бельгійская подчеркиваетъ то положеніе, что сувереномъ въ странѣ является не король, а народъ: „всѣ власти, гласитъ статья 25, исходятъ (émanent) отъ народа", а статья 78 прибавляетъ къ этому, что „король не имѣетъ другихъ полномочій (d'autres pouvoirs), кромѣ тѣхъ, которыя принадлежатъ ему формально, согласно конституціи и особымъ законамъ, изданнымъ въ силу той же конституціи". Бельгійскій король, далѣе, пользуется своими правами только при посредствѣ отвѣтственныхъ министровъ, причемъ „ни въ какомъ случаѣ словесный или письменный приказъ короля не можетъ избавлять министра отъ отвѣтственности". Съ самаго же начала дѣйствія конституціи министерская отвѣтственность стала толковаться въ Бельгіи въ смыслѣ необходимости министрамъ, потерявшимъ довѣріе представительства страны, выходить въ отставку. Что касается до представительства, то оно было раздѣлено въ Бельгіи на палату представителей и на выборный же сенатъ (кромѣ наслѣдника престола и другихъ принцевъ, которые дѣлаются сенаторами по праву рожденія). Права представительныхъ учрежденій были установлены конституціей 1831 г. въ очень широкомъ объемѣ. „Налоги въ пользу государства вотируются ежегодно", а потому „законы, ихъ установившіе и вторично не возобновленные, имѣютъ силу только одинъ годъ". Тотъ же принципъ конституція примѣняетъ и къ вооруженной силѣ: „численный составъ арміи вотируется ежегодно", и „законъ, опредѣляющій его, если онъ не возобновленъ, имѣетъ силу только на одинъ годъ". Независимость судебной власти была гарантирована слѣдующею (100) статьею: „судьи назначаются пожизненно. Ни одинъ судья не можетъ быть лишенъ своего мѣста или отрѣшенъ на время отъ своей должности иначе,

какъ на основаніи судебнаго рѣшенія. Перемѣщеніе судьи можетъ состояться только въ видахъ новаго его назначенія и съ согласія самого судьи". Отмѣтимъ, наконецъ, что конституція 1831 г. заключаетъ въ себѣ и очень широкія общія положенія касательно областного и общиннаго самоуправленія, основаннаго на выборномъ началѣ.

Эта либеральная конституція была, однако, далеко не демократична. Избирательный законъ, изданный въ дополненіе къ ней, обусловливалъ пользованіе политическимъ полноправіемъ въ зависимости отъ ценза, притомъ неодинаковаго для городовъ и деревень, именно—болѣе высокаго въ городахъ и болѣе низкаго въ деревняхъ. Отъ сельскихъ жителей требовалась уплата налога въ размѣрѣ 20 флориновъ (около 42 франковъ), отъ городскихъ — въ 50 флориновъ (напр., въ Монсѣ), въ 60 или 70 и даже въ 80 (въ Брюсселѣ, Гентѣ и Антверпенѣ). Конечно, этотъ цензъ былъ меньше принятаго тогда же во Франціи, и тѣмъ не менѣе на четыре милліона тогдашняго населенія Бельгіи избирательными правами пользовались въ ней только какія-нибудь сорокъ пять тысячъ, т.-е. лишь одна восемьдесять-девятая часть населенія. Когда въ 1848 г. для всего королевства былъ принятъ однообразный цензъ (въ 20 флориновъ), число избирателей сразу почти утроилось (цифра ихъ выросла уже въ 133 тысячи). Только въ 1866 г. началась агитація въ пользу распространенія избирательнаго права на рабочихъ, приведшая въ 1894 г. ко всеобщему голосованію, соединенному для извѣстныхъ категорій лицъ съ правомъ имѣть, кромѣ основного, общаго для всѣхъ голоса, еще дополнительный или два дополнительныхъ голоса (le vote plural). Такимъ образомъ, Бельгія и въ данный моментъ еще не отдѣлалась отъ цензовой системы избирательнаго права, которая безраздѣльно господствовала въ странѣ болѣе шестидесяти лѣтъ. Въ этомъ отношеніи Бельгія тридцатыхъ годовъ пользовалась такимъ же цензовымъ режимомъ, какой существовалъ и во Франціи, и въ Англіи: въ ней тоже установилось царство буржуазіи.

Менѣе рѣшительное, чѣмъ для Нидерландскаго королевства, значеніе имѣла іюльская революція для Германіи и Италіи, но все-таки и тамъ она оживила конституціонныя стремленія. Уже въ сентябрѣ вспыхнуло возстаніе въ Брауншвейгѣ, заставившее герцога Карла бѣжать въ Англію, а его брата, Вильгельма, согласиться на конституцію, которая и была введена въ 1832 г. Въ курфюршествѣ Гессенъ-Кассельскомъ, гдѣ

движеніе началось 15 сентября и скоро осложнилось крестьянскими волненіями, тоже была введена конституція, и произошла перемѣна царствованія: курфюрстъ отрекся отъ престола въ пользу своего сына. Въ Саксоніи, равнымъ образомъ, революція началась въ сентябрѣ, заставила короля призвать къ соправительству наслѣднаго принца и окончилась введеніемъ въ 1831 г. конституціи. Тогда же вспыхнуло возстаніе и въ Ганноверскомъ королевствѣ, гдѣ, однако, введеніе конституціи затянулось до сентября 1833 г. Какъ въ этихъ сравнительно болѣе крупныхъ государствахъ, такъ и въ другихъ болѣе мелкихъ, названныхъ выше [1]), новыя конституціи созданы были при участіи старыхъ земскихъ чиновъ, съ которыми власть при этомъ вступала въ соглашеніе,—способъ, вообще, сдѣлавшійся характернымъ для введенія представительныхъ учрежденій въ Германіи [2]). Кромѣ того, начало тридцатыхъ годовъ было въ Германіи временемъ частыхъ волненій—студенческихъ, рабочихъ, крестьянскихъ — и обостренія чисто парламентской борьбы тамъ, гдѣ уже раньше существовали представительныя палаты. Въ эту эпоху среди нѣмецкихъ радикаловъ стали даже развиваться распубликанскія стремленія, поддерживавшіяся многочисленными эмигрантами изъ Франціи, Польши и Италіи. Въ 1832 г. въ Гамбахѣ была устроена громадная либеральная манифестація, получившая революціонный характеръ, а въ 1833 г. была сдѣлана революціонерами неудачная попытка овладѣть Франкфуртомъ-на-Майнѣ, гдѣ засѣдалъ союзный сеймъ, что только послужило поводомъ къ возобновленію репрессій и, вообще, къ усиленію реакціи. Однимъ изъ ея проявленій была надѣлавшая много шума въ свое время (1837) отмѣна новымъ ганноверскимъ королемъ [3]) Эрнстомъ-Августомъ конституціи 1833 г. Одновременно происходили частыя нарушенія конституцій, дѣйствовавшихъ и въ другихъ земляхъ, а въ Баваріи и прямо ожидали низверженія представительства. Повсемѣстно, наконецъ, принимались реак-

---

[1]) См. выше, стр. 296.

[2]) Ср. выше, стр. 245.

[3]) Съ 1714 г. (см. выше, стр. 73) ганноверскіе государи царствовали и въ Англіи, но въ силу разныхъ законовъ о престолонаслѣдіи въ обѣихъ странахъ въ 1837 г. англійская корона досталась Викторіи, а ганноверская—ея дядѣ.

ціонныя мѣры противъ всякаго вольномыслія въ печати, въ университетскомъ преподаваніи и т. п.

Въ Италіи реакція восторжествовала надъ революціей еще быстрѣе и полнѣе. Въ началѣ 1831 г. неудачную попытку возстанія сдѣлала Модена, а за нею Болонья отложилась отъ Папской области, увлекши за собою нѣкоторые другіе города. Движеніе достигло-было нѣкотораго успѣха, и въ Моденѣ вторично произошло возмущеніе, заставившее герцога бѣжать, что вызвало затѣмъ возстаніе и въ Пармѣ, откуда бѣжала герцогиня (вдова Наполеона I). Все дѣло окончилось, однако, австрійскимъ вмѣшательствомъ и водвореніемъ легитимныхъ правительствъ на ихъ прежнихъ мѣстахъ.

Столь же печальную судьбу имѣла ноябрьская революція въ Царствѣ Польскомъ. Польскіе патріоты не мирились съ новымъ раздѣломъ Польши на вѣнскомъ конгрессѣ вообще, а въ частности имѣли основанія быть недовольными тѣмъ, какъ примѣнялась на дѣлѣ конституція 1815 г. Либеральныхъ депутатовъ въ сеймахъ (они собирались лишь въ 1818, 1820, 1825 и въ 1830, а должны были собираться каждые два года) увлекала борьба, происходившая во французскихъ палатахъ, тогда какъ уже во время второго сейма Александръ I совѣтовалъ полякамъ не слѣдовать моднымъ политическимъ теоріямъ. Сеймъ 1830 г., въ которомъ уже сказывалось вліяніе событій во Франціи, разрѣшившихся іюльской революціей, былъ закрытъ въ моментъ, когда въ немъ готовилось обвиненіе министровъ, и вотъ когда въ Парижѣ вспыхнула революція и такъ называемая „партія дѣйствія“ стала требовать, чтобы Франція шла на помощь къ угнетеннымъ народамъ, польское національное движеніе разразилось военнымъ бунтомъ, за которымъ послѣдовало и общее возстаніе. Консервативно-аристократическая партія расчитывала сначала путемъ переговоровъ добиться измѣненія конституціи въ духѣ французской хартіи 1814 г., но радикально-демократическая партія поставила вопросъ о провозглашеніи полной независимости Польши. 20 декабря 1830 г. собрался въ Варшавѣ сеймъ, который, послѣ неудачныхъ переговоровъ съ Петербургомъ, черезъ мѣсяцъ (25 января 1831 г.) провозгласилъ низложеніе дома Романовыхъ съ польскаго престола. Началась война, окончившаяся осенью того же 1831 г. пораженіемъ поляковъ, результатомъ чего была отмѣна конституціи 1815 г. Прибавимъ, что польская революція, занявшая на долгое время силы Россіи, помѣшала

замышлявшейся интервенціи въ дѣла Франціи и особенно Бельгіи [1]).

И Англія не избѣжала вліянія іюльской революціи. Выше уже упоминалось объ ослабленіи въ Англіи, къ концу двадцатыхъ годовъ, реакціи, вызванной французской революціей 1789 г., объ успѣхахъ, сдѣланныхъ къ этому времени общественнымъ самосознаніемъ, органами котораго были періодическая пресса, политическія ассоціаціи и народные митинги, объ образованіи въ странѣ демократической партіи, объ агитаціи, наконецъ, въ пользу парламентской реформы, бывшей главнымъ политическимъ вопросомъ момента [2]). Народное недовольство парламентомъ и правительствомъ усиливалось изданнымъ въ 1815 г. хлѣбнымъ закономъ, дозволявшимъ ввозить въ страну иностранный хлѣбъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ особой его дороговизны, что дѣлало хлѣбъ мѣстнаго производства крайне дорогимъ къ исключительной выгодѣ землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ. Парламентъ сталъ заваливаться петиціями о реформѣ, но не шелъ ни на какія уступки. И вотъ какъ-разъ за мѣсяцъ до іюльскаго взрыва въ Парижѣ, умеръ въ Англіи Георгъ IV, и его братъ, Вильгельмъ IV, по старому обычаю распускаетъ собранный его предшественникомъ парламентъ и назначаетъ новые выборы. Актъ объ этомъ былъ подписанъ 23 іюля 1830 г., всего за три-четыре дня до іюльской революціи.

Торіи были крайне недовольны парижскимъ переворотомъ, но виги, радикалы и рабочія массы не скрывали своей радости. Образовавшаяся около этого времени богатая и вліятельная „національная унія“ съ особою энергіей принялась за агитацію въ прессѣ и на митингахъ въ пользу парламентской реформы. Въ новомъ парламентѣ, собравшемся въ ноябрѣ, первая рѣчь была произнесена объ этомъ наболѣвшемъ вопросѣ, и ораторъ, лордъ Грей, прямо указалъ на то, что только своевременной уступкой можно предотвратить народную бурю. Отказъ, встрѣченный этимъ предложеніемъ со стороны министерства и на самомъ дѣлѣ вызвалъ такое негодованіе въ странѣ, что власти серьезно боялись взрыва революціи и даже принимали предупредительныя мѣры. Вся зима 1830—1831 г. прошла въ Англіи очень тревожно, не смотря на то, что консервативное

---

[1]) Слѣдуетъ еще отмѣтить, что польскій революціонный сеймъ оказался весьма консервативнымъ въ крестьянскомъ вопросѣ.

[2]) См. выше, стр. 265 и слѣд.

министерство было замѣнено либеральнымъ (Грей). Въ мартѣ въ нижнюю палату былъ внесенъ билль о реформѣ, лишавшій 60 гнилыхъ мѣстечекъ права отдѣльнаго представительства и вдвое сокращавшій число представителей отъ 47 мелкихъ бурговъ, но за то дававшій 44 мѣста въ парламентѣ крупнымъ промышленнымъ центрамъ и увеличивавшій число представителей отъ Лондона. Кромѣ того, билль увеличивалъ число представителей отъ особенно населенныхъ графствъ и распространялъ пользованіе избирательнымъ правомъ какъ въ городахъ, такъ и въ графствахъ на большее число лицъ, обусловивъ это право однообразнымъ цензомъ. Когда нижняя палата отвергла билль очень незначительнымъ большинствомъ, король, по настоянію министерства, распустилъ палату, и новые выборы дали большинство уже въ пользу реформы. На этотъ разъ, въ сентябрѣ, нижняя палата приняла билль, но верхняя его отвергла, что вызвало страшное негодованіе въ странѣ, выразившееся въ рядѣ грандіозныхъ митинговъ протеста. Особенно дѣятельно въ это время велась среди рабочихъ демократическая агитація въ духѣ требованій Бентама [1]). Народное волненіе опять приняло очень опасный характеръ, и правительство снова стало готовиться къ встрѣчѣ революціи. Чтобы легче провести реформу, министерство пошло тогда на уступки и кое-какими урѣзками билля склонило на свою сторону болѣе умѣренныхъ торіевъ. Внесенный вторично въ нижнюю палату билль о реформѣ прошелъ въ ней благополучно, но лорды его отвергли, что снова подѣйствовало на націю самымъ возбуждающимъ образомъ: на митингахъ повторялись рѣчи о неплатежѣ налоговъ, по рукамъ ходили воззванія, приглашавшія взяться за оружіе. Министерство вышло въ отставку, но герцогу Веллингтону, которому король поручилъ составить новый кабинетъ, сдѣлать это не удалось, Грей снова былъ призванъ къ власти, послѣ чего билль прошелъ въ іюнѣ 1832 г. послѣ пятнадцати мѣсяцевъ упорной политической борьбы. Сговорчивость лордовъ въ 1832 г. объясняется, между прочимъ, угрозою назначенія достаточнаго количества новыхъ лордовъ изъ лицъ, сочувствовавшихъ реформѣ, и личнымъ обращеніемъ короля къ противникамъ билля не оказывать ему болѣе сопротивленія.

Парламентская реформа 1832 г. была очень далека отъ какого бы то ни было демократизма. Она по-прежнему разсмат-

---

[1]) См. выше, стр. 282.

ривала избирательное право, не какъ лично принадлежащее гражданину свободнаго государства право участвовать въ выборахъ, а какъ льготу (franchise), т.-е. привилегію, принадлежащую особымъ корпораціямъ, каковы собранія графствъ, города и университеты, и распространяющуюся лишь на обладателей имущественнаго ценза. Во всякомъ случаѣ, однако, число избирателей сразу повышалось. Прежде въ графствахъ число избирателей не доходило до 250,000, теперь оно достигало 370,000; въ городахъ и мѣстечкахъ число избирателей увеличилось приблизительно на 100,000, именно—со 188,000 до 286.000. Такимъ образомъ, въ общей сложности Англія получала около 220.000 новыхъ избирателей, что, при 435.000 прежнихъ избирателей, составляло довольно солидную цифру. Правда и то, что число представителей оставалось прежнимъ, выбирались они на прежній, довольно длинный, семилѣтній срокъ, подача голосовъ сохранялась старая, открытая, и избраннымъ признавался по-прежнему тотъ, кто получалъ относительно большее количество голосовъ, хотя бы это большинство не было абсолютнымъ,—тѣмъ не менѣе палата общинъ послѣ 1832 г. гораздо болѣе стала соотвѣтствовать общественному настроенію и вѣрнѣе выражать общественное мнѣніе. Такихъ представителей, которые являлись въ палату по желанію какого-либо лендлорда или по назначенію замкнутой городской олигархіи, болѣе уже не могло быть, или они представляли лишь рѣдкія исключенія. Число злоупотребленій во время выборовъ стало сокращаться, и, наоборотъ, стало возрастать количество случаевъ, когда палата оспаривала правильность избранія, что, конечно, гарантировало бо́льшую добросовѣстность и законность выборовъ. Члены палаты общинъ стали ревностнѣе посѣщать засѣданія и гораздо больше работать. Скоро палата сама начала публиковать, какіе голоса какими представителями подавались по отдѣльнымъ вопросамъ. Отношеніе парламента къ періодической прессѣ измѣнилось, и случаи возбужденія судебнаго преслѣдованія противъ газетъ стали дѣлаться все болѣе рѣдкими, что благодѣтельно отозвалось на развитіи свободы печати. Однимъ словомъ, отъ реформы 1832 г. въ Англіи, несомнѣнно, выиграла политическая свобода. Хотя броженіе, вызванное въ странѣ требованіемъ парламентской реформы, и не могло сразу улечься, но прежняго ожесточенія въ борьбѣ съ новыми движеніями уже не было. Мало того: бывшіе противники реформы не только не пытались вернуться къ старому

порядку, но поставили прямою своею задачею охранять новый строй, вышедшій изъ преобразованія выборовъ, мирясь, конечно, въ данномъ случаѣ съ совершившимся фактомъ, но въ то же время опасаясь новыхъ, еще болѣе рѣзкихъ перемѣнъ. Въ этомъ отношеніи консерватизмъ въ Англіи былъ не похожъ на консерватизмъ континентальныхъ странъ; онъ вполнѣ заслуживалъ свое названіе, какъ направленіе, дѣйствительно охранительное, поддерживающее существующій порядокъ, тогда какъ континентальные консерваторы въ большинствѣ случаевъ выступали въ роли реакціонеровъ, враждебныхъ существующему порядку, разъ послѣдній не соотвѣтствовалъ ихъ желаніямъ, разъ онъ являлся результатомъ отмѣны какихъ-либо старыхъ привилегій или злоупотребленій. Наконецъ, отмѣтимъ, что послѣ 1832 г. торіи вполнѣ усвоили принципъ виговъ относительно выхода въ отставку министерства, не пользующагося довѣріемъ палаты общинъ. Когда Вильгельмъ IV назначилъ торійское министерство, стоявшій въ его главѣ Пиль, не имѣя поддержки большинства въ палатѣ общинъ, убѣдилъ короля распустить палату, но новые выборы также не дали министерству большинства, и это вскорѣ заставило Пиля не только выйти въ отставку, но и признать самый принципъ парламентарнаго министерства. Онъ самъ говорилъ, что общій смыслъ государственнаго устройства и законовъ Англіи требуетъ, чтобы министерство не шло наперекоръ прямому желанію палаты общинъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оно имѣетъ на своей сторонѣ полное довѣріе короны и большинство въ палатѣ лордовъ (1835 г.). Это было окончательнымъ признаніемъ принципа, который выработался еще за сто лѣтъ передъ тѣмъ, но не всегда соблюдался въ теченіе этихъ ста лѣтъ.

Парламентская реформа 1832 г. при всѣхъ благопріятныхъ своихъ результатахъ не могла, однако, удовлетворить демократическую партію и тѣ общественные классы, которые попрежнему оставались исключенными изъ представительства. Нужно было быть собственникомъ или нанимателемъ дома, магазина, конторы, склада или фабрики, стоящихъ не менѣе 10 ф. ст. въ годъ, или нужно было быть собственникомъ либо арендаторомъ земельнаго участка, приносящаго извѣстный доходъ, чтобы пользоваться избирательнымъ правомъ, а это значило, что избирательное право для рабочихъ оставалось совершенно недоступнымъ. Вотъ почему въ Англіи въ концѣ

тридцатыхъ годовъ возникла новая агитація въ пользу демократической реформы парламента и другихъ аналогичныхъ измѣненій, извѣстная подъ названіемъ „чартизма". Съ самаго же начала новой демократической агитаціи палата общинъ пятью стами голосовъ противъ двадцати двухъ одобрила отвѣтъ Джона Росселя, автора билля 1832 г., что реформа парламента окончена, и никакихъ болѣе измѣненій не нужно. Какъ во Франціи іюльская революція, такъ и парламентская реформа въ Англіи усилила торгово-промышленную буржуазію, хотя побѣда ея надъ землевладѣльческою аристократіей не была такою полною, какъ во Франціи, гдѣ послѣ 1830 г. легитимистическій роялизмъ совсѣмъ сошелъ съ политической арены.

Тридцатые и сороковые годы, точнѣе время іюльской монархіи во Франціи, — кромѣ того, что произошло въ началѣ тридцатыхъ и въ концѣ сороковыхъ, — не были благопріятны распространенію конституціонныхъ учрежденій, хотя и были, наоборотъ, очень благопріятны распространенію конституціонныхъ идей. Впрочемъ, за эту эпоху все-таки вводились тамъ и сямъ конституціонные порядки.

Въ Испаніи въ 1833 г. умеръ Фердинандъ VII, оставивъ престолъ своей малолѣтней дочери Изабеллѣ, но у нея сталъ оспаривать право на престолъ ея дядя, донъ-Карлосъ, вслѣдствіе чего возникло въ странѣ междоусобіе, сопровождавшееся военными переворотами, извѣстными подъ названіемъ „пронунсіаменто". Въ эту эпоху въ Испаніи и была введена самимъ правительствомъ очень умѣренная конституція, или такъ называемый „королевскій статутъ", безъ гарантій личной неприкосновенности, безъ свободы печати, безъ независимыхъ судовъ, хотя и съ предоставленіемъ кортесамъ (двухпалатнымъ, при очень высокомъ избирательномъ цензѣ) права участія въ законодательствѣ и вотированіи налоговъ. Это было въ 1834 г., а въ 1836 г. въ Испаніи вспыхнула новая военная революція, результатомъ которой была болѣе либеральная конституція 1837 г., гораздо, однако, менѣе демократическая, чѣмъ конституція 1812 г., хотя ею и объявлялось, что верховная власть принадлежитъ народу, а учредительная — кортесамъ. Смуты, однако, продолжались, и въ 1845 г. совершенъ былъ новый пересмотръ конституціи, который уже былъ слѣдствіемъ побѣды реакціи. Послѣ этого Испанія еще не разъ измѣняла свое устройство: въ 1869 г. была новая революція съ замѣною конституціи 1845 г. очень демократической

порядку, но поставили прямою своею задачею охранять новый строй, вышедшій изъ преобразованія выборовъ, мирясь, конечно, въ данномъ случаѣ съ совершившимся фактомъ, но въ то же время опасаясь новыхъ, еще болѣе рѣзкихъ перемѣнъ. Въ этомъ отношеніи консерватизмъ въ Англіи былъ не похожъ на консерватизмъ континентальныхъ странъ; онъ вполнѣ заслуживалъ свое названіе, какъ направленіе, дѣйствительно охранительное, поддерживающее существующій порядокъ, тогда какъ континентальные консерваторы въ большинствѣ случаевъ выступали въ роли реакціонеровъ, враждебныхъ существующему порядку, разъ послѣдній не соотвѣтствовалъ ихъ желаніямъ, разъ онъ являлся результатомъ отмѣны какихъ-либо старыхъ привилегій или злоупотребленій. Наконецъ, отмѣтимъ, что послѣ 1832 г. торіи вполнѣ усвоили принципъ виговъ относительно выхода въ отставку министерства, не пользующагося довѣріемъ палаты общинъ. Когда Вильгельмъ IV назначилъ торійское министерство, стоявшій въ его главѣ Пиль, не имѣя поддержки большинства въ палатѣ общинъ, убѣдилъ короля распустить палату, но новые выборы также не дали министерству большинства, и это вскорѣ заставило Пиля не только выйти въ отставку, но и признать самый принципъ парламентарнаго министерства. Онъ самъ говорилъ, что общій смыслъ государственнаго устройства и законовъ Англіи требуетъ, чтобы министерство не шло наперекоръ прямому желанію палаты общинъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оно имѣетъ на своей сторонѣ полное довѣріе короны и большинство въ палатѣ лордовъ (1835 г.). Это было окончательнымъ признаніемъ принципа, который выработался еще за сто лѣтъ передъ тѣмъ, но не всегда соблюдался въ теченіе этихъ ста лѣтъ.

Парламентская реформа 1832 г. при всѣхъ благопріятныхъ своихъ результатахъ не могла, однако, удовлетворить демократическую партію и тѣ общественные классы, которые попрежнему оставались исключенными изъ представительства. Нужно было быть собственникомъ или нанимателемъ дома, магазина, конторы, склада или фабрики, стоящихъ не менѣе 10 ф. ст. въ годъ, или нужно было быть собственникомъ либо арендаторомъ земельнаго участка, приносящаго извѣстный доходъ, чтобы пользоваться избирательнымъ правомъ, а это значило, что избирательное право для рабочихъ оставалось совершенно недоступнымъ. Вотъ почему въ Англіи въ концѣ

тридцатыхъ годовъ возникла новая агитація въ пользу демократической реформы парламента и другихъ аналогичныхъ измѣненій, извѣстная подъ названіемъ „чартизма". Съ самаго же начала новой демократической агитаціи палата общинъ пятью стами голосовъ противъ двадцати двухъ одобрила отвѣтъ Джопа Росселя, автора билля 1832 г., что реформа парламента окончена, и никакихъ болѣе измѣненій не нужно. Какъ во Франціи іюльская революція, такъ и парламентская реформа въ Англіи усилила торгово-промышленную буржуазію, хотя побѣда ея надъ землевладѣльческою аристократіей не была такою полною, какъ во Франціи, гдѣ послѣ 1830 г. легитимистическій роялизмъ совсѣмъ сошелъ съ политической арены.

Тридцатые и сороковые годы, точнѣе время іюльской монархіи во Франціи, — кромѣ того, что произошло въ началѣ тридцатыхъ и въ концѣ сороковыхъ, — не были благопріятны распространенію конституціонныхъ учрежденій, хотя и были, наоборотъ, очень благопріятны распространенію конституціонныхъ идей. Впрочемъ, за эту эпоху все-таки вводились тамъ и сямъ конституціонные порядки.

Въ Испаніи въ 1833 г. умеръ Фердинандъ VII, оставивъ престолъ своей малолѣтней дочери Изабеллѣ, но у нея сталъ оспаривать право на престолъ ея дядя, донъ-Карлосъ, вслѣдствіе чего возникло въ странѣ междоусобіе, сопровождавшееся военными переворотами, извѣстными подъ названіемъ „пронунсіаменто". Въ эту эпоху въ Испаніи и была введена самимъ правительствомъ очень умѣренная конституція, или такъ называемый „королевскій статутъ", безъ гарантій личной неприкосновенности, безъ свободы печати, безъ независимыхъ судовъ, хотя и съ предоставленіемъ кортесамъ (двухпалатнымъ, при очень высокомъ избирательномъ цензѣ) права участія въ законодательствѣ и вотированіи налоговъ. Это было въ 1834 г., а въ 1836 г. въ Испаніи вспыхнула новая военная революція, результатомъ которой была болѣе либеральная конституція 1837 г., гораздо, однако, менѣе демократическая, чѣмъ конституція 1812 г., хотя ею и объявлялось, что верховная власть принадлежитъ народу, а учредительная— кортесамъ. Смуты, однако, продолжались, и въ 1845 г. совершенъ былъ новый пересмотръ конституціи, который уже былъ слѣдствіемъ побѣды реакціи. Послѣ этого Испанія еще не разъ измѣняла свое устройство: въ 1869 г. была новая революція съ замѣною конституціи 1845 г. очень демократической

конституціей, сохранившейся и послѣ превращенія Испаніи въ 1873 г. въ республику; послѣдняя смѣнилась военной диктатурой, и только въ 1876 г. выработана была кортесами нынѣ дѣйствующая конституція.

Въ Португаліи еще въ 1826 г. король донъ-Педро отказался отъ престола въ пользу своей дочери и октроировалъ при этомъ конституцію, но братъ короля, донъ-Мигуэль, насильно овладѣлъ престоломъ и снова провозгласилъ абсолютизмъ. Началось и въ Португаліи междоусобіе. Въ 1833 г. побѣдили конституціоналисты, и актъ 1826 г. былъ возстановленъ, послѣ чего Португалія пережила еще нѣсколько переворотовъ (1834, 1838 и 1842), пока только въ 1842 г. хартія 1826 г. не упрочилась окончательно.

Къ этой же эпохѣ относится введеніе конституціи въ Греціи. Еще во время греческаго возстанія собранное около Эпидавра національное собраніе выработало въ 1822 г. для освобождавшейся страны республиканскую конституцію, передѣлывавшуюся потомъ въ 1823 и 1827 гг., но, въ сущности, Греція управлялась деспотически своимъ президентомъ Каподистріей, который только въ 1829 г. въ первый разъ созвалъ народныхъ представителей, да и то лишь для новаго измѣненія конституціи въ смыслѣ узаконенія его диктатуры. Послѣ насильственной смерти Каподистріи въ странѣ усилились внутреннія смуты, заставившія великія державы вмѣшаться въ греческія дѣла, и Греція превратилась въ королевство съ баварскимъ принцемъ Оттономъ во главѣ (1832). Фактически въ Греціи установился абсолютизмъ, но въ 1843 г. вспыхнуло военное возстаніе, заставившее короля созвать въ Аѳинахъ учредительное собраніе.

Плодомъ его работъ была составленная по образцамъ французской и бельгійской конституцій греческая конституція 1844 г. Въ 1862 г. демократическая революція низложила Оттона I съ престола, на который въ 1863 г. былъ приглашенъ датскій принцъ Георгъ, причемъ конституція подверглась нѣкоторымъ измѣненіямъ. Греческая конституція признаётъ равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ, неприкосновенность личной свободы, право собраній и союзовъ, свободу печати (съ воспрещеніемъ цензуры), неприкосновенность жилища и частной переписки и пр., и пр. Во главѣ отдѣла о государственныхъ властяхъ стоитъ параграфъ, гласящій, что „всякая власть исходитъ отъ народа и осуществляется въ порядкѣ, устано-

вленномъ конституціей", а въ другомъ параграфѣ говорится, что „король не имѣетъ другихъ полномочій, кромѣ тѣхъ, которыя ему формально предоставлены конституціей и спеціальными законами, изданными согласно ея предписаніямъ". Достаточно этихъ немногихъ чертъ, чтобы видѣть зависимость греческой конституціи отъ бельгійской [1]).

ГЛАВА XVI.

Демократическія стремленія въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ XIX вѣка.

Возобновленіе демократическаго движенія послѣ 1830 г.—Его оппозиціонный характеръ по отношенію къ буржуазіи. — Французскіе республиканцы временъ іюльской монархіи.—„Народная хартія" въ Англіи и вызванное ею чартистское движеніе.—Демократическія движенія въ Германіи и въ Швейцаріи.—„Молодая Италія" и „Молодая Европа". — Новыя направленія въ философіи и политическій радикализмъ.—Роль польскихъ эмигрантовъ и евреевъ въ революціонномъ броженіи эпохи. — Осложненіе политическаго движенія соціальнымъ.—Національныя движенія первой половины XIX вѣка. — Прогрессивная и реакціонная стороны національныхъ движеній эпохи.

Тридцатые и сороковые годы XIX в. были на Западѣ эпохой рѣзко демократическихъ общественныхъ движеній. Неудача, какая постигла сдѣланную во Франціи конца XVIII в. попытку основать свободное государство на демократическихъ началахъ, не могла не отразиться самымъ гибельнымъ образомъ на самой идеѣ демократическаго государства, и первыя тридцать лѣтъ новаго столѣтія протекли безъ особенно рѣшительныхъ и дѣятельныхъ выступленій со стороны чисто демократическихъ элементовъ общества со сколько-нибудь самостоятельными и опредѣленными программами. Все, что можно было бы въ эпоху реставраціи подвести подъ категорію демократизма, или совсѣмъ отсутствовало въ тогдашнихъ политическихъ движеніяхъ, или играло второстепенную роль, вообще не достигало въ жизни ни малѣйшаго успѣха, если не считать

---

[1]) Ср. выше, стр. 304—305.

того, что, какъ-никакъ, было закрѣплено народнымъ движеніемъ въ Англіи. Въ эту эпоху политическая борьба ставила себѣ цѣлью не столько завоеваніе для народа новыхъ правъ, сколько защиту уже добытаго имъ противъ реакціи, стремившейся къ возстановленію старины. Во главѣ оппозиціонныхъ движеній до 1830 г. стояли средніе классы общества, и позднѣйшій антагонизмъ „буржуазіи“ и „народа“ еще тогда не обозначился. Іюльская революція во Франціи и парламентская реформа въ Англіи были обѣ результатомъ соединеннаго дѣйствія среднихъ классовъ и народныхъ массъ, но выиграла и отъ революціи, и отъ реформы только одна буржуазія, которая теперь достигла власти и изъ оппозиціонной силы, какою была до того времени, стала превращаться въ силу консервативную. Демократическіе элементы, содѣйствію которыхъ Франція обязана была побѣдою надъ реакціей, Англія — выходомъ изъ слишкомъ долго затянувшагося періода застоя, не могли перейти снова въ состояніе покоя и бездѣйствія, тѣмъ болѣе, что ни іюльская революція, ни парламентская реформа не дали такихъ результатовъ, которые могли бы удовлетворить демократію. Мало того: послѣдняя готова была считать себя обманутою, и потому господство буржуазіи должно было вызвать противъ себя демократическую оппозицію. Ни во французской палатѣ депутатовъ, ни въ нижней палатѣ англійскаго парламента, конечно, не могло быть мѣста для этой оппозиціи, такъ какъ, въ концѣ концовъ, и тамъ, и здѣсь были представлены только наиболѣе зажиточные классы общества,—во Франціи, замѣтимъ кстати, носившіе названіе „pays légal“,—но тѣмъ сильнѣе шла демократическая агитація внѣ народнаго представительства, въ различныхъ кругахъ общества вплоть до рабочихъ, среди которыхъ стали теперь просыпаться политическіе интересы. Потрясеніе, вызванное іюльской революціей во Франціи, сразу далеко не улеглось, и всѣ тридцатые годы прошли въ политическихъ демонстраціяхъ, заговорахъ, попыткахъ насильственнаго переворота, покушеніяхъ на жизнь короля и т. п., причемъ цѣлью революціонныхъ стремленій была большею частью демократическая республика. Все это было, съ одной стороны, какъ бы возобновленіемъ конспирацій, столь характерныхъ для 1816—1824 гг., съ другой, возвращеніемъ къ демократическимъ традиціямъ первой французской революціи. Нѣчто аналогичное мы наблюдаемъ въ это время и въ Англіи, гдѣ въ концѣ тридцатыхъ годовъ на-

чалось сильное демократическое движеніе, извѣстное подъ названіемъ „чартизма“.

Если либерализмъ двадцатыхъ годовъ исходилъ, главнымъ образомъ, изъ идей свободы, то основнымъ принципомъ демократическихъ движеній въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ была идея равенства. Іюльская революція и парламентская реформа расширили, какъ мы видѣли, кругъ лицъ, пользовавщихся избирательнымъ правомъ, но этотъ кругъ все-таки оставался замкнутымъ для народныхъ массъ и притомъ не только для рабочихъ, но и для мелкой буржуазіи. То направленіе, какое приняла дѣятельность народнаго представительства въ эпоху преобладанія крупной буржуазіи, особенно во Франціи, а отчасти и въ Англіи, неминуемо должно было направить демократическую оппозицію, преимущественно противъ господства буржуазіи.

Во Франціи, въ первые же мѣсяцы іюльской монархіи побѣдители 1830 г. раздѣлились на „партію движенія“ и „партію сопротивленія“. Первая изъ нихъ стремилась къ продолженію революціи до полнаго осуществленія въ жизни демократическихъ началъ, вторая считала революцію законченной и думала только объ обезпеченіи за буржуазіей добытыхъ ею результатовъ. Во внѣшней политикѣ одна стояла за дѣятельную помощь другимъ народамъ, боровшимся за свободу, другая хлопотала о сближеніи французскаго правительства съ монархическими державами. Послѣ нѣкотораго колебанія между двумя этими направленіями Людовикъ-Филиппъ, въ глубинѣ души настроенный консервативно, выбралъ второе изъ нихъ, чѣмъ положилъ въ основу всей своей политики союзъ королевской власти съ буржуазіей. Благодаря этому, демократическая оппозиція въ его царствованіе и принимала все болѣе и болѣе республиканскій характеръ. Заговоры, возстанія, манифестаціи, покушенія на жизнь короля, столь частые во Франціи въ тридцатыхъ годахъ, только толкали палаты и правительство на путь репрессій, заставлявшихъ прогрессивные круги общества жаловаться на то, что іюльская революція, вмѣсто осуществленія принциповъ 1789 г., сдѣлалась простымъ продолженіемъ реставраціи. Только въ сороковыхъ годахъ, послѣ неудачи республиканскаго заговора 1839 г., іюльская монархія могла считать себя упрочившеюся, такъ какъ республиканская партія была наконецъ разгромлена, и заговоры съ попытками возстанія прекратились. Главною цѣлью французскихъ демо-

кратовъ временъ іюльской монархіи было возстановленіе республики, основанной на всеобщей подачѣ голосовъ по образцу якобинской конституціи 1793 г. Среди республиканцевъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ образовалось, однако, два оттѣнка: одни, вербовавшіе своихъ членовъ преимущественно среди средней и мелкой буржуазіи, стояли на той точкѣ зрѣнія, что республика не должна затрогивать существующій общественный строй, и что добиваться ея нужно преимущественно мирными средствами, тогда какъ другіе, состоявшіе преимущественно изъ ремесленниковъ и отчасти рабочихъ, полагали, что республика должна быть введена путемъ революціи и служить лишь преддверіемъ къ соціальному перевороту. Главные вожди революціонной попытки 1839 г., среди которыхъ особенно видную роль игралъ Бланки, стояли на той точкѣ зрѣнія, что для соціальнаго переворота нужно было прежде всего захватить въ свои руки диктатуру, которая и направила бы революцію по желательному руслу, — идея, которой впослѣдствіи дали названіе „бланкизма". Въ общемъ, это было направленіе, которое ставило революціи одновременно и политическую, и соціальную задачи, въ то самое время, какъ два другія направленія стояли, наоборотъ, одно на точкѣ зрѣнія политическаго переворота безъ всякихъ измѣненій основъ соціальнаго строя, другое же—на точкѣ зрѣнія соціальнаго переустройства безъ предварительнаго переустройства государства.

Мы еще увидимъ [1]), какъ въ эту эпоху возникли и стали распространяться во Франціи разныя ученія, получившія въ тридцатыхъ годахъ XIX в. названіе соціализма, а здѣсь только отмѣчаемъ фактъ раздѣленія, совершившагося въ республиканскомъ лагерѣ между сторонниками чисто политической и соціальной республики. Если мы обратимся къ республиканской прокламаціи, составленной группою лицъ въ іюлѣ 1830 г., то увидимъ, что она еще не заключала въ себѣ никакихъ соціальныхъ требованій, но ими все больше и больше осложнялась политическая программа республиканцевъ, по мѣрѣ того какъ мы приближаемся къ 1848 г. Какіе бы, впрочемъ, оттѣнки ни принимала во Франціи, въ эпоху іюльской монархіи, республиканская идея, приверженцы ея вдохновлялись, главнымъ образомъ, примѣромъ первой революціи, въ особенности примѣромъ конвента, диктаторски управлявшаго Франціей при

---

[1]) Въ слѣдующей главѣ.

помощи столичнаго населенія, и въ основу своей программы клали якобинскую декларацію правъ человѣка и гражданина.

И вообще въ демократическомъ движеніи, происходившемъ во Франціи въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, нельзя не отмѣтить возрожденія традицій якобинизма. Между прочимъ, оно очень ярко отразилось и на тогдашнемъ пониманіи первой революціи. Если въ двадцатыхъ годахъ первые историки революціи, Тьеръ и Минье, разсматривали и ея общій ходъ, и отдѣльныя событія съ точки зрѣнія принциповъ и интересовъ тогдашней либеральной буржуазіи, то теперь такими историками, какъ Бюшезъ и Луи Бланъ, была выдвинута на первый планъ спеціально демократическая точка зрѣнія, съ которой уже въ концѣ XVIII в. они рѣзко различали стремленія буржуазіи и стремленія пролетаріата, а представителями послѣдняго считали якобинцевъ, притомъ въ чисто соціалистической окраскѣ [1]). Бюшезъ даже создалъ себѣ особое политическое міросозерцаніе, въ которомъ на общей почвѣ крайне отрицательнаго отношенія къ индивидуальной свободѣ соединялись въ одно цѣлое наиболѣе характерныя черты средневѣкового католицизма, революціоннаго якобинизма и соціалистическаго ученія современной ему школы сенъ-симонистовъ, тоже не очень-то благосклонно относившейся къ индивидуальной свободѣ. Ученіе Бюшеза одинаково осуждало и реформацію XVI в., а съ нею и весь протестантизмъ, и раціонализмъ XVIII в., и индивидуалистическія черты деклараціи правъ, и, въ особенности, жирондистовъ съ ихъ „буржуазнымъ“ принципомъ индивидуальной свободы. Въ этомъ отношеніи Бюшезъ былъ, въ сущности, вѣрнымъ послѣдователемъ Руссо [2]), такъ какъ у него демократія должна была всѣми мѣрами подавлять индивидуальную свободу: какъ принципъ, онъ противополагалъ эгоистической личной свободѣ соціальный лозунгъ братства, которое, по его опредѣленію, прежде всего требуетъ повиновенія каждаго всѣмъ. Луи Бланъ въ своей „Исторіи французской революціи“, сдѣлавшейся тоже апологіей якобинизма, въ сущности, только видоизмѣнилъ формулу Бюшеза, отдѣливъ въ ней католицизмъ, какъ воплощеніе принципа авторитета, отъ якобинизма, какъ лучшаго выраженія принципа „братства“, и противопоставивъ обоимъ этимъ принципамъ индиви-

---

[1]) См. выше, стр. 161 и слѣд.

[2]) См. выше, стр. 111 и слѣд.

дуализмъ, какъ нѣчто, въ основѣ своей антисоціальное. Конечно, не всѣ демократы раздѣляли такой взглядъ на индивидуальную свободу, и это можно сказать не только о либералѣ Токвилѣ, писавшемъ въ эти же годы [1]), но и о демократѣ Мишле, который въ своей „Исторіи французской революціи“ явился горячимъ защитникомъ индивидуальной свободы. Нужно, вообще, замѣтить при этомъ, что въ очень богатой и разнообразной литературной проповѣди демократическихъ идей во Франціи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ мы имѣемъ дѣло съ самыми несходными между собою оттѣнками, начиная отъ строгаго индивидуализма Токвиля и кончая „каторжнымъ братствомъ“ [2]) Кабе, автора коммунистическаго романа „Путешествіе въ Икарію“. Нельзя только не обратить особаго вниманія на то, что въ части демократической литературы высказывалось сильное недовѣріе къ индивидуальной свободѣ: это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что, наоборотъ, теоретики либерализма относились съ недовѣріемъ къ демократическому равенству [3]), какъ будто свобода и равенство, дѣйствительно,—вещи, между собою несовмѣстимыя. Характерно еще то, что такую дилемму, главнымъ образомъ, мы находимъ у французовъ.

Въ англійскомъ демократическомъ движеніи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ этого недовѣрія къ индивидуальной свободѣ, какъ къ чему-то враждебному въ отношеніи къ равенству, кажется, совсѣмъ даже не было, не смотря на то, что въ другихъ сторонахъ между французскимъ и англійскимъ демократическими движеніями было много общаго. Какъ во Франціи революціонныя вспышки тридцатыхъ годовъ имѣютъ источникъ въ недовольствѣ исходомъ революціи 1830 г., такъ и въ Англіи недовольство среди народныхъ массъ общимъ характеромъ реформы 1832 г. было источникомъ того демократическаго движенія, которое извѣстно подъ общимъ названіемъ чартизма. Съ другой стороны, въ чартизмѣ, какъ и во французскомъ республиканизмѣ этой эпохи, мы различаемъ и направленіе, узко политическое, и направленіе, окрашенное стремленіями соціальнаго характера, а также и различную тактику въ смыслѣ болѣе мирныхъ и болѣе воинственныхъ выступле-

---

[1]) См. выше, стр. 284 и слѣд.

[2]) Отзывъ Герцена.

[3]) См. выше, стр. 283—284.

ній, не говоря уже о томъ, что и въ Англіи въ эти годы происходило соціальное движеніе, чуждое, какъ и во Франціи, всякой политикѣ [1]).

Во время борьбы за парламентскую реформу главные ея дѣятели самымъ недвусмысленнымъ образомъ обѣщали народнымъ массамъ улучшеніе ихъ быта съ перемѣною избирательной системы. Сначала въ народѣ этому вѣрили и не обращали особеннаго вниманія на голоса, предостерегавшіе его на счетъ этого обѣщанія, разъ не будетъ введено всеобщее избирательное право, и всѣ были очень довольны, когда реформа прошла. Первый же, однако, парламентъ, избранный по закону 1832 г., показалъ, что по отношенію къ народнымъ нуждамъ реформированная палата общинъ будетъ держаться прежней неуступчивой политики, и тогда же началась демократическая агитація въ пользу новой реформы выборовъ. Въ 1837 г. разными демократическими ассоціаціями была выработана такъ называемая „народная хартія" (people's charter), давшая названіе всему движенію (хартія по-англійски „чартеръ"). Ея требованія сводились къ слѣдующимъ шести пунктамъ: 1) всеобщая подача голосовъ, 2) ежегодные выборы въ парламентъ, 3) тайное голосованіе, 4) отмѣна имущественнаго ценза, 5) вознагражденіе членамъ парламента въ періоды исполненія ими своихъ обязанностей и 6) равные избирательные округа по количеству избирателей. Пресса и митинги сдѣлали народную хартію весьма популярною во всей странѣ, и въ 1838 г. была въ ея духѣ составлена петиція въ парламентъ, подъ которою въ серединѣ 1838 г. собрано было около 1.280.000 подписей. При передачѣ петиціи палатѣ общинъ была произнесена рѣчь, въ которой указывалось на то, что эта палата общинъ, выбранная 700.000 избирателей, не можетъ представлять собою многомилліонный народъ, что вообще богатые не могутъ быть представителями бѣдныхъ, и что безъ коренного измѣненія конституціи Англія не избѣжитъ революціи. Эти годы въ исторіи Англіи были, дѣйствительно, очень бурными, и отказъ, встрѣченный петиціей въ парламентѣ, враждебное отношеніе къ народной хартіи въ прессѣ правящихъ классовъ, судебныя преслѣдованія, какимъ стали подвергать наиболѣе рьяныхъ агитаторовъ, оставленіе фабрикантами безъ работы рабочихъ, принимавшихъ участіе въ движеніи, — все это толкало чарти-

[1]) См. въ слѣдующей главѣ.

стовъ на революціонный путь, хотя въ то же время между ними самими обнаружились внутреннія несогласія. За все это время чартисты проявляли необычайную энергію, собирали съѣзды и митинги, издавали газеты, брошюры, воззванія, устраивали демонстраціи и стачки.

Въ 1842 г. чартисты подали въ парламентъ вторую петицію, подъ которою собрали уже до 3.300.000 подписей. Въ сороковыхъ годахъ движеніе то затихало, то возраждалось съ новою силою и затихло только къ серединѣ слѣдующаго десятилѣтія. Большую роль въ чартизмѣ игралъ пролетаріатъ, въ которомъ, главнымъ образомъ, и вербовало сторонниковъ соціальное направленіе чартизма, но въ немъ участвовала и радикальная часть мелкой буржуазіи, какъ, съ другой стороны, очень далеко отъ движенія стояли многочисленные рабочіе, организовавшіеся въ профессіональные союзы и этимъ путемъ надѣявшіеся улучшить свое матеріальное положеніе. Практическихъ результатовъ чартизмъ не принесъ: народная хартія остается не осуществленною въ Англіи и до сихъ поръ, но онъ очень сильно содѣйствовалъ политическому воспитанію народныхъ массъ и косвенно повліялъ на нѣкоторыя стороны законодательства (напр., на законодательную нормировку рабочаго времени). Настоящая демократизація англійскихъ учрежденій, да и то постепенная и довольно медленная, началась много позднѣе [1]), когда самая память о чартизмѣ, можно сказать, изгладилась изъ общественной памяти.

Въ другихъ странахъ, не пользовавшихся такою политическою свободою, какъ Англія и Франція, въ странахъ, гдѣ не было ни свободы печати, ни свободы собраній, ни свободы союзовъ, или, по крайней мѣрѣ, всѣ проявленія общественнаго мнѣнія были болѣе стѣснены, въ странахъ, наконецъ, въ которыхъ не было и въ народныхъ массахъ того классового самосознанія, какое начало вырабатываться въ ремесленномъ и рабочемъ сословіяхъ Англіи и Франціи, — не было и не могло быть такихъ широкихъ и бурныхъ проявленій демократизма, какими являются французскій республиканизмъ и англійскій чартизмъ временъ іюльской монархіи. Въ Германіи и въ Италіи демократизмъ такъ не проникалъ въ народныя массы, какъ въ Англіи и во Франціи, имѣлъ вообще болѣе кружковой характеръ, затронувъ преимущественно интеллигентные слои

---

[1]) См. ниже, гл. XXIII.

общества, людей такъ называемыхъ либеральныхъ профессій и передовыхъ представителей буржуазіи, что, конечно, и его не лишало крупнаго политическаго значенія, какъ это и показали событія 1848 г. Мало того: если итальянскій демократизмъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ оставался исключительно политическимъ, то въ Германіи онъ уже началъ соединяться и съ соціальными стремленіями, о чемъ въ своемъ мѣстѣ будетъ сказано нѣсколько подробнѣе [1]).

По сравненію съ Англіей и Франціей какъ въ экономическомъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ Германія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ была страною отсталою, и только духовная культура нѣмецкой націи, ея литература, ея наука, ея философія, стояли въ уровень съ культурою англійскою и французскою. Самая значительная часть Германіи жила еще формами стараго порядка, и даже передовыя ея области не доростали еще до той ступени, на которой находились Англія и Франція. Во всякомъ случаѣ, однако, именно въ тѣхъ нѣмецкихъ государствахъ, гдѣ все-таки была хоть какая-нибудь свобода, и проявлялись въ общественной жизни демократическія стремленія. Съ другой стороны, репрессіи, какимъ въ Германіи подвергалось всякое вольномысліе, заставляли многихъ демократически настроенныхъ нѣмцевъ искать убѣжища за границами родины,—въ Швейцаріи, во Франціи, въ Бельгіи, въ Англіи,—что придавало нѣмецкому демократическому движенію такой характеръ, какого оно не имѣло ни въ Англіи, ни во Франціи: эмигрантскіе кружки не могли оказывать на общество непосредственнаго воздѣйствія, и это тоже ослабляло силу ихъ пропаганды. И германскіе демократы, наконецъ, раздѣлились на политическихъ и соціальныхъ, причемъ среди первыхъ были и такіе, которые мечтали о возстановленіи единой имперіи съ демократической конституціей, а другіе были настроены на республиканскій ладъ. Послѣднее направленіе было болѣе сильно въ юго-западной Германіи (особенно въ Баденѣ), по сосѣдству съ Швейцаріей, гдѣ еще въ концѣ двадцатыхъ годовъ возникла демократическая партія, требовавшая соотвѣтственныхъ измѣненій въ конституціяхъ отдѣльныхъ кантоновъ. Подъ вліяніемъ іюльской революціи въ 1830—1832 г. въ одиннадцати наиболѣе важныхъ кантонахъ даже были введены новыя конституціи, что возбудило въ швейцарскихъ радикалахъ

[1]) См. въ слѣдующей главѣ.

желаніе добиться измѣненія и всего союзнаго строя въ демократическомъ направленіи. Переселеніе въ Швейцарію въ большомъ количествѣ политическихъ бѣглецовъ разныхъ національностей (поляковъ, итальянцевъ, нѣмцевъ, французовъ) только усиливало это политическое броженіе среди мѣстныхъ демократовъ.

Главнымъ и наиболѣе оказавшимъ вліянія результатомъ демократическихъ стремленій, возникшихъ въ нѣмецкомъ обществѣ, былъ тотъ радикализмъ, который нашелъ свое выраженіе въ философской и политической литературѣ. Хотя въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ въ Германіи и продолжалась реакція, но она имѣла теперь почти исключительно правительственный характеръ, тогда какъ еще въ двадцатыхъ годахъ и само общество настроено было консервативно, что отражалось на тогдашней нѣмецкой литературѣ съ ея устремленнымъ въ средніе вѣка романтизмомъ. Переворотъ въ настроеніи нѣмецкаго общества около 1830 г. отмѣченъ въ исторіи литературы возникновеніемъ новаго, болѣе свободнаго направленія, извѣстнаго подъ названіемъ „Молодой Германіи", и параллельно съ нимъ, такъ сказать, переходомъ философіи съ консервативной точки зрѣнія, на которой она стояла въ двадцатыхъ годахъ, на точку зрѣнія боевую—въ вопросахъ и религіи, и политики. Молодое поколѣніе въ Германіи съ восторгомъ привѣтствовало іюльскую революцію, и французскія идеи стали оказывать все большее и большее вліяніе на нѣмецкое образованное общество. Недаромъ правительства находили, что литературныя произведенія „Молодой Германіи" проникнуты революціоннымъ духомъ, и начали всѣми мѣрами преслѣдовать это направленіе. Философія въ свою очередь стала покидать заоблачныя высоты, чтобы заняться разрѣшеніемъ жизненныхъ вопросовъ окружающей дѣйствительности. Ея радикализму въ трактованіи религіозныхъ темъ вполнѣ соотвѣтствовалъ и общій оппозиціонный духъ вырабатывавшагося ею политическаго міросозерцанія. Передовые умы даже ставили самой философіи главною цѣлью совершеніе общественной эманципаціи, которая понималась не иначе, какъ въ смыслѣ установленія въ государствѣ и обществѣ демократическихъ порядковъ [1]).

---

[1]) „Ист. Зап. Евр.", т. V, гл. XV. Новое философское движеніе вышло изъ школы Гегеля, раздѣлившейся въ эти годы на консервативное и ради-

Демократическое движеніе происходило въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ и въ Италіи, гдѣ оно имѣло исключительно національно-политическій характеръ, такъ какъ ставило своею задачею освобожденіе страны отъ австрійскаго господства въ одной ея части и вліянія въ другой, объединеніе ея въ одно государство и устройство этого государства въ формѣ демократической республики. Неудачи революціонныхъ попытокъ начала двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ не убили на Апеннинскомъ полуостровѣ дѣятельности тайныхъ обществъ. Въ 1831 г. одинъ изъ приверженцевъ стараго карбонаризма, въ то время еще очень молодой человѣкъ, Мадзини, положилъ начало новому тайному обществу „Молодой Италіи", которое черезъ два года сдѣлало даже дерзкую попытку вооруженнаго вторженія изъ Швейцаріи въ Пьемонтъ для того, чтобы начать новое возстаніе. Идеаломъ Мадзини была единая и нераздѣльная Италія, превращенная въ демократическую республику, но онъ соглашался и на демократическую монархію, если бы только она была введена по народному желанію и не мѣшала республиканцамъ работать надъ осуществленіемъ своего идеала. Онъ шелъ еще далѣе и, признавая, что государственныя границы должны совпадать съ національными, рисовалъ себѣ будущую демократическую Европу въ видѣ своего рода федераціи національныхъ республикъ, или общеевропейскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Приговоренный на родинѣ къ смертной казни, Мадзини долженъ былъ потомъ жить на чужбинѣ, гдѣ произошло сближеніе его съ политическими эмигрантами другихъ національностей, что дало ему возможность заняться организаціей большого международнаго демократическаго общества, цѣлью котораго была общая европейская революція. Тайное общество „Молодой Италіи" сдѣлалось такъ популярно, что по его образцу возникли одна за другою „Молодая Польша", „Молодая Германія", „Молодая Швейцарія", „Молодая Франція", „Молодая Испанія", составившія въ своей совокупности, по мысли Мадзини, „Молодую Европу". По своему основному характеру это былъ союзъ революціонныхъ элементовъ разныхъ національностей, объединенныхъ нѣкоторыми общими политическими принципами, но именно лишь чисто политическими принципами, и только позднѣе по этому образцу

кальное направленія. „Лѣвые" гегельянцы подвергли критикѣ философію права Гегеля, о которой см. выше, стр. 250, примѣч.

стали объединяться для солидарной дѣятельности и приверженцы соціальныхъ идей, принадлежавшіе къ разнымъ національностямъ. Мадзини былъ пламенный національный патріотъ, среди же нѣмецкихъ демократовъ было немало такихъ, которые стояли на космополитической точкѣ зрѣнія и находили, что въ случаѣ войны Франціи съ Австріей и Пруссіей, всѣ нѣмцы, дорожащіе политической свободой, должны стать на сторону Франціи.

Весьма дѣятельное участіе въ демократическомъ движеніи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ принимали польскіе эмигранты, наводнившіе, послѣ разгрома польской революціи въ 1831 г., Францію, Швейцарію и Бельгію. Польская эмиграція сразу раздѣлилась на консервативно-аристократическій и радикально-демократическій лагери, и во всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ демократическихъ выступленіяхъ этой эпохи всегда принимала участіе та или другая группа польскихъ демократовъ. Для нихъ побѣда общеевропейской революціи казалась лучшимъ средствомъ для возстановленія политической независимости польской націи, и въ этомъ отношеніи поляки этого поколѣнія только шли по стопамъ своихъ отцовъ и дѣдовъ, которые возлагали всѣ свои надежды на революціонную и наполеоновскую Францію. Кромѣ поляковъ, видное участіе въ радикально-демократическомъ движеніи эпохи (и притомъ съ менѣе націоналистическомъ характеромъ) принимали еще интеллигентные нѣмецкіе евреи, изъ среды которыхъ вышли такіе писатели, какъ Бёрне, Гейне, Марксъ, сближавшіеся сами и сближавшіе своихъ германскихъ согражданъ съ демократическимъ движеніемъ, которое происходило во Франціи. Эта международность демократическихъ стремленій въ сороковыхъ годахъ начала сильно тревожить европейскія правительства, и передъ самой революціей 1848 года первые министры и буржуазно-конституціонной Франціи, и феодально-абсолютистической Австріи даже вели между собою переговоры относительно общихъ мѣръ противъ демократическихъ происковъ, казавшихся одинаково очень опасными всякимъ консервативнымъ интересамъ, были ли то интересы феодальнаго дворянства и капиталистической буржуазіи, интересы легитимной монархіи или королевской власти, возникшей на баррикадахъ.

Дѣлая этотъ краткій очеркъ демократическаго движенія на Западѣ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, я особенно

подчеркивалъ его чисто политическій характеръ, но въ то же время отмѣчалъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ политическій демократизмъ принималъ отчасти и соціальный характеръ. Это послѣднее явленіе заслуживаетъ отдѣльнаго разсмотрѣнія, тѣмъ болѣе, что само соціальное движеніе далеко не всегда соединялось съ чисто политическими стремленіями. Мы увидимъ именно, что самыя раннія проявленія того направленія, которое въ тридцатыхъ годахъ получило названіе соціализма, зародились и получили опредѣленныя очертанія внѣ какой бы то ни было связи съ политикой. Лишь въ тридцатыхъ годахъ началось сближеніе между чисто политическими и исключительно соціальными стремленіями, до того времени развивавшимися независимо одни отъ другихъ, и это тотчасъ же внесло расколъ въ тогдашній демократизмъ, раздѣливъ его представителей на политическихъ и соціальныхъ демократовъ.

Далеко не всѣ участники демократическаго движенія эпохи приняли въ свое политическое міросозерцаніе новыя соціальныя идеи, и далеко не во всѣхъ странахъ это движеніе вообще осложнилось соціальнымъ элементомъ. Странами, гдѣ это произошло, были преимущественно Франція и Англія, за ними Германія, въ которой притомъ соціализмъ былъ до извѣстной степени явленіемъ заноснымъ, складывавшимся подъ французскимъ вліяніемъ, во всякомъ случаѣ не такимъ яркимъ, какъ во Фракціи. Демократы другихъ національностей, наприм., итальянцы и поляки, въ общемъ, были далеки отъ стремленій чисто соціальнаго характера, но за то у нихъ всѣ политическія движенія, были ли они болѣе умѣренными или болѣе радикальными, осложнялись стремленіями, вытекавшими изъ національнаго самосознанія. Въ общемъ, чѣмъ болѣе мы подвигаемся съ запада на востокъ, тѣмъ въ исторіи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ все меньшую роль мы вынуждены признавать за соціальными стремленіями и тѣмъ большую, наоборотъ, за стремленіями національными.

Ни въ Англіи, ни во Франціи никакого національнаго вопроса въ тѣсномъ значеніи этого слова не существовало, а сосѣдняя съ ними Бельгія свой національный вопросъ разрѣшила въ 1830 г. расторженіемъ прежнихъ узъ съ Голландіей. Въ иномъ положеніи находились Германія и Италія, лишенныя политическаго единства, раздѣленныя каждая между нѣсколькими государствами, въ которыхъ господствовали далеко не одинаковые порядки. Въ Германіи, какъ-никакъ, все-таки еще

существовалъ нѣкоторый объединявшій ее федеративный строй, тогда какъ Италія оставалась простымъ „географическимъ понятіемъ“, и значительная ея часть, вдобавокъ, входила въ составъ одного изъ двухъ большихъ нѣмецкихъ государствъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что и въ Италія, и въ Германіи демократы мечтали объ осуществленіи своихъ плановъ не иначе, какъ подъ условіемъ политическаго объединенія обѣихъ національностей, созданія единой демократической Италіи, единой демократической Германіи. Подвинувшись далѣе на востокъ, мы увидимъ, что тамъ національный вопросъ имѣлъ еще болѣе острую постановку. Особенною остротою отличался онъ въ Австріи. Монархія Габсбурговъ, составившаяся изъ самыхъ разнородныхъ національныхъ элементовъ, еще до французской революціи выступила на путь самой крутой германизаціи всѣхъ не-нѣмецкихъ элементовъ своего населенія, первая же половина XIX в. въ этомъ отношеніи была эпохою наибольшаго развитія централизаторской политики, одинаково давившей и чеховъ, и мадьяръ, и поляковъ, и итальянцевъ, не говоря уже о томъ, что въ отдѣльныхъ областяхъ совершались еще частныя угнетенія—хорватовъ мадьярами, русиновъ поляками и т. п. Между тѣмъ, въ первой же половинѣ XIX в.— и въ извѣстной мѣрѣ не безъ вліянія со стороны французской революціи и наполеоновскихъ войнъ — совершается внутреннее возрожденіе остававшихся дотолѣ подавленными народностей. Первый примѣръ національно-освободительныхъ движеній подали въ началѣ XIX в. подвластные Турецкой имперіи сербы и греки. Въ Австріи такихъ возстаній не было, но за то въ ней происходило культурное возрожденіе славянскихъ народностей, и шло сильное политическое броженіе среди мадьяръ, справедливо жаловавшихся на умаленіе своихъ національныхъ правъ, да не особенно спокойно вели себя и поляки. Чисто національный характеръ имѣло, наконецъ, и возстаніе 1830 г. въ Царствѣ Польскомъ. Всѣ эти недовольныя національности мечтали о лучшемъ будущемъ, и для каждой изъ нихъ это лучшее будущее рисовалось не иначе, какъ въ видѣ большей или меньшей политической самостоятельности съ большею или меньшею внутреннею свободою.

Въ національныхъ стремленіяхъ, особенно обострившихся къ концу сороковыхъ годовъ и потому игравшихъ такую крупную роль въ общеевропейскомъ кризисѣ 1848 г., были и свои прогрессивныя, и свои реакціонныя стороны. Идея націи, какъ

самоопредѣляющейся коллективной личности цѣлаго народа, притомъ личности, имѣющей право на независимость отъ другихъ народовъ и на равноправіе съ ними, несомнѣнно, принадлежитъ къ числу идей, вполнѣ прогрессивныхъ и находится въ полномъ согласіи съ тѣмъ самымъ „естественнымъ правомъ", осуществить которое пыталась французская революція. Послѣдняя въ своихъ законодательныхъ актахъ даже формулировала верховное право націй [1]). Идеаломъ демократической „Молодой Европы" была основанная на идеѣ политической солидарности федерація суверенныхъ и равноправныхъ народностей. Изъ того же основного принципа вытекало требованіе равноправія разноплеменныхъ подданныхъ одного и того же государства, и это требованіе осуществлялось вездѣ, гдѣ торжествовали принципы свободы, какъ мы это видимъ въ Швейцаріи или въ Соединенныхъ Штатахъ. Бельгійская конституція прямо даже оговорила факультативность пользованія языками, распространенными въ королевствѣ [2]). Наоборотъ, реакціонныя правительства не хотѣли признавать національныхъ правъ своихъ подданныхъ и, слѣдуя правилу „divide et impera" [3]), угнетали однѣ народности при помощи другихъ. Извѣстно, что и на вѣнскомъ конгрессѣ дипломаты, дѣлившіе и передѣлявшіе Европу, считались больше съ династическими притязаніями, чѣмъ съ національными стремленіями и правами.

Но у медали была и обратная сторона. Національныя движенія первой половины XIX в. принимали нерѣдко характеръ племенной исключительности, культурнаго консерватизма, политическаго романтизма. Въ эпохи, когда въ Германіи происходило усиленіе конституціонныхъ стремленій, реакціонеры взывали къ національному чувству нѣмцевъ, указывая на несоотвѣтствіе конституціонныхъ формъ, выдуманныхъ французами, истинному духу нѣмецкой націи. Нерѣдко національные патріоты обращали свои взоры къ историческому прошлому, въ которомъ искали указаній для будущаго, когда, напр., чехи не иначе понимали возстановленіе своего національнаго бытія, какъ въ границахъ исторической Чехіи, причемъ и округа съ нѣмецкимъ населеніемъ должны были бы подчиниться чешскому языку, или когда поляки распространяли свои при-

---

[1]) См. выше, стр. 196, прим.

[2]) См. выше, стр. 304.

[3]) Раздѣляй и властвуй.

тязанія на господство въ областяхъ съ не-польскимъ населеніемъ, входившихъ въ прежнюю Рѣчь-Посполитую. Ко всему этому нужно прибавить, что нерѣдко націонализмъ первой половины XIX в. проникался еще извѣстнымъ мистицизмомъ, вѣрою въ особое посланничество своего народа, въ родѣ того, какъ мы это видимъ у польскихъ мессіанистовъ или нашихъ славянофиловъ [1]). Конечно, весьма прогрессивна была дѣятельность тѣхъ патріотовъ, которые для спасенія угрожаемой національности заботились о распространеніи образованія въ народныхъ массахъ на народныхъ языкахъ, и въ этомъ была несомнѣнная польза для успѣховъ демократіи, но если въ народную среду такимъ путемъ пускались въ оборотъ идеи съ характеромъ племенной исключительности, враждебнаго отношенія ко всему иноземному и національнаго самовосхваленія, то, конечно, отъ этого получался лишь одинъ вредъ. Въ 1848 г. націонализмъ, какъ извѣстно, сослужилъ плохую службу дѣлу завоеванія, между прочимъ, и угнетенными народностями, свободы и равноправія, во имя которыхъ поднялась тогда чуть не вся Западная Европа [2]), да и впослѣдстіи реакція неоднократно пользовалась слѣпыми національными инстинктами для борьбы съ прогрессивными стремленіями, указывая на эти стремленія, какъ на измѣну родной старинѣ подъ вліяніемъ иностранцевъ и инородцевъ.

---

[1]) Сравнительно съ XVIII в., отличавшимся болѣе космополитическимъ характеромъ, XIX столѣтіе вообще было болѣе націоналистичнымъ, причемъ, съ легкой руки Фихте въ его „Рѣчахъ къ нѣмецкой націи“, въ разныхъ мѣстахъ стало проявляться стремленіе обосновывать превосходство родной національности надъ другими. Гегель видѣлъ въ нѣмецкой націи воплощеніе „всемірнаго духа“ на высшей степени его развитія. Польскіе мессіанисты объявили Польшу „Мессіей народовъ“, пострадавшимъ, но имѣющимъ воскреснуть для освобожденія всего человѣчества. „Исторія Зап. Евр.“, т. V, гл. 17.

[2]) См. ниже, гл. XVIII и XXII.

ГЛАВА XVII.

Возникновеніе соціальнаго движенія въ первой половинѣ XIX вѣка.

Взаимныя отношенія политическихъ и соціальныхъ движеній вообще и въ новой исторіи въ частности.—Соціальный элементъ чешской и нѣмецкой реформаціи, первой англійской революціи и революціи французской.—Были ли якобинцы соціалистами? — Заговоръ Бабёфа. — Крестьянскій вопросъ въ XIX в.—Сущность индустріальной революціи конца XVIII и начала XIX в. и возникновеніе рабочаго вопроса.—Отношеніе къ нему государства.—Соціальныя утопіи первой половины XIX в. — Происхожденіе термина „соціализмъ". — Установленіе связи политическаго демократизма съ соціализмомъ.—Соціально-политическія ученія Луи-Блана и Маркса. — „Коммунистическій манифестъ".—Вліяніе соціализма на событія 1848 г.—Книга Лоренца Штейна о французскомъ соціализмѣ и коммунизмѣ.—Противоположность буржуазіи и народа.

Въ самомъ началѣ настоящей книги было сказано, что предметъ ея—происхожденіе современнаго народно-правового государства въ его представительномъ строѣ и въ его отношеніяхъ къ отдѣльнымъ личностямъ и ко всему обществу, опредѣляемыхъ понятіями свободы и равноправія. Поэтому политическія учрежденія, политическія идеи, политическія событія и движенія доминируютъ въ содержаніи этой книги, какъ выдѣленныя для исключительнаго разсмотрѣнія изъ того общаго комплекса разнородныхъ и сложныхъ явленій, который мы называемъ исторической жизнью вообще. Государство составляетъ лишь одну изъ нѣсколькихъ главныхъ сторонъ, которыя мы различаемъ въ общемъ составѣ общественнаго существованія людей, какъ различаемъ, наприм., въ человѣческомъ организмѣ костяной скелетъ, мускулатуру, кровеносную и нервную системы. Рядомъ съ государствомъ въ жизни народовъ есть еще духовная культура, въ которой видную роль играетъ, напр., религія, есть еще независимая отъ чисто политическихъ формъ соціальная структура, находящаяся въ тѣснѣйшей связи съ тѣмъ, что мы называемъ экономикой, хозяйственною или матеріальною стороною народной жизни. По самому существу нашей задачи мы въ настоящей книгѣ не отводимъ мѣста ни религіи,

ни экономикѣ, ни другимъ культурно-соціальнымъ элементамъ, слѣдя лишь за эволюціей элемента политическаго, но дѣлается это не потому, чтобы мы забывали связь, всегда и вездѣ существующую между экономическими, культурными и политическими фактами. Даже тамъ, гдѣ государство самымъ рѣшительнымъ образомъ отказалось признавать въ обществѣ какія бы-то ни было сословныя перегородки, общество все-таки остается раздѣленнымъ на классы, и это раздѣленіе отражается даже на организаціи народнаго представительства. Съ другой стороны, чисто политическая борьба, ведущаяся въ государствѣ, всегда и вездѣ такъ или иначе соединяется съ соціальною борьбою въ обществѣ, съ борьбою между отдѣльными его классами изъ-за экономическихъ, главнымъ образомъ, интересовъ, и обѣ эти стороны совершающейся въ обществѣ борьбы, политическая и соціальная, находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи. Одно стремленіе людей къ осуществленію свободы и равенства и къ участію, хотя бы и черезъ избранныхъ ими представителей, въ направленіи государственныхъ дѣлъ не можетъ еще объяснить намъ происхожденія тѣхъ революцій, которыми создавался конституціонный строй. Идея права—сама по себѣ, но, кромѣ того, важную роль во всѣхъ политическихъ революціяхъ игралъ факторъ интересовъ чисто матеріальнаго, экономическаго содержанія. Пока общество раздѣляется на неравноправныя сословія, на знатныхъ и незнатныхъ, идущій снизу протестъ порабощеннаго большинства всегда направляется противъ сословности, т. е. противъ неравноправія, когда же послѣднее болѣе или менѣе устраняется, борьба незнатныхъ противъ знатныхъ превращается въ борьбу неимущихъ противъ имущихъ. Съ такою послѣдовательностью фазисовъ соціальной борьбы мы встрѣчаемся уже въ государствахъ-городахъ античнаго міра, гдѣ сначала незнатные (плебеи) добивались равноправія со знатными (патриціями), а потомъ шла борьба между бѣдными и богатами, и политическій вопросъ осложнялся вопросомъ соціальнымъ [1]). Эту же послѣдовательность представляетъ намъ и новая исторія Европы: и здѣсь сначала незнатные стремятся низвергнуть господство знати, и только позднѣе вскрывается среди незнатныхъ антагонизмъ между неимущими и имущими, начинающій оказывать совершенно самостоятельное вліяніе и на политику. Эпоха ве-

[1]) „Государство-городъ", стр. 184.

ликой французской революціи была преимущественно эпохою революціи политической, и тотъ же основной характеръ имѣли и всѣ другія политическія движенія первой половины XIX в. Но уже тридцатые и сороковые годы подготовляли Западную Европу къ новому фазису въ исторіи революцій, къ фазису соціальной борьбы, ставившей своею задачею коренную реформу не только государственнаго, но и общественнаго строя. 1848 годъ въ этомъ отношеніи уже рѣзко отличался отъ 1789 г., ибо на событіяхъ 1848 г. сказалось уже сильное вліяніе новаго фактора борьбы—соціализма.

Принятая нами схема, конечно, вовсе не устраняетъ изъ нашего историческаго построенія ни борьбы неимущихъ противъ имущихъ, ни дѣйствія чисто соціальныхъ стремленій и въ болѣе раннія эпохи, чѣмъ та, на которую только что было указано. Чисто соціальныя, отличныя отъ строго политическихъ стремленія, т.-е. стремленія къ переустройству общества на совершенно новыхъ экономическихъ началахъ, именно въ интересахъ народной массы, и потому особенно захватывавшія эту массу, — эти стремленія сопровождаютъ, какъ извѣстно, цѣлый рядъ крупныхъ религіозныхъ и политическихъ потрясеній, переживавшихся западными народами въ новое время. Сами потрясенія эти въ большей или меньшей степени обусловливались народными движеніями, имѣвшими свой корень въ экономическихъ неустройствахъ и легко воспринимавшими проповѣдь идей, которымъ мы даемъ въ настоящее время названія соціализма, коммунизма, анархизма. Религіозныя секты чешской религіозной реформаціи XV в. (гуситства) и, черезъ столѣтіе, реформаціи нѣмецкой (анабаптизмъ) пользовались успѣхомъ среди крестьянъ и городского простонародья, благодаря тому, что обѣщали полное переустройство общественной жизни съ устраненіемъ всѣхъ тѣхъ проявленій человѣческой неволи и соціальнаго неравенства, которыхъ, вообще, не касались потомъ чисто политическія революціи. Въ исторіи нѣмецкой реформаціи извѣстны такія выступленія анабаптистовъ, какъ участіе ихъ въ крестьянской войнѣ или образованіе царства Новаго Сіона въ Мюнстерѣ. Тотъ же соціальный элементъ, хотя и не въ такой степени, мы обнаруживаемъ и въ первой англійской революціи. Не левеллеры, бывшіе лишь чисто политическими уравнителями [1]), являлись носителями со-

[1]) См. выше, стр. 90.

ціальной идеи, а такъ называемые „диггеры“, практически, хотя и совершено мирными средствами осуществлявшіе право трудящагося народа на землю, и особенно агрессивно настроенные „люди пятой монархіи“ [1]), вѣрившіе въ близкое наступленіе тысячелѣтняго царства Христа на землѣ, когда не будетъ ни правительствъ, ни законовъ, ни общественныхъ неравенствъ и т. п. И великая французская революція имѣла свою соціальную сторону, хотя въ эту эпоху въ народныхъ массахъ Франціи и не распространялось никакихъ сектантскихъ ученій, подобныхъ проповѣди анабаптистовъ или „людей пятой монархіи“. Народныя массы приняли такое дѣятельное и бурное участіе въ революціи не потому, что хотѣли только осуществить права человѣка и гражданина, гражданское равноправіе и народовластіе, а потому, что старый режимъ довелъ ихъ до обнищанія, до хронической безработицы, до постоянныхъ голодовокъ, и люди инстинктивно стремились къ лучшему будущему путемъ осуществленія не однихъ только политическихъ требованій.

Во всякомъ случаѣ, однако, въ эпоху первой французской революціи политическія требованія доминировали надъ всѣми остальными, ибо господствовало убѣжденіе, что всѣ общественныя бѣдствія вытекаютъ изъ одного дурного государственнаго устройства. На такой точкѣ зрѣнія стояла и крайняя демократическая партія французской революціи,—якобинцы. На вопросъ, нельзя ли видѣть въ якобинцахъ соціалистическую партію 1793 г., приходится, какъ мы уже видѣли [2]), отвѣчать отрицательно. Они столь же мало были соціалистами, какъ мало были коммунистами англійскіе левеллеры 1649 г., ибо и самый крайній политическій демократизмъ всегда очень далекъ отъ соціализма и коммунизма, разъ только онъ оставляетъ экономическій строй, признающій безусловность частной собственности и допускающій, какъ ея неизбѣжный результатъ, экономическое неравенство. Конечно, мы не станемъ отрицать, чтобы среди якобинцевъ, какъ, впрочемъ, и среди людей, принадлежавшихъ къ другимъ партіямъ, или среди писателей XVIII в. нельзя было найти идеи и стремле-

---

[1]) Первыя четыре монархіи—по извѣстному толкованію пророческихъ словъ Даніила; четвертою считалась Римская имперія, фиктивно существовавшая и въ XVII в. въ обладаніи нѣмецкой націи.

[2]) См. выше, стр. 161 и слѣд.

нія, болѣе или менѣе характерныя для соціализма, но отсюда должно быть еще очень далеко до отожествленія якобинизма съ соціализмомъ [1]). Мало того, общаго вывода нашего не можетъ поколебать и то обстоятельство, что среди крайнихъ демократовъ французской революціи были въ извѣстномъ количествѣ и предшественники позднѣйшихъ соціальныхъ революціонеровъ, мечтавшіе о ниспроверженіи, путемъ насильственнаго переворота, современнаго общественнаго строя. Они были, но это не они задавали общій тонъ движенію и пользовались особою популярностью въ массахъ. Самымъ крупнымъ явленіемъ въ области фактовъ подобнаго рода былъ, разумѣется, знаменитый коммунистическій заговоръ временъ директоріи, извѣстный или подъ названіемъ „заговора равныхъ", или по имени своего вождя Гракха Бабёфа, но какъ ни интересенъ самъ по себѣ указанный эпизодъ, это именно только эпизодъ, имѣвшій въ цѣломъ историческаго движенія значеніе лишь перваго предвѣстника будущихъ болѣе серьезныхъ потрясеній.

Если мы отъ французской революціи 1789 г. обратимся къ исторіи распространенія въ Европѣ конституціонныхъ учрежденій въ первыя десятилѣтія XIX в. и къ революціямъ, происходившимъ въ разныхъ странахъ въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, то все это время должно будетъ получить у насъ такую характеристику, которая исключаетъ всякую роль въ политическихъ движеніяхъ, тогда происходившихъ, какого бы-то ни было соціальнаго элемента. Въ эту эпоху рабочій вопросъ, которому суждено было получить въ 1848 г. такую политическую важность, только что еще назрѣвалъ, и главнымъ соціальнымъ вопросомъ, какъ и въ XVIII в., оставался еще вопросъ крестьянскій.

Идеямъ свободы и равенства, являвшимся руководящими принципами конституціонныхъ движеній, конечно, самымъ вопіющимъ образомъ противорѣчило существованіе крѣпостныхъ отношеній въ крестьянскомъ быту. Французская революція вообще положила начало ликвидаціи соціальнаго феодализма, и введеніе новыхъ конституцій не могло не сопровождаться отмѣною крѣпостничества тамъ, гдѣ оно еще существовало. Однимъ изъ первыхъ требованій новаго строя была именно крестьян-

[1]) Нѣчто въ родѣ „права на трудъ", которое мы находимъ въ якобинской деклараціи, было взято ими у жирондистовъ (стр. 177), а еще раньше о томъ же говорилъ физіократъ Тюрго (стр. 125).

ская свобода, которая съ первыхъ же лѣтъ XIX в. начинаетъ вводиться не только тамъ, гдѣ создавались конституціонныя учрежденія, но и тамъ, гдѣ ихъ не было. Напр., въ 1807 г., одновременно съ созданіемъ Наполеономъ I Вестфальскаго королевства и Варшавскаго великаго герцогства, въ которыхъ были введены новыя конституціи, совершилось въ обоихъ и освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, и въ томъ самомъ 1807 г. произошла отмѣна крѣпостничества въ Пруссіи [1]). Реакція реставраціонной эпохи задержала дальнѣйшее освобожденіе крестьянъ, но и въ эту эпоху наблюдается болѣе тѣсная связь между конституціонализмомъ и крестьянскою свободою, такъ какъ, наприм., конституціи и Баваріи, и Бадена, и Вюртемберга, и Гессенъ-Дармштадта объявляли, въ качествѣ одного изъ главныхъ своихъ положеній, всеобщую свободу населенія [2]). Въ крестьянскомъ вопросѣ двадцатые годы были вообще временемъ застоя, и только революція 1830 г. приведшая, какъ мы знаемъ, къ установленію конституціоннаго строя въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ нѣмецкихъ государствахъ [3]), опять внесла въ дѣло крестьянской реформы извѣстное оживленіе, что мы и видимъ по отношенію къ Ганноверу, Гессенъ-Касселю, Саксоніи и др. болѣе мелкимъ княжествамъ, гдѣ въ 1831—1832 г. были произведены крестьянскія реформы. Такое же значеніе для разныхъ частей Австрійской монархіи имѣла революція 1848 г., поставившая передъ нею задачу перехода отъ абсолютизма къ конституціонному строю.

Въ то самое время, когда еще не былъ окончательно ликвидированъ крестьянскій вопросъ, въ смыслѣ отмѣны помѣщичьей власти надъ сельскимъ населеніемъ и землею, находившеюся въ его обладаніи, уже возникъ и сталъ оказывать свое вліяніе на политическую жизнь и другой соціальный вопросъ, сдѣлавшійся потомъ „соціальнымъ вопросомъ“ по преимуществу, вопросъ рабочій. Тридцатые и сороковые годы были именно временемъ, когда этотъ вопросъ занялъ впервые ту позицію, ко-

---

[1]) Вообще, около этого времени крѣпостное состояніе крестьянъ было отмѣнено въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ (1804), Баваріи, Нассау, Бергѣ (1808), Липпе-Детмольдѣ (1809), Шауенбургъ-Липпе, шведской Помераніи (1810), Ольденбургѣ (1811) и пр.

[2]) Въ 1820 г. произошла отмѣна крѣпостного состоянія крестьянъ и Мекленбургѣ.

[3]) См. выше, стр. 296 и 306—307.

торую дальнѣйшее движеніе исторической жизни за нимъ только все болѣе и болѣе укрѣпляло. Однимъ изъ симптомовъ начавшагося обостряться рабочаго вопроса было знаменитое возстаніе ліонскихъ рабочихъ въ 1831 г., вызванное однѣми чисто экономическими причинами и, какъ возстаніе, говоря коротко, труда противъ капитала, даже не ставившее себѣ никакихъ политическихъ цѣлей. Возставшіе рабочіе, на нѣкоторое время (очень короткое, правда) овладѣвшіе городомъ, сдѣлали своимъ лозунгомъ: „жить, работая, или умереть, сражаясь", и попытки политическихъ агитаторовъ использовать это движеніе въ своихъ интересахъ не имѣли среди нихъ ни малѣйшаго успѣха. Крупныя рабочія волненія происходили и въ сороковыхъ годахъ, наприм., въ Силезіи и въ Чехіи. Вообще, недовольство рабочихъ чисто матеріальными условіями своего существованія сильно питало и бо́льшую часть демократическихъ движеній эпохи, какъ это въ особенности показываетъ намъ исторія англійскаго чартизма.

Дѣло въ томъ, что къ разсматриваемому моменту уже вполнѣ обнаружились слѣдствія того экономическаго переворота, который совершался на западѣ Европы одновременно съ политическими революціями, т.-е. съ конца XVIII в., и который принято называть индустріальной революціей [1]). Сущность этого переворота заключалась въ возникновеніи современной крупной промышленности чисто капиталистическаго характера и въ параллельномъ съ нею развитіи рабочаго пролетаріата. Изучая генезисъ этого экономическаго переворота, мы должны различать въ немъ три оказывавшихъ одинъ на другой вліяніе процесса. Однимъ изъ нихъ было обезземеленіе крестьянъ, которое на Западѣ еще со второй половины среднихъ вѣковъ шло рука объ руку съ его освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости [2]). Другую, параллельную эволюцію представляетъ собою постепенное паденіе средневѣковой мелкой промышленности, чему немало способствовала отмѣна въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. цеховыхъ учрежденій, по примѣру, поданному французской революціей [3]). Наконецъ, третьимъ факто-

[1]) Подробнѣе см. объ этомъ въ главахъ XXIV и XXV „Исторіи Западной Европы въ новое время", резюмированныхъ въ главѣ II „Общаго взгляда на исторію Западной Европы въ первыя двѣ трети XIX вѣка".

[2]) „Помѣстье-государство", гл. XXIV.

[3]) См. выше, стр. 208—209.

ромъ индустріальной революціи было введеніе въ производство паровой машины, какъ машины двигательной, и цѣлаго ряда машинъ рабочихъ въ родѣ прядильной, ткацкой и т. п., изобрѣтенныхъ во второй половинѣ XVIII в. Индустріальная революція создала крупныя промышленныя предпріятія съ машиннымъ производствомъ громаднаго количества товаровъ на неопредѣленный рынокъ, съ массою рабочихъ, среди которыхъ видную роль стали играть женщины и дѣти, съ цѣлымъ рядомъ другихъ особенностей, бывшихъ неизвѣстными прежнимъ формамъ промышленности, каковы: скученность фабричнаго населенія, удлиненіе рабочаго дня, развитіе ночной работы, частые промышленные кризисы съ внезапными сокращеніями производства, пониженіями заработной платы, періодами безработицы и т. п. На матеріальномъ положеніи рабочихъ этотъ экономическій переворотъ отозвался крайне тягостно— въ тѣхъ явленіяхъ пауперизма и на его почвѣ усиливавшихся преступности, заболѣваемости и смертности, которыя стали мало-по-малу озабочивать филантроповъ и государственныхъ людей. Ухудшеніе условій труда, безработица, нищета, вызывали въ рабочей средѣ волненія и безпорядки, направлявшіеся нерѣдко противъ машинъ: послѣднія прямо подвергались разрушенію, и ихъ, какъ это было, наприм., въ Англіи, приходилось охранять отъ разъяренныхъ рабочихъ пушками. Положеніе рабочихъ ухудшалось еще тѣмъ, что законы, во имя свободы труда и договоровъ, запрещали имъ вступать въ коалиціи, т.-е. устраивать профессіональные союзы и стачки [1]).

Основная доктрина политическаго и экономическаго либерализма исходила изъ того принципа, что всѣ общественныя бѣдствія излечиваются наилучшимъ образомъ только свободою, въ данномъ случаѣ свободою промышленности, труда, частныхъ договоровъ и, слѣдовательно, невмѣшательствомъ государства въ экономическія отношенія [2]). Промышленной буржуазіи какъ нельзя больше пришлась по вкусу такая теорія, и потому буржуазія, гдѣ только могла, отстаивала принципъ государственнаго невмѣшательства. Теоретики политической экономіи въ духѣ такъ называемаго „манчестерства", въ свою очередь, старались и научнымъ образомъ оправдать безусловную необходимость промышленной свободы. Надежды Адама Смита

---

[1]) Ср. выше, стр. 208.

[2]) См. выше, стр. 290 и слѣд.

на то, что свободная конкурренція въ концѣ концовъ осуществитъ всеобщую гармонію интересовъ, не оправдались, и уже ученія Мальтуса и Рикардо пробили бреши въ этой оптимистической теоріи [1]), позднѣйшіе же экономисты доказывали, что таковы уже законы природы, и что противъ нихъ ничего не подѣлаешь,—слѣдовательно, нечего и бороться противъ существующаго порядка вещей, такъ какъ пользы отъ этого никакой не будетъ, а вредъ выйдетъ несомнѣнный, не говоря уже о правахъ свободы, которая не терпитъ ограниченій, принужденія и т. п. посягательствъ. Ученіе это буржуазія, гдѣ она пользовалась вліяніемъ и властью, стремилась осуществлять въ жизни, стараясь и государственное законодательство привести въ соотвѣтствіе съ принципомъ „laisser passer, laisser faire".

Болѣе всего это могло удаться во Франціи, гдѣ послѣ іюльской революціи наступило настоящее царство буржуазіи [2]). Результатомъ было отсутствіе во Франціи этой эпохи такого фабричнаго законодательства, какое въ эти именно годы возникло въ Англіи, потому что въ ея парламентѣ торгово-промышленный классъ, долженъ былъ дѣлиться властью съ представителями землевладѣнія и сельскаго хозяйства. Отъ антагонизма этихъ двухъ имущихъ классовъ англійскій пролетаріатъ только выигрывалъ, ибо землевладѣльцы и сельскіе хозяева нисколько не были заинтересованы въ томъ, чтобы государство не вмѣшивалось въ условія фабричнаго труда, и потому охотно соглашались на такія мѣропріятія, цѣлью которыхъ было огражденіе рабочихъ (особенно дѣтей и женщинъ) отъ чрезмѣрной эксплуаціи. Принципъ абсолютнаго невмѣшательства государства въ эту сферу отношеній въ Англіи такимъ образомъ не восторжествовалъ, и классическою страною манчестерской политики сдѣлалась не Англія, а Франція. Англійское фабричное законодательство тридцатыхъ-сороковыхъ годовъ указываетъ на то, что къ этому времени, а на самомъ дѣлѣ еще и раньше, рабочій вопросъ сдѣлался предметомъ правительственныхъ заботъ, тѣмъ болѣе, что, благодаря развитію въ странѣ общественной свободы, и сами рабочіе могли здѣсь напоминать о своихъ нуждахъ и бѣдствіяхъ. Иначе вели себя правящіе классы во Франціи, гдѣ государство готово было

[1]) См. выше, стр. 291.

[2]) См. выше, стр. 301.

совершенно игнорировать рабочій вопросъ, и гдѣ даже такія грозныя предупрежденія, какъ ліонское возстаніе 1831 г., не обратили на себя должнаго вниманія.

Во всякомъ случаѣ, возникновеніе, въ первой половинѣ XIX в., рабочаго вопроса, вызывавшее необходимость государственнаго вмѣшательства въ экономическія отношенія, сильно подрывало вѣрность той, такъ сказать, части либеральной доктрины, въ которой свобода промышленности ставилась на одну доску со свободою совѣсти, мысли, слова, печати и т. п. Мало того, въ эту же эпоху возникло и стало проникать въ сознаніе рабочихъ массъ такое направленіе общественной мысли, которое вооружилось противъ самыхъ основъ ученія объ индустріальной свободѣ и объявило, что бороться противъ переживаемыхъ народныхъ бѣдствій нужно не въ области политики съ ея принципомъ индивидуальной свободы, а въ области экономики, изъ которой прежде всего для общаго блага какъ-разъ и долженъ быть устраненъ всякій индивидуализмъ.

Передъ 1830 г. во Франціи и въ Англіи уже существовало три параллельныхъ соціальныхъ ученія, связанныхъ съ именами двухъ французовъ, Сенъ-Симона и Фурье, и одного англичанина, Оуэна [1]). Здѣсь не мѣсто не только излагать, но даже и характеризовать ихъ теоріи, между собою во многомъ несходныя, и нужно ограничиться лишь тѣми ихъ чертами, которыя, будучи имъ болѣе или менѣе общими, въ то же время отличаютъ ихъ отъ современнаго имъ либерализма. Послѣдователи Сенъ-Симона, равно какъ сами Фурье и Оуэнъ, создали цѣлые планы общественнаго переустройства, получившіе у позднѣйшихъ соціалистовъ названіе утопій. Въ исторіи человѣческой мысли утопіи, въ смыслѣ изображенія идеальнаго государства, уже не были новостью, такъ какъ стоитъ только вспомнить хотя бы государство Платона [2]) или „Утопію“ Томаса Моруса; новостью было то, что утописты первой трети XIX в. не только создавали въ своемъ творческомъ воображеніи идеальный общественный строй, но и вѣрили въ его осуществленіе и даже въ ближайшемъ будущемъ. Ихъ утопіи для нихъ, другими словами, не были простою забавою воображенія или игрою ума, а настоящимъ жизненнымъ дѣломъ

---

[1]) См. главу XXVII четвертаго тома „Исторіи Западной Европы“ и главу X „Общаго взгляда на исторію Западной Европы“.

[2]) „Государство-городъ“, стр. 218 и слѣд.

громадной практической важности. Государство Платона, „Утопія“ Моруса, „Civitas solis“ Кампанеллы и т. п., все это были литературныя произведенія, выражавшія извѣстные теоретическіе взгляды, но вовсе не приглашавшія человѣчество къ переустройству всей жизни на совершенно новыхъ началахъ, и въ этомъ отношеніи Сенъ-Симонъ, Фурье и Оуэнъ начинаютъ собою въ исторіи совершенно новое направленіе, въ прошломъ находящееся въ болѣе близкомъ родствѣ съ планами Бабефа или религіозныхъ сектантовъ XV—XVII в., которые стремились къ осуществленію своего идеала въ жизни, нежели съ литературными произведеніями Моруса или Кампанеллы.

Считая свои планы вполнѣ осуществимыми въ жизни, утописты менѣе всего думали при этомъ о какихъ-бы то ни было политическихъ средствахъ, что отличаетъ ихъ и отъ позднѣйшихъ соціалистовъ, которые понимали разрѣшеніе соціальнаго вопроса не иначе, какъ въ тѣсной связи съ государственнымъ преобразованіемъ на демократическихъ началахъ. Все дѣло, полагали соціалисты-реформаторы эпохи реставраціи, въ мирной проповѣди новыхъ идей, подкрѣпленной устройствомъ образцовыхъ общежитій и ассоціацій, примѣру которыхъ немедленно-де станутъ слѣдовать люди—и такимъ образомъ безъ всякихъ потрясеній перейдутъ къ новому строю. Поэтому они не выставляли никакихъ политическихъ требованій, вообще далеко держали себя отъ политики, ни въ ея парламентской, ни въ ея конспиративной формѣ, осуждали французскую революцію, какъ ничего не сдѣлавшую для облегченія трудящихся массъ и т. п. Характерно, что въ то самое время, какъ въ Парижѣ въ началѣ тридцатыхъ годовъ республиканцы дѣлали попытку посредствомъ возстанія произвести демократическій переворотъ, сенъ-симонисты удалялись въ свое знаменитое общежитіе полумонастырскаго характера, гдѣ произошло окончательное превращеніе „школы“ въ религіозную секту. Одновременно съ этимъ фурьеристы начали дѣлать свои опыты съ фаланстерами, какъ назывались ассоціаціи, долженствовавшія переродить весь міръ, и открыто заявляли себя противниками политической агитаціи въ пользу избирательной реформы. Аналогичный характеръ имѣло въ сороковыхъ годахъ движеніе, вызванное среди рабочихъ коммунистическимъ романомъ Кабе „Путешествіе въ Икарію“, и всего за три недѣли до февральской революціи большая партія „икарійцевъ“ отправилась изъ Парижа въ Америку для осу-

ществленія тамъ коммунистической общины. Наконецъ, и въ Англіи, равнымъ образомъ, политическому движенію чартистовъ остались совершенно чуждыми рабочіе, находившіеся подъ вліяніемъ проповѣди Оуэна и думавшіе о разрѣшеніи соціальнаго вопроса путемъ основанія кооперативныхъ ассоціацій.

Въ частности, по отношенію къ либерализму соціальные реформаторы первой трети XIX в. были вполнѣ солидарны въ своемъ къ нему нерасположеніи. Весь либерализмъ былъ основанъ на вѣрѣ въ исключительную силу политической свободы, какъ единственнаго лекарства противъ всѣхъ соціальныхъ золъ, и находилъ существующія экономическія отношенія вполнѣ нормальными, тогда какъ утописты направляли всѣ свои усилія на доказательство какъ-разъ ненормальности современнаго соціальнаго строя съ лежащимъ въ его основѣ хозяйственнымъ бытомъ и потому проповѣдовали необходимость прежде всего реформъ иной категоріи, нежели та, которая исключительно имѣлась въ виду у либераловъ. Особенно вооружились эти реформаторы противъ тогдашней экономической науки, даже не желая видѣть въ ней науку, скорѣе считая ее собраніемъ пагубныхъ соціальныхъ заблужденій: критика общественнаго строя шла у нихъ рука объ руку съ критикой ученій экономическаго либерализма. Главнымъ соціальнымъ зломъ они считали разлученіе труда съ орудіями производства и несогласованность между собою индивидуальныхъ хозяйствъ, приводящую къ анархіи производства, идеалъ же ихъ былъ въ томъ, чтобы рабочіе участвовали въ выгодахъ предпріятія путемъ установленія коллективнаго обладанія орудіями производства, чтобы частныя, индивидуальныя хозяйственныя предпріятія были замѣнены предпріятіями соціальными, коллективными, путемъ образованія производительныхъ ассоціацій, и чтобы свободная конкурренція, результатомъ которой является промышленная анархія, уступила мѣсто планомѣрной организаціи всѣхъ производительныхъ силъ общества.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ новое направленіе получило во Франціи то названіе, которое за нимъ и утвердилось на все послѣдующее время, распространившись довольно быстро по всему цивилизованному міру. Какіе бы впослѣдствіи опредѣленія ни давались новому термину „соціализмъ“, на его происхожденіи ясно сказалась та антииндивидуалистическая тенденція, которая была сильна въ значительной части французской демократіи и притомъ не только въ области эконо-

мики, но и въ области политики [1]). Фурьеризмъ, собственно говоря, имѣлъ не мало индивидуалистическихъ чертъ: хотя Фурье и стремился къ поглощенію всѣхъ частныхъ хозяйствъ своими фаланстерами, однако, въ каждомъ фаланстерѣ онъ допускалъ полную индивидуальную свободу и доводилъ до минимума элементъ власти. Наоборотъ, сенъ-симонизмъ въ своей соціальной теоріи стоялъ на точкѣ зрѣнія необходимости въ будущемъ обществѣ сильнаго развитія элемента власти и притомъ не только власти въ дѣлахъ свѣтскихъ, но и въ дѣлахъ духовныхъ. Этою своею стороною сенъ-симонизмъ оказалъ большое вліяніе на ученіе Бюшеза, въ которомъ авторитарный, анти-индивидуалистическій соціализмъ слился съ однородными тенденціями средневѣкового католицизма въ религіи и революціоннаго якобинизма въ политикѣ [2]). Французскіе соціалисты тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ вообще отличались большою враждебностью къ индивидуализму во имя принципа братства, который для нѣкоторыхъ изъ нихъ былъ не чѣмъ инымъ, какъ требованіемъ полнаго самоотреченія, т.-е. совершеннаго поглощенія личности въ общественномъ цѣломъ. Соціализмъ ставилъ задачу внесенія извѣстной планомѣрности и регламентаціи въ производство и распредѣленіе хозяйственныхъ благъ, долженствовавшія перейти изъ частнаго завѣдованія въ общественное, а развивавшійся параллельно съ нимъ коммунизмъ распространялъ требованіе планомѣрной общности и на всю область потребленія произведенныхъ цѣнностей [3]). Кульминаціонной точки своего развитія утопическій коммунизмъ достигъ въ названномъ выше романѣ Кабе, этой проповѣди братства, которое Герценъ не могъ, однако, иначе охарактеризовать, какъ поставивъ рядомъ съ нимъ эпитетъ „каторжное". Одна изъ особенностей французскаго соціализма заключалась въ томъ, что онъ не ограничивалъ свою антииндивидуалистическую проповѣдь одною сферою экономическихъ отношеній, но распространялъ ее и на области политики и религіи. Дальнѣйшее его развитіе заключалось, съ одной стороны, въ очищеніи

---

[1]) См. выше, стр. 319 и слѣд.

[2]) См. выше, стр. 319. Въ отличіе отъ авторитарнаго соціализма сенъ-симонистовъ, фурьеризмъ можетъ быть квалифицированъ, какъ либертарный.

[3]) Нужно, однако, замѣтить, что въ ту эпоху термины „соціализмъ" и „коммунизмъ" строго не разграничивались.

его отъ разныхъ фантастическихъ и мистическихъ примѣсей, съ другой—въ сближеніи его съ политикой, начавшемся вскорѣ послѣ іюльской революціи. Кромѣ того, нужно отмѣтить, что раннія формы французскаго соціализма пользовались распространеніемъ преимущественно среди интеллигентной буржуазіи, мало проникая въ рабочую среду, и только послѣ 1830 г., въ особенности же въ сороковыхъ годахъ, новыя соціальныя ученія стали вербовать адептовъ среди пролетаріата. Историческая связь соціализма съ пролетаріатомъ установилась, такимъ образомъ, не сразу, но когда она установилась, не могло не сдѣлаться яснымъ, что съ возникновеніемъ соціализма и проникновеніемъ его въ рабочую среду начался совершенно новый періодъ въ исторіи политическихъ движеній.

Первый, кто надлежащимъ образомъ оцѣнилъ значеніе соціальныхъ ученій первой половины XIX в. съ указанной точки зрѣнія, былъ впослѣдствіи прославившійся въ качествѣ государствовѣда нѣмецкій молодой ученый Штейнъ, издавшій въ 1842 г. книгу „Соціализмъ и коммунизмъ современной Франціи". Еще за три года до появленія въ свѣтъ этого труда французскій писатель Луи Рейбо тоже выпустилъ въ свѣтъ книжку подъ заглавіемъ „Этюды о современныхъ реформаторахъ или новѣйшихъ соціалистахъ", но Штейнъ совершенно основательно поставилъ Рейбо въ упрекъ, что въ теоріяхъ Сенъ-Симона и Фурье онъ видѣлъ лишь новыя утопіи въ ряду другихъ подобныхъ же утопій, не ставя ихъ въ связь съ исторіей общества вообще и въ частности съ нарожденіемъ пролетаріата. По словамъ Штейна, новыя соціальныя теоріи получаютъ свое значеніе именно отъ той почвы, на которой онѣ возникли.

„Время чисто политическихъ движеній прошло, говоритъ Штейнъ,—и подготовляется новое движеніе, не менѣе серьезное и сильное. Какъ въ концѣ XVIII столѣтія поднялось противъ государства одно сословіе народа, такъ и теперь одинъ классъ народа думаетъ о томъ, чтобы кореннымъ образомъ преобразовать общество". И Штейнъ тутъ же дѣлалъ одно предсказаніе, которое блестящимъ образомъ подтвердилось въ концѣ тѣхъ самыхъ сороковыхъ годовъ, въ началѣ которыхъ онъ издалъ свою книгу. „Ближайшая революція, писалъ онъ, можетъ быть только соціальной". По его мнѣнію, соціальное направленіе, изслѣдованное имъ во Франціи, коренится въ состояніи общества, породившемъ пролетаріатъ. Весь научный

результатъ его изслѣдованія и заключался въ мысли, что соціально-экономической подкладкой современнаго ему французскаго соціализма и коммунизма была классовая борьба буржуазіи и пролетаріата [1]).

Въ полномъ соотвѣтствіи съ такимъ пониманіемъ исторической роли соціализма происходившая во Франціи временъ іюльской монархіи политическая борьба понималась многими тогдашними публицистами и историками, какъ именно—борьба буржуазіи и народа. Въ своемъ мѣстѣ мы видѣли [2]), что въ эпоху реставраціи наиболѣе видные политическіе мыслители понимали происходившую вокругъ нихъ, начавшуюся еще раньше, политическую борьбу, какъ борьбу привилегированныхъ и буржуазіи, но когда, въ 1830 г., буржуазія побѣдила, на первый планъ выдвинулась другая соціальная противоположность—буржуазіи и пролетаріата. Въ началѣ сороковыхъ годовъ Луи Бланъ въ своей „Исторіи десяти лѣтъ" (т.-е. перваго десятилѣтія іюльской монархіи) уже съ точки зрѣнія *этой* противоположности разсматриваетъ свою эпоху, причемъ даетъ такое опредѣленіе буржуазіи и народа: „подъ буржуазіей я разумѣю совокупность гражданъ, которые, владѣя орудіями труда или капиталомъ, работаютъ при помощи своихъ собственныхъ средствъ и зависятъ отъ другихъ только въ извѣстной мѣрѣ, народъ же есть совокупность гражданъ, кото-

[1]) Въ 1848 г. въ видѣ прибавленія къ этому труду Лоренцъ Штейнъ издалъ еще „Соціалистическія и коммунистическія движенія со времени третьей французской революціи", а въ 1850 г.—трехтомную „Исторію соціальнаго движенія во Франціи съ 1789 г. до нашихъ дней". Собственная его политическая теорія, здѣсь изложенная, сводится къ слѣдующему. Такъ какъ представительство есть органъ господства надъ государствомъ господствующаго класса общества, и такъ какъ государственная власть должна содѣйствовать интересу всѣхъ отдѣльныхъ лицъ безъ различія въ ихъ положеніяхъ, то должна существовать еще нейтральная королевская власть, которая должна „самодѣятельно, противъ воли и естественнаго стремленія господствующаго класса, бороться за возвышеніе низшаго, соціально и политически подчиненнаго класса и въ этомъ направленіи осуществлять ввѣренное ей государственное верховенство". Изъ этой идеи, представляющей собою до извѣстной степени отголосокъ теоріи просвѣщеннаго абсолютизма, видно, что самъ Штейнъ былъ монархистъ, желавшій, чтобы королевская власть служила соціальной задачѣ.

[2]) См. выше, стр. 256.

рые, не владѣя капиталомъ, зависятъ отъ другихъ вполнѣ и во всемъ, что касается первыхъ потребностей жизни". Въ то самое время, какъ утопическіе соціалисты мечтали объ уничтоженіи этого различія путемъ новаго устройства общества, не прибѣгая ни къ какимъ политическимъ средствамъ вообще и въ частности къ средствамъ революціоннымъ, а съ другой стороны, политическіе демократы, стоявшіе на революціонной точкѣ зрѣнія, не допускали и мысли о какомъ бы то ни было коренномъ измѣненіи общественнаго строя, мало-по-малу стало формироваться третье демократическое теченіе, бывшее одновременно и политическимъ, и соціальнымъ. Съ этимъ теченіемъ мы встрѣчаемся и во Франціи, и въ Англіи, и Германіи передъ 1848 г. [1]). Шедшій изъ Франціи соціализмъ нашелъ немалое количество адептовъ и среди нѣмцевъ. Многіе нѣмецкіе демократы говорили, что ихъ родинѣ предстоитъ пройти тотъ же путь развитія, какой уже былъ пройденъ Франціей [2]), что отъ либерализма и даже радикализма ничего нельзя ожидать для народной массы, и что потому политическимъ знаменемъ пролетаріата долженъ сдѣлаться соціализмъ. Особенно эта идея сдѣлалась популярною въ нѣмецкихъ эмигрантскихъ кругахъ въ Цюрихѣ, въ Парижѣ, въ Брюсселѣ, въ Лондонѣ, гдѣ нѣмецкіе соціалисты (или „коммунисты", какъ они охотнѣе себя называли) сближались съ единомышленниками изъ другихъ національностей.

Однимъ изъ наиболѣе яркихъ и вліятельныхъ выразителей этого сближенія между политикой и соціализмомъ былъ Луи Бланъ, рѣзко въ своихъ историческихъ трудахъ формулировавшій противоположность интересовъ буржуазіи и пролетаріата, взглянувшій, между прочимъ, съ этой точки зрѣнія на исторію французской революціи и вслѣдъ за Бюшезомъ возобновившій во Франціи традиціи якобинизма, представленнаго обоими ими въ соціалистической окраскѣ [3]). Для насъ здѣсь самое важное, это—то, что Луи Бланъ, создавшій собственную соціальную теорію, думалъ осуществить свои идеи при помощи государства, которое должно было для этого сдѣлаться демократическимъ,—взглядъ, самымъ рѣзкимъ образомъ рас-

---

[1]) См. выше, стр. 317 и слѣд.

[2]) Ср. аналогичное мнѣніе французскихъ либераловъ относительно Франціи и Англіи.

[3]) См. выше, стр. 161 и 319.

ходившійся со взглядами не только либераловъ, но и политическихъ радикаловъ. Основныя свои мысли на этотъ счетъ онъ высказалъ въ работѣ „Организація труда", вышедшей въ свѣтъ въ 1839 г. и сдѣлавшей имя своего автора весьма популярнымъ въ рабочемъ классѣ.

Исходнымъ пунктомъ всего соціальнаго плана Луи Блана былъ провозглашенный имъ принципъ права на трудъ (le droit au travail), права жить посредствомъ труда [1]). Каждый имѣетъ это право, но для осуществленія его въ дѣйствительности необходимо возложить на общество обязанность организовать трудъ въ соотвѣтствіи съ этимъ принципомъ. По плану Луи Блана, государство должно было посредствомъ большого національнаго займа образовать денежный фондъ, при помощи котораго для главныхъ отраслей промышленности были бы основаны „соціальныя мастерскія" (ateliers sociaux). Къ работѣ въ этихъ заведеніяхъ Луи Бланъ допускалъ рабочихъ, стоящихъ на извѣстномъ нравственномъ уровнѣ, и полагалъ, что всѣ они получали бы одинаковую плату. На первыхъ порахъ въ соціальныхъ мастерскихъ внутренніе распорядки, по его мнѣнію, должны были бы быть установлены правительствомъ, которое назначило бы и руководителей работъ, но по истеченіи года дѣло должно было бы быть передано въ завѣдованіе самихъ рабочихъ. Луи Бланъ ожидалъ, что сама свободная конкурренція, въ которой онъ видѣлъ одно зло, въ данномъ случаю принесетъ свою пользу, такъ какъ результатомъ ея будетъ постепенное исчезновеніе всѣхъ частныхъ промышленныхъ предпріятій, замѣна ихъ соціальными мастерскими. Это будетъ и концомъ самой конкурренціи, ибо ея мѣсто во взаимныхъ отношеніяхъ соціальныхъ мастерскихъ заступило бы совпаденіе усилій, и въ концѣ концовъ явилась бы солидарность и между различными отраслями промышленности. Какъ подспорье въ этомъ дѣлѣ важную роль у Луи Блана должно было играть обязательное и даровое народное образованіе, которое воспитывало бы въ подрастающихъ поколѣніяхъ идеи, чувства и наклонности, какія долженъ требовать отъ людей новый строй общества.

Государство, однако, не только призывалось Луи Бланомъ къ созданію проектируемаго порядка экономической жизни, но и къ управленію имъ въ будущемъ. Онъ самъ возлагаетъ на го-

---

[1]) Ср. выше, стр. 125 и 177—178.

сударство функцію „высшаго регулятора производства“, находя его вмѣшательство необходимымъ вездѣ, гдѣ только оказывается нужнымъ „поддерживать равновѣсіе между правами и обезпечивать интересы“, и наступаетъ необходимость „ставить всѣхъ гражданъ въ одинаковыя условія нравственнаго, умственнаго и физическаго развитія“. Роль такого государства не можетъ, конечно, играть то, гдѣ власть на одной сторонѣ, а народъ на другой: такое государство необходимо дѣлается тираническимъ. Другое дѣло—демократическое государство, ибо это государство есть самъ народъ, ведущій собственныя свои дѣла чрезъ своихъ уполномоченныхъ: у такого государства не можетъ быть интересовъ, отличныхъ отъ интересовъ народа, и оно никогда не сдѣлается господиномъ, такъ какъ можетъ быть только слугою или защитникомъ неопытныхъ, слабыхъ, несчастныхъ. Луи Бланъ утверждалъ, далѣе, что для выполненія своей обязанности государство должно получить гораздо бо́льшую, чѣмъ нынѣ, силу. Въ своей „Исторіи десяти лѣтъ“ онъ прямо нападалъ на либераловъ за то, что они ослабляли власть, и, наоборотъ, хвалилъ сенъ-симонистовъ, которые стремились къ усиленію общественнаго авторитета. Тѣмъ не менѣе онъ хотѣлъ сохранить за меньшинствомъ извѣстную свободу отъ тиранніи большинства и высказывался противъ коммунизма, считая проповѣдь абсолютнаго равенства безсмыслицей [1]).

Въ этой части своего ученія Луи Бланъ является творцомъ теоріи соціалистическаго государства, которое не только вмѣшивается въ экономическую жизнь общества, но прямо даже беретъ на себя завѣдованіе и руководительство ею. Главный недостатокъ современнаго устройства общества онъ видѣлъ въ его раздѣленіи на буржуазію, отдѣльныя лица въ которой, „могутъ, не порабощаясь, развивать свои способности“, и на народъ, отдѣльные члены котораго „не находятъ въ самихъ себѣ средствъ для своего развитія“, и для него главное заблужденіе либеральной буржуазіи заключалось въ томъ, что она „вѣрила, будто тамъ, гдѣ нѣтъ равенства въ средствахъ къ развитію, довольно одной свободы для прогресса и справедливости“.

---

[1]) Въ вопросѣ распредѣленія Луи Бланъ держался формулы: „каждому по его способностямъ, каждому по его нуждамъ“; другой его формулой было: „долгъ соразмѣрно со способностями и силами, право соразмѣрно съ нуждами“.

Идеи Луи Блана, какъ извѣстно, оказали большое вліяніе на революцію 1848 г., и самъ онъ игралъ въ ея событіяхъ видную роль. Другимъ теоретикомъ, а позднѣе и практическимъ дѣятелемъ въ духѣ неразрывнаго соединенія политическихъ и соціальныхъ требованій былъ въ ту же эпоху сороковыхъ годовъ Карлъ Марксъ, опредѣляющее вліяніе котораго на соціалистическое движеніе относится, однако, уже къ болѣе позднему времени.

Марксъ [1]), начавшій свою научную и писательскую дѣятельность въ рядахъ лѣвыхъ гегельянцевъ, лишь въ началѣ сороковыхъ годовъ познакомился съ тогдашнимъ французскимъ соціализмомъ, на первыхъ же порахъ ставъ къ нему въ вполнѣ независимое отношеніе. Особенно съ самаго начала онъ никакъ не могъ согласиться съ мнѣніемъ, господствовавшимъ среди многихъ французскихъ соціальныхъ реформаторовъ, будто политическіе вопросы сами по себѣ не имѣютъ большого значенія. Самъ онъ, наоборотъ, сталъ проводить тотъ взглядъ, что соціальная истина повсюду развивается изъ конфликта политическаго государства съ самимъ собою и изъ противорѣчія между его идеальнымъ назначеніемъ и его реальными исходными пунктами. Прежде чѣмъ начать критику экономическихъ порядковъ и ученій, Марксъ критиковалъ политическіе порядки (именно въ своемъ отечествѣ, Германіи) и политическія ученія своей эпохи. Правильной политической теоріи онъ приписывалъ великое значеніе, ибо „и теорія становится матеріальною силою, когда она овладѣваетъ массами“, а овладѣваетъ она массами, когда соотвѣтствуетъ ихъ потребностямъ. Уже въ эту пору своего философствованія онъ вѣрилъ въ то, что прежде всего должна эманципироваться и достигнуть господства одна часть народа, и что эта самая часть, этотъ классъ, вслѣдствіе своего особаго положенія предприметъ общую эманципацію общества, причемъ онъ находилъ также нужнымъ, чтобы всѣ недостатки общественнаго устройства сосредоточивались въ какомъ-нибудь другомъ классѣ, чтобы извѣстное сословіе было предметомъ общаго нерасположенія и чтобы освобожденіе отъ него получало „характеръ общаго самоосвобожденія“. Извѣстно, что такимъ классомъ общества, который призванъ къ освобожденію всѣхъ, Марксъ объявилъ пролетаріатъ. По-

---

[1]) Болѣе подробно его дѣятельность въ сороковыхъ годахъ разсмотрѣна въ главахъ XV и XVI „Исторіи Западной Европы“.

добно тому, говоритъ онъ, какъ философія должна найти въ пролетаріатѣ свою матеріальную силу, такъ и пролетаріатъ долженъ найти свое оружіе въ философіи.

Теорію классовой борьбы на точкѣ зрѣнія которой стоялъ и Лоренцъ Штейнъ, Марксъ непосредственнымъ образомъ заимствовалъ у Луи Блана, а скоро подружившійся съ Марксомъ Энгельсъ, авторъ книги „Положеніе рабочаго класса въ Англіи" (1845), ранѣе, чѣмъ кто бы то ни было въ самой Англіи, понялъ связь соціализма съ пролетаріатомъ, и своимъ анализомъ англійскихъ экономическихъ отношеній утвердилъ Маркса въ той мысли, что капиталистическое хозяйство, создавшее могущество буржуазіи и всѣ бѣдствія пролетаріата, заключаетъ въ себѣ и будущій упадокъ буржуазіи, будущее освобожденіе пролетаріата. Бѣдствія пролетаріата вызываютъ его на борьбу за возможность для рабочихъ оставаться и чувствовать себя людьми. Энгельсъ указывалъ еще на то, что въ Англіи чартизмъ и соціализмъ слишкомъ разъединены, и что потому ни тотъ, ни другой въ отдѣльности не можетъ сдѣлаться дѣйствительнымъ знаменемъ пролетаріата.

Весьма скоро Марксъ пришелъ къ той мысли, что экономисты являются научными выразителями интересовъ буржуазіи, а соціалисты и коммунисты — теоретиками пролетаріата. Это, однако, не мѣшало ему проповѣдовать, что пролетаріатъ въ собственныхъ своихъ интересахъ долженъ помогать буржуазіи въ ея борьбѣ съ абсолютизмомъ и феодализмомъ: онъ прямо находилъ вреднымъ воевать съ либерализмомъ, пока онъ не одержитъ побѣды надъ старымъ порядкомъ. Исходя, съ другой стороны, изъ того соображенія, что интересы буржуазіи въ разныхъ странахъ слишкомъ различны, Марксъ весьма скептически относился къ тому братству народовъ, о которомъ говорили политическіе демократы, находя, что если и существуетъ общественный классъ, имѣющій въ разныхъ націяхъ одинъ и тотъ же интересъ, такъ это только одинъ пролетаріатъ. Въ этомъ убѣжденіи Марксъ и Энгельсъ всячески поддерживали связи съ нѣмецкими, французскими и англійскими сторонниками соціальной революціи. Подъ ихъ вліяніемъ въ 1847 г. нѣмецкій заговорщицкій союзъ праведниковъ превратился въ общество для пропаганды „низверженія буржуазіи, господства пролетаріата, уничтоженія стараго гражданскаго общества, основаннаго на классовыхъ противоположностяхъ, и основанія новаго гражданскаго общества безъ классовъ и

безъ частной собственности". Выработать основное ученіе этого союза было поручено съѣздомъ его членовъ въ Лондонѣ въ томъ же 1847 г. Марксу и Энгельсу.

Результатомъ этого порученія былъ знаменитый „Коммунистическій манифестъ", вышедшій въ свѣтъ въ февралѣ 1848 г. [1]). Въ немъ „исторія всѣхъ донынѣ существовавшихъ обществъ" объявляется „исторіей борьбы классовъ", „господствующими идеями даннаго времени—идеи господствующаго класса". Когда въ обществѣ распространяются революціонныя идеи, это значитъ, что въ нѣдрахъ его „образовались элементы новаго строя", ибо „съ образомъ жизни людей, съ ихъ общественными отношеніями, съ ихъ общественнымъ положеніемъ мѣняются также ихъ представленія, воззрѣнія, понятія, словомъ, все міросозерцаніе". Указавъ на то, какъ произошло раздѣленіе общества на буржуазію и пролетаріатъ, Манифестъ пророчилъ, что самъ прогрессъ промышленности ставитъ на мѣсто разъединенія рабочихъ посредствомъ конкурренціи объединеніе ихъ посредствомъ ассоціаціи. Буржуазія производитъ своихъ собственныхъ могильщиковъ, и коммунисты представляютъ собою лишь самую рѣшительную часть рабочихъ партій всѣхъ странъ, которая только лучше другихъ партій понимаетъ условія, ходъ и общіе результаты рабочаго движенія. Но у всѣхъ этихъ партій ближайшая цѣль общая: это—организація рабочаго класса, сверженіе господства буржуазіи и завоеваніе пролетаріатомъ политической власти. Манифестъ перечисляетъ и мѣры, которыя, по мнѣнію его составителей, могли бы быть приняты въ наиболѣе передовыхъ странахъ для осуществленія поставленныхъ цѣлей [2]). Марксъ и Энгельсъ провидѣли близкую возможность буржуазной революціи въ Германіи и выражали увѣренность въ томъ, что она можетъ послужить непосредственнымъ прологомъ для революціи пролетарской. „Пролетаріи, говорится въ заключительной части Манифеста, ничего не могутъ потерять въ коммунистической революціи, кромѣ цѣпей, пріобрѣтутъ же они весь міръ", и Ма-

---

[1]) Имѣется русскій переводъ въ разныхъ изданіяхъ.

[2]) Это была экспропріація земельной собственности, высокій прогрессивно-подоходный налогъ, централизація въ рукахъ государства кредита и перевозочныхъ средствъ, увеличеніе числа государственныхъ фабрикъ и орудій производства, введеніе обязательности труда для всѣхъ и т. п.

нифестъ кончался громкимъ призывомъ: „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!"

Въ 1848 г. исполнилось предсказаніе Лоренца Штейна, еще въ 1842 г. указывавшаго на то, что время чисто политическихъ революцій прошло. За немногими сравнительно исключеніями вспыхнувшая въ этомъ году революція уже находилась подъ сильнымъ вліяніемъ соціализма, успѣвшаго къ этому времени проникнуть въ народныя массы и поставить передъ ними задачу преобразованія не только государственныхъ учрежденій въ смыслѣ ихъ демократизаціи, но и основныхъ условій труда въ смыслѣ эманципаціи рабочихъ классовъ отъ порабощенія капиталомъ. Въ этомъ отношеніи революція 1848 г. не была похожа на революціи 1820 и 1830 годовъ, и старая либеральная доктрина временъ реставраціи и іюльской монархіи оказалась далеко не соотвѣтствующей тѣмъ требованіямъ, какія стали предъявляться государству со стороны защитниковъ демократическихъ интересовъ.

ГЛАВА XVIII.

„Сорокъ восьмой годъ" [1]).

Обширность области и быстрота распространенія революціи 1848 г.—Абсолютныя и конституціонныя монархіи передъ 1848 г.—Борьба съ абсолютизмомъ за конституцію въ первыхъ изъ нихъ и за демократизацію учрежденій въ послѣднихъ.—Вообще демократическій характеръ революціи 1848 г. и роль въ ней республиканскаго направленія.—Значеніе національныхъ движеній въ революціи 1848 г.—Соціальная сторона революціи 1848 г.—Участіе въ событіяхъ этой эпохи буржуазіи и народныхъ массъ.—Крестьянскія движенія 1848 г.—Выступленіе рабочаго класса съ соціальными требованіями.—Пораженіе политическихъ, соціальныхъ и національныхъ стремленій 1848 г.—Общая реакція пятидесятыхъ годовъ и возрожденіе прогрессивныхъ движеній въ шестидесятыхъ годахъ.

Сравнивая революціонный 1848 годъ съ другими двумя революціонными годами XIX в., съ 1820 и 1830, мы не мо-

---

[1]) Революціи 1848 г. въ „Исторіи Западной Европы" посвящены главы XVIII—XXIV. Ср. также главу XII „Общаго взгляда на исторію Западной Европы въ первыя двѣ трети XIX в."; нѣсколько болѣе подробно о революціяхъ во Франціи, въ Италіи, въ Германіи съ Прусіей и въ Австріи говорится въ слѣдующихъ четырехъ главахъ.

жемъ не отмѣтить, прежде всего, что въ 1848 г. и область, и быстрота распространенія революціи были гораздо большими, чѣмъ за два и три десятилѣтія передъ тѣмъ. Въ 1820 г. политическимъ потрясеніямъ подверглись только южно-романскія страны, да и то далеко не всѣ, а въ 1830 г., кромѣ Франціи, Бельгіи и Польши,—лишь нѣкоторыя второстепенныя государства Германіи да самыя незначительныя части Италіи, тогда какъ въ 1848 г. въ движеніе пришли и Франція, и вся Италія, и вся Германія съ ея великими державами, Пруссіей и Австріей, въ которой возстали одновременно противъ старой власти и нѣмецкіе, и итальянскіе, и мадьярскіе, и славянскіе ея подданные, не говоря уже объ отголоскахъ революціи въ другихъ странахъ, даже, наприм., въ Англіи, гдѣ къ этому времени относится одно изъ выступленій чартистовъ и неудачная попытка возстанія въ Ирландіи. Другая характерная черта сорокъ восьмого года—необыкновенная быстрота, съ какою распространилось движеніе. Какъ на сигналъ общеевропейской революціи, смотрятъ обыкновенно на февральскій переворотъ въ Парижѣ, результатомъ котораго были низверженіе Людовика-Филиппа и установленіе республики, но на самомъ дѣлѣ этому перевороту, всего нѣсколькими, правда, недѣлями раньше, предшествовали первыя революціонныя вспышки въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ, въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій, въ Сардиніи, Тосканѣ, Папской области, другими словами,—во всей Италіи. Начало итальянской революціи 1848 г., такимъ образомъ, относится къ январю и февралю, а когда въ февралѣ произошла революція и во Франціи, то немедленно, въ мартѣ же и даже въ первой его половинѣ, совершился рядъ революцій въ мелкихъ и среднихъ государствахъ Германскаго союза, въ серединѣ же этого мѣсяца произошли революціи и въ столицахъ Австріи и Пруссіи. Въ томъ же самомъ мартѣ были также первыя народныя волненія и среди славянскихъ подданныхъ Австріи, въ Чехіи, въ Хорватіи, въ другихъ мѣстахъ. Не замедлила примкнуть къ революціи и Венгрія, гдѣ броженіе уже давно подготовляло взрывъ. Въ маѣ 1848 г. въ Парижѣ, во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, въ Берлинѣ уже засѣдали національныя собранія, которыя должны были выработать новыя конституціи для Франціи, Германіи и Пруссіи, а въ іюлѣ такое же собраніе состоялось и въ Вѣнѣ для выработки австрійской конституціи. Изъ всѣхъ западно-европейскихъ странъ только государства Пиренейскаго и Скандинавскаго полуостро-

вовъ остались совершенно спокойными, тогда какъ въ Бельгіи, въ Голландіи, въ Даніи, въ Швейцаріи все-таки произошли нѣкоторыя политическія измѣненія не безъ общаго вліянія на нихъ со стороны этой грандіозной революціи.

Революція сорокъ восьмого года одинаково охватила и абсолютныя монархіи, и конституціонныя государства. Передъ революціей абсолютизмъ безраздѣльно царилъ во всей Италіи и въ большей части Германіи, гдѣ только нѣкоторыя второстепенныя государства имѣли конституціонный строй, тогда какъ другія, и въ числѣ ихъ Австрія съ Пруссіей, крѣпко держались абсолютизма. Въ самихъ конституціонныхъ монархіяхъ правительства въ сороковыхъ годахъ вели большею частью крайне консервативную политику, что можно сказать не только по отношенію къ нѣмецкимъ государствамъ, имѣвшимъ народное представительство, но и по отношенію къ Франціи. Для общей характеристики правительственной политики сороковыхъ годовъ вообще на западѣ Европы весьма характеренъ тотъ фактъ, что въ эту эпоху произошло сближеніе и даже состоялось соглашеніе между французскимъ и австрійскимъ правительствами для противодѣйствія демократическимъ движеніямъ въ Швейцаріи и въ Италіи, которыя казались одинаково опасными и въ Парижѣ, и въ Вѣнѣ. Дѣло въ томъ, что все болѣе и болѣе усиливавшіяся демократическія стремленія грозили одинаково и абсолютизму Габсбурговъ, и іюльскому трону Людовика-Филиппа, и феодальной аристократіи Австріи, и капиталистической буржуазіи, господствовавшей во Франціи. Необходимость защиты существующаго порядка, одного въ одной странѣ, другого въ другой, но одинаково угрожаемыхъ революціей, заставляла дѣйствовать за одно такихъ несходныхъ въ своемъ прошломъ людей, какими были первые министры абсолютной монархіи Габсбурговъ и конституціонной монархіи Людовика-Филиппа, Меттернихъ и Гизо. Одинъ былъ вождемъ реакціи съ самаго начала реставраціи, тогда какъ другой въ эти годы стоялъ въ рядахъ оппозиціи и высказывался въ опредѣленно либеральномъ смыслѣ [1]). Этотъ переходъ Гизо отъ либерализма къ реакціи очень характеренъ для всего общественнаго класса, который въ эпоху реставраціи стоялъ въ оппозиціи къ правительству, а въ эпоху іюльской монархіи имѣлъ въ правительствѣ вѣрный органъ своихъ интересовъ.

---

[1]) Ср. выше, стр. 256—257, 258 и 259.

Если вслѣдъ за революціей 1830 г. произошло раздѣленіе прежняго европейскаго союза изъ пяти великихъ державъ („пентархіи") на два политическихъ лагеря, въ одномъ изъ которыхъ находились абсолютныя Австрія, Пруссія и Россія, а въ другомъ—конституціонныя Англія и Франція, то къ концу эпохи эта комбинація стала разстраиваться: между Франціей и Англіей произошло охлажденіе, и черезъ Австрію Франція стала сближаться съ абсолютными монархіями. Намѣчался новый союзъ разнородныхъ элементовъ и системъ, т.-е., буржуазіи съ аристократіей, конституціонализма съ абсолютизмомъ противъ общаго врага—демократіи. Революція сорокъ восьмого года, по основному характеру своему, революція демократическая, одинаково пронеслась поэтому и надъ абсолютными, и надъ конституціонными монархіями.

Для абсолютныхъ монархій, наприм., для Австріи и Пруссіи, сорокъ восьмой годъ имѣлъ то же значеніе, какое въ исторіи Франціи принадлежитъ 1789 году [1]). „До-мартовскія" отношенія въ обѣихъ большихъ нѣмецкихъ державахъ, въ сущности, были только разновидностями того „стараго порядка", который господствовалъ во Франціи до великой революціи. Здѣсь борьба шла „за конституцію", за введеніе народнаго представительства, за равноправіе, за общественныя свободы. Изъ всѣхъ абсолютныхъ монархій, подвергшихся въ 1848 г. революціи, наиболѣе типическою представительницею стараго порядка была Австрія съ ея строго-реакціоннымъ абсолютизмомъ, нетерпимымъ католицизмомъ, феодальными привилегіями и еще почти незатронутымъ прежними реформами подчиненіемъ сельской массы помѣщичьему сословію. Пруссія, какъ-никакъ, все-таки испытала на себѣ дѣйствіе цѣлаго ряда реформъ въ началѣ XIX в. и даже долгое время колебалась между введеніемъ конституціи и сохраненіемъ абсолютизма [2]). Общимъ лозунгомъ революціи сорокъ восьмого года въ абсолютныхъ монархіяхъ, повторяемъ, была конституція въ широкомъ пониманіи народной свободы.

Тамъ, гдѣ конституціи уже существовали, общимъ лозунгомъ революціи были такія въ нихъ преобразованія, которыя сдѣлали бы ихъ болѣе народными. Движеніемъ, изъ котораго вышла февральская революція во Франціи, была агитація про-

---

[1]) См. объ этомъ сравненіи выше, стр. 153—154.

[2]) См. выше, стр. 246 и слѣд.

тивъ дѣйствовавшаго въ странѣ избирательнаго закона. Англіи въ 1832 г. удалось произвести свою парламентскую реформу безъ революціоннаго потрясенія, но во Франціи въ 1848 г. вопросъ о реформѣ выборовъ привелъ къ политическому перевороту. Цензовая система въ обѣихъ странахъ вызывала противъ себя демократическую оппозицію, и недаромъ англійскій чартизмъ снова зашевелился-было подъ вліяніемъ февральской революціи. Въ Швейцаріи, давнишней странѣ политической свободы, равнымъ образомъ демократическое движеніе, вызывавшее опасенія одинаково и у Меттерниха, и у Гизо, ставило цѣлью своихъ стремленій превращеніе республики въ дѣйствительно народное государство, очищенное отъ всѣхъ пережитковъ средневѣковой старины [1]).

Этотъ демократизмъ вообще налагаетъ неизгладимую печать на революцію сорокъ восьмого года. И въ абсолютныхъ монархіяхъ, переходившихъ къ конституціонному строю, народное представительство понималось конституціоналистами не иначе, какъ представительство демократическое. Самые выборы въ главныя собранія, которыя должны были вырабатывать новыя конституціи, были произведены демократическимъ порядкомъ, да и конституціи эти планировались опять-таки демократическими. Правда, всѣмъ имъ, собственно, не суждено было осуществиться, и одна только Франція, дѣйствительно, ввела у себя всеобщую подачу голосовъ, но это нисколько не противорѣчитъ общему демократическому характеру революціи 1848 г. Въ связи съ этимъ ея демократизмомъ стоитъ и сильное проявленіе въ ней республиканскихъ стремленій. Франція безъ затрудненія превратилась въ республику. Въ Италіи республиканское теченіе было очень сильно, и его представители возлагали немалыя надежды на помощь ихъ усиліямъ со стороны Франціи. Республика въ это время провозглашалась и даже на нѣкоторое время устанавливалась въ Венеціи, въ Римѣ, въ Тосканѣ. Въ Германіи тоже была республиканская партія, которая имѣла своихъ представителей и во франкфуртскомъ парламентѣ; извѣстно, кромѣ того, потерпѣвшее неудачу республиканское возстаніе въ Баденѣ; извѣстна и такъ называемая „майская революція“ 1849 г., какъ обозначаютъ рядъ республиканскихъ возстаній въ Саксоніи и другихъ мѣ-

[1]) Въ Швейцаріи въ 1848 г. была введена новая конституція, замѣненная въ 1874 г. нынѣ дѣйствующей, тоже съ разными измѣненіями.

стахъ. Наконецъ, отмѣтимъ, что и Венгрія, объявивъ династію Габсбурговъ лишенною престола, тоже провозгласила себя независимымъ народомъ. Этотъ республиканизмъ сорокъ восьмого года немало содѣйствовалъ усиленію позднѣйшей реакціи противъ всего политическаго движенія эпохи.

Одновременность революціоннаго взрыва въ разныхъ странахъ и общій демократическій характеръ всего движенія сорокъ восьмого года какъ нельзя болѣе соотвѣтствовали призывамъ къ международной солидарности, которые шли отъ вождей тогдашней революціонной демократіи [1]). Въ ихъ представленіи у всѣхъ народовъ былъ одинъ и тотъ же врагъ, но они не принимали достаточно въ расчетъ тѣ условія реальной жизни, которыя поселяли вражду между отдѣльными націями, и тотъ національный эгоизмъ, который вообще стоялъ поперекъ дороги къ междуплеменной солидарности. Революціонное движеніе сорокъ восьмого года захватило въ кругъ своихъ стремленій и національные инстинкты и интересы отдѣльныхъ народовъ, уже раньше бывшихъ недовольными своимъ положеніемъ [2]). Политически угнетенныя или раздробленныя національности стремились къ освобожденію отъ иноплеменнаго ига, къ равноправію, къ единству и въ этомъ своемъ стремленіи не могли не задѣвать предразсудки, страсти и интересы другихъ народовъ, что приводило къ междуплеменной борьбѣ, только ослаблявшей все освободительное движеніе и даже прямо помогавшей реакціоннымъ элементамъ въ ихъ стремленіи подавить революцію. Нѣмецкая революція сорокъ восьмого года, поставившая себѣ, какъ одну изъ главныхъ своихъ задачъ, объединеніе Германіи проявила немало національнаго эгоизма. Объединяя свое отечество во имя національной идеи, очень многіе дѣятели эпохи стояли на точкѣ зрѣнія „Германія для нѣмцевъ“, и, наприм., франкфуртскій парламентъ даже выразилъ удовольствіе по поводу насильственнаго усмиренія чешской революціи. Мадьяры въ своемъ національномъ шовинизмѣ шли еще дальше: пока венгерскій сеймъ велъ переговоры съ вѣнскимъ правительствомъ, рѣчь заходила даже о помощи, которую оно могло бы получить отъ Венгріи для усмиренія мятежнаго Ломбардо-Венеціанскаго королевства, а съ другой стороны, тѣ же самые мадьяры, которые подняли

---

[1]) См. выше, стр. 325 и 351—352.

[2]) См. выше, стр. 328 и слѣд.

бунтъ противъ своего государя, и слышать не хотѣли ни о какихъ уступкахъ въ пользу славянъ, входящихъ въ составъ населенія Венгріи. Несогласія, обнаружившіяся между представителями отдѣльныхъ національностей въ государственномъ сеймѣ, собранномъ въ іюлѣ 1848 г. въ Вѣнѣ, относятся къ той же категоріи явленій. Народы Австріи ненавидѣли свое центральное правительство, но еще болѣе ненавидѣли другъ друга. Болѣе отсталые въ культурномъ и политическомъ отношеніи австрійскіе славяне даже оказали поддержку и помощь Габсбургамъ противъ ихъ мятежныхъ нѣмецкихъ и мадьярскихъ подданныхъ,—въ особенности хорваты, ненавидѣвшіе мадьяровъ, какъ своихъ притѣснителей. Наконецъ, тѣ же событія сорокъ восьмого года показали, что нельзя было ожидать и мирнаго разрѣшенія вопросовъ объ итальянскомъ и германскомъ національномъ единствѣ, и войны германско-датская, съ одной стороны, и сардино-австрійская, съ другой, не приведшія тогда ни къ какими ощутительнымъ результатамъ, получили тѣмъ не менѣе значеніе предвѣстницъ той военной эпохи 1859—1871 гг., въ которой были созданы единая Италія и единая Германія.

Соединеніе въ революціи сорокъ восьмого года съ политическими стремленіями стремленій національныхъ создавало и силу этой революціи, но обусловливало потомъ и ея слабость. Цѣлые народы пришли въ движеніе, чтобы отстоять свое право на національное самоопредѣленіе, на свободу, на равноправіе, на политическое объединеніе, и это именно усиливало чисто политическую сторону революціи, но въ тѣхъ же самыхъ національныхъ стремленіяхъ лежали и причины того междуплеменного разброда, который приводилъ къ побѣдѣ реакціи. Не слѣдуетъ забывать и того, что уровень культурно-политическаго развитія отдѣльныхъ національностей, принимавшихъ участіе въ борьбѣ сорокъ восьмого года, былъ далеко не одинаковъ, и, наприм., большинство австрійскихъ славянъ совсѣмъ не было на высотѣ надлежащаго пониманіи тѣхъ принциповъ, во имя которыхъ вели упорную борьбу нѣмецкіе подданные тѣхъ же самыхъ Габсбурговъ. Совершенную аналогію съ этою національною стороною революціи сорокъ восьмого года представляетъ и ея соціальная сторона.

Соединеніе въ тогдашнемъ революціонномъ движеніи съ политическими стремленіями и соціальныхъ стремленій составляло и сильную, и слабую сторону революціи,—сильную—поскольку

въ ней для осуществленія своихъ соціальныхъ требованій приняли участіе и народныя массы, слабую—поскольку постановка соціальныхъ требованій въ результатѣ имѣла вскрытіе антагонизма классовыхъ интересовъ, тоже приведшаго, какъ и междуплеменныя распри, къ разброду движенія по разнымъ направленіямъ. Революція сорокъ восьмого года была и политическою, и соціальною, и въ ней участвовали рука объ руку и буржуазія, и крестьянство, и городской пролетаріатъ, какъ участвовали и либералы, и радикалы, а среди послѣднихъ и демократы чисто политическаго оттѣнка, и соціалисты.

Это участіе въ событіяхъ сорокъ восьмого года рабочаго класса, какъ самостоятельной общественной силы, и это же участіе въ движеніи соціалистовъ, какъ особой категоріи революціонныхъ дѣятелей, составляетъ то новое въ исторіи западно-европейскихъ политическихъ движеній, наличность котораго позволяетъ намъ говорить объ исполненіи въ 1848 г. прогноза, высказаннаго не за долго передъ тѣмъ Лоренцомъ Штейномъ. Такіе дѣятели, какъ Луи Бланъ и Марксъ, даже прямо ставали революціи соціалистическія задачи. Но именно самостоятельное выступленіе рабочихъ и предъявленіе соціалистами своихъ требованій и внесли въ среду оппозиціи расколъ, нанесшій ударъ движенію и потому послужившій только на пользу реакціи. Сила первоначальнаго натиска на установившіеся порядки обусловливалась тѣмъ, что въ этомъ натискѣ приняли участіе всѣ общественные элементы, которые были недовольны своимъ положеніемъ, но немедленно же обнаружилось, что въ пониманіи ими новаго строя заключались непримиримыя противорѣчія, и естественнымъ результатомъ этого былъ разбродъ общественныхъ силъ, участвовавшихъ въ движеніи. Одного хотѣла буржуазія, другого—народныя массы. Для буржуазіи все дѣло заключалось въ политической реформѣ, въ установленіи представительства и равноправія, въ осуществленіи свободъ; многіе изъ этого класса выступали, какъ крайніе демократы и даже республиканцы, но они оставались на точкѣ зрѣнія существующаго общественнаго строя, который наиболѣе заинтересованныя въ его сохраненіи группы готовы были защищать даже путемъ уступокъ изъ своихъ политическихъ требованій. Въ народныхъ массахъ наибольшею популярностью пользовались, наоборотъ, требованія соціальнаго характера, и для многихъ самое осуществленіе политическихъ реформъ казалось только средствомъ, необходимымъ

для проведенія въ жизнь преобразованій соціальныхъ. Конечно, политическій принципъ равноправія, какъ имѣющій свою соціальную сторону, не могъ не быть особенно популярнымъ въ народныхъ массахъ, но многіе элементы этихъ массъ, главнымъ образомъ крестьянство, еще не стояли на томъ уровнѣ развитія, на которомъ люди умѣютъ цѣнить и свободу ради благъ, заключающихся въ ней самой.

Въ нѣмецкихъ государствахъ и въ разноплеменной Австріи въ мартовской революціи приняли участіе и крестьяне. Выступленіе сельскаго населенія будетъ для насъ тѣмъ понятнѣе, если мы вспомнимъ, что въ однихъ изъ этихъ государствъ— и особенно какъ разъ въ Австріи—крестьянство все еще находилось въ подчиненіи чисто средневѣковымъ, феодальнымъ порядкамъ, въ другихъ же, гдѣ уже были предприняты раньше разныя крестьянскія реформы, новые порядки были крайне несовершенны и оставляли желать много лучшаго. Крестьянскія выступленія, конечно, придали много силы движенію сорокъ восьмого года, но едва только крестьянскія желанія были удовлетворены напуганными революціей правительствами, какъ сельскія массы отстали отъ революціи и даже начали содѣйствовать водворенію порядка. Прямо реакціонную роль въ сорокъ восьмомъ году сыграло французское крестьянство, тоже напуганное движеніемъ городского пролетаріата, который въ деревняхъ былъ заподозрѣнъ прямо въ стремленіи къ раздѣлу земель, и введеніемъ всеобщаго избирательнаго права французская сельская демократія воспользовалась для посылки въ палату какъ-разъ консервативныхъ депутатовъ.

Гораздо болѣе продолжительную, дѣятельную и бурную роль въ событіяхъ сорокъ восьмого года игралъ рабочій классъ большихъ городовъ и въ частности такихъ столичныхъ центровъ, какъ Парижъ, Берлинъ, Вѣна. Первые мѣсяцы второй республики во Франціи были временемъ непрерывныхъ революціонныхъ выступленій рабочаго класса, все болѣе и болѣе подпадавшаго подъ вліяніе соціализма, пока катастрофа „іюньскихъ дней“, полное пораженіе парижскаго пролетаріата войсками республики, не положила начала реакціи, приведшей Францію ко второй имперіи, какъ и во времена первой революціи [1]), выступленіе демократіи напугало буржуазію, создавъ въ ней реакціонное настроеніе. Аналогичные результаты вы-

[1]) См. выше, стр 214.

ступленіе рабочихъ съ соціальными требованіями имѣло и въ Пруссіи, и въ Австріи, да и вообще въ Германіи. Нѣмецкое бюргерство, бывшее главнымъ образомъ представлено во франкфуртскомъ парламентѣ, далеко не раздѣляло стремленій рабочаго класса, и даже въ республиканскомъ меньшинствѣ парламента было очень немного людей, вносившихъ въ свое политическое міросозерцаніе соціальный оттѣнокъ. Соціальныя стремленія рабочихъ даже склоняли бюргерство къ заключенію съ правительствами компромиссовъ и вообще къ большей политической умѣренности, и то же самое бюргерство прямо хлопотало, чтобы предержащія власти какъ можно скорѣе и полнѣе удовлетворяли крестьянскія требованія, и съ своей стороны дѣлало многое для того, чтобы отвлечь крестьянъ отъ болѣе тѣснаго единенія съ рабочими. Вотъ почему для крестьянъ средней Европы сорокъ восьмой годъ принесъ такія выгоды, которыхъ реакція, наступившая послѣ подавленія революціи, совершенно лишила городскихъ рабочихъ: этотъ годъ вырылъ могилу для феодально-крѣпостническаго режима и въ нѣмецкихъ государствахъ, и въ разноплеменной Австріи.

Изъ предыдущаго изложенія видно, какія были главныя причины общей неудачи, постигшей политическія, соціальныя и національныя стремленія бурнаго сорокъ восьмого года. Кромѣ того, на сторонѣ правительствъ, вступившихъ въ борьбу съ революціей, оставалась сила армій, при помощи которыхъ они постепенно справились со всѣми своими противниками. Первый ударъ демократіи въ сорокъ восьмомъ году былъ нанесенъ солдатами второй французской республики на площадяхъ и улицахъ Парижа въ злополучные „іюньскіе дни“ 1848 г., и при военной же помощи былъ совершенъ государственный переворотъ 2 декабря 1851 г., ставшій преддверіемъ къ возстановленію во Франціи имперіи. Осенью же 1848 г. сдѣланы были первые успѣшные шаги къ подавленію революціи въ Австріи и Пруссіи, а Венгрію въ 1849 г. помогла Австріи усмирить Россія. Пятидесятые годы уже были временемъ повсемѣстной реакціи, отбросившей Западную Европу назадъ къ уже пережитымъ временамъ худшей поры реставраціи. Во Франціи вторично былъ возстановленъ цезаризмъ, и одновременно произошла реставрація абсолютизма въ Австріи и въ большей части Италіи. Изъ конституцій, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ сорокъ восьмому году, сохранились только сардинская (1848) и прусская (1850), но вторая изъ нихъ

уже носила на себѣ явные слѣды реакціи противъ демократическихъ принциповъ 1848 г. Ни Италія, ни Германія не добились политическаго объединенія. Стремленія различныхъ народностей Австріи къ свободѣ и равноправію тоже не осуществились, и вѣнское правительство обратилось къ усиленной централизаціи и къ германизаціи не-нѣмецкихъ своихъ подданныхъ. Наконецъ, и соціализмъ потерпѣлъ такое пораженіе, что считался уже какъ бы навѣки похороненнымъ, и позднѣйшее его возрожденіе было многими въ свое время встрѣчено съ настоящимъ изумленіемъ.

Такъ протекли въ Западной Европѣ пятидесятые годы XIX в. Идеалъ народно-правового государства, вдохновлявшій движеніе сорокъ восьмого года, былъ дальше, чѣмъ когда бы то ни было, отъ своего осуществленія, но прерванное реакціей историческое движеніе стало все-таки возрождаться, и гранью между двумя эпохами былъ 1859 г. Шестидесятые годы вообще взяли на себя,—только по новой программѣ и новыми средствами,—осуществленіе тѣхъ задачъ, которые оказались не подъ силу революціи 1848 г. Въ дальнѣйшихъ главахъ мы и разсмотримъ рѣшеніе, во второй половинѣ XIX в., конституціонаго вопроса отдѣльно въ каждомъ изъ главнѣйшихъ государствъ Западной Европы.

ГЛАВА XIX.

Установленіе во Франціи республиканскаго строя [1]).

Непрочность политическихъ порядковъ, устанавливавшихся во Франціи послѣ великой революціи. — Причины февральской революціи. — Провозглашеніе во Франціи республики и созывъ учредительнаго собранія. — Соціальное движеніе среди рабочихъ и іюньскіе дни. — Конституція 1848 г. и партіи второй республики. — Переворотъ 2 декабря 1851 г. и установленіе второй имперіи. — Судьба республиканской идеи въ эпоху второй имперіи. — Паденіе имперіи и борьба за республику въ началѣ семидесятыхъ годовъ.—Введеніе конституціи 1875 г.

Февральская революція привела Францію къ установленію республики, которая продержалась въ ней даже болѣе корот-

[1]) Подробнѣе для періода 1848—70 г. главы XIX, XX, XIV и XXVI пятаго тома „Ист. Зап. Евр.“, для дальнѣйшаго гл. VII моей книги „Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ“ (1902).

кое время, нежели первая республика, провозглашенная за полустолѣтіе передъ тѣмъ, именно—всего четыре года, тогда какъ первая республика насчитываетъ, включаи эпоху консульства, двѣнадцать лѣтъ, да и безъ этой эпохи все-таки семь лѣтъ. Съ 1789 по 1848 г. Франція пережила цѣлый рядъ политическихъ переворотовъ, испытала цѣлый рядъ различныхъ режимовъ, перепробовала нѣсколько конституцій, и новый строй, введенный въ 1848 г., оказался не болѣе прочнымъ, чѣмъ конституціонная монархія 1789—1792 г., и первая республика, и консульство, и имперія, и монархія старшей и младшей линій Бурбоновъ. Изъ всѣхъ предыдущихъ періодовъ наиболѣе продолжительнымъ оказалось восемнадцатилѣтнее царствованіе Людовика-Филиппа, и столько же времени потомъ продолжалось смѣнившее вторую республику царствованіе Наполеона III, послѣ котораго утвердилась во Франціи нынѣшняя, по счету уже третья республика; лишь она проявила наибольшую живучесть изъ всѣхъ режимовъ, какіе только были въ этой странѣ послѣ 1789 г. Разсматриваемая съ этой стороны, политическая исторія Франціи представляетъ собой классическій примѣръ непрочности бумажныхъ конституцій и трудности, въ извѣстныхъ случаяхъ, установленія такой государственной формы, которая могла бы считаться окончательной. Полную противоположность крайней неустойчивости всѣхъ прежнихъ французскихъ конституцій представляютъ государственный строй Англіи или конституція Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Не говоря уже о конституціяхъ сардино-итальянской и прусской, сохранившихся доселѣ отъ 1848 и 1850 гг., даже Австрія послѣ революціи сорокъ восьмого года пережила гораздо меньше измѣненій въ своемъ устройствѣ, нежели Франція за ту же вторую половину XIX в. За сто и два десятка лѣтъ, протекшихъ послѣ революціи, Франція видѣла крушеніе трехъ королевскихъ троновъ — въ 1792, 1830 и 1848 гг., испытала два государственныхъ переворота, въ 1799 и 1851 гг., приводившихъ къ установленію военнаго деспотизма, дважды же отъ него освобождалась, въ 1814 и 1870 гг., послѣ пораженій въ войнахъ съ сосѣдями, и три раза вводила у себя республиканскій строй — въ 1792, въ 1848 и въ 1870 гг. Въ концѣ концовъ наиболѣе прочнымъ и имѣющимъ наиболѣе шансовъ на то, чтобы сдѣлаться окончательнымъ для Франціи, оказался этотъ послѣдній строй, такъ какъ онъ непрерывно существуетъ уже почти сорокъ лѣтъ,

и нѣтъ основаній полагать, чтобы во Франціи была когда-либо возстановлена монархія.

Въ своемъ мѣстѣ было въ общихъ чертахъ объяснено, что не позволило установленію во Франціи республики, провозглашенной національнымъ конвентомъ [1]), задачею же настоящей главы является разсмотрѣніе исторіи какъ второго республиканскаго опыта, сдѣланнаго французами въ 1848—1852 гг., такъ и установленія во Франціи теперешней, третьей республики до принятія ею конституціи 1875 г.

Республикѣ сорокъ восьмого года предшествовало во Франціи тридцать четыре года конституціонной монархіи, которая въ первыя шестнадцать лѣтъ этого періода времени была монархіей аристократіи, въ послѣднія восемнадцать лѣтъ—монархіей буржуазіи. Карла X, какъ и Людовика XVI, погубилъ союзъ королевской власти съ привилегированными, съ дворянствомъ и духовенствомъ [2]), Людовика-Филиппа — ея союзъ съ буржуазіей, въ обоихъ, значитъ, случаяхъ одинаково то, что монархія являлась лишь органомъ извѣстнаго сословнаго или классового господства. Основной причиной февральской революціи было глубокое недовольство націи режимомъ, при которомъ избирательными правами пользовались какія-либо 200—240 т. гражданъ, народное представительство заботилось только объ интересахъ наиболѣе зажиточнаго меньшинства, депутаты отличались крайнею притомъ подкупностью, министерство, искусственно создавая въ свою пользу постепенное большинство въ палатѣ, вело внутреннюю и внѣшнюю политику въ направленіи, рѣшительно осуждавшемся общественнымъ мнѣніемъ страны, а король проявлялъ самое упорное нежеланіе измѣнить что-либо въ установившемся политическомъ режимѣ. Въ то время, какъ внѣшнимъ образомъ этотъ режимъ все болѣе и болѣе упрочивался, оппозиція противъ него дѣлалась все болѣе глубокой и захватывала все болѣе широкіе круги. Уже въ 1830 г. проявила себя во Франціи партія, думавшая воспользоваться крушеніемъ старшей линіи Бурбоновъ для основанія республики, но тогда эта партія была слишкомъ слаба, чтобы чего-нибудь добиться [3]). Республиканскія попытки тридцатыхъ годовъ тоже ни къ чему не привели, но если въ

---

[1]) См. выше, стр. 77—78.

[2]) См. выше, стр. 201.

[3]) См. выше, стр. 233.

сороковыхъ годахъ и не было уже рѣзкихъ выступленій революціоннаго характера, то громадный успѣхъ, сравнительно съ прежнимъ временемъ, имѣла демократическая пропаганда, начавшая все сильнѣе захватывать очень недовольный своимъ положеніемъ пролетаріатъ, тѣмъ болѣе, что соціальныя требованія, предъявлявшіяся этою пропагандою, дѣлали ее особенно популярною въ рабочемъ классѣ. Въ сороковыхъ годахъ не только въ демократіи, но и въ лучшей части буржуазіи, король, министерство, палаты, утратили всякій нравственный авторитетъ; одну изъ причинъ зла видѣли въ дурномъ избирательномъ законѣ, наполнявшемъ палату депутатовъ или чиновниками, вполнѣ зависѣвшими отъ правительства, или частными лицами, которые продавали правительству свои голоса. Подобно тому, какъ въ Англіи велась въ свое время агитація въ пользу реформы выборовъ, аналогичное движеніе возникло и во Франціи, и одна изъ народныхъ манифестацій для поддержки требованій реформистовъ, какъ извѣстно, сдѣлалась исходнымъ пунктомъ возстанія, кончившагося крушеніемъ іюльскаго трона. Переворотъ произошелъ совершенно неожиданно и необыкновенно быстро — всего въ какіе-нибудь три дня: 22, 23 и 24 февраля.

То, что не могло случиться въ 1830 г., на этотъ разъ произошло: какъ и въ 1792 г., наслѣдницею павшей подъ натискомъ народнаго возстанія монархіи явилась республика съ временнымъ правительствомъ во главѣ, которое и распорядилось о созывѣ національнаго собранія. Выборы въ это собраніе были произведены уже всеобщею подачею голосовъ, и въ теченіе лѣта 1848 г. оно выработало для Франціи республиканскую конституцію на широкихъ демократическихъ началахъ, а въ самомъ концѣ года всеобщею же подачею голосовъ выбранъ былъ и глава исполнительной власти, президентъ республики; таковымъ изъ всенародныхъ выборовъ вышелъ Людовикъ-Наполеонъ Бонапартъ, племянникъ Наполеона I. Но въ этотъ же промежутокъ времени, между концомъ февраля и началомъ декабря, разыгрались во Франціи важныя событія, имѣвшія роковое значеніе для всего будущаго второй республики.

Для ремесленныхъ и фабричныхъ рабочихъ большихъ городовъ и, конечно, прежде всего Парижа, къ господству котораго надъ страною давно привыкла Франція, провозглашенная 24 февраля 1848 г. республика была такимъ государ-

ственнымъ устройствомъ, цѣлью котораго должна была быть полная перестройка общества на основаніи тогдашнихъ соціалистическихъ ученій. Въ первые четыре мѣсяца второй республики броженіе въ парижскомъ населеніи, можно сказать, было непрерывнымъ, сопровождаясь грозными манифестаціями и даже попытками непосредственнаго давленія на новую власть. Однимъ изъ лозунговъ этого соціальнаго движенія было „право на трудъ", провозглашенное Луи Бланомъ [1]) и сдѣлавшее его имя особенно популярнымъ въ рабочемъ населеніи Парижа. Авторъ „Организаціи труда" даже попалъ, какъ извѣстно, во временное правительство, образовавшееся 24 февраля, и съ нимъ въ составъ этого правительства вошелъ еще одинъ рабочій, Альберъ, тоже стоявшій на соціалистической точкѣ зрѣнія. Мало того, подъ предсѣдательствомъ Луи Блана была образована особая коммиссія для разработки вопросовъ, касающихся труда и благосостоянія рабочихъ. Для успокоенія безработныхъ пролетаріевъ временное правительство устроило особыя общественныя работы, которымъ дано было названіе „національныхъ мастерскихъ": каждому желающему трудиться въ предпринятыхъ въ Парижѣ земляныхъ работахъ давалось по два франка въ день, что привлекло въ столицу немало безработнаго люда и изъ другихъ мѣстъ. Мало-по-малу рабочіе національныхъ мастерскихъ организовались въ грозную революціонную силу, попавшую подъ вліяніе демократическихъ клубовъ и начавшую выступать со своими политическими требованіями.

Между тѣмъ, настроеніе остальной націи далеко не соотвѣтствовало стремленіямъ рабочаго класса. Господствовавшая до февральской революціи буржуазія менѣе всего была склонна подчиниться соціалистическимъ требованіямъ рабочихъ. Къ самой идеѣ республики она относилась съ недовѣріемъ, и ея представители во временномъ правительствѣ хлопотали только о томъ, чтобы не дать движенію разрастись. Даже тѣ изъ этого класса, которые были за республику и притомъ демократическую республику, и слышать не хотѣли о соціализмѣ: различіе между политической и соціальной демократіей [2]) проявилось съ большою рѣзкостью и въ сорокъ восьмомъ году. Со введеніемъ всеобщей подачи голосовъ при выборахъ въ

---

[1]) См. выше, стр. 259.

[2]) См. выше, стр. 327.

учредительное собраніе большое значеніе получила крестьянская масса, отличавшаяся сильнымъ консерватизмомъ и находившаяся подъ вліяніемъ духовенства. Соціальныя требованія рабочихъ напугали не только буржуазію, но и крестьянство, въ которомъ даже стали ходить слухи о томъ, будто городскіе рабочіе стремятся къ передѣлу земель. Повышеніе поземельнаго налога, бывшее результатомъ отмѣны нѣкоторыхъ особенно непопулярныхъ косвенныхъ налоговъ, тоже не могло содѣйствовать популярности республики въ крестьянской массѣ. Уже выборы въ учредительное собраніе показали, что оно не будетъ на сторонѣ рабочихъ, и уже въ немъ образовалось довольно значительное консервативное меньшинство, состоявшее не только изъ приверженцевъ орлеанской династіи, но и изъ легитимистовъ и клерикаловъ. Когда это собраніе организовало свою исполнительную власть, въ числѣ лицъ, ею облеченныхъ уже не было ни Луи Блана, ни Альбера. Новое правительство стало стягивать въ Парижъ войска въ виду революціоннаго настроенія рабочихъ, національное же собраніе стало въ то же время высказываться, а потомъ и принимать разныя мѣры противъ національныхъ мастерскихъ, какъ ненужнаго и даже опаснаго учрежденія, слишкомъ притомъ дорого обходящагося плательщикамъ налоговъ, пока не рѣшилось и совсѣмъ уничтожить эти общественныя работы. Тогда произошло въ достопамятные „іюньскіе дни“ (23—26 чиселъ) возстаніе парижскихъ рабочихъ, подавленное военною силою съ безпощадною жестокостью. Въ безудержной расправѣ съ соціальной революціей ударъ былъ нанесенъ не только парижскимъ рабочимъ, но и самой республикѣ, потому что іюньское возстаніе только усилило реакціонныя теченія въ другихъ классахъ населенія. Дальнѣйшій ходъ событій показалъ, что республика при такомъ настроеніи націи не могла расчитывать на долговѣчность. По созданной учредительнымъ собраніемъ конституціи глава государства, президентъ республики, долженъ былъ выбираться непосредственно всеобщею подачею голосовъ, и народный выборъ не палъ ни на одну республиканскую знаменитость, а на наслѣдника имени и традицій Наполеона I. Еще яснѣе было видно нереспубликанское настроеніе націи изъ того, что въ законодательномъ собраніи, выбранномъ на основаніи конституціи 1848 г., большинство состояло уже изъ монархическихъ партій (легитимистовъ, орлеанистовъ и бонапартистовъ), къ которымъ охотно примыкали и умѣренные респу-

бликанцы, одинаково съ монархистами дѣйствовавшіе противъ радикаловъ, или „красныхъ“, какъ ихъ тогда называли. Іюньскій погромъ 1848 г. нанесъ непоправимый ударъ и соціализму: красные 1849 г. были только политическими демократами, жившими традиціями якобинизма, но и они считались въ болѣе консервативныхъ кругахъ слишкомъ опасными для существующаго порядка. Въ іюнѣ 1849 г. они сдѣлали-было новую попытку народнаго возстанія, но въ ней уже не было соціалистическихъ требованій, и эта попытка только усилила реакціонный духъ въ законодательномъ собраніи, проявившійся въ установленіи разныхъ ограниченій общественной свободы, въ усиленіи вліянія духовенства и даже въ походѣ на всеобщее избирательное право.

Этотъ краткій очеркъ событій 1848 — 49 г., несмотря на свою краткость, достаточно освѣщаетъ роль, которую въ исторіи второй республики сыграло рабочее движеніе, принявшее соціалистическій характеръ и потому вызвавшее реакцію въ имущихъ классахъ. Іюньскій разгромъ соціализма въ сорокъ восьмомъ году нанесъ ударъ не только республикѣ во Франціи, какъ было только-что сказано, но въ извѣстной мѣрѣ и вообще дѣлу революціи во всей Западной Европѣ. Угрожаемая въ своихъ интересахъ буржуазія, овладѣвшая снова правительственною властью, въ своей борьбѣ съ демократіей прибѣгла къ военной силѣ, къ той самой военной силѣ, которая во второй половинѣ того же 1848 г. помогла и абсолютизму справиться съ движеніемъ въ Австріи, въ Пруссіи и въ другихъ странахъ. Но та же опять-таки военная сила прекратила въ самой Франціи и самое существованіе республики. Кое-что и притомъ довольно существенное изъ исторіи первой французской республики повторилось и въ исторіи второй (какъ потомъ и въ исторіи третьей были тоже свои „іюньскіе дни“— въ пораженіи коммуны 1871 г).

Вторая республика во Франціи управлялась конституціей, принятой національнымъ собраніемъ 4 ноября 1848 г. Во вступленіи къ этой конституціи говорилось, что, организуясь въ видѣ республики, этой „окончательной формы правленія“, французская нація ставитъ своею цѣлью шествовать болѣе свободнымъ образомъ по пути прогресса и цивилизаціи; что французская республика, демократическая, единая и нераздѣльная, признаётъ права и обязанности, существовавшія раньше положительныхъ законовъ и болѣе ихъ важныя; что

своими принципами она принимаетъ свободу, равенство и братство; что между гражданами и республикой существуютъ взаимныя обязанности; что граждане должны любить отечество, служить республикѣ, защищать ее, не щадя своей жизни, и что республика должна оказывать покровительство гражданамъ, доставлять имъ необходимое образованіе, помогать нуждающимся доставленіемъ работы и даже средствъ къ существованію тѣмъ изъ нихъ, которые не въ состояніи работать [1]). Верховная власть конституціей 1848 г. признавалась, какъ и конституціей 1793 г., за всею совокупностью французскихъ гражданъ [2]). Статьи о правахъ гражданъ, гарантируемыхъ конституціей, не содержали въ себѣ ничего новаго, за исключеніемъ совершенной отмѣны смертной казни для политическихъ преступленій и обѣщанія содѣйствовать развитію труда посредствомъ дарового начальнаго образованія и образованія профессіональнаго, а также путемъ установленія равенства отношеній между хозяиномъ и рабочимъ и организаціи учрежденій сберегательныхъ и кредитныхъ, добровольныхъ ассоціацій и государственныхъ „общественныхъ работъ", которыя могли бы занять безработныхъ. Такимъ образомъ, конституція 1848 г. отразила на себѣ то, что было злобою дня въ эту эпоху. Въ первоначальномъ ея проектѣ даже прямо говорилось о „правѣ на трудъ", но послѣ іюньскихъ дней это выраженіе изъ конституціи было вычеркнуто.

Во главѣ статей о государственныхъ властяхъ конституція второй французской республики поставила два принципа, которые мы находимъ еще въ первой декларацiи правъ [3]). Это, во-первыхъ, что „всѣ общественныя власти, каковы бы они ни были, имѣютъ свой источникъ въ народѣ", а во-вторыхъ, то, что „раздѣленіе властей есть первое условіе хорошаго правленія". По конституціи 1848 г. суверенный народъ делегировалъ всю полноту своей законодательной власти единому національному собранію, всю полноту власти исполнительной — президенту республики. Это были, такъ сказать, поставленныя одна рядомъ съ другою двѣ диктатуры: законодательная диктатура собранія и исполнительная диктатура главы правитель-

---

[1]) Ср. послѣднія обѣщанія съ подобными же пунктами въ жирондистской и якобинской декларацiяхъ (выше, стр. 177—178).

[2]) См. выше, стр. 195.

[3]) Ср. параграфы 3 и 16 декларацiи (выше, стр. 169 и 171).

ства. Выборы въ законодательное собраніе были сдѣланы всеобщими, прямыми и тайными, причемъ избирателями могли быть безъ какихъ бы то ни было условій ценза всѣ французскіе граждане, достигшіе 21 года. Депутатамъ назначалось денежное вознагражденіе. Что касается до избранія президента народомъ, а не собраніемъ, то оно мотивировалось необходимостью дать Франціи независимую и энергичную исполнительную власть. Впрочемъ, въ конституціи были нѣкоторыя ограниченія этой власти, цѣлью которыхъ было предупредить злоупотребленіе ею, какъ-то: лишеніе президента права быть переизбраннымъ на новый четырехлѣтній срокъ, запрещеніе ему лично командовать вооруженной силой, отдававшейся въ его распоряженіе, необходимость министерской контрасигновки подъ всѣми распоряженіями президента, но особенно важно было то, что самъ президентъ вовсе не былъ безотвѣтственнымъ главою государства. „Всякая мѣра, сказано было въ конституціи, посредствомъ которой президентъ распускаетъ собраніе [1]), отсрочиваетъ его засѣданія или препятствуетъ въ отправленіи его обязанностей есть государственная измѣна. Однимъ этимъ поступкомъ президентъ отрѣшается отъ должности; граждане обязываются отказывать ему въ повиновеніи; исполнительная власть по полному праву переходитъ къ національному собранію. Члены верховнаго суда, подъ страхомъ наказанія, немедленно собираются и созываютъ присяжныхъ въ мѣсто, которое сами опредѣляютъ, чтобы судить президента и его сообщниковъ; они сами назначаютъ и тѣхъ лицъ судейскаго сословія, которые должны исполнять обязанности публичнаго обвиненія“.

Составленіе конституціи 1848 г. было дѣломъ представителей крупной буржуазіи, вслѣдствіе чего изъ конституціи было выкинуто не только „право на трудъ“, но и прогрессивное обложеніе. Авторы конституціи были убѣждены, что демократія удовлетворится политической эманципаціей и не потребуетъ эманципаціи соціальной, разъ большинство націи составлялось мелкой буржуазіей и крестьянствомъ, а пролетаріатъ составлялъ лишь меньшинство. Любопытно, однако, что если изъ 7.300.000 голосовъ, поданныхъ на президентскихъ выборахъ въ пользу будущаго Наполеона III, оказалось 5.430.000, то въ этомъ,

---

[1]) Единое собраніе было объявлено въ конституціи перманентнымъ, кромѣ временныхъ отсрочекъ, по собственному его желанію.

между прочимъ, выразилось желаніе большинства націи не дать республикѣ превратиться въ „республику богатыхъ“: результатомъ этого и была неудача на выборахъ кандидатовъ буржуазіи. Во всякомъ случаѣ, учрежденіе республики консерваторами, видѣвшими притомъ въ сильной исполнительной власти оплотъ противъ соціальной революціи, не могло пророчить ей большого успѣха. Сильное реакціонное меньшинство учредительнаго собранія въ законодательномъ превратилось въ большинство около двухъ третей, такъ какъ выражалось, округляя цифры, 500 депутатами изъ 750: это былъ союзъ клерикаловъ и легитимистовъ съ орлеанистами, и въ ихъ блокѣ мало-по-малу стала принимать участіе и партія самого президента. Лѣвая, „красные“, или монтаньяры, какъ ихъ называли по воспоминаніямъ о первой революціи, заключала въ своемъ составѣ и политическихъ радикаловъ, и соціалистовъ, и всѣ усилія какъ большинства, такъ и правительства были направлены на борьбу съ этими настоящими республиканцами. Въ іюлѣ 1849 г. монтаньяры вздумали-было поднять національную гвардію, народъ и войско на защиту конституціи противъ президента, его министровъ и части собранія, но дѣло кончилось разгромомъ красныхъ, изъ которыхъ одни спаслись бѣгствомъ за-границу, другіе поплатились тюрьмой и ссылкой. На этотъ разъ революціонная попытка не была поддержана пролетаріатомъ, въ которомъ не было никакого одушевленія въ пользу чисто политическихъ лозунговъ монтаньяровъ, жившихъ исключительно традиціями 1793 г. Іюньская попытка 1849 г. дала только поводъ большинству собранія принять рядъ реакціонныхъ мѣръ противъ печати, публичныхъ собраній и народнаго образованія и дать правительству большія полномочія относительно введенія осаднаго положенія, причемъ главнымъ лозунгомъ реакціи была защита „собственности, семьи, религіи и порядка“. Когда въ 1850 г. выборы для замѣщенія ваканцій, открывшихся въ собраніи по случаю осужденія многихъ депутатовъ за іюньскую попытку 1849 г., дали результаты, благопріятные для радикаловъ, партія порядка рѣшилась и на измѣненіе избирательнаго закона въ смыслѣ разныхъ ограниченій, которые должны были сократить число избирателей среди, преимущественно, городскихъ рабочихъ. Самъ президентъ республики, уже формировавшій свою собственную партію въ собраніи и всякими мѣрами располагавшій въ свою пользу въ странѣ и духовенство, и армію, и всѣхъ, боявшихся „краснаго призрака“,

отнесся одобрительно къ этой послѣдней мѣрѣ, но потомъ, когда послѣ окончательнаго разгрома красныхъ, въ собраніи началась борьба между монархистами (легитимистами и орлеанистами), не желавшими упроченія власти президента, и его личной партіей, стремившейся къ обратному, онъ началъ требовать у собранія, чтобы оно возстановило всеобщую подачу голосовъ въ прежнемъ видѣ, желая создать себѣ популярность и приверженцевъ въ рабочей массѣ. Собраніе ему отказало въ этомъ, какъ нѣсколько ранѣе отказало ему въ отмѣнѣ статьи конституціи, не дозволявшей переизбранія президента на новое четырехлѣтіе, необходимость котораго онъ мотивировалъ соображеніями бо́льшаго упроченія порядка.

Конфликтъ президента и собранія разрѣшился, какъ извѣстно, государственнымъ переворотомъ въ ночь съ 1 на 2 декабря 1851 г. Переворотъ заключался въ арестѣ наиболѣе видныхъ политическихъ дѣятелей (депутатовъ и не-депутатовъ), въ занятіи военными отрядами важнѣйшихъ стратегическихъ пунктовъ столицы и въ изданіи прокламаціи, распускавшей законодательное собраніе, возстановлявшей всеобщую подачу голосовъ и приглашавшей народъ дать президенту дѣйствительную возможность управлять страною. Всѣ попытки противодѣйствія перевороту были быстро подавлены военною силою, населеніе буквально терроризировалось, а правительственные агенты распускали слухъ о томъ, что правительство вынуждено было прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ въ виду опаснаго заговора враговъ общественнаго порядка, религіи и собственности. За одобреніемъ государственнаго переворота президентъ обратился къ демократическому средству, которое въ интересахъ деспотизма уже не разъ съ успѣхомъ пускала въ ходъ первая имперія [1]), и устроенное въ концѣ декабря всенародное голосованіе дало на „обращеніе къ націи“ семь съ половиною милліоновъ утвердительныхъ отвѣтовъ противъ 647 тысячъ отрицательныхъ. Дѣло въ томъ, что народу было предложено измѣнить конституцію въ духѣ конституціи VIII г., и его согласіе на это дало возможность президенту 14 января 1852 г. объявить новую конституцію, заключавшую въ себѣ указаніе на то, что она была „дана въ силу полномочій, врученныхъ французскимъ народомъ Людовику-Наполеону Бонапарту“. Принципомъ народовластія эта конституція воспользо-

---

[1]) См. выше, стр. 226.

валась лишь для того, чтобы на широкой основѣ всенароднаго избранія основать единоличную власть главы государства, которому народъ ввѣрялъ правленіе съ правомъ непосредственнаго обращенія къ народу. Министры, между которыми конституція формально не допускала никакой сплоченности, государственный совѣтъ, законодательный корпусъ, сенатъ, всѣ судьи, чиновники и военные должны были присягать не только въ повиновеніи конституціи, но и въ вѣрности президенту. Должность послѣдняго замѣщалась на десять лѣтъ, но уже въ ноябрѣ 1852 г. сенатъ сдѣлалъ предложеніе о возведеніи президента республики въ императоры французовъ, и это черезъ двѣ недѣли тоже было утверждено всенароднымъ голосованіемъ (7.824.189 положительными отвѣтами противъ 250.145 отрицательныхъ). 2 декабря 1852 г. Людовикъ-Наполеонъ былъ провозглашенъ „Божіею милостію и волею народа Наполеономъ III, императоромъ французовъ".

Вторая имперія во Франціи, какъ и первая, бывшая лишь замаскированнымъ конституціонными учрежденіями абсолютизмомъ главы государства, просуществовала почти полныхъ 18 лѣтъ [1]). Подобно своему дядѣ Наполеонъ III старался утѣшить націю, лишенную свободы, внѣшнимъ блескомъ и славою своего царствованія и заботился о томъ, чтобы вліятельные классы общества могли чувствовать себя спокойными и обогащаться промышленностью, торговлею и всякаго рода выгодными предпріятіями. Всѣмъ свободамъ наступилъ конецъ, и нѣкоторое ослабленіе реакціи началось только въ шестидесятыхъ годахъ. Въ 1870 г. Наполеонъ III задумалъ даже кое-какія измѣненія въ конституціи въ либеральномъ направленіи для упроченія своей династіи, и устроенный по этому поводу плебисцитъ далъ около 7.350.000 утвердительныхъ голосовъ, при полутора милліонахъ слишкомъ отрицательныхъ, но дни имперіи были сочтены: седанская катастрофа Наполеона III въ войнѣ съ Пруссіей 2 сентября 1870 г. имѣла своимъ результатомъ провозглашеніе 4 сентября третьей республики.

Нечего говорить, что законодательный корпусъ, при выборахъ въ который правительство выставляло своихъ оффиціальныхъ кандидатовъ и въ широкихъ размѣрахъ практиковало административное давленіе на избирателей, состоялъ при На-

---

[1]) 17 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ (2 дек. 1852—4 сент. 1870).

полеонѣ III почти изъ однихъ бонапартистовъ. Въ первые годы имперіи въ законодательномъ корпусѣ не было ни одного республиканца, и лишь въ концѣ пятидесятыхъ годовъ въ немъ появилась знаменитая республиканская „пятерка“ (les cinq) представителей Парижа и Ліона, допущенныхъ въ палату, однако, подъ условіемъ принесенія особой присяги на вѣрность императору. Только въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ законодательномъ корпусѣ изъ республиканцевъ съ орлеанистами и легитимистами образовалась такъ называемая оппозиція, состоявшая изъ 35 членовъ, при 249 приверженцахъ правительства, и лишь въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, когда Наполеонъ III сталъ смягчать гнетъ реакціи, особенно въ отношеніи прежнихъ законовъ о печати и собраніяхъ, республиканцы впервые рѣшились публично нападать на имперію и даже устраивать политическія манифестаціи. Но въ законодательномъ корпусѣ число республиканцевъ было по-прежнему очень ограниченнымъ: побѣда на выборахъ 1869 г. выпала на долю либеральной оппозиціи и образовавшейся среди самихъ бонапартистовъ оппозиціонной партіи, но цифра республиканцевъ достигала въ законодательномъ корпусѣ 1869 — 70 г. едва сорока человѣкъ. Стоитъ при этомъ, впрочемъ, отмѣтить, что на выборахъ 1869 г. республиканцы уже выступили прямо съ программою въ духѣ политическихъ требованій демократическаго радикализма и съ упоминаніемъ (правда, не особенно опредѣленнымъ) о соціальномъ вопросѣ, рѣшеніе котораго должно было бы дать новое государственное устройство. Плебисцитъ 1870 г. и былъ устроенъ для того, чтобы противопоставить либеральныя реформы успѣхамъ республиканской агитаціи; самая война съ Пруссіей, въ расчетѣ на легкую побѣду, была затѣяна для упроченія имперіи, но случилось иное: на поляхъ битвъ въ 1870 г. бонапартовскій режимъ доказалъ полную свою несостоятельность, и Франція въ третій разъ сдѣлалась республикой.

Прошло, однако, пять лѣтъ, прежде чѣмъ третья республика получила нынѣ дѣйствующую конституцію. Низверженіе второй имперіи произошло почти въ самомъ началѣ франко-прусской войны, которая потомъ продолжалась еще нѣсколько мѣсяцевъ. Во время этой войны Парижъ находился въ осадѣ болѣе четырехъ мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ въ его населеніи происходило революціонное броженіе, выражавшееся политическими манифестаціями и даже попытками низвергнуть

временное правительство. Послѣ капитуляціи Парижа (24 янв. 1871 г.) и заключенія перемирія состоялись выборы въ національное собраніе, при которыхъ принятъ былъ порядокъ 1848 г. Большинство въ собраніи, открывшемся въ Бордо 12 февраля, оказалось консервативнымъ: изъ 720 депутатовъ около 400 было монархистовъ, большею частью орлеанистовъ съ весьма значительною примѣсью легитимистовъ, отражавшихъ вообще настроеніе большинства буржуазіи и крестьянства, откуда названіе этого собранія, данное ему республиканцами, — „собранія деревенщины" (assemblée des ruraux). Это монархическое большинство рѣшило не считать республику окончательной государственной формой Франціи, а только, такъ сказать, терпѣть ее до заключенія мира, послѣ котораго должно было быть созвано учредительное собраніе. Когда подписаны были предварительныя условія мира, собраніе перенесло свои засѣданія въ Версаль—къ великому негодованію республиканцевъ, имѣвшихъ на своей сторонѣ и подавляющее большинство парижскаго населенія. Дѣло дошло, какъ извѣстно, до вооруженнаго столкновенія между версальскимъ правительствомъ, во главѣ котораго стоялъ орлеанистъ Тьеръ, и организовавшеюся въ Парижѣ коммуною, желавшею установить революціонную диктатуру столичной демократіи по якобинскому образцу 1793 г., причемъ часть общаго совѣта коммуны выставляла съ своей стороны и чисто соціалистическія задачи. Единства требованій и дѣйствій этотъ совѣтъ, однако, былъ совершенно лишенъ вслѣдствіе крайней пестроты своего состава: здѣсь были и остатки монтаньяровъ 1849 г. [1]), и бланкисты [2]), и фурьеристы [3]), и соціалисты новыхъ формацій, къ каковымъ принадлежали мутуалисты и члены такъ называемаго Интернаціонала, стоявшаго на точкѣ зрѣнія „Коммунистическаго Манифеста" 1848 г. [4]), не говоря о лицахъ, не имѣвшихъ никакихъ

---

[1]) См. выше, стр. 371.

[2]) См. выше, стр. 318.

[3]) См. выше, стр. 340—341.

[4]) О „Коммунистическомъ Манифестѣ" 1848 (вѣрнѣе 1847) года см. выше, стр. 351. По основному содержанію настоящей книги (см. стр. 331—332) въ ней приходится говорить о соціальныхъ движеніяхъ лишь по ихъ отношенію къ исторіи конституціонныхъ учрежденій, а потому и къ исторіи политическихъ революцій. Вотъ почему въ текстѣ этой главы ничего не говорится объ исторіи французскаго соціализма послѣ 1848 г. Въ пятидеся-

опредѣленныхъ политическихъ и соціальныхъ убѣжденій. По примѣру Парижа аналогичныя попытки муниципальныхъ организацій въ пользу широкой общинной автономіи и борьбы съ монархическими стремленіями собранія и правительства сдѣлали и другіе города, какъ-то: Ліонъ, Тулуза, Марсель и т. д., но вездѣ это движеніе подавлялось, и сама парижская коммуна подверглась, послѣ двухъ мѣсяцевъ существованія (18 марта—21 мая), страшному разгрому. Такъ называемую „кровавую майскую недѣлю" 1871 г. по массѣ погибшихъ въ бою, разстрѣлянныхъ безъ суда и по суду, сосланныхъ на каторгу и т. п. приходится признать по жестокости репрессіи и количеству жертвъ даже превзошедшею ужасы „іюньскихъ дней" 1848 г. И результатъ получился такой же, какъ и въ сорокъ восьмомъ году, — усиленіе реакціи, которое, конечно, не могло быть полезнымъ дѣлу упроченія во Франціи внутренней свободы [1]).

31 августа 1871 г. національное собраніе объявило себя правомочнымъ выработать для Франціи конституцію, временно

тыхъ годахъ его считали совсѣмъ умершимъ, а возрожденіе его произошло только въ шестидесятыхъ годахъ.—Мутуализмъ, это — ученіе Прудона, увлекшее нѣкоторую часть рабочихъ, которая въ 1864 г. на выборахъ въ законодательный корпусъ выставила своего кандидата. Впослѣдствіи они примкнули къ Международному обществу рабочихъ (или „Интернаціоналу"), образовавшемуся въ 1866 г. съ уставомъ, написаннымъ Марксомъ, вліяніе идей котораго все болѣе и болѣе давало себя чувствовать въ этомъ союзѣ. Интернаціоналъ оказалъ большое вліяніе на соціальную сторону исторіи парижской коммуны 1871 г. Укажемъ по этому поводу на важнѣйшія ея требованія соціальнаго характера: восьмичасовой рабочій день, денежныя субсидіи коопераціямъ, передача рабочимъ ассоціаціямъ работъ по городскому благоустройству и т. п. Политическими требованіями коммуны были, между прочимъ, отдѣленіе церкви отъ государства, замѣна постояннаго войска народной милиціей съ выборными начальниками и т. п. Гораздо болѣе важнымъ въ исторіи соціализма событіемъ по своему значенію для всего послѣдующаго времени было образованіе въ Германіи въ началѣ шестидесятыхъ годовъ особой рабочей партіи, о чемъ см. ниже (въ гл. XXI). Вообще, для исторіи соціальнаго движенія въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ отсылаю къ главѣ XXXI пятаго тома „Исторіи Западной Европы"; эта глава служитъ непосредственнымъ продолженіемъ главъ XIII и XVI того же тома (о соціализмѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ).

[1]) Осадное положеніе въ Парижѣ было снято только въ 1876.

давъ главѣ правительства Тьеру титулъ президента Французской республики. Опираясь на умѣренныхъ республиканцевъ и либеральныхъ орлеанистовъ, Тьеръ стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что „республика будетъ консервативной, или ея вовсе не будетъ“, тогда какъ болѣе демократическіе республиканцы („крайняя лѣвая“) съ Гамбеттою во главѣ желали настоящей, „республиканской республики“. Комиссія, которой была поручена выработка для Франціи конституціи, состояла изъ монархистовъ и не очень торопилась съ исполненіемъ даннаго ей порученія. Вообще, правые играли въ собраніи очень видную роль, находя и политику самого Тьера недостаточно консервативной. Въ 1873 г. послѣ одного голосованія, за которымъ могла бы послѣдовать развѣ лишь перемѣна министерства, президентъ республики предпочелъ самъ подать въ отставку, и въ преемники ему былъ избранъ маршалъ Макъ-Магонъ, отличавшійся рѣзко реакціоннымъ настроеніемъ. Дѣло въ томъ, что Тьеръ думалъ, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ объединить интересы консервативной буржуазіи могла бы только умѣренная республика, большинству же національнаго собранія нуженъ былъ такой президентъ, который возстановилъ бы монархію. Макъ-Магонъ оказался, дѣйствительно, президентомъ въ духѣ крайней реакціи: будучи покровителемъ клерикализма, въ политическомъ отношеніи онъ болѣе всего склонялся на сторону бонапартистовъ. Между тѣмъ легитимисты, желавшіе видѣть на престолѣ графа Шамбора, внука Карла X, и орлеанисты, у которыхъ претендентомъ на престолъ былъ графъ Парижскій, внукъ Людовика-Филиппа, вошли между собою въ соглашеніе, въ силу котораго королемъ долженъ былъ сдѣлаться бездѣтный графъ Шамборъ, а его наслѣдникомъ графъ Парижскій, и всѣ три монархическія партіи собранія договорились между собою о провозглашеніи королемъ графа Шамбора подъ именемъ Генриха V съ принятіемъ конституціи въ духѣ хартіи 1814 г., которая была бы ими представлена собранію. Эта комбинація разстроилась, однако, вслѣдствіе нежеланія самого графа Шамбора согласиться на трехцвѣтное знамя первой революціи и всѣхъ слѣдовавшихъ за нею политическихъ режимовъ, кромѣ реставраціи, принявшей старое бѣлое знамя прежней монархіи. Монархисты уже дѣлали-было приготовленія къ встрѣчѣ короля, но неудача, постигшая попытку реставраціи, заставила ихъ подумать, по крайней мѣрѣ, объ усиленіи власти президента,

продленіемъ его полномочій на семь лѣтъ („септеннатъ") и объ укрѣпленіи „нравственнаго порядка", подъ каковымъ разумѣлась борьба съ республиканцами и демократическими идеями. Президентъ республики, видимо, отдавалъ предпочтеніе бонапартистамъ, что заставило орлеанистовъ соединиться съ болѣе умѣренными республиканцами,—обстоятельство, приведшее къ принятію конституціи 1875 г., которая и дѣйствуетъ въ настоящее время во Франціи.

Общій характеръ конституціи 1875 г. опредѣляется ея происхожденіемъ въ эпоху реакціи противъ коммуны и притомъ въ собраніи, въ которомъ господствовало монархическое большинство. Національное собраніе 1871 — 1875 г. не произвело реставраціи монархіи только потому, что сами монархисты дробились на три партіи, а когда между двумя изъ нихъ произошло сліяніе, и онѣ нашли поддержку въ третьей, не послѣдовало согласія самого претендента на предложенныя ему условія. Послѣ этой неудачи монархистамъ ничего не оставалось дѣлать, какъ идти на компромиссъ съ болѣе умѣренными республиканцами, а они, въ свою очередь, не считая возможнымъ осуществить свою идею, тоже пошли на уступки. Отсюда—компромиссный характеръ французской республиканской конституціи 1875 г. Въ сущности, во Франціи установилось тогда нѣчто въ родѣ парламентарной монархіи съ избираемымъ на семь лѣтъ президентомъ, вмѣсто короля, и съ двумя палатами, представляющими собою націю. Мало того: конституція 1875 г. даже не составляетъ собою единаго акта, а покрываетъ общимъ названіемъ цѣлый рядъ законовъ, изданныхъ какъ раньше, такъ и собственно въ 1875 г., каковы два закона (1871 и 1873 г.) о правахъ президента, законъ 1873 г. о септеннатѣ, три отдѣльныхъ закона 1875 г. объ организаціи сената, объ организаціи общественныхъ властей и о взаимныхъ ихъ между собою отношеніяхъ съ особыми органическими законами о выборахъ сенаторовъ и депутатовъ и о государственномъ совѣтѣ.

Мы не будемъ здѣсь излагать эту конституцію [1]), тѣмъ болѣе, что пришлось бы разсмотрѣть и произведенныя въ ней измѣненія. Достаточно отмѣтить, что конституція сохранила всеобщее избирательное право и отвѣтственность министровъ,

[1]) Эти законы помѣщены во II т. сборника конституціонныхъ актовъ, изд. подъ ред. *Гессена* и *Нольде*.

двѣ основы народно-правового государства, два главныхъ залога дальнѣйшаго развитія демократіи и законности. Сравнительно съ конституціями 1793 и 1848 гг. конституція третьей республики отличается гораздо меньшимъ демократизмомъ, но за то ни первая, ни вторая не могли упрочиться во Франціи. Правда, и послѣ 1875 г. республикѣ во Франціи неоднократно грозила опасность быть низвергнутой, но каждый новый годъ все болѣе и болѣе упрочиваетъ ея существованіе, а съ нею и условія дальнѣйшаго развитія демократіи и господства права.

ГЛАВА XX.

Конституціонное объединеніе Италіи [1]).

Политическія движенія въ Италіи въ первой половинѣ XIX в. — Исторія 1848 г. въ Италіи. — Сардинская конституція и ея примѣненіе на практикѣ.—Неудача итальянской революціи 1848 г. и реакція пятидесятыхъ годовъ. — Возобновленіе національнаго движенія къ концу пятидесятыхъ годовъ.—Монархическая и республиканская партіи въ вопросѣ о политическомъ объединеніи.—Образованіе Итальянскаго королевства подъ властью Савойскаго дома.—Присоединеніе къ нему Венеціи и Рима.—Позднее возникновеніе въ Италіи соціализма.

Задача настоящей главы—представитъ въ наиболѣе существенныхъ чертахъ, какъ къ 1859—1871 г. образовалось теперешнее конституціонное Итальянское королевство. Другими словами, это—очеркъ исторіи объединенія Италіи въ принятой ею формѣ конституціонной монархіи.

Въ теченіе среднихъ вѣковъ и новаго времени Италія не составляла единаго государства, а въ концѣ среднихъ вѣковъ въ большей части составлявшихъ ее государствъ очень прочно утвердился абсолютизмъ. Французская революція превратила Италію въ концѣ XVIII в. въ цѣлый рядъ республикъ съ конституціями, бывшими сколками съ тогдашней конституціи

---

[1]) Подробнѣе въ гл. XXIII и XXVII пятаго тома „Исторіи Западной Европы“.

[2]) См. выше, стр. 157 и 225—226.

французской, но все это были совершенно эфемерныя республики, не оставившія по себѣ почти никакого слѣда въ дальнѣйшей исторіи Италіи. При Наполеонѣ I сѣверо-западная часть Италіи вошла въ составъ его имперіи, сѣверо-восточная составила особое королевство Италійское, государемъ котораго былъ самъ Наполеонъ, южная же, т.-е. Неаполитанское королевство, находилась подъ властью сначала Наполеонова брата Іосифа, потомъ его зятя Іоахима Мюрата, но паденіе имперіи и вѣнскій конгрессъ вернули Италію къ прежнему устройству, возстановивъ въ ней легитимныхъ государей. Именно, съ 1815 г. Италія раздѣлялась на слѣдующія части: Сардинское королевство подъ властью Савойскаго дома, Ломбардо-Венеціанское королевство, отданное Австріи, герцогства Парма, Модена и Лукка (въ 1847 г. перешедшее къ Тосканѣ), великое герцогство Тосканское, Папскую Область и королевство Обѣихъ Сицилій. Во всѣхъ этихъ государствахъ господствовалъ крайне реакціонный абсолютизмъ, причемъ на всю ихъ внутреннюю политику громадное вліяніе оказывала Австрія, владѣвшая Ломбардо-Венеціанскимъ королевствомъ и чрезъ членовъ своего царствующаго дома державшая въ зависимости отъ себя и Тоскану, и Парму, отданныя вѣнскимъ конгрессомъ государямъ изъ династіи Габсбурговъ. Между тѣмъ въ Италіи не было недостатка въ общественныхъ элементахъ, стремившихся къ политической свободѣ, къ устраненію зависимости отъ иноземцевъ и къ національному объединенію, т.-е. къ превращенію Италіи изъ „географическаго понятія“ въ единое цѣлое. Республики конца XVIII в. были основаны французами при помощи мѣстныхъ демократовъ, а въ началѣ XIX в. во всей Италіи возникло тайное общество карбонаріевъ, поставившее своею цѣлью добиться освобожденія родины. Въ 1820—1821 гг. и въ 1831 г., какъ мы видѣли [1]), въ разныхъ частяхъ Италіи совершались революціонныя движенія, которыя, однако, оба раза были безпощадно подавляемы, каждый разъ при помощи Австріи. Мы видѣли также, что въ тридцатыхъ годахъ среди итальянцевъ возникла новая революціонно-демократическая организація подъ названіемъ „Молодой Италіи“ [1]), которая поставила себѣ уже прямою задачею объединить итальянскую націю въ формѣ демократической республики или, по крайней

[1]) См. выше, стр. 253—254 и 308.

[1]) См. выше, стр. 325.

мѣрѣ, въ случаѣ народнаго желанія, конституціонной монархіи. Кромѣ того, значительная часть итальянскихъ патріотовъ возлагала всѣ свои упованія на сардинскаго короля Карла-Альберта, ожидая, что онъ освободитъ Италію отъ австрійскаго владычества. Большія надежды возбудилъ-было въ націи и выбранный на папскій престолъ въ 1846 г. Пій IX, начавшій вводить кое-какія реформы въ своемъ государствѣ и даже высказывавшійся въ смыслѣ федеративнаго объединенія Италіи.

Не только Австрія, но и Франція, какъ было уже сказано въ своемъ мѣстѣ, съ тревогою смотрѣли на политическое броженіе въ Италіи, принимавшее большею частью демократическій характеръ [1]). Въ 1848 г., еще раньше, чѣмъ произошло крушеніе іюльскаго трона во Франціи, въ разныхъ мѣстахъ Италіи уже начиналась революція. Нѣкоторые итальянскіе государи вынуждены были согласиться на введеніе въ своихъ странахъ конституціонныхъ учрежденій, когда Людовикъ-Филиппъ еще царствовалъ во Франціи. Особенное значеніе получила въ исторіи Италіи сардинская конституція, согласіе на которую король далъ, однако, лишь послѣ примѣра, показаннаго неаполитанскимъ королемъ. 7 февраля Карлъ-Альбертъ созвалъ на совѣщаніе высшихъ сановниковъ королевства, и здѣсь большинствомъ участниковъ съ королемъ во главѣ было рѣшено уступить настойчивому требованію общественнаго мнѣнія и перейти отъ абсолютизма къ конституціонному строю, хотя въ совѣщаніи и раздавались голоса, высказывавшіеся за сохраненіе абсолютизма при помощи остававшейся ему вѣрной арміи. На другой день были обнародованы основные пункты будущей конституціи, и менѣе, нежели черезъ мѣсяцъ, именно 4 марта былъ опубликованъ и самый текстъ основного статута Сардинскаго королевства. Изъ всѣхъ конституцій, провозглашавшихся въ сорокъ восьмомъ году въ Италіи, это была единственная, которая сохранилась послѣ подавленія итальянской революціи. Мало того, впослѣдствіи она сдѣлалась конституціей объединенной Италіи.

Вступленіе въ сардинскій конституціонный статутъ представляетъ новое государственное устройство, какъ дарованное королевскою властью, какъ результатъ ея довѣрія къ странѣ и королевскаго желанія утвердить, — сказано далѣе, — „принимая во вниманіе единственно совѣты сердечныхъ нашихъ

---

[1]) См. выше, стр. 326 и 356.

побужденій, судьбу края, сообразно развитію, интересамъ и достоинству народа" [1]). „Широкія и сильныя представительныя учрежденія" объявлялись въ этомъ документѣ „наиболѣе вѣрнымъ средствомъ удвоить связи неразрывнаго расположенія", соединяющія съ королемъ народъ. „Посему,—такъ оканчивается это коротенькое вступленіе,—съ полнымъ сознаніемъ, нашею королевскою властью, съ согласія нашего совѣта, мы утвердили и утверждаемъ силу основного статута и законовъ монархіи на вѣчныя времена и ненарушимо". Отнынѣ Сардинское королевство должно было „управляться монархическимъ и представительнымъ правительствомъ", совмѣстнымъ осуществленіемъ законодательной власти королемъ и двумя палатами (сенатомъ и палатою депутатовъ), но съ принадлежностью исполнительной власти только одному королю. При этомъ король обязывался ежегодно созывать обѣ палаты и въ случаѣ роспуска палаты депутатовъ созывать новую въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. При вступленіи на престолъ на новаго государя возлагалась обязанность „приносить въ присутствіи соединенныхъ палатъ клятву честно исполнять настоящій статутъ". Въ сардинской конституціи есть и обычный отдѣлъ о правахъ гражданъ, гдѣ говорится о равноправіи, о неприкосновенности личности, жилища и собственности, о свободѣ печати и о правѣ собраній, но нужно замѣтить, что статьи этого отдѣла менѣе либеральны, чѣмъ въ бельгійской конституціи [2]). То же замѣчаніе можетъ быть отнесено и къ другимъ частямъ сардинской конституціи по ея сравненію съ бельгійскою. Сенатъ она организовала не изъ выборныхъ членовъ, а изъ пожизненно назначенныхъ королемъ, хотя послѣдній и могъ ихъ брать только изъ извѣстныхъ категорій лицъ. Что касается до избирательнаго закона, изданнаго отдѣльно отъ конституціоннаго статута, то избиратели должны быть не моложе 21 года, умѣть читать и писать (цензъ грамотности) и

---

[1]) См. русскій переводъ въ сборникѣ дѣйствующихъ конституціонныхъ актовъ *В. Гессена* и *Б. Нольде*, т. I, стр. 264 и слѣд.

[2]) Ср. выше, стр. 304. Меньшимъ либерализмомъ, напр., отличаются статьи, касающіяся религіи. Напр., первая статья сардинскаго статута признаетъ католицизмъ государственной религіей при терпимости, въ предѣлахъ закона, остальныхъ, уже существующихъ вѣроисповѣданій, а статья 28 позволяетъ печатать библіи, катехизисы, литургическія книги и молитвенники лишь съ предварительнаго разрѣшенія епископа.

уплачивать 20 лиръ (франковъ) налоговъ или платить за аренду земли не менѣе 500 лиръ, либо за помѣщеніе для жилища, лавки, мастерской отъ 150 до 400 ливровъ, причемъ имущественный цензъ могъ замѣняться цензомъ образовательнымъ.

Сардинская конституція была опубликована всего черезъ нѣсколько дней послѣ февральскаго переворота въ Парижѣ, сдѣлавшагося сигналомъ для общаго возстанія. Нѣкоторые государи даже принуждены были бѣжать изъ своихъ столицъ. Въ Ломбардіи тоже произошло возстаніе, на помощь которому явился со своимъ войскомъ сардинскій король, а Венеція провозгласила себя республикой, какъ и Римъ, откуда также долженъ былъ бѣжать папа. Республика временно устанавливалась еще и въ Тосканѣ. Общее движеніе разстроивалось, однако, несогласіями отдѣльныхъ областей и партій: наприм., какъ и въ 1820 г., въ Южной Италіи дѣлу революціи вредилъ антагонизмъ неаполитанцевъ и сицилійцевъ [1]), что облегчило подавленіе революціи въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій военною силою, а съ другой стороны, республиканская партія не хотѣла помогать Сардиніи въ ея войнѣ съ Австріей. Самая война эта была очень неудачна для Сардиніи: она вынуждена была отдать Ломбардію назадъ Австріи, послѣ чего не могла удержаться и Венеціанская республика. Самъ Карлъ-Альбертъ отрекся отъ престола въ пользу своего сына Виктора-Эммануила, но конституція, данная Сардинскому королевству, не была, какъ уже было отмѣчено, отмѣнена, подобно конституціи Обѣихъ Сицилій. Неаполитанскій король оказался настолько даже сильнымъ, что былъ въ состояніи участвовать вмѣстѣ съ Австріей, Испаніей и второй французской республикой въ президентство Людовика-Наполеона Бонапарта въ возстановленіи папской власти въ Церковномъ государствѣ. Въ общемъ иностранными державами, наиболѣе содѣйствовавшими подавленію итальянской революціи, были Австрія и Франція. Въ одной послѣ революціи 1848 г. не было уже Меттерниха, какъ въ другой не было Гизо, но духъ ихъ политики сохранился въ новыхъ правительствахъ обѣихъ странъ [2]). Какъ и вслѣдъ за пораженіемъ революціонныхъ движеній начала двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, послѣ 1849 г. въ Италіи началась крайняя реакція, стремившаяся подавить въ порабощенной націи

---

[1]) См. выше, стр. 254.

[2]) Ср. выше, стр. 326 и 356.

побужденій, судьбу края, сообразно развитію, интересамъ и достоинству народа" [1]). „Широкія и сильныя представительныя учрежденія" объявлялись въ этомъ документѣ „наиболѣе вѣрнымъ средствомъ удвоить связи неразрывнаго расположенія", соединяющія съ королемъ народъ. „Посему,—такъ оканчивается это коротенькое вступленіе,—съ полнымъ сознаніемъ, нашею королевскою властью, съ согласія нашего совѣта, мы утвердили и утверждаемъ силу основного статута и законовъ монархіи на вѣчныя времена и ненарушимо". Отнынѣ Сардинское королевство должно было „управляться монархическимъ и представительнымъ правительствомъ", совмѣстнымъ осуществленіемъ законодательной власти королемъ и двумя палатами (сенатомъ и палатою депутатовъ), но съ принадлежностью исполнительной власти только одному королю. При этомъ король обязывался ежегодно созывать обѣ палаты и въ случаѣ роспуска палаты депутатовъ созывать новую въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. При вступленіи на престолъ на новаго государя возлагалась обязанность „приносить въ присутствіи соединенныхъ палатъ клятву честно исполнять настоящій статутъ". Въ сардинской конституціи есть и обычный отдѣлъ о правахъ гражданъ, гдѣ говорится о равноправіи, о неприкосновенности личности, жилища и собственности, о свободѣ печати и о правѣ собраній, но нужно замѣтить, что статьи этого отдѣла менѣе либеральны, чѣмъ въ бельгійской конституціи [2]). То же замѣчаніе можетъ быть отнесено и къ другимъ частямъ сардинской конституціи по ея сравненію съ бельгійскою. Сенатъ она организовала не изъ выборныхъ членовъ, а изъ пожизненно назначенныхъ королемъ, хотя послѣдній и могъ ихъ брать только изъ извѣстныхъ категорій лицъ. Что касается до избирательнаго закона, изданнаго отдѣльно отъ конституціоннаго статута, то избиратели должны быть не моложе 21 года, умѣть читать и писать (цензъ грамотности) и

---

[1]) См. русскій переводъ въ сборникѣ дѣйствующихъ конституціонныхъ актовъ *В. Гессена* и *Б. Нольде*. т. I, стр. 264 и слѣд.

[2]) Ср. выше, стр. 304. Меньшимъ либерализмомъ, напр., отличаются статьи, касающіяся религіи. Напр., первая статья сардинскаго статута признаетъ католицизмъ государственной религіей при терпимости, въ предѣлахъ закона, остальныхъ, уже существующихъ вѣроисповѣданій, а статья 28 позволяетъ печатать библіи, катехизисы, литургическія книги и молитвенники лишь съ предварительнаго разрѣшенія епископа.

уплачивать 20 лиръ (франковъ) налоговъ или платить за аренду земли не менѣе 500 лиръ, либо за помѣщеніе для жилища, лавки, мастерской отъ 150 до 400 ливровъ, причемъ имущественный цензъ могъ замѣняться цензомъ образовательнымъ.

Сардинская конституція была опубликована всего черезъ нѣсколько дней послѣ февральскаго переворота въ Парижѣ, сдѣлавшагося сигналомъ для общаго возстанія. Нѣкоторые государи даже принуждены были бѣжать изъ своихъ столицъ. Въ Ломбардіи тоже произошло возстаніе, на помощь которому явился со своимъ войскомъ сардинскій король, а Венеція провозгласила себя республикой, какъ и Римъ, откуда также долженъ былъ бѣжать папа. Республика временно устанавливалась еще и въ Тосканѣ. Общее движеніе разстроивалось, однако, несогласіями отдѣльныхъ областей и партій: наприм., какъ и въ 1820 г., въ Южной Италіи дѣлу революціи вредилъ антагонизмъ неаполитанцевъ и сицилійцевъ [1]), что облегчило подавленіе революціи въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій военною силою, а съ другой стороны, республиканская партія не хотѣла помогать Сардиніи въ ея войнѣ съ Австріей. Самая война эта была очень неудачна для Сардиніи: она вынуждена была отдать Ломбардію назадъ Австріи, послѣ чего не могла удержаться и Венеціанская республика. Самъ Карлъ-Альбертъ отрекся отъ престола въ пользу своего сына Виктора-Эммануила, но конституція, данная Сардинскому королевству, не была, какъ уже было отмѣчено, отмѣнена, подобно конституціи Обѣихъ Сицилій. Неаполитанскій король оказался настолько даже сильнымъ, что былъ въ состояніи участвовать вмѣстѣ съ Австріей, Испаніей и второй французской республикой въ президентство Людовика-Наполеона Бонапарта въ возстановленіи папской власти въ Церковномъ государствѣ. Въ общемъ иностранными державами, наиболѣе содѣйствовавшими подавленію итальянской революціи, были Австрія и Франція. Въ одной послѣ революціи 1848 г. не было уже Меттерниха, какъ въ другой не было Гизо, но духъ ихъ политики сохранился въ новыхъ правительствахъ обѣихъ странъ [2]). Какъ и вслѣдъ за пораженіемъ революціонныхъ движеній начала двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, послѣ 1849 г. въ Италіи началась крайняя реакція, стремившаяся подавить въ порабощенной націи

---

[1]) См. выше, стр. 254.

[2]) Ср. выше, стр. 326 и 356.

всякую общественность. Одно только Сардинское королевство не поддавалось этому общему повороту исторической жизни вспять.

Викторъ-Эммануилъ старался сохранять за собою репутацію либеральнаго конституціоннаго монарха, назначающаго министрами только людей, угодныхъ большинству палаты, и ему тѣмъ легче было выдерживать эту роль, что въ его распоряженіи всегда было послушное большинство. Въ палатѣ депутатовъ были представлены преимущественно тѣ общественные классы, которые стояли за конституцію и вмѣстѣ съ тѣмъ за династію, отличаясь, кромѣ того, сильною враждебностью къ клерикализму. Правда, среди народныхъ представителей были и сторонники клерикально-абсолютистическаго режима, господствовавшаго въ другихъ частяхъ Италіи, и республиканцы, раздѣлявшіе идей Мадзини, но всѣ они составляли незначительное меньшинство. Сохраненіе Сардинскимъ королевствомъ, или Пьемонтомъ, какъ его еще называли, конституціи и антиклерикальная его политика снискали ему массу сторонниковъ въ разныхъ частяхъ Италіи и выдвинули его впередъ, когда снова сталъ на очередь вопросъ объ объединеніи Италіи.

Между подавленіемъ итальянской революціи въ 1849 г. и австро-сардинскою войною 1859 г., за которою послѣдовало объединеніе Италіи подъ властью сардинскаго короля, прошло десять лѣтъ, когда нація послѣ подавленія своихъ стремленій постепенно собиралась съ силами для новой борьбы. Главными противницами объединенія Италіи оставались Австрія и Франція, но въ концѣ пятидесятыхъ годовъ Наполеонъ III рѣшился оказать помощь Сардинскому королевству въ борьбѣ съ Австріей, заручившись обѣщаніемъ Виктора-Эммануила уступить Франціи Савойю и Ниццу. Въ 1859 г. союзники одержали надъ Австріей блестящія побѣды, заставившія ее отдать Наполеону III Ломбардію, которую тотъ передалъ Виктору-Эммануилу въ обмѣнъ за Савойю и Ниццу. Между тѣмъ въ сѣверной половинѣ Папской Области, въ Моденѣ, въ Пармѣ и въ Тосканѣ война съ Австріей вызвала патріотическій порывъ, и населеніе этихъ областей, изгнавъ прежнихъ правителей, рѣшило признать своимъ королемъ Виктора-Эммануила. При этомъ во всѣхъ названныхъ частяхъ Средней Италіи было устроено народное голосованіе, которое и дало формальную санкцію присоединенію ихъ къ Сардиніи.

Сардинское правительство было руководимо въ это время министромъ гр. Кавуромъ, стоявшимъ на сторонѣ конституціонной монархіи буржуазнаго типа и не довѣрявшимъ народнымъ движеніямъ, а болѣе всего полагавшимся на хорошую армію и на иностранные союзы съ врагами Австріи. Рядомъ съ этою политикою въ Италіи существовала другая, стремившаяся къ демократической республикѣ, осуществить которую должны были народныя силы самой Италіи безъ иностранной помощи. Это была старая идея Мадзини, и эту идею раздѣлялъ главный народный герой итальянскаго объединенія, Гарибальди, принимавшій еще участіе въ революціи 1848 г. Въ сорокъ восьмомъ году республиканская партія даже имѣла извѣстный успѣхъ въ Средней Италіи, уже тогда безпокоившій сардинское правительство. Сторонники республики не переставали дѣлать попытки возстанія и въ пятидесятыхъ годахъ, между прочимъ, въ самомъ Сардинскомъ королевствѣ, но вообще неудача, постигшая въ 1849 г. итальянскую революцію, заставила многихъ республиканцевъ искать спасенія Италіи подъ главенствомъ Пьемонта и Савойской династіи. Такимъ образомъ, въ дѣлѣ объединенія Италіи образовались два теченія: конституціонно-монархическое и республиканское, и между ними началось сближеніе; и соединительнымъ звеномъ между ними сдѣлался Гарибальди. Онъ участвовалъ въ войнѣ Сардиніи съ Австріей во главѣ своего отряда добровольцевъ, а въ 1860 г. съ небольшимъ же отрядомъ произвелъ на свой страхъ народную революцію въ Сициліи и Неаполѣ, гдѣ даже сдѣлался диктаторомъ. Викторъ-Эммануилъ, опасавшійся что Южная Италія превратится въ особую республику, тоже послалъ туда свое войско, докончившее ея покореніе. Судьбу королевства Обѣихъ Сицилій должно было, однако, рѣшить, какъ это уже было въ Средней Италіи, народное голосованіе, и оно тоже высказалось за присоединеніе къ новому національному королевству.

Дорогу къ единству Италіи, несомнѣнно, проложило республиканское теченіе, созданное еще „Молодой Италіей“ Мадзини, но воспользовалась этою дорогою для достиженія своихъ цѣлей Савойская династія. Народныя возстанія въ Средней и Южной Италіи, въ возбужденіи которыхъ большую роль играли демократическіе агитаторы, привели къ образованію единаго Итальянскаго королевства съ далеко не демократическою сардинскою конституціею. Народное голосованіе въ Пармѣ, Моденѣ, Романьѣ и Тосканѣ дало подавляющее большинство въ

пользу присоединенія. Не меньшій успѣхъ имѣла идея присоединенія и въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій. Въ январѣ 1861 г. въ старыхъ и новыхъ владѣніяхъ Виктора-Эммануила происходили выборы, и вновь образовавшійся парламентъ провозгласилъ его „милостью Божіей и по волѣ народа королемъ Италіи". Въ составъ этого національнаго государства не входили въ 1861 г. только Венеція со своею областью и Римъ съ остатками папскихъ владѣній, но въ 1866 г., послѣ новой войны съ Австріей, къ Итальянскому королевству была присоединена Венеція, а въ 1870 г. послѣ первыхъ неудачъ Франціи въ войнѣ съ Пруссіей былъ присоединенъ и Римъ, гдѣ передъ тѣмъ съ 1849 г. почти непрерывно стоялъ французскій гарнизонъ, оберегавшій свѣтскую власть папы. И въ Венеціанской, и въ Римской областяхъ тоже устраивался плебисцитъ, и населеніе подавляющимъ большинствомъ голосовъ отвѣчало „да" на вопросъ о томъ, „желаетъ ли оно объединиться съ конституціонной монархіей Виктора-Эммануила II". За всѣми плебисцитами 1860, 1866 и 1870 г. издавался обыкновенный законъ, которымъ дѣйствіе конституціоннаго статута распространялось и на вновь присоединявшіяся провинціи. Республиканскія попытки (напримѣръ, въ Сициліи въ 1870 г.) не имѣли успѣха.

Что касается до общаго характера народныхъ движеній, приведшихъ Италію къ объединенію въ формѣ свободнаго, хотя и не демократическаго государства, то въ нихъ совершенно отсутствуетъ какое бы то ни было вліяніе соціализма. Нѣкоторые объясняютъ это явленіе тѣмъ, что національный интересъ, объединявшій всѣ классы общества, не далъ возможности другимъ принципамъ, не гармонирующимъ съ патріотическимъ идеаломъ, „зажечь сердце народа". Итальянцы передъ 1860 г. вѣрили во всеисцѣляющую силу политической революціи совершенно такъ же, какъ вѣрили въ политическія реформы французы и англичане передъ 1830 г. Самое начало соціалистической пропаганды относится въ Италіи только къ 1862 г. [1]).

---

[1]) *А. Анджіолини.* Исторія соціализма въ Италіи (Спб., 1907).

ГЛАВА XXI.

Конституціонное объединеніе Германіи [1]).

Параллель между итальянской и нѣмецкой исторіей въ 1848 — 1871 гг.— Общественныя движенія въ послѣднія времена до-мартовской Германіи.— Созывъ соединеннаго ландтага въ Пруссіи. — Мартовская революція.— Франкфуртскій парламентъ и имперская конституція 1849 г. — Борьба за конституцію въ Пруссіи.— Прусская конституція 1850 г. — Общая побѣда реакціи.—Возобновленіе политическаго и соціальнаго движенія въ шестидесятыхъ годахъ.—Конституціонный конфликтъ въ Пруссіи.—Таможенный союзъ и прусскіе планы. — Образованіе рабочей партіи въ Германіи. — Австро-прусское столкновеніе и образованіе Сѣверо-Германскаго союза.— Превращеніе союза въ Германскую имперію.

Какъ въ Италіи, такъ и въ Германіи революція сорокъ восьмого года поставила на своемъ знамени конституціонную свободу въ демократическихъ формахъ и политическое объединеніе націи въ одномъ крѣпкомъ государственномъ организмѣ. Какъ итальянская революція, такъ и германская окончилась полною неудачею: свобода и единство не были достигнуты. Изъ итальянскихъ и нѣмецкихъ конституцій, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ сорокъ восьмому году, сохранились, какъ и понынѣ дѣйствующія, лишь конституціи королевствъ Сардинскаго и Прусскаго, двухъ монархій, которыя въ слѣдующемъ періодѣ,—послѣ прекращенія реакціи въ наиболѣе острыхъ ея формахъ, какими она отличалась и въ Италіи, и въ Германіи въ пятидесятыхъ годахъ,—стали во главѣ обѣихъ объединившихся странъ. Оба объединенія совершились почти одновременно и одинаково не сразу—въ Италіи въ три пріема (въ 1859—61, въ 1866 и въ 1870), въ Германіи въ въ два (1866 — 7 и 1870 — 1). Между обоими процессами была и нѣкоторая связь. Нѣмецкое національное движеніе, приведшее къ объединенію Германіи, было въ значительной мѣрѣ обусловлено успѣхами итальянскаго національнаго дѣла

[1]) См. главы XVIII, XXI, XXII и XXVIII пятаго тома „Исторіи Западной Европы“.

въ 1859 — 61 гг. Оба объединенія, далѣе, не обошлись безъ войнъ, причемъ и Сардинія, и Пруссія, взявшія дѣло объединенія въ свои руки, одинаково должны были придти въ столкновеніе съ Австріей, которой вѣнскій конгрессъ создалъ доминирующее положеніе и въ Италіи, и въ Германіи, возстановленное реакціей послѣ потрясеній сорокъ восьмого года въ прежней силѣ; Сардинія вела съ Австріей войну два раза, въ 1859 и въ 1866 г., второй разъ—какъ уже объединенная подъ властью Савойскаго дома Италія, Пруссія — въ 1866 г., находясь притомъ въ союзѣ съ Италіей. Кромѣ Австріи, помѣху итальянскому и германскому единству представляла собою и политика Наполеона III, и какъ-разъ въ связи съ разгромомъ его имперіи совершилось занятіе итальянскимъ королевствомъ Рима и провозглашеніе Германской имперіи въ сентябрѣ 1870 и въ январѣ 1871 г. Объединеніе Италіи произошло въ формѣ унитарнаго, а Германіи въ формѣ федеративнаго государства, какимъ, впрочемъ, желали ее видѣть и дѣятели сорокъ восьмого года, но въ обоихъ случаяхъ это совершилось на монархическихъ началахъ. Республиканизмъ сорокъ восьмого года, который даже во Франціи потерпѣлъ въ серединѣ XIX в. крушеніе, еще менѣе имѣлъ шансовъ на успѣхъ какъ въ Италіи, такъ и въ Германіи. Пораженіе его во второй изъ этихъ двухъ странъ было даже болѣе полнымъ, чѣмъ въ первой: въ Италіи какъ-никакъ, республиканская партія все-таки сыграла свою роль въ событіяхъ, приведшихъ къ созданію единаго королевства, тогда какъ въ Германіи республиканская партія, бывшая и безъ того очень слабою, подверглась такому разгрому, что въ шестидесятыхъ годахъ уже о ней не могло быть и рѣчи. За то, съ другой стороны, въ то время, какъ объединеніе Италіи не сопровождалось соціальнымъ расколомъ, въ Германіи какъ-разъ въ эту эпоху проявляютъ себя—и съ бо́льшимъ притомъ успѣхомъ, чѣмъ во Франціи, — рабочее и соціалистическое движенія. Наконецъ, нужно принять и то въ соображеніе, что если итальянскою конституціею сдѣлалась сардинская, съ ея цензовой основой, то прусская конституція, наоборотъ, не сдѣлалась общегерманской, и что въ основу имперскаго устройства легли демократическія начала той конституціи, которая выработана была для Германіи въ 1849 г.

Эта параллель между процессами конституціоннаго объединенія Италіи и Германіи показываетъ, между прочимъ,—и это нужно принимать всегда въ расчетъ,—что въ исторіи возник-

новенія конституцій большую роль играли, кромѣ внутренне-политическихъ причинъ съ чисто соціальными условіями, и событія внѣшне-политическаго характера, явленія спеціально-національнаго значенія. Особенно роль послѣднихъ будетъ намъ ясна, впрочемъ, только изъ исторіи превращенія въ конституціонное государство Австріи съ ея разноплеменнымъ населеніемъ [1]). Въ настоящей главѣ мы даже исключаемъ исторію Австріи изъ исторіи Германіи, которую разсматриваемъ въ связи лишь съ исторіей объединившей ее Пруссіи.

Изъ предыдущаго изложенія мы знаемъ, что въ Германіи, нѣсколько задѣтой революціоннымъ движеніемъ 1830 г., въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ господствовала реакція, не бывшая, однако, въ состояніи подавить развитіе демократическихъ стремленій [2]). Непосредственно передъ сорокъ восьмымъ годомъ эти стремленія стали все сильнѣе проситься наружу, и на народномъ собраніи, устроенномъ въ Оффенбургѣ осенью 1847 г. баденскими радикалами, введеніе народнаго представительства при союзномъ сеймѣ было объявлено однимъ изъ главныхъ требованій демократической партіи. Зимою того же года и съѣздъ либераловъ, имѣвшій мѣсто въ Гёппенгеймѣ, провозгласилъ необходимость народнаго представительства при союзномъ сеймѣ; то же самое, наконецъ, было предложено въ баденской палатѣ однимъ изъ оппозиціонныхъ депутатовъ (Вассерманомъ). Во всей Германіи извѣстіе объ этомъ произвело сильное впечатлѣніе. Это было въ началѣ февраля 1848 г., а въ концѣ этого мѣсяца произошла революція въ Парижѣ, за которою, какъ мы знаемъ, послѣдовалъ рядъ „мартовскихъ революцій“ во всей Германіи.

Въ Пруссіи, гдѣ конституціонный вопросъ, поднятый въ началѣ XIX в. самимъ правительствомъ, разрѣшился въ серединѣ двадцатыхъ годовъ введеніемъ только областныхъ земствъ [3]), опять начались толки о конституціи лишь послѣ вступленія на престолъ, въ 1840 г., новаго короля, Фридриха-Вильгельма IV. Отъ новаго государя стали даже прямо ожидать исполненія отцовскаго обѣщанія, тѣмъ болѣе, что онъ смягчилъ многія полицейскія и цензурныя строгости,

---

[1]) См. въ слѣд. главѣ.

[2]) См. выше, стр. 296.

[3]) См. исторію конституціоннаго вопроса въ Пруссіи выше, на стр. 246—250.

бывшія въ то время въ ходу. Принимая присягу отъ провинціальныхъ чиновъ въ Кёнигсбергѣ, онъ даже выслушалъ отъ нихъ напоминаніе о неисполненномъ обѣщаніи. Но всѣ надежды оказались тщетными, а когда нѣкоторые публицисты воспользовались полученнымъ облегченіемъ отъ прежнихъ цензурныхъ стѣсненій, чтобы заговорить о представительствѣ, то это только вызвало новыя гоненія и на печать, и на университетское преподаваніе. Въ первой половинѣ сороковыхъ годовъ королю пришлось получить и нѣсколько напоминаній отъ городскихъ думъ и земскихъ сеймовъ все о томъ же предметѣ. Фридриха-Вильгельма IV это сильно раздражало, но онъ пошелъ на кое-какія уступки. Именно, въ 1842 г. были учреждены съѣзды делегатовъ отъ отдѣльныхъ сеймовъ, но и на нихъ тотчасъ же стало обнаруживаться оппозиціонное настроеніе, что заставило короля назвать ихъ „представителями перемѣнчиваго общественнаго мнѣнія и модныхъ ученій". Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, однако, онъ все-таки обдумывалъ со своими совѣтниками, но въ самой глубокой тайнѣ, какъ бы устроить дѣло такъ, чтобы удовлетворить желанія общества, лишивъ при этомъ всякой почвы оппозицію, а главное — сохранивъ всю полноту королевской власти. Въ это время какъ-разъ оказалось необходимымъ построить одну важную желѣзнодорожную линію, на что нужно было добыть денегъ посредствомъ займа: Фридрихъ-Вильгельмъ IV вспомнилъ объ отцовскомъ законѣ 1820 г. [1]), и уже въ 1846 г. былъ имъ задуманъ знаменитый „соединенный ландтагъ" (der vereinigte Landtag), указъ о которомъ былъ подписанъ 3 февраля 1847 г. Желѣзнодорожный заемъ былъ, пожалуй, скорѣе предлогомъ для введенія такой формы общегосударственнаго представительства, которая должна была дать удовлетвореніе обществу безъ умаленія прерогативъ власти.

Королевскій патентъ, устанавливавшій центральное земское представительство и тѣмъ доказывавшій „довѣріе власти къ подданнымъ", какъ сказано было въ патентѣ, обѣщалъ созывъ представителей во всѣхъ случаяхъ заключенія займовъ и введенія новыхъ или увеличенія старыхъ налоговъ, причемъ соединенному ландтагу давалось право петицій по всѣмъ внутреннимъ вопросамъ. Самый соединенный ландтагъ долженъ былъ быть не чѣмъ инымъ, какъ собраніемъ въ одномъ мѣстѣ

---

[1]) См. выше, стр. 249.

всѣхъ восьми земскихъ сеймовъ, притомъ собраніемъ, время и продолжительность котораго зависѣли всецѣло отъ усмотрѣнія правительства. Компетенція соединеннаго сейма была чисто совѣщательная, и дѣятельность его ограничивалась и стѣснялась рядомъ параграфовъ особаго регламента. Патентъ не удовлетворилъ ни консерваторовъ, видѣвшихъ въ немъ непростительную уступку либеральнымъ требованіямъ, ни либераловъ, бывшихъ противъ сословности новаго общегосударственнаго сейма, зависимости его созывовъ отъ усмотрѣнія власти и разныхъ ограниченій его дѣятельности. Нѣмецкая пресса (особенно за предѣлами Пруссіи) отнеслась къ патенту, въ общемъ, неодобрительно. Особенно была замѣчена брошюра Генриха Симона подъ заглавіемъ: „Принять или отклонить?“ Авторъ совѣтовалъ послѣднее: народъ при составленіи патента не былъ спрошенъ; это только проектъ, который лишь народомъ могъ бы быть принятъ, если бы онъ этого захотѣлъ, но въ сущности слѣдуетъ отклонить этотъ проектъ, ибо онъ даетъ лишь что-то призрачное.

Открытіе соединеннаго ландтага, въ которомъ было 303 дворянина, 182 бюргера и 120 крестьянъ, состоялось 17 апрѣля, и въ своей рѣчи Фридрихъ-Вельгельмъ IV заявилъ, между прочимъ, что онъ никогда не согласится, чтобы „между Господомъ на небесахъ и страною занялъ мѣсто исписанный листъ бумаги, подобный второму Провидѣнію“, какъ того желала бы „дурная пресса, позорящая прусскую вѣрность и честь“; корона, прибавилъ король, „должна править по закону Бога и по закону страны и по собственному свободному изволенію, а не по волѣ того или другого большинства“. Онъ, король, говорилъ еще Фридрихъ-Вильгельмъ IV, „ни за что не созвалъ бы чиновъ своего государства, если бы у него было хотя малѣйшее подозрѣніе, что они захотятъ разыгрывать роль такъ называемыхъ народныхъ представителей“. Королевская рѣчь произвела самое невыгодное впечатлѣніе на съѣхавшихся депутатовъ. Наиболѣе недовольные предлагали заявить протестъ и разъѣхаться по домамъ, но дѣло ограничилось составленіемъ оппозиціоннаго адреса, принятаго 484 голосами противъ 107. Главнымъ мѣстомъ адреса была ссылка на обѣщанія покойнаго короля, но въ своемъ отвѣтѣ на это заявленіе Фридрихъ-Вильгельмъ IV утверждалъ, что Пруссія получила гораздо больше, чѣмъ обѣщалъ его отецъ. Дѣло пошло далѣе такъ негладко, что въ іюнѣ соединенный ландтагъ былъ за-

крытъ съ неодобреніемъ всей его дѣятельности, заявленнымъ его членамъ правительствомъ. Избранныя сеймомъ коммиссіи начали свою работу лишь въ январѣ 1848 г., но и онѣ въ началѣ марта были закрыты.

Таковы были обстоятельства, при которыхъ въ Германіи было получено извѣстіе о совершившейся въ Парижѣ февральской революціи. Въ первой же половинѣ марта революціи произошли въ Баденѣ, Вюртембергѣ, Гессенъ-Дармштадтѣ, Гессенъ-Кассенѣ, Нассау, Саксоніи, Ганноверѣ и т. д., гдѣ повсюду правительства оказались вынужденными согласиться на обычныя „народныя требованія", сводившіяся къ введенію или улучшенію представительства на демократическихъ началахъ, къ свободамъ и гражданскому равноправію. Одною изъ наиболѣе популярныхъ идей въ этомъ движеніи была та, что самъ народъ долженъ чрезъ своихъ представителей вырабатывать будущее государственное устройство. Въ сорокъ восьмомъ году у нѣмцевъ была уже, такъ сказать, готовая идея учредительнаго собранія, и ее сознательно стремились осуществить не только, между прочимъ, въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ, гдѣ были созваны прусское и австрійское національныя собранія, но и во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, гдѣ въ томъ же году собрался общенѣмецкій парламентъ, занявшійся выработкою конституціи для всей Германіи. Французское учредительное собраніе 1789—91 гг. было образцомъ въ 1848 г. не только для учредительнаго собранія, вырабатывавшаго республиканскую конституцію для Франціи, но и руководящимъ примѣромъ для означенныхъ нѣмецкихъ собраній. Въ нихъ, именно, господствовала политическая теорія, выработанная во Франціи въ эпоху введенія въ ней народнаго представительства, — теорія, въ основѣ которой лежала мысль, что только сама нація имѣетъ право дать себѣ то или другое государственное устройство. Съ такою именно идеей съѣхались депутаты изъ разныхъ нѣмецкихъ государствъ во Франкфуртъ, гдѣ потомъ и занялись выработкой конституціи будущей Германской имперіи, не справляясь съ мнѣніемъ объ этомъ предметѣ тѣхъ, по выраженію Гейне, „трехъ дюжинъ" правительствъ, которыя существовали въ Германскомъ союзѣ. Сначала эта попытка имѣла успѣхъ, но съ побѣдою реакціи въ Вѣнѣ и Берлинѣ дѣло конституціоннаго объединенія рухнуло. Въ общемъ, исторія франкфуртскаго парламента представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Уже 5 марта въ Гейдельбергѣ былъ съѣздъ политическихъ дѣятелей изъ разныхъ частей Германіи, въ подавляющемъ, однако, большинствѣ членовъ южно-германскихъ представительныхъ палатъ. Главное рѣшеніе, принятое здѣсь, было созвать національное представительство, выбранное во всѣхъ нѣмецкихъ земляхъ по числу жителей; для организаціи же его пригласить во Франкфуртъ-на-Майнѣ уполномоченныхъ отъ отдѣльныхъ ландтаговъ, которые и должны были составить предварительный парламентъ (Vorparlament). Повсемѣстный успѣхъ мартовскихъ революцій сдѣлалъ нѣмецкихъ государей очень сговорчивыми, и собравшійся 31 марта, что называется, „самочинно", франкфуртскій „форпарламентъ", члены котораго никѣмъ не были ни выбраны, ни уполномочены, постановилъ созвать къ 1 мая во Франкфуртѣ же „единое и единственное" для всей Германіи собраніе депутатовъ, избранныхъ всеобщею подачею голосовъ безъ всякихъ ограниченій какимъ-либо имущественнымъ цензомъ или принадлежностью къ какому-либо вѣроисповѣданію, причемъ одинъ депутатъ полагался на каждыя пятьдесятъ тысячъ жителей. Отдѣльныя правительства послали-было своихъ уполномоченныхъ въ союзный сеймъ для выработки проекта новаго устройства Германіи, но ихъ работа пропала даромъ, потому что всѣ надежды возлагались націей на будущій парламентъ, и правительства отдѣльныхъ государствъ вынуждены были согласиться на его созывъ.

Такимъ образомъ, созывъ перваго общегерманскаго парламента, выбраннаго притомъ всеобщимъ голосованіемъ, былъ дѣломъ общественной иниціативы, которой правительства должны были подчиниться. Франкфуртскій парламентъ собрался 18 мая въ числѣ 586 депутатовъ, среди которыхъ было около 125 чиновниковъ, по сотнѣ изъ сословій ученаго, судейскаго и адвокатскаго, около 75 землевладѣльцевъ, фабрикантовъ и купцовъ, кромѣ нѣсколькихъ десятковъ лицъ духовнаго званія, писателей и врачей. Главнымъ дѣломъ этого собранія было созданіе общегерманской конституціи, которая и была готова къ концу марта 1849 г. Судьба этой конституціи извѣстна: въ дѣйствіе она не вошла, да и самъ франкфуртскій парламентъ печально окончилъ свои дни, будучи разстроенъ отозваніемъ депутатовъ отдѣльными правительствами, а затѣмъ и насильственно разогнанъ. Имперская конституція была принята парламентомъ какъ-разъ въ то время, когда и въ Австріи, и въ

Пруссіи, а за ними и въ малыхъ государствахъ, уже торжествовала реакція.

Германская конституція 1849 г. [1]) объявляла, что „каждое нѣмецкое государство должно имѣть конституцію съ народнымъ представительствомъ“, съ отвѣтственностью передъ нимъ министровъ и съ рѣшающимъ голосомъ народныхъ представителей въ вопросахъ законодательства, налоговъ и бюджета. Общій германскій рейхстагъ долженъ былъ, по этой конституціи, состоять изъ палаты представителей государствъ (Staatenhaus) и палаты представителей народа (Volkshaus), которую должны были составлять „депутаты нѣмецкаго народа“. Особый избирательный законъ, принятый парламентомъ вскорѣ послѣ утвержденія конституціи, признавалъ право голоса за каждымъ незапятнаннымъ нѣмцемъ, достигшимъ 25-лѣтняго возраста, за исключеніемъ лицъ, находившихся подъ опекою или попечительствомъ, или имущество которыхъ по суду было отдано подъ конкурсное управленіе, а также жившихъ благотворительностью. Избирательные округа опредѣлялись въ сто тысячъ душъ; выборы должны были быть прямыми и совершаться при помощи закрытыхъ бюллетеней.

Менѣе значительныя нѣмецкія государства, а изъ болѣе значительныхъ Вюртембергъ, подъ давленіемъ своихъ палатъ, сначала признали-было конституцію 1849 г., но Пруссія, Баварія, Саксонія, Ганноверъ, не говоря уже объ Австріи, и слышать о ней не хотѣли послѣ того, какъ возстановили у себя порядокъ, нарушенный мартовскою революціей. 13 іюня 1849 г. члены парламента-охвостья (Rumpparlament), перенесшаго свои засѣданія въ Штутгартъ, прямо не были пущены въ залъ своихъ засѣданій солдатами вюртембергскаго правительства. Отъ всей дѣятельности парламента осталось одно воспоминаніе, и выработанная имъ конституція надолго превратилась въ простой политическій лозунгъ либеральной части нѣмецкаго общества.

Перейдемъ теперь къ исторіи выработки прусской конституціи, дѣйствующей въ королевствѣ Гогенцоллерновъ и въ настоящее время.

Когда въ началѣ марта сорокъ восьмого года правитель-

---

[1]) Подробное изложеніе этой конституціи можно найти въ пятомъ томѣ „Исторіи Западной Европы“, на стр. 535—540. Въ ней былъ и особый отдѣлъ о правахъ гражданъ.

ство закрыло коммиссіи, выбранныя соединеннымъ ландтагомъ [1]), въ столицѣ Пруссіи уже знали о февральскомъ переворотѣ въ Парижѣ и мартовскихъ революціяхъ во второстепенныхъ столицахъ Германіи. Въ первыхъ же числахъ этого мѣсяца въ Берлинѣ тоже начались народныя сходки, въ которыхъ дѣятельное участіе стали принимать и рабочіе, выставившіе рядъ экономическихъ требованій. 14 марта король обѣщалъ депутатамъ отъ городской думы, явившимся къ нему, созвать на 27 апрѣля соединенный ландтагъ, но событія стали совершаться съ такою быстротою, что дѣло приняло совершенно иной оборотъ. Возстаніе 18 марта заставило Фридриха-Вильгельма IV назначить „либеральныхъ" министровъ, и уже 21 марта король обратился къ своему народу съ прокламаціей, въ которой обѣщалась настоящая конституція съ отвѣтственнымъ министерствомъ и гарантіями общественной свободы, а на другой день былъ опубликованъ проектъ избирательнаго закона, который правительство имѣло предложить соединенному ландтагу. Послѣдній былъ созванъ наскоро 2 апрѣля для того, чтобы принять участіе въ окончательномъ утвержденіи новаго избирательнаго права. Фридрихъ-Вильгельмъ IV предполагалъ въ 1847 г. созвать этотъ ландтагъ только черезъ четыре года, но подъ вліяніемъ первыхъ признаковъ народнаго движенія въ началѣ марта онъ приблизилъ срокъ созыва, назначивъ его черезъ полтора мѣсяца, хотя онъ все еще стоялъ при этомъ на точкѣ зрѣнія дальнѣйшаго развитія существующаго уже сейма. Событія второй половины марта въ самой столицѣ государства, вѣсти изъ провинцій, появленіе въ Берлинѣ депутацій съ демократическими требованіями, — все это показывало, что чисто-сословное представительство съ исключительно совѣщательнымъ характеромъ отжило свое время, не успѣвши даже расцвѣсть, что оно не могло удовлетворить страну. Вмѣсто 27 апрѣля, соединенный ландтагъ собрался 2 апрѣля и только для того, чтобы принять новый избирательный законъ, которымъ право участія въ выборахъ предоставлялось каждому пруссаку, достигшему 24-лѣтняго возраста, а право быть избраннымъ—каждому, кому исполнилось 30 лѣтъ. 22 мая въ Берлинѣ засѣдало уже „національное собраніе" совсѣмъ новаго состава. Въ немъ, именно, насчитывалось 16 дворянъ, 98 судейскихъ и 48 административныхъ чиновниковъ, 28 го-

---

[1]) См. выше, стр. 392.

родскихъ служащихъ, 52 духовныхъ, 27 преподавателей, 31 купецъ 28 ремесленниковъ, 68 крестьянъ, 11 врачей, 3 писателя, 4 офицера и по одному торговому приказчику, ремесленному подмастерью и поденщику.

Открывая національное собраніе, король въ своей тронной рѣчи возвѣстилъ, что правительство предложитъ депутатамъ свой проектъ новаго государственнаго устройства. Вскорѣ собраніе познакомилось и съ самымъ проектомъ, который, однако, былъ встрѣченъ очень неблагопріятно демократическою частью собранія и ихъ единомышленниками въ странѣ. Съ другой стороны, оставался невыясненнымъ вопросъ о тѣхъ правахъ, которыя принадлежали самому собранію по отношенію къ выработкѣ конституціи. Въ то время, какъ франкфуртскій парламентъ съ самаго начала объявилъ себя учредительнымъ (eine konstituirende Versammlung), въ прусскомъ національномъ собраніи шли споры, является ли оно тоже учредительнымъ или же собраніемъ, могущимъ дѣйствовать лишь по соглашенію съ королевской властью (Vereinbarung-Versammlung). Демократическая партія стояла на первой точкѣ зрѣнія, но встрѣтила сильный отпоръ со стороны большинства. Послѣднее отклонило, наприм., предложеніе одного члена лѣвой, чтобы правительство или корона не имѣли права распустить собраніе, чѣмъ предложившій это депутатъ думалъ придать собранію характеръ полной независимости. То же самое значеніе въ намѣреніяхъ лѣвой должно было имѣть предложенное ею объявленіе, что 18 марта въ Пруссіи совершилась революція: этимъ объявленіемъ собраніе какъ бы должно было признать незаконность существующей власти, но и тутъ большинство 196 голосовъ противъ 177 отвергло формулу лѣвой, признавъ, что задача собранія не въ томъ, чтобы изрекать приговоры о событіяхъ, а въ томъ, чтобы выработать конституцію въ согласіи съ короною (die Verfassung mit der Krone zu vereinbaren). Эта борьба двухъ взглядовъ въ національномъ собраніи была лишь отраженіемъ раздѣленія, рѣзко обозначившагося въ странѣ по вопросу о томъ, на чьей сторонѣ право дать государству новое устройство—на сторонѣ ли короля, хотя бы и въ соглашеніи съ представителями народа, или прежде всего на сторонѣ этихъ послѣднихъ.

Прусскому собранію пришлось работать при крайне напряженной борьбѣ между революціей и реакціей, между демократіей и аристократіей во всей странѣ, и потому ходъ дѣла вы-

работки новой конституціи находился въ полной зависимости отъ перипетій этой борьбы. Послѣ одного изъ народныхъ движеній, сопровождавшагося разграбленіемъ арсенала, лѣвой удалось добиться назначенія особой коммиссіи, которая должна была приготовить проектъ новаго государственнаго устройства Пруссіи: это было уже прямымъ покушеніамъ на учредительную власть, и горячая оппозиція со стороны крайней правой на этотъ разъ оказалась безсильной. Предсѣдательство въ конституціонной коммиссіи было предоставлено демократу Вальдеку. Между тѣмъ событія пока шли и во Франкфуртѣ на Майнѣ, и въ Вѣнѣ въ радикальномъ направленіи, что отражалось и на настроеніи всего національнаго собранія и его конституціонной коммиссіи. 12 октября проектъ конституціи, выработанный послѣднею и разсмотрѣнный въ отдѣленіяхъ палаты и ея центральномъ комитетѣ, былъ внесенъ въ общее собраніе. Уже при обсужденіи перваго параграфа проекта сдѣлано было предложеніе устранить изъ королевскаго титула „Божіею милостію", и голосованіе дало большинство въ 217 противъ 134. Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ собраніе отмѣнило въ Пруссіи дворянство со всѣми его привилегіями и титулами. Однимъ словомъ, дѣла начинали принимать оборотъ, напоминавшій 1789 годъ во Франціи, но извѣстіе о подавленіи революціи въ Вѣнѣ подняло падавшее уже настроеніе прусскихъ консерваторовъ. Тогда, 9 ноября, послѣдовало королевское повелѣніе перенести засѣданія съ 27 ноября въ маленькій городокъ Бранденбургъ съ объявленіемъ незаконности дальнѣйшихъ засѣданій въ Берлинѣ: предлогомъ было неспокойное состояніе столицы вообще, въ особенности же одно нападеніе, которому подверглась палата со стороны народной толпы, требовавшей вотированія адреса королю объ оказаніи помощи вѣнскимъ борцамъ за свободу. Одновременно съ отсрочкою засѣданій собранія было введено въ Берлинѣ осадное положеніе. По требованію правительства правая удалилась, но большинство осталось, заявивъ, съ своей стороны, что корона не обладаетъ правомъ отсрочивать засѣданія собранія: противъ „государственнаго переворота", произведеннаго министерствомъ, былъ составленъ формальный протестъ и рѣшено было незаконнымъ требованіямъ власти оказывать пассивное сопротивленіе. Депутаты въ слѣдующіе дни дѣлали попытки собираться и даже постановлять новыя рѣшенія, наприм., объ отказѣ уплачивать налоги, но дѣло кончилось тѣмъ, что очень скоро военная

сила и совсѣмъ сдѣлала невозможными собранія упорствовавшихъ депутатовъ. Возобновленіе засѣданій національнаго собранія произошло въ Бранденбургѣ въ назначенный срокъ, но лишь на нѣсколько дней: 5 декабря собраніе было распущено, и одновременно съ этимъ король октроировалъ собственною властью новую конституцію, въ основу которой былъ, однако, все-таки положенъ проектъ національнаго собранія. Для пересмотра ея въ началѣ 1849 г. въ Берлинѣ, все еще остававшемся въ осадномъ положеніи, опять было созвано національное собраніе, но и съ нимъ правительство оказалось не въ состояніи столковаться. За новымъ роспускомъ собранія послѣдовало обнародованіе передѣлки избирательнаго закона въ смыслѣ предоставленія бо́льшаго вліянія на выборахъ зажиточнымъ классамъ общества, и созванное еще разъ національное собраніе теперь сговорилось съ правительствомъ (августъ 1849 г.). Пересмотръ конституціи 5 декабря 1848 года былъ объявленъ законченнымъ 31 января 1850 г., и новое государственное устройство вошло въ законную силу. Въ немъ представительство уже не было сословнымъ, но и демократическій принципъ, провозглашенный въ 1848 г., не былъ проведенъ въ жизнь. Прусская конституція 1850 г. носитъ на себѣ прямые слѣды реакціи, наступившей послѣ подавленія революціи,—реакціи не только въ правительствѣ, но и въ обществѣ. Уже въ 1848 г. обнаружилась рознь интересовъ и стремленій буржуазіи и рабочихъ, и новый избирательный законъ, обѣщавшій правительству болѣе послушную палату, въ то же самое время обезпечивалъ имущіе классы общества противъ демократіи. Сущность этого закона, какъ извѣстно, сводится къ слѣдующему. Всѣ имѣющіе активное право выборовъ жители каждой мѣстности раздѣляются на три класса по количеству платимыхъ ими налоговъ, причемъ на каждый классъ приходится треть падающихъ на данную мѣстность налоговъ, но такъ, что въ каждомъ классѣ состоятъ лица извѣстнаго достатка, т.-е. или самые богатые, или средней зажиточности, или наименѣе достаточные. Каждый классъ избираетъ одинаковое количество выборщиковъ, которые и выбираютъ депутатовъ [1]).

Прусскому національному собранію не удалось быть учредительнымъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, хотя все-таки

---

[1]) Къ какимъ это приводитъ результатамъ, см. ниже, въ томъ мѣстѣ гл. XXV, гдѣ идетъ рѣчь о Лассалѣ.

дѣйствующая нынѣ въ странѣ конституція была имъ подготовлена. Октроировавъ новое государственное устройство, правительство продолжало, однако, держаться того взгляда, что окончательное его утвержденіе должно быть дѣломъ обоюднаго соглашенія: таковъ былъ смыслъ и параграфа конституціи, по которому она должна была подвергнуться пересмотру. Оказалось, впрочемъ, что достигнуть соглашенія было не такъ-то легко, и, чтобы получить, наконецъ, болѣе сговорчивую палату, правительство сочло нужнымъ издать новый избирательный законъ, опираясь на свое право издавать распоряженія съ силою временныхъ законовъ, когда палаты не въ сборѣ. Послѣднее слово въ прусской конституціи принадлежало, такимъ образомъ, королю: дѣйствующій и нынѣ избирательный законъ былъ прямымъ созданіемъ королевской власти, а еще въ большей мѣрѣ это относится къ образованію верхней палаты королевскимъ распоряженіемъ 12 октября 1854 г. Въ Пруссіи середины XIX вѣка королевская власть была слишкомъ сильнымъ политическимъ факторомъ для того, чтобы рѣшеніе основного политическаго вопроса могло состояться безъ всякаго участія съ ея стороны. Она сама намѣчала путь обоюднаго соглашенія, но, съ одной стороны, то, что она могла предложить, такъ мало удовлетворяло требованіямъ передовой и болѣе активной части общества, а съ другой — представители этой части были такъ увѣрены въ возможности полной побѣды своихъ требованій, что соглашеніе на первыхъ же порахъ потерпѣло фіаско. Около правительства сплотились мало-по-малу всѣ консервативныя силы общества, часть которыхъ въ національномъ собраніи и отстаивала принципъ соглашенія (Vereinbarungs-Prinzip), тогда какъ демократическая партія ослабляла себя недовѣріемъ къ пролетаріату, выступавшему съ соціальными требованіями. Тѣмъ не менѣе въ октроированную королемъ конституцію вошло многое важное изъ того, что было задумано и формулировано національнымъ собраніемъ сорокъ восьмого года. По крайней мѣрѣ, отъ мартовской революціи все-таки остался этотъ результатъ.

Въ прусской конституціи 1850 г.[1]) мы находимъ сдѣлавшіяся

[1]) Въ указывавшемся раньше сборникѣ конституціонныхъ текстовъ *Гессена* и *Нольде*, кромѣ конституціи 1850 г., напечатаны еще указы о верхней палатѣ 1854 г. и о производствѣ выборовъ 1849 г. (т. I, стр. 390 и слѣд.).

обычными заявленія о разныхъ свободахъ, между прочимъ, о свободѣ науки и ея преподаванія, о запрещеніи впредь вводить цензуру, а также параграфъ о равенствѣ передъ закономъ и отмѣнѣ сословныхъ привилегій. Вотчинная полиція и юстиція, которыхъ не успѣла затронуть крестьянская реформа начала XIX в., была конституціей отмѣнена безвозмездно. Королевская власть была оставлена въ обладаніи многихъ своихъ прерогативъ, но правительственные акты короны были объявлены нуждающимися въ скрѣпѣ отвѣтственныхъ министровъ, и каждый король по вступленіи на престолъ обязывался давать „клятвенное обѣщаніе твердо и ненарушимо соблюдать конституцію королевства и управлять въ согласіи съ нею и съ законами". Противъ министровъ конституція разрѣшала возбуждать обвиненіе въ случаѣ нарушенія конституціи, подкупа и измѣны, но подъ отвѣтственностью всего министерства дозволяла издавать правительственныя распоряженія съ силою закона, „если этого настоятельно требуетъ сохраненіе общественной безопасности или устраненіе чрезвычайнаго бѣдствія". Верхняя палата получила свой составъ (принцы королевскаго дома, главы болѣе важныхъ феодальныхъ фамилій, нѣкоторые сановники и лица по королевскому выбору) въ 1854 г. по образцу другихъ нѣмецкихъ верхнихъ палатъ [1]). Интересно, что въ конституціи 1850 г. былъ еще такой параграфъ: „если съ изданіемъ конституціи для Германскаго союза на основаніи проекта 1849 г. станутъ необходимыми измѣненія настоящей конституціи, то король введетъ эти измѣненія, сообщивъ о нихъ палатамъ въ ихъ ближайшемъ засѣданіи". Дѣло въ томъ, что вопросъ объ объединеніи Германіи въ моментъ изданія прусской конституціи не былъ еще ликвидированъ, и можно еще было ожидать новаго устройства всей Германіи.

Сохраненіе Пруссіей, въ эпоху реакціи, своей конституціи въ то время, какъ Австрія своей не сохранила, создало для династіи Гогенцоллерновъ въ Германіи такое же положеніе, какимъ въ Италіи пользовался послѣ подавленія революціи сорокъ восьмого года Савойскій домъ. На Пруссію сторонники конституціоннаго строя и національнаго единства въ разныхъ частяхъ Германіи стали возлагать всѣ свои надежды. Уже во франкфуртскомъ парламентѣ образовались по вопросу объ объединеніи Германіи двѣ партіи: велико-германская, желавшая

---

[1]) См. выше, стр. 244 и слѣд.

видѣть во главѣ объединенной страны Австрію, и мало-германская, которая ставила во главѣ Пруссію, Австрію же прямо даже исключала, потому что послѣдняя стремилась войти въ составъ будущей Германіи со всѣми своими не-нѣмецкими областями. Во франкфуртскомъ парламентѣ возобладала мало-германская партія, и въ 1849 г. онъ даже предложилъ императорскую корону Фридриху-Вильгельму IV, но тотъ ее отвергъ, потому что она была ему предложена не другими германскими государями, а революціоннымъ собраніемъ. Прусская армія даже приняла дѣятельное участіе въ подавленіи возстаній, возбужденныхъ въ разныхъ мѣстахъ Германіи радикальною партіею незадолго до разгона „охвостья" франкфуртскаго парламента. И тѣмъ не менѣе сохраненіе Пруссіей конституціи выгодно отличало въ глазахъ нѣмцевъ монархію Гогенцоллерновъ отъ монархіи Габсбурговъ, гдѣ воцарилась самая крайняя реакція.

Лишь будучи застигнуты врасплохъ мартовскими днями, германскія правительства согласились на исполненіе „требованій народа", на новыя конституціи и даже на франкфуртскій парламентъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они старались не выпускать изъ своихъ рукъ военную силу, чтобы опереться на нее при первомъ удобномъ случаѣ противъ учредительныхъ собраній. Осенью же 1848 г. за военнымъ усмиреніемъ Вѣны послѣдовало объявленіе осаднаго положенія въ Берлинѣ, что, конечно, не могло благопріятствовать ни вѣнскому учредительному сейму, ни берлинскому національному собранію. Послѣ торжества реакціи въ обоихъ большихъ нѣмецкихъ государствахъ и франкфуртскій парламентъ, какъ мы видѣли, не могъ долго держаться. Реальныя силы, распоряженіе всѣми правительственными средствами — войскомъ, налогами, администраціей — были въ рукахъ представителей стараго порядка. Подавленіе австрійской и прусской революціи и насильственное прекращеніе засѣданій франкфуртскаго парламента были началомъ реакціи, захватившей и второстепенныя государства Германіи. Ихъ представительныя палаты стояли за имперскую конституцію, выработанную франкфуртскимъ парламентомъ, а для радикально-демократической и республиканской партіи, сдѣлавшей въ маѣ и іюнѣ 1849 г. рядъ попытокъ возстанія, эта конституція стала своего рода боевымъ лозунгомъ. Подавленіе и этой, „майской революціи" окончательно дало перевѣсъ защитникамъ старыхъ, „до-мартовскихъ" отношеній. Послѣ этого въ Германіи наступила третья реакція, считая первую

послѣ паденія имперіи Наполеона I, а вторую — послѣ іюльской революціи.

Къ чему приводила эта реакція, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Въ Гессенъ-Касселѣ власть вернулась въ руки одного изъ прежнихъ министровъ-абсолютистовъ (Гассенпфлуга), который, распустивъ въ 1850 г. два ландтага, предписалъ собирать налоги, не утвержденные народными представителями, а когда даже чиновники запротестовали, ввелъ въ государствѣ осадное положеніе, несмотря на полное спокойствіе населенія, и обратился за помощью къ союзному сейму. Офицеры отвѣтили на объявленіе осаднаго положенія массовыми отставками, не желая нарушить присягу конституціи, но зато Австрія, Баварія и Вюртембергъ рѣшили занять страну своими войсками, и къ нимъ вскорѣ присоединилась Пруссія. Послѣ этого власть курфюрста была возстановлена въ полномъ объемѣ. Въ Ганноверѣ въ 1848 г. было обѣщано преобразованіе земскихъ чиновъ, но въ 1851 г. дворянство добилось отъ союзнаго сейма постановленія, запрещавшаго вводить въ устройство мѣстнаго ландтага какія-либо измѣненія. Поэтому Ганноверъ, въ сущности, вернулся къ уставу 1840 г., бывшему возстановленіемъ сословнаго представительства 1819 г. [1]). И въ Гессенъ-Касселѣ союзный сеймъ призналъ конституцію 1831 г. несоотвѣтствующею духу Германскаго союза, предложивъ курфюрсту выработать новую, что только позволило тогдашнему министерству править неограниченно. Новая конституція была отмѣнена и въ Мекленбургѣ для введенія стараго сословнаго сейма [2]).

Эта реакція стала смягчаться только послѣ 1859 г. Однимъ изъ проявленій этого смягченія было то, что, подъ напоромъ общественнаго мнѣнія и по настоянію другихъ государей, гессенъ-кассельскій курфюрстъ возстановилъ въ 1862 г. въ своемъ княжествѣ конституцію 1831 г. Но это уже была эпоха, когда вопросъ о мѣстныхъ представительныхъ учрежденіяхъ потерялъ въ Германіи свою остроту въ виду того, что на очередь былъ снова поставленъ вопросъ объ объединеніи Германіи съ единымъ для объединенной націи представительнымъ собраніемъ.

Прерванныя подавленіемъ революціи сорокъ восьмого года

---

[1]) Ср. выше, стр. 307.

[2]) Онъ сохраняется тамъ и теперь.

общественныя движенія въ Германіи возобновились лишь въ шестидесятыхъ годахъ. Итальянская война 1859 г. произвела очень сильное впечатлѣніе на нѣмцевъ, ожививъ среди нихъ стремленіе къ національному объединенію. Осенью того же года либеральные сторонники германскаго единства подъ прусской гегемоніей положили начало политическому обществу подъ названіемъ „Національнаго союза", поставившему своею задачею осуществить планъ франкфуртскаго парламента—объединить Германію подъ главенствомъ Пруссіи и на основѣ имперской конституціи 1849 г. Политика Наполеона III послѣ присоединенія къ Франціи Савойи и Ниццы [1]) тоже вызывала у нѣмцевъ опасенія, и на случай нападенія Франціи на зарейнскія области Германіи нужно было имѣть общую военную силу. По вопросу объ организаціи этой силы Пруссія и Австрія разошлись, и симпатіи нѣмецкихъ патріотовъ были на сторонѣ Пруссіи, пока въ ней не возникъ конституціонный конфликтъ. Одновременно съ возобновившеюся въ Германіи политическою борьбою въ ней воскресло и соціальное движеніе сорокъ восьмого года, задавленное, какъ и во Франціи, реакціей пятидесятыхъ годовъ.

Въ Пруссіи, гдѣ королемъ въ 1861 г. сдѣлался братъ Фридриха-Вильгельма IV. Вильгельмъ I, въ послѣдніе годы бывшій регентомъ по случаю душевной болѣзни короля, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ произошло ослабленіе реакціи, позволившее даже говорить о наступленіи „новой эры". Новый король поставилъ своею задачею увеличить военныя силы страны, что требовало новыхъ расходовъ, но большинство прусской палаты было противъ этого, тѣмъ болѣе, что господствующую роль въ ней стала играть партія прогрессистовъ, желавшая объединенія Германіи подъ гегемоніей Пруссіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ бывшая противъ усиленія милитаризма, стремившаяся, напротивъ, къ тому, чтобы Пруссія изъ чисто военнаго государства превратилась въ „государство правовое" (Rechtsstaat) въ смыслѣ дальнѣйшаго развитія ея конституціонной жизни на либеральныхъ началахъ. Между правительствомъ и палатой произошелъ конфликтъ, затянувшійся на нѣсколько лѣтъ (1862—66). Палата отказывалась утверждать бюджетъ, правительство, не взирая на это, взимало налоги и проводило свою военную реформу. Главнымъ руководителемъ

[1]) См. выше, стр. 384.

прусской политики въ это время сдѣлался Бисмаркъ (1862), тоже сторонникъ объединенія Германіи подъ главенствомъ Пруссіи, но находившій, что „великіе вопросы времени могутъ рѣшаться не парламентскими рѣчами и голосованіями, а желѣзомъ и кровью“. Прусскій конфликтъ очень тягостно дѣйствовалъ на германскихъ патріотовъ, и многіе стали переносить свои симпатіи на Австрію, которая какъ-разъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ начала переходить къ конституціонному режиму.

Пруссія между тѣмъ успѣла подготовить свою гегемонію въ Германіи и другимъ путемъ. Состоя изъ черезполосныхъ территорій, Пруссія еще въ эпоху реставраціи стала входить въ соглашенія съ другими нѣмецкими государствами относительно уничтоженія между ними таможенныхъ заставъ, пока мало-по-малу таможенный союзъ, образовавшійся по ея иниціативѣ и подъ ея руководствомъ, не охватилъ всю Германію, кромѣ Австріи. Всѣ нѣмецкія государства, за исключеніемъ послѣдней, оказались охваченными одною таможенною границею. Это экономическое объединеніе Германіи подготовляло почву для объединенія политическаго и именно въ мало-германскомъ, прусскомъ смыслѣ. Таможенный союзъ, кромѣ того, оказалъ сильное вліяніе на развитіе въ Германіи промышленности, торговли и путей сообщенія, а съ ними и буржуазіи, тяготившейся феодальною реакціею пятидесятыхъ годовъ.

Но въ то самое время, какъ подготовлялось національное объединеніе Германіи, въ ней начинался соціальный расколъ, главнымъ проявленіемъ котораго было образованіе рабочей партіи. „Національный союзъ“, руководимый партіей прогрессистовъ, имѣлъ чисто бюргерскій характеръ, и компетентные его органы разъясняли рабочимъ, желавшимъ вступить въ число его членовъ, что рабочіе суть „прирожденные почетные члены союза“, но дѣйствительными его членами быть не могутъ. Между тѣмъ въ странѣ происходило значительное рабочее движеніе, которое старались организовать въ смыслѣ чисто экономическихъ ассоціацій Шульце-Деличъ и въ строго политическомъ направленіи Лассаль, указывавшій рабочимъ на то, что они должны добиваться всеобщаго и равнаго избирательнаго права: только оно дало бы имъ возможность оказывать вліяніе на ходъ государственнаго управленія, потому что, если бы рабочіе, составляющіе 97% населенія, получили соотвѣтственное представительство, побѣда была бы на ихъ сторонѣ.

Для достиженія этой цѣли Лассаль рекомендовалъ образованіе общегерманскаго рабочаго союза, который и составился въ 1863 г., выбравъ своимъ предсѣдателемъ самого иниціатора союза. Лассаль даже вступилъ въ переговоры съ Бисмаркомъ, находившимся въ то время въ конфликтѣ съ прусскою палатою: у правительства и у рабочихъ былъ общій врагъ въ лицѣ буржуазіи, и Лассаль обѣщалъ Бисмарку поддержку рабочихъ массъ, настаивая вмѣстѣ съ тѣмъ на необходимости введенія всеобщаго избирательнаго права. Вскорѣ, однако, Лассаль былъ убитъ на дуэли, но это не помѣшало дальнѣйшему развитію рабочей партіи, хотя уже подъ вліяніемъ идей не Лассаля, раздѣлявшаго идеи Луи Блана, а подъ вліяніемъ ученія Маркса. Рабочее движеніе въ Германіи послѣ этого совершалось подъ руководствомъ соціалъ-демократіи.

Дальнѣйшая исторія объединенія Германіи съ общей конституціей пошла путемъ военныхъ побѣдъ Пруссіи—въ 1864 г. въ союзѣ съ Австріей надъ Даніей, у которой были отняты Шлезвигъ и Гольштейнъ, въ 1866 г. въ союзѣ съ Италіей надъ Австріей, которая была исключена изъ Германіи, и союзники которой въ Германіи жестоко поплатились за этотъ союзъ, наконецъ, въ 1870—71 г. во главѣ другихъ нѣмецкихъ государствъ надъ Франціей, потерявшей Эльзасъ и Лотарингію.

Въ 1866 г. старое соперничество Пруссіи съ Австріей, осложнившееся распрею изъ-за управленія отнятыми у Даніи герцогствами, привело къ войнѣ, рѣшившей судьбу германскаго объединенія. Въ этой войнѣ Пруссія побѣдила Австрію и бывшія съ нею въ союзѣ другія нѣмецкія государства, что повлекло за собою изгнаніе Австріи изъ Германіи, поглощеніе Пруссіей Ганновера, Гессенъ-Касселя, Нассау, Франкфурта-на-Майнѣ, расторженіе стараго Германскаго союза и образованіе, вмѣсто него, новаго союза подъ названіемъ Сѣверо-Германскаго и подъ гегемоніей Пруссіи. Организовать новый союзъ пришлось государственному человѣку, который только-что попиралъ права народнаго представительства въ Пруссіи и вообще, какъ было сказано, находилъ, что великія дѣла рѣшаются не голосованіями представительныхъ палатъ, а кровью и желѣзомъ. Кровь и желѣзо сдѣлали свое дѣло въ войнѣ съ Даніей, лишившейся Гольштейна и Шлезвига, и въ войнѣ съ Австріей, какъ сдѣлали свое дѣло позднѣе въ 1870—71 гг. и въ войнѣ съ Наполеономъ III, помогшей Пруссіи создать теперешнюю Германскую имперію, хотя все-

таки дѣло не обошлось безъ голосованій и парламентскихъ постановленій. Проповѣдникъ политики крови и желѣза, первый канцлеръ Сѣверо-Германскаго союза, самъ впослѣдствіи признавался, что послѣ побѣдъ 1866 г. ему ничего не стоило бы броситься въ самую рѣшительную и смѣлую реакцію, тѣмъ болѣе, что короля о томъ прямо просила консервативная партія, и что король даже этого хотѣлъ, но онъ видѣлъ, что такая политика была бы близорукой. Еще въ началѣ войны съ Австріей Бисмаркъ предлагалъ другимъ германскимъ государствамъ планъ общей реорганизаціи союза, въ которомъ видное мѣсто занимало предложеніе созыва общегерманскаго парламента, избраннаго всеобщею подачею голосовъ. Послѣ побѣды надъ Австріей Бисмаркъ настоялъ на созывѣ учредительнаго рейхстага для всего новаго Сѣверо-Германскаго союза, причемъ этотъ рейхстагъ былъ выбранъ всеобщею подачею голосовъ. Свои засѣданія онъ открылъ 24 февраля 1867 г., а 4 марта Бисмаркъ представилъ ему проектъ конституціи, которая очень скоро была разсмотрѣна и 17 марта утверждена. Черезъ 5 мѣсяцевъ открылась и первая обыкновенная сессія рейхстага.

Конституція Сѣверо-Германскаго союза, превратившаяся въ 1871 г. въ конституцію теперешней Германской имперіи, заимствовала свои главныя очертанія изъ имперской конституціи 1849 г., конечно, не безъ нѣкоторыхъ измѣненій. Всеобщая подача голосовъ при выборахъ народныхъ представителей въ рейхстагъ была сохранена: Бисмаркъ полагалъ, что всеобщее избирательное право будетъ лучшимъ цементомъ, который сплотитъ новое государственное зданіе, и самой надежной опорой противъ партикуляризма отдѣльныхъ правительствъ. Съ другой стороны, примѣръ Франціи Наполеона III, гдѣ всеобщее избирательное право нисколько не ослабляло всемогущества правительства, убѣждалъ Бисмарка въ практической безвредности, при извѣстныхъ условіяхъ, этого демократическаго института [1]). Дѣло въ томъ, что конституція

[1]) Интересно, что Бисмаркъ не былъ большимъ поклонникомъ прусскаго избирательнаго закона. „Я, сказалъ онъ однажды, не поклонникъ народовластія, но въ общемъ чувствѣ и сознаніи народа всегда вижу болѣе здравомыслія, чѣмъ въ профильтрованномъ мнѣніи привилегированнаго меньшинства, объединяющагося одинаковымъ имущественнымъ цензомъ и одинаковыми квитанціями въ уплатѣ налоговъ. Всеобщіе и прямые вы-

1867 г. оставляла за прусскимъ королемъ, какъ президентомъ союза, законодательную санкцію, а единственнымъ представителемъ правительства передъ рейхстагомъ являлся союзный канцлеръ, назначаемый тѣмъ же прусскимъ королемъ и передъ народнымъ представительствомъ неотвѣтственный. Бисмаркъ, сохранившій постъ имперскаго канцлера и послѣ образованія Германской имперіи до 1890 г., съумѣлъ даже внести въ управленіе конституціонной Германіей многія черты стараго прусскаго абсолютизма и бюрократизма.

Превращеніе Германіи изъ Сѣверо-Германскаго союза въ имперію произошло во время войны съ Франціей, въ которой въ союзѣ съ Пруссіей приняли участіе и южно-германскія государства. Императорскую корону, которую Фридрихъ-Вильгельмъ IV не хотѣлъ принимать отъ франкфуртскаго парламента, братъ его, Вильгельмъ I, принялъ въ Версали, въ началѣ 1871 г., изъ рукъ другихъ германскихъ государей. Въ этомъ заключалась разница въ двухъ разныхъ объединеніяхъ Германіи—народными голосованіями и парламентскими постановленіями, съ одной стороны, и кровью и желѣзомъ, съ другой. То, что начато было въ церкви св. Павла во Франкфуртѣ-на-Майнѣ въ 1848—49 гг. въ одномъ стилѣ, завершено было въ версальскомъ дворцѣ уже въ нѣсколько иномъ стилѣ, но демократическая основа императорской конституціи 1849 г. удержалась и въ имперской конституціи 1871 г. [1]).

Выброшенная изъ Германіи Австрія свой конституціонный вопросъ рѣшила отдѣльно отъ остальныхъ нѣмецкихъ государствъ.

боры все-таки даютъ исходъ броженію въ народѣ и позволяютъ намъ нащупывать народный пульсъ". Другой разъ, отвѣчая въ рейхстагѣ на упрекъ въ уступкѣ демократизму, Бисмаркъ сказалъ, что хотя онъ и чувствуетъ себя свободнѣе въ прусской палатѣ, избранной по трехразрядной и двустепенной системѣ, но эта палата не представляется ему интеллигентнѣе рейхстага, — и многозначительно прибавилъ при этомъ: „скорѣе даже напротивъ".

[1]) Эта конституція напечатана въ русскомъ переводѣ на стр. 161 и слѣд. второго тома сборника *Гессена* и *Нольде*.

ГЛАВА XXII.

Образованіе конституціонной Австро-Венгріи [1]).

Общая отсталость монархіи Габсбурговъ и ея реакціонная роль въ европейской исторіи XIX в.—Внутреннія отношенія въ Австріи въ первой половинѣ XIX в.—Мартовская революція въ Вѣнѣ и національныя движенія 1848 г.—Конституціонный вопросъ въ Австріи. — Полная побѣда реакціи надъ революціей.—Пораженія Австріи въ войнѣ 1859 г. и начало конституціонныхъ опытовъ въ 1860 г.—Колебанія между централизмомъ, дуализмомъ и федерализмомъ. — Исключеніе Австріи изъ Германскаго союза. — Соглашеніе Австріи съ Венгріей и введеніе нынѣ дѣйствующей въ Австро-Венгріи конституціи.—Избирательныя системы въ Австріи съ 1867 г.

Разсматривая исторію австрійскаго конституціоналимза, необходимо постоянно имѣть въ виду общую экономическую, культурную и политическую отсталость монархіи Габсбурговъ. Въ составъ ея входили страны со слабымъ промышленно-торговымъ развитіемъ, страны, въ которыхъ еще серьезно не были затронуты старыя основы соціальнаго феодализма, дворянскія привилегіи и крестьянское безправіе, страны, цѣлые вѣка находившіяся подъ гнетомъ католической реакціи, а правительство этой монархіи было однимъ изъ абсолютнѣйшихъ, опиравшимся исключительно на армію, бюрократію и клиръ. Наполеоновскія войны, во время которыхъ Австрія потеряла рядъ провинцій, не оказали ни малѣйшаго вліянія на внутреннія отношенія монархіи. Она въ это время только централизовалась, а вѣнскій конгрессъ снова присоединилъ къ ней разныя провинціи и создалъ ей господствующее положеніе и въ Италіи, и въ Германіи. Жизненною задачею австрійской политики сдѣлалось поддерживать вездѣ въ Европѣ, особенно въ Германіи и въ Италіи и, конечно, у себя дома, установившійся порядокъ. Роль Австріи въ общеевропейской политикѣ первой половины XIX в. была поэтому реакціонной по преимуществу. Имперія, въ которой сохранилось наибольшее количество чертъ и средневѣковой католико-феодальной старины, и бюрократическихъ поряд-

---

[1]) Болѣе подробное изложеніе въ главахъ XXI—XXIII и XXVIII пятаго тома „Исторіи Западной Европы“.

ковъ новаго полицейскаго государства, вдобавокъ насчитывала въ составѣ своего населенія нѣсколько народностей, стоявшихъ на очень различныхъ ступеняхъ культуры, и одна другую ненавидѣвшихъ, что помогало центральной власти властвовать надъ всѣми. Самыми культурными элементами были нѣмцы и итальянцы, но они были гораздо менѣе политически развиты, нежели мадьяры съ ихъ старинной національной конституціей. Съ другой стороны, у тѣхъ же мадьяръ господствовали самые отсталые крѣпостническіе порядки въ соціальномъ отношеніи. Славянскіе народы занимали среднее положеніе, но и среди нихъ болѣе развитыми были, наприм., чехи, менѣе развитыми, наприм., хорваты, и у всѣхъ нихъ было много національнаго романтизма, но мало пониманія политическихъ и соціальныхъ проблемъ эпохи. Все это и задерживало конституціонное развитіе Австріи.

Если въ Пруссіи въ началѣ XIX в. было совершено нѣсколько важныхъ реформъ, среди которыхъ была, наприм., такая, какъ отмѣна крѣпостничества, и если въ то же время въ Пруссіи самимъ правительствомъ ставился вопросъ о введеніи общегосударственнаго представительства, то въ Австріи, наоборотъ, и старый соціальный строй сохранялся въ полной неприкосновенности, и никогда не давалось никакихъ обѣщаній, а тѣмъ болѣе не дѣлалось и никакихъ шаговъ въ смыслѣ замѣны бюрократическаго абсолютизма представительнымъ строемъ. Мало того, вѣнское правительство готово было брать обѣщанія у другихъ государей, что они не введутъ у себя конституцій, какъ это было съ королемъ неаполитанскимъ [1]), и совѣтовать не вводить представительства государямъ, обѣщавшимъ его своимъ подданнымъ, какъ это сдѣлано было по отношенію къ Пруссіи [2]). Гдѣ только можно было, Австрія даже силою оружія возстановляла абсолютизмъ. Если исключить Венгрію, гдѣ продолжалъ существовать старый сеймъ, помнившій еще времена былого своего значенія [3]), правительство нигдѣ не встрѣчало сколько-нибудь значительной оппозиціи, да и въ самомъ венгерскомъ сеймѣ она усилилась лишь

---

[1]) См. выше, стр. 252.

[2]) См. выше, стр. 249.

[3]) „Помѣстье-государство“, стр. 298—299. Впрочемъ, въ эпоху абсолютизма и венгерскій сеймъ значительно пострадалъ. См. „Западно-европейскія абсолютныя монархіи“, стр. 86.

въ сороковыхъ годахъ. Не нужно притомъ забывать, что этотъ сеймъ, равно какъ и сеймики, выбиравшіе депутатовъ на сеймъ, имѣли чисто дворянскій составъ. Правда, областные ландтаги, съ очень съуженной компетенціей въ дѣлахъ мѣстнаго значенія и тоже дворянскаго состава, существовали и въ другихъ „земляхъ", но до начала сороковыхъ годовъ они вели себя смирно, да и оппозиція, которую они стали проявлять послѣ 1840 г., была очень умѣренная: все дѣло сводилось къ частнымъ пререканіямъ съ представителями центральной власти на мѣстахъ. Однимъ изъ наиболѣе строптивыхъ сеймовъ былъ богемскій, но и въ немъ оппозиція не шла далѣе желанія установленія сношеній съ сеймами другихъ провинцій, введенія городского представительства въ сеймъ и чешскаго языка въ школы страны. При строгомъ цензурномъ режимѣ и политическая пресса въ Австріи не могла быть выразительницею броженія, начавшагося въ сороковыхъ годахъ въ образованныхъ классахъ общества. Ничто, однимъ словомъ, не указывало на подготовлявшійся во всѣхъ частяхъ монархіи кризисъ. Тѣмъ болѣе событія 1848 г. должны были поразить всѣхъ своею неожиданностью, такъ что и правительство, и общество оказались совсѣмъ неподготовленными къ той работѣ, какую имъ надлежало совершить. Итакъ, во вопросу о представительствѣ въ „домартовской" Австріи ни правительство ничего не обѣщало и не предпринимало, ни общество не дѣлало никакихъ заявленій. Установившійся порядокъ казался прочнымъ и непоколебимымъ. Но это была лишь простая видимость.

Первыя же извѣстія о томъ, что дѣлалось въ Парижѣ и въ западной Германіи, въ самыхъ первыхъ числахъ марта 1848 г. вызвали въ Вѣнѣ сильное общественное движеніе, выразившееся въ составленіи адресовъ о необходимости „перемѣнить систему", причемъ это требованіе исходило изъ разныхъ круговъ, въ числѣ которыхъ были и высшіе чиновники, и богатые купцы и фабриканты, и университетскіе профессора и студенты. Наконецъ, 13 марта послѣдовалъ взрывъ, результатомъ котораго была отставка Меттерниха, а черезъ два дня была опубликована императорская прокламація, въ которой среди другихъ уступокъ содержалось обѣщаніе созыва депутатовъ отъ всѣхъ провинціальныхъ сеймовъ съ усиленнымъ представительствомъ сословія гражданъ для соглашенія съ императоромъ относительно задуманной имъ конституціи отечества. Новое, такъ называемое „мартовское" министерство,

однако, посовѣтовало Фердинанду I не созывать учредительнаго собранія, и, вмѣсто обѣщаннаго созыва, императоръ собственною властью даровалъ всему своему государству (кромѣ Венгріи и Ломбардо-Венеціанскаго королевства) конституцію, составленную по бельгійскому образцу, т.-е. весьма либеральную, которая, впрочемъ, съ одной стороны, совершенно игнорировала права отдѣльныхъ національностей Австріи, а съ другой—исключала изъ пользованія политическими правами рабочій классъ. Это произошло 25 апрѣля, но вскорѣ въ Вѣнѣ разыгрались событія, которыя устранили эту первую австрійскую конституцію. И въ Австріи, какъ то же самое одновременно произошло и въ Пруссіи, бюргерство, добившись „свободы", стало опасаться „анархіи", которая, по его мнѣнію, тотчасъ же наступила бы, если бы къ участію въ политической жизни былъ привлеченъ и рабочій классъ. Между тѣмъ во главѣ рабочихъ сталъ образовавшійся въ мартѣ центральный комитетъ національной гвардіи и студенческаго легіона, рѣшившій добиваться демократическаго закона о выборахъ. Новое, по счету второе, возстаніе Вѣны, бывшее 15 мая, вынудило у правительства новую уступку — обѣщаніе созвать лишь одну палату, вмѣсто двухъ, какъ предполагалось 25 апрѣля, и при томъ выбранную всеобщею подачею голосовъ. Взволнованная столица все еще не могла успокоиться, и 26 мая произошло еще одно, уже третье, возстаніе въ Вѣнѣ, результатомъ котораго было образованіе особаго комитета „общественной безопасности".

10 іюля въ Вѣнѣ, которая еще 17 мая была покинута Фердинандомъ I, собрались народные представители, задачею которыхъ было дать Австріи новое государственное устройство, а 22 іюля послѣдовало и торжественное открытіе этого сейма. Въ немъ оказались представители цѣлыхъ восьми національностей: 1) нѣмцы, 2) чехи, 3) сербо-хорваты, 4) словенцы, 5) поляки, 6) русины, 7) итальянцы изъ Истріи и 8) валахи изъ Буковины. Представителей изъ Венгріи и Ломбардо-Венеціанскаго королевства не было. Не забудемъ, что революціонное движеніе сорокъ восьмого года въ Австріи не ограничилось одними нѣмецкими подданными Габсбурговъ, но охватило и другія національности, изъ которыхъ каждая по-своему хотѣла устроить государство. Ломбардо-Венеціанское королевство было въ полномъ возстаніи, и вѣнскому правительству буквально пришлось завоевывать его вновь, что потомъ случилось и

по отношенію къ Венгріи, даже формально отложившейся отъ династіи и побѣжденной въ 1849 г. только силою русскаго оружія. Изъ славянскихъ національностей, имѣвшихъ представителей на сеймѣ, наибольшую революціонность проявили чехи, столица которыхъ Прага даже подвергалась бомбардировкѣ. Въ общемъ конституціонномъ сеймѣ нѣмцы очутились въ меньшинствѣ среди подавляющаго большинства славянъ, а среди послѣднихъ наиболѣе видную роль играли чехи. При такомъ положеніи дѣлъ не рѣшились объявить нѣмецкій языкъ оффиціальнымъ, и пришлось прибѣгать къ переводчикамъ. Здѣсь же обнаружилось, что славяне составятъ правую, т.-е. болѣе консервативную, а нѣмцы—лѣвую, болѣе либеральную сторону сейма. При своемъ открытіи сеймъ былъ объявленъ учредительнымъ (der konstituirende Reichstag), и задачею его выставлено было со стороны правительства введеніе такого устройства, которое покоилось бы на „свободномъ и братскомъ союзѣ всѣхъ національностей“ Австріи. „Въ созваніи народныхъ представителей, гласилъ конецъ тронной рѣчи, для совѣщанія объ общихъ интересахъ заключается вѣрнѣйшая основа духовнаго и матеріальнаго развитія Австріи“. Для выработки новаго государственнаго устройства сеймъ назначилъ особый комитетъ, но въ Вѣнѣ произошли, какъ извѣстно, новыя волненія (6 октября), заставившія императора, который возвратился-было въ свою столицу (12 августа), снова ее покинуть, послѣ чего вскорѣ послѣдовало усмиреніе Вѣны войсками Виндишгреца (30 октября). Событія, такимъ образомъ, не благопріятствовали работамъ сейма, но и безъ этого въ немъ самомъ работа не могла идти успѣшно вслѣдствіе крайняго несогласія во взглядахъ и стремленіяхъ между славянскимъ большинствомъ и нѣмецкимъ меньшинствомъ. Попытка, сдѣланная собраніемъ выступить какъ бы въ роли примирителя между правительствомъ и населеніемъ столицы, относившимся враждебно къ славянскому большинству сейма, при такихъ обстоятельствахъ тоже не могла удаться, и вскорѣ правая, руководимая чехами, оставила городъ и изъ Праги протестовала противъ своихъ товарищей, продолжавшихъ засѣдать въ сеймѣ. Все это дало правительству поводъ объявить (23 октября) отсрочку засѣданій и перенесеніе ихъ въ моравскій городокъ Кремзиръ (Кромѣржижъ), гдѣ 2 декабря сеймъ совершенно неожиданно узналъ объ отреченіи Фердинанда I и о вступленіи на престолъ его молодого племянника, Франца-Іосифа. Единствен-

нымъ, но за то въ высшей степени важнымъ результатомъ австрійскаго учредительнаго собранія 1848 г. было уничтоженіе имъ въ Австріи,—въ тѣхъ земляхъ, гдѣ оно было,—крѣпостничества и всего, что только съ нимъ было связано въ соціальномъ строѣ сельской жизни. Такимъ образомъ, Австрія лишь послѣднею во всей Западной Европѣ ликвидировала у себя средневѣковой сеньерьяльный строй.

Объявляя о вступленіи своемъ на престолъ, новый императоръ, которому было только 18 лѣтъ, и который, конечно, въ то время могъ быть лишь орудіемъ въ чужихъ рукахъ, — высказывалъ въ манифестѣ надежду „на возрожденіе Австріи на основахъ равноправности всѣхъ ея національностей, равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ и участія народныхъ представителей въ законодательствѣ“, но желательнаго соглашенія между правительствомъ и сеймомъ не могло состояться: правительство, вѣрное старымъ традиціямъ, стояло на точкѣ зрѣнія абсолютнаго единства монархіи; въ сеймѣ же преобладали федералистическія стремленія, главными представителями которыхъ были славяне. Весьма естественно, что сеймовый проектъ былъ выработанъ въ смыслѣ превращенія Австріи въ федерацію, но министерство поспѣшило распустить учредительный сеймъ, и 4 марта 1849 г. Австрія получила октроированную конституцію. На этотъ разъ въ общеимперскомъ представительствѣ должна была принять участіе и Венгрія. На самомъ дѣлѣ серьезно и не думали о приведеніи новаго государственнаго устройства въ дѣйствіе: ждали только благопріятнаго момента, чтобы возстановить абсолютизмъ. Монархія Габсбурговъ, при поддержкѣ со стороны славянскихъ подданныхъ, бывшихъ во враждѣ съ нѣмцами и съ венграми, и при военной помощи со стороны Россіи справилась со всѣми политическими смутами. Реакція послѣ усмиренія венгерскаго возстанія побѣждала по всей линіи, и въ самый послѣдній день 1851 г. появился императорскій декретъ, который отмѣнялъ конституцію 4 марта 1849 г., какъ несовмѣстимую съ основами устройства всей монархіи.

Со дня, когда впервые было обѣщано Австріи народное представительство (15 марта 1848 г.), до отмѣны октроированной въ 1849 г. конституціи (31 декабря 1851 г.) прошло три года и девять съ половиной мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ правительство нѣсколько разъ мѣняло свою точку зрѣнія. Сначала оно обѣщало учредительное собраніе, потомъ собствен-

ною властью императоръ октроировалъ конституцію, затѣмъ снова вернулся къ мысли объ учредительномъ собраніи, отказавшись при этомъ отъ второй палаты и измѣнивъ въ демократическомъ смыслѣ избирательный законъ, и на самомъ дѣлѣ созвалъ учредительный сеймъ, но опять октроировалъ конституцію,—и все это произошло менѣе, нежели въ годъ; въ концѣ же концовъ, и вторично октроированная конституція была отмѣнена. Народныя движенія улеглись или были подавлены силою, и представительная система рухнула. Одною изъ причинъ этого былъ національный антагонизмъ отдѣльныхъ земель монархіи, и прежде вполнѣ сознательно поддерживавшійся габсбургскою политикою. Австрійскіе нѣмцы, не хотѣвшіе утратить своего первенства, поддерживали централистическую тенденцію, и въ этомъ отношеніи ихъ политика совпадала съ желаніями правительства, которое, съ другой стороны, противъ тѣхъ же самыхъ нѣмцевъ опиралось на болѣе консервативныя стремленія славянъ, вообще думавшихъ, что свои національныя права они обезпечатъ лучше въ союзѣ съ правительствомъ противъ мятежныхъ нѣмцевъ и венгровъ. Уже въ вѣнскомъ конституціонномъ сеймѣ 1848 г. образовалось консервативно-славянское большинство, на которое правительству было очень удобно опереться противъ либерально-нѣмецкаго меньшинства. Въ то же самое время, однако, консервативное большинство стремилось къ осуществленію федеративнаго начала, которое было противно самому существу австрійской государственной традиціи. Вотъ почему тогда не удалось столковаться обѣимъ сторонамъ. Взятіе Вѣны императорскими войсками возвращало правительству ту силу, которую оно потеряло-было послѣ мартовскихъ событій, и, слѣдовательно, австрійскій конституціонный сеймъ былъ далеко не въ томъ положеніи, какое заняло французское національное собраніе послѣ 14 іюля 1789 г., бывшаго отвѣтомъ на попытку контръ-революціи. Учредительное собраніе во Франціи фактически было въ состояніи продиктовать свою волю королю, лишившемуся всякой опоры въ странѣ, вѣнскому же собранію, переведенному вдобавокъ въ Кремзиръ, приходилось, какъ-никакъ, а вступать съ правительствомъ въ соглашеніе. Разъ достигнуть, однако, его не могли по рѣзкой противоположности стремленій правительства и учредительнаго собранія,—на сцену и выступила октроированная конституція, которую потомъ не представлялось уже большой трудности и отмѣнить, когда по всей линіи не

только въ самой Австріи, но и во всей Европѣ побѣдила реакція.

Въ сущности, уже послѣ провозглашенія конституціи 4 марта 1849 года началось возвращеніе къ старой централизаторской политикѣ австрійскаго правительства: составленная въ духѣ умѣреннаго либерализма, она совершенно умалчивала о правахъ отдѣльныхъ провинцій и о равноправности національностей. Включеніе Венгріи въ общеимперское устройство имѣло то же значеніе. Собственно говоря, отмѣна конституціи 4 марта 1849 года была не чѣмъ инымъ, какъ coup de grâce по отношенію къ документу, который и безъ того былъ мертвой буквой. Бюрократическій строй ни на минуту не отмѣнялся въ Австріи, и его нечего было возстановлять: его теперь только усиливали и снимали съ него тѣ ограниченія, которыя существовали раньше (именно въ Венгріи). Централизація и германизація проводились въ Австріи въ пятидесятыхъ годахъ съ небывалою дотолѣ силою, а съ ними усиливался и клерикализмъ. Извѣстно, однако, къ какимъ результатамъ привела эта система: въ итальянской войнѣ 1859 г. военная организація государства доказала полную свою несостоятельность, финансы были въ самомъ жалкомъ состояніи, и неудача объявленнаго государственнаго займа произвела особенно удручающее впечатлѣніе на правительство. На примѣрѣ 1859 г. въ Австріи лишній разъ подтверждается тотъ эмпирическій „законъ исторіи“, что несчастная война заставляетъ само правительство перемѣнять прежнюю политику, какъ виновницу пораженія, на другую, болѣе соотвѣтствующую „духу времени“ и требованіямъ общества. Такъ произошло теперь и въ Австріи. Если въ 1848—49 гг. опытъ съ введеніемъ представительства былъ вызванъ необходимостью успокоить внутреннее броженіе въ странѣ, то теперь рѣчь уже шла о спасеніи государства отъ совершеннаго разложенія. Само правительство въ манифестѣ по случаю окончанія итальянской войны признало существованіе въ монархіи застарѣлыхъ недостатковъ, требовавшихъ радикальнаго леченія. Поэтому манифестъ обѣщалъ разныя реформы, но на первыхъ порахъ мысль правительства все-таки была еще далека отъ введенія представительства. 6 марта 1860 г., черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ провозглашенія второй октроированной конституціи, оно не шло еще дальше созыва „усиленнаго государственнаго совѣта“ (verstärkter Reichsrath) съ приглашеніемъ въ него только нѣсколькихъ членовъ изъ аристократіи и изъ высшей бюрократіи

для совѣщанія по финансовымъ и законодательнымъ вопросамъ. Однако, даже сама правительственная коммиссія, которой было поручено обсудить бюджетъ, указала на полную несостоятельность прежняго строя и на необходимость общей государственной реформы. Любопытно, что изъ 38 членовъ этой коммиссіи 25 было консерваторовъ и только 13 либераловъ. Они разошлись между собою по вопросу о будущемъ устройствѣ Австріи. И теперь, какъ въ 1848—49 гг., либералами въ Австріи были главнымъ образомъ нѣмецкіе бюргеры, отстаивавшіе единство совокупнаго государства (Gessammtstaat) съ администраціей изъ нѣмцевъ, тогда какъ консервативная партія, состоявшая изъ аристократическихъ и клерикальныхъ элементовъ мадьярской и разныхъ славянскихъ національностей, отстаивала историческія права отдѣльныхъ провинцій, находя въ данномъ случаѣ поддержку и въ чисто-нѣмецкихъ дворянствѣ и духовенствѣ. Хотя либералы соглашались на простое октроированіе императоромъ новаго устройства Австріи, не опредѣляя даже, чѣмъ оно должно было бы быть, правительство, не желавшее разстаться съ системой бюрократическаго абсолютизма, склонялось все-таки больше на сторону болѣе консервативнаго федерализма, вопреки даже своимъ старымъ централистическимъ традиціямъ.

Оставаться при прежнемъ порядкѣ оказывалось невозможнымъ, нужно было создавать новый,—и вотъ 20 октября 1860 г. появился императорскій патентъ, создавшій такую систему: государь долженъ былъ пользоваться законодательною властью при содѣйствіи областныхъ сеймовъ и имперскаго совѣта (Reichsrath), составленнаго изъ делегатовъ отъ этихъ сеймовъ, причемъ послѣдніе должны были состоять по-прежнему изъ привилегированныхъ сословій. Эта была уже третья октроированная конституція, но судьба ея была такая же, какъ и двухъ первыхъ. Прежде всего венгры не захотѣли ее принять, заявивъ, что все случившееся послѣ 1848 г. было незаконно. Это напугало центральное правительство, не желавшее возвращаться къ обѣщаніямъ 1848 г.; поэтому федералистическая идея у Франца-Іосифа утратила тотъ кредитъ, какимъ стала-было пользоваться, и централистическая идея опять вошла въ силу. Однако, на этотъ разъ пришлось сдѣлать уступку либерализму, когда торговыя палаты на вопросъ правительства, какъ поднять сильно опустившійся курсъ бумажныхъ денегъ отвѣтили указаніемъ на необходимость введенія настоящаго народнаго

представительства. Прошло лишь съ небольшимъ четыре мѣсяца со дня объявленія патента 20 октября 1860 г., какъ къ этому патенту было 26 февраля 1861 г. обнародовано дополненіе, заключавшее въ себѣ на самомъ дѣлѣ новую, на этотъ разъ четвертую, октроированную конституцію. Въ патентѣ 26 февраля государственное устройство, какое получила Австрія, уже прямо называлось конституціоннымъ, причемъ монархъ давалъ обѣщаніе и лично за себя, и за своихъ преемниковъ соблюдать эту только-что созданную конституцію, и всѣмъ преемникамъ Франца-Іосифа вмѣнялась въ обязанность присяга на вѣрность основному закону имперіи.

Австрійская конституція 1861 г. была основана на сочетаніи началъ федерализма, дуализма и централизма. Все было устроено такъ, чтобы, насколько было возможно, сохранить внутреннее единство имперіи съ преобладаніемъ нѣмцевъ надъ другими національностями. Для этого порядокъ выборовъ и избирательные округа были организованы съ такимъ расчетомъ, чтобы въ рейхсратѣ, т.-е. общеимперскомъ представительствѣ, обезпечить перевѣсъ за нѣмецкимъ, т.-е. дворянскимъ и бюргерскимъ элементомъ, надъ славянскимъ, т.-е. крестьянскимъ, благодаря чему, въ рейхсратѣ нѣмцы получили бо̀льшее количество представителей, чѣмъ должны были бы имѣть по своей относительной численности. Съ другой стороны, за Венгріей признавались извѣстныя привилегіи, и она, до извѣстной степени, выдѣлялась изъ другихъ коронныхъ земель особымъ устройствомъ и расширенной компетенціей своего сейма, чѣмъ вносился въ устройство имперіи извѣстный дуализмъ, хотя при всемъ томъ изъ 343 членовъ рейхсрата на долю Венгріи приходилось едва только 85. Наконецъ, члены рейхсрата не прямо выбирались самимъ населеніемъ: палата депутатовъ должна была состоять изъ выборныхъ отъ отдѣльныхъ областныхъ сеймовъ, представлявшихъ собою уже чисто федералистическое начало новаго государственнаго строя. Сами эти сеймы вездѣ, кромѣ Венгріи, получали однородное устройство [1]), а именно: установлялись три избирательныя куріи—крупныхъ землевладѣльцевъ, горожанъ и крестьянъ; при этомъ только

[1]) Къ патенту 1861 г. были приложены земскіе уставы отдѣльныхъ частей монархіи, дѣйствующіе и понынѣ. Въ I т. сборника *Гессена* и *Нольде* (стр. 31—41) помѣщенъ „Земскій уставъ королевства Богеміи"; остальные мало чѣмъ отъ него отличаются.

въ двухъ первыхъ куріяхъ выборы были сдѣланы прямыми. Если конституція 1861 г. была сочувственно принята либеральными кругами нѣмецкой національности, то среди аристократическихъ элементовъ нѣмецкаго населенія и во всѣхъ крупныхъ не-нѣмецкихъ національностяхъ она была встрѣчена недружелюбно. Нѣкоторыя области даже наотрѣзъ отказались выслать своихъ депутатовъ въ Вѣну, наприм., Венгрія, получавшая привилегированное положеніе въ монархіи. Чехи послали своихъ депутатовъ въ рейхсратъ только съ оговоркою относительно историческихъ правъ ихъ родины, а въ 1863 г. и они перестали принимать участіе въ рейхсратѣ. Примѣру чеховъ послѣдовали и поляки. Благодаря избирательной системѣ и уклоненію разныхъ національностей отъ участія въ центральномъ представительствѣ, составъ рейхсрата былъ преимущественно нѣмецкимъ. Не были довольны рейхсратомъ начала шестидесятыхъ годовъ даже и сами нѣмецкіе консерваторы, и императоръ Францъ-Іосифъ, когда въ этомъ представительномъ собраніи возобладали либеральныя тенденціи. Императоръ прямо довольно скоро сталъ подумывать объ отказѣ отъ централистической политики и уже въ 1865 г. вступилъ въ переговоры съ мадьярами на почвѣ уступокъ ихъ домогательствамъ. Подъ предлогомъ необходимости условиться съ сеймами Венгріи и Хорватіи относительно той формы, какую должна была имѣть ихъ связь съ другими частями имперіи, онъ объявилъ 20 сентября 1865 г., что нашелъ нужнымъ пріостановить дѣйствіе конституціи, — едва черезъ четыре съ небольшимъ года послѣ того, какъ она была приведена въ дѣйствіе (первое собраніе рейхсрата было 1 мая 1861 г.). Нѣмецкіе консерваторы, чехи и поляки отнеслись къ пріостановкѣ дѣйствія конституціи весьма сочувственно, либералы видѣли въ этомъ событіи цѣлый государственный переворотъ. Францъ-Іосифъ перепробовалъ разныя комбинаціи, всегда, однако, имѣя въ виду прежде всего интересы своей власти, которою онъ очень неохотно поступался. И та, и другая, и третья комбинаціи оказывались въ какомъ-либо отношеніи невыгодными въ томъ именно смыслѣ что при всякой комбинаціи обнаруживалась оппозиція со стороны какъ-разъ того элемента, въ пользу котораго создавалась комбинація. Пока не придумана была новая комбинація, пока велись переговоры съ венгерскимъ и хорватскимъ сеймами, конституція бездѣйствовала.

Въ 1866 г. Австрія была снова побита въ войнѣ съ Прус-

сіей. Мы не знаемъ, какой оборотъ приняли бы внутреннія австрійскія дѣла безъ этой войны,—въ числѣ слѣдствій которой было исключеніе габсбургской монархіи изъ Германіи,—но положеніе дѣлъ требовало теперь особенно настоятельно рѣшенія вопроса о внутреннемъ устройствѣ Австріи. Правительство первымъ дѣломъ послѣ войны созвало чрезвычайный рейхсратъ, но такъ какъ оно снова кинулось въ сторону федерализма, въ пользу котораго сложилось и большинство собранія, то нѣмцы отказались принимать въ немъ участіе. Дѣло, впрочемъ, разрѣшилось не въ пользу федерализма, а въ пользу теперешняго австро-венгерскаго дуализма. Въ 1867 г. въ Австріи послѣ перерыва, продолжавшагося около двухъ лѣтъ, снова было возстановлено дѣйствіе конституціи.

Такимъ образомъ, вынуждаемое внѣшними обстоятельствами, австрійское правительство дважды вступало на путь народнаго представительства, въ первый разъ въ 1848—49 г., въ 1860—61 г. во второй разъ, но въ обоихъ случаяхъ, не имѣя твердаго взгляда на то, какую же дать государству организацію. Его колебанія, кромѣ трудности дѣла, объясняются скрытою мыслью правящихъ сферъ сохранить изъ стараго порядка какъ можно больше, чѣмъ и объясняются эти постоянныя пробы то съ федерализмомъ, то съ централизмомъ, пока не найдена была дуалистическая комбинація. Событія сорокъ восьмого года выдвинули-было на сцену демократическій элементъ, но онъ былъ слишкомъ слабъ, да, кромѣ того, активное выступленіе рабочихъ страшно напугало тогда бюргерство, которое стало искать сближенія съ правительствомъ и съ дворянствомъ. Въ дальнѣйшемъ правительство,—когда ему, послѣ новаго опыта съ бюрократизмомъ въ 1849—59 гг., опять оказалось нужнымъ искать опоры въ общественныхъ силахъ,—могло лишь выбирать между консервативнымъ дворянствомъ и либеральнымъ бюргерствомъ, а въ Австріи дѣла сложились такъ, что консерватизмъ обозначалъ собою федерализмъ, бывшій несимпатичнымъ правительству, централизмъ же, которому оно симпатизировало, входилъ въ антипатичную властямъ программу либераловъ. Наконецъ, дѣло осложнялось и тѣмъ, что либеральные и консервативные элементы, какъ мы уже знаемъ, распредѣлились различно и по національностямъ: между нѣмцами и мадьярами былъ силенъ либерализмъ, между славянами—консерватизмъ. Вездѣ австрійскому правительству, по старой традиціи весьма консервативному, притомъ строго нѣ-

мецкому и проникнутому централистическими тенденціями, что-либо одно было пріятно и что-либо другое—непріятно, и оно старалось устроить свои дѣла такъ, чтобы изъ двухъ золъ выбирать для себя меньшее, мало заботясь о самомъ существѣ дѣла. Съ другой стороны, въ общегосударственныя австрійскія собранія этой эпохи попадали, главнымъ образомъ, крайніе представители цѣлаго ряда мелкихъ національностей, которые готовы были жертвовать многими реальными благами—въ силу своей племенной непримиримости къ другимъ народностямъ. Избирательная система, принятая Австріей, оттирая настоящіе народные элементы на задній планъ, лишь поддерживала рѣзкій націонализмъ буржуазныхъ партій.

Мы не излагаемъ здѣсь сущности австро-венгерскаго соглашенія 1867 г., превратившаго централистическую Австрію первой половины XIX в. въ современную дуалистическую Австро-Венгрію [1]), какъ и вообще не излагаемъ въ этой книгѣ дѣйствующихъ нынѣ конституцій, довольствуясь лишь указаніями на то, какимъ путемъ и при какихъ обстоятельствахъ создавались теперешнія конституціи Франціи, Италіи, Пруссіи, Германской имперіи. Въ монархіи Габсбурговъ, какъ видно изъ настоящей главы, на исторію созданія конституціоннаго строя очень сильное вліяніе оказали національныя отношенія. Централизмъ былъ системою чисто-нѣмецкою, притомъ одинаково дорогою и консерваторамъ съ правительствомъ во главѣ, и либераламъ, стоявшимъ къ правительству въ оппозиціи. Славянскія народности, наоборотъ, всегда обнаруживали стремленія федералистическія, но оказались и неспособными, и безсильными ихъ осуществить. Единственною не-нѣмецкою народностью Австріи, обнаружившею въ шестидесятыхъ годахъ большія политическія пониманіе, искусство и упорство, оказались мадьяры, которые и воспользовались затруднительнымъ положеніемъ правительства въ 1866 г., когда Австрія была выбита одновременно изъ своихъ позицій и въ Германіи, и въ Италіи. Венгрія имѣетъ столь же длинную, хотя не столь блестящую конституціонную исторію, какъ и Англія: англій-

---

[1]) Во второмъ томѣ сборника *Гессена* и *Нольде* на стр. 57 и слѣд. помѣщены: „Законъ объ общихъ дѣлахъ всѣхъ земель Австрійской монархіи и о порядкѣ ихъ разрѣшенія“ и особый „Венгерскій законъ 1867 г. объ общихъ дѣлахъ венгерской короны и остальныхъ земель, состоящихъ подъ управленіемъ Его Величества“.

ская великая хартія и венгерская золотая булла почти ровесницы, такъ какъ одну отъ другой отдѣляютъ только семьлѣтъ (1215 и 1222 гг.), и въ составѣ монархіи Габсбурговъ Венгрія всегда сохраняла особое положеніе. Въ 1848 г. австрійское правительство дало мадьярамъ особую либеральную конституцію съ отдѣльнымъ венгерскимъ министерствомъ [1]), но мадьяры захотѣли воспользоваться ею въ исключительныхъ интересахъ своей національности, чѣмъ вызвали противъ себя движеніе среди всѣхъ не-мадьярскихъ элементовъ земель короны св. Стефана. Въ 1849 г. мадьяры даже отложились отъ династіи Габсбурговъ, но когда съ помощью Россіи они были усмирены, Венгрія была лишена своихъ старыхъ правъ. Въ общеимперской конституціи 1861 г. мадьяры отказались принимать участіе, и въ концѣ концовъ имъ удалось добиться своего. Въ 1867 г. была возстановлена конституція 1848 г. [2]), и Венгрія получила обособленное отъ Австріи управленіе, заключивъ въ 1868 г. особое соглашеніе съ Хорватіей, которой было дано внутреннее самоуправленіе. Что касается до австрійской конституціи [3]), то особенностью ея, которую здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, было введеніе въ государственную жизнь не представительства народа и даже не представительства сословій, а представительства интересовъ. По закону 1867 г. члены австрійской палаты депутатовъ должны были избираться провинціальными сеймами, но съ 1873 г. была введена куріальная система, раздѣленіе избирателей на разряды (куріи) крупнаго землевладѣнія, городовъ, торговыхъ палатъ и сельскихъ общинъ, къ которымъ въ 1896 г. была прибавлена пятая курія всеобщаго избирательнаго права. Каждая курія избирала извѣстное число депутатовъ, такъ что въ первой куріи одинъ депутатъ приходился (послѣ 1896 г.) на 65 избирателей, въ третьей одинъ на 25 избирателей, тогда какъ во второй, чет-

---

[1]) См. т. I сборника *Гессена* и *Нольде*, гдѣ на стр. 172 и слѣд. помѣщены законы 1848 г. a) объ образованіи венгерскаго отвѣтственнаго министерства, b) о ежегодныхъ сессіяхъ сейма и c) о выборѣ депутатовъ сейма на основахъ представительства.

[2]) См. соотвѣтственный законъ 1867 г. у *Гессена* и *Нольде*, т. I, стр. 181.

[3]) Тамъ же, т. I, стр. 3 и слѣд. см. законы 1867 г. объ имперскомъ представительствѣ, объ общихъ правахъ гражданъ и объ осуществленіи судебной и исполнительной власти.

вертой и пятой по одному на 4 т., на 12 т., даже на 70 т., т.-е. результатъ получался аналогичный тому, какой даетъ прусская классная система [1]). Введеніе пятой куріи уже было, однако, переходомъ ко всеобщему избирательному праву.

ГЛАВА XXIII.

Демократизація англійскихъ учрежденій во второй половинѣ XIX вѣка [2]).

Общій взглядъ на демократизацію избирательнаго права.—Постепенная демократизація англійской конституціи во второй половинѣ XIX в.—Слѣдствія первой парламентской реформы въ Англіи и неудача чартистскаго движенія.—Переходъ Англіи къ свободной торговлѣ и экономическое ея процвѣтаніе. — Новыя парламентскія реформы второй половины XIX вѣка.—Другія реформы эпохи, наносившія ударъ старому аристократическому строю Англіи.—Общій взглядъ на прошлое англійскаго мѣстнаго управленія.—Его демократизація во второй половинѣ XIX в.—Особенности англійскаго рабочаго движенія со середины XIX в.

Уже въ первой половинѣ XIX в. вдумчивые наблюдатели политической жизни указывали на то, что государственная жизнь цивилизованныхъ народовъ находится въ процессѣ демократизаціи [3]), Однимъ изъ признаковъ этой демократизаціи является введеніе всеобщаго избирательнаго права въ выборы народныхъ представителей. Въ 1848 г. эту систему усвоила Франція, въ 1867—71 гг. Германія, какъ Сѣверо-Германскій союзъ сначала, потомъ какъ теперешняя имперія, и т. д. Даже прусская классная система не исключила изъ пользованія избирательнымъ правомъ наиболѣе демократическіе элементы общества, для которыхъ и Австрія передъ переходомъ ко всеобщему избирательному праву создала свою пятую курію. Однимъ словомъ, страны съ очень молодыми конституціями уже стоятъ въ своемъ избирательномъ правѣ на демократиче-

---

[1]) См. выше, стр. 398.

[2]) Подробнѣе объ исторіи Англіи до второй парламентской реформы см. главу XXIX пятаго тома „Исторіи Западной Европы“.

[3]) См. выше, стр. 285.

ской точкѣ зрѣнія, а одна изъ европейскихъ странъ, Финляндія, не только сразу перешла отъ прежнихъ сословнымъ выборовъ ко всеобщему избирательному праву, но и распространила его на женскую половину своего населенія, уравнявъ въ политическомъ отношеніи оба пола, примѣры чего раньше были только внѣ старой Европы. Между тѣмъ самая древняя европейская конституція какъ-разъ еще не знаетъ всеобщаго избирательнаго права. Именно, его не знаетъ конституція той самой Англіи, гдѣ проповѣдь демократическаго равенства раздавалась еще въ серединѣ XVII в. [1]), гдѣ всеобщаго избирательнаго права демократическая партія требовала уже сто лѣтъ тому назадъ [2]), гдѣ у него былъ и такой сильный теоретикъ, какъ Бентамъ, не видѣвшій основаній къ исключенію изъ этого права и женщинъ [3]), гдѣ, наконецъ, около 1840 года происходило такое бурное народное движеніе, какъ чартизмъ, на знамени котораго тоже значилось всеобщее избирательное право [4]). Другими словами, и въ Англіи за демократизацію выборовъ велась долгая и упорная борьба, но въ то время, какъ на материкѣ политическія перемѣны создавались сразу революціями,—не исключавшими, впрочемъ, контръ-революцій съ возвращеніями вспять,—въ Англіи перемѣны подобнаго рода совершались постепенно и очень медленно, но за то и крѣпче упрочивались въ жизни. Особенностью англійскаго консерватизма всегда было то, что онъ примирялся съ совершившимися нововведеніями и становился на стражѣ введеннаго въ жизнь измѣненія, тогда какъ консерватизмъ континентальный отличался больше реакціоннымъ духомъ, т. е. стремленіемъ къ возвращенію вспять.

Въ самой основѣ англійскаго государственнаго строя заложенъ извѣстный консерватизмъ, главнымъ оплотомъ котораго является, разумѣется, верхняя палата. Еще Монтескье понялъ ея глубоко консервативный характеръ [5]), и соображеніями консерватизма же руководились составители многихъ континентальныхъ конституцій, создавая верхнія палаты и наполняя ихъ аристо-

---

[1]) См. выше, стр. 90—91.

[2]) См. выше, стр. 265—269.

[3]) См. выше, стр. 279 и слѣд., въ особенности 282.

[4]) См. выше, стр. 321.

[5]) См. выше, стр. 104—105.

кратическими и бюрократическими элементами [1]). Исторія проведенія англійской парламентской реформы 1832 г. показываетъ, что ея послѣднею и главною помѣхою была палата лордовъ [2]). Вотъ почему противъ этого учрежденія въ англійской демократіи накоплялось столько неудовольствія, и даже былъ поставленъ вопросъ о сокращеніи компетенціи палаты лордовъ, о реформѣ ея внутренняго состава, наконецъ, объ упраздненіи ея въ ея теперешнемъ видѣ. Какъ центръ аристократическихъ стремленій и вліяній съ присущимъ имъ консерватизмомъ, палата наслѣдственныхъ законодателей вполнѣ гармонировала съ общимъ духомъ всѣхъ остальныхъ англійскихъ учрежденій, когда въ основѣ ихъ лежали привилегіи, — не сословныя, конечно, привилегіи, съ которыми англійская нація распрощалась, когда на континентѣ еще вполнѣ господствовалъ сословный строй, а привилегіи классовыя, привилегіи имущественнаго ценза, насаждавшіяся съ конституціоннымъ, но недемократическимъ строемъ и на континентѣ. Реформа 1832 г. пробила первую брешь въ консерватизмѣ старой англійской конституціи, но странѣ пришлось очень долго ждать пробитія второй и третьей брешей, что это случилось лишь въ 1867 и 1884—5 г., въ первый разъ, спустя тридцать пять лѣтъ послѣ реформы 1832 г. (въ одинъ годъ съ сѣверо-германской и австро-венгерской конституціями), во второй—безъ малаго черезъ два десятка лѣтъ еще. Смыслъ обѣихъ новыхъ реформъ англійскаго избирательнаго права можетъ быть опредѣленъ, какъ его демократизація въ направленіи установленія всеобщей подачи голосовъ. Въ настоящей главѣ мы и остановимся на этой демократизаціи англійской конституціи.

Мы знаемъ, что первая парламентская реформа въ Англіи увеличила число избирателей въ полтора раза сравнительно съ прежнею ихъ цифрою [3]), но и прежняя (438 т.), и новая (656 т.) не выходили за предѣлы лишь нѣсколькихъ сотенъ тысячъ избирателей, тогда какъ теперь счетъ ихъ долженъ уже совершаться на милліоны. Реформа 1832 г. передвинула центръ тяжести политическаго вліянія въ странѣ изъ класса землевладѣльцевъ въ классъ капиталистической буржуазіи, и парламентъ сдѣлался ареною борьбы между противоположными

---

[1]) См. выше, стр. 233—234, 244, 245, 384 и 415.

[2]) См. выше, стр. 310.

[3]) См выше, стр. 311.

интересами этихъ классовъ, отъ которой кое-какія выгоды выпадали и на долю демократіи, въ родѣ, наприм., фабричнаго законодательства, невыгоднаго для промышленнаго класса, но совершенно безразличнаго для землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ. Послѣдніе, наоборотъ, крѣпко держались за хлѣбные законы, дававшіе имъ большіе барыши [1]), пока буржуазія послѣ долгой борьбы, въ 1846 г., не добилась ихъ отмѣны, считая низкія цѣны на хлѣбъ, которыя были бы созданы свободнымъ ввозомъ его въ страну, выгодными для фабричнаго производства. Къ серединѣ XIX в. англійская буржуазія, еще ранѣе начавшая агитацію въ пользу свободной торговли [2]), наконецъ, ея добилась, что дало въ высшей степени благопріятные результаты для общаго подъема промышленныхъ и торговыхъ предпріятій: производство въ странѣ сильно увеличилось, вывозъ тоже очень усилился, а это не могло не отразиться и на общемъ улучшеніи положенія рабочихъ. Въ свою очередь, лендлорды еще ранѣе добились отмѣны старыхъ законовъ о бѣдныхъ, возлагавшихъ на собственниковъ въ отдѣльныхъ приходахъ обязанность содержать пауперовъ, приплачивая даже извѣстныя суммы къ недостаточной платѣ, получавшейся рабочими отъ фабрикантовъ. Конечно, рабочій классъ не могъ считать себя удовлетвореннымъ реформою 1832 г. и потому съ такой энергіей примкнулъ къ чартизму, поставившему на своемъ знамени демократическія требованія [3]), но общая революціонность англійскаго пролетаріата стала ослабѣвать по мѣрѣ того, какъ свободная торговля начала оживлять англійскую индустрію. Въ серединѣ XIX в. была пора настоящаго промышленнаго процвѣтанія Англіи, полнаго ея торговаго господства во всемъ мірѣ, которое не мало способствовало усиленію манчестерскихъ стремленій [4]), особенно въ экономическихъ теоріяхъ, отчасти и въ экономической политикѣ правительствъ. Либеральная буржуазія на материкѣ въ началѣ второй половины XIX в. смотрѣла на Англію, какъ на обѣтованную страну не только „разумной“ политической свободы среднихъ классовъ, но и разумной же свободы экономической, приносящей выгоды всему народу, въ част-

[1]) См. выше, стр. 309.

[2]) См. выше, стр. 294.

[3]) См. выше, стр. 320 и слѣд

[4]) См. выше, стр. 292.

ности и рабочимъ. Ссылки на промышленно-торговую свободу сдѣлались однимъ изъ главныхъ аргументовъ экономистовъ манчестерскаго направленія (особенно во Франціи) въ ихъ полемикѣ съ воскресавшимъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ соціализмомъ. Чартизмъ былъ скоро позабытъ не только его послѣдователями, но и его противниками, и на улучшеніе англійскими рабочими своего положенія только мирными путями указывали, какъ на одну изъ національныхъ особенностей англичанъ, привитою къ нимъ ихъ конституціей. Конечно, въ этомъ было много правды, ибо конституціонализмъ самъ по себѣ является основнымъ способомъ легальной борьбы и мирныхъ соглашеній, вмѣсто насильственныхъ переворотовъ, замѣняющихъ соглашенія декретированіемъ побѣдителями данной минуты своихъ законовъ, — но вѣдь и въ англійскомъ чартизмѣ было не мало революціонности, ничѣмъ не отличавшейся отъ современныхъ ему демократическихъ движеній на материкѣ. (Не говоримъ еще при этомъ о революціонномъ движеніи ирландцевъ). Правда и то еще, что причина перехода англійскихъ рабочихъ отъ боевой къ мирной тактикѣ обусловливалось не только повышеніемъ заработковъ и удешевленіемъ цѣнъ на предметы первой необходимости (прежде всего на хлѣбъ), но и разочарованіемъ послѣ столькихъ обманутыхъ надеждъ на то, чтобы достигнуть цѣли своихъ стремленій „физическою силою", какъ говорили во времена чартизма. Уже въ эпоху наибольшаго развитія революціонности въ чартизмѣ, къ нему не примыкали многіе рабочіе, возлагавшіе всѣ свои упованія на чисто экономическія ассоціаціи [1]), дѣйствительно, приносившія рабочимъ не мало пользы своими учрежденіями взаимопомощи, потребительными лавками, организаціями для переговоровъ съ предпринимателями. Профессіональные союзы такого рода соединялись между собою и въ мѣстные рабочіе союзы безъ различія спеціальностей, и по спеціальностямъ въ большіе союзы во всей странѣ. Мало-по-малу въ этихъ „трэдъ-юніонахъ" возобладала идея о томъ, что государству нечего вмѣшиваться во взаимныя отношенія предпринимателей и рабочихъ, такъ какъ все можетъ быть улажено путемъ организованныхъ соглашеній, — точка зрѣнія, совпадавшая со взглядами фритрэдеровъ изъ промышленности буржуазіи. Ученіе о борьбѣ клас-

[1]) См. выше, стр. 322 и 342.

совъ [1]) союзы замѣняли теоріей сотрудничества классовъ, военныя дѣйствія—дипломатическими переговорами. Политика совершенно изгонялась изъ трэдъ-юніоновъ, но въ нихъ часть рабочаго класса получала своего рода политическое воспитаніе, пріучаясь къ общественной дѣятельности, къ организаціи силъ. Правительство и правящіе классы не могли съ теченіемъ времена не почувствовать, что трэдъ-юніоны, объединившіеся, вдобавокъ, въ общую организацію, представляютъ собою общественную силу, съ которою нельзя не считаться, тѣмъ болѣе что въ концѣ концовъ у организованныхъ рабочихъ явилась и политическая задача—ввести своихъ представителей въ нижнюю палату [2]). И консерваторамъ, и либераламъ одинаково хотѣлось имѣть на своей сторонѣ эту новую политическую силу.

Въ 1866 г. членъ вигистскаго министерства Росселя Гладстонъ, когда-то очень консервативный приверженецъ торизма, постепенно все болѣе и болѣе проникавшійся демократическими идеями, внесъ въ парламентъ проектъ избирательной реформы въ смыслѣ пониженія ценза вообще и для городскихъ жителей преимущественно. Аргументируя въ пользу реформы, онъ указывалъ въ особенности на то, что рабочіе въ достаточной мѣрѣ доказали свою политическую зрѣлость, и что потому нельзя дольше лишать ихъ права на участіе въ политической жизни страны. Во время разсмотрѣнія этого билля часть виговъ перешла въ противоположный лагерь, опасаясь, что демократизація выборовъ приведетъ только къ революціи, и министерство вышло въ отставку. Проводить реформу пришлось торійскому министерству Дизраэли уже при возобновленіи грандіозныхъ народныхъ демонстрацій въ формѣ митинговъ; тогда же образовался особый „Народный союзъ въ защиту избирательной реформы“ [3]). Въ 1867 г. но-

---

[1]) См. выше, стр. 350 и слѣд.

[2]) Это движеніе подготовило и Интернаціоналъ (ср. выше, стр. 376), позднѣе принявшій революціонный характеръ, особенно во время коммуны въ Парижѣ въ 1871 г.

[3]) Интересно, впрочемъ, что „второму биллю о реформѣ, въ противоположность первому, совершенно не предшествовала идущая въ глубь политическая агитація среди населенія... Когда Гладстонъ и Дизраели внесли свои предложенія объ измѣненіи парламентскаго избирательнаго права, оба государственные человѣка обосновывали свою политику простымъ указаніемъ на то, что престижу парламента повредило бы, если бы этотъ во-

вая реформа парламента была совершившимся фактомъ. Въ общемъ это было второе, исправленное и дополненное изданіе реформы 1832 г., тоже видѣвшее въ избирательномъ правѣ привилегію, а не общее право [1]). Опять кое-какія мѣстечки лишились отдѣльнаго представительства, которое опять получили болѣе населенные города. Пониженіе ценза выразилось въ томъ, что избирательное право было распространено на всѣхъ квартиронанимателей, платившихъ въ годъ десять фунтовъ, въ городахъ же подъ это условіе подходили почти всѣ ремесленники и рабочіе, жившіе на своихъ квартирахъ. Число избирателей въ Англіи, благодаря этому, поднялось до двухъ съ половиною (и даже свыше этого) милліоновъ. Когда были назначены новые выборы уже на основаніи этого закона, громадное большинство голосовъ было подано за либераловъ и радикаловъ, причемъ силы тѣхъ и другихъ были приблизительно равныя. Гладстонъ, снова сдѣлавшійся министромъ (на этотъ разъ первымъ), принялъ въ составъ правительства и нѣкоторыхъ представителей радикальной партіи, а затѣмъ вскорѣ, въ 1872 г., провелъ законъ о тайномъ голосованіи: прежняя открытая подача голосовъ очень часто была препятствіемъ къ тому, чтобы рабочіе или мелкіе служащіе изъ-за боязни лишиться мѣста могли совершенно свободно выбирать того, кого хотѣли. Во второмъ министерствѣ Гладстона, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, были уже, кромѣ радикаловъ, и представители рабочихъ союзовъ. Въ это второе свое министерство Гладстонъ провелъ (1884—5) и третью парламентскую реформу или „законъ о народномъ представительствѣ", какъ она на этотъ разъ была названа. Она была задумана въ смыслѣ распространенія избирательнаго права и на земледѣльческихъ рабочихъ, среди которыхъ въ семидесятыхъ годахъ

просъ не былъ разрѣшенъ по его иниціативѣ. Такимъ образомъ, второй билль о реформѣ фактически явился уступкою демократическимъ идеямъ, сдѣланною господствующимъ классомъ по собственной свободной иниціативѣ". *I. Редлихъ.* Англійское мѣстное управленіе (1907), т. I, стр. 228. Знатокъ исторіи этой реформы, авторъ названной книги, особенно подчеркиваетъ это обстоятельство (стр. 243) и отмѣчаетъ также, какъ „чрезвычайно характерный фактъ", то, что и демократизація низшаго мѣстнаго управленія нигдѣ не натолкнулась на противодѣйствіе даже съ консервативной стороны (стр. 263).

[1]) См. выше, стр. 311.

тоже началось союзное движеніе. И на этотъ разъ въ Англіи не было однако, введено всеобщее избирательное право, такъ какъ право голоса было предоставлено лишь домовладѣльцамъ и квартиронанимателямъ: внѣ категоріи избирателей были оставлены и взрослые сыновья, не отдѣлившіеся отъ своихъ отцовъ, и люди, снимающіе только комнаты въ чужихъ квартирахъ, и всякаго рода прислуга, живущая въ хозяйскихъ помѣщеніяхъ. За всѣмъ тѣмъ парламентская реформа 1884—5 г. еще болѣе, чѣмъ реформа 1867 г. приблизила Англію къ порядку всеобщаго избирательнаго права, хотя вслѣдствіе связи права голоса въ Англіи съ жилищемъ, а не съ лицомъ въ 1885 г. въ странѣ все-таки насчитывалось около 1.800.000 взрослыхъ мущинъ, лишенныхъ избирательнаго права. Значительную часть этой цифры составляютъ чернорабочіе, не принимавшіе участія въ трэдъ-юніонизмѣ, объединившемъ преимущественно квалифицированныхъ, т. е. обученныхъ рабочихъ.

Обѣ парламентскія реформы второй половины XIX в. оказали большое вліяніе на англійское законодательство въ смыслѣ его оживленія и демократизаціи. Въ послѣднемъ отношеніи особенно важны реформы Гладстона, каковы ирландскіе земельные акты, улучшавшіе положеніе фермеровъ, школьный законъ, создавшій въ Англіи новыя условія для образованія народныхъ массъ, главнымъ образомъ оказавшійся полезымъ для сельскаго населенія, признаніе за рабочими корпораціями права юридическихъ лицъ и т. п., причемъ для Ирландіи было задумано Гладстономъ оставшееся неосуществленнымъ возвращеніе Ирландіи самоуправленія („гомруля") съ собственнымъ парламентомъ. Въ политическомъ отношеніи, какъ одинъ изъ наиболѣе важныхъ шаговъ на пути демократизаціи англійскихъ учрежденій, особенное значеніе имѣетъ та реформа мѣстнаго управленія, которая была произведена послѣ третьей парламентской реформы.

Одною изъ вообще наиболѣе характерныхъ чертъ англійской конституціи было то, что въ ней съ самоуправленіемъ націи въ ея цѣломъ было соединено самоуправленіе отдѣльныхъ областей (графствъ) и общинъ (приходовъ, бурговъ, городовъ). Это мѣстное самоуправленіе въ Англіи имѣетъ болѣе древнее происхожденіе, чѣмъ самъ парламентъ, восходя къ первымъ временамъ образованія королевства [1]). Сама палата

[1]) „Помѣстье-государство", стр. 156.

общинъ возникла, какъ представительство мѣстныхъ міровъ, на что указываетъ и самое ея названіе [1]), и Англія нашла счастливое размежеваніе между компетенціями парламента и органовъ мѣстнаго самоуправленія, тогда какъ съ центральными сословно-представительными учрежденіями въ другихъ странахъ нерѣдко вступали въ соперничество чисто мѣстныя собранія [2]). Эту сторону англійскихъ государственныхъ учрежденій совершенно проглядѣлъ Монтескье, но важное ея значеніе поняли въ XIX в. баронъ Штейнъ, хлопотавшій о введеніи самоуправленія въ Пруссіи [3]), и Бенжаменъ Констанъ, говорившій о необходимости въ государствѣ, рядомъ съ исполнительною властью, еще особой власти, муниципальной [4]). Многіе конституціоналисты и либералы во Франціи не понимали важности мѣстнаго самоуправленія и считали наполеоновскую административную централизацію верхомъ политической мудрости [5]). Особо краснорѣчиво выяснялъ всѣ выгоды мѣстнаго самоуправленія, какъ одной изъ основъ политической свободы, Токвиль [6]), а во второй половинѣ XIX в. система англійскаго самоуправленія (selfgovernment) сдѣлалась прямо однимъ изъ популярныхъ лозунговъ либерализма.

Прежде чѣмъ говорить о демократизаціи англійскихъ мѣстныхъ учрежденій, совершившейся во второй половинѣ XIX в., нужно бросить общій взглядъ на ихъ исторію.

Извѣстно, что завоеваніе Англіи нормандцами въ 1066 г. не уничтожило въ ней старинныхъ вольностей, выражавшихся въ существованіи мѣстныхъ учрежденій съ народными собраніями [7]), но что въ то же время въ Англіи утвердился абсолютизмъ королевской власти, объединявшей страну въ судебномъ, административномъ и финансовомъ отношеніяхъ при помощи мѣстныхъ агентовъ центральнаго управленія [8]). Въ 1360 г. въ Англіи образовалась новая должность, на которую можно смотрѣть, какъ на компромиссъ между двумя

[1]) Тамъ же, стр. 264 и 267.

[2]) Тамъ же, стр. 238, 269 и др.

[3]) См. выше, стр. 247.

[4]) См. выше, стр. 275.

[5]) См. выше, стр. 278.

[6]) См. выше, стр. 286 и слѣд.

[7]) „Помѣстье-государство“, стр. 156.

[8]) „Западно-европейская абсолютная монархія“, стр. 36 и слѣд.

противоположными началами, существовавшими въ мѣстномъ управленіи: это было установленіе мировыхъ судей (justices of peace), причемъ „миръ“ здѣсь нужно понимать не въ смыслѣ примиренія (тяжущихся), а въ смыслѣ охраны общественнаго спокойствія. Мировой судья былъ начальникомъ полиціи, назначавшимся короною, но непремѣнно и исключительно изъ мѣстныхъ обывателей, т.-е. изъ представителей землевладѣльческаго класса въ графствахъ и изъ постоянныхъ жителей въ городахъ, и, кромѣ полицейскихъ функцій, у этого должностнаго лица были и функціи судебныя. Судъ не былъ отдѣленъ отъ администраціи, и обѣ эти области были, такимъ образомъ, въ рукахъ представителей мѣстнаго населенія, хотя бы имъ и не избиравшихся. За исполненіе своихъ обязанностей мировые судьи никакого вознагражденія не получали: такой сложился обычай, впослѣдствіи пріобрѣтшій силу закона, такъ что должность *justice of peace* сдѣлалась чисто почетною, ставши притомъ возмѣщеніемъ помѣстному дворянству за потерю имъ правъ феодальнаго суда. Для рѣшенія административныхъ дѣлъ мировые судьи собирались на съѣзды, которые соединились съ болѣе древними собраніями графствъ. Важнымъ обстоятельствомъ для развитія мѣстныхъ учрежденій было, далѣе, и то, что палата общинъ была, какъ упомянуто выше, представительствомъ мѣстныхъ міровъ, какими являются графства и города: палата общинъ была для нихъ высшей инстанціей, въ которую они могли обращаться съ петиціями, и которая, разрѣшая поставленные въ петиціяхъ вопросы, издавала для этихъ мѣстныхъ общинъ особые, или частные законы. Мѣстныя учрежденія графствъ стояли, такимъ образомъ, въ извѣстной связи съ парламентомъ, выборы въ которой происходили какъ-разъ притомъ въ собраніяхъ же графствъ. Съ другой стороны, эти учрежденія стояли въ связи и низшими административными единицами, каковыми были церковные приходы, равнымъ образомъ имѣвшіе свои собранія мѣстныхъ жителей и разныхъ должностныхъ лицъ. Въ XVI в. на приходы возложена была забота о бѣдныхъ, для содержанія которыхъ былъ установленъ особый налогъ; приходы же заботились также о дорогахъ, мостахъ и т. п. Наконецъ, весь этотъ общинный строй былъ поставленъ подъ начальство мировыхъ судей.

Абсолютистская политика Тюдоровъ и Стюартовъ стремилась къ тому, чтобы ослабить независимость мѣстнаго управленія отъ центральной власти. Это достигалось двумя путями.

Во-первыхъ, въ городахъ управленіе стало сосредоточиваться въ рукахъ олигархическихъ корпорацій, пополнявшихъ свой составъ путемъ кооптаціи, а, до извѣстной степени, такому же измѣненію подверглось управленіе и въ сельскихъ приходахъ. Эта перемѣна удержалась и очень гибельно отразилась на парламентскихъ выборахъ, которые въ городахъ очутились въ полномъ распоряженіи упомянутыхъ корпорацій [1]). Во-вторыхъ, политикой правительства было подчинить себѣ всю мѣстную администрацію чрезъ такія центральныя учрежденія, какими были тайный совѣтъ и особенно знаменитая звѣздная палата [2]). Уничтоженіе послѣдней въ эпоху первой революціи и особенно вторая революція освободили мѣстную администрацію отъ центральнаго правительственнаго органа, и всѣ дѣйствія мѣстныхъ властей стали подлежать лишь компетенціи высшаго суда, въ который только и можно было приносить на нихъ жалобы. Съ этимъ вмѣстѣ изчезъ и правительственный контроль надъ мѣстнымъ управленіемъ, сдѣлавшимся, какъ и представительство въ парламентѣ, достояніемъ одного и того же общественнаго класса, т.-е. крупныхъ землевладѣльцевъ. Безвозмездность несенія обязанностей члена парламента и мирового судьи дѣлала доступными оба эти званія только богатымъ людямъ, такъ что мѣстное самоуправленіе получило чисто аристократическій характеръ, и помѣщичій классъ сдѣлался въ мѣстной жизни классомъ правящимъ, особенно въ селахъ, къ которымъ нужно причислить и гнилыя мѣстечки. Такъ дѣло продолжалось до первой парламентской реформы.

Въ своемъ мѣстѣ уже говорилось, что реформа 1832 г. была перенесеніемъ власти съ высшихъ классовъ общества на средніе [3]). Однимъ изъ первыхъ дѣлъ была отмѣна старой, невыгодной для нихъ [4]) организаціи призрѣнія бѣдныхъ, которое было передано новому центральному вѣдомству, т.-е. отнято у приходовъ и мировыхъ судей. Это было въ 1834 г., а въ слѣдующемъ году была произведена реформа городского управленія: оно было отнято у привилегированныхъ корпорацій, и въ жизнь городовъ было введено представительство всѣхъ мѣстныхъ жителей, имѣвшихъ осѣдлость въ городѣ въ

[1]) См. выше, стр. 266.
[2]) См. выше, стр. 56 и 61—62.
[3]) См. выше, стр. 311.
[4]) См. выше, стр. 311.

теченіе, по крайней мѣрѣ, трехъ лѣтъ и платившихъ мѣстные налоги, причемъ избраніе членовъ городского управленія должно было совершаться путемъ равнаго и прямого голосованія, но отъ самихъ кандидатовъ требовался извѣстный цензъ. Одновременно съ этимъ судъ былъ отдѣленъ отъ управленія, которое само было поставлено теперь подъ нѣкоторый правительственный контроль. Эта организація держится и понынѣ съ нѣкоторыми измѣненіями въ направленіи еще большей демократичности: трехлѣтній цензъ осѣдлости замѣненъ годичнымъ, и предполагается, что домовладѣлецъ въ уплачиваемыхъ имъ налогахъ вноситъ и налоговыя доли своихъ квартирантовъ. Сначала компетенція новаго городского самоуправленія была очерчена очень узко сферами муниципальнаго хозяйства и полиціи, но потомъ произошло расширеніе функцій этого самоуправленія.

Уже въ тридцатыхъ годахъ ставился-было вопросъ о реформѣ и земскаго управленія, но оно оставалось исключительно въ рукахъ среднихъ классовъ. Только послѣ третьей избирательной реформы и здѣсь была произведена демократизація управленія, состоявшая въ томъ, что дѣйствіе закона 1835 г. было распространено въ 1885 г. и на графства. Въ нихъ тоже были созданы выборные совѣты (county councils), а избирательное право (равное, прямое и тайное) распространено на всѣхъ избирателей въ парламентъ. Должность мирового судьи сохранилась, но утратила свой аристократическій характеръ: въ мировые судьи стали назначаться даже люди изъ рабочаго класса. Эта важная реформа была дополнена въ 1894 г. преобразованіемъ сельскаго (приходскаго) управленія съ особыми совѣтами (parish councils) и представительными, а въ небольшихъ общинахъ даже непосредственными собраніями. Этимъ была завершена въ Англіи муниципализація управленія, сопровождавшаяся демократизаціей самихъ муниципальныхъ учрежденій. Не забудемъ, однако, что такую задачу ставила себѣ и пыталась, но неудачно разрѣшить уже первая французская революція [1]). Франція потомъ пошла даже совсѣмъ другимъ путемъ, именно путемъ крайней централизаціи: нѣтъ, конечно, надобности говорить, какой путь болѣе соотвѣтствуетъ самой идеѣ конституціоннаго государства.

По поводу только-что указаннаго закона 1894 г., Редлихъ

[1]) См. выше, стр. 187 и 189.

авторъ лучшаго новѣйшаго труда объ англійскомъ мѣстномъ управленіи, замѣчаетъ: „такимъ образомъ, предсказаніе Токвиля о непреодолимости демократической идеи [1]) исполнилось, по крайней мѣрѣ, для Англіи еще прежде, чѣмъ XIX столѣтіе пришло къ концу“. Нельзя также въ заключеніе не привести здѣсь и слѣдующія строки того же автора о томъ, что Англія получила наконецъ истинное selfgoverment (самоуправленіе). именно „установленіе народомъ законовъ, народное правленіе посредствомъ парламента, покоящагося на (почти) всеобщемъ избирательномъ правѣ, посредствомъ полнаго подчиненія центральной власти этому послѣднему при помощи системы парламентарнаго правительства: самоуправленіе народа посредствомъ преобразованія всего внутренняго управленія въ административную дѣятельность демократически организованныхъ общинъ; наконецъ, сохраненіе правосудія, какъ функціи суда, который является совершенно независимымъ отъ парламента, правительства и административныхъ корпорацій, и юрисдикція котораго съ одинаковою силою и въ одинаковыхъ формахъ блюдетъ за всѣми юридически нормированными отношеніями общественной жизни и рѣшаетъ ихъ окончательно“ [2]). Въ этомъ смыслѣ въ настоящее время старѣйшая въ Европѣ конституція болѣе, нежели большинство другихъ современныхъ конституцій, осуществляетъ самые основные принципы народно-правового государства. Въ Европѣ въ уровень съ Англіей можно поставить одну Швейцарію, гдѣ тоже широко проведенъ принципъ народнаго самоуправленія, а внѣ Европы только конституціи молодыхъ обществъ, связанныхъ съ Англіей узами кровнаго родства. Во многихъ отношеніяхъ своимъ демократизмомъ эти общества, бывшія или настоящія колоніи Англіи, даже превзошли свою метрополію, все еще сохраняющую въ своемъ устройствѣ и слѣды средневѣкового аристократизма.

---

[1]) Ср. выше, стр. 285.

[2]) *Редлихъ*, I, 267. По поводу „сохраненія правосудія“ ср. замѣчаніе Дайси о „господствѣ права“ (см. выше, стр. 78).

ГЛАВА XXIV.

Рецепція конституціоннаго строя, ея основныя причины и общій ходъ.

Окончательный переходъ Западной Европы къ конституціонному строю въ концѣ шестидесятыхъ годовъ XIX в. и запоздалость этого процесса въ Восточной Европѣ. — Рецепція этого строя европейскими колоніями Новаго Свѣта.—Начало конституціонной жизни въ азіятскихъ деспотіяхъ.—Взаимныя отношенія конституціонныхъ заимствованій и дѣйствія внутреннихъ причинъ.—Борьба съ абсолютизмомъ и привилегіями при введеніи конституціоннаго строя. — Основныя причины вражды къ „старому порядку". — Роль среднихъ классовъ и народныхъ массъ въ исторіи политическихъ революцій.—Зависимость исхода борьбы за конституціонный строй отъ реальнаго соотношенія общественныхъ силъ. – Составленіе писанныхъ конституцій. — Воспитаніе правовымъ порядкомъ чувства свободы въ населеніи. — Роль индивидуальной свободы въ установленіи конституціоннаго строя.— Осуществленіе конституціоннымъ строемъ индивидуальной свободы. – Отношеніе конституціоннаго государства къ интересамъ труда.—Политическія партіи въ конституціонныхъ государствахъ.

Послѣднія четыре главы имѣли своею цѣлью показать читателю, какъ установились нынѣ дѣйствующія конституціи во Франціи (1875 г.), въ Италіи (1861 г.), въ Пруссіи (1850 г.), въ Германской имперіи (1871 г.) и въ Австро-Венгріи (1867 г.), а также, какія важныя перемѣны произошли въ избирательномъ правѣ Англіи (1867 и 1885). Цѣлью настоящей книги вовсе не было дать сколько-нибудь полную исторію современныхъ конституцій, дѣйствующихъ въ разныхъ странахъ, а потому читатель въ ней не найдетъ ничего по исторіи цѣлаго ряда европейскихъ конституцій, хотя бы онѣ заслуживали и величайшаго вниманія по своей демократичности, и по обезпечиваемой ими степени свободы, какова, конечно, прежде всего швейцарская конституція, получившая свой демократическій обликъ въ 1848 г. Кромѣ конституцій странъ, разсмотрѣнныхъ въ четырехъ послѣднихъ главахъ, впрочемъ, въ книгѣ кое-что говорится еще о введеніи конституціоннаго строя въ

Норвегіи [1]) въ Нидерландахъ [2]), въ разныхъ второстепенныхъ государствахъ Германіи [3]), въ Бельгіи [4]), въ Испаніи [5]), въ Португаліи [6]), въ Греціи [7]), т.-е. во всѣхъ странахъ, получившихъ конституціи до сорокъ восьмого года. Кромѣ Сардиніи и Пруссіи, перешедшихъ въ эту эпоху къ представительному строю, его въ 1849 г. получила Данія, когда-то бывшая сословной монархіей съ весьма ограниченною королевскою властью, но потомъ управлявшаяся около двухъ вѣковъ (1660—1849 г.) однимъ изъ самыхъ абсолютныхъ правительствъ [8]). Теперешняя шведская конституція существуетъ только съ 1866 г., хотя къ конституціонному режиму съ сословнымъ сеймомъ, и ранѣе существовавшимъ въ Швеціи [9]), она перешла еще въ 1809 г.: въ 1866 г. былъ изданъ „Уставъ риксдага", замѣнявшій сословное представительство народнымъ [10]). Такимъ образомъ, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ XIX в. вся Западная Европа завершила свой переходъ къ конституціонному строю, начавшійся за восемьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ французской революціей. Родоначальницей конституціонныхъ учрежденій была Англія, и о введеніи на континентѣ представительнаго строя мы можемъ говорить, какъ о его рецепціи, какъ говоримъ, наприм., о рецепціи римскаго права въ средніе вѣка.

Въ государствахъ восточной половины Европы рецепція эта тоже имѣла мѣсто, но съ значительнымъ запозданіемъ.

---

[1]) См. выше, стр. 229—230.

[2]) См. выше, стр. 241. Конституція была введена въ 1815 г., но подвергалась измѣненіямъ въ 1848 и 1887 гг.

[3]) См. выше, стр. 243—246 и 306—307. Въ нѣмецкихъ конституціяхъ тоже происходило немало перемѣнъ. Мекленбургъ доселѣ остается при сословномъ сеймѣ.

[4]) См. выше, стр. 302—306.

[5]) См. выше, стр. 313—314. Испанія семь разъ мѣняла свои конституціи (въ 1808, 1812, 1834, 1837, 1845, 1869 и 1873 гг.).

[6]) См. выше, стр. 314. Здѣсь дѣйствуетъ конституція 1826 г., то отмѣнявшаяся, то возстановлявшаяся; непрерывно дѣйствуетъ она съ 1842 г. съ дополнительными актами 1852 и 1885 гг.

[7]) См. выше, стр. 314—315.

[8]) „Помѣстье-государство", стр. 299—300 и „Западно-европейскія абсолютныя монархіи", стр. 83—84.

[9]) Стр. 300 первой и стр. 84—85 второй изъ указанныхъ книгъ.

[10]) Въ Финляндіи это произошло сорока годами позже.

Здѣсь первая страна, введшая у себя конституцію, была Греція, освободившаяся отъ турецкаго ига еще въ двадцатыхъ годахъ XIX в., причемъ образцами для ея теперешней конституціи послужили французская 1830 г. и бельгійская 1831 г. Освобожденіемъ Греціи начался процессъ вообще освобожденія христіанскихъ подданныхъ султана и образованія изъ европейскихъ владѣній Оттоманской имперіи новыхъ государствъ съ конституціоннымъ строемъ. Нынѣ дѣйствующія конституціи Румыніи, Болгаріи и Сербіи относятся къ 1866 г., 1879 г. (съ пересмотромъ въ 1893 г.) и къ 1903 г. (въ сущности, воспроизведеніе конституціи 1888 г.), но попытки введенія представительства въ первой и третьей изъ этихъ странъ дѣлались и раньше. Въ началѣ же XX в., одновременно съ Россіей, ввела у себя представительство и Черногорія. Что касается до Россіи, то о введеніи въ ней конституціи думали еще въ началѣ XIX в. лица, окружавшія Александра I, и самъ онъ говорилъ, при открытіи перваго сейма конституціоннаго Царства Польскаго въ 1818 г., что думаетъ распространить порядки свободнаго государства и на другія части имперіи. Въ 1825 г. вслѣдъ за его смертью сдѣлана была, подъ вліяніемъ западныхъ идей, попытка введенія конституціи, обычнымъ для той эпохи путемъ военнаго переворота, окончившаяся извѣстной декабрьской катастрофой. Вскорѣ послѣ этого, вслѣдствіе польскаго возстанія 1830 — 31 гг., была отмѣнена конституція Царства Польскаго, а финляндскій сеймъ не собирался съ 1809 по 1863 г. Внѣшняя политика Россіи въ XIX в. прямо была враждебна конституціонализму (участіе въ конгрессахъ двадцатыхъ годовъ, намѣреніе вмѣшаться въ европейскія дѣла въ 1830 г., подавленіе венгерской революціи въ 1849 г., а съ другой стороны, содѣйствіе введенію конституціи въ Болгаріи). Реформы шестидесятыхъ годовъ, задуманныя и проведенныя, въ общемъ, въ либеральномъ направленіи, не были, какъ того ожидали, увѣнчаны введеніемъ представительства, хотя нѣкоторый приступъ къ этому и былъ сдѣланъ въ 1881 г. Только событія 1905 г. привели къ манифесту 17 октября, въ которомъ были даны обѣщанія относительно обновленія государственнаго строя Россіи на основахъ свободы и участія народныхъ представителей въ законодательной власти.

Раньше, чѣмъ въ восточной половинѣ Европы, рецепція конституціоннаго строя началась въ европейскихъ колоніяхъ

Новаго Свѣта. Англійскіе колонисты въ Сѣверной Америкѣ уже принесли его изъ своей родины въ XVII в., осуществивъ въ жизни новыхъ поселеній многія начала, которыя въ самой Англіи были только предметомъ мечтаній меньшинства націи, оказавшагося не въ силахъ осуществить ихъ въ жизни. Въ 1776 г. англійскіе колонисты въ Сѣверной Америкѣ только отторглись отъ своей метрополіи, чтобы создать большую федеративную республику на основахъ, на которыхъ и раньше покоились ихъ учрежденія [1]). Въ началѣ XIX в. примѣру англійскихъ колоній послѣдовали колоніи испанцевъ и португальцевъ, отрѣзанныя отъ сношеній со своими метрополіями во время наполеоновскихъ войнъ. Въ эпоху реставраціи онѣ не захотѣли вернуться подъ прежнюю власть и въ двадцатыхъ годахъ организовались въ видѣ цѣлаго ряда самостоятельныхъ республикъ, кромѣ Бразиліи, которая превратилась въ имперію (1822) и только въ 1888 г. сдѣлалась республикой. Намѣреніе испанскаго правительства подавить республиканское движеніе въ Америкѣ такъ и осталось намѣреніемъ послѣ того, какъ въ самой Испаніи произошла революція 1820 г. [2]). Но этимъ республикамъ оказалось не такъ легко, какъ это было для Соединенныхъ Штатовъ, устроить свой внутренній бытъ: колонисты изъ Пиренейскаго полуострова не принесли съ собою зачатковъ свободы и самоуправленія, переходъ же колоній отъ абсолютизма къ конституціонализму повлекъ за собою, какъ и въ самой Испаніи, междоусобія и государственные перевороты [3]). Счастливѣе въ устройствѣ своего быта на началахъ свободы и представительства оказались англійскія колоніи, оставшіяся вѣрными метрополіи, хотя и занявшія съ середины XIX в. почти независимое по отношенію къ ней положеніе. Особенно быстро совершилось развитіе этихъ колоній на материкѣ Австраліи и островахъ Тасманіи и Новой Зеландіи, гдѣ настоящая культурная жизнь началась только въ XIX в. Какъ въ XVII в. въ Сѣверной Америкѣ, такъ теперь и здѣсь колоніи организовались въ самоуправляющіяся общины съ губернаторами отъ метрополіи и мѣстными парламентами [4]). Въ настоящее время это—настоящія представительныя демократіи, осу-

---

[1]) См. выше, гл. VII.

[2]) См. выше, стр. 253.

[3]) См. выше, стр. 253—254 и 313—315.

[4]) Ср. выше, стр. 134.

ществляющія въ своей государственной жизни принципы народнаго верховенства и гражданскаго равенства и даже вводящія въ эту жизнь совсѣмъ новые, въ другихъ мѣстахъ неиспытанные порядки, напр., распространеніе избирательныхъ правъ и на женщинъ [1]). Въ концѣ XIX в. эти колоніи даже образовали изъ себя (кромѣ Новой Зеландіи) большую федерацію подъ названіемъ Соединенныхъ Штатовъ Австраліи или Австралійской республики, что было въ 1900 г. утверждено англійскимъ парламентомъ. Кромѣ Австраліи и Новой Зеландіи, широкимъ внутреннимъ самоуправленіемъ пользуются также Канада и Капская колонія, въ составъ которой въ 1902 г. англичане включили послѣ войны двѣ бурскія (голландскія) республики въ Южной Африкѣ, Трансваальскую и Оранжевую, тоже получившія внутреннее самоуправленіе. Отмѣтимъ, что свободный политическій строй усвоили даже маленькія страны съ не-европейскимъ населеніемъ (Либерія въ Африкѣ, Гаити и С. Доминго въ Америкѣ).

Въ концѣ XIX и началѣ XX в. конституціонный строй началъ распространяться даже на старыя азіатскія деспотіи. Введеніе конституціи въ Турціи въ 1876 в. передъ восточною войною 1877—78 гг. въ счетъ не идетъ, ибо это была лишь дипломатическая уловка оттоманскаго правительства, чтобы воспрепятствовать вмѣшательству Европы во внутреннія дѣла Балканскаго полуострова. Серьезное значеніе имѣло, наоборотъ, пріобщеніе къ конституціоннымъ государствамъ Японіи, гдѣ сначала произошелъ государственный переворотъ въ смыслѣ возстановленія національной монархіи на счетъ своеобразнаго феодализма (1868), потомъ были проведены реформы, положившія конецъ старому кастовому устройству общества и крѣпостничеству въ сельскомъ быту, а въ 1889 г. была октроирована и конституція, обѣщанная еще въ 1881 г. [2]). Въ 1906 г. представительство ввела у себя, наконецъ, и Персія, „меджилисъ“ (парламентъ) которой съ самаго же начала при поддержкѣ народной массы сталъ вести упорную борьбу съ защитниками стараго порядка.

Современное конституціонное государство, получившее такое широкое распространеніе среди разныхъ народовъ всѣхъ частей

---

[1]) Въ Европѣ первый примѣръ этого подала Финляндія.

[2]) Ее тоже можно найти въ сборникѣ *Гессена* и *Нольде*. На ней видятъ вліяніе прусскаго образца.

свѣта, можетъ быть разсматриваемо, какъ особый типъ политическаго устройства, высшею ступенью развитія котораго является представительная демократія, соединенная съ господствомъ права и свободы. Мы знаемъ, далѣе, что всѣ современныя конституціи, какъ бы онѣ ни отклонялись отъ своего образца въ ту или другую сторону, этимъ своимъ образцомъ, или прототипомъ, имѣютъ государственное устройство Англіи [1]). Въ этомъ отношеніи современныя представительныя учрежденія мы должны рѣзко отличать отъ средневѣковыхъ, сословныхъ, которыя складывались въ каждой странѣ сами по себѣ, безъ сколько-нибудь рѣзко выраженныхъ постороннихъ вліяній, безъ какой бы то ни было предварительной теоріи [2]). Въ данномъ случаѣ, т.-е. въ дѣлѣ распространенія современныхъ конституціонныхъ учрежденій какъ-разъ большую роль играютъ заимствованіе, подражаніе существующему въ другомъ мѣстѣ образцу и планомѣрное творчество подъ руководствомъ теоріи, основанной на фактическомъ примѣрѣ.

Заимствованія одними народами у другихъ политическихъ формъ, учрежденій, законовъ — явленіе весьма обычное въ исторіи, и съ всемірно-исторической точки зрѣнія тотъ народъ имѣетъ болѣе значенія, который болѣе повліялъ на другіе народы формами своей технической, духовной и общественной культуры [3]). Но, съ другой стороны, та же исторія учитъ насъ, что потребность въ заимствованіи и самая успѣшность заимствованія предполагаютъ въ народной жизни наличность условій, при которыхъ только и можетъ возникнуть эта потребность, только и можетъ совершиться и самое заимствованіе. Говорятъ, что „примѣръ заразителенъ", и это справедливо не только по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ, но

---

[1]) Слѣдующія и дальнѣйшія строки до конца главы только воспроизводятъ съ нѣкоторыми купюрами и редакціонными измѣненіями бо́льшую часть статьи моей „Типическія черты исторіи конституціоннаго государства", помѣщенной въ „Извѣстіяхъ Спб. Политехническаго Института" (за 1908 г.) и являющейся дополненіемъ къ другой статьѣ въ томъ же изданіи (т. III) подъ заглавіемъ „Типологическая и всемірно-историческая точки зрѣнія въ изученіи исторіи" (вышла въ свѣтъ и отдѣльнымъ оттискомъ-брошюрою, 1906).

[2]) „Помѣстье-государство", главы XVII, XIX, XX, XXII.

[3]) Въ книгѣ „Монархіи древняго Востока и греко-римскаго міра" особенно подчеркивается эта сторона историческаго процесса.

и по отношенію къ цѣлымъ націямъ, но для дѣйствія какой бы то ни было „заразы“, нужно и извѣстное къ ней предрасположеніе. Если за послѣднія сто двадцать лѣтъ, начиная съ французской революціи 1789 г., одно государство за другимъ переходятъ къ конституціонному строю, то это значитъ, что въ исторіи каждаго изъ нихъ наступалъ такой моментъ, когда старое должно было уступить мѣсто новому. Существованіе образца или образцовъ этого новаго только облегчало переходъ отъ стараго къ новому, но вовсе его не вызывало, какую бы силу мы ни приписывали заразительности примѣра. Если въ настоящее время въ разныхъ государствахъ мы наблюдаемъ болѣе или менѣе сходныя политическія формы, то, помимо фактора подражанія извѣстнымъ конституціоннымъ образцамъ, мы должны признать и дѣйствіе внутреннихъ факторовъ въ жизни каждаго народа, а разъ это дѣйствіе клонится къ одному и тому же результату, то въ объясненіи нами этого общаго явленія должна быть примѣнена формула: „одинаковыя причины влекутъ за собою одинаковыя слѣдствія“. Въ исторіи можно лишь гадать о томъ, что было бы въ томъ случаѣ, если бы не было того-то и того-то, да и гадать-то очень мудрено. Мы не можемъ, напримѣръ, сказать, какое государственное устройство получила бы Японія, если бы не было не только прусскаго, но и никакого другого образца конституціи, но зато мы можемъ сказать, что никакъ не существованіемъ такихъ образцовъ обусловился переходъ Японіи отъ абсолютизма къ представительной системѣ. Разъ существуетъ общая конституціонная форма, переходъ къ ней отдѣльныхъ націй обусловливается все-таки внутренними ихъ процессами, и разъ эти внутренніе процессы ставятъ ихъ передъ одною и тою же необходимостью, значитъ, и самые эти процессы болѣе или менѣе одинаковы.

Первое, на что мы въ указанномъ отношеніи должны обратить вниманіе, это—то, что современныя конституціи отнюдь не являются продуктами органическаго развитія прежнихъ началъ государственной и общественной жизни, а, наоборотъ, суть результаты ихъ отрицанія и, слѣдовательно, самымъ своимъ возникновеніемъ отмѣчаютъ глубокіе перевороты въ народной жизни. Другая общая черта — та, что отрицаніе прошлаго совершалось во имя нѣкоторой общей теоріи, которая, въ свою очередь, являлась не только чисто абстрактнымъ произведеніемъ политической мысли, но и обобщеніемъ, и воз-

веденіемъ въ принципъ нѣкоторыхъ уже осуществленныхъ въ жизни образцовъ. Французская революція 1789 г. была началомъ рецепціи на материкѣ представительнаго правленія, безсословнаго гражданства и гарантій индивидуальной свободы, выработанныхъ англійскою жизнью, и, съ своей стороны, Франція показала примѣръ, которому стали подражать другіе народы. Наконецъ, если одни и тѣ же принципы, одни и тѣ же учрежденія не только оказались способными возбудить къ себѣ сочувствіе разныхъ народовъ, но и, будучи ими приняты, смогли упрочиться въ ихъ жизни, то это указываетъ лишь на то, что въ жизни этихъ народовъ совершались перемѣны, которыя приводили ихъ къ необходимости принимать извѣстныя политическія и общественныя формы. Существованіе готовыхъ образцовъ, повторяемъ, лишь облегчало эти переходы. Вотъ почему мы находимъ извѣстныя черты сходства не только въ устройствѣ современныхъ конституціонныхъ государствъ, но и извѣстныя общія, скажемъ, прямо типическія черты въ ихъ политической и соціальной эволюціи [1]).

Въ порядкѣ исторической преемственности политическихъ формъ конституціонное государство обыкновенно смѣняетъ собою абсолютную монархію. При этомъ конституціонализмъ вовсе не является дальнѣйшимъ развитіемъ абсолютизма, а наоборотъ, его противоположностью, и перемѣна, заключающаяся въ переходѣ отъ одного режима къ другому, поэтому представляетъ собою примѣръ не эволюціи, а революціи. Мы стали бы называть этимъ именемъ данную перемѣну и въ томъ случаѣ, если бы отказъ отъ неограниченной власти всегда совершался по собственной иниціативѣ и доброй волѣ государей, ибо здѣсь происходилъ не логическій выводъ одного принципа изъ другого, а замѣна одного другимъ, уничтожающая старое начало и вводящая на его мѣсто новое. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ (исключенія представлены, главнымъ образомъ, бывшими американскими колоніями) введеніе конституціоннаго строя сохраняло монархическую власть, но придавало ей новый характеръ. При абсолютизмѣ лицо монарха, такъ сказать, воплощало въ себѣ коллективную лич-

---

[1]) Ср. еще старые взгляды Аристотеля и Полибія, полагавшихъ, что въ исторіи переходовъ отъ одного политическаго устройства къ другому есть своя, говоря современнымъ языкомъ, закономѣрная послѣдовательность. „Государство-городъ", стр. 93—94.

ность государства, тогда какъ въ конституціонномъ строѣ оно является лишь носителемъ одного изъ органовъ, посредствомъ которыхъ эта коллективная личность проявляетъ свою волю. Абсолютизмъ знаетъ только подданныхъ, изъ которыхъ каждый является лишь объектомъ властвованія государства, конституція же создаетъ гражданъ, которые чрезъ своихъ представителей принимаютъ участіе въ этомъ властвованіи, такъ какъ и представительство тоже есть одинъ изъ органовъ для проявленія воли коллективнаго цѣлаго, именуемаго государствомъ. Въ Европѣ лишь въ видѣ исключенія и въ силу особыхъ мѣстныхъ причинъ существуетъ республиканская форма, возобладавшая, наоборотъ, въ Америкѣ, гдѣ и прежде не было мѣстной королевской власти. Въ сущности, однако, ограниченная власть конституціоннаго монарха нѣкоторыми своими сторонами стоитъ ближе къ власти президента республики, чѣмъ къ власти самодержца въ неограниченной монархіи. Во всякомъ случаѣ эволюція конституціонализма совершается въ смыслѣ все большаго и большаго удаленія монархической власти отъ абсолютизма и приближенія ея къ значенію главы государства въ такихъ странахъ, гдѣ нѣтъ традиціонной королевской власти.

Другая общая черта исторіи конституціоннаго режима та, что введеніе его было результатомъ прямой борьбы противъ абсолютизма. Это, прежде всего, справедливо относительно исторіи англійской конституціи, гдѣ великая хартія 1215 г. отмѣчаетъ начало этой борьбы, конецъ которой кладетъ лишь вторая англійская революція 1689 г. Черезъ сто лѣтъ послѣ нея, въ 1789 г., французская революція открываетъ собою на материкѣ цѣлый рядъ другихъ революцій, ставившихъ своею цѣлью завоеваніе политической свободы. Правда, есть октроированныя конституціи, но и онѣ на самомъ дѣлѣ являются большею частью не добровольными, а вынужденными уступками власти. У современныхъ представительныхъ учрежденій уже были раньше прецеденты въ видѣ средневѣковыхъ сословныхъ сеймовъ, и лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ теперешнія представительныя учрежденія непосредственно связаны съ этими сословными сеймами: примѣръ — англійскій парламентъ, общее же правило—то, что всѣ эти сеймы были сокрушены абсолютизмомъ, и новое представительство пришлось основывать на новыхъ же началахъ, развитіе которыхъ уже было до извѣстной степени осуществлено англійскимъ парламентомъ. Какъ

извѣстно, причина непрочности средневѣковыхъ сословно-представительныхъ учрежденій заключалась главнымъ образомъ въ ихъ сословномъ характерѣ: народъ не былъ заинтересованъ въ поддержкѣ собраній, въ которыхъ засѣдали преимущественно угнетавшіе его „господа", и сами члены этихъ собраній, раздѣленные на сословныя палаты, хлопотали лишь объ интересахъ отдѣльныхъ сословій, своими распрями постоянно содѣйствуя росту королевской власти. Паденіе средневѣковыхъ государственныхъ сеймовъ и введеніе въ современныя конституціи начала національнаго представительства знаменуютъ собою еще одну перемѣну въ исторіи общества, а именно: паденіе въ немъ сословнаго строя. По отношенію къ нему предшествовавшая современному режиму абсолютная монархія держалась двойственной тактики, всячески принижая привилегированныя сословія въ политическомъ отношеніи и въ то же время оставляя въ полномъ обладаніи высшихъ сословій ихъ соціальныя привилегіи. Въ эпоху полнаго развитія стараго порядка абсолютизмъ королевской власти до того сросся съ соціальными привилегіями высшихъ сословій, что образовалась какъ-бы единая система, въ основѣ которой лежалъ союзъ главы государства со знатью, самъ какъ-бы основанный на молчаливомъ договорѣ относительно обоюднаго раздѣла власти и ея матеріальныхъ выгодъ. Абсолютизмъ и сословныя привилегіи до такой степени именно сростались между собою въ одно неразрывное цѣлое, что нападеніе революціи дѣлалось всегда на обѣ стороны этой системы, и что въ борьбѣ съ революціей, равнымъ образомъ, оба участника союза были обыкновенно вполнѣ солидарны. Въ своемъ сопротивленіи новому строю представители абсолютизма не только проявляли нежеланіе поступиться неограниченной властью, но обнаружили и ту тѣсную традиціонную связь, которая образовалась между самимъ абсолютизмомъ и сохранявшимися подъ его охраною привилегіями. Все это далеко не значитъ, чтобы между абсолютизмомъ и сословными привилегіями никогда не происходило никакого тренія. Каждый разъ, какъ привилегированные затрогивались королевскою властью въ своихъ правахъ и интересахъ, они безъ особыхъ затрудненій выступали на путь политической оппозиціи и даже заявляли себя противниками абсолютизма, повторяя при этомъ лозунги либеральной политической литературы: такъ и было въ тѣхъ странахъ, гдѣ въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма государственная власть предпринимала

враждебным дворянству и духовенству реформы. Да и первый примѣръ активного сопротивленія правительству во Франціи передъ взрывомъ революціи подали привилегированные, которые и въ своихъ наказахъ депутатамъ въ генеральные штаты 1789 г. стояли на точкѣ зрѣнія ограниченной монархіи. Но одновременное нападеніе сторонниковъ новаго строя и на абсолютизмъ, и на привилегіи только скрѣпляло старый союзъ и придало ему продолжительную прочность. Какъ привилегированные увидѣли въ абсолютной власти короля лучшую гарантію неприкосновенности своего положенія, своихъ привилегій, своихъ интересовъ, такъ и сама королевская власть какъ-разъ въ этихъ консервативныхъ элементахъ общества стала полагать главную свою опору въ борьбѣ съ новыми идеями и стремленіями другихъ классахъ.

Новое движеніе вездѣ вдохновлялось не только идеей свободы, но и идеей равенства, да и самая свобода понималась въ смыслѣ освобожденія не только отъ абсолютизма и его бюрократическихъ агентовъ, но и отъ господства знати, какъ и самая идея равенства заключала въ себѣ требованіе равноправія не только въ области гражданскихъ отношеній, но и въ политической жизни. Французская революція была одинаково враждебна и произволу старой власти, и несправедливости старыхъ привилегій. Защитники старины объединились въ общемъ дѣлѣ борьбы съ приверженцами новыхъ идей; въ этомъ союзѣ съ привилегированными, главнымъ образомъ, даже и заключалась причина крушенія монархіи во Франціи въ эпоху первой революціи. Другія революціи, происходившія на Западѣ въ двадцатыхъ, тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ XIX в.,— гдѣ только онѣ были направлены противъ абсолютизма,—стремились обыкновенно осуществить и требованія, вытекавшія изъ принципа гражданскаго равноправія. Полную программу этихъ пожеланій создала еще французская революція, провозгласивъ отмѣну всѣхъ сословныхъ привилегій, равенство всѣхъ передъ закономъ, передъ судомъ и передъ налогами, одинаковую для всѣхъ доступность государственныхъ должностей, прекращеніе власти помѣщиковъ надъ личностью и достояніемъ крестьянина, уничтоженіе крѣпостничества и т. п. И впослѣдствіи, гдѣ политическая революція, направленная противъ абсолютизма, встрѣчала еще неотмѣненными прежнія феодально-крѣпостническія отношенія, она предпринимала немедленную ихъ ликвидацію. Такъ было, напримѣръ, въ Австріи,

гдѣ революція 1848 г., вскорѣ побѣжденная союзомъ старыхъ силъ, успѣла, однако, совершить ликвидацію прежнихъ помѣщичье-крестьянскихъ отношеній. Это соединеніе борьбы за новый государственный строй, основанный на свободѣ, съ борьбою за гражданское равноправіе объединяло въ одномъ общемъ дѣлѣ и средніе классы общества, и крестьянскую массу, и рабочій людъ городовъ. Политическая сторона революцій всегда и въ особенности на первыхъ порахъ выдвигалась на первый планъ больше имущими и просвѣщенными классами общества, силу же революціи въ общественныхъ низахъ составляли ея требованія соціальнаго характера. Одно политическое движеніе, исходившее изъ среднихъ классовъ,—что можно сказать, главнымъ образомъ, о южно-романскихъ революціяхъ 1820 г.,—не сопровождаемое стремленіемъ къ соціальнымъ реформамъ въ народныхъ массахъ, обыкновенно не давало сколько-нибудь прочныхъ результатовъ. Равнымъ образомъ, когда массы отставали отъ движенія, въ случаѣ ли разочарованія или усталости, или же когда достигали удовлетворенія наиболѣе элементарныхъ своихъ требованій, это тоже ослабляло силу движенія, какъ ослаблялось оно и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ части общества, принимавшей участіе въ движеніи, возникала реакція противъ другой такой же части. Конституціонный строй не только не устанавливался безъ борьбы съ представителями стараго порядка, но и далеко не всегда одерживалъ надъ ними побѣду. Исторія XIX вѣка знаетъ цѣлый рядъ феодально-абсолютистическихъ реакцій, приводившихъ даже къ болѣе или менѣе долговременному торжеству отжившихъ свое время принциповъ и порядковъ. Достаточно вспомнить введеніе въ Испаніи въ 1812 г. конституціи и ея отмѣну въ 1814 г., возстановленіе ея въ 1820 г. и вторичную отмѣну въ 1823 г. и т. д. или вообще исторію 1848—1849 гг., когда сразу было введено и вскорѣ затѣмъ отмѣнено нѣсколько конституцій. Если побѣда реакціи выражалась не въ полной реставраціи абсолютизма и сословнаго строя, то она принимала форму искаженія конституціонныхъ началъ путемъ внесенія въ конституціи такихъ постановленій, которыя должны были закрѣплять въ новомъ строѣ какъ можно болѣе изъ того, что составляло сущность стараго порядка.

Была еще одна общественная сила, оказывавшая сопротивленіе введенію новаго строя, — церковь. Въ протестантскихъ странахъ, еще со временемъ реформаціи, церковь нахо-

дилась въ подчиненіи у государства, и духовенство играло роль такого же орудія власти, какими были чиновничество и войско. Въ католическихъ странахъ по отношенію къ государству духовенство стояло болѣе независимо, и попытки подчинить его всецѣло свѣтской власти на-подобіе того, что было въ протестантскихъ странахъ, встрѣчали отпоръ. Политика абсолютизма по отношенію къ католическому духовенству напоминаетъ намъ политику королей по отношенію къ феодальному дворянству. Это было крайне ревнивое отношеніе къ политическому значенію клира и всяческое обереганіе его вліятельнаго положенія въ обществѣ. Католическое духовенство входило въ составъ привилегированнаго класса и пользовалось даже такими преимуществами, какихъ не было у дворянства. Новый строй, бывшій отрицаніемъ абсолютной власти, которая охраняла права церкви, разрушавшій также сословныя привилегіи и феодальныя права духовенства, даже посягавшій на его собственность и стремившійся, наконецъ, къ водворенію духовной свободы, въ которой церковь видѣла одну изъ величайшихъ для себя опасностей,—этотъ новый строй, конечно, не могъ пользоваться расположеніемъ клира, въ которомъ поэтому тоже была одна изъ силъ сопротивленія новому порядку вещей, отожествлявшему себя съ политической свободой и гражданскимъ равенствомъ. Духовенство, подобно дворянству, также стало смотрѣть на абсолютизмъ, какъ на лучшую гарантію неприкосновенности своего соціальнаго положенія, своей власти, своего вліянія, своего матеріальнаго достоянія. Съ своей стороны и абсолютизмъ цѣнилъ въ духовенствѣ его консерватизмъ и искалъ въ немъ ту опору, какой не могли дать ни дворянство, ни бюрократія, ни армія, именно—опору моральнаго авторитета, основаннаго на религіозныхъ вѣрованіяхъ народныхъ массъ.

Основныя причины недовольства абсолютнымъ режимомъ, заставлявшаго стремиться къ ограниченію королевской власти при помощи народнаго представительства, заключались въ самомъ этомъ режимѣ, въ его наиболѣе характерныхъ проявленіяхъ и слѣдствіяхъ. Это былъ, во-первыхъ, тотъ гнетъ правительственнаго произвола, который непосредственно давалъ себя чувствовать и тѣмъ самымъ вызывалъ противъ себя недовольство, а во-вторыхъ, это было дурное веденіе государственныхъ дѣлъ, къ какому въ концѣ концовъ приводило слишкомъ долгое господство абсолютизма, тоже неблагопріятно отзывав-

шееся на народной жизни своими послѣдствіями какъ для отдѣльныхъ лицъ, такъ и для цѣлыхъ общественныхъ группъ и для самого національнаго существованія. Въ той оппозиціи, которая возникала противъ абсолютизма, общественная свобода должна была представляться и благомъ сама по себѣ, и наилучшимъ средствомъ для устраненія золъ, удручавшихъ общество. Можно даже сказать, что въ этомъ второмъ своемъ значеніи свобода была всегда и понятнѣе, и дороже для большинства тѣхъ, кто старался ее завоевать. Когда люди начинали сознавать причинную связь между абсолютизмомъ и всѣми непорядками государственной и общественной жизни, они приходили къ той мысли, что для уврачеванія всѣхъ золъ имъ нужно взять въ собственныя свои руки веденіе дѣлъ, которыя абсолютизмъ при помощи одной бюрократіи велъ такъ дурно, не умѣя во время предпринять необходимыя преобразованія или даже ставя на пути необходимѣйшихъ реформъ непреодолимыя препоны. Французская революція 1789 г., кажущаяся намъ такимъ чистымъ порывомъ къ свободѣ, была вызвана главнымъ образомъ полнымъ разстройствомъ всего правительственнаго механизма, тяжело отзывавшимся и на всѣхъ сторонахъ жизни самого общественнаго организма. О введеніи конституціи въ Пруссіи заговорили въ связи съ необходимостью другихъ реформъ впервые послѣ того, какъ несостоятельность стараго порядка въ государствѣ Фридриха Великаго была доказана іенской катастрофой. Такихъ примѣровъ исторія знаетъ вообще немало. Въ подобныхъ случаяхъ въ вину правительству ставилось всегда на первомъ планѣ то, что въ своемъ прежнемъ видѣ оно болѣе не способно осуществлять свои государственныя задачи, исполнять свой національный долгъ, управлять обществомъ съ пользой для него, удовлетворять назрѣвающія въ немъ нужды, прислушиваться къ требованіямъ преобразованій, настоятельно выдвигаемыхъ самою жизнью. Эти жалобы давали особый вѣсъ и особую силу въ сознаніи большинства недовольству отсутствіемъ свободы, которое этимъ большинствомъ чувствовалось обыкновенно не такъ непосредственно, какъ болѣе культурнымъ меньшинствомъ. Въ періоды общественныхъ преобразованій, удовлетворяющихъ стремленія большинства, особенно сильно проявляется порываніе къ свободѣ, если преобразованія совершаются путемъ свободной самодѣятельности, но разъ указанныя стремленія удовлетворены, повышенное свободолюбіе усту-

паетъ обыкновенно мѣсто болѣе равнодушному отношенію къ свободѣ. Свобода, такимъ образомъ, въ конституціонныхъ движеніяхъ является и сама по себѣ цѣлью, и только средствомъ для достиженія другихъ общественыхъ цѣлей. Исторія всѣхъ революцій новѣйшаго времени, начиная съ французской, показываетъ, что изъ двухъ этихъ пониманій свободы главная дѣйственная роль принадлежала всегда второму, и что наибольшую вину абсолютизма, когда народъ становился къ нему въ оппозицію, видѣли не столько въ томъ, что онъ лишаетъ общество свободы, сколько въ томъ, что онъ дурно ведетъ правительственное дѣло, которое, несомнѣнно, должно было пойти лучше въ рукахъ самихъ заинтересованныхъ, какъ они были въ этомъ убѣждены.

Государство стараго порядка было организовано такъ, что хотя привилегированныя сословія и не пользовались непосредственно политическою властью, но находились подъ особымъ ея покровительствомъ и оказывали на нее вліяніе къ ущербу интересовъ другихъ общественныхъ элементовъ. Борьба, какую съ привилегированными начали еще въ средніе вѣка средніе классы въ лицѣ горожанъ, сначала толкала эти классы въ объятія королевской власти, которую они усиливали своею поддержкою въ надеждѣ имѣть въ ней союзницу противъ привилегированныхъ. Надежда эта, благодаря двойственной политикѣ королей относительно привилегированныхъ, исполнилась только на половину, но средніе классы долгое время все-таки возлагали надежду на то, что абсолютизмъ исполнитъ и вторую половину задачи: отсюда популярность идеи просвѣщеннаго абсолютизма въ бюргерскихъ кругахъ. Только обманутая надежда привела мало-по-малу средніе классы общества къ той мысли, что для сокрушенія тягостныхъ и обидныхъ привилегій, для установленія равноправія, для осуществленія выясняющихся стремленій общества путь лежитъ черезъ пріобрѣтеніе участія во власти. Начавши добиваться ограниченія королевскихъ правъ народнымъ представительствомъ, они хотѣли измѣнить самый характеръ старой власти, сдѣлать ее болѣе народною, превративъ ее въ органъ народныхъ интересовъ изъ охранительницы аристократическихъ привилегій, какою она являлась прежде. Какъ ни думали при этомъ средніе классы о собственныхъ интересахъ, они защищали вмѣстѣ съ тѣмъ и интересы всѣхъ остальныхъ непривилегированныхъ, поскольку добивались равноправія и отмѣны несправедливыхъ и вредныхъ при-

XVIII в. создали у себя чисто демократическую конституцію, но попытка Франціи въ эпоху революціи создать и у себя такую конституцію окончилась неудачею. Сильное проявленіе демократическихъ стремленій въ Западной Европѣ началось лишь въ тридцатыхъ годахъ, когда параллельно съ политической оппозиціей демократіи и сначала независимо отъ нея развивалась противъ той же буржуазіи другая, равнымъ образомъ демократическая оппозиція, но характера соціальнаго, съ лозунгомъ не переустройства государства, а пересозданія самаго общества на новыхъ экономическихъ началахъ. Тотъ же самый экономическій переворотъ, который создалъ современную капиталистическую форму производства, вызвалъ на историческую сцену соціализмъ, какъ совершенно новое требованіе коренной реформы экономическихъ отношеній, идущей гораздо далѣе общихъ требованій конституціоннаго строя [1]).

Въ политической борьбѣ, имѣвшей предметомъ для однихъ введеніе конституціоннаго строя, для другихъ сохраненіе стараго порядка, наблюдаются мѣстныя и временныя перипетіи побѣдъ и пораженій. И новый строй далеко не всегда побѣждалъ, да и прежній порядокъ не всегда испытывалъ пораженія, причемъ и побѣды эти, и пораженія бывали обыкновенно частичными, неполными. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ исходъ борьбы опредѣлялся реальнымъ соотношеніемъ боровшихся между собою общественныхъ силъ, каковыми являлись представители стараго порядка, т.-е. опирающаяся на бюрократію и на вооруженныя силы королевская власть, церковь и земельная аристократія, съ одной стороны, а съ другой, поборники новаго строя, средніе, зажиточные и образованные классы общества, сознательно проводившіе въ жизнь идеалы конституціонной свободы, и народныя массы городовъ и селъ, больше стремившіяся къ реформамъ въ гражданскомъ строѣ. Въ перипетіяхъ этой борьбы бывали случаи дезорганизаціи военныхъ силъ государства, съ характеромъ симптомовъ внутренняго крушенія стараго порядка, случаи перехода войскъ на сторону революціи и братанія солдатъ съ народомъ, случаи,

---

[1]) Во времена борьбы бѣдныхъ противъ богатыхъ въ античныхъ политіяхъ, когда послѣдними во многихъ случаяхъ уже осуществились принципы политической демократіи, тоже возникали свои соціалистическія ученія, исходными пунктами которыхъ были сами же принципы демократіи. „Государство-городъ“, гл. XIV.

общества на предпринимателей-капиталистовъ и наемныхъ рабочихъ-пролетаріевъ. Этотъ крупный фактъ новѣйшей соціальной исторіи не могъ, конечно, не отразиться и на судьбахъ новаго народнаго правового государства. Утвержденіе конституціоннаго строя всегда знаменовало собою побѣду средняго сословія надъ обладателями старыхъ привилегій, которая и заключалась сама въ этомъ введеніи новаго политическаго порядка, но съ другой стороны, эта самая побѣда приводила къ полному и частичному политическому господству этой же самой буржуазіи, соціально уже господствовавшей надъ народной массой. Здѣсь мы наблюдаемъ до извѣстной степени то же самое, что въ античныхъ республикахъ представляла собою тимократія послѣ низверженія аристократіи, но еще до утвержденія демократіи [1]). Среднее сословіе использовало политическую побѣду въ своихъ исключительныхъ интересахъ не только для того, чтобы избавиться отъ господства знати, но и для того, чтобы самому занять ея господствующее положеніе. Это была пора недовѣрія къ свободолюбію демократіи, въ эпоху революціи послужившей лишь опорой для демагогической диктатуры, а потомъ для наполеоновскаго цезаризма. Въ этихъ обстоятельствахъ лежали причины введенія во многія конституціи болѣе или менѣе высокаго имущественнаго ценза, какъ необходимаго условія для пользованія правомъ избранія представителей. Французская революція въ эпоху республики сдѣлала-было попытку провозглашенія всеобщаго избирательнаго права, но конституціи первой половины XIX в. усвоили принципъ имущественнаго ценза, исключавшій изъ пользованія избирательными правами большинство населенія. Сдержкою для буржуазіи, но сдержкою консервативною, служили только аристократическія верхнія палаты, которыя вообще вводились въ конституціи XIX в. по англійскому образцу для лучшей защиты старыхъ аристократическихъ интересовъ. Все это было, конечно, искаженіемъ настоящей идеи народнаго представительства, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и служило этапомъ къ установленію болѣе демократическихъ порядковъ. Политическое преобладаніе буржуазіи въ свою очередь не могло не вызвать противъ себя демократической оппозиціи, которая играла столь видную роль въ революціяхъ середины XIX в. Соединенные Штаты Сѣверной Америки еще въ концѣ

[1]) „Государство-городъ“, стр. 92 и слѣд.

могъ быть осуществленъ, и въ нихъ удержана была исключительная зависимость правительства отъ главы государства.

Компромиссное происхожденіе имѣютъ въ новыхъ конституціяхъ и наслѣдственныя верхнія палаты. Первообразомъ ихъ была англійская верхняя палата, всегда бывшая оплотомъ аристократическихъ интересовъ. Составители первой французской конституціи отвергли мысль объ образованіи какой бы то ни было верхней палаты, но въ конституціяхъ первой половины XIX в. становится уже общимъ правиломъ образованіе верхнихъ палатъ наслѣдственно-аристократическаго состава и потому строго консервативнаго направленія. Тѣ же соображенія консерватизма имѣли результатомъ введеніе высокаго избирательнаго ценза: если съ кѣмъ прежніе привилегированные и готовы были, хотя и поневолѣ, дѣлиться правами, вліяніемъ и властью, то лишь съ наиболѣе близкими къ аристократіи элементами общества. Буржуазія принимала цензовую систему и даже сама содѣйствовала ея введенію отчасти потому, что по опыту французской революціи и наполеоновской имперіи, какъ сказано выше, не очень-то довѣряла свободолюбію демократіи, отчасти и, конечно, болѣе всего потому, что видѣла въ участіи во власти орудіе для защиты или проведенія въ жизнь своихъ классовыхъ интересовъ.

Тотъ результатъ, къ которому приводило реальное соотношеніе силъ въ данное время, формально закрѣплялся въ видѣ писанной конституціи, какъ основного государственнаго закона. Понятіе основныхъ законовъ, довольно, впрочемъ, шаткое и неопредѣленное, существовало еще при абсолютизмѣ, и это понятіе, сдѣлавъ его болѣе точнымъ и наполнивъ его болѣе богатымъ содержаніемъ, усвоили себѣ всѣ конституціонныя движенія, начиная съ сѣверо-американской и французской революціи. Англія, прародина конституціонализма, какъ извѣстно, не знаетъ различія между основными (конституціонными) и обыкновенными, или простыми законами, и въ ней также нѣтъ писанной конституціи. Англійскій политическій строй создавался вѣками, и ея государственное право складывалось постепенно изъ отдѣльныхъ законодательныхъ актовъ и цѣлой массы прецедентовъ и обычаевъ. При быстромъ переходѣ отъ абсолютизма къ свободѣ, когда приходилось сразу создавать новый государственный строй и новое государственное право, ничего не оставалось дѣлать, какъ сочинить и занести на бумагу конституцію, объявить ее основнымъ закономъ, стоящимъ

иногда выше всѣхъ обыкновенныхъ, или простыхъ законовъ, обставить пересмотръ и измѣненіе этого закона особыми сроками и формальностями, сдѣлавъ при этомъ, какъ необходимое слѣдствіе изъ всего предыдущаго, различіе между учредительными и простыми законодательными собраніями и властями. Конечно, это не придавало писаннымъ конституціямъ ни особой авторитетности на дѣлѣ, ни особой прочности и неизмѣнности. Когда между наличнымъ соотношеніемъ реальныхъ силъ общества и конституціоннымъ актомъ, закрѣплявшимъ извѣстное соотношеніе, возникало несоотвѣтствіе (если только его не было уже въ моментъ составленія конституціи), писанная конституція не переживала возникавшаго на такой почвѣ конфликта. Съ другой стороны, по мѣрѣ того, какъ та или другая писанная конституція упрочивалась въ жизни, она въ то же время и сама упрочивала создавшее ее реальное взаимоотношеніе общественныхъ силъ, пріучая вмѣстѣ съ тѣмъ борящіеся между собою общественные интересы разрѣшать свои споры не путемъ силы, а путемъ права.

Одною изъ задачъ, какія вездѣ и всегда ставились введенію конституціоннаго строя, была замѣна произвола власти и ея агентовъ царствомъ закона, иначе говоря, правовой порядокъ. Образцовымъ государствомъ, въ которомъ господство права является однимъ изъ главныхъ устоевъ свободной политической жизни, является Англія, при всемъ отсутствіи въ ней спеціальныхъ законовъ, ограждающихъ личную свободу, какіе со временъ французской революціи вносятся въ континентальныя конституціи. Англійское господство права есть не что иное, какъ продуктъ долгаго воспитанія какъ самой націи, такъ и представителей публичной власти въ идеяхъ, настроеніяхъ и привычкахъ, создаваемыхъ свободою. Бѣда конституціонныхъ государствъ, образовавшихся въ новѣйшее время изъ абсолютныхъ монархій, заключается въ томъ, что въ нихъ не было и не могло быть воспитанія населенія въ любви къ свободѣ и въ уваженіи къ праву. Воспитательное дѣйствіе стараго порядка на населеніе должно было, наоборотъ, давать противоположные результаты. Введеніемъ конституціи создавались новые порядки, при которыхъ должны были бы господствовать свобода и право, но люди оставались съ результатами стараго воспитанія въ атмосферѣ произвола и беззаконія. Въ политикѣ нерѣдко случалось то же самое, что въ эпоху реформаціи сплошь и рядомъ происходило въ области религіи, когда

хотѣли свободы совѣсти, вѣротерпимости только для себя, отказывая въ ней другимъ. Двѣ вещи разныя—стремленіе къ свободѣ ради нея самой, какъ къ благу самому въ себѣ, на которое право принадлежитъ одинаково всѣмъ, и стремленіе къ свободѣ ради заключающейся въ ней выгоды, какъ средства для достиженія другихъ цѣлей, ставимыхъ человѣкомъ въ исключительномъ желаніи собственнаго благополучія. Осуществленію свободы въ жизни въ эпохи введенія новаго строя въ разныхъ странахъ мѣшали не только тѣ общественные классы, которымъ политическая свобода была невыгодна, но и тѣ, которые желали использовать свободу въ исключительныхъ интересахъ той или другой соціальной группы. Борьба однихъ за свободу, другихъ противъ свободы, какъ мы видѣли, во многихъ случаяхъ скрывала за собою борьбу за новый или старый строй жизни. Какъ и свобода, равнымъ образомъ и власть бываетъ предметомъ стремленій или ради нея самой, или ради того, что и она, т.-е. власть — одно изъ самыхъ выгодныхъ средствъ для осуществленія другихъ своихъ желаній. Старый порядокъ не могъ воспитывать людей въ чувствахъ свободы, прививать къ ней вкусъ ради нея самой, внушать уваженіе къ праву каждой личности на свободу, но онъ за то воспитывалъ въ однихъ инстинкты власти, въ другихъ инстинкты повиновенія, воспитывалъ во взглядѣ на свободу, какъ на одинъ изъ аттрибутовъ власти, воспитывалъ въ отношеніи къ свободѣ, какъ къ чему-то цѣнному лишь тогда, когда она прямо выгодна, и требующему подавленія тамъ, гдѣ она грозитъ чѣмъ-либо непріятнымъ или вреднымъ. Цѣлыя общественныя движенія, цѣлыя партіи относились иногда къ свободѣ именно такимъ образомъ, не уважая ея въ другихъ, не признавая права на нее за своими противниками, отказываясь сами отъ нея, когда она въ чужихъ рукахъ могла бы повредить тѣмъ или другимъ интересамъ тѣхъ, которые отказывались отъ нея. Свобода бывала хороша, пока при ея помощи можно было создавать себѣ новое, болѣе выгодное положеніе, но ею не прочь бывали и пожертвовать, разъ этимъ же самымъ средствомъ и другіе, къ невыгодѣ для создавшихъ себѣ хорошее положеніе, стремились измѣнить въ болѣе выгодную для себя сторону только-что установившіеся порядки. При этомъ же отношеніи къ свободѣ легко совершается отказъ отъ нея равнымъ образомъ и не въ силу таящейся въ ней опасности, но вслѣдствіе разочарованія въ ней, разъ она не приносила

того, чего отъ нея ждали. Такое отношеніе къ свободѣ всегда было прекрасною почвою для торжества реакціи, но иного отношенія и не могло быть въ странахъ, гдѣ абсолютизмъ убивалъ въ населеніи самый духъ свободы. Съ другой стороны, меньше всего реакціонные элементы могли имѣть успѣха тамъ, гдѣ свободолюбіе вошло уже въ плоть и кровь населенія. Если любовь къ свободѣ ради нея самой—лучшее условіе для утвержденія свободнаго политическаго строя, то вмѣстѣ съ тѣмъ лишь свободный политическій строй, наиболѣе удалившійся отъ традицій и привычекъ абсолютизма, воспитываетъ въ населеніи чувство свободы, а въ представителяхъ власти уваженіе къ праву. Исторія Англіи и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ—лучшая иллюстрація того, какъ свободныя учрежденія поддерживаются свободнымъ духомъ населенія, и какъ самъ этотъ свободный духъ поддерживается свободными учрежденіями. Тѣ же Англія и Соединенные Штаты своей исторіей показываютъ, что политическая свобода, охраняемая народнымъ представительствомъ, является лишь куполомъ зданія, основы котораго составляютъ самоуправляющіяся общины. Абсолютизмъ оставилъ конституціонному государству въ наслѣдство выработанную имъ административную централизацію, загубившую ростки мѣстнаго самоуправленія временъ феодализма и сословной монархіи. Между тѣмъ сами либералы иногда (во Франціи) являлись противниками мѣстной свободы, опасаясь вліянія привилегированныхъ въ селахъ, и даже прославляли административную централизацію, какъ одно изъ драгоцѣннѣйшихъ пріобрѣтеній революціи, которому „завидуетъ вся Европа“, — тоже примѣръ отношенія къ свободѣ исключительно съ точки зрѣнія ея выгодности или невыгодности для извѣстныхъ интересовъ. Наконецъ, случаи сохраненія бюрократическаго строя въ мѣстномъ управленіи при введеніи общественной самодѣятельности въ организацію центральной власти являются примѣромъ тоже компромисса между старымъ и новымъ въ жизни государства.

Отъ представительнаго участія въ государственной власти и гражданскаго равноправія мы должны отличать въ конституціонномъ строѣ осуществленіе индивидуальной свободы, какъ одну изъ основныхъ задачъ этого строя. Въ борьбѣ со старымъ порядкомъ свобода добывалась не только, какъ нѣчто, нужное для осуществленія другихъ цѣлей, но и какъ нѣчто, цѣнное само по себѣ. И государство стараго порядка призна-

вало извѣстныя личныя права за своими подданными, но только въ отношеніяхъ подданныхъ между собою, а не въ ихъ отношеніяхъ къ государству. Старый порядокъ выдвигалъ на первый планъ права, интересы, потребности того цѣлаго, которое называется государствомъ, и съ этой точки зрѣнія государство пользовалось неограниченною властью надъ личностью, и личность подданнаго закрѣпощалась за государствомъ, должна была имъ всецѣло, безъ остатка поглощаться. По отношенію къ властямъ она не пользовалась неприкосновенностью, которую само же государство брало подъ свою защиту въ случаяхъ ея нарушенія третьими лицами. Для вящшаго обезпеченія за собою безусловнаго господства государство ревниво относилось ко всѣмъ общественнымъ союзамъ, которые возникали не по его иниціативѣ или обнаруживали тенденцію къ независимому отъ государства осуществленію своихъ собственныхъ, не государствомъ продиктованныхъ цѣлей. Все, что вытекаетъ изъ духовныхъ потребностей личности, въ чемъ выражается ея творчество въ области духа, чѣмъ наполняется ея внутренній міръ, и что составляетъ неотъемлемое состояніе индивидуальнаго *я*, хотя бы и пассивно имъ воспринятое изъ окружающей культурной среды, все это, т.-е. и религія, и философія, и наука, и литература, и искусство разсматривались, какъ орудія, которыми государство должно пользоваться для осуществленія своихъ цѣлей или, по крайней мѣрѣ, какъ сферы личной и общественной жизни, гдѣ не должно было, для благополучія самого же государства, существовать свободы, и куда власть должна была постоянно вмѣшиваться путемъ всепроникающаго надзора, всеобъемлющей опеки, всеустраивающей регламентаціи. Государство должно было стремиться къ славѣ, могуществу и богатству, чтобы съ достоинствомъ занимать свое мѣсто среди сосѣдей, но одновременно съ этимъ государство считало себя тѣмъ сильнѣе, чѣмъ слабѣе было общество; богатство государства въ смыслѣ хорошаго наполненія казны могло существовать и существовало на счетъ народной бѣдности, а славѣ государства, въ смыслѣ побѣды и одолѣнія надъ врагами, казалось, нисколько не могли противорѣчить безславіе внутренняго рабства, отрицаніе внутренняго достоинства за составляющими государство человѣческими единицами [1]).

---

[1]) См. „Западно-европейскія абсолютныя монархіи“, passim.

Такое положеніе дѣлъ возможно было лишь вслѣдствіе слабаго развитія въ населеніи того, что можно назвать явленіями болѣе высокаго личнаго развитія, сознанія каждымъ индивидуумомъ своего нравственнаго достоинства, чувства личной независимости, любви къ свободѣ, въ качествѣ одного изъ инстинктовъ природы. По мѣрѣ духовнаго роста личности, по мѣрѣ культурнаго развитія общества на почвѣ этого роста такой порядокъ, какой только-что былъ изображенъ, дѣлается все менѣе и менѣе возможнымъ, потому что все менѣе и менѣе находитъ способныхъ людей, готовыхъ ему служить, все болѣе и болѣе встрѣчаетъ въ обществѣ сопротивленія. Съ культурнымъ прогрессомъ общества тотъ соціальный матеріалъ, изъ котораго государственность абсолютизма строила свое политическое зданіе, съ каждымъ новымъ шагомъ впередъ и уменьшается, и ухудшается, все болѣе и болѣе сводясь къ однимъ низамъ всѣхъ классовъ общества, гдѣ только царятъ умственная темнота, огрубѣлость нравственнаго чувства и погоня за одной выгодой. Въ этихъ свойствахъ, воспитывавшихся старымъ режимомъ въ народныхъ массахъ, реакція, предпринимавшаяся привилегированными сословіями, всегда находила удобную среду для агитаціи въ пользу стараго строя, причемъ разжигались вѣроисповѣдныя, племенныя, даже классовыя страсти, и всѣ общественныя бѣдствія вмѣнялись въ вину врагамъ стараго порядка. По той же самой причинѣ реакціонныя силы всегда съ большою враждебностью относились къ просвѣщенію народныхъ массъ, усматривая въ ихъ невѣжествѣ одну изъ лучшихъ гарантій спокойствія и порядка. Наоборотъ, совершающійся въ обществѣ духовный ростъ личности, процессъ котораго, зародившись на общественныхъ верхахъ, постепенно проникаетъ и въ общественные низы,—выставляетъ, какъ одно изъ своихъ требованій, содѣйствіе культурному прогрессу, т.-е. развитію и распространенію знаній, и притомъ не только потому, что знанія составляютъ силу въ жизненной борьбѣ, но и потому, что къ ихъ пріобрѣтенію и вообще къ обладанію истиной стремится сама духовная природа личности.

Въ борьбѣ за новый политическій строй, за идеалъ народно-правового государства стремленіе къ личной свободѣ и къ духовному развитію личности играетъ вполнѣ самостоятельную роль. Только умственная близорукость могла подсказывать нѣкоторымъ защитникамъ народныхъ интересовъ тотъ взглядъ, будто требованія духовной свободы суть классовыя требованія

сытыхъ. Если ранѣе всего потребность въ этой свободѣ была сознана, и важность ея оцѣнена въ извѣстныхъ слояхъ общества, то вслѣдствіе непосредственно не бо́льшей сытости этихъ слоевъ, а бо́льшей ихъ образованности. Въ болѣе доступной народнымъ массамъ религіозной культурѣ, когда,—что наблюдается особенно въ эпоху реформаціи,—возникали новыя вѣроисповѣданія, на защиту правъ вѣрующей совѣсти съ одинаковымъ рвеніемъ ополчались и дворяне, и мѣщане, и крестьяне. Научная культура новѣйшаго времени распространяется сверху внизъ, захватывая въ кругъ національной интеллигенціи все наиболѣе способное къ духовному развитію, все, стремящееся къ свѣту знанія во всѣхъ слояхъ общества, а вмѣстѣ съ этимъ все болѣе, до самыхъ низовъ общества, распространяется сознаніе нравственнаго достоинства личности, ея пра̀ва на неприкосновенность, на духовную свободу и на независимую отъ какой бы то ни было ненужной опеки и регламентаціи дѣятельность.

Первою сферою, въ которой произошло столкновеніе между государственною властью и личною свободою, была, какъ извѣстно, сфера религіозной вѣры. Вѣрующая совѣсть, дошедшая въ передовыхъ проявленіяхъ протестантизма до сознанія своей истинной сущности, установила взглядъ на религію, какъ на интимное дѣло индивидуальной души, тогда какъ государственная власть съ весьма значительною частью, а иногда и съ подавляющимъ большинствомъ общества,—когда оно держалось одной вѣры съ властью,—смотрѣла на религію, какъ на орудіе власти, требовала единовѣрія подданныхъ; если она и допускала вѣротерпимость, то часто только вынужденная къ этому жестокими религіозными войнами, да и то полагая, что въ каждомъ случаѣ уступка дѣлалась по милости государства, а никакъ не была признаніемъ за подданными права вѣрить, какъ кому угодно. Взглядъ на религію, главнымъ образомъ, какъ на своего рода общественную спайку, нужную для единства и прочности государства, былъ усвоенъ даже нѣкоторыми проповѣдниками и работниками свободнаго политическаго строя: первое учредительное собраніе во Франціи устраивало особую государственную церковь, а конвентъ даже вводилъ свои новыя гражданскія религіи. Съ другой стороны, конституціонная Англія сохранила свою установленную государствомъ церковь, и только такъ называемая эманципація католиковъ, совершившаяся въ 1829 г., предоставила привер-

женцамъ римской церкви право выбираться въ члены парламента. Только съ большимъ трудомъ пролагалъ въ сознаніе людей и находилъ осуществленіе въ политической жизни тотъ взглядъ, что каждый долженъ пользоваться полною свободою вѣры, и что политическія и гражданскія права личности отнюдь не должны опредѣляться или ограничиваться принадлежностью къ какому-либо вѣроисповѣданію. Конституціонный строй впервые провозгласилъ принципъ свободы совѣсти, какъ прирожденнаго и неотъемлемаго права личности, и вытекающее отсюда равноправіе лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ исповѣданіямъ, и гарантировалъ эту свободу даже при существованіи государственной церкви, какъ это наблюдается въ большинствѣ странъ съ конституціоннымъ строемъ. Нѣкоторыя государства пошли дальше: Соединенные Штаты Сѣверной Америки съ самаго начала своего существованія не знали и теперь не знаютъ ничего, похожаго на государственную церковь; подобное же отдѣленіе церкви отъ государства началось-было и во Франціи въ эпоху директоріальной конституціи (1795), чтобы осуществиться, однако, лишь сто слишкомъ лѣтъ спустя, въ началѣ XX столѣтія.

Конституціонное государство признало рядомъ со свободою вѣры и другія свободы, которыхъ не было и не могло быть при абсолютизмѣ, и которыя, опять-таки были постепенно завоеваны обществомъ въ борьбѣ съ государственною властью и притомъ иногда вопреки самимъ же представительнымъ учрежденіямъ. Свободы эти всѣ извѣстны: это свобода научнаго изслѣдованія, свобода слова, свобода печати, свобода собраній, свобода союзовъ. У стараго порядка противъ этого вида личной свободы—высказывать то, что думаешь, было въ распоряженіи оружіе цензуры, противъ которой, въ защиту свободы печати, были выставлены еще въ серединѣ XVII в. аргументы во имя правъ личности и блага общества, но если въ Англіи въ концѣ этого столѣтія и была парламентомъ отмѣнена цензура, то еще очень долгое время парламентъ смотрѣлъ, какъ на преступленіе, подлежащее строгому наказанію, на всякое обнародованіе того, что происходитъ въ палатахъ, не говоря уже о свободной критикѣ происходящаго. Только посредствомъ упорной борьбы англійская пресса сломила во второй половинѣ XVIII в. эту преграду, ставившуюся народнымъ представительствомъ свободному выраженію общественой мысли. Еще позже, въ первой половинѣ XIX в. и тоже путемъ упорной

борьбы добивалась англійская нація права собраній (митинговъ), котораго еще не знаетъ въ своемъ перечисленіи свободъ декларація правъ человѣка и гражданина временъ французской революціи. Не знаетъ равнымъ образомъ эта декларація и права союзовъ, которое и въ Англіи было завоевано только позднѣе. Французская революція тоже унаслѣдовала отъ стараго порядка нерасположеніе къ корпораціямъ, находя, что онѣ стѣсняютъ индивидуальную свободу. Въ своемъ стремленіи защитить эту свободу отъ какихъ бы то ни было узъ, боясь внесенія въ новые союзы стараго духа, законодательство революціи, такъ сказать, распыляло общество на индивидуальные атомы, чѣмъ лишало гражданъ силы сопротивленія государственному всемогуществу.

Всѣ эти права современныя конституціи болѣе или менѣе считаютъ себя обязанными гарантировать гражданамъ, какъ гарантируютъ особыми узаконеніями личную неприкосновенность гражданъ, свободу отъ произвольныхъ арестовъ, или отъ чрезвычайныхъ судовъ и т. п., хотя большей части этихъ гарантій далеко до англійскаго habeas-corpus act'a, дѣйствительно обезпечивающаго личную неприкосновенность самымъ вѣрнымъ способомъ независимой судебной защиты. Французская революція въ своихъ декларацiяхъ правъ человѣка и гражданина сдѣлала первую въ Европѣ попытку перечисленія и обобщенія принадлежащихъ личности свободъ. Позднѣйшія конституціи уже не заключали въ себѣ такихъ торжественныхъ объявленій, но и все-таки въ нихъ мы находимъ отдѣлы объ основныхъ правахъ гражданъ съ указаніями на личную неприкосновенность и на разные виды той свободы личности, которая заключается въ ея правѣ по-своему вѣрить, по-своему думать, публично высказывать свои мысли, распространять ихъ посредствомъ печатнаго станка, встрѣчаться вмѣстѣ съ другими для взаимнаго обмѣна мыслей и соединяться съ другими для постояннаго духовнаго общенія въ сферахъ религіи, науки, общественныхъ вопросовъ и для достиженія общихъ цѣлей или защиты общихъ интересовъ въ разныхъ областяхъ практической, главнымъ образомъ, профессіональной дѣятельности. Идеаломъ конституціоннаго государства является и свободное самоопредѣленіе народностей, составляющихъ его населеніе. Въ исторіи борьбы за разные виды свободы, сводившейся къ отстаиванію невмѣшательства государства въ отдѣльныя стороны жизни и дѣятельности гражданъ, особое мѣсто получилъ

вопросъ о невмѣшательствѣ государства въ экономическія отношенія общества. Теоретики политическаго либерализма рядомъ съ такими свободами, какъ свобода вѣры или свобода печати, ставили еще „свободу промышленности", выводя и ее изъ основного права личности на свободное самоопредѣленіе, и имъ вторили экономисты, доказывавшіе общественную полезность „свободы промышленности" и безцѣльность, даже вредъ правительственнаго вмѣшательства въ эту сферу. Это была естественная реакція противъ той системы вмѣшательства, опеки и регламентаціи, которая господствовала при старомъ порядкѣ. Когда въ эпоху французской революціи стали падать всѣ старыя законодательныя стѣсненія свободы труда и промышленности, дѣйствительно несправедливыя и вредныя, казалось, что только этого и нужно было для улучшенія матеріальнаго быта народныхъ массъ. Теоретики экономической свободы долго вѣрили въ существованіе гармоніи интересовъ, лишь бы каждому, какъ лучшему судьѣ собственной пользы, была предоставлена свобода по-своему распоряжаться своими силами, своимъ трудомъ, своимъ временемъ, своимъ имуществомъ безъ стѣсненій со стороны не только государства, но и частныхъ „коалицій" въ родѣ старыхъ цеховъ. Дѣйствительность не оправдала этихъ надеждъ и ожиданій—своими экономическими кризисами съ долговременными безработицами, чрезвычайнымъ развитіемъ пауперизма въ рабочей средѣ и т. п., да и само ученіе о гармоніи интересовъ было теоретически подорвано. Доктрина о правильности и выгодности государственнаго невмѣшательства въ экономическую сферу жизни общества особенно охотно поддерживалась промышленною буржуазіей, такъ какъ на практикѣ экономическая свобода выражалась въ свободѣ капитала диктовать свои условія труду и эксплуатировать его въ свою пользу безъ какихъ бы то ни было стѣсненій. Противниками промышленной свободы въ началѣ XIX в. выступили, съ одной стороны, сторонники старыхъ отжившихъ государственныхъ и хозяйственныхъ формъ, къ которымъ не было возврата, съ другой—соціальные новаторы, придумывавшіе разныя системы для планомѣрно-общественнаго веденія хозяйства съ устраненіемъ изъ этой области соціальной жизни частнаго предпринимательства, свободной конкурренціи и анархіи производства, равно какъ съ коренною перемѣною взаимныхъ отношеній труда и капитала, съ возвращеніемъ труду обладанія орудіями производства, съ болѣе справед-

ливымъ распредѣленіемъ продуктовъ производства, съ лучшимъ вознагражденіемъ труда. Теорія полезности и справедливости государственнаго невмѣшательства до такой степени обнаружила свою несостоятельность, что мало-по-малу растеряла своихъ послѣдователей, и за государствомъ было признано право ограждать интересы трудящихся массъ и работать надъ ихъ экономическою эманципаціей [1]).

Отмѣтимъ еще, что борьба за конституціонный строй была всегда дѣломъ политическихъ партій. Свободная политическая жизнь всегда шла по пути, проложенному въ Англіи кавалерами и круглоголовыми, пресвитеріанами и индепендентами, торіями и вигами, а во Франціи—фельянами, жирондистами, и якобинцами. Въ началѣ французской революціи патріоты всячески стремились убѣдить другихъ въ томъ, что не принадлежатъ ни къ какимъ партіямъ, но съ тѣхъ поръ многое измѣнилось, и жизнь политическихъ партій получила широкое развитіе. Партіи въ настоящее время являются постоянными политическими организаціями и притомъ не только однихъ народныхъ представителей въ парламентахъ, но и общественныхъ силъ въ каждой странѣ, и охватываютъ не только лицъ, имѣющихъ право выбирать представителей, но и всѣхъ сочувствующихъ данной партіи, нерѣдко несущихъ на себѣ ту или другую работу въ пользу партіи. Такая организація мыслима только подъ условіемъ опредѣленныхъ партійныхъ идеологій, т.-е. болѣе или менѣе разработанныхъ программъ въ широкомъ смыслѣ слова, подъ условіемъ существованія партійной прессы, выясняющей конечныя цѣли и ближайшія задачи пар-

---

[1]) Въ демократически настроенныхъ кругахъ Франціи возникали направленія мысли, крайне враждебныя принципу свободы вообще, какъ принципу „буржуазному",—направленія, въ которыхъ индивидуализму, какъ принципу антисоціальному или антидемократическому, протополагались принципы братства и равенства, при чемъ истинный демократическій строй, основанный на равенствѣ, противополагался „буржуазному" государству, основанному на свободѣ. Интересно, что такихъ направленій не возникало ни въ Англіи, ни въ Америкѣ, гдѣ индивидуальная свобода была давно осуществлена и въ нравахъ, и въ порядкахъ жизни, и гдѣ потому не могло возникать печальныхъ недоразумѣній на счетъ противоположности индивидуализма и эгалитаризма, какъ будто общество роковымъ образомъ должно выбирать между свободою личности безъ равноправія и равноправіемъ безъ свободы личности.

тіи и пріемы ея политической дѣятельности, оцѣнивающей съ извѣстной точки зрѣнія текущія событія, распространяющей идеи партіи въ обществѣ, и подъ условіемъ, наконецъ, образованія въ партіяхъ точно установленныхъ органовъ, которые рѣшаютъ всѣ вопросы партійной жизни и такъ или иначе направляютъ партійную дѣятельность. Каждая развитая партія представляетъ собою одно политическое цѣлое, связанное общностью идей, стремленій, дѣйствій, вытекающею отсюда внутреннею дисциплиною и придающею всему этому прочность и стройность организаціею съ ея собраніями членовъ, делегатскими съѣздами и іерархіей распорядительныхъ и исполнительныхъ комитетовъ. Партіи формируютъ общественное мнѣніе, руководятъ выборами, ведутъ парламентскую борьбу, а въ странахъ, гдѣ конституціонный режимъ достигаетъ высшей степени своего развитія, побѣда той или другой партіи сопровождается установленіемъ соотвѣтственнаго правительства, въ смыслѣ врученія исполнительной власти вождямъ или избранникамъ побѣдившей партіи. Партійныя раздѣленія общества въ зависимости отъ личныхъ міровоззрѣній, темпераментовъ, интересовъ и общественныхъ связей отдѣльныхъ лицъ, особенно же отъ принадлежности ихъ къ тѣмъ или другимъ соціальнымъ группамъ—племеннымъ, вѣроисповѣднымъ, сословнымъ или классовымъ и проффессіональнымъ, существуютъ въ каждомъ государственномъ строѣ, но только въ конституціонномъ строѣ эти раздѣленія могутъ охватывать наибольшее количество членовъ общества, предаваться свободному самоопредѣленію, открыто пропагандировать свои принципы, безпрепятственно вербовать новыхъ членовъ и принимать такимъ путемъ правильное и закономѣрное участіе въ общественной жизни. Партіи въ современномъ государствѣ, это—неписанная часть конституцій отдѣльныхъ государствъ, органы проявленія реальнаго соотношенія силъ въ каждый данный моментъ политической жизни страны, общественные союзы внутренней борьбы мнѣній, настроеній, интересовъ способами, какіе даются правомъ и свободой, а не простою силою власти. Чѣмъ ближе государство къ конституціонному идеалу и чѣмъ свободнѣе и правомѣрнѣе въ немъ партійная организація общественныхъ силъ, тѣмъ менѣе въ немъ возможны произвольныя и насильственныя дѣйствія тѣхъ, кому въ данный моментъ соотношеніе общественныхъ силъ вручаетъ обладаніе властью, и тѣмъ менѣе, равнымъ образомъ, можетъ рождаться

въ отдѣльныхъ партіяхъ стремленіе къ дѣйствіямъ, противнымъ идеалу права и свободы.

ГЛАВА XXV.

Идеологія конституціоннаго государства въ серединѣ XIX вѣка [1]).

Общій взглядъ на идеологію народно-правового государства.—Исторія идеи народовластія и германская теорія государственнаго права. — Положеніе науки государственнаго права въ конституціонномъ государствѣ.—Политическія идеи Милля и ихъ вліяніе на реформы второй половины XIX в.—Ученіе Лоренца Штейна о соціальной королевской власти.—Взгляды Лассаля на сущность конституціи и на всеобщее избирательное право.—Демократическія тенденціи политическихъ теорій XIX в.

Каждый государственный строй, въ отдѣльности взятый, имѣетъ свою идеологію, какъ имѣетъ ее и каждый политическій типъ [2]). Въ сущности, въ отдѣльныхъ случаяхъ политическая идеологія есть не что иное, какъ обобщеніе дѣйствительности, обнаруженіе основныхъ ея чертъ, возведеніе этихъ чертъ на степень принциповъ, критика съ точки зрѣнія послѣднихъ всего того, что имъ противорѣчитъ, и извлеченіе изъ этихъ принциповъ новыхъ требованій, еще только подлежащихъ осуществленію въ жизни. Типъ постепенно развивающагося въ послѣднія времена государства тоже имѣетъ свою идеологію, развивающуюся параллельно съ развитіемъ самаго типа, иногда лишь позднѣе подводящую итоги подъ совершившимися перемѣнами, иногда, наоборотъ, предваряющую эти перемѣны, предсказывающую ихъ или творчески пролагающую новые пути. Отъ сочиненій монархомаховъ XVI в. и англійскихъ круглоголовыхъ XVII в. до самыхъ послѣднихъ трактатовъ по

---

[1]) Начало этой главы взято изъ статьи, указанной выше (стр. 440) съ нѣкоторыми къ ней, впрочемъ, добавленіями.

[2]) Идеологіи государства-города, эллинистическихъ царствъ, Римской имперіи, сословной и абсолютной монархіи Запада и т. п., о чемъ см. въ другихъ типологическихъ курсахъ.

государственному праву мы имѣемъ цѣлый рядъ произведеній политической литературы, въ которыхъ разрабатывалась идея свободнаго государственнаго устройства и между которыми существуетъ преемственная связь. Развитіе народно-правового государства въ дѣйствительности и развитіе идеологіи этого государства, исторія фактовъ и исторія идей, это—два параллельные процесса, находящіеся, однако, въ непрерывномъ взаимодѣйствіи. Политическія идеи возникали подъ вліяніемъ фактовъ, каково бы ни было — положительное или отрицательное — отношеніе этихъ идей къ фактамъ, и факты же заставляли потомъ вносить въ принятыя формулы разныя измѣненія, поправки, ограниченія, дополненія и т. п., хотя, съ другой стороны, въ преемственности ученій замѣчается и своя внутренняя послѣдовательность, какъ будто бы это былъ и чисто логическій процессъ. Филіація идей имѣетъ свою логику, какъ бы на нее ни вліяли съ своей стороны факты жизни, и благодаря этому однѣ идеи порождаютъ другія, совсѣмъ новыя, еще не находившія выраженія въ жизни, но зато вызывающія новые факты, т.-е. оказывающія вліяніе на жизнь. Эволюція фактическихъ отношеній тоже идетъ своимъ чередомъ, подъ давленіемъ непосредственныхъ потребностей жизни, но и въ этотъ причинный общественный процессъ вторгается отдѣльными своими моментами идейно-логическое развитіе изслѣдующей и творческой мысли, давая совершающимся перемѣнамъ извѣстное, хотя бы и невѣрное истолкованіе и направленіе. Въ этомъ взаимодѣйствіи теоріи и практики, идей и фактовъ, абстрактныхъ построеній мысли и реальныхъ отношеній дѣйствительности идеологія нерѣдко можетъ заводить жизнь на ошибочные пути, съ которыхъ потомъ приходится сворачивать въ сторону и даже отступать назадъ до того пункта, гдѣ началась ошибка, но и сама жизнь заводитъ идеологію иногда на невѣрныя дороги, подсказывая на основаніи тѣхъ или другихъ постороннихъ стремленію къ истинѣ соображеній извѣстныя рѣшенія теоретическихъ вопросовъ, правильно рѣшаемыхъ только путемъ чистыхъ логическихъ доказательствъ. Единственный коррективъ для достиженія теоріей государства возможно большей безошибочности въ обоснованіи практическихъ совѣтовъ и возможно большей вѣрности въ пониманіи дѣйствительности заключается въ примѣненіи къ изученію государственнаго права чисто научныхъ методовъ.

„Наука и ея ученія свободны“, провозглашаетъ современ-

ное конституціонное государство, и это значитъ, что для него въ наукѣ нѣтъ, не можетъ и не должно быть никакого „государственнаго догмата“, какъ нѣтъ его, такого государственнаго догмата, не можетъ, не должно быть и въ религіи. Абсолютизмъ тоже имѣлъ свою идеологію, т.-е. свою теорію государственнаго права, и въ абсолютномъ государствѣ это былъ своего рода обязательный политическій догматъ, не требующій даже доказательствъ, непреложная истина, огражденная отъ критики. Теорія конституціоннаго государства, приспособляющаяся къ данному въ данной странѣ результату реальнаго соотношенія силъ, является измѣною не только по отношенію къ наукѣ, которая не терпитъ такихъ приспособленій, но и по отношенію къ идеѣ конституціоннаго государства, не имѣющаго ни малѣйшаго права навязывать наукѣ какія-либо догматическія рѣшенія теоретическихъ вопросовъ.

Разработка вопросовъ конституціоннаго права, первоначально, главнымъ образомъ, на теологической основѣ, началась для новой Европы въ сочиненіяхъ оппозиціонныхъ политическихъ писателей XVI и XVII вв. Уже здѣсь мы находимъ и защиту политическихъ правъ населенія, и идеи гражданскаго равноправія, и принципъ индивидуальной свободы въ дѣлахъ вѣры и т. п. Продолженіе и дальнѣйшее развитіе, но уже на почвѣ метафизической теоріи естественнаго права, идей защитниковъ политической свободы XVI и XVII вв. связано съ именами цѣлаго ряда писателей XVIII и XIX вв., изъ которыхъ одни подготовляли французскую революцію, другіе подводили ей и всему ею вызванному движенію критическіе итоги. Все это были теоретики свободы, болѣе или менѣе всегда озабоченные тѣмъ, чтобы люди пользовались независимостью отъ произвольной власти и вели сами свои дѣла, и въ виду этого рекомендовавшіе извѣстныя практическія мѣры. Введеніе на материкѣ Европы, въ началѣ XIX в., представительнаго правленія возбудило въ обществѣ интересъ къ его возникновенію въ сословной формѣ еще въ средніе вѣка, къ причинамъ его упадка, къ исторіи англійскаго парламента, который избѣжалъ этой участи, въ частности, къ исторіи обѣихъ англійскихъ революцій, къ прошлому третьяго сословія, ведшему борьбу противъ феодализма и абсолютизма, къ французской революціи, наконецъ, какъ началу конституціоннаго движенія на континентѣ. Чисто теоретическое обоснованіе народно-правового государства стало дополняться историческимъ изученіемъ его

происхожденія, условій его образованія, борьбы за его осуществленіе, послѣдствій его введенія, всѣхъ перипетій въ его судьбахъ, всѣхъ побѣдъ и пораженій, ложныхъ шаговъ и ошибокъ; только при обиліи фактическаго матеріала и критическомъ отношеніи къ идеологіи возможна настоящая, вполнѣ научная теорія конституціоннаго государства.

Въ своей довольно-таки длинной исторіи идея принадлежности верховной власти народу пережила нѣсколько стадій, принимая каждый разъ особый характеръ и каждый же разъ служа основою для очень различныхъ практическихъ выводовъ. Еще въ средніе вѣка къ этой идеѣ прибѣгали защитники самостоятельнаго значенія свѣтской власти и ея независимости отъ главы церкви, разъ государь получалъ всѣ свои права и полномочія отъ народа, а не отъ папы. Нѣсколько позднѣе, въ эпоху католической реакціи, признаніемъ такого чисто человѣческаго происхожденія свѣтской власти теоретики теократическаго взгляда хотѣли, наоборотъ, ее унизить въ сравненіи съ богоустановленною властью папскою. Въ томъ же историческомъ періодѣ монархомахи обосновывали на идеѣ народовластія сословную монархію, именно уча, что народъ переноситъ свою власть на государя путемъ заключенія съ нимъ договора. Одни, далѣе, выводили принадлежность верховной власти народу изъ того, что говорится въ Библіи о созданіи человѣка по образу и подобію Божію, другіе — изъ изначальнаго общественнаго договора, заключаемаго людьми въ силу ихъ собственнаго естественнаго права; но если одинъ теоретикъ естественнаго права (Локкъ) училъ, что народъ потенціально удерживаетъ за собою эту власть и послѣ того, какъ путемъ договора съ государемъ устанавливаетъ надъ собой правительство, то другой (Гоббзъ) понималъ дѣло такъ, что, устанавливая правительство, народъ разъ навсегда и всецѣло переноситъ на него всѣ права верховной власти, — идея, которая лежала и въ основѣ теоріи просвѣщеннаго абсолютизма. Если, кромѣ того, для однихъ теорія народовластія не исключала монархическаго начала въ договорномъ его толкованіи, то другіе изъ нея дѣлали только республиканскій выводъ. Если еще, равнымъ образомъ, одни считали нужнымъ изъять изъ дѣйствія народнаго верховенства, наприм., вѣрующую совѣсть личности, тѣмъ самымъ налагая на суверенную власть народа извѣстное ограниченіе (Вэнъ), то другіе, наоборотъ, не допускали никакихъ ограниченій по отношенію къ этой власти, которой

предоставляли и установленіе гражданской религіи. Кульминаціоннаго пункта въ исторіи своихъ перипетій эта идея достигла у Руссо, подъ сильнымъ вліяніемъ теоріи котораго находилась первая французская революція. Позднѣйшіе критики этой теоріи справедливо указывали на то, что въ такомъ пониманіи народовластіе являлось не чѣмъ инымъ, какъ перенесеніемъ всей полноты неограниченной, непогрѣшимой и безотвѣтственной власти королей Божіею милостью на новаго самодержца, какимъ сталъ народъ, и прибавляли къ этому, что основа заключающагося здѣсь прегрѣшенія противъ идеи свободы заключалась въ направленіи своего гнѣва на злоупотребленія властью противъ ея прежнихъ обладателей, а не противъ нея самой по себѣ, лишь въ желаніи ея перемѣщенія, когда нужно было, собственно говоря, ни въ какомъ случаѣ и ни за кѣмъ не признавать такой власти, которая имѣла бы право на все. Съ разными поправками, сравнительно съ ученіемъ Руссо, идея народовластія удержалась въ одной части теорій конституціоннаго права (во Франціи), тогда какъ другая часть (въ Германіи) стремилась доказать, что и при конституціонномъ режимѣ истиннымъ и единственнымъ носителемъ верховной власти является монархъ; иные же теоретики государственнаго права (именно англійскіе) держатся блэкстоновскаго ученія о парламентѣ съ королемъ, какъ обладателѣ абсолютной деспотической власти, а еще иные готовы видѣть въ какихъ бы то ни было людяхъ или учрежденіяхъ только отдѣльные органы суверенита, принадлежащаго конституціонному государству въ его цѣломъ, какъ государству, признающему надъ собою одно только господство права.

Въ этомъ отношеніи на пониманіи самыхъ основъ конституціоннаго государства сказалось вліяніе историческихъ традицій отдѣльныхъ націй. Наприм., новѣйшее германское государственное право народилось въ эпоху реставраціи, цѣлью которой было какъ можно только больше спасти изъ стараго порядка. Настоящимъ источникомъ нѣмецкихъ конституцій была французская хартія 1814 г., въ которой подчеркивалось, во-первыхъ, пожалованіе ея королемъ, или ея „дарованность“ сверху, а во-вторыхъ, сохраненіе за королевскою властью, и при введеніи новыхъ учрежденій, всей полноты ея прежнихъ правъ [1]). Послѣдняя точка зрѣнія была проведена и въ вѣн-

[1]) См. выше, стр. 232—233.

скомъ заключительномъ актѣ 1820 г.: вся государственная власть должна была оставаться соединенной въ главѣ государства [1]). Такое происхожденіе германскихъ конституцій отразилось и на теоріяхъ нѣмецкихъ ученыхъ. Наприм., прусскій государствовѣдъ Борнгакъ училъ, что въ Пруссіи субъектомъ и источникомъ всякой власти и при конституціи является король. Для него государство и властитель (Herrscher) суть тожественныя понятія; что же касается до народнаго представительства, то въ немъ Борнгакъ усматривалъ лишь объектъ и средство властвованіи, принадлежащаго королю. По его ученію, государь въ конституціи, которую онъ жалуетъ своимъ подданнымъ, лишь опредѣляетъ тѣ формы, въ какихъ выражается его воля, какъ юридической личности, т. е. даетъ понять, что выраженія его воли въ другихъ формахъ не могутъ быть дѣйствительнымъ выраженіемъ его воли, какъ личности, представляющей собою государство. У баварскаго государствовѣда Зейделя территорія и народонаселеніе тоже являются объектомъ властвованія суверена, каковымъ онъ считаетъ короля, видя въ его властительной силѣ источникъ общаго правопорядка и всякихъ правъ. Онъ особенно настаивалъ на томъ, что королевская власть не исходитъ изъ какого-либо высшаго источника, и на томъ, что не власть государя имѣетъ свое основаніе въ конституціи, а совершенно обратно—сила конституціи имѣетъ свое основаніе во власти государя. Въ такихъ заявленіяхъ двухъ видныхъ нѣмецкихъ государствовѣдовъ нельзя не обнаружить съ перваго же взгляда стремленія ихъ сохранить въ теоріи старую, абсолютистическую точку зрѣнія, но въ то же время они вынуждены были различать въ обладателѣ всей полноты верховной власти юридическую личность, представляющую собою государство. и частное лицо. Наприм., Борнгакъ смотрѣлъ на возможныя противоконституціонныя дѣйствія короля, какъ на дѣйствія не носителя суверенитета, а именно какъ частнаго человѣка. Зейдель равнымъ образомъ подчеркивалъ, что верховная власть, безраздѣльно принадлежащая королю, не есть его частная собственность, но принадлежность государства, представляемаго королемъ, какъ государемъ. Другими словами, и эти нѣмецкіе государствовѣды приходили въ концѣ концовъ къ тому взгляду, что есть независимо отъ государя существующая юридическая личность

[1]) См. выше, стр. 242.

самого государства, и что король, въ качествѣ представителя этой юридической личности государства, не можетъ быть совершенно свободнымъ отъ такихъ юридическихъ нормъ, которыя не зависятъ отъ его воли. Во всѣхъ подобныхъ теоріяхъ тоже нельзя не видѣть извѣстнаго компромисса между старыми и новыми идеями. Позднѣйшіе изслѣдователи государственнаго права основательно стали указывать на то, что лишь въ моментъ установленія конституціонныхъ нормъ онѣ были волеизъявленіемъ государя, но что дарованность этихъ нормъ, указывая лишь на ихъ историческое происхожденіе, отнюдь не лишаетъ ихъ обязательности и для самого короля. Практическій результатъ отсюда получался тотъ же, что и при установленіи конституціи путемъ соглашенія, или договора между монархомъ и народомъ, лежащаго въ основѣ англійской конституціи, равно какъ въ случаяхъ, когда государь признаётся пользующимся властью по волѣ народа. Такіе теоретики конституціоннаго государства, какъ Борнгакъ и Зейдель, впадали въ невольныя противорѣчія съ самими же собою, поскольку признавали конституціоннаго короля связаннымъ правовыми нормами, ибо такой король уже не можетъ разсматриваться, какъ единственный носитель верховной власти. Съ другой стороны, они не отрицали и за народнымъ представительствомъ значенія органа государственной власти, хотя бы только вспомогательнаго, второстепеннаго, созданнаго королевскою властью, которая наложила на себя ограниченіе собственными же своими законами и въ предѣлахъ, какіе сама нашла нужными, истинная же воля государства заключается, по ихъ мнѣнію, въ королевской санкціи законовъ, вырабатываемыхъ народнымъ представительствомъ. Болѣе ранніе теоретики конституціоннаго государства въ Германіи готовы были понимать самую роль представительныхъ учрежденій въ отрицательномъ смыслѣ силы, лишь ограничивающей монархическую власть, но другіе не прочь были приписывать этой роли и болѣе положительное значеніе, т. е. признавать ей извѣстную активность, выражающуюся въ содѣйствіи, оказываемомъ государю при осуществленіи имъ нѣкоторыхъ своихъ правъ, какъ это признавалъ даже вѣнскій заключительный актъ [1], — въ содѣйствіи, которое предполагаетъ соглашеніе между обѣими сторонами. Мы знаемъ, напри-

[1] См. выше, стр. 242.

мѣръ, что въ Пруссіи въ эпоху выработки конституціи королевская власть прямо противополагала стремленіямъ національнаго собранія стать учредительнымъ, т. е. выражать волю народа — свою теорію созданія учрежденій путемъ соглашенія [1]). Отсюда недалеко было до того вывода, какой былъ сдѣланъ позднѣе государствовѣдами Германіи, признавшими одинаковую силу за санкціей государя и рѣшеніями народнаго представательства, — теорія координаціи правъ монарха и правъ народнаго представительства, господствующая теперь въ нѣмецкой литературѣ государственнаго права. По существу дѣла всѣ германскія ученія о конституціонномъ государствѣ во всей своей совокупности восходятъ въ концѣ концовъ къ первоначальной доктринѣ французской революціи, бывшей сочетаніемъ противоположныхъ началъ народовластія и монархіи [2]): въ исторіи политическихъ идей нѣмецкихъ государствовѣдовъ нельзя не видѣть поэтому движенія отъ доктрины хартіи 1814 г. къ доктринѣ, на основаніи которой строилась конституція 1791 г.

Подобнымъ же видоизмѣненіямъ, признаніямъ лишь съ ограниченіями или безусловнымъ несогласіямъ и т. п. подвергалась въ своемъ историческомъ существованіи и другая популярная конституціонная теорія—ученіе о раздѣленіи властей. Французская декларація правъ человѣка и гражданина объявила безусловную необходимость раздѣленія властей и для самаго понятія, и для осуществленія конституціоннаго строя. Это было примѣненіе на практикѣ ученія Монтескье о раздѣленіи властей, какъ объ единственномъ способѣ обезпеченія свободы гражданъ, но само это ученіе коренится своими корнями въ одномъ изъ политическихъ стремленій временъ первой англійской революціи, нашедшемъ свое осуществленіе и въ конституціи Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Этой теоріи, однако, кореннымъ образомъ противорѣчитъ парламентарный строй, признаваемый теперь болѣе совершенною организаціею политической свободы, нежели строй „дуалистическій", основанный на разъединеніи законодательной и исполнительной властей. Въ свое время, когда предстояло еще разрушать старую концентрацію власти, ученіе о раздѣленіи властей указывало на то, въ какомъ же направленіи должно было совер-

---

[1]) См. выше, стр. 396—397.

[2]) См. выше, стр. 182—183.

шаться измѣненіе прежняго строя, именно—въ смыслѣ подчиненіи каждаго вида власти нѣкоторому общему порядку, признаваемому отдѣльными властями за право выше всѣхъ стоящее, но впослѣдствіи началось использованіе той же самой теоріи въ интересахъ защиты „дуализма“ и правъ королевской власти противъ парламентаризма.

На этихъ двухъ примѣрахъ изъ исторіи конституціонныхъ идей мы можемъ видѣть, къ какимъ многообразнымъ выводамъ приходило ихъ теоретическое истолкованіе. Сколько бы ни дѣйствовала здѣсь чистая логика, разъ это не отвлеченныя истины математики, а принципы, имѣющіе ближайшее отношеніе къ политической практикѣ, сама жизнь оказываетъ сильное вліяніе на способы пониманія однѣхъ и тѣхъ же идей. Задача современной государственной науки заключается въ логической и фактической критикѣ какъ теоретическихъ построеній конституціоннаго права, такъ и отдѣльныхъ конституцій съ точки зрѣнія той цѣли, къ осуществленію которой, по самой природѣ своей, должно стремиться народно-правовое государство. Въ этой своей работѣ государственная наука подводитъ теоретическіе итоги подъ политическими фактами, тѣмъ самымъ провѣряя, расширяя и углубляя болѣе или менѣе установившіяся уже положенія, однако, отнюдь не для того, чтобы возводить на степень принциповъ тѣ или другіе фактическіе результаты того или другого реальнаго соотношенія силъ. Напротивъ того, наука должна постоянно провѣрять принципы болѣе идейнаго происхожденія, потому что задача ея имѣетъ также и творческую сторону, заключая въ себѣ не только объясненіе существующаго, но и установленіе должнаго, въ смыслѣ цѣли, и желательнаго, въ смыслѣ совокупности способовъ ея достиженія. Наука должна, въ общемъ, идти параллельно съ жизнью, хотя бы въ частностяхъ отъ нея отставая или ее опережая, безъ чего не могло бы быть и необходимаго взаимодѣйствія между мыслью и жизнью. Поэтому и въ нынѣ существующей государственной наукѣ есть положенія, обязанныя всецѣло своимъ происхожденіемъ опыту, но есть и такія, которыя являются продуктами логическаго процесса мысли, дѣлающаго изъ данныхъ посылокъ новые выводы и тѣмъ самымъ предваряющаго опытъ жизни. Конечно, общія истины науки не могутъ быть истинами только для одной какой-либо партіи, ибо наука, разсчитанная только на признаніе въ одномъ государствѣ, въ одномъ сословіи, среди

людей одного образа мыслей, не есть наука. Какъ государство не можетъ диктовать наукѣ свою волю, такъ не могутъ этого дѣлать ей ни соціальные классы, ни политическія партіи. Особенно государственная наука, какъ чистая теорія, не должна находиться въ подчиненіи у партіи или партій, пользующихся властью. Наоборотъ, партійныя идеологіи должны, такъ сказать, сами прислушиваться къ голосу науки. Отношеніе различныхъ партій къ справедливости и истинѣ весьма различно, и потому, съ своей стороны, наука не можетъ не классифицировать и самыя партіи въ смыслѣ ихъ бо́льшаго или меньшаго приближенія къ тому, что сама наука признаётъ за истину. Такъ какъ, далѣе, наука, обязанная идти, по крайней мѣрѣ, въ уровень съ жизнью, не можетъ не принимать въ разсчетъ эволюціи идеи, совершающейся въ жизни, а эта эволюція въ политической и соціальной сферѣ происходитъ, главнымъ образомъ, въ партіяхъ, то и для теоретической разработки государственнаго права партійная жизнь создаетъ все новый и новый матеріалъ, и при томъ не идейный только, но и фактическій, поскольку каждая партія дѣйствуетъ и въ своей дѣятельности идетъ вѣрнымъ путемъ или ошибается, побѣждаетъ или терпитъ пораженія и даетъ либо положительные, либо отрицательные результаты для дальнѣйшаго развитія общества, для его свободы и благосостоянія, для торжества истины и справедливости, для господства права. Въ данномъ случаѣ важная роль принадлежитъ историческому изученію политической жизни въ ея общественныхъ движеніяхъ, въ ея учрежденіяхъ, въ ея партійныхъ идеологіяхъ. Исторія политическихъ идей освѣщается исторіей политическихъ учрежденій, которая сама получаетъ свое освѣщеніе изъ исторіи политическихъ идей.

Въ настоящей книгѣ одинаково исключены изъ разсмотрѣнія какъ нынѣ дѣйствующія конституціи, такъ и теперешнія политическія теоріи. Остановившись въ изложеніи исторіи учрежденій приблизительно на 1870 г., мы дополнимъ ее и нѣкоторыми данными изъ исторіи политической литературы середины XIX вѣка, ограничиваясь, впрочемъ, немногимъ.

Во-первыхъ, въ исторіи политической мысли въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія нельзя пройти мимо Джона Стюарта Милля [1]).

---

[1]) Всѣ сочиненія Милля, называемыя дальше, имѣются въ русскомъ переводѣ.

Милль еще въ 1848 г., еще до февральской революціи, издалъ первый томъ „Основъ политической экономіи“, второй томъ которыхъ появился въ 1849 г., т. е. уже послѣ этой революціи. Отмѣчаемъ это обстоятельство въ виду того, что авторъ, бывшій горячимъ сторонникомъ индивидуальной свободы, въ первомъ томѣ не дѣлалъ еще никакихъ возраженій теоріи государственнаго невмѣшательства въ экономическую жизнь, тогда какъ во второмъ онъ уже возставалъ противъ принципа „laisser faire“, въ дальнѣйшихъ же изданіяхъ книги все усиливалъ свою новую точку зрѣнія. Только законы производства онъ считалъ законами природы, законы же распредѣленія—способами, зависимыми отъ людской воли. Онъ привѣтствовалъ трэдъ-юніонизмъ и хлопоталъ, чтобы рабочіе имѣли своихъ представителей въ парламентѣ для защиты интересовъ своего класса. Въ 1859 г. Милль издалъ свою знаменитую книгу „О свободѣ“, самое лучшее, что только было написано на эту тему во второй половинѣ XIX в. Новизна его точки зрѣнія заключалась въ томъ, что индивидуальной свободѣ, по его представленію, можетъ грозить не одно только государство, но и общество. Бываютъ, говоритъ онъ, случаи, когда тираннія общества страшнѣе всевозможныхъ политическихъ тираній. Онъ находилъ, что нигдѣ такъ не ослаблено, какъ въ Англіи, правительственное вмѣшательство, и нигдѣ въ то же время не сильна въ такой степени, какъ въ Англія, тираннія общественнаго мнѣнія. На взглядахъ Милля на индивидуальную свободу сказалось вліяніе Бентама, послѣдователемъ котораго онъ былъ, и Токвиля, идеи котораго популяризировалъ въ Англіи [1]). Не смотря на это, вопросъ о промышленной свободѣ онъ выдѣлялъ изъ общаго вопроса о свободѣ. Въ подчиненіи торговли и производства ограниченіямъ онъ видѣлъ, конечно, стѣсненіе свободы, но въ этомъ случаѣ относилъ его „къ такимъ дѣйствіямъ индивидуума, вмѣшиваться въ которыя общество имѣетъ полное право“. Милль даже прибавлялъ, что „принципъ индивидуальной свободы, будучи совершенно непричастенъ къ доктринѣ свободной торговли, равно непричастенъ и къ бо́льшей части тѣхъ вопросовъ, которые возникаютъ относительно предѣловъ этой доктрины“. Свои мысли на этотъ счетъ онъ и развилъ въ спеціальной главѣ „Основъ политической

---

[1]) Ср. выше, стр. 279 и слѣд. и 284 и слѣд.

экономіи", похоронившей навсегда ученіе чистаго манчестерства [1]).

Но особенно для своего времени важное значеніе получила другая книга Милля—„Разсужденія о представительномъ правленіи", вышедшая въ свѣтъ въ 1861 году и сдѣлавшаяся главнымъ теоретическимъ руководствомъ защитниковъ англійской представительной демократіи. Своею задачею въ этомъ трудѣ Милль поставилъ—указать какъ на сильныя, такъ и на слабыя стороны представительнаго правленія и намѣтить необходимыя въ немъ реформы. Въ его изображеніи представительная форма является наилучшею, такъ какъ она наиболѣе благопріятствуетъ и хорошему управленію, и усовершенствованію національнаго характера. „Права, говоритъ Милль, и интересы какого бы то ни было лица только тогда не игнорируются, когда заинтересованное лицо способно и привыкло ихъ отстаивать: люди вѣрно обезпечиваются противъ зла, угрожающаго имъ со стороны другихъ, только самозащитою". Понятно, что представительство лишь тогда достигаетъ своей цѣли, когда этимъ правомъ пользуются всѣ члены общества, ибо „при отсутствіи естественныхъ защитниковъ исключенные классы всегда подвергаются опасности пострадать въ своихъ интересахъ, и даже тогда, когда послѣдніе принимаются во вниманіе, они разсматриваются совершенно не такъ, какъ разсматривались бы людьми, непосредственно заинтересованными". Рабочіе были устранены изъ парламента, который поэтому и не могъ смотрѣть на возникающіе вопросы жизни глазами рабочихъ. „Къ сожалѣнію, говоритъ по этому поводу Милль, благодѣянія свободы, насколько они до сихъ поръ осуществились, распространились только на одну часть общества". Онъ съ этой точки зрѣнія критиковалъ и тѣ демократическія представительства, которыя не устраняютъ господства одного класса: его желаніе было, чтобы представительство соотвѣтствовало

---

[1]) Въ начавшемъ выходить въ свѣтъ въ 1907 г. „Oxford and Cambridge Review" помѣщена посмертная статья Милля „О соціальной свободѣ" (On social freedom), посвященная, какъ значится въ подзаголовкѣ, „необходимымъ границамъ индивидуальной свободы, которыя проистекаютъ изъ условій соціальной жизни". Здѣсь доказывается неизбѣжность и справедливость извѣстныхъ ограниченій индивидуальной свободы въ интересахъ другихъ, лишь бы только эти ограниченія были лишены характера произвольности и угнетенія.

шаться измѣненіе прежняго строя, именно—въ смыслѣ подчиненіи каждаго вида власти нѣкоторому общему порядку, признаваемому отдѣльными властями за право выше всѣхъ стоящее, но впослѣдствіи началось использованіе той же самой теоріи въ интересахъ защиты „дуализма“ и правъ королевской власти противъ парламентаризма.

На этихъ двухъ примѣрахъ изъ исторіи конституціонныхъ идей мы можемъ видѣть, къ какимъ многообразнымъ выводамъ приходило ихъ теоретическое истолкованіе. Сколько бы ни дѣйствовала здѣсь чистая логика, разъ это не отвлеченныя истины математики, а принципы, имѣющіе ближайшее отношеніе къ политической практикѣ, сама жизнь оказываетъ сильное вліяніе на способы пониманія однѣхъ и тѣхъ же идей. Задача современной государственной науки заключается въ логической и фактической критикѣ какъ теоретическихъ построеній конституціоннаго права, такъ и отдѣльныхъ конституцій съ точки зрѣнія той цѣли, къ осуществленію которой, по самой природѣ своей, должно стремиться народно-правовое государство. Въ этой своей работѣ государственная наука подводитъ теоретическіе итоги подъ политическими фактами, тѣмъ самымъ провѣряя, расширяя и углубляя болѣе или менѣе установившіяся уже положенія, однако, отнюдь не для того, чтобы возводить на степень принциповъ тѣ или другіе фактическіе результаты того или другого реальнаго соотношенія силъ. Напротивъ того, наука должна постоянно провѣрять принципы болѣе идейнаго происхожденія, потому что задача ея имѣетъ также и творческую сторону, заключая въ себѣ не только объясненіе существующаго, но и установленіе должнаго, въ смыслѣ цѣли, и желательнаго, въ смыслѣ совокупности способовъ ея достиженія. Наука должна, въ общемъ, идти параллельно съ жизнью, хотя бы въ частностяхъ отъ нея отставая или ее опережая, безъ чего не могло бы быть и необходимаго взаимодѣйствія между мыслью и жизнью. Поэтому и въ нынѣ существующей государственной наукѣ есть положенія, обязанныя всецѣло своимъ происхожденіемъ опыту, но есть и такія, которыя являются продуктами логическаго процесса мысли, дѣлающаго изъ данныхъ посылокъ новые выводы и тѣмъ самымъ предваряющаго опытъ жизни. Конечно, общія истины науки не могутъ быть истинами только для одной какой-либо партіи, ибо наука, разсчитанная только на признаніе въ одномъ государствѣ, въ одномъ сословіи, среди

людей одного образа мыслей, не есть наука. Какъ государство не можетъ диктовать наукѣ свою волю, такъ не могутъ этого дѣлать ей ни соціальные классы, ни политическія партіи. Особенно государственная наука, какъ чистая теорія, не должна находиться въ подчиненіи у партіи или партій, пользующихся властью. Наоборотъ, партійныя идеологіи должны, такъ сказать, сами прислушиваться къ голосу науки. Отношеніе различныхъ партій къ справедливости и истинѣ весьма различно, и потому, съ своей стороны, наука не можетъ не классифицировать и самыя партіи въ смыслѣ ихъ бо̀льшаго или меньшаго приближенія къ тому, что сама наука признаётъ за истину. Такъ какъ, далѣе, наука, обязанная идти, по крайней мѣрѣ, въ уровень съ жизнью, не можетъ не принимать въ разсчетъ эволюціи идеи, совершающейся въ жизни, а эта эволюція въ политической и соціальной сферѣ происходитъ, главнымъ образомъ, въ партіяхъ, то и для теоретической разработки государственнаго права партійная жизнь создаетъ все новый и новый матеріалъ, и при томъ не идейный только, но и фактическій, поскольку каждая партія дѣйствуетъ и въ своей дѣятельности идетъ вѣрнымъ путемъ или ошибается, побѣждаетъ или терпитъ пораженія и даетъ либо положительные, либо отрицательные результаты для дальнѣйшаго развитія общества, для его свободы и благосостоянія, для торжества истины и справедливости, для господства права. Въ данномъ случаѣ важная роль принадлежитъ историческому изученію политической жизни въ ея общественныхъ движеніяхъ, въ ея учрежденіяхъ, въ ея партійныхъ идеологіяхъ. Исторія политическихъ идей освѣщается исторіей политическихъ учрежденій, которая сама получаетъ свое освѣщеніе изъ исторіи политическихъ идей.

Въ настоящей книгѣ одинаково исключены изъ разсмотрѣнія какъ нынѣ дѣйствующія конституціи, такъ и теперешнія политическія теоріи. Остановившись въ изложеніи исторіи учрежденій приблизительно на 1870 г., мы дополнимъ ее и нѣкоторыми данными изъ исторіи политической литературы середины XIX вѣка, ограничиваясь, впрочемъ, немногимъ.

Во-первыхъ, въ исторіи политической мысли въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія нельзя пройти мимо Джона Стюарта Милля [1]).

---

[1]) Всѣ сочиненія Милля, называемыя дальше, имѣются въ русскомъ переводѣ.

Милль еще въ 1848 г., еще до февральской революціи, издалъ первый томъ „Основъ политической экономіи“, второй томъ которыхъ появился въ 1849 г., т. е. уже послѣ этой революціи. Отмѣчаемъ это обстоятельство въ виду того, что авторъ, бывшій горячимъ сторонникомъ индивидуальной свободы, въ первомъ томѣ не дѣлалъ еще никакихъ возраженій теоріи государственнаго невмѣшательства въ экономическую жизнь, тогда какъ во второмъ онъ уже возставалъ противъ принципа „laisser faire“, въ дальнѣйшихъ же изданіяхъ книги все усиливалъ свою новую точку зрѣнія. Только законы производства онъ считалъ законами природы, законы же распредѣленія—способами, зависимыми отъ людской воли. Онъ привѣтствовалъ трэдъ-юніонизмъ и хлопоталъ, чтобы рабочіе имѣли своихъ представителей въ парламентѣ для защиты интересовъ своего класса. Въ 1859 г. Милль издалъ свою знаменитую книгу „О свободѣ“, самое лучшее, что только было написано на эту тему во второй половинѣ XIX в. Новизна его точки зрѣнія заключалась въ томъ, что индивидуальной свободѣ, по его представленію, можетъ грозить не одно только государство, но и общество. Бываютъ, говоритъ онъ, случаи, когда тираннія общества страшнѣе всевозможныхъ политическихъ тираній. Онъ находилъ, что нигдѣ такъ не ослаблено, какъ въ Англіи, правительственное вмѣшательство, и нигдѣ въ то же время не сильна въ такой степени, какъ въ Англія, тираннія общественнаго мнѣнія. На взглядахъ Милля на индивидуальную свободу сказалось вліяніе Бентама, послѣдователемъ котораго онъ былъ, и Токвиля, идеи котораго популяризировалъ въ Англіи [1]). Не смотря на это, вопросъ о промышленной свободѣ онъ выдѣлялъ изъ общаго вопроса о свободѣ. Въ подчиненіи торговли и производства ограниченіямъ онъ видѣлъ, конечно, стѣсненіе свободы, но въ этомъ случаѣ относилъ его „къ такимъ дѣйствіямъ индивидуума, вмѣшиваться въ которыя общество имѣетъ полное право“. Милль даже прибавлялъ, что „принципъ индивидуальной свободы, будучи совершенно непричастенъ къ доктринѣ свободной торговли, равно непричастенъ и къ бо́льшей части тѣхъ вопросовъ, которые возникаютъ относительно предѣловъ этой доктрины“. Свои мысли на этотъ счетъ онъ и развилъ въ спеціальной главѣ „Основъ политической

---

[1]) Ср. выше, стр. 279 и слѣд. и 284 и слѣд.

экономіи", похоронившей навсегда ученіе чистаго манчестерства [1]).

Но особенно для своего времени важное значеніе получила другая книга Милля—„Разсужденія о представительномъ правленіи", вышедшая въ свѣтъ въ 1861 году и сдѣлавшаяся главнымъ теоретическимъ руководствомъ защитниковъ англійской представительной демократіи. Своею задачею въ этомъ трудѣ Милль поставилъ—указать какъ на сильныя, такъ и на слабыя стороны представительнаго правленія и намѣтить необходимыя въ немъ реформы. Въ его изображеніи представительная форма является наилучшею, такъ какъ она наиболѣе благопріятствуетъ и хорошему управленію, и усовершенствованію національнаго характера. „Права, говоритъ Милль, и интересы какого бы то ни было лица только тогда не игнорируются, когда заинтересованное лицо способно и привыкло ихъ отстаивать: люди вѣрно обезпечиваются противъ зла, угрожающаго имъ со стороны другихъ, только самозащитою". Понятно, что представительство лишь тогда достигаетъ своей цѣли, когда этимъ правомъ пользуются всѣ члены общества, ибо „при отсутствіи естественныхъ защитниковъ исключенные классы всегда подвергаются опасности пострадать въ своихъ интересахъ, и даже тогда, когда послѣдніе принимаются во вниманіе, они разсматриваются совершенно не такъ, какъ разсматривались бы людьми, непосредственно заинтересованными". Рабочіе были устранены изъ парламента, который поэтому и не могъ смотрѣть на возникающіе вопросы жизни глазами рабочихъ. „Къ сожалѣнію, говоритъ по этому поводу Милль, благодѣянія свободы, насколько они до сихъ поръ осуществились, распространились только на одну часть общества". Онъ съ этой точки зрѣнія критиковалъ и тѣ демократическія представительства, которыя не устраняютъ господства одного класса: его желаніе было, чтобы представительство соотвѣтствовало

---

[1]) Въ начавшемъ выходить въ свѣтъ въ 1907 г. „Oxford and Cambridge Review" помѣщена посмертная статья Милля „О соціальной свободѣ" (On social freedom), посвященная, какъ значится въ подзаголовкѣ, „необходимымъ границамъ индивидуальной свободы, которыя проистекаютъ изъ условій соціальной жизни". Здѣсь доказывается неизбѣжность и справедливость извѣстныхъ ограниченій индивидуальной свободы въ интересахъ другихъ, лишь бы только эти ограниченія были лишены характера произвольности и угнетенія.

раздѣленію современнаго общества на хозяевъ и рабочихъ. Въ каждомъ классѣ большинство обыкновенно руководится своими классовыми интересами, и только меньшинство подчиняется разуму, справедливости и общему благу: вотъ и нужно, чтобы это меньшинство каждаго класса, вступая въ союзъ съ другимъ классомъ, и давало ему перевѣсъ надъ притязаніями собственнаго большинства, которыя, по мнѣнію меньшинства, не имѣютъ права на побѣду. Такъ какъ, далѣе, при существованіи всеобщаго избирательнаго права численное большинство представителей націи можетъ быть и даже часто бываетъ только меньшинствомъ самого народа, то Милль предлагалъ особую систему „пропорціональнаго представительства", которое устраняло бы указанный недостатокъ. Отстаивая въ принципѣ демократизацію избирательнаго права, онъ, однако, выражалъ опасенія, какъ бы не произошло отъ этого вреда культурнымъ интересамъ отъ необразованности народной массы: политическая реформа должна сопровождаться широкимъ развитіемъ народнаго образованія, ибо невѣжество не можетъ имѣть такого же права на политическую власть, какъ знаніе. Съ этой точки зрѣнія Милль недоумѣвалъ, почему мало развитые мужчины могутъ выбирать, а самыя образованныя женщины нѣтъ. (Въ 1869 г. онъ написалъ еще „О подчиненіи женщины" въ защиту равноправія половъ). Въ его книгѣ мы встрѣчаемся тоже съ аргументаціей противъ двухстепенныхъ выборовъ, ослабляющихъ непосредственное выраженіе народныхъ желаній [1]). Парламентскія реформы 1867 и 1884 г. осуществили главную часть пожеланій Милля, но многое осталось въ области однихъ стремленій. Къ числу такихъ пожеланій относится и равноправіе половъ, которое онъ защищалъ такими же аргументами, какъ и избирательное право рабочихъ. „Всѣ люди, говоритъ онъ, заинтересованы въ хорошемъ правленіи, затрогивающемъ ихъ благосостояніе, и, слѣдовательно, имѣютъ одинаковую нужду въ правѣ голоса для обезпеченія своей доли участія въ его выгодахъ. Если въ данномъ случаѣ (т. е. въ отношеніи избирательнаго права женщинъ) существуетъ какое-либо различіе, то лишь то, что женщины нуждаются въ политическихъ правахъ болѣе, чѣмъ мужчины,

---

[1]) Въ вопросѣ о тайномъ голосованіи Милль не раздѣлялъ идей современной ему демократіи, будучи противъ него, но больше по моральнымъ, чѣмъ политическимъ соображеніямъ.

потому что, будучи физически слабѣе, онѣ испытываютъ большую необходимость въ покровительствѣ законовъ и общества".

Въ особомъ отдѣлѣ книги о представительномъ правленіи Милль изложилъ свое мнѣніе и о мѣстныхъ представительныхъ собраніяхъ. Именно, онъ находитъ непосредственныя собранія приходовъ пережиткомъ старины, требуя, чтобы и въ мѣстной жизни были заведены, какъ онъ выражался, „подпарламенты" (subparliaments), въ которыхъ народъ получалъ бы политическое воспитаніе и подготовлялся бы къ участію въ высшей политической власти. Для ихъ образованія онъ рекомендуетъ всеобщее избирательное право, впрочемъ, съ коррективомъ въ пользу состоятельныхъ классовъ въ видѣ множественныхъ вотумовъ [1]); старую систему мѣстнаго управленія онъ прямо называетъ болѣе аристократическою, чѣмъ сама палата лордовъ. Исполнительными органами „подпарламентовъ" должны быть свѣдующія лица, назначаемыя на свои должности отвѣтственными главами мѣстнаго управленія. Центральной власти Милль отдавалъ лишь контроль за мѣстнымъ управленіемъ, возлагая на нее и обязанность помогать послѣднему совѣтами и общимъ руководствомъ въ вопросахъ принципіальнаго характера. „Власть, говоритъ Милль, должна быть локализована, но знанія, чтобы быть наиболѣе полезными, могутъ быть централизованы!" И эта часть ученія Милля оказала большое вліяніе на муниципализацію и демократизацію управленія, о которой рѣчь шла въ своемъ мѣстѣ [2]).

Введеніе конституцій на материкѣ Западной Европы въ серединѣ XIX в., какъ и стремленіе къ демократическимъ реформамъ въ Англіи, вызвало цѣлый рядъ политическихъ трактатовъ, освѣщавшихъ конституціонное государство съ новыхъ точекъ зрѣнія.

Намъ уже пришлось въ этой книгѣ встрѣтиться съ именемъ извѣстнаго нѣмецкаго государствовѣда Лоренца Штейна, автора двухъ сочиненій о соціальномъ движеніи во Франціи [3]). Въ одномъ изъ нихъ, написанномъ въ началѣ сороковыхъ годовъ, онъ предсказывалъ, что „ближайшая революція можетъ быть

---

[1]) См. выше, стр. 306, гдѣ говорится о принятіи такого „vote plural" въ бельгійскую конституцію въ 1894 г.

[2]) См. выше, стр. 427—429 и 433—434.

[3]) См. выше, стр. 344—345.

только соціальной", а въ другомъ, появившемся въ свѣтъ въ въ 1850 г. и разсматривавшемъ исторію соціальнаго движенія во Франціи съ 1789 г., онъ уже имѣлъ право говорить объ исполненіи своего предсказанія. Въ этомъ второмъ трудѣ онъ занялся установленіемъ понятія общества, взятаго, главнымъ образомъ, въ своей экономической основѣ „съ зависимостью тѣхъ, которые ничего не имѣютъ отъ тѣхъ, которые имѣютъ". Между обществомъ и государствомъ, говоритъ Лоренцъ Штейнъ, отношенія могутъ быть разныя, и наряду съ прочимъ существовать борьба. Представительство разсматривалось имъ при этомъ, какъ „органъ, посредствомъ котораго общество (т. е. господствующій классъ общества) господствуетъ надъ государствомъ", но такъ какъ государственная власть должна содѣйствовать интересу всѣхъ отдѣльныхъ лицъ безъ различія ихъ положеній, то Штейнъ и считалъ необходимою въ государствѣ такую власть, которая стояла бы выше противоположности частныхъ, а слѣдовательно, и классовыхъ интересовъ. Напоминая нѣкоторымъ образомъ ученіе Бенжамена Констана о королевской власти [1]), теорія Штейна возлагала функціи высшаго регулятора на монарха со всѣмъ подчиненнымъ ему персоналомъ должностныхъ лицъ государства. Онъ указывалъ на возможность различныхъ отношеній монархіи къ господствующимъ классамъ общества и съ этой точки зрѣнія осуждалъ политику всѣхъ прежнихъ монархическихъ правительствъ Франціи, но нормальнымъ онъ признавалъ лишь одно отношеніе, которое и рекомендовалъ монархической власти въ Германіи, именно: такое поведеніе королевской власти, когда она „самодѣятельно, противъ воли и естественнаго стремленія господствующаго класса борется за возвышеніе низшаго, соціально и политически подчиненнаго класса и въ этомъ направленіи осуществляетъ ввѣренное ей государственное верховенство". Этими словами Лоренцъ Штейнъ ставилъ передъ конституціонною монархіею задачу служенія соціальной идеѣ. Жизненная практика нѣмецкихъ правительствъ оказалась весьма далекою отъ выставленнаго знаменитымъ государствовѣдомъ идеала соціальной королевской власти, и однимъ изъ фактовъ, наиболѣе бывшимъ съ нимъ въ противорѣчіи, являлась прусская конституція, изданная въ томъ же году, какъ и вторая книга Лоренца Штейна. Мы знаемъ, наприм., прусскій изби-

---

[1]) См. выше, стр. 276.

рательный законъ чисто классоваго характера [1]). Въ пятидесятыхъ годахъ XIX в. прусское представительство прямо было въ обладаніи консервативно-конституціоннаго союза, объединившаго дворянство, чиновничество и бюргерство и сознательно усиливавшаго королевскую власть, какъ оплотъ консервативныхъ интересовъ. Наиболѣе реакціонные элементы прусскаго общества прямо стремились къ тому, чтобы заставить королевскую власть служить сословнымъ интересамъ и при помощи самой же конституціи подрывать конституціонализмъ въ пользу абсолютизма. Это было не только далеко отъ идеала Л. Штейна, но было полною его противоположностью. Въ своей появившейся въ 1861 г. „Системѣ пріобрѣтенныхъ правъ", сочиненіи, представлявшемъ собою „опытъ примиренія положительнаго законодательства съ философіей права", будущій организаторъ германской рабочей партіи, Лассаль, даже прямо доказывалъ, что все прусское аграрное законодательство съ 1850 г. было „противозаконнымъ и противорѣчащимъ собственному правовому сознанію власти грабежомъ бѣдняка въ пользу богатой землевладѣльческой аристокрстіи".

Возникшій въ шестидесятыхъ годахъ въ Пруссіи конституціонный конфликтъ [2]) далъ поводъ тому же Лассалю бросить новый свѣтъ на прусскую конституцію, — эпизодъ, имѣющій для конституціонной идеологіи и болѣе общій интересъ. Еще въ названномъ трудѣ о пріобрѣтенныхъ правахъ онъ выдвигаетъ впередъ это понятіе объ „erworbene Rechte" въ смыслѣ правъ, добытыхъ личностью путемъ ея собственнаго дѣйствія и воли. Эти права не могутъ считаться незыблемыми и непреложными, такъ какъ подлежатъ отмѣнѣ каждый разъ, когда уничтоженія отжившихъ формъ требуетъ общенародное сознаніе, представляющее въ каждомъ историческомъ періодѣ единственные основу и источникъ права. Отмѣна такого учрежденія, какъ крѣпостничество, разъ совершилось измѣненіе въ народномъ правосознаніи, отнюдь не была нарушеніемъ права. Въ 1862 г. Лассаль произнесъ въ нѣсколькихъ собраніяхъ либеральной партіи и напечаталъ отдѣльною брошюрою рѣчь „О сущности конституціи" [3]). Его не удовлетворяли формально-юридическія опредѣленія конституціи, дающія „только внѣш-

[1]) См. выше, стр. 398.

[2]) См. выше, стр. 403—404.

[3]) Имѣется въ русскомъ переводѣ и не въ одномъ изданіи.

нія описанія того, какимъ образомъ дѣлается конституція, и что она дѣлаетъ, но не говорящія о ея сущности": эти опредѣленія „одинаково примѣнимы къ любому листу бумаги, который подписанъ націей или націей и ея королемъ". Конституція есть даже не законъ въ обычномъ смыслѣ слова, т.-е не просто законъ, а основной законъ, „въ представленіи же о причинѣ, основаніи лежитъ идея нѣкоторой дѣйствующей необходимости или постоянно дѣйствующей силы, которая съ необходимостью дѣлаетъ это основаніе тѣмъ, чѣмъ оно является". Если конституція составляетъ основной законъ страны, то она „должна быть постоянно дѣйствующею силою, которая съ необходимостью дѣлаетъ тѣмъ, чѣмъ они есть, и всѣ другіе законы и учрежденія данной страны". То, что тутъ Лассаль имѣлъ въ виду, онъ опредѣлилъ, какъ „фактическое соотношеніе силъ, существующее въ данномъ обществѣ". Частями этой небумажной конституціи являются, въ пониманіи Лассаля, король, въ распоряженіи котораго находятся войско и пушки, „дворянство, вліяющее на дворъ и на короля", крупные промышленники, банкиры, биржа, въ „извѣстныхъ предѣлахъ общая культурность, общее сознаніе", а „въ извѣстныхъ, самыхъ крайнихъ случаяхъ" и весь народъ. „Эти фактическія соотношенія силъ, продолжаетъ Лассаль, записываютъ на бумагѣ, придаютъ имъ письменное выраженіе, и какъ только они записаны, они уже не только являются реальными соотношеніями силъ, но и правомъ, правовыми учрежденіями". Примѣръ прусской классной системы избирательнаго права, по которой въ первомъ разрядѣ, въ 1849 г., числилось лишь около 150 т. избирателей, во второй тоже только 400 т., а въ третьей уже болѣе двухъ съ половиною милліоновъ [1]), былъ для Лассаля лучшей иллюстраціей того, какъ происходитъ „переписываніе на бумагу фактическихъ соотношеній силъ". Къ тому же приводили Лассаля и ссылки на параграфы конституціи, говорящіе о томъ, что „король назначаетъ на всѣ мѣста въ арміи", но что „армія не присягаетъ конституціи",—параграфы, создающіе для короля совершенно исключительное положеніе. Разъ въ обществѣ происходятъ измѣненія дѣйствительныхъ соотношеній силъ, и старые законы публичнаго права теряютъ свою силу, является потребность въ писанной конституціи, но „тамъ, гдѣ писанная конституція не

---

[1]) Ср. выше, стр. 398.

соотвѣтствуетъ дѣйствительной, рождается конфликтъ, которому нельзя помочь, и при которомъ писанная конституція, этотъ листъ бумаги, съ теченіемъ времени неминуемо должна быть побѣждена дѣйствительною конституціей—реальнымъ, дѣйствительнымъ соотношеніемъ данныхъ общественныхъ силъ". Такъ освѣщалъ Лассаль для своихъ современниковъ совершавшійся въ Пруссіи конфликтъ палаты съ правительствомъ,—конфликтъ, въ которомъ дѣйствительная конституція, бывшая въ распоряженіи власти, побѣждала конституцію писанную, оправдывавшую притязанія народнаго представительства. Отсюда Лассаль дѣлалъ характерный для періодовъ борьбы за конституцію выводъ, что „конституціонный вопросъ прежде всего—вопросъ силы, а не вопросъ права". Это заявленіе Лассаля очень возмутило либераловъ, но онъ въ особой брошюрѣ „Сила и право" объяснялъ, что если бы ему пришлось творить міръ, то онъ, конечно, далъ бы въ немъ перевѣсъ праву надъ силой, такъ какъ это соотвѣтствуетъ его этикѣ, но что онъ не виноватъ, если въ дѣйствительности, которую онъ только и старался разъяснить, дѣла идутъ совершенно инымъ образомъ.

Въ другой своей рѣчи Лассаль, подчеркивая, что самъ онъ принадлежитъ „къ лагерю чистой и крайней демократіи", отмѣтилъ, что его теорію конституціи нашли безусловно правильною и одинъ изъ органовъ крайней реакціонной прессы (Kreuzzeitung), и сами министры съ Бисмаркомъ во главѣ, заявившимъ въ палатѣ, что „юридическіе вопросы такого рода рѣшаются обыкновенно не противопоставленіемъ спорныхъ теорій, а лишь постепенно посредствомъ государственно-правовой практики". Пруссіи, гдѣ въ писанной конституціи не осталось ни одного живого мѣста (Лассаль сравнилъ ее съ изодраннымъ и пробитымъ знаменемъ, побывавшимъ въ ста сраженіяхъ), онъ противопоставилъ Англію, гдѣ „дѣйствительное управленіе конституціонно, вслѣдствіе чего перевѣсъ реальныхъ фактическихъ средствъ, даже организованной силы находится на сторонѣ народа". Прусскія отношенія онъ понималъ слѣдующимъ образомъ. Старый абсолютизмъ не желаетъ болѣе быть въ постоянномъ противорѣчіи съ общественными отношеніями силъ и подвергать себя риску повторенія сорокъ восьмого года, и наилучшимъ средствомъ для продленія своего существованія призналъ „лже-конституціонализмъ, т.-е. конституцію, въ которой права народа и его представителей не

обезпечены никакой реальной гарантіей и низведены до минимума". Къ той же категоріи лже-конституціонныхъ государствъ Лассаль относилъ и Францію Наполеона III, и Австрію, съ 1860 г. объявившую переходъ къ представительной системѣ, но и само существованіе лже-конституціонализма было для него лишь свидѣтельствомъ того, что въ современныхъ условіяхъ европейскихъ государствъ кроется причина, благодаря которой управленіе безъ этихъ формъ болѣе не возможно. Вся бѣда Пруссіи — въ неорганизованности въ ней бюргерства и народа. Лично Лассаль, въ качествѣ соціалиста, всѣ надежды возлагалъ на рабочую демократію, на „четвертое сословіе", идеѣ котораго посвятилъ въ 1862 г. свою знаменитую „Програму рабочихъ" [1]).

Отъ „Коммунистическаго манифеста" Маркса и Энгельса [2]) Лассаль отклонялся въ томъ отношеніи, что въ буржуазіи— въ противность и Луи Блану [3])—видѣлъ не столько извѣстный общественный классъ, сколько „извѣстное общественное направленіе" („превращеніе факта владѣнія въ правовое условіе политической власти"), и что онъ взывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ не къ борьбѣ, а къ единенію классовъ. И дворянство, и буржуазія основывали всегда всѣ общественныя учрежденія на принципахъ своихъ сословій, но какъ-разъ четвертое сословіе, „послѣднее и крайнее сословіе общества, обездоленное, не имѣющее и не могущее выставить никакого исключительнаго ни правового, ни фактическаго условія, которое оно могло бы обратить въ новую привилегію и провести черезъ всѣ учрежденія общества",—какъ-разъ именно это сословіе только и можетъ создать свободу. Ставя государству соціалистическую задачу, Лассаль, подобно Луи Блану [4]), желалъ, чтобы государство приняло формы демократіи, а для этого нужно добиваться всеобщаго и прямого избирательнаго права. Правда, опытъ Франціи въ 1848 и 1849 гг. былъ неудаченъ [5]), но всеобщее и прямое избирательное право казалось Лассалю „единственнымъ средствомъ, собственною силою заглаживающимъ съ теченіемъ времени ошибки, къ которымъ можетъ повести

---

[1]) Имѣется нѣсколько изданій въ рус. перев.

[2]) См. выше, стр. 351—352.

[3]) См. выше, стр. 345—346.

[4]) См. выше, стр. 347—348.

[5]) См. выше, стр. 367, 371 и др.

неудачное пользованіе имъ въ данную минуту: это — копье, само исцѣляющее раны, которое наноситъ“ Мы уже видѣли, что Бисмаркъ согласился на введеніе въ Германіи всеобщаго голосованія подъ вліяніемъ разговоровъ съ Лассалемъ [1]).

Съ различныхъ точекъ зрѣнія теоретики конституціонализма въ серединѣ XIX в. приходили къ одной и той же мысли— о необходимости введенія всеобщаго избирательнаго права, и къ другой еще мысли, что государство должно выполнять и соціальныя задачи. На послѣдней точкѣ зрѣнія сходились и соціалистъ Лассаль, и либералъ Милль, и монархистъ Л. Штейнъ: государство не должно было быть государствомъ для немногихъ, а государствомъ для всѣхъ, ради чего, по требованію такихъ демократовъ, какъ Милль и Лассаль, всѣ должны были бы участвовать въ избраніи народныхъ представителей. Государство, по ихъ несходнымъ въ другихъ пунктахъ ученіямъ, должно сдѣлаться истинно-народнымъ по формулѣ: „все черезъ народъ и все для народа“, и только въ этомъ смыслѣ они были готовы признать за государствомъ названіе государства правового. Этимъ опредѣлились для всѣхъ сознательно-прогрессивныхъ элементовъ общества желательные пути дальнѣйшаго развитія современнаго конституціоннаго государства.

---

[1]) См. выше, стр. 405—406.

ДОПОЛНЕНІЯ и ИСПРАВЛЕНІЯ.

Къ стр. 52—53. „Великая хартія вольностей“ существуетъ въ русскихъ переводахъ въ брошюрахъ *Н. Ясинскаго* (Исторія великой хартіи въ XIII столѣтіи. 1888) и *Д. Петрушевскаго* (Великая хартія вольностей. Изд. „Донской Рѣчи“), а также—съ сокращеніями—въ 1 выпускѣ „Текстовъ конституцій“ *Ѳ. Ѳ. Кокошкина* (1905). Въ этомъ послѣднемъ изд. данъ еще переводъ весьма важнаго „статута о неналоженіи податей“ (1297 г.).

Къ стр. 80. Въ строкѣ 16 сверху слѣдуетъ *licensing*, вм. *licencing*.

Къ стр. 100. Въ строкѣ 19 сверху знаменитый словарь Бэйля по недосмотру названъ „Историческимъ и *философскимъ*“, вм. „Историческій и *критическій*“ (historique et critique).

Къ стр. 108. Переводъ первой „диссертаціи“ Руссо имѣется еще въ изд. фирмы „Свѣточъ“ (1908 г.).

Къ главѣ VII. Уже послѣ отпечатанія листовъ 8—10, на которыхъ находится эта глава, вышелъ въ свѣтъ второй томъ изд. *Гессена* и *Нольде* „Современныя конституціи“, гдѣ читатель найдетъ конституцію Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки (стр. 285 и слѣд). Помѣщенная тамъ же конституція Пенсильваніи (стр. 503 и слѣд.) не та, которая была принята въ 1776 г., а нынѣ дѣйствующая (1873 г.).

Къ стр. 321. Русскій переводъ „Народной хартіи“ имѣется въ книгѣ *Е. Кувшинской* „Борьба рабочихъ за политическую свободу въ Англіи“ (1907).

Къ главѣ XVIII. Въ перечнѣ содержанія этой главы на стр. 331 слова: „Книга Л. Штейна о соціализмѣ и коммунизмѣ“ и „Противоположность буржуазіи и народа“ должны быть поставлены послѣ словъ: „Происхожденіе термина *соціализмъ*“.

Къ стр. 394. Въ строкѣ 14 снизу слѣдуетъ Rumpfparlament, вм. Rumpparlament.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

ПРЕДИСЛОВІЕ. V

ГЛАВА I. **Общая постановка вопроса**. 1

Предметъ настоящей книги.—Значеніе представительства, какъ одного изъ основныхъ признаковъ современнаго государства.—Другой его признакъ—отсутствіе сословныхъ перегородокъ въ обществѣ. — Гарантія государствомъ личныхъ правъ, составляющая третій существенный признакъ современнаго конституціоннаго государства. — Вопросъ о различномъ пониманіи свободы въ древнемъ и въ новомъ мірѣ.— „Народность" современнаго конституціоннаго государства.— Демократическое государство въ древнемъ и новомъ пониманіи.—Отсутствіе крѣпостничества въ конституціонномъ государствѣ. — Задача и методъ изученія конституціоннаго государства въ настоящей книгѣ.—Различія въ способахъ происхожденія средневѣковыхъ и современныхъ представительныхъ учрежденій. — Вліяніе образцовъ и теорій на развитіе конституціонныхъ формъ. — Внутреннія причины въ отдѣльныхъ странахъ, приведшія ихъ къ принятію конституціоннаго строя. — Революціонное его происхожденіе.—Идеологія конституціоннаго строя и идея правового государства.—Соціальныя задачи современнаго государства.

ГЛАВА II. **Происхожденіе представительной системы и общественныхъ вольностей въ новой Европѣ** . . . 16

Отсутствіе представительной системы въ античномъ мірѣ и начало ея во второй половинѣ среднихъ вѣковъ.—Аристократизація древне-германскихъ народныхъ вѣчъ и ихъ продолженіе въ формѣ феодальныхъ курій.—Начало участія го-

СТРАН.

родского сословія въ политической жизни. — Возникновеніе выборныхъ депутатовъ.—Сословный характеръ средневѣкового представительства. —Причины слабости сословныхъ сеймовъ.— Теорія сословной монархіи.—Договорный характеръ политическихъ отношеній въ сословной монархіи.—Феодальное происхожденіе этой черты. — Средневѣковая судебная гарантія личной неприкосновенности. — Отсутствіе въ средніе вѣка государственной опеки надъ общественною жизнью и образованіе общественныхъ союзовъ. — Слабость средневѣкового государства. — Абсолютизмъ средневѣкового католицизма. — Общее значеніе гуманизма и реформаціи въ эманципаціи Западной Европы. — Борьба въ XVI и XVII вв. за свободу совѣсти.—Возстанія протестантскихъ подданныхъ въ XVI в. противъ католическихъ правительствъ. — Историческій примѣръ нидерландской революціи.

ГЛАВА III. **Эпоха абсолютной монархіи и упадка средневѣковыхъ формъ свободы** 34

Господство абсолютной монархіи на Западѣ въ XVI—XVIII в.—Паденіе сословно-представительныхъ учрежденій.— Сосредоточеніе законодательной власти въ рукахъ королей.— Неопредѣленность и шаткость „основныхъ законовъ“ въ абсолютныхъ монархіяхъ XVI—XVIII вв. — Доктрина абсолютизма.—Общій упадокъ старыхъ вольностей въ эту эпоху.— Абсолютизмъ и церковныя дѣла. — Политическое униженіе дворянства.—Паденіе областныхъ, муниципальныхъ и корпоративныхъ вольностей.—Система бюрократической централизаціи и административной опеки и полицейское государство.— Ущербъ личной свободы. — Отрицаніе абсолютнымъ государствомъ духовной свободы личности и общества.—Культурный и соціальный консерватизмъ западно-европейской абсолютной монархіи и его историческія слѣдствія.

ГЛАВА IV. **Англійская конституція до середины XVIII в.** 49

Важность исторіи англійскаго парламента.—Происхожденіе двухъ его палатъ и ихъ состава. — Раннее паденіе въ Англіи сословнаго начала.—Борьба парламента съ королевскою властью въ средніе вѣка.—Права парламента въ вотированіи субсидій, изданіи законовъ и контролированіи королевскихъ совѣтниковъ. — Абсолютизмъ въ Англіи при Тюдо-

СТРАН.

рахъ. — Возобновленіе политической борьбы при Стюартахъ и осложненіе ея борьбою религіозною.—Общій ходъ англійской исторіи въ эпоху двухъ революцій XVII в. – Предметы борьбы парламента съ королевскою властью при Стюартахъ.— Политическое законодательство эпохи: „петиція о правахъ", „трехгодичный актъ", „актъ о присягѣ", „habeas-corpus-act", „билль и декларація правъ". – Значеніе второй англійской революціи. — „Актъ объ устроеніи". — Возникновеніе парламентарнаго министерства.—Ученіе Блэкстона о правахъ парламента.—Установленіе въ Англіи вѣротерпимости и свободы печати. — Принципъ господства права.— Олигархическій характеръ избирательной системы XVIII в.

ГЛАВА V. **Англійскія политическія ученія XVII вѣка** . 84

Отраженіе англійской политической борьбы XVII в. въ литературѣ.—Абсолютистскія воззрѣнія Іакова I. — Англійская публицистика около 1640 г. — Государственное право англійской республики.—Политическіе трактаты Мильтона и Вэна. — Левеллерское движеніе и его литературное проявленіе.—Государственная идея Кромвелл.—Вопросъ объ исключеніи герцога Іоркскаго изъ права престолонаслѣдія.—Политическіе трактаты Фильмера и Альджернона Сиднея.—Начало раціоналистическаго вольномыслія и его вліяніе на политическія ученія.—Противоположность государственныхъ теорій Гоббза и Локка.—„Письма о вѣротерпимости" и „Трактатъ о правительствѣ" Локка. — Общее вліяніе Локка на философію XVIII в. .

ГЛАВА VI. **Французскія политическія ученія XVIII вѣка.** 98

Важное значеніе французской литературы XVIII в.—Начало оппозиціоннаго теченія во французской литературѣ XVIII в.—Англійскія вліянія въ „философіи" XVIII в.—Французскіе сторонники просвѣщеннаго абсолютизма и ихъ программа. — Конституціонная теорія „Духа законовъ" Монтескье.—„Общественный договоръ" Руссо.—Сравненіе между ученіями Монтескье и Руссо.—Политическіе взгляды Мабли и д'Аржансона. — Мемуаръ Тюрго о муниципалитетахъ.— Публицистическія сочиненія Мирабо. — Брошюрная литература 1789 г. — Американофильство въ эпоху французской революціи.—Экономическая теорія физіократовъ.—Крестьян-

СТРАН.

скій и рабочій вопросы въ публицистикѣ XVIII в.—Наказы 1789 года и вліяніе политическихъ и экономическихъ идей французской литературы XVIII в. на революцію 1789 г.

ГЛАВА VII. **Основаніе великой демократической республики въ Сѣверной Америкѣ** 127

Недемократичность европейскихъ республикъ въ средніе вѣка и въ новое время. — Занесеніе въ Сѣверную Америку англійскими эмигрантами XVII в. демократическихъ порядковъ.—Связь ихъ съ политическими ученіями первой англійской революціи.—Устройство сѣверо-американскихъ колоній Англіи.—Причины ихъ возстанія.—Виргинская и другія декларацiи правъ.—Сѣверо-американская декларація независимости. — Конституціи отдѣльныхъ штатовъ и конституція всего союза.—Вліяніе американской революціи на французскую 1789 года.

ГЛАВА VIII. **Историческое значеніе французской революціи** 147

Мѣстное и общеевропейское значеніе французской революціи.—Роль стремленія къ свободѣ въ исторіи ея возникновенія, общаго хода и исхода.—Ея общія причины и причины болѣе позднихъ европейскихъ революцій.—Непосредственные результаты революціи для самой Франціи и для остальной Европы. — Неудача конституціонно-монархическаго и республиканскаго опытовъ во Франціи конца XVIII в.—Политическія партіи французской революціи.—Жирондисты и якобинцы.—Классовыя отношенія этой эпохи.—Начало реакціи послѣднихъ лѣтъ XVIII в. и государственный переворотъ 18 брюмера. — Двойственное значеніе наполеоновской эпохи для Франціи и для Европы.

ГЛАВА IX. **Французскія декларацiи правъ человѣка и гражданина** 166

Вліяніе идеи естественнаго права на законодательство французской революціи.—Происхожденіе первой „Декларацiи правъ человѣка и гражданина“.—Текстъ самой декларацiи.—Анализъ ея содержанія по категоріямъ индивидуальной свободы, гражданскаго равенства и народнаго верховенства.—Декларацiи въ жирондистскомъ проектѣ и въ якобинской

СТРАН.

конституціи 1793 г.—Декларація въ конституціи III года.—Отдѣлы объ основныхъ правахъ гражданъ въ позднѣйшихъ конституціяхъ.

ГЛАВА X. **Французскія конституціи конца XVIII вѣка.** 181

Конституція 1791 г., какъ первая писанная конституція въ Европѣ и прототипъ всѣхъ послѣдующихъ.—Отношеніе ея къ политическимъ теоріямъ эпохи.—Положенныя въ ея основу начала народовластія, представительства и раздѣленія властей.—Недовѣріе составителей монархической конституціи къ королевской власти.—Избирательное право по конституціи 1791 г.—Права законодательнаго корпуса.—Положеніе королевской власти и организація власти исполнительной.—Проведеніе основныхъ началъ конституціи въ областяхъ администраціи, суда и церковнаго устройства.—Вопросъ о пересмотрѣ конституціи.—Причины неудачи конституціонной монархіи во Франціи.—Республиканскія конституціи жирондистовъ и якобинцевъ.—Неудача опыта съ республикой.—Конституція III года.

ГЛАВА XI. **Введеніе во Франціи безсословнаго гражданства.** 198

Связь абсолютизма съ привилегіями при старомъ порядкѣ.—Популярность во французской націи идеи объ отмѣнѣ привилегій.—Историческое значеніе ночи 4 августа 1789 г.—Паденіе во Франціи сословнаго строя.—Отмѣна крѣпостничества и феодальныхъ правъ.—Лишеніе духовенства правъ особаго сословія въ государствѣ.—Распродажа національныхъ имуществъ.—Уничтоженіе старыхъ корпорацій.—Выработка новаго гражданскаго права.—Значеніе Наполеонова кодекса.—Прочность соціальныхъ пріобрѣтеній революціи во Франціи.

ГЛАВА XII. **Общій взглядъ на реакцію противъ французской революціи.** 211

Противодѣйствіе французской революціи со стороны французскаго двора, эмигрантовъ и иностранныхъ державъ.—Начало идейной борьбы противъ революціи въ концѣ XVIII в.—Реакція при Наполеонѣ I.—Принципы вѣнскаго конгресса и Священнаго союза.—Феодально-клерикальная реакція эпохи реставраціи.—Международная борьба съ революціей въ двадцатыхъ годахъ XIX вѣка.—Реакція противъ французской революціи въ Англіи.

СТРАН.

ГЛАВА XIII. **Начало распространенія конституціонныхъ учрежденій** 225

Три момента въ первомъ распространеніи въ Европѣ конституціонныхъ учрежденій. — Основаніе французами въ концѣ XVIII в. новыхъ демократическихъ республикъ.—Формальное признаніе представительства въ наполеоновскую эпоху. — Сохраненіе Александромъ I сейма въ Финляндіи.— Испанская конституція 1812 г. и ея особое значеніе.— Норвежская конституція 1814 г. — Введеніе конституціи въ Сициліи.—Французская конституціонная хартія 1814 г.—Дополнительный актъ 1815 г. — Конституція вновь образованнаго Царства Польскаго. — Конституціонный принципъ на вѣнскомъ конгрессѣ. — Конституціи южно-германскихъ государствъ.—Вопросъ о конституціи въ Пруссіи.

ГЛАВА XIV. **Политическая борьба въ эпоху реставраціи и сущность либерализма** 251

Борьба реакціи и либерализма въ двадцатыхъ годахъ XIX вѣка.—Южно-романскія революціи этой эпохи.—Классовая подкладка борьбы либерализма и реакціи.—Политическая борьба во Франціи при Людовикѣ XVIII и Карлѣ X.— Торіи и виги въ началѣ XIX в. и образованіе демократической партіи въ Англіи.—Вопросъ о парламентской реформѣ, свободѣ печати и собраній и равноправіи католиковъ. — Общая характеристика либерализма эпохи. — Политическое ученіе Бенжамена Констана. — Политическая теорія Бентама.—Взаимныя отношенія либерализма и демократіи.—Политическіе взгляды Токвиля. — Экономическій либерализмъ школы Адама Смита. — Соединеніе экономическаго либерализма съ политическимъ.—Движеніе въ пользу государственнаго невмѣшательства въ экономическую жизнь.

ГЛАВА XV. **Революціонныя движенія 1830 года** . . . 295

Оживленіе либерализма въ концѣ двадцатыхъ годовъ XIX вѣка.—Іюльская революція во Франціи.—Измѣненія во французской конституціонной хартіи.—Общее значеніе этого переворота. — Отпаденіе Бельгіи отъ Нидерландскаго королевства.—Бельгійская конституція. — Революціонныя движенія въ Германіи и въ Италіи. — Новыя конституціи въ первой изъ этихъ странъ.—Польское возстаніе 1830 г. и отмѣна

СТРАН.

конституціи въ Польшѣ. — Вліяніе іюльской революціи на Англію. — Проведеніе первой парламентской реформы въ Англіи и ея слѣдствія.—Конституціонный вопросъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ XIX вѣка.

ГЛАВА XVI. **Демократическія стремленія въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ XIX вѣка** 315

Возобновленіе демократическаго движенія послѣ 1830 г.—Его оппозиціонный характеръ по отношенію къ буржуазіи.—Французскіе республиканцы временъ іюльской монархіи.—„Народная хартія“ въ Англіи и вызванное ею чартистское движеніе.—Демократическія движенія въ Германіи и въ Швейцаріи.—„Молодая Италія“ и „Молодая Европа“.—Новыя направленія въ философіи и политическій радикализмъ.—Роль польскихъ эмигрантовъ и евреевъ въ революціонномъ броженіи эпохи. — Осложненіе политическаго движенія соціальнымъ.—Національныя движенія первой половины XIX вѣка.—Прогрессивная и реакціонная стороны національныхъ движеній эпохи.

ГЛАВА XVII. **Возникновеніе соціальнаго движенія въ первой половинѣ XIX вѣка** 331

Взаимныя отношенія политическихъ и соціальныхъ движеній вообще и въ новой исторіи въ частности.—Соціальный элементъ чешской и нѣмецкой реформаціи, первой англійской революціи и революціи французской.—Были ли якобинцы соціалистами? — Заговоръ Бабёфа. — Крестьянскій вопросъ въ XIX в.—Сущность индустріальной революціи конца XVIII и начала XIX в. и возникновеніе рабочаго вопроса.—Отношеніе къ нему государства. — Соціальныя утопіи первой половины XIX в.—Происхожденіе термина „соціализмъ“.—Книга Лоренца Штейна о французскомъ соціализмѣ и коммунизмѣ.—Противоположность буржуазіи и народа.—Установленіе связи демократизма съ соціализмомъ.—Соціально-политическія ученія Луи-Блана и Маркса.—„Коммунистическій манифестъ“.—Вліяніе соціализма на событія 1848 г.

ГЛАВА XVIII. **„Сорокъ восьмой годъ“**. 352

Обширность области и быстрота распространенія революціи 1848 г.—Абсолютныя и конституціонныя монархіи передъ

СТРАН.

1848 г. — Борьба съ абсолютизмомъ за конституцію въ первыхъ изъ нихъ и за демократизацію учрежденій въ послѣднихъ.—Вообще демократическій характеръ революціи 1848 г. и роль въ ней республиканскаго направленія.—Значеніе національныхъ движеній въ революціи 1848 г.—Соціальная сторона революціи 1848 г. — Участіе въ событіяхъ этой эпохи буржуазіи и народныхъ массъ. — Крестьянскія движенія 1848 г.—Выступленіе рабочаго класса съ соціальными требованіями. — Пораженіе политическихъ, соціальныхъ и національныхъ стремленій 1848 г.—Общая реакція пятидесятыхъ годовъ и возрожденіе прогрессивныхъ движеній въ шестидесятыхъ годахъ.

ГЛАВА XIX. **Установленіе во Франціи республиканскаго строя** 362

Непрочность политическихъ порядковъ, устанавливавшихся во Франціи послѣ великой революціи.—Причины февральской революціи.—Провозглашеніе во Франціи республики и созывъ учредительнаго собранія.—Соціальное движеніе среди рабочихъ и іюньскіе дни.—Конституція 1848 г. и партіи второй республики. — Переворотъ 2 декабря 1851 г. и установленіе второй имперіи. — Судьба республиканской идеи въ эпоху второй имперіи. —Паденіе имперіи и борьба за республику въ началѣ семидесятыхъ годовъ. — Введеніе конституціи 1875 г.

ГЛАВА XX. **Конституціонное объединеніе Италіи** . . . 379

Политическія движенія въ Италіи въ первой половинѣ XIX в. — Исторія 1848 г. въ Италіи. — Сардинская конституція и ея примѣненіе на практикѣ.—Неудача итальянской революціи 1848 г. и реакція пятидесятыхъ годовъ. — Возобновленіе національнаго движенія къ концу пятидесятыхъ годовъ.—Монархическая и республиканская партіи въ вопросѣ о политическомъ объединеніи.—Образованіе Итальянскаго королевства подъ властью Савойскаго дома.—Присоединеніе къ нему Венеціи и Рима. — Позднее возникновеніе въ Италіи соціализма.

ГЛАВА XXI. **Конституціонное объединеніе Германіи** . . 387

Параллель между итальянской и нѣмецкой исторіей въ 1848 — 1871 гг.—Общественныя движенія въ послѣднія вре-

СТРАН.

мена до-мартовской Германіи.—Созывъ соединеннаго ландтага въ Пруссіи. — Мартовская революція.—Франкфуртскій парламентъ и имперская конституція 1849 г. — Борьба за конституцію въ Пруссіи. — Прусская конституція 1850 г. — Общая побѣда реакціи. — Возобновленіе политическаго и соціальнаго движенія въ шестидесятыхъ годахъ.—Конституціонный конфликтъ въ Пруссіи.—Таможенный союзъ и прусскіе планы.—Образованіе рабочей партіи въ Германіи.—Австро-прусское столкновеніе и образованіе Сѣверо-Германскаго союза.—Превращеніе союза въ Германскую имперію.

ГЛАВА XXII. **Образованіе конституціонной Австро-Венгріи** 408

Общая отсталость монархіи Габсбурговъ и ея реакціонная роль въ европейской исторіи XIX в.—Внутреннія отношенія въ Австріи въ первой половинѣ XIX в.—Мартовская революція въ Вѣнѣ и національныя движенія 1848 г.—Конституціонный вопросъ въ Австріи. — Полная побѣда реакціи надъ революціей. — Пораженія Австріи въ войнѣ 1859 г. и начало конституціонныхъ опытовъ въ 1860 г. — Колебанія между централизмомъ, дуализмомъ и федерализмомъ.—Исключеніе Австріи изъ Германскаго союза.—Соглашеніе Австріи съ Венгріей и введеніе нынѣ дѣйствующей въ Австро-Венгріи конституціи.—Избирательныя системы въ Австріи съ 1867 г.

ГЛАВА XXIII. **Демократизація англійскихъ учрежденій во второй половинѣ XIX вѣка** 422

Общій взглядъ на демократизацію избирательнаго права.—Постепенная демократизація англійской конституціи во второй половинѣ XIX в.—Слѣдствія первой парламентской реформы въ Англіи и неудача чартистскаго движенія.—Переходъ Англіи къ свободной торговлѣ и экономическое ея процвѣтаніе. — Новыя парламентскія реформы второй половины XIX вѣка.—Другія реформы эпохи, наносившія ударъ старому аристократическому строю Англіи.—Общій взглядъ на прошлое англійскаго мѣстнаго управленія.—Его демократизація во второй половинѣ XIX в.—Особенности англійскаго рабочаго движенія съ середины XIX в.

СТРАН.

ГЛАВА XXIV. **Рецепція конституціоннаго строя, ея основныя причины и общій ходъ** 435

Окончательный переходъ Западной Европы къ конституціонному строю въ концѣ шестидесятыхъ годовъ XIX в. и запоздалость этого процесса въ Восточной Европѣ. — Рецепція этого строя европейскими колоніями Новаго Свѣта.— Начало конституціонной жизни въ азіатскихъ деспотіяхъ.— Взаимныя отношенія конституціонныхъ заимствованій и дѣйствія внутреннихъ причинъ. — Борьба съ абсолютизмомъ и привилегіями при введеніи конституціоннаго строя. — Основныя причины вражды къ „старому порядку".—Роль среднихъ классовъ и народныхъ массъ въ исторіи политическихъ революцій. — Зависимость исхода борьбы за конституціонный строй отъ реальнаго соотношенія общественныхъ силъ. — Составленіе писанныхъ конституцій. — Воспитаніе правовымъ порядкомъ чувства свободы въ населеніи.—Роль индивидуальной свободы въ установленіи конституціоннаго строя.—Осуществленіе конституціоннымъ строемъ индивидуальной свободы.— Отношеніе конституціоннаго государства къ интересамъ труда.—Политическія партіи въ конституціонныхъ государствахъ.

ГЛАВА XXV. **Идеологія конституціоннаго государства въ серединѣ XIX вѣка** 466

Общій взглядъ на идеологію народно-правового государства.—Исторія идеи народовластія и германская теорія государственнаго права. — Положеніе науки государственнаго права въ конституціонномъ государствѣ.—Политическія идеи Милля и ихъ вліяніе на реформы второй половины XIX в.— Ученіе Лоренца Штейна о соціальной королевской власти.— Взгляды Лассаля на сущность конституціи и на всеобщее избирательное право.—Демократическія тенденціи политическихъ теорій XIX в.

Дополненія и исправленія 486

05-1
TS17

D 299 .K33
Obshchii vzgliad na istoriiu z
Stanford University Libraries
3 6105 041 349 676

D
299
K33

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.